

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации

**Российский центр обучения избирательным технологиям
при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации**

**Политические институты, избирательное
право и процесс в трудах российских
мыслителей XIX–XX веков**

Москва

2008

УДК
ББК

Издание подготовлено в соответствии с Программой исследований Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в области совершенствования законодательства о выборах и референдумах в Российской Федерации и оказания научно-методической помощи участникам избирательного процесса на 2007–2008 годы, утвержденной 31 мая 2007 года Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Авторы концепции проекта и составители:

И.Б. Борисов – кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Ю.А. Веденев – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

И.В. Зайцев – генеральный директор Калужского фонда «Символ»

В.И. Лысенко – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

Научные рецензенты:

Н.А. Богданова – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

В.П. Волков – кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

С.Е. Заславский – доктор юридических наук

Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков / Авторы концепции и составители: **И.Б. Борисов, Ю.А. Веденев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко.** – М., 2008. 944 с.

Материалы хрестоматии отражают процесс осмысления различных аспектов парламентаризма, избирательного права и выборного процесса наиболее яркими и авторитетными представителями политической мысли России в период с начала XIX в. по 50-е гг. XX в.

Издание представляет собой опыт комплексной публикации российских памятников политико-правовой мысли нового и новейшего времени, рассматривающих электоральную проблематику. Издание подготовлено в рамках программы учебно-просветительной деятельности Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и предназначено для системы повышения квалификации членов избирательных комиссий, различных категорий участников избирательного процесса, всех интересующихся проблемами становления и развития институтов политической и электоральной демократии в России.

ISBN 5-93639-067-5

©Коллектив авторов-составителей, 2008
©Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2008

Историографическое введение

Издание хрестоматии «Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв.» осуществляется в соответствии с Программой исследований Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в области совершенствования законодательства о выборах и референдумах в Российской Федерации и оказания научно-методической помощи участникам избирательного процесса на 2007–2008 годы, утвержденной 31 мая 2007 года Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Книга адресована широкому кругу читателей и прежде всего членам избирательных комиссий различных уровней, которые, занимаясь практической работой по организации проведения федеральных, региональных и муниципальных выборов, могут ознакомиться с богатой российской традицией изучения этой области общественных отношений, а также исследователям, изучающим различные аспекты теории и практики избирательного права и электорального процесса, теоретической и прикладной политологии, истории, учащимся средних и высших учебных заведений.

Задачей данного проекта является выявление, подбор и публикация произведений русских политических писателей первой половины XIX – первой половины XX в., в которых рассматриваются различные проблемы теории и практики выборного представительства.

Книга представляет современному читателю широкий спектр мнений, оценок, концепций, сформулированных отечественными мыслителями различных эпох при рассмотрении теории и практики выборного формирования представительных структур в контексте организации властных учреждений как России, так и зарубежных стран.

Проект реализуется в рамках многолетней деятельности по комплексному изучению истории институтов выборов и избирательного права, осуществляемой под эгидой Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Книга логически дополняет и развивает такие издательские проекты, как «Институт выборов в истории России: Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX в.» (2001 г.), «Институт выборов в истории России: библиографический указатель» (2002 г.), «Очерки по истории выборов и избирательного права» (2002 г.), «Политические институты, избирательное право и процесс в трудах западноевропейских мыслителей XVII – начала XX в.: Хрестоматия» (2003 г.), «Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы)» (2008 г.).

Актуальность настоящего издания обусловлена рядом факторов.

В настоящее время российское общество испытывает потребность в разнообразной информации, освещающей принципы функционирования властных институтов, проблемы реализации конституционного права избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, осуществления права на участие в референдумах.

Наряду с работами справочного и юридико-прикладного характера в читательской аудитории неизменно находят отклик издания исторического характера и, в частности, публикации первоисточников: документов, памятников правовой и политико-философской мысли.

Неослабевающий интерес к электоральной сфере стимулирует творческую активность авторов, исследующих понятие выборов методами различных наук: политологии, истории, политической философии, юриспруденции, социологии и многих других.

Систематизация и изучение политико-правового и философского наследия прошлого призваны содействовать распространению в обществе (прежде всего в среде молодежи, учащихся) навыков политической культуры.

Деятельность по правовому образованию граждан и профессиональной подготовке участников избирательного процесса становится условием полноценной политической и электоральной практики. Правовая культура выступает в качестве интегральной характеристики современного общества и составляющих его социальных и иных групп, слоев, общностей и входящих в них индивидов. Она выражает единство правовых ценностей и норм, правовых институтов и учреждений, правового сознания и поведения. Правовая культура индивидов образует собственную структуру, через которую оценивается и санкционируется электоральное поведение граждан.

Изучение опыта интеллектуальной борьбы за определение модели политического представительства в процессе эволюции российской государственности, становления отечественных традиций конституционализма, развития основ народного представительства в прошлом (в особенности в начале XX в.) позволит лучше понимать механизм функционирования современной демократии.

Представляется, что знания такого рода особенно необходимы представителям нового поколения политических и общественных деятелей, юристам, исследователям, публицистам, гражданам, активно участвующим в общественно-политической жизни страны.

Процесс построения правового государства и гражданского общества, решение такой актуальной задачи, как совершенствование избирательной системы Российской Федерации, предполагает, в частности, обращение к классике политической и правовой мысли.

Развитие юридико-политической науки, подготовка новых кадров организаторов выборов невозможны без обеспечения широкой доступности источников политической философии, памятников государственного и публичного права.

Плодотворная разработка какого-либо теоретического или прикладного во-

проса (в настоящем случае – теории и практики выборного представительства) возможна лишь при реконструкции истории предмета. На историческом фоне становятся более отчетливыми характерные, новационные черты современного состояния исследуемого института, явления.

Современным авторам предстоит творчески воспринять идеи конституционализма, накопленные на протяжении длительного исторического периода формирования основ западной цивилизации и тесно связанной с ней российской государственности.

Необходимо отметить, что, в силу объективных обстоятельств, в настоящее время в распоряжении читателя имеется небольшое количество публикаций источников, документов, позволяющих непосредственно познакомиться с историей развития российской политической мысли, анализирующей теорию и практику электорального представительства.

Многие издания, полностью или частично публикуемые в данной книге, являются малодоступными, представляют собой библиографическую редкость, и их воспроизведение окажет существенную помощь читателям, в большинстве своем не имеющим возможности познакомиться с публикациями, хранящимися лишь в крупнейших библиотеках страны.

Полагаем, что выход в свет данной книги будет стимулировать интерес общественности к электоральной проблематике, способствовать появлению новых научных и научно-популярных исследований, посвященных проблемам теории и практики выборного формирования представительных властных структур.

Богатое наследие отечественной политико-правовой мысли может быть плодотворно использовано при анализе дискуссионных проблем современной российской избирательной системы, выработке предложений по совершенствованию избирательных отношений в контексте оптимизации взаимодействия общества и государства, в деятельности, направленной на повышение правовой и политической культуры населения.

Немаловажным представляется расширение области знаний об институте выборов, восприятия их в качестве социокультурного явления, органично присущего отечественному государственно-правовому строительству.

Важнейшей задачей, решаемой данным изданием, является отражение концепций, взглядов, доктрин, принадлежащих мыслителям разных политических течений: демократических, либеральных, реформистских, религиозных, монархических, консервативных.

Разнообразие мнений по вопросам выборного представительства позволяет лучше представить современному читателю сложный, неоднозначный, многомерный характер политического процесса, а также его внутреннюю противоречивость. Тем самым создаются предпосылки для формирования объективной картины состояния отечественной политико-правовой мысли рубежа XIX–XX вв. применительно к проблемам теории и практики избирательных отношений.

Хрестоматия включает как работы, прочно вошедшие в научный оборот, так и труды, не публиковавшиеся в нашей стране после 1917 г.

Принцип расположения текстов в хронологическом порядке, согласно датам их написания, подчинен исторической логике последовательного возникновения и развития тех или иных идей, представленных на страницах антологии.

Ряд памятников историко-правовой мысли, представленных в хрестоматии, открывается работами М.М. Сперанского («Введение к уложению государственных законов», 1809 г.) и Н.М. Карамзина («Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», 1811 г.) – работами, имеющими ключевое значение для осмысления основных направлений развития русской политической литературы XIX–XX вв. и во многом сохранившими свою актуальность и в наши дни.

Далее публикуется первое «философическое письмо» П.Я. Чаадаева (1829–1836 гг.), заложившее традицию т.н. «западничества», и работы А.С. Хомякова («О старом и новом», 1839 г.), И.В. Киреевского («В ответ Хомякову», 1839 г.), возникшие во многом под влиянием идей, высказанных П.Я. Чаадаевым, и положившие начало формирования идеологии «славянофильства». Развитие идей славянофилов иллюстрирует документ более позднего времени – записка «О внутреннем состоянии России», соданная в 1855 г. Константином Аксаковым.

Идеология консервативного патриотизма 30–40-х гг. XIX в. представлена произведениями С.С. Уварова, создавшего знаменитую концепцию «православие, самодержавие, народность», и статьей С.П. Шевырева «Взгляд русского на образование Европы» (1841 г.).

Режим жесточайшей правительственной цензуры 30–40-х гг. XIX не позволял обществу гласно ставить и обсуждать проблемы реформирования политического строя, путей применения в России институтов народного представительства. Лишь в заграничной, неподцензурной печати авторы могли свободно высказывать свои мнения по политическим вопросам, в том числе о введении в России парламентаризма (в частности, в рамках конституционной монархии) и выборного представительства на всех уровнях: от низового до общегосударственного. В качестве ярких образцов трудов эмигрантской либеральной мысли середины XIX в. в хрестоматии приведены извлечения из книги Н.И. Тургенева «Россия и русские» (1847 г.) и работы более позднего периода – статья Б.Н. Чичерина «Современные задачи русской жизни», напечатанная в 1857 г. в сборнике Герцена «Голоса из России», отрывки из книги князя П.В. Долгорукова «О перемене образа правления в России» (1862 г.).

В книге также печатается «Письмо» Белинского к Гюголю (1847 г.), ставшее знаковым событием своей эпохи, и ответ на него Гюголя.

Важнейший этап развития российской политико-правовой мысли относится к эпохе Великих реформ 1860–70-х гг. XIX в., когда значительную актуальность приобрели вопросы модернизации российской государственности. Реальные преобразования, в частности, отмена крепостной зависимости, введение всеобщего земского и городского выборного представительства и все более распространявшаяся в обществе идея о необходимости «увенчания здания» российской государственности, т.е. создания верховного законодательного органа, депутаты которого в той или иной форме избирались бы населением, – все это придало но-

вый импульс исследованиям в области политической философии.

В хрестоматии публикуются работы авторов либерального направления, в которых рассматриваются различные аспекты государственного строительства. Это Б.Н. Чичерин: «О народном представительстве» (1866 г.); А.Д. Градовский: «О современном направлении государственных наук» (1873 г.), «Задача русской молодежи» (1879 г.); К.Д. Кавелин: «Мысли о выборном начале» (1874 г.).

Во многом благодаря трудам данных авторов в нашей стране были сформулированы, уточнены и обоснованы методами философии (в том числе – философии права и истории) понятия государственного, а также тесно связанного с ним публичного права.

Хрестоматия позволяет познакомиться и с другими мнениями по данной проблематике. Оценка славянофилами итогов и перспектив политического реформирования применительно к проблеме выборного представительства дана в публицистических произведениях И.С. Аксакова («О взаимном отношении народа, государства и общества», «Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующею у нас политической формою правления», «Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами», 1862–1865 гг.).

Существенное место среди материалов книги занимают тексты, принадлежащие авторам консервативного, традиционно-монархического лагеря. Среди них – отрывок из работы «Византизм и славянство» (1875 г.) К.Н. Леонтьева, статья «О либерализме вообще» (1880 г.) того же автора, «Беседа о конституции и о применении представительных начал в государственном управлении» К.М. Базили (1881 г.), статья «Несколько слов по поводу конституционных вожделений нашей «либеральной прессы» (1881 г.) Н.Я. Данилевского, публицистика М.Н. Каткова 1880-х гг., публицистика Л.А. Тихомирова (1891–1893 гг.), работа К.П. Победоносцева «Великая ложь нашего времени» (1896 г.).

Неприятие консервативными авторами западных ценностей предопределило, в частности, их негативное отношение к институту представительной демократии. В их произведениях содержится критика принципа парламентаризма, особенностей функционирования представительных учреждений, избирательной практики зарубежных стран в том виде, в каком она сложилась в XIX – начале XX в. (избирательная коррупция, манипулирование общественным сознанием, деятельность политиков в ущерб национальным интересам и др.).

В хрестоматии достаточно подробно представлена тема становления российского парламентаризма в 1905–1906 гг. Проблемы, связанные с таким важным нововведением в системе властеотношений, каким стало учреждение выборной Государственной думы, активно обсуждались в обществе. В хрестоматии показан широкий спектр оценок и мнений, принадлежащих общественным деятелям различных политических течений.

Либеральный лагерь представлен работами Н.И. Лазаревского («Народное представительство в системе государственных учреждений», 1905 г.), В.В. Водовозова («Всеобщее избирательное право и применение его в России», 1905 г.), М.М. Ковалевского («Действительная природа Государственной думы», 1905 г., «Взаимоотношение свободы и общественной солидарности», 1910 г.),

С.А. Котляревского («Предпосылки демократии», 1905 г., «Проблема демократизации государства», 1906 г.), С.Л. Франка («Проект декларации прав», 1906 г.), Е.Н. Трубецкого («Всеобщее, прямое, тайное и равное», 1906 г.), С.А. Муромцева («Значение происшедших выборов», 1907 г.), Н.И. Кареева («Происхождение современного народно-правового государства», 1908 г.).

Работа В.И. Герье «О конституции и парламентаризме в России» (1906 г.) отражает точку зрения «октябризма» по проблемам демократии и выборного представительства в России.

Представляет интерес восприятие периода «думской монархии» таким оригинальным и самобытным автором, как В.В. Розанов.

В середине 10-х гг. XX в. в российском обществе возникло новое интеллектуальное течение, ставившее перед собой задачи поиска новых путей оптимизации отношений между обществом и верховной властью в целях бесконфликтного развития страны. Опираясь на традиции консерватизма, но творчески переосмысливая их, группа авторов издала в 1909 г. сборник «Вехи», в котором критически рассматривала опыт революции 1905–1907 гг. и стремилась найти новые концепции, способные консолидировать общество, противопоставив революционной идеологии творческий реформизм. В хрестоматии представлены работы ряда авторов-«веховцев»: П.Б. Струве («Интеллигенция и революция» (1907 г.), «Отрывки о государстве» (1908 г.), Б.А. Кистяковского («В защиту права», 1909 г.).

Труды крупнейших представителей российской общественно-политической мысли 10-х гг. XX в. дополняют отрывки из произведений М.Я. Острогорского «Демократия и политические партии» (1911 г.), статья публициста консервативного направления М.О. Меньшикова «Кого выбирать в парламент» (1912 г.).

Значительную часть антологии составляют произведения, созданные авторами русской эмиграции в период 20–30-х гг. XX в.

Среди них – Н.А. Бердяев («Философия неравенства», 1923 г.), П.И. Новгородцев («Демократия на распутье», 1923 г.), Н.С. Тимашев («Мысли о демократическом будущем России», 1924 г.), Ф.А. Степун («Мысли о России», 1924 г., «О свободе», 1927 г.), Н.О. Лосский («Органическое строение общества и демократия», 1925 г.), С.Л. Франк («Духовные основы общества», 1929 г.), Г.П. Федотов («Наша демократия», «О демократии формальной и реальной», 1934–1936 гг.).

Таким образом, материалы книги отражают развитие русской политической философии в постреволюционный период, когда авторами, находящимися в эмиграции, создавались новые идеологические доктрины (в частности, «евразийство»), предпринимались попытки осмысления перспектив развития России в ближайшем и отдаленном будущем. Авторы «Русского Зарубежья» рассматривали современные им публично-правовые институты представительной демократии, анализировали процесс их становления и состояния в конкретные исторические эпохи, тенденции политического и государственно-правового развития России и других стран.

В хрестоматии представлены взгляды авторов нового политико-философского течения – «евразийства», сформировавшегося в эмигрантской среде в процессе поиска новых идеологических ориентиров, потенциально приемлемых для

России: Н.С. Трубецкого «О государственном строе и форме правления» (1927 г.), Н.Н. Алексеева «Евразийцы и государство» (1927 г.), Л.П. Карсавина «Государство и кризис демократии» (1934 г.).

В хрестоматии публикуется доклад И.А. Ильина: «Основы государственного устройства» (1937 г.), отдельные выпуски из сборника «Наши задачи» (1949–1951 гг.) этого выдающегося мыслителя.

Какое же значение имеет наследие русской политико-правовой мысли для решения актуальных проблем современного отечественного выборного представительства?

Тщательное, в некоторых случаях образцовое рассмотрение избранных проблем, делает публикуемые работы актуальными и в наши дни. Читатель имеет возможность оценить вклад авторов хрестоматии в процесс формирования современных представлений в области избирательного права и процесса.

Выборы и демократия – взаимозависимые, но не совпадающие категории. Историческая практика знает множество примеров использования выборов в ситуациях, не предполагающих ротацию и передачу власти по итогам голосования. Демократические, свободные, открытые и конкурентные выборы – итог длительной эволюции социальных, политических и правовых институтов. В современных условиях перехода к системе политической демократии, для которой волеизъявление граждан на выборах является исходным условием легитимности власти, непрерывности, сменяемости и преемственности в деятельности выборных государственных институтов, сама возможность перехода находится в прямой зависимости от последовательного освоения и безусловного соблюдения политических и правовых принципов организации и проведения выборов, культивирования навыков демократического участия граждан в избирательном процессе и понимания ими социального значения периодически проводимых избирательных кампаний.

Традиционный взгляд на выборы как формальную процедуру формирования органов публичной власти является ограниченным и неполным. Выборы – это и институт народовластия, и способ реализации политической правосубъектности граждан, и конститутивное основание государственного строя.

Становление институтов политической демократии проходит по сценарию развития любого исторического процесса, а именно – в условиях параллельного поиска новой структуры организации власти и оформления институтов политического участия граждан в ее осуществлении на федеральном и региональном уровнях.

Особенность современного этапа заключается в его переходности, когда старые институты сохраняют свое влияние на выработку и принятие стратегических решений, а новые еще не обладают необходимыми качествами для адекватного воздействия на политику ее развития и регулирования. Это означает, что в системе и процессах функционирования власти одновременно присутствуют носители противоположных общественных тенденций – модернизации и реставрации, а также олицетворяющие их технологии социального управления – авторитарного (олигархического) и демократического (гражданского), что проявляет-

ся в перманентных институциональных кризисах и конфликтах. Разрешение последних возможно лишь при условии достижения компромисса между ведущими социально-политическими силами и группами, что предполагает, в свою очередь, наличие механизма согласования интересов и позиций.

Реальная возможность блокирования негативных тенденций в социально-экономической и социально-политической сферах общественной жизни заложена в идеологии и практике выборной и представительной демократии. Исторический опыт показал, что характерная черта взаимоотношений между обществом и государством состоит в их взаимном недоверии друг к другу. В новых условиях этим основным действующим лицам отечественной политической сцены необходимо найти публично-правовой язык урегулирования встречных требований и претензий. В ходе исторического развития им и фактически, и юридически было свойственно желание превратить другую сторону прежде всего в объект решения собственных проблем, что и привело к известной деградации государственно-общественных институтов, норм и ценностей. Подобная утилитарная, а по существу антисоциальная и антиправовая позиция как самого общества, так и отчужденного от него государства, обернулась циклическим процессом общественных кризисов, революций и административно-бюрократических реформ, а в конечном итоге – деградацией общего культурного, правового и политического пространства.

Преодолеть взаимное недоверие и отчуждение представляется возможным посредством образования публично-правовой структуры взаимодействия общества и государства, которая стала бы предпосылкой и условием их совместной деятельности и существования. Такой структурой являются институты непосредственной и представительной демократии, благодаря которым власть и граждане, сохраняя условия собственной автономии, воспроизводства и регулирования, сосуществуют в режиме постоянного диалога и взаимоконтроля. Ресурсы их интеграции заключены в модели конституционно-демократической государственности, в рамках которой присутствует реальная возможность включения граждан в процессы выработки и принятия решений по ключевым вопросам общественного развития и ориентации деятельности государственных институтов и учреждений на практическое осуществление этих, а не других решений.

Однако отношения между обществом и государством, властью и гражданином в условиях демократической формы их организации не являются идеальными. Политический гражданский контроль за деятельностью государственных институтов тоже обладает целым рядом конфликтогенных качеств. Демократия порождает свои тупиковые линии поляризации общественных групп и интересов, дилеммы, которые несут в себе негативные тенденции развития, провоцируют кризисы и даже электоральные катастрофы. Такие иррациональные формы демократии, как маргинальная или мнимая демократия, заключают в себе столь же разрушительный потенциал, как тоталитарное или бюрократическое государство. Отсюда настоятельная потребность всесторонне осмыслить это общественно-историческое явление, понять его политическую природу, раскрыть юридическое содержание и гарантировать наименьшие социальные издержки в

ситуации перехода к системе ответственного участия граждан и их выборных представителей в структурах и процессах власти.

Выборы – важнейший институт организации и функционирования публичной власти в современных политических обществах. Они составляют новую проблемную область и сферу профессиональной деятельности. В современной науке феномен власти вообще и выборной власти в частности осмысливается представителями самых различных профессий, и прежде всего юристами, историками, политологами и политиками. Сегодня, как и вчера, политики не только выстраивают конкретные схемы общественного устройства, но и реализуют абстрактные виды стратегии и тактики изменения существующих институтов государственной власти и управления. Юристы не ограничиваются вопросами формулирования норм позитивного права и законодательства, регламентирующего власть в ее необходимых проявлениях, а активно включаются в обоснование политической практики превращения желаемого образа государства и права в реальность.

И лишь историки довольствуются тем, что есть: руинами политического и юридического быта, которые после восстановления их первоначального облика подтверждают, что современные государственно-правовые институты являются не абсолютными категориями, а относительным и преходящим воплощением интересов социально-политических групп, сменяющих друг друга.

Поэтому потребность использования на отдельных этапах общественно-исторической эволюции выборных технологий в процессах и системах власти обнаруживала себя с различной степенью полноты и эффективности, то исчезая из общественно-государственной жизни и исторической памяти, то восстанавливаясь в новых социально-экономических и политических условиях.

Для отечественной социально-политической практики закономерен, исторически обусловлен и нравственно мотивирован интерес к такому институту народовластия, как демократические, конкурентные, периодические выборы в органы государственной власти. Страна слишком долго пребывала в состоянии политического отчуждения населения от власти и собственных гражданских потребностей и интересов, чтобы отказаться от освоения накопленного в этой области опыта правового общения общества и государства, гражданина и власти. Социальная ценность выборов в том и состоит, что они являются одним из существенных моментов политического самоутверждения граждан, политической самоорганизации гражданского общества. Разумеется, формально-юридическая возможность быть субъектом избирательного права не означает наличие способности действительно им быть. Но для этого и существуют выборы как социальный процесс и институт, политико-правовая ценность и механизм развития гражданского политического сознания, чтобы выработать навыки публичного, действительного и полноценного, а не мнимого и иллюзорного участия граждан и их объединений в формировании государственной власти, ответственной перед гражданами и контролируемой ими.

Ю.А. Веденев, И.В. Зайцев

Вступительная статья

Данное предисловие, являясь традиционным по жанру, в определенной степени все же будет вынуждено отклоняться от традиции. Мы не станем разъяснять читателю, что (на самом деле) имел в виду тот или иной автор, произведения которого представлены в данной книге. Мы не станем раскрывать некую «большую логику» развития русской политической мысли, которая как бы из-за кулис вела ее сквозь полуторавековую историю. Чтобы претендовать на разоблачение этой тайной логики, нужно быть как минимум искренним гегельянцем. Но то ли к нашему стыду, то ли к счастью, автор этого предисловия таковым себя считать не может. Тогда зачем же мы рискнули отвлечь внимание читателя от тех драгоценных россыпей русской мысли прошлого и позапрошлого веков, которые хороши и в своем первоизданном, так сказать виде, – безо всякой дополнительной комментаторской «огранки»?

Попробуем ответить. На наш взгляд, прежде чем читать, к примеру, Чаадаева и И. Аксакова, Белинского и Чичерина, Победоносцева и М. Ковалевского, Струве и Бердяева, Федотова и И. Ильина в качестве мыслителей политических, необходимо решить главный вопрос – а можно ли считать их таковыми? То есть: были ли у них как мыслителей именно российских собственно предмет их размышлений – политика? Или, если вспомнить К. Шмитта, – «политическое» как таковое?

Мы задаем эти вопросы отнюдь не из стремления проявить «оригинальность» и огорошить читателя неразрешимыми парадоксами. Мы просто исходим из той реальности, в которой предлагаемые вашему вниманию мыслители по большей части жили и мыслили. А эта реальность, как известно нам всем из любого учебника истории, описывается одним словом – самодержавие. Слово до того привычное, что не всегда вспоминается прямой и непосредственный его смысл, а именно – самовластие. И вот когда мы к этому первичному смыслу обращаемся, тогда и становится понятней, почему мы озаботились, казалось бы, надуманной проблемой: а можно ли наших авторов называть политическими мыслителями?

В самом деле – о каких политических институтах, выборном законодательстве и избирательном процессе могли они размышлять и писать, если в России на протяжении двух последних веков собственно политика присутствовала лишь два десятилетия? Первый раз в период так называемой «думской монархии» 1906–1916 гг., а второй – уже на нашей памяти и при нашем участии – в последнюю декаду века минувшего? Двадцать лет собственно политического опыта на два века – пожалуй, маловато будет. Так стоит ли читать размышления – людей, конечно, недюжинного ума и, безусловно, блестяще образованных, но все же – своего рода «политических дилетантов»?

Для нас ответ однозначен: стоит. Не потому, что они – «наши» или (как кому-то может показаться) – «лучше всех». Дело в том, что именно краткость собственно

политического опыта в российской истории последних двух веков и заставляет нас ценить (не исключено, что и переоценивать), внимательно изучать и, по возможности, использовать все наше мыслительное наследие, являющееся рефлексией «политики» или, точнее, ее отсутствия. Перефразируя заголовок известной книги нашего классика, Россия и политика прожили 200 лет врозь. И чтобы эту рознь нам наконец преодолеть, стоит все-таки потрудиться и понять, как мы прожили эти два века, почему прожили именно так. Не исключено, что такой наш общий труд окажется благодарным и историки последующих веков напишут, что в XXI веке российский парламентаризм имел более счастливую судьбу.

Впрочем, уже упомянутый Гегель резонно заметил, что история человечества учит только тому, что она это самое человечество ничему не учит. И, разумеется, было бы верхом наивности предполагать, что чтение наших интеллектуальных предков сможет кардинально повлиять на современный политический процесс, привив ему, так сказать, антиавторитарный иммунитет. Но если знание прошлого увеличивает наши шансы на то, чтобы улучшить наше будущее, то почему не попробовать? Итак, к делу.

Безумие как высшая политика

Одним из первых в нашем интеллектуальном путешествии предстает Петр Чаадаев. Его знаменитое «Философическое письмо» можно считать самым важным политическим событием российского XIX века. Ни восстание декабристов, ни покушения, а затем и убийство императора Александра II, ни войны, ни освобождение крестьян не означали в судьбе России того, что означили несколько страниц текста по-французски, опубликованные в 1836 году в русском переводе в надеждинском журнале «Телескоп». Поскольку все, что в России и с Россией происходило, не ставило под сомнение факт бытия ее самой. А Чаадаев усомнился именно в этом.

Основания для определения России в качестве исторического «ничто» у нашего «басманного философа» были серьезные. Можно сказать, серьезнее не бывает. Исходя из того, что мир поделен пополам – на цивилизацию Запада и цивилизацию Востока, он задался справедливым вопросом: а может ли быть у мира «третья половина»? Если Россия – не Запад и не Восток, то каков же ее *raison d'être*? Есть ли разумное основание ее бытия?

Сама постановка этого вопроса с очевидным ответом и произвела известный эффект. Николай I лично объявил Чаадаева сумасшедшим и тем самым спас его и от общественного гнева, и, что важнее, от тюрьмы. Ибо одних только намеков на ущербность православия в сравнении с католицизмом вполне хватило бы, чтобы отправить его по этапу за преступление против официального греко-русского вероисповедания.

Но почему чаадаевское письмо стало центральным политическим событием? Дело в том, что наш автор, публикуя свой текст в пространстве самовластия, совершил самое главное преступление: постулируя логическую невозможность России и ее историческое «ничтожество», он как бы изъясил страну из-под управ-

ления самодержца. Одним росчерком пера «упразднил» величайшую мировую империю, лишив ее власть (ее самодержца) той легитимации, в которой она единственно и нуждалась. Легитимации разума. И хотя по спасительном объявлении себя безумцем он попытался в «Апологии сумасшедшего» обнаружить для своей родины легитимацию провиденциальную, возведя Россию в ранг апокалиптической разрешительницы всех проблем человечества, все же и тут перо продолжало упрямо выводить предательские слова.

Вторая часть незаконченной апологии открывается фразой, которая, собственно, и объясняет причину незаконченности: «Есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во всех эпохах нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический»¹. Если Россия в цивилизационном смысле ни то ни се, а лишь чистое пространство, то остальное понятно. Политически она существует лишь вовне – как «великая держава», а внутри – как «самодержавие» – Россия безумна. Следовательно, она объявит безумцем всякого, кто этот диагноз ей поставит.

Самодержавие: между деспотией и республикой

У чаадаевской драмы (в смысле столкновения одинокой мысли с бессмыслием одной шестой части суши) находятся разные причины. И «западничество» автора, и постдекабристская меланхолия, например. Но, похоже, этот феномен можно понять и как логический итог интеллектуальной дуэли между двумя гигантами первой трети русского девятнадцатого века – М.М. Сперанским и Н.М. Карамзиным. Крупнейший государственный деятель и крупнейший историк России сошлись в принципиальной схватке по ключевому вопросу страны – по вопросу о самодержавии. Именно Сперанскому император Александр I поручил разработать основы нового государственного устройства, и Сперанский это поручение выполнил, можно сказать, виртуозно. Его тексты совмещают и теоретическую безупречность, и абсолютно необходимый придворный «политес», и, самое главное, реформаторскую готовность идти до конца.

Во «Введении к уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования)» Сперанский прямо поставил государя перед выбором: либо республика, либо деспотизм. Исходя из классического на то время троякого деления «политических систем» на республиканскую, феодальную и деспотическую, Сперанский констатировал, что в Европе вторая фаза феодальной системы (абсолютная монархия) уже исчерпана и фактически повсюду утверждается система республиканская, основанная на признании за подданными политических свобод. В первую очередь – права участвовать в законодательстве. Таким образом, получалось, что такие политические институты как парламентаризм,

¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 538.

выборы, конституционная монархия – это продукты истории и логический итог западного опыта политического развития. И ни один западноевропейский правитель не мог уклониться от неприятного, но необходимого выбора: не хочешь прослыть деспотом, соглашайся на республиканскую систему с разделением властей и представительным правлением.

В отношении России Сперанский сделал вывод о том, что «в общем движении человеческого разума государство наше стоит ныне на второй эпохе феодальной системы, т.е. в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе»¹. Не ограничившись этим всемирно-историческим, так сказать, обоснованием необходимости государственной реформы, он напрямую пишет о кризисе легитимности существующего порядка. Перечислив такие его признаки, как «перемена в предметах народного уважения», «ослабление власти», «невозможность частных исправлений» и, наконец, «пресыщение и скука от настоящего порядка вещей», Сперанский делает вывод о том, что «настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый вещей порядок»².

Новый порядок по Сперанскому выглядит вполне знакомо. При сохранении института самодержавия он предлагает провести четкое разделение властей исполнительной, законодательной и судебной. При этом создать фактически двухпалатный парламент, в котором верхняя палата (Государственный совет) формируется государем по его выбору, а палата нижняя (Государственная дума) заполняется депутатами от всех свободных сословий.

Право законодательной инициативы (говоря современным языком) Сперанский оставляет за властью исполнительной, но за Госдумой остаются весьма существенные полномочия: «Никакой новый закон не может быть издан без уважения (утверждения – *авт.*) Думы. Установления новых податей, налогов и повинностей уважаются в Думе.

Закон, уваженный в Думе, вносится на Высочайшее утверждение. Закон, признанный большинством голосов неудобным, оставляется без действия»³. За Думой остается право требовать отчета министров и в случае явного нарушения ими «Государственного уложения» (т.е. конституции) делать на них представление государю.

Общим посредником между самодержцем и разделенными властями в плане Сперанского становился Государственный совет, в который входили и министры по должности и который имел свои департаменты для курирования всех направлений государственной деятельности.

Все это предлагалось Сперанским еще в 1808 г. И было реализовано практически полностью – за исключением одного института. Государственной думы, разумеется. В 1810 г. начал работать Госсовет, и Сперанский стал его статс-секретарем. А годом позже появилась записка Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Именно она, дойдя до

¹ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 347.

² Там же. С. 349.

³ Там же. С. 400.

Александра I, и затормозила реформу государственного строя в России. И сыграла далеко не последнюю роль в судьбе Сперанского, который в 1812 году попал в царскую опалу, лишился всех постов и был сослан в Сибирь.

Что же сумел противопоставить Карамзин, казалось бы, железной реформаторской логике Сперанского? Почему император, поставленный перед нелицеприятным выбором: или деспот или республиканец, – не побоялся отвергнуть республиканизм?

Дело в том, что в безупречно продуманном плане Сперанского оставалась одна проблема, которую он постарался завуалировать как можно тщательнее. Формально реформа никак не отменяла сам институт самодержавия и не ограничивала все имевшиеся у императора полномочия. Однако она создавала институт, который фактически обладал правом вето в отношении законотворческой функции государя. Да, в Госдуму законопроект поступал от министров, но государь по определению «есть верховное начало силы исполнительной»¹. И более того, Сперанский предложил такую формулу самодержавного законодательства, которая фактически отменяла его самодержавность. «По праву державной власти и, – внимание! – в порядке, для нее установленном, император есть верховный законодатель, без коего никакой закон совершиться не может»².

Вот тут-то Карамзин и нащупал слабое место в реформе Сперанского. Царю нужно было показать, что при всей самодержавной риторике план государственного переустройства устанавливает для самодержца некий «порядок», который он уже произвольно изменить не сможет. И вот это место карамзинской записки, которое, по-видимому, и задержало введение института «думской монархии» в России на сотню лет:

«В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «Можно, надобно только поставить закон еще выше государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они – угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти, – вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит Устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ?.. Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто»³.

Этот безупречный с логико-процедурной точки зрения аргумент против постановления закона выше государя Карамзин дополняет и совершенно убойным аргументом *ex professo*. Ведь он, будучи официальным историографом империи, фактически обладал монопольным правом интерпретации русской истории.

¹ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 396.

² Там же.

³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 48.

И это право в своей дуэли со Сперанским он использовал сполна. «Самодержавие, – писал он, – основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»¹.

В кого именно метила записка, государю было понятно с самого ее заглавия. Ведь «Введение к уложению государственных законов» начиналось с утверждения, что настоящих гражданских прав не может быть без предоставления прав политических. Нейтрализуя эту идею неразрывной связи двух ключевых прав, Карамзин и обеспечивал императору комфортный выход из, казалось бы, ситуации безвыходной. Отказываясь от монархии конституционной и парламентаризма (республиканской системы), Александр I в логике Карамзина вовсе не становился деспотом. Напротив, он превращался в единственного гаранта бытия России, и эта логика, конечно, оказывалась на порядок важнее, нежели все другие соображения.

Правда, ирония ситуации заключалась в том, что «республиканец» Сперанский всякое правление считал «деспотизмом», а апологет самодержавия («деспотизма») Карамзин в душе был убежденным республиканцем.

В маленькой заметке «Об образе правления» (1804 г.) Сперанский утверждал, что «во всех народах, нам известных, никогда не бывало другого образа правления, кроме деспотического, или, лучше сказать, что различие образов правления деспотического и республиканского состоит только в словах»². А Карамзин в письме к князю П.В. Вяземскому (1818 г.) писал: «Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское платье... Для меня, старика, приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец, и таким умру»³.

Александр I, отвлеченный войной с Наполеоном и последующим устроением Европы с помощью Священного союза, тем не менее идею трансформации монархии абсолютной в конституционную до конца не оставил. В процитированном письме к Вяземскому Карамзин реагирует как раз на проект введения конституционного строя в Царстве Польском, входившем в Российскую империю. Эта идея сильно возмутила будущих декабристов, которые посчитали оскорблением для нации намерение царя начать введение политических свобод с западной окраины империи, а не с самой России. Декабрист Дмитрий Якушкин даже задумал застрелить Александра и тут же застрелиться, как бы имитируя честную дуэль. Конституционная монархия продержалась в Западном крае недолго. Император Николай I после восстания там в 30-е годы парламентаризм искоренил и сознательно предпочел править деспотическим образом.

Об этом есть замечательное, почти документальное свидетельство французского путешественника маркиза де Кюстина, которому Николай изложил свои

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России... С. 48.

² Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 327.

³ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 203–204.

политические воззрения. На одном из приемов он честно заявил: «В России еще существует деспотизм, ибо в нем самая суть моего правления; но он отвечает духу нации»¹. А затем воспроизвел позицию Карамзина: «Мне понятна республика, это способ правления ясный и честный, либо по крайней мере может быть таким; мне понятна абсолютная монархия, ибо я сам возглавляю подобный порядок вещей; но мне непонятна монархия представительная. Это способ правления лживый, мошеннический, продажный, и я скорее отступлю до самого Китая, чем когда-либо соглашусь на него»².

Трудно сказать, понимал ли Николай, что своей формулой он обрекает государственный строй России на революцию – на свержение монархии вместо ее плавной трансформации? Судя по тому, как он ответил на европейскую революцию 1848 года – а именно, ужесточением деспотизма – понимал. Но самое главное, что он фактически исключил из русской жизни «политику» и «политическое» как таковое. Отныне эти слова стали лишь частью Уголовного кодекса и предметом ведения Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

Политика как «третий лишний»

А тем временем в России начали вырабатываться идеологии, поставившие своей целью не борьбу за «политическое», а обоснование принципиального исключения политики как перспективы национального развития. Идеологии эти представляли собой альтернативные видения как российского прошлого, так и будущего и вошли в историю под названием «западничество» и «славянофильство».

Западники, впрочем, отечественным прошлым особо не были озабочены, и если им интересовались, то с целью обнаружить в русской истории черты сходства с историей европейской. Основной тезис западников – Россия есть отсталая, но все же европейская страна, и ее задача заключается в просвещении и ликвидации этой отсталости. Казалось бы, при таком подходе борьба за «политику», за конституционную монархию и республиканизм должна была стать непреложным западническим кредо. Однако с ранними русскими западниками, такими как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, случилась следующая «беда». Они смотрели (и молились) на Запад 30–40-х годов, а там в это время идея социализма предстала как окончательный ответ на все социальные вопросы. И на самый главный вопрос – о социальной справедливости.

Именно социалистическая альтернатива утвердившемуся в Европе либеральному буржуазному республиканизму и захватила русских западников. А потому в их идеологии места для «политики», т.е. для партий, выборов, парламентаризма и прочей институциональной атрибутики представительного правления, естественным образом не нашлось. Эту своеобразную «аполитичность» ярче всего выразил и обосновал Александр Иванович Герцен – покинувший Россию, словно дантовский ад, и ставший свидетелем (почти соучастником) революции 1848

¹Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 211.

²Там же. С. 212.

г. в Париже.

Внимательно следя за всеми перипетиями этого фрагмента революции общеевропейской, он убеждается, что принципиальная война идет не между либералами-республиканцами и консерваторами-монархистами. Пролетариат, как пророчество «нового мира», выступает против тех и других. А значит, «правда» пролетариата отрицает «ложь» всего старого мира – со всей его «политикой» как таковой. «Европа догадалась, благодаря реакции, – писал он, – что представительная система – хитро придуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры общественные потребности и энергическую потребность действовать»¹. После такой догадки вывод очевиден: «Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдет саван прошедшему и пеленки новорожденному»².

С этой верой в социализм как в последнее и окончательное слово западной науки Герцен, а вслед за ним и все так называемые «народники», обращается к России. И зовет не к политическому освобождению, а к окончательному решению «социального вопроса» на базе крестьянской общины. И этот «русский социализм» надолго становится одним из труднопроходимых «блок-постов» на пути российского парламентаризма.

Правда, лично Герцену нужно отдать должное в том, что, когда в России в середине 60-х годов XIX в. «повеяло» протопарламентаризмом и стало возможно писать и публиковать книги о представительном правлении, он из своего эмигрантского «далека» все-таки высказался за парламентаризм. Отвергнув идею парламента в интересах дворянства и традиционный антипарламентаризм бюрократии, предпочитающей «цивилизующий деспотизм», он писал: «Итак, остается созыв «великого собора», представительства без различия классов, – единственное средство для определения действительных нужд народа и положения, в котором мы находимся... Каково бы ни было первое *Учредительное собрание*, первый парламент – мы получим свободу слова, обсуждения и законную почву под ногами»³.

Славянофилы расходились с западниками-социалистами практически во всем. И прошлое России им виделось как альтернатива западной истории, и, соответственно, будущее они хотели уберечь от влияния «гниющего Запада». Крестьянский общинный строй и самодержавие считали они единственными устоями православной империи. А потому и для них «политика» оказывалась тем опасным вирусом, который мог бы в конечном счете разложить здоровое нравственное «ядро» русского народа.

Так появилась славянофильская доктрина, принципиально разводящая «государственность», «политику» и «русский народ». В николаевские времена, когда славянофилов воспринимали как опасных диссидентов, следили за ними и запрещали им печататься, эта доктрина своего публичного выражения не получила.

¹ Герцен А.И. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1986. С. 59.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 525.

Но как только Николай I умер, славянофилы делегировали Константину Аксакову право обратиться к наследнику – Александру II – с изложением их кредо.

И Аксаков в записке «О внутреннем состоянии России» (1855 г.) изложил славянофильский «приговор» политике с беспощадной ясностью и прямоотой. Обращаясь к новому императору, он сразу формулировал основную аксиому доктрины: «Русский народ есть народ не государственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия»¹. Аксиоматический характер этого утверждения он обосновывал таким оригинальным способом: «Будь это хоть немного иначе, давно бы в России была конституция... но русский народ государствовать не хочет»².

Искоренив из российского социума «политическое» как таковое, сняв вопрос о власти с национальной «повестки дня», К. Аксаков обрисовывает то, что остается. Безвластный народ может самостоятельно относиться к полновластному государству только одним способом – через общественное мнение. Поэтому единственная и достаточная свобода для славянофилов – это свобода мысли, слова и публичного высказывания. Чтобы равновесие этой уникальной конструкции поддерживалось, необходимо последовательное соблюдение взаимных обязательств самодержавной власти и безвластного народа. По Аксакову это выглядит следующим образом: «При правильной свободе и нераздельной с ней свободе слова, только и возможна неограниченная благоустроенная монархия; без нее она губительный, душевредный и недолговечный деспотизм, конец которого или падение государства, или революция»³.

Конечно, можно задаться наивным вопросом: как же могут сосуществовать абсолютная свобода «власти» делать что угодно и абсолютная свобода «общества» говорить что угодно? Ведь в лучшем случае мы получим две абсолютно непересекающиеся «вселенные», и в какой-то момент встанет резонный вопрос – а зачем они друг другу нужны?

Вопрос роковой для обеих сторон, но для власти – в первую очередь. Что весьма наглядно продемонстрировала февральская революция 1917 года, упразднившая институт самодержавия буквально в три дня. Но вопрос потому и назван «наивным», что в славянофильской доктрине с исключенным «политическим» ничего другого, кроме «общественного мнения», в принципе не предполагалось. А мнение народа, при его принципиальной негосударственности, вопросов о власти затрагивать естественным образом не могло. Однако в царствование Александра II так полагали далеко не все.

Российский парламентаризм: между бомбой и революцией

Славянофилы устами (точнее – пером) Константина Аксакова убеждали нового императора в том, что в России не может быть ни революционного, ни кон-

¹ См.: Ранние славянофилы. М., 1910. С. 69.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 100.

сервативного элементов, поскольку и то, и другое есть противоположные стороны «политического духа», в русском народе, по определению отсутствующего. Но очень скоро Александру II пришлось весьма наглядно убедиться в обратном. Уже через 10 лет после инаугурации в него стрелял некто Каракозов – ученик Н.Г. Чернышевского по саратовской гимназии. Затем на него покушались еще пять раз, пока на седьмой раз он не погиб от взрыва бомбы.

Злая ирония судьбы заключалась в том, что в день этого убийства – 1 марта 1881 года – император намеревался подписать лежавший у него на рабочем столе указ о созыве в столицу выборных представителей от городского самоуправления и земств. Так теоретическая «бомба замедленного действия», подложенная западниками-социалистами под российскую политику почти полвека назад, сработала как реальная бомба террористов-народовольцев. В результате Александру III довелось и увидеть российский консерватизм, и активно поспособствовать его расцвету. Так переход к представительному правлению на основе конституции в России оказался отсрочен еще на полвека. А ведь казалось – вот-вот..

Так казалось многим в середине шестидесятых, когда после освобождения крестьян от крепостной зависимости страну преобразили сразу несколько реформ. Пала предварительная цензура, был отменен университетский устав, превращавший учебное заведение в казарму. Началась реформа армии, был введен независимый суд – суд присяжных. Учредили и первую ступень представительного правления – городское и земское самоуправление.

На этой волне действительно вполне либеральных реформ и появилось фундаментальное сочинение одного из самых принципиальных русских либералов – Бориса Николаевича Чичерина «О народном представительстве». До сих пор эта книга является одним из лучших (на русском языке) изложением теории и истории форм представительного правления начиная с античности по середину XIX века. А для современников она предстала одновременно и как предвестие конституционализма, и как предупреждение о его опасности.

«Народ, вступающий на конституционный путь, – писал Чичерин, – должен закалить себя на внутренние бури, а не улаживаться мечтами о мирном развитии свободы. Но по этому самому, введение конституционного порядка далеко не всегда представляется желанным. Политическая свобода не везде приносит одинаковые плоды»¹. Самая большая опасность – дисгармония общественных сил, имеющих конфликтующие интересы, их неспособность к компромиссу, к взаимодействию ради достижения общих целей. Но ведь чем дольше откладывается введение представительного образа правления, тем глубже конфликт, тем экстремальнее формы протеста? С этим Чичерин согласен и потому настойчиво предлагал эволюционное подведение российского общества к конституционному строю через промежуточные формы взаимодействия общества и самодержавной власти.

Уже 10 марта 1881 г. он написал статью «Задачи нового царствования», в которой предложил либеральное лекарство от террористического социализма. По-прежнему считая преждевременным «завершение здания» – так на языке того времени обозначалась идея создания парламента (всероссийского народного

¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 176.

представительства), – он полагал уместным достроить еще один этаж в здании «русской свободы». «Политическая свобода, – писал он, – может быть отдаленным идеалом русского человека; насущная потребность заключается единственно в установлении живой связи между правительством и обществом для совокупного отпора разлагающим элементам и для внесения порядка в Русскую землю. Эта цель может быть достигнута приобщением выборных от дворянства и земства к Государственному совету. Конечно, для конституционной жизни подобное учреждение было бы недостаточно, но русский народ получит в нем именно то, что ему нужно»¹.

Очередная ирония состояла в том, что Чичерин направил свою статью человеку, который стал идеологическим символом следующего царствования, точнее – его консервативного и в чем-то реакционного характера. Этим человеком был Константин Петрович Победоносцев – сенатор, член Государственного совета и вскоре – обер-прокурор Святейшего синода. Именно он и представил наиболее глубокую, последовательную и неотразимую критику самого принципа народного представительства – идеи «народоправия».

Свою знаменитую статью «Великая ложь нашего времени» он начинает так: «Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времен Французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастью, в русские безумные головы»². В этой статье Победоносцев указывал на все реальные и неисправимые пороки демократии и всеобщей избирательной системы. Здесь и выбор не самых лучших, а самых «наглых», т.е. самых народу известных – «раскрученных», говоря современным языком. И выбор, всегда совершаемый меньшинством (ср. явку на региональные выборы). И голосование «стадным обычаем». И использование партий для продвижения «своих» людей, а отнюдь не общих интересов. И, в конечном итоге, превращение парламента в «*учреждение, служащее для удовлетворения личного самолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*»³.

Такие блестящие и разносторонне одаренные коллеги Победоносцева по консервативному лагерю, как К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров, также немало потрудились над тем, чтобы интеллектуально и публицистически дискредитировать саму идею «народоправства» в глазах русской общественности. Характерно, что, в отличие от славянофилов, они вынуждены были действовать в контратакующей манере. Их вера в спасительное, нравственно здоровое ядро русского народа убыла до отметки даже не нулевой, а отрицательной. Известно пророчество Леонтьева о том, что русский народ-богоносец, освобожденный от всех пут деспотизма, непременно родит из себя антихриста. Победоносцевское описание России как «ледяной пустыни», по которой «бродит лихой человек», тоже вполне красноречиво. Но тем не менее русские консерваторы четверть века

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 535–536.

² Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 31–32.

³ Там же. С. 34.

стойко держали оборону. Их бастион пал вместе с Манифестом 17 октября 1905 г. Одновременно с провозглашением конституции Николай II отправил в отставку и доставшегося ему в наследство от отца обер-прокурора Синода. Посреди нараставшей революции самодержец решился на введение представительного правления. Предстояли выборы в первую Государственную думу Российской империи.

От Государственной думы к думам о государстве

Собственно говоря, царский манифест о созыве Государственной думы был издан еще 6 (19) августа 1905 года, а Манифест 17 октября лишь расширил полномочия Думы до предусмотренных еще в проекте Сперанского и распространил избирательные права на ранее исключенные из выборного процесса социальные группы. Все это делалось в качестве очевидных уступок давлению революционной волны и собственно революционные эксцессы отнюдь не остановило. Еще предстояли декабрьские бои на Пресне, превратившие этот московский район, по-видимому уже навсегда, в Красную Пресню.

История «думской монархии», несмотря на свою краткость, заслуживает самого серьезного внимания и по-настоящему еще ждет своего объективного историка. Ведь это был тот период, когда русская мысль обрела наконец политическую почву. Получила возможность рефлексировать свой собственный политический опыт.

Первый российский парламент для многих был дитем, так сказать, нежеланным. По понятным причинам, Думу всего лишь терпел император Николай II. Эту нелюбовь к парламентаризму разделяли и право-монархические партии. У левых также особых причин ценить этот институт буржуазной демократии не было. Виднейшие государственные деятели империи относились к ней как временному неудобству. Например, бывший премьер С.Ю. Витте был «совершенно уверен в том, что при настоящей форме правления народу хуже, чем при прежней форме правления. Но как река течет обратно не может, так нельзя и вернуться к прежнему, а нынешняя форма правления – переходная, которая неизбежно немного позже или немного ранее приведет к тем конституционным порядкам, которые существуют во всех цивилизованных странах»¹.

Мы знаем, что Витте сильно ошибся – «думская монархия» привела к упразднению монархии и почти сразу же – к упразднению самой Государственной думы. Вот этот ключевой момент в истории первого российского парламента и необходимо обрисовать чуть подробнее. Как известно, в момент начала массовых беспорядков в Петрограде Николай II решил приостановить заседания Госдумы. И указ об этом император подписал в воскресенье 26 февраля 1917 г. Однако в понедельник 27 февраля руководство Думы провело частное заседание, на котором было принято решение «не расходиться». Более того, тогда же был создан Временный комитет Государственной думы в составе 12 человек, который, собственно, и возглавил стихийный бунт в Петрограде, превратив его в революцию, упразднившую монархию, а с ней – и Российскую империю.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары. Т. 1. М. – Минск, 2002. С. 679.

Почему же в ходе этой «бескровной революции» оказалась упраздненной и сама Дума? Нет, ни происки правых, ни происки левых тут ни при чем. Первый русский парламент канул в небытие лишь потому, что так захотели кадеты. Именно они на упомянутом совещании заблокировали предложение левых (А.Ф. Керенского и Н.С. Чхеидзе) о том, чтобы продолжить работу Госдумы и наделить ее учредительными полномочиями. Современный историк этих событий делает такой вывод: «Несомненно, что стараниями кадетов, в первую очередь, из механизма формирующейся Временной власти была исключена Государственная дума как нормально действующий законодательный орган»¹.

Почему именно конституционные демократы, больше всего сделавшие в начале века для учреждения института парламентаризма в России, в момент решающего выбора предпочли форму Временного правительства парламентскому правлению – пока что ответить с необходимой достоверностью не представляется возможным. Не исключено, что лидер кадетов П.Н. Милуков, вполне сознававший, что совершается фактически государственный переворот и что они все – «висельники», не хотел нарушать царский указ и, в случае подавления петроградского бунта, сохранить Государственную думу именно как институт. Но после победы революции, выразившейся в отречении и Николая II, и отказе великого князя Михаила Александровича принять престол, в передаче Думе всех полномочий и провозглашении ее в качестве органа верховного правления уже не было никакого риска. Более того, Государственная дума, будучи выбрана по всем действовавшим на тот момент законам, представляла единственный легальный государственный орган, целиком отвечавший духу демократической революции. Именно она – после падения монархии – только и могла сохранить единство страны, правопреемство и управление огромной империей.

Но случилось иначе. Возникло Временное правительство с целью заполнить «паузу» до того момента, как «российский народ» посредством Учредительного собрания выразит свою волю относительно своего государственного устройства. Не удивительно, что в воюющей стране, в которой уже обозначились первые симптомы и войны гражданской, вакуум власти довольно быстро заполнили те, кто точно «знал» волю народа без всякой «учределовки». И нужно признать, что Ленин и Троцкий, свергая Временное правительство, были абсолютно правы. Ибо у самоназначенных министров было значительно меньше прав возглавлять страну, нежели у большевиков, закрепивших свой переворот решением Съезда Советов. А вот будь на месте «министров-капиталистов» Государственная дума в составе нескольких сот депутатов...

Забудем о сослагательном наклонении и перенесемся в эмигрантскую среду – туда, где после учреждения первого в мире государства рабочих и крестьян оказалась свободная русская мысль. Ее история еще требует изучения, но в главном понятна. Ибо в основном продолжает те философские, социальные и политические направления, которые сложились еще в дореволюционной России. За одним весьма значимым исключением. Именно в эмиграции родилось новое идеологическое течение, получившее название «евразийство». Мыслители-евразийцы

¹ Николаев А.Б. Государственная дума в февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 29.

выдвинули и разработали достаточно оригинальную политическую доктрину, которая на поверку оказалась лишь изощренной культурно-философской легитимацией государственного строя, установившегося в Советской России после того, как большевикам пришлось вместо мировой революции строить «социализм в одной стране».

Как известно, у большевиков собственно государственной теории не было. И, строго говоря, быть не могло. То, что писал Ленин в «Государстве и революции», весьма точно обрисовывало механизмы деятельности «вооруженного народа», вводящего в конечном счете «диктатуру пролетариата». Но само функционирование этой новой государственной формы, которая, к тому же, по Марксу (и даже по Сталину) должна была «отмирать», описать было некому. В СССР это было невозможно, поскольку уже к концу 20-х годов всякая свободная мысль была основательно искоренена. Оставалась эмиграция, и она не подвела.

Политическая доктрина евразийцев разрабатывалась разными участниками движения. Но, пожалуй, наиболее глубоко и основательно она была представлена философом Львом Платоновичем Карсавиным, довольно скоро от евразийства отошедшим. Именно он раскрыл, так сказать, государственную философию «советизма», которую целиком и переняли евразийцы.

Во-первых, Карсавин снял вопрос о возвращении к «демократии» и «парламентаризму», поставив задачу найти такие формы государственности, которые будут обеспечивать «нормальное и по возможности непрерывное взаимодействие правительства, правящего слоя и широких масс населения, т.е. народность или демотичность государственной власти»¹.

К числу таких форм относится прежде всего корпоративизм, т.е. рассмотрение в качестве первичного субъекта политического процесса не отдельного индивидуума с набором «политических прав», а ближайшей к нему первичной социальной группы. Карсавин называет такую группу «первичной соборной личностью», имея в виду «местно-профессиональные» (сельскохозяйственные) и «профессиональные единства».

Затем встает вопрос о «правлящем слое», который должен выступать посредником в отношениях «первичных коллективных личностей» с правительством, создавая эффект именно «демотии». Внутри этого правящего слоя должен присутствовать так называемый «евразийский отбор», т.е. кадры, целиком и полностью способные выразить дух евразийской культуры в государственных формах. И тогда евразийская государственность неизбежно предстанет как «идеократия», а не «демократия» или, страшно сказать, «аристократия».

Собственно весь евразийский проект с политической точки зрения и был нацелен на вытеснение коммунистического большевизма из вполне адекватных духу евразийской культуры государственных форм советской власти. «Советизм» представлялся евразийцам как вполне адекватная замена политическому режиму буржуазной демократии. А в ее исчерпанности евразийцы (и не только они!) нисколько не сомневались. Да и возможно ли было сомневаться, дав ей такое описание:

¹ Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 131.

«Вся государственная власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертят чуть ли не всем банкиры. Но благодаря существованию многолюдного парламента, учреждения неработоспособного, сконцентрированная в небольшой социальной группе государственная власть, по существу, олигархическая, по имени демократическая, оказывается совершенно неорганизованной. И опять-таки единственным средством некоторой ее организации является образование ряда политических партий. Именно множество партий обеспечивает всякую из них и весь правящий слой от установления в нем самой сильной власти, которая при оторванности правящего слоя от народа только и может быть «своевольной», т.е. деспотической. В многопартийности для демократии заключается единственная гарантия против деспотии»¹.

Из этого неизбежно следует «приговор» демократии: «Демократическое государство обречено на вечное колебание между опасностью сильной, но деспотической власти и опасностью совсем не деспотического бессилия»².

Евразийство фактически перестало существовать как движение и организация уже в середине 30-х годов прошлого века. И его политическая доктрина оказалась невостребованной КПСС. Но зато после распада СССР евразийство оказалось вполне подходящим идейным фундаментом для КПрФ. И в работах лидера российских коммунистов Г.Н. Зюганова ссылки на «евразийскую цивилизацию» можно встретить весьма часто.

Из прозрений русской мысли относительно постбольшевистского будущего России можно отметить те, что принадлежат Георгию Петровичу Федотову и Ивану Александровичу Ильину. Будучи непримиримыми идейными противниками, исповедуя демократический республиканизм и консервативный монархизм, соответственно, они оставили нам такие описания нашей современности. Россия окончательная, после неизбежного распада «империи» – Великороссия + Сибирь + Белоруссия (вероятно)³. «Пройдут годы национального опаматования... прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не погибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная – воспитывающая и возрождающая – диктатура»⁴.

В том и польза нашей отечественной мысли, что в нее мы можем сегодня смотреться, как в зеркало, различая то, что не успеваем заметить, а тем более понять сами.

*Л.В. Поляков, доктор философских наук,
профессор Государственного университета – Высшей школы экономики*

¹ Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 138–139.

² Там же. С. 139.

³ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 327.

⁴ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. М., 1993. С. 50.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ СПЕРАНСКИЙ

**ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ
(план всеобщего государственного образования)**

1809 г.

Отделение второе
О разуме государственного уложения

Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен тому степени гражданского образования, на коем стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предвзрывает сей степень, он испровергается с большим или меньшим потрясением.

Сим вообще изъясняются политические превращения, кои и в древние времена, и во дни наши прелагали и изменяли порядок правлений.

Сим изъясняются также и те неудачи, коими нередко были сопровождаемы самые благотворные усилия политических перемен, когда образование гражданское не предуготовило еще к ним разум¹.

Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений². Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может.

Посему первый и главный вопрос, который в самом преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинаний.

История государственных перемен и настоящее положение нашего отечества представляют к разрешению сего вопроса следующие истины.

Три великие системы издревле разделяли политический мир: система республик, система феодальная и система деспотическая.

Первая под разными именованиями и формами имела то отличительное свойство, что власть державная умерялась в ней законом, в составе коего граждане более или менее участвовали.

Вторая основана была на власти самодержавной, ограничиваемой не законом, но вещественным, или, так сказать, материальным, ее разделением.

¹ Таков был общий разум всех почти политических превращений, коих целью была перемена образа правления. Примеры первого рода представляют древний Рим, Англия и в последние времена Франция. Примеры второго рода можно видеть в тщетных усилиях Иосифа II, в замыслах политических систем, бывших в России во времена императрицы Анны и особенно императрицы Екатерины II (прим. М. Сперанского).

² Le plus grand novateur est le temps. Вагон (прим. М. Сперанского).
Величайшим новатором является время. Бэкон (франц., прим. изд. 2002 г.).

Третья ни меры, ни границ не допускала.

Примеры первой системы мы видим в республиках греческих и особенно в римской. Вторая система основалась на севере и оттуда распространилась по всей Европе. Третья утвердила свое владычество на востоке.

Все политические превращения, в Европе бывшие, представляют нам непрерывную, так сказать, борьбу системы республик с системою феодальною. По мере как государства просвещались, первая приходила в силу, а вторая – в изнеможение.

Одно важное обстоятельство на западе Европы ускорило особенно ее перевес. Крестовые походы, устремив все виды частных владельцев на восточные завоевания, представили власти самодержавной случай и возможность исторгнуть уделы власти из прежнего их обладания и соединить их в один состав.

Установление регулярных войск и первое образование порядка в государственных сборах довершили впоследствии сие соединение.

Таким образом, на развалинах первой феодальной системы утвердилась вторая, которую можно назвать феодальным самодержавием; в ней остались еще следы первых установлений, но сила их совершенно изменилась. Правление было еще самовластное, но не раздельное. Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но в той и другой положены уже были основания.

И на сих-то основаниях время, просвещение и промышленность предприняли воздвигнуть новый вещей порядок, и приметить должно, что, невзирая на все разнообразие их действия, первоначальная мысль, движущая их, была одна и та же – достижение политической свободы.

Таким образом приуготовился третий переход от феодального правления к республиканскому, основался третий период политического состояния государств.

Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция.

Во всех сих превращениях время и состояние гражданского образования были главным действующим началом. Тщетно власть державная силилась удерживать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома. Сколько бедствий, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа¹.

Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества. Удельные владения князей образуют у нас первую эпоху феодального правления и, что весьма замечательно, переход от сей первой эпохи во вторую, то

¹ Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий; желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях; чтобы страсти двигались и переменались, а предметы их, желания свободы, оставались бы в одном положении; чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения – свободою. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться (прим. М. Сперанского).

есть к самодержавию, точно подобные имел причины. Вместо крестовых походов были у нас походы татарские, и хотя предмет их был не одинаков, но последствия равные. Ослабление удельных князей и победы царя Ивана Васильевича, действуя соединенно с духом сего сильного государя, испровергли удельный образ правления и утвердили самодержавие.

С того времени до дней наших напряжение общественного разума к свободе политической всегда более или менее было приметно; оно обнаруживалось разными явлениями. Следующие можно особенно здесь заметить.

Еще при царе Алексее Михайловиче¹ почувствована была необходимость ограничить самодержавие, и если по разуму того века нельзя было основать прочных для сего установлений, по крайней мере внешние формы правления представляли первоначальное тому очертание. Во всех важных мерах признаваемо было необходимым призывать на совет просвещеннейшую по тогдашнему времени часть народа, бояр, и освящать меры сии согласиём патриарха; приметить здесь должно, что советы сии не были делом кабинета, но установлением публичным и в самых актах означаемым².

Петр Великий³ во внешних формах правления ничего решительно не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле. Без точного намерения дать своему государству политическое бытие, но по одному, так сказать, инстинкту просвещения он все к тому приуготовил⁴.

Вскоре начала, им положенные, столько усилились, что при восшествии императрицы Анны⁵ на престол Сенат мог и дерзнул пожелать политического существования и поставил себя между народом и престолом.

Здесь можно видеть первое доказательство, сколь усилия сии были преждевременны и сколь тщетно предварять обыкновенный ток вещей; одно дворское, так сказать, движение испровергло все сии замыслы.

Век императрицы Елисаветы⁶ тщетно протек для славы государства и для политической его свободы. Между тем, однако же, семена свободы, в промышленности и торговле сокровенные, возрастали беспрепятственно.

Настало царствование Екатерины II⁷. Все, что в других государствах введено было для образования генеральных штатов; все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы; наконец, почти все то, что после, двадцать пять лет спустя, было сделано во Франции для

¹ Алексей Михайлович (1629–1676) – царь (с 1645 г.). Сын царя Михаила Федоровича.

² С благословением патриаршим государь повелел и бояре приговорили – так надписываются важнейшие акты того времени (*прим. М. Сперанского*).

³ Петр I (Великий) (1672–1725) – российский царь (с 1682 г., правил с 1689 г.), первый российский император (с 1721 г.).

⁴ По разуму того времени не было еще точного понятия о политической свободе. Сие доказывается учреждением Петра Великого (1714 года) о праве первородства. Сие установление, совершенно феодальное, могло бы уклонить Россию на несколько веков от настоящего ее пути (*прим. М. Сперанского*).

⁵ Анна Ивановна (1693–1740) – дочь царя Ивана V, племянница Петра I, императрица (с 1730 г.).

⁶ Елизавета Петровна (1709–1761) – дочь Петра I, императрица (с 1741 г.).

⁷ Екатерина II Великая (1729–1796) – императрица (с 1762 г.).

открытия последней революции, – все почти было ею допущено при образовании Комиссии законов.

Созваны депутаты от всех состояний, и созваны в самых строгих формах народного законодательного представления, дан Наказ, в коем содержалось сокращение лучших политических истин того времени, употреблены были великие пожертвования и издержки, дабы облечь сословие сие всеми видами свободы и величия, – словом, все было устроено, чтобы дать ему, и в лице его России, бытие политическое; но все сие столь было тщетно, столь незрело и столь преждевременно, что одно величие предприятия и блеск деяний последующих могли только оградить сие установление от всеобщего почти осуждения. Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания и обозреть все его пространство.

Таким образом, громада сия, усилием одного духа, без содействия времени составленная, от собственной своей тяжести пала, оставив по себе одну долготную и горестную укоризну всем подобным сему предприятиям.

С сего времени мысли сей государыни, как можно заключать из всех ее установлений, совершенно изменились. Неудачный сей опыт охладил и, так сказать, привел в робость все ее помышления о внутренних политических преобразованиях. Среди войны и непрестанных внешних развлечений она ограничилась одними первоначальными чертами управления; а в государственных законах грамоты дворянству и городам остались как опыты великого здания.

При покойном государе императоре¹ издан важный в государственных постановлениях акт наследия престола, фамильное учреждение и, сверх того, постановление о разделе поселянских работ с ограничением их тремя днями, постановление весьма примечательное, потому что оно со времени укрепления крестьян помещикам есть в сем роде первое.

В настоящем царствовании из разных установлений следующие должно отнести к государственным:

- 1) Открытие всем свободным состояниям права собственности на землю;
- 2) Учреждение состояния свободных земледельцев;
- 3) Устройство министерств с ответственностию;
- 4) Лифляндское положение, яко пример и опыт ограничения повинностей крестьянских.

К сим главным учреждениям должно присоединить некоторые правила не менее действительные, хотя и не составляют они особенных актов. Таковы суть:

Правила, принятые к умерению налогов по частным жалобам;

Правила, принятые о неотдаче казенных людей в крепость.

В сем состоят все покушения, какие правительство само собою доселе делало к политическому государству освобождению.

Два последствия из них извлечь можно:

- 1) Что начинания, при императрице Анне и Екатерине II сделанные, очевидно, были преждевременны и потому никакого не имели успеха;

¹ Павел I (1754–1801) – император (с 1796 г.). Убит заговорщиками в Петербурге.

2) Что в общем движении человеческого разума государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе¹.

Но на сем обширном поприще каким образом определить истинную точку расстояния и какими признаками можно в ней удостовериться?

Удостоверение сие весьма важно, и оно одно может разрешить вопрос, выше предложенный, о времени политических преобразований.

Следующие признаки кажутся достоверны:

I. *Перемена в предметах народного уважения.* Не разумом, но силою воображения действует и властвует ими правительство на страсти народные. Для сего установлены между прочим чины и почести. Доколе сила воображения поддерживает их в надлежащей высоте, доколе они сопровождаются уважением. Но как скоро по стечению обстоятельств сила сия их оставит, так скоро и уважение исчезает. Чины и почести в сем положении могут быть еще лестны, но в одном только том отношении, что они служат знаком доверия или милости; внутренняя же их очаровательная сила, впечатление на народ мало-помалу изглаживается и пропадает.

Не должно думать, чтобы явление сие зависело у нас от одного образа мыслей государя или от стечения случайных обстоятельств: оно точно таково было и во всех других государствах в той эпохе, когда феодальная система приближалась к своему падению².

Основание сему очевидно: когда разум начинает распознавать цену свободы, он отбрасывает с небрежением все детские, так сказать, игрушки, коими забавлялся он в своем младенчестве³.

II. *Ослабление власти.* Различать должно два рода власти: одну физическую, другую моральную.

Если физическая власть осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела. Какая мера правительства не подвержена ныне осуждению? Какое благотворное движение не искажено и не перетолковано? Дух партий и злонамеренность, без сомнения, имеют в сем участие; но дух партий не имел бы столько силы, если бы общий разум не расположен был к его впечатлениям.

С горестию, но с достоверностию можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения,

¹ Направление сие у нас действительно прямее, нежели было оно в других государствах. Причины сему суть следующие:

¹⁾ В самом начале испровергнуто у нас важное на сем пути затруднение – право первородства; установление сие во всех прочих государствах, тот же путь совершивших, было великим камнем преткновения.

²⁾ Опыты превращений, вокруг нас бывших, имели, без сомнения, сильное влияние на мысли большей части людей, ими занимающихся.

³⁾ В общем счете времени успехи в России идут несравненно быстрее, нежели шли они в те же эпохи в других государствах (*прим. М. Сперанского*).

² Перед революцией французские вельможи сами смеялись и над чинами, и над лентами. В настоящем смысле или тоне того времени было казаться простым гражданином (*прим. М. Сперанского*).

³ В некоторых классах чины у нас еще уважаются, но не по внутреннему их свойству, а единственно по праву владения крестьян, с ними сопряженному, или в виде достижения важных государственных должностей (*прим. М. Сперанского*).

не могут иметь действия.

Тщетно ищут изъяснить сие из личных свойств министров. Сравнивая одни пороки с другими, перевес, без сомнения, будет на временах протекших. Одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления.

III. *Невозможность частных исправлений.* Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия? – Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего?¹ Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности. Но где начало, их животворящее? К чему послужит рабу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горесть своего положения.

IV. Наконец, сие всеобщее неудовольствие, сия преклонность к горестным изъяснениям всего настоящего есть не что другое, как общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка.

Войны и политические происшествия, без сомнения, занимают тут свое место. Но были и тягости, были войны, и дух народный не был, однако же, подавлен ими до такой степени, как ныне. Неужели дороговизне сахару и кофе можно, в самом деле, приписать начало сих неудовольствий? Уменьшилась ли от них роскошь? Обеднел ли в самом деле народ? Где те жестокие несчастья, кои его на самом деле постигли? Все вещи остались в прежнем почти положении, а, между тем, дух народный страждет в беспокойствии. Как можно изъяснить сие беспокойствие иначе, как совершенным изменением мыслей, глухим, но сильным желанием другого вещей порядка.

Таковы суть главные признаки, по коим можно определить место, которое Россия ныне занимает на лестнице гражданского образования. По сим признакам можно, кажется, с достоверностию заключить, что настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый вещей порядок².

Но, приступая к сей важной перемене, должно со всею зрелостью размыслить и определить разум сего преобразования как вообще, так и особенно в частях его.

¹ В настоящем положении нельзя даже с успехом положить какой-нибудь налог, к исправлению финансов необходимо нужный, ибо всякая тягость народная приписуется единственно самовластию. Одно лицо государя отвечает народу за все постановления, совет же и министры всегда, во всякой мере тягостной, могут отречься от участия там, где нет публичных установлений (*прим. М. Сперанского*).

² Все исправления частные, все, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы весьма непрочны. Пусть составят какое угодно министерство, распорядят иначе части, усилят и просветят полицейские и финансовые установления, пусть издадут даже гражданские законы: все сии введения, быв основаны единственно на личных качествах исполнителей, ни силы, ни твердости иметь не могут (*прим. М. Сперанского*).

I. Об общем разуме преобразования

Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе.

Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его.

Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении.

Из тройкого порядка государственных сил возникает тройкий порядок сих установлений. Одно из них должно действовать в образовании закона, другое – в исполнении, третье – в части судной. Разум всех сих установлений может быть различен.

Первое и главное различие происходит от самой силы установлений и внешних их форм.

Два различные устройства с первого воззрения здесь представляются.

Первое состоит в том, чтобы облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия.

Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самым делом.

В самом преддверии преобразования должно решительно избрать одно из сих двух устройств. Избрание сие определяет истинный его разум.

Если будет избрано первое устройство, тогда все установления так должны быть соображены, чтобы они в мнении народном казались действующими, но никогда не действовали бы на самом деле.

Главные черты сего устройства состоять могут в следующем:

1) Установить сословие, которое бы представляло силу законодательную, свободную, но на самом деле было бы под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной.

2) Силу исполнительную так учредить, чтобы она по выражению закона состояла в ответственности, но по разуму его была бы совершенно независима.

3) Власти судной дать все преимущества видимой свободы, но связать ее на самом деле такими учреждениями, чтобы она в существе своем всегда состояла во власти самодержавной¹.

Если, напротив, предпочтено будет второе устройство, тогда все сии установления расположены быть должны на следующих правилах:

1) Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное.

2) Сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем оно

¹ На сих трех главных правилах основано настоящее политическое устройство Франции (прим. М. Сперанского).

зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству.

3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в ответственности власти законодательной.

Таков есть общий разум двух систем, коим можно следовать в составлении коренных законов.

Сравнивая сии две системы между собою, нет сомнения, что первая из них имеет только вид закона, а другая – самое существо его; первая под предлогом единства державной власти вводит совершенное самовластие, а другая ищет в самом деле ограничить его и умерить.

Первая издалека готовит сама себе прекращение, а другая, при благоприятных обстоятельствах, может утвердиться, долгое время без важных перемен постепенно следовать за гражданским усовершением; первая может быть оправдана в народе своевольном, непостоянном, преклонном ко всем новым умствованиям, и особливо тогда, как народ сей выходит из анархии с превратными привычками; но вторая одна может быть свойственна народу, который имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения, коего характер трудно оболстить, но легко убедить простою истиною, – словом, она может быть свойственна такому народу, коего нет нужды прельщать и обманывать по добронравию его и некоторой лени, всем народам северным природной.

Определив сим образом общий разум коренных законов, свойственных настоящему положению России, нужно приложить его к разным частям, государственное уложение составляющим.

II. О разуме законов в державной власти

В разуме законов, державную власть определяющих, должно изобразить, какое действие власть сия должна иметь в порядке законодательном, в судном и исполнительном.

1) О действии державной власти в порядке законодательном

Порядок законодательный слагается из трех начал: из предложения закона, уважения его и утверждения.

Предположив по общему разуму коренных законов бытие законодательного сословия, в действии верховной власти должно определить, какие из сих трех начал принадлежат ей исключительно.

Политические системы других народов определяют сие разнообразно.

В одних, как-то: в Англии – предложение закона принадлежит как законодательному сословию, так и власти державной.

В других, как-то: во Франции – предложение закона принадлежит одной

власти державной исключительно.

Уважение закона во всех системах принадлежит законодательному сословию, и правительство участвует в нем единственно голосами своих министров или изъяснениями ораторов. Утверждение закона везде принадлежит власти державной, с тем только ограничением, что в Англии и во Франции не может она утвердить закона, большинством голосов не уваженного, а в Англии сверх того может не утвердить закона, хотя бы он и всеми был уважен.

Из сих различных постановлений какое может быть наиболее свойственно России?

а) В предложении закона

Нет, кажется, сомнения, что предложение закона должно предоставить исключительно правительству. Пространство Империи, разнообразие населения и степень нашего просвещения требуют, чтобы правительство имело всю возможную силу действовать во благо, и сила сия в одном только злоупотреблении ее должна быть умеряема.

Если источник закона поставить в некоторых случаях вне пределов державной власти, тогда может произойти безмерное в видах разнообразие и несвязность; тогда часто в законодательном собрании будет теряться время в предложениях невместных или неблагоприятных; тогда для самого порядка сих предложений должно будет учредить в законодательном сословии множество форм и обрядов, коих охранение может, особенно у нас, произвести великую сложность и затруднение; тогда правительство может быть поставлено в неприятное положение отвергать или не давать своего утверждения на такие предметы, кои будут законодательным сословием приняты¹.

По сим причинам нет, кажется, сомнения предложение закона исключительно присвоить державной власти. Быв окружена во всех своих важных деяниях Государственным советом, коего бытие устанавливается не произволом ее, но коренным государственным законом, нет сомнения, что власть державная всегда будет иметь более способов предлагать законы с зрелостию, нежели каждый член законодательного сословия. И, впрочем, какая польза для нее отлагать предложение закона полезного или предлагать закон вредный? Первым она стеснит только себя в собственных своих деяниях, а второй будет отвергнут в законодательном сословии.

Есть, однако же, исключение, которое необходимо должно допустить в сем правиле.

1) Когда какою-либо мерою правительства явное сделано будет нарушение коренному государственному закону, как-то: личной или политической свободе².

¹ Известно, что в английской конституции искали избежать сей несообразности введением отказа, сокрытого под предлогом: *le roi s'avisera* [Король об этом подумает (*франц.*) – *сост.*]. Уклонение не совместное ни с достоинством, ни с правотою державной власти (*прим. М. Сперанского*).

² Во Франции право сие дано Сенату, в Англии – нижнему парламенту. Сверх сего, во Франции существуют на словах при законодательном корпусе, вместо трибуната, две комиссии: одна для охранения личной свободы, другая для свободы книгопечатания (*прим. М. Сперанского*).

2) Когда правительство в установленное время не представит узаконенных отчетов.

В сих только двух случаях законодательное сословие может собственным своим движением, предварив, однако же, правительство, предложить дело на уважение и возбудить узаконенным порядком следствие против того министра, который подписал сию меру, и просить вместе с тем ее отмены.

б) В уважении закона

Хотя уважение закона собственно принадлежит законодательному сословию, нельзя, однако же, исключить из оного министров. Если подвержены они ответственности в мерах, ими принимаемых, то самая справедливость требует дозволить им лично объяснять и поддерживать предложения правительства¹.

2) О действии державной власти в порядке исполнительном

Существо части исполнительной требует по всей необходимости единства. Истина сия всеми единогласно признана. В самых республиках исполнение большею частью всегда вверяемо было одному лицу.

Посему нет сомнения, что в России вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной.

Но выше уже было замечено, что образ исполнения может столько отступать от разума закона, что, если часть сия составлена будет без всякой связи с порядком законодательным, она может самый закон соделать игрищем прихоти и произвола. Отсюда происходит необходимость ответственности, коей формы могут быть различны, но существо одинаково.

Существо ответственности состоит в следующих предположениях.

1) Предполагается, что власть державная, предлагающая и отвергающая закон, никогда не может действовать сама собою против его разума.

2) Предполагается также, что совет, яко сословие, содействовавшее предложению и утверждению закона, не может поступить против его разума. А посему:

3) Всякая мера, приемлемая в нарушение закона, вменяется не державной власти и не совету ее, но подчиненным ей исполнителям или министрам, кои посему лично, каждый по своей части, подвергаются за них ответу, и сие обязательство приемлют они на себя самым подписанием актов. Отсюда происходит:

4) Что подписание актов всегда предполагается совершенно свободным.

Внешние формы сей ответственности должны быть самые простейшие, и они будут, без сомнения, таковыми, когда постановится правилом, чтобы члены законодательного сословия имели право предъявлять обвинение их против министров, и, когда предъявление их большинством голосов за благо будет

¹ В Англии министры имеют место и голос в нижнем парламенте. Во Франции хотя и не имеют они места в сословии законодательном, но имеют оное в Сенате, а по устройству сего государства Сенат есть первое политическое сословие, и самые важнейшие постановления в нем совершаются (*прим. М. Сперанского*).

принято, тогда приступали бы к предметам самого обвинения. Когда обвинение большинством голосов признано будет основательным и вместе с тем утверждено будет державною властью, тогда наряжается суд или следствие.

В сих пределах ответственности власть державная, действуя в исполнении закона, всегда будет освещаемая мнением народным и, следовательно, будет действовать с достоверностью и без всякого внимания к слухам посторонним.

3) О действии державной власти в порядке судном

Власть судная в источнике своем не что другое есть, как власть исполнительная. Всякое дело, всякий спор, предмет суда составляющий, есть не что другое в существе своем, как жалоба на нарушение закона. Власть судная удостоверяется в сем нарушении и восстанавливает закон в его силу, то есть приводит его в исполнение.

По сему понятию порядок судный, яко часть порядка исполнительного, принадлежит по существу своему власти державной, и для сего-то везде и у всех народов суд ее именем производится¹.

В порядке исполнительном предполагается ответственность; посему надлежало бы таковую же ответственность допустить и в порядке судном.

Но каким образом учредить сию ответственность во множестве и разнообразии частных споров? Для сего надлежало бы допустить по каждому делу жалобы частных людей в законодательное сословие и по каждому делу ответственность и объяснение министра юстиции.

Очевидное неудобство сего предположения заставило искать других способов учредить судную ответственность. Положено, чтобы судьи избираемы были самими теми лицами, для коих суд устанавливается. Таким образом, власть судная по существу своему осталась в правах власти державной, но исполнение ее вверила она избранию тех самых лиц, кои могли бы приносить на нее жалобы. Сим учреждением сила ответственности слагается уже с власти исполнительной и переходит прямо на самих судей и первоначальных их вверителей.

Но ответственность в суде может быть двоякая: в существе дела и в судебных образах.

Власть державная, вверив лицам избранным суд в существе его, не могла, однако же, вверить им охранение обрядов. Обряды судные составляют часть публичного права; они по всей необходимости требуют единообразия. Они столько суду существенны, что часто перемена или нарушение их изменяет самое существо дела. Каким образом можно предположить, чтобы тысячи избранных судей могли соблюсти их единообразие? Какое смещение могло бы произойти, если бы в одной провинции по одному и тому же делу понимали формы судные иначе, нежели в другой?

Отсюда необходимость, чтобы охранение судебных форм основано было на том же правиле единства, на коем вообще часть исполнительная должна быть

¹ В древнем Риме судья был один претор, окруженный юрисконсультами. В Англии и во Франции хотя суд производится и посредством избранных лиц, но всегда именем державной власти (прим. М. Сперанского).

поставлена.

По сему понятию о порядке судном, он слагается из двух установлений: первое из них, относящееся к существу дела, державная власть вверяет свободному выбору подданных и, слагая вследствие того ответственность сей части, передает ее, так сказать, тому же началу, от коего истекает и власть законодательная. Второе установление – надзор и охранение форм судебных – остается и с ответственностью, к тому принадлежащею, исключительно в порядке исполнительном.

Из сего следует, что действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судные образы.

Определив сим образом права державной власти, государственное уложение поступает к определению первого и главного ее действия – к составлению закона.

*Извлечение публикуется по изданию:
Сперанский М.М. Руководство к познанию законов.
СПб., 2002. С. 342–356.*

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

**ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ
В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ
И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ**

1811 г.

Несть лести в языке моем.
(Псал. 138)

Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее.

От моря Каспийского до Балтийского, от Черного до Ледовитого за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь, известных грекам и римлянам более по сказкам баснословия, нежели по верным описаниям очевидцев. Провидению угодно было составить из сих разнородных племен обширнейшее государство в мире.

Рим, некогда сильный доблестью, ослабел в неге и пал, сокрушенный мышцею варваров северных. Началось новое творение: явились новые народы, новые нравы, и Европа восприняла новый образ, донныне ею сохраненный в главных чертах ее бытия политического. Одним словом, на развалинах владычества римского основалось в Европе владычество народов германских.

В сию новую, общую систему вошла и Россия. Скандинавия, гнездо витязей беспокойных – *officina gentium, vagina nationum*¹ – дала нашему отечеству первых государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Бела-озера и реки Великой. «Идите, – сказали им чужд и славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, – идите княжить и властвовать над нами.

Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим». Сие случилось в 862 году, а в конце X в[ека] Европейская Россия была уже не менее нынешней, то есть во сто лет она достигла от колыбели до величия редкого. В 964 г. россияне как наемники греков сражались в Сицилии с аравитянами, а после в окрестностях Вавилона.

Что произвело феномен столь удивительный в истории? Пылкая, романтическая страсть наших первых князей к завоеваниям и единовластие, ими основанное на развалинах множества слабых, несогласных держав народных, из коих со-

¹ Гнездо племен, колыбель народов (лат.).

ставилась Россия. Рюрик¹, Олег², Святослав³, Владимир⁴ не давали образумиться гражданам в быстром течении побед, в непрестанном шуме воинских станов, платя им славою и добычею за утрату прежней вольности, бедной и мятежной.

В XI [еке] Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов, озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Боспору Фракийскому, или к горам Карпатским. В счастливом отдохновении мира государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства многочисленного. Пустыни украсились городами, города – избранными жителями; свирепость диких нравов смягчилась верою христианскою; на берегах Днепра и Волхова явились искусства византийские. Ярослав⁵ дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними немецкими. Одним словом, Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством.

К несчастью, она в сей бодрой юности не предоохранила себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы германские сообщили Европе: говорю о системе удельной. Счастье и характер Владимира, счастье и характер Ярослава могли только отсрочить падение державы, основанной единовластием на завоеваниях. Россия разделилась.

Вместе с причиною ее могущества, столь необходимого для благоденствия, исчезло и могущество, и благоденствие народа. Открылось жалкое междоусобие малодушных князей, которые, забыв славу, пользу отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу. Греция, Венгрия, Польша отдохнули: зрелище нашего внутреннего бедствия служило им поручительством в их безопасности. Дотоле боялись россиян – начали презирать их. Тщетно некоторые князья великодушные – Мономах⁶, Василько⁷ – говорили именем отечества на торжественных съездах, тщетно другие – Боголюбский⁸, Всеволод III⁹ – старались присвоить себе единовластие: покушения были слабы, недружны, и Россия в течение двух веков терзала собственные не-

¹ Рюрик – согласно летописям, глава варяжского военного отряда, призванный в 862 г. ильменскими словенами, кривичами, чудью, всею на княжение. Прибыл вместе с братьями Синеусом и Трувором. Княжил в Ладоге, затем в Новгороде.

² Олег (?–912) – древнерусский князь. Правил с 879 г. в Новгороде, с 882 г. в Киеве, который провозгласил столицей Древнерусского государства.

³ Святослав (ок. 942–972) – великий князь киевский.

⁴ Владимир (?–1015) – князь новгородский (с 969 г.), великий князь киевский (с 980 г.).

⁵ Ярослав Мудрый (ок. 978–1054) – великий князь киевский (с 1019 г.).

⁶ Мономах (Владимир II) (1053–1125) – великий князь киевский (с 1113 г.). На съезде русских князей в Любече (1097 г.) выступил инициатором прекращения междоусобиц и объединения сил для борьбы с половцами.

⁷ Василько Ростиславович (сер. X в. – 1124) – князь теребовольский, правнук Ярослава Мудрого.

⁸ Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174) – великий князь владимирский (с 1157 г.).

⁹ Всеволод III Большое Гнездо (1154–1212) – великий князь владимирский (с 1176 г.). В его правление Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета.

дра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менее губительное. Народ утратил почтение к князьям: владетель Торопца или Гомеля мог ли казаться ему столь важным смертным, как монарх всей России? Народ охладел в усердии к князьям, видя, что они для ничтожных, личных выгод жертвуют его кровью, и равнодушно смотрел на падение их тронов, готовый все еще взять сторону счастливейшего или изменить ему вместе с счастьем; а князья, уже не имея ни доверенности, ни любви к народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей теснить мирных жителей сельских и купцов; сами обирали их, чтоб иметь более денег в казне на всякий случай, и сею политикою, утратив нравственное достоинство государей, сделались подобны судьям-лихоимцам, или тиранам, а не законным властителям. И так, с ослаблением государственного могущества, ослабела и внутренняя связь подданства с властью.

В таких обстоятельствах удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнее, что оно еще столь долго могло умирать по частям и в сердце, сохраняя вид и действия жизни государственной, или независимость, изъясняемую одною слабостью наших соседей. На степях Донских и Волжских кочевали орды азиатские, способные только к разбою. Польша сама издыхала в междоусобиях. Короли венгерские желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиция, несколько раз отходяв от России, снова к ней присоединялась. Орден меченосцев едва держался в Ливонии. Но когда воинственный народ, образованный победами хана монгольского, овладев Китаем, частию Сибири и Тибетом, устремился на Россию, она могла иметь только славу великодушной гибели. Смелые, но безрассудные князья наши с горстью людей выходили в поле умирать героями. Батый¹, предводительствуя полумиллионом, топтал их трупы и в несколько месяцев сокрушил государство. В искусстве воинском предки наши не уступали никакому народу, ибо четыре века гремели оружием вне и внутри отечества; но, слабые разделением сил, несогласные даже и в общем бедствии, удовольствовались венцами мучеников, приняв оные в неравных битвах и в защите городов бранных.

Земля русская, упоенная кровью, усыпанная пеплом, сделалась жилищем рабов ханских, а государи ее трепетали баскаков. Сего не довольно. В окружностях Двины и Немана, среди густых лесов, жил народ бедный, дикий и более 200 лет платил скудную дань россиянам. Утесняемый ими, также прусскими и ливонскими немцами, он выучился искусству воинскому и, предводимый некоторыми отважными витязями, в стройном ополчении выступил из лесов на театр мира; не только восстановил свою независимость, но, приняв образ народа гражданского, основал державу сильную, захватил и лучшую половину России, т.е. северная осталась данницею монголов, а южная вся отошла к Литве по самую Калугу и реку Угру. Владимир, Суздаль, Тверь назывались улусами ханскими; Киев, Чернигов, Мценск, Смоленск – городами литовскими. Первые хранили, по крайней мере, свои нравы – вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что

¹ Батый (1208–1255) – монгольский хан, предводитель завоевательного похода в Восточную и Центральную Европу (1236–1243). С 1243 г. хан Золотой Орды.

Россия погибла навеки.

Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века, от презрения к его маловажности именуемый селом Кучковым, возвысил главу и спас отечество. Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита¹, заслужив имя Собирателя земли Русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твердостью, – системе наилучшей по всем обстоятельствам, и которая состояла в том, чтобы употребить самих ханов в орудие нашей свободы. Снискав особенную милость Узбека² и, вместе с нею, достоинство великого князя, Калита первый убедил хана не посылать собственных чиновников за данью в города наши, а принимать ее в Орде от бояр княжеских, ибо татарские вельможи, окруженные воинами, ездили в Россию более для наглых грабительств, нежели для собрания ханской дани. Никто не смел встретиться с ними: как скоро они являлись, земледельцы бежали от плуга, купцы – от товаров, граждане – от домов своих. Все ожило, когда хищники перестали ужасать народ своим присутствием: села, города успокоились, торговля пробудилась, не только внутренняя, но и внешняя; народ и казна обогатились – дань ханская уже не тяготила их. Вторым важным замыслом Калиты было присоединение частных уделов к Великому княжеству. Усыпляемые ласками властителей московских, ханы с детскою невинностью дарили им целые области и подчиняли других князей российских, до самого того времени, как сила, воспитанная хитростью, довершила мечом дело нашего освобождения.

Глубокомысленная политика князей московских не удовлетворялась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо, и единовластие усилить самодержавием. Славяне российские, признав князей варяжских своими государями, хотя отказались от правления общенародного, но удерживали многие его обыкновения. Во всех древних городах наших бывало так называемое вече, или совет народный, при случаях важных; во всех городах избирались тысяцкие, или полководцы, не князем, а народом. Сии республиканские учреждения не мешали Олегу, Владимиру, Ярославу самодержавно повелевать Россию: слава дел, великодушие и многочисленность дружин воинских, им преданных, обуздывали народную буйность; когда же государство разделилось на многие области независимые, тогда граждане, не уважая князей слабых, захотели пользоваться своим древним правом веча и верховного законодательства; иногда судили князей и торжественно изгоняли в Новгороде и других местах. Сей дух вольности господствовал в России до нашествия Батыева и в самых ее бедствиях не мог вдруг исчезнуть, но ослабел приметно. Таким образом, история наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое не совместно с гражданскою вольностью. Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым

¹ Иван I Калита (до 1296–1340) – великий князь киевский (с 1325 г.), великий князь владимирский (1328–1331, с 1332 г.). Заложил основы политического и экономического могущества Москвы. Значительно пополнил свою казну (отсюда прозвище «Калита» – кошель, сумка).

² Узбек (ум. в 1342) – хан Золотой Орды (с 1313 г.).

ярлыком ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских.

Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались князья московские и мало-помалу, истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие. Умолк вечевой колокол во всех городах России. Дмитрий Донской¹ отнял власть у народа избирать тысяцких, и, вопреки своему редкому человеколюбию, первый уставил торжественную смертную казнь для государственных преступников, чтобы вселить ужас в дерзких мятежников. Наконец, что началось при Иоанне I, или Калите, то совершилось при Иоанне III²: столица ханская на берегу Ахтубы, где столько лет потомки Рюриковы преклоняли колена, исчезла навеки, сокрушенная местью россиян. Новгород, Псков, Рязань, Тверь присоединились к Москве, вместе с некоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древние юго-западные княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши, зато Россия, новая, возрожденная, во время Иоанна IV³ приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе.

Сие великое творение князей московских было произведено не личным их геройством, ибо, кроме Донского, никто из них не славился оным, но единственно умной политической системой, согласно с обстоятельствами времени. Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием.

Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами. Сии последние черты, свойственные народу мужественному, вольному, еще были заметны в обыкновении судебных поединков, в утехах рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славоблии. Заключение женского пола и строгое холопство оставались признаком древних азиатских обычаев. Двор царский уподоблялся византийскому. Иоанн III, зять одного из Палеологов, хотел как бы восстановить у нас Грецию соблюдением всех обрядов ее церковных и придворных: окружил себя римскими орлами и при-

¹ Дмитрий Донской (1350–1389) – великий князь московский (с 1359 г.) и владимирский (с 1362 г.).

² Иван III (1440–1505) – великий князь всея Руси (с 1462 г.). В его правление началось складывание центрального государственного аппарата. Присоединил Ярославль (1463 г.), Новгород (1477 г.), Пермь (1478 г.), Тверь (1485 г.), Вятку (1489 г.) и др. При нем было свергнуто монголо-татарское иго (1480 г.). В результате русско-литовских войн 1487–1494, 1500–1503 гг. включил в состав государства земли с городами Чернигов, Новгород-Северский и др. Участвовал в издании Судебника 1497 г.

³ Иван IV Прозный (1530–1584) – великий князь всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547 г.), сын великого князя Василия III. С конца 40-х гг. XVI в. правил с участием Избранной рады. Отменил кормления, завершил губную, провел земскую и др. реформы. Положил начало созыву земских соборов. Учредив опричнину (1565–1572 гг.), путем жесточайшего террора боролся с явными и мнимыми противниками своей неограниченной власти. Присоединил Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства, начал (ок. 1581 г.) завоевание Сибирского ханства. Воевал с Крымским ханством. В Ливонской войне 1558–1583 гг. за Прибалтику потерпел поражение.

нимал иноземных послов в Золотой палате, которая напоминала Юстинианову¹. Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность.

Хотя двувековое иго ханское не благоприятствовало успехам гражданским искусств и разума в нашем отечестве, однако ж Москва и Новгород пользовались важными открытиями тогдашних времен: бумага, порох, книгопечатание сделались у нас известны весьма скоро по их изобретении. Библиотеки царская и митрополитская, наполненные рукописями греческими, могли быть предметом зависти для иных европейцев. В Италии возродилось зодчество: Москва в XV в[еке] уже имела знаменитых архитекторов, призванных из Рима, великолепные церкви и Грановитую палату; иконописцы, резчики, золотари обогащались в нашей столице. Законодательство молчало во время рабства, Иоанн III издал новые гражданские уставы. Иоанн IV – полное Уложение, коего главная отмена от Ярославовых законов состоит в введении торговой казни, неизвестной древним независимым россиянам. Сей же Иоанн IV устроил земское войско, какого у нас дотоле не бывало: многочисленное, всегда готовое и разделенное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россию: государи, папы, республики вступили с нею в дружелюбные сношения, одни для выгод купечества, иные – в надежде обратить ее силы к обузданию ужасной Турецкой империи, Польши, Швеции. Даже из самой глубины Индостана, с берегов Гангеса в XVI веке приезжали послы в Москву, и мысль сделать Россию путем индийской торговли была тогда общею. Политическая система государей московских заслуживала удивление своею мудростью: имея целью одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру, уклоняясь от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности монархов, нежели полезного для государства, и, восстановив Россию в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных, или опасных, желая сохранять, а не приобретать.

Внутри самодержавие укоренилось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева. Народ, избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вещах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах. Одни бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство или казнь их свидетельствовали твердость оногo. Наконец, царь сделался для всех россиян земным Богом.

Тщетно Иоанн IV, быв до 35-ти лет государем добрым и, по какому-то адскому вдохновению, возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями. Бояре и народ во глубине души своей, не дерзая что-либо замыслить против венценосца, только смиренно молили Господа, да смягчит ярость цареву – сию казнь за грехи их!

Кроме злодеев, ознаменованных в истории названием опричнины, все люди, знаменитые богатством или саном, ежедневно готовились к смерти и не пред-

¹ Юстиниан (482 или 483–565) – византийский император с 527 г.

принимали ничего для спасения жизни своей! Время и расположение умов достопамятное! Нигде и никогда грозное самовластие не предлагало столь жестоких искушений для народной добродетели, для верности или повиновения; но сия добродетель даже не усумнилась в выборе между гибелью и сопротивлением.

Злодеяние, в тайне умышленное, не открытое историей, пресекло род Иоаннов: Годунов¹, татарин происхождения, Кромвель² умом, воцарился со всеми правами монарха законного и с тою же системою единовластия неприкосновенного. Сей несчастный, сраженный тенью убитого им царевича среди великих усилий человеческой мудрости и в сиянии добродетелей наружных, погиб, как жертва властолюбия неумеренного, беззаконного, в пример векам и народам. Годунов, тревожимый совестью, хотел заглушить ее священные укоризны действиями кротости и смягчал самодержавие в руках своих: кровь не лилась на лобном месте – ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах. Но Годунов не имел выгоды быть любимым, ни уважаемым, как прежние монархи наследственные. Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали; народ помнил его слугою придворным. Нравственное могущество царское ослабело в сем избранном венценосце.

Немногие из государей бывали столь усердно приветствуемы народом, как Лжедмитрий³ в день своего торжественного въезда в Москву: рассказы о его мнимом, чудесном спасении, память ужасных естественных бед Годунова времени и надежда, что Небо, возвратив престол Владимирову потомству, возвратит благоденствие России, влекли сердца в сретение юному монарху, любимцу счастья.

Но Лжедмитрий был тайный католик, и нескромность его обнаружила сию тайну. Он имел некоторые достоинства и добродушие, но голову романтическую и на самом троне характер бродяги; любил иноземцев до пристрастия и, не зная истории своих мнимых предков, ведал малейшие обстоятельства жизни Генриха IV, короля французского, им обожаемого. Наши монархические учреждения XV и XVI века приняли иной образ: малочисленная дума боярская, служив прежде единственно царским советом, обратилась в шумный сонм ста правителей, мирских и духовных, коим беспечный и ленивый Димитрий вверил внутренние дела государственные, оставляя для себя внешнюю политику; иногда являлся там и спорил с боярами к общему удивлению: ибо россияне дотоле не знали, как поданный мог торжественно противоречить монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумия и той величественной скромности, которая для самодержавцев гораздо нужнее, нежели для монахов картезианских. Сего мало. Димитрий явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; забавлял свою невесту пляскою скоморохов в монастыре Вознесен-

¹ Годунов Борис (ок. 1552–1605) – царь (с 1598 г.), избран земским собором.

² Кромвель Оливер (1599–1658) – деятель Английской революции XVII в. С 1650 г. лорд-генерал (главнокомандующий вооруженными силами). В 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры.

³ Лжедмитрий (?–1606) – русский царь (с 1605 г.). Самозванец. Провозгласил себя сыном Ивана Грозного – Димитрием.

ском; хотел угощать бояр яствами, гнусными для их суеверия; окружил себя не только иноземною стражею, но шайкою иезуитов, говорил о соединении церковей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами святыню своих предков, возложили руку на самозванца.

Сие происшествие имело ужасные следствия для России; могло бы иметь еще и гибельнейшие. Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного исступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали в верности: горе его преемнику и народу!

Отрасль древних князей суздальских и племени Мономахова, Василий Шуйский¹, угодник царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедмитрием, свергнув неосторожного самозванца, в награду за то приял окровавленный его скипетр от думы боярской и торжественно изменил самодержавию, присягнув без ее согласия не казнить никого, не отнимать имений и не объявлять войны. Еще имея в свежей памяти ужасные исступления Иоанновы, сыновья отцов, невинно убиенных сим царем лютым, предпочли свою безопасность государственной и легкомысленно стеснили дотоле неограниченную власть монаршую, коей Россия была обязана спасением и величием. Уступчивость Шуйского и самолюбие бояр кажутся равным преступлением в глазах потомства, ибо первый также думал более о себе, нежели о государстве, и, пленяясь мыслию быть царем, хотя и с ограниченными правами, дерзнул на явную для царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться: бояре видели в полумонархе дело рук своих и хотели, так сказать, продолжать оное, более и более стесняя власть его. Поздно очнулся Шуйский и тщетно хотел порывами великодушия утвердить колеблемость трона. Воскресли древние смуты боярские, и народ, волнуемый на площади наемниками некоторых коварных вельмож, толпами стремился к дворцу кремлевскому предписывать законы государю. Шуйский изъявлял твердость: «Возьмите венец Мономахов, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мне!», – говорил он москвитянам. Народ смирялся и вновь мятежничал в самое то время, когда самозванцы, прельщенные успехом первого, один за другим, на Москву восставали. Шуйский пал, сверженный не сими бродягами, а вельможами недостойными, и пал с величием, воссев на трон с малодушием. В мантии инока, преданный злодеями в руки чужеземцам, он жалел более о России, нежели о короне, с истинною царскою гордостью отвечал на коварные требования Сигизмундовы², и вне отечества, заключенный в темницу, умер государственным мучеником.

Недолго многоглавая гидра аристократии владычествовала в России. Никто из бояр не имел решительного перевеса; спорили и мешали друг другу в действиях власти. Увидели необходимость иметь царя и, боясь избрать единоземца, чтобы

¹ Шуйский Василий (1552–1612) – русский царь (в 1606–1610 гг.).

² Сигизмунд III Август (1566–1632) – король Польши (с 1578 г.) и Швеции (1592–1604).

род его не занял всех степеней трона, предложили венец сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами России, силился овладеть ее западными странами. Но, вместе с царством, предложили ему условия: хотели обеспечить веру и власть боярскую. Еще договор не совершился, когда поляки, благоприятствуемые внутренними изменниками, вступили в Москву и прежде времени начали тиранствовать именем Владислава. Шведы взяли Новгород. Самозванцы, казаки свирепствовали в других областях наших. Правительство рушилось, государство погибало.

История назвала Минина¹ и Пожарского² «спасителями Отечества»: отдадим справедливость их усердию, не менее и гражданам, которые в сие решительное время действовали с удивительным единодушием. Вера, любовь к своим обычаям и ненависть к чужеземной власти произвели общее славное восстание народа под знаменами некоторых верных отечеству бояр. Москва освободилась.

Но Россия не имела царя и еще бедствовала от хищных иноплеменников; из всех городов съехались в Москву избранные знаменитейшие люди и в храме Успения, вместе с пастырями церкви и боярами, решили судьбу отечества. Никогда народ не действовал торжественнее и свободнее, никогда не имел побуждений святейших... Все хотели одного – целостности, блага России. Не блистало вокруг оружие; не было ни угроз, ни подкупа, ни противоречий, ни сомнений. Избрали юношу³, почти отрока, удаленного от света; почти силою извлекли его из объятий утраченной матери-инокини и возвели на престол, орошенный кровью Лжедмитрия и слезами Шуйского.

Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцем и жертвою, трепетал и плакал. Не имея подле себя ни единого сильного родственника, чуждый боярам верховным, гордым, властолюбивым, он видел в них не подданных, а будущих своих тиранов, – и, к счастью России, ошибся. Бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов; те и другие единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным; те и другие, воспламененные любовью к отечеству, зывали только: Бог и Государь!.. Написали хартию и положили оную на престол. Сия грамота, внушенная мудростью опытов, утвержденная волею и бояр, и народа, есть священнейшая из всех государственных хартий. Князья московские учредили самодержавие – отечество даровало оное Романовым.

Самое личное избрание Михаила доказывало искреннее намерение утвердить единовластие. Древние княжеские роды, без сомнения, имели гораздо более права на корону, нежели сын племянника Иоанновой супруги, коего неизвестные предки выехали из Пруссии, но царь, избранный из сих потомков Мономахо-

¹ Минин К.М. (ум. в 1616 г.) – нижегородский посадский человек. Инициатор и один из руководителей ополчения 1611–1612 гг., соратник князя Д.М. Пожарского. Участвовал в сражениях за Москву против польского гарнизона. В 1612–1613 гг. член земского правительства («Совета всей земли»). В 1613 г. вошел в состав боярской думы.

² Пожарский Д.М. (1578–1642) – князь, государственный и военный деятель. Один из руководителей ополчения 1611–1612 гг. и земского правительства. Впоследствии возглавлял ряд приказов.

³ Михаил Федорович (1596–1645) – царь (с 1613 г.), первый царь из династии Романовых. Избран земским собором.

вых, или Олеговых, имея множество знатных родственников, легко мог бы дать им власть аристократическую и тем ослабить самодержавие. Предпочли юношу, почти безродного; но сей юноша, свойственник царский, имел отца, мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который долженствовал служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти. Так строгий характер Филарета¹, не смятенный принужденною монашескою жизнью, более родства его с Федором Иоанновичем² способствовал к избранию Михаила.

Исполнилось намерение сих незабвенных мужей, которые в чистой руке держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственные и чуждые страсти. Дуга небесного мира воссияла над тронном Российским. Отечество под сенью самодержавия успокоилось, извергнув чужеземных хищников из недр своих, возвеличилось приобретениями и вновь образовалось в гражданском порядке, творя, обновляя и делая только необходимое, согласное с понятиями народными и ближайшее к существующему. Дума боярская осталась на древнем основании, т.е. советом царей во всех делах важных, политических, гражданских, казенных. Прежде монарх рядил государство через своих наместников, или воевод; недовольные ими прибегали к нему: он судил дело с боярами. Сия восточная простота уже не отвечала государственному возрасту России, и множество дел требовало более посредников между царем и народом. Учредились в Москве приказы, которые ведали дела всех городов и судили наместников. Но еще суд не имел устава полного, ибо Иоаннов оставлял много на совесть, или произвол судящего. Уверенный в важности такого дела, царь Алексей Михайлович назначил для оного мужей думных и повелел им, вместе с выборными всех городов, всех состояний, исправить Судебник, дополнить его законами греческими, нам давно известными, новейшими указами царей и необходимыми прибавлениями на случаи, которые уже встречаются в судах, но еще не решены законом ясным. Россия получила Уложение, скрепленное патриархом, всеми значительными духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими. Оно, после хартии Михайлова избрания, есть донныне важнейший государственный завет нашего отечества.

Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иностранцев и поселения других в Москве. Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских Уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении: ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XIV века далеко опередила нас в гражданском просвещении. Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым.

Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов

¹ Филарет (в миру – Романов Федор Никитич) (ок. 1554/55–1633) – русский патриарх (в 1608–1610 гг. и с 1619 г.). Отец царя Михаила Федоровича.

² Федор Иванович (1557–1598) – царь (с 1584 г.), сын Ивана IV.

и властолюбие Софьи¹ напоминали России несчастные времена смут боярских. Но великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства. Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг – и все переменилось!

Сею целью было не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских... Потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам. Он имел великодушие, проникание, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую: исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы. Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для самодержцев дарование: употреблять людей по их способностям? Полководцы, министры, законодатели не родятся в такое или такое царствование, но единственно избираются... Чтобы избрать, надобно угадать; угадывают же людей только великие люди – и слуги Петровы удивительным образом помогли ему на ратном поле, в Сенате, в Кабинете. Но мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Забудем ли князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную, и, – что не менее важно, – учредили твердое в ней правление единовластное?.. Петр нашел средства делать великое – князья московские приготавливали оное. И, славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?

Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного. Народ

¹ Софья Алексеевна (1657–1704) – русская царевна. Правительница в 1682–1689 гг. при молодых царях Иване V и Петре I.

в первоначальном завете с венценосцами сказал им: «Блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частью для спасения целого», – но не сказал: «противуборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни». В сем отношении государь, по справедливости, может действовать только примером, а не указом.

Жизнь человеческая кратка, а для утверждения новых обычаев требуется долговременность. Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле, от сохи до престола, россияне сходились между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях, – со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний.

В течение веков народ обывк чтить бояр, как мужей, ознаменованных величием, – поклонялся им с истинным уничижением, когда они со своими благородными дружинами, с азиатскою пышностью, при звуке бубнов являлись на стогнах, шествуя в храм Божий или на совет к государю. Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов – коллегии, вместо дьяков – секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиноначалии: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честью и достоинством россиян сделалось подражание.

Семейственные нравы не укрылись от влияния царской деятельности. Вельможки стали жить открытым домом; их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; балы, ужины соединили один пол с другим в шумных залах; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения... Чем более мы успевали в людскости, в обходительности, тем более слабели связи родственные: имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия.

Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским, или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т.е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что действительно порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию – неверным или братьям? Т.е. кому бы она, по вероятности, долженствовала

более противиться? При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр.

Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей. К несчастью, сей государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил женеваца Лефорта¹, который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно, находя русские обычаи для него странными, говорил ему об них с презрением, а все европейское возвышал до небес. Вольные общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел делать Россию – Голландиею.

Еще народные склонности, привычки, мысли имели столь великую силу, что Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды: ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха. Сим бедным людям казалось, что он вместе с древними привычками отнимает у них самое отечество.

В необыкновенных усилиях Петровых видим всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшным. Церковь российская искони имела главу сперва в митрополите, наконец в патриархе. Петр объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество как опасное для самодержавия неограниченного. Но заметим, что наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской: служило ей полезным оружием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвятители имели у нас одно право – вещать истину государям, не действовать, не мятежничать, – право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоит в справедливости. Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные. Для похвал мы имеем стихотворцев и придворных – главная обязанность духовенства есть учить народ добродетели, а чтобы сии наставления были тем действительнее, надобно уважать оное. Если государь председательствует там, где заседают главные сановники церкви, если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный; усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества, и где пастырь душ может обещать в на-

¹ Лефорт Франц Яковлевич (1655/56–1699) – первый русский адмирал (с 1695 г.), генерал. По национальности швейцарец, с 1678 г. на русской службе; ближайший друг и сподвижник Петра I.

граду один венец мученический. Власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. Говорю о законе, о праве. Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита, или патриарха, с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна, или, по крайней мере, не есть необходима для государственной твердости, – пример древней России и нынешней Испании доказывает совсем иное.

Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных порокою на бесплодие и недостаток. Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. Иноземный путешественник, въезжая в государство, ищет столицы, обыкновенно, среди мест плодоноснейших, благоприятнейших для жизни и здравия; в России он видит прекрасные равнины, обогащенные всеми дарами природы, осененные липовыми, дубовыми рощами, пресекаемые реками судоходными, коих берега живописны для зрения, и где в климате умеренном благорастворенный воздух способствует долголетию, – видит и, с сожалением оставляя сии прекрасные страны за собою, въезжает в пески, в болота, в песчаные леса сосновые, где царствует бедность, уныние, болезни. Там обитают государи российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы их царедворцы и стража не умирали голодом и чтобы ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человек не одолеет натуры!

Но великий муж самыми ошибками доказывает свое величие: их трудно или невозможно изгладить – как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!.. Второй Петр Великий мог бы только в 20 или 30 лет утвердить новый порядок вещей гораздо основательнее, нежели все наследники Первого до самой Екатерины II. Несмотря на его чудесную деятельность, он многое оставил исполнить преемникам, но Меншиков¹ думал единственно о пользах своего личного властолюбия; так и Долгорукие. Меншиков замышлял открыть сыну своему путь к трону; Долгорукие и Голицыны хотели видеть на престоле слабую тень монарха и господствовать именем Верховного совета. Замыслы дерзкие и малодушные! Пигмеи спорили о наследии великана. Аристократия, олигархия губила отечество... И в то время, когда оно изменило нравы, утвержденные веками, потрясенные внутри новыми, важными переменами, которые, удалив в обычаях дворянство от народа, ослабили власть духовную, могла ли Россия обойтись без государя? Самодержавие сде-

¹ Меншиков А.Д. (1673–1729) – сподвижник Петра I, военачальник. Президент Военной коллегии (1718–1724, 1726–1727 гг.).

лалось необходимее прежнего для охранения порядка – и дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости осьми аристократов, восприняла от народа, дворян и духовенства власть неограниченную. Сия государыня хотела правительствовать согласно с мыслями Петра Великого и спешила исправить многие упущения, сделанные с его времени. Преобразованная Россия казалась тогда величественным недостроенным зданием, уже ознаменованным некоторыми приметам близкого разрушения: часть судебная, воинская, внешняя политика находились в упадке. Остерман¹ и Миних², одушевленные честолюбием заслужить имя великих мужей в их втором отечестве, действовали неумолимо и с успехом блестящим: первый возвратил России ее знаменитость в государственной системе европейской – цель усилий Петровых; Миних исправил, оживил воинские учреждения и давал нам победы. К совершенной славе Аннина царствования не доставало третьего мудрого действителя для законодательства и внутреннего гражданского образования россиян. Но злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому омрачила и жизнь, и память ее в истории. Воскресла Тайная канцелярия Преображенская с пытками; в ее вертепах и на площадях градских лились реки крови. И кого терзали? Врагов ли государыни? Никто из них и мысленно не хотел ей зла: самые Долгорукие виновны были только перед отечеством, которое примирилось с ними их несчастьем. Бирон³, не достойный власти, думал утвердить ее в руках своих ужасами: самое легкое подозрение, двусмысленное слово, даже молчание казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Он, без сомнения, имел неприятелей: добрые россияне могли ли видеть равнодушно курляндского шляхтича почти на троне? Но сии Бироновы неприятели были истинными друзьями престола и Анны. Они гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давал право ждать милостей царских.

Вследствие двух заговоров злобный Бирон и добродушная правительница⁴ утратили власть и свободу. Лекарь француз и несколько пьяных гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире с восклицаниями: «гибель иноземцам! честь россиянам!». Первые времена сего царствования ознаменовались нахальством славной лейб-компания, возложением голубой ленты на малороссийского певчего и бедствием наших государственных благодетелей – Остермана и Миниха, которые никогда не были так велики, как стоя под эшафотом и желая счастья России и Елизавете. Вина их состояла в усердии к императрице Анне и во мнении, что Елизавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять государством. Несмотря на то, россияне хвалили ее царствование: она изъявляла к ним более доверенности, нежели к немцам; восстановила власть Сената, отменила смертную казнь, имела любовников добродушных,

¹ Остерман А.И. (1686–1747) – государственный деятель, дипломат. Фактически руководил внутренней и внешней политикой российского государства при Анне Иоанновне.

² Миних Б.К. (1683–1767) – государственный деятель, военачальник, президент Военной коллегии при Анне Иоанновне.

³ Бирон Э.И. (1690–1772) – фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский.

⁴ Анна Леопольдовна (1718–1746) – правительница России при малолетнем сыне – императоре Иване VI Антоновиче (1740–1741 гг.). Племянница Анны Иоанновны. Отстранена от власти Елизаветой Петровной.

страсть к весельям и нежным стихам. Вопреки своему человеколюбию, Елизавета вмешалась в войну кровопролитную и для нас бесполезную. Первым государственным человеком сего времени был канцлер Бестужев, умный и деятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нею, монархиня давала ему волю торговать политикою и силами государства; наконец, свергнула его и сделала новую ошибку, торжественно объявив народу, что сей министр, душа почти всего ее царствования, есть гнуснейший из смертных! Счастье, благоприятствуя мягкосердной Елизавете в ее правление, спасло Россию от тех чрезвычайных зол, коих не может отвратить никакая мудрость человеческая, но счастье не могло спасти государства от алчного корыстолюбия П.И. Шувалова¹. Ужасные монополии сего времени долго жили в памяти народа, утесняемого для выгоды частных людей и ко вреду самой казны. Многие из заведений Петра Великого пришли в упадок от небрежения, и вообще царствование Елизаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного. Несколько побед, одержанных более стойкостью воинов, нежели дарованием военачальников. Московский университет и оды Ломоносова остаются красивейшими памятниками сего времени. Как при Анне, так и при Елизавете Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими. Замечались успехи светского вкуса. Уже двор наш блистал великолепием и, несколько лет говорив по-немецки, начал употреблять язык французский. В одежде, в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веною. Но грозы самодержавия еще пугали воображение людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильного; еще пытки и Тайная канцелярия существовали.

Новый заговор – и несчастный Петр III² в могиле со своими жалкими пороками... Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых философов XVIII века и пленялась характером древних республиканцев, но хотела повелевать, как земной бог, – повелевала. Петр, насильствуя обычай народные, имел нужду в средствах жестоких – Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца: ибо не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом отечество или славу свою – победами, законодательством, просвещением. Ее душа, гордая, благородная, боялась унизиться робким подозрением, – и страхи Тайной канцелярии исчезли, с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в высших гражданских состояниях. Мы приучились судить, хвалить в делах государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желание мести – добродетель превосходная в монархе! Уверенная в своем величии, твердая, непреклонная

¹ Шувалов П.И. (1710–1762) – государственный деятель, участник дворцового переворота, возведшего на престол Елизавету Петровну, фактический руководитель ее правительства, военачальник.

² Петр III Федорович (1728–1762) – император (с 1761 г.), внук Петра I. Свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной. В его правление был издан Указ о вольности дворянства (1762 г.).

в намерениях, объявленных ею, будучи единственною душою всех государственных движений в России, не выпуская власти из собственных рук – без казни, без пыток влияя в сердца министров, полководцев, всех государственных чиновников живейший страх сделаться ей неудобным и пламенное усердие заслуживать ее милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословие, а где искренность говорила правду, там монархиня думала: «Я властна требовать молчания от россиян – современников, но что скажет потомство? И мысль, страхом заключенная в сердце, менее ли слова будет для меня оскорбительна?». Сей образ мыслей, доказанный делами 34-летнего владычества, отличает ее царствование от всех прежних в новой российской истории, т.е. Екатерина очистила самодержавие от примесей тиранства. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума. Возвысив нравственную цену человека в своей державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания государственного и не оставила ни единой без поправления: уставы Сената, губерний, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя политика сего царствования достойна особенной хвалы: Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами – Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их, – заблуждение славное для сей великой монархини! Она была женщина, но умела избирать вождей так же, как министров или правителей государственных. Румянцев, Суворов стали на ряду с знаменитейшими полководцами в мире. Князь Вяземский заслужил имя достойного министра благоразумною государственною экономией, хранением порядка и целости. Упрекнем ли Екатерину излишним воинским славолубием? Ее победы утвердили внешнюю безопасность государства. Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое. Правилom монархини было не мешаться в войны, чуждые и бесполезные для России, но питать дух ратный в империи, рожденной победами.

Слабый Петр III, желая угодить дворянству, дал ему свободу служить или не служить. Умная Екатерина, не отменив сего закона, отвратила его вредные для государства следствия: любовь к Святой Руси, охлажденную в нас переменами Великого Петра, монархиня хотела заменить гражданским честолюбием; для того соединила с чинами новые прелести или выгоды, вымышляя знаки отличий, и старалась поддерживать их цену достоинством людей, украшаемых оными. Крест Св. Георгия не рождал, однако ж усиливал храбрость. Многие служили, чтобы не лишиться места и голоса в дворянских собраниях; многие, несмотря на успехи роскоши, любили чины и ленты гораздо более корысти. Сим утвердилась нужная зависимость дворянства от трона.

Но согласимся, что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах – там от примеров двора любострастного, здесь от выгодного для казны умножения питейных домов. Пример Анны и Елизаветы извиняет ли Екатерину? Богатства государственные принадлежат ли тому, кто имеет единственно лицо красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная – порок, ибо соблазняет

других. Самое достоинство государя не терпит, когда он нарушает устав благонравия: как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных. Требуется ли доказательств, что искреннее почтение к добродетелям монарха утверждает власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно воспоминаем ее слабости и краснеем за человечество. Заметим еще, что правосудие не цвело в сие время; вельможа, чувствуя несправедливость свою в тяжбе с дворянином, переносил дело в Кабинет; там засыпало оно и не пробуждалось. В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам. Таково было новое учреждение губерний, изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России. Солон говорил: «Мои законы несовершенные, но лучшие для афинян». Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения. Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием, двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство одолжало; дела бесчестные, внушаемые корыстолюбием для удовлетворения прихотям, стали обыкновеннее; сыновья бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения французской или английской наружности. У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархиня, – не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни. Любимец вельможи, рожденный бедным, не стыдился жить пышно; вельможа не стыдился быть развратным. Торговали правдою и чинами. Екатерина – Великий Муж в главных собраниях государственных – являлась женщиною в подробностях монаршей деятельности: дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видала или не хотела видеть многих злоупотреблений, считая их, может быть, неизбежными и довольствуясь общим, успешным, славным течением ее царствования.

По крайней мере, сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время.

Следствия кончины ее заградили уста строгим судьям сей великой монархини: ибо особенно в последние годы ее жизни, действительно, слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам естественным, необходимым следствием порядка вещей, а не личной Екатериной мудрости, худое же – ее собственно виною.

Павел восшел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства... Но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных

претерпленных им неудовольствий, он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому изумлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды – прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать; отвратил дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники, имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчию зла; ежедневно вымышлял способ устрашать людей – и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец – и соорудил гробницу!.. Заметим черту, любопытную для наблюдателя: в сие царствование ужаса, по мнению иноземцев, россияне боялись даже и мыслить – нет! говорили, и смело!.. Умолкали единственно от скуки частого повторения, верили друг другу – и не обманывались! Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах: общее бедствие сближало сердца, и великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности. Вот действия Екатеринына человеколюбивого царствования: оно не могло быть истреблено в 4 года Павлова и доказывало, что мы были достойны иметь правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россияне смотрели на сего монарха, как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней... Она пришла, и весть о том в целом государстве была вестью искупления: в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день светлого Воскресения. Кто был несчастливее Павла?.. Слезы горести лились только в недрах его августейшего семейства; тужили еще некоторые, им облагодетельствованные, но какие люди!.. Их сожаление не менее всеобщей радости должноствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлучении с телом, озаренная, наконец, светом истины, могла воззреть на землю и на Россию! К чести благоразумнейших россиян не умолчим об их суждении. Сведая дело, они жалели, что зло вредного царствования пресечено способом вредным. Заговоры суть бедствия, колеблют основу государств и служат опасным примером для будущности. Если некоторые вельможи, генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить монархов, или сменять их, что будет самодержавие? Игралищем олигархии, и должно скоро обратиться в безначалие, которое ужаснее самого злейшего властителя, подвергая опасности всех граждан, а тиран казнит только некоторых. Мудрость веков и благо народное утвердили сие правило для монархий, что закон должен располагать тронем, а Бог, один Бог, – жизнию царей!.. Кто верит Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву, – фено-

мены страшные, но редкие: ибо мы в течение девяти веков имели только двух тиранов: ибо тиранство предполагает необыкновенное ослепление ума в государе, коего действительно счастье неразлучно с народным, с правосудием и с любовью к добру. Заговоры да устрашают народ для спокойствия государей! Да устрашают и государей для спокойствия народов!.. Две причины способствуют заговорам: общая ненависть или общее неуважение к властителю. Бирон и Павел были жертвою ненависти, правительница Анна и Петр III – жертвою неуважения. Миних, Лесток и другие не дерзнули бы на дело, противное совести, чести и всем уставам государственным, если бы сверженные ими властители пользовались уважением и любовью россиян.

Не сомневаясь в добродетели Александра, судили единственно заговорщиков, подвигнутых местию и страхом личных опасностей; винили особенно тех, которые сами были орудием Павловых жестокостей и предметом его благодеяний. Сии люди уже, большею частью, скрылись от глаз наших в мраке могилы или неизвестности... Едва ли кто-нибудь из них имел утешение Брута или Кассия пред смертью или в уединении. Россияне одобрили юного монарха, который не хотел быть окружен ими и с величайшею надеждою устремили взор на внука Екатерины, давшего обет властвовать по ее сердцу!

Доселе говорил я о царствованиях минувших – буду говорить о настоящем, с моею совестью и с государем, по лучшему своему уразумению. Какое имею право? Любовь к Отечеству и монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, т.е. в их творениях. Чего хочу? С добрым намерением – испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет история.

Два мнения были тогда господствующими в умах: одни хотели, чтобы Александр в вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатеринина царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла. В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «Можно, надобно только поставить закон еще выше государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они – угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти, – вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит Устав? Представят о том Его Величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ?.. Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные

гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия? Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..». Но вообразим, что Александр предписал бы монаршей власти какой-нибудь Устав, основанный на правилах общей пользы, и скрепил бы оный святостью клятвы... Сия клятва без иных способов, которые все или невозможны, или опасны для России, будет ли уздою для преемников Александровых? Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! да приучит подданных ко благу!.. Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти... Чем? – страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого – никогда! «Сладкое отвращает нас от горького», – сказали послы Владимировы, изведав веры европейские.

Все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует 10 лет, и никто не переменит о том своих мыслей; скажу еще более: все согласны, что едва ли кто-нибудь из государей превосходил Александра в любви, в ревности к общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослеплялся блеском венца и столь умел быть человеком на троне, как он!.. Но здесь имею нужду в твердости духа, чтобы сказать истину. Россия наполнена недовольными: жалуются в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры. Удивительный государственный феномен! Обыкновенно бывает, что преемник монарха жестокого легко снискивает всеобщее одобрение, смягчая правила власти: успокоенные кротостью Александра, безвинно не страшась ни Тайной канцелярии, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всеми позволенными в гражданских обществах удовольствиями, каким образом изъясним сие горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра. Увидим...

Начнем со внешней политики, которая имела столь важное действие на внутренность государства. Ужасная французская революция была погребена, но оставила сына, сходного с нею в главных чертах лица. Так называемая республика обратилась в монархию, движимую гением властолюбия и побед. Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию и делала свое дело. Вена тосковала о Нидерландах и Ломбардии: война представляла ей великие опасности и великие надежды. Берлин хитрил, довольствуясь учтивостями: мир был для него законом благоразумия. Россия ничего не утра-

тила и могла ничего не бояться, т.е. находилась в самом счастливейшем положении. Австрия, все еще сильная, как величественная твердыня, стояла между ею и Францией, а Пруссия служила нам уздою для Австрии. Основанием российской политики должно было быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы; успехи Франции и Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, усилив ту или другую. Властолюбие Наполеона теснило Италию и Германию; первая, как отдаленнейшая, менее касалась до особенных польз России; вторая должна была сохранять свою независимость, чтобы удалить от нас влияние Франции. Император Александр более всех имел право на уважение Наполеона; слава героя италийского еще гремела в Европе и не затмилась стыдом Германа и Корсакова; Англия, Австрия были в глазах консула естественными врагами Франции; Россия казалась только великодушною посредницею Европы и, неотступно ходатайствуя за Германию, могла напомнить ему Треббю и Нови в случае, если бы он не изъявил надлежащего внимания к нашим требованиям. Министр, знаменитый в хитростях дипломатической науки, представлял Россию в Париже; избрание такого человека свидетельствовало, сколь Александр чувствовал важность сего места, и даже могло быть приятно для самолюбия консулова. К общему изумлению, мы увидели, что граф Марков пишет свое имя под новым разделом германских южных областей в угодность, в честь Франции и к ее сильнейшему влиянию на землю немецкую; но еще с большим изумлением мы сведали, что сей министр, в важном случае оказав излишнюю снисходительность к видам Наполеона, вручает грозные записки Талейрану¹ о каком-то женевском бродяге, взятом под стражу во Франции, делает разные неудовольствия консулу в безделицах и, принужденный выехать из Парижа, получает голубую ленту. Можно было угадать следствия... Но от чего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А доколе не знали его?.. Здесь приходит мне на мысль тогдашний разговор одного молодого любимца государева и старого министра. Первый, имея более самолюбия, нежели остроумия, и весьма несильный в государственной науке, решительно объявил при мне, что Россия должна воевать для занятия умов праздных и для сохранения ратного духа в наших армиях; второй с тонкою улыбкою давал чувствовать, что он способствовал графу Маркову получать голубую ленту в досаду консулу. Молодой любимец веселился мыслию схватить ее в поле со славным Бонапарте, а старый министр торжествовал, представляя себе бессильную ярость Наполеона. Несчастные! Одним словом, история Маркова посольства, столь несогласного в правилах, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своих горестных предчувствий, когда я, страдая в тяжелой болезни, услышал о походе нашего войска... Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т.е. служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеон в тогдашних обстоятельствах не вредил прямо нашей безопасности, огражденной Австриею, Пруссиею, числом и славою нашего воинства. Какие замыслы имели мы в случае

¹ Талейран Шарль Морис (1754–1838) – французский дипломат, министр иностранных дел в 1797–1815 гг.

успеха? Возвратить Австрии великие утраты ее? Освободить Голландию, Швейцарию? Признаем возможность, но только вследствие десяти решительных побед и совершенного изнурения французских сил... Что оказалось бы в новом порядке вещей? Величие, первенство Австрии, которая из благодарности указала бы России вторую степень, и то до времени, пока не смирила бы Пруссия, а там объявила бы нас державою азиатскою, как Бонапарте. Вот счастливая сторона; несчастная уже известна!.. Политика нашего Кабинета удивляла своею смелостью: одну руку подняв на Францию, другою грозили мы Пруссии, требуя от нее содействия! Не хотели терять времени в предварительных сношениях – хотели одним махом все решить. Спрашиваю, что сделала бы Россия, если бы берлинское министерство ответствовало князю Долгорукову: «Молодой человек! Вы желаете свергнуть деспота Бонапарте, а сами, еще не свергнув его, предписывали законы политике держав независимых!.. Иди своим путем, – мы готовы утвердить мечом свою независимость». Бенигсен, граф Толстой ударили бы тогда на Пруссию? Прекрасное начало – оно стоило бы конца! Но князь Долгоруков летел с приятнейшим ответом: правда, нас обманули, или мы сами обманули себя.

Все сделалось наилучшим образом для нашей истинной пользы. Мак в несколько дней лишился армии; Кутузов, вместо австрийских знамен, увидел перед собою Наполеоновы, но с честью, славою, победою отступил к Ольмюцу. Два сильные воинства стояли готовые к бою. Осторожный, благоразумный Наполеон сказал своему: «Теперь Европа узнает, кому принадлежит имя храбрейших, – вам или россиянам», – и предложил нам средства мира. Никогда политика российская не бывала в счастливейших обстоятельствах, никогда не имела столь мало причин сомневаться в выборе. Наполеон завоевал Вену, но Карл приближался, и 80 000 россиян ждали повеления обнажить меч. Пруссия готовилась соединиться с нами. Одно слово могло прекратить войну славнейшим для нас образом: изгнанник Франц по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном; наш монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и спасителя немецкой империи. Победа долженствовала быть, по крайней мере, сомнительною; что мы выигрывали с нею? Едва ли не одну славу, которую имели бы и в мире. Что могло быть следствием неудачи? Стыд, бегство, голод, совершенное истребление нашего войска, падение Австрии, порабощение Германии и т.д... Судьбы Божии неисповедимы: мы захотели битвы! Вот вторая политическая ошибка! (Молчу о воинских.)

Третья, и самая важная следствиями, есть мир Тильзитский, ибо она имела непосредственное влияние на внутреннее состояние государства. Не говорю о жалкой истории полуминистра Убри, не порицаю ни заключенного им трактата (который был плодом Аустерлица), ни министров, давших совет государю отвергнуть сей лаконический договор. Не осуждаю и последней войны с французами – тут мы долженствовали вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу. Знаю только, что мы в течение зимы должны были или прислать новых 100 т[ысяч] к Бенингсену, или вступать в мирные переговоры, коих успех был вероятен. Пултуск и Прейсиш-Эйлау ободрили

россиян, изумив французов... Мы дождались Фридланда. Но здесь-то следовало показать отважность, которая, в некоторых случаях, бывает глубокомысленным благоразумием: таков был сей. Надлежало забыть Европу, проигранную нами в Аустерлице и Фридланде, надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т.е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англией и воевать со Швецией, в противность святейшим уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказаться от Европы, но без стыда не могли служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилий. Умолчим ли о втором, необходимом для нашей безопасности, условии, от коего мы долженствовали бы отступить, разве претерпев новое бедствие на правом берегу Немана, – условию, чтобы не быть Польше ни под каким видом, ни под каким именем? Безопасность собственная есть высший закон в политике: лучше было согласиться, чтоб Наполеон взял Шлезию, самый Берлин, нежели признать Варшавское герцогство.

Таким образом, великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас чрез Варшаву соседями Наполеона. Сего мало: убыточная война Шведская и разрыв с Англией произвели неумеренное умножение ассигнаций, дороговизну и всеобщие жалобы внутри государства. Мы завоевали Финляндию; пусть «Монитор» славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостью, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов, – и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра – быть побежденным от французов, или принужденным следовать их хищной системе.

Пожертвовав союзу Наполеона нравственным достоинством великой империи, можем ли надеяться на искренность его дружбы? Обманем ли Наполеона? Сила вещей неодолима. Он знает, что мы внутренне ненавидим его, ибо его боимся; он видел усердие в последней войне австрийской, более нежели сомнительное. Сия двоякость была необходимым следствием того положения, в которое мы поставили себя Тильзитским миром, и не есть новая ошибка. Легко ли исполняется обещание услуживать врагу естественному и придавать ему силы! Думаю, что мы, взяв Финляндию, не посовестились бы завоевать Галицию, если бы предвидели верный успех Наполеонов. Но Карл мог еще победить; к тому же и самым усердным использованием обязанности союзников мы не заслужили бы искреннего доброжелательства Наполеонова: он дал бы нам поболее, но не дал бы средств утвердить нашу независимость. Скажем ли, что Александру надлежало бы пристать к австрийцам? Австрийцы не пристали к нам, когда Бонапарте в изнурении удалялся от Прейсиш-Эйлау и когда их стотысячная армия могла бы доконать его. Политика не злопамятна, без сомнения, но 30 или 40 тысяч россиян могли бы также не подоспеть к решительной битве, как эрцгерцог Иоанн к Ваграмской; Ульм, Аустерлиц находились в свежей памяти. Что бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидев нашу отважность, взял бы скорейшие, дей-

ствительнейшие меры для обуздания оной. На сей раз лучше, что он считает нас только робкими, тайными врагами, только не допускает мириться с турками, только из-под руки страшает Швециею и Польшею. Что будет далее – известно Богу, но людям известны сделанные нами политические ошибки; но люди говорят: для чего граф Марков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навели отдаленные тучи на Россию? Для чего не заключили мира прежде Аустерлица? Глас народа – глас Божий. Никто не уверит россиян, чтобы советники Трона в делах внешней политики следовали правилам истинной, мудрой любви к отечеству и к доброму государю. Сии несчастные, видя беду, думали единственно о пользе своего личного самолюбия: всякий из них оправдывался, чтобы винить монарха.

Посмотрим, как они действовали и действуют внутри государства. Вместо того, чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринина царствования, утвержденному опытом 34-х лет, и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени; вместо того, чтобы отменить единственно излишнее, прибавить нужное, одним словом исправлять по основательному рассмотрению, советники Александровы захотели новостей в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо более уважаем то, что давно уважаем и все делаем лучше от привычки. Петр Великий заменил боярскую думу Сенатом, приказы – коллегиями и не без важного усилия сообщил оным стройную деятельность. Время открыло некоторые лучшие способы управления, и Екатерина II издала Учреждение губерний, приводя его в исполнение по частям с великой осторожностью. Коллегии дел судных и казенных уступили место палатам: другие остались, и если правосудие и государственное хозяйство при Екатерине не удовлетворяло всем желаниям доброго гражданина, то никто не мыслил жаловаться на формы или на образование: жаловались только на людей. Фельдмаршал Миних замечал в нашем государственном чине некоторую пустоту между тронном и Сенатом, но едва ли справедливо. Подобно древней боярской думе, Сенат в начале своем имел всю власть, какую только вышнее правительствующее место в самодержавии иметь может. Генерал-прокурор служил связью между им и государем; там вершились дела, которые надлежало бы вершить монарху; по человечеству не имея способа обнять их множество, он дал Сенату свое верховное право и свое око в генерал-прокуроре, определив, в каких случаях действовать сему важному месту по известным законам, в каких требовать его высочайшего соизволения. Сенат издавал законы, поверял дела коллегий, решал их сомнения или спрашивал у государя, который, принимая от него жалобы от людей частных, грозил строгой казнию ему в злоупотреблении власти или дерзкому челобитчику в несправедливой жалобе. Я не вижу пустоты, и новейшая история, от времен Петра до Екатерины II, свидетельствует, что учреждение верховных советов, кабинетов, конференций было несовместно с первоначальным характером Сената, ограничивая или стесняя круг его деятельности: одно мешало другому.

Сия система правительства не уступала в благоустройстве никакой иной

европейской, заключая в себе, кроме общего со всеми, некоторые особенности, сообразные с местными обстоятельствами империи. Павел, не любя дел своей матери, восстановил разные уничтоженные ею коллегии, сделал перемены и в учреждении губерний, но благоразумные, отменив малонужные верхние земские суды с расправами, отняв право исполнения у решений палатских и пр[очее]. Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил министерства, согласно с мыслями фельдмаршала Миниха и с системою правительств иностранных. Прежде всего, заметим излишнюю поспешность в сем учреждении: министерства уставлены и приведены в действие, а не было еще наказа министрам, т.е. верного, ясного руководства в исполнении важных из обязанностей! Теперь спросим о пользе. Министерские бюро заняли место коллегий. Где трудились знаменитые чиновники, президент и несколько заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность правительствующего места, – там увидели мы маловажных чиновников, директоров, экспедиторов, столоначальников, которые, под щитом министра, действуют без всякого опасения. Скажут, что министр все делает и за все отвечает; но одно честолюбие бывает неограниченно. Силы и способности смертного заключены в пределах весьма тесных. Например, министр внутренних дел, захватив почти всю Россию, могли основательно вникать в смысл бесчисленных входящих к нему и выходящих от него бумаг? Мог ли даже разуместь предметы столь различные? Начали являться, одни за другими, комитеты: они служили сатирой на учреждение министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного правления. Наконец, заметили излишнюю многосложность внутреннего министерства... Что же сделали?.. Прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для русских в его составе. Как? Опекни принадлежат министру полиции? Ему же и медицина? И пр[очее], и пр[очее]... Или сие министерство есть только часть внутреннего, или названо не своим именем? И благоприятствует ли славе мудрого правительства сие второе преобразование? Учредили и после говорят: «Извините, мы ошиблись: сие относится не к тому, а к другому министерству». Надлежало бы обдумать прежде; иначе, что будет порукою и за твердость иного Устава? Далее, основав бытие свое на развалинах коллегий, – ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили важность свою в сем порядке вещей, – министры стали между государем и народом, заслоня Сенат, отнимая его силу и величие, хотя подведомые ему отчетами; но сказав: «Я имел счастье докладывать государю!» – заграждали уста сенаторам, а сия мнимая ответственность была доселе пустым обрядом. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государем, сообщались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россией управляли министры, т.е. каждый из них по своей части мог творить и разрушать. Спрашиваем: кто более заслуживает доверенность – один ли министр или собрание знатнейших государственных сановников, которое мы обыкли считать высшим правительством, главным орудием монаршей власти? Правда, министры составляли между собою Комитет; ему надлежало одобрить всякое новое установление прежде, нежели оно утверждалось монархом; но сей Комитет не походит ли на Совет 6 или 7 разноземцев, из коих всякий говорит особенным языком, не понимая других. Министр морских

сил обязан ли разуместь тонкости судебной науки или правила государственного хозяйства, торговли и проч.?.. Еще важнее то, что каждый из них, имея нужду в сговорчивости товарищей для своих особенных выгод, сам делается сговорчив.

«Просим терпения», отвечают советники монарха: «Мы изобретаем еще новый способ ограничить власть министров». Выходит учреждение Совета.

И Екатерина II имела Совет, следуя правилу: «ум хорошо, а два лучше». Кто из смертных не советуется с другими в важных случаях? государи более всех имеют в том нужды. Екатерина в делах войны и мира, где ей надлежало произвести решительное да или нет, слушала мнение некоторых избранных вельмож; вот – Совет ее, по существу своему, Тайный, т.е. особенный, лично императорский. Она не сделала его государственным, торжественным, ибо не хотела уничтожить Петрова Сената, коего бытие, как мы сказали, несовместно с другим высшим правительствующим местом. Какая польза унижать Сенат, чтоб возвысить другое правительство? Если члены первого недостойны монаршей доверенности, надобно только переменить их: или Сенат не будет Правительствующим, или Совет не может торжественно и под своим именем рассматривать за ним дела, мимо Сената, издавать с государем законы. Мы читаем ныне в указах монарших: «вняв мнению Совета»... Итак, Сенат в стороне? Что же он? Останется ли только судилищем?.. Увидим, ибо нам велят ждать новых дополнительных Уставов государственных, преобразования сенатского, губерний и пр[оч.]. «В монархии, – пишет Монтескье, – должно быть хранилище законов». Что ни будет, но сказанное нами не изменится в главном смысле: Совет будет Сенатом или его половиною, отделением. Сие значит играть именами и формами, придавать им важность, которую имеют только вещи. Поздравляю изобретателя сей новой формы или предисловия законов: «вняв мнению Совета»; государь российский внемлет только мудрости, где находит ее: в собственном ли уме, в книгах ли, в голове ли лучших своих подданных; но в самодержавии не надобно никакого одобрения для законов, кроме подписи государя; он имеет всю власть. Совет, Сенат, комитеты, министры суть только способы ее действий или поверенные государя; их не спрашивают, где он сам действует. Выражение «le conseil d'état entendu»¹ не имеет смысла для гражданина российского; пусть французы справедливо, или несправедливо, употребляют оное!.. Правда, и у нас писали: «Государь указал, бояре приговорили», но сия законная пословица была на Руси несколько лет панихидою на усопшую аристократию боярскую. Воскресим ли форму, когда и вещь, и форма давно истребились?

Совет, говорят, будет уздою для министров. Император отдает ему рассматривать важнейшие их представления; но между тем они все будут править государством именем государя. Совет не вступается в обыкновенное течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных или в новых постановлениях, а сей обыкновенный порядок государственной деятельности составляет благо или зло нашего времени.

Спасительными уставами бывают единственно те, коих давно желают лучшие умы в государстве и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи

¹ Вняв мнению Государственного совета (франц.).

ближайшим целебным средством на известное зло: учреждение министерств и Совета имело для всех действие внезапности. По крайней мере, авторы должны были изъяснять пользу своих новых образований: читаю и вижу одни сухие формы. Мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое. Говорят россиянам: «Было так, отныне будет иначе». Для чего? – не сказывают. Петр Великий в важных переменах государственных давал отчет народу: взгляните на Регламент духовный, где император открывает вам всю душу свою, все побуждения, причины и цель сего Устава. Вообще новые законодатели России славятся наукою писмоводства более, нежели наукою государственною: издают проект Наказа министерского, – что важнее и любопытнее?.. Тут, без сомнения, определена сфера деятельности, цель, способы, должности каждого министра?.. Нет! Брошено несколько слов о главном деле, а все другое относится к мелочам канцелярским: сказывают, как переписываться министерским департаментам между собою, как входят и выходят бумаги, как государь начинает и кончит свои рескрипты! Монтескье означает признаки возвышения или падения империи. Автор сего проекта с такою же важностью дает правила судить о цветущем и худом состоянии канцелярий. Искренне хвалю его знания в сей части, но осуждаю постановление: «Если государь издает указ, несогласный с мыслями министра, то министр не скрепляет оного своей подписью». Следственно, в государстве самодержавном министр имеет законное право объявить публике, что выходящий указ, по его мнению, вреден? Министр есть рука венценосца, – не более! Рука не судит головы. Министр подписывает Именные указы не для публики, а для императора, во уверение, что они написаны, слово в слово, так, как государь приказал. Подобные ошибки в коренных государственных понятиях едва ли извинительны. Чтобы определить важную ответственность министра, автор пишет: «Министр судится в двух случаях: когда преступит меру власти своей или когда не воспользуется данными ему способами для отвращения зла». Где же означена сия мера власти и сии способы? Прежде надобно дать закон, а после говорить о наказании преступника. Сия громогласная ответственность министров в самом деле может ли быть предметом торжественного суда в России? Кто их избирает? Государь. Пусть он награждает достойных своею милостию, а в противном случае – удаляет недостойных, без шума, тихо и скромно. Худой министр есть ошибка государева: должно исправлять подобные ошибки, но скрытно, чтобы народ имел доверенность к личным выборам царским.

Рассматривая таким образом сии новые государственные творения и видя их незрелость, добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей. С Сенатом, с коллегиями, с генерал-прокурором у нас шли дела, и прошло блестящее царствование Екатерины II. Все мудрые законодатели, принуждаемые изменять уставы политические, старались как можно менее отходить от старых. «Если число и власть сановников необходимо должны быть переменены, – говорит умный Макиавелли, – то удержите хотя имя их для народа». Мы поступаем совсем иначе: оставляем вещь, гоним имена, для произведения того же действия вымышляем другие способы! Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового, а новому добру как-то не верится. Перемены сделанные не ручаются за

пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждой, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее? Где, в какой земле европейской блаженствует народ, цветет правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны?.. Во Франции?.. Правда, там есть Conseil d'état, Secrétaire d'état, Senat conservateur, Ministres de l'Intérieur, de la Justice, des Finances, de l'Instruction publique, de la Police, des Cultes¹, – правда, что Екатерина II не имела ни сих правительств, ни сих чиновников. Но где видим гражданское общество, согласное с истинною целию оною, – в России ли при Екатерине II, или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия? Где более законного, единообразного течения в делах правительства? Мы читаем в прекрасной душе Александра сильное желание утвердить в России действие закона... Оставив прежние формы, но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к общему добру, он скорее мог бы достигнуть сей цели и затруднил бы для наследников отступление от законного порядка. Гораздо легче отменить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынешнему Совету в глазах будущего преемника Александрова; новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданностям произвола.

Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи и коих благотворность остается доселе сомнительной. Теперь пройдем в мыслях некоторые временные и частные постановления Александрова царствования; посмотрим, какие меры брались в обстоятельствах важных и что было их следствием.

Наполеон, одним махом разрушив дотоле знаменитую державу прусскую, стремился к нашим границам. Никто из добрых россиян не был покоен: все чувствовали необходимость усилий чрезвычайных и ждали, что сделает правительство. Выходит манифест о милиции... Верю, что советники государевы имели доброе намерение, но худо знали состояние России. Вооружить 600 000 человек, не имея оружия в запасе! Прокормить их без средства везти хлеб за ними, или изготовить его в тех местах, куда им идти (не?) надлежало! Где взять столько дворян для предводительства? Во многих губерниях недоставало и половины чиновников. Изумили дворян, испугали земледельцев; подвозы, работы остановились; с горя началось пьянство между крестьянами; ожидали и дальнейших неистовств. Бог защитил нас. Нет сомнения, что благородные сыны отечества готовы были тогда на великодушные жертвы, но скоро общее усердие остыло; увидели, что правительство хотело невозможного; доверенность к нему ослабела, и люди, в первый раз читавшие манифест со слезами, чрез несколько дней начали смеяться

¹ Государственный совет, Государственный секретарь, Охранительный сенат, министры внутренних дел, юстиции, финансов, образования, полиции, культов (франц.).

над жалкой милицией! Наконец, уменьшили число ратников... Имели 7 месяцев времени – и не дали армии никакой сильной подмоги! Зато – мир Тильзитский... Если бы правительство, вместо необыкновенной для нас милиции, потребовало от государства 150 [тысяч] рекрутов с хлебом, с подводами, с деньгами, то сие бы не произвело ни малейшего волнения в России и могло бы усилить нашу армию прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать в исполнении. В случае государственных чрезвычайных опасностей и жертв, главное правило есть действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать. Я читал переписку русских воевод при Лжедмитрии, когда мы не имели ни царя, ни совета боярского, ни столицы: сии воеводы худо знали грамоте, но знали Россию и спасли ее самыми простейшими средствами, требуя друг от друга, что каждый из них мог сделать лучшего по местным обстоятельствам своего начальства. Сию статью заключу особенным примечанием. Во время милиции все жаловались на недостаток оружия и винили беспечность начальства: не знаю, воспользовались ли мы опытом для нашей будущей безопасности? Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякий случай? Слышу только, что славный Тульский завод приходит в упадок, что новые паровые машины действуют не весьма удачно и что новые образцовые ружья причиною разорения мастеров... Так ли?

Все намерения Александровы клонятся к общему благу. Пнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ... К сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для отечества. Выписали профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык латинский, и число их так невелико, что профессеры теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру – зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы желают знать существенно арифметику, или языки иностранные для выгоды своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в университетах для того, чтобы сделаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! – нашистряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кое-как в семинариях и далее не идут, а выгоды ученого состояния в России так еще новы, что отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оногo. Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призренная бедность чрез 10, 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смею сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении. Строить, покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов – есть пускать в глаза пыль. Чего не преподают ныне даже в Харькове и Ка-

зани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдешь человек 100, которые совершенно знают правописание, а мы не имеем хорошей грамматики, и в именных указах употребляются слова не в их смысле: пишут в важном банковом учреждении: «отдать деньги бессрочно» вместо «à perpétuité» – «без возврата»; пишут в манифесте о торговых пошлинах: «сократить ввоз товаров» и проч., и проч. Заметим также некоторые странности в сем новом образовании ученой части. Лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание ста, или более, училищ, подведомых университетскому совету. Сверх того, профессора обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ... Сколько денег и трудов потерянных! Прежде хозяйство университета зависело от его особой канцелярии – и гораздо лучше. Пусть директор училищ года в два один раз осмотрел бы уездные школы в своей губернии; но смешно и жалко видеть сих бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам! Они, не выходя из совета, могут знать состояние всякой гимназии или школы по ее ведомостям: где много учеников, там училище цветет; где их мало, там оно худо; а причина едва ли не всегда одна: худые учителя. Для чего не определяют хороших? Их нет? Или мало?... Что виною? Сонливость здешнего Педагогического института (говорю только о московском, мне известном). Путешествия профессоров не исправят сего недостатка. Вообще министерство так называемого просвещения в России доньше дремало, не чувствуя своей важности и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось, от времени и до времени, единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от государя.

Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в университетах, правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в ассессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной – от инженера, законоведения – от судьи и проч. У нас председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойство кислорода и всех газов. Вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью! Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающего всем знать риторику, сам делает в нем ошибки грамматические!.. Не будем говорить о смешном; заметим только вредное. Доньше дворяне и не дворяне в гражданской службе искали у нас чинов или денег; первое побуждение невинно, второе опасно: ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни других наук, для чего будут служить титулярные и коллежские советники? Лучшие, т.е. честолюбивые, возьмут отставку, худшие, т.е. коры-

столубивые, останутся драть кожу с живого и мертвого. Уже видим и примеры. Вместо сего нового постановления надлежало бы только исполнить сказанное в Уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать, но кто уже давно служит, с тем нельзя, по справедливости, делать новых условий для службы; он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанного законом; а вы нарушаете сей контракт государственный. И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя: юнкеров иностранной коллегии испытывайте в статистике, истории, географии, дипломатике, языках; других – только в знаниях отечественного языка и права русского, а не римского, для нас бесполезного; третьих – в геометрии, буде они желают быть землемерами и т.д. Хотеть лишнего или не хотеть должного равно предосудительно.

Указ об экзаменах был осыпан везде язвительными насмешками; тот, о коем теперь хочу говорить, многих оскорбил и никого не порадовал, хотя самое святейшее человеколюбие внушило его мысль государю. Слыхали мы о дворянах-извергах, которые торговали людьми бесчеловечно: купив деревню, выбирали крестьян, годных в солдаты, и продавали их врознь. Положим, что такие звери были в наше время, – надлежало бы грозным указом запретить сей промысел и сказать, что имение дворян, столь недостойных, будет отдаваемо в опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполнением. Вместо сего запрещают продажу и куплю рекрут. Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10, 20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целость семьи своей, – ныне отнято от них сильнейшее побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет любезного его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семейств плачут. Для государства необходимы рекруты – лучше брать их из людей злосчастных, нежели счастливых, ибо судьба последних несравненно горестнее в солдатстве. Спрашиваю: крестьяне тирана-помещика, который, из жадности к золоту, мог бы продать их в рекруты, наслаждаются ли благоденствием от того, что сия продажа запрещена? Может быть, они сделались бы менее злополучны в полках! С другой стороны, небогатые владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользой для себя и для общества; ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской; а работающий, трезвый, остался бы за сохою. Пример также имел бы спасительное действие: иной унялся бы от пьянства, зная, что господин может продать его в рекруты. Чем теперь владелец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, устрасит крестьян распутных? Палкой? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшиться палки в роте? Скажут, что ныне у нас лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивал у генералов – они сего не заметили. По крайней мере, верно то, что крестьяне стали хуже в селениях. Отец трех, иногда двух сыновей заблаговременно готовит одного из них в рекруты и не женит его; сын знает свою долю и пьянствует, ибо добрым поведением не спасет себя от солдатства. Законодатель

должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной; иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла.

Так, нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу. Должно знать происхождение сего рабства. В девятом, десятом, первом-на-десять веке были у нас рабами одни холопы, т.е. или военнопленные и купленные чужеземцы, или преступники, законом лишенные гражданства, или потомки их; но богатые люди, имея множество холопей, населяли ими свои земли: вот первые, в нынешнем смысле, крепостные деревни. Сверх того, владелец принимал к себе вольных хлебопашцев в кабалу на условиях, более или менее стеснявших их естественную и гражданскую свободу; некоторые, получая от него землю, обязывались и за себя, и за детей своих служить ему вечно – вторая причина сельского рабства! Другие же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владельцев только за деньги, или за определенное количество хлеба, имея право по истечении урочного времени идти в другое место. Сии свободные переходы имели свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных, которые, оставаясь с пустою землею, лишались способа платить государственные повинности. Царь Борис отнял первый у всех крестьян волю переходить с места на место, т.е. укрепил их за господами, – вот начало общего рабства. Сей устав изменялся, ограничивался, имел исключения и долгое время служил поводом к тяжбам, наконец, утвердился во всей силе – и древнее различие между крестьянами и холопами совершенно исчезло. Следует: 1) что нынешние господские крестьяне не были никогда владельцами, т.е. не имели собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность дворян. 2) Что крестьяне холопского происхождения – также законная собственность дворянская и не могут быть освобождены лично без особенного некоторого удовлетворения помещикам. 3) Что одни вольные, Годуновым укрепленные за господами, земледельцы могут, по справедливости, требовать прежней свободы; но как – 4) мы не знаем ныне, которые из них происходят от холопей и которые от вольных людей, то законодателю предстоит немалая трудность в распутывании сего узла гордиева, если он не имеет смелости рассечь его, объявив, что все люди равно свободны: потомки военнопленных, купленных, законных невольников, и потомки крепостных земледельцев, – что первые освобождаются правом естественным так же, как вторые – правом монарха самодержавного отменять Уставы своих предшественников. Не вступая в дальнейший спор, скажем только, что в государственном общежитии право естественное уступает гражданскому и что благоразумный самодержец отменяет единственно те Уставы, которые делаются вредными или недостаточными и могут быть заменены лучшими.

Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить, где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо. Но сии земледельцы не будут иметь земли, которая – в чем не может быть и спора – есть собственность дворянская. Они или останутся у помещиков, с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, одним словом, для них работать, как и прежде, – или, недовольные условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях, владельцу. В

первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность, – тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических: напишут контракт, и земледельцы не исполнят его, – тяжбы, вечные тяжбы!.. Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей? Не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля необработанными, многие житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом. Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительного, безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе, – какое разорение!.. Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу, или полицию, гораздо деятельнейшую всех земских судов, станут пьянствовать, злодействовать, – какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности! Одним словом, теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлас, возьмет себе Россию на рамена – удержит ли?.. Падение страшно. Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внешнюю целостность государства; благотворить состояниям и лицам есть уже вторая. Он желает сделать земледельцев счастливее свободою; но ежели сия свобода вредна для государства? И будут ли земледельцы счастливы, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным? Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника. Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны начальникам губерний. Ежели последние верно исполняют свою должность, то первых скоро не увидим; а ежели не будет в России умных и честных губернаторов, то не будет благоденствия и для поселян вольных. Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возратить оную. Тогда они имели навык людей вольных – ныне имеют навык рабов. Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением? В заключение скажем доброму монарху: «Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), – но ты будешь отвечать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных Уставов».

Не осуждаю Александра закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия; но многие ли столь богаты? Многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью; крестьяне худых – бедны: то и другое мешает успеху сего закона.

К важнейшим действиям нынешнего царствования относятся меры, взятые

для уравнивания доходов с расходами, для приведения в лучшее состояние торговли и вообще государственного хозяйства. Две несчастные войны французские, Турецкая и, в особенности, Шведская заставили казну умножить количество ассигнаций; случилось необходимое: цены на вещи возвысились и курс упал; а разрыв с Англией довершил сие бедствие. Грузные товары наши могут быть единственно отпускаемы морем; число иностранных кораблей в российских гаванях уменьшилось, а произведения фабрик европейских, легкие, драгоценные, входили к нам и морем и сухим путем. Исчезло всякое равновесие между ввозом и вывозом. Таково было состояние вещей, когда показался манифест о налогах; вместо того, чтобы сказать просто: «Необходимое умножение казенных расходов требует умножения доходов, а новых ассигнаций не хотим выпускать», – правительство торжественно объявило нам, что ассигнации не деньги, но составляют необъятную сумму долгов государственных, требующих платежа металлом, коего нет в казне!.. Следствием было новое возвышение цен на все вещи и падение курса. Первое – от новых налогов, второе – от уменьшения доверенности иноземцев к нашим ассигнованиям, торжественно оглашенным сомнительными векселями. Скажем о том и другом несколько слов.

Умножать государственные доходы новыми налогами есть способ весьма ненадежный и только временный. Земледелец, заводчик, фабрикант, обложенные новыми податями, всегда возвышают цены на свои произведения, необходимые для казны, и чрез несколько месяцев открываются в ней новые недостатки. Напр[имер], за что комиссариат платил в начале года 10 т[ысяч] руб., за то, вследствие прибавленных налогов, подрядчики требуют 15 т[ысяч] руб.! Опять надобно умножать налоги, и так до бесконечности! Государственное хозяйство не есть частное: я могу сделаться богаче от прибавки оброка на крестьян моих, а правительство не может, ибо налоги его суть общие и всегда производят дороговизну. Казна богатеет только двумя способами: размножением вещей или уменьшением расходов, промышленностью или бережливостью. Если год от года будет у нас более хлеба, сукон, кож, холста, то содержание армий должно стоить менее, а тщательная экономия богаче золотых рудников. Миллион, сохраненный в казне за расходами, обращается в два; миллион, налогом приобретенный, уменьшается ныне вполовину, завтра будет нулем. Искренно хваля правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводства, похвалим ли за бережливость? Где она? В уменьшении дворцовых расходов? Но бережливость государя не есть государственная! Александра называют даже скупым; но сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных! Здесь три генерала стерегут туфли Петра Великого; там один человек берет из пяти мест жалованье; всякому – столовые деньги; множество пенсий излишних; дают займы без отдачи и кому? – богатейшим людям! Обманывают государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну... Непрестанно на государственное иждивение ездят инспекторы, сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами; все требуют от императора домов – и покупают оные двойною ценою из сумм государственных, будто бы для общей, а в самом деле для частной выгоды, и проч., и проч. Одним словом, от начала России не бывало государя, столь

умеренного в своих особенных расходах, как Александр, – и царствования, столь расточительного, как его! В числе таких несообразностей заметим, что мы, предписывая дворянству бережливость в указах, видим гусарских армейских офицеров в мундирах, облитых серебром и золотом! Сколько жалованья сим людям? И чего стоит мундир? Полки красятся не одеждою, а делами. Мало остановить некоторые казенные строения и работы, мало сберечь тем 20 м[иллионов], – не надобно тешить бесстыдного корыстолюбия многих знатных людей, надобно бояться всяких новых штатов, уменьшить число тунеядцев на жалованье, отказывать невеждам, требующим денег для мнимого успеха наук, и, где можно, ограничить роскошь самых частных людей, которая в нынешнем состоянии Европы и России вреднее прежнего для государства.

Обратимся к ассигнациям. Многие простодушные, впрочем, неглупые люди доньше думают, что советники правительства в сем случае имели свои тайные виды и хотели умысленно повредить государственному кредиту. Я изъясняю себе загадку, как и в других случаях, одною известною хвастливостью неосновательных умов и не менее известною их охотою умничать. Доселе назывались в России государственными долгами только те суммы, которые наше правительство занимало в Голландии или в других землях; никто не причислял ассигнаций к оным, и всякий считал их деньгами, ибо они служили, как деньги в купле. Жители Мальдивских островов не знают иной монеты, кроме ничтожных раковин, имея торговлю внутреннюю и внешнюю. Кто дает цену деньгам? Правительство, объявляя, что оно будет принимать их в дань народную вместо таких и таких вещей. Если бы государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранять нас от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки. Монеты введены не для делания из них сосудов, пуговиц, табакерок, но для оценки вещей и сравнения их между собою. Пусть металлическая монета, как доказывают Бюш и другие, есть наилучшая, уже быв известною и во времена Иова; но сильное государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищим, должно ли не иметь ни армии, ни флотов для того, что у него, по обстоятельствам, нет в избытке ни серебра, ни золота? Самое золото имеет гораздо более вообразительного, нежели внутреннего достоинства. Кто бы за его блессточку отдал зимою теплую шубу, если бы оно ценилось только по своей собственной пользе? Но отдаю шубу и беру блессточку, когда могу обойтись без первой, а на вторую купить себе кафтан. Если мне дают кафтан и за бумажку, то бумажка и блессточка для меня равно драгоценны. Ассигнации уменьшаются в цене от своего размножения; золото и серебро также. Открытие Америки произвело в оценке европейских товаров действие, подобное тому, что видим ныне в России от ассигнаций. Сей закон соразмерности непреложен. От IX до XIV века предки наши не имели собственной металлической монеты, а единственно кожаные, правительством заклеюванные лоскутки, называемые кунами, т.е. ассигнациями, и торговали с Востоком и Западом, с Грецией, с Персией, с Немецкою Ганзою; от IX [века] до 1228 года лоскутки сии не унижались в цене относительно к серебру, ибо правительство не расточало их, – но унизились до крайности, быв после того размножены неумеренно. Достойно примечания, что сии кожаные ассигнации были

у нас заменены серебряною и медною монетою в самые мятежные и варварские времена ига ханского, когда баскаки уважались более князей. Татары не хотели брать кун, а требовали серебра. Россиянин мог откупиться от мук, от смерти, от неволи куском сего металла; отдавал за него все, что имел, и с презрением отвергал куны, так что они сами собою долженствовали исчезнуть.

Прежде серебро шло в Киев из Греции, после в Новгород из Сибири чрез Югорию, туда же из Немецкой земли, чрез города анзеатические, наконец, в Москву из самой Орды, с кою мы завели торговлю. Но количество добываемых купечеством металлов было столь невелико, что россияне, отменив куны, внутри государства должныствовали, большею частью, меняться вещами, – дело весьма неблагоприятное для успехов торговли и следствие варварства! Царь Иоанн Васильевич истощил казну многими, дотоле необыкновенными, расходами и, видя недостаток серебра, снова думал ввести кожаные деньги. Хотя торговля с Англией и приобретение богатой Сибири с ее рудниками наделяли нас изрядным количеством металлов, однако ж Петр Великий нуждался в оных, и серебро в России было тогда дороже, нежели в других землях европейских, – почему купцы иноземные охотно привозили к нам червонцы и талеры. Несмотря на то, редкость денег препятствовала успехам торговли внутри государства: из самых отдаленных губерний возили в столицу сухим путем хлеб и другие дешевые вещи, ибо не могли продавать их на месте. В Петербурге, в Архангельске, в Москве сыпалось золото и серебро, – в Симбирске, в Пензе, в Воронеже едва показывалось. В бумагах времен императрицы Анны и Правительницы видим жалобы умнейшего из российских министров на великий недостаток в легкой монете: Остерман предполагал несколько раз закупить большое количество серебра в Голландии, не имел мысли об ассигнациях, и едва ли зная, что Россия в новом государственном порядке Европы первая и столь долго употребляла оные.

Наконец, Екатерина II изданием ассигнаций сперва изумила, но скоро облегчила народ во всех платежах и торговых сделках. Увидели удобность и пользу. Дотоле заемные и купеческие обороты производились у нас векселями – с сего времени ассигнации заступили место векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдавать металлические деньги за оные; но знало, что публика, однажды навсегда удостоверенная в действительности бумажек, станет требовать от Банка единственно малых сумм, нужных для мелочных расходов. Так и было в царствование Екатерины к пользе государственной и народной: казна приобрела знатный капитал и могла в чрезвычайных случаях обходиться без умножения податей; народ перестал нуждаться в деньгах, и серебро, уже менее необходимое, долго держалось в одной цене с ассигнациями, после возвысилось безделицею, потом более и, наконец, в 1,5 раза, вместе с постепенным возвышением всех иных цен, – необходимое следствие прибавки 200 м[иллионов] к денежной сумме, бывшей у нас дотоле в обращении. Где мало денег, там вещи дешевы, – где много первых, там последние дороги. Серебряная монета, замененная ассигнациями, сделалась в отношении к ним дороже, не как монета, предпочитаемая бумажкам, но как товар. Стали замечать общую дороговизну, которая, однако ж, не выходила из меры и не была решительным злом. Спра-

ведливо жаловались на правительство, когда оно в последние годы Екатеринина царствования не могло удовлетворять народному требованию в выдаче мелкой разменной монеты.

Время Павлово не произвело никакой важной перемены в государственном хозяйстве, ибо казна не умножала ассигнаций. Но в нынешнее царствование излились оные рекою, и вещи удвоились, утроились в цене. Не осуждаем правительства за выпуск может быть 500 м[иллионов] бумажных рублей. Находились ли иные, лучшие способы для удовлетворения государственным потребностям? Не знаю, даже сомневаюсь!.. Но когда сделалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять меры в тишине, не ахать, не бить в набат, от чего зло увеличивается. Пусть министры будут искренни пред лицом одного монарха, а не пред народом! Сохрани Боже, если они будут следовать иному правилу – обманывать государя и сказывать всякую истину народу! Объявите, что отныне фабрика ассигнационная останется без дела. Хорошо, но к чему толковать слова: «Объявителю платит Государственный банк» и проч. Я позволил бы сказать Вам, что ассигнации не деньги, если бы Вы могли отворить банки и ящики, наполненные серебром, для вымена бумажек; позволил бы сказать, что ассигнации не деньги, если бы у нас были другие. Какие же? Серебряные? Медные? Сколько их теперь в России? И думаете ли, что бедная сумма оных могла бы удовлетворить государство в торговых его оборотах?

В древней России ходили куны вместе с серебром и золотом, в новой – ходят ассигнации вместе с металлами, тогда и ныне редкими. Кожаный лоскут не лучше бумажного, но древние князья киевские, славянские, новгородские не изъясняли народу, что куны – вексель, – и Россия 500 лет довольствовалась оными, благословляя сие счастливое изобретение: привычка сильнее мудрования! Несмотря на вексельную форму ассигнаций, мы не считали государя должником своим, не ждали от него платы за бумажки, не осведомлялись о состоянии казны, будучи довольны тем, что мы имели за них все вещи по желанию.

Пусть ассигнации – вексель, но государственный, свойством отличный от купеческого или гражданского. Правительство выпускает их в обращение под видом векселей; но, вошедши в общее употребление, они уже делаются монетою там, где нет иной в достаточном количестве. Необходимость есть закон для правительства и народа. Если бы купец сказал о своих заемных письмах то, что в манифесте сказано об ассигнациях; если бы объявил торжественно, что надавал их непомерное множество и крайне заботится о следствиях, – едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имение на вексель; а за наши ассигнации и теперь продают все. Они унизились ценою в отношении к вещам не для того, чтобы лишились доверия или кредита, но следуя общему закону соразмерности между вещами и деньгами; одним словом, вопреки манифесту, ассигнации и теперь остаются у нас деньгами, ибо иных не имеем; но купцы иноземные, купцы, гораздо ученейшие россиян в языке и в признаке государственного банкротства, усумнились иметь дела с нами, – курс упал более и более, уменьшая цену российских произведений для иноземцев и возвышая оную для нас самих.

Что сказать о так называемом Разуме манифеста, всюду разосланном вме-

сте с оным? Надобно, чтоб разум находился в самом манифесте, а не в особенном творении какого-нибудь школьника-секретаря, который со смешною важностью толкует сам слова, повторением их или перестановкой, гордо объявляя, что одни слабоумные считают нужным перелив монеты сообразно с ее нынешнею ценою и что пуд меди, стоящий во всех других вещах 40 р., в деньгах должен ходить за 16 р.; ибо, если мы из медного рубля сделаем два, то все цены удвоятся. Нет, г[осподин] изъяснитель, – медная монета есть у нас только разменная, в коей мы теперь имеем крайнюю нужду и которая уменьшается от тайного переплавливания в вещи или от вывоза в чужие земли. Не надобно из рубля меди без необходимости делать десяти, чтобы не было фальшивой монеты; но не должно делать и 16 р. из 40, чтобы монету не переплавливали в кубы и проч. Ни в каком государстве металлы не ходят в деньгах ниже своей цены. Вопреки сему Разуму правительство устави́ло переменить медную монету и сделать из 16 – 24 р.; для чего же не 40, не 50? Не так легко делание фальшивой монеты, если бы медь чрез несколько времени и весьма унизилась в цене, чему доказательством служит собственный наш пример, когда медные деньги со времен Петра Великого ходили в России несравненно выше своего внутреннего достоинства. Все жалуются на правительство, что оно, имея действительно способ доставить нам все нужное для размена количество медной монеты, позволяет меновщикам грабить людей. Торгуют даже и мелкими ассигнациями – неужели советникам Банка трудно их подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывал книги о государственном хозяйстве, слышал, как люди ученые судят о нынешнем хозяйственном состоянии России, и замечал более слов, нежели мыслей, более мудрований, нежели ясных понятий. Зло не так велико, как думают. Все дорого, правда, но, с умножением расходов, не прибавились ли и доходы? Владелец, имеющий деревни на пашне или фабрики, не терпит от дороговизны, купцы также. Господин оброчных крестьян терпит более или менее; денежные капиталисты и люди, живущие жалованьем, более всех теряют. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынешняя дороговизна есть вообще зло, а как она произошла от умножения ассигнаций, то надобно ли уменьшить их количество? «Надобно» – думает правительство и взяло меры учредить Заемный банк и продает казенные имения... Желательно, чтоб сие намерение не совсем исполнилось, – иначе явится другое зло, которое в течение минувшего лета едва ли кто-нибудь мог предвидеть.

Цены на вещи возвышались не только по соразмерности прибавляемых ассигнаций, но и по вероятностям их будущего выпуска, также вследствие новых податей и низкого курса. Дороговизна ежедневно возрастала. В пятницу хотели взять за товар более, нежели в четверг, в субботу – более, нежели в пятницу, следуя иногда привычке и вкусу слепого корыстолюбия. Уже не действует сила, приведшая в действие шар, но шар еще катится... Верят – и не верят, чтобы казна перестала издавать новые ассигнации. Наконец, открывается нечаянность: большая нужда в деньгах, т.е. в ассигнациях! Купцы в Москве с изумлением спрашивают друг у друга, куда они девались, и предлагают заимодавцам три процента на месяц. Ассигнаций не убывало, но, по дороговизне, делается мало, т.е. излишне высо-

кие цены в последнее время вышли из соразмерности с суммою оных. Напр[имер], купец имел прежде 10 000 р. в капитале, – ныне имеет 15 т[ысяч], но как цена покупаемого им товара удвоилась, то он, чтобы не уменьшить своей торговли, должен признаться 5 т[ысяч] рублей.

Если казна, посредством Банка и продажи имений, вынет теперь из обращения миллионов 200, увидим страшный недостаток в деньгах: винные откупщики разорятся; крестьяне не заплатят оброку господину; купцы не купят или не продадут товара; найдется недоимка в казенных сборах. Не думайте, чтобы вдруг оказалась дешевизна, – нет! Первые продавцы нескорю уступят Вам вещь за половину ее бывшей цены, но сделается остановка в торговле и в платежах. Неудовольствиям, жалобам не будет конца, и многие скажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядок в оценке вещей, соразмерный с количеством денег в государстве. Великие переломы опасны. Вдруг уменьшить количество бумажек так же вредно, как и вдруг умножить оное. Что же делать? Не выпускать их более!.. Сего довольно: цены спадут без сомнения, ибо возвысились несоразмерно с прибавлением ассигнаций, как мы сказали; но спадут постепенно, без кризиса, если Россия не будет иметь каких-нибудь несчастий.

Вторая мысль Заемного банка, или так называемого Погашения долгов, есть унижить серебро обещанием уплатить чрез несколько лет рубль сим металлом за два бумажные. Если бы внести в сей Банк миллионов 200, то правительство нашлось бы в крайнем затруднении по истечении срока, – нелегко приготовить 100 миллионов серебром для расплаты! К счастью, взнос невелик, ибо у нас нет праздных капиталов, но достохвально ли учреждение, коему, для государственного блага, нельзя желать успеха? Автор, кажется, полагал, что в течение шести лет рубль серебряный унижится, напр[имер], до 150 к[опеек] ассигнациями и что заимодавцы с радостью возьмут всю сумму бумажками... Хорошо, а если того не будет? Заметим, что цена серебра возвысилась у нас гораздо более иных цен. Куль муки за 4 года пред сим стоил в Москве серебром 4,5 р., а теперь стоит менее 2,5. Возьмите в пример и другие российские произведения: за все платите серебром почти вдвое менее прежнего – виною то, что умножился расход оного для содержания заграничных армий и для тайной покупки иноземных товаров. Хотите ли уронить цену серебра?

Не выменивайте его для армий, уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету; дайте нам более разменных денег, – или вы хотите невозможного. Теперь дороговизна благородных металлов убыточна не для народа, а для казны и богатых людей, имеющих нужду в иноземных товарах, коих цена возвышается по цене серебра. У нас ходит оно только в столицах, в городах пограничных, в приморских, – внутри России не видят и не спрашивают его, в противность сказанному в манифесте, что единственная российская банковая монета есть рубль серебряный. Нет, серебро у нас – товар, а не деньги?

Для внешней законной торговли также не требуется металлов. Англичанину нет нужды, какие ходят у нас деньги, – медные ли, золотые или бумажные; если он за лоскуток бумаги получает у нас вещь, за которую сходно ему дать свою вещь,

ценою в гинею, то английская гинея будет равняться в курсе с российской бумажкой, ибо торговля государств основана в самом деле на мене вещей. Не существенная, но торговая цена монет определяет курс. Напр[имер], наш рубль уменьшился бы в количестве своего металла, но если за него дают в России столько же вещей, как и прежде, то сия убавка в существенной цене рубля не имеет влияния на курс, буде нет иной причины к упадку одного. Но если деньги нам нужнее в чужих землях, нежели иностранцам – российские, если более выпускаем, нежели выпускаем товаров, то курс наш упадет. Сии причины изъясняют, каким образом рубль мог обратиться в 18 су или 8 штиверов! Кроме уменьшения цены бумажек внутри государства и несоразмерности ввоза с вывозом товаров, страх, чтобы первые еще более не унизились, заставил многих купцов иностранных, имевших у нас денежные капиталы, переводить оные в Англию или в другие места.

Правительство наше крайне заботится о лучшем курсе, но хочет невозможного. Пока не восстановится свободная морская торговля, дотоле не будет равновесия в привозе и выпуске товаров, не будет иностранцам нужды в русских деньгах для закупки большого количества наших произведений. Новым манифестом о тарифе мы позволяем все вывозить, а многое для ввоза запрещаем; но много ли кораблей найдем для первого? Здесь видим новую неудобность. Позволяют, например, выпуск шерсти, т.е. сводят иностранных купцов с нашими, – бой весьма неравный: иностранцу выгодно дать за пуд ее 2 червонца, как и прежде: тогда червонец стоил $3\frac{1}{2}$, а теперь он стоит 12 р., – следовательно, и мы, имея в шерсти необходимую надобность для делания сукон, будем давать за пуд 25 р. – гораздо более, нежели втрое, в сравнении с прежнею ценою, и почти вдвое, в сравнении с нынешнею!

Теперь спрашиваем: намерено ли правительство возвысить цену солдатских сукон в России, что должно быть неминуемым следствием вывоза шерсти? Если бы курс упал только соразмерно с уменьшением цены бумажек в России, то мы могли бы без убытка купечествовать с Европою и торговаться в цене наших собственных произведений. Но теперь французы, голландцы, немцы имеют слишком много выгод перед нами и могут в совместном торге разорить покупателей русских. Сошлемся на хитрых англичан: для общей пользы желая у себя дешевизны некоторых вещей, они запрещают их вывоз. Отпуск шерсти может ли приметно улучшить курс? Но весьма приметно возвысит цену ее в России. Давно ли правительство употребляло самые несправедливые средства, чтоб иметь дешево сукна для войска? На вольные фабрики налагали оброк, давали хозяину самую малую цену, подчиняли его закону насилия, – теперь вдруг казна подчиняет себе необходимость платить вдвое за сукна!

Мысль ограничить ввоз товаров, по малому выходу наших, весьма благоразумная. Я не стал бы жаловаться на правительство, если бы оно, вместе с сукнами, шелковыми и бумажными тканями, запретило и алмазы, табак, голландские сельди, соленые лимоны и проч. Жалею только, что в манифесте не назначен срок для продажи запрещенных товаров: под видом старых увидим в лавках и вновь привозимые – разумеется, тайно. Не будет клейма – и фальшивые? А кто из покупателей смотрит на клеймо? Вообще надобно взять строжайшие меры

против тайной торговли: она уносит миллионы. Все говорят об ней, но у знатных таможенных чиновников уши завешены золотом! Другое зло то, что лавочники, не ограниченные сроком для продажи, день ото дня возвышают цену запрещенных сукон и тканей, а мы все покупаем, пока есть товар. Не надобно давать пищи столь алчному и бессовестному корыстолюбию!

Впрочем, строгость начальства и верность таможи сделали бы нечто в пользу нашего курса, но немногое: он бывает полезен единственно для такой земли, которая более продает, нежели покупает, сверх того, имеет безопасное существование государственное, не боится ничего извне и внутри, управляется духом твердого порядка, не знает опасных перемен, не ждет ежеминутно указов о новых мерах государственного хозяйства, не ждет новых толкований на ассигнации, новых доказательств, что они не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всех кораблей на свете – надобно еще, чтобы иностранцы захотели переводить к нам капиталы, менять свои гинеи и червонцы на русские ассигнации и не считали бы оных подозрительными векселями.

Оставляя предмет государственных доходов, ассигнаций и торговли, упомяну о манифесте, который, думаю, вышел в 1806 году и в коем определяются права купеческих степеней; он назван Коренным уставом, долженствовал быть написан золотыми буквами на хартии и положен в хранилище законов на память векам. Не говорю о слоге, не говорю о порядке мыслей, но страннее всего, что законодатель, описав и права, и выгоды каждой степени, отлагает до другого времени предложить обязанности или условия, на коих сии права даны будут купечеству, а только издали страшат их возвышением купеческих податей. На что же обнародовали сей манифест, когда еще не время было сказать, чего потребуются от желающих иметь описанные в оном выгоды? Трудно угадать, а меланхолики говорили: «Не трудно – хотят беспокоить все состояния! Еще не выдумали налога, – спешат предвестить его и, в утешение, обещают право носить саблю!»... Но теперь у нас есть Совет, где рассматриваются проекты общих государственных постановлений. Ожидаем впредь более зрелости в мыслях законодательных.

Скоро увидим, как основательна сия надежда! Книги общего гражданского законодательства готовятся для России.

Уже царь Федор Алексеевич видел недостаток Уложения, – вышли новые статьи в прибавление. Петр Великий, все обнимая, хотел полной книги законов и собственною рукою написал о том указ Сенату, желая, чтобы правила оных были утверждены по основательном рассмотрении всех наших и чужестранных гражданских уставов. Екатерина Первая несколько раз побуждала Сенат заниматься сим важным делом. Петр II указал из каждой губернии прислать для оного в Москву по несколько выборных дворян, знающих, благомысленных. Императрица Анна присоединила к ним и выборных из купечества, но граф Остерман в наставлении Правительнице говорит: «Уже более 20 лет трудятся при Сенате над сочинением книги законов, а едва ли будет успех, если не составят особенной для того комиссии из двух особ духовных, пяти или шести дворян, граждан и некоторых искусных законоведцев...». Прошло и царствование Елизаветы, миновал и блестящий век Екатерины II, а мы еще не имели Уложения, несмотря на добрую волю

правительства, на учреждение в 1754 г. особенностей Законодательной комиссии, на план Уложения, представленный ею Сенату, несмотря на шумное собрание депутатов в Москве, на красноречивый Наказ Екатерины II, испещренный выписками из Монтескье и Беккари. Чего не доставало? Способных людей!.. Были ли они в России? По крайней мере, их не находили, может быть, худо искали!

Александр, ревностный исполнить то, чего все монархи российские желали, образовал новую Комиссию: набрали многих секретарей, редакторов, помощников, не сыскали только одного и самого необходимейшего человека, способного быть ее душою, изобрести лучший план, лучшие средства и привести оные в исполнение наилучшим образом. Более года мы ничего не слышали о трудах сей Комиссии. Наконец, государь спросил у председателя и получил в ответ, что медленность необходима, – что Россия имела дотоле одни указы, а не законы, что велено переводить кодекс Фридриха Великого. Сей ответ не давал большой надежды. Успех вещи зависит от ясного, истинного о ней понятия. Как? У нас нет законов, но только указы? Разве указы (edicta) не законы?..

И Россия не Пруссия: к чему послужит нам перевод Фридрихова кодекса? Не худо знать его, но менее ли нужно знать и Юстинианов или датский единственно для общих соображений, а не для путеводительства в нашем особенном законодательстве! Мы ждали года два. Начальник переменялся, выходит целый том работы предварительной, – смотрим и протираем себе глаза, ослепленные школьною пылью. Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России... Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кроме того, что голова авторов в Луне, а не в Земле Русской, – и желали, чтобы сии умозрители или спустились к нам или не писали для нас законов. Опять новая декорация: видим законодательство в другой руке! Обещают скорый конец плаванью и верную пристань. Уже в манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что ж находим?.. Перевод Наполеонова кодекса!

Какое изумление для россиян! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя, – у нас еще не Вестфалия, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, где кодекс Наполеонов, со слезами переведенный, служит Уставом гражданским. Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами?

Петр Великий любил иностранное, однако же не велел, без всяких дальних околичностей, взять, напр[имер], шведские законы и назвать их русскими, ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Мы имели бы уже девять Уложений, если бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проекта иногда чувствуют невозможность писать для россиян то, что писано во

французском подлиннике, и, дошедши в переводе до главы о супружестве, о разводе, обращаются от Наполеона к Кормчей книге; но везде видно, что они шьют нам кафтан по чужой мерке. Кстати ли начинать, напр[имер], русское Уложение главою о правах гражданских, коих, в истинном смысле, не бывало и нет в России? У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. – все они имеют свои особенные права, – общего нет, кроме названия русских.

В Наполеоновском кодексе читаю: «Participation aux droits civils ci-après»¹, а далее говорит законодатель о праве собственности, наследства, завещания, – вот, гражданские права во Франции; но в России господский и самый казенный земледелец имеет ли оные, хотя и называется русским? Здесь мы только переводим, и в иных местах неясно; например, в подлинном сказано о человеке, лишенном прав гражданских: «Il ne peut procéder en Justice, ni en défendant, ni en demandant», а в переводе – что он не может быть в суде ни истцом, ни ответчиком: следственно, прибьет Вас, ограбит – и за то не отвечает?.. От начала России еще не бывало у нас тяжбы о сих предметах, и никто из русских, читая сей проект, не догадался бы, что он читает наше гражданское уложение, если бы не стояло того в заглавии: все нерусское, все не по-русски, как вещи, так и предложение оных: кто поймет, для чего, при нашем учреждении опек, быть семейственному совету? Но в сем отделении французского кодекса говорится о conseil de Famille.

Кто поймет сию краткость в важном, где не надобно жалеть слов для ясности, и сию плодovitость в описании случаев, совсем для нас неизвестных. Я слышал мнение людей неглупых: они думают, что в сих двух изданных книжках предполагается только содержание будущего Кодекса, с означением некоторых мыслей.

Я не хотел выводить их из заблуждения и доказывать, что это – самый Кодекс: они не скоро бы мне поверили. Так сия наполеоновская форма законов чужда для понятия русских. Есть даже вещи смешные в проекте, напр[имер]: «Младенец, рожденный мертвым, не наследует». Если законодатель будет говорить подобные истины, то наполнит оными сто, тысячу книг. Я искал сей аксиомы в Code Napoléon, и вместо нее нашел «celui la n'est pas encore constitué enfant, que n'est pas né viable». Здесь переводчики делаются авторами. Не привязываюсь к новым словам, однако ж скажу, что в книге законов странно писать о ложе реки (le lit de la rivière) вместо желобовины, русла. Самая выписка из наших церковных Уставов о позволенных браках и разводах сделана наскоро, – напр[имер], забыта главная вина развода: неспособность к телесному совокуплению. Вижу крайний страх авторов предлагать отмены в делах духовных; но в Уложении надлежало бы, по крайней мере, сказать, что епископы в своих епархиях могут, по усмотрению, дозволять браки, сомнительные свойством жениха с невестою, – иначе в небольших деревнях скоро нельзя будет никому жениться от размножения свойства. Хвалю закон о разделе имения между братьями и сестрами, детьми и родителями, уже давно предполагаемый общим мнением. Не знаю, можно ли, сверх того, похвалить что-нибудь в сем проекте.

Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы

¹ Участие в нижеуказанных гражданских правах (франц.).

французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданственному состоянию? Мы все, все любящие Россию, государя, ее славу, благоденствие, так ненавидим сей народ, обгаренный кровью Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушенных, и в то время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его кодекс на святой алтарь отечества?

Для старого народа не надобно новых законов: согласно со здравым смыслом, требуем от Комиссии систематического предложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшалого, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до наших: вот – содержание Кодекса! Должно распорядить материалы, отнести уголовное к уголовному, гражданское к гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое, или соглашение указов, для коего востребуется иное объяснить, иное отменить или прибавить, буде опыта судилищ доказывают или противоречие, или недостаток в существующих законах. Третье действие есть общая критика законов: суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности, уголовные, жестокие, варварские: их уже давно не исполняют – для чего же они существуют к стыду нашего законодательства?

Таким образом собранные, приведенные в порядок, дополненные, исправленные законы предложите в форме книги систематически, с объяснением причин; не только описывайте случаи, но и все другие возможные решите общими правилами, без коих нет полных законов и которые дают им высочайшую степень совершенства. Сих-то правил недостает в Уложении царя Алексея и во многих указах. Говорят: «Если будет такой случай, решите так». А если встретится другой, не описанный законодателем?.. Надобно идти в доклад! Не умствуйте высокопарно, но рассуждайте, чтоб просветить судью, – лучше, удобнее впечатлеть ему в память простые начала, нежели многообразные следствия оных. Русское право так же имеет свои начала, как и римское, – определите их, и вы дадите нам систему законов. Сие последнее действие законодательства назову систематическим предложением. О порядке материй спорить много не буду: начнете ли с гражданских или уголовных законов, с людей или с вещей, с рассуждения или предписаний... Но думаю, что лучше начать с важнейшего и последовать не кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстинианову и царя Алексея Михайловича. Осадите святынею закона неприкосновенность церкви, государя, чиновников и личную безопасность всех россиян; утвердите связи гражданские между нами, потом займитесь целостию собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч.; наконец, дайте устав для производства дел.

Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом Уложения российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками... Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого; един-

ство воли необходимо для успеха. Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать кодекса!

Есть и другой способ. Мы говорили доселе о систематическом законодательстве: когда у нас нет людей способных для одного, то умерьте свои требования, и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического кодекса издайте полную сводную книгу российских законов или указов по всем частям судным, согласив противоречия и заменив лишнее нужным, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложение царя Алексея Михайловича, и на Морской устав, и на 20 указов, из коих иные в самом Сенате не без труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великих усилий разума, ни гения, ни отличных знаний ученых. Не будем хвалиться ею в Европе, но облегчим способы правосудия в России не затрудним судей наших галлицизмом и не покажемся жалкими иностранцам, что, без сомнения, заслужим переводом Наполеонова кодекса.

Прибавим одну мысль к сказанному нами о российском законодательстве. Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные гражданские уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов?.. Должно, если такая перемена не будет существенным, долговременным бедствием для сих областей – в противном случае, не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия и действуя на мягкий ум юношества. Пусть молодые люди, хотящие там посвятить себя законоведению, испытываются в знании и общих законов российских, особенно языка нашего; вот – самое лучшее приготовление к желаемому единству в гражданских уставах! Впрочем, надобно исследовать основательно, для чего, напр[имер], Ливония или Финляндия имеют такой-то особенный закон? Причина, родившая оный, существует ли и согласна ли с государственным благом? Буде существует и согласна, то можно ли заменить ее действия иным способом? От новости не потерпят ли нравы, не ослабеют ли связи между разными гражданскими состояниями той земли?.. «Какая нужда, – говорит Монтескье, – одним ли законам следуют граждане, если они верно следуют оным?». Фридрих Великий, издавая общее Уложение, не хотел уничтожить всех частных статутах, полезных в особенности для некоторых провинций. Опасайтесь внушения умов легких, которые думают, что надобно только велеть – и все сравняется!

Мы означили главные действия нынешнего правительства и неудачу их. Если прибавим к сему частные ошибки министров в мерах государственного блага: постановление о соли, о суконных фабриках, о прогоне скота, – имевшие столь много вредных следствий – всеобщее бесстрашие, основанное на мнении о кротости государя, равнодушие местных начальников ко всяким злоупотреблениям, грабеж в судах, наглое взяточничество капитан-исправников, председателей палатских, вице-губернаторов, а всего более самих губернаторов, наконец, беспоконные виды будущего, внешние опасности, – то удивительно ли, что общее мнение столь не благоприятствует правительству? Не будем скрывать зла, не будем обманывать себя и государя, не будем твердить, что люди, обыкновенно, любят жаловаться и всегда недовольны настоящим, – сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом государстве.

Я совсем не меланхолик и не думаю подобно тем, которые, видя слабость правительства, ждут скорого разрушения, – нет! Государства живущи и в особенности Россия, движимая самодержавною властью! Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем и долгое время заблуждаться в нашей внутренней государственной системе! Вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума, но не печальна ли сия возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что их еще довольно в запасе? Самым худым медикам нелегко уморить человека крепкого сложения, только всякое лекарство, данное некстати, делает вред существенный и сокращает жизнь.

Мы говорили о вреде, говорить ли о средствах целебных? И какие можем предложить? – самые простейшие! Минувшего не возвратить. Было время (о чем мы сказали в начале), когда Александр мог бы легко возобновить систему Екатерины царствования, еще живого в памяти и в сердцах, по ней образованных: бурное царствование Павлово изгладилось бы, как сновидение в мыслях. Теперь поздно – люди и вещи, большею частью, переменились; сделано столько нового, что и старое показалось бы нам теперь опасною новостью: мы уже от него отвыкли, и, для славы государя, вредно с торжественностью признаваться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неглубокомысленных советников, которые хотели своею творческою мудростью затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дело сделано: надобно искать средств, пригоднейших к настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того – изобретение различных министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся – только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и Совет существуют: они будут полезны, если в министерстве и в Совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью. Итак, первое наше доброе желание есть, да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! Такое избрание, а не учреждение Сената с коллегиями ознаменовало величием царствование Петра во внутренних делах империи. Сей монарх имел страсть к способным людям, искал их в кельях монастырских и в темных каютах: там нашел Феофана и Остермана, славных в нашей государственной истории. Обстоятельства иные и скромные, тихие свойства души отличают Александра от Петра, который везде был сам, со всеми говорил, всех слушал и брал на себя по одному слову, по одному взору решить достоинство человека; но да будет то же правило: искать людей!

Кто имеет доверенность государя, да замечает их вдали для самых первых мест. Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям. Всемогущая рука единовластителя одного ведет, другого мчит на высоту; медленная постепенность есть закон для множества, а не для всех. Кто имеет ум министра, не должен поседеть в столоначальниках или секретарях. Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостью или бесчестием сановников; возбуждается зависть, но скоро умолкает пред лицом достойного. Вы не образуете полезного министерства сочинением Нака-

за, – тогда образуете, когда приготовите хороших министров. Совет рассматривает их предложение, но уверены ли Вы в мудрости его членов? Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!

Но люди не только для министерства или Сената, но и в особенности для мест губернаторских. Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там пойдут дела, как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут, как должно, если Вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохраняют пользу казны и народа. Если губернаторы не умеют или не хотят делать того, – виною худое избрание лиц; если не имеют способа, – виною худое образование губернских властей. 1) Каковы ныне, большею частью, губернаторы? Люди без способностей и дают всякую неправдою наживаться секретарям своим – или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник – глупец и весьма давно! в такой-то – грабитель, и весьма давно!.. Слухом земля полнится, а министры не знают того, или знать не хотят! К чему же служат ваши новые министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят. 2) Прежде начальник губернии знал над собою один Сенат; теперь, кроме Сената, должен относиться к разным министерствам! Сколько хлопот и письма!.. А всего хуже то, что многие части в составе губерний не принадлежат к его ведомству: школы, удельные имения, казенные леса, дороги, воды, почта – сколько пестроты и многочисленности!.. Выходит, что губерния имеет не начальника, а начальников, из коих один в Петербурге, другие в Москве...

Система правления весьма не согласная с нашею старинною, истинно-монархическою, которая соединяла власти в наместнике для единства и силы в их действиях. Всякая губерния есть Россия в малом виде; мы хотим, чтобы государство управлялось единою, а каждая из частей оного – разными властями; страшимся злоупотреблений в общей власти, но частная разве не имеет их? Как в большом доме не может быть исправности без домоправителя, дающего во всем отчет господину, так не будет совершенно порядка и в губерниях, пока столь многие чиновники действуют независимо от губернаторов, ответствующих государю за спокойствие государства и, гораздо более, всех живущих в Петербурге министров, членов Совета, сенаторов. Одна сия мысль не убеждает ли в необходимости возвысить сан губернаторский всеобщим уважением? Да будет губернатор, что были наместники при Екатерине! Дайте им достоинство сенаторов, согласите оное со отношениями их к министрам, которые в самом деле должны быть единственно секретарями государя по разным частям, и тогда умейте только избирать людей!

Вот главное правило. Второе, не менее существенное, есть: умейте обходиться с людьми! Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, т.е. добрых и худых вместе. Мудрое правление находит способ усиливать в чинов-

никах побуждение добра или обуздывает стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго – боязнь наказаний. Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усомнится в истине сказанного Макиавелли, что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных. Если вы, путешествуя, увидите землю, где все тихо и стройно, народ доволен, слабый не утеснен, невинный безопасен, – то скажете смело, что в ней преступления не остаются без наказания. Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха! Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности – явления, редкого в мире: иначе не посвящали бы алтарей добродетели. Обыкновенные же люди соблюдают правила честности, не столько в надежде приобрести тем особенные некоторые выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженного с явным нарушением сих правил.

Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты – честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей – и дают им чины, ленты в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники, в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни! Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры отвечают ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: «Брат мой N.N. наказан отставкою; но собратья мои, такие-то, процветают в благоденствии: один многим не указ, а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день, – еще найду немало утешений в жизни!». Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного, но где она необходима для порядка, там кротость не у места. Как живописцы изображают монарха? Воином и с мечом в руке – не пастишком и не с цветами!.. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом. Сирены могут петь в кругу трона: «Александр, воцари закон в России... и проч.»...

Я возьмусь быть толкователем сего хора: «Александр! Дай нам, именем закона, господствовать над Россией, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!»... В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя – не боятся и закона! В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести. Чего Александр не сведает, если захочет ведать? И да накажет преступника!

Да накажет и тех, которые возводят его на степень знаменитую! Да ответствует министр, по крайней мере, за избрание главных чиновников! Спасительный страх должен иметь ветви; где десять за одного боятся, там десять смотрят за одним...

Начинайте всегда с головы: если худы капитан-исправники – виновны губернаторы, виновны министры!.. Не сему правилу следовали те, которые дали государю совет обесчестить снятием мундира всех комиссариатских и провиантских чиновников, кроме начальников. Равные не могут ответствовать друг за друга; если они все причиною бедствий армии, то мало лишить их мундира; если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать, а казнь виновного вместе с правым отнимает стыд у казни. Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жестокое, коего основанием есть справедливость, а целью – общее добро. Ненавидят тирана, но мягкосердие тогда есть добродетель в венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благоразумной строгости. Единственно в своих личных, тайных оскорблениях государь может прощать достохвально, а не в общественных; когда же вредно часто прощать, то еще вреднее терпеть, – в первом случае винят слабость, во втором – беспечность или непроницание. Мы упомянули о личных оскорблениях для монарха. Они редко бывают без связи со вредом государственным. Так, например, не должно позволять, чтоб кто-нибудь в России смел торжественно представлять лицо недовольного или не уважать монарха, коего священная особа есть образ отечества. Дайте волю людям – они засыплют Вас пылью! Скажите им слово на ухо – они лежат у ног Ваших!

Говорив о необходимости страха для удержания нас от зла, скажем нечто о наградах: они благодетельны своею умеренностью – в противном же случае делаются или бесполезны, или вредны. Я вижу всех генералов, осыпанных звездами, и спрашиваю: «Сколько побед мы одержали? Сколько царств завоевали?..». Ныне дают голубую ленту – завтра лишают начальства!..

Сей, некогда лестный, крест Св. Георгия висит на знаменитом ли витязе? Нет, на малодушном и презренном в целой армии! Кого же украсит теперь Св. Георгий? Если в царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве, то в Александрово, по крайней мере, не возвысились, чего следствием было и есть – требовать иных наград от государя, денежных, ко вреду казны и народа, ко вреду самых государственных добродетелей.

О бережливости говорили мы в другом месте. Здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством – у нас служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более! Ныне не только воинские, но и гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет государства. И какая пестрота: люди в одном чине имеют столь различные жалованья, что одному нечего есть, а другой может давать лакомые обеды; ибо первый служит по старым, а второй по новым штатам, – первый в Сенате, в губернии, а второй – у министра в канцелярии или где-нибудь в новом месте. Не думают о бедных офицерах, удовлетворяя корыстолюбие генералов арендами и пенсиями.

Ставят в пример французов – для чего же не русских времени Петрова или Екатерины?.. Но и французские генералы всего более недовольны Наполеоном за то, что он, дав им богатство, отнимает у них досуг и способ наслаждаться оным. Честь, честь должна быть главною наградою! Римляне с дубовыми венками завоевали мир. Люди в главных свойствах не изменились; соедините с каким-нибудь знаком понятие о превосходной добродетели, т.е. награждайте им людей единственно превосходных, – и вы увидите, что все будут желать оного, несмотря на его ничтожную денежную цену!.. Слава Богу, мы еще имеем честолюбие, еще слезы катятся из глаз наших при мысли о бедствиях России; в самом множестве недовольных, в самых нескромных жалобах на правительство Вы слышите нередко голос благодарной любви к отечеству. Есть люди, умеете только обуздать их в зле и поощрять к добру благоразумною системою наказаний и наград! Но, повторим, первое еще важнее.

Сие искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского; без сего искусства тщетно будете искать народного блага в новых органических уставах!.. Не спрашивайте: как писаны законы в государстве? сколько министров? есть ли Верховный совет? Но спрашивайте: каковы судьи? каковы властители?.. фразы – для газет, только правила – для государства.

В дополнение сказанного нами прибавим некоторые особенные замечания.

Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином, но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный. Монтескье сказал: «point de Monarque – point de noblesse; point de noblesse – point de Monarque»¹.

Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные подвижные чины не могут заменить дворянства родового, постоянного, и, хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однако ж в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оного.

Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству, т.е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер уже есть дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням, – но пусть государь дает дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим.

¹ Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха (*франц.*).

Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в министры, в вельможи, в генералы, то с знатностью приведется давать им и богатство, необходимое для ее сияния, – казна истощается... Напротив того, дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди ознаменованы способностями редкими, выпренными; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались дворянами. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навькает от самой колыбели уважать себя, любить отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностью – уделом его предков и наградою личных будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целью при учреждении наследственного дворянства, – преимущество важное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который, в самой знатности, боится презрения, обыкновенно не любит дворян и мыслит личною надменностью изгладить из памяти людей свое низкое происхождение. Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубокомысленных политиков есть, что твердо основанные права благородства в монархии служат ей опорю.

Итак, желаю, чтобы Александр имел правилом возвышать сан дворянства, коего блеск можно назвать отливом царского сияния, – возвышать не только государственными хартиями, но и сими, так сказать, невинными, легкими знаками внимания, столь действительными в самодержавии. Например, для чего императору не являться иногда в торжественных собраниях дворянства в виде его главы, и не в мундире офицера гвардейского, а в дворянском? Сие произвело бы гораздо более действия, нежели письмо красноречивое и словесные уверения в монаршем внимании к обществу благородных; но ничем Александр не возвысил бы оногo столь ощутительно, как законом принимать всякого дворянина в воинскую службу офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала математики и русский язык с правильностью... Давайте жалованье только комплектным – все благородные, согласно с пользою монархии, основанной на завоеваниях, возьмут тогда шпагу в руки вместо пера, коим ныне, без сомнения, ко вреду государственному и богатые, и небогатые дворяне вооружают детей своих в канцеляриях, в архивах, в судах, имея отвращение от солдатских казарм, где сии юноши, деля с рядовыми воинами и низкие труды, и низкие забавы, могли бы потерпеть и в здоровье, и в нравственности. В самом деле, чего нужного для службы нельзя узнать офицером? Учиться же для дворянина гораздо приятнее в сем чине, нежели в унтер-офицерском. Армии наши обогатились бы молодыми, хорошо воспитанными дворянами, тоскующими ныне в повытьях. Гвардия осталась бы исключением – единственно в ней начинали бы мы служить с унтер-офицеров. Но и в гвардии надлежало бы отличать сержанта благородного от сына солдатского. Можно и должно смягчать суровость воинской службы там, где суровость не есть способ победы. Строгость в безделицах уменьшает охоту к делу. Занимайте, но

не утомляйте воинов игрушками или вахт-парадами. Действуйте на душу еще более, нежели на тело. Герои вахт-парада оказываются трусами на поле битвы; сколько знаем примеров! Офицеры Екатеринина века ходили иногда во фраках, но ходили смело и на приступы. Французы не педантствуют – и побеждают. Мы видели прусских героев!

Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить Патриаршество, но желаю, чтоб Синод имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, например, одни архиепископы; чтоб он, в случае новых коренных государственных постановлений, сходился вместе с Сенатом для выслушания, для принятия оных в свое хранилище законов и для обнародования, разумеется, без всякого противоречия. Ныне стараются о размножении духовных училищ, но будет еще похвальнее закон, чтобы 18-летних учеников не ставить в священники и никого без строгого испытания, – закон, чтобы иереи более пеклись о нравственности прихожан, употребляя на то данные им от Синода благоразумные, действительные средства, о коих мыслил и государь Петр Великий. По характеру сих важных духовных сановников можете всегда судить о нравственном состоянии народа. Не довольно дать России хороших губернаторов – надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе.

Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми – государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих.

Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит философия, так вещает история. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, – благоразумная система государственная продолжает век государств; кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкоконецного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит, – вижу опасность, но еще не вижу погибели! Еще Россия имеет 40 м[иллионов] жителей, и самодержавие имеет государя, ревностного к общему благу. Если он, как человек, ошибается, то, без сомнения, с добрым намерением, которое служит нам вероятностью будущего исправления ошибок.

Если Александр вообще будет осторожнее в новых государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая более о людях, нежели о формах, ежели благоразумною строгостью обратит вельмож, чиновников к ревностному исполнению должностей; если заключит мир с Турцией и спасет Россию от третьей, весьма опасной, войны с Наполеоном, хотя бы и с утратою многих выгод так называемой чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом или с целостью бытия; если он, не умножая денег бумажных, мудрою бережливостью уменьшит расходы казны и найдет способ прибавить жалованья бедным чиновникам воинским и гражданским; если таможенные Уставы, верно наблюдаемые, приведут в соразмерность ввоз и вывоз товаров; если – что в сем предположении будет необходимо – дороговизна мало-помалу уменьшится, то Россия благословит Александра, колебания

утихнут, неудовольствия исчезнут, родятся нужные для государства привычки, ход вещей сделается правильным, постоянным; новое и старое сольются в одно, реже и реже будут вспоминать прошедшее, злословие не умолкнет, но лишится жала!.. Судьба Европы теперь не от нас зависит. Переменит ли Франция свою ужасную систему, или Бог переменит Францию, – неизвестно, но бури не вечны! Когда же увидим ясное небо над Европой и Александра, сидящего на троне целой России, тогда восхвалим Александрово счастье, коего он достоин своею редкою доброю! Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет царя и Царство Российское!

*Публикуется по изданию:
Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России //
Ретроспективная и сравнительная политология.
Вып. I. М., 1991. С. 185–241.*

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ЧААДАЕВ

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

Письмо первое¹

1829 г.

Да приидет Царствие Твое².

Сударыня³,

Именно ваше чистосердечие и ваша искренность нравятся мне всего более, именно их я всего более ценю в вас. Судите же, как должно было удивить меня ваше письмо. Этими прекрасными качествами вашего характера я был очарован с первой минуты нашего знакомства, и они-то побуждали меня говорить с вами о религии. Все вокруг нас могло заставить меня только молчать. Посудите же еще раз, каково было мое изумление, когда я получил ваше письмо! Вот все, что я могу сказать вам по поводу мнения, которое, как вы предполагаете, я составил себе о вашем характере. Но не будем больше говорить об этом и перейдем немедленно к серьезной части вашего письма.

Во-первых, откуда эта смута в ваших мыслях, которая вас так волнует и так изнуряет, что, по вашим словам, отразилась даже на вашем здоровье? Ужели

¹ В 1829–1831 гг. П.Я. Чаадаевым был создан цикл из восьми «Философических писем», посвященных проблемам отечественной и всемирной истории, теологии, морали. Сочинения распространялись в списках. В 1831–1835 гг. автором и его друзьями предпринимались попытки опубликовать некоторые из них в России или за границей, но публикации не состоялись в условиях жестокой политической цензуры.

Лишь в 1836 г. в 15-й книжке московского журнала «Телескоп» удалось напечатать в переводе на русский язык первое письмо – «Философические письма к г-же ***. Письмо I» (без указания имени автора). Второе письмо также прошло цензуру, и было набрано для публикации в 16-й книжке того же журнала. Однако вскоре журнал был запрещен. Император Николай I отреагировал на публикацию следующим образом: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного: это мы узнаем непременно, но не извинительны ни редактор журнала, ни цензор. Велите сейчас журнал запретить, обоим виновных отрешить от должности и вытребовать сюда к ответу» (Цит. по: Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 556). Редактор журнала Н.И. Надеждин был сослан под надзор полиции в г. Усть-Сысольск Вологодской губернии (в настоящее время г. Сыктывкар), цензор А.В. Болдырев уволен со службы.

Автор «Письма» был объявлен сумасшедшим.

Публикация вызвала большой резонанс в обществе. «Никогда, с тех пор как в России стали писать и читать, с тех пор, как завелась в ней книжная и грамотная деятельность, никакое литературное или ученое событие, ни после, ни прежде этого (не исключая даже и смерти Пушкина), не производило такого огромного влияния и с таким шумом. Около месяца среди целой Москвы почти не было дома, в котором не говорили бы про «чаадаевскую статью» и про «чаадаевскую историю», – отмечал современник, племянник П.Я. Чаадаева М.И. Жихарев (Цит. по: Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 555).

² Слова молитвы Господней. Новый Завет. Евангелие от Матфея. 6, 10 (здесь и далее цитаты из Библии даны по Синодальному переводу).

³ Письмо обращено к Екатерине Дмитриевне Пановой.

она – печальное следствие наших бесед? Вместо мира и успокоения, которое должно было бы принести вам новое чувство, пробужденное в вашем сердце, – оно причинило вам тоску, беспокойство, почти угрызения совести. И, однако, должен ли я этому удивляться? Это – естественное следствие того печального порядка вещей, во власти которого находятся у нас все сердца и все умы. Вы только поддались влиянию сил, господствующих здесь надо всеми, от высших вершин общества до раба, живущего лишь для утех своего господина.

Да и как могли бы вы устоять против этих условий? Самые качества, отличающие вас от толпы, должны делать вас особенно доступной вредному влиянию воздуха, которым вы дышите. То немногое, что я позволил себе сказать вам, могло ли дать прочность вашим мыслям среди всего, что вас окружает? Мог ли я очистить атмосферу, в которой мы живем? Я должен был предвидеть последствия, и я их действительно предвидел. Отсюда те частые умолчания, которые, конечно, всего менее могли внести уверенность в вашу душу и естественно должны были привести вас в смятение. И не буду я уверен, что, как бы сильны ни были страдания, которые может причинить не вполне пробудившееся в сердце религиозное чувство, подобное состояние все же лучше полной летаргии, – мне оставалось бы только раскаяться в моем решении. Но я надеюсь, что облака, застилающие сейчас ваше небо, претворятся со временем в благодатную росу, которая оплодотворит семя, брошенное в ваше сердце, а действие, произведенное на вас несколькими незначительными словами, служит мне верным залогом тех еще более важных последствий, которые без сомнения повлечет за собою работа вашего собственного ума. Отдавайтесь безбоязненно душевным движениям, которые будет пробуждать в вас религиозная идея: из этого чистого источника могут вытекать лишь чистые чувства.

Что касается внешних условий, то довольствуйтесь пока сознанием, что учение, основанное на верховном принципе *единства* и прямой передачи истины в непрерывном ряду его служителей, конечно, всего более отвечает истинному духу религии; ибо он всецело сводится к идее слияния всех существующих на свете нравственных сил в одну мысль, в одно чувство, и к постепенному установлению такой социальной системы или *церкви*, которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое другое учение уже самым фактом своего отпадения от первоначальной доктрины заранее отвергает действие высокого завета Спасителя: *Отче Святой, соблюди их, да будут едино, якоже и мы*¹, и не стремится к водворению царства Божия на земле. Из этого, однако, не следует, чтобы вы были обязаны исповедовать эту истину перед лицом света: не в этом, конечно, ваше призвание. Наоборот, самый принцип, из которого эта истина исходит, обязывает вас, ввиду вашего положения в обществе, признавать в ней только внутренний светоч вашей веры, и ничего более. Я счастлив, что способствовал обращению ваших мыслей к религии; но я был бы весьма несчастлив, если бы вместе с тем поверг вашу совесть в смущение, которое с течением времени неминуемо охладило бы вашу веру.

¹ Новый Завет процитирован не совсем точно. См.: Евангелие от Иоанна: «Отче Святой! Соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (17, 11).

Я, кажется, говорил вам однажды, что лучший способ сохранить религиозное чувство – это соблюдать все обряды, предписываемые церковью. Это упражнение в покорности, которое заключает в себе больше, чем обыкновенно думают, и которое величайшие умы возлагали на себя сознательно и обдуманно, есть настоящее служение Богу. Ничто так не укрепляет дух в его верованиях, как строгое исполнение всех относящихся к ним обязанностей. Притом большинство обрядов христианской религии, внушенных высшим разумом, обладают настоящей животворной силой для всякого, кто умеет проникнуться заключенными в них истинами. Существует только одно исключение из этого правила, имеющего в общем безусловный характер, – именно когда человек ощущает в себе верование высшего порядка сравнительно с теми, которые исповедует масса, – верования, возносящие дух к самому источнику всякой достоверности и в то же время несколько не противоречащие народным верованиям, а, наоборот, их подкрепляющие; тогда, и только тогда, позволительно пренебрегать внешнею обрядностью, чтобы свободнее отдаваться более важным трудам. Но горе тому, кто иллюзии своего тщеславия или заблуждения своего ума принял бы за высшее просветление, которое будто бы освобождает его от общего закона! Вы же, сударыня, что вы можете сделать лучшего, как не облечься в одежду смирения, которая так к лицу вашему полу? Поверьте, это всего скорее умиротворит ваш взволнованный дух и прольет тихую отраду в ваше существование.

Да и мыслим ли, скажите, даже с точки зрения светских понятий, более естественный образ жизни для женщины, развитой ум которой умеет находить прелесть в познании и в величавых эмоциях созерцания, нежели жизнь сосредоточенная и посвященная в значительной мере размышлению и делам религии. Вы говорите, что при чтении ничто не возбуждает так сильно вашего воображения, как картины мирной и серьезной жизни, которые, подобно виду прекрасной сельской местности на закате дня, вливают в душу мир и на минуту уносят нас от горькой или пошлой действительности. Но эти картины – не создания фантазии; от вас одной зависит осуществить любой из этих пленительных вымыслов; и для этого у вас есть все необходимое. Вы видите, я проповедую не слишком суровую мораль: в ваших склонностях, в самых привлекательных грезах вашего воображения я стараюсь найти то, что способно дать мир вашей душе.

В жизни есть известная сторона, касающаяся не физического, а духовного бытия человека. Не следует ею пренебрегать; для души точно так же существует известный режим, как и для тела; надо уметь ему подчиняться. Это – старая истина, я знаю; но мне думается, что в нашем отечестве она еще очень часто имеет всю ценность новизны. Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

Эта дивная связь человеческих идей на протяжении веков, эта история человеческого духа, вознесшие его до той высоты, на которой он стоит теперь во всем остальном мире, – не оказали на нас никакого влияния. То, что в других странах уже давно составляет самую основу общежития, для нас – только теория и умозрение. И вот пример: вы, обладающая столь счастливой организацией для восприятия всего, что есть истинного и доброго в мире, вы, кому самой природой предназначено узнать все, что дает самые сладкие и самые чистые радости душе, – говоря откровенно, чего вы достигли при всех этих преимуществах? Вам приходится думать даже не о том, чем наполнить жизнь, а чем наполнить день. Самые условия, составляющие в других странах необходимую рамку жизни, в которой так естественно размещаются все события дня и без чего так же невозможно здоровое нравственное существование, как здоровая физическая жизнь без свежего воздуха, – у вас их нет и в помине. Вы понимаете, что речь идет еще вовсе не о моральных принципах и не о философских истинах, а просто о благоустроенной жизни, о тех привычках и навыках сознания, которые сообщают непринужденность уму и вносят правильность в душевную жизнь человека.

Взгляните вокруг себя. Не кажется ли, что всем нам не сидится на месте. Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри вас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками, и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут свои стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к нашим городам. И не думайте, пожалуйста, что предмет, о котором идет речь, не важен. Мы и без того обижены судьбою, не станем же прибавлять к прочим нашим бедам ложного представления о самих себе, не будем притязать на чисто духовную жизнь; научимся жить разумно в эмпирической действительности. – Но сперва поговорим еще немного о нашей стране; мы не выйдем из рамок нашей темы. Без этого вступления вы не поняли бы того, что я имею вам сказать.

У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Это – эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями; это – необходимая основа всякого общества. Иначе в памяти народов не было бы ничего, чем они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь к праху земли, на которой живут. Этот увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха, в которую их способности развиваются всего сильнее и память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. У нас ничего этого нет. Сначала – дикое варвар-

ство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, – такая печальная история нашей юности. Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании. Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, – вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его пред вами живо и картинно. Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не в надежде или расчете на какое-нибудь общее благо, а из детского легкомыслия, с каким ребенок силится встать и протягивает руки к погремушке, которую показывает ему няня.

Истинное развитие человека в обществе еще не началось для народа, если жизнь его не сделалась более благоустроенной, более легкой и приятной, чем в неустойчивых условиях первобытной эпохи. Как вы хотите, чтобы семена добра созрели в каком-нибудь обществе, пока оно еще колеблется без убеждений и правил даже в отношении повседневных дел и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это – хаотическое брожение в мире духовном, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты. Мы до сих пор находимся в этой стадии.

Годы ранней юности, проведенные нами в тупой неподвижности, не оставили никакого следа в нашей душе, и у нас нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль; но, обособленные странной судьбой от всемирного движения человечества, мы также ничего не восприняли и из *преемственных* идей человеческого рода. Между тем именно на этих идеях основывается жизнь народов; из этих идей вытекает их будущее, исходит их нравственное развитие. Если мы хотим занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого к нашим услугам история народов и перед нами плоды движения веков. Конечно, эта задача трудна и, быть может, в пределах одной человеческой жизни не исчерпать этот обширный предмет; но прежде всего надо узнать, в чем дело, что представляет собою это воспитание человеческого рода и каково место, которое мы занимаем в общем строе.

Народы живут лишь могучими впечатлениями, которые оставляют в их душе протекшие века, да общением с другими народами. Вот почему каждый отдельный человек проникнут сознанием своей связи со всем человечеством.

Что такое жизнь человека, говорит Цицерон¹, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошедшим!² Мы же, придя в мир, подобно не-

¹ Цицерон Марк Туллий (106–43 до н.э.) – древнеримский оратор, писатель, политический деятель.

² Цицерон. Оратор, 120.

законным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства. Что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, то нам приходится вбивать в головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это – естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда. Так как мы воспринимаем всегда лишь готовые идеи, то в нашем мозгу не образуются те неизгладимые борозды, которые последовательное развитие проводит в умах и которые составляют их силу. Мы растем, но не созреваем; движемся вперед, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели. Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего; все их знание – в их внешнем быте, вся их душа – вне их. Именно таковы мы.

Народы – в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы. Но мы, можно сказать, некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обречем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?

Все народы Европы имеют общую физиономию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян – все же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть еще свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов. Каждый отдельный человек пользуется там своею долей этого наследства, без труда и чрезмерных усилий он набирает себе в жизни запас этих знаний и навыков и извлекает из них свою пользу. Сравните сами и скажите, много ли мы находим у себя в повседневном обиходе элементарных идей, которыми могли бы с грехом пополам руководствоваться в жизни? И заметьте, здесь идет речь не о приобретении знаний и не о чтении, не о чем-либо касающемся литературы или науки, а просто о взаимном общении умов, о тех идеях, которые овладевают ребенком в колыбели, окружают его среди детских игр и передаются ему с ласкою матери, которые в виде различных чувств проникают до мозга его костей вместе с воздухом, которым он дышит, и создают его нравственное суще-

ство еще раньше, чем он вступает в свет и общество. Хотите ли знать, что это за идеи? Это – идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран.

Это и составляет атмосферу Запада; это – больше, нежели история, больше, чем психология: это – физиология европейского человека. Чем вы замените это у нас? Не знаю, можно ли из сказанного сейчас вывести что-нибудь вполне безусловное и извлечь отсюда какой-либо непреложный принцип; но нельзя не видеть, что такое странное положение народа, мысль которого не примыкает ни к какому ряду идей, постепенно развившихся в обществе и медленно выраставших одна из другой, и участие которого в общем поступательном движении человеческого разума ограничивалось лишь слепым, поверхностным и часто неискусным подражанием другим нациям, должно могущественно влиять на дух каждого отдельного человека в этом народе.

Вследствие этого вы найдете, что всем нам недостает известной уверенности, умственной методичности, логики. Западный силлогизм нам незнаком. Наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая неосновательность. Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки. Человеку свойственно теряться, когда он не находит способа привести себя в связь с тем, что ему предшествует, и с тем, что за ним следует. Он лишается тогда всякой твердости, всякой уверенности. Не руководимый чувством непрерывности, он видит себя заблудившимся в мире. Такие растерянные люди встречаются во всех странах; у нас же это общая черта. Это вовсе не то легкомыслие, в котором когда-то упрекали французов и которое в сущности представляло собою не что иное, как способность легко усваивать вещи, не исключавшую ни глубины, ни широты ума и вносившую в обращение необыкновенную прелесть и изящество; это – беспечность жизни, лишенной опыта и предвидения, не принимающей в расчет ничего, кроме мимолетного существования особи, оторванной от рода, жизни, не дорожащей ни честью, ни успехами какой-либо системы идей и интересов, ни даже тем родовым наследием и теми бесчисленными предписаниями и перспективами, которые в условиях быта, основанного на памяти прошлого и предсмотрении будущего, составляют и общественную, и частную жизнь. В наших головах нет решительно ничего общего; все в них индивидуально и все шатко и неполно. Мне кажется даже, что в нашем взгляде есть какая-то странная неопределенность, что-то холодное и неуверенное, напоминающее отчасти физиономию тех народов, которые стоят на низших ступенях социальной лестницы. В чужих странах, особенно на юге, где физиономии так выразительны и так оживленны, не раз, сравнивая лица моих соотечественников с лицами туземцев, я поражался этой немотой наших лиц.

Иностранцы ставят нам в достоинство своего рода бесшабашную отвагу, встречаемую особенно в низших слоях народа; но, имея возможность наблюдать лишь отдельные проявления национального характера, они не в состоянии судить о целом. Они не видят, что то же самое начало, благодаря которому мы иногда бываем так отважны, делает нас всегда неспособными к углублению и на-

стойчивости; они не видят, что этому равнодушию к житейским опасностям соответствует в нас такое же полное равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи и что именно это лишает нас всех могущественных стимулов, которые толкают людей по пути совершенствования; они не видят, что именно благодаря этой беспечной отваге даже высшие классы у нас, к прискорбию, несвободны от тех пороков, которые в других странах свойственны лишь самым низшим слоям общества; они не видят, наконец, что, если нам присущи кое-какие добродетели молодых и малоразвитых народов, мы не обладаем зато ни одним из достоинств, отличающих народы зрелые и высококультурные. Я не хочу сказать, конечно, что у нас одни пороки, а у европейских народов одни добродетели; избави бог! Но я говорю, что для правильного суждения о народах следует изучать общий дух, составляющий их жизненное начало, ибо только он, а не та или иная черта их характера, может вывести их на путь нравственного совершенства и бесконечного развития.

Народные массы подчинены известным силам, стоящим вверху общества. Они не думают сами; среди них есть известное число мыслителей, которые думают за них, сообщают импульс коллективному разуму народа и двигают его вперед. Между тем как небольшая группа людей мыслит, остальные чувствуют, и в итоге совершается общее движение. За исключением некоторых отупелых племен, сохранивших лишь внешний облик человека, сказанное справедливо в отношении всех народов, населяющих землю. Первобытные народы Европы – кельты, скандинавы, германцы – имели своих друидов, скальдов и бардов, которые были по-своему сильными мыслителями. Взгляните на племена Северной Америки, которые так усердно старается истребить материальная культура Соединенных Штатов: среди них встречаются люди удивительной глубины.

И вот я спрашиваю вас, где наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь за нас мыслит? А ведь, стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок, и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара. Но не такова роль, определенная нам провидением. Больше того: оно как бы совсем не было озабочено нашей судьбой. Исключив нас из своего благодетельного действия на человеческий разум, оно всецело предоставило нас самим себе, отказалось как бы то ни было вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить. Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас. Плядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Странное дело: даже в мире науки, обнимающем все, наша история ни к чему не примыкает, ничего не уясняет, ничего не доказывает. Если бы дикие орды, возмутьившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем устремиться на Запад, нам едва ли была бы отведена страница во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы. Некогда великий человек¹ захотел просветить нас, и для того, чтобы приохотить нас к образованию, он кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но не дотронулись до просвещения. В другой раз, другой великий государь², приобщая нас к своему славному предназначению, провел нас победоносно с одного конца Европы на другой³; вернувшись из этого триумфального шествия чрез просвещеннейшие страны мира, мы принесли с собою лишь идеи и стремления, плодом которых было громадное несчастье, отбросившее нас на полвека назад⁴. В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу. И в общем мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять; ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке. Я не могу вдоволь надивиться этой необычайной пустоте и обособленности нашего социального существования. Разумеется, в этом повинен отчасти неисповедимый рок, но, как и во всем, что совершается в нравственном мире, здесь виноват отчасти и сам человек. Обратимся еще раз к истории: она – ключ к пониманию народов.

Что мы делали о ту пору, когда в борьбе энергического варварства северных народов с высокою мыслью христианства складывалась хранина современной цивилизации? Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания. Волею одного честолюбца⁵ эта семья народов только что была отторгнута от всемирного братства, и мы восприняли, следовательно, идею, искаженную человеческою страстью. В Европе все одушевлял тогда животворный принцип единства. Все исходило из него и все сводилось к нему. Все умственное движение той эпохи было направлено на объединение человеческого мышления; все побуждения коренились в той властной потребности отыскать всемирную идею, которая является гением-вдохновителем нового времени. Непричастные этому чудотворному началу, мы сделались жертвою завоевания. Когда же мы свергли чужеземное иго и только наша оторванность от общей семьи мешала нам воспользоваться идеями, возникшими за это время у наших западных братьев, мы подпали еще более жестокому рабству, освященному притом фактом нашего освобождения.

Сколько ярких лучей уже озаряло тогда Европу, на вид окутанную мраком! Большая часть знаний, которыми теперь гордится человек, уже были предугада-

¹ Петр I.

² Александр I (1777–1825) – российский император (с 1801 г.).

³ Победа русских войск в Отечественной войне 1812 г. и Заграничный поход 1813–1814 гг.

⁴ Восстание декабристов в 1825 г.

⁵ Имеется в виду Фотий (810 или 820 – 891 или 897) – церковный и политический деятель Византии, константинопольский патриарх в 858–867 и 878–886 гг.

ны отдельными умами; характер общества уже определился, а, приобщившись к миру языческой древности, христианские народы обрели и те формы прекрасного, которых им еще недоставало. Мы же замкнулись в нашем религиозном обособлении, и ничто из происходившего в Европе не достигало до нас. Нам не было никакого дела до великой мировой работы. Высокие качества, которые религия принесла в дар новым народам и которые в глазах здравого разума настолько же возвышают их над древними народами, насколько последние стояли выше готтентотов и лапландцев; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые, вследствие подчинения безоружной власти, сделались столь же мягкими, как раньше были грубы, – все это нас совершенно миновало. В то время, как христианский мир величественно шествовал по пути, предначертанному его божественным основателем, увлекаемая за собою поколения, – мы, хотя и носили имя христиан, не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода совершались помимо нас. Хотя мы и назывались христианами, плод христианства для нас не созрел.

Спрашиваю вас, не наивно ли предполагать, как это обыкновенно делают у нас, что этот прогресс европейских народов, совершившийся столь медленно и под прямым и очевидным воздействием единой нравственной силы, мы можем усвоить сразу, не дав себе даже труда узнать, каким образом он осуществлялся?

Совершенно не понимает христианства тот, кто не видит, что в нем есть чисто историческая сторона, которая является одним из самых существенных элементов догмата и которая заключает в себе, можно сказать, всю философию христианства, так как показывает, что оно дало людям и что даст им в будущем. С этой точки зрения христианская религия является не только нравственной системой, заключенной в преходящие формы человеческого ума, но вечной божественной силой, действующей универсально в духовном мире и чье явственное обнаружение должно служить нам постоянным уроком. Именно таков подлинный смысл догмата о вере в единую церковь, включенного в символ веры, В христианском мире все необходимо должно способствовать – и действительно способствует – установлению совершенного строя на земле; иначе не оправдалось бы слово Господа, что Он пребудет в церкви Своей до скончания века. Тогда новый строй, – Царство Божие, – который должен явиться плодом искупления, ничем не отличался бы от старого строя, – от царства зла, – который искуплением должен быть уничтожен, и нам опять-таки оставалась бы лишь та призрачная мечта о совершенстве, которую лелеют философы и которую опровергает каждая страница истории, – пустая игра ума, способная удовлетворять только материальные потребности человека и поднимающая его на известную высоту лишь затем, чтобы тотчас низвергнуть в еще более глубокие бездны.

Однако, скажете вы, разве мы не христиане? и разве не мыслима иная цивилизация, кроме европейской? – Без сомнения, мы христиане; но не христиане ли и абиссинцы? Конечно, возможна и образованность, отличная от европейской; разве Япония не образованна, притом, если верить одному из наших соотече-

ственников, даже в большей степени, чем Россия? Но неужто вы думаете, что тот порядок вещей, о котором я только что говорил и который является конечным предназначением человечества, может быть осуществлен абиссинским христианством и японской культурой? Неужто вы думаете, что небо сведут на землю эти нелепые уклонения от божеских и человеческих истин?

В христианстве надо различать две совершенно разные вещи: его действие на отдельного человека и его влияние на всеобщий разум. То и другое естественно сливается в высшем разуме и неизбежно ведет к одной и той же цели. Но срок, в который осуществляются вечные предначертания божественной мудрости, не может быть охвачен нашим ограниченным взглядом. И потому мы должны отличать божественное действие, проявляющееся в какое-нибудь определенное время в человеческой жизни, от того, которое совершается в бесконечности. В тот день, когда окончательно исполнится дело искупления, все сердца и умы сольются в одно чувство, в одну мысль, и тогда падут все стены, разъединяющие народы и исповедания. Но теперь каждому важно знать, какое место отведено ему в общем призвании христиан, то есть какие средства он может найти в самом себе и вокруг себя, чтобы содействовать достижению цели, поставленной всему человечеству. Отсюда необходимо возникает особый круг идей, в котором и вращаются умы того существа, где эта цель должна осуществиться, то есть где идея, которую Бог открыл людям, должна созреть и достигнуть всей своей полноты. Этот круг идей, эта нравственная сфера, в свою очередь, естественно обуславливают определенный строй жизни и определенное мировоззрение, которые, не будучи тождественными для всех, тем не менее создают у нас, как и у всех не европейских народов, одинаковый бытовой уклад, являющийся плодом той огромной 18-вековой духовной работы, в которой участвовали все страсти, все интересы, все страдания, все мечты, все усилия разума.

Все европейские народы шли вперед в веках рука об руку; и как бы ни старались они теперь разойтись каждый своей дорогой, – они беспрестанно сходятся на одном и том же пути. Чтобы убедиться в том, как родственно развитие этих народов, нет надобности изучать историю; прочтите только Тасса¹, и вы увидите их всех простертыми ниц у подножия Иерусалимских стен. Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был один язык для обращения к Богу, одна духовная власть и одно убеждение. Подумайте, что в течение пятнадцати веков, каждый год в один и тот же день, в один и тот же час, они в одних и тех словах возносили свой голос к верховному существу, прославляя Его за величайшее из Его благодеяний. Дивное созвучие, в тысячу крат более величественное, чем все гармонии физического мира! Итак, если эта сфера, в которой живут европейцы и в которой в одной человеческий род может исполнить свое конечное предназначение, есть результат влияния религии и если, с другой стороны, слабость нашей веры или несовершенство наших догматов до сих пор держали нас в стороне от этого общего движения, где развилась и формулировалась социальная идея христианства, и низвели нас в сонм народов, коим суждено лишь косвенно и поздно воспользоваться всеми плодами христианства, то ясно, что нам следует прежде всего ожи-

¹ Торквато Тассо (1544–1595) – итальянский поэт, автор эпической поэмы «Осажденный Иерусалим».

вить свою веру всеми возможными способами и дать себе истинно христианский импульс, так как на Западе все создано христианством. Вот что я подразумевал, говоря, что мы должны от начала повторить на себе все воспитание человеческого рода.

Вся история новейшего общества совершается на почве мнений; таким образом, она представляет собою настоящее воспитание. Утвержденное изначала на этой основе, общество шло вперед лишь силою мысли. Интересы всегда следовали там за идеями, а не предшествовали им; убеждения никогда не возникали там из интересов, а всегда интересы рождались из убеждений. Все политические революции были там, в сущности, духовными революциями: люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние. Этим объясняется характер современного общества и его цивилизации; иначе его совершенно нельзя было бы понять.

Религиозные гонения, мученичество за веру, проповедь христианства, ереси, соборы – вот события, наполняющие первые века. Все движение этой эпохи, не исключая и нашествия варваров, связано с этими первыми, младенческими усилиями нового мышления. Следующая затем эпоха занята образованием иерархии, централизацией духовной власти и непрерывным распространением христианства среди северных народов. Далее следует высочайший подъем религиозного чувства и упрочение религиозной власти. Философское и литературное развитие ума и улучшение нравов под державой религии довершают эту историю новых народов, которую с таким же правом можно назвать священной, как и историю древнего избранного народа. Наконец, новый религиозный поворот, новый размах, сообщенный религией человеческому духу, определил и теперешний уклад общества. Таким образом, главный и, можно сказать, единственный интерес новых народов всегда заключался в идее. Все положительные, материальные, личные интересы поглощались ею.

Я знаю – вместо того, чтобы восхищаться этим дивным порывом человеческой природы к возможному для нее совершенству, в нем видели только фанатизм и суеверие; но что бы ни говорили о нем, судите сами, какой глубокий след в характере этих народов должно было оставить такое социальное развитие, всецело вытекавшее из одного чувства, безразлично – в добре и во зле. Пусть поверхностная философия вопиет, сколько хочет, по поводу религиозных войн и костров, зажженных нетерпимостью, – мы можем только завидовать доле народов, создавших себе в борьбе мнений, в кровавых битвах за дело истины, целый мир идей, которого мы даже представить себе не можем, не говоря уже о том, чтобы перенестись в него телом и душой, как у нас об этом мечтают.

Еще раз говорю: конечно, не все в европейских странах проникнуто разумом, добродетелью и религией, – далеко нет. Но все в них таинственно повинуете той силе, которая властно царит там уже столько веков, все порождено той долгой последовательностью фактов и идей, которая обусловила современное состояние общества. Вот один из примеров, доказывающих это. Народ, физиономия которого всего резче выражена и учреждения всего более проникнуты духом нового времени, – англичане, – собственно говоря, не имеют иной истории, кроме религиозной. Их последняя революция, которой они обязаны своей свободой и своим

благосостоянием, так же как и весь ряд событий, приведших к этой революции, начиная с эпохи Генриха VIII¹, – не что иное, как фазис религиозного развития. Во всю эпоху интерес собственно политический является лишь второстепенным двигателем и временами исчезает вовсе или приносится в жертву идее. И в ту минуту, когда я пишу эти строки, все тот же религиозный интерес волнует эту избранную страну. Да и вообще, какой из европейских народов не нашел бы в своем национальном сознании, если бы дал себе труд разобраться в нем, того особенно-го элемента, который в форме религиозной мысли неизменно являлся животворным началом, душою его социального тела, на всем протяжении его бытия?

Действие христианства отнюдь не ограничивается его прямым и непосредственным влиянием на дух человека. Огромная задача, которую оно призвано исполнить, может быть осуществлена лишь путем бесчисленных нравственных, умственных и общественных комбинаций, где должна найти себе полный простор безусловная победа человеческого духа. Отсюда ясно, что все совершившееся с первого дня нашей эры, или, вернее, с той минуты, когда Спаситель сказал своим ученикам: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари*², – включая и все нападки на христианство, – без остатка покрывается этой общей идеей его влияния. Стоит лишь обратить внимание на то, как власть Христа непреложно осуществляется во всех сердцах, – с сознанием или бессознательно, по доброй воле или принуждению, – чтобы убедиться в исполнении Его пророчеств. Поэтому, несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущие европейскому миру в его современной форме, нельзя отрицать, что Царство Божие до известной степени осуществлено в нем, ибо он содержит в себе начало бесконечного развития и обладает в зародышах и элементах всем, что необходимо для его окончательного водворения на земле.

Прежде чем закончить эти размышления о роли, которую играла религия в истории общества, я хочу привести здесь то, что говорил об этом когда-то в сочинении, вам неизвестном. Несомненно, писал я, что, пока мы не научимся узнавать действие христианства повсюду, где человеческая мысль каким бы то ни было образом соприкасается с ним, хотя бы с целью ему противоборствовать, – мы не имеем о нем ясного понятия. Едва произнесено имя Христа, одно это имя увлекает людей, что бы они ни делали. Ничто не обнаруживает так ясно божественного происхождения христианской религии, как эта ее безусловная универсальность, сказывающаяся в том, что она проникает в души всевозможными путями, овладевает умом без его ведома, и даже в тех случаях, когда он, по-видимому, всего более ей противится, подчиняет его себе и властвует над ним, внося при этом в сознание истины, которых там раньше не было, пробуждая ощущения в сердцах, дотоле им чуждые, и внушая нам чувства, которые без нашего ведома вводят нас в общий строй. Так определяет она роль каждой личности в общей работе и заставляет все содействовать одной цели. При таком понимании христианства всякое пророчество Христа получает характер осязательной исти-

¹ Генрих VIII Тюдор (1491–1547) – английский король с 1509 г. Осуществил реформацию английской церкви.

² Новый Завет. Евангелие от Марка. 16, 15.

ны. Тогда начинаешь ясно различать движение всех рычагов, которые Его всемогущая десница пускает в ход, дабы привести человека к его конечной цели, не посягая на его свободу, не умерщвляя ни одной из его природных способностей, а, наоборот, удесятерая их силу и доводя до безмерного напряжения ту долю мощи, которая заложена в нем самом. Тогда видишь, что ни один нравственный элемент не остается бездейственным в новом строе, что самые энергичные усилия ума, как и горячий порыв чувства, героизм твердого духа, как и покорность кроткой души, – все находит в нем место и применение. Доступная всякому разумному существу, сочетаясь с каждым биением нашего сердца, о чем бы оно ни билось, христианская идея все увлекает за собою, и самые препятствия, встречаемые ею, помогают ей расти и крепнуть. С гением она поднимается на высоту, недостижимую для остальных людей; с робким духом она движется ощупью и идет вперед мерным шагом; в созерцательном уме она безусловна и глубока; в душе, подвластной воображению, она воздушна и богата образами; в нежном и любящем сердце она разрешается в милосердие и любовь; – и каждое сознание, отдавшееся ей, она властно ведет вперед, наполняя его жаром, ясностью и силой. Взгляните, как разнообразны характеры, как множественны силы, приводимые ею в движение, какие несходные элементы служат одной и той же цели, сколько разнообразных сердец бьется для одной идеи! Но еще более удивительно влияние христианства на общество в целом. Разверните вполне картину эволюции нового общества, и вы увидите, как христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменяя всюду материальную потребность потребностью нравственной и возбуждая в области мысли те великие споры, каких до него не знало ни одно время, ни одно общество, те страшные столкновения мнений, когда вся жизнь народов превращалась в одну великую идею, одно безграничное чувство; вы увидите, как все становится им, и только им, – частная жизнь и общественная, семья и родина, наука и поэзия, разум и воображение, воспоминания и надежды, радости и печали. Счастливы те, кто носит в сердце своем ясное сознание части, им творимой, в этом великом движении, которое сообщил миру сам Бог. Но не все суть деятельные орудия, не все трудятся сознательно; необходимые массы движутся слепо, не зная сил, которые приводят их движения, и не провидя цели, к которой они влекутся, – бездушные атомы, косные громады.

Но пора вернуться к вам, сударыня. Признаюсь, мне трудно оторваться от этих широких перспектив. В картине, открывающейся моим глазам с этой высоты, – все мое утешение, и сладкая вера в будущее счастье человечества одна служит мне убежищем, когда, удрученный жалкой действительностью, которая меня окружает, я чувствую потребность подышать более чистым воздухом, взглянуть на более ясное небо. Однако я не думаю, что злоупотребил вашим временем. Мне надо было показать вам ту точку зрения, с которой следует смотреть на христианский мир и на нашу роль в нем. То, что я говорил о нашей стране, должно было показаться вам исполненным горечи; между тем я высказал одну только правду, и даже не всю. Притом христианское сознание не терпит никакой слепоты, а национальный предрассудок является худшим видом ее, так как он всего более разъединяет людей.

Мое письмо растянулось, и, думаю, нам обоим нужен отдых. Начиная его, я полагал, что сумею в немногих словах изложить то, что хотел вам сказать; но, вдумываясь глубже, я вижу, что об этом можно написать целый том. По сердцу ли это вам? Буду ждать вашего ответа. Но, во всяком случае, вы не можете избежать еще одного письма от меня, потому что мы едва лишь приступили к рассмотрению нашей темы. А пока я был бы чрезвычайно признателен вам, если бы вы сообразовали пространностью этого первого письма извинить то, что я так долго заставил вас ждать его. Я сел писать вам в тот же день, когда получил ваше письмо; но грустные и тягостные заботы поглотили меня тогда всецело, и мне надо было избавиться от них, прежде чем начать с вами разговор о столь важных предметах; затем нужно было переписать мое маранье, которое было совершенно неразборчиво. На этот раз вам не придется долго ждать: завтра же снова берусь за перо.

Некрополь¹, 1-го декабря 1829 г.

Перевод с французского М.О. Гершензона.

*Публикуется по изданию:
Чаадаев П.Я. Статьи и письма.
М. 1989. С. 38–56.*

¹ Некрополис – город мертвых. Так автор называет Москву.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ПИСЬМО П.Я. ЧААДАЕВУ¹

1836 г.

19 октября

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма <разделение церквей> отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т.п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели

¹ В связи с репрессиями, постигшими Чаадаева, отослано не было.

все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Пospорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши [религиозные] исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали ли вы 3-й № «Современника»? Статья «Вольтер» и «Джон Теннер» – мои, Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором¹. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова <?> и Раевского<?> передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они, столь посредственные христиане?

Перевод с французского.

*Публикуется по изданию:
Пушкин А.С. Полное собрание сочинений.
Т. 16. М., 1949. С. 392–393.*

¹ Князь П.Б. Козловский в т. III «Современника» напечатал статью «О надежде».

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ УВАРОВ

**О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ НАЧАЛАХ, МОГУЩИХ СЛУЖИТЬ
РУКОВОДСТВОМ ПРИ УПРАВЛЕНИИ
МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

1833 г.

Доложено Его Величеству 19 ноября 1833 [года].
Уваров

По вступлению моему с высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в должность министра народного просвещения употребил я, так сказать, заглавным местом, лозунгом моего управления следующие выражения: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности».

Вместе с сим, считаю себя обязанным представить Вашему Величеству краткий, но чистосердечный отчет в моих понятиях о важном начале, мною принимаемом в руководство:

Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным, и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия. Правительству, конечно, в особенности Высочайше вверенному мне министерству, принадлежит собрать их в одно целое и связать ими якорь нашего спасения, но сии начала, рассеянные преждевременным и поверхностным просвещением, мечтательными, неудачными опытами, сии начала без единодушия, без общего средоточия, и коим в течение последних 30-ти лет предстояла непрерывная борьба продолжительная и упрямая, как согласить их с настоящим расположением умов?

Успеем ли мы включить их в систему общего образования, которая соединяла бы выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего? Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к европейскому просвещению, к европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью? Чья рука, и сильная и опытная, может удержать стремление умов в границах порядка и тишины и откинуть все, что могло бы нарушить общее

устройство?

Тут представляется во всем объеме государственная задача, которую мы принуждены решить без отлагательства, задача, от коей зависит судьба отечества – задача столь трудная, что одно простое изложение оной приводит в изумление всякого здравомыслящего.

Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных:

- 1) Православная вера.
- 2) Самодержавие.
- 3) Народность.

Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это была бы измена в пространном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный государю и отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха.

Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний.

Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении, и в образе мыслей, и в отношениях к правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании. Правительство не нуждается, конечно, в похвальных себе словах, но может ли оно не пещись о том, чтобы спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется спасительным духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного, обращалось в неоспоримый факт, долженствующий одушевлять всех и каждого во дни спокойствия, как и в минуты бури?

Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Дабы трон и церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство народности, их связующее. Вопрос о народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совокупаются на каждой

странице истории русского народа. Относительно народности все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна.

Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к народному воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей, находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния – твердо и неведимо укрепиться может.

Время, обстоятельства, любовь к отечеству, преданность монарху – все должно нас уверить в том, что пора нам, особенно касательно народного воспитания, обратиться к духу монархических учреждений и в них искать той силы, того единства, той прочности, коих мы слишком часто думали открыть в мечтательных призраках, равно для нас чуждых и бесполезных, следуя коим нетрудно было бы наконец утратить все остатки народности, не достигнувши мнимой цели европейского образования.

К составу общей системы народного просвещения принадлежит много других предметов, как-то: направление, данное отечественной литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; влияние иностранных книг; покровительство, оказываемое художествам; но разбор всех сил отдельных частей повлек бы за собою довольно обширное изложение и мог бы легко обратиться в краткую записку в пространную книгу.

Конечно, принятие такой системы требовало бы более, нежели жизнь и силы одного или нескольких человек. Не тому, кто посеет сии семена, определено Промыслом пожинать плоды оных; но что значит жизнь и силы одного, когда дело идет о благе всех? Два или три поколения быстро исчезают с лица земли, но государства долговечны, пока в них сохраняется священная искра веры, любви и надежды.

Дано ли нам посреди бури, волнующей Европу, посреди быстрого падения всех подпор гражданского общества, посреди печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, укрепить слабыми руками любезное отечество на верном якоре, на твердых основаниях спасительного начала? Разум, испуганный при виде общих бедствий народов, при виде обломков прошедшего, падающих вокруг нас, и не прозревая будущего сквозь мрачную завесу событий, невольно предается унынию и колеблется в своих заключениях.

Но если отечеству нашему – как нам, русским, и сомневаться в том нельзя, – охраняемому Промыслом, даровавшим нам в лице великодушного, просвещенного, истинно русского монарха, залог неведимой силы государства, должно

устоять против порывов бури, ежеминутно нам грозящей, то образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе православия, самодержавия и народности составляет, бесспорно, одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и вместе одно из труднейших поручений, коим доверенность монарха могла бы почтить верноподданного, постигающего и важность оногo, и цену каждого мгновения, и несоразмерность своих сил, и ответственность свою перед Богом, государем и отечеством.

*Публикуется по изданию:
Река времен. М., 1995. С. 70–72.*

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ УВАРОВ

**ОТ РЕДАКЦИИ
ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

1834 г.

В наше время не нужно, кажется, доказывать пользу просвещения: все внутренне убеждены, что где нет света, нет и счастья. Многие ошибаются, увлекаются светом ложным, принимают даже тьму за свет и, однако ж, все ищут света.

Такова потребность гражданских обществ и таков ход их: следственно, то, что мы называем просвещением, если только не встречает неодолимых преград, и может, и должно распространяться между людьми само собою. Но мудрые правители, постигнув возможность влияния его на судьбу государств, занялись им как предметом особенных своих попечений: их постоянные усилия принесли плод сторичный. Так, бессмертный просветитель России, преобразив наше отечество, не только облек его в новую славу, не только утвердил внешнюю его безопасность, но и открыл ему путь к внутреннему совершенству на всех путях гражданской жизни. Достойные преемники Петра – Екатерина и Александр, – внося учение в города и хижины, старались сделать оное народным, дабы все подданные были причастниками сего благотворного света, каждый по мере нужд своего состояния. «Хотите ли, – пишет Великая Екатерина в своем Наказе, – хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми».

Если выход из грубой тьмы невежества и бесперывное дальнейшее движение к свету необходимы для человека, то попечительное в сем деле участие правительств необходимо для народов. Только правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования и настоящей нужды отечества. С одной стороны, облегчая каждому способы к приобретению и совершенствованию полезных сведений, с другой – соображая ход новых идей с верою, учреждениями, обычаями и иными особенностями государства и, наконец, с общими успехами его жителей на поприще гражданственности, оно содействует сколько можно более естественному для страны своей и тем надежнейшему, мирному и прочному в ней развитию просвещения; блюдет истинные выгоды народа и предохраняет его от тех нравственно-политических язв, которые, подобно физическим, только в общем плане Провидения могут быть не бесполезны, но коих и любовь к родине, и даже здравый смысл велят нам избегать как незавидной, печальной доли – страдать в поучение другим.

Когда Россия вследствие тяжких превратностей счастья, постигших ее в

младенчестве, отстала от Европы в успехах образованности. Промысл даровал ей царя, Им же вдохновенного, умевшего почти внезапно поставить ее на место, ей свойственное, но в то же время вынужденного для достижения сей великой цели жертвовать не только народным самолюбием, но и частию народного ее характера. Ныне другое время: Россия стоит на высокой чреде славы и величия; имеет внутреннее сознание своего достоинства и видит на троне другого, тем же Провидением ниспосланного царя – хранителя веры ее и народности. Отжив период безусловного подражания, она лучше своих иноземных наставников умеет применять плоды образования к своим собственным потребностям; ясно различает в остальной Европе добро от зла; пользуется первым и не страшится последнего, ибо носит в сердце сии два священные залога своего благоденствия, коими неразрывно соединен третий – самодержавие. Ее эмблема – юноша силы и доблести, зрелый умом и жаждущий познаний, но притом сохранивший драгоценное наследие первых лет – простоту нравов и святую доверенность Небу.

Россия имеет счастье верить Промыслу, Который проявляет себя в великих царях ее. Тогда как другие народы не ведают покоя и слабеют от разномыслия, она крепка единодушием беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им как отец, руководствуясь законом; и народ не умеет отделять отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу.

Для такой державы в наш обильный повременными изданиями век журналы официальные – сии отголоски правительства – необходимы, и особенно по той части, по коей некогда оно, ранее нежели по прочим, начало объявлять во всеобщее сведение все виды, все действия свои в так называвшемся *Периодическом сочинении о успехах просвещения в России*, получившем с 1821 года наименование Журнала, а с 1824 г. – Записок.

Ныне с Высочайшего соизволения министерство народного просвещения возобновляет сие издание по обширнейшему против прежнего плану, не ограничиваясь одними известиями о современном ходе отечественного образования.

Наставляемое повелениями монарха, неусыпно пекущегося о пользе Богом врученной ему страны, министерство вменяет себе в прямой и священнейший долг давать, по мысли и сердцу его, полезное направление читателям своего журнала, да удовлетворится истинных сынов отечества справедливое желание знать, каким образом они могут лучше содействовать высоким намерениям отца России.

*Публикуется по изданию:
Журнал министерства народного просвещения.
1834. Январь. С. III–VII.*

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ

О СТАРОМ И НОВОМ¹

1839 г.

Говорят, в старые годы лучше было все в земле русской. Была грамотность в селах, порядок в городах, в судах правда, в жизни довольство. Земля русская шла вперед, развивала все силы свои, нравственные, умственные и вещественные. Ее хранили и укрепляли два начала, чуждые остальному миру: власть правительства, дружного с народом, и свобода церкви, чистой и просвещенной.

Грамотность! Но на *копи* (которая находится у меня) с присяги русских дворян первому из Романовых, вместо подписки князя Троекурова, двух дворян Ртищевых и многих других, менее известных, находится крест с отметкою: по неумению грамоте. – Порядок! Но еще в памяти многих, мне известных, стариков сохранились бесконечные рассказы о криках ясачных²; а ясачный крик был то же, что на Западе *cri de guerre*³, и беспрестанно в первопрестольном граде этот крик сзывал приверженцев, родственников и клиентов дворянских, которые при малейшей ссоре высыпали на улицу, готовые на драку и на сражение до смерти или до синяков. – Правда! Но князь Пожарский был отдан под суд за взятки; старые пословицы полны свидетельств против судей прежнего времени; указы Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича повторяют ту же песнь о взятках и о новых мерах для ограждения подсудимых от начальства; пытка была в употреблении всеобщем, и слабый никогда не мог побороть сильного. – Довольство! При малейшем неурожае люди умирали с голода тысячами, бежали в Польшу, кабалили себя татарам, продавали всю жизнь свою и будущих потомков крымцам или своим братьям русским, которые едва ли были лучше крымцев и татар. – Власть дружная с народом! Не только в отдаленных краях, но в Рязани, в Калуге и в самой Москве бунты народные и стрелецкие были происшествием довольно обыкновенным, и власть царская частехонько сокрушалась о препоны, противопоставленные ей какой-нибудь жалкою толпою стрельцов, или делала уступки какой-нибудь подлой дворянской крамоле. Несколько олигархов вертели делами и судьбою России и растягивали или обрезывали права сословий для своих личных выгод. – Церковь просвещенная и свободная! Но назначение патриарха всегда зависело от власти светской, как скоро только власть светская хотела

¹ Настоящая работа была написана А.С. Хомяковым в 1839 г. для вечеров, устраивавшихся в доме И.В. Киреевского в Москве, и не предназначалась для печати. Вскоре Киреевский выступил с ответным словом. Обе статьи явились программными документами формирующегося славянофильства.

² Ясак (*тат.*) – сигнал, пароль, отзыв (не путать с ясаком – податью; *прим. изд. 1988 г.*).

³ Клич к войне (*франц.*).

вмешиваться в дело избрания; архиерей псковский, уличенный в душегубстве и в утоплении нескольких десятков псковитян, заключается в монастырь; а епископ смоленский метет двор патриарха и чистит его лошадей в наказание за то, что жил роскошно; Собор Стоглавый¹ остается бессмертным памятником невежества, грубости и язычества, а указы против разбоя архиерейских слуг показывают нам нравственность духовенства в виде самом низком и отвратительном. Что же было в золотое старое время? Взгрустнется поневоле. Искать ли нам добра и счастья прежде Романовых? Тут встречаются нас волчья голова Иоанна Грозного, нелепые смуты его молодости, безнравственное царствование Василия², ослепление внука Донского³, потом иго монгольское, уделы, междоусобия, унижение, продажа России варварам и хаос грязи и крови. Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности, угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте жизни народной, ни на одной эпохе утешительной и, обращаясь к настоящему времени, радуется пышной картине, представляемой нашим отечеством.

Хорошо! Да что же нам делать с сельскими протоколами, отысканными Языковым⁴, с документами, открытыми Строевым?⁵ Это не подделка, не выдумка, это не догадка систематиков; это факты ясные, неоспориваемые. Была же грамотность и организация в селах: от нее остатки в сходках и мирских приговорах, которых не могли уничтожить ни власть помещика, ни власть казенных начальств. Что делать нам с явными свидетельствами об городском порядке, о распределении должностей между гражданами, о заведениях, которых цель была облегчать, сколько возможно, низшим доступ к высшим судилищам? Что делать с судом присяжных, который существовал бесспорно в Северной и Средней России, или с судом словесным, публичным, который и существовал везде и сохранился в названии <совестного> суда⁶, по форме прекрасного, но неполного учреждения? Что делать с песнями, в которых воспевается быт крестьянский? Этих песен теперь не выдумали русские крестьяне. Что делать с отсутствием кре-

¹ Стоглавый собор – церковный собор с участием царя Ивана IV и представителей боярской думы. Состоялся в Москве в 1551 г. Унифицировал церковные обряды, провозгласил неприкосновенность церковных имуществ и неподсудность духовенства светским властям. Принял «Стоглав» – сборник постановлений данного собора.

² Василий III (1479–1533) – великий князь всея Руси (с 1505 г.). Завершил объединение Руси вокруг Москвы присоединением Пскова (1510 г.), Смоленска (1514 г.), Рязани (1521 г.).

³ Внук Донского – Василий II Темный (1415–1462) – великий князь московский (с 1425 г.). В 1446 г. был ослеплен князем Дмитрием Шемякой (отсюда прозвище). Присоединил к Москве Нижегородское княжество, часть ярославских земель и др. Унифицировал налоги, провел перепись податного населения.

⁴ Языков Н.М. (1803–1846) – поэт. В 1830-х гг. находясь в Симбирской губернии, собирал произведения народного творчества, исторические документы.

⁵ Строев П.М. (1796–1876) – историк; обнаружил и издал большое количество исторических документов.

⁶ Не исключено, что во всех изданиях статьи термин печатается с ошибкой: по смыслу вместо «суд словесный» следует читать «суд совестный»...; «неполным» Хомяков, вероятно, считает совестный суд XVIII–XIX вв. (введен при Екатерине II), в котором разбирательство не всегда носило общесловесный характер (дворяне имели привилегии) (прим. изд. 1988 г.).

постного права, если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав? Что с равенством, почти совершенным, всех сословий, в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей? Мы этому имеем множество доказательств, и даже самые злые враги древности русской должны ей отдать в сем отношении преимущество перед народами западными. Власть представляет нам явные доказательства своего существования в распространении России, восторжествовавшей над столькими и столь сильными врагами, а дружба власти с народом запечатлена в старом обычае, сохранившемся при царе Алексее Михайловиче, собирать депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных. Наконец, свобода чистой и просвещенной церкви является в целом ряде святителей, которых могущее слово более способствовало к созданию царства, чем ум и хитрость государей, – в уважении не только русских, но и иностранцев к начальникам нашего духовенства, в богатстве библиотек патриаршеских и митрополических, в книгах духовных, в спорах богословских, в письмах Иоанна, и особенно в отпоре, данном нашей церковью церкви Римской.

После этого, что же думать нам об старой Руси? Два воззрения, совершенно противоположные, одинаково оправдываются и одинаково опровергаются фактами неоспоримыми, и никакая система, никакое искусственное воссоздание древности не соответствует памятникам и не объясняет в полноте их всестороннего смысла.

Нам непозволительно было бы оставить вопрос неразрешенным тогда, когда настоящее так ясно представляется нам в виде переходного момента и когда направление будущего почти вполне зависит от понятия нашего о прошедшем. Если ничего доброго и плодотворного не существовало в прежней жизни России, то нам приходится все черпать из жизни других народов, из собственных теорий, из примеров и трудов племен просвещеннейших и из стремлений современных. Мы можем приступить к делу смело, прививать чужие плоды к домашнему дичку, перепахивать землю, не таящую в себе никаких семян, и при неудачах успокаивать свою совесть мыслью, что, как ни делай, хуже прежнего не сделаешь. Если же, напротив, старина русская была сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякого добра, то труд наш переменит свой характер, а все так же будет легко. Вот архивы, вот записки старых бумаг, сделок, судебных решений, летописей и пр., и пр. Только стоит внести факт критики под архивные своды и воскресить, на просторе царства, учреждения и законы, которых трупы истлевают в забытых шкафах и сундуках.

После краткого обзора обоих мнений едва ли можно пристать к тому или другому. Вопрос представляется в виде многосложном и решение затруднительным. Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию? Приличны ли ей эти стихии? Много ли она утратила своих коренных начал и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?

Современную Россию мы видим: она нас и радует, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими;

но старую Русь надобно – угадать.

Сличение всех памятников, если не ошибаюсь, приведет нас к тому простому заключению, что прежде, как и теперь, было постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными. Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая, и редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении. Примем это толкование, как истину, и все перемены быта русского объяснятся. Мы поймем, как легко могли измениться отношения видимые, и в то же время будем знать, что изменения редко касались сущности отношения между людьми и учреждениями, между государством, гражданами и церковью. Для примера возьмем один из благороднейших законов новейшего времени, которым мы можем похвалиться перед стариною, и одно из старых постановлений, о котором мы должны вспомнить с горестью. Пытка отменена в России тогда, когда она существовала почти во всех судах Европы, когда Франция и Германия говорили об ней без стыда и полагали ее необходимою для отыскания и наказания преступников. Скажем ли, однако, что пытка не существовала в России? Она существует, она считается неизбежною, она существует при всяком следствии, дерзко бросается в глаза во всех судах... Крепостное состояние крестьян введено Петром Первым; но когда вспомним, что они не могли сходить с своих земель, что даже отлучаться без позволения они не смели, а что между тем суд был далеко, в Москве, в руках помещиков, что противники их были всегда и богаче, и выше их в лестнице чинов государственных, – не поймем ли мы, что рабство крестьян существовало в обычае, хотя не было признано законом, и что отмена Холопьяго приказа не могла произвести ни потрясений, ни бунтов и должна была казаться практическому уму Петра простым уничтожением ненужного и почти забытого присутственного места? Так-то факты и учреждения письменные разногласят между собою. Конечно, никто из нас не может вспомнить без горя о том, что закон согласился принять на себя ответственность за мерзость рабства, введенного уже обычаем, что закон освятил и укоренил давно вкрадывавшееся злоупотребление аристократии, что он видимо ограничил свободу церкви; но вспомним также, что дворянство слабеет ежедневно, расширяется, отворяет свои ворота почти для всех желающих и до того тяготится собою, что готово само проситься в отставку из дворян; а церковь в земле самодержавной более ограждена равнодушием правительства к ней, чем сановитым, но всегда зависимым лицом полупридворного патриарха. Бесконечные неурядицы России доромановской не позволяют сравнивать ее с нынешнею, и потому я всегда говорю об той России, которую застал Петр и которая была естественным развитием прежней. Я знаю, что в ней хранилось много прекрасных инстинктов, которые ежечасно искажаются, что когда-нибудь придется нам поплатиться за то, что мы попрали святые истины равенства, свободы и чистоты церковной; но нельзя не признаться, что все лучшие начала не только не были развиты, но еще были совершенно затемнены и испорчены в жизни народной, прежде чем закон коснулся их мнимой жизни.

По мере того, как царство русское образовывалось и крепло, изглаживались мало-помалу следы первого, чистого и патриархального состава общества. Воль-

ности городов пропадали, замолкали веча, отменялось заступничество тысяцких¹, вкрадывалось местничество, составлялась аристократия, люди прикреплялись к земле, как прозябающие, и добро нравственное сохранялось уже только в мертвых формах, лишенных прежнего содержания. Невозможно государству подвигаться в одно время по всем направлениям. Когда наступила минута, в которую самое существование его подверглось опасности, когда, безмерно расширяясь и помня прежнее свое рождение, оно испугалось будущего, тогда, оставляя без внимания все частные и мелкие выгоды личные, пренебрегая обычаями и установлениями, несколько обветшавшие, не останавливаясь, чтобы отыскивать прекрасную сущность, обратившуюся в бесполезный обряд, государство устремилось к одной цели, задало себе одну задачу и напрягло все силы свои, чтобы разрешить ее: задача состояла в сплочении разрозненных частей, в укреплении связей правительственных, в усовершенствовании, так сказать, механическом всего общественного состава.

Иоанн Третий утягощает свободу северных городов и утверждает обряды местничества, чтобы все уделы притянуть в Москву общею нумерацией боярских родов; Иоанн Четвертый выдумывает опричнину; Феодор² воздвигает в Москве патриаршеский престол; Годунов укрепляет людей к земле; Алексей Михайлович заводит армию на лад западный; Феодор³ уничтожает местничество, сделавшееся бесполезным для власти и вредным для России, и, наконец, является окончательный их подвига, воля железная, ум необычайный, но обращенный только в одну сторону, человек, для которого мы не находим ни достаточно похвал, ни достаточно упреков, но о котором потомство вспомнит только с благодарностью, – является Петр. Об его деле судить я не стану; но замечу мимоходом, что его не должно считать основателем аристократии в России, потому что безусловная продажа поместий, обращенных Михаилом Феодоровичем и Алексеем Михайловичем в отчины, уже положила законное начало дворянству; так же как не должно его обвинять в порабощении церкви, потому что независимость ее была уже уничтожена переселением внутрь государства престола патриаршего, который мог быть свободным в Царьграде, но не мог уже быть свободным в Москве.

Если сравнить состояние России в XIX веке с состоянием ее в XVII, мы придем, кажется, к следующему заключению. Государство стало крепче и получило возможность сознания и постепенного улучшения без внутренней борьбы; несколько прекрасных начал, прежде утраченных и забытых, освящено законом и поставлено на твердом основании: такова отмена смертной казни, человеколюбие в праве уголовном и возможность низшим сословиям восходить до высших степеней государственных на условиях известных и правильных. Наконец, закон осветил несколько злоупотреблений, введенных обычаем в жизнь народную, и через это видимо укоренил их. Я знаю, как важна для общества нравственная чистота закона; я знаю, что в ней таится вся сила государства, все начала будущей

¹ Тысяцкий – военный предводитель городского ополчения («тысячи») на Руси до сер. XV в. В Новгороде избирался из бояр на вече и был ближайшим помощником посадника.

² Федор Иванович – сын Ивана Грозного. В 1589 г. учредил патриаршество.

³ Федор Алексеевич (1661–1682) – царь (с 1676 г.).

жизни, но полагаю также, что иногда злоупотребление, освященное законом, вызывает исправление именно своею наглостью, между тем как тихая и скрытая чума злого обычая делается почти неисцелимою. Так в наше время мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами, между тем как илотизм крестьян до Петра мог сделаться язвою вечною и по меньшей мере вел к состоянию пролетариев или безземельных английских работников.

Начал чуждых вижу я весьма мало: дворянство, введенное Петром Третьим, уже столько изменилось от действия духа народного, что оно не только не имеет характера аристократического, но даже чище, чем оно было до Петра Великого после усиления боярских родов и безусловного обращения поместий в отчины.

В жизни же и ходе просвещения: излишний космополитизм, некоторое протестантство мыслей и отчуждение от положительных начал веры и духовного усовершенствования христианского, сопряженные в то же время с отстранением безобразной формальности, равнодушия к человечеству, переходящего почти в ненависть, и какого-то усыпления умственного и духовного, граничащего с еврейским самодовольствием и языческой беспечностью.

Я уже говорил о многих прекрасных стихиях, которые нами утрачены; но я, кажется, также показал, что они уничтожены обрядами, прежде чем законы коснулись их. Они прежде были убиты народом, потом уже схоронены государями. Сказать ли нам: «почий в мире?» Нет, лучше скажем: вечная им память, и вечно их будем поминать. Камбасерес¹ сказал: «La désuétude est la plus juste et la plus amère critique d'une loi»². Это правда, но правда неполная. Когда государство находилось в продолжение нескольких веков в осадном положении, многие законы могли быть совершенно забыты; но это забвение невольное не есть укор закону. Бессильный временно, лишенный действия и приложения, он живет скрытно в душах, несмотря на злые обычаи, введенные необходимостью, несмотря на невежество народа или на крутое действие власти.

Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться: уничтожение смертной казни, освобождение Греции и церкви греческой в недрах самой Турции, открытие законных путей к возвышению лиц по лестнице государственных чинов, под условием заслуг или просто просвещения, мирное направление политики, провозглашение закона Христа и правды, как единственных законов, на которых должны основаться жизнь народов и их взаимные сношения. Кое-что сделано; более, несравненно более остается сделать такого, на что вызывает нас дух, живущий в воспоминаниях, преданиях или символах, уцелевших от древности. Весь этот прекрасный мир замирал, почти замер в беспрестанных борьбах, внутренних и внешних, России. Без возобновления государства все бы погибло; государство ожило, утвердилось, наполнилось крепостию необычайною: теперь все прежние

¹ Камбасерес Жан Жак (1753–1824) – французский политический деятель, член Конвента в 1792 г., автор проекта гражданского кодекса в период якобинской диктатуры, участвовал в составлении кодекса Наполеона.

² Устарелость – справедливая и самая горькая критика закона (*франц.*).

начала могут, должны развиваться и разовьются собственно своею неумиращею силою. – Нам стыдно бы было не перегнать Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов. Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее.

Все, что можно разобрать в первых началах истории русской, заключается в немногих словах. Правительство из варягов представляет внешнюю сторону; областные веча – внутреннюю сторону государства. Во всей России исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемною дружиною; суд правды, сохранение обычаев, решение всех вопросов правления внутреннего предоставлены народному совещанию. Везде, по всей России устройство почти одинаковое; но совершенного единства обычаев не находим не только между отдаленными городами, но ниже между Новгородом и Псковом, столь близкими и по месту, и по выгодам, и по элементам народонаселения. Где же могла находиться внутренняя связь? Случайно соединено несколько племен славянских, мало известных друг другу, не живших никогда одною общею жизнью государства; соединены они какою-то федерациею, основанною на родстве князей, вышедших не из народа, и, может быть, отчасти единством торговых выгод: как мало стихий для будущей России!

Другое основание могло поддержать здание государственное, это единство веры и жизнь церковная; но Греция посылала нам святителей, имела с нами одну веру, одни догматы, одни обряды, а не осталась ли она нам совершенно чуждою? Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля русская; но мы не имеем права сказать, что одно христианство воздвигло ее. Конечно, все истины, всякое начало добра, жизни и любви находилось в церкви, но в церкви возможной, в церкви просвещенной и торжествующей над земными началами. Она не была таковой ни в какое время и ни в какой земле. Связанная с бытом житейским и языческим на Западе, она долго была темною и бессознательною, но деятельною и сухо-практическою; потом, оторвавшись от Востока и стремясь пояснить себя, она обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформатства. Иная была судьба церкви восточной. Долго боролась она с заблуждениями индивидуального суждения, долго не могла она успокоить в правоте веры разум, взволнованный гордостью философии эллинской и мистицизмом Египта или Сирии. Прошли века, уяснилось понятие, смирилась гордость ума, истина явилась в свете ясном, в формах определенных; но промысл не дозволил Греции тогда же пожать плоды

своих трудов и своей прекрасной борьбы. Общество существовало уже на основании прочном, выведенном историею, определенном законами положительными, логическими, освященном великою славою прошедшего, чудесами искусства, роскошью поэзии; и между тем все это – история, законы, слава, искусство, поэзия, – разногласило с простотой духа христианского, с истинами его любви. Народ не мог оторваться от своей истории, общество не могло пересоздать свои законы; христианство жило в Греции, но Греция не жила христианством. Долго от живого источника веры получала империя силы, почти невероятные, для сопротивления врагам внешним; долго это дряхлое тело боролось с напором варваров северных, воинственных фанатиков Юга и диких племен Средней Азии; но восстать и окрепнуть для новой жизни оно не могло, потому что упорные формы древности неспособны были принять полноту учения христианского. Мысль утомленная тщетною борьбою с внешностью быта общественного и государственного, уходила в пустыни, в обители Египта и Палестины, в нагорные монастыри Малой Азии и Эллады. Туда-то лучшие, избранные души уносили из круга гражданского красоту своей внутренней жизни, и, удаляясь от мира, которому они не хотели и который не мог им покориться, они избрали поприще созерцания, размышления, молитвы и духовного восторга. В них жило все прекрасное и высокое, все то, что не осуществлялось современным обществом. Тогда-то замолкает лира Греции, источник песни иссякает. Поэзия перешла в монастыри, в самый быт монашеский; так сказать, в самую сущность отшельников. Но так как суждено роду человеческому всегда более или менее покоряться или, по крайней мере, преклоняться пред чистотою поэтического духа, – мир греческий обращается с безграничным почтением к людям, отвергнувшим его. Почтение, оказанное великим наставникам и основателям монашеского подвига, увлекло с собою бесконечное число подражателей, и ложные монахи размножились на Востоке, как мнимые поэты размножаются в наше время на Западе. По всему обществу распространяется характер отчуждения людей друг от друга; эгоизм и стремление к выгодам частным сделались отличительными чертами грека. Гражданин, забывая отечество, жил для корысти и честолюбия; христианин, забывая человечество, просил только личного душеспасения; государство, потеряв святость свою, переставало представлять собою нравственную мысль; церковь, лишившись всякого действия и сохраняя только мертвую чистоту догмата, утратила сознание своих живых сил и память о своей высокой цели. Она продолжала скорбеть с человеком, утешать его, отстранять его от преходящего мира; но она уже не помнила, что ей поручено созидать здание всего человечества. Такова была Греция, таково было ее христианство, когда угодно было Богу перенести в наш Север семена жизни и истины. Не могло духовенство византийское развить в России начала жизни гражданской, о которой не знало оно в своем отечестве. Полюбив монастыри сперва, как я сказал, поневоле, Греция явилась к нам с своими предубеждениями, с любовью к аскетизму, призывая людей к покаянию и к совершенствованию, терпя общество, но не благословляя его, повинувась государству, где оно было, но не созидая там, где его не было. Впрочем, и тут она заслужила нашу благодарность. Чистотой учения она улучшила нравы, привела к согласию обычаи разных племен, об-

няла всю Русь цепью духовного единства и приготовила людей к другой, лучшей эпохе жизни народной.

Всего этого было еще мало. Федерация южных и северных племен, под охраною дома Рюрика¹, не составляла могущего единоначального целого. Области жили жизнью отдельною, самобытною. Новгород не был врагом врагов Киева. Киев своею силою не отстаивал Новгорода. Народ не просил единства, не желал его. Внешняя форма государства не срослась с ним, не проникла в его тайную, душевную жизнь. Раздоры князей разрывали и опустошали Россию, но области оставались равнодушными к победителю, так же как и к побежденному. Когда же честолюбивый и искусный в битвах великий князь стремился к распространению власти своей, к сосредоточиванию сил народных (какие бы ни были побудительные причины его действия, любовь ли к общественному благу или своекорыстие), против него восставало не только властолюбие других князей, но еще более завистливая свобода общин и областей, привычных к независимости, хотя вечно терпевших угнетения. Одна была в праве, а другое в деле.

Новгороду вольному, гордому, эгоистическому, привыкшему к своей отдельной политической жизни, в которой преобладало начало племенное, не приходило в мысль соединить всю Россию; Киеву бессильному, случайно принявшему в себя воинственный характер варягов, нельзя было осуществить идею великого государства. До нашествия монголов никому, ни человеку, ни городу, нельзя было восстать и сказать: «Я представитель России, я центр ее, я сосредоточу в себе ее жизнь и силу».

Гроза налетела с Востока, ужасная, сокрушившая все престолы Азии, достаточная для уничтожения всей Европы, если бы Европа не была спасена от нее безмерным расстоянием. Тень будущей России встретила ее при Калке, и побежденная – могла не стыдиться своего поражения. Бог как будто призывал нас к единению и союзу. Но церковь молчала и не предвидела гибели; народ оставался равнодушным, князья продолжали свои междоусобицы. Кара была правосудна, перерождение было необходимо. Насилие спасительно, когда спит внутренняя деятельность человека. Когда вторичный налет монголов ударил в Россию, ее падение было бесславно. Она встретила гибель без всякого сопротивления, без попытки на отпор. Читая летописи, чувствуешь, что какое-то глубокое уныние проникло весь этот нестройный состав русского общества, что он уже не мог долее существовать и что монголы были случайностью, счастливою для нас: ибо эти дикие завоеватели, разрушая все существующее, по крайней мере, не хотели и не могли ничего создать.

В то время, когда ханы уничтожали всю восточную и южную полосу России, когда Запад ее, волею или неволею, признал над собою владычество грубого племени литовского, а Север, чуждый всякой великой идеи государственной, безумно продолжал свою ограниченную и местную жизнь, торговую и разбойническую, возникла новая Россия. Беглецы с берегов Дона и Днепра, изгнанники из богатых

¹ Рюриковичи – род русских князей и царей, считавшихся потомками Рюрика, в т.ч. великих князей киевских, владимирских, московских, тверских, рязанских и др. (IX–XVI вв.). К роду рюриковичей относились князья Волконские, Воротынские, Долгоруковы, Курбские, Львовы, Одоевские, Оболенские, Пожарские и др.

областей Волыни и Курска бросились в леса, покрывающие берега Оки и Тверцы, верховья Волги и скаты Алаунские. Старые города переполнились, выросли новые села, выстроились новые города, Север и Юг смешались, проникнули друг друга, и началась в пустопорожных землях, в диких полях Москвы, новая жизнь, уже не племенная и не окружная, но общерусская.

Москва была город новый, не имеющий прошедшего, не представляющий никакого определительного характера, смешение разных славянских семей, и это ее достоинство. Она была столько же созданием князей, как и дочерью народа; следственно, она совместила в тесном союзе государственную внешность и внутренность, и вот тайна ее силы. Наружная форма для нее уже не была случайною, но живою, органическою, и торжество ее в борьбе с другими княжениями было несомненно. От этого-то так рано в этом молодом городке (который, по обычаям русской старины, засвидетельствованной летописцами, и по местничеству городов должен был быть смиренным и тихим) родилось вдруг такое буйное честолюбие князей, и оттого народ мог сочувствовать с князьями.

Я не стану излагать истории Московского княжества; из предыдущих данных легко понять ее [Москвы] битвы и ее победы. Как скоро она объявила желание быть Россиею, это желание должно было исполниться, потому что оно выразилось вдруг и в князе, и в гражданине, и в духовенстве, представленном в лице митрополита. Новгород устоять не мог, потому что идея города должна была уступить идее государства; князья противиться долго не могли, потому что они были случайностью в своих княжествах; областная свобода и зависть городов, разбитых и уничтоженных монголами, не могли служить препоною, потому что инстинкт народа, после кровавого урока, им полученного, стремился к соединению сил, а духовенство, обращающееся к Москве, как к главе православия русского, причало умы людей покоряться ее благодетельной воле.

Таковы причины торжества. Каковы же были последствия? Распространение России, развитие сил вещественных, уничтожение областных прав, угнетение быта общинного, покорение всякой личности мысли государства, сосредоточение мысли государства в лице государя, – добро и зло допетровской России. С Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд ей. Она из Москвы выдвигается на границу, на морской берег, чтобы быть доступнее влиянию других земель, торговых и просвещенных. Но это движение не было действием воли народной; Петербург был и будет единственно городом правительственным, и, может быть, для здорового и разумного развития России не осталось и не останется бесполезным такое разъединение в самом центре государства. Жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились даже местом их сосредоточения. Одна из Петербурга движет всеми видимыми силами России, всеми ее изменениями формальными, всю внешнею ее деятельностью; другая незаметно воспитывает характер будущего времени, мысли и чувства, которым суждено еще облечься в образ и перейти из инстинктов в полную, разумную, проявленную деятельность. Таким образом, вещественная личность государства получает решительную и определенную деятельность, свободную от всякого внутреннего волнения, и в то же время бес-

страстное и спокойное сознание души народной, сохраняя свои вечные права, развивается более и более в удалении от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности.

Мы видели, что первый период истории русской представляет федерацию областей независимых, охваченных одною цепью охранной стражи. Эгоизм городов несколько не был изменен случайностью варяжского войска и варяжских военачальников, которых мы называем князьями, не представляя себе ясного смысла в этом слове. Единство языка было бесплодно, как и везде: этому нас учит древний мир Эллады. Единство веры не связывало людей, потому что она пришла к нам из земли, от которой вера сама отступилась, почувствовав невозможность ее пересоздать. Когда же гроза монгольская и властолюбие органически созданного княжества Московского разрушили границы племен, когда Русь срослась в одно целое, – жизнь частей исчезла; но люди, отступившись от своей мятежной и ограниченной деятельности в уделах и областях, не могли еще перенести к новосозданному целому теплого чувства любви, с которым они стремились к знаменам родного города при криках: «За Новгород и святую Софию» или: «За Владимир и Боголюбскую Богородицу». России еще никто не любил в самой России, ибо, понимая необходимость государства, никто не понимал его святости. Таким образом, даже в 1612 году, которым может несколько похвалиться наша история, желание иметь веру свободную сильнее действовало, чем патриотизм, а подвиги ограничились победою всей России над какою-то горстью поляков.

Между тем, когда все обычаи старины, все права и вольности городов и сословий были принесены на жертву для составления плотного тела государства, когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не друг с другом, а, так сказать, друг подле друга, язва безнравственности общественной распространилась безмерно, и все худшие страсти человека развились на просторе: корыстолюбие в судьях, которых имя сделалось притчею в народе, честолюбие в боярах, которые просились в аристократию, властолюбие в духовенстве, которое стремилось поставить новый папский престол. Явился Петр, и, по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова *государство*, он ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза. Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающим родину; удар по монахам, ищущим душеспасения в келиях и поборов по городам, и забывающим церковь, и человечество, и братство христианское. За кого из них заступится история?

Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные; но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насилем, более или менее суровым. Но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему свою личность, так же как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода.

Быть может, я строго судил о старине; но виноват ли я, когда она сама себя осудила? Если ни прежние обычаи, ни церковь не создали никакого видимого образа, в котором воплотилась бы старая Россия, не должны ли мы признаться, что в них недоставало одной какой-нибудь или даже нескольких стихий? Так и было. Общество, которое вне себя ищет сил для самохранения, уже находится в состоянии болезненном. Всякая федерация заключает в себе безмолвный протест против одного общего начала. Федерация случайная доказывает отчуждение людей друг от друга, равнодушие, в котором еще нет вражды, но еще нет и любви взаимной. Человечество воспитывается религиею, но оно воспитывается медленно. Много веков проходит, прежде чем вера проникнет в сознание общее, в жизнь людей, *in succum et sanguinem*¹. Грубость России, когда она приняла христианство, не позволила ей проникнуть в сокровенную глубину этого святого учения, а ее наставники утратили уже чувство первоначальной красоты его. Оттого-то народ следовал за князьями, когда их междоусобицы губили землю русскую; а духовенство, стараясь удалить людей от преступлений частных, как будто бы и не ведало, что есть преступления общественные.

При всем том перед Западом мы имеем выгоды неисчислимые. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия. Простота дотатарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального. Теперь, когда эпоха создания государственного кончилась, когда связались колоссальные массы в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неисторченной индивидуальности нашего племени. Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью.

*Публикуется по изданию:
Хомяков А.С. О старом и новом.
М., 1988. С. 41–56.*

¹ В соки и кровь (*лат.*).

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ

В ОТВЕТ А. С. ХОМЯКОВУ

1839 г.

Статья г. Хомякова возбудила во многих из нас желание написать ему возражение. Потому я хотел сначала уступить это удовольствие другим и предложить вам статью об ином предмете. Но потом, когда я обдумал, что понятие наше об отношении прошедшего состояния России к настоящему принадлежит не к таким вопросам, о которых мы можем иметь безнаказанно то или другое мнение, как о предметах литературы, о музыке или о иностранной политике, но составляет, так сказать, существенную часть нас самих, ибо входит в малейшее обстоятельство, в каждую минуту нашей жизни; когда я обдумал еще, что каждый из нас имеет об этом предмете отличное от других мнение, тогда я решился писать, думая, что моя статья не может помешать другому говорить о том же, потому что это дело для каждого важно, мнения всех различны и единомыслие могло бы быть не бесполезно для всех.

Вопрос обыкновенно предлагается таким образом: прежняя Россия, в которой порядок вещей слагался из родственных ее элементов, была ли лучше или хуже теперешней России, где порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного? Если прежняя Россия была лучше теперешней, говорят обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно русское, и уничтожить западное, искажающее русскую особенность; если же прежняя Россия была хуже, то надобно стараться вводить все западное и истреблять особенность русскую.

Силлогизм, мне кажется, не совсем верный. Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах. Если же старое было хуже, то из этого также не следует, чтобы его элементы не могли сами собой развиваться во что-нибудь лучшее, если бы только развитие это не было остановлено насильственным введением элемента чужого. Молодой дуб, конечно, ниже однолетней с ним ракиты, которая видна издали, рано дает тень, рано кажется деревом и годится на дрова. Но вы, конечно, не услужите дубу тем, что привьете к нему ракиту.

Таким образом, и самый вопрос предложен неудовлетворительно. Вместо того чтобы спрашивать, лучше ли была прежняя Россия, полезнее, кажется, спросить: нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?

Рассмотрим, какую пользу мы можем извлечь из решения этого вопроса.

Положим, что вследствие беспристрастных изысканий мы убедимся, что для нас особенно полезно бы было исключительное преобладание одного из двух противоположных бытов; положим притом, что мы находимся в возможности иметь самое сильное влияние на судьбу России, – то и тогда мы не могли бы от всех усилий наших ожидать исключительного преобладания одного из противоположных элементов, потому именно, что хотя и один избран *в нашей теории*, но другой вместе с ним существует *в действительности*. Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т.п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забыть все, что умеем? Еще менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского. Потому сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал.

Следовательно, и этот вид вопроса – который из двух элементов исключительно полезен теперь? – также предложен неправильно. Не в том дело, который из двух, но в том, какое *оба* они должны получить направление, чтобы действовать благотельно. Чего от взаимного их действия должны мы надеяться или чего бояться?

Вот вопрос, как он существенно важен для каждого из нас: направление туда или сюда, а не приобретение того или другого.

Рассматривая основные начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, мы с первого взгляда открываем между ними одно очевидно общее: это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта. Откуда происходит общее, мы знаем; но откуда происходит различие и в чем заключается его характеристическая черта?

Два способа имеем мы для того, чтобы определить особенность Запада и России, и один из них должен служить поверкою другому. Мы можем или, восходя исторически к началу того или другого вида образованности, искать причину различия их в первых элементах, из которых они составились; или, рассматривая уже последующее развитие этих элементов, сравнивать самые результаты. И если найдется, что то же различие, какое мы заметим в элементах, окажется и в результатах их развития, тогда очевидно, что предположение наше верно, и, основываясь на нем, нам уже виднее будет, какие можно делать из него дальнейшие заключения.

Три элемента легли основанием европейской образованности: римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, и классический мир древнего язычества.

Этот классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится, – чистого, голого разума, на себе самом

основанного, выше себя и вне себя ничего не признающего и являющегося в двух свойственных ему видах – в виде формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Действие классицизма на образованность европейскую должно было соответствовать тому же характеру.

Но потому ли, что христиане на Западе поддались незаконно влиянию классического мира, или случайно ересь сошлась с язычеством, но только римская церковь в уклонении своем от восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над преданием внешней разумности, над внутренним духовным разумом. Так, вследствие этого внешнего силлогизма, выведенного из понятия о божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице в противность духовному смыслу и преданию; так, вследствие другого силлогизма папа стал главою церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непогрешаемым; бытие Божие во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиция, иезуитизм – одним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма. В этом последнем торжестве формального разума над верою и преданием пронизательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы как следствие вотще начатого начала, то есть и Штрауса¹, и новую философию со всеми ее видами, и индустриализм как пружину общественной жизни, и филантропию, основанную на рассчитанном своекорыстии, и систему воспитания, ускоренную силою возбужденной зависти, и Гете², венец новой поэзии, литературного Талейрана³, меняющего свою красоту, как тот свои правительства, и Наполеона⁴, и героя нового времени, идеал бездушного расчета, и материальное большинство, плод рациональной политики, и Лудвига Филиппа⁵, последний результат таких надежд и таких дорогих опытов!

Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад; никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками; но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех приятностей жизни и выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящею жизнью. Потому, вполне оценивая все отдельные выгоды рациональности, я думаю, что в *конечном* развитии она своею болезненною неудовлетворительностию

¹ Штраус Давид Фридрих (1808–1874) – немецкий философ, младогегельянец. Автор книги «Жизнь Иисуса, критически переработанная».

² Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель.

³ Талейран Шарль-Морис (1754–1838) – французский государственный деятель, дипломат.

⁴ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – государственный деятель и полководец. В 1799–1804 г. первый консул Французской республики, в 1804–1814 г. г., марте–июне 1815 г. – император французов.

⁵ Луи-Филипп (1773–1850) – французский король (с 1830 г.). Свергнут февральской революцией 1848 г.

явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским. Впрочем, распространяться об этом было бы здесь неуместно. Я припомню только, что все высокие умы Европы жалуются на теперешнее состояние нравственной апатии, на недостаток убеждений, на всеобщий эгоизм, требуют новой духовной силы вне разума, требуют новой пружины жизни вне расчета – одним словом, ищут веры и не могут найти ее у себя, ибо христианство на Западе исказилось своемыслием.

Таким образом, рационализм и вначале был лишним элементом в образовании Европы и теперь является исключительным характером просвещения и быта европейского. Это будет еще очевиднее, если мы сравним основные начала общественного и частного быта Запада с основными началами того общественного и частного быта, который если не развился вполне, то по крайней мере ясно обозначился в прежней России, находившейся под прямым влиянием чистого христианства, без примеси мира языческого.

Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город – *внутри своих прав* есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостию, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими независимыми властями.

<...>

В прошедший раз я не докончил статьи моей, а потому обязан продолжать ее теперь. Я говорил о различии просвещения в России и на Западе. У нас образовательное начало заключалось в нашей церкви. Там вместе с христианством действовали на развитие просвещения еще плодоносные остатки древнего языческого мира. Самое христианство западное, отделившись от вселенской церкви, приняло в себя зародыш того начала, которое составляло общий оттенок всего греко-языческого развития: начала рационализма. Потому и характер образованности европейской отличается перевесом рациональности.

Впрочем, этот перевес обнаружился только впоследствии, когда логическое развитие, можно сказать, уже задавило христианское. Но вначале рационализм, как я сказал, является только в зародыше. Римская церковь отделилась от восточной тем, что некоторые догматы, существовавшие в *предании* всего христианства, она изменила на другие вследствие *умозаключения*. Некоторые распространила вследствие того же логического процесса и также в противность преданию и духу церкви вселенской. Таким образом, логическое убеждение легло в самое первое основание католицизма. Но этим и ограничилось действие рационализма на первое время.

Внутреннее и внешнее устройство церкви, уже совершившееся прежде в другом духе, до тех пор существовало без очевидного изменения, покуда вся совокуп-

ность церковного учения не перешла в сознание мыслящей части духовенства. Это совершилось в схоластической философии, которая по причине логического начала в самом основании церкви не могла иначе согласить противоречие веры и разума, как силою силлогизма, сделавшегося, таким образом, первым условием всякого убеждения. Сначала, естественно, этот же самый силлогизм доказывал веру против разума и подчинял ей разум силою разумных доводов. Но эта вера, логически доказанная и логически противопоставленная разуму, была уже не живая, но формальная вера, не вера собственно, а только логическое отрицание разума. Потому в этот период схоластического развития католицизма именно по причине рациональности своей западная церковь является врагом разума, угнетающим, убийственным, отчаянным врагом его. Но, развившись до крайности, продолжением того же логического процесса, это безусловное уничтожение разума произвело то известное противодействие, которого последствия составляют характер теперешнего просвещения.

Вот что я разумел, говоря о рациональном элементе католицизма.

Христианство восточное не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою. Потому и действия его на просвещение были не похожи на католические.

Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада, и во-первых: образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества.

Но это общество не было самовластное и не могло само себя устраивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было все покрыто сетью церковей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинакие понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение – в обычай, который заменял закон, устраивая по всему пространству земель, подвластных нашей церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное однообразие обычая было, вероятно, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени сквозь все противодействие разрушительных влияний, в продолжение 200 лет стремившихся ввести на место его новые начала.

Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев всякое изменение в общественном устройстве, не согласное с строем целого, было невозможно. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный – сходке, сходка – вечу и т.д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной православной церкви. Никакое частное разумение, никакое ис-

кусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже самое слово *право* было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому никакая власть никакому лицу, ни сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений. На Западе, напротив того, все отношения общественные основаны на *условии* или стремятся достигнуть этого искусственного основания. *Вне условия* нет отношений правильных, но является произвол, который в правительственном классе называется *самовластием*, в управляемом – *свободой*. Но и в том и в другом случае этот произвол доказывает не развитие внутренней жизни, а развитие внешней, формальной. Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе и соединяются не по нормальному закону, а или в случайном порядке, или в искусственном соглашении. В первом случае торжествует материальная сила, во втором – сумма индивидуальных разумений. Но материальная сила, материальный перевес, материальное большинство, сумма индивидуальных разумений, в сущности, составляют одно начало, только в разных моментах своего развития. Потому *общественный договор* не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский.

В России мы не знаем хорошо границ княжеской власти прежде подчинения удельных княжеств Московскому; но если сообразим, что сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным; что разбор и суд, который в некоторых случаях принадлежал князю, не мог совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкование этих обычаев по той же причине не могло быть произвольное; что общий ход дел принадлежал мирам и приказам, судившим также по обычаю вековому и потому всем известному; наконец, что в крайних случаях князь, нарушавший правильность своих отношений к народу и церкви, был изгоняем самим народом, – сообразивши все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась более в предводительстве дружин, чем во внутреннем управлении, более в вооруженном покровительстве, чем во владении областями.

Вообще, кажется, России так же малоизвестны были мелкие властители Запада, употреблявшие общество как бездушную собственность в свою личную пользу, как ей неизвестны были и благородные рыцари Запада, опиравшиеся на личную силу, крепостях и железных латах, не признававшие другого закона, кроме собственного меча и условных правил чести, основанных на законе самоуправства.

Впрочем, рыцарства у нас не было по другим причинам.

С первого взгляда кажется непонятным, почему у нас не возникло чего-нибудь подобного рыцарству, по крайней мере во время татар. Общества были разрознены, власть не имела материальной силы, каждый мог переходить с места на место, леса были глубокие, полиция была еще не выдумана; отчего бы, кажется,

не составиться обществам людей, которые бы пользовались превосходством своей силы над мирными земледельцами и горожанами, грабили, управлялись как хотели, захватили бы себе отдельные земли, деревни и строили бы там крепости; составили бы между собой известные правила и, таким образом, образовали бы особенный класс сильнейшего сословия, которое по причине силы, могло бы назваться и благороднейшим сословием? Церковь могла бы воспользоваться ими, образуя из них отдельные ордена с отдельными уставами и употребляя их против неверных, подобно западным крестоносцам. Отчего же не сделалось этого?

Именно потому, я думаю, что церковь наша в то время не продавала чистоты своей за временные выгоды. У нас были богатыри только до введения христианства. После введения христианства у нас были разбойники, шайки устроенные, еще до сих пор сохранившиеся в наших песнях, но шайки, отверженные церковью и потому бессильные. Ничего не было бы легче, как возбудить у нас крестовые походы, причислив разбойников к служителям церкви и обещав им прощение грехов за убиение неверных: всякий пошел бы в честные разбойники. Католицизм так и действовал; он не поднял народы за веру, но только бродивших направил к одной цели, назвав их святыми. Наша церковь этого не сделала, и потому мы не имели рыцарства, а вместе с ним и того аристократического класса, который был главным элементом всего западного образования.

Где больше было неурядиц на Западе, там больше и сильнее было рыцарство; в Италии его было всего менее. Где менее было рыцарства, там более общество склонялось к устройству народному; где более – там более к единовластному. Единовластие само собой рождается из аристократии, когда сильнейший покоряет слабейших и потом правитель на условиях переходит в правителя безусловного, соединяясь против класса благородных с классом *подлых*, как Европа называла народ. Этот класс *подлых*, по общей формуле общественного развития Европы, вступил в права благородного, и та же сила, которая делала самовластным одного, естественным своим развитием переносила власть в материальное большинство, которое уже само изобретает для себя какое-нибудь формальное устройство и до сих пор еще находится в процессе изобретения.

Таким образом, как западная церковь образовала из разбойников рыцарей, из духовной власти власть светскую, из светской полиции святую инквизицию, что все, может быть, имело свои временные выгоды, – таким же образом действовала она и в отношении к наукам, искусствам языческим. Не изнутри себя произвела она новое искусство христианское, но прежнее, рожденное и воспитанное другим духом, другою жизнью, направила к украшению своего храма. Оттого искусство романтическое заиграло новою блестящею жизнью, но окончилось поклонением язычеству и теперь кланяется отвлеченным формулам философии, покуда не возвратится мир к истинному христианству и не явится миру новый служитель христианской красоты.

Науки существенною частью своею, то есть как познания, принадлежат равно языческому и христианскому миру и различаются только своею философскою стороною. Этой философскою стороною христианства католицизм не мог сообщить им, потому что сам не имел ее в чистом виде. Оттого видим мы, что науки

как наследие языческое процветали так сильно в Европе, но окончились безбожием как необходимым следствием своего одностороннего развития.

Россия не блеснула ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все святые отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены, и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов. Исаак Сирийский¹, глубокомысленнейшее из всех философских писаний, до сих пор еще находится в списках XII–XIII веков. И эти монастыри были в живом, беспрестанном соприкосновении с народом. Какое просвещение в нашем подлом классе не вправе мы заключить из этого одного факта! Но это просвещение не блестящее, но глубокое; не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное, это устройство общественное, без самовластия и рабства, без благородных и подлых; эти обычаи вековые, без писаных кодексов, исходящие из церкви и крепкие согласием нравов с учением веры; эти святые монастыри, рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения; эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший; эти образованные сельские приговоры; эти городские веча; это раздолье русской жизни, которое сохранилось в песнях, – куда все это делось? Как могло это уничтожиться, не принеся плода? Как могло оно уступить насилию чужого элемента? Как возможен был Петр, разрушитель русского и вводитель немецкого? Если же разрушение началось прежде Петра, то как могло Московское княжество, соединивши Россию, задавить ее? Отчего соединение различных частей в одно целое произошло не другим образом? Отчего при этом случае должно было торжествовать иностранное, а не русское начало?

Один факт в нашей истории объясняет нам причину такого несчастного переворота; этот факт есть Стоглавый Собор. Как скоро ересь явилась в церкви, так раздор духа должен был отразиться и в жизни. Явились партии, более или менее уклоняющиеся от истины. Партия нововводительная одолела партию старины именно потому, что старина разорвана была разномыслием. Оттуда при разрушении связи духовной, внутренней явилась необходимость связи вещественной, формальной, оттуда местничество, опричина, рабство и т.п. Оттуда искажение книг по заблуждению и невежеству и исправление их по частному разумению и произвольной критике. Оттуда перед Петром правительство в разномыслии с

¹ Исаак Сирийский (Сириянин) (VII в.) – христианский теолог и писатель, аскет церкви, епископ Ниневийский. Оставил много сочинений на сирийском языке, переведенных на латынь, греческий, арабский и др. языки: о судах, благочинии, о божественных тайниках и о духовном управлении, известных под названием «монашеского правила».

большинством народа, отвергаемого под названием раскольников. Оттого Петр как начальник партии в государстве образует общество в обществе, и все, что за тем следует.

Какой же результат всего сказанного? Желать ли нам возратить прошедшее России и можно ли возратить его? Если правда, что самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства и что форма этого быта упала вместе с ослаблением духа, то теперь эта мертвая форма не имела бы решительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь.

Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем.

*Публикуется по изданию:
Киреевский И.В. Критика и эстетика.
М., 1979. С. 143–153.*

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ШЕВЫРЕВ

ВЗГЛЯД РУССКОГО НА ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРОПЫ

1841 г.

Есть мгновения в истории, когда все человечество сказывается одним всепоглощающим именем! Таковы имена Кира, Александра, Цезаря, Карла Великого, Григория VII, Карла V. Наполеон готов был наложить свое имя на современное нам человечество, но он встретил Россию.

Есть эпохи в истории, когда все силы, в ней действующие, разрешаются в двух главных, которые, вобрав в себя все постороннее, сходятся лицом к лицу, меряют друг друга очами и выступают на решительное прение, как Ахилл и Гектор в заключение Илиады. Вот знаменитые единоборства всемирной истории: Азия и Греция, Греция и Рим, Рим и мир германский.

В мире древнем эти единоборства решались силою материальною: тогда сила правила вселенною. В мире христианском всемирные завоевания стали невозможны: мы призваны к единоборству мысли.

Драма современной истории выражается двумя именами, из которых одно звучит сладко нашему сердцу! Запад и Россия, Россия и Запад – вот результат, вытекающий из всего предыдущего; вот последнее слово истории; вот два данные для будущего!

Наполеон (мы недаром с него начали) содействовал много к тому, чтобы наметить оба слова этого результата. В лице его исполинского гения сосредоточился инстинкт всего Запада – и двинулся на Россию, когда мог. Повторим слова поэта:

Хвала! Он русскому народу
Высокий жребий указал¹.

Да, минута великая и решительная! Запад и Россия стоят друг перед другом, лицом к лицу! – Увлечет ли нас он в своем всемирном стремлении? Усоит ли себе? Пойдем мы в придачу к его образованию? Составим ли какое-то лишнее дополнение к его истории? – Или устоим мы в своей самобытности? Образует мир особый, по началам своим, а не тем же европейским? Вынесем из Европы шестую часть мира... зерно будущему развитию человечества?

Вот вопрос – вопрос великий, который не только раздается у нас, но откликается и на Западе. Решать его во благо России и человечества – дело поколений нам современных и грядущих. Каждый, кто только призван на какое бы то ни было

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Наполеон» (1823 г.).

значительное служение в нашем отечестве, должен начать решением сего вопроса, если хочет связать действия свои с настоящей минутой жизни. Вот причина, почему и мы с него начинаем.

Вопрос не нов: тысячелетие русской жизни, которое наше поколение может праздновать через двадцать два года, предлагает на него полный ответ. Но смысл истории всякого народа есть тайна, кроющаяся под внешнею ясностью событий: каждый разгадывает ее по-своему. Вопрос не нов, но в наше время важность его ожила и сделалась для всех ощутительною.

Кинем же общий взгляд на состояние современной Европы и на отношение, в каком находится к ней наше отечество. Мы устраним здесь все политические виды и ограничиваемся только одной картиной образованности, объемлющей религию, науку, искусство и словесность, последнюю как самое полное выражение всей человеческой жизни народов. Мы коснемся, разумеется, только главных стран, которые действуют на поприще европейского мира.

Начнем с тех двух, которых влияние менее всего доходит до нас и которые образуют собою две крайние противоположности Европы. Мы разумеем Италию и Англию. Первая взяла на долю свою все сокровища идеального мира фантазии; почти совершенно чуждая всем приманкам роскошной промышленности современной, она, в жалком рубище нищеты, сверкает своими огненными глазами, очаровывает звуками, блещет нестареющею красотою и гордится своим минувшим. Вторая корыстно присвоила себе все блага существенные житейского мира; утопая сама в богатстве жизни, она хочет опутать весь мир узами своей торговли и промышленности...

<...>

Франция и Германия – вот те две стороны, под влиянием которых мы непосредственно находились и теперь находимся. В них, можно сказать, сосредоточивается для нас вся Европа. Здесь нет ни отделяющего моря, ни заслоняющих Альпов. Всякая книга, всякая мысль Франции и Германии скорее откликается у нас, нежели в какой-либо другой стране Запада. Прежде преобладало влияние французское: в новых поколениях осиливает германское. Всю образованную Россию можно справедливо разделить на две половины: французскую и немецкую, по влиянию того или другого образования...

Франция и Германия были сценами двух величайших событий, к которым подводится вся история нового Запада, или правильнее: двух переломных болезней, соответствующих друг другу. Эти болезни были – реформация в Германии, революция во Франции: болезнь одна и та же, только в двух разных видах. Обе явились неизбежным следствием западного развития, принявшего в себя двойство начал и утвердившего сей раздор нормальным законом жизни. Мы думаем, что эти болезни уже прекратились; что обе страны, испытав перелом недуга, вошли опять в развитие здоровое и органическое. Нет, мы ошибаемся. Болезнями порождены вредные соки, которые теперь продолжают действовать и которые в свою очередь произвели уже повреждение органическое и в той и в другой стране,

признак будущего саморазрушения. Да, в наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом, мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферой опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!

Он увлек нас роскошью своей образованности; он возит нас на своих окрыленных пароходах, катает по железным дорогам; угождает без нашего труда всем прихотям нашей чувственности, расточает перед нами остроумие мысли, наслаждения искусства... Мы рады, что попали на пир готовый, к такому богатому хозяину... Мы упоены; нам весело даром вкусить то, что так много стоило... Но мы не замечаем, что в этих яствах таится сок, которого не вынесет свежая природа наша... Мы не предвидим, что пресыщенный хозяин, обольстив нас всеми прелестями великолепного пира, развратит ум и сердце наше; что мы выйдем от него опьяненные не по летам, с тяжким впечатлением от оргии, нам непонятной...

Но успокоимся верою в Провидение, Которого перст явен на нашей истории. Вникнем лучше в характер обоих недугов и определим для себя урок мудрого предохранения.

Есть страна, в которой оба перелома совершились еще ранее, нежели во всем Западе, и упредили тем его развитие. Эта страна – остров для Европы, и в географическом, и в историческом отношении. Тайны ее внутренней жизни до сих пор не разгаданы – и никто не решил, почему оба переворота, в ней так рано совершившиеся, не произвели никакого, по крайней мере видимого, органического повреждения.

Во Франции великий недуг породил разврат личной свободы, который всему государству угрожает совершенною дезорганизациею. Франция гордится тем, что стяжала себе политическую свободу; но посмотрим, как применила она ее к разным отраслям своего общественного развития? Что совершила она этим приобретенным орудием в области религии, искусства, науки и литературы? Мы не будем говорить о политике и промышленности. Прибавим только, что развитие ее промышленности стесняется год от году более своеволием низших классов народа и что монархический и вельможный характер роскоши и блеска ее продуктов нисколько не соответствует направлению ее народного духа.

Каково теперь состояние религии во Франции? Религия имеет два проявления: личное в отдельных людях, как дело совести каждого, и государственное, как Церковь. Потому и рассматривать развитие религии в каком-либо народе можно только с этих двух точек зрения. Развитие государственное религии очевидно; оно на глазах у всех; но трудно проникнуть в развитие ее личное, семейное, скрытое в тайне жизни народной. Последнее можно видеть или на месте, или в литературе, или в воспитании.

С 1830 года, как известно, Франция утратила единство религии государственной. Страна, искони римско-католическая, допустила свободный протестантизм и в недра своего народа, и в недра царствующей фамилии. С 1830 года все религиозные процессии церкви, эти торжественные минуты, в которые яв-

ляется она служительницею Бога перед глазами народа, в жизни народа французского уничтожены. Знаменитейший обряд Западной церкви, великолепное шествие: *corpus Domini*¹, совершаемое так блистательно во всех странах римско-католического Запада, уже не совершается никогда на улицах Парижа. Когда умирающий призывает к себе Дары Христовы перед кончиною, церковь отправляет их без всякого торжества, священник приносит их тайно, как будто во времена гонений на христианство. Религия может совершать обряды свои только внутри храмов; она как будто лишена прав на общественную публичность, тогда как все во Франции ею безнаказанно пользуется; храмы Франции похожи на катакомбы первоначальных христиан, которые не смели выносить наружу изъявлений своего Богопочитания...

Все эти явления нынешней жизни народа французского не показывают в нем религиозного рвения. Но как решить тот же вопрос относительно внутренней жизни семейств во Франции? Литература нам доносит о том самые печальные известия, раскрывая картины этой жизни в своих неумолимых рассказах. Памятно мне при этом слово, слышанное из уст одного публичного наставника, который уверял меня, что всю религиозную нравственность можно заключить в правилах арифметики...

Литература в народе бывает всегда результатом совокупного его развития по всем отраслям человеческой его образованности. Из предыдущего теперь могут быть ясны причины упадка современной литературы во Франции, произведения которой, к сожалению, слишком известны в нашем отечестве. Народ, который злоупотреблением личной свободы уничтожил в себе чувство религии, обездушил искусство и обесмыслил науку, должен был, разумеется, злоупотребление свободы своей довести до высшей крайности в литературе, необузданной ни законами государства, ни мнением общества...

Мы заключим прискорбную картину Франции указанием на одну общую черту, которая ярко заметна почти во всех современных ее писателях. Все они сами чувствуют болезненное состояние своего отечества во всех отраслях его развития; все они единодушно указывают на упадок его религии, политики, воспитания, наук и самой словесности, которая их же собственное дело. Во всяком сочинении, касающемся современной жизни, вы верно найдете несколько страниц, несколько строк, посвященных порицанию настоящего. Их общий голос может достаточно покрыть и подкрепить в этом случае наш собственный. Но вот что странно! То чувство апатии, каким сопровождаются всегда такие порицания, которые вошли у литераторов Франции в какую-то привычку, сделались модою, превратились в общее место. Ужасен всякий недуг в народе, но еще ужаснее при том холодная безнадежность, с какою о нем говорят те, которые первые должны бы были помышлять о средствах к его излечению...

Перейдем за Рейн, в страну соседнюю нам и постараемся вникнуть в тайну ее неосязаемого развития. Во-первых, нас поражает, как яркая противоположность с землею, откуда мы только вышли, это внешнее благоустройство Германии во всем, что касается до ее государственного, гражданского и общественного разви-

¹ *Corpus Domini* (лат.) – Тело Господне. Имеется в виду торжественное несение святых даров.

тия. Какой порядок! Какая стройность! Удивляешься благоразумию немецкому, которое умело от себя удалить возможные соблазны своих мятежных зарейнских соседей и строго заключиться в сфере собственной своей жизни. Немцы питают даже какую-то открытую ненависть или высокое презрение к злоупотреблению личной свободой, коим заражены все во Франции. Сочувствие некоторых немецких писателей французскому своеволию не нашло почти никакого отголоска в благоразумной Германии и не оставило никакого вредного следа во всем нынешнем быту ее! Эта страна в разных частях своих может представить превосходные образцы развития по всем ветвям сложной человеческой образованности. Ее государственное устройство зиждется на любви ее государей ко благу подданных и на покорности и преданности сих последних своим властям. Ее гражданское устройство почивает на законах самой чистой и откровенной справедливости, начертанной в сердцах ее правителей и в умах подданных, призванных к исполнению гражданского дела. Ее университеты цветут и разливают сокровища учения по всем низшим заведениям, коим поручено воспитание народное. Искусство развивается в Германии так, что ставит ее теперь в достойные соперницы с наставницей ее, Италией. Промышленность и внутренняя торговля делают успехи быстрые. Все, что служит к облегчению сношений между различными ее владениями, все, чем только может гордиться современная цивилизация в отношении к удобствам жизни, как-то: почты, таможни, дороги и проч. – все это превосходно в Германии и возвышает ее на степень страны, первенствующей своим внешним благоустройством на твердой земле Европы. Чего же кажется недостает ей к ее непоколебимому вечному благоденствию?

Но над этою прочною, счастливою, благоустроенною внешностью Германии носится другой неосязаемый, невидимый мир мысли, совершенно отдельный от мира ее внешнего. Главный недуг ее – там, в этом отвлеченном мире, не имеющем никакого соприкосновения с ее политическим и гражданским устройством. В германцах чудным образом умственная жизнь отделяется от жизни внешней, общественной. Потому в одном и том же германце вы можете весьма часто встретить двух человек: внешнего и внутреннего. Первый будет самый верный, самый покорный подданный своего государя, правдолюбивый и усердный гражданин своего отечества, отличный семьянин и неизменный друг – словом, ревностный исполнитель всех своих внешних обязанностей; но возьмите того же самого человека внутри, проникните в его умственный мир: вы можете найти в нем самое полное развращение мысли, – и в этом недоступном для глаза мире, в этой неосязаемой умственной сфере тот же самый германец, смиренный, покорный, верный в государстве, обществе и семье, – является буйным, неистовым, насилующим все, не признающим над мыслю своею никакой иной власти... Это тот же древний необузданный его предок, которого видел еще Тацит во всей его самородной дикости, выходящим из заветных лесов своих, с тою только разницею, что новый, образованный перенес свободу свою из мира внешнего в мир умственный. Да, разврат мысли – вот невидимый недуг Германии, порожденный в ней Реформацией и глубоко таящийся в ее внутреннем развитии...

Направление, какое принимают теперь те обе страны, которые производили

и производят на нас сильнейшее влияние, так противоречит жизненному началу нашему, так несогласно со всем нашим протекшим, что мы внутренне все более или менее признаем необходимость разорвать дальнейшие связи наши с Западом в литературном отношении. Я, разумеется, не говорю здесь о тех славных образцах его великого прошедшего, которые должны мы всегда изучать: они как собственность всего человечества принадлежат и нам, нам же по праву самых близких и прямых наследников в очереди народов, выходящих на сцену живущего и действующего мира. Я не говорю и о тех современных писателях, которые на Западе, видя сами направление человечества, их окружающего, вооружаются против него и ему противодействуют: такие писатели много сочувствуют нам и даже нетерпеливо ожидают нашей деятельности. Они, впрочем, составляют малое исключение. Я не разумею, конечно, и тех ученых, которые трудятся по известным отдельным частям наук и славно возделывают их поле. Нет, я говорю вообще о духе образования западного, о его главных мыслях и движении новой его литературы. Здесь встречаем мы такие явления, которые для нас кажутся непонятными, которые по-нашему ни из чего не вытекают, которых мы боимся, а иногда проходим мимо их равнодушно, бессмысленно или с чувством какого-то детского любопытства, раздражающего наши взоры.

Россия, к счастью, не испытала тех двух великих недугов, которых вредные крайности начинают сильно там действовать: отсюда и причина, почему непонятны для нее тамошние явления и почему их ни с чем своим она связать не может. Мирно и благоразумно созерцала она развитие Запада: принимая его как предохранительный урок для своей жизни, счастливо избежала раздора или двойства начал, которому Запад подвергся в своем внутреннем развитии, и сохранила свое заветное и вседержащее единство; усвоивала себе только то, что могло быть ей прилично в смысле общечеловеческом, и отвергала постороннее... И теперь, когда Запад, как Мефистофель в заключении Гетева Фауста, готовится открыть ту огненную бездну, куда он стремится, является к нам и гремит своим ужасным: *Komm! Komm!*¹ – не пойдет за ним Россия: никакого обета она не дала ему, никаким договором не связала бытия своего с его бытием: она не делила с ним его недугов; она сохранила свое великое единство, и в роковую минуту, может быть, она же назначена от Провидения быть великим Его орудием к спасению человечества.

Не скроем, что литература наша в сношениях своих с Западом развила в себе некоторые недостатки. Мы подводим их к трем. Первый из них – характеристическая черта нашей минуты есть нерешительность. Она понятна из всего того, что сказано выше. Продолжать литературное развитие вместе с Западом мы не можем, ибо нет сочувствия в нас к его современным произведениям: в самих же себе мы еще не совсем открыли источник своенародного развития, хотя и были некоторые удачные в том попытки...

Да, вся литературная Россия разыгрывает теперь Геркулеса, стоящего на распутии: Запад коварно манит ее за собою, но, конечно, суждена ей Провидением иная дорога.

¹ Приди! Приди! (нем.).

Второй недостаток в литературе нашей, тесно сопряженный с предыдущим, есть недоверчивость к собственным силам. До каких же пор во всяком деле последняя книга Запада, последний номер журнала будут действовать на нас какою-то чародейственной силою и сковывать все наши собственные мысли? До каких же пор мы будем жадно глотать одни готовые результаты, выведенные там из образа мыслей, нам совершенно чуждого и несогласного с нашими преданиями? Неужели не чувствуем мы в себе настолько сил, чтобы самим приняться за источники и в самих себе открыть новое свое воззрение на всю историю и словесность Запада? Это – необходимость для нас и услуга для него, которою даже мы ему обязаны: никто в своем деле беспристрастен быть не может, и народы, как поэты, созидавая бытие свое, не достигают до его сознания, которое предоставляется их наследникам.

Наконец, третий наш недостаток, самый неприятный, которым мы наиболее страдаем в нашей литературе, есть русская апатия, следствие наших дружеских сношений с Западом. Посадите молодое, свежее растение под тенью столетнего кедра или дуба, который закроет его юное бытие старою тенью широких ветвей своих и будет только сквозь них кормить его солнцем и прохлаждать небесною росой, и мало пищи даст его свежим корням от жадных, заматерелых в той земле корней своих. Вы увидите, как молодое растение утратит краски юной жизни, будет страдать преждевременною старостью своего дряхлеющего соседа; но срубите кедр, возвратите юному дереву его солнце, и оно найдет в себе крепость, поднимется бодро и свежо и своею сильною и безвредною другим юностью даже будет в состоянии благодарно прикрывать новые отростки павшего своего соседа...

Приставьте к живому, резвому ребенку старую няню: вы увидите, как исчезнет в нем пылкость возраста, и кипящая жизнь будет скована бесчувствием. Подружите пылкого юношу, полного всеми надеждами жизни, с зрелым, разочарованным мужем, промотавшим жизнь свою, утратившим с нею и веру и надежду: вы увидите, как изменится ваш пылкий юноша; не пристанет к нему разочарование; он не заслужил его своим прошедшим; но все чувства его окуются хладом бездейственной апатии; огненные глаза его померкнут; он, как Фрейшиц¹, станет трепетать своего страшного гостя; при нем он будет стыдиться и своего румянца, и пылких чувств своих, краснеть своего восторга, и, как дитя, наденет непроставшую ему маску разочарования.

Да, разочарование Запада породило у нас одну холодную апатию. Дон-Жуан произвел Евгения Онегина, один из общих русских типов, метко схваченный гениальною мыслию Пушкина из нашей современной жизни. Этот характер повторяется нередко в нашей литературе: о нем грезят наши повествователи, и еще недавно один из них, блистательно вышедший на поприще поэта, нарисовал нам ту же русскую апатию еще степенью больше в лице своего героя, которого мы, по чувству национальному, не хотели бы, но должны признать героем нашего времени.

Последний недостаток есть, конечно, тот, с которым мы должны более всего бороться в современной своей жизни. Эта апатия причиною в нас и лени, кото-

¹ Главное действующее лицо одноименной оперы Карла Вебера «Фрейшиц» («Волшебный стрелок»).

рая одолевает свежую молодежь нашу, и бездейственности многих литераторов и ученых, которые изнемогают своему высокому призванию и отвлекаются от него тесным миром домашнего хозяйства или большими видами всепоглощающей торговли и промышленности; в этой апатии зародыш и того червя – тоски, которую каждый из нас более или менее ощущал в своей юности, распевал в стихах и надоел ею самым благосклонным своим читателям.

Но если мы и вынесли некоторые неизбежные недостатки от сношений наших с Западом, зато мы сохранили в себе чистыми три коренные чувства, в которых семя и залог нашему будущему развитию.

Мы сохранили наше древнее чувство религиозное. Крест христианский положил свое знамение на сем первоначальном нашем образовании, на всей русской жизни. Этим крестом благословила нас еще древняя мать наша Русь и с ним отпустила нас в опасную дорогу Запада. Выразимся притчей: вырастал отрок в святом доме родительском, где все дышало страхом Божиим; на первой памяти его печатлелся лик седовласого отца, коленопреклоненного пред святою иконою: не вставал он утром, не отходил ко сну без родительского благословения; всякой день его был освящен молитвою, и перед всяким праздником дом семьи его являлся домом молитвы. Рано отрок покинул дом родительский; холодные люди окружили его и омрачили душу сомнением; злые книги развратили мысль его и оледенили чувство; был он в гостях у народов, которые Богу не молятся и думают, что счастливы... Протекло бурное время молодости... Юноша созрел в мужа... Семья окружила его, и все воспоминания детства поднялись, как светлые ангелы, из лона души его... и чувство религии проснулось живее и сильнее... и освятилось снова все его бытие, и гордая мысль растворилась в чистой молитве смирения... и новый мир жизни открылся его взорам... Притча понятна каждому из нас: нужно ли толковать смысл ее?

Второе чувство, которым крепка Россия и обеспечено ее будущее благоденствие, есть чувство ее государственного единства, вынесенное нами также из всей нашей истории. Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего политического бытия, как наше отечество. На Западе почти всюду раздор начал признан законом жизни и в тяжкой борьбе совершается все существование народов. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему. Вот сокровище, вынесенное нами из нашей древней жизни, на которое с особенною завистью смотрит разделенный в себе Запад, видя в нем неиссякаемый источник государственного могущества. Он хотел бы всем, чем может, у нас отнять его; но теперь не в силах, ибо прежнее на веру принятое чувство нашего единства, вынесенное нами из нашего прежнего быта, прошед все искушения образования, миновав все сомнения, возшло в каждом образованном русском, поднимающем свою историю на степень ясного и прочного сознания, – и теперь это сознательное чувство пребудет более нежели когда-нибудь непоколебимым в нашем отечестве.

Третье коренное чувство наше есть сознание нашей народности и уверен-

ность в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народной мыслью и словом. В этом чувстве таится причина нашей нерешимости продолжать литературное развитие с изнемогающим Западом; в этом чувстве мощная преграда всем его искушениям; об это чувство разбиваются все частные бесплодные усилия наших соотечественников привить к нам то, что нейдет к русскому уму и к русскому сердцу; это чувство есть мера прочного успеха наших писателей в истории литературы и образования, есть пробный камень их оригинальности. Оно высказалось сильно в лучших произведениях каждого из них: им заключали, в нем сходились и откликались друг другу и Ломоносов, и Державин, и Карамзин, и Жуковский, и Крылов, и Пушкин, и все им близкие, несмотря ни на какое латинское, французское, немецкое, английское или другое влияние. Это чувство устремляет теперь нас к изучению нашей древней Руси, в которой, конечно, хранится первоначальный чистый образ нашей народности. Само правительство деятельно призывает нас к тому. Этим чувством рождаются и действуют заодно наши обе столицы, и то, что замышлено в северной, проходит через Москву как через сердце России для того, чтобы обратиться в кровь и в живые соки нашего народа. Москва есть то верное горнило, в котором пережигается все пришлое от Запада, и получает чистую печать русской народности.

Тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее. Муж царского совета, которому вверены поколения образующиеся, давно уже выразил их глубокою мыслию, и они положены в основу воспитанию народа.

Запад по какому-то странному инстинкту не любит в нас этих чувств и особенно теперь, забыв прежнее добро наше, забыв жертвы, ему от нас принесенные, при всяком случае выражает нам свою нелюбовь, похожую даже на какую-то ненависть, обидную для каждого русского, посещающего его земли. Двойко можно объяснить это чувство, не заслуженное нами и бессмысленно противоречащее нашим прежним сношениям: или Запад похож в этом случае на брюзгливого старика, который в своенравных порывах бессильного возраста злится на своего наследника, неизбежно призванного овладеть со временем его сокровищами; или другое: он, зная инстинктом направление наше, предчувствует разрыв, который неминуемо должен последовать между им и нами, и сам порывом своей несправедливой ненависти еще более ускоряет роковую минуту.

В гибельные эпохи переломов и рушений, какие представляет история человечества, Провидение посылает в лице иных народов силу хранящую и соблюдающую: да будет же такую силою Россия в отношении к Западу! да сохранит она на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего и да отринет благоразумно все то, что служит к разрушению, а не к созиданию! да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, нечеловечески прекрасное, сольется с русским духом, духом обширным, вселенским, христианским, духом всеобъемлющей терпимости и всемирного общения!

*Извлечения публикуются по изданию:
Москвитянин. 1841. Часть 1. С. 219–296.*

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

ПИСЬМО Н.В. ГОГОЛЮ¹

3(15) июля 1847 г. Зальцбрунн

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженного* человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение вашей книги. Но вы вовсе не правы, приписавши это вашим действительно не совсем лестным отзывам о почитателях вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если б все дело заключалось только в нем; но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И вы имели основательную причину хотя на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою наградою великого таланта, а потому, что в этом отношении представляю не одно, а множество лиц, из которых ни вы, ни я не видали самого большого числа и которые, в свою очередь, тоже никогда не видали вас. Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали при появлении ее все враги ваши – и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т.п.), и литературные, которых имена вам известны. Вы сами видите хорошо, что от вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом. Если б она и была написана вследствие глубоко искреннего убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление. И если ее принимали все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтоб не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур перетоненную проделку для достижения небесным путем чисто земных целей – в этом виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительным. Я думаю, это оттого,

¹ 31 декабря 1846 г. в Петербурге вышла в свет книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», вызвавшая широкий общественный резонанс. Белинский откликнулся на нее критической статьей в «Современнике». Гоголь обратился к публицисту с письмом, в котором попытался объяснить мотивы нового направления в своем творчестве. Белинский, находясь на лечении в Зальцбрунне (Пруссия), ответил Гоголю резким письмом, вскоре распространившимся в России в огромном количестве копий. Гоголь подготовил подробный ответ оппоненту, но не отослал его, ограничившись кратким и достаточно корректным посланием.

что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб вы не были мыслящим человеком, а потому, что вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего *прекрасного далека*, а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому, что вы в этом *прекрасном далеке* живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с вами настроенного и бессильного противиться вашему на него влиянию. Поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр – не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками*; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостой плетью¹. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, – является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!*². И это не должно было привести меня в негодование?..

¹ В 1845 г. в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» наказание кнутом заменялось увеличенным количеством ударов плетью (*прим. изд. 1988 г.*).

² Обращаясь к помещику, Гоголь пишет: «Собери силу влиянья, а с нею и ответственность на головы примерных хозяев и лучших мужиков. Растолкуй им ясно, что они не затем, чтобы только самим хорошо жить, но чтобы и других учить хорошему житию, что пьяница не может учить пьяницу и что это их долг. Негодяям же и пьяницам повели, чтобы они оказывали им такое же уваженье, как бы старосте, приказчику, попу или даже самому тебе; чтобы, еще завидевши издали примерного мужика и хозяина, летели бы шапки с головы у всех мужиков и все бы ему давало дорогу; а который посмел бы оказать ему какое-нибудь неуваженье или не послушаться умных слов его, то распеки тут же при всех; скажи ему: «Ах ты невмытое рыло! Сам весь зажил в саже, так что и глаз не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему в ноги и попроси, чтобы навел тебя на разум; не наведет на разум – собакой пропадешь» («Избранные места из переписки с друзьями», XXII // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М., 1978. С. 288).

Да если бы вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел вас за эти позорные строки... И после этого вы хотите, чтобы верили искренности направления вашей книги? Нет, если бы вы действительно преисполнились истиною Христова, а не дьяволова учения, – совсем не то написали бы вы вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне – его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хоть, по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. А выражение: *ах ты, неумытое рыло!* да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать миру как великое открытие в пользу и назидание русских мужиков, которые и без того потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина¹, и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления – быть без вины виноватым! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления!.. Не может быть!.. Или вы больны и вам надо спешить лечиться, или – не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь вы стоите над бездною... Что вы подобное учение опираете на православную церковь – это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, – чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели вы этого не знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста...

А потому неужели вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем как первое никогда ничем не было, кроме как слугою

¹ Имеется в виду следующее место в книге Гоголя: «Весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина «Капитанская дочка», которая, пославши поручика рассудить городского солдата с бабою, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такой инструкцией: «Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи» («Избранные места из переписки с друзьями», XXV // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М., 1978. С. 307).

и рабом светской власти; но неужели же и в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: *дурья порода, колуханы¹, жеребцы?* – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится – молиться, не годится – горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то Бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностью, – ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозности, нетерпимости и фанатизме: его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительно. Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками². Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к вам, по их направлению. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для вас); только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего *прекрасного далека*: вблизи-то она не так красива и не так безопасна... Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком овладевает религиозный дух – он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*³, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал

¹ То есть еретики, отщепенцы, отступники от православия, мошенники (прим. изд. 1988 г.).

² В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал, что всех русских объединяет «кровное родство с царем» (прим. изд. 1988 г.).

³ Религиозная мания (лат.).

бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!..

Вспомнил я еще, что в вашей книге вы утверждаете как великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вам на это? Да простит вас ваш византийский бог за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге, вы не знали, что творили... «Но, может быть, – скажете вы мне, – положим, что я заблуждался и все мои мысли ложь; но почему ж отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить искренности моих заблуждений?». – Потому, отвечаю я вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею¹. Конечно, в вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; зато они развили общее им с вами учение с большей энергией и большею последовательностью, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречия, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр, которые с вашей точки зрения, если б только вы имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее погибели. Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в вас искренности подобных убеждений. Что кажется естественным в глупцах, то не может казаться таким в гениальном человеке. Некоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плод умственного расстройства, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого заключения: ясно, что книга писалась не день, не неделю, не месяц, а может быть, год, два или три; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимны властям предержавшим хорошо устраивают земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге слух, будто вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника². Еще прежде этого в Петербурге сделалось известным ваше письмо к Уварову, где вы говорите с огорчением, что вашим сочинениям в России дают превратный толк, затем обнаруживаете недовольство своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто и т.д.³. Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила вас в глазах публики и как писателя и, еще больше, как человека?

¹ Имеется в виду С.А. Бурачек (1800–1876), писатель, критик, журналист. В 1840–1845 гг. издатель журнала «Маяк», пропагандировавшего идеологию «официальной народности».

² Сыну цесаревича Александра Николаевича, впоследствии императора Александра II – Николаю Александровичу.

³ Белинский, очевидно, подразумевает фразу из письма к Уварову: «Меня утешала доселе мысль, что государь, которому истинно дорого душевное благо его подданных, сказал бы, может быть, со временем о мне так: «Этот человек умел быть благодарным и знал, чем высказать мне свою признательность»... либо намекает на фразу из проекта официального письма Гоголя Николаю I, присланного в Петербург Л.К. Вьельгорской: «Рассудить меня в этом деле (речь идет о публикации «Выбранных мест...» без цензурных купюр) может один тот, кто, обнимая не одну какую-нибудь часть правления, но все вместе, имеет через то взгляд полнее и многостороннее обыкновенных людей <...>: стало быть, рассудить меня может один только государь» (прим. изд. 1988 г.).

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легко литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример – Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказываемых вами всем и каждому. Положим, вы могли это думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в «Ревизоре» и «Мертвых душах» вы менее резко, с меньшею истиною и талантом, и менее горькие правды высказали ей? И она действительно осердилась на вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мертвые души» от этого не пали, тогда как ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему злой книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья; и это же показывает, что у него есть будущность. Если вы любите Россию, порадитесь вместе со мною падению вашей книги!..

Не без некоторого чувства самодовольства скажу вам, что мне еще кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли, но я тогда же сказал им, что, несмотря ни на что, книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И действительно, она теперь памятнее всем статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль – довести о нем до сведения публики – была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его¹. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей – тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуе-

¹ Имеется в виду намерение Гоголя посетить Иерусалим.

мое вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой – самым позорным унижением своего человеческого достоинства.

Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только или гордости, или слабоумия и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом вы позволили себе цинически грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о самом себе – это уже гадко, потому что если человек, бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненной боязнью смерти, черта и ада веет от вашей книги. И что за язык, что за фразы! «Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек»¹. Неужели вы думаете, что сказать всяк вместо всякий значит выразиться библейски? Какая это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант! Не будь на вашей книге выставлено вашего имени и будь из нее выключены те места, где вы говорите о самом себе как о писателе, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз – произведение пера автора «Ревизора» и «Мертвых душ»?

Что же касается до меня лично, повторяю вам: вы ошиблись, сочтя статью мою выражением досады за ваш отзыв обо мне как об одном из ваших критиков. Если б только это рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном выразился бы спокойно и беспристрастно. А это правда, что ваш отзыв о ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает меня смешным; но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имели в виду людей если не с отменным умом, то все же и не глупцов. Эти люди в своем удивлении к вашим творениям наделали, может быть, гораздо больше восторженных восклицаний, нежели сколько вы сказали о них дела; но все же их энтузиазм к вам выходит из такого чистого и благородного источника, что вам вовсе не следовало бы выдавать их головою общим их и вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать какой-то предосудительный толк вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это по увлечению главною мыслию вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил вашу мысль и напечатал на ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый донос². Он это сделал, вероятно, в благодарность вам за то, что вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется,

¹ Цитата из статьи «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту» (прим. изд. 1988 г.).

² В «Санкт-Петербургских ведомостях» (1847, № 90, 91) была напечатана статья Вяземского «Языков и Гоголь», в которой без упоминания имени Белинского говорилось о том, что Гоголя стремились представить главой новой, «натуральной школы», «олицетворив в нем какое-то черное литературное знамя», что «многие непризнанные писатели кормились его именем как единым насущным хлебом своим» (прим. изд. 1988 г.).

сколько я помню, за его «вялый, влачащийся по земле стих»¹. Все это нехорошо! А что вы только ожидали времени, когда вам можно будет отдать справедливость и почитателям вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением вашим врагам), этого я не знал, не мог, да, признаться, и не захотел бы знать. Передо мною была ваша книга, а не ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя вы всем и каждому печатно дали право писать к вам без церемоний, имея в виду одну правду. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины² распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Но нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и №³ переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же еду с Ан<ненковым> в Париж через Франкфурт-на-Майне. Неожиданное получение вашего письма дало мне возможность высказать вам все, что лежало у меня на душе против вас по поводу вашей книги. Я не умею говорить вполтину, не умею хитрить: это не в моей натуре. Пусть вы или само время докажет мне, что я ошибался в моих о вас заключениях, – я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь в том, что сказал вам. Тут дело идет не о моей или вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. И вот мое последнее, заключительное слово: если вы имели несчастье с гордым смирением отречься от ваших истинно великих произведений, то теперь вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напоминали бы ваши прежние.

*Публикуется по изданию:
Переписка Н.В. Гоголя. В 2-х т.
Т. 2. М., 1988. С. 269–278.*

¹ В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь писал: «...этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящей русской грустью» (прим. изд. 1988 г.).

² Шпекин – почтмейстер, персонаж комедии «Ревизор».

³ Н.Я. Прокопович.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

ПИСЬМА В.Г. БЕЛИНСКОМУ

29 июля (10 августа) 1847 г. Остенде

Я не мог отвечать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, все во мне потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не был бы нанесено поражения еще прежде, чем получил я ваше письмо. Письмо ваше я прочел почти бесчувственно, но тем не менее был не в силах отвечать на него. Да и что мне отвечать? Бог весть, может быть, и в ваших словах есть часть правды. Скажу вам только, что я получил около пятидесяти разных писем по поводу моей книги: ни одно из них не похоже на другое, нет двух человек, согласных во мнениях об одном и том же предмете, что опровергает один, то утверждает другой. И между тем на всякой стороне есть равно благородные и умные люди. Покуда мне показалось только то непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать все то, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких *живых образов*, но даже и двух строк какого бы то ни было писанья, по тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу многого своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорявшие меня в незнании многих вещей и несоображении многих сторон обнаружили передо мной собственное незнание многого и собственное несоображение многих сторон. Не все вопли услышаны, не все страдания взвешены. Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает *нынешнее время*, в котором так явно проявляется дух *построенья полнейшего*, нежели когда-либо прежде: как бы то ни было, но все выходит теперь внаружу, всякая вещь просит и ее принять в соображение, старое и новое выходит на борьбу, и чуть только на одной стороне перельют и попадут в излишество, как в отпор тому переливают и на другой. Наступающий век есть век разумного сознания; не горячася, он взвешивает все, приемля все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной середины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен; мы ребята перед этим веком. Поверьте мне, что и вы, и я виновны равномерно перед ним. И вы, и я перешли в излишество. Я, по крайней мере, сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы? Точно так же, как я упустил из виду *современные дела* и множество вещей, которые следовало сообразить, точно таким же образом упустили и вы; как я слишком *усредоточился* в себе, так вы слишком *разбросались*. Как мне нужно узнавать многое из того, что знаете вы и чего я не знаю, так и вам тоже

следует узнать хотя часть того, что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете.

А покаместь помните прежде всего о вашем здоровье. Оставьте на время современные вопросы. Вы потом возвратитесь к ним с большею свежестью, стало быть, и с большею пользою как для себя, так и для них.

Желаю вам от всего сердца спокойствия душевного, первейшего блага, без которого нельзя действовать и поступать разумно ни на каком поприще.

*Публикуется по изданию:
Переписка Н.В. Гоголя. В 2-х т.
Т. 2. М., 1988. С. 280–281.*

Конец июля – начало августа 1847 г. Остенде¹

<1>

<С чего начать мой> ответ на ваше письмо? <Начну его с ваших же слов>: «Опомнитесь, вы стоите <на краю> бездны!» Как [далеко] вы сбились с прямого пути, в каком вывороченном виде стали перед вами вещи! В каком грубом, невежественном смысле приняли вы мою книгу! Как вы ее истолковали! О, да внесут святые силы мир в вашу страждущую, измученную душ<у! Зачем вам> было переменять раз выбранную, мир<ную дорогу?> Что могло быть прекраснее, как показывать читателям красоты в твореньях наших писателей, возвышать их душу и силы до пониманья всего прекрасного, наслаждаться трепетом пробужденного в них сочувствия и таким образом прекр<асно> действовать на их души? Дорога эта привела бы вас к примиренью с жизнью, дорога эта заставила бы вас благословлять все в природе. Что до политических событий, само собою умирилось бы общество, если бы примиренье было в духе тех, которые имеют влияние на общество. А теперь уста ваши дышат желчью и ненавистью. Зачем вам с вашей пылкою душою вдаваться в этот омут политический, в эти мутные события соврем<енности>, среди которой и твердая осмотрительная многосторонн<ость> теряется? Как же с вашим односторонним, пылким, как порох, умом, уже вспыхивающим прежде, чем еще успели узнать, что истина, как вам не потеряться? Вы сгорите, как свечка, и других сожжете. О, как сердце мое ноет [в эту минуту за вас!] Что, если и я виноват, что, если и мои сочинения послужили вам к заблуждению? Но нет, как ни рассмотрю все прежние сочинения <мои>, вижу, что они не могл<и> соблазнить вас. Как ни?> смотреть на них, в <них нет лжи некоторых?> современных произведений.

В каком странно<м заблуждении вы находитесь! Ваш светлый ум> отуманился. <В каком превратном> виде приняли вы см<ысл> моих произведений.> В <n>их же есть мой ответ. Когда [я писал их, я благоговел пе]<ред> всем, перед <чем> человек должен благо<го>веть. Насмешки [и нелюбовь слышалась у меня]

¹ Черновик ответа Белинскому на его письмо от 3(15) июля 1847 г. Состоит из нескольких набросков, каждый из которых нумеруется отдельно. Подлинник был склеен П.А. Кулишем из разорванных мелких кусков. Не все куски сохранились. Имевшиеся в тексте пробелы были реконструированы П.А. Кулишем и Г.М. Фридендером (прим. изд. 1988 г.).

не над властью, не над коренными законами нашего государства, но над извращением, над уклонениями, над неправильными толкованиями, над дурным <приложением их?..>, над струпом, который накопился, над <...> несвойственной ему жизнью<ю>. Нигде не было у меня насмешки над тем, что составляет основание русского характера и его великие силы. Насмешка была только над мелочью, несвойственной его характеру. Моя ошибка в том, что я мало обнаружил русского человека, я не развергнул его, не обнажил до тех великих родников, которые хранятся в его душе. Но это нелегкое дело. Хотя я и больше вашего наблюдал за русским человеком, хотя мне мог помогать некоторый дар ясновиденья, но я не был ослеплен собой, глаза у меня были ясны. Я видел, что я еще незрел для того, чтобы бороться с событиями выше тех, какие были доселе в моих сочинениях, и с характерами сильнейшими. Все могло показаться преувеличенным и напряженным. Так и случилось с этой моей книгой, на которую вы так напали. Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вам представилось в ней в другом виде. Вы ее не узнали. Не стану защищать мою книгу. Как отвечать на которое-нибудь из ваших обвинений, когда все они мимо? Я сам на нее напал и нападаю. Она была издана в торопливой поспешности, несвойственной моему характеру, рассудительному и осмотрительному. Но движение было честное. Никому я не хотел ею польстить или покадить. Я хотел ею только остановить несколько пылких голов, готовых закружиться и потеряться в этом омуте и беспорядке, в каком вдруг очутились все вещи мира. Я попал в излишества, но, говорю вам, я этого даже не заметил. Своекорыстных же целей я и прежде не имел, когда меня еще несколько занимали соблазны мира, а тем бо<лее теперь>, когда пора подумать о смерти. Никакого не было у меня своекорыстного ум<ысла>. Ничего не хотел <я> ею выпр<ашивать>. [Это и не в моей натуре]. Есть прелесть в бедности. Вспомнили б вы по крайней мере, <что> у меня нет даже угла, и я стараюсь только о том, как бы еще облегчить мой небольшой походный чемодан, чтоб легче было расставаться с [миром]. Вам следовало поудержаться клеймить меня теми обидными подозрениями, какими я бы не имел духа запятнать последнего мерзавца. Это вам <нужно> бы вспомнить. Вы извиняете себя гневным расположением духа. Но как же <в гневном расположении духа?> вы решаетесь говорить <о таких?> важных предметах и не ви<дите, что вас ослепляет гневный?> ум и отнимает сп<окойствие...>

Как мне защищаться против ваших нападений, когда нападения не выпадают? Вам показались ложью слова мои государю, напоминающие ему о святости его званья и его высоких обязанностей. Вы называете <их> лестью. Нет, каждому из нас следует напоминать, что званье его свято, и тем более госуд<арю>. Пусть вспомнит, как<ой> строгий ответ потре<буется> от него. Но если каждого из нас званье свято, то тем более званье того, кому достался трудный и страшный удел заботиться о мил<л>иона<х>. Зачем напоминать о святости званья? Да, мы должны даже друг другу напоминать о свя<тости на>ших обязанностей и званья. Без этого человек погрязнет в материальных чувствах. <Вы говорите?> кстати, будто я <спел> похвальную песнь нашему правительству. Я нигде не пел. Я сказ<ал> только, что правительство состоит из нас же. Мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же правительство огромная шайка воров, или, вы

думаете, этого не знает никто из русских? Рассмотрим пристально, отчего это? Не оттого ли эта сложность и чудовищное накопление прав, не оттого ли, что мы все кто в лес, кто по дрова? Один смотрит в Англию, другой в Пруссию, третий во Францию. Тот выезжает на одних началах, другой на других. Один сует государю тот проект, другой <иной, третий?> опять иной. Что ни человек, <то разные проекты и раз>ные мысли, что ни <город?>, то разные мысли и <проекты... Как же не> образоваться посреди <такой разладицы вор>ам и всевозможным <плутням и неспра>ведливостям, когда всякий <видит, что везде> завелись препятствия, всякий думает только о себе и о том, как бы себе запасти потеплей квартирку?.. Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивили<зации>, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призрак, который точно <никто> покуда не видел, и, ежели <пытались ее> хватать руками, она рассы<пается>. И прогресс, он тоже был, пока о нем не дум<али, когда же?> стали ловить его, он и рассыпал<ся>.

Отчего вам показалось, что я спел тоже песнь нашему гнусному, как <вы> выражаетесь, духовенству? Неужели слово мое, что проповедник восточной церкви должен жизнью и делами проповедать. И отчего у вас такой дух ненависти? Я очень много знал дурных попов и могу вам рассказать множество смешных про них анекдотов, может быть больше, нежели вы. Но встречал зато и таких, которых святости жизни и подвигам я дивился и видел, что они – создание нашей восточной церкви, а не западной. Итак, я вовсе не думал воздавать песнь духовенству, опозорившему нашу церковь, но духовенству, возвысившему нашу церковь.

Как все это странно! Как странно мое положение, что я должен защищаться против тех нападений, которые все направлены не против меня и не против моей книги! Вы говорите, что вы прочли будто сто раз мою книгу, тогда как ваши же слова говорят, что вы ее не читали ни разу. Гнев отуманил глаза ваши и ничего не дал вам увидеть в настоящем смысле. Блуждают кое-где блески правды посреди огромной кучи софизмов и необдуманых юношес<ких> увлечений. Но какое невежество блещет на всякой стра<нице>! Вы отделяете церковь от <Христа и> христианства, ту самую церковь, тех самых <...> пастырей, которые мученической <своей смертью> запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили самих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал <это слово>. И этих самых пастырей, этих мучеников-епископов, вынесших на плечах святыню церкви, вы хотите отделить от Христа, называя их несправедливыми истолкователями Христа. Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние ком<м>унисты и социалисты, [объясняющие, что Христос по]велел отнимать имущества и гра<бить> тех, [которые нажили себе состояние?] Опомнитесь! Волтера называ<ете> оказавшим услугу христианству

и говорите, что это известно всякому ученику гимна<зии>. Да я, когда был еще в гимназии, я и тогда не восхищался Волтером. У меня и тогда было настолько ума, чтоб видеть в Волтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека. Волтером не могли восхищаться полные и зрелые умы, им восхищалась недоучившаяся молодежь. Волтер, несмотря на все блестящие замашки, остался тот же француз. О нем можно сказать то, что Пушкин говорит вообще о французе:

Француз – дитя:
Он так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон;
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит,
И насмешит¹.

<2>

<...Христос> нигде никому не говорит, <что нужно приобрета?>ть, а еще, напротив, и <настоятельно нам?> велит он уступать: <снимаю>щему с тебя одежду, <отдай последнюю> руб<ашку>, с прося<щим> тебя пройти с тобой <одно> поприще, пройди два.

<Не>льзя, получа легкое журнальное образов<ание>, судить> о таких предметах. Нужно для это<го> изучи>ть историю церкви. Нужно сызнова <прочи>тать с размышленьем всю историю <чело>вечества в источника<х>, а не в нынешних> легких брошюрках, <написанных...?> бог весть кем. Эти <поверхностные> энциклопеди<ческие> сведения разбрасывают ум, а не сосред<от>очивают его.

Что мне сказать вам на резкое замечание, будто русский мужик не склонен к религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое вы с такою самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут <гово>рять, когда так красноречиво <говорят> тысячи церквей и монастырей, покрывающих <русскую землю>. Они строятся [не дарами] богатых, но бедны<ми> лептами неимущих, тем самым народом, о котором вы говорите, что он с неуваженьем отзывается о Боге, и который делится последней копейкой с бедным и Богом, терпит горькую нужду, о кото<рой> знает каждый из нас?>, чтобы иметь возможность принести усерд<ное> подаяние Богу?>. Нет, Виссарион Гр<игорьевич>, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятях легкими журнальными <статейками и романами> тех французских ро<манистов, которые> так пристрастны, <что не хотят видеть>, как из Евангелия исх<одит истина?>, и не замечают того, как уродливо и <пошло?> изображена у них жизнь. Теперь позвольте же ск<азать>, что я имею более пред вами [права заговорить] <о русском> народе. По крайней мере, все мои

¹ Это стихотворение («Четыре нации», 1827) принадлежит не Пушкину, а Полежаеву (прим. изд. 1988 г.).

сочинения, по едино<душному> убеждению, показывают знанье пр<ироды> русской, выдают человека, который был с народом наблюд<ателен и... стало> быть, уже имеет дар вход<ить в его жизнь>, о чем говорено <было> много, что подтвердили сами вы в ваших критиках. А что <вы предста>вите в доказательство вашего знания человеческой природы и русского народа, что вы произвели такого, в котором видно <это> зна<ние>? Предмет <этот> велик, и об этом бы я мог вам <написать> книги. Вы бы устыдились сами того грубого смысла, который вы придали советам моим помещику. Как эти советы ни обрезаны цензурой, но <в н>их нет протеста противу грамотности, <а> разве <лишь> протест против развращения <народа русск>ого грамотою, наместо того, что грамота нам дана, чтоб стремиться к высшему свету человека. Отзывы ваши о помещике вообще отзываются временами Фонвизина. С тех пор много, много изменилось в России, и теперь показалось многое другое. Что для крестьян выгоднее, правление одного помещика, уже довольно образованного, [который] воспитался в университете и который все же [стало быть, уже многое должен чувствовать] или <быть> под управлением <многих чиновник>ов, менее образованных, <корыстолюбив>ых и заботящихся о том <только, чтобы нажи>ться? Да и много <есть таких предмет>ов, о которых следует <каждому из нас> подумать заблаговременно, прежде <нежели с> пылкостью неводержного рыцаря и юноши толковать об освобождении, чтобы это осво<божде>нье не было хуже рабства. Вообще у нас как-то более заботятся о перемене <назва>ний и имен. Не стыдно ли вам в умень<шительных име>нах наших, [которые даем] мы <...> [иногда и товарищам], в<иде>ть унижение <чел>овечества и признак варварства? Вот до каких ребяческих выводов доводит неверный взгляд на главный предмет..

Еще меня изумила эта отважная самонадеянность, с которою вы говорите: «Я знаю об<щество> наше и дух его», и ручаетесь <в этом>. Как можно ручаться за этот ежеминутно меняющийся хамелеон? Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека? Прошли ли вы опыт жиз<ни>? Живя почти без прикосновенья с людьми и светом, ведя мирную жизнь журнального сотрудника, во всегдашних занятия<х> фельетонными статьями, как вам иметь понятие об этом громадном страшилище, котор<ое нежи>данностями явлениями <ловит нас> в ту ловушку, в ко<торую попадают> все молодые пи<сатели, рассуждающие> обо всем мире и человечестве, тогда как <довольно> забот нам и вокруг себя. Нужно <прежде всего> их исполнить, тогда общество <само> собою пойдет хорошо. А если <пренебрежем> обязанности относительно лиц <близких и погони>мся за обществом, то <упустим и те и другие?> так же точно. Я встречал в последнее время много прекрасных л<юдей, которые> совершенно сбились, О<д>ни думают, [что] преобразованиями и реформами, обращением на такой и на другой лад можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредствен<ной> литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни [пылкие головы]. Брожение внутри не исправить никаким конституциям.

<...Общест>во образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность свою.> <...> Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он хоть ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство.

Вы говорите, что Россия д<олго и напрасно моли>лась. Нет, Россия м<олилась не напрасно. К>огда она молилась, то она спаса<лась. О>на помолилась в 1612, и спаслась от поляков; она помолилась в 1812, и спаслась от французов. Или это вы называете молитвою, что одна из сотни <молится>, а все прочие кутят, сломя голову, с утра до вечера на всяких зрелищах, заклады<вая> последнее свое имущество, чтобы насладиться всеми комфорта<ми>, которыми наделила нас эта б<естолковая?> европейская цивилизация?

Нет, оставим п<одобные сом>нительные положения <и посмотрим на> себя [честно]. <Будем стара>ться, чтоб не зарыть в землю т<алант свой>. Будем отправлять по совести свое ремесл<о. Тогда> все будет хорошо, и состоянье общества поправится само собою. В <этом> много значит государь. <Ему дана должн>ость, которая важ<на и> пре<выше?> всех<?>. С государя у нас все берут пример. Стоит только ему, не коверкая ничего, <править?> хорошо, так и все пойдет само собою. Почему знать, может быть, придет ему мысль жить в остальное время от дел скромно, в уединении, <в>дали от развращающего двора, <от> всего этого накопления. И все <обер>нется само собою просто. Сумасшедш<ую жизнь захотят?> бросить. Владельцы разъедутся по поместьям, станут заниматься делом. Чиновники увидят, что не нужно жить богато, перестанут красть. А честолюбец, увидя, что важные места не награждают ни деньгами, ни богатым жалованьем, <оставит службу. Оставь>те этот мир обнаг <левших?..>, который обмер, <для которого> ни вы, ни я не рождены. <Позвольте мне> напомнить прежние ваши <раб?>от<ы> и сочин<ен>ия. Позвольте мне <также> напомнить вам прежнюю вашу дорогу <...>. Литератор существует для другого>. Он должен служить искусству, <которое вносит в души мира высшую примиряющую <исти>ну, а не вражду, <лю>бовь к человеку, <а> не ожесточ<ение и> ненависть. <Возьмитесь снова> за свое поприще, с <которого вы удалились?> с легкомыслием юно<ши>. Начните <сызно>ва?> ученье. Примитесь за тех поэтов <и му>дрецов, которые воспитывают душу. Вы <сами> сознали, <что> журнальные занятия выветривают душу и что вы замечаете наконец пустоту в себе. <Это> и не может быть иначе. Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса. Вознаградите <это> чтеньем больших сочинений, а не сов<ременных> брошюр, писанных разгоряченным <умом>, совращающим с прямого взгляда.

<3>

Я точно отступаюсь <говорить?..> о таких предмет<ах, о которых дано?> право говорить одн<ому тому, кто получил его в силу многоопыт?>ной жизни. Не м<ое дело говорить?> о Боге. Мне следовало <говорить не о Боге, а?> о том, что

вокруг нас, что <должен изображать?> писатель, но так, чтобы <каждому?> самому захотелось бы заго<ворить?> о Боге <...>

<4>

Хотя книга моя вовсе не исполнена той обдуманности, какую вы подозрева<ете>, напротив, она печатана впопыхах, в ней были даже письма, писан<ные> во время самого печатанья, хотя <в ней> есть действительно м<ного не>ясного и так, вер<оятно>, можно иное принять, <...> но до такой степени <спутаться>, как спутались вы, принять <все> в та<ком> странном смысле! Только гневом, помрачившим ум и отуманившим <голову>, можно объяснить так<ое за>блуждение...>

<5>

Слова мои о грамотности вы приняли в буквальном, тесном смысле. Слова эти были сказаны помещику, у которого крестьяне земледельцы. Мне даже было смешно, когда из этих слов вы поняли, что я вооружался против грамотности>. Точно как будто бы об этом теперь вопрос, когда это вопрос, решенный уже давно нашими отцами. Отцы и деды наши, даже безграмотные, решили, что грамотно<сть> нужна. Не в этом дело. Мысль, которая проходит сквозь всю мою книгу, есть та, как просветить прежде грамотных, чем безграмотных, как просветить прежде тех, которые имеют близкие столкновения с народом, чем самый народ, всех этих мелких чиновников и власти, которые все грамотны и которые между тем много делают злоупотреблений. Поверьте, что для этих господ нужнее издавать те книги, которые, вы думаете, полезны для народа. Народ меньше испорчен, чем все это грамотное население. Но издать книги для этих господ, которые бы открыли им тайну, как быть с народом и с подчиненными, которые им поручены, не в том обширном смысле, в котором повторяется слово: не крадь, соблюдай правду или: помни, что твои подчиненные люди такие же, как и ты, и тому <подобные>, но которые могли бы ему открыть, как именно не красть и чтобы точно собл<юдалась> правда.

*Публикуется по изданию:
Переписка Н.В. Гоголя. В 2-х т.
Т. 2. М., 1988. С. 490–498.*

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТУРГЕНЕВ

РОССИЯ И РУССКИЕ¹

1847 г.

**Том III
О будущем России**

**Часть вторая
Pia desideria²**

**Второй период
Введение конституционного представительного правления**

**Глава III
Формы правления**

Все способы и формы правления – это лишь средства достижения цели, которую ставят перед собой люди, объединяющиеся с намерением жить вместе, то есть создать то, что называется обществом. Установление любого правления определяется нуждами общества, и потому его устройство непременно должно быть выгодно обществу. Очевидно, что никакое правительство – воплощено ли оно в одной личности или во многих – не может иметь иных прав, кроме тех, которые вытекают из его происхождения, то есть из общественных потребностей и интересов. Из этого следует, что у него не только нет права мешать обществу совершенствовать средства, ведущие к цели его существования, то есть к общественному благу, но оно просто обязано всеми силами этому содействовать.

После многовековых колебаний опыт, кажется, убедил людей в том, что представительный способ правления лучше всего отвечает цели любого общества, что он наиболее полезен для совершенствования, для движения вперед в сфере материальной и нравственной, для благополучия человека и народов.

Как всякая разумная вещь среди других столь же разумных вещей, представительный способ прекрасно подходит как монархиям, так и республикам. Его сосуществование с деспотизмом невозможно лишь потому, что деспотизм неразумен и нелогичен. Более того, представительное правление основано на самой природе вещей; любое человеческое общество в той или иной степени следует ему

¹ Н. И. Тургенев приступил к работе над книгой в 1838 г. В 1847 г. она была опубликована на французском языке в Париже, Брюсселе и Гааге («La Russie et Les Russies», vol. I–III). В том же году книга вышла на немецком языке в Берлине. В переводе на русский язык впервые издана в Москве в 1907 г.

² Благие намерения (*лат.*).

с самого зарождения. Так цивилизация, развиваясь и совершенствуясь, всегда приводит человека к простоте и истинам природы.

Представительный образ правления

Представительное правление как таковое есть не что иное, как действия самой страны (через ее представителей) во всем, что касается ее интересов. Эти действия – прежде всего издание и исполнение законов. Представители страны, не имея возможности самолично руководить исполнением законов, должны ограничиваться наблюдением и контролем. Разграничение двух сторон, из которых состоит всякое правление, – власти законодательной и власти исполнительной, заложено, таким образом, в самой природе вещей.

Законодательные обязанности состоят в издании законов и в наблюдении за их исполнением.

Исполнительные обязанности имеют два уровня: административный и судебный.

Чтобы быть уверенным, что судебная деятельность ведется должным образом, ее следует по мере возможности отделить от административной. Так судебная власть получила известную независимость; чем полнее эта независимость, тем она надежнее.

Признано также, что исполнительная власть, если ее свести только к исполнению законов, к управлению, окажется одинокой и слабой, подвергнется искажениям, что нанесет урон общественному благу. Власть, которой страна поручает обширную миссию управления, вверив ей право распоряжаться своими ресурсами и вооруженными силами, всегда будет грозной властью. Если отобрать у нее законные средства удовлетворения ее законных интересов, она несомненно прибегнет к средствам незаконным, следствием чего станут борьба, клевета и жестокость, опасные для общества. Общество само заинтересовано в том, чтобы иметь сильную исполнительную власть, наделенную законными полномочиями. У нее должен быть простор для движения, она должна действовать, сознавая свою силу и свободу. Следовательно, исходя из природы вещей, необходимо привлекать исполнительную власть к участию в законодательстве.

Таким образом, законодательная власть делится между представителями народа и тем или теми, кому поручены исполнительные функции. Судебная власть осуществляется чиновниками, как можно менее зависящими от исполнительной власти, а управление страной предоставлено исключительно исполнительной власти. Вот что понимают под представительным способом правления.

Полномочия каждой из двух властей, законодательной и исполнительной, равно как и власти судебной, определить нетрудно. В конституциях разных народов можно найти более или менее исчерпывающие сведения на сей счет. Трудность представительного правления состоит в устройстве самого представительства, в том, чтобы представители страны могли действовать только на пользу общества, всегда ставя гражданские интересы выше личных, – словом, были бы представителями и защитниками страны, а не сословия или узкого кружка,

пеклись бы не о собственной выгоде и не о благе своего сословия или кружка. Корпус представителей, состоящий из таких людей, несомненно будет способствовать благу, и этому не сможет помешать никакое расширение полномочий исполнительной власти.

Для того чтобы представители были движимы исключительно стремлением к общественному благу, те, кто их избирает, должны руководствоваться в своем выборе сходными чувствами. Поэтому истинной основой представительного правления является устройство корпуса избирателей. Внимание к избирательному праву никогда не может быть чрезмерным: этот вопрос слишком важен и насущен, хотя и весьма труден для разрешения.

Суть не в том, чтобы все или почти все стали избирателями, а в том, чтобы при осуществлении этого права люди были воодушевлены идеей общественной пользы. Если этой цели можно достичь и при надлежащем образом ограниченном числе избирателей, то было бы бессмысленно увеличивать это число до бесконечности, ибо, согласно нашему предположению, хорошему представительному правлению прежде всего необходим корпус представителей, помышляющих только об интересах страны. В этом и состоит вопрос.

Критериями, на основании которых человек получает право избирать, могут быть только собственность и личные способности.

Если ограничить избирательный ценз до такой степени, что лишь несколько сот или тысяч людей смогут стать избирателями, это превратит избирательное право в привилегию аристократии. Можно ли избежать этого, понижая ценз настолько, чтобы возможность избирать своих представителей получило большинство народа? Закрепление исключительных, незаслуженных преимуществ за обладателями собственности не согласуется с интересами малоимущих. В этом смысле слишком низкий ценз не представляет никакой опасности, но, с другой стороны, он не обещает и никакой реальной выгоды, ибо те, у кого ничего нет, обычно позволяют людям состоятельным руководить собою.

Трудность состоит в том, чтобы отыскать середину между этими двумя крайностями; это позволило бы получить такой корпус избирателей, интересы которого совпали бы с интересами общества.

Итак, создав подобный корпус избирателей, можно рассчитывать на то, что представители также будут преданы интересам страны. Хорошо было бы принять подробные правила, дающие избирателям возможность уверенно и точно исполнять свои обязанности.

Кроме того, не следует без необходимости умножать количество избирательных участков; их должно быть столько, чтобы подкуп был бы труден или вовсе невозможен.

Истинное представительство может быть только прямым.

Избранные депутаты становятся представителями страны и должны действовать свободно, в меру своей просвещенности и честности. Они не являются и не могут являться исполнителями поручений избирателей. Если избиратели дают своему представителю особые указы и он их принимает, то это следствие пороков не избирателей, а органических недостатков самих институтов, в этом

неповинны ни избиратели, ни – еще менее – представители, которые лишь повинуются необходимости. Нельзя ограничивать представительские полномочия; ограничению подлежит только их срок. Это единственное средство воздействия со стороны избирателей.

Срок парламентского мандата должен быть достаточно продолжительным, чтобы депутаты имели возможность закончить все вверенные их заботам дела; это позволит также избежать беспорядка, возникающего при слишком частых выборах.

Определяя сей срок, нужно закреплять за избирателями право переизбирать одних и тех же представителей неограниченное число раз.

Большое значение имеет вопрос об открытом или тайном голосовании избирателей и представителей. Было бы достойнее, без сомнения, чтобы и в одном, и в другом случае оно было открытым. Но повседневный опыт показывает, что это создаст большие неудобства для избирателей, коим часто бывает необходимо из соображений безопасности держать свой выбор в тайне. Поэтому для них следует ввести тайное голосование.

Что касается депутатов, то тайное голосование совершенно противоречит природе их обязанностей; они представляют страну и должны отчитываться перед ней за свои действия.

Наряду с палатой представителей существует обычно и другая палата, состоящая из людей, которые заседают там либо в силу происхождения, либо по назначению исполнительной власти или избирателей. Об этой разновидности представительного правления мы будем говорить ниже.

Для того чтобы везде преобладали интересы страны, а не частные выгоды отдельных лиц, сословий или корпораций, надобно сделать всех без исключения граждан равными перед законом; избиратели также должны обладать равными правами. Равенство избирательных прав позволит (насколько это вообще возможно) добиться гармонии и единодушия при голосовании, то есть торжества интересов страны над частными, отдельными интересами.

Говорят, что равенство перед законом, или, скорее, равенство прав, обрекает человека на одиночество перед лицом государства; вину за это возложили на современные конституции, которые, уничтожив сословия, корпорации и т.п., свели на нет деятельность входивших в них людей. У корпорации, говорили они, больше средств для защиты от нажима исполнительной власти, нежели у человека, ибо люди могут быть связаны друг с другом только общим интересом, а этой связи не всегда хватает на то, чтобы каждый упорно и с успехом добивался цели. До определенной степени этот упрек справедлив: объединение дает силу, одиночество ослабляет, но какую силу дают корпорации и привилегированные сословия? Вот в чем вопрос.

Представьте себе, что народ разделен на различные классы – землевладельцев, торговцев, промышленников, сочинителей – и что у каждого класса свое устройство. Когда речь пойдет о выборах представителей, каждый неизбежно назовет своих. Страна окажется представленной землевладельцами, коммерсантами и т.п. У каждого из этих классов или корпораций будут свои интересы.

На этом основывается теория сословного представительства; с этим согласны даже ее защитники. Если таким образом будут представлены основные интересы, существующие в стране, а также частные интересы, говорят они, значит, мы непременно достигнем выражения общих нужд страны и их обеспечения. На сие можно возразить: имея свободу выбора, люди всегда действуют в свою, а не в чужую пользу; кроме того, даже если интересы всех сословий будут удовлетворены, это может и не соответствовать интересам страны в целом.

Может случиться, что представители различных классов не согласятся друг с другом; тогда им не удастся извлечь из своих полномочий личную выгоду; если же они придут к согласию, то не замедлят воспользоваться им в интересах своих сословий, пренебрегая общей пользой. Не обязательно, чтобы все представители одинаково смотрели на вещи. Конечно же между ними всегда будет много расхождений, но – опыт доказывает, а законы человеческой природы требуют этого – они сумеют понять друг друга настолько, чтобы, к совокупной выгоде, злоупотребить властью, доверенной им совсем с иной целью.

Такое пестрое представительство, как называет его один английский писатель¹, в итоге приводит лишь к созданию столь же пестрой аристократии и устанавливает ту разновидность дурного правления, которая всегда рождается от любой аристократии, вне зависимости от того, однообразна она или пестра, состоит из одних землевладельцев или же включает в себя помещиков, торговцев, фабрикантов, адвокатов и чиновников.

Правление, основанное на подобном представительстве, может, конечно, быть сильным, но это не истинное представительное правление, и мы говорим не о нем.

Наряду с неизбежными условиями – равенством перед законом и единством избирательных прав, имеется еще одно, гарантирующее четкое действие механизма представительства: гласность, свобода слова и печати.

Представительство и свобода печати ведут за собой или предполагают иные личные, гражданские и политические права, такие, как право собственности, право быть судимым равными себе, исповедовать любую религию и т.д.

Глава IV

Принципы, которые должны лечь в основу русской конституции

Когда представительный режим вводится в государстве, граждане которого прежде были в основном лишены гражданских и политических прав, эти права обыкновенно провозглашаются в основном конституционном законе – в зависимости от страны и времени он называется хартией, конституцией и т.п.

Поскольку эти основные законы обычно определяют все, что нужно для установления представительного правления, проще всего, по нашему мнению, рассуждая о нем применительно к России, сразу начать с составления конституционного закона. Тогда сами собой обозначатся основные реформы, которые повлечет за собой введение представительной формы правления.

¹ [Дж. Ст.] Милль в «Правительстве», с. 26 (прим. Н. Тургенева).

Конституционному закону в России можно было бы сразу дать то наименование, какое носили первые известные на Руси писанные законы, – «Русская правда». В IX веке слово «правда» означало *право*; в XIX оно означает *истину*, так пусть же сбудется таинственное пророчество и через тысячу лет *право* станет *истиной*. «Русская правда», или «Русская истина», которой суждено стать основой представительного правления в России, освятит следующие принципы.

1. Равенство перед законом

На первом месте стоит равенство всех перед законом.

Мы полагаем, что оно должно быть полным, без всяких исключений. Привилегии и преимущества, которыми пользуется сейчас сословие дворян, должны исчезнуть; дворяне станут подчиняться общему праву.

Мы видели, в чем состоят эти привилегии, видели, что такое русское дворянство. Ни один здравомыслящий дворянин не станет сожалеть о преимуществах нынешнего строя, когда увидит, что обещает ему конституционное правление.

Но помимо интересов отдельных лиц существуют интересы государства, и они могут требовать наличия привилегированного сословия, пользующегося, в отличие от всех остальных, определенными правами и преимуществами по сравнению с остальной нацией; словом, не исключено, что в конституцию можно с пользой ввести аристократический принцип.

Когда-то все считали, а многие умные, образованные и либеральные люди и до сих пор не сомневаются в том, что всякая разумная конституция обязательно должна отражать ту роль, которую в обществе играет аристократия, особенно если исполнительная власть сосредоточена в руках монарха.

У меня нет ни малейшего намерения обсуждать это априорное мнение. Замечу только, что обычно соображения о значении аристократии в политическом устройстве страны высказываются и пользуются поддержкой в тех странах, где аристократия существует, где она укоренилась, обрела силу и даже права, где к ней в той или иной степени благосклонно общественное мнение, где она стала, в сущности, неотъемлемой чертой нравов и привычек народа. В таких странах, вероятно, будет справедливо и даже полезно принять аристократический принцип, хотя доверие к аристократическим идеям в наши дни значительно упало.

В России речь не идет и не может идти о том, чтобы при новом порядке благоговейно сохранять несуществующую аристократию. Вопрос в другом: надо ли создавать ее.

Можно понять, зачем беречь аристократию, но к чему создавать ее сознательно, без всякой на то причины, да еще в XIX веке! Это верх нелепости. Если России предназначено подражать Европе, это не значит, что она обречена пережить все превратности, коим подвергалась Европа по мере становления своего общественного и политического порядка; она может свободно выбирать среди множества плодов, принесенных временем и опытом цивилизованным народам.

Русское дворянство – аристократия только по названию, за которым нет содержания. Не станем повторять уже сказанное. Дворянские же титулы, некогда

имевшие смысл, а впоследствии ставшие лишь тешащими суетность безделками, можно сохранить, ибо люди, как правило, дорожат воспоминаниями о прошлом, о своих предках. В титулах самих по себе нет ничего дурного; зло рождается только тогда, когда законодательство страны, где признано и провозглашено всеобщее равенство перед законом, предается подобному ребячеству. Нельзя безнаказанно принижать то, что всегда должно быть священо. Законодательство, опускающееся до мелочей, кои тешат людское самолюбие, неизбежно теряет подобающее ему уважение.

Единственное настоящее преимущество русских дворян при нынешнем строе состоит в возможности занимать любые должности на государственной службе. Но мы видели, что в гражданской службе они уже делят сие преимущество с лицами недворянского происхождения. Остается только военная карьера, где у дворян нет иных соперников, кроме немногочисленных иностранцев, принятых на службу правительством. В этом отношении равенство перед законом будет для дворян весьма чувствительной жертвой. Впрочем, находясь ныне во главе нации – не только благодаря своим привилегиям, но и вследствие цивилизованности и просвещенности, следствий лучшего образования, – дворяне сохраняют это положение и при новом порядке, когда личные достоинства будут цениться превыше всего. У дворян еще долго не появится многочисленных и опасных соперников, поэтому им надо будет собственными заслугами оправдывать то, что прежде давали им привилегии. Дворянство от этого только выиграет, а с ним вместе выиграет и государство.

На худой конец в качестве жертвы может потребоваться уплата некоторой денежной суммы, если дворянин, не чувствуя себя способным быстро достичь высокого чина (сейчас дворяне считают, что стремительное продвижение по службе – их бесспорное право), желает, чтобы кто-нибудь другой заменил его на военной службе.

Такую же жертву придется приносить и купцам: для них военная служба сегодня необязательна, но в новых условиях им придется служить, как и всем остальным.

Все прочие привилегии русских дворян сводятся к отличиям, имеющим цену только потому, что их лишена остальная часть нации. Однако слишком большое число тех, кто этими отличиями обладает, отнимает у них даже сомнительную ценность монополии. Совместимые с самодержавием реформы, о которых мы говорили выше, вполне способны подготовить полный переход от привилегий к общему праву; для этого необходимо принимать на любые должности людей, которые того заслуживают..

Дальнейшее развитие всех реформ, неизбежно следующих из признания важных прав, о которых мы рассуждали выше, то есть из равенства перед законом, свободы печати, свободы совести, права быть судимым равными себе; приведение этих прав в согласие с общим законодательством страны, введение определенных обязанностей, сопутствующих этим правам, наконец, устройство конституционного порядка в малейших его деталях – всем этим будут заниматься конституционные власти, которые возникнут при новой форме правления.

К ним мы сейчас и обратимся.

5. Представительство

Провозгласив права всех, «Русская правда» определит, каким образом эти права могут быть осуществлены в том, что касается создания правительства, то есть установит порядок и правила национального представительства.

Мы видели, что состав представительного правления может предусматривать две законодательные палаты: наряду с палатой представителей может быть еще одна палата – либо аристократическая и наследственная, либо избранная, либо, наконец, состоящая из людей, назначенных исполнительной властью на эту должность пожизненно.

Рассмотрим, какой из этих вариантов наиболее приемлем для России.

Роль аристократии

Наследственная аристократическая палата представляет не страну, а аристократию и аристократическую власть. Для такой палаты надобна издавна существующая, сильная и влиятельная аристократия. Такой аристократии в России нет, и изобрести ее нельзя.

Но, могут сказать нам, верхняя палата представляет не только аристократию – она служит опорой трона, исполнительной власти и умеряет демократическую власть, воплощенную в представителях страны; в таком случае аристократический принцип вообще может быть очень полезен монархии. Исходя из этого, в России можно было бы создать своего рода аристократию, аристократическую палату, состоящую из нескольких благородных и богатых семейств, обеспечив наследственность их титулов, которые станут переходить по праву первородства, как и собственность. Эта, пусть и не слишком древняя, аристократия со временем приобретет аристократические вкусы и дух и в конце концов уподобится старинной аристократии. Именно так рассматривал Сперанский аристократию в своем плане преобразований: он отводил ей роль посредника между тронem и народом.

Однако, на наш взгляд, роль противовеса палате представителей может с тем же успехом выполнять просто верхняя палата, не аристократическая и не наследственная. В самом деле, следует оценить, насколько полезна будет аристократическая палата в качестве опоры, помощи исполнительной власти.

Одно из двух: либо аристократия будет сильна, могущественна, влиятельна и, объединяясь с исполнительной властью, займет господствующее положение, а значит, станет угнетать народ, либо же она будет слаба и беспомощна и уступит свои полномочия исполнительной власти, что также кончится угнетением народа. Здесь нет середины. Все теории о равновесии властей – монархической, аристократической и демократической, – все выдумки о весе, противовесе и контроле, о гармонии, возникающей из контрастов, – все это заблуждение, которое распространяют или слепые оптимисты, или пекущиеся о собственной выгоде лицемеры; люди же неглубокие, довольствующиеся видимостью и не пытающие-

ся проникнуть в суть, принимают это на веру. Два законодательных собрания с равными правами и властью никогда не смогут сосуществовать на равных; одно неизбежно будет главенствовать; так бывает всегда. Монархическая власть, обязанная служить посредником, примирителем двух палат, то есть аристократов и демократов, всегда волей-неволей смыкается с одной из них, и так как меньшинство всегда сможет придумать как ему угнетать большинство народа, власть, естественно, объединяется с аристократией, а последняя, благодаря присущей ей силе и последовательности, в конце концов ее поглощает. Вот та поддержка, которую аристократия оказывает короне. Когда монархам случалось попросить у народа помощи против аристократии, они были уверены – и нисколько в том не заблуждались, – что в случае успеха они будут господствовать над всеми без исключения.

Чего же должно ожидать, создавая в России аристократию, аристократическую и наследственную верхнюю палату? Даже там, где есть старинная аристократия, она является предметом ненависти, зависти других сословий. А что же будет в стране, где тот, кто вчера был равным, завтра окажется выше?

Человек создан так, что более всего любит равенство и ставит его даже выше свободы. Быть может, это одно из заблуждений человеческого сердца, но заблуждение неисправимое, ибо оно естественно; силе придется пред ним склониться. Политические институты, влияющие на характер народа, могут отчасти изменить сию естественную склонность к равенству, но не могут уничтожить ее совершенно. Сравнивая Францию и Англию, мы уже говорили, что французы особенно любят равенство, а англичане всему предпочитают свободу и могут примириться с неравенством положений и с привилегиями. Но правда заключается в том, что чувство, приписываемое исключительно французскому народу, от природы присуще всем людям. Если во Франции оно более сильно и проявляется отчетливее, чем где бы то ни было, то лишь потому, что французские учреждения этому благоприятствуют; в других странах оно слабее, поскольку тамошние учреждения ему противостоят. А если в Англии это чувство изменилось до неузнаваемости, причину следует искать в том, что там, отказывая людям в равенстве, им с избытком воздают свободой. Именно потому что англичане так свободны, они соглашаются с тем, что их равенство неполно. Ни один народ цивилизованной Европы не вправе сего осуждать, ибо никто из них пока не достиг той степени свободы, какой пользуется английский народ.

Если аристократия, представленная верхней палатой, не может быть сильна потому, что она слишком молода и возникла на пустом месте, то ее влияние также останется слабым по сравнению со значением палаты представителей, которой непременно будут принадлежать симпатии избравшего ее народа. Какую же пользу принесет такая аристократия трону? Разве можно опереться на тростинку?

В ответ нам могут сказать, что монархии в России, как и везде, выгодно покровительствовать аристократии, окружать ее уважением и почтением, поддерживать ее влияние. И все же этого следует остерегаться: исполнительная власть будет терпеть сильную и влиятельную аристократию лишь до известных пределов. Между короной и аристократией, если обе они действительно могут

ственны, всегда идет борьба. Старинная аристократия, укоренившаяся в стране, может выйти из этой борьбы победительницей; молодая же обязательно проигрывает, монарху стоит лишь обратиться к народу, и тот поспешит на помощь, стремясь ниспровергнуть своего врага.

Россия, отказавшись от аристократической наследственной палаты, не только ничего не потеряет, но, напротив, получит лишнюю возможность установить достойное представительное правление.

В самом деле, почему опору престола следует искать именно в аристократии, а не в народе? Зачем создавать искусственные подпорки общественному зданию, когда сила вещей предлагает более естественную и разумную опору? Если монархия существует для народа, значит, на народ она и должна опираться и один лишь народ должен и может ее поддерживать. Разве какие-нибудь естественные и непреложные узы могут соединять монарха с аристократией теснее, чем с народом? Если это так, то подобный союз не может иметь целью общественное благо, благо всей страны; он может быть только порочным, а посему не следует ни заключать, ни тем более усиливать его.

Разве аристократы всегда благоволят к трону? Разве они менее враждебны к нему, чем народ? Разве, наконец, они всегда проявляют искреннее рвение к общественному благу? Был случай, когда народ¹ добровольно уступил власть самодержавию, лишь бы избежать гнета аристократии; но ни одна аристократия никогда не отказывалась добровольно: от своего господства, если только, сделав сей шаг, ей не удавалось угнетать народ окольными путями, не имея возможности властвовать прямо. С другой стороны, англо-норманнские бароны XIII века и аристократы-революционеры 1688 года добились у монархов гарантий для всего народа – при условии, что получают самую богатую долю добычи.

Итак, ни короли, ни народы не могут искать спасения в аристократии. Интересы у королей и народов одни, они могут примириться; интересы же аристократии вносят в сей союз лишний элемент, который часто ведет к его ослаблению, разрыву и таким образом становится причиной беспорядка.

Если верхняя аристократическая и наследственная палата как незаменимая опора трона будет исключена из конституции России, вопрос о второй законодательной палате, которая должна смягчить действия палаты народных представителей или же быть второй инстанцией в законодательстве, остается открытым.

Верхняя палата, назначаемая исполнительной властью

Для начала можно было бы учредить верхнюю палату, состоящую из несменяемых членов, назначенных исполнительной властью.

Я не отважился бы рекомендовать моей стране сей вид представительного правления. Любое собрание, любая законодательная власть должна прежде всего иметь некое значение, определенный вес. Но и то, и другое она может получить лишь в силу права: либо от рождения, присущего ее членам (как в случае с наследственной аристократией), либо данного выборами. Члены такого собрания

¹ Датчане (прим. Н. Тургенева).

сильны или сами по себе, или силою тех, кто их назначает.

Палата (пусть даже бессменная), которая состоит из лиц, назначенных исполнительной властью, никогда не приобретет такого влияния, как выборная.

Слабость ее положения помешает ей полностью удовлетворять одному из существеннейших условий деятельности второй законодательной палаты – умерять, а если нужно, то и останавливать демократические порывы палаты представителей. Составленная таким образом палата вряд ли сможет стать опорой трона. Только независимость придает силу. А подобная палата по самому принципу создания лишена независимости, ибо члены ее назначаются монархом.

Несменяемая палата, не опирающаяся ни на аристократические права, ни на выборы, может, однако, иметь большое значение и обладать существенным влиянием благодаря личным заслугам своих членов.

В странах с развитой цивилизацией всегда есть немало просвещенных, опытных людей, отличившихся в общественных делах, снискавших известность на государственной службе; лучшие из них) несомненно, составили бы вполне уважаемое собрание. Хотя сей принцип плохо вяжется с различными теориями государственного права, он все же мог бы принести большую пользу; в таком случае было бы разумно к нему прибегнуть.

Но просвещенных людей, опытных чиновников, знаменитых ученых, коммерсантов, уважаемых и занимающих высокое положение промышленников, из коих можно собрать подобную палату, в России еще меньше, чем аристократов, а за неимением таких лиц нельзя создать что-либо приемлемое.

Вторая, выборная палата

Остается рассмотреть последнюю разновидность представительного правления, предусматривающую наличие второй законодательной палаты – выборной.

Для определения того, каким образом складывается эта вторая законодательная палата, нужно напомнить, для чего она предназначается.

Мы видели, что монархии нужна лишь одна опора – народ, страна, для блага коих она существует, и законы, к которым он постоянно обращается; искать иную опору означает извращать представительное правление в ущерб стране и самому престолу. Следовательно, истинная цель всякой второй палаты может состоять лишь в том, чтобы умерять действия народной палаты и обеспечивать точность законодательства, его серьезность и наивозможное совершенство.

Почти во всех странах с представительным правлением конституция предусматривает два уровня законодательства; иными словами, она признает две законодательные палаты. Совершенно очевидно, что решения одного собрания, где обязательно преобладает демократический элемент, часто принимаемые в результате страстных и бурных споров, под влиянием сиюминутных интересов, только выиграют, если через некоторое время будут пересмотрены в другом собрании, более спокойном, менее подвластном посторонним влияниям.

Бентам¹, отвергающий два уровня законодательства, полагает, что для при-

¹ Бентам Иеремия (1748–1832) – английский философ, социолог, юрист, теоретик утилитаризма.

дания законам, которые принимает народное собрание, умеренного и разумного характера, достаточно проводить голосование дважды, по прошествии некоторого времени, когда улягутся страсти, бушевавшие в ходе первого обсуждения. Он считает, что таким образом одна палата соединила бы в себе все преимущества обеих.

Не станем развивать эту идею и, руководствуясь опытом почти всех свободных и цивилизованных народов, без колебаний признаем пользу второй законодательной палаты. Исходя из этого, мы намерены тут же указать способ ее создания, но воздержимся от суждений по поводу немедленного воплощения предлагаемого нами принципа.

Для создания второй палаты, долженствующей умерять действия первой, а главное – наблюдать за правильностью законотворчества, затем, чтобы каждое учреждение не выходило за рамки отведенной ему сферы, необходимо, чтобы члены этой палаты обладали знаниями, опытом и здравомыслием. Миссия народной, демократической палаты иная – она должна прежде всего действовать; миссия верхней палаты, которую можно было бы именовать сенатом, – умерять, придавать правильный ход трудам первой. Гарантии качеств, коими должны отличаться сенаторы, следует искать в их возрасте и роде занятий, указывающем на способности.

С этой целью конституция определяет прежде всего возраст – например, сорок лет, – необходимый для назначения сенатором, затем указывает категории лиц, из коих могут выбираться кандидаты в сенаторы. Это должны быть люди, занимавшие важные посты на государственной службе, известные в науке, литературе, торговле, промышленности, лица, бывшие в течение определенного времени депутатами или занимавшие иные выборные должности.

Выбирать сенаторов могли бы, строго говоря, те же, кто выбирает депутатов. Но, может быть, лучше с самого начала, самым способом избрания его членов придать этому собранию иной характер, чем у собрания демократического, – такой, который более гармонировал бы с его миссией. Для этого всенародное голосование не нужно; выбор сей можно доверить представительным советам, образуемым в различных местностях. Двухступенчатые выборы устранили бы демократическую запальчивость прямых всенародных выборов, пугающую многих. Срок действия сенаторских и депутатских полномочий должен быть одинаков.

Такое устройство второй законодательной палаты мы могли бы предложить нашей стране, если бы считали полезным с самого начала ввести две палаты. Но мы думаем иначе. Мы, напротив, убеждены, что России больше подходит одна законодательная палата, особенно в начале конституционной эпохи.

Попытаемся пояснить свою мысль.

Единая палата

Реформа, предлагаемая нами, изменит все. Новую форму правления трудно будет сразу установить прочно, у нее окажется мало средств к существованию,

развитию, укреплению. Значит, жизненная сила может прийти к ней только из законодательного корпуса, состоящего из представителей народа.

Следовательно, нужен как можно более сильный депутатский корпус. Поделить его на две палаты – значит неизбежно ослабить его; поддержать его единство – значит сделать все, что в человеческих силах, дабы обеспечить ему возможность дальнейших действий.

Медлительность, которую внесет в ход дел наличие двух законодательных палат, уже служит достаточной причиной для отказа от второй палаты. Если выжидание и осмотрительность, пусть даже чрезмерная, могут быть полезны или хотя бы необременительны для издавна существующего представительного строя, опирающегося на установленные, вошедшие в привычку правила, то для порядка, который лишь возникает, определяется и начинает развиваться, они могут оказаться смертельны. В первые мгновения конституционной жизни народа совершенно необходимы решимость и быстрота действий.

Прежде чем сдерживать действия страны, надобно подождать, пока они разовьются, установятся, приобретут направление. Принципы умиротворения, которыми должен вдохновляться сенат, не могут проявиться с самого начала; для их выработки потребуется время. А до тех пор вторая палата, оспаривая действия первой или вмешиваясь в них, произведет одну неразбериху – это худшее из зол, угрожающих новому порядку.

Еще одно обстоятельство – если угодно, второстепенное, но при этом весьма значительное – тоже говорит в пользу единой палаты. Число людей просвещенных, образованных и способных – словом, таких, какими должны быть представители народа, – в России не так уж велико; рассредоточивая их по двум палатам, можно ослабить сразу обе.

Отношения между престолом и единой палатой представителей должны быть очень простыми, ибо обе стороны являются необходимыми составными частями целого, страны. Если ввести в это простое и естественное устройство третью власть, характер и права которой неизбежно будут расплывчатыми (особенно вначале), ход дел может замедлиться и затрудниться – ведь появятся новые винтики и шестеренки. Наконец, вопреки принципу выборности, на котором будет основан сенат, он может поддасться соблазну заботиться отнюдь не о совокупных интересах престола и народа, а совсем об иных, тем более что его предназначение, как мы только что сказали, не будет определено четко. Может случиться, что сенат пожелает стать не выборным, а несменяемым; несменяемые же палаты стремятся стать наследственными. Для достижения этой цели сенат, возможно, попытается опереться на исполнительную власть и предложит ей расширить поле деятельности за счет народной палаты. Подобные столкновения, непредсказуемое развитие противоположных интересов может внести в нарождающуюся форму правления семена разрушения и смерти.

Итак, мы за единую законодательную палату, но при этом не считаем, что так должно остаться навеки. Мы не хотим, чтобы наличие единой палаты было возведено в основной принцип правления, и еще менее – чтобы сей принцип был провозглашен священным и неколебимым. Предлагаая изменения в существующем

порядке вещей, в ныне господствующем образе правления, мы были бы просто безумны, если бы пожелали запретить другим в дальнейшем предлагать новые усовершенствования. Нет, наше намерение отнюдь не таково. Мы уже сказали: в распоряжении страны должны быть все способы, все формы правления. Если впоследствии будет решено, что в устройство конституционного представительного правления полезно ввести вторую законодательную палату, ничто не мешает стране это сделать. На сей случай мы обосновали принцип выборности в формировании этой палаты.

Избиратели

Переходя к вопросу о составе палаты представителей, которую мы назовем народной думой, начнем с избирателей.

Не стоит входить в подробности этого вопроса; укажем лишь основы, на коих должен зиждиться избирательный закон. Предлагаемые нами принципы можно будет развить и, смотря по обстоятельствам, разными путями воплотить в жизнь. Нам кажется, что для создания корпуса избирателей, интересы коего должны совпадать с интересами всей страны, нет необходимости в том, чтобы их число было практически неограниченным. Рассмотрев число избирателей в разных странах с представительным правлением, находим, что Россия с ее населением в 50 миллионов душ могла бы доверить задачу избрания представителей одному миллиону человек.

Этот миллион избирателей будет делиться на избирательные коллегии, каждая из которых должна быть достаточно многочисленной, чтобы обладать всеми гарантиями независимости. На это можно надеяться, ограничив число коллегий двумя сотнями; тогда в каждую войдет в среднем 5000 избирателей.

Для губерний малонаселенных и удаленных от центра империи (как, например, Сибирь) можно кое-что изменить.

Географическое положение этих губерний не должно мешать им пользоваться, как и остальным частям империи, благами конституционного правления. Корсика посылает своих представителей в палату депутатов точно так же, как и другие департаменты Франции; ставится даже вопрос о включении туда представителей колоний. В Англии многие полагают, что было бы полезно ввести канадцев в законодательное собрание метрополии. Того же требовали и для Соединенных Штатов Америки до их освобождения.

Как мы уже говорили, избирательное право может основываться только на способностях, о наличии которых свидетельствует или позволяет судить род занятий, или на размере земельных владений. Я склонен считать, что сие право должно определяться прежде всего профессией; только после этого можно определить, каким количеством собственности необходимо обладать, чтобы, за исключением других отличий, стать избирателем.

Таким образом, право избирать получают все члены ученых обществ, все профессора, преподаватели, школьные учителя – словом, все, кто трудится на поприще народного образования, все государственные служащие (начиная с опре-

деленных должностей), офицеры, художники, имеющие мастерские и учеников, купцы, мануфактурщики и вообще все промышленники, которым долговременные занятия фабричным производством обеспечили устойчивое положение, ремесленники (по крайней мере, те, что держат мастерские, имеют подмастерьев и занимаются своим ремеслом уже ряд лет), а также предприниматели и все те, кто, действуя в какой-либо отрасли промышленности, использует известное число рабочих, наконец, те, кто занимает выборные должности. Каждый, кто по роду деятельности обладает избирательным правом, может потерять его только в случае осуждения за проступок или преступление. Даже оставив свою профессию, человек не перестает быть избирателем.

Понятно, что открыть доступ к избирательному праву всем землевладельцам невозможно, – иначе придется чрезмерно увеличить число выборщиков. Значит, для этого надобно обладать известным количеством земли, которое может различаться в зависимости от местности и установленной категории, коих не должно быть более двух или трех. Дома определенной стоимости также дадут их владельцам право голоса.

Когда, таким образом, определится круг избирателей, можно устроить так, чтобы их в общей сложности было не менее миллиона; цифра сия определяется заранее, и произвольно увеличивать ее также нельзя.

Отобрав миллион избирателей, извлеченных, так сказать, из чрева народа, обязанных своим правом только основному закону страны, а не сословию или корпорации, к которой они принадлежат, и не местности, где они живут, можно надеяться скорее, чем при какой-либо другой системе, достичь цели, то есть получить корпус избирателей, интересы которого всецело совпадают с интересами страны.

Как уже говорилось, мы указываем лишь основы избирательного закона; в нем, однако, есть подробности, настолько тесно связанные с общими принципами, что их никак нельзя миновать. Так, неизбежно встает вопрос об участии духовенства в избрании народных представителей.

В целом мы не считаем полезным устранение духовенства, особенно белого¹, от участия в политических делах страны. В России это привело бы к большим, чем в иных местах, неудобствам, особенно если учесть здешнее состояние дел. Действительно, зачем исключать клириков из общественных дел, зачем мешать участию в управлении страной тем, кому доверено религиозное воспитание народа? В важной общественной должности, отправляемой ради блага государства, нет ничего несовместного с духовным саном. Заметим кстати, что когда высшее дворянство в 1730 году задумало ввести в России что-то вроде конституционного правления, одной из причин неудачи было исключение духовенства из сферы общественной деятельности².

Однако из соображений приличия можно считать нежелательным, чтобы приходские священники вмешивались в волнения, связанные с выборами. Мож-

¹ В Русской православной церкви духовенство подразделяется на белое – церковнослужители и священнослужители и черное (монашество).

² Главное действующее лицо этого предприятия, князь Дмитрий Голицын, был весьма нерасположен к духовенству (прим. Н. Тургенева).

но было бы взять за правило следующее: ни один священник не пользуется своим избирательным правом во вверенном ему приходе.

Можно также отказать в избирательном праве всему черному духовенству. Что же касается клириков, преподающих в семинариях и духовных училищах, то они должны пользоваться этим правом наравне с обычными профессорами и преподавателями.

Другой частный вопрос касается иностранцев, живущих в России. Следует ли предоставлять им избирательное право? По-моему, нет никакой уважительной причины лишать их этого права, если они соответствуют тем качествам, которых требуют от российских избирателей. Русским следует как можно последовательнее поощрять стремление честных и способных иностранных промышленников селиться в их стране; это сулит не только материальную выгоду: весь цивилизованный мир будет приветствовать такое тяготение к начинающей проникать повсюду идее братства всех людей. Будем надеяться, что в конце концов она укоренится везде.

Представители

Как только будет создан корпус избирателей, следует обеспечить им наивозможную свободу действий, с тем чтобы их выбор мог пасть на тех, кого они считают достойными представлять страну. Ни принадлежность к тому или иному сословию, ни иные обстоятельства не могут оказаться помехой для кандидатов.

В самом деле, раз стране предоставляется выбор депутатов, необходимо дать избирателям возможность действовать, использовать свое право во всей его полноте. Ограничивая их, разрешая им выбирать представителей только из определенных категорий, например только среди богатых людей, законодатель подменил бы собою избирателя и таким образом присвоил бы себе власть, которой не может пользоваться со знанием дела и рассудительностью.

Если закон определяет условия, необходимые, чтобы стать избирателем, то потому лишь, что нет другого способа отобрать тех, кому поручено назвать представителей страны. Закон не знает заранее людей, способных исполнить эту миссию, и поэтому вынужден выдвигать условия и признавать, что та или иная профессия или обладание тем или иным количеством земли предполагает эту способность. Что же касается депутатов, здесь дело обстоит иначе. Поскольку закон доверяет их определение избирателям, сам он в этом не участвует. Избиратели должны знать и знают тех, кого выдвигают в депутаты, и судить о них могут гораздо вернее по собственному опыту, нежели по тем расплывчатым критериям, кои может выдвинуть закон.

Итак, всякий человек может стать депутатом, если выбор избирателей остановится на нем.

Было бы несправедливо и даже опасно оставить духовенство вне общего права. Даже монахи не должны составлять исключения. У нас был случай говорить о роли высшего духовенства, которое в России отличается просвещенностью и пользуется всеобщим уважением; государство только выигрывает, признав за ним

право участия в народном представительстве.

Я также не вижу, почему нельзя предоставить иностранцам право быть избранными. Если положенное число избирателей сочтет, что живущий в России чужеземец достоин стать депутатом, надо прислушаться к их мнению и позволить им действовать соответственно.

Исключение можно было бы сделать только для чиновников исполнительной власти, имеющих большое влияние на тех, кем они управляют; последние не могут быть назначены депутатами в подведомственных им областях.

Можно также поставить за правило, чтобы депутат непременно достиг определенного возраста, например двадцати пяти лет.

Соображения справедливости, благоразумия и общественной пользы побуждают положительно решить вопрос о денежном вознаграждении представителей во время действия их мандата. Если обязанности депутата являются только почетными и придают человеку определенный вес, многие станут домогаться их лишь для того, чтобы выдвинуться в обществе, хотя у них при этом не будет ни малейшего намерения как следует их исполнять, а иногда они даже и не будут к сему способны. Поэтому следует всеми возможными способами поддерживать достоинство этих обязанностей и всеобщее к ним уважение. Депутатские полномочия, скорее всего, должны быть почетными, но в то же время надобно, чтобы исполнители их относились к своему делу серьезно. С другой стороны, безвозмездность сей должности дала бы недобросовестным депутатам повод заниматься личными делами в ущерб общей пользе, следствием такого положения также стало бы неизбежное удаление от представительства людей, часто весьма способных, но небогатых и не имеющих возможности жертвовать своим временем и трудами без всякого вознаграждения, но при этом слишком честных, чтобы самостоятельно вознаграждать себя косвенным образом.

Но любое государство достаточно богато и в состоянии оплачивать оказываемые ему услуги. Здесь можно отыскать даже немалую экономию.

Перевод с французского С.В. Житомирской.

*Извлечения публикуются по изданию:
Тургенев Н. Россия и русские.
М., 2001. С. 448–454, 461–470.*

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ САМАРИН

**НА ЧЕМ ОСНОВАНА И ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ
ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ¹**

1853–1856 гг.

В инструкции, недавно изданной для образования воспитанниц женских учебных заведений, преподавателям вменяется в обязанность внушать, «что всемирная история именно служит доказательством необходимости монархического правления, к которому, после продолжительных смут и беспорядков, всегда возвращались народы».

В речи, недавно произнесенной за каким-то торжественным столом, лондонский лорд-мэр выразил свое убеждение, что последствием настоящей войны Западных держав с Россией² будет повсеместное введение в Европе английской конституции, вне которой не может процветать просвещение.

Если бы можно было вызвать на взаимное объяснение составителя инструкции и лорда-мэра, вероятно, обнаружилось бы некоторое разномыслие в их понятиях о том, что доказывает история и какая форма правления должна осчастливить человечество. Но не разномыслие в этом случае заслуживает внимания, а, напротив, то, в чем сходится составитель инструкции с лордом-мэром. Оба убеждены в существовании единой, всесовершенной формы правления, формы, к которой все народы должны стремиться и вне которой нет спасения ни для одного из них; оба искали ее и оба нашли.

Вот в каком отношении мы позволили себе сблизить составителя инструкции с лордом-мэром.

Какая форма правления есть лучшая? Этот вопрос очень похож на следующий: по какой мерке всего лучше кроить платье? Задайте этот вопрос портному. Он вам ответит, что такой мерки нет и быть не может, а нужно кроить по росту и складу того, на кого шьется платье. Нетрудно применить тот же самый ответ к лорду-мэру и к составителю инструкции. Если бы первый мог отрешиться от своих национальных предубеждений, он убедился бы, что английская конституция как нельзя лучше облакает весь организм Англии именно потому, что она не с чужого плеча на нее наброшена, а ею самую построена по ее собственному вкусу, по ее потребностям и средствам. Он уразумел бы, что самая естественность

¹ Статья не была озаглавлена; при жизни автора не печаталась. Название дано позднее П.Ф. Самариним при подготовке публикации.

² Речь идет о брошюре: Ольденбургский П.Г. Наставление для воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. Цит. текст на с. 18 (прим. изд. 1997 г.).

и законность постепенного образования этой конституции из местных условий Англии представляет сильнейшее возражение против мечты о повсеместной ее применимости. В другой части света федеративно-республиканское устройство Соединенных Штатов может быть в той же степени прилично организму Северной Америки, и, вопреки любимой мысли составителя инструкции, трудно бы было отыскать в Соединенных Штатах признаки стремления к монархической форме.

«Но, – скажет, вероятно, составитель инструкции, – мы не знаем, что ожидает Соединенные Штаты, что будет с ними впоследствии, когда окончится борьба человека с природою и сменится борьбою страстей, интересов и мнений». На будущее ссылаться трудно, а между тем послушайте, что говорят республиканцы во Франции: «Конечно, двукратная попытка основать во Франции республиканское правление не удалась; Франция отдалась в кабалу, но подождем конца. Нравы изменятся, исчезнут предрассудки, проникнет просвещение в народные массы, и тогда столь же несообразною будет казаться монархия, сколь теперь невозможно кажется республика». Кто же прав? Составитель инструкции, называя республику отрицанием монархии, оправдывает ниспровержение республики как возврат к монархии. Республиканец, называя монархию отрицанием республики, приветствует ниспровержение престола как возврат к республике и выводит из одних и тех же фактов прямо противоположный вывод. История, по его убеждению, именно доказывает необходимость республиканского начала, которое, несмотря на все усилия царственных династий подавить его в самом зародыше, вопреки гонениям и коалициям всякого рода, все-таки постепенно развивается, более и более ограничивая монархическую власть, по временам проступает наружу, берет свое и со временем возьмет окончательно и навсегда.

Мы приводим эти слова, разумеется, не как верный вывод из всемирной истории, а единственно в доказательство, как легко и вместе бесполезно превращать всемирную историю в предисловие к какой бы то ни было форме правления.

Доискиваться единой, всесовершенной и безусловно применимой формы правления – такое же заблуждение в области политики, какое в области политической экономии – стремление к изобретению непреложного мерил ценности. Достоинство всякой формы заключается в полнейшей ее гармонии с содержанием. Чем свободнее форма облекает содержание, чем вернее проявляет собою сущность его, тем лучше форма и тем она прочнее.

Применение этой истины, очевидной до пошлости, к настоящему вопросу приведет нас к следующему убеждению. Всякий народ представляет собою не безобразный материал, из которого можно вылепить любую фигуру: козла, вола или Геркулеса, а нравственно-живое существо, так же своеобразно определенное, как и отдельная человеческая личность. Совокупность способностей, свойств и сил, данных народу от природы и подвижных в известном направлении его верованиями, убеждениями и потребностями – жизнь народная в широком значении слова, – вот что соответствует содержанию. Правительство есть одна из форм, служащих выражением народной жизни. Чем полнее и вернее оно выражает жизнь народную, тем более между правительством и народом точек соприкос-

новения, тем теснее их взаимная связь, тем живее их сочувствие, тем крепче и безопаснее правительство внутри, тем большими силами оно располагает в столкновениях внешних. Это также ясно, но и ясное, как скоро доходит дело до приложения, часто расплывается в тумане, а потому некоторые пояснения кажутся нам не лишними.

Представим себе правительство, ограничивающее свое призвание обязанностями страхового учреждения, заведенного для упрочения вещественного благосостояния и комфорта. Его дело – пешись о том, чтобы дороги были гладки и безопасны, чтобы никто произвольно не мешал другому в его занятиях, не стеснял свободы промыслов и торговли, особенно не дотрагивался бы до чужой собственности. Такое правительство связано с народом единственно потребностью материальных благ; насколько дорожит ими народ, настолько дорожит он и правительством, но не более. Всеми прочими своими потребностями и стремлениями он не соприкасается с ним, и потому правительство вправе ожидать от каждого своего подданного такого содействия, какое может получить страховая компания от своего акционера, т.е. до известной суммы пожертвований, представляющих в точности количество выгод, какое он надеется получить от компании. Но при этих условиях требовать, чтобы народ для спасения правительства принес в жертву свои материальные выгоды, тогда как он относится к правительству единственно в качестве производителя и потребителя, очевидно, правительство не вправе, не может. Материальные интересы представляют ли прочное основание для правительства? Думаем вообще, что нет, и присовокупляем, что чем богаче народная жизнь внутренним содержанием, чем более народ дорожит своею верою, своею национальностью, своим историческим призванием, тем менее он будет способен привязаться к воображаемому нами теперь правительству. Северная Америка до настоящего времени, можно сказать, занята обстройкою и обзаведением своего хозяйства; ее удовлетворяет правительство, служащее материальным целям. Во Франции такому правительству было бы трудно удержаться, потому что жизнь народная гораздо сложнее и разностороннее. Поэтому правительство Людовика Филиппа, искавшего себе опоры в возбуждении материальных интересов, исчезло без следа в 24 часа. Те, которые держались за него ради обеспечения своего вещественного благосостояния, разочли, что опасности меньше – посторониться и дать место грозе, чем встретить ее грудью.

Предположим, что правительство, управляя нацией или совокупностью наций, не признает на себе никакого национального характера. Оно не считает себя ни славянским, ни немецким, ни итальянским, а просто только правительством, отвлекая себя от всякого племенного определения. Подданные такого государства, как итальянцы, чехи, немцы, не существуют для правительства; очевидно, и правительство перестало бы существовать для них, если бы оно задумало предприятие во имя национальности. Освободив себя от всякого национального определения, правительство лишает себя возможности располагать теми силами, какие почерпает народ в любви к родной земле, в сочувствии к своим одноплеменникам. Пусть бы еще так, если бы можно было обойтись без этих сил; но дело в том, что всякое пробуждение национального чувства для такого прави-

тельства не только бесполезно, но непременно губительно. Безличность правительства в отношении к национальностям может выражаться двояким образом: полным к ним равнодушием или равным благоволением ко всем. В последнем случае правительство, смотря по тому, с кем оно имеет дело, меняет свой костюм, свой язык, даже выражение своего лица. Как проворный актер, оно явится на сцене в белом австрийском мундире, потом, переодевшись за кулисами, предстанет в виде венгерского гусара, даже, если нужда потребует, в свитке и кожане пахаря-галичанина. Но подобная роль редко может быть выдержана до конца, потому что нельзя угодить ею всей публике. Каждое появление на сцену неминуемо вызывает одновременно рукоплескания и свистки, и наконец зрители могут догадаться, что только тот способен принимать на себя всевозможные роли, для кого вся жизнь есть только роль. Еще недавно венгерцы в порыве усердия к своему королю так неосторожно прижали его к своей груди, что едва не задушили в своих верноподданнических объятиях в то время еще не вполне сложившегося австрийского императора. Впрочем, и самый здоровый организм, переходя поочередно из объятий одной нации в объятия другой, может измяться.

Представим себе третий случай. В государстве христианском, где-нибудь на краю земли, живут мусульмане. Правительство, исповедуя веру Христову, любит, чтобы его прославляли на всех языках, и с одинаковым благоволением принимает молитвы о его благоденствии, где бы они ни читались: в церквях, в костелах, в синагогах или в мечетях. Мусульмане не только свободно отправляют свое богослужение, но даже пользуются покровительством власти; им строят мечети, воспитывают для них мулл, издают для них Коран; чего им больше? Они довольны и при всяком случае рассыпаются в изъявлениях своей преданности. Наступает время доказать ее на деле. Загорается война, война за спасение православных от ига мусульман. Что сделают мусульманские подданные православного правительства? Чью сторону они примут? Памятуя неоднократные доказательства заботливости о их благе, станут ли они под знамя креста, в ряды того правительства, которому клялись в усердии, или не увлечет ли их в противоположную сторону блеснувший перед их глазами полумесяц? Сочувствуя правительству во всем, кроме веры правительства, будут ли они надежными слугами, когда дело дойдет до борьбы веры правительственной с их верою?

Сила и крепость правительства зависят всегда и везде от любви подданных, но любовь целого народа к власти, как и всякое явление разумной человеческой любви, предполагает общее, связующее начало. Народ сочувствует правительству, человек сочувствует другому за что-нибудь или в чем-нибудь. Это что-нибудь, это третье, общее между ними и их связующее начало, будет ли это родство, как в семейном союзе тождество интересов, как в торговой компании, единство веры, как в церкви, есть основание и оправдание союза, основание, говорим мы, ибо на нем стоят обе стороны; основание, то есть та часть здания, которая может существовать независимо от ярусов, на ней воздвигнутых, но без которой они существовать не могут.

Оправдание, сказали мы, полагая разницу между случайным сближением или насильственным совокуплением и делом воли человеческой, свободной и

проникнутой сознанием. Чем основание шире, тем крепче союз, чем более обе стороны уважают его неприкосновенность, тем союз надежнее. Из этого следует, что отношение правительства к основным началам его союза с подданными есть отношение подчиненности, иначе – отношение служебное. «Как, – скажут нам, – да этим вы лишаете правительство его самостоятельности, вы полагаете пределы его действиям, вы ограничиваете его. Намекая на обязанности правительства, вы этим самым допускаете возможность поверки его действий, общественного суда над ним, тогда как сама верховная власть есть совесть общественная; что если совесть личная – для внутренних побуждений человека и неизобличенных его деяний, то власть верховная – для явных, исследуемых его действий. И та и другая суть равно орудия Провидения». Иными словами: нельзя подводить действия правительства под категории добра и зла, пользы и вреда, ибо воля правительства сама есть безусловное мерило.

Если б этот образ мыслей выражен был частным человеком, конечно, можно бы было оставить его в стороне, но он имеет за себя авторитет, обязывающий нас вникнуть в него внимательно и выяснить, что под ним кроется. Вопрос сам по себе так важен, что было бы грешно говорить о нем иначе, как с полной откровенностью и без всяких недомолвок. Наше правительство самодержавно и полновластно, но оно само называет себя правительством православным и русским. Может ли правительство переменить народную веру, закрыть церкви и обратить их в костелы или кирки? Может ли правительство отменить официальное употребление русского языка и заменить его французским? Может ли оно ввести Россию в состав Германского союза и подчинить ее действия решениям Франкфуртского сейма? «К чему такие вопросы? – говорите вы. – Это все несбыточно и невозможно». Пусть так; я мог бы выставить целый ряд предположений менее диких, но в сущности равно противных интересам правительства, духу церкви и народной чести, но я довольствуюсь вашим ответом и считаю себя вправе вывести из него, что наше правительство не полновластно. Оно не полновластно потому, что подданные признают над собою власть правительства православного и русского; перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть для них правительством. Почему же не сказать, что правительство служит православной церкви и России, что вера и народность лежат в основании союза России с правительством, что именно потому и только потому правительство стоит так твердо как в отношении к самой России, так и в отношении к другим державам? Заметим здесь раз навсегда, что отношение верховной власти к народу может быть выражено по пунктам, в форме конституции или хартии, и может быть заключено в глубине живого народного сознания. В этом – вся разница, разница существенная, огромная, указывающая на отличительный признак русского народа или настоящей эпохи исторического его существования в сравнении с другими народами и эпохами. Но русский человек, хотя он и не домогается юридического, формального ограничения верховной власти, может быть так же ясно сознает ее назначение, ее естественные пределы, как и англичанин, вычитавший все это в своей конституции, ибо кто признает определенное назначение власти, тот полагает тем самым ее пределы.

Кому же может прийти в голову предполагать, кто осмелится требовать, чтобы русские встречали с одинаковым чувством меры правительства, направленные к пользе церкви и к возвеличению России, и меры, вредные для церкви и унижительные для России, вроде тех, которые приводились в исполнение или готовились во времена Иоанна IV, Бирона и Петра III? Принудить к покорности, страхом восполнить недостаток сочувствия, воспретить всякое проявление общественного суда, привить к детям язву официальной лжи и заглушить в них всякую искренность, к стыду человечества, можно, хотя не надолго. Но для того, чтобы суд общественный упразднить, нужно сперва вырвать с корнем из сердца народа его веру и любовь к родине, иными словами: разрушить то, на чем стоит правительство.

Другие говорят: «Идея верховной власти не требует никакой посторонней опоры; ее основание – в ней самой; по отношению к ней не должно быть ни русских, ни татар, ни немцев, ни православных, ни католиков, ни мусульман, есть только верноподданные, и в этом определении сливаются, исчезают все вероисповедания и народности». Что ж такое эта голая, эта обнаженная от всякого характеризующего ее определения идея власти? Вы отняли у нее ее основу, ее назначение, ее пределы; затем осталось одно – идея силы. Власть, как вы ее понимаете, есть просто сила, ее отношение к подданным не может быть названо иначе, как насилие. Ищите ее олицетворение не в Иоанне III, а в Чингисхане, не в Михаиле Романове, а в Тушинском воре, не в императоре Александре в Москве, а в Наполеоне в Вильне. Понятна возможность подданничества отвлеченной власти, но где же место для верности? Можно ли назвать верным того, кто кланяется сильнейшему? «Нет, – говорят нам, – не всякая сила есть власть; власть как принадлежность правительства есть власть законная, и только такой власти обязаны подданные покоряться не только за страх, но и за совесть». Итак, мы получили ближайшее определение власти, с тем вместе мы подчинили ее условию законности. Это условие само по себе чисто формальное; оно не определяет ни назначения власти, ни обязанностей, ни пределов ее. Законная власть может быть употреблена и направлена так же, как и всякая другая власть, может служить орудием угнетения и зла, но все же, говорят нам, она законна и потому священна. Что же такое законность? Какими признаками отличается государь законный от незаконного? Законным должно почитать того, кому достался престол по праву наследства. А давно ли так?..

Разумеется, нет такого гражданского устройства, которое бы не могло хоть изредка быть потрясено торжеством силы над правом, но в нашей истории поражает не нарушение формальной законности, даже не малое к ней уважение, а совершенное и, может быть, единственное в мире отсутствие всякого о ней понятия. Да и могло ли оно развиваться, когда основным положением служил Вечный устав Петра I, то есть безграничный произвол государя в избрании себе наследника, выведенный со всею логическою строгостью из самого существа самодержавия, как его понимал Петр I. Не было понятия о законности у самих государей, ибо, как видно из официальных манифестов, все могло служить оправданием притязаний на престол: и кровное родство, и завещание на несколько поколений вперед,

определяющее порядок престолонаследия, и, наконец, предполагаемое желание подданных. Не было понятия о законности в духовенстве, которое услужливо отбирало присяги и, связав совесть подданных клятвенным обещанием перед Крестом и Евангелием, на другой день с равным усердием перед теми же Крестом и Евангелием благословляло на преступление клятвы. Не было его в служилом сословии, в Верховном совете, в Сенате, в генералитете, ни в гвардии, ибо на деле интриги этого сословия пролагали путь к престолу и низводили с него. Наконец, менее всего существовало это понятие в народе, от лица которого, но без его участия и ведома, подавались прошения; народа, который стоял в стороне, все видел и на все смотрел равнодушно. То же равнодушие к формальной законности находим мы и в памяти потомства. Какие права на престол имела Елизавета при живом Иоанне, Екатерина при живом ее муже и при взрослом сыне? Между тем именно эти два самые незаконные царствования потомство поминает добром. Россия знает, что с именем Елизаветы связано прекращение смертной казни, восстановление национальной чести и прекращение, хотя временное, наглого владычества чужеземцев. Россия помнит, на какую высоту Екатерина подняла знамя двуглавого орла. Россия сочувствует и теперь широким размерам ее политики. Россия никогда не забудет, что никто не верил так твердо, как она, в могущество русского духа, никто не умел пробудить и оценить по достоинству такое множество великих дарований. Вот чем приобретает у нас сочувствие подданных, и вот чем определяются их отношения к государям.

Но если недостаточно свидетельства истории для вразумления в той несомненной истине, что не формальная законность служит у нас основанием верховной власти, то нетрудно прийти к тому же убеждению и другим путем. Не было у нас законности, но этого мало, ее не может быть. Законность значит сообразность с законом. Закон же при самодержавной власти, как понимал и утвердил ее Петр I, есть выражение воли государя, ничем не ограниченной, и потому самому отнюдь и не связывающей волю его преемника. Другого источника законодательной власти, другого рода законов, более обязательных, мы не знаем... Для подданных не потому обязательна воля государя, что она законна, а потому закон обязательен, что он есть воля государя. Это относится совершенно в равной степени к Вечному уставу Петра I и к акту императора Павла I о престолонаследии... Если независимо от самодержавной воли нельзя себе представить ничего законного, ибо в ней и более ни в чем мерило и гарантия законности, то, очевидно, что представитель верховной власти мог бы один свидетельствовать о законности своих прав, но по слову Спасителя: ...¹

Итак, понятие о какой бы то ни было обязательной законности, по праву ли наследства или по праву избрания, у нас не выдерживает внимательной проверки; это такая же мечта, как <...>²; оно не вытекает из нашей истории и не мирится с существом самодержавия, а потому, читая в наставлении для преподавания наук в военно-учебных заведениях, «что в продолжение тысячи лет в России, от самого основания Руси, власть русского государя – по праву призвания, а переход этой

¹ Далее в автографе текст обрывается (прим. изд. 1997 г.).

² Далее в автографе текст обрывается (прим. изд. 1997 г.).

власти – по праву наследства», мы ничем иным себе не можем объяснить этого положения, как прибегнув к другому наставлению той же инструкции: «В истории каждого народа должен быть сделан самый строгий выбор событий». Но выбор событий не есть история, и наставления, почерпнутые из выбора, исчезнут скоро, когда внимательное изучение фактов и размышление приведут к убеждению, что посылками для вывода наставлений служил односторонний выбор и что самый вывод заключает в себе понятия несовместные. Первое условие для прочного образования есть правдивость наставников.

Повторим все сказанное. Не обаяние отвлеченной власти, иначе силы, и не формальная законность связывает в России подданных с государем. Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека от головы до ног. В основании любви подданных к государю лежит вера и народность. Такой широкой и твердой основы не имеет ни одно правительство, и вот почему у нас оно так сильно. За что дорожит Россия правительством, чем правительство сильно, тем самым определяется его историческое призвание, характер его действий, пределы его власти. Пределы, полагаемые не хартиєю, не буквою конституции, но самым существом его, которое глубоко и живо сознается духом народным. Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню, оторвать корень правительства от корня народного и пересадить его на другую, искусственно созданную почву, – об этом могут помышлять только или враги правительства и России, или те близорукие друзья его, для которых наше прошедшее непонятно, настоящее мертво, а будущее страшно.

*Извлечения публикуются по изданию:
Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма.
М., 1997. С. 58–62, 67–68.*

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЧИЧЕРИН

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

1855 г.

В жизни отдельных людей и народов бывают минуты, когда потрясенные неожиданными событиями, они как бы пробуждаются от долгого сна, озираются вокруг себя и приходят к ясному сознанию своего положения. Такая минута наступила теперь для России. Долго мы успокоивались на мысли о величии и могуществе нашего отечества и шли беззаботно тем путем, которым нас вело правительство. Немногие мыслящие люди с горестью понимали, куда мы идем. Они видели, как под влиянием ложной системы управления постепенно растлевался государственный организм, как постепенно подрывались и распатывались все основы общественной жизни, как подавлялись все внутренние наши силы и как народ осужден был коснеть и тупел в своем безмолвном повиновении. Они видели, что мы незаметно приближаемся к бездне, и вдруг эта бездна открылась перед нашими глазами. Неожиданно разразилась над нами гроза, и в то время, как, пробужденные опасностью отечества, мы оглянулись кругом себя, мы увидели, что ложная правительственная система подточила могущество России, что у нас нет ни людей, ни средств бороться с внешними врагами и что все наши усилия остаются тщетными при той порче общественного организма, которая распространилась всюду.

Час сознания настал. Голос проповедников, поэтов и публицистов призывает нас к покаянию. Для всех стали ясны внутренние наши пороки и недостатки, хотя не все еще, может быть, ясно понимают, откуда они произошли и какими средствами можно помочь очевидному злу. Настало время разъяснить себе эти вопросы и, углубившись в себя, собравшись с силами, извергнуть внутреннюю свою порчу и снова пуститься в путь с обновленным духом и разумным самосознанием.

Настоящее тяжело и печально: извне страшная гроза, ополчение народов, которого мы не в силах отразить, внутри всеобщее расстройство и распадение. Повсюду беззакония, повсюду притеснения, повсюду жалобы и неудовольствия. Нет в общественной жизни отрадного явления, на котором бы взор мог с участием остановиться и успокоиться. Один был город на краю государства, где сосредоточивался весь героизм русского народа и который своею мужественной защитой искупал бедствия тяжелого времени. Но и этот город пал наконец в неравной борьбе. Уныние распространилось повсюду, и будущее стало, если можно, еще темнее.

Каким же образом дошли мы до такого унижительного бессилия? Каким образом юная и могущественная Россия могла впасть в такое безвыходное положение?

Обратимся к прошедшему и постараемся в нем найти ключ к уразумению настоящего. Посмотрим, под какими естественными условиями развивался русский народ, каковы его свойства, какова его история, и тогда мы, может быть, лучше поймем, какой перелом совершается ныне в его жизни и что может вывести его из того печального состояния, в котором он находится.

Область России идет по неизмеримому пространству от Черного моря до Белого и Балтийского однообразною степью, пересекаемою только большими реками и на Севере широкими озерами. Гор в ней вовсе нет, только незначительные, едва заметные возвышения теряются на этой обширной плоскости. Скучное народонаселение рассеяно по равнине; села и города лежат на огромном расстоянии друг от друга, дороги часто едва проезжаемы и связи между различными центрами нет никакой. Но, с другой стороны, нет и естественных преград, разъединяющих народонаселение и тем самым соединяющих его в отдельные замкнутые союзы. Все расплывается вширь, не ища средоточия. Обильная почва легко дает пропитание, не нужно человеку усиленно трудиться и бороться с природою. Нет ничего, вызывающего деятельность и напряжение умственных и физических сил, нет поразительных картин и явлений в природе, возбуждающих воображение, нет разнообразия, развивающего различные стороны человеческого духа. Человек как будто затерян в пространной степи, он живет под влиянием однообразной природы и безграничного простора, возбуждающего в нем разгул и удалство, никуда не направленное.

Под влиянием этой среды образовался и характер народный. Русский народ не слагается из отдельных частей, живущих своею самостоятельную жизнью и носящих каждая свой особенный отпечаток. Он составляет более или менее однообразную массу, разлитую по всему пространству и не имеющую слишком резких различий в своих частях. Одна только Малороссия, оторванная от России вследствие исторических обстоятельств, образует как бы отдельное целое и имеет свою особенную характеристику. Но вместе с тем эта однообразная масса, расплываясь в безграничном пространстве, лишена внутреннего средоточия. В ней нет центральных пунктов, притягивающих к себе рассеянные интересы и поддерживающих в народе жизнь и движение. Естественные условия вели к образованию великого государства, но тесной общественной связи нет ни в целом, ни в частях, нет живых и частых сношений, возбуждающих человеческую деятельность и составляющих жизнь общества. Народонаселение, рассеянное по равнине, живет более под влиянием природных определений, нежели общественных начал. Потому нет в Европе народа, у которого бы общественный дух был так мало развит, как у русских, каждый живет себе особняком и никому дела нет до общих потребностей и интересов. Русский человек неохотно выходит из той частной сферы, в которую поставили его рождение и обстоятельства. Он любит подчас разгуляться, но постоянной деятельности не любит. Обладая значительными природными способностями, он, когда захочет, сделает больше и лучше другого, но это мгно-

венная вспышка, которая скоро остывает. Вообще же он не идет неумоимо вперед, а все делает кое-как, на авось, случайно и лениво. Он не умеет создать из себя внутреннего многообразного мира и нелегко вырывается из-под влияния тяготеющей над ним среды. Изумительна в нем сила обычая и предания, изумительно, как он безропотно и покорно подчиняется раз признанному им господству.

Все эти черты ясно показывают, что русский человек обладает характером более пассивным, нежели деятельным. Но это самое делает его, с другой стороны, чрезвычайно способным перенять чужое, и, когда его раз заставят выйти из обычной колеи, он может так же легко и в такой же крайности подчиниться новизне, как он прежде упорно держался старины. Не мудрено, что при таких условиях он не развил из себя разнообразного исторического содержания, не выработал человеческих начал – науки, искусства, промышленности, изящества нравов. Этому способствовало и удаление его от римского мира, передавшего западным народам вековые стяжания древней истории. Русский народ принял от него христианскую религию, но принял ее, можно сказать, языческим образом. Он не усвоил себе ее отвлеченного духовного содержания, отделяющего человека от земли, его не занимали высокие философские вопросы, христианство не побуждало его к неумоимой деятельности на пользу ближнего. Нет, он принял преимущественно внешнюю обрядную сторону, которая стала для него таким же обычным преданием, такой же святыней, как и все вековые обычаи жизни. Мелочной обряд стал для него важнее существенных истин, от курящего табак он отвращался, как от богоотступника, изменение книжной буквы сделалось основанием важнейших расколов. И доньше еще в народе живут обряды язычества, так перемешанные с христианскими, что их и не отличишь. Достаточно указать на обряды свадебные и другие, остатки глубокой языческой старины, сохранившиеся доселе как свежий, вечно юный цвет народного быта.

Разумеется, при таких естественных условиях, при таком народном характере, при отчуждении от древнего образованного мира русская история не могла быть так богата великими явлениями, как история Запада. Но русский народ способен к развитию, он принадлежит к семье народов европейских, и при всех своих особенностях, при всей скудности исторического содержания он развился параллельно с ними, по одним и тем же началам жизни. Патриархальный быт, основанный на кровном единстве, господствовал первоначально как на Западе, так и на Востоке, но ни одно племя не было так способно подчиниться влиянию этого естественного элемента человеческой жизни, как племя славянское. У нас до сих пор сохраняются его остатки. Наоборот, ни одно племя не было менее способно выйти из него путем внутреннего развития и выработать из себя новые формы общественного быта. Между тем как на Западе дружинное начало, начало личности и добровольного союза, разрушающее естественные связи, вытекло из самой жизни народной, у нас оно было элементом пришлым. Патриархальный быт поколебался от наплыва иноземных стихий, и, когда наконец оказалась его внутренняя несостоятельность, славянские племена явили себя неспособными к созданию новых форм гражданственности. Для этого нужна была внешняя власть, и они принуждены были призвать к себе варягов, старых врагов своих.

Им они предоставили господство над собою и установление порядка. Это замечательное явление, обратившее на себя внимание всех историков, ярко характеризует пассивные свойства славянского племени и неспособность отдельных личностей соединиться самим собою в союз, основанный на собственных силах и на собственной деятельности.

Варяжская дружина окончательно разрушила кровные связи и мало-помалу заменила их началом добровольного союза, основанного на личной воле каждого человека. Но личность, как мы сказали, не умела выработать из себя богатого исторического содержания, значительных общественных интересов. Вырвавшись из-под влияния естественных связей, она предалась безграничному разгулу, и тогда началось то бессмысленное брожение народных элементов, которое обозначается именем удельного периода. Все предалось кочевому стремлению – и князья, и бояре, и слуги, и торговцы, и поселяне. Пошли они ходить по всему пространству широкой Руси, нигде не останавливаясь прочным образом, нигде не образуя постоянных и крепких форм жизни. Даже вольные города Новгород и Псков, где общественное начало было более развито, представляют пример такой неурядицы, какую едва ли можно найти в другом месте.

Первые оселись князья, и они-то и сделались образователями и строителями русской земли. Бессмысленное брожение не могло продолжаться, нужен был порядок, и вот явились государи, которые, олицетворяя в себе общественное начало, покорили кочующие элементы и принудили их подчиниться государственному порядку. Упорного и явного сопротивления не могло быть, но трудно было заставить бродячие массы сделаться оседлыми и принять на себя постоянные обязанности. Все бежало с своего места: бояре бежали в Литву, посадские люди и крестьяне бежали с земель, к которым они были прикреплены. Нелегкое дело было устроить государство в земле русской. Иван IV должен был вооружиться всею яростью грозного венценосца, Борис Годунов должен был употребить весь разум хитрого политика, чтоб обуздать разгул кочевой жизни. Но едва успели они водворить некоторый порядок, как все подавленные элементы опять взбунтовались и выплыли наружу. Настало смутное время. Самозванцы, бояре, казаки, холопы, крестьяне, ляшские и русские полчища – все пошло гулять по России, шатаясь повсюду без цели, без мысли, без всякого разумного стремления. Но это было уже последнее празднество старинного быта; народ довольно окреп, чтобы предпочитать государственный порядок бессмысленному разгулу. К тому же он был затронут в коренных основах своей жизни, в своей народности и вере. Нашествие иноплеменников переполнило меру горечи. Народ восстал, на этот раз сам собою, без всякого принуждения, и, сделав отчаянное усилие, выгнал поляков и выбрал себе царя, после чего он опять погрузился в свое ленивое и покорное состояние, предоставив дальнейшую судьбу свою установленной им власти.

Первые Романовы снова водворили порядок, но вскоре оказалось, что управлять на старый лад было невозможно, что крепкое государство не может обойтись без мысли и просвещения. Россия до Петра Великого вырабатывала одну беспорядочную форму общественной жизни. Теперь этой форме надлежало придать разумность и стройность, надлежало оживить ее мыслью, и как ученик Петр Великий

обратился к западным народам, хранителям мысли и просвещения. Русский царь надел на себя матросскую куртку, чтобы служить образованию, которое он хотел насадить в своем отечестве. Это великое и благородное явление служит указателем нового направления в русской истории; отсюда она получает более обширное и возвышенное значение. Русский народ вдвигается в европейскую семью и становится одним из народов, управляющих ходом исторических событий. Внешнее его могущество растет в изумительных размерах, внутри государство строится и крепнет, войско и флот создаются как бы чудом, умножаются финансы, распространяется образование, является литература, на всех поприщах выдвигаются талантливые люди, прославляющие русское имя. Но исторически ход остался тот же. Как прежде правительство было исходною точкою всех общественных учреждений, всех мер для порядка и благоустройства, так и теперь оно стало во главе нового движения, во главе образования. Насильственно заставляло оно русских учиться грамоте, насильственно насаждало на девственной почве науку, искусство, промышленность, новые нравы и обычаи. Впрочем, и здесь оказалось, как легко русской человек подчиняется чужому влиянию: раз отделавшись от старинных предрассудков, перешедши на иную колею, он совершенно поработился новому направлению, отрекся от самого себя, заимствовал чужой язык и обычаи, офранцузился и с остервенением преследовал все родное, все, что прежде считалось святыней. С одной стороны, низший класс, в который не проникла реформа, остался при упорном отрицании иностранного. С другой стороны – высшее сословие предалось бессмысленному отрицанию всего русского, и, разумеется, при своем младенческом развитии оно переняло сначала одни внешние формы жизни и потом уже стало мало-помалу вникать в разумное ее содержание.

Этого беглого взгляда на русскую историю достаточно, чтобы показать, что правительство всегда стояло у нас во главе развития и движения. При пассивном своем характере русский народ не в состоянии был собственными силами, без принуждения выработать из себя многообразные формы жизни. Правительство вело его за руку, и он слепо повиновался своему путеводителю. Потому нет в Европе народа, у которого бы правительство было сильнее, нежели у нас. В продолжение всей истории оно не встречало себе в народе опасных преград. Оно должно было бороться более с невежеством, с тупостью, с вековыми и закоренелыми обычаями, нежели с деятельным и энергическим сопротивлением. Враги его были крамольные бояре, разгульные казаки, невежественные поклонники старины. Но бояре не имели корня в народе и могли противопоставить царям только тайные козни да местнические счеты, с казаками легко было справиться при учреждении постоянного войска, а поклонники старины могли действовать только тупым и безмолвным сопротивлением, а отнюдь не открытою силою. Вольных городов у нас было мало, с одним из них борьба была непродолжительна, а другой покорился беспрекословно. Правительственной деятельности мешали не столько отдельные, замкнутые центры и союзы, сколько отсутствие прочных общественных связей, всеобщее неустройство и огромные пространства, препятствовавшие расширению действий центральной власти. Но чем более эти препятствия исчезали, тем более возвышалось значение правительства. С возрастанiem на-

родонаселения, с установлением прочных общественных отношений, с развитием государственного организма, с умножением правительственных средств, преграды падали сами собою, и правительство делалось сильнее и сильнее. В настоящее время оно обладает такою силою, какой никогда не имело: огромное войско, покорное единому его мановению, огромная бюрократия, которая распространяется по всем концам русской земли и всюду приводит в исполнение исходящие из центра меры и распоряжения, всеобщая безропотная покорность, к которой приучили нас века прошедшей истории, – все это делает власть правительства безграничною и безусловною. Всякое прекословие тотчас заглушается, всякий ропот тотчас подавляется, всякая прихоть тотчас может быть приведена в исполнение в самых отдаленных частях империи.

Но эта сила именно и составляет слабость правительства. Нет в политике более положительной аксиомы, как то, что правительство никогда не должно слишком упорно действовать в своем смысле. Все политическое искусство есть не что иное, как система непрерывных сделок. Оно состоит в умении согласить разнородные требования и интересы, живущие в обществе, удовлетворять каждый из них, насколько позволяют другие, и таким образом устанавливая всеобщее единение, подчинять их верховной правительственной цели, которая есть благо совокупного общества. Только такая примирительная деятельность дает правительству истинную силу, ибо тогда оно находит опору везде. Каждый общественный интерес, получив законность, тем самым привязывается к общему законному порядку и примыкает к правительству. Если же оно, имея в виду только себя, упорно идет по одному направлению и пренебрегает всем остальным, оно неизбежно доходит до крайности, отрывается от народа, возбуждает всеобщее неудовольствие и подкапывает собственное основание, стараясь сделать его слишком крепким и прочным. По-видимому, оно делается сильнее, но в сущности оно становится слабее, ибо сила его потеряла внутреннюю свою опору.

Таков неизбежный закон, который должно иметь в виду при правлении всякого политического тела. Но если вообще каждый общественный интерес, каждая существенная потребность должны получить законное место, то тем более нельзя пренебрегать совокупностью потребностей и интересов, составляющих народную жизнь. Правительство и народ – это два основных элемента, из которых слагается общество. Каждый имеет свое назначение и каждый должен иметь надлежащую самостоятельность. Народ составляет государственное тело, а правительство есть глава и распорядитель. Первый живет и действует, рождает из себя разнообразные стремления, потребности, интересы. Второе все это разнообразие сводит к единству, устанавливает в обществе согласие, препятствует личным целям вредить друг другу, способствует их развитию, наконец, побуждает народ к тому, что необходимо для блага совокупного целого. Но это единство не должно развиваться на счет разнообразия. Правительственная деятельность не должна уничтожать самостоятельности народа, ибо самостоятельность есть необходимое условие жизни. Разумеется, власть не может позволить различным интересам восставать друг на друга и действовать открытою силою, ибо это было бы узаконение анархии, но иметь и высказывать мнения и требования, отличные

от мнений и требований правительства, – это законное право народа, без которого он лишается всякой самостоятельности и всякого общественного значения. Каждый общественный интерес, вокруг которого группируются отдельные лица, должен жить и развиваться самобытно, согласно с законами внутренней своей природы, а не по мерке, данной извне. Но для этого ему необходимо свободно высказывать свои потребности и свое отношение к установленному правительством порядку. Тогда только он получит правильный ход и настоящее значение в народной жизни. Выставить же известную норму правительственных целей и убеждений и все гнуть под нее, уничтожая всякое отклонение, сделать народ безгласным и безмолвным перед своим правительством – значит убить в нем всякую жизнь и уничтожить один из основных элементов общества. Такое поглощение народной деятельности правительством есть подавление разнообразия в пользу единства, замещение живого организма мертвой машиной, поставление внешней формы на место внутреннего развития сил. Ибо правительство, подавивши народную жизнь, необходимо становится одной внешней формой и мертвой машиной. Только из народа оно черпает и дух, и силу, и жизнь. Народ живет как самобытная цель и для него устанавливается и самое правительство, которое не имеет другого значения, как содействовать народному благу. Народ есть самое общество, для пользы которого и существуют все государственные учреждения. Каким же образом лишить его участия в собственном деле?

Очевидно, что это противно всякому здравому политическому смыслу. Оба элемента должны существовать рядом, дополняя друг друга и совокупными силами стремясь к достижению единой общественной цели. Потому преобладание того или другого никогда не обходится даром. Как скоро один из них возьмет слишком сильный перевес над другим, так немедленно в обществе чувствуется разлад, является потребность реакции и начинается обратный ход истории для восстановления необходимого равновесия. В этом взаимном действии обоих государственных элементов, в этом вечном стремлении к равновесию состоит вся политическая жизнь государств. Их история представляет нам назидательное зрелище, которое должны изучать все управляющие судьбами народов, ибо одно близорукое невнимание к настоящему ведет их к пагубным заблуждениям. При таком узком взгляде на вещи минутные стремления кажутся необходимыми условиями жизни и, наоборот, великие исторические явления, развивающиеся в продолжение целых веков, кажутся временными заблуждениями ума человеческого. Только изучение прошедшего дает нам ключ к уразумению настоящего, а вместе и возможность прозревать будущее. Посмотрим же, что открывает великая учительница внимающим ее голосу.

Если обратимся к началу истории современных обществ – к тому времени, когда, вышедши из первобытного патриархального состояния, они стали жить историческою жизнью, мы видим почти исключительное господство народного элемента. В средние века государство не существовало, правительственная сила была совершенно ничтожна, все общественные отношения в высочайшей степени шатки и изменчивы. Но самая эта крайность должна была возбудить более потребности. Лишенный власти, народ представляет хаотическую массу, пре-

данную господству необузданного произвола. Вместо отношений, основанных на взаимной пользе и справедливости, устанавливается право сильного, и большинство попирается под ногами немногих могучих личностей. Возгораются беспрерывные междоусобия и господствует анархия, повсеместная и нестерпимая. Отсюда необходимость обратного движения истории для установления власти, водворяющей порядок и тишину. Стремление выйти из беспрерывных смут образует реакцию против буйных и анархических сил. Возникает государство и существенной задачей жизни делается постепенное развитие и усиление недостающего общественного элемента – правительства. Тогда общество выходит из анархического состояния, устанавливается порядок, устраивается государственное управление, умножаются правительственные средства, созидаются могущество политического тела. Народные элементы более и более отходят на задний план, а правительство, напротив того, все усиливается.

Но и это управление доходит, наконец, до крайности. Правительство, привыкши постоянно действовать в своем смысле, начинает считать себя единственным представителем общества и упускает из виду другой существенный его элемент. Народ совершенно устраняется от участия в общественном деле. Всякое прекословие подавляется, и голос правительства один раздается среди всеобщего молчания. Тогда в обществе опять начинается ощущаться разлад, опять чувствуется, что есть какой-то важный недостаток, что полнота жизни исчезла, что из нее выбыло нечто существенное. Все тогда идет наыворот. Какие бы ни принимались меры, они все остаются бесполезны, ибо между законодательством и исполнением целая пропасть. Правительство, в сущности, становится бессильным, а в народе все более возрастает неудовольствие.

В таком положении находимся мы теперь. С XV века развивается у нас государство, и правительственная деятельность все усиливается, но только в наше время достигла она нестерпимой крайности. В московской России народная жизнь далеко не была так стеснена, как теперь. Тогда в обществе и в управлении господствовала еще такая неурядица, что правительственная власть была связана по рукам и ногам. При каждом движении она чувствовала свое бессилие. Она ничего не могла ни узнать, ни привести в исполнение без содействия народа и принуждена была постоянно сзывать земские думы для совещания об устройстве общественных дел. Отдельным лицам легко было избавиться не только от притеснительной власти, но даже от законных обязанностей. Они просто уходили на другие места и при существующем беспорядке невозможно было ни преследовать их, ни найти. Такой же свободой нередко пользовались и целые общины. Если какому-нибудь городу или селу слишком тяжела становилась власть назначенного государством правителя, они тотчас посылали в Москву деньги и выхлопывали себе льготные грамоты, освобождавшие их от тягостного управления. Случалось даже, что подчиненные самовольно сменяли своих начальников, и это считалось нипочем. Правительство было так отдаленно и бессильно, что не могло удовлетворять справедливым жалобам и должно было допускать всякого рода своеволия и беспорядки.

Все это, однако же, прекратилось с преобразованиями Петра Великого. Госу-

дарство устроилось и перестало терпеть как своевольные действия подданных, так и исключения из общего порядка управления. Но правительственный элемент все еще не получил такого преобладания, которое бы сделало его слишком стеснительным для народа. Внимание правительства было обращено на общие государственные дела, оно устраивало войско, флот, пробуждало промышленность, насаждало образование. Граждане несли трудные обязанности, необходимые для величия России, но в ежедневную жизнь их правительство не проникало. Они не сталкивались беспрестанно с каким-нибудь административным органом, доставленным для надзора за каждым их действием. Все сосредоточивалось около центра, а в провинциях жили себе привольно, мало заботясь о власти. Правительство представлялось как нечто дальнее и славное, возвышающее могущество России и высоко поднимающее отечественное знамя. Русские видели на престоле гениальную деятельность Петра, либеральную мудрость Екатерины и любили престол как источник славы и добра для отечества.

Но в XIX веке все это изменилось. Вековой процесс государственной организации наконец совершился: управление, постепенно расширяясь от корня, как дерево, пустило свои ветви по всем областям, а централизация увенчала все здание и сделала его покорным орудием единой воли. Образовалась бюрократическая машина, по которой правительственная струя беспрепятственно течет от центра к оконечностям и возвращается от оконечностей к центру. Тогда уже подданные увидели власть близ себя, лицом к лицу. Администрация охватила нас со всех сторон, и чем более она расширялась и разветвлялась, тем более стеснялась народная деятельность. Правительство сделалось всеобъемлющим, господствующим всюду, проникающим всюду, а народ все более бледнел и исчезал перед ним. В настоящее время нельзя уже сделать ни шага, чтобы не натолкнуться на какое-нибудь правительственное лицо, чтобы не увидеть перед собою начальника, распорядителя и надзирателя. На каждой улице встретишь квартального или жандарма, на проселочной дороге, прежде не выдавшей чиновного мундира, теперь звонит колокольчик станového пристава. И все это не обходится даром. Ибо подданный бессилен и безгласен перед малейшим чиновником, который является нам не как защитник и покровитель, а как лицо совершенно чуждое и притом весьма скверное. Узко и тесно стало нам в административных пеленках, свивающих нас со всех сторон, и с каждым днем мы чувствуем более и более, что из жизни выбыло нечто существенное.

Между тем это страшное преобладание правительства в государстве еще более усилилось вследствие принятой им ложной системы управления. Внутренний ход истории, безропотная покорность народа развили в нем до крайности самовластие и самоуверенность, а консервативная система, заимствованная у австрийского двора, все это узаконила и превратила в теоретическое убеждение. Она внушила ему мысль, что кроме него не должно существовать в государстве другого общественного элемента, что всякое самостоятельное проявление жизни есть беззаконие, ведущее к смутам и революциям, что правительство, желающее сохранить себя, должно подавлять в народе всякое движение и всякую жизнь.

Нетрудно было осуществить у нас такую систему. Препятствий никаких не

было, нужно было только идти все далее по тому же пути, не озираясь кругом и ни на что не обращая внимания. Все, что требовалось для водворения прочного порядка, – это то, чтобы правительство отказалось от некоторых заблуждений, проистекавших от излишнего внимания к народному благу. Оно заботилось о пробуждении мысли в народе, о распространении просвещения, но ему объяснили, что просвещение зарождаёт либерализм и неверие, что образованный народ непременно хочет принимать участие в общественных делах и затевает революции, когда правительство запрещает такие вредные замыслы. Все это, разумеется, было подкреплено очевидными примерами, и правительство, сдаваясь на такие убедительные доказательства, отрёклось от прежнего своего дела. Собственно говоря, его и нельзя было продолжать при дальнейшем шествии по прежнему пути. Общественные благо, мысль, просвещение совместны только с известной степенью развития правительственного элемента. Все эти интересы живут в народе и требуют некоторой самостоятельности, а как скоро эта самостоятельность подавляется, так они становятся правительству чуждыми и противными. Нужно только перейти за известную границу, отойти подальше от народа, и они представляются совершенно в другом свете: где прежде были одни союзники, там являются уже враждебные силы. Правительство наше смело переступило эту границу, и последствием было всеобщее растрепание государственного организма. Отсюда произошли те общественные язвы, от которых мы страдаем теперь. Постараемся на них указать.

Первым делом власти, пропитанной консервативным духом, было найти себе людей преданных и покорных. Это сделать было нетрудно, стоило только обратиться к раболепству и низкопоклонству, и без того всегда готовым угождать властям. Правительство искало покорных орудий и нашло их: оно окружило себя сановниками, лично преданными царю, государственные люди были заменены царедворцами. Но государство от этого не выиграло. Царедворцам ли заботиться о народном благе и удерживать правительство от заблуждений? От народа им нечего ожидать, а царь для них источник всех милостей, и личная выгода побуждает их потакать царям и поддерживать их заблуждения. Только через это они делаются всемогущими в государстве, только при всеобщем безмолвии голос их получает некоторое значение. Они тогда заменяют собою общественное мнение. Их правительство вопрошает, когда хочет искать в нем опоры, и суждения их считаются голосом России. Через них правительство получает сведения о положении государства, они решают, что ему открыть и что надобно скрывать. Одним словом, при подавлении всякой народной самостоятельности они делаются единственными посредниками между царем и народом.

Нельзя, однако же, сказать, чтобы эти посредники были самые добросовестные. Они призваны к престолу за преданность и покорность, и на этом они стоят. Вся цель их состоит в том, чтобы лично угодить царю, удалить от него всякое неприятное зрелище и раболепным поклонением власти купить себе несметные милости. Стоя на вершине, они обращаются лишь к сияющему на них солнцу и мало заботятся о том, что происходит внизу. Пускай себе в глубине мутится волна и ходят чудовища, пожирающие мелких жителей пучины, лишь бы на поверхности

все было гладко и спокойно! И в самом деле, все делается гладким и спокойным до невероятности. Самые возмутительные злоупотребления тщательно скрываются, вопиющие жалобы не допускаются до царского слуха, все обдeldывается, обглаживается и представляется в таком выгодном свете, что заглядение. Истина преследуется неумолимо, ибо она обличает и царей, и царедворцев. Тройная преграда занятых сановников заслоняет ее от престола, и правительство остается в совершенном неведении о том, что думает и что делает Россия. Среди придворного раболепства престол стоит одинок, и народ перестал считать его святынею, к которой бы он обращался с доверием и любовью.

Само правительство чувствует отчуждение от народа, или, лучше сказать, оно это отчуждение считает необходимым правилом политики. Охранительная система возвещает, что народ опасен, что в нем всегда таятся революционные мысли и что правительство должно искать опоры не в любви его, а в огромном количестве войска, могущем сдерживать всякое движение. Действительно, согласно с этими началами правительство стало умножать войско до чрезвычайности и устремило на него главное внимание. Войско сделалось образцом для всего государственного управления, все должно было идти на военный лад. Военная дисциплина сделалась основным государственным началом, оно проводилось всюду – и на службе, и в частных отношениях, и в общественном воспитании. Невежественных генералов поставили попечителями университетов, в учебные заведения стали вводить военный строй и учение.

Но, в сущности, такое огромное войско было вовсе не нужно. О внешней войне никто и не думал, а внутри и без того повиновались охотно. Поэтому оно само собою обратилось в игрушку. Вместо того, чтобы заботиться об улучшении его состояния, о материальных его средствах, о духе солдат, об образовании офицеров, правительство обратило преимущественно внимание на внешнюю сторону. Смотры, парады, маневры служили царю забавой. Все дело состояло в изящном обмундировании, в красивых эволюциях, а когда наконец вследствие опрометчивости грянула на нас война, как снег на голову, когда явилась истинная потребность в войске, тогда во всем оказался недостаток. Неприятель вторгся в пределы России, и русское правительство не могло противопоставить ему равного количества сил. У него нет ни достаточно материальных средств, ни способных генералов. Беспрестанные рекрутские наборы истощают народ, а рекруты от плохого содержания мрут тысячами без пользы для государства. Гвардия бережется вдали от театра войны, а в Крым посылаются ополчения, наскоро набранные и вовсе негодные для военного дела.

Те же недостатки ощущаются и в гражданском управлении. Цель правительства состояла в том, чтобы превратить его в машину, которая бы всегда действовала одинаково, как покорное орудие центральной власти. Внешняя дисциплина, основанная на чинопочитании, должна была всех содержать в повиновении, а бюрократическая рутина, идущая сверху донизу неизменным порядком, должна была заменить способных людей, которых самостоятельность и убеждения могли не согласоваться с правительственной волею. Цель действительно была достигнута. Машина существует, порядок делопроизводства, формы письменности до-

ведены до тончайших оттенков, чиновная дисциплина наблюдается как нельзя больше, но духа в этой машине нет и для общественного дела она не годится. Чинопочитание ведет к тому, что каждый чиновник имеет в виду не общественное благо, не приведение своей части в наилучшее положение, а единственно благосклонность начальника. Служение государству превратилось в служение начальникам. Вместо способностей и рвения на пользу отечества везде на первом плане стоят отношения личные, ибо, начиная от высших сановников государства и снисходя до самого мелкого чиновника, каждый может выиграть гораздо более личным угождением, нежели исполнением служебных обязанностей. С другой стороны, бюрократическая рутина повела к страшному умножению письменности, которая стала на место настоящего дела. Исполнить дело – значит отписаться, показать что-нибудь на бумаге, значит доставить сведение, и высшее правительство должно этим довольствоваться и считать эти сведения совершенно справедливыми, ибо других средств получить их оно не имеет. Как с одной стороны круг высших сановников заслоняет собою и заменяет общественное мнение, так с другой стороны бюрократическая письменность заслоняет собою и заменяет понимание настоящего положения вещей.

Отсюда проистекает одно из величайших зол, которыми страдает Россия. Это господствующая всюду официальная ложь. Можно без преувеличения сказать, что всякое официальное изъяснение не что иное, как ложь. Все отчеты и донесения высших государственных сановников суть ложь, все отчеты и донесения губернаторов и других областных властей суть ложь, все статистические сведения суть ложь, все уверения в преданности и любви суть ложь, все публичные акты для оказания почтения высшим сановникам, как напр[имер], подписки с разрешения правительства, суть ложь; наконец, даже большая часть патриотических изъяснений не что иное, как чистая ложь. Видели же мы патриотические пожертвования, из которых девять десятых были вынуждены силою. Видели же мы и знаменитые адреса дворянства, в которых оно уверяло правительство в своей готовности все принести в жертву за царя и отечество, а между тем, когда дело дошло до выборов в ополчение, то каждый старался по возможности уклониться от этой чести. Так священнейшие чувства человека при господстве ложной системы управления превращаются в возмутительную лезть и в раболепный страх перед начальством. Да и может ли быть иначе? Когда все должны безмолвно преклоняться перед властью, кто осмелится сказать правду? Только свободное общественное мнение в состоянии контролировать уверения чиновных лиц, которых личная выгода всегда заставляет лезть правительству. Когда же общественное мнение подавляется всеми возможными средствами, когда заставляют молчать каждого, кто осмелится идти вразлад с раболепным хором официальных похвал и уверений, тогда ложь необходимо вкрадывается во все общественные отношения. Правительство лишается возможности узнать состояние народа и надзирать за действиями своих подчиненных, а народ теряет всякую доверенность к своему правительству.

Другое не менее важное зло, проистекающее из существующего порядка вещей, есть всеобщее развращение чиновников, как гражданских, так и военных.

Злоупотребления составляют нормальное положение нашей администрации. Для закона, как сказано, достаточно исполнения на бумаге, а как он исполняется на деле, это остается для правительства тайною. Пользуясь этим, правители позволяют себе все, что им угодно. Они знают, что вопль угнетенных никогда не достигнет до престола и что они у самого его подножия найдут себе могучих покровителей. Таким образом, власть, им врученная, делается орудием притеснения, закон, который должен быть защитой народа, служит только средством для обогащения чиновников. Всякою правительственною мерою, всяким столкновением с подвластными им лицами они пользуются для выжимания из них денег. И подданные остаются беззащитны и безответны перед начальником, ибо они ничем не ограждены от административного произвола и самые жалобы считаются нарушением дисциплины. Что же касается до высших сановников государства, которых обязанность надзирать за низшими исполнителями закона и преследовать злоупотребления, то они, напротив того, стараются по возможности скрывать их. С одной стороны, желание угодить правительству заставляет их все представлять в наилучшем свете; с другой стороны, угождение подчиненных побуждает их потакать своим креатурам и своею властью прикрывать их беззакония. Наконец, многие из них и сами не чуждаются несправедливых прибытков. Для удобства они берут деньги с подчиненных, продавая места и взимая с них ежегодный оброк, а последние в свою очередь берут со своих подчиненных и т.д., пока, наконец, подданные не выплачивают из своих карманов не положенного законом жалованья как высших, так и низших чиновников.

А ргіогі можно бы подумать, что управление устанавливается для пользы управляемых, но на деле выходит, что оно существует только для пользы правителей, образующих бюрократически организованную корпорацию, основанную на взаимной помощи при грабительстве и угнетении подвластных им лиц.

Разумеется, благородному и способному человеку трудно подчиниться такой системе, где он превращается в машину для письменоводства или в колесо гидравлического пресса, устроенного для выжимания из народа всех жизненных сил и средств. Зато благородному и способному человеку и не дают хода, кроме разве особых случаев, где он пользуется личным покровительством важного сановника. Отсюда третье господствующее зло – всеобщая неспособность правителей. Настоящие трудные обстоятельства открыли, как мало в нашем правительстве людей со знанием дела и с талантом. Немногие, которые показались, находились или в низших чинах, или вдали от центральной сферы, развращающей всякого, кто войдет в этот заколдованный круг. Неспособность есть как бы патент на получение значительной должности. Неспособный человек не имеет большею частью ни самостоятельного характера, неприятного властям, ни убеждений, не согласующихся с правительственною системой. Он на все согласен и служит самым безмолвным и покорным орудием для исполнения на бумаге высочайших приказов. Ему можно поручить целое министерство, и все пойдет своим обыкновенным порядком. Нужно только, чтобы при нем был человек, посвященный в тайны бюрократической рутини и умеющий дать делу ловкий оборот, так чтобы интересы высших сановников не пришли в столкновение. Последнего рода люди

составляют деловую часть администрации, между тем как правительственная и распорядительная часть состоит из тех, у которых придворный такт заменяет государственные соображения.

Мудрено ли после этого, что наше законодательство остановилось на одной точке и что самые настоятельные административные и общественные вопросы остаются без разрешения? У нас есть Сенат, остаток прежних учреждений, который вовсе не клеится с новейшими. У него давно следовало бы отнять это множество разнородных и ни на что не нужных предметов ведомства, и, напротив, возвысить его существенное значение как верховного судебного места в государстве. А между тем в него сажают всех сановников, которые даже в нашей администрации оказываются неспособными, и верховный суд становится ссылочным местом для стариков и идиотов. У нас есть система судопроизводства, которая никого не ограждает и бесконечными справками тянет дела на целые десятки лет. У нас финансовая система, которая всею тяжестью лежит на низших сословиях и представляет образец несправедливости и неумения пользоваться государственными средствами. У нас, наконец, до сих пор существует крепостное состояние, эта язва, поглощающая целую треть лучших сил России. И правосудие, и государственная польза давно требуют его уничтожения. Беззаконность и вред его так велики, что кидаются в глаза даже охранительному правительству. Оно чувствует всю его несообразность и хотело бы помочь злу, да не умеет приняться за дело. Вообще законодательство бродит в каком-то чаду. Поминутно издаются новые законы, так что десятилетние дополнения к своду чуть ли не превышают его своим объемом, а между тем во всех этих законах нет ни одного, который бы принес истинную пользу государству, который бы мог залечить одну из живых ран современного быта. Все ограничивается отдельными распоряжениями и полумерами, которые обыкновенно противоречат друг другу, которые сегодня издаются, а завтра отменяются или оставляются без исполнения. Законодательство превращается в хаос среди робких, продажных и неспособных рук, которым оно вверено. Нет в правительстве никого, кто бы мог указать на истинные начала, на существенные потребности народа, а если кто и мог бы это сделать, тот молчит, чтобы раблепным и безмолвным повиновением купить себе царскую милость.

Таковы последствия, которые имело для управления крайнее развитие правительственного начала. Очевидно, что такой порядок вещей не мог не отразиться и на народе. Главная задача охранительной системы была, как сказано, подавить в нем всякое движение и убить всякую самостоятельность. Цель при этом была благая: уничтожением оппозиции правительство хотело избежать внутренних раздоров и сохранить единение с народом. Но, к несчастью, средство вовсе не соответствовало цели. Единение значит согласие, а согласие устанавливается не уничтожением одной из сторон. Если бы народ можно было совершенно вычеркнуть из общественной жизни или превратить в бессловесную машину, то охранительная система была бы неукоризненно верна. Но, к счастью, этого сделать нельзя. Народ не сотрешь с лица земли, и, если ему запрещают говорить, если хотят согласие установить силою, он втайне отходит от правительства и отказывает ему в содействии.

Так у нас и случилось. Казалось бы, чего легче, как поддержать союз, скрепленный веками, и привязать к себе народ, привыкший к слепому повиновению? Но бессмыслие охранительной системы было довольно велико, чтобы поколебать и эту вековую преданность. Сделавшись консервативным, правительство стало беспощадно преследовать всякое самостоятельное проявление жизни, а между тем им же пробужденная мысль народа все крепла, и мужала, и требовала себе более простора. Самое крайнее развитие правительственной организации рождало потребность большей свободы народа. Пока власть была далека, можно было и не вмешиваться в ее дела, можно было терпеть изредка являющийся произвол. Но когда правительственная деятельность проникла во все поры общественного тела, тогда уже отсутствие политической мысли стало невозможным, а законное ограждение от административного произвола сделалось необходимостью. В самом деле, можно ли не осуждать действий власти, которую беспрестанно видишь около себя! Можно ли терпеть притеснения и злоупотребления, на которые наталкиваешься на каждом шагу? Теперь для нас свобода общественного мнения, обличающего недостатки законодательства и злоупотребления правителей, сделалась насущностью, необходимостью, а между тем она все более и более стеснялась. Отсюда разлад между правительственными целями и народными потребностями, отсюда разрыв векового союза.

Это отчуждение народа от правительства чувствуется во всех общественных сферах. Все, что есть в государстве людей мыслящих и просвещенных, убедилось, что между ними и правительством нет более ничего общего. Им нужны движение мысли, просвещенная и свободная деятельность ума, а все это подавляется всеми возможными средствами. Поневоле они должны были отшатнуться от власти, оскорбляющей все основные их верования и убеждения. Для низших же классов народа правительство является как притеснительная система администрации, охватывающей их со всех сторон и лежащей на них всею своею тяжестью. Нет хижины, нет угла в русском государстве, куда бы ни протягивалась ее грязная рука, и где бы она ни побывала, никогда она не отойдет пустая, чего бы она ни коснулась, везде слышится стон угнетенного. Для низших классов правительство олицетворяется в слове «казна» – слово губительное и ужасное. Это в глазах народа чудовище, поглощающее деньги и высасывающее кровь бедных граждан. Казна есть естественный враг частных людей. Не обращая внимания ни на какие справедливые требования и жалобы, она стремится только к тому, чтобы выжать из подданных как можно более денег, и подданные со своей стороны не считают предосудительным грабить и обманывать казну, когда могут делать это безнаказанно. Им и в голову не приходит, что она установлена для собственной же их пользы. Интересы их так далеко разошлись, что они скорее похожи на две противоположные партии, которые при внешних уверениях во взаимной любви и уважении, втайне стараются наделать друг другу как можно более пакостей.

Зато как умилительны официальные изъявления преданности и покорности! Как толпится народ на всех церемониях! Как расписывают продажные и раблепные писатели любовь русского народа к установленным властям и блаженство, которым он наслаждается под благословенным правлением самодер-

жавных монархов! Официально все невероятно счастливы, но, если поднять эту лживую занавеску, сколь различно будет зрелище, которое представится нашим глазам! Редко приходится частному лицу встретить человека, довольного настоящим положением России. Везде слышишь одни только беспрестанные жалобы на притеснения и злоупотребления. Это тема для всех разговоров о государственных делах, это бесчисленные рассказы, которые носят всюду, которые раздаются и в столицах, и в областях, и в общественных собраниях, и около домашнего очага. На них воспитываются молодые поколения, которым с раннего возраста внушают страх правительства и отчуждение от законного порядка вещей, под этим влиянием развивается новый общественный быт, полный горечи и недоверчивости. Он заменил собою прежние патриархальные нравы, беззаботные и покойные, прежнюю жизнь нараспашку, столь свойственную русскому народу. Страшно преобразовалось русское общество в новейшее время! Все, что отцы наши любили и чему они поклонялись, стало для нас чуждым. Насильственно выбили из нас и любовь к престолу, и доверие к правительству. У нас нет воспоминаний, которые составляли отраду стариков. Даже отечество потеряло для нас свою прелесть, ибо в общественной жизни мы видим одни только явления, возмущающие душу и оскорбляющие все благородные стремления человека. Громко никто не смеет сказать слово, но втайне все ропщут и негодуют.

Каждый понимает, однако, что ропот и негодование ни к чему не ведут. Дейтельная оппозиция, а тем более революционные движения, вовсе не в нашем характере. Мы для этого слишком мягки, уступчивы и покорны. Вся наша история клонилась к тому, чтобы правительство сделать сильным, и перед этой силой мы уничтожаемся. Мы знаем, что правительство – все, а мы – ничего, и не видим никакого исхода из этого положения. Все недовольны, но все понимают, что неудовольствию помочь нельзя и успокаиваются на этом безнадежном состоянии. Отсюда всеобщее равнодушие к общественному делу. Каждый видит, что он ничего не может для пользы отечества, и потому каждый сосредоточивается в своей частной жизни и заботится только о своих интересах. Если частный человек приходит в столкновение с законом, он старается по возможности его обойти, если ему приходится сделать общественное пожертвование, он старается дать как можно меньше, и то делает неохотно и по принуждению. Общественного духа нет, общественных интересов нет, и это кладет на всю общественную жизнь печать мелочности и скуки. Рядовые люди, не будучи побуждаемы к деятельности более благородной, предаются мелочным расчетам и низким страстям, заменяющим увлечение мысли и политического движения, а люди, имеющие возвышенные потребности, скучают и впадают в уныние среди однообразной, бесцветной и мелочной жизни, не доставляющей никакой духовной пищи человеку.

Вообще духовная сторона народной жизни сильно страдает от правительственной системы. Просвещение не может обойтись без большей или меньшей свободы. Наука, искусство имеют своенравную натуру, которая не поддается правительственным предписаниям; у них свои законы труда и вдохновения, над которыми никто не имеет власти. Наука не может по воле правительства изменить логического сцепления понятий или неотразимого значения фактов. Искусство

ищет вдохновения в жизни, изображает окружающее добро и зло так, как оно является глазам художника, а не так, как понимает правительство. Последнее в этом деле вовсе не судья. Оно не может сказать: думайте так или иначе, изучайте явления таким, а не другим образом, изображайте эту, а не другую сторону жизни. Наука и искусство не подчиняются подобным требованиям, ибо они по существу своему свободны, их можно уничтожить, но произвольного направления дать им нельзя.

Само правительство дошло, кажется, до этого сознания. Не терпя свободы, оно не может терпеть и того, что с нею связано. Но, стыдясь мнения образованного мира, оно не решилось совершенно уничтожить науку и литературу, а стало по возможности подавлять их, так что на деле они пришли в самое жалкое положение. Цензурные постановления так строги, что нельзя написать ничего, имеющего человеческий смысл. Всякая мысль преследуется как контрабанда, и даже факты очищаются от всего, что может бросить не совсем выгодный свет не только на существующий порядок вещей, но и на те политические, религиозные и нравственные начала, которые приняты за официальную норму. В учебные заведения введены военное обучение и военная дисциплина, невежественные генералы поставлены во главе народного просвещения, университеты лишены прежних своих прав, и самое число учащихся ограничено. Казалось бы, чего лучшего желать для государства, как не возможно большего числа образованных людей? Казалось бы, что возбуждать в молодых поколениях, как не желание учиться? А между тем это благороднейшее стремление человека делается предметом запретительных мер, правительство считает его для себя опасным и ограничивает число студентов.

После этого мудрено ли, что зарождавшиеся в обществе духовные интересы исчезли, что рвение к науке и искусству уменьшилось? Вместо нескольких сот студентов, которые вступали ежегодно в значительнейшие наши университеты, теперь едва могут набрать и достаточно для пополнения ограниченного комплекта. И этому причина не война, ибо то же самое было и до войны. Причина заключается в правительственных мерах, которые убивают в нас всякую духовную деятельность. Россия в образовании идет назад, а между тем правительство от этого не выиграло, ибо эти меры произвели гораздо больше недовольных, нежели сколько могли бы произвести все журнальные статьи в мире. Всякий, кто сколько-нибудь уважает образование, должен был поневоле потерять уважение к правительству, его подавляющему. Только явная подлость может после этого именовать правительство просвещенным или покровителем наук и искусств. Это ложь, которая опровергается очевидными фактами.

С образованием связано и материальное благосостояние государства. Промышленность не может обойтись без науки, а наука у нас в немилости. Тщетно стало бы правительство обращать народ к тем ее отраслям, которые имеют практическую пользу для материальной жизни. Наука не поддается этим хитростям. Для своего просвещения она требует, чтобы интерес сосредоточивался на ней самой, а не на практических ее приложениях. Для нее нужно, чтобы в обществе было живое участие к ней, а это участие получает направление от самой жизни, а

не от правительственных распоряжений. Надобно прежде предоставить свободу науке, а там уж она сама окажет пользу и в практике.

Впрочем, у нас и практическая сторона образования подвергается тому же пренебрежению, как и теория, и это, разумеется, отдается на низком состоянии промышленности. Невежество ваших хозяев и фабрикантов – явление всеобщее, немного найдется из него исключений. Вообще, когда требуется знание или рациональное искусство, немедленно выписывается иностранец, которому и поручается управление заведения, а это обходится весьма дорого, не говоря уже о том, что иностранцу, особенно не знающему русский язык, трудно ладить с нашими работниками. Те же хозяева, которым средства не позволяют нанять иностранца, следуют обыкновенно вековой рутине, делают самые грубые ошибки и понапрасну растрачивают время, деньги и работу.

Понятно, как промышленность должна страдать от такого недостатка просвещения. К этому надобно прибавить и другие причины, которые, впрочем, все сводятся к одному источнику. Для успешного развития промышленности прежде всего требуется по крайней мере гражданская свобода, дающая человеку возможность самым выгодным образом употреблять свои силы и способности. Кроме того, ей нужно возбуждение в народе деятельности и энергии, без которых нет предприимчивого духа, ей нужна законная защита от притеснения и вообще устройство управления, не затрудняющее коммерческих оборотов. Ей нужно, наконец, развитие всех материальных средств общества, как-то: кредита, путей сообщения и т.п. А всего этого у нас нет. Крепостное состояние отвлекает от производительного труда значительную часть народных сил и представляет преграду всякому улучшению земледелия. Финансовая система всею тяжестью лежит на низших сословиях, подавление народной деятельности и самостоятельности убивает в нем промышленный дух, плохое устройство администрации составляет для промышленности и торговли разорительное стеснение и уничтожает частный кредит, без которого невозможны торговые обороты. Наконец отсутствие хороших дорог препятствует правильному сбыту и производит повсеместный застой произведений. Правительство не отдает устройства путей сообщения на руки частным капиталистам потому, что все хочет делать само, а само оно делает и нескоро, и дурно. У него в распоряжении недостаточно сумм и даже из тех, которые назначаются для устройства путей сообщения, две трети переходят в карманы чиновников и подрядчиков.

Таким образом, как духовные, так и материальные интересы государства страдают от одностороннего правительственного направления. Вообще мы в этом отношении достигли крайности, которая отзывается на всем. Пассивные свойства русского народа и характер, который они сообщили историческому его развитию, привели нас к тому, что правительство сделалось всемогущим. Но вместо того, чтобы этим всемогуществом пользоваться осторожно и в сознании своей силы допустить самостоятельность народа, вместо того, чтобы пробуждать в русском обществе недостающую в нем инициативу, которая при его характере не может быть опасна для верховной власти, правительство все свое внимание устремило на то, чтобы более и более увеличивать свое могущество, пренебрегая

остальными элементами общественной жизни. Таким образом, оно мало-помалу совершенно отделилось от народа. В войске оно создало себе опору, отдельную от граждан, в бюрократии оно имеет покорное орудие своей воли, окружают его люди, лично преданные царю и не имеющие с народом ничего общего. Со всех сторон оно загородилось и заслонилось от света. Оно живет и движется в совершенно отдельной сфере, куда ничто не проникает из низменных стран, где не слышно даже и отголоска общественной жизни. В этом очарованном кругу все свое, совершенно особенное, не похожее ни на что другое. Там есть официальная преданность, официальная лесть, официальная ложь, официальное удовольствие, официальное благосостояние, официальные сведения, официальные статьи, официальная дисциплина, официальная рутина. Все это создается и поддерживается с большим усилием для царского увеселения, но, к несчастью, все это один призрак. Это мыльный пузырь, который образовался вокруг всемогущего владыки, ослепляет его своими радужными цветами. А народ между тем живет своею жизнью, бессловной и покорной, но отнюдь не счастливый и довольный. Впрочем, кто об этом заботится? Народ придворными сановниками трактуется с высокомерным пренебрежением. Он по обязанности должен быть доволен своей судьбою. Неудовольствие – вредное и возмутительное начало, которое не может быть терпимо в государстве, и если кто-нибудь осмелится сказать, что Россия несчастлива, то это конечно какой-нибудь якобинец, которого следует тотчас посадить в крепость или сослать в самую отдаленную губернию русской империи. Иначе для чего же существует III отделение собственной Е[го] и[мператорского] в[еличества] канцелярии?

При таком положении вещей нельзя удивляться, что России трудно даже в своих пределах выдерживать борьбу с внешними врагами. К чему могут послужить все высокие доблести русского народа, когда силы его подорваны всеобщим растлением государственного организма, всеобщим развращением, охватывающим его со всех сторон?

Россия достигла критической минуты в исторической своей жизни. Путь, по которому она шла в продолжение нескольких веков, оказывается недостаточным, направление, которому она следовала, дошло до крайних своих пределов и привело к самым гибельным результатам. Таков исторический закон. Народ (а с ним и правительство) долго идет по одной дороге, занятый исключительно одною мыслью, составляющей его необходимую и насущную потребность. Но когда он совершит свое дело, когда он разовьет его во всех его последствиях, тогда он видит, что прежнее направление недостаточно, что оно не исчерпывает еще всей глубины народной жизни. Последовательно развитые крайности непременно доводят ее до нелепых результатов. Крайность сама собою обличает свою несостоятельность и показывает необходимость идти по другому пути, для достижения другой цели, более полной и земной. Тогда наступает время перелома. Везде чувствуются разлад и бессилие, чувствуется, что есть существенные элементы в государстве, которые дотоле были в пренебрежении и которые, однако, необходимы для полноты жизни. И счастлив народ, у которого есть правительство довольно благо-разумное, чтобы сознать этот недостаток, почувствовать свою ошибку и повести

его по новому пути. От скольких это избавит его бедствий и междоусобий!

Такой перелом наступил теперь для России. До сих пор развивалась у нас одна форма государственного тела, теперь эту форму надобно одушевить общественной жизнью. До сих пор на сцене был один правительственный элемент, теперь следует допустить к деятельности и оставленный в пренебрежении элемент народный. Веками покорности он искупил свои прежние анархические стремления. Он подчинился государственному порядку, он воспитался для политической жизни. Теперь с ним должно обращаться уже не как с ребенком, которого закутывают в пеленки, а как с мужем, мыслящим и действующим самостоятельно. Но мы остаемся благодарны своему воспитателю и готовы любить его по-прежнему, лишь бы он понял наши потребности и удовлетворил справедливым нашим желаниям. Нам нужны не сословные права, не ограничение царской власти, о котором никто в России и не думает. Нам нужна свобода! Мы хотим, чтобы все, что есть внутри нас, могло свободно высказываться и развиваться, чтобы царь знал, что думает и что делает Россия, и мог править нами с ясным сознанием дела и с разумной любовью к своему народу.

Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение, если мы только стряхнем с себя губящую нас лень и равнодушие к общему деду. Это слово, которое излечит глубоко проникнувшие язвы, которое изгонит из нас всю внутреннюю порчу, которое даст нам возможность стать наряду с другими народами и с обновленными силами идти по тому великому пути, которого залог лежит в высоких доблестях русского народа. В либерализме вся будущность России. Да столпятся же около этого знамени и правительство, и народ с доверием друг к другу, с твердым намерением достигнуть предположенной цели.

Но что должно разуметь под именем либерализма? Свобода – слово неопределенное. Она может быть и безграничная и ограниченная, и если безграничной свободы допустить нельзя, то в чем же должна состоять свобода ограниченная? Одним словом, какие меры должно принять либеральное правительство и чего должна желать либеральная партия в обществе?

Постараемся исчислить главные начала, которые вытекают из понятия о либерализме, и те меры, которые по нашему мнению необходимы для благоденствия России.

1. Свобода совести. Это первое и священнейшее право гражданина, ибо если власть станет углубляться и в совесть, то что же останется для нее неприкосновенным? Религиозные убеждения человека – святилище, в которое никто не имеет права проникать. Они составляют внутренний мир души его, не подлежащий действиям гражданского закона, ибо закон, как установление общественное, распространяется на одни общественные отношения граждан. Им определяются их права и обязанности к другим людям и к государственной власти, но отношение к Божеству остается делом совести. Какой способ человек считает лучшим для спасения души, это до государства не касается. Здесь можно действовать толь-

ко убеждением, а отнюдь не силою. Убеждение же есть дело церкви, которой и должно быть предоставлено напутствие душ к спасению. Закон не имеет здесь никакой власти. Он не может заставить человека верить так, а не иначе, он может произвести только лицемерие, а отнюдь не искреннее поклонение. Принудительными действиями он достигает только того, что мирные граждане, строго исполняющие общественные обязанности, превращаются для него во врагов, оскорбляемых в самых заветных своих чувствах, а это, без сомнения, столь же вредно для государства, сколько бесполезно для религии.

Само законодательство сознает это и провозглашает свободу совести как основное право всех граждан русской империи. Но, к несчастью, на деле эта свобода ограничена. Несколько миллионов раскольников, составляющих, может быть, самую трудолюбивую и развитую часть русского крестьянства, не только не имеют свободного вероисповедания, но подвергаются всякого рода гонениям и притеснениям. Тогда как язычникам дозволено беспрепятственно поклоняться своим идолам, ближайшим к православию верования преследуются всеми способами. Такое несправедливое противоречие в учреждениях должно быть уничтожено. Чтобы провозглашенное законом начало стало действительностью, необходимо дать раскольникам свободу вероисповедания. Надобно кроме того уничтожить и гражданские наказания, установленные как за неисполнение церковных обязанностей, так и за переход из православия в другие вероисповедания. Это опять дело совести, в которое гражданский закон не имеет права вмешиваться. Наконец, справедливость требует, чтобы и с евреев сняты были те притеснительные ограничения, которым они подвержены в настоящее время, ибо свобода совести есть право, из которого не должен быть исключен ни один подданный русской империи, ни один не должен страдать за свои религиозные убеждения.

2. Свобода от крепостного состояния, одного из величайших зол, которыми страдает ныне Россия. Это отражение в меньшем, но еще худшем виде той же системы, которая господствует в целом. Помещик есть почти такой же полноправный и безответственный владыка над своими крестьянами, как государь над своими подданными. Он не имеет только права жизни и смерти, в остальном же ни лицо, ни имущество крепостного человека нисколько не ограждены от помещичьего произвола. Положение властей одинаково, злоупотребления одинаковы, и самые доказательства, которыми они стараются оправдать себя, одни и те же. Правительство стоит за права державные, помещики стоят за право собственности. Правительство говорит, что допущение свободы и оппозиции в государстве есть разрушение патриархального союза любви в пользу искусственных отношений, основанных на политических расчетах. Помещики говорят, что уничтожение их власти есть замещение патриархального попечения (!) меркантильной системой найма. Правительство утверждает, что народ, которому предоставляется свобода, предается внутренней анархии, помещики утверждают, что освобожденный крестьянин сбивается с круга и делается никуда не годным. Правительство говорит, что всякая уступка поведет к революции, помещики говорят, что освобождение крестьян будет знаком для всеобщей резни господ. Правительство хочет действовать паллиативными мерами, уничтожением злоупотреблений и

сохраняет самую систему, их порождающую. Помещики точно так же не хотят слышать об уничтожении самого корня зла, а допускают только наказание за нарушение никого не ограждающих законных постановлений. Правительство красноречиво описывает блаженство, вкушаемое подданными под его державою, помещики также красноречиво доказывают, что их крестьяне лучше и счастливее всех свободных людей в мире. Правительство указывает на западные народы как на пример несчастных последствий свободного правления, помещики указывают на состояние государственных крестьян как на такое бедствие, от которого избавлены их крепостные люди.

Впрочем, ни та, ни другая власть не хочет видеть, что собственные ее подданные сочли бы за величайшее счастье, если бы их положение хотя несколько уподобилось тому, которое должно служить им уроком и предостережением от пагубных замыслов. Но как правительство, так и помещики равно утверждают, что либеральные стремления не что иное, как подражание Западу, несколько не приложимое к России. Россия, по их мнению, страна, совершенно не похожая на другие, имеющая такие особенности, которые делают существующий порядок единственно для нее возможным. Никто, впрочем, до сих пор не потрудился объяснить, что это за странные особенности. Кажется, это обыкновенно то, что выгодно для властей.

Аргументы, следственно, одинаки: это аргументы всех притеснителей. Но вот в чем различие: правительство есть представитель общества, имеющий необходимую и законную власть, которою оно только пользуется односторонним образом. Помещик же есть частное лицо, облеченное властью, которая не имеет решительно никакого справедливого и законного основания. Власть над лицом может принадлежать только к государству, а всякое частное подданство есть нарушение государственных прав. Оно противно и нравственному чувству, и справедливости, и общественной пользе. Это отдача одного сословия на жертву другому, между тем как все граждане должны одинаково пользоваться благами общественной жизни. Нет поэтому ничего страннее, как слышать помещика, толкующего о либерализме, о притеснениях правительства, тогда как сам он виновник и защитник величайшего притеснения.

Помещик не имеет даже права жаловаться на существующий порядок, ибо злоупотребления помещичьей власти гораздо хуже злоупотреблений консервативной администрации, и вред, проистекающий из правительственной системы, ничто в сравнении с вредом, происходящим от крепостного права, которое связывает руки всем сословиям, искажает все общественные отношения, препятствует всякому улучшению учреждений, изъе­млет из законного порядка целую треть народонаселения, портит народный характер, убивает в нем человеческое достоинство и водворяет в государстве безнравственность, беззаконие и разврат. Если правительство подвергается ответственности за нынешнее печальное положение государства, то, без сомнения, тяжесть вины должна падать и на дворянство – первого сподвижника престола, ибо оно могло бы хоть отчасти помочь бедственному порядку вещей и этого не делает. Среди всеобщего бессилия к добру если есть сословие, которое может еще оказать истинную услугу отечеству, то это

дворянство. Освободивши своих крестьян, оно принесет ему дань, гораздо более полезную и благородную, нежели все тщетные жалобы и бесплодные вздыхания, которые раздаются ныне со всех сторон.

Каким образом можно совершить освобождение, здесь не место рассматривать, это завлекло бы нас слишком далеко. Достаточно было указать на необходимость этой меры.

3. Свобода общественного мнения. Все наше изложение клонилось к тому, чтобы показать ее необходимость в государстве. Поэтому мы должны поставить ее на первом плане, как краеугольный камень либеральной политики. Пусть каждый русский сознает себя гражданином своего отечества, призванным содействовать общему делу. Правительство не только не должно подавлять в народе политической жизни, но обязано всеми способами стараться, чтобы каждый мог по возможности иметь ясное понятие о законах своего отечества, о внутреннем его состоянии, о политической системе управления.

А этого иначе нельзя достигнуть, как предоставив всем право свободно высказывать свои мнения и убеждения. Человек, который за каждое оппозиционное слово, за каждую смело высказанную мысль может всегда быть схвачен и подвергнут произвольному наказанию, есть раб, не гражданин. Он не может употреблять свои силы и способности согласно своим убеждениям, а может только безмолвно покоряться чужой воле. Но мы видели, к чему привела нас безмолвная покорность. Пора отложить ее в сторону и на место этого страдательного орудия воздвигнуть общественное мнение, которое может сделаться лучшим и надежнейшим помощником правительства, имеющего в виду народное благо. Одно только общественное мнение способно раскрыть истину, обличить злоупотребления, отыскать способных людей, возбудить деятельность в народе и, наконец, самое правительство побудить к необходимым преобразованиям. Общественное мнение есть выражение народной мысли. Пускай оно сначала будет шатко, незрело, разрознено; все это не может быть иначе после векового безмолвия. Но свобода воспитает его и укрепит, и тогда правительство найдет в нем лучшего своего сподвижника.

4. Свобода книгопечатания, необходимое последствие свободы общественного мнения. Недостаточно иметь возможность высказать свои мысли в разговорах; разговоры – дело частное. Если народное мнение должно иметь общественное значение, то оно должно быть гласно и известно, а это возможно только посредством книгопечатания. Пока существует цензура, подвергающая всякое выражение мысли предварительному разрешению правительства, до тех пор существует только мнение правительства, а народ должен безмолвствовать. Отмена цензуры есть основание всякой либеральной системы, желающей опереться на общественное мнение и дать народу некоторую самостоятельность. Только уничтожением цензуры правительство может доказать, что оно не намерено отделаться одними громкими фразами, а хочет совершить искреннее преобразование в управлении. Нечего бояться ему оппозиционных выходов. Оппозиция – не только не ослабит его, а укрепит, если оно будет вести себя благоразумно. Она вызовет и защитников правительства, которым в настоящее время никто не ве-

рит, ибо никто не смеет им противоречить, но которые тогда получают силу и значение. Оппозиция даст правильный и законный исход всем подавленным ныне стремлениям народа, ибо высказанное неудовольствие теряет половину своей силы. Вместо тайного и всеобщего раздражения, хватающегося за все правильно и неправильно, она разовьет в народе истинные понятия о вещах, воспитает в нем политический смысл и самому правительству откроет правду, укажет на его недостатки, выскажет различные потребности народа. Оппозиция есть именно выражение этих разнородных потребностей, в их столкновении и борьбе состоит вся политическая жизнь народа. Нужно только, чтобы борьба была мирная и законная, а этого можно достигнуть только предоставлением ей свободного исхода. Пускай высказываются даже нелепые мнения, они обличатся сами собой. Чем оппозиция будет менее разумна, тем менее она найдет поддержки в общественном мнении и тем правительство будет сильнее. Ибо нравственная сила правительства состоит не в том, чтобы все явно безмолвствовали и тайно ему недоброжелательствовали, но в том, чтобы большинство примыкало к нему с доверием и любовью, когда существует возможность противоречия. Только через это становится ясным, что оно имеет истину на своей стороне. Теперь же оно на своей стороне имеет только физическую силу. Противоречия правительство не должно бояться, если оно высказывается благоразумно, только воззвание к нарушению законного порядка, только стремление опрокинуть общественные учреждения не должно быть допустимо. Но для этого у правительства есть закон, карающий виновного. Оно всегда может писателя предать суду и запретить журнал, занимающийся разрушительной пропагандой. Закон должен пресекать зло, а не предупреждать его запрещением самого действия, могущего подать повод к злоупотреблениям. Злоупотребления могут быть всегда и во всем, но из этого не следует, чтобы все надобно было запрещать.

5. Свобода преподавания. Наука должна иметь самостоятельное развитие и правительство не может налагать на нее своих мнений. Оно должно ограничиться надзором, чтобы кафедры не превратились в центры политической и религиозной пропаганды вместо того, чтобы служить орудием для научного преподавания. Разумеется, при этом должны быть отменены все меры, стесняющие ныне общественное воспитание, которое должно быть основано на либеральных началах, а не на военной дисциплине.

6. Публичность всех правительственных действий, которых обнаружение не может быть вредно для государства, и прежде всего бюджета, государственных доходов и расходов. Народ должен знать, что происходит в верховном управлении, общественное дело есть его собственное, и правительство, которое искренно заботится о его пользе, не может бояться гласности своих действий.

7. Публичность и гласность судопроизводства. Для правильности суда, для ускорения хода дел, для уничтожения бесчисленных злоупотреблений, скрывающихся под покровом тьмы, это мера сама благодетельная. Тяжущийся и подсудимый найдут в ней ограждение от притеснений, судьи – побуждение к правосудию, правительство и народ – познание истинного положения судопроизводства, одной из важнейших отраслей управления. Кроме того, вечное зрелище суда и

наказания разовьет в гражданах чувство права и законности, составляющее первое основание всякой разумной общественной жизни, но которое, к несчастью, заглохло у нас совершенно. Каким образом осуществить это преобразование, об этом здесь опять не место говорить.

Вот главные меры, которые должны быть предметом попечения просвещенного правительства и желанием либеральной партии в России. В либерализме, как мы сказали, будущность нашего отечества, он один может пробудить его к новой жизни и дать ему возможность развить все дремлющие в нем силы. Потому каждый, искренно любящий свою родину, каждый просвещенный гражданин должен примкнуть к этому знамени. Всеми доступными нам законными средствами, стряхнув с себя губящее нас равнодушие к общему делу, мы должны стремиться к поддержанию великого и благотворного начала свободы. Выскажем его громко, ибо это убеждение внушено нам не пустым и беспокойным стремлением к своеволию, а истинной любовью к отечеству и желанием вывести его из печального состояния, в котором оно находится. Может быть, некоторым придется и пострадать за свою откровенность, но страдать за правое дело не тяжело. Пора нам отвыкнуть от раболепного и унижительного страха перед властью и понять, что благородная твердость убеждений – одна достойна великого народа. Гражданское мужество такая добродетель, которая у нас почти исчезла, но которая необходима для всякого, желающего совершить что-нибудь полезное. Мы должны действовать сами, не ожидая всего от правительства и не сваливая на него всю вину в наших бедствиях. Мы сами много и много виноваты в нынешнем положении России. Только наша собственная недеятельность, наше бессловесное равнодушие к общественному благу, наша непростительная робость могли допустить правительство до такой степени ослепления. Не видя себе нигде ни преграды, ни увещания, оно вообразило, что идет по настоящему пути, и считало народ совершенно довольным его правлением. Надобно нам наконец возвысить голос и показать, что в нас есть и мысль, и желание добра. Тогда только, когда мы станем смело говорить правду, не опасаясь ни ссылки, ни наказания, когда мы сами подвинемся к деятельности, не дожидаясь правительственного толчка, тогда мы вправе будем сказать, что мы народ, имеющий в себе залог великой будущности. А кто из нас не желает этого для России?

В заключение скажем еще одно слово. Это обличение внутренней нашей порчи, эта общественная исповедь должна служить ответом на призыв к покаянию, который слышится со всех сторон. Если обязанность каждого гражданина, живо чувствующего недостатки своего отечества, высказать их для пользы сограждан и указать по мере сил на способы исправления, то ныне эта обязанность вдвойне священна. Воззвание наших пастырей не прошло для нас даром. Не раз уж из народа слышен был голос искренней исповеди. Мы каемся в своих пороках, и каемся от глубины души, с сокрушением сердечным, с желанием всего лучшего для отечества. Но теперь очередь стоит за правительством. Отчего наши проповедники, так красноречиво говорящие о грехах народа, не призывают к покаянию и правительство? Разве не лежат на нем всею тяжестью те же самые преступления, которых бремя так трудно для нас? Мы до сих пор во всем полагались на него, в

продолжение нескольких веков оно было постоянным нашим наставником и руководителем. Оно привело заблудших овец своих к тому состоянию, которое навлекло на себя наказание Божие. Пусть же и оно принесет свою общественную исповедь, пусть же оно покажет нам и пример исправления. А это оно может сделать отменением пагубной системы управления, отречением от эгоистического стремления к усилению своей власти и предоставлением народу той политической жизни, без которой не может обойтись ни одно просвещенное государство.

*Публикуется по изданию:
Голоса из России. Книжка четвертая.
Лондон, 1857. С. 51–129.*

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ. Записка, представленная государю императору Александру II

1855 г.

Для того, чтобы говорить о внутреннем состоянии страны, от которого зависит и внешнее, надо прежде всего узнать и определить ее общие народные основания, которые отражаются в каждой частности, дробятся и отзываются в каждом отдельном лице, считающем эту страну отечеством. Отсюда уже легче будет определить общественные недостатки и пороки, которые происходят большею частию от непонимания общих народных оснований, или от ложного их применения, или от неправильного проявления.

I

Русский народ есть народ негосударственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. Самым первым доказательством тому служит начало нашей истории: добровольное призвание чужой государственной власти в лице варягов, Рюрика с братьями. Еще сильнее доказательством служит тому Россия 1612 года, когда не было царя, когда все государственное устройство лежало вокруг разбитое вдребезги и когда победоносный народ стоял, еще вооруженный, в умилении торжества над врагами, освободив свою Москву. Что сделал этот могучий народ, побежденный при царе и боярах, победивший без царя и бояр, со стольником князем Пожарским да мясником Козьмою Мининым во главе, выбранными им же? Что сделал он? Как некогда в 862 году, так в 1612 году народ призвал государственную власть, избрал царя и поручил ему неограниченно судьбу свою, мирно сложив оружие и разошедшись по домам. Эти два доказательства так ярки, что прибавлять к ним, кажется, ничего не нужно. Но если мы посмотрим на всю русскую историю, то убедимся еще более в истине сказанного. В русской истории нет ни одного восстания против власти в пользу народных политических прав. Сам Новгород, раз признав над собою власть царя Московского, уже не восставал против него в пользу своего прежнего устройства. В русской истории встречаются восстания за законную власть против незаконной; законность понимается иногда ошибочно, но тем не менее такие восстания свидетельствуют о духе законности в русском народе. Нет ни одной попытки народной принять какое-нибудь участие в правлении. Были жалкие аристократи-

ческие попытки в этом роде еще при Иоанне IV и при Михаиле Феодоровиче, но слабые и незаметные. Потом была явная попытка при Анне. Но ни одна такая попытка не нашла сочувствия в народе и исчезла быстро и без следа.

Таковы показания, почерпаемые в истории. От истории перейдем к современному состоянию. Кто слышал, чтобы простой народ в России бунтовал или замышлял против царя? Никто, конечно, ибо этого не было и не бывает. Самым лучшим доказательством может здесь служить раскол; известно, что он гнездится в простом народе, – между крестьянами, мещанами, купцами. Раскол составляет в России огромную силу, многочислен, богат и распространен по всему краю. И между тем раскол никогда не принимал и не принимает политического значения, а, казалось бы, это очень легко могло быть. В Англии, например, это бы так и было. Было бы и в России, если бы был в ней хотя малейший элемент политический. Но политического элемента в русском народе нет, и раскол русский только страдательно противится, хотя в энергии у раскольников нет недостатка. Русские раскольники скрываются, бегут, готовы идти на мученичество, но никогда не принимают политического значения. Не правительственные меры удерживали и удерживают порядок в России, а дух народный не хочет нарушать его; без этого обстоятельства не помогли бы никакие стеснительные меры, а скорее послужили бы поводом к нарушению порядка. Залог тишины в России и безопасности для правительственной власти – в духе народном. Будь это хоть немного иначе, давно бы в России была конституция: случаев и возможностей история русская и внутреннее состояние России давали к тому довольно; но русский народ государствовать не хочет.

Эта особенность духа русского народа несомненна. Одни могут огорчаться и называть это духом рабства, другие – радоваться и называть это духом законного порядка, но и те и другие ошибаются, ибо судят так о России по западным взглядам либерализма и консерватизма. Трудно понять Россию, не отрешившись от западных понятий, на основании которых все мы хотим видеть в каждой стране – и поэтому в России – или революционный, или консервативный элементы; но и тот и другой суть точки зрения нам чуждые; и тот и другой суть противоположные стороны политического духа; ни того, ни другого нет в русском народе, ибо в нем нет самого духа политического. Как бы ни объясняли отсутствие политического духа и проистекающую отсюда неограниченность правительственной власти в России, – мы оставляем пока все такие толки в стороне. Довольно для нас уже того, что так понимает дело, того требует Россия.

Для того, чтобы Россия исполнила свое назначение, нужно, чтоб она поступала не по чуждым ей теориям, заемным или доморощенным теориям, часто обращаемым историею в смех, а по своим собственным понятиям и требованиям. Быть может, Россия пристыдит теоретиков и явит такую сторону величия, какой никто и не ожидал.

Мудрость правительства состоит в том, чтобы способствовать всеми мерами стране, им управляемой, достигнуть своего назначения и совершить свое благое дело на земле, состоит в том, чтобы понять дух народный, который должен быть постоянным путеводителем правительства. От непонимания потреб-

ностей духа народного и от препятствия этим потребностям происходят или внутренние волнения, или медленное изнурение и расстройство сил народных и государственных.

Итак, первый явственный до очевидности вывод из истории и свойства русского народа есть тот, что это народ *негосударственный*, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного.

Не странно ли после этого, что правительство в России берет постоянно какие-то меры против возможности революции, опасается какого-то политического восстания, которое прежде всего противно существу русского народа! Все такие опасения как в правительстве, так и в обществе происходят оттого, что не знают России и короче знакомы с историей западноевропейской, чем с русской; а потому видят в России западные призраки, которых в ней и быть не может. Такие меры предосторожности со стороны нашего правительства – меры ненужные, не имеющие никакого основания, – непременно вредны, как лекарство, даваемое здоровому, не нуждающемуся в нем человеку. Если они и не произведут того, против чего без нужды принимаются, то они разрушают доверенность между правительством и народом; а это одно – вред великий, и вред напрасный, ибо русский народ, по существу своему, никогда не посягнет на власть правительственную.

II

Но чего же хочет русский народ для себя? Какая же основа, цель, забота его народной жизни, если нет в нем вовсе политического элемента, столь деятельного у других народов? Чего хотел наш народ, когда добровольно призывал варяжских князей «княжить и володеть им»? Что хотел он оставить для себя?

Он хотел оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт – жизнь мирную духа.

Еще до христианства, готовый к его принятию, предчувствуя его великие истины, народ наш образовал в себе жизнь общины, освященную потом принятием христианства. Отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью. Не желая *править*, народ наш желает *жить*, разумеется, не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной – народной жизни внутри себя. Как единый, может быть, на земле народ христианский (в истинном смысле слова), он помнит слова Христа: *воздайте кесарева кесареви, а Божия Богови*; и другие слова Христа: *Царство Мое несть от мира сего*; и потому, предоставив государству царство от мира сего, он как народ христианский избирает для себя иной путь – путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: *Царство Божие внутри вас есть*. Вот причина его беспримерного повиновения власти, вот причина совершенной безопасности

русского правительства, вот причина невозможности никакой революции в русском народе, вот причина тишины внутри России.

Это не значит, что русский народ состоит из праведников. Люди русского народа грешны, ибо человек грешен. Но основания русского человека истинны, но верования его святы, но путь его прав. Всякий христианин грешен как человек, но путь его, как христианина, прав.

Это не значит также, что правительство, власть от мира сего, заграждает по свойству своему путь христианский тем лицам, на которых возлежит правительственная власть. Подвиг человека и христианина возможен для каждого лица правительственного, как для человека и для христианина. Подвиг общественный для правительства заключается в том, что оно обеспечивает для народа нравственную жизнь и блюдет его духовную свободу от всяких нарушений. Высокий подвиг совершает тот, кто бодрственно стоит на страже храма в то время, как в нем совершается богослужение и воссылается общественная молитва, – стоит на страже и отстраняет всякое враждебное нарушение от этого молитвенного подвига. Но сравнение это еще недостаточно полно, ибо правительство отделяется от общественной, неправительственной жизни, как *устройство*: всякое же отдельное правительственное лицо может, как человек, принимать участие в народной, негосударственной жизни.

Итак, русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе *жизнь*, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть общество христианское.

Хотя слова эти не требуют доказательств, ибо здесь достаточно одного пристального взгляда на русскую историю и на современный русский народ, однако можно указать на некоторые, особенно ярко выдающиеся черты. Такою чертою может служить древнее разделение всей России в понимании русского человека на *государствои землю* (правительство и народ) – и оттуда явившееся выражение: *государево и земское дело*. Под *государевым делом* разумелось все дело *управления* государственного – и внешнего, и внутреннего – и по преимуществу дело военное как самое яркое выражение государственной силы. Государева служба доселе значит в народе: служба военная. Под *государевым делом* разумелось, одним словом, все правительство, все государство. Под *земским делом* разумелся весь быт народный, вся жизнь народа, куда относится, кроме духовной, общественной его жизни и материальное его благосостояние: земледелие, промышленность, торговля. Поэтому людьми *государевыми*, или *служилыми*, назывались все те, которые служат в государственной службе, а людьми *земскими* – все те, которые в государственной службе не служат и составляют ядро государства: крестьяне, мещане (посадские), купцы. Замечательно, что и служилые, и земские люди имели свои официальные наименования: служилые люди в просьбах государю, например, назывались его *холопами* – от первого боярина до последнего стрельца. Земские люди назывались его *сиротами*; так писались они в своих просьбах государю. Именования эти вполне выражали значение и того и другого отдела или класса. Слово «*холоп*» получило у нас теперь унижительное и почти бранное значение, но первоначально оно значило не более, как слуга; холоп государев значило:

слуга государев. Итак, весьма понятно, что служилые люди назывались слугами государевыми, слугами начальника государства, к кругу деятельности которого они принадлежали. Что же значило слово «сирота»? Сирота на русском языке не значит orphan¹, ибо часто о родителях, лишившихся детей, говорят, что они осиротели. Следовательно, сиротством выражается беспомощное состояние; сирота есть беспомощный, нуждающийся в опоре, в защите. Понятно отсюда, почему земские люди называются сиротами. Земля нуждается в защите государства и, называя его своим защитником, называет себя нуждающеюся в защите или его сиротою. Так, в 1612 году, когда еще не вступал на престол Михаил Феодорович, когда государство еще не было восстановлено, земля называла себя *сирою, безгосударною* и скорбела о том.

Так же, как доказательство тех же основ русского народа, можно привести мнение поляков, современников 1612 года. Они с удивлением говорят, что русский народ только и толкует, что о вере, а не о политических условиях.

III

Итак, земля русская поручила свою защиту государству в лице государя, да под сению его поживет она тихое и благоденственное житие. Отделив себя от государства, как защищаемое от защищающего, народ, или земля, не хочет переходить рубежа, им же положенного, и желает для себя не правления, но жизни, разумеется, человеческой, разумной: что может быть истиннее, мудрее таких оттошений! Как высоко призвание государства, стремящегося обеспечить народу жизнь человеческую, мирное и безмятежное житие, вытекающее из нравственной свободы, преуспеяние в христианском совершенствовании и разработку всех талантов, данных от Бога! Как высоко стоит откинувший от себя всякое честолюбие, всякое стремление к власти мира сего, и желающий не политической свободы, а свободы жизни духовной и мирного благосостояния! Такой взгляд есть залог мира и тишины, и таков взгляд России, и только России. Все иные народы стремятся к народовластию.

IV

Кроме того, что такое устройство согласно с духом России, следовательно, уже по одному этому для нее необходимо, утвердительно можно сказать, что такое устройство само по себе есть единое истинное устройство на земле. Великий вопрос государственно-народный лучше решен быть не может, как решил русский народ. Призвание человека есть нравственное приближение к Богу, к Спасителю своему; закон человека – внутри его самого; этот закон – полная любовь к Богу и ближнему. Если б таковы были люди, если б они были святы, то тогда не нужно было бы государства, тогда было бы уже Царствие Божие на земле. Но люди не таковы, и, сверх того, не таковы в разной степени; закон внутренний для них недостаточен, и недостаточен опять в разной степени. Разбойник, не имею-

¹ Сирота (*франц.*). От греч. ὀρφανός – сирота, лишенный кого-либо или чего-либо.

щий в душе внутреннего закона и не сдерживаемый законом внешним, может убить честного, добродетельного человека и творить всякое зло. Итак, ради слабости и греховности людской необходим закон внешний, необходимо государство – власть от мира сего. Но призвание человека остается все то же – нравственное, внутреннее: государство служит к тому только пособием. Чем же должно быть государство в понятии народа, который нравственное отрешение ставит выше всего, который стремится к свободе духа, свободе Христовой, – одним словом, чем должно быть государство в понятии народа, в истинном смысле христианского? *Защитой*, а отнюдь не целью властолюбивых желаний.

Всякое стремление народа к государственной власти отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подрывает свободой политической, внешней, свободу духа, внутреннюю. Государствование становится тогда целью для народа, и исчезает высшая цель: внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный подвиг жизни. Правительством народ быть не должен. Если народ – государь, народ – правительство, тогда нет народа.

С другой стороны, если государство в понятии народа – защита, а не цель желаний, то и государство само должно быть этой защитой для народа, оберегать свободу его жизни, да на просторе развиваются в нем все духовные его силы под хранительной сению государства.

V

Государственная власть при таких началах, при невмешательстве в нее народа, должна быть неограниченная. Какую же именно форму должно иметь такое неограниченное правительство? Ответ нетруден: форму монархическую. Всякая другая форма: демократическая, аристократическая – допускает участие народа, одна более, другая менее, и непременно ограничение государственной власти, следовательно, не соответствует ни требованию невмешательства народа в правительственную власть, ни требованию неограниченности правительства. Очевидно, что смешанная конституция, вроде английской, точно так же не соответствует тем требованиям. Если б даже выбраны были, как некогда в Афинах, десять архонтов и им предоставлена была бы полная власть, то и здесь, составляя совет, они не могли бы представить вполне неограниченной власти, они образовали бы правительственное общество, следовательно, форму *народной* жизни, и вышло бы, что огромное народное общество управляется обществом же, только в малом виде. Но общество подлежит своим законам жизни, и лишь жизнь может вносить в него свободное единство; общество же правительственное такого единства иметь не может: единство это сейчас изменяется от правительственного значения, становится или невозможным, или принудительным. Очевидно, что общество правительством быть не может.

Вне народа, вне общественной жизни может быть только лицо (*individu*). Одно только лицо может быть неограниченным правительством, только лицо освобождает народ от всякого вмешательства в правительство. Поэтому здесь необходим государь, монарх. Только власть монарха есть власть неограниченная.

Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе. Такое монархическое правительство и поставил себе народ русский.

Сей взгляд русского человека есть взгляд человека *свободного*. Признавая государственную неограниченную власть, он удерживает за собою свою совершенную независимость духа, совести, мысли. Слыша в себе эту независимость нравственную, русский человек, по справедливости, не есть раб, а человек свободный. Монархическое неограниченное правительство в русском понимании является не врагом, не противником, а другом и защитником свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся в открыто возвещаемом мнении. Только при такой полной свободе может быть народ полезен правительству. Свобода политическая не есть свобода. Только при совершенном отрешении народа от государственной власти, только при неограниченной монархии, вполне предоставляющей народу всю его нравственную жизнь, может на земле существовать свобода истинная народа, та, наконец, свобода, которую даровал нам Искушитель наш: *идеже дух Господень, тут свобода*.

VI

Считая правительство благодетельною, нужною для себя властью, не ограниченную никакими условиями, и признавая его не насильственно, а добровольно и сознательно, русский народ считает правительство, по словам Спасителя, властью от мира сего: только царство Христово не от мира сего. Воздаст русский народ кесарева кесареви, а Божия – Богови. Правительство, как человеческое устройство мира сего, не признает он за совершенство. Поэтому русский народ не воздает царю божеской почести, из царя не творит себе идола и неповинен в идолопоклонстве власти, в котором теперь хочет сделать его повинным непомерная лесть, явившаяся в России с западным влиянием. Эта лесть употребляет самые священные титулы – достояние Божие – на прославление и возвеличение царской власти для народа, понимающего святыню в настоящем значении! Так, например, Ломоносов в одной своей оде говорит о Петре: *он Бог, он Бог твой был, Россия; он члены взял в тебе плотские, сошел к тебе от горних мест*. А у раскольников эти самые слова Ломоносова приводятся против православия, как обвинение. Несмотря на эту лесть, сильно умножающуюся, русский народ (в массе) не изменяет своего истинного воззрения на правительство. Это воззрение, обеспечивая с одной стороны верную, непременную покорность народа правительству, с другой стороны обнажает правительство от того чрезмерного, иногда нечестивого блеска, которым позволяет оно льстецам окружать себя, от того священного сияния, которое присваивается ему даже в христианском мире, так что название государя «*земной Бог*» хотя не вошло в титул, однако допускается как толкование власти царской. Христианство повелевает повиноваться властям предержащим и тем утверждать их; но оно не дает власти того чрезмерного священного значе-

ния, которое возникло впоследствии. Это понимает русский народ и согласно с тем смотрит и на власть правительственную, как бы ни старалась лесть уверять и подданных, и государя, что русские видят в царе земного Бога. Русский народ знает, что *несть власти аще не от Бога*. Как христианин молится за нее, повинуется ей, чтит царя, но не боготворит. Только поэтому и повиновение, и почитание власти в нем прочно и революция в нем невозможна.

VII

Таков трезвый взгляд русского народа на правительство. Но посмотрите на Запад. Народы, оставив там внутренний путь веры и духа, увлекшись тщеславными побуждениями народного властолюбия, поверили в возможность правительственного совершенства, наделали республик, настроили конституций всех родов, развили в себе и тщеславие власти мира сего и обеднели душою, утратили веру и, несмотря на мнимое совершенство своего политического устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному падению, то страшным потрясениям каждую минуту.

VIII

Нам ясно теперь, какое значение имеет в России правительство и какое народ. Другими словами, нам ясно, что Россия представляет в себе две стороны: государство и землю. Правительство и народ, или государство и земля, хотя ясно разграничены в России, тем не менее, если не смешиваются, то соприкасаются. Какое же взаимное их отношение? Прежде всего, народ не вмешивается в правительство, в порядок управления; государство не вмешивается в жизнь и в быт народа, не заставляет народ жить насильственно, по сделанным от государства правилам: странно было бы, если б государство требовало от народа, чтоб он вставал в 7 часов, обедал в 2 и тому подобное. Не менее странно, если б оно требовало, чтоб народ так причесывал свои волосы или носил бы такую одежду. Итак, первое отношение между правительством и народом есть отношение *взаимного невмешательства*. Но такое отношение (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношением положительным между государством и землею. Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охранение жизни народа, есть внешнее его обеспечение, доставление ему всех способов и средств, да процветает его благосостояние, да выразит он все свое значение и исполнит свое нравственное призвание на земле. Администрация, судопроизводство, законодательство – все это, понятое в пределах *чисто государственных*, принадлежит неотъемлемо к области правительства. Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства. Поняв это добросовестно, правительство никогда не посягнет на самостоятельность народной жизни и народного духа. Положительная обязанность народа относительно государства есть исполнение государственных требований, доставление ему сил для приведения в действие государственных намерений, снабжение

государства деньгами и людьми, если они нужны. Такое отношение народа к государству есть только прямое необходимое следствие признания государства: это отношение подчиненное, а не самостоятельное; при таком отношении *народ сам* государству еще *не виден*. Какое же *самостоятельное* отношение неполитического народа к государству? Где государство, так сказать, *видит народ самый*? Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*. В общественном, или народном, мнении нет политического элемента, нет другой силы, кроме нравственной, следовательно, нет и принудительного свойства, противоположного нравственной силе. В общественном мнении (разумеется, выражающем себя гласно) видит государство, чего желает страна, как понимает она свое значение, какие ее нравственные требования и чем, следовательно, должно руководиться государство, ибо цель его – способствовать стране исполнить свое призвание. Охранение свободы общественного мнения как нравственной деятельности страны есть, таким образом, одна из обязанностей государства. В важных случаях государственной и земской жизни для правительства бывает нужно самому вызывать мнение страны, но только *мнение*, которое (разумеется) правительство свободно принять и не принять. *Общественное мнение* – вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству, и вот та живая, нравственная и нисколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством.

Мудрые цари наши это понимали: да будет им вечная за то благодарность! Они знали, что при искреннем и разумном желании счастья и блага стране нужно знать и в известных случаях вызывать ее мнение. И потому цари наши часто созывали земские соборы, состоявшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или другой вопрос, касающийся государства и земли. Цари наши, хорошо понимая Россию, нисколько не затруднялись созывать такие соборы. Правительство знало, что оно чрез то не теряет и не стесняет никаких прав своих, а народ знал, что он чрез то никаких прав ни приобретает, ни распространяет. Связь между правительством и народом не только от того не колебалась, но еще теснее скреплялась. Это были дружественные, полные доверенности отношения правительства и народа.

На земские соборы созывались не одни земские люди, но и служилые или государевы: бояре, окольные, стольники, дворяне и пр.; но созывались они здесь в своем земском значении, в качестве народа, на совет. На земском соборе присутствовало и духовенство, необходимое для общей полноты земли русской. Таким образом, на этот собор собиралась как бы вся Россия и, собранная вся, получала она в этот час основное свое значение – *земли*, от чего и собор назывался *земским*.

Стоит только обратить внимание на эти достопамятные соборы, на ответы выборных, на них присутствовавших: тогда смысл этих соборов, смысл *только мнения* очевиден. Все ответы начинаются в таком роде: «Как поступить в этом случае, это зависит от тебя, государь. *Делай*, как тебе угодно, а наша *мысль* такова». Итак, действие – право государево, мнение – право страны. Для возможно полного благоденствия нужно, чтоб и та, и другая сторона пользовалась своим

правом: чтоб земля не стесняла *действия* государя, чтобы государь не стеснял *мнения* земли.

Так как Россия по призыву своего государя сходилась на эти соборы не из тщеславного желания говорить речи вроде парламентских, не из властолюбия народного – одним словом, не по охоте своей, то она нередко считала такие соборы тяжелым долгом и собиралась на них не всегда скоро. По крайней мере, в грамотах встречаются понуждения в отдаленные города – Пермь или Вятку – о скорейшей присылке выборных для того, что «из-за них стоит государево и земское дело». Но, кроме этих соборов, основатели русского могущества, незабвенные цари наши, везде, где только можно, спрашивали народного мнения. В Москве поднялся хлеб в цене, и царь Алексей Михайлович созывает на Красную площадь купцов посоветоваться с ними о том, как помочь делу. Общественное мнение вызывается правительством при всяком удобном случае: нужно написать устав о *станичной* или *полевой* воинской службе, и повелевается боярину посоветоваться о том со всем станичным войском; выходит постановление правительства, и поручается боярину узнать, как говорит о том народ. Наши цари давали ход общественному голосу и между крестьянами, поручая им выбирать судей, делая повальный обыск, имевший при царях огромное значение, дозволяя, кроме выбранных судей, выборным от народа *присутствовать* на судах и, наконец, давая простор крестьянской сходке во всех внутренних распорядках крестьян.

Так поступая, цари наши передали императорам Россию, освобожденную от ига татар, присоединившую к себе три царства, перенесшую со славою годину 1612 года, возвратившую к себе Малороссию, написавшую Уложение, уничтожившую местничество, которое мешало правительственным распоряжениям, возродившуюся к новой силе и свободную от всяких элементов внутреннего разрушения, крепкую, сильную. Без сомнения, никто не усомнится в неограниченности власти царей наших, ни в совершенном отсутствии революционности в древней России. Многого еще не могли успеть сделать наши цари: надо было долго укреплять Россию после страшных бедствий. Неторопливо, постепенно и прочно совершали мудрые государи свой подвиг, не сходя с русских начал, не изменяя русского пути. Они не чуждались иностранцев, которых никогда не чуждался и народ русский, и старались догнать Европу на пути того просвещения, от которого отстала Россия в двести лет монгольского ига.

Они знали, что для того не нужно переставать быть русскими, не нужно отказываться от своих обычаев, от языка, от одежды, а еще менее от начал своих. Они знали, что просвещение тогда только истинно полезно, когда человек принимает его не подражательно, а самостоятельно. Царь Алексей Михайлович усилил дипломатические сношения с европейскими державами, выписал иностранные журналы; при нем построен был первый русский корабль «Орел»; его бояре были уже люди образованные; просвещение тихо и мирно начинало распространяться. Царь Феодор Алексеевич положил в Москве начало высшему училищу, или университету, хотя под другим названием, а именно: он завел Славяно-Греко-Латинскую академию, устав которой был написан знаменитым Симеоном Полоцким.

IX

Теперь должно сказать о той эпохе, когда со стороны правительства, а не народа, были нарушены начала гражданского устройства России, когда был оставлен русский путь. Последний царь Феодор Алексеевич созывал в короткое царствование свое два собора: собор одних служилых людей об местничестве, как дел, касавшемся только людей служилых, а не земли, и собор земский для уравнивания податей и служб по всей России. Во время этого второго собора царь Феодор Алексеевич умер. Известно, что по желанию царя меньшей брат его, Петр, был выбран на царство. Вероятно, этот же земский собор, находившийся в то время в Москве, утвердил Петра царем согласно желанию Феодора Алексеевича. Как бы то ни было, только этот земский собор распускается от имени Петра, тогда еще малолетнего, но через несколько лет Петр начал и сам действовать.

У меня нет намерения входить в историю Петровского переворота; нет намерения восставать на величье Петра, величайшего из великих людей. Но переворот Петра, несмотря на весь внешний блеск свой, свидетельствует, какое глубокое внутреннее зло производит величайший гений, как скоро он действует одиноко, отдаляется от народа и смотрит на него, как архитектор на кирпичи. При Петре началось то зло, которое есть зло и нашего времени. Как всякое не излеченное зло, оно усилилось с течением времени и составляет опасную коренную язву нашей России. Я должен определить это зло.

Если народ не посягает на государство, то и государство не должно посягать на народ. Только тогда союз их прочен и благодатен. На Западе идет эта постоянная вражда и тяжба между государством и народом, не понимающим своих отношений. В России этой вражды и тяжбы не было. Народ и правительство, не смешиваясь, жили в благоденственном союзе; бедствия были или внешние, или происходили от несовершенства природы человеческой, а не от ложного пути, не от смешения понятий. Русский народ так и остался верен своему взгляду и не посягнул на государство, но государство в лице Петра посягнуло на народ, вторгнулось в его жизнь, в его быт, изменяло насильственно его нравы, его обычаи, самую его одежду; сгоняло через полицию на ассамблеи; ссылало в Сибирь даже портных, шивших русское платье.

Служилые люди, соединенные прежде в своем частном, негосударственном значении с землею единством понятий, образа жизни, обычаев и одежды, всего более подвергались насильственным требованиям Петра именно со стороны жизненной, нравственной, и переворот осуществился в них во всей силе. Хотя те же требования от правительства простирались и на все сословия, даже на крестьян, но не столь настойчиво, и впоследствии оставлено было намерение, уже высказанное, чтобы ни один крестьянин не смел въезжать в город с бороною: за бороду стали вместо того брать пошлину.

Наконец, земским людям оставлена была возможность ходить и жить по-прежнему, но положение их в России совершенно изменилось. Произошел общественный разрыв. Служилые люди, или верхние классы, оторвались от русских начал, понятий, обычаев, и вместе от русского народа, – зажили, оделись, загово-

рили по-иностранному. Москва стала негодна государю, и он перенес столицу на край России, в новый, построенный им город, – Санкт-Петербург, которому он дал и название немецкое. В Петербурге около государя образовалось целое пришлое население новообразованных русских – чиновников, лишенных даже почвы народной, ибо туземное население Петербурга – иностранное.

Так совершился разрыв царя с народом, так разрушился этот древний союз земли и государства; так вместо прежнего союза образовалось *иго* государства над землею, и русская земля стала как бы завоеванной, а государство – завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободноподданный народ – значение раба-невольника в своей земле!

Новообразованные русские, увлеченные частью насилием, частью соблазном на иностранный путь, скоро сжились со своим положением, ибо вольность заемных нравов, тщеславие, блеск света, наконец, новые права дворянские сильно льстили страстям и слабости человеческой. Презрение к России и к русскому народу скоро стало как бы принадлежностью образованного русского человека, целью которого было подражание Западной Европе. В то же время новообразованные русские, подпав государственному гнету даже со своей жизненной, с нравственной стороны и став в новое, в рабское отношение к власти, ощутили в себе политическое властолюбие.

В классах, оторванных от народного быта, преимущественно в дворянстве, сейчас обнаружилось стремление к государственной власти; пошли революционные попытки и, чего не бывало прежде, престол российский стал незаконным игрищем партий. Незаконно вошла на престол Екатерина и незаконно призвана была Анна, причем аристократия задумала было и конституцию, но конституция, к счастью, не состоялась. С помощью солдат вошла на престол Елизавета. Нужно ли говорить о низложении Петра III? Наконец, как плод нерусских начал, внесенных Петром, явилось восстание 14 декабря, – восстание верхнего, оторванного от народа класса, ибо солдаты, как известно, были обмануты.

Так действовало верхнее сословие, отказавшееся от русских начал. Как же действовал народ, не изменивший русским началам: купцы, мещане и, в особенности, крестьяне, которые более всех остались верны русскому быту и духу?

Народ все это время, как и следовало ожидать, был спокоен. Это спокойствие не лучшее ли доказательство, как противна всякая революция русскому духу? Восставали дворяне, но когда восставал крестьянин против государя? Восставала бритая борода и немецкий костюм, но когда же восставала русская борода и кафтан?

Стрелецкие бунты при Петре составляют явление особое; это было, скорее, буйство, чем бунт; к тому же стрельцы не нашли себе опоры в народе; напротив, войско, набранное из народа (из даточных), ревностно стало против стрельцов и разбило их. Чтоб привлечь на свою сторону холопей, стрельцы изорвали кабальные записи и разбросали по улицам, но и холопы объявили, что они не хотят такой свободы, и пошли на стрельцов.

Итак, самовольное стрелецкое буйство оскорбляло прежде всего народ, и

он не только стрельцов не поддерживал, но даже был против них. В позднейшее время можно, правда, указать на одно страшное восстание, но чье имя было обманчивым знаменем этого восстания? Имя государя Петра III, имя законного государя. Ужели и это не убедит в совершенной антиреволюционности русского народа – истинной опоры престола?

Да! Пока русский народ остается русским, до тех пор тишина внутренняя и безопасность правительства обеспечены. Но петровская система и вместе иностранный дух, с нею нераздельный, продолжают действовать, и мы видели, какое действие производят они в той массе русских людей, которую увлекли. Мы видели, как с чувством рабским, которое порождает власть правительственная, входящая в самую жизнь человека, как с этим рабским чувством соединяется чувство бунтовщика, ибо раб не видит рубежа между собою и правительством, который видит человек свободный, живущий внутреннею самостоятельную жизнью; раб видит только одну разницу между собою и правительством: он угнетен, а правительство угнетает; низкая подлость всякую минуту готова перейти в наглую дерзость; рабы сегодня – бунтовщики завтра; из цепей рабства куются беспощадные ножи бунта.

Русский народ, простой народ собственно, держится своих древних начал и противится доселе и рабскому чувству, и иностранному влиянию верхнего класса. Но Петровская система продолжается уже полтора столетия; она начинает, наконец, проникать и в народ своею, по-видимому, пустою, но вредною стороною. Уже и в некоторых селах бросают русскую одежду, уже и крестьяне начинают говорить о моде, а вместе с этими пустыми, по-видимому, делами, входит чуждый образ жизни, чуждые понятия и шатаются исподволь русские начала.

Как скоро правительство отнимает постоянно *внутреннюю, общественную свободу* народа, оно заставит, наконец, искать свободы внешней, политической. Чем долее будет продолжаться Петровская правительственная система – хотя по наружности и не столь резкая, как при нем – система, столь противоположная русскому народу, вторгающаяся в общественную свободу жизни, стесняющая свободу духа, мысли, мнения и делающая из подданного раба, тем более будут входить в Россию чуждые начала, тем более людей будет отставать от народной русской почвы, тем более будут колебаться основы русской земли, тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат наконец Россию, когда она перестанет быть Россией. Да, опасность для России одна: *если она перестанет быть Россиею* – к чему ведет ее постоянно теперешняя Петровская правительственная система. Дай же Бог, чтобы этого не было.

Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением; он внес в ее жизнь семена разрушения, вражды. Да и все внешние славные дела совершил он и преемники его – силами той России, которая возрела и окрепла на древней почве, на других началах. Доселе солдаты наши берутся из народа, доселе еще не во все исчезли русские начала и в преобразованных русских людях, подверженных иностранному влиянию. Итак, Петровское государство побеждает с силами еще допетровской России; но силы эти слабеют, ибо Петровское влияние растет в на-

роде, несмотря на то, что правительство стало говорить о русской национальности и даже требовать ее. Но для того, чтобы благое слово обратилось в благое дело, нужно понять дух России и стать на русские начала, отвергнутые со времени Петра. Внешнее величие России при императорах – точно блестящее, но внешнее величие тогда прочно, когда истекает из внутреннего. Нужно, чтобы источник был не засорен и не оскудевал. Да и какой внешний блеск может вознаградить за внутреннее благо, за внутреннюю стройность? Какое внешнее непрочное величие и внешняя ненадежная сила могут сравниться с внутренним прочным величием, с внутреннею надежною силою? Внешняя сила может существовать, пока еще внутренняя, хотя и подрываемая, не исчезла. Если внутренность дерева вся истлела, то наружная кора, как бы ни была крепка и толста, не устоит, и при первом ветре дерево рухнет ко всеобщему изумлению. Россия держится долго потому, что еще не исчезла ее внутренняя долговечная сила, постоянно ослабляемая и уничтожаемая; потому, что еще не исчезла в ней допетровская Россия. Итак, внутреннее величие – вот что должно быть первой главной целью народа и, конечно, правительства.

Х

Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашивается мнения народа, но всякий частный человек опасается говорить свое мнение.

Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу. Народ в каждом действии правительства готов видеть новое угнетение; правительство постоянно опасается революции и в каждом самостоятельном выражении мнения готово видеть бунт; просьбы, подписанные многими или несколькими лицами, у нас теперь не допускаются, тогда как в древней России они-то бы и были уважены. Правительство и народ не понимают друг друга, и отношения их недружественны. И на этом-то внутреннем раздоре, как дурная трава, выросла непомерная, бессовестная лесть, уверяющая во всеобщем благоденствии, обращающая почтение к царю в идолопоклонство, воздающая ему, как идолу, божескую честь.

Один писатель выразился в «Ведомостях» подобными словами: «Детская больница была освящена по обряду православной Церкви; в другой раз была освящена посещением государя императора». Принято выражение, что «государь изволил приобщаться Святых Таин», тогда как христианин иначе сказать не может, что он *сподобился* или *удостоился*. Скажут, это некоторые случаи; нет, таков у нас всеобщий дух отношений к правительству. Это только легкие примеры поклонения земной власти; этих примеров имеется слишком довольно и в словах и в делах; их исчисление составило бы целую книгу. При потере взаимной искренности и доверенности все объяла ложь, везде обман. Правительство не может, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; без свободы обществен-

ного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать и неизвестно до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж – страшны. Это до того вошло, так сказать, в воздух, что у нас не только те воры, кто бесчестные люди, нет, очень часто прекрасные, добрые, даже в своем роде честные люди – тоже воры: исключений немного. Это сделалось уже не личным грехом, а общественным; здесь является безнравственность самого положения общественного, целого внутреннего устройства.

XI

Все зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы мнения, свободы нравственной, ибо на свободу политическую и притязаний в России нет. Пнет всякого мнения, всякого проявления мысли дошел до того, что иные представители власти государственной запрещают изъяслять мнение, даже благоприятное правительству, ибо запрещают всякое мнение. Они не позволяют даже хвалить распоряжения начальства, утверждая, что до одобрения подчиненных начальству дела нет, что подчиненные не должны сметь рассуждать и даже находить хорошими то или другое в своем правительстве или начальстве. К чему же ведет такая система? К полному безучастию, к полному уничтожению всякого человеческого чувства в человеке; от человека не требуют даже того, чтоб он имел хорошие мысли, а чтоб он не имел никаких мыслей. Эта система, если б могла успеть, то обратила бы человека в животное, которое повинуется не рассуждая и не по убеждению! Но если б люди могли быть доведены до такого состояния, то неужели найдется правительство, которое предположит себе такую цель? Тогда в человеке погиб бы человек: из чего же живет человек на земле, как не из того, чтобы быть человеком, в возможно полном, возможно высшем смысле? Да и к тому же люди, у которых отнято человеческое достоинство, не спасут правительства. В минуты великих испытаний понадобятся люди, в настоящем смысле; а где оно тогда возьмет людей, где возьмет оно сочувствия, от которого отучило, дарований, одушевления, духа, наконец?..

Но доведение людей до животного состояния не может быть сознательною целью правительства. Да и дойти до состояния животных люди не могут; но в них может быть уничтожено человеческое достоинство, может отупеть ум, огрубеть чувство, – и, следовательно, человек приблизится к скоту. К тому ведет, по крайней мере, система угнетения в человеке самобытности жизни общественной, мысли, слова. Такая система, пагубно действуя на ум, на дарования, на все нравственные силы, на нравственное достоинство человека, порождает внутреннее неудовольствие и уныние. Та же угнетательная правительственная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы. «Моя совесть», – скажет человек. «Нет у тебя совести, – возражают ему, – как смеешь ты иметь свою совесть? Твоя совесть – государь, о котором ты и рассуждать не должен». «Мое отечество», – скажет человек. «Это не твое дело, – го-

ворят ему, – что касается России, до тебя без дозволения не касается, твое отечество – государь, которого ты и любить свободно не имеешь, а которому ты должен быть рабски предан». «Моя вера», – скажет человек. «Государь есть глава Церкви, – ответят ему (вопреки православному учению, по которому глава Церкви – Христос). Твоя вера – государь». «Мой Бог», – скажет, наконец, человек. «Бог твой – государь, он есть земной Бог!».

И государь является какою-то неведомою силою, ибо об ней и говорить, и рассуждать нельзя, и которая, между тем, вытесняет все нравственные силы. Лишенный нравственных сил, человек становится бездушен и с инстинктивной хитростью где может – грабит, ворует, плутует.

Эта система не всегда обнаруживается ярко и откровенно; но внутренний смысл ее, но дух ее таков и нисколько не преувеличен.

Велика внутренняя порча России, порча, которую лести старается скрыть от взоров государя, сильно отчуждение правительства и народа друг от друга, которое также скрывают громкие слова рабской лести. Вторжение правительственной власти в общественную жизнь продолжается; народ заражается более и более, и общественное развращение усиливается в разных своих проявлениях, из которых взяточничество и служебное воровство стало почти всеобщим и как бы делом признанным. Тайное неудовольствие всех сословий растет...

ХII

И отчего все это? – Все это даром! Все это от непонимания народа, от нарушения правительством того необходимого разграничения между им и народом, при котором только и возможен крепкий, благодатный союз с обеих сторон. Все это может поправиться легко, по крайней мере, в существенных отношениях.

Прямое целение на современное зло, возникшее в России, – это *понять Россию* и возвратиться к русским основам, согласным с ее духом. Прямое целение против болезни, порождаемой противоестественным для России образом действий, – это оставить противоестественный образ действий и возвратиться к образу действий, согласному с понятиями, с существом России.

Как скоро правительство поймет Россию, так оно поймет, что всякое побуждение к государственной власти противно духу русского народа; что страх какой-нибудь революции в России есть страх, не имеющий ни малейшего основания, и что множество шпионов распространяют около себя только безнравственность; что правительство неограниченно и безопасно именно по убеждению русского народа. Народ желает для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмешиваясь в государственную власть, он желает, чтоб государство не вмешивалось в самостоятельную жизнь быта его и духа, в которую вмешивалось и которую гнело правительство полтора столетия, доходя до мелочей, даже до одежды. Нужно, чтоб правительство поняло вновь свои коренные отношения к народу, древние отношения государства и земли и восстановило их. Ничего более не нужно. Так как эти отношения нарушены только со стороны правительства, вторгнувшегося в народ, то оно может это нарушение отстранить. Это не трудно и не сопряжено ни

с каким насильственным действием. Стоит лишь уничтожить гнет, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. Тогда возобновится сам собою полный доверенности и искренний союз между государем и народом. Наконец, в довершение этого союза надобно, чтобы правительство не удовлетворялось тем, что мнение народное существует, само захотело знать это народное мнение и в известных случаях само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях.

Я сказал, что правительству следует иногда самому вызывать мнение страны. Значит ли это, что нужно созвать земский собор?

Нет. Созвать в настоящее время земский собор было бы делом бесполезным. Из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но стоит написать имена этих сословий, чтобы почувствовать, как далеки они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними. Дворяне полтора-два года уже как отделились от основ народных и смотрят на крестьян большею частию или с гордым презрением, или как на источник своих доходов. Купцы, с одной стороны, подражают дворянам и, подобно им, увлекаются Западом, – с другой стороны, держатся какой-то своей, ими самими установленной старины, которая носит жилет сверх русской рубахи и при русских сапогах – галстук и длиннополый сюртук; такая одежда служит символом их понятий, представляющих подобную же смесь. Мещане составляют бледное подобие купцов; это самый жалкий класс во всей России, и притом самый разнохарактерный. Крестьяне, давно удаленные от всякого соприкосновения с историею, участвуют в ней лишь податями и рекрутскими: они одни преимущественно сохранили основы русского быта в его чистоте, но что могли бы сказать они, так долго молчавшие? На земском соборе должен быть голос всей русской земли, а сословия дать теперь такого голоса не могут.

Итак, в настоящую минуту земский собор бесполезен и созывать его теперь не нужно. В настоящее время возможно и было бы истинно полезно, если б правительство созывало отдельные собрания сословий в известных случаях по какому-нибудь вопросу, касающемуся отдельно того или другого сословия; например, собрание выборных от купечества по вопросу о торговле. Надобно, чтоб правительство созывало такие собрания нарочно с этою целью, предлагая тот или другой вопрос на обсуждение.

Существующие собрания дворянства, купечества и мещанства получили уже особенный свой смысл в полуторастолетний период, – и мнение не привыкло быть на них правдивым и откровенным; оно не будет, может быть, таким даже и тогда, если б правительство вздумало на них предложить какой-нибудь вопрос на рассуждение. Поэтому, думаю я, лучше собирать нарочные собрания того или другого сословия, когда представится вопрос, на который правительство сочтет нужным спросить мнения сословия.

Такие собрания, как и земские соборы (когда земские соборы станут возможными), не должны быть обязанностью для правительства и не должны быть периодичны. Правительство созывает соборы и требует мнения, когда вздумает. В настоящее время земский собор может быть для правительства заменен до некоторой степени общественным мнением.

В настоящее время в общественном мнении может правительство почерпнуть те нужные для него указания и сведения, которые яснее способен изложить земский собор, когда он будет возможен.

Давая свободу жизни и свободу духа стране, правительство дает свободу общественному мнению. Как же может выразиться общественная мысль? Словом устным и письменным. Следовательно, необходимо снять гнет с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысль и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что ему принадлежит: свою доверенность и силу.

Человек создан от Бога существом разумным и говорящим. Деятельность разумной мысли, духовная свобода есть призвание человека. Свобода духа более всего и достойнее всего выражается в свободе слова. Поэтому – свобода слова, вот неотъемлемое право человека.

В настоящее время слово, этот единственный орган земли, находится под тяжким гнетом. Наибольший гнет тяготее над слогом письменным (я разумею и печатное слово). Понятно, что при такой системе цензура должна была дойти до невероятных несообразностей. И точно, многочисленные примеры таких нецелесообразностей известны всем. Надобно, чтобы этот тяжкий гнет, лежащий на слове, был снят.

Разумеется ли под этим уничтожение цензуры? Нет. Цензура должна остаться, чтобы охранять личность человека. Но цензура должна быть как можно более свободна относительно мысли и всякого мнения, как скоро оно не касается личности. Я не вхожу в обозначение пределов этой свободы, но скажу только, что чем шире будут они, тем лучше. Если найдутся злонамеренные люди, которые захотят распространить вредные мысли, то найдутся люди благонамеренные, которые обличат их, уничтожат вред и тем доставят новое торжество и новую силу правде. Истина, действующая свободно, всегда довольно сильна, чтоб защитить себя и разбить в прах всякую ложь. А если истина не в силах сама защитить себя, то ее ничто защитить не может. Но не верить в победоносную силу истины значило бы не верить в истину. Это безбожие своего рода, ибо Бог есть истина.

Со временем должна быть полная свобода слова – и устного, и письменного, когда будет понято, что свобода слова неразрывно соединена с неограниченной монархией, есть ее верная опора, ручательство за порядок и тишину, и необходимая принадлежность нравственного улучшения людей и человеческого достоинства.

Есть в России отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество. Я не предлагаю здесь о том своих мыслей, ибо это не было моей целью при сочинении этой записки. Я указываю здесь на самые основы внутреннего состояния России, на то, что составляет главный вопрос и имеет важнейшее общее действие на всю Россию. Скажу только, что истинные отношения, в которые станет государство к земле, что общественное мнение, которому дается ход, оживя весь организм России, подействует целительно и на эти язвы; в особенности же на взяточничество, для которого так страшна гласность общественного мнения. Сверх того, общественное

мнение может указать на средства против зол народных и государственных, как и против всяких зол.

Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землей, на прочном основании истинных коренных русских начал.

Правительству – неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу – полная свобода жизни, и внешней, и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству – право действия* и, следовательно, закона; *народу – право мнения* и, следовательно, слова.

Вот русское гражданское устройство! Вот единое истинное гражданское устройство!

*Публикуется по изданию:
Ранние славянофилы. Вып. V / Сост. Н.Л. Бродский.
М., 1910. С. 69–96.*

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

ОПЫТ СИНОНИМОВ¹ публика – народ

1857 г.

Было время, когда у нас не было публики... Возможно ли это? – скажут мне. Очень возможно и совершенно верно: у нас не было *публики*, а был *народ*. Это было еще до построения Петербурга. Публика – явление чисто западное и была заведена у нас вместе с разными нововведениями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась от русской жизни, языка и одежды и составила публику, которая и всплыла над поверхностью. Она-то, публика, и составляет нашу постоянную связь с Западом: выписывает оттуда всякие, и материальные и духовные наряды, преклоняется пред ним как перед учителем, занимает у него мысли и чувства, платя за это огромною ценою: временем, связью с народом и самую истинную мысли. Публика является над народом как будто его привилегированное выражение; в самом же деле публика есть искажение идеи народа. Разница между публикою и народом у нас очевидна (мы говорим вообще, исключения сюда нейдут).

¹ Впервые опубликовано в газете «Молва» (1857, № 36 (14 декабря). Первоначально автор предполагал написать обширную статью (под общим заглавием «Синонимы»), затем окончание этой статьи напечатал самостоятельно в качестве передовой № 9 «Молвы» («Молва», 5 июня), а начало предельно сократил и насытил очень емким внутренним смыслом. Уже передовая № 9 вызвала неодобрение властей. Чиновник особых поручений Волков в рапорте от 20 июля 1857 г. на имя товарища министра народного просвещения обратил внимание на предосудительность содержащихся в этой заметке «суждений о простом народе»; этот рапорт вызвал соответствующее распоряжение представлять «его сиятельству номера сей газеты, содержащие... сомнительные места». В первой половине августа этот материал был доложен царю, в результате чего цензор «Молвы» Н.П. Гиляров-Платонов получил «строжайшее замечание». Появление статьи «Опыт синонимов...» вызвало настоящую бурю. 23 декабря 1857 г. министр народного просвещения А.С. Норов в своем циркуляре на имя попечителя Московского учебного округа заметил об этой статье: «Подобные определения, писанные в духе исключительности и пристрастия, могут только служить к возбуждению враждебных соотношений между различными сословиями общества. Выставлять низших членов общества образцами всех возможных добродетелей, а высших, по мере возвышения их на ступенях гражданского устройства, примерами всех возможных недостатков и нравственных слабостей в одном смысле легкомысленно и несправедливо, а в другом вредно и пагубно по последствиям, которые подобные лжеумственные парадоксы могут повлечь за собой». В циркуляре от 26 декабря А.С. Норов приводил резолюцию царя: «Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объявить редакции «Молвы», что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редакторы и цензор подвергнутся строгому взысканию» (цит. по ст.: Рейфман П.С. К истории славянофильской журналистики 1840–1850 гг. Статья шестая // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 645, 1985. С. 140–142). Это «строжайшее замечание» императора вызвало в конечном итоге прекращение издания «Молвы». К. Аксаков предполагал ее издавать и в 1858 г., но официальный редактор С.М. Шпилевский от должности отказался, а нового редактора (губернского секретаря Н.М. Павлова) цензурный комитет не утвердил. В январе 1858 г. в газетах появилось сообщение: «По особым непредвиденным обстоятельствам издание газеты «Молва» на 1858 год прекращается» («Северная пчела», 1858, № 18, 23 января) (прим. изд. 1995 г.).

Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что она принимает чужое, принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совершенно самостоятелен; а если что примет чужое, то сделает это своим, *усвоит*. У публики свое обращается в чужое. У народа чужое обращается в свое. Часто, когда публика едет на бал, народ идет ко всеобщей; когда публика танцует, народ молится. Средоточие публики в Москве – Кузнецкий мост. Средоточие народа – Кремль.

Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки, народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики – парижские моды. У народа – свои русские обычаи. Публика (большею частью, по крайней мере) ест скоромное; народ ест доступное. Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большею частью ногами по паркету); народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ; народ прощает публике. Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща; народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи. У публики – свет (*monde*, балы и пр.); у народа – мир (*sходка*). Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас – почтеннейшая, народ – православный.

«Публика, вперед! Народ, назад!» – так воскликнул многозначительно один хожалый¹.

*Публикуется по изданию:
Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика.
М., 1995. С. 402–403.*

¹ Хожалый – «рассыльный, кто ходит с приказаньями, разносит бумаги и пр.; полицейский солдат, городской, служитель при полиции» (В.И. Даль).

ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ ДОЛГОРУКОВ

О ПЕРЕМЕНЕ ОБРАЗА ПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

1862 г.

I

В настоящее время в России оказывается повсеместный разлад, повсеместная неопределенность взаимных отношений, всеобщее безденежье, всеобщее убеждение в политической несостоятельности петербургского правительства и в его тупоумии. Естественными и неизбежными последствиями этих убеждений являются: неуважение к правительству в его нынешней, отжившей форме и справедливая боязнь грядущего, грядущего весьма близкого.

В эпоху великих политических переворотов, подобную той, которую ныне переживает Россия, первый долг граждан разумных и любящих отечество состоит в отыскивании способов, могущих содействовать перевороту совершиться и достигнуть цели, но с возможно наименьшим ущербом, во-первых, для отечества, а во-вторых, и для частных лиц. Чем вихорь событий будет наименее буреломным, тем лучше...

Великое, громадное событие уничтожения крепостного состояния, событие, с коего начнется для России новая эпоха, совершится вполне в феврале предбудущего 1863 года. Много ошибок сделано при составлении Положения о крестьянах; много вошло в это Положение и детско-необдуманного, и бюрократическо-нелепого, и политическо-неразумного. Но каково бы оно ни было, оно издано и вошло в законную силу. Теперь предстоит в отношении к этому Положению указать на сделанные в нем ошибки; стараться исправить эти ошибки, и из самого Положения извлечь для России пользу, какая только возможна...

III

Но этого совершить нельзя, доколе в России существует самодержавие. Мы видим ясно, до чего этот образ правления довел отечество наше. Занимая девятую часть земного шара; населенная (со включением Царства Польского и Великого Княжества Финляндского) слишком семидесятью пятью миллионами людей, Россия, без правосудия, с администрациею, которая не что иное, как организованный грабеж, без денег, без кредита государственного, без кредита частного, упала с чреды первостепенной державы на чреду державы второстепенной; не в состоянии вести войны и, следовательно, утратила свой вес в делах политики

внешней...

В это болото Россия введена самодержавием, и для выхода из болота самодержавие оказывается совершенно бессильным.

Выйти из этого болота Россия может лишь только общими, дружными усилиями всех сынов своих, содействием *всего земства*, то есть установлением законного порядка; порядка, основанного не на произволе, а на законах и на общественном мнении, одним словом, введением конституции...

Без отмены крепостного состояния конституция была невозможною, ввести ее при крепостном состоянии значило предавать большинство русских на жертву меньшинству; значило пытаться основать здание свободы на фундаменте рабства, что никак не могло быть прочным...

Но с отменением крепостного состояния конституция неизбежна, необходима, и так как без нее Россию невозможно вывести из болота, в коем мы погрязли, то надобно спешить введением конституции... Отечество в опасности: надобно спасать его, а без введения законного порядка спасение невозможно.

Злейшими врагами введения конституционного образа правления являются царская дворня и чиновная орда, потому что обе они язвы России; обе пользуются нынешними беспорядками для наполнения своих карманов; и не только ловят рыбу в мутной воде, но еще нарочно мутят воду для удобнейшего рыболовства. С этими государственными злодеями толковать нечего: вразумлять их – значит толочь воду; против них Россия должна была бы действовать дружно и сильно, и чем дружнее, чем сильнее, тем лучше...

Но кроме чиновной орды, кроме царской дворни, кроме всей этой сволочи, коей не следует давать ни отдыха, ни пощады, встречается еще некоторое число людей честных и благонамеренных, которые, при всей чистоте своих желаний, не одарены ни мужеством, ни энергиею, ни большим умом, и по слабости ума и характера боятся конституции, повторяя несколько стереотипных фраз об опасности вводить ныне в России конституционный образ правления. Они твердят: Россия еще не доросла, не дозрела до конституции; народ наш необразован; сперва надобно приготовить народ к установлению законного порядка вещей; в конституционном порядке будет преобладать дворянство; у нас еще нет среднего сословия; у нас мало людей способных; Россия слишком обширна...

Рассмотрим эти семь доводов против немедленного введения конституции в России, предлагаемых людьми честными, но нерешительными и недалекими.

IV

Уверяют, *будто бы Россия не дозрела до конституции*. Но разве конституционный образ правления возможен лишь для тех народов, которые достигли полного своего развития? Нет: конституционный образ правления – наилучшее для народов средство идти к своему развитию, и, сверх того, он сам по себе еще не составляет высшего развития человечества, а только служит приуготовлением к нему. Для всякого человека, который со смыслом читал Евангелие, эту книгу Веч-

ной Истины, ясно и неоспоримо, что род человеческий стремится в грядущем, более или менее отдаленном, ко всеобщему братству, то есть к республике, и все прочие образы правления, какие бы они ни были, суть только переходные. Главный вопрос не только для людей государственных, но и для всех людей мыслящих заключается лишь в том, на какое пространство времени полезны переходные образы правления и в какой именно момент исторической жизни народа следует переходить от одного образа правления к другому? Самодержавие, первобытный образ правления почти всех государств, полезно и почти необходимо для скрепления воедино различных и часто весьма разнородных частей государства: самодержавие нужно, чтобы спаять эти части воедино. Но проходит время: государство спаяно воедино; самодержавие совершило свое историческое дело; являются новые потребности в обществе; становится необходим новый порядок государственный; является необходимость в правлении правильном, основанном не на воле одного лица, а на законах, которые непременно были бы выражением общественного мнения: этого самодержавие дать не может ни под каким видом, даже при самодержце самом добром и самом честном (Александр II¹ тому живой пример). О дурных же самодержцах, или о безумных, подобных Павлу и Николаю², уже и говорить ничего. Если самодержавие, исполнившее свою историческую задачу и отжившее свой век, продолжает существовать, то заводит страну в политическое болото, чему Россия и служит ныне примером. Самодержавие, отжившее свой век, должно уступить место правлению конституционному, которое, в свою очередь, должно развивать в стране чувство законности, чувство любви к долгу, чувство самоуважения, без коих нет граждан, достойных этого имени. Конституционный образ правления, довершая гражданское воспитание страны, служит наилучшим приготовлением к окончательному политическому переходу, то есть переходу к республике, которая, разумеется, есть окончательная и высшая цель гражданских обществ, но к коей гораздо безопаснее приближаться постепенно. Быстрый скачок от самодержавия, которое уже окончило свою историческую задачу, следовательно, утратило всю свою пользу и потому соделалось уже положительно вредным и даже опасным, прямо к республике нам кажется весьма рискованным, потому что не может совершиться без глубокого потрясения всего государственного организма: едва ли может подобный скачок совершиться в России без бури, без крови, не поставив всего вверх дном, и потому мы предпочли бы еще на несколько человеческих поколений образ правления монархически-конституционный. Если бы Александр II согласился осчастливить отечество этим образом правления, то переход совершился бы мирно и благополучно для всех, начиная с царского семейства, коему, в случае упрямства государя, грозят большие беды. Но если Александр II не захочет даровать России конституцию, то переворот произойдет и без него, но тогда, разумеется, совершится с треском, с громом, с буреломом и, вероятно, с кровью. Это будет весьма горестно, но кто же

¹ Александр II (1818–1881) – император (с 1855 г.). Осуществил отмену крепостного права (1861 г.), провел ряд реформ (земская, судебная, цензурная, университетская, гимназическая, военная и др.), затронувших все стороны жизни страны и способствовавших ее бурному развитию в конце XIX – начале XX в. Убит народолюбцами в Петербурге.

² Николай I (1796–1855) – император (с 1825 г.).

виноват? Мы видим из истории, что отживший порядок вещей нигде продолжаться не может; когда здание ветхо и качается от ветра, надо поспешнее выстроить новое здание: если хозяин заупрямится, то упрямством своим он вовсе не поддержит ветхого здания, которое неминуемо рухнет, да еще, пожалуй, при падении и хозяина раздавит...

V

Уверяют, *будто в России конституция невозможна потому, что народ не образован*. Но разве народ в Молдавии, в Валахии, в Греции, в Испании, в Португалии, в Бразилии, образованнее нашего народа? Нимало. А между тем, во всех этих странах правление конституционное. Тому, кто не жил во Франции, трудно поверить, до какой степени простирается необразованность низшего класса французской нации. Что же касается до умственных способностей, то в этом отношении русский народ, бесспорно, занимает одно из первых мест между всеми племенами, какими только населен шар земной! Возьмите в пример такое учреждение чисто русское, как *артель*. Западная Европа бьется изо всех сил, чтобы придумать, на каких именно основаниях следует устанавливать ассоциации? Но этот важнейший вопрос русский человек давно уже разрешил своею артелью. Если он умеет выбирать тех, кому вверяет свои ближайшие дела, свое обыденное существование, то каким же образом не сумеет он избрать депутатов в Думу земскую? Для самоуправления (self-government) необходим ум здравый, ясный, практический, а этими именно свойствами Бог изобильно снабдил ум русского народа...

VI

Уверяют, *будто русский народ сперва надобно приготовить к конституции*. Это одна из величайших нелепостей, какие только нам когда-либо приходилось слышать, а прожив сорок пять лет на белом свете, много приходилось нам слышать нелепостей... Во-первых, мы уже выше говорили, что конституционная форма не составляет последней, самой высшей степени развития человечества, а является лишь одною из высших переходных ступеней к самой высшей. Во-вторых, для конституции, как мы уже сказали, нужен ум ясный и практический, каким и есть ум русского человека. Недавно еще, во все течение последних годов, мы слышали ярые вопли крепостников, защитников рабства: «Нельзя русских людей отпустить на свободу: они злоупотребят ею, погубят себя и других; они еще не дозрели до свободы».

Теперь мы видим, сколь ложны эти опасения, источником для коих служило у некоторых людей тупоумие, а у большей части крепостников корыстолюбие самое бессовестное и самое бесчеловечное. Теперь русским крестьянам сказано слово свободы, и что же? Никогда еще русский крестьянин не являлся в столь отличном виде и не проявлял столь много благонамеренности, как в нынешнее время. Причиною происшедших в некоторых местах беспорядков, конечно, не крестья-

не, а неразумие местных властей и глупость привилегированных холопов с высочайшим вензелем на эполетах по губерниям разосланных. Ни местные власти, ни холопы в эполетах с вензелями, не умели понять, что недоразумения, сами собою возникавшие из нелепо составленного Положения, должны разрешаться не оружием, а разумными объяснениями и убеждениями. Главнейшею же причиною недоразумений было самое Положение о крестьянах, которое, по неразумению одних и по коварству других, составлено нелепо и утверждено высшим правительством по известному детскому маломыслию этого правительства. Тем, которые уверяют, будто русский народ еще не созрел до конституционного порядка, мы ответим словами Маколея¹. Этот великий и глубокомысленный историк, тонкий знаток сердца человеческого, говорит, что если бы какой-нибудь народ еще не созрел до конституции, то вернейшее средство ускорить его зрелость – дать ему конституцию. И в самом деле, странно не давать конституции русскому народу потому, что он не созрел до нее, тогда как он не созрел потому именно, что конституции не имеет!

VII

Уверяют, *будто при конституции вся власть перейдет в руки одного дворянства*. Это возражение всегда возбуждает в нас невольный смех – столь оно нелепо! При конституции право выбора депутатов принадлежать будет всем: и дворянам, и почетным гражданам, и купцам, и мещанам, и крестьянам. Где же тут преобладание дворянства?

Если даже крестьяне, или мещане, или купцы захотят избрать в числе своих представителей и нескольких дворян, то какая же тут беда? Во-первых, каждый волен почтить своим доверием кого ему угодно, иначе выборы были бы не добровольные, а принудительные. Во-вторых, дворяне, выбранные в Земскую думу крестьянами, или мещанами, или купцами, при необходимой публичности заседаний Думы и при неизбежной в то время гласности, не могут не явиться защитниками прав, интересов и личного достоинства тех, которые удостоили их своим доверием; поступая иначе, они наверно знают, что на следующих затем выборах они уже ни под каким видом избраны не будут.

Теперь мы спросим: в чьих руках находится в России власть в настоящее время? Кроме придворных холопов или самых набитых глупцов, ровно ничего не понимающих, никто не скажет, чтобы настоящая, действительная власть находилась в руках царя. Ведь русский царь может делать сколько ему угодно зла и вреда, но добра он почти делать не может. Что Александр Николаевич желает добра и, если делает зло, то бессознательно, это несомненно, но этим доказывается только доброта его честной и благонамеренной натуры: нет ни малейшего сомнения, что самодержец всевластен на зло, а для добра у него руки связаны. Власть в России находится в руках царской дворни и чиновной орды. Мы не скажем, чтобы царская дворня управляла Россиею: нет; Россиею никто не управляет; в ней путаница везде, и путаница идет сама собою; в России существуют на деле

¹ Маколей Томас (1800–1859) – английский историк, публицист, политический деятель.

два монарха, два могучих рычага организованной анархии, именуемой русскою государственною жизнью; анархии, на петербургском, монголо-голландском официальном языке именуемой «всеобщим благоустройством». Эти два могучих рычага русской жизни, эти два монарха суть: Ее Величество взятка и Ее Величество палка. Кто не дает взятки, по спине того пляшет палка, а хочешь избавиться от палки, давай взятку, и, когда дашь взятку, твори себе что хочешь. Чем взятки крупнее, тем мошеннику вольнее. Взятка взятке рознь; с иною взяткою можно только робко обойти закон, а с другою, более крупною, можно топтать и законы и людей. Даешь взятки – топчешь других, а не даешь взятки – тебя топчут.

Царская дворня грабит Россию через посредство чиновной орды (бюрократии) и через ее же посредство мешает введению благоустроенного порядка. Чиновная орда грабит Россию и, делясь грабежом своим с царскою дворнею, посредством сей последней держит государя в опеке; не позволяет ему ввести правильного, законного образа правления, со введением коего иссяк бы источник всех этих грабежей...

Но, спрашиваем, из кого состоят царская дворня и чиновная орда? Из дворян. Имеют ли другие сословия какое-либо участие в правлении? Ровно никакого. Имеют ли они далее какую-нибудь гражданскую независимость? Ровно никакой. Имеют ли они, по крайней мере, обеспечение в неприкосновенности своей личности? В России нет ни единого человека, неприкосновенность личности коего была бы мало-мальски обеспечена. Государь (читай: царская дворня) может со всякими творить, что ему угодно, а до какой степени обеспечена неприкосновенность личности государя, то доказывается примерами: Иоанна Антоновича¹, Петра III и Павла (не говорим: первого, потому что надеемся, что Павла второго России не видеть).

Но царская дворня и чиновная орда состоят из худшей, гнилой части дворянства. Есть другая, хорошая, честная часть дворянства, не имеющая ни малейшего влияния на ход дел в России. В числе этой честной, здоровой части русского дворянства находится много помещиков, коих и нога никогда не бывала в Зимнем дворце, в этом отхожем месте всероссийского государства, наполненном, по старинному обычаю, всякою мерзостью и служащем для России проводником мерзостей. К честной, здоровой части русского дворянства принадлежат: почти все профессора университетов, почти все русские писатели, почти вся молодежь, вышедшая из университетов, из училища правоведения и из лицеев; наконец, весьма значительное число молодых офицеров. Все эти дворяне не имеют никакого влияния на ход дел в России.

Итак, в настоящее время все влияние находится в руках гнилой, вредной, презренной части дворянства, которая окружает государя и держит его в опеке, а почти все, что только ни есть в дворянстве честного, здорового, свежего, почтенного, – отстранено. Со введением конституции, напротив, открылась бы дорога к власти или, по крайней мере, к законному влиянию на дела отечества, честным и способным людям из всех сословий. И ввиду всего этого враги конституции, по-

¹ Иоанн VI Антонович (1740–1764) – император (в 1740–1741 гг.), правнук царя Ивана V. Свергнут гвардией, заключен в тюрьму; убит при попытке В.Я. Мировича освободить его.

борники бесправия и грабежа осмеливаются говорить, будто со введением конституции вся власть перейдет в руки дворянства? Да разве они принимают русских за олухов, что твердят нам такие нелепости?

Введение конституции, предоставив *равные* гражданские права всем русским, утвердив в России равноправие перед законом, неприкосновенность личности и собственности каждого, и участие всего земства в управлении государством, выставит на вид посредством выборной системы людей умных, способных, честных, знающих свой край и облеченных доверием своих земляков; выставит их на вид без всякого различия состояния, без всякого различия вероисповедания. Не одним только дворянам конституция даст ход, влияние, значение и вес, но и достойным людям из всех сословий без исключения. Не впервые России видеть у себя подобный пример. Когда двести пятьдесят лет тому назад отечество гибло, все земство восстало на спасенье его. Саном главного вождя облечен был князь Пожарский, но душою всего дела земского, руководителем князя Пожарского и всего земства, и настоящим спасителем России явился нижегородский мясник Кузьма Минич Васильев-Сухорукий. Главным сподвижником и советником бессмертного мясника был монах из незнатного дворянского рода – келарь Троицкой Лавры Авраамий Палицын¹.

VIII

Уверяют, будто в России конституция невозможна за отсутствием среднего сословия. Это опять величайшее заблуждение – утверждать, будто в России нет среднего сословия. Не говоря уже о почетных гражданах, о купцах, о мещанах, которые довольно многочисленны и из числа коих почетные граждане, например, обладают почти всеми капиталами, в России находящимися (а кто будет оспаривать огромную важность капиталов в наш век?), мы спросим, не следует ли при политических соображениях считать средним сословием и бедных дворян, составляющих, по крайней мере, девять десятых русского дворянства, и число коих в настоящее время увеличивается с каждым днем.

Но мы пойдем далее и выразим нашу мысль вполне. По нашему понятию в России высшего сословия нет, да и быть не могло, а есть только два сословия: одно, которое бьет меньшую братию и само бито царями, и другое, которое бито всеми, – и царями, и старшею братиею, а само никого не имеет права бить. Палка – скрижаль русского закона и критерий общественного положения в России. Вот почему конституцию и необходимо ввести у нас поскорее. Еще раз повторяем: высшего сословия у нас нет, не было и не могло быть. Высшее сословие есть аристократия, а какие мы аристократы? Мы холопы, и нам один разумный исход из нашего рабства, из подлого и гнусного холопства, в коем мы, к позору нашему, к глумлению и удивлению всего образованного мира, все еще доселе продолжаем пресмыкаться: это идти в свободные люди и идти вместе со всеми нашими

¹ Авраамий Палицын (в миру Аверкий Иванович) (ум. в 1626 г.) – келарь Троице-Сергиева монастыря (1608–1619 гг.). Составитель патриотических посланий в поддержку ополчения 1611 г. С апреля 1612 г. в земском правительстве.

соотечественниками. Потомки Рюрика, потомки Гедимины¹, потомки древних бояр, потомки знаменитостей Руси Петровской, что мы все такое? Конечно, не аристократы! Мы холопы царей наших, которые позволяют нам открыто сечь соотечественников под условием самих нас сечь втихомолку. Мы даже не среднее сословие. В Европе среднее сословие имеет политические права: мы их не имеем, ровно никаких. В Европе среднее сословие, как и все граждане, пользуется покровительством законов, неприкосновенностью своего имущества и, что еще важнее, неприкосновенностью своей личности. Не говоря уже о наших соотечественниках, не принадлежащих к дворянскому сословию, но никто из нас, русских дворян, не может даже поставить себя наряду с последним поденщиком в стране конституционной. Там всякий пользуется покровительством закона, никем не нарушимого! Там ограждена неприкосновенность личности последнего работника, последнего нищего, а у нас, в России, нет ни одного дворянина, который мог бы быть уверенным, что его не посадят в крепость без суда, что его не сошлют без суда, что у него не отнимут имения, что его не отведут в третье отделение² и там не высекут?..

И кто же виноват во всем этом? Мы сами, русские дворяне. Отделились мы от народа; вместо того, чтобы требовать от царей законных прав и для народа, и для нас, помогали мы царям давить народ; приняли (а может быть, и выпросили), крепостную власть над сельским сословием и, по справедливому возмездию истории, по заслуженному наказанию от Бога, попали мы сами в крепостное состояние. Захотели мы иметь холопов; приобрели их; обратили в холопство большую часть своих соотечественников и сами соделались холопами. И это справедливо. Поделом нам. Да послужит нам уроком наше прошедшее, столь горестное, и наше настоящее положение, столь постыдное и столь унижительное. Соединимся все дружно, сильно, и опровергнем все преграды, какие нам встретятся. Пусть на русской земле не будет ни единого раба; пусть все мы, без всякого исключения, будем людьми свободными. Но без конституции это невозможно...

IX

Уверяют: *будто в России конституция существовать не может за недостатком людей способных*. Это не только нелепость, но и гнусная клевета на русский народ. Тот не знает вовсе русского человека, тот вовсе не знаком с замечательными свойствами его ума или преднамеренно клеветает, кто выражает подобную нелепость. Надобно путешествовать, надобно жить в чужих краях, чтобы вполне оценить ум и способности русского человека: его рассудок, его практичность, его всеприменяемость к обстоятельствам, его умение всегда найтись,

¹ Гедимин (ум. в 1341) – великий князь литовский (с 1316 г.), именовал себя «король литовцев и многих русских». Владел древнерусскими землями с городами Полоцк (с 1307 г.), Гродно и Брест (с 1315 г.), Витебск (с 1320 г.), Минск (с 1326 г.), Туров и Пинск (с 1336 г.) и др. Гедиминовичи – род великих князей литовских и их потомков. В России второй по знатности род после Рюриковичей (Бельские, Голицыны, Куракины, Мстиславские, Трубецкие, Хованские).

² Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии – орган политического надзора и сыска. Создано в 1826 г. после разгрома движения декабристов. Упразднено в 1880 г. функции были переданы Департаменту полиции МВД.

даже среди обстановки самой затруднительной, наконец, его широкую натуру, составляющую одну из особенностей русского характера. В мире совершенства не существует, и, конечно, в русском человеке много недостатков, много пороков. Но внимательное изучение доказывает неоспоримо, что большая часть этих пороков суть неизбежные последствия тех неблагоприятных условий, при коих и под гнетом коих исторически сложилась русская жизнь. Нет ни малейшего сомнения, что скрытность, недоверчивость, лукавство в русском человеке – последствия угнетений, в течение стольких веков им переносимых; желание обмануть ближнего, и в особенности человека, выше его стоящего, есть проявление чувства отмщения притесненных своим притеснителям. Лучшим доказательством, что пороки русского человека не прирожденные в его натуре, а наносные от наплыва многих исторических обстоятельств, что они горький плод всеобщего, шестивекового рабства, с тринадцатого века по сю пору над Россиею тяготеющего, является то, что чем ниже вы опускаетесь в русской общественной сфере, чем более отдаляетесь от верховной власти петербургской, этого источника обмана, разврата и нравственного растреления, и через то более приближаетесь к простолыдину, этому настоящему русскому человеку, тем вы видите натуру русского человека более чистою и более честною; чем выше вы поднимаетесь в общественной сфере, тем натура русского человека хуже, испорченнее; чем более вы приближаетесь к петербургскому правительству, тем натура человека становится более гадкою. В России, за весьма, весьма редкими исключениями, когда вы встречаете человека, то смело можете предполагать, что чем выше его чин, тем человек подлее; чем на нем более орденов, звезд и лент, тем он более способен на всякие мерзости, и редко в этом вы ошибетесь, весьма редко.

Враги конституции и представительного образа правления, утверждая, что в России не найдется достаточного числа людей, способных для этого образа правления, частью ссылаются на бывшие губернские комитеты для улучшения быта крестьян, утверждая, что в этих комитетах будто только и раздавались голоса в пользу сохранения крепостного состояния и будто в них не выказалось замечательных личностей. Это наглая ложь. В губернских комитетах выказалось много дельных личностей, и несколько личностей поистине замечательных. А если бы вместо комитетов, составленных исключительно из одного дворянства, созвана была бы Дума земская, составленная, как следует, из представителей, избранных всеми сословиями, то нет ни малейшего сомнения, что личностей дельных и замечательных выказалось бы еще несравненно большее число. Если бы губернские комитеты не были ненавистью всемогущей русской бюрократии к гласности и к свету Божию и глупостию петербургского правительства, принуждены действовать под покровом тайны; если бы заседания их были общедоступны и прения, в заседаниях происходившие, предавались бы гласности в журналах, то само собою разумеется, что некоторые дикие мнения, под покровом тайны провозглашенные, никогда не осмелились бы проявиться на яркий свет и никак не осмелились бы предстать на суд общественный, а мнения здравые, дельные, умные, каких много изъявлено было в губернских комитетах, соделались бы известными по всей России, не заглохли бы в стенах губернских комитетов и содействовали

бы правильному разрешению многочисленных вопросов, ныне возникнувших у нас на Руси.

Те, которые утверждают, что конституция в России невозможна за недостатком людей способных, забывают, что нами управляют теперь не иностранцы, а русские же люди, но только управляют нами своевольно, безотчетно, без всякого контроля. Кто избирает этих людей? Если бы даже и на самом деле избирал их царь, то и это не служило бы достаточным ручательством: один человек никак не может быть умнее семидесяти миллионов людей. Но людей избирает не царь, а его окружающие, приближенные к нему люди; они имеют врожденную боязнь и врожденное отвращение ко всему умному и ко всему честному: петербургское правительство и царская дворня – помойная яма Всероссийской империи; туда стекаются все нечистоты; свободно двигаться в этой яме могут лишь одни гады, а если порядочный человек туда и попадетса случайно, то непременно опоганитса...

Если бы в России существовало правление конституционное, правление представительное, то власть находилась бы в руках лиц, облеченных доверием Думы земской, которая, в свою очередь, составлена была бы из людей, облеченных доверием своих сограждан. И сверх того, эти лица, избранные из избранных между лучшими, вовсе не действовали бы своевольно и безотчетно, как действует ныне сволочь, которая окружает государя, держит его в опеке, именем его творит всякие мерзости и набивает себе карманы, сволочь, про которую можно поистине сказать, что она избранная между всем, что ни есть самого худшего и самого гадкого во Всероссийской империи. При конституционном правлении гласность, учреждая всеобщий и ежедневный контроль за действиями служащих, не позволяла бы им мошенничать и притеснять людей. Все чиновники, не исключая министров, подлежали бы судебной ответственности, а необходимость находить сочувствие и опору в Думе земской принуждала бы министров уважать эту Думу как выражение общественного мнения в государстве; принуждала бы их соображать свои действия с мнением Думы, представительницы мнения общественного...

XIV

...Из всех видов государственного правления самый высший и самый чистый – республика; самый низкий и самый грязный – самодержавие. Невозможно из самодержавия прямо перейти в республику; необходимо очищение, и оно-то совершается под сению монархии конституционной, чуждой большей части пороков самодержавия. Под сению монархии конституционной вырабатываются в людях те чувства законности, уважения к долгу, уважения к самому себе, терпимости религиозной, терпимости политической, желание покорять себе противников не угрозами, не преследованиями, не казнями, а силою убеждений, силою разума. Без этих чувств, без этих понятий, доколе они не выработались, не развились и не укрепились в стране, доколе они не превратились в растения туземные, доколе республика не может быть ни спокойною, ни прочною. Вот почему мы полагаем, что для государства, как Россия, выходящего из самодержавия, и из само-

державия столь гнусного, как петербургское, переход к республике невозможен, и необходима монархия конституционная.

Сверх того, если в России люди, желающие перемены образа правления, будут изъявлять стремление к республике, то они этим запугают Европу, запугают всех людей умеренных мнений в Европе и доставят петербургскому самодержавию защитников многочисленных и сильных. Напротив, изъявлением желанья перейти, и перейти как можно более мирным образом, к монархии конституционной мы приобретем сочувствие европейского общественного мнения, а в наш век самый сильный и самый могущественный из земных владык есть общественное мнение.

Итак, нам кажется, что для России единственно возможный образ правления – монархия конституционная, монархия демократическая, наподобие существующей ныне в королевстве Итальянском и в королевстве Бельгийском.

Теперь побеседуем о том, из чего должен состоять *Всероссийский государственный устав* (конституция).

XV

Всероссийский государственный устав должен учредить в России две палаты, две Думы. Необходимость существования двух палат и опасность иметь одну только палату – истина, бесспорно доказанная опытом всех стран, как монархических-конституционных, так и республиканских. Всякая палата – собрание людей, а собрание людей всегда может быть увлечено к необдуманному проступку под влиянием обстоятельств, часто временных и скоро преходящих, но имеющих сильное влияние на страсти человеческие. Чтоб необдуманный поступок не обратился в закон, весьма полезно, чтобы проекты законов обсуждаемы были двумя различными палатами, одною после другой. Мы полагаем также весьма полезным и весьма достойным английский обычай, по коему каждый закон (билль) баллотируется в каждой палате по три раза; этим предоставляется широкий простор зрелой обдуманности и глубокомысленному обсуждению законодательных вопросов.

При необходимости иметь в России две палаты одна, *Дума земская*, должна, разумеется, быть составленною из выборных людей всей земли русской по выбору всего земства. Другую палату можно бы назвать *Думою боярскою* или *Думою государственных советников*; (название – дело второстепенное). Каков же должен быть состав этой Думы?

...Верхние палаты бывают составлены:

- 1) или из членов потомственных, как в Англии...
- 2) или частью из членов потомственных, частью из членов пожизненных, как в Пруссии, в Баварии, в Португалии. Еще раз повторяем: мы считаем вопрос о потомственных членах решенным для России, и решенным совершенною неприменимостью этого вопроса к нашему отечеству;
- 3) или из членов пожизненных, *по назначению* правительства, как сенат в Итальянском королевстве;

4) или из членов, избранных на известный срок и под известными условиями, как сенат в королевстве Бельгийском и сенат в республике Северо-Американских Штатов.

В Бельгии депутатом можно быть двадцати пяти лет от роду, но сенатором можно быть лишь в сорок лет, и подлежат избранию в сенаторы лишь лица, платящие две тысячи франков подати с поземельного владения или три тысячи франков патентной пошлины с заведений торговых или промышленных.

Бельгия разделена на девять областей (провинций); каждая область избирает определенное число депутатов соответственно своему народонаселению, и вместе с тем каждая область избирает сенаторов на половину избираемого ею числа депутатов; так что палата представителей (*chambre des représentants*) вдвое многочисленнее сената.

В республике Северо-Американских Штатов каждый штат избирает в палату представителей определенное число членов соответственно своему народонаселению, а в сенат каждый штат, без различия цифры народонаселения, избирает по два сенатора.

XVI

Для России весь вопрос относительно Думы боярской (или Думы государственных советников) состоит в том: будет ли эта Дума составлена из членов пожизненных или из членов, избираемых на определенный срок? В Думе земской будут заседать, как надобно того надеяться, много молодых людей, и потому Дума земская, как и все младшие палаты во всех странах, явится органом безостановочного движения вперед; явится поприщем грозных, бурных прений о главнейших общественных вопросах. Этого следует не только ожидать, но и желать; таково и назначение Думы земской в сложной машине государственного устройства. Борьба есть жизнь: где нет борьбы – там апатия, там равнодушие, а в политике равнодушие неминуемо ведет к унижению.

Но всякие борьбы, чтобы принести пользу, а не вред, требуют посредника, который бы умерял борьбу и мешал ей выходить из пределов благоразумия. В конституционном устройстве подобным посредником, подобным примирителем является старшая палата, и потому необходимо, чтобы эта палата была составлена из людей, уже переживших первую молодость и приобретших на тернистом жизненном пути опыт людей и познание сердца человеческого.

Нам кажется, что в Думу земскую можно, и даже следует, допустить двадцатипятилетних юношей, но в старшую Думу не следует допускать людей, не достигших, по крайней мере, тридцатипятилетнего возраста¹.

В палате, составленной из пожизненных членов по назначению правительства, образуются политические предания; члены ее получают опытность в делах,

¹ Так было постановлено и в конституции, дарованной Царству Польскому Александром I в 1815 году. Рассказывают, что в первоначальном проекте определен был сорокалетний возраст для поступления в сенаторы, но что князь Адам Чарторыйский заметил государю, что Его Величеству нет еще сорока лет, а всего тридцать семь, и будто Александр переменил тогда условие сорокалетнего возраста на условие возраста тридцатипятилетнего (*прим. П. Долгорукова*).

старые члены служат опытными наставниками и полезными руководителями для членов вновь поступающих; члены привыкают к совокупности действий, столь полезной в политике.

Сверх того, члены пожизненные, не подверженные более всем случайностям выборов, не боятся в некоторых могущих встретиться обстоятельствах подать голос по совести. Бывают такие потоки понятий ложных, которые мгновенно овладевают умами, упоют общественное мнение, подобные потоки непродолжительны, и общественное мнение скоро отрезвляется, но, тем не менее, пока поток стремится, противостать ему значит подвергнуть себя непопулярности, а на это решится не всякий депутат, не всякий член Думы земской. Гражданское мужество во всех странах мира явление гораздо более редкое, чем мужество военное, и сколько мы знаем людей, беззаветно-храбрых на поле битвы, людей, которые не поморщась и равнодушно идут на пули, на ядра, на преисполненный порохом подкоп, но никак не решатся войти в спор с минутно заблуждающимся общественным мнением, никак не решатся объяснить общественному мнению его ошибку...

Человек, облеченный саном пожизненным, в тысячу раз независимее того, который облечен саном временным. Это начинают уже чувствовать и в Бельгии, и в Северо-Американских Штатах, где звание сенатора временное и даруется народным избранием.

Невыгода для государства, палаты, составленной из членов пожизненных по назначению правительства, заключается в том, что люди, облеченные доверием своих сограждан, но почему-либо не заслужившие благосклонности правительства, лишены возможности поступления в старшую Думу.

С другой стороны, мы не видим пользы отнимать у правительства возможности награждать оказанные отечеству заслуги, облечением мужа, оказавшего заслуги, правом пожизненного участия в законодательстве страны.

Нам кажется, что легко можно согласить эти два принципа: не отнимать у правительства права награждать заслуги и вместе с тем не позволять ему возбранять входа в старшую Думу лицам, облеченным всеобщим уважением и доверием? Можно бы постановить:

1) что старшая Дума составлена будет из членов пожизненных, в определенном числе (например, хотя из пяти ста членов, что на семидесятимиллионное народонаселение представляет цифру не излишне огромную: 1 на 140 000 жителей);

2) что из каждых двух вакансий в старшей Думе на одну поступает новый член по безусловному выбору правительства, а на другую поступает новый член по выбору Думы земской, которая не должна выбирать иначе, как из числа кандидатов, нарочно для сего ей представляемых областными сеймами.

Само собою разумеется, что в обе Думы должны иметь право поступать все русские подданные, без всякого различия вероисповедания. Каждая Дума должна быть облечена правом ежегодного избрания себе из среды своей: президента, определенного числа вице-президентов, определенного числа казначеев, определенного числа секретарей.

XVII

Земская дума должна состоять из членов, выбранных земством. Как мы сказали выше, нам кажется, что можно бы определить для поступления в Думу двадцатипятилетний возраст. Раннее участие в делах политических образует молодежь, отвлекает ее от соблазнов светских, развивает в ней обдуманность и выдержку, без коих невозможно шествовать по политическому поприщу. Беда стране, в коей законодателями являлись бы одни двадцатипятилетние юноши, но едва ли не хуже беда той стране, в коей законодательством занимаются одни старцы, как ныне у нас в России. Чтобы законодательство было и разумно, и честно вместе, в нем должны принимать равное участие и люди опыта, и юноши, пыл сих последних умерится соприкосновением с опытностию людей, перешедших уже большую часть земного поприща, но благородные верования и высокие стремления юности одушевят опытность, иногда сухую и черствую, одушевят ее священным огнем гражданской доблести.

Кем же будут избираемы члены Думы земской?

В теории и ввиду всеобщего равенства людей перед Богом каждый гражданин имеет полное право, наравне с другими, избирать своих представителей.

Но если всякий гражданин имеет бесспорное право на одинаковую защиту закона во всех случаях жизни, если законы гражданские и уголовные должны непременно быть равными и одинаковыми для всех граждане страны без всякого исключения, то совсем другое является в отношении законов политических. Сии последние издаются не только для отдельных лиц, но и для общего блага страны. Всякий гражданин имеет равное право на покровительство закона, но опасно предоставить каждому гражданину право выбирать законодателей. Северо-Американские Штаты, где всякий подает голос на избрание представителя, не могут служить примером для Европы: там не то, что в Европе; центральная власть там весьма слаба; бюрократии почти вовсе не существует, и потому нет и не может быть того влияния, того напора на выборы, которые проявляются в Европе со стороны бюрократии и со стороны центральной власти. Предоставить право подачи голосовать всему миру (*suffrage universel*) значит превратить выборы в большей части местностей в настоящую комедию. Тогда все работники, все поденщики, все люди, не обеспеченные в своем постоянном пропитании, будут подавать голоса по желанию местных властей или по желанию самых богатых и самых влиятельных лиц той местности. Тогда и выборы превратятся в официальный обман.

Тогда Дума земская явится уже не представительницею мнения общественного и настоящих потребностей страны, а явится лишь представительницею направления и желаний администрации; послушным орудием правительства; не будет пользоваться ни малейшим уважением и ни малейшим нравственным влиянием.

Право подачи голоса в делах политических, как, например, при выборе представителей в Думу земскую и в областные сеймы, должно быть предоставлено лишь тем людям, коих существование достаточно обеспечено принадлежащею им

собственностью или принадлежащим им капиталом, чтобы они не подвергались и возможности борьбы между голодом и чувством гражданского достоинства. Из этого правила, то есть условия для права подачи голоса, владеть или собственностью, или капиталом, должно быть сделано исключение для профессоров, для медиков, для адвокатов и вообще для людей, окончивших курс наук в университетах и в других высших учебных заведениях. Можно бы также распространить безусловное право подачи голоса на всех офицеров, как сухопутного, так и морского ведомств, и еще на тех лиц, которые занимают несколько значительные должности по ведомству гражданскому. Таким образом, представители страны, члены Думы земской и члены областных сеймов, были бы избираемы и людьми образованными, и служителями государства, и владельцами поземельной собственности, и владельцами собственности движимой, владельцами капиталов, которые в наш век влиянием своим часто перевешивают влияние собственности поземельной. При таких условиях члены Думы земской были бы истинными представителями общественного мнения в России, а члены областных сеймов были бы истинными представителями общественного мнения в своей области.

Нам кажется, что выборы в члены Думы земской и в члены областных сеймов, должны были бы происходить в уездных городах с двойною целию: чтобы избираемые становились ближе, лицом к лицу к своим избирателям и чтобы не было во всей России столько отдаленного уезда, который бы не имел своего, им самим сознательно избранного представителя, не только на областном сейме, но еще и в Думе земской.

По нашему мнению, этого непременно требует справедливость. Мы говорим на областном, а не на губернском сейме, потому что нам кажется, что при конституционном порядке вещей, при желанной всеми разумными людьми децентрализации, следовательно, при предоставлении различным частям России права ведать свои местные дела и распоряжаться своими местными интересами, насколько они не сталкиваются с общими интересами всей России, ввиду всего этого нам кажется полезным разделение России не на губернии, как ныне, и число коих слишком велико в настоящее время, а на области, составленные из двух, трех и даже четырех губерний, сохраняя вместе с тем нынешнее разделение на уезды.

Когда уменьшится число губернаторов, число вице-губернаторов, число палат уголовных и гражданских, значительно уменьшится и число чиновников; из всех этих уменьшений окажется значительная экономия, а между тем, предоставление каждой области самоуправления передаст власть и влияние в руки местных жителей, знакомых с местными вопросами и преданных заботам об интересах местных гораздо более чиновников, ныне из Петербурга в губернии присылаемых.

XVIII

Нам кажется, что при разделении России на области, обе столичные губернии – Петербургская и Московская – должны были бы образовать каждая отдель-

ную область, потому что присоединение губерний провинциальных к губерниям столичным замедлит и даже, может быть, вовсе не допустит развития провинциального духа, провинциальной самостоятельности, развития, коему следует, напротив, споспешествовать всеми возможными средствами, потому что без него не может быть самоуправления настоящего и прочного.

Есть также губернии, которые неудобно соединять с другими: например, Архангельская, по ее чрезмерной обширности; Пермская, Оренбургская, Астраханская, равно и Земля Войска Донского, по своим совершенно особенным условиям местным. Каждая из них могла бы составить отдельную область.

Сибирь Западная и Сибирь Восточная могли бы составить каждая особую область. Все земли, ныне подведомственные наместнику Кавказскому, могли бы составить Область Кавказскую, за исключением Астраханской губернии, совершенно бесполезно подчиненной наместнику Кавказскому, и которая могла бы составить отдельную область.

Губернии Лифляндская, Эстляндская и Курляндская могли бы составить Остзейскую область.

Губернии Виленская, Гродненская и Ковенская могли бы составить Литовскую область.

Губернии Минская, Могилевская и Витебская могли бы составить Белорусскую область.

Губернии Киевская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, Волынская и Подольская могли бы составить Малороссийскую область.

Губернии Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабия могли бы составить Новороссийскую область.

Можно было бы некоторые губернии соединить вместе, например:

Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Курскую (эту область можно было бы назвать Великороссийскою):

Новгородскую и Псковскую;

Вологодскую и Олонецкую;

Тверскую, Смоленскую и Калужскую;

Ярославскую и Костромскую;

Нижегородскую и Владимирскую.

Казанскую и Вятскую;

Самарскую и Симбирскую;

Воронежскую и Тамбовскую;

Пензенскую и Саратовскую.

XIX

Таким образом, Всероссийская империя могла бы заключать в себе, примерно говоря, двадцать пять областей. Каждая область разделялась бы на уезды; каждый уезд на несколько волостей; каждая волость на несколько общин.

В каждой общине был бы общинный староста, а для наблюдения за общинным старостою и для содействием ему в управлении – общинный совет из трех,

четырёх или пяти членов, также общинный суд из четырёх или пяти членов. И общинный староста, и члены общинного совета, и члены общинного суда были бы избираемы на срок жителям общины, достигнувшими двадцати одного года от рождения без всякого различия происхождения и без всякого различия вероисповедания, но под условием владеть усадьбою, занимающею пространство не менее пяти ста квадратных сажень¹ или шестью десятинами² земли удобной, или лавкою, или промышленным заведением, оцененным в определенную сумму.

Все имеющие голос на общинной сходке могли бы иметь голос и на сходке волостной, и на сходке уездной. К безусловной подаче голосов следовало бы допустить, начиная с двадцатиоднолетнего возраста, без всякого различия происхождения и без всякого различия вероисповедания:

- 1) всех профессоров;
- 2) всех учителей гимназий и училищ;
- 3) всех медиков;
- 4) всех адвокатов (когда они в России будут);
- 5) всех окончивших курс наук в университетах, в училище правоведения, в лицеях и в гимназиях;
- 6) всех офицеров, как сухопутного войска, так и флота;
- 7) всех занимающих несколько значительные должности по гражданскому ведомству;
- 8) всех тех из рядовых и из матросов, которые украшены георгиевскими крестами;
- 9) всех священников, дьяконов и дьячков.

В каждой, волости были бы:

волостной староста;

волостной совет из шести или семи членов, имеющий обязанность содействовать старосте в управлении волостию и наблюдать за административными поступками старосты;

волостной суд из двенадцати членов;

волостное училище.

Волостной староста, равно как и члены волостного совета и волостного суда, были бы избираемы на срок волостною сходкою.

В городах, как уездных, так и заштатных, были бы:

городской староста;

городской совет из шести или семи членов;

городской суд из большего или меньшего числа членов, смотря по народонаселению города.

В посадах могли бы быть:

посадский староста;

посадский совет из трех или четырех, или пяти членов;

посадский суд из четырех или пяти членов.

¹ Сажень – поземельная мера, равная 4,5522 м².

² Десятина – поземельная мера, равная 2400 кв. сажень (1,0925 га, 10925,4 м², т.н. казенная десятина).

Старосты городские и посадские, члены советов и судов городских и посадских были бы избираемы на срок. В этих выборах, равно как и на сходке уездной, могли бы принимать участие все владеющие в том городе или в том посаде домом, или лавкою, или торговым, или промышленным заведением, оцененными в определенную сумму. Право безусловной подачи голоса следовало бы предоставить на всех сходках вышеисчисленным разрядам лиц.

В каждом уездном городе следует быть, по крайней мере, одному уездному училищу; в каждом заштатном городе следует быть городскому училищу; в каждом посаде – посадскому училищу.

Разделение России на области низвело бы более половины из числа губернских городов на степень уездных; в этих губернских городах не только следует сохранить гимназии, но еще следует учредить новые гимназии в уездных городах наиболее населенных и богатых (например, в Ельце, Рыбинске, Кременчуге и других).

XX

В каждом уезде следовало бы иметь:

- 1) уездного начальника;
- 2) уездный совет из десяти или двенадцати членов, который помогал бы уездному начальнику в управлении уездом, имея, впрочем, лишь голос совещательный, а разногласия между уездными начальниками и уездными советами разрешались бы губернатором области;
- 3) уездный суд из шести членов для дел уголовных;
- 4) земский суд из двенадцати членов для дел гражданских, без апелляции в тех делах, в коих цена иска менее трех ста рублей.

Уездный начальник, члены уездного совета, уездного суда и земского суда могли бы быть избираемы каждые три года *уездною сходкою*, составленною из всех тех, кто имеет голос на волостных или на городских сходках. Сверх того, следовало бы предоставить уездным сходкам право избрания членов в областной сейм и во Всероссийскую Думу земскую.

Уездному совету следовало бы предоставить право обращать внимание как губернатора области, так и областного сейма на все, что может споспешествовать благосостоянию уезда.

XXI

В каждой области можно было бы иметь:

- 1) губернатора и вице-губернатора, назначаемых правительством;
- 2) *Областной совет* из двадцати пяти или тридцати членов, избранных областным сеймом на три года. В областном совете под председательством губернатора были бы сосредоточены все дела, коими ныне заведуют: губернское правление, дворянская опека, казенная палата, комитет земских повинностей, строительная и дорожная комиссии. Разногласия между губернатором области и

областным советом разрешались бы Советом министров, а несогласия областного сейма с Советом министров разрешались бы Думою земскою;

3) Университет;

4) Областные ведомости, выходящие, по крайней мере, два раза в неделю;

5) Областную уголовную палату из восьми или десяти членов;

6) Областную гражданскую палату из двенадцати или пятнадцати членов без апелляции для таких дел, в коих иск менее двух тысяч рублей;

7) *Областной сейм*, составленный, смотря по народонаселению области, от тридцати до ста пятидесяти членов.

Круг действий областного сейма мог бы быть следующий.

Не облеченный, подобно Думе земской, властью законодательною, но облеченный лишь правом совещательным, областной сейм собирался бы через каждые два или три года; рассматривал бы действия областного совета, который обязан был бы представлять областному сейму не только подробнейший отчет в своем управлении, но еще необходимые пояснения, а если нужно, то и оправдания в своих действиях.

Областные сеймы следовало бы облечь правами: просить правительство об удалении губернатора и вице-губернатора; просить Совет министров или Думу земскую (смотря по роду дела) о принятии таких административных мер (если дело зависит от министра) или издания такого закона (если обращаются к Земской думе), которые, по мнению областного сейма, нужны или полезны для области. Если дело идет о новом законе, то областному сейму следует предоставить право: проект закона обсудить во всех его подробностях и, обсудив, представить Земской думе, которая вольна будет принять его с изменениями, или без изменений, или не принять вовсе.

Вообще областным сеймам следует предоставить право принимать с согласия губернатора, а в случае несогласия губернатора с разрешения Совета министров, все те нужные меры, которые, не нарушая единства империи и общего ее законодательства, относятся лишь к той области; также следует предоставить областному сейму право полного и подробного рассмотрения областной приходно-расходной росписи (областного бюджета). Мы уже говорили выше, что в случае несогласия областного сейма с Советом министров, разбор между ними не может быть предоставлен никому, кроме Думы земской. Также следует предоставить областному сейму право избрания:

1) членов областного совета;

2) членов областной уголовной палаты;

3) членов областной гражданской палаты;

4) кандидатов в Думу боярскую (или Думу государственных советников).

Правительству следует предоставить право распускать, когда почтет нужным, каждый областной сейм, но с обязанностью *приступить к новым выборам и непременно созвать новый областной сейм никак не позже, как через три месяца со дня роспуска.*

Заседания областных сеймов должны быть публичными, и всякий журнал в России должен быть облечен правом печатать речи, в заседаниях произнесенные,

печатая их вполне или в отрывках, как пожелает, и обсуждая их без нарушения приличий. Справедливо было бы постановить, что всякий русский подданный, достигший двадцатипятилетнего возраста, без всякого различия происхождения, без всякого различия вероисповедания, владеет ли он каким-нибудь состоянием, или нет, может быть избран как в члены областного сейма в своей области, так равно и в члены Думы земской.

XXII

Когда в России самодержавие (то есть своеволие) заменено будет правлением законным, то есть монархию конституционную, правлением, основанным на Всероссийском государственном уставе, тогда власть исполнительная останется вся в руках государя, действующего через своих министров, а власть законодательная разделена будет между: 1) государем, представителями коего явятся его министры; 2) Думою земскою и 3) другою Думою, которую назовем, пожалуй, хоть Думою боярскою (название – вещь пустая: вся сущность дела в составе Думы и в круге действий, законами ей определенном).

Дума земская должна состоять из членов, избранных всем земством, и как мы уже сказали, выбор в члены Думы земской лучше бы всего производить на уездных сходках, а не в областных городах, потому что для избирателей не предстояло бы отягощением явиться на сходку уездную, а поездка в областной город, сопряженная с издержками, была бы тягостною для людей небогатых.

Мы уже выражали выше наше мнение, что подача голосов всем миром, то есть предоставление участия в политической жизни государства людям, не получившим образования и вместе с тем не имеющим обеспеченного существования, не ведет ни к чему иному, как к деспотизму во всех тех странах, где существует несколько сильное центральное правительство. Но, с другой стороны, необходимо предоставить право участия на всех сходках: и общинных, и волостных, и уездных – всякому человеку образованному и, сверх того, всякому гражданину, владеющему собственностью, как поземельною, так и промышленною, хотя незначительною, но достаточною для обеспечения ему независимого куска насущного хлеба.

Нам кажется, что правом быть избранным в члены Думы земской должен быть облечен всякий русской подданный, достигший двадцатипятилетнего возраста, без всякого различия происхождения и без всякого различия вероисповедания.

Народонаселение Всероссийской империи состоит из семидесяти миллионов жителей, и потому нам кажется, что Думу земскую следует составить, по крайней мере, из шести ста членов. Не мешало бы иметь и семьсот членов.

Думу боярскую, по нашему мнению, следовало бы составить из членов пожизненных, числом примерно до пятисот, также без всякого различия происхождения и без всякого различия вероисповедания. Из каждых двух вакансий одна бы замещалась государем по его выбору; другая замещалась бы по выбору Думы земской, обязанной избирать из списков кандидатов, нарочно на этот предмет

представляемых ей областными сеймами. Следовало бы также постановить правилом, что в звание боярина не может быть облечен человек, не достигший тридцатипятилетнего возраста.

XXIII

Обе Думы должны заключать в себе представителей всех сил страны, и сил нравственных и сил вещественных, взаимное содействие коих друг другу служит основою общественному порядку и благоденствию общественному. Между этими силами иногда неизбежно возникает борьба, и тогда полезно для всех, чтобы борьба эта происходила явно, открыто, в Думах, облеченных властью законодательною...

*Извлечения публикуются по изданию:
Долгоруков П.В. О перемене образа правления в России.
Лейпциг, 1862. С. 1-2, 7-31, 57-84.*

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ САМАРИН

ПО ПОВОДУ ТОЛКОВ О КОНСТИТУЦИИ¹

1862 г.

Носится слух, что в Москве готовится какой-то адрес к подписанию с требованием конституции. Я, разумеется, отказываюсь этому верить и всем говорю, что это вздор, неправда. Но в наше время столько случается невозможного и бессмысленного, что, пожалуй, чего доброго, и на эту тему разыграют какую-нибудь дурацкую пародию. Если это правда, то я предлагаю подписать и пустить в ход нечто вроде следующего. Как ни ничтожны два, три голоса в массе голосов, поднявших современную разноголосицу, как ни несомненно, что эти одинокие голоса будут заглушены криком, топаньем, свистом и всеми орудиями убеждения современных прогрессистов, однако в настоящую минуту молчать грешно. Мы настолько устарели в своих понятиях, что для нас свист – не опровержение, рукоплескание – не доказательство, а успех – не мерило убеждений. Без всякой надежды на успех, мы просто считаем долгом совести гласно и без всяких недомолвок высказать то, что мы думаем по поводу современных толков об ограничении самодержавия в России.

Мы не признаем выработанной западной схоластикой и нашим духовенством повторяемой с чужого голоса теории *de jure divino*². Утверждать, что в силу Божественного закона верховная государственная власть принадлежит какой бы то ни было династии по праву, ей *прирожденному*, что целый народ отдан Богом в крепостную собственность одному лицу или роду, мы считаем богохульством. Закон Божественный благословляет власть государственную *вообще* и вменяет каждому лицу <в обязанность> покоряться ей, потому что государственный строй (*тот или другой*) как существенное условие общежития служит к достижению предназначенных человечеству целей. В этом смысле: «Несть власть, аще не от Бога». Но что такое *власть* и что признавать властью? Этого вопроса церковь не решает. Он до нее не касается. Спаситель и апостолы создали церковь и дали человечеству учение об отношении человека к Богу, но они не создавали государственных форм и не писали конституций. Выработать себе государственную форму, монархическую, ограниченную или неограниченную, аристократическую или республиканскую – это дело самого народа. Каждый народ создает себе *власть* по своим потребностям и убеждениям, и эта власть, им поставленная, получает зна-

¹ Статья написана в форме письма; при жизни автора не печаталась. Название дано И.С. Аксаковым, опубликовавшим ее в газете «Русь» в 1881 г.

² Божественного права (*лат.*).

чение власти, *обязательной* для каждого лица, к тому народу принадлежащего.

Высказав в этом отношении наше убеждение и устранив недоразумение, которое могло бы легко возникнуть из всего последующего, мы приступаем к современному вопросу и высказываем прямо, что всякую попытку ограничить самодержавие в настоящее время в России мы считаем делом безумным, потому что оно невозможно, а если бы оно и было возможно, то назвали бы его бедствием и преступлением против народа. Невозможным мы назвали это дело потому, что в земле Русской нет такой силы, на которую бы можно было опереться для ограничения другой силы – самодержавия. До какой бы степени помешательства ни дошли в настоящую минуту разгоряченные умы, нельзя считать казенных учебных заведений, университетов и литературных кружков того или другого цвета – силою. Положим, все они могут сделать много зла, нагнав на Русскую землю тучу диких понятий, извратив общественный смысл, сбив с исторического пути и сделав негодными для жизни несколько поколений, но все это – проявления силы чисто *отрицательной*, а не творческой и не зиждущей. Яд есть тоже сила, но сила умерщвляющая, а не дающая жизнь. У нас есть одна сила историческая, положительная, это – народ, и другая сила – самодержавный царь. Последний есть также сила положительная, историческая, но только вследствие того, что ее выдвинула из себя народная сила и что эта последняя сила признает в царе свое олицетворение, свой внешний образ. Пока этими двумя условиями обладает самодержавие, оно законно и несокруσιμο. Не дай Бог дожить до испытания его силы на какой-нибудь площади против какой бы то ни было горстки недовольных, но пора заранее отдать себе отчет в последствиях схватки, на которую вызывают его задорные люди. Пусть соединятся в одну кучу несколько сот студентов и воспитанников военно-учебных заведений, пусть пристанет к ним дюжина дворян, еще не успевших помириться с мыслью об утрате крепостного права, пусть к ним примкнет десяток свистунов-газетчиков, да еще человек пять, сбившихся с круга и до костей зараженных мещан и дворовых людей, – одним словом, пусть все, что желает падения самодержавия, обступит Зимний дворец... Если вызванный криком царь приподнимется и через головы этой горстки людей только подмигнет народу и если народ поймет, что царя *обижают*, то что произойдет тогда? Скажет ли он: «Поделом ему», – или двинется к нему стеной на выручку? Тем, для которых разрешение этого вопроса сомнительно, мы советуем обратиться за справкой к мировым посредникам, которые в продолжение шести месяцев толкаются в народе и более, чем кто-либо, выслушивают правдивых выражений его неудовольствий и надежд. Они скажут в один голос, что сочувствие народа электрическим током тянет прямо к царю через все посредствующие сословия, учреждения, общественные слои, не останавливаясь на пути своем *ни на чем и ни на ком*, что вся эта посредствующая среда в глазах народа существует только как препятствие к его соединению с царем и что между ними давно заключен невысказанный, а подразумеваемый и всеми понимаемый союз для взаимной защиты. Если, чего не дай Бог, им доведется встретиться в общем противодействии кому-нибудь, то не произойдет ли с этим кто-нибудь то же самое, чему подвергается жиденькая лодочка, попавшая между двух валов, идущих друг другу навстречу? Есть еще

предположение: «Может быть, когда раздастся на площади крик и зазвенят разбитые окна, Зимний дворец оробеет и поддастся на сделку; может быть, удастся в минуту страха исторгнуть какую-нибудь уступку. Или, если уж народ не способен воспламениться за прогресс, за цивилизацию и за тех, кто считает себя передовой дружиной, то нельзя ли чем-нибудь другим подогреть его, хоть, например, обещать ему, что не будет рекрутства, что податям конец и т.п.?». Иными словами: можно обойтись без народа и можно обмануть народ. Но и эти два средства испробованы. Анна Иоанновна подписала подвернутую ей конституцию и на другой день изорвала ее в клочки, а люди, в то время стоявшие за конституцию, были покрупнее нынешних, закал был надежнее. Это они доказали в ссылке. Был и другой пример: 14 декабря обманом вывели на Дворцовую площадь два гвардейских полка. Что ж из этого вышло? К тому же не надобно забывать одного: нынче на русском престоле сидит Александр II, который известен народу не по одним манифестам о ревизиях и рекрутских наборах. Он известен как *освободитель крестьян*. Народ на обман не поддастся. Итак, ограничение самодержавия – дело невозможное. Кроме того, мы сказали, что если б оно и было возможно, то мы сочли бы его бедственным, и вот почему. Все современные недуги Русской земли сводятся к одному: наш государственный строй нам не по силам и не по возрасту. Государство потребляет больше, чем вырабатывает земля, и мало-помалу заедает землю. Против этого зла конституционная форма правления не только не принесла бы врачевания, а наоборот, усилила бы недуг. Мы знаем по опыту, что где конституционная форма возникает не как самородный плод свободного развития народной жизни, а заимствуется извне, как готовая форма, как покрой платья, – там прямое и неизбежное ее последствие: усиление централизации, не только административной – в области правительственной, но и умственной – в развитии народного просвещения. Одна точка, один город делается самодержавным властелином целой земли. Туда, к этому средоточию политического движения устремляются массы народа, капиталов, способностей, привлеченных заманчивой деятельностью на видном поприще, а между тем областная жизнь замирает, самодеятельность оскудевает и мало-помалу все подпадает общей зависимости от направления, данного свыше. Первоначально централизация устанавливается вследствие этого сильного прилива народных сил к одному средоточию; потом она усиливается поневоле, вследствие постепенного истощения всего организма, как единственное средство восполнить пустоту и мертвенность в его оконечностях. Петербург, центр самодержавия, тяжел для России. Петербург, центр конституционного правительства, задавил бы ее окончательно.

Далее: первое условие правильного исторического развития есть искренность и правдивость. Под этим мы разумеем согласие того, что проявляется словом, делом, учреждением, обычаем, с тем, что есть, что составляет сущность народной жизни. Всякая конституционная форма правления основана на праве большинства, признанном как факт законного преобладания несомненной силы над слабостью и предполагаемой разумности – над частными увлечениями и интересами. Но если бы название и права большинства присвоило себе меньшинство, то очевидно, что вся конституционная обстановка превратилась бы в

возмутительную ложь. Таков бы был у нас характер ограниченной монархии, ибо какую бы ни придумали для нее форму, вся масса народная осталась бы вне ее, как материал, как орудие или как мертвое вещество. Что народ не может быть ни непосредственно, ни посредственно действующим лицом в какой бы то ни было конституционной форме правления – это, кажется, очевидно. Во-первых, народ не желает конституции, потому что он верит добрым намерениям самодержавного царя и не верит решительно никому из тех сословий и кружков, в пользу которых могла бы быть ограничена самодержавная власть; во-вторых, народ безграмотный, народ, разобщенный с другими сословиями, народ, реформами Петра выброшенный из колеи исторического развития, не способен, не может принять участия в движении государственных учреждений. Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман. Довольно с нас лжепрогресса, лжепросвещения, лжекультуры; не дай нам Бог дожить до лжесвободы и лжеконституции. Последняя ложь была бы горше первых. Теперь едва ли нужно объяснять, почему всякую попытку изменить форму правления у нас, в настоящую минуту, мы назвали преступлением против народа. Кто предъявляет подобные требования, воображая себе, что он говорит за народ и от его лица, о том мы можем только жалеть. Кто знает не хочет того, что думает и чувствует народ, кто сознательно пренебрегает им и от своего лица заносит руку на то, что создано народом и чем народ дорожит, – тот самозванец.

Мы твердо убеждены, что все современные толки о перемене формы правления не что иное, как пустая болтовня, чуждая не только правды, но даже искренности. России нужно не то. После освобождения крестьян, которое могло быть исполнено успешно и мирно только самодержавной властью, нам нужны: веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все зараженные соки, отравляющие нашу литературу, и через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия. Нам нужны: упрощение местной администрации, преобразование наших налогов, свободный доступ к просвещению, ограничение непроизводительных расходов, сокращение придворных штатов и т.д., и т.д. И все это не только возможно без ограничения самодержавия, но скорее и легче совершится при самодержавной воле, чуждой страха и подозрительности, понимающей свою несокрушимую силу и потому внимательной к свободному выражению народной мысли и народных потребностей.

*Публикуется по изданию:
Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма.
М., 1997. С. 96–98.*

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

ПУБЛИЦИСТИКА 1860-х гг.

**О ВЗАИМНОМ ОТНОШЕНИИ
НАРОДА, ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА¹**

1862 г.

...Мы обещали в последний раз рассмотреть подробнее взаимные отношения общества и государства. Просим читателей не забывать, что, по нашему определению, ни простой народ, ни верхние сословия, ни государство с своими чиновниками, отдельно взятые, не составляют *общества*, и наоборот – *общество* не есть ни сословие, ни цех, ни корпорация, ни *государственный политический орган*. Напротив, всякая попытка организовать *общество* политически противоречила бы самому существованию общества, убила бы внутреннюю свободу его развития, внесла бы в стихию его духовной деятельности начало *внешнего принуждения*. При всем том, общество такое имеет значение в организме народа, граждански живущего, что *без него* бессилен народ и несостоятельно государство. Сословия могут меняться и исчезать, дворянство может быть и *не быть* – общество само от того нисколько не уничтожается, ибо его сила не в том или другом *сословии*, а в сумме образования всех сословий. Но там, где *нет* общества, там народ лишен возможности деятельного поступательного движения, деятельной, активной силы; он беззащитен против государства и может противопоставить ему только силу пассивную, силу в охранении, в сбережении своих начал, существенных элементов своей народности. Если, при отсутствии или бездействии *общества*, эта пассивная непосредственная сила переходит в активную, как это случилось в истории, то она является всегда внешнею силою, иногда благотельною, иногда губительною, но никогда ничего прочно не созидающею. Такого рода разлив народной силы, такая внешняя деятельность народа есть явление само по себе аномальное. Оно никогда не бывает продолжительным, и только крайняя историческая необходимость, после долгого сопротивления со стороны самого народа, способна вызвать его к такой несвойственной ему деятельности. Но если, в обеспечение народу, не возникает деятельность *общественная*, как деятельность народного самосознания, то такой разлив силы нисколько не уберегает народ от новых посягательств государства на его жизнь и самостоятельное развитие. Даже наше разумное народное движение в 1612 году не только не слабило значения государственной стихии в России, но напротив, – после того, как народ, посадив на

¹ Впервые напечатано в газете «День», №№ 21–24 от 3, 10, 17, 24 марта 1862 г.

престол Михаила, удалился, вошел в берега, государство стало расти, и выросло до ужасающих размеров...

В Англии с XIII века была и конституция, и парламент, и независимое *политическое* сословие¹ (в которое некоторым нашим публицистам так хочется пожаловать российское дворянство!), была и революция 1649 года²: однако ж начало английской *свободы* считается с революции 1688 года, с той революции, которая не пролила почти ни капли крови, и которая была скорее общественным движением, чем народной революцией в обыкновенном смысле этого слова. В самом деле, не перемена династии Стюартов на Оранскую³, не перемена законов (никакие органические законы не были изменены), не создание аристократии (она была и прежде) дали силу парламенту, конституции и всем прежним формам и положили начало истинной свободе, а нравственное усиление *общества*, общественное *самосознание*, выразившееся в знаменитом акте «декларации прав» (Declaration of Right)⁴, как о том свидетельствует и Маколей⁵, и потом издание закона *о свободе печати*.

С другой стороны, там, где нет общества, государство рано или поздно оказывается несостоятельным. Оно ощущает для своих действий потребность в *существенной* опоре народной, которой не может дать народ, находящийся на ступени непосредственного бытия; потребность в проверке и критике, в том разуме народном, который выражается в постоянной деятельности общественной, а не в одном представительном собрании. Поясним это тем же вышеприведенным примером. Состав парламента внешний был в Англии с немногими изменениями тот же в XIV веке, что и в XVII, но деятельность государственной власти, вследствие слабости, вследствие неприготовленности общества, была несравненно сильнее, почти захватила среду, теперь предоставленную деятельности общественной, и, оказавшись несостоятельною, вызвала переворот 1688 года. Стало быть, представительное собрание само по себе еще не заменяет общества ни для народа, ни для государства, еще неспособно, *само по себе*, сдержать рыбок государственной стихии: была даже опасность в английской истории, по замечанию Маколея, чтобы сам парламент не обратился в деспотическое правительство. Истинные пределы государственной власти положены были в Англии не парламентом, а обществом.

¹ 15 июня 1215 г. по требованию английских лордов английский король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей, в которой устанавливался порядок управления государством, который несколько ограничивал безраздельную власть короля. 20 января 1265 г. был создан первый в истории Англии парламент, в котором участвовали представители от графств и городов (*прим. изд. 2002 г.*).

² В 1649 г. после разгрома королевской армии в ходе гражданской войны был по решению парламента казнен король Карл I Стюарт. 21 марта того же года была провозглашена парламентом Декларация об учреждении свободного государства, т.е. об установлении республики (*прим. изд. 2002 г.*).

³ Штатгальгер Голландии, принц Вильгельм Оранский был провозглашен королем Англии 6 февраля 1689 г. (*прим. изд. 2002 г.*).

⁴ Декларация прав провозглашена сразу же после прихода к власти Вильгельма Оранского, 13 февраля 1689 г. (*прим. изд. 2002 г.*).

⁵ Имеются в виду труды английского историка Томаса Маколея, посвященные истории «Славной революции» 1688–1689 гг., например, «История Англии от вступления на престол Якова II». Маколей был близок славянофилам тем, что рассматривал историю как гармоничное сочетание поэзии и философии (*прим. изд. 2002 г.*).

Далее: есть целая область отношений, на которую не может простираться чисто внешняя, формулированная, ограниченная в своих средствах деятельность государственная, такая область, куда, как мы сказали однажды, не в силах достать сверху распоряжением никакая самая отважная благонамеренность начальства; есть многочисленные явления духа, которые не могут быть вызваны на свет Божий указом и которые не терпят никакой извне налагаемой формулы. Между тем участие таких явлений, жизненная деятельность таких отношений необходимы в общей государственной жизни, и, если общества нет, если оно бездействует, если оно задавлено, – правительству приходится разыгрывать роль самой жизни, исправлять должность самой органической силы. ...Все подобные попытки со стороны правительства производят только одно *подобие* жизни, деятельности, силы, обрекая действительную жизнь новыми оковами и тяжеловесною ложью; мы объяснили это примером казенных миссионеров и многими другими. Мало этого, там, где само общество бессильно или его нет вовсе, правительство нередко создает *подобие самого общества*, точно так же, как и *подобие свободы, подобие независимости от правительства*, подобие вольной общественной деятельности, одним словом, старается обзавестись обществом. Разумеется, все такие старания тщетны, потому что правительство в таких случаях пытается в то же время дать *направление* общественному развитию, создать общество в *известном* духе и на *известных* началах согласно с *своими* целями. Большею частью выходит так, что создаваемое правительством общество, лишенное внутренних залогов самостоятельной жизни и положительной деятельности, обретает себе жизнь и деятельность в *отрицании* себя самого и создавшего его правительства, – но об этом мы поговорим подробнее в своем месте. Мы хотели здесь только заявить, что там, где общества нет или где оно подавлено, правительство ожидает неминуемая несостоятельность, хотя бы оно было окружено всевозможными политическими сословиями и учреждениями. Как мало значат последние, видим мы примеры в нашей собственной истории. Так, назначив в уездные суды представителей от крестьян (сельских заседателей), заставивши их восседать рядом с представителями аристократии – простых мужиков с потомками Рюрика¹, – Екатерина II могла, пожалуй, пред всей Европой похвастаться такой либеральной мерой, которой ничего подобного не представляет сама свободная Англия, – но этот либерализм не прибавил ни на волос ни свободы народной, ни правды в судах и служит только ярким доказательством, что сила и свобода даются не одними учреждениями!

Итак, все сказанное нами приводит нас к следующим выводам:

Никакие учреждения, как бы свободны они не были, никакие представи-

¹ Манифестом 7 ноября 1775 г. Екатерина II учредила довольно сложную систему судебных учреждений. Наряду с высшими правительственными учреждениями создавались сословные суды в губерниях и уездах. В частности, дела свободных хлебопашцев в губернии (и гражданские, и уголовные) рассматривала Верхняя судебная расправа, а в уездах – Нижняя судебная расправа. Кроме того, введены были особые суды для некоторых категорий дел, например, совестные суды, которые ведали уголовными делами о преступлениях, совершенных не по злему умыслу, а в результате случайности, физических или умственных недостатков виновного. Разбирал он и гражданские дела по желанию тяжущихся. Задачей совестного суда было примирение сторон, а не наказание или взыскание. В совестной суд избирались заседатели от всех трех сословий. Ничего подобного не знало законодательство европейских стран. Однако, как заметил В.О. Ключевский, этот суд имел наименее заметную деятельность, оказал наименьшее влияние на ход дел (*прим. изд. 2002 г.*).

тельства, никакие *политические сословия*, никакие аристократии и демократии не могут заменить *общества* и своею деятельностью восполнить недостаток деятельности *общественной*; отсутствие общественной деятельности или бездействие общественной жизни как жизни народного самосознания делает народ бессильным и беззащитным, а государство несостоятельным, хотя бы и существовали политические сословия и даже представительные учреждения. Следовательно, *без общества* все эти политические обеспечения силы и свободы служат ненадежною опорою государства и слабой гарантией для народа; следовательно, истинное обеспечение силы и свободы лежит в существовании *общества*, в общественной силе и в общественной деятельности. Другими словами: *вне* нравственной, неполитической силы того неполитического явления, которое мы называем обществом, бессильна сила политических учреждений; *вне* свободы нравственной, неполитической, вне свободы духовной общественной жизни – нет истинной свободы, ничтожна всякая политическая свобода. И так как государство, государственные формы создаются народом ранее общества, ранее, чем начинается деятельность народного самосознания, то подтверждение наших слов читатели могут найти в истории любого из западных государств и даже нашего русского.

Теперь же мы попросим читателей припомнить статью одного из наших публицистов, который полагает спасение России в заведении сословий – политического дворянства и среднего сословия, а также в организации *партий*. Очевидно, что он сам не отдавал себе ясного отчета в том, что такое общество и откуда берется эта сила, которую нельзя ни осязать, ни уловить в юридическую формулу; очевидно, что он искал ее в сословиях и партиях и, спутывая все понятия, хотел между народом и государством создать *государственным жезлом* жизнь общественную и политическое сословие *с обязанностью жизни и творчества!* В этом сказалось, между прочим, не только раболопное умственное отношение к историческому ходу европейского развития, но чисто внешнее знакомство с этой историей или просто неразумение внутренней органической жизни европейских государств. Впрочем, чего же можно и требовать от того наивного публициста, который явления нашей русской истории понимает только сквозь призму непонимаемых им явлений западной истории, и помирился с нашею табелью о рангах не прежде, как назвавши прапорщика *noblesse d'écuyer*¹, а коллежского асессора – *noblesse de robe*!²

Все эти сословные деления, все эти силы: аристократия и демократия, теряют значительную долю своей важности, как скоро взглянем на них с точки зрения, предлагаемой нами читателям. Мы поймем необходимость иной опоры и найдем ее не в политической только деятельности, не в том или другом сословии, а в обществе с его общественною деятельностью и силою общественного

¹ Дворянство шпаги (*франц.*).

² Дворянство мантии (*франц.*). Автор иронически переносит на русскую почву французскую традицию существования двух, достаточно обособленных, групп дворянства – «дворянства шпаги», т.е. потомственного, родовитого («служилого») дворянства и «дворянства мантии», т.е. чиновников, как правило, выходцев из непривилегированных слоев, приобретших дворянский титул вместе с должностью в органах управления, суде и т.п. учреждениях.

мнения, – обществе, образующемся независимо от всяких сословий. Напротив того, резко разделенное существование сословий только препятствует свободному образованию той среды, в которой совершается общественная деятельность; мы видим из истории, что общество везде возникает и развивается, так сказать, вопреки сословности, несмотря на нее, поборая постепенно препятствия, полагаемые его деятельности всякими юридическими перегородками, сглаживая и уравнивая сословия своею победоносною силой! Чем меньше сословий, чем меньше перегородок, разделяющих людей между собою, тем легче их соединение, тем возможнее дружная деятельность единиц. Следовательно, не создавать вновь, а уничтожать по возможности все разъединяющее – вот к чему мы должны стремиться, чтобы усилить общество, его значение, его силу – единую, могучую, нравственную, человеческую силу, вполне достойную человеческих обществ, силу, без которой ничтожна сила политических учреждений и не свободна политическая свобода.

Общество по существу своему имеет всегда характер *прогрессивный*; мы сказали, определяя общество, что оно есть народ в его поступательном, то есть прогрессивном движении. Просим, однако же, читателей не понимать этого выражения в том пошлом смысле, который прилагается у нас словами: прогресс, прогрессивность, консерватизм, прогрессивные и охранительные начала. Все эти понятия, заимствованные целиком из области условной политической деятельности Запада и без толку применяемые к нашей общественной жизни, ровно ничего у нас не выражают, хотя и пользуются большим почетом со стороны некоторых наших публицистов. Что такое прогрессивное, что такое консервативное начала, разграничить которые так хочется одному русскому писателю – разграничить, а вместе с тем и рассортировать людей на две половины, повесив над каждой вывеску: партия прогрессивная, партия охранительная? По крайней мере в отношении к обществу и к деятельности чисто общественной подобный полицейский распорядок решительно неуместен.

Зерно пускает стебель, стебель пробивает землю, превращается в ствол, в дерево с ветвями и листьями. Как назвать это развитие зерна, этот рост стебля? Прогрессом? Но вы чувствуете, что это название не соответствует делу. Смотанный клубок разматывается длинною нитью... Эта разматываемая нить прогресс или нет? Где искать тут охранительного начала? Точно то же и в обществе. Развитие народных начал, деятельность народного самосознания – это жизнь зерна, это разматываемая нить клубка народной непосредственной силы. Нельзя назвать это консерватизмом, потому что тут есть поступательное движение; нельзя назвать и прогрессом, потому что у нас под «прогрессом» разумеется не сама жизнь, не развитие свободное и естественное, не логический вывод из последующего, а неизвестно что, какая-то гоньба за всякую новизною, известие о которой привезено с последнею заграничною почтой.

Нельзя сказать: я состою по части охранительных начал, а я по части прогресса, потому нельзя, что вся задача общества есть именно жизнь, движение, сознание *основных* народных начал, следовательно *прогресс* так называемых «охранительных» начал. Таких штемпелеванных основных начал, которые бы не

способны были к *жизни*, к развитию, не допускали бы *прогресса* в своем практическом осуществлении, не имеется; точно так же, как и прогресс, как скоро он является извне, не в виде органического продукта или развития, а готового результата чужой жизни и истории – безобразен и не живуч. Это все равно, что назвать позолоченные деревянные яблоки, подвязанные к ветвям ели, – прогрессом ели! Мы хотели бы спросить наших публицистов, которые заботятся об образовании этих двух партий и заранее тешатся их взаимной игрой, что, собственно, они понимают под охранительными началами? Если они скажут: начала народности, то тут и представляется вопрос: какие именно начала признают они народными? Например, начало общинное, которое всегда отвергалось одним из поклонников мнимого консерватизма, народное или нет? Таким образом возникает спор о самих началах. Но положим, что он решен; тогда придется спросить: в каких отношениях состоит *существующий порядок* к народным началам? Если бы, по проверке, оказалось, что существующий порядок противоречит народным началам, так защитники существующего порядка, везде и всегда именуемые *консерваторами*, явились бы врагами «охранительных», то есть консервативных начал, то есть «прогрессистами», а защитники консервативных начал – врагами, разрушителями существующего порядка. Но тогда роли партий до такой степени перемешаются, что и сами публицисты не доберутся в них никакого толка. Очевидно, что все эти слова лишены у нас всякого значения и, перенесенные на русскую почву, способствуют только к затемнению, к большей путанице понятий, которою и без того страждет наше общество.

По нашему мнению, консервативно только то, что народно, то есть что действительно живет и способно к жизни; и только то, что народно (и потому консервативно), – только то и прогрессивно. Следовательно, вопрос не в том, что принадлежит к ведомству охранительному, что к прогрессивному, а в том, что народно и что не народно. Не потому должен являться человек последователем известного начала, что оно охранительно или прогрессивно, а потому единственно, что признает его за единое истинное и живое. Если же оно истинно, то оно и охранительно, и способно к прогрессу, и противоречия между этими словами нет. Повторяем: нельзя не пожелать, чтоб эта рутинная, чтоб эти пошлые понятия – охранительные начала, консерватизм и прогресс, в том смысле, как они употребляются у нас в России, были изгнаны из нашей литературы как решительно ничего не выражающие и только сбивающие с толку, призраком какого-то смысла, нашу читающую публику.

Итак, общество, правильно организовавшееся, есть среда, в которой совершается деятельность народного самосознания, развитие и жизнь народных начал. О консерватизме и прогрессе не может быть тут и речи, потому что развитие, чуждое основным началам народности, не есть прогресс, а искажение общественной деятельности, расстройство органических отправления, уродство, болезненное состояние, которое излечивается только возвращением к народным началам. Это возвращение разумеется не в смысле консерватизма, а в смысле восстановления правильного кровообращения, правильного развития, в смысле возвращения к живой истине, – хотя бы это возвращение и разрушило дорогой

для «консерваторов» существующий порядок!

Конечно, такова деятельность общества, рассматриваемого как целое; но, состоя из единиц, оно представляет такое же разнообразие частной деятельности, какое существует и между единицами. Естественно, что образуются группы единиц, сходных в стремлениях и воззрениях, образуются свободно и свободно же уничтожаются, сливаются с другими или разбиваются на мельчайшие группы. Но эти группы нисколько не *партии*, как ошибочно думают некоторые, перенося готовое определенное понятие из западной политической жизни на нашу общественную почву. Мы сейчас объясним это примером.

«Combien êtes-vous? Сколько вас?» – спросил однажды давно уже тому назад член бывшей французской палаты депутатов одного из так называемых славянофилов, с таинственным видом наклонившись к нему на ухо. Дело было в Москве, на каком-то рауте. Француз-депутат вздумал посетить Москву и, познакомившись с теми, кого литература только что окрестила прозванием славянофилов, был озадачен оригинальностью и дерзостью их воззрений. Впрочем, дерзкими они казались гораздо более тогдашнему русскому обществу, чем иностранцу, искавшему в России самобытных проявлений русской мысли и русского духа. «Combien nous sommes, сколько нас?» – отвечал славянофил и рассмеялся. Он живо вообразил себе, как должно было сложиться и сложилось в голове француза представление о славянофилах. Француз не мог их понять иначе, как *партией*, а партию измерял, разумеется, числом лиц, партию составляющих. «Нас три, четыре, пять человек, да и то не во всем согласных: вы были свидетелями наших споров», – продолжал славянофил и попробовал было объяснить изумленному французу, что *партии* славянофильской нет и быть не должно (никогда и не было, прибавим мы), попробовал да и оставил. Это было выше французского понимания.

В самом деле, что такое *партия*? Партия в том смысле, как она понимается на Западе, есть союз людей, не просто *согласных* между собою в своих убеждениях, но *согласивших*, славивших, «скомпоновавших» свои действия для достижения известной определенной цели. Партия предполагает непременно вождя и условный план действий; в искреннем внутреннем согласии членов партии, даже ратующей за какой-либо принцип, вовсе нет надобности: нужно только одно *внешнее* согласие, признание всеми – общего способа действия; достаточно условиться чисто внешним образом, как поступать, как достигать предположенной цели. Очень может случиться, что все члены партии одушевлены одним убеждением, но самое *понятие* о партии не предъявляет такого нравственного требования. Она полагает свою силу, как партия, не во внутреннем содержании своего лозунга, а в его *соединительном внешнем* значении, не в истине своего принципа, а в своей числительности. На Западе это вполне объясняется характером политических учреждений, где истина познается по чисто внешнему признаку, то есть по большинству шаров при баллотировке: следовательно, количество голосов, которыми располагает партия, и их дружное действие при парламентских маневрах обуславливают успех и торжество партии. Так и у нас, например, на дворянских выборах, ищущий звания предводителя набирает себе *партию*, потчует дворян шампанским и кулебякою.

Одним словом, партия есть явление западной политической жизни и предполагает: или чисто внешнюю цель, например успех лица в достижении известного звания, – или же, имея своим знаменем какой-либо нравственный или политический принцип, способ действия условленный и внешний. Очевидно, что нельзя применить название партии, например, к миссионерству, к вере; никто не скажет «партия христиан», если дело идет о внутреннем отношении христиан к их вере и т.п.

Условность, неразрывно связанная с идеею партии, конечно, стесняет внутреннюю личную свободу лиц, к партии принадлежащих, и несколько оскорбительна для самого убеждения, делая его искренность как бы ненужною, относясь к нему со стороны внешней. Таких партий не должно существовать *вне* сферы политической, в обществе, да и не существует, по крайней мере у нас, в России. Не посредством партий и их столкновения совершается деятельность народного самосознания. То, что у нас называется ложно *партиями*, может называться *направлениями*, или даже школами, учениями, но никак не партиями. Направление, свободно разрабатываясь, может видоизменяться в бесчисленных оттенках, жить своею внутреннею жизнью, приниматься другими не вполне, а отчасти; оно не предполагает никакой условности, не обязательно ни для кого, а требует только искренности от человека, становится его самостоятельным убеждением, его личною жизнью. Поэтому на вопрос, недавно возбужденный в нашей литературе – к какой кто принадлежит *партии*, мы отвечали бы, что к партии мы не принадлежим никакой, но принадлежим к известному *направлению*.

Таким образом, мы, кажется, довольно полно и обстоятельно определили: что такое народ, государство и общество, какое значение имеет последнее в общей деятельности народного организма, в каких отношениях состоит оно к народу, к государству, к сословиям, в чем заключается общественная деятельность, в чем ее выражение, что такое общественная сила и какое ее орудие; мы объяснили, что общество не есть явление политическое и чуждо всякого политического элемента, всякого начала условности, внешнего принуждения и внешней организации; мы указали на некоторые понятия, которые многими из наших публицистов ошибочно прилагаются к обществу, и старались, по возможности, очертить как характер, так и самый путь общественного развития. Не знаем, решили ли мы эту задачу удовлетворительно для читателя, но мы во всяком случае обязаны выполнить дальнейшую нашу программу.

Говоря об обществе, об отношении его к сословиям, об его чисто нравственной деятельности, мы предполагали, стало быть, существование сословий, целый ряд особенных отношений между ними и государством, целую область деятельности, не подходящей под наше определение деятельности общественной, и которую однако же мы не называем и государственною? Действительно, мы это предполагали: сюда относится самоуправление, местная жизнь, участие в политических делах государства и своей местности и т.п. Какое имя всей области этих отношений? Мы не вправе назвать ее *государством*, потому что она может быть и чужда элемента государственности, например жизнь общин; не можем назвать ее только *народною*, потому что этому слову придается смысл совершенно особый: или

смысл протонародности, или же такое широкое значение, которое объемлет собою и государство, и простой народ, и сословия; мы не назовем ее *общественною*, потому что дали этому слову особое определение. На русском языке существует слово: *земля, земство, земщина, земский*, которым может назваться вся внешняя гражданская жизнь народа, без различия сословий, в противоположность правительству и правительственной среде. Мы не употребим, например, выражения: *общественная дружина, общественная рать*, но скажем: *земская дружина, земская рать, земская повинность, земская полиция, земское управление...*

*Извлечение публикуется по изданию:
Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России?
М., 2002. С. 148–156.*

ОШИБОЧНОСТЬ ВЗГЛЯДА, БУДТО СВОБОДА СЛОВА НЕСОВМЕСТИМА С СУЩЕСТВУЮЩЕЮ У НАС ПОЛИТИЧЕСКОЮ ФОРМОЮ ПРАВЛЕНИЯ¹

1863 г.

В последний раз мы изобразили – кажется в картине довольно яркой – печальное, жалкое положение нашего современного русского общества, пришедшего к сознанию своей совершенной несостоятельности, своего полнейшего нравственного и духовного бессилия. Ничто так не гнет душу, нет в мире ощущения более тягостного и мучительного, как это сознание своего бессилия, как это внутреннее безверие в свои силы! Оно умерщвляет в самом зародыше всякое начинание, поражает слабостью всякую деятельность, разъедает, подтачивает своим тайным ядом все, что еще остается живого и цельного в общественной жизни. Такая неспособность, такая импотенция нашего общества парализует в свою очередь добрые начинания и самого правительства, – истощающегося, как мы сказали, в бесплодных, хотя нередко и благородных усилиях. Едва ли позволительно надеяться, что внешние и извне налагаемые на общество либеральные учреждения воскресят и оживят общество, когда для жизни самих этих учреждений – нужно присутствие *жизни духа и духа жизни* (по выражению поэта), которых именно недостает нашему обществу! Никакие реформы – ни преобразование судов, ни земские учреждения, ни новое городское «самоуправление», не принесут даже и той пользы, которую бы они могли дать (независимо от своих собственных внутренних недостатков), при таком нравственном, или – лучше – безнравственном состоянии общества! Впрочем – более подробный ответ на вопрос: в какой степени *так называемое* у нас, проектированное «общественное самоуправление» может усилить и укрепить наше общество, мы находимся в необходимости отложить до другого раза, – но уже и из того, что выражено нами, кажется ясно, что дело не во внешних учреждениях, требующих для своего действия – участия

¹ Впервые: газета «День», № 4 от 26 января 1863 г. Снято цензурой.

готовых сил общественного духа, – а в том, что может оживить самый дух, возродить самые силы. Примеры всего лучше пояснят нашу мысль. Если человек поражен слепотой, болен катарактом на глазах, то напрасно будете вы вооружать его доспехами и давать палицу в руки, чтобы он мог защищаться от врагов, когда прежде всего нужно бы снять с него катаракт и вернуть ему зрение! Если узник чахнет от недостатка свежего чистого воздуха, то никакое благодетельное разрешение самоуправляться *внутри* своего смрадного жилища не даст ему здоровья, ни сил для ходьбы и движения, пока он не дохнет свежим и чистым воздухом!

Как ни благодетельны многие реформы, но для успеха самих реформ необходимы были бы, по нашему мнению, такие меры и средства, которые бы непосредственно действовали – не на ту или другую внешнюю часть общественного организма, а на весь его внутренний строй, в его целостности, на общее начало органической жизни. Действие этих мер и средств чисто нравственное и похоже, по выражению одного писателя, на так называемые *тонические* средства в медицине, – то есть дающие общий тон физическим отправлениям больного человеческого организма. К таковым мерам относим мы: свободу мнения и выражения его в слове.

Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человека, без которой он не человек, а животное. Бесмысленны и бессловесны только скоты, – и только разум, иначе, слово – уподобляет человека Богу. Мы, христиане, называем самого Бога – словом. Посягать на жизнь разума и слова в человеке – значит не только совершать святотатство Божьих даров, но посягать на божественную сторону человека, на самый дух Божий, пребывающий в человеке, на то, чем человек – человек! Свобода жизни разума и слова – такая свобода, которую, по настоящему, даже смешно и странно формулировать юридически, или называть правом: это такое же право, как право быть человеком, дышать воздухом, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условие самого человеческого бытия; при нарушении этой свободы нельзя и требовать от человека никаких правильных отправления человеческого духа, ни вменять что-либо ему в преступление; умерщвление жизни мысли и слова – самое страшнейшее из всех душегубств! Человек, стесненный в свободе мыслить и выражать свою мысль словом, чувствует себя стесненным во всех своих действиях, требующих участия мысли и воли, – не годится ни для какого общественного дела, плохой гражданин, плохой слуга обществу и государству.

Все это считается старыми избитыми истинами, а между тем – странная судьба русского человечества – у нас именно потому и не обращают внимания на эти истины, что эти истины – стары! Но без воплощения в нашу жизнь этих старых, – никакие новые истины не способны оплодотворить нас, как бы усердно ни хлопотало о том правительство. Если вы требуете от человека содействия, помощи, услуги, разумной покорности и исполнительности, дайте ему, прежде всего, возможность быть человеком, то есть право мыслить и говорить, а не превращайте его в скотоподобное, бессловесное и бессмысленное существо. Убедитесь сначала в этой истине, а потом уже и налагайте ваши требования на человека.

Все, что мы говорим здесь про человека, относится точно так же, и еще более,

к человеческому обществу, которого живой естественный голос в наше время есть *печать*. Стеснение печати есть стеснение жизни общественного разума, – оно парализует все духовные отправления общества, осуждает все его действия на бессилие, удерживает общество в вечной незрелости, обрекает мертворожденности все исчадия его духовной производительности. Государство не вправе требовать от общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содействия, если духовная жизнь общества поражена таким духовным гнетом. Повторяем, никакие самоуправления, никакие реформы, никакие благодетельные законы не только не принесут добра, но даже и не привьются к общественной жизни, если общество будет лишено существенных условий жизни – свободы мысли и слова. Поэтому во всякой стране общество остается совершенно безучастным ко всем либеральным нововведениям и встречает их с убийственным равнодушием, – пока продолжает чувствовать, ощущать и слышать свою мысль и слово придавленными, угнетенными и скованными. Нововводимые учреждения нуждаются, для своей жизни, в полном искреннем сочувствии, любви, преданности, участии всех сил общественного разума и воли, – но возможны ли такие приношения духа со стороны общества, когда оно не имеет права высказать об этих учреждениях свое нестесненное мнение; возможно ли, чтоб оно поверило в свою гражданскую и политическую свободу, когда оно не свободно в мысли и слове?

Есть мнение, ни на чем не основанное и повторяемое у нас с ветру людьми, пробавляющимися весь свой век готовыми чужими афоризмами, что свобода печати не совместна с существующею у нас политической формою правления. Это мнение совершенно ложно. Во-первых, как мы уже сказали, свобода слова не есть свобода политическая, и защитники мнения о несогласии принципа свободной печати с нашим политическим принципом могут точно так же, с не меньшим основанием, утверждать, что эта форма правления несовместна и с свободою жизни, свободою – пить, есть, дышать, ходить и двигаться. Если же признается возможным и жить, и дышать, и совершать прочие отправления под защитою неограниченной монархической власти, то нет причины унижать значение самодержавия до такой степени, чтобы считать немислимою жизнь духа и разума под его верховной эгидой. Напротив, мы думаем, что настоящее, именно русское, самодержавие предполагает полную свободу нравственной общественной жизни и без этой свободы перестает быть русским, перейдет или в немецкий абсолютизм, или в азиатский деспотизм, но в наше время нам нечего опасаться такого искажения русского народного политического устройства. Мы полагаем, что именно в России, именно при ее форме правления, может и должна существовать такая свобода печати, которая немислива во Франции и в других государствах Европейского материка.

Свободное мнение в России есть надежнейшая опора свободной власти – ибо в союзе этих двух свобод заключается обоюдная крепость земли и государства. Всякое стеснение области духа внешнею властью, всякое ограничение свободы нравственного развития подрывает нравственные основы государства, нарушает взаимное доверие и то равновесие, ту взаимную равномерность обеих сил, которых дружное, согласное действие составляет необходимое условие благого и

правильного хода русской народной и государственной жизни.

Недуг нашего общественного бессилия, инерция нашего общественного организма происходит от причин чисто нравственного свойства и требует для своего излечения – мер и средств такового же качества, – тонических, как выражаются медики. Для жизни и производительности общественной необходимы известные условия, которых недостаток и составляет главный источник нашей болезни. Эти условия жизни – свобода развития общественного разума, свобода мнения и выражения его в слове устном и печатном. Пока эти условия не удовлетворены, пока общество будет чувствовать в самых первых отправлениях своего духа стеснение и задержку, то – подобно отдельному человеческому организму, ощущающему постоянное стеснение в легких и постоянную несвободу в дыхании и выдыхании воздуха, – общество может только чахнуть и не в состоянии ни пользоваться либерально даруемыми ему правительством правами, ни оказывать правительству то дружное содействие, без которого бессильно всякое благое правительственное начинание. Без внутреннего духа жизни самые мудрые законы останутся мертвою буквою, а жизнь духа немыслима без свободы мнения и слова. С другой стороны – только неограниченная свобода мнения обуславливает разумность неограниченной свободы правительственного действия.

Публикуется по изданию:

*Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России?
М., 2002. С. 576–579.*

ИГНОРИРОВАНИЕ ОСНОВ РУССКОЙ ЖИЗНИ НАШИМИ РЕФОРМАТОРАМИ¹

1865 г.

Если бы какому-нибудь англичанину привелось сочинять проект политического устройства России – нет сомнения, этот англичанин, не приступая к делу, пожелал бы наперед осведомиться о том: какие имеются у нас налицо общественные элементы, какие основы выработаны историей, какие идеалы продолжают жить в народном сознании или выражались в течение нашей тысячелетней исторической жизни. Занявшись исследованием элементов, из которых сложилось наше политическое тело, – да и без всякого особенного исследования, а по первому поверхностному обзору, – он, наверное бы, прежде всего поразился тем, что не может не поразить и не броситься в глаза каждому, – именно тем, что в России имеется налицо до 40 миллионов сельского оседлого населения. Это обстоятельство, конечно, показалось бы ему довольно важным, как по количеству населения – 40 миллионов чего-нибудь да весят, так и по качеству: население оседлое, составленное из домохозяев, из которых каждый живет в своем доме и владеет известным пространством земли – это явление такое оригинальное, ко-

¹ Впервые напечатано в газете «День», № 11 от 13 марта 1865 г.

тому ничего подобного нет во всей Западной Европе: отсюда прямой вывод, что и самый простой народ в России должен существенно отличаться от черни или плебса (plebs), пролетариата, английских рабочих, французских «увриеров»¹, кочевых батраков и всего того, что под словом «простой народ» разумеют обыкновенно на Западе. Очевидно, подумает англичанин, что и условия политического устройства – при таком преобладании стихии сельского населения – должны быть иные, столько же оригинальные, сколько оригинально и самое явление; западные теории публичного права и политического устройства, не имевшие в виду этих необычайных фактов публичной и бытовой жизни, оказываются для них слишком тесными и слишком узкими. И если бы даже англичанин не отказался совсем от дерзкого предприятия: сочинить для нас проект политического устройства, то во всяком случае – свободный от раболепства пред наукою теорией (которая ему своя, не чужая) и воспитанный в уважении к правам жизни и быта – он постарался бы подсмотреть в тумане чуждой ему жизни какой-нибудь путеводный свет, отыскать в этом громадном теле какой-нибудь главный, жизненный, исторический нерв и отделить существенное и органическое от всего наносного, паразитного, искусственно вызванного к внешнему бытию. Удалось ли бы ему это – другой вопрос; вероятнее всего, что не удалось бы ни в каком случае; но несомненно по крайней мере, что именно в таком, а не в ином смысле были бы даны им указания и советы.

Пригласите же сочинить подобный проект любого русского, принадлежащего к так называемому «образованному сословию» и в этом сословии принадлежащего еще к партии, с которой нам теперь так часто приходится спорить, – партии явных и скрытых, сознательных и бессознательных поклонников Петровского переворота: никаких особенных затруднений в сочинении такого проекта для нашего брата русского – не найдется. Тогда как англичанин будет себе ломать голову над исследованием туземных общественных элементов и исторических данных, наш русский прожектор прямо отправится черпать из источника исторической западной жизни и западной политической науки. Источник богатый, примеров и образцов много, – какой-нибудь из них да пригодится, а что касается до своеобразных и оригинальных форм народного русского быта, то их «образованный» русский человек большею частью или величаво игнорирует – то есть не признает, знать не хочет, или же и действительно вовсе не знает. Последнее встречается даже чаще, чем первое; полнейшее невежество в деле русской истории и русской народности составляло до сих пор какую-то аристократическую принадлежность высшего образования, своего рода *bon genre*², и хотя такому отношению к русской народности нанесен в последнее время значительный удар, тем не менее это невежество и до сих пор продолжает украшать наше светское образованное общество. «Что за дело! – возразят нам, – стоит ли на такие пустяки обращать внимание? Эти нападки на светское общество уже устарели и вышли из моды!». Дело есть, ответим мы, и возобновить нападения стоит. Мы очень хорошо знаем, что светский круг сам по себе довольно ничтожен и действительно не стали бы обращать

¹ Рабочих (от *франц.* ouvrieres).

² Хорошая манера (*франц.*).

на него большого внимания, – но этот круг, по своему общественному положению, не чужд некоторого влияния на общий ход дел; этот круг, которого родная речь есть не русская, а французская, поставляет из себя главный контингент русской служебной рати с административным значением... И тогда как самому англичанину, повторяем, и в голову не придет, да и придти не может – считать английский общественный строй пригодным для русской земли, «образованный» русский именно к Англии-то и обратится за образцами. Тогда как всякого англичанина поразит, прежде всего, значение у нас простонародной стихии, – наш светский русский либерал именно об ней-то меньше всего и помнит. Тогда как англичанин нашел бы нужным дать полную свободу органическому жизненному началу и доискаться своеобразных исторических основ и идеалов самой страны, – нашему русскому о таких русских основах и идеалах и горя мало. «Да помилуйте, – скажет наконец, с своим здравым практическим смыслом, англичанин, – что вы делаете? Или вы забыли, что у вас в России 40 миллионов оседлого сельского населения, что, следовательно, главный центр тяжести у вас в нем, а не в городах и не в отдельных землевладельцах, что, следовательно, условия вашего политического устройства и ваши государственные идеалы должны быть совершенно иные, чем в Европе, где или вовсе нет оседлого сельского населения, или же очень мало, и во всяком случае нет таких громадных масс народа, обеспеченных на долгие веки землею, прочно сидящих на основах поземельного общинного владения, крепко сплоченных общинною организациею?». – «А что, ведь может быть, и правду говорит англичанин, – ответит, пожалуй, наш русский прожектор, – ведь и в самом деле в России до 40 миллионов поселенного на земле народа?.. *Слона-то я и не приметил!*..».

Да, именно слона не приметил. И хотя это кажется невероятным, но оно именно так. Наши прожекторы постоянно забывают *бездельцу* в своих благодетельных проектах: русский народ и народность. Они, как говорят французы, рассчитывают без хозяина: *ils comptent sans leur hôte!* Либералы, – и искренние либералы, мы это охотно допускаем, – они, сами того не смысля, только усиливают ненавистное им самим начало; слепцы – они не видят, что их либеральные тенденции таят в себе глубочайшее презрение к свободе органической жизни, к ее правам на своеобычное, независимое, самостоятельное развитие. Умышленное ли игнорирование или простодушное невежество, – такое отношение к русскому народу и народности равно достойно порицания, равно опасно. Это отношение создано Петром. Неуважение к народу составляет характеристическую черту его преобразований. Обратив в послушные орудия своей идеи дворянство и духовенство, создав из них военную и гражданскую армию около государства, сломив всякое сопротивление органической жизни, он не хлопотал ни о просвещении простого народа, ни о его развитии, а наложил на него новый гнет ревизионного крепостного рабства. Это неуважение к народным началам, к истории, ко всему живому и органическому, эта привычка к деспотическому обращению с жизнью, эта замашка создавать не справляясь с действительностью, эта храбрость предположений, доктрин, теорий, которою особенно отличается наша известная среда – все это истекает прямо и непосредственно из принципа, внесенного

Петром I в нашу историческую жизнь, все это, более или менее, вьелось в плоть и кровь нашего образованного общества, все это диаметрально противоположно истинному понятию о свободе... От насильственного бритья бород, со введением немецкой номенклатуры чинов, до посева кукурузы в Архангельской губернии, до предложения народу питаться картофелем при обилии хлеба, до попыток (покуда теоретических) разрушить поземельную общину и обезземелить крестьян, до забавных забот об искусственном водворении дорогого иностранного рационального сельского хозяйства в наших обширных поместьях и при дешевизне наших цен на сельские продукты; от обучения «комплиментам» по петровской методе до вожделий видеть на наших полях замки английских лордов и коттеджи английских фермеров – все это развитие одного начала, одной системы. Все один и тот же дух, один и тот же прием, только без внешней грубости, свойственной петровскому времени и личному его характеру...

Нынешнему правительству суждено было совершить перелом в этом историческом направлении – чрез освобождение и введение в круг нашего гражданского исторического бытия той именно стихии, которая была скована Петром крепкою цепью, – стихии органической жизни. Отныне не только справедливость, русское чувство, разум, но и простое благоразумие требует от нас полного признания прав этой стихии, и такого же полного отречения от того пути, которым до сих пор следовало наше образованное общество, – от всех антинародных начал, от всякого петровского пренебрежения к народу, к народности, к жизни, к правам живого исторического организма. Если теперь *навстречу* поднимающемуся в своем росте, пробудившемуся в своем сознании, освобожденному от долгого плена и сна народу мы понесем наше прежнее невежество, наше прежнее «игнорирование» его бытия, его нравственных прав, наши прежнее замашки и привычки благодетельствовать ему, не спросясь с ним, наши галломанские или англоманские мечтания, наше легкомысленное суетное, «фривольное» образование, наше бессильное, бескоренное, несамостоятельное просвещение, – то ничего хорошего от этой встречи не выйдет... Всякое недоброжелательство к народному подъему, к народным началам и основам со стороны нашего общества может в конце концов иметь вредные последствия для свободы. Народ готов был бы искать в нас опоры просвещения, знания, опыта; он ждет, что мы принесем ему в дар после долгой разлуки силу народного самосознания, – конечно, отвлеченного, выработанного нами на досуге, вдали от жизни, но именно теперь призванного к жизненности и творчеству... Какой же дар несем мы ему? Не вправе ли он спросить нас: «Что же вы делали все это время, в то время, как я вынужденно коснел в бездействии, – вы, которые могли *делать*, а если не всегда могли делать, то могли мыслить, проповедовать, отстаивать, хранить и развивать, хотя бы только в области отвлеченного сознания и в доступной вам общественной среде, свою, то есть общую нашу народность? Где ваши труды? Где ваши, если не гражданские, то хоть духовные подвиги на охрану народности, органической жизни, народной личности, – всего того, что делает народ народом, ради чего он только и призван существовать?.. Вы не можете ссылаться на угнетение и неволю: простора для борьбы друг с другом и с обществом было довольно: но боролись ли вы? Не сами ли вы

добровольно соблазнились? Не кичитесь ли вы и теперь, самодовольно, вашим просвещением – вашим отступничеством от исторических преданий, вашим неуважением к своеобразным основам русской народности? Сознали ли свою вину пред своею землею, своею народностью, своей историей? Где идеал, вами выработанный? Где путь, который вы бы могли мне указать?.. Уразумели ли вы по крайней мере, где болит, что болит, отчего болит? Что здорово, за что именно надо держаться?.. Вы даже и этого не умели сознать и поведать мне!!». Что тогда ответим мы народу?! Об этом стоит подумать, не дожидаясь, чтоб непременно сам народ предложил нам такие вопросы и в такой форме мы должны сами для себя задаться такими вопросами... Мы должны предупредить их. Не мужики спросят – история спросит.

Отдаленные потомки едва ли поверят, чтобы в наше время, в эпоху освобождения крестьян, еще было уместно и даже необходимо писать и печатать статьи против пролетариата на русской почве, против обезземеления крестьян, против принятия насильственных или искусственных мер к разрушению поземельной общины, против мечтаний о поземельной аристократии и т.д., и т.д. Им покажется забавным – точно так, как и в наше время это должно показаться забавным каждому иностранцу, а англичанину в особенности, что русские люди второй половины XIX века нуждаются в напоминании о существовании в русской земле 40 миллионов сельского населения на основаниях совершенно оригинальных. Мы ко многому притерпелись, пригляделись, прислушались, но если бы кто взглянул свежо, если бы кто послушал наши речи свежим слухом, тот был бы поражен той аномалией, в которой пребывает, живет и толчется наше общество. Эта аномалия выражается как в крупных, так и в ничтожных явлениях, – но по нашему мнению, не следует пренебрегать ничтожными явлениями; в них точно так же, «как солнце в малой капле вод» отражается весь крупный недуг наш. Если значительная часть русского образованного общества у себя в России говорит и переписывается между собою не на русском языке, если подобная несообразность возможна, – то, как по-видимому она ни мелка, ни незначительна, нечего удивляться, что и предположения о преобразовании той или другой стороны русской жизни сочиняются в нерусском духе, и что русское общество, в легкомысленной слепоте, себе на пагубу, забывает класть на весы значение народной стихии, забывает брать его в расчет в своих гражданских думах и соображениях. Относительно народоведения, русскому обществу, к несчастью, приходится начинать с самых элементарных понятий и твердить такие истины, которые на Западе уже давно сделались пошлыми. Остается уповать, что какой-нибудь благодетельный иностранец (с авторитетом, разумеется) обратит наконец наше собственное внимание на элементы, начала, основы нашей собственной народной исторической жизни, поучит нас уважению к нашей народности, к нашей истории и открыто признает за нами право, которое и мы, может быть, вслед за ним признаем, на самостоятельное, самобытное развитие. Авось-либо тогда наши статистики перестанут краснеть от стыда, выводя процент отношения нашего городского населения к сельскому и конфузясь пред иностранцами за слабый рост нашей городской жизни; авось-либо какой-нибудь англичанин или американец растолкует

им наконец, что у нас есть село, чего уже почти нет на Западе, и что в нашем селе лежит залог нашей силы, зерно нашего органического своеобразного развития. Село – вот, скажем кстати, заглавие того ученого труда, к которому мы призываем наших статистиков, экономистов, политиков, юристов и пр., и пр., – село с его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленным, фабричным и заводским производством, село пашенное, село торговое, село с неотъемлемым от него общинным обычаем, с общинным самоуправлением. Разрушим ли мы эти вместилища, эти резервуары народной бытовой силы? Эти центры народной жизни, которые способны и к развитию, и к просвещению для того, чтоб, с одной стороны, создать крупную личную собственность для нескольких единиц, а с другой – чтоб скопить в городах бездомное, бессильное население?

Но мы увлеклись в сторону. Повторяем опять: нам надо торопиться, чтобы с добрым ответом предстать перед суд[ом] истории... Кто хочет мира, а не вражды, созидать, а не разрушать, творить живое, а не мертворожденное, кто хочет работать для свободы и для успехов истинного просвещения, тот должен прежде всего отречься от петровских преданий, от всего злого, насильственного, ложного – присущего петровскому перевороту, проникнуться уважением к правам народного организма, поработать наконец искренно, – не чуждому, как предлагают иные, а истинному народному началу и идеалу.

*Публикуется по изданию:
Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России?
М., 2002. С. 303–308.*

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЧИЧЕРИН

О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ¹

1866 г.

Предисловие

Вопрос о представительном устройстве, об его условиях и последствиях составляет один из самых живых интересов современной жизни. С конца прошедшего столетия, с тех пор как Французская революция дала новый толчок либеральным идеям, народы Западной Европы неудержимо стремятся к представительным учреждениям. Борьба между требованиями свободы и правительствами, которые стараются их воздерживать, наполняет весь XIX век и продолжается доселе. Весы склоняются то на ту, то на другую сторону: то свобода бурным потоком пробивает себе путь сквозь все преграды, то опять торжествует реакция, и народы, далее всех ушедшие в своих требованиях, ревностно восстанавливают упавшее начало власти. Если в настоящее время вся Западная Европа усвоила себе начала конституционной монархии, то, за исключением Англии, нет почти страны, в которой представительный порядок успел утвердиться на прочных основах.

Такая же шаткость господствует и в теории. Существенные черты представительного устройства более или менее признаются всеми; из опыта и науки успела выработаться определенная система. Но в подробностях, и весьма важных, далеко не установилось единомыслие. Самые живые вопросы, вопросы о преобладании того или другого элемента остаются нерешенными. Одни требуют парламентского правления, другие стоят за независимую силу монархической власти. Затихшая после Французской революции борьба между монархическим началом и республиканским воззрением возгорелась снова. Вечный спор между аристократией и демократией продолжается и теперь. Но, в особенности, не выяснены условия представительного порядка. В этом отношении конституционная теория представляет самый существенный пробел.

Что требуется для водворения и поддержания представительных учреждений? Где и когда они приложимы? На чем основана их сила? Вот вопросы, которые в настоящее время сделались менее ясны, нежели когда-либо. Была пора, когда думали, что сила разума сама собою способна установить в обществе свободу, что народам стоит пожелать, чтобы стяжать все благоденствия представительного по-

¹ Впервые книга была опубликована в 1866 г. в Москве и представлена автором в качестве докторской диссертации. Второе прижизненное издание вышло в Москве, в 1899 г.

рядка. Суровые уроки истории разрушили эти мечты. Неоднократный опыт, еще недавно повторенный, показал, как недолговечны идеальные построения. Теперь политические мыслители от теории обратились к жизни; они стараются исследовать общественные силы и в них найти основы для политического здания. Но разработка этих вопросов едва начинается; положительных результатов пока еще нет. Одни видят краеугольный камень политической свободы в личных правах, другие в местном самоуправлении, те и другие одинаково неосновательно. Из современных публицистов, которые занимались этим вопросом, выше всех, бесспорно, стоит Гнейст¹. Он хотел сделать для конституционной монархии то, что Токвиль² сделал для демократии. Тот отправился изучать демократические учреждения в типической для них стране, в Северной Америке, и представил полную и верную картину внутреннего быта Соединенных Штатов. Гнейст взял классическую страну конституционной монархии, Англию, и в мельчайших подробностях изобразил ее управление. Но, к сожалению, он смотрел на свой предмет далеко не беспристрастно. Он хотел из английской жизни извлечь уроки для своих соотечественников, а посторонние цели обыкновенно мешают правильному взгляду на вещи. В самой Англии он устремил все свое внимание на одну только сторону, упущенную прежними исследователями, на местное управление; он выдвинул его на первый план и поставил его в основание всей английской конституции, что, в сущности, не более, как произвольное предположение. Изучая предмет, Гнейст ненамеренно преувеличивал себе его значение и вносил в него свои собственные взгляды. Даже местное самоуправление он исследовал с одностороннею мыслью, которая не оправдывается им самим выставленными фактами. Он явился решительным приверженцем одной только формы английского областного устройства, той, которая вытекала из господства аристократии и которая в новейшее время, с усилением средних классов, уступает место иным началам. В водворении выборного права в областях Гнейст видит упадок английской конституции. С этими выводами согласиться невозможно. Сочинение, замечательное по своей учености, остается бесплодным по своим результатам. Во всяком случае, исследование учреждений и быта одного государства недостаточно для всестороннего понимания предмета. Только сравнительное изучение истории представительного порядка у различных народов может привести к точным заключениям. А к этому доселе никто не приступал. Таким образом, вопрос об условиях представительного порядка едва затронут. Для исследования открывается здесь самое обширное поле.

Русский писатель в некоторых отношениях находится в счастливом положении касательно всех этих вопросов. У нас они до сих пор не имели практического значения, а потому мы можем относиться к ним вполне беспристрастно. У нас нет и тех односторонних взглядов, которые вырабатываются историческою жизнью народа. Наконец, мы не причастны тем глубоким предубеждениям, которые разделяют немцев, французов и англичан. В качестве посторонних зрителей мы можем спокойно сравнивать историю всех представительных государств и де-

¹ Гнейст Рудольф фон (1816–1895) – немецкий юрист.

² Токвиль Алексис де (1805–1859) – французский государственный деятель, историк, социолог.

лать из нее выводы, не искаженные народным самолюбием или односторонними практическими целями. К этим данным мы можем присоединить собственный свой исторический опыт, который дает нам, по крайней мере, отрицательные результаты. Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее непременным условием всякого гражданского развития. Признать это значило бы отречься от всего своего прошлого, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, которая доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения. Мы более, нежели кто-нибудь, должны быть убеждены, что образ правления, установленный в государстве, зависит от свойств и требований народной жизни и что безусловного правила здесь быть не может. Но самая эта точка зрения должна привести нас к более точному и многостороннему исследованию условий различных образов правления. В этом отношении наше прошлое не должно суживать наши взгляды. Русская история не мешает нам любить свободу, к которой, как к высшему идеалу, стремится всякая благородная душа. Особенно в настоящее время это начало нам менее чуждо, нежели когда-либо. Во имя свободы разрушаются вековые связи; великие преобразования вносят в весь наш гражданский быт, в суды, в местное управление, наконец, в самую печать. Как некогда державною рукою Петра насаждалось у нас европейское просвещение, так ныне либеральные идеи, выработанные европейскою жизнью, водворяются в нашем отечестве. Мы усваиваем их себе, приравнивая их к собственным нашим потребностям в тех размерах, какие допускаются нашею историею и жизнью. Добытое трудом и борьбою достается нам без потрясений и переворотов.

При этом новом сближении с Европою вопрос о развитии либеральных учреждений получает для нас больший интерес, нежели прежде. Мы сравниваем свой собственный быт с чужим, чтоб уяснить себе особенности того и другого. Когда свобода становится основным элементом гражданского порядка, внимание общества естественно устремляется на изучение тех форм, которые может принимать это начало, и тех последствий, которые из него вытекают. Что такое свобода? Где ее границы? Чем определяется большее или меньшее ее развитие? Таковы вопросы, которые сами собою рождаются в умах. Почин преобразований принадлежит верховной власти, но народу принадлежит самосознание. Оно составляет первое условие всякого разумного развития; без него остаются бесплодными самые полезные нововведения. К нему стремится и Россия после того великого и благотворного переворота, которому она подверглась. Везде, и наверху, и внизу, и в столицах, и в отдаленных углах государства, раздаются политические толки, более оживленные, нежели прежде; общественные дела занимают всех; газеты получают громадное значение; вырабатываются направления – и крайние, и умеренные, и реакционные; сословия начинают заявлять о своих желаниях и стремлениях. В этом детском лепете свободы слышится незрелость нашего общества; но это первый шаг к самосознанию. Внезапно водворившаяся свобода мысли и слова при полном изменении всего быта должна породить и шаткость понятий, и неумеренные требования и легкомысленные увлечения. Все это пере-

рабатывается естественным ходом жизни, которая учит безрассудных и смиряет нетерпеливых. Но чтобы выйти из умственного хаоса, в который в настоящее время погружено наше общество, нужно прежде всего выяснение понятий. Без этой теоретической работы практика остается бесплодной, ибо люди в своей деятельности руководятся мыслью, которая одна в состоянии воздерживать крайности и указывать цели и средства. Где нет гармонии в умах, не будет ее и в жизни. Без серьезного труда тщетны и все меры, клонящиеся к утверждению власти. Общество, почувшавшее свободу и начинающее рассуждать, должно быть ведено не только силою, но убеждением. Призванное к самостоятельности, оно должно в себе самом носить разумное сознание закона, а для этого необходимо, чтобы оно ясно понимало и требования, и границы предоставленной ему свободы.

Содействовать по мере сил этой задаче, способствовать выяснению понятий о свободе – такова цель настоящей книги. Она имеет в виду исследование форм и условий свободы в высшем ее проявлении, в области политической. Я желал сохранить здесь, по возможности, полное беспристрастие, не поддаваясь заманчивым увлечениям, не принимая готовых формул, а стараясь обсудить вопрос со всех сторон и подвести к общему итогу результаты, добытые европейскою наукою и практикою. Не скрою, что я люблю свободные учреждения; но я не считаю их приложимыми всегда и везде и предпочитаю честное самодержавие несостоятельному представительству. Политическая свобода тогда только благотворна, когда она воздвигается на прочных основах, когда народная жизнь выработала все данные, необходимые для ее существования. Иначе она вносит в общество только разлад. Этим убеждением проникнута вся книга. Думаю, что эта точка зрения скорее всего может оградить исследователя от односторонних взглядов и привести его к возможно полному пониманию предмета. Насколько я успел достигнуть своей цели, пусть судит читатель.

В заключение не могу не выразить того чувства радости, с которым я издаю эту книгу. Я невольно вспоминаю, что десять лет тому назад я издавал диссертацию об областных учреждениях России в XVII веке, сочинение чисто ученого содержания, в котором не было ни единого политического намека; а между тем, в течение двух лет факультетская цензура затруднялась ее пропускать, таково было тогдашнее настроение. Уже в [18]56-м году, когда русской литературе предоставлено было более свободы, я мог ее напечатать, и то благодаря либеральному цензору, который в то время был прибежищем злополучных писателей. Теперь же, не более десяти лет спустя, я без цензуры, не опасаясь произвола, издаю в свет сочинение, где свободно обсуждаются самые коренные, самые животрепещущие вопросы, о которых прежде и заикнуться не было возможности. Этим можно измерить тот громадный шаг, который сделала Россия в это короткое время. Только сравнение с недавно прошедшим дает нам понятие о том, чем мы пользуемся в настоящем. Теперь только в России может возникнуть политическая литература, без которой общественное развитие остается ничтожным. Теперь только русская мысль может испробовать свои силы. Но с радостью о настоящем и с надеждою на будущее невольно соединяется чувство признательности к Виновнику этих перемен. Пускаясь в новую дорогу, наша юная мысль не может не обратиться к

престолу, чтобы принести дань благодарности государю, оказавшему ей доверие и открывшему ей свободное поприще.

Книга I

Существо и свойства народного представительства

Глава I

Представительство и полномочие

Когда древние народы устанавливали у себя политическую свободу, они призывали каждого гражданина к непосредственному участию в государственных делах. Народ собирался на площади, происходили прения в присутствии всех, отбирались голоса и постановлялось общее решение. Новые народы редко прибегали к этому способу совещания. Оно встречается в первоначальных собраниях германских дружин, в средневековых городах, а в позднейшее время в тех небольших государствах, которые сохранили прежний, более или менее патриархальный характер, например, некоторые швейцарские кантоны. Мирская сходка существует и для чисто общинного управления. Но вообще новые народы отказались от решения государственных дел совокупным совещанием граждан. Право голоса в народном собрании заменилось выборным началом; вместо веча является представительство.

Эта перемена обозначает огромный шаг в развитии общественной жизни. Политическая свобода получает здесь форму, гораздо более соответствующую требованиям государства. С помощью представительства народа она может распространяться на обширные области, на многочисленные народы, не ограничиваясь тесным пространством, составляющим необходимое условие веча. Гражданам не нужно быть постоянно в сборе для общих совещаний, что предполагает близкое соседство; съезжаются выборные из далеких концов земли. С другой стороны, политическая свобода проникает в глубь народной жизни; представительное начало дает возможность распространять политические права на гораздо большее число людей, чьи интересы тем самым получают высшее обеспечение. Участие в решении дел требует значительной способности и близкого знакомства с государственными вопросами; оно отвлекает граждан от частных занятий, заставляя их посвящать себя общественной деятельности. Потому древние народы ограничивали право гражданства небольшим числом лиц, которые почти всецело отдавали себя государству, возлагая промышленный труд на рабов и иностранцев. Руссо¹, защитник непосредственного права голоса каждого гражданина в общественных делах, приходит к заключению, что такое правление нелегко установить без рабства. Представительное начало устраняет эти затруднения. Огромному большинству граждан не нужно отрывать себя беспрепятственно от своих занятий. Они ограничиваются участием в выборах, возлагая постоянную заботу об общественных делах на те немногие лица, которые, по своему

¹ Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский мыслитель и писатель, представитель Просвещения XVIII в.

положению и состоянию, имеют возможность посвящать себя политической деятельности. Этим способом промышленный труд может сочетаться с политическим правом. Этим возвышается и уровень способности в членах собрания. Выбор представителей не требует тех высших взглядов, того основательного знания политических вопросов, которые необходимы для обсуждения и решения дел. Последнее предоставляется людям, которые успели приобрести доверие многих, которые своими способностями вышли из ряда и стали на виду. Потому Аристотель¹ считал выбор началом аристократическим. Нет сомнения, что этим способом выдвигаются из массы если не всегда лучшие силы земли, то, по крайней мере, люди, стоящие выше общего уровня.

Таким образом, в новых обществах масса граждан, пользующихся политической свободой, имеющих право голоса, ограничивается выбором представителей, которым поручается ведение дел, охранение прав и интересов избирателей. Однако представительство не есть простое поручение, как частная доверенность или полномочие. Государственное начало придает ему совершенно иной характер.

Когда частный человек поручает свои дела другому, он имеет в виду исполнение своей личной воли, которую он для собственной выгоды или удобства передает поверенному, заступающему его место. Последний является здесь орудием или средством в руках другого. Он обязан действовать исключительно в интересах доверителя, по его предписаниям, в установленных им пределах. Если он уклоняется от цели, если он поступает несогласно с волею доверителя, последний может всегда потребовать от него отчета, уничтожить полномочие и даже притянуть его к ответственности.

Все это немислимо в народном представительстве. На поверенного возлагается не исполнение частной воли доверителя, а обсуждение и решение общих дел. Он имеет в виду не выгоды избирателей, а пользу государства. Призванный к участию в политических делах, он приобретает известную долю власти и тем самым становится выше своих избирателей, которые, в качестве подданных, обязаны подчиняться его решениям. Потому представитель действует совершенно независимо от избирателей. Иногда он даже обязан поступать несогласно с их волею и с их интересами, ибо их частные желания и выгоды могут противоречить общему благу. Если представитель брал на себя нравственное обязательство действовать в известном направлении, то обстоятельства могут изменить его убеждения. При общем суждении дел являются новые точки зрения; почти всегда необходимы взаимные уступки и сделки; совершающиеся события изменяют общественные потребности. Как бы ни поступал при этом представитель, какого бы он ни держался направления, он не подлежит отчетности и ответственности. В государстве и то, и другое может иметь место только перед высшей властью, а представитель сам является властью относительно избирателей.

Таким образом, воля граждан всецело переносится на представителя; за ними не остается ничего, кроме голого прав выбора. Мало того: выборный человек является представителем не только своих избирателей, но и тех, которые его

¹ Аристотель (384–322 до н.э.) – древнегреческий философ и ученый энциклопедист.

не выбирали, массы людей, лишенных выборного права, меньшинства, подавшего против него голос. В законодательных палатах депутаты считаются представителями даже и не округов, их избравших, а целой страны, целого народа. Член нижней палаты в Англии представляет не графство и не город, а весь английский народ. Представительное начало в своей полноте является как бы юридическим вымыслом, но этот вымысел, вытекающий из самого существа дела, из государственного начала, из отношения власти к гражданам, из господства общего блага над частными целями.

Однако этим не исчерпывается существо представительства. Если одною стороною, независимостью представителя от избирателей, приобщением его к власти, оно совпадает с выбором в общественные должности, то оно имеет и другую сторону, которою существенно отличается от последнего. Представитель не только лицо, служащее государству, но на этой службе он заступает место самих граждан, насколько они призваны к участию в государственных делах. В нем выражается их право; через него проводятся их мнения. Считаясь представителем всего народа, действуя во имя общих государственных целей, он вместе с тем является органом большинства, его избравшего. При выборе лица избиратели руководствуются не столько его способностями, сколько соответствием его образа мыслей и направления с их мнениями и интересами, и, хотя юридически он становится независимым, общение мыслей должно сохраняться постоянно; остается зависимость нравственная. Если же связь исчезла, если представитель или сами избиратели отклонились от прежних убеждений, новые выборы дают гражданам возможность восстановить согласие, заменив прежнего представителя другим. Кратковременные выборы имеют в виду постоянное возобновление этой нравственной связи представителя с избирателями, тогда как цель долгих сроков состоит в большем ограждении общих государственных интересов посредством большей независимости представителей от случайных перемен и колебаний общественного мнения.

Эта тесная духовная связь представителя с избирателями необходима для того, чтобы представительное собрание являлось верным выражением земли. Различные направления общественного мнения, разнообразные интересы народа должны проявляться в нем приблизительно в том же отношении, в каком они существуют в обществе. Эта цель достигается распределением избирательного права по округам. Хотя выборный считается представителем всей земли, но, будучи послан в собрание от известной местности, он выражает собою господствующее в ней направление; совокупность же всех направлений образует общественное мнение, которого высшим выражением и средоточием является представительное собрание. Главная задача избирательных законов состоит в том, чтобы это отношение было правильное, чтобы в представительном собрании высказывался настоящий голос страны, а не мнение меньшинства, получившее искусственный перевес. Представительное начало есть господство общественного мнения посредством всецелого перенесения воли граждан на выборные лица.

Однако это отношение представительства к обществу не следует понимать в том смысле, что мнение каждого гражданина, пользующегося избирательным

правом, должно найти своего представителя, как требуют некоторые радикальные писатели. Джон Стюарт Милль¹ в сочинении «О представительном правлении» рекомендует проект, заменяющий избирательные округа совершенно новой системой выборов: кандидат, получивший известное число голосов, хотя бы рассеянных по всему государству, должен считаться выбранным, так что не одно только большинство, но всякое сколько-нибудь значительное меньшинство получает доступ в собрание, и каждое лицо, каждое мнение имеет в нем своего представителя.

Такого устройства нельзя признать согласным с истинными началами народного представительства. Требование, чтобы каждый гражданин был представлен в парламенте именно тем лицом, в пользу которого он подавал голос, составляет преувеличение личного начала. Это скорее ведет к полномочию, нежели к представительству. Личное право гражданина ограничивается участием в выборах, а не распространяется на успех. Выборное же лицо является представителем не только тех, которые подали голос в его пользу, но всего народа, во имя существенных его интересов. Представительное устройство имеет целью возвести общественное мнение на высшую ступень, откинув от него все личное, случайное и оставив одно существенное. Парламент не выражает в себе бесчисленных оттенков политической мысли, рассеянных в народе; он должен быть не пестрым сбором разноречащих мнений, каким является общество, а центром, где сходятся главные политические направления, успевшие приобрести силу в народе, а потому имеющие значение и для государства. Иначе нет возможности составить прочное большинство и управлять общественными делами. Частное мнение может быть весьма почтенно и основательно, но прежде, нежели оно появится в парламенте, оно должно приобрести влияние в стране. Право меньшинства состоит единственно в свободном распространении своих убеждений. В представительное собрание, где решаются государственные дела, оно вступает только тогда, когда успеет приобрести большинство хотя в каком-либо избирательном округе.

Этим оно доказывает свою силу. Если оно не в состоянии нигде приобрести известного влияния, то оно остается пока не более, как случайностью. Распределение политического права по местным округам особенно способствует такой проверке общественной силы мнения. Местность представляет сочетание разнородных интересов и элементов; это государство в малом виде. Набрать несколько тысяч единомышленников не трудно; нет самой нелепой секты, которая бы не имела многочисленных последователей. Политическая сила мнения доказывается влиянием его на других, сторонних людей, на различные классы общества, и пробным камнем служит здесь его местное значение. Здравый смысл законодателей всегда держался этих начал, которые и проще, и вернее, нежели искусственные изобретения теории.

Таким образом, в самом существе представительства лежит двойственный характер, который необходимо иметь в виду при обсуждении всех вопросов, до него касающихся. Оно является вместе и выражением свободы, и органом вла-

¹ Милль Джон Стюарт (1806–1873) – английский экономист и философ-позитивист.

сти. Свобода возводится здесь на степень государственной власти. Поэтому мы должны рассмотреть взаимное отношение этих двух существенных элементов политической жизни.

Глава 2 **Политическая свобода и ее развитие**

Двойственность начал, лежащая в народном представительстве, является и в самом его источнике – в политической свободе. Последняя призывает граждан к участию в государственных делах. В представительном устройстве это участие выражается, главным образом, в выборном праве. Что же такое выборное право, на котором основано представительство? В чем состоит его существо? Насчет этого вопроса мнения публицистов расходятся.

Демократическая школа обыкновенно рассматривает выборное начало как право каждого свободного лица на участие в общих делах. Производя общество из личной воли человека, она видит в последней основание всякой власти, а потому утверждает, что участие в выборах не может быть отнято у гражданина без нарушения справедливости. Напротив, писатели, которые держатся более охранительного направления, видят в выборном начале не столько право, сколько обязанность, возлагаемую на граждан во имя общественной пользы. Права отдельного лица, говорят они, ограничиваются свободой и не простираются на господство над другими. Поэтому всякая общественная власть непременно имеет характер должности. Выборное право дает человеку власть над другими; следовательно, и здесь мы можем видеть только обязанность, исполняемую гражданином для общественной пользы. Этого мнения держатся даже некоторые радикальные писатели, например Милль, который впадает, однако, в странное противоречие с собою, утверждая в другом месте, что несправедливо отнимать у кого бы то ни было обыкновенное право подавать свой голос в общих делах, касающихся до него одинаково с другими. От Милля ускользнуло и необходимое последствие этого воззрения на выборное право как на должность, именно, что оно может принадлежать только способным лицам. Основанием его становится не *свобода*, а *способность*, что имеет существенное влияние на самое устройство выборов.

Это различие воззрений проистекает из того, что выборное право имеет две стороны. Как самое представительство, оно является вместе с тем и выражением свободы, и органом власти. Но начало свободы здесь преобладает; в этом отношении демократическая школа вернее смотрит на дело. Выборное право прежде всего есть право; оно дается гражданину не как должностному лицу, а как члену общества, дабы он мог проводить свои мнения, защищать свои интересы. Но источник всякого права есть свобода. Право есть именно определенная законом свобода или возможность действовать. Поэтому выборное право однозначно с политической свободой или со свободой граждан как членов государства.

Каким же образом свобода, начало чисто личное, может дать человеку господство над другими? Как может она простираться до участия в общественной власти?

Это происходит оттого, что свободные лица суть вместе члены общего союза, а потому необходимо имеют влияние друг на друга. Как скоро люди вступают в известные взаимные отношения, так свобода одних должна воздействовать на свободу других. Отсюда прежде всего необходимость взаимных ограничений. Каждый член общества должен знать, что он может делать и чего не может. Свобода должна быть определена и ограждена законом, то есть должна сделаться правом. В диком состоянии человек может пользоваться неограниченной вольностью, не нуждаясь в юридических определениях; в образованном обществе сохранение свободы возможно только при развитии права. Где юридические понятия шатки или скудны, там исчезает и свобода. Но, становясь правом, свобода получает уже общий характер. Она определяется и охраняется общественною властью, от которой исходит закон и которой отдельное лицо должно подчиняться, ибо никто не может быть судьей собственного права. С другой стороны, всякое право должно быть ограждено от произвола. Каждый свободный член общества должен иметь возможность защищать свои права. При подчинении личной свободы общественной власти это требование может быть удовлетворено единственно участием гражданина в самой власти, определяющей и охраняющей права. Пока власть независима от граждан, права их не обеспечены от ее произвола; в отношении к ней лицо является бесправным. Общественный характер, приобретаемый свободою в человеческих обществах, ведет, следовательно, к тому, что личное право должно искать себе гарантии в праве политическом, посредством которого каждый, участвуя в общих решениях, приобретает такое же влияние на других, как и те на него. При взаимности прав и обязанностей политическая свобода является последствием личной, как высшее обеспечение последней. На этом основании гражданам предоставляется большее или меньшее участие в суде, в управлении, наконец, в законодательстве. Этого мало: политическая свобода вытекает из свободы личной, не только в виде гарантии права, но и вследствие того, что граждане, как члены союза, участвуют в общих всем делах. Государство есть соединение свободных людей и его интересы суть вместе интересы граждан, не как частных лиц, а как членов целого. Деятельность лица вращается здесь уже не в частной, а в общественной сфере; в его свободе и правах выражается уже не одно личное начало, а отношение к союзу. Политическая свобода состоит в том, что гражданин как член государства участвует в общих делах, а это дает ему участие и в управляющих делами власти. Он получает влияние на других вследствие того, что он участник дела, которое касается и его самого.

Таким образом, политическая свобода является высшим развитием свободы личной. Свобода есть источник политического права, как и всякого другого. Однако, с другой стороны, нет сомнения, что, получая такое развитие, становясь на эту степень, она приобретает совершенно иной характер, нежели в частной жизни. Из личной она превращается в общественную, решает судьбу всех, становится органом целого. Поэтому здесь к началу права присоединяется начало обязанности. Гражданин, имеющий долю власти, должен действовать не для личных выгод, а во имя общего блага; он должен носить в себе сознание не только своих частных целей, но и общих начал, господствующих в общественной жизни. А для

этого требуется высшая способность. Невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государственных интересов. Это значило бы принести высшие начала, общее благо в жертву личной свободе, тогда как вся общественная жизнь держится подчинением личного начала общественному. Поэтому неспособные должны быть устранены от участия в политических правах. Это признается во всех государствах в мире, даже самых демократических, где свобода лежит в основании всего государственного устройства. Везде женщины и дети, как неспособные, лишены политических прав, хотя они, как свободные лица, пользуются правами гражданскими. Если некоторые демократы, даже весьма серьезные, как Милль, требуют права голоса и для женщин, то это странное непонимание различного назначения полов остается одиноким заблуждением. Здравый смысл человеческого рода до сих пор не допускал приложения этой идеи к законодательству. Впрочем, и эти писатели требуют для женщин политических прав не во имя свободы, а во имя способности, считая женщину столь же способною в государственной жизни, как и мужчину.

Итак, если свобода служит источником политического права, то способность составляет необходимое его условие. Начало способности прилагается, впрочем, не к отдельным лицам, которые исчезают в массе и для государственного управления не имеют значения, а к тем общественным классам, которые призываются к участию в общих делах. Поэтому обыкновенным признаком политической способности является имущество, хотя к этому могут присоединяться и другие, например, доказательство известного образования. В отношении к отдельным лицам имущественное мерило может нередко быть ошибочным: бедный бывает способнее богатого. Но в приложении к целым классам это признак весьма существенный.

В этом легко убедиться, взглянувши на те качества, из которых слагается политическая способность.

Эти качества разнообразного свойства: умственные, нравственные и материальные. К первым принадлежит сознание государственных потребностей, для чего необходимы образование и знакомство с общественными делами. Там, где вместо сознания господствует слепое чувство, политическая свобода действует, как неразумная сила, к явному ущербу государственным интересам, которые требуют ясного понимания целей и средств. Управление всегда должно находиться в руках разумной части народа. Но к сознанию должно присоединяться нравственное свойство: постоянная готовность всеми силами поддерживать общее дело. Политическая свобода требует от граждан неусыпной деятельности, энергии в преследовании общих целей; иначе она покоится на шатком основании. А это предполагает в них как живость политических интересов, так и привязанность к порядку, то есть к существенным основам государственной жизни, к потребностям власти, к законности, к пользам отечества, к семейству, к собственности, одним словом, к тем началам, на которых строится данное общество, и которых нарушение ведет к нравственной и физической смуте. Наконец, в дополнение ко всему этому, для политической деятельности требуется большая или меньшая самостоятельность положения, которая дает человеку возможность не быть орудием

ем в чужих руках, а иметь собственный голос.

Все эти качества, как сказано, не должны быть непременно принадлежностью всякого лица, пользующегося политическим правом. Доказать их в каждом отдельном случае и невозможно, и бесполезно. Нужно только, чтобы ими отличались те классы, которым вручается доля власти. Но в массе более всего содействует их развитию собственность. Она дает человеку и возможность образования, и досуг для занятия политическими вопросами, и высший интерес в общественном управлении, и привязанность к порядку, и, наконец, самостоятельность положения. Только отвлеченный радикализм может отвергать эту очевидную истину. Само по себе имущество не дает политической способности, но оно доставляет все условия, необходимые для ее приобретения. Имуществом отделяются классы, посвящающие себя умственному труду, от тех, которые преданы физической работе, а это различие занятий, очевидно, развивает в тех и других различную политическую способность. Конечно, можно представить себе порядок вещей, в котором образование равномерно распространяется всюду, где политические интересы и привязанность к порядку проникают в самые глубокие слои общества, а легкость получения работы и высокая ее ценность дают даже поденщику некоторую независимость положения. При таких условиях нет причины отказать рабочим классам в политических правах. Но и здесь относительно всех требуемых качеств владеющие классы имеют несомненное преимущество перед рабочими. Поэтому собственность в общем итоге служит лучшим мерилем политической способности. В этом отношении она стоит гораздо выше, нежели доказательство известного образования. Прохождение через школу не дает ни самостоятельного положения, ни практического взгляда на вещи, ни привязанности к порядку. Напротив, образование без собственности слишком часто делает человека зависимым от тех, которые способствуют его возвышению, или возбуждает в нем недовольство существующим общественным устройством, в котором не легко проложить себе дорогу. Образование возвышает требования от жизни при недостатке средств к их осуществлению; поэтому здесь самая благоприятная почва для радикальных идей. Человек, получивший образование, должен прежде всего доказать свою способность устройством собственной своей судьбы, приобретением достатка, обеспечивающего независимое его положение в мире. Таков удел человечества вообще, для которого приобретение материальных благ служит условием для достижения духовных. Поэтому в устранении бедности от политических прав нет ничего возмутительного для нравственного чувства. Работа и внимание бедного устремлены на физический мир; покоряя природу человеку, он получает возможность возвыситься и к политической деятельности, требующей материального обеспечения, досуга и высшего умственного развития.

Однако политическая способность одних общественных вершин или одного класса, одного сословия недостаточна для свободных учреждений. Последние зиждутся на совокупной деятельности разнообразных элементов, входящих в состав государства. Народное представительство должно служить выражением целого общества, а не какой-либо части, ибо здесь дело идет об общей для всех свободе, об общественной власти, о решении судьбы всех. Если низшие классы,

по недостатку способности и развития, исключаются из политических прав, то высшие должны представлять собою все разнообразие существенных интересов и элементов народной жизни. Поэтому для водворения политической свободы необходимо, чтобы способность к ней глубоко проникла в общество, чтобы она была распространена в различных общественных слоях, призываемых к совокупному участию в общем деле. В них должна быть развита не только политическая мысль, но и привычка к согласной деятельности, ибо иначе не установится единство направления, невозможно правильное решение общих вопросов. Там, где различные классы имеют противоположные интересы, возбуждающие в них взаимную вражду, свобода становится знаменем раздора. Можно сказать, что политическая способность граждан состоит, главным образом, в умении соглашать разнообразные стремления свободы с высшими требованиями государства. Но для этого необходимо, чтобы она сделалась достоянием целых классов, связывая различные элементы народа сознанием общих государственных нужд.

При таких требованиях политическая свобода может, очевидно, иметь большее или меньшее развитие. Для разных отраслей государственной деятельности нужна неодинаковая способность в гражданах, призываемых к участию в делах. Степень способности, достаточная для низших сфер, может быть совершенно недостаточна для высших; ибо легче понимать ближайшие интересы, нежели более общие и отдаленные, легче действовать в окружающей среде, нежели на более широком поприще. Вследствие этого политическое право граждан может ограничиваться участием в суде, в местном управлении или же простираться до участия в верховной государственной власти. Точно так же и представительное начало, вытекающее из политического права, может существовать в центре и в областях, для общих государственных дел и для интересов местных и сословных – одним словом, везде, где личный голос гражданина всецело заменяется голосом выборного человека. Везде оно служит выражением права граждан участвовать в решении общих дел, а потому вручает им долю общественной власти; но в разных сферах это право имеет различное значение. Главные виды суть представительство областное и центральное.

Местные собрания, например, настоящие наши земские учреждения, основаны также на представительном начале. Закон призывает их к участию в управлении местными делами. Они не только дают советы, но делают постановления, обязательные для граждан. Следовательно, они пользуются известною долей власти, ограничивая права областных начальников, назначаемых правительством. Последние, действуя во имя общих интересов, связывают областное управление с государственным, в которое области входят как части. Местные же собрания являются представителями местных нужд. Власть разделяется и распределяется между теми и другими, так что они вместе образуют общую систему областного управления.

Все это относится, однако, к сфере чисто административной; политического в тесном смысле слова, то есть касающегося до интересов государства как единого целого, здесь ничего нет. Собрания призываются к обсуждению местных интересов, а не общих государственных. Над областным управлением возвы-

шается верховная власть, которая контролирует его действия, является над ним высшим судьей, дает и отнимает права. Иногда, в виде исключения, и местные собрания получают отчасти политический характер. Не говоря об учреждениях, сохраняющихся в некоторых странах как остаток средневекового порядка и прежнего государственного раздробления, подобные примеры встречаются и в новейших государствах. Так, например, в Пруссии в 1823 году установлены были провинциальные собрания с правом обсуждения законов, касающихся области. Но подобное расширение ведомства областных собраний вовсе не соответствует их существу. В Пруссии оно произошло из желания избежать обещанного общего представительства, заменив его дарованием несравненно меньших прав. Вообще же, обсуждение политических, а в том числе и законодательных вопросов, принадлежит центральным учреждениям, каково бы ни было их устройство. Местное представительство по своему характеру должно ограничиваться чисто местными интересами, относительно которых ему предоставляется доля власти. Если под именем политического права, в противоположность личной свободе, разуметь вообще всякое участие граждан в общественной власти, то и местное представительство будет выражением политического права; но право это вращается в чисто административной области.

Гораздо высшее значение имеют общие представительные собрания. Они призываются к обсуждению и решению государственных дел. В них выражается политическое право в тесном смысле, то есть участие граждан в общей или верховной власти государства. И здесь, впрочем, политическое право может иметь больший или меньший объем. Могут существовать собрания выборных с чисто совещательным характером. Они обсуждают дела, предлагаемые им правительством, но решение зависит не от них. Они подают только мнения, которые могут быть приняты или отвергнуты верховною властью. Голос меньшинства имеет здесь одинаковую силу с голосом большинства. Оба служат только способом осветить вопрос со всех сторон и указать на воззрение, наиболее распространенное в обществе. Это один из многих элементов, которыми верховная власть руководствуется в своем суждении. Решение же предоставляется ей исключительно, всецело; собрание может выразить известную мысль, но не имеет ни воли, ни права...

История не представляет примеров подобных собраний как постоянных учреждений. Встречаются только совещательные собрания, созываемые изредка, в случае надобности, по воле верховной власти. Так как они не составляют постоянного, необходимого органа в системе государственных учреждений, то им не предоставляется никаких прав; они только отвечают на вопросы, предлагаемые правительством. В таком виде совещательные собрания вовсе даже не имеют представительного характера. На выборных не переносится никакое право; они не представляют воли граждан. Это не более, как эксперты, знающие люди, которые выбираются для целей правительства, и точно также, с одинаковою пользою, могут быть назначаемы последним. Выборное начало здесь, в сущности, лишнее. Но как скоро собрание выборных становится постоянным государственным учреждением, непременным органом при обсуждении и решении

дел, так подобное бесправие немыслимо. Здесь необходимо определить законом ведомство собрания, очертить круг его действий, обозначить его права. Оно становится на вершине государства, и притом не как орудие правительства, а как выражение воли народной, которой оно является представителем. Выборное собрание по самому своему характеру должно быть независимо от правительства, и если ему предоставляются известные права, то оно тем самым является причастником верховной власти. Дела, входящие в его ведомство, не могут быть решены без его согласия, следовательно, воля его является уже не подчиненною, а верховною.

Отсюда ясно, какое огромное расстояние лежит между местным представительством и народным. По-видимому, они находятся друг с другом в тесной связи. Общее собрание является как бы венцом местного представительства, средоточием, куда стекаются рассеянные по разным центрам мысли и желания народа. Даже устройство, состав и ведомство собраний в обоих случаях могут быть одинаковы или весьма сходны. Местное представительство занимает в кругу областного управления то самое положение, которое центральное имеет в высшей сфере. Поэтому общее собрание представляется естественным завершением здания, основанного на местном представительстве. Между тем, за этим сходством скрывается глубокое различие: оно состоит не в одном размере интересов, а в самом качестве представительства, которое, расширяясь и возвышаясь, приобретает совершенно иной характер и значение. Одно вращается в сфере административной, другое в области политической; одно дает гражданам подчиненное право участия в управлении низшими интересами общества, другое делает их причастниками верховной воли государства, одно оставляет неприкосновенными единство и независимость верховной власти, другое разделяет ее между различными органами, если не вручает ее всецело представительному собранию. Введение местного представительства, при всем его значении, совершается без перемены существенных основ государства; учреждение общего представительного собрания изменяет самый корень, самое основание политической жизни народа – верховную власть. Подобная перемена составляет, можно сказать, самый важный, самый знаменательный шаг в истории государства. Образ правления вытекает из всего развития народной жизни; он определяется характером народа, его составом, положением, степенью образования. Верховная власть является руководителем народа, высшим судьей его требований и его интересов, органом всемирного его призвания. Поэтому изменить образ правления совсем не то, что дать местным жителям право провести дорогу или построить богоугодное заведение. Первое не есть довершение второго; оно вытекает из гораздо высших требований и соображений. Здесь нужны иные условия, иная способность.

Глава 3

Учение о полновластии народа

В предыдущей главе мы старались доказать, что народное представительство составляет высшее развитие свободы и что неперемненное его условие есть

способность. Но нередко участие народа в верховной власти выставляется безусловным требованием права, и это мнение поддерживается доводами, которые с первого взгляда могут показаться весьма убедительными. Государственные дела касаются всех; это совокупные дела всех граждан как членов государства. «Общий интерес Англии есть частный интерес каждого англичанина», – говорит английское изречение. Ничто, по-видимому, не может быть справедливее, как участие в управлении общими делами тех лиц, до кого они касаются. Самоуправление народа представляется требованием естественного закона, а так как для заведования государственными делами устанавливается верховная власть, то последняя, очевидно, должна принадлежать народу. Самоуправление тождественно с полновластием народа. Принявши это начало, мы немедленно приходим к заключению, что граждане всегда могут требовать народного представительства как природного, неотъемлемого своего права. Это прямое последствие посылки.

Учение о полновластии народа весьма распространено. Оно не только признается многими писателями, но составляет сущность всякого образа правления, основанного на воле народной. Это начало принимается, впрочем, в двояком значении. Одни разумеют под ним право народа располагать своею судьбою, устанавливать у себя тот образ правления, который ему приходится. Другие же понимают под этим словом демократическое правление, в котором верховная власть постоянно принадлежит народу, имеющему неотъемлемое право управлять государственными делами или непосредственно, или через уполномоченных. Эти два различные понятия обозначаются даже разными именами. Первое называют иногда национальным полновластием (*souveraineté nationale*), второе собственно полновластием народа (*souveraineté du peuple*).

Прежде, нежели мы приступим к обсуждению этого вопроса, необходимо заметить, что слово *народ* или *нация* принимается в двух различных значениях, которых смешение подает повод к весьма существенным недоразумениям. Под именем народа разумеется иногда совокупность граждан, образующих единое тело, устроенных в государство, следовательно, со включением правительства, которое составляет неперемнную часть государственного устройства; иногда же народом называется совокупность граждан в противоположность правительству. В первом случае полновластие народа однозначительно с полновластием государства, ибо народ, организованный как единое тело, с правительством во главе, есть именно государство. Для управления этим союзом существует в нем верховная власть, которая принадлежит известному, законом определенному органу: народному собранию, аристократической коллегии, монарху или нескольким органам в совокупности. Все это образы правления, которые встречаются в истории и в жизни; каждый из них имеет свою законную силу и признается народом. Но в этом смысле нельзя говорить о самоуправлении народа, ибо оно будет означать управление государственными делами посредством законом установленных органов верховной власти.

В ином смысле принимает слово «народ» учение о народном или национальном полновластии. Здесь под этим именем разумеется совокупность граждан в противоположность правительству. Последнее ставится в зависимость от

первых, которым приписывается верховная власть в государстве. Все различие между обоими видами учения заключается в том, что одно считает постоянной принадлежностью народа только власть учредительную или право устанавливать в государстве известный образ правления: другое же – всю полноту верховной власти во всех ее отраслях: законодательной, правительственной и судебной.

В политической науке давно высказывалась мысль, что при первоначальном соединении людей в государство народ имеет право устанавливать тот или другой образ правления, перенося, естественно, принадлежащую ему верховную власть на избранные им лица. Эта теория исчезла вместе с понятиями о состоянии природы и о первоначальном договоре людей. Но в настоящее время утверждают, что всякий народ имеет постоянное право устанавливать у себя тот образ правления, который соответствует его потребностям. В этом воззрении выражается старание согласовать демократические начала с возможностью и правомерностью различных образов правления, которые иначе, с демократической точки зрения, лишаются всякого юридического основания. Эта теория перешла даже в некоторые законодательства. Так, современная французская конституция, основанная на воле народной, узаконяет и ответственность императора перед народом. Это совершенно последовательно, ибо, кто располагает образом правления, тот имеет и право подвергать правителей ответственности, сменять их и заменять другими. Но спрашивается: каким способом может французский народ выразить свою верховную волю? Где орган учредительной его власти? На это конституция не дает ответа. Власть эта не лежит в законодательном сословии, которое имеет свое определенное ведомство: обсуждение законов, предлагаемых ему правительством. Об ответственности перед ним императора не может быть речи. Оно не имеет даже и права обвинения. Таким образом, если бы народ захотел на деле воспользоваться приписанною ему властью, он мог бы сделать это единственно посредством революции. Но революция не есть право, а нарушение права. Она может иногда быть оправдана обстоятельствами, притеснениями, но никогда не может быть выражением правомерного образа действия. В правильном государственном порядке она немыслима. Право на восстание, провозглашенное конституцией 1793-го года, есть узаконение анархии. Очевидно, следовательно, что современная французская конституция содержит в себе несообразность. Она дает народу право и лишает его возможности осуществить это право; она устанавливает власть и не учреждает для нее органа. Но власть, не имеющая органа, чистый вымысел. Без юридической организации невозможно никакое обязательное постановление, невозможно и единство воли, необходимое для существования власти. Последняя может принадлежать народу как совокупности лиц, как устроенному телу, а не рассеянными единицам, которые, не имея законного органа, не могут иметь и власти.

Эта несообразность не есть, однако, простой недосмотр или уловка законодателя. Противоречие лежит глубже; оно заключается в несовместности наследственной монархии с правом народа располагать верховною властью. Монарх не президент республики; он по существу своему независим от народа. Первоначально верховная власть может быть вручена ему последним, но затем она

приобретается по наследству, по законному праву, а не по воле граждан. То же самое относится ко всякому образу правления, в котором существуют независимые от народа органы. Только там, где вся полнота власти сосредоточивается в народе, ему принадлежит и право устанавливать тот или другой образ правления; ибо учредительная власть составляет самую существенную часть верховной власти. В этом случае народ может ввести у себя и наследственную монархию. Но как скоро этот акт совершился, как скоро верховная власть перенесена на другое лицо, как скоро установлен для нее новый, самостоятельный орган, так учредительная власть народа прекращается. Воля его перестает быть верховною. Он лишается права изменять по желанию образ правления точно так же, как неограниченный монарх, давши конституцию, лишается права изменять и отменять ее произвольно.

Таким образом, учение о национальном полномочии приводит к несообразностям, неизбежно вытекающим из желания примирить два несовместные начала: неотъемлемые верховные права народа и узаконяемое историею и жизнью существование образов правления, в которых эти права не признаются. Желая избежать крайностей и противоречий, вытекающих, как увидим далее, из другой, более последовательной теории, это учение останавливается на полудороге и само запутывается в противоречиях. Оно признает постоянную принадлежностью народа одну только власть учредительную, между тем как другие отрасли верховной власти находятся в прямой зависимости от последней. Оно не устанавливает даже органа этой власти, предоставляя народу одно только голое право, возводя революцию на степень государственного учреждения. Иначе и быть не может при этом воззрении, ибо как скоро учредительная власть народа приобретает постоянный, законный орган, имеющий право сменять и изменять все власти, так последние становятся от него зависимыми. Они перестают быть верховными; все государственное полномочие сосредоточивается в народе. Это и бывает в демократических республиках, где нередко устанавливаются особые органы и способы действия для учредительной власти, как то: особые собрания или утверждение всякой перемены конституции всеобщею подачею голосов. Здесь вся полнота верховной власти принадлежит народу, который, с одной стороны, устанавливает основной закон государства, с другой стороны, управляет делами посредством своих представителей. В смешанных образах правления народу принадлежит часть учредительной власти; но история не представляет примеров такой государственной формы, где бы верховная власть принадлежала известному лицу или лицам, а народ сохранял бы за собою право сменять правителей и устанавливать иной образ правления. Везде право изменять устройство верховной власти принадлежит тому, кому принадлежит самая власть, каков бы ни был ее состав, будь она монархическая, аристократическая, демократическая или смешанная. Это правило нарушается только революциями; но революция, как сказано, не есть право, а факт, ниспровергающий право.

Гораздо последовательнее писатели, которые признают за народом не одно только мнимое право устанавливать у себя тот или другой образ правления, а всю полноту верховной власти, считая самоуправление народа естественною, неот-

землемою его принадлежностью. Это учение имеет богатую литературу, оно основывается на весьма сильных доказательствах, на нем зиждутся действительные государства.

В чем же состоят его основания?

Краеугольный камень всей системы лежит в понятии о прирожденной свободе человека. По природе своей человек – существо свободное, и в этом качестве он равен другим, ибо человеческая свобода у всех одинакова. Единственная справедливая граница личной свободы заключается в свободе других. В этом взаимном ограничении свободы состоит весь юридический закон. Таково начало, провозглашенное в знаменитом Объявлении о правах человека и гражданина, которое было выработано французским Учредительным собранием 1789 года; таково же начало, выставленное Кантом¹ в его учении о естественном праве. Но так как исполнение юридического закона немислимо без принудительной власти, то люди, соединяясь в общества, устанавливают у себя власть с целью оградить свободу каждого от нарушений со стороны других. Свободные лица вступают в общество по своей воле, по общему согласию, на основании договора о взаимном охранении прав. Они устанавливают общественную власть для обеспечения свободы, а не для ее нарушения. Потому человек остается свободным и в обществе; подчиняясь общим постановлениям, он повинуеться только собственной своей воле, имея в виду свои личные выгоды. Власть, исполняющая закон, является органом и выражением общей воли граждан, и потому должна находиться в постоянной зависимости от последних. Если она преступает свои пределы, если она нарушает свободу и права граждан, народ может сменить ее и заменить другою. Последовательное развитие учения, основанного на свободе, ведет к установлению республиканского образа правления как единственного правомерного.

Впрочем, защитники этого учения расходятся между собою насчет той доли свободы, которая должна быть предоставлена гражданам в обществе или государстве. На этой точке начинаются разноречия и противоречия, обличающие несостоятельность всей системы. Очевидно, что человек не может сохранить в обществе ту полноту свободы, которою он мог бы пользоваться в одиноком состоянии, в пустыне, где он не окружен другими людьми, где воля его не сталкивается с чужою. В общественной жизни ограничения необходимы, столкновения неизбежны. Но где граница права? И кто над нею судья? Естественный закон, вытекающий из разума, здесь недостаточен; нужны положительные постановления. Человек, в силу присущего ему права, налагает руку на внешний, вещественный мир, подчиняет его своим нуждам и целям, делает его своею собственностью. Но естественный закон, положивши природу к ногам человека, не определяет, что должно принадлежать одному и что другому. Насчет собственности, ее границ, ее приобретения и перехода из рук в руки должны существовать положительные определения закона, обязательные для всех. Даже и при господстве законных правил неизбежны беспрерывные и разнообразные столкновения между людьми, ибо права и интересы лиц переплетаются на каждом шагу. Кто же будет здесь законодателем и судьей?

¹ Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ и ученый.

Если при определении прав и при разбирательстве споров верховное решение предоставляется общественной власти, то свобода лица ничем не обеспечена. В обществе могут быть установлены несправедливые законы, суд может произнести несправедливый приговор, власть может быть обращена в пользу одних лиц и в ущерб другим. История и жизнь представляют всему этому бесчисленные примеры. Даже там, где общественная власть принадлежит самим гражданам, большинство последних может действовать несправедливо, притеснять меньшинство. Если, например, перевес на стороне собственников, то ничто не мешает им издавать законы и постановлять решения, стеснительные для неимущих, затруднять последним приобретение собственности, ставить их в зависимое от себя положение. Наоборот, большинство неимущих будет стараться обобрать собственников, обратить их достояние в свою пользу посредством налогов, повинностей, экспроприации. Вследствие этого человек, вступивший в общество для своих выгод, для ограждения своей свободы, вместо обеспечения прав находит в нем притеснение. Никакое устройство власти не в состоянии этого предупредить. Между тем, ничто, кроме собственной его воли, не обязывает его повиноваться власти. Самое подчинение меньшинства большинству не составляет требования естественного закона, как скоро мы личную свободу признаем за основание всего общественного быта. Если человек, вступая в общество, обязался подчиняться общему решению, то на то была его добрая воля; он ограничил природную свою свободу для собственных выгод. Если же эти выгоды оказываются мнимыми, если цели, для которых он вступил в общество, не достигаются, если его свобода и его права подвергаются нарушению, что мешает ему взять свое согласие назад, отказать власти в повиновении? Это тем легче, что по началам означенной теории за общественную властью вовсе не признается неограниченное право над лицами. Власть, говорит Локк¹, имеет только те права, которые переносятся на нее волею свободных людей. Но никто не может перенести на другого таких прав, которых сам не имеет. По естественному закону, никто не имеет права произвольно распоряжаться чужим лицом и имуществом; следовательно, права власти простираются только на охранение естественных прав человека. Еще далее идет Пен², который утверждает, что отдельные лица вручают власти только те права, которых сами охранять не могут. На тех же началах основано все учение о природных правах человека, которые и в государстве остаются неотчуждаемыми и неприкосновенными. Но если каждый член общества сохраняет за собою природные свои права, не подлежащие действию власти, то кто будет судьей в случае нарушения их со стороны последней? Очевидно, самое лицо, которое считает свои права нарушенными, и на этом основании всегда может не повиноваться предписанию. Это последствие признавалось публицистами XVIII века, которые, логически проводя свой принцип до конца, утверждали, что человек в каждое мгновение имеет право взвешивать выгоды и невыгоды общежития, и, если последние перевешивают первые, отказать власти в повиновении и высту-

¹ Локк Джон (1632–1704) – английский философ и экономист, просветитель.

² Пейн Томас (1737–1809) – философ, писатель, публицист. Родился в Англии, жил и работал во Франции и США.

пить из общественного союза.

Очевидно, однако, что подобное общественное состояние немыслимо. Если человек, в силу прирожденной ему свободы, остается судьей решений общественной власти и может не повиноваться им, как скоро находит их несправедливыми или невыгодными для себя, то общественный порядок становится невозможным. Вместо единой воли, владычествующей в обществе, водворяется господство частного произвола, столкновения рожают анархию. Правильное общежитие возможно только там, где лицо отказывается от естественной свободы, где оно перестает быть судьей своих прав и своих интересов и повинует решениям общественной власти, хотя бы оно считало их для себя невыгодными или несправедливыми. Это понял Руссо, который заменил учение о прирожденных правах человека теорией народовластия.

Руссо – высший представитель демократической школы; сочинение его «Об общественном договоре» – венец теории народного полновластия. Оно не только сделалось основной книгой демократической партии во Франции, но имело огромное влияние и на первостепенных немецких мыслителей конца XVIII века, на Канта, на Фихте¹, которые из него почерпнули значительную часть своих политических учений. И точно, никто ни прежде, ни после не высказывал с такою силою и с таким красноречием начал человеческой свободы и народного самоуправления, никто с такою неотразимою логикой не выводил последствия из этих начал. Но самая последовательность выводов обличает недостаточность исходной точки.

«Человек рожден свободным, а между тем он в цепях», – так начинает Руссо свое изложение. Где тому причина? Добровольно отчуждать свою свободу человек не может; он не в праве этого сделать, ибо не может отказаться от собственной природы. Всякий акт, основанный на подобном отчуждении, без всякого обязательства с другой стороны, сам по себе ничтожен. Следовательно, и власть, подчиняющая себе свободу, не имеет в себе ничего правомерного. Потому все правительства настоящие, прошедшие и будущие, которые не вытекают из свободной воли граждан, лишены законного основания. Это плод насилия, против которого народ всегда имеет право восстать.

Но каким образом может человек сохранить в государстве прирожденную ему свободу? Передать общественной власти часть своих прав, удержав за собою другую, невозможно, ибо в этом случае каждый остается судьей своего права, следовательно, водворяется не порядок, а анархия. Полное отчуждение естественной свободы в пользу государства неизбежно; но человек должен получить ее обратно в другом виде. Вознаграждение состоит в том, что он сам становится членом полновластного тела, частью верховной власти в государстве. Он отказался от своей свободы в пользу всех, но зато приобрел долю власти над всеми. Он естественную свободу променял на свободу политическую. Он подчинил первую решениям общей воли, но, участвуя сам в этих решениях, он покоряется только собственной воле. В этом состоит сущность первоначального общественного договора, который составляет, по мнению Руссо, единственное правомерное осно-

¹ Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – немецкий философ, литератор, педагог.

вание государственного устройства. Только тот образ правления имеет законную силу, который зиждется на неотъемлемом и неотчуждаемом полномочии народа, на непосредственном участии каждого гражданина в постановлениях верховной власти. Потому Руссо последовательно отвергает представительное начало, ибо здесь гражданин всецело переносит свою волю на другое лицо. В представительном правлении, говорит Руссо, гражданин свободен только в ту минуту, когда он подает голос на выборах; затем он лишается державного своего права, он перестает быть гражданином, он обращается в ничто.

Логическая последовательность должна была привести Руссо к признанию политических прав за женщинами и за детьми. Женщина точно такое же свободное существо, как и мужчина; на каком же основании можно исключить ее из участия в политических правах, как скоро единственным источником права признается свобода, а начало способности не принимается в расчет? Точно так же, если человек рождается свободным, то свобода принадлежит ему с детства; никто не имеет права подчинить ребенка общественной власти, если он сам не изъявил на то согласия и сам не участвовал в общем решении. Однако Руссо не касается даже этих вопросов; это единственная непоследовательность, в которой можно его упрекнуть. Зато к остальным затруднениям, вытекающим из придуманного им общественного устройства, он приступает прямо и устраняет их смело, несмотря ни на какие несообразности. А затруднения многочисленны.

Легко сказать, что участвуя в общем, обязательном для всех постановлении, я подчиняюсь только собственной своей воле и, таким образом, сохраняю свою свободу. На деле выходит иное. В соображении возникают различные мнения, образуются большинство и меньшинство. Если я остаюсь в меньшинстве, то постановление составляется против моей воли; я по необходимости должен подчиняться чужой, и свобода моя исчезает.

Руссо видел это возражение; как же он его устраняет? Он утверждает, что, подавая голос в собрании, никто не желает победы собственного мнения, а хочет, чтобы восторжествовало общее, то есть мнение большинства. Как скоро перевес оказывается на другой стороне, то каждый видит, что он ошибался, считая свое мнение общим, а потому немедленно изменяет свою волю и переходит на другую сторону.

Этому очевидному софизму противоречит существование партий во всех свободных государствах. Партии, как в обществе, так и в законодательных собраниях, находятся в постоянной борьбе и вовсе не желают торжества противной стороны. Если состоится решение, несогласное с мнением той или другой, то побежденная не только не отказывается от своих мыслей и желаний, а напротив, старается действовать с новой силою, чтобы привлечь большинство на свою сторону и восторжествовать над противниками. Таким образом, вместо общей воли, которая должна выражаться в законе, господствует частная воля той или другой партии. Руссо понимал и это, но старался устранить зло совершенным запрещением партий в своем государстве. Каждый должен подавать голос за себя на основании мнения, выработанного им самим. Всякие предварительные сходки, совещания, всякие действия заодно строго преследуются законами. Вместо свободы

устанавливается деспотизм.

Однако и уничтожение партий не устраняет возможности решений несправедливых или невыгодных для меньшинства. Это опять не ускользнуло от Руссо, который и против этого зла придумал средство, столь же неприложимое, как и первое. Оно состоит в том, что всякое постановление верховной власти должно одинаковым образом касаться всех, так что каждый, подавая голос, знает, что решение падет на него самого. Но вследствие этого правила становятся невозможными всякие частные законы, определяющие права или выгоды известного разряда лиц в государстве, например, законы земледельческие, торговые. Подобное законодательство может существовать единственно при том условии, чтобы все имели одинакие занятия, одинакую собственность, даже одинакий пол. Иначе закону нет возможности устанавливать для всех одни права и приносить всем равную пользу. Другое последствие этого правила состоит в том, что народное собрание лишается всякой исполнительной и судебной власти, ибо та и другая всегда касаются известных лиц. Самое производство выборов не может быть предоставлено народу как верховной власти, ибо выборы касаются не всех, а некоторых. Руссо прямо отрицает у народа это право в силу того же положения. А между тем, так как правительство должно исходить из народа, быть подчиненным, исполнительным органом верховной воли, то здесь опять возникает затруднение. Руссо устраняет его тем, что народное собрание, установивши в качестве верховной власти известный образ правления, затем внезапно превращается в демократическое правительство, которое может уже делать выборы и совершать другие правительственные акты. На совершенное ребячество подобной выдумки нечего указывать.

Таким образом, верховная власть ограничивается тесным кругом законодательства, касающегося одинаково всех граждан. Этим, по-видимому, обеспечивается правильное решение, ибо никто сам себе зла не желает, а потому общее постановление будет всегда наиболее выгодное для всех. Однако Руссо понимал, что народ не всегда видит настоящую свою пользу. Законодательство, говорит он, дело самое трудное. Полезные последствия закона или учреждения редко могут быть поняты людьми, не испытавшими их на деле. Хорошее законодательство предполагает в народе такое редкое соединение условий и качеств, какое почти никогда не встречается в мире. Надобно, чтобы общество было воспитано хорошим законодательством; тогда только оно в состоянии понять его выгоды. Но из этого следует, что народ неспособен сам себе давать законы. И здесь полномочие народа оказывается несостоятельным; необходим законодатель.

С другой стороны, законодатель не может действовать вопреки воле народной; это будет нарушение основного общественного договора. Он имеет право только предлагать свои законы на одобрение граждан. Между тем, народ, не воспитанный еще законодательством, не в состоянии понять их пользы. Как же выйти из этого круга? Для этого, говорит Руссо, существует одно только средство: религиозный обман. Законодатель должен выдать себя за провозвестника воли божества и тем заставить народ добровольно принять предлагаемые ему законы.

Религиозный обман! Таков результат, к которому приходит Руссо в последо-

вательном развитии своего учения точно так же, как с другой стороны он приходит к необходимости рабства, которого незаконность сам признает. Это кажется почти невероятным. Все эти ни с чем несообразные условия, эти поразительные выводы обыкновенно ускользают от людей, которые, принимая на веру начало прирожденной свободы человека и народного полновластия, не вглядываются ни в основания, ни в последствия своего воззрения. Между тем, Руссо грешил только силою логики. Признавши прирожденную свободу за единственное начало, на котором можно построить общество, он хотел сохранить ее в государстве: и здесь каждый должен повиноваться только собственной своей воле. Но так как это невозможно, так как необходимое условие государственной жизни состоит в подчинении личной воли другим высшим началам, то противоречия неизбежны, и выпутаться из них можно только посредством новых несообразностей и противоречий.

Нетрудно опровергнуть это учение простым сопоставлением его с действительностью. На деле человек никогда не рождается свободным, а, напротив, всегда зависимым. Он с колыбели является членом известного семейства, общества, государства; он подчинен семейной и общественной власти; он связан условиями и постановлениями той среды, в которой находится. Одним словом, он рождается не отвлеченным существом, пользующимся неограниченной свободой и не знающим никаких обязанностей, а членом известного общественного организма, связывающего в одно целое не только настоящие поколения, но и прошедшие и будущие. Первоначальное состояние природы, о котором мечтали писатели XVII и XVIII столетий, не более как вымысел. Оно никогда не существовало и не могло существовать, оно противоречит природе человека. Таким же вымыслом представляется и общественный договор, в силу которого отдельные лица образуют из себя государство. История не знает таких договоров. Действительные государства основывались иначе, большею частью на праве силы, на завоевании, на добровольном или принудительном подчинении отдельных, разбросанных обществ единой, существующей уже власти; иногда, хотя реже всего, на воле народной, но на воле, воспитанной уже государственным бытом, признающей за основное начало не прирожденную свободу лица, а подчинение личной воли общественной и частных выгод общему благу. На этих началах основаны и действительно существующие демократические государства, в которых полновластие народа означает не право каждого повиноваться только собственной своей воле, а, напротив, обязанность подчинять свою волю чужой, то есть решению большинства или его представителей. На этой коренной общественной обязанности человека, на обязанности подчиняться установленной в обществе власти, зиждутся и другие образы правления – монархический, аристократический, смешанный. История и жизнь признают правомерность каждого из них; каждый соответствует известным государственным целям, известным потребностям человеческой жизни и развития, а потому имеет одинакое с другими право на существование.

Коренная ошибка учения о полновластии народа заключается в том, что оно личную свободу, личную волю человека полагает в основание всего общественного здания. Оно грешит односторонностью. Свобода – один из элементов

общественной жизни, и элемент существенный, но не единственный и даже не верховный. Человек по природе своей существо свободное, а потому имеет права. Эти права должны быть признаны в государстве, которое состоит из свободных лиц, а не из рабов. Рабство есть унижение человеческого достоинства, низведение человека на степень орудия или животного. Но человек не только существо свободное; он вместе с тем существо разумно-нравственное. Он не только живет и действует для собственных целей, для личных выгод и удовольствия, но он носит в себе сознание высших, господствующих над ним начал и законов; он имеет в виду общие интересы, связывающие людей и создающие духовный мир, в котором вращается человеческая жизнь. Эта духовная связь существует не только между людьми, живущими в данное время, но и между различными, следующими друг за другом поколениями. Каждое получает от своих предшественников умственное и нравственное наследие, которое оно перерабатывает и умножает собственной деятельностью, передавая его затем своим преемникам. В этом состоит органическое развитие народов и человечества. Отдельное лицо является членом органического целого, которое вводит его в общий духовный мир. Высшее его назначение как разумно-нравственного существа состоит не в удовлетворении личных потребностей, а в деятельности на общую пользу, в служении господствующим в мире идеям и интересам. Эта высшая духовная жизнь и делает человека субъектом прав. Права человека должны быть уважаемы именно потому, что он существо нравственно-разумное, которое носит в себе сознание общих начал и служит высшим целям человечества. Иначе он нисходит на степень животного, которое не имеет прав, потому что не живет разумною жизнью, а ищет только удовлетворения собственных потребностей. Свобода человеческая есть свобода разумно-нравственного существа. Человек имеет права, потому что имеет обязанности. Наоборот, он имеет обязанности, потому что имеет права: если бы он не признавался существом свободным, имеющим права, то с него нельзя было бы требовать исполнения обязанностей. Оба начала обуславливают друг друга.

Принадлежность лица к обществу есть, следовательно, не только право, но и обязанность. Человек вступает в общество не только для удовлетворения своих потребностей, но и по нравственно разумной необходимости. Он является на свет не только существом свободным, но и с прирожденными обязанностями, которые он получает вместе с духовным наследием предков и которые одни дают ему возможность пользоваться свободой и быть лицом полноправным. Из человеческих союзов, в которых признаются и осуществляются эти права и обязанности, высший есть государство. В нем народная жизнь получает общую организацию, которую связываются и рассеянные лица, и сменяющиеся поколения. Оно устанавливает в обществе высший порядок, оно водворяет правосудие, управляет общими интересами, исполняет в истории всемирное назначение народа. Рождаясь в известной земле, составляющей для него отечество, человек является на свет членом государства со всеми обязанностями гражданина. Он подчиняется закону, устанавливающему порядок, он повинуется верховной власти, издающей и прилагающей закон; он обязан служить государственной цели – общему благу. В этом служении человек находит удовлетворение не только своей разумно-

нравственной природы, но и личных стремлений и выгод, ибо в общей пользе заключается и частная, общее благо имеет в виду благосостояние всех. Здесь он находит и осуществление своей свободы, ибо свобода есть одно из важнейших благ человека, один из коренных элементов общества; без нее невозможна разумная жизнь. Развитие свободы как требование общего блага составляет, следовательно, одну из целей государства. Но эта цель не единственная; входя в состав политического организма, свобода подчиняется высшим, господствующим в нем началам. А потому большее или меньшее ее развитие зависит от других элементов государственной жизни: от потребностей власти, порядка, закона, от разнообразных интересов, которыми управляет государство, и от тех условий, среди которых оно живет.

Идеальная цель государства, высшее требование общего блага, состоит, конечно, в полном и гармоническом развитии всех общественных элементов; но к этому идеалу народы приближаются различными путями и постепенно. Каждый народ имеет свои особенности; у одного преобладает один элемент, у другого иной, у одного начало права, у другого начало обязанности; один устанавливает у себя демократию, основанную на личном участии каждого гражданина в государственном управлении; другой подчиняется господствующей над ним власти, освященной верою, законом, историею; третий, наконец, старается сочетать оба противоположные начала в общих учреждениях. Даже у одного и того же народа в различные времена преобладает то одна цель, то другая, то один элемент, то другой, смотря по насущным его потребностям. Умственное и нравственное состояние общества, взаимные отношения разнообразных его элементов – сословий, партий, областей, наконец, внешнее положение государства и обстоятельства, в которых оно находится, – все это рождает различные нужды и имеет различное влияние на государственное устройство.

Из этого следует, что степень развития свободы, место, которое она занимает в общественном организме, верховное или подчиненное ее значение определяются не абсолютными требованиями разума, а относительными требованиями жизни. Политическая свобода не составляет неотъемлемого права народа; в ней нельзя видеть неперемennого условия всякого государственного порядка. Народное представительство установится там, где оно требуется общим благом, где оно отвечает настоящим нуждам государства, где оно способно действовать в согласии с другими элементами, где оно содействует достижению известных целей. Поэтому основной вопрос состоит здесь в пользе, которую оно приносит, и в условиях, которые для него требуются.

Глава 4

Свойства народного представительства

Если представительство не составляет вечного, неотъемлемого права каждого народа, если оно устанавливается и падает во имя общественного блага, то спрашивается: в чем состоит приносимая им польза? Каким государственным целям может оно содействовать или мешать? Каковы его выгоды и недостатки? Одним

словом, каковы его свойства?

Выгоды политической свободы и представительных учреждений до такой степени очевидны, основанные на них либеральные идеи до такой степени распространены в литературе и в обществе, что почти странно на них останавливаться. Говорить об этом нет возможности, не впадая в общие места, давно всем известные. Гораздо чаще от внимания не только публики, но и передовых мыслителей ускользает обратная сторона дела, без которой, однако, остается непонятным множество явлений в истории и в жизни. Нет ничего легче и пошлее, как объяснять отсутствие политической свободы невежеством народов и, в особенности, насилием правительств. Подобные воззрения столь же мало раскрывают смысл истории, как давно похороненные объяснения мифологии обманами жрецов. Общество, которое руководствуется такими понятиями, которое в политической свободе видит абсолютное требование, а в ее отрицании одно только насилие, никогда не придет ни к ясному сознанию своего положения, ни к правильному развитию своего государственного устройства. В действительности, политическая свобода и основанные на ней представительные учреждения не всегда соответствуют общественной пользе, точно так же, как они не составляют неперемennого требования права. Они упрочиваются, когда приносимые ими выгоды перевешивают их недостатки, но часто они падают вследствие внутренней своей несостоятельности, вследствие того, что при данных условиях, они являются скорее помехою, нежели двигателем общественного развития. Для ясного уразумения дела необходимо, следовательно, обратить внимание на обе стороны.

В наше время едва ли кто станет отрицать огромные и благодетельные последствия, истекающие из представительных учреждений для народов, к ним приготовленных, в странах, где установилось вождеденное согласие политической свободы с властью, порядком и общею пользою. Прежде всего, права и интересы граждан находят здесь высшее обеспечение. Классы, облеченные политическим правом, имеют возможность стоять за себя, защищать и свои, и общие выгоды. Участвуя в верховной власти, представитель является в ней законным заступником не только своих избирателей, но и всех граждан в совокупности. Закон, утвержденный на общем согласии, ограждает права всех и не подвергается произвольным переменам и нарушениям. Власти, друг друга сдерживающие, устраняют произвол, пресекают злоупотребления, содействуют прочности законного порядка. Нет сомнения, что представительное устройство не составляет единственной гарантии права и свободы. Напротив, оно имеет значение только при существовании других ближайших к народу учреждений, непосредственно касающихся жизни. Независимый, бескорыстный, хорошо устроенный суд, надлежащая доля местного самоуправления гораздо лучше охраняют личность, собственность и интересы граждан, нежели участие их в верховной власти. Последнее составляет венец здания, а не краеугольный его камень. Но без политической свободы все низшие гарантии сами не ограждены от нарушения. Власть, ничем не сдержанная, легко склоняется к произволу. Низшие органы правительства, те, которые приходят в ближайшее соприкосновение с гражданами, получают свое бытие, свою силу и направление от власти верховной, а потому высшею гаран-

тием прав и интересов народа может быть только народное представительство, участвующее в действиях и постановлениях самой верховной власти. Вся конституционная система Англии, говорит Борк¹, существует для того, чтобы посадить 12 беспристрастных людей на скамью присяжных. Безусловного обеспечения и здесь нельзя найти, ибо оно вообще немислимо в человеческих обществах, но это высшее, какое возможно.

Такая крепость права, такое ограждение свободы от произвола имеют огромное влияние на возбуждение народных сил, на развитие общего благоденствия. Человеческая деятельность требует простора и безопасности. Уверенность в будущем, в прочности порядка, в невозможности произвола составляет первое условие всякого предприятия. Только при свободе энергия лица может проявиться во всей своей полноте; в свободе лежит главная пружина человеческого совершенствования. Куда бы мы ни обратились, везде существует этот закон. Промышленность достигает высокой степени развития только в странах, где упрочена свобода и ограждены права. Еще более требует свободы духовная деятельность человека, которая вся истекает из свободной мысли; для нее свобода так же необходима, как воздух для физического организма. Поэтому свободные народы самые богатые и самые просвещенные. Древние республики, средневековые вольные общины, новые представительные государства служат тому разительными доказательствами.

Однако не следует и преувеличивать значения свободных учреждений. С одной стороны, как мы заметили, низшие, ближайшие гарантии могут существовать и без высших. При некоторой степени общественного развития, при благоразумии правительства они могут вполне удовлетворить народным нуждам. Произвол сдерживается нравственной силою общества, опасением недовольств, желанием блага в правителях, которые обыкновенно готовы дать поданным всевозможные учреждения, охраняющие личность и собственность, если только не затрагиваются права верховной власти. С другой стороны, бури, вызываемые политической свободой, могут подвергать жизнь и имущество граждан гораздо большей опасности, вносить в общественные отношения несравненно большую шаткость, нежели самый сильный деспотизм. Поэтому частные интересы обыкновенно ищут успокоения от революционных смут под сенью самодержавной власти, которая доставляет каждому возможность мирно заниматься своими делами и безопасно достигать своих выгод. Просвещенный абсолютизм, дающий гражданам все нужные гарантии в частной жизни, содействует развитию народного благосостояния гораздо более, нежели республики, раздираемые партиями. Стоит сравнить, например, революционную Францию с Пруссией после 1815 года. Поэтому если злоупотребления неограниченной власти ведут иногда к общему застою, к истощению народных сил, то, с другой стороны, мы видим, что народы крепнут и растут под самодержавным правлением. В доказательство достаточно сослаться на Россию. Положение либеральных писателей, что абсолютизм непременно ведет к падению обществ, далеко не всегда оправдывается историей. Если нам могут указать на примеры народов, склоняющихся к упадку

¹ Берк Эдмунд (1729–1797) – английский политический деятель, публицист, философ.

под неограниченную власть монархов, то надобно спросить, где тому причина: в образе ли правления или в разложении самой жизни, при которой деспотизм остается единственною возможною формою общественного устройства? Последнее, очевидно, имело место в Римской империи, на которую нередко ссылаются в доказательство пагубного действия самодержавия. Древние республики начали разлагаться и падать при господстве в них свободных учреждений. В этом случае абсолютизм не ускоряет, а скорее, задерживает неизбежное падение. Общества дряхлеющие, как и новые, нуждаются в единой, сильной власти, которая одна в состоянии охранять у них мир и безопасность. Политическая свобода полезна для народов только в их зрелом возрасте, в полном цвете жизни. Поэтому и означенное выше положение, что представительное устройство, охраняя свободу и права граждан, наиболее содействует развитию общественных сил, не следует принимать за безусловное правило, приложимое ко всякому времени и ко всякому месту. Оно имеет значение только при известных данных.

Но охранение свободы, обеспечение права и проистекающее отсюда возбуждение народных сил не составляют единственной, ни даже верховной цели государства. Личная свобода и частные выгоды подчиняются в нем высшим началам; на первом месте стоит благо целого союза. Поэтому, обсуждая пользу представительных учреждений, необходимо рассмотреть, какое значение они имеют для общих государственных интересов, оказывают ли они им содействие или помеху?

И здесь во многих отношениях благодетельные их последствия неопровержимы. Все, что может сделать общественная мысль в приложении к государственной жизни, дается политической свободой. Народное представительство служит постоянным органом общественного мнения. Правда, это не единственное его выражение; существуют и другие пути: областные и сословные собрания, печать. Но в народном представительстве рассеянные, частные суждения приобретают общее средоточие, общественное мнение получает правильную организацию. Пока мысль высказывается отдельными лицами или корпорациями, трудно судить, до какой степени она распространена; когда же она проявляется в представительстве, составляющем верное выражение общества, можно полагать, что это мнение действительно общее или, по крайней мере, весьма распространенное. Сосредоточиваясь в верховном собрании, оно получает и особенный вес, которого не имеют рассеянные, одиночные суждения; оно становится силою в глазах правительства и народа.

Никто не станет утверждать, что общественное мнение всегда верно видит вещи и судит о них безупречно. В теоретических вопросах суждение массы не имеет никакого веса; часто один человек ближе к истине, нежели целый народ. И в практической жизни нередко приходится прибегать к теории. Эта потребность ощущается особенно при законодательстве новом, не испытанном на опыте, но и в обыкновенных делах теория часто бывает необходима. Так, например, финансовые вопросы, хотя чисто практические, требуют основательного изучения экономической науки, а потому, разумеется, могут быть здраво обсуждаемы только весьма незначительным количеством лиц. И в других практических во-

просах общественное мнение нередко ошибается, еще чаще увлекается временным чувством или господствующим односторонним направлением. Оно ощущает зло и не знает способов врачевания или кидается на средства, причиняющие еще больший вред. Оно редко видит отдаленные цели и препятствия, а потому не всегда обнимает вопрос во всей его полноте. Правительство, стоящее выше частных интересов и увлечений, обычное в делах, имеющее средства знать каждый вопрос во всем его объеме и собрать вокруг себя наиболее сведущих людей, нередко судит о государственных потребностях лучше общества.

Но если общественное мнение не может считаться непогрешимым судьей политических вопросов, если не следует подчиняться ему безусловно, то свободное его выражение всегда имеет неоспоримые выгоды. Оно прежде всего обнаруживает настоящее состояние общества и управления. Существующее зло не таится внутри, а выходит наружу. Народные нужды становятся известны всем, а потому скорее и легче могут быть изысканы средства исправления недостатков. В государствах, где политическая свобода не существует, где не допускается критика господствующего порядка, где выражение общественных потребностей считается неуважением к власти, правительству и, в особенности, монарху, не всегда легко узнать настоящее положение дел. Злоупотребления тщательно скрываются, ибо обнаружить их могут только те, которые сами в них виновны или за них отвечают. Правителям выгодно представлять в благоприятном свете результаты своего управления и устранять всякое противоречие. Отсутствие критики дает им возможность успокоиться на мысли, что все идет хорошо, пока неожиданное событие не пробудит их от приятной мечты. Таким образом, за блестящею обстановкою нередко скрываются бедность, беспорядок и беззаконие, власть лишается настоящей опоры и твердой почвы для деятельности, зло накапливается в тайне, неудовольствие растет, материальные и нравственные силы народа падают. Плодом такого порядка вещей является расслабление всего государственного организма или общественный переворот, который разом изменяет весь жизненный строй народа.

Все это устраняется народным представительством, которое постоянно стоит на стороже, поднимая голос во имя общественных нужд и обнаруживая истинное положение дел. Здесь скорее можно ожидать избытка критики, нежели недостатка в ней, по крайней мере, там, где представители пользуются надлежащею независимостью. Но излишняя критика, при всех своих неудобствах, составляет гораздо меньшее зло, нежели успокоительные мечты. Она всегда содержит в себе побуждение к деятельности. Можно исследовать язвы, пока они не наболели; исправления совершаются постепенно, и не нужно разом приниматься за все упущенные меры, с опасностью произвести общее потрясение в государстве. В представительном собрании общественная критика получает особенный вес и значение. Пока жалобы высказываются частным образом, в прошениях, в собраниях, в печати, трудно знать, что в них истинного и что ложного; нередко они преувеличиваются легкомыслием или желанием играть общественную роль. Правительство не может все исследовать и на все отвечать, и самый ответ не всегда становится всем известным. В представительном собрании высказывается только то,

что действительно имеет некоторую важность, за критикую немедленно следует ответ, все элементы суждения здесь налицо, а потому легче обнаружится истина.

Этого мало. Народное представительство не только служит органом общественных потребностей, но оказывает правительству значительное пособие и при обсуждении средств к устранению зла. Если оно не всегда судит правильно, то во всяком случае оно вносит в суждение новые элементы, новые точки зрения, особенно касательно приложения законов к практике. Власть, стоящая на вершине, часто не знает того, что совершается внизу. Законы, составляемые в канцеляриях, обсуждаемые собраниями сановников, нередко отзываются бюрократическим формализмом и совершенною непрактичностью. Подвергнуть их суждению общества всегда полезно, и лучшим для этого средством служит представительное собрание, в котором сосредоточивается цвет общественной мысли. Даже неверное суждение имеет свои выгоды. Приложимость закона, польза, которую может принести известная мера, зависят не только от внутренней их доброты, но и от состояния общества, в котором они должны действовать, от того мнения, которое имеет о них народ. Закон, вошедший в общее убеждение посредством всесторонних и гласных прений, приобретает несравненно большую силу и пользуется большим доверием, нежели закон, обсужденный тайно и проникающий в общество, к нему не приготовленное.

Таким образом, приобщая к себе народное представительство, власть приобретает новые силы и новые опоры. Она яснее видит состояние общества, глубже вникает в его потребности, получает новые элементы суждения и может действовать решительнее, опираясь на доверие народа и на общую готовность поддерживать меры, одобренные выборными людьми.

Но польза, приносимая государству народным представительством, не ограничивается свободным проявлением общественной мысли. Для этого были бы достаточны и другие пути. Гораздо важнее то, что мысль здесь прямо переходит в дело, что общественное мнение становится выражением воли народной, участия граждан в общих делах государства. Правительство не только выслушивает мнение, когда ему угодно, но и должно с ним сообразоваться. Этим только способом устанавливается действительный контроль общества над государственным управлением, а такой контроль бывает весьма полезен. С человеческою природой неразрывно соединены личные взгляды, стремления и страсти, которые тем легче проявляются в управлении общественными делами, чем меньше власть встречает задержек. Лучшим противодействием этому неизбежному злу служат права собрания, контролирующего правителей и представляющего интересы всех, – собрания, в котором частные виды принуждены скрываться за общую пользу и каждый член находится под надзором общества. Взаимный контроль воздерживающих друг друга властей составляет самое надежное обеспечение хорошего управления. Лица, которым вверяется власть, подлежат здесь ответственности не перед одним монархом, на которого личные влияния всегда могут быть сильны, как доказывают бесчисленные примеры, а перед независимым собранием, представляющим самый народ, который ощущает на себе выгоды или невыгоды управления.

Контролем представительного собрания устраняются и те произвольные и необдуманные решения, которые нередко навлекают бедствия на страну. Правительство, облеченное неограниченной властью, легко вовлекается в войны, истощающие казну и не находящие ни малейшего сочувствия в народе. Это бывает даже при народном представительстве, которого права недостаточно широки; стоит вспомнить о мексиканской экспедиции, предпринятой нынешним французским императором. Тем более это возможно при отсутствии всякого общественного контроля, там, где нет представительного собрания, располагающего деньгами и людьми. Завоевательные войны Людовика XIV¹ и Наполеона показывают, к чему может привести власть, не сдержанная правами народа. То же самое относится и к внутренним вопросам. История государств, где народные права недостаточно обеспечены, представляет тому многочисленные примеры. В беспорядочном состоянии общества при совершенном отсутствии задержек энергичная система, поставляющая себе задачей подавление всякой общественной свободы, не встретит никакого противодействия. Среди всеобщего безмолвия она может беспрепятственно идти к своей цели. Как бы на это ни жаловались в тайне, средств против зла не существует никаких, и многие годы могут пройти с величайшим ущербом и для частной жизни и для общих интересов страны. Если же, наконец, злоупотребления становятся невыносимыми, и общее неудовольствие находит себе исход в удачной революции, то и от этого не всегда становится легче, ибо революция сама по себе есть зло и всегда влечет за собою значительные бедствия.

Общественный контроль в особенности полезен для финансов. Было бы несправедливо утверждать, что в представительных государствах финансы всегда в лучшем порядке, нежели в самодержавных, можно привести не один пример неограниченного правительства, умеющего вести свои дела, и представительных собраний, которые их расстроивают. Французская республика пришла к банкротству, несмотря на продажу церковных имуществ, и только Наполеон восстановил упавшие финансы. Современная Италия принуждена прибегать к постоянным займам для покрытия дефицитов. То же делает и Австрия. Представительные собрания имеют даже некоторые невыгоды перед самодержавными правительствами; они легче решаются на возвышение податей и на заключение займов, ибо менее опасаются народного неудовольствия. Однако, с другой стороны, общественный контроль несомненно содействует правильности государственного хозяйства. Охраняя народный кошель, представители воздерживают по возможности произвольные расходы и устраняют легкомысленную расточительность, которая так часто расстроивает финансы в самодержавных государствах. А как скоро есть гарантия правильного хозяйства, так естественно возрастает доверие к государственным средствам. Вообще говоря, конституционные государства пользуются большим кредитом, нежели самодержавные, хотя это далеко не общее правило. Кредит приобретается доверием к прочности существующего по-

¹ Людовик XIV (1638–1715) – французский король (с 1643 г.). Стал править самостоятельно после смерти первого министра Дж. Мазарини. Явился олицетворением французского абсолютизма. В экономической сфере проводил политику меркантилизма. Создал крупный военный флот, сильную армию, заложил основы колониальной империи, вел многочисленные войны.

рядка и к умению правительства вести свои дела. Поэтому и народное представительство тогда только может иметь благоприятное влияние на финансы, когда оно успеет упрочиться и доказать свою способность, а это дело времени. Считать же представительные учреждения неперемнным лекарством против финансового расстройства невозможно ни на основании теории, ни в виду фактов.

Представительные собрания действуют на правительство не только как задержка, но и как побуждение к деятельности. В этом также состоит одна из существенных выгод политической свободы. Трудно пребывать в покойной рутине, когда рядом стоит власть, постоянно следящая за правителями и напоминающая им о потребностях общества. В каждом сколько-нибудь независимом собрании существует более или менее сильная оппозиция, которая своею смелою критикою, своими неумолкающими нападками, возбуждением новых вопросов, заявлением об общественных нуждах беспрерывно толкает правительство вперед, заставляет его обращать внимание на все упущения и принимать меры к их исправлению. Правительство принуждено действовать неусыпно, чтобы не доставить слишком легкой победы противникам, и так как здесь постоянно происходит борьба, требующая значительного напряжения сил, то оно поневоле должно состояться из способных людей. В представительном правлении от государственного человека требуется гораздо более, нежели в самодержавном. В последнем он может держаться рутинною, умением ладить, личною услужливостью, иногда совершенно посторонними влияниями; в первом несостоятельность его обличается тотчас, ибо он должен отстаивать свои действия против дремлющих врагов, употребляющих все усилия для его низложения. Министр, который своею неспособностью подрывает правительство, не может держаться перед палатами. Чтобы сохранить свое положение, власть должна обладать не только физическими средствами, но и огромным нравственным влиянием на общество. Стоя лицом к лицу перед всею силою организованного мнения, она принуждена сама быть действительною силою и для этого призвать к себе на помощь способнейших людей страны.

Представительные учреждения сами в значительной степени доставляют элементы для хорошего правительства. Это опять одна из важных услуг, которые они оказывают государству. Здесь выделяются люди, развиваются и выказываются способности. Одна из существенных невыгод неограниченного правления состоит в том, что высшие государственные должности достигаются в нем единственно бюрократическим путем. Но бюрократия далеко не лучшая среда для развития политических способностей. В ней приобретаются чиновничья опытность, знание бумажного дела, но вовсе не высшие государственные взгляды. Напротив, имея дело не столько с живыми силами, сколько с мертвыми формами, вращаясь постоянно в узкой канцелярской сфере, бюрократия, естественно, впадает в рутину и формализм. Только необыкновенно даровитые люди в состоянии выбиться из этой колеи, выйти на более широкую дорогу; посредственные способности не только не развиваются, а суживаются и слабеют, чем долее они вращаются в этой сфере, чем выше поднимается лицо по чиновничьей лестнице. Нужно в монархе гениальное умение распознавать людей, притягивать их к себе, возвышать их, пока они не утратили своей свежести и не закоснели в формализме, чтобы

восполнить этот недостаток. Иначе последствием такого порядка вещей бывает совершенное оскудение политической мысли и государственных способностей, и когда, наконец, правительство, побуждаемое обстоятельствами, ищет даровитых людей для поправления дел, оно повсюду встречает приводящую в отчаяние бедность. Чиновников оказывается несметное множество, но государственных людей вовсе нет.

Представительные учреждения устраняют это зло. Чтобы действовать на этом поприще, нужно выйти из бюрократической колеи. Здесь надобно иметь дело с живыми общественными силами, обхватывать вопросы с разных точек зрения, напрягать все свои способности в постоянной борьбе. Здесь общество и правительство соединяются в общей деятельности, а потому нет лучшей среды для близкого и всестороннего знакомства с государственными вопросами. Приобретаемые здесь опытность и знание дела, ширина взглядов, умение ладить с людьми составляют лучшие свойства государственного человека. Парламент дает государству способнейших деятелей. В этом отношении можно сослаться на пример Англии, где государственные люди отличаются необыкновенным практическим смыслом, а между тем, выходят не из министерских департаментов, а из представительных собраний. Парламентское поприще заменяет даже специальное знакомство с предметом. Нередко деятель, испытанный в политической борьбе, становится военным министром, никогда не служивши в войске, или морским, никогда не бывши на море, и на деле оказывается способнее специалистов. Конечно, это не может быть возведено в общее правило; подобные явления возможны только в обществе, которое вековою практикою приобрело опытность в государственных делах. Но нет сомнения, что парламентское поприще пополняет недостатки бюрократического и в значительной степени содействует возвышению способностей государственных людей.

Представительные учреждения служат лучшей политической школой и для народа. Приобретая долю влияния на государственные дела, избиратели, естественно, принимают в них живое участие. Гласное обсуждение вопросов развивает в народе политическую мысль, необходимость совокупной деятельности, изоощряет практические способности граждан. Можно сказать, что только с помощью представительных учреждений общественное мнение может достигнуть надлежащей зрелости. Даже при полной свободе печати обсуждение политических вопросов в журналах всегда представляет весьма значительные невыгоды и пробелы. Редкий читатель дает себе труд перечитывать журналы различных направлений; огромное большинство держится одного органа, а потому не имеет возможности взглянуть на вопросы с разных сторон, отличить правду от лжи. В силу привычки и ежедневного повторения читатель как бы механически более и более утверждается в известном направлении. С другой стороны, писатель не имеет тех сдержек, которые вырабатываются в представительном собрании. Для него не существует необходимости сделок и уступок во имя совокупной деятельности; он выражает только личное свое мнение. На нем не лежит никакой ответственности, ибо он не призван к решению дел. Лишенная приложения, мысль его по необходимости принимает направление теоретическое; журналист

обсуждает вопросы, придумывает решения, направляет судьбы мира в своем кабинете. И это не является в нем как плод зрелого и долговременного размышления; это ежедневная потребность, возникающая из необходимости всякий день сказать что-нибудь, наполнить столбцы газеты, возбудить внимание читателей. Журнализм – выгодное ремесло, которое может обратиться в такую же рутину, как и канцелярская деятельность, с тем различием, что последняя имеет более соприкосновения с практикою. Общественное мнение, вскормленное журнализмом, естественно отражает на себе его недостатки: оно является поверхностным, односторонним, непрактическим. Этому злу может противодействовать одно только представительное собрание. Здесь политические вопросы обсуждаются со всех сторон людьми, облеченными общим доверием, призванными к практическому делу, несущими на себе ответственность. На них сосредоточивается главное внимание народа, они становятся его руководителями; журнализм отходит на второй план. Самая свобода печати без представительного собрания лишена гарантии настоящей почвы; она производит постоянное возбуждение мысли, игру случайных, поверхностных, разноречащих мнений без всякой возможности исхода, поправки и руководства. Только в представительном порядке народ приобретает опытность, которою это брожение сдерживается в должных границах. Мысль, не переходящая в дело, всегда остается отвлеченной и непрактическою; деятельность служит ей мерилом и руководством. Общество может испробовать свои политические суждения только будучи само призвано к участию в государственных делах, и если общественное мнение оказывается ошибочным, то оно само несет ответственность за свои действия; из своих ошибок оно черпает уроки для будущего. Без собственного опыта ни отдельный человек, ни народ не в состоянии приобрести высших качеств, необходимых для разумной деятельности: самообладания, твердости, ясного и спокойного взгляда на вещи. Эта возможность практического исхода тем более необходимей, что политическая мысль редко остается бесстрашною; борьба политических партий переходит в ожесточение. Поэтому прежде, нежели она достигла крайних пределов, следует ввести ее в законный путь, дать ей правильное движение, которое бы делало ее менее опасною для государства. Народ, которому свободные учреждения не открывают возможности осуществлять свои желания, нередко прибегает к революциям. Здесь опыт дает ему суровые уроки; но эта опытность гораздо менее плодотворна, нежели та, которая приобретается законною деятельностью в правильно устроенном порядке. Представительное правление не всегда предупреждает революции, но оно делает их менее вероятными, ибо есть возможность достигнуть цели иначе, мирным путем, борьбою мысли и слова.

Наконец, представительные учреждения внушают народу и большую привязанность к существующему порядку. Здесь удовлетворяется прирожденное человеку чувство свободы. Если всякий совершеннолетний хочет сам управлять своими действиями, то и народ, достигший политической зрелости, естественно стремится к самоуправлению. Участвуя в верховной власти, гражданин чувствует себя не подвластным, а свободным лицом; он исполняется сознанием своего достоинства, своего права и своей силы, сознанием, дающим высшую цену и кра-

соту самой жизни. Как отдельное лицо он подчиняется высшему порядку, но вместе с тем, как разумное существо, он сам носит в себе этот порядок, сам участвует в его поддержании, сознает его как собственную свою сущность, а не как ярмо, наложенное извне. Поэтому в нем сильнее развивается любовь к тем учреждениям, которые доставляют ему защиту и дают ему высшее значение. Чувствуя себя живым членом государственного организма, он всеми силами заботится о его сохранении. Государство приобретает новые опоры в мыслях и сердцах своих граждан.

Таковы весьма значительные выгоды, которые может принести государству народное представительство. Твердые гарантии права, возбуждение общественной самостоятельности, новые мысли, новые силы – все это может дать свобода, входящая в государственную жизнь как один из существенных ее элементов. На помощь правительству приходит здесь целое общество, а это должно возводить государство на высшую ступень развития. Если бы этими выгодами исчерпывалась вся сущность дела, если бы свобода всегда приносила подобные плоды, едва ли на свете существовали бы иные государства, кроме представительных. Подавление свободы было бы делом не внутренней необходимости, а внешнего насилия, которое временно может взять перевес, но на котором долго не держится ни одно государство. История не представляла бы нам картины жаркой борьбы за свободу, медленного ее развития, насильственного водворения, горьких разочарований и частых падений. Все обходилось бы мирно и дружелюбно. Но, как всякое человеческое установление, политическая свобода, кроме выгодных сторон, имеет и другие, которые иногда уравнивают, а иногда перевешивают первые. Слишком часто она оказывается неспособной водворить прочное устройство и служить государственным целям; нередко она приходит в столкновение с другими, самыми коренными элементами государства, без которых ни одно общество не может обойтись, – с властью и порядком, а в таких случаях народ, естественно, держится высших начал, ухватывается за основы общества, жертвуя другими, меньшими выгодами. Свобода в государстве должна подчиняться обществу и благу целого; она может достигать полного развития только там, где она способна действовать в согласии с другими элементами. Но это соглашение составляет одну из самых трудных задач политической жизни, идеал, которого достижение часто оказывается невозможным.

Государственное управление требует от правительства двух существенных качеств: высшего сознания и единства воли. И то, и другое далеко не всегда обеспечивается политической свободой.

Либеральные писатели нередко утверждают, что свои дела каждому ближе всего, а потому несравненно успешнее ведутся самим лицом, которого они касаются, нежели другим. Из этого выводят, что и народ должен сам заведовать своими делами, а не возлагать их на правителей. В этом доводе странным образом смешиваются свойства частных дел и общественных. Несомненно, что каждый человек лучший хозяин своих частных дел, ибо здесь главная движущая пружина – личный интерес. Обыкновенно всякий знает свои дела лучше, нежели другой, и более о них заботится. Если даже, что случается нередко, частный человек

оказывается неспособным их вести, если он ими пренебрегает или запутывает их, то ответственность лежит на нем одном; других это не касается. Совсем не то происходит в делах общественных. Хотя и здесь замешан личный интерес каждого, однако далеко не в такой степени, как в частных предприятиях. Здесь он не составляет главной пружины деятельности; напротив, участие в общественных делах нередко требует от человека самоотвержения. Здесь является исполнение высшей обязанности, труд на общую пользу. Человек должен отрываться от своих частных дел, от непосредственных своих выгод. А на это не всегда можно рассчитывать. Личный интерес можно предполагать в каждом; но бескорыстная деятельность на общую пользу составляет редкую принадлежность человека. Конечно, когда дело идет о спасении общества, каждый живет чувствует свою связь с целым и забывает о себе. В минуты опасности народ, в котором не иссякла любовь к отечеству, готов всем для него пожертвовать. Но в мирное время огромное большинство граждан прежде всего заботится о своих частных делах; общественные представляют для него интерес второстепенный. Ему кажется гораздо более удобным предоставить их правителям, не утруждая себя излишними тревогами. Таким образом, личный интерес, который в частной деятельности составляет главную движущую силу, является, напротив, помехой для политической свободы, требующей от гражданина непрерывного внимания к общественным делам, готовности жертвовать своими частными выгодами и удобствами общей пользы. Свободные учреждения, которые не находят постоянной поддержки в народе, всегда непрочны. Но такое зоркое внимание к общему делу предполагает либо слабое развитие частной жизни, как в древних государствах, либо весьма высокое политическое развитие граждан, которое встречается не везде.

Недостаток самодеятельности на общую пользу тем в большей степени проявляется в людях, чем менее они знакомы с общественными делами. Всякий хорошо знает свои частные интересы, потому что постоянно ими занимается. Они составляют ближайшую сферу, в которой человек вращается ежедневно. Но общественные дела далеко не так известны каждому. Занятие ими требует и высших способностей: здесь нужны общие взгляды, внимание не только к своим, но и к чужим выгодам; нужны обширные соображения, совершенно выходящие из круга ежедневной деятельности лица. И чем выше союз, к которому принадлежит человек, тем сложнее и обширнее становятся вопросы, тем они дальше от обыкновенного понимания людей. Государственные вопросы заключают в себе высшие задачи, какие могут представляться человеческому уму; поэтому они требуют для своего разрешения самого высокого умственного развития. Государство – учреждение, существующее тысячелетия, союз, обнимающий бесчисленные поколения. Ему на земле принадлежит верховная власть; все человеческие интересы находятся от него в зависимости. Для правильного суждения здесь недостаточно практическое знакомство с делами. Необходимо принимать в расчет исторические данные, общие законы человеческих обществ, опыт других государств, международные отношения, всемирное призвание народа на земле; надобно возвыситься к пониманию высших нравственных и философских начал – существа и значения свободы, происхождения власти, отношения рели-

гии к государству, правды к политике. Это совсем не то, что рассчитать выгоды известного производства или заключить торговую сделку. Безумно утверждать, что все эти вопросы должны быть доступны всем, потому что касаются всех. Все ими управляются, но понимают их весьма немногие, те, которые имеют и способность, и возможность их изучить. Огромная масса людей точно так же не в состоянии судить о государственном устройстве и управлении, как не может рассуждать о законах физики или химии, хотя и подлежит их действию.

Между тем, политическая свобода предполагает это знание общедоступным или, по крайней мере, весьма распространенным в народе. Оно требуется не только от членов палат, но и от самих избирателей, которые должны судить о мыслях и направлении представителей. Если выборному праву следует дать широкие основы, дабы все существенные интересы и элементы общества были представлены в собрании, то решение государственных вопросов непременно должно зависеть от массы людей несведущих, и чем глубже представительное начало проникает в народ, тем ощутительнее становится этот недостаток. Вред, проистекающий отсюда для государства, никак не может быть уподоблен убыткам, которые несет частный человек от неумения управиться с своими делами. Неспособность гражданина касается не его одного, а имеет влияние на всех; преждевременное вручение политического права одному поколению определяет судьбу последующих и может навлечь на них несчетные бедствия.

К невыгодам, проистекающим от низкого уровня политического знания, присоединяется трудность соединить в одно многие разрозненные воли. Это опять коренной, неизбежный недостаток политической свободы. Управление государством требует единой воли и единой власти; между тем, в народном представительстве собираются разноречащие и часто противоположные мнения, направления, интересы, и все они должны быть приведены к одному знаменателю, все должны соединиться в одно верховное решение. Эта цель достигается тем, что дается перевес большинству, которого воля считается волею всех. Но самое образование большинства представляет значительные трудности. Оно также составляется из бесчисленных оттенков мысли, соединяемых или взаимными уступками, или общою страстью, или, наконец, случайным совпадением интересов. И когда, наконец, совершится этот трудный процесс, результат далеко не всегда соответствует истинной пользе государства. Большинство вовсе не означает господства лучшего мнения; увлечение играет в нем слишком значительную роль; на самое постоянство соединения редко можно рассчитывать. Поэтому даже хорошо составленное представительство всегда страдает неизбежными, присущими ему недостатками.

Всякий, кто обращал внимание на деятельность законодательных палат, знает, с какою медленностью, а иногда, наоборот, с какою излишнею поспешностью, производятся в них дела. Предварительные совещания, работы комиссий, приготовляющих доклады, неоднократные прения в палате влекут за собою значительную трату времени. Каждый член хочет принять участие в суждениях, выставить себя на вид, показать свою деятельность избирателям. Отсюда бесконечные и бесполезные речи, составляющие язву собраний. Еще хуже многочислен-

ные поправки, которые вносятся палатами в представляемые им проекты. Обыкновенно эти перемены производятся людьми мало знакомыми с техническими приемами и даже с законодательным слогом, нередко на скорую руку, а потому неясно и неудовлетворительно. Иногда после долгих прений, в которых высказываются самые разноречащие мысли, собрание принимает случайную редакцию, чтобы чем-нибудь покончить. История английского парламента представляет не один пример тщательно выработанного проекта, совершенно искаженного многочисленными и случайными поправками, которые заставляли министров брать свои предложения назад. К этому присоединяются столкновения партий, обыкновенно поглощающие внимание палат гораздо более, нежели самое дело. Сколько времени убивается на непрерывные запросы, на систематическую критику, на бесплодные ответы! Как скоро вопрос касается отношения партий, он возбуждает всеобщий и горячий интерес, оратор за оратором требуют очереди, и речам нет конца. Когда же представляется на обсуждение вопрос чисто практический, имеющий существенную важность, но не представляющий пищи для борьбы партий и для красноречия, он проходит незаметно, среди всеобщего невнимания, и решается наскоро и случайно. В английском парламенте к концу заседаний накопляется обыкновенно множество весьма серьезных дел, которые кое-как сбываются с рук.

Можно сказать, что представительное собрание менее всего способно к обдуманному, зрелому, стройному законодательству. Огромное большинство представителей состоит из людей, которые знакомы с практикой, но не изучали теории законов и не вращались в государственных делах. Сельские хозяева, купцы, фабриканты, имеющие вес в своем околотке, призываются к решению вопросов гражданского или уголовного права, судопроизводства, государственного устройства. Очевидно, что во многих случаях они должны подавать голос слитно, доверяя предводителям партий или увлекаясь блистательным талантом адвоката, умеющего защищать всякого рода дела и затрагивать слабые стороны слушателей. Составленное из таких разнородных, не посвященных в дело элементов, большинство нередко будет совершенно случайное. От него трудно ожидать зрело обдуманного решения, последовательного развития начал, тщательного соображения частных дел, наконец, хорошей редакции. Обширное и сложное законодательство лучше всего вверяется собранию государственных людей и специалистов, знакомых с делом, стоящих вдали от партий и волнений, не искушаемых страстью к красноречию, не имеющих в виду выставить себя напоказ или приобрести популярность. Таков был Государственный совет Наполеона I, которому Франция одолжена законодательством образцовым относительно простоты, ясности, стройности и приложимости. Напротив, законы Англии, развивавшиеся под влиянием парламента, представляют хаотическую груду самых разнородных постановлений, в которые трудно внести свет и порядок. Это признается самими жаркими приверженцами представительных начал. «Безобразия такого способа законодательства, – говорит Милль, – было бы очевидно для всех, если бы наши законы не были бы уже по своей форме и по составу таким хаосом, что темнота и противоречия, по-видимому, не могут уже увеличиться от новых прибавлений к

общей массе. Однако и теперь совершенная неспособность нашего законодательного устройства к достижению цели с каждым годом более и более чувствуется на практике. Поэтому Милль советует дать палате только право целиком принимать или отвергать законы, как это делается ныне во Франции.

Менее всего представительное собрание способно к установлению совершенно нового законодательства. Зная приложение законов к жизни, представители могут указать на невыгоды их в том или другом отношении и на средства исправления, к которым привела практика. Поэтому для частных улучшений совет их может быть полезен. Но там, где нужно коренное преобразование, практика перестает быть надежным руководителем; она обнаруживает зло, но не указывает на средства его исправить. Здесь нужно возвыситься к более обширным соображениям; законодательство по необходимости принимает направление теоретическое; оно требует глубокого и тщательного изучения как общих начал, так и учреждений и практики других народов. Большинство представительного собрания, от которого зависит решение, не обладает достаточными сведениями для такой работы, ибо состоит из людей преимущественно практических.

К этому присоединяется и другое обстоятельство: всякое коренное преобразование неизбежно затрагивает весьма значительные интересы, а потому находит в них сильное противодействие. А так как эти интересы имеют своих представителей в собрании, то с ними надобно считаться. Партия, составляющая большинство, не согласится нарушить выгоды той или другой части своих членов, ибо может лишиться их поддержки. Она осторожно касается даже интересов меньшинства из опасения усилить оппозицию и произвести сильнейшее брожение. Или же, если последняя задержка не существует, если в собрании господствуют революционные страсти, готовые на всякие меры для низложения противников, то преобразование совершается в одностороннем направлении, с явным пренебрежением справедливых требований меньшинства. Это, в свою очередь, нередко ведет к смутам и к падению народного представительства. Затрагивая существенные интересы известного класса, часто весьма могущественного, собрание обращает их против себя и тем подкапывает собственные свои основы, ибо сила его зависит от единодушного стремления народа поддержать его меры и значение. Поучительные примеры представляют в этом отношении собрания французской революции и представительные палаты на Пиренейском полуострове в двадцатых годах нынешнего столетия. Там, где различные слои народонаселения расходятся в своих целях, где, в особенности, необходимо нарушить выгоды высших классов, преобразование может быть успешно совершено только властью, независимую от народа, способною беспристрастно взвесить требования обеих сторон и вместе с тем имеющею право и силу провести свои начинания помимо воли и несмотря на оппозицию заинтересованных лиц. Такая мера, как например, освобождение крестьян, скорее всего может быть предпринята неограниченным монархом; иначе она почти неизбежно должна привести к смутам и междоусобиям. В доказательство можно сослаться на современный ход этого дела в России и в Северной Америке. В первой оно совершилось мирным и законным путем, по воле самодержавной власти; в последней, при господстве по-

литической свободы, отмена невольничества стоила потоков крови.

Вследствие этих причин всякое преобразование в представительном порядке становится весьма затруднительным. Мысль должна долго созреть в общественном мнении, постепенно преодолевать сильные преграды, медленно подвигаться вперед, полумерами, частными уступками. Обыкновенно перемена совершается только в последней крайности, при вопиющем положении дел ввиду возможного потрясения, когда могущественные интересы принуждены наконец уступить позицию, которую они не в силах долее удержать. Примером может служить история Англии. Здесь можно видеть, с каким трудом в представительных государствах производятся самые полезные преобразования. Законодательство движется медленным путем, частными улучшениями, долго сохраняя бесчисленные злоупотребления, связанные с интересами господствующих классов. Эта постепенность хода имеет свои, весьма значительные выгоды: интересы и привычки не нарушаются разом и могут легче приспособиться к новому порядку; общественные отношения сохраняют более прочности, законодательство идет рука об руку с жизнью, не увлекаясь теориями, часто неприменимыми на деле. Но все это возможно только там, где твердый порядок упрочился временем и вошел в нравы. Во всяком случае, полезные реформы этим замедляются и затрудняются. Народ, для которого быстрое движение вперед составляет существенную потребность, которому необходимо подняться на один уровень с другими, чтобы оградить свое политическое положение, не может довольствоваться таким ходом. Нередко и самые исторические обстоятельства, долговременный застой или плохое управление приводят к необходимости радикальных перемен. В пример можно привести положение Франции перед революцией, Пруссии после йенской битвы¹, наконец, в настоящее время – Россию. В первой законодательная власть была вверена представительному собранию; последствием было всеобщее разрушение. В последних преобразования совершились или совершаются без потрясений, волею неограниченных монархов.

Относительно законодательства можно вообще сказать, что при удовлетворительном составе представительное собрание равно удаляется от крайностей. Оно мешает положительно дурному законодательству, но не содействует и хорошему, а, скорее всего, ведет к посредственному. Оно не допускает совершенного застоя, но препятствует и преобразованиям, и довольствуется медленными и постепенными улучшениями, к которым более всего приходятся его свойства.

Гораздо менее, нежели к законодательству, выборные собрания способны к управлению, которое по преимуществу требует единства воли. Здесь опять можно сослаться на свидетельство Милля, которого беспристрастие в этом случае не может быть заподозрено. «При самых благоприятных условиях, – говорит он, – это неопытность, заседающая в суде над опытом, невежество над знанием, невежество, которое, не подозревая даже существования того, о чем не имеет понятия, является вместе и нерадивым, и самоуверенным, относясь с пренебрежением или

¹ 14 октября 1806 г. в сражении близ Йены прусские войска были разбиты французской армией. Через несколько дней французские войска вошли в Берлин. По итогам Тильзитских переговоров между Наполеоном и российским императором Александром I Пруссия сохранила суверенитет, но потеряла более половины своей территории, обязалась уплатить Франции большую контрибуцию.

даже с негодованием ко всяким притязаниям на более здравое суждение, нежели его собственное. Так бывает, когда сюда не примешиваются корыстные виды; в противном случае являются проделки более бесстыдные и дерзкие, нежели худшее лихоимство, какое может происходить в присутственном месте при гласности управления». В этом изображении имеется в виду английский парламент.

Вместо участия в управлении, к чему, по справедливому мнению Милля, представительное собрание радикально неспособно, он предлагает возложить на него верховный контроль над правительством, единственное дело, которое, по существу своему, должно принадлежать выборным палатам. Нет сомнения, что эта задача более свойственна народному представительству; однако и она далеко не всегда исполняется им удовлетворительно. Спрашивается: где обеспечение государственных интересов, если невежество должно контролировать знание? Контроль предполагает и полное знакомство с делом, и высшую способность. Если то и другое отрицается у собрания, невозможно возлагать на него такую задачу. Милль приводит в пример военачальника, который не мог бы управлять движениями армии, если бы сам сражался в рядах или вел войско на приступ. Но никто не отрицает у военачальника способности делать то и другое; он не мог бы командовать армиею, если бы не умел ни сражаться, ни вести войска. Он является распорядителем именно потому, что обладает высшими дарованиями. Собрание же, которое не в состоянии управлять, едва ли может успешно контролировать действия властей. В этом отношении самое лучшее представительство всегда будет иметь весьма существенные недостатки, тем более что право контроля неизбежно влечет за собою и направление дел, следовательно, настоящее их решение. Возьмем, например, внешнюю политику. Вопросы о войне и мире почти всегда предоставляются правительственной власти, но так как распоряжение деньгами и людьми принадлежит палатам, которые притом нередко имеют влияние и на самый состав министерства, то решение этих вопросов обыкновенно зависит от них. Между тем, никак нельзя сказать, что они в этом деле лучшие судьи. Если самодержавные монархи увлекаются иногда завоевательными наклонностями, пускаются в необдуманные предприятия, то это обыкновенно бывает последствием избытка сил. Представительные же собрания часто действуют под влиянием увлечения или страсти, не соображая ни своих средств, ни своего внешнего положения. Разительный пример представляет в наше время Дания, где партия, господствовавшая в палатах, своею безрассудною политикою потеряла половину государства. Можно наверное сказать, что самодержавный монарх не увлекся бы до такой степени национальным чувством, что он был бы осторожнее в своих действиях и умел бы лучше взвесить цели и средства. Относительно контроля, с которым необходимо соединяется и влияние на управление, можно сказать то же, что касательно законодательства: представительство бесспорно устраняет злоупотребления, препятствует произволу, но далеко не всегда содействует наилучшему решению. И здесь устанавливается нечто среднее, соответствующее настоящему состоянию общества.

Это предполагает, однако, хороший состав представительства. Совсем другое имеет место, когда собрание выходит из общества, не подготовленного к полити-

ческой деятельности, обладающего незначительным количеством образованных сил или раздираемого партиями. В таком случае ничтожество палаты представляет еще самый лучший исход; хотя оно роняет значение свободных учреждений, но, по крайней мере, высшим государственным интересам не наносится существенного вреда. Гораздо хуже собрание, имеющее значительные притязания и неспособное приняться за дело, собрание, которое считает себя представителем народа, а потому хватается за все, которое употребляет все усилия, чтобы подорвать доверие к правительству, а, между тем, само не в состоянии произвести что-нибудь прочное и положительное. Плодом его деятельности может быть только расслабление государства или глубокое общественное потрясение.

Каков бы ни был, впрочем, состав представительства, при самых благоприятных условиях оно движется и действует не иначе как борьбою партий. Здесь опять открывается один из коренных недостатков представительного устройства. В борьбе и господстве партий, которое имеет, впрочем, и свои выгоды, лежит величайшая опасность политической свободы. Партии составляют естественную и непрременную ее принадлежность. Можно мечтать об идеальном порядке, в котором все дружно работают для общей пользы, в котором общественные интересы не разделяют народа на части, не представляют поприща для борьбы, происков и страстей; в действительности, все это неизбежно везде, где существует свобода мнений и действий. Противоположность интересов, различие воззрений на общее дело производят различие политических направлений; люди с одинаковыми убеждениями и интересами, естественно, соединяются для достижения общей цели совокупными силами, и когда при этом они принуждены опровергать мнения противоположные, бороться с противниками, то по свойству человеческой природы здесь разгораются страсти, нередко исчезает справедливость и употребляются средства, которые не могут быть оправданы нравственностью.

Источник политических партий лежит как в самом существе государственного организма, так и в составе общества, и, наконец, в свойствах человеческого развития. Государство есть сложное тело: в нем сочетаются не только различные, но и противоположные элементы, которые могут совмещаться только при взаимном ограничении. Свобода должна подчиняться власти, закону, порядку; наоборот, власть должна стеснять себя в пользу свободы, предоставляя последней надлежащий простор и даже влияние на общие дела. Естественно, что каждый элемент находит своих защитников; люди склоняются на ту или другую сторону, смотря по свойствам, положению, интересам и даже по возрасту каждого, ибо молодость, одаренная избытком сил, верующая в себя, не успевшая познать на опыте потребностей власти и порядка, скорее склоняется к свободе, тогда как старость и опытность приводят людей к уважению высших начал общественной жизни. При подвижности границ, которые определяются местом, временем, обстоятельствами, неизбежна противоположность мнений, а потому и борьба. Она прекращается только там, где исчезает самая свобода. С другой стороны, общество разделяется на классы, различные по богатству, положению, занятиям и интересам. При общем участии в государственном управлении каждый из них старается склонить весы на свою сторону, приобрести преобладающее влияние

на власть. Отсюда стремления аристократические, демократические, средние, которые, сталкиваясь друг с другом, вступают в борьбу. Наконец, к этим причинам присоединяются условия человеческого развития, которое происходит путем борьбы старого с новым. Всякий существующий порядок имеет корень в народной жизни и связывается со множеством интересов, которые из него возникли, на нем выросли и им держатся. Требование перемены естественно возбуждает в них противодействие; отсюда новые партии, новая борьба.

Пока это присущее всякому государству разнообразие стремлений не призывается к политической деятельности, партии могут существовать, но не имеют организации; это скорее различные направления общества с бесчисленными оттенками, нежели настоящие партии. Но как скоро поприщем их становится представительное собрание, в котором противоположные интересы призываются к общему решению дел, так является потребность более тесного соединения одномыслящих людей. Здесь неизбежно возгорается борьба мнений; каждое старается приобрести перевес, удержать за собою большинство, и притом не по одному только вопросу, а постоянно. Но образование прочного большинства невозможно без дисциплинированных партий. Иначе разнообразие мнений приводит лишь к случайным сочетаниям, а потому случайным решениям. Там, где каждый следует только собственному мнению, образ действия собрания не может иметь ни постоянства, ни последовательности, а эти качества необходимы не только в интересах партии, но и для пользы самого государства, которое требует постоянства направления и воли. Когда правительство созывает палаты, оно ищет в них содействия и опоры; следовательно, оно должно рассчитывать на известное большинство, готовое его поддерживать. Большинство, которое образуется случайно по каждому вопросу, не может удовлетворить этому требованию. Здесь нужно именно то, что составляет характер партии: постоянное, дружное действие при взаимных уступках. Таким образом, партии составляют необходимое условие всякого правления, которое допускает в себе начало политической свободы и требует содействия народного представительства. Общая цель не только не достигается устранением всякого предварительного соглашения, как требовал Руссо, а напротив, предается на жертву случаю. Политическая свобода может действовать только посредством одностороннего направления, ибо она вся основана на господстве большинства над меньшинством.

Тем не менее, из этого вытекают многие весьма невыгодные последствия. Человек, принадлежащий к известной партии, систематически становится на одностороннюю точку зрения. Он отказывается от беспристрастного обсуждения общественных вопросов, упускает из вида общую цель и устремляет свое внимание главным образом на то, что может доставить торжество его партии. Поэтому живейшее участие возбуждают именно вопросы, которые служат яблоком раздора; борьба, которая, в сущности, составляет только неизбежное зло, становится целью, наслаждением, увлекающим людей и поглощающим лучшие их силы. В таком напряженном состоянии, естественно, разыгрываются страсти. Взаимное раздражение заглушает голос правды и совести. Каждая сторона старается представить противников в черном виде и во что бы ни стало оправдывать дей-

ствия своих. Отсюда страшное развитие лжи, которая проникает в самые недра общества и становится неизбежным, неисцелимым общественным недугом. Нередко утверждают, что гласное обсуждение вопросов непременно приводит к торжеству истины, что правда обнаруживается при столкновении мнений. История борьбы партий в свободных государствах часто доказывает противное. Нет возможности убедить людей, которые систематически не хотят знать истины, а имеют в виду непременно поставить на своем. Нет неправого дела, которое бы не могло быть поддержано блистательными софизмами; нет факта, который бы не мог быть подвергнут намеренному искажению. Масса публики обыкновенно не дает себе труда исследовать существо дела, вникнуть в глубину вопроса; она довольствуется тем, что твердят ей предводители партий и особенно журналисты. Отсюда возможность такого явления, как например, систематическое распространение самых нелепых мнений и самой бессовестной клеветы в польском вопросе. И это не случайное, а постоянное зло. «Любопытно видеть, – сказал однажды лорд Мельборн при общем одобрении палаты лордов, – долго ли английский народ будет терпеть печать, которая взяла себе за правило никогда не говорить истины и целиком расточать ложь». В демократических странах, в Америке, в Швейцарии, бессовестность достигает еще значительнейших размеров. Известны горькие жалобы Вашингтона¹ на грязные нападки, которым он подвергся к концу своего поприща. При этом партии, разумеется, не пренебрегают и всякими другими средствами, чтобы увеличить свои силы и побороть противников. Происки, крамолы, нередко даже подкуп составляют явление обыкновенное в представительных государствах. Правительство, которому необходимо иметь большинство в палатах, едва ли в этом успеет, если будет употреблять только чистые средства. Чтобы приобрести прочную поддержку, оно принуждено не только действовать на выборы всеми находящимися в его руках способами, но и в самой палате привлекать к себе членов, в особенности же более или менее влиятельных людей, всякого рода властными сделками и приманками. Иначе все недовольные, все, которых просьбы не уважены, которых честолюбие не удовлетворено, переходят на сторону оппозиции и стараются поколебать положение власти. В Англии на этом основана огромная система протекции при раздаче государственных должностей. С своей стороны, оппозиция прибегает к не менее предосудительным средствам: к обработке выборов, которая в Англии возведена в общую систему, иногда к возбуждению самых низких страстей; чтобы поколебать доверие к власти, она пускает в ход систематическую клевету и старается закидать грязью всякое правительственное лицо, как бы оно ни было достойно уважения. Нередко она соединяется с крайними противниками, чтобы нанести поражение правительству, стоящему посредине, которого положение поэтому вдвойне затруднительно. При большем или меньшем равновесии голосов в представительном собрании незначительная третья партия, подкрепляя попеременно то ту, то другую сторону, может давать направление делам и вымогать себе значительные уступки взамен оказанной поддержки. Какое же доверие можно иметь к постановлениям большинства,

¹ Вашингтон Джордж (1732–1799) – американский государственный и военный деятель. В 1774–1775 гг. член Контиентального конгресса. В 1775–1783 гг. – главнокомандующий Контиентальной армией. Первый президент США (в 1789–1797 гг.).

составляющегося таким образом, вследствие коалиций, интриг, частных сделок, уступок, не всегда согласных с общественною пользою?

Разгар страстей, сопровождающий борьбу партий, не ограничивается общественными вершинами, теми немногими деятелями, которые ведут между собою борьбу в представительных палатах, на выборах и в печати. Раздвоение, неприязнь, взаимная ненависть сторон проникают в глубину общества, которое, устремив взоры на своих представителей, получает от них направление, разделяет их надежды и негодование, старается поддержать их всеми средствами. Народ распадается на враждебные лагеря, между тем как единство народной жизни и крепость государственного организма основаны на общих чувствах, интересах и целях, связывающих граждан. Когда эта внутренняя вражда ограничивается мирною борьбою мысли и слова, когда она держится в законных пределах, соединяется с уважением к противникам, когда, наконец, она касается вопросов второстепенных, а не самых основ государства или общества, тогда эти споры, эти столкновения, не разрывая общественного единства, составляют только естественное, хотя и сопряженное с неизбежным злом проявление внутреннего разнообразия жизни. Но когда самые основы общественного порядка и государственного устройства становятся предметом борьбы, когда значительность вопросов и сопряженных с ними интересов возбуждает сильнейшие страсти, особенно в эпохи брожения, при партиях, не привыкших к самообладанию и к правильной деятельности, при слабом правительстве, вражда может принять размеры, несовместные с порядком, спокойствием и безопасностью государства. Она приводит к междоусобиям или влечет за собою расстройство всего общественного организма. Весьма обыкновенным последствием такой борьбы бывает падение самой политической свободы. При умеренном волнении представительные учреждения уменьшают зло, давая брожению правильный исход; лучше сосредоточить борьбу в центре, нежели позволить ей распространиться по всем концам земли, по воле случая. Но когда разгар страстей достигает слишком значительных размеров, представительство становится совершенно недостаточным для устранения зла. Напротив, оно его усиливает. С одной стороны, права собрания и противодействие партий не позволяют правительству подавить волнение и водворить порядок; с другой стороны, недовольные действуют с большею энергиею, с большею надеждою на успех, когда имеют в виду получить перевес в представительстве, разделяющем права верховной власти. Чем сильнее меры, принимаемые против анархического брожения, тем более разжигается ненависть и тем скорее возникают поводы к междоусобию. При таком возбуждении страстей единственный исход состоит в водворении власти, подавляющей партии. Отсюда перевороты, которые или доставляют безусловное владычество одной из сторон, или устанавливают власть, господствующую над обеими. Казнь жирондистов, террор [17]93 года, перевороты 18-го Брюмера¹ и 2-го Декабря² представляют недавние примеры того и другого.

¹ 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.) во Франции произошел государственный переворот. Вся полнота власти была сосредоточена в руках первого консула Наполеона Бонапарта.

² В ночь на 2 декабря 1851 г. президентом Франции Луи Бонапартом было распущено Законодательное собрание. 2 декабря 1852 г. Луи Бонапарт объявил себя императором под именем Наполеона III.

Но самая мирная и законная борьба имеет свои темные стороны. Правительство поставлено здесь лицом к лицу с систематическою оппозициею, что совершенно неизбежно как скоро в государстве образуются партии. Надежда на общее содействие не более как мечта. Если правительство держится известного направления, если оно последовательно в своих действиях, оно непременно встретит другую, противоположную систему, которая, более и более вырабатываясь в прениях, наконец сомкнется в оппозицию. Если же оно старается угодить всем, делая уступки на обе стороны, оно рискует лишиться опоры обеих и сделаться предметом общей вражды. Выше партий может стоять только самодержавная власть, ибо там, где нет политической свободы, не существуют и организованные партии. Не имея дела с представительным собранием, правительство не принуждено искать опоры в известном большинстве. Но как скоро в государственный организм вводится представительное начало, так необходимым орудием деятельности становятся партии. Правительство образуется из людей известного направления, а потому само становится главою партии, которая должна бороться с оппозициею.

Невозможно отрицать тех выгодных последствий, которые истекают из такого порядка вещей. Подвергаясь постоянной критике, правительство всегда стоит настороже и старается устранить всякие поводы к справедливым нареканиям. Оно может успешно вести борьбу, только призывая в среду свою самых даровитых людей. Злоупотребления уменьшаются, господство рутины, неспособности, посредственности становится менее вероятным. Но, с другой стороны, правители принуждены истощать значительную часть своих сил и своей энергии на борьбу с противниками. Они обращают свою деятельность на односторонние цели, на поддержание своей партии, на сохранение власти. Спокойное занятие делом, единственно ввиду общего блага, беспристрастное решение государственных вопросов становятся невозможными. Общие интересы, в особенности выгоды меньшинства, страдают от систематически одностороннего направления. Наконец, нет сомнения, что постоянные нападки и в собраниях, и в печати, обыкновенно со значительной примесью несправедливости и лжи, ослабляют власть и могут даже вести к ее незаслуженному падению.

Критика, направленная против правительства, всегда находит значительный отголосок в обществе; небольшое зло чувствуется сильнее, нежели выгоды порядка, обратившегося в привычку; скандал доставляет пищу праздным умам, которые громче всех поднимают крик; осуждение власти служит признаком независимости; оппозиция облекается в заманчивый покров свободы, тогда как поддержание власти, напротив того, легко смешивается с отсталостью мысли с низкопоклонством, с преследованием личных целей. Потому образование умеренной правительственной партии всегда труднее, нежели соединение всякого рода неудовольствий в оппозицию. Но как скоро правительство, обуреваемое нападками, имея дело с энергическими противниками, не находит достаточно сильной поддержки в собственных приверженцах, оно непременно колеблется и теряет значительную часть доверия и уважения граждан. Нередко, чтобы спасти себя, оно принуждено искать опоры в противоположной крайности, делать уступки, несовместные с общею пользою. Государственные интересы неизбежно

страдают от такого порядка вещей.

С другой стороны, оппозиция обращает все свои силы на постоянную критику. Способные люди, стоящие в ее главе, употребляют значительную часть своей жизни на бесплодную деятельность вместо того, чтобы посвятить ее общей пользе, управлению государственными делами.

Долгое пребывание в оппозиции действует вредно на самые дарования и на характер государственных людей. Систематическая критика придает уму отрицательное и мелочное направление. Оппозиция, в своей односторонности, нередко выставляет начала несовместные с требованиями власти и от которых она сама отказывается, как скоро получает правление в свои руки. Желая задобрить народ, привлечь его на свою сторону, она обещает ему невозможные блага. Для достижения своих целей она возбуждает внешнее брожение, стараясь произвести напор общественного мнения на правительство, а это ведет к предпочтению анархических сил организованным элементам общества. Вообще долговременная оппозиция – самая вредная школа для государственных людей и для партий. Единственным противодействием этому злу служит парламентское правление, в котором партии сменяют друг друга, смотря по тому, которая успеет приобрести большинство в собрании. Наученная опытом, каждая сознает условия власти и порядка.

Но не всегда оппозиция содержит в себе достаточные элементы для образования правительства, и самая смена партий имеет весьма существенные невыгоды. Последовательность правительственных действий исчезает, известное направление внезапно сменяется совершенно противоположным; значительное количество способных лиц выбывает из управления и заменяется другими, часто вовсе к тому неприготовленными; подчиненные же, которые остаются на местах, становятся в самое затруднительное и ложное положение; наконец, состязание партий превращается в борьбу за места...

Все исчисленные невыгоды составляют естественное последствие политической свободы и представительного порядка. Всякое человеческое установление имеет свои темные стороны; зло всегда и везде перемешивается с добром. В данных обстоятельствах, при известном состоянии народа, надобно взвесить, что преобладает: выгоды или недостатки? Заключение не всегда будет одинаково, а потому и представительное устройство не всегда окажется уместным. Следовательно, задача сводится к тем условиям, которые необходимы для того, чтобы народное представительство могло держаться и действовать с пользою для народа и государства.

Но сравнение этих различных сторон представительного порядка не исчерпывает еще вопроса. Для полноты суждения надобно возвыситься к соображениям, истекающим из самого состава верховной власти. Народное представительство является или господствующим, как в республиках, или разделяющим власть, как в представительных монархиях. И та, и другая форма имеют различные свойства и последствия. Этот вопрос приводит нас к рассмотрению видов народного представительства, причем обозначится характер каждого.

Книга IV

Условия народного представительства

Глава I

Государство и общество

Условия, необходимые для представительного порядка, заключаются в характере и состоянии того общества, в котором он водворяется. История убеждает нас, что политическая свобода тогда только прочна, когда она опирается на общественные силы. Эта мысль давно сознается публицистами, которые не ограничиваются исследованием общих начал конституционной жизни, а глубже вникают в вопрос. Особенно быстрое падение многочисленных конституций, порожденных Французскою революциею, доказало до очевидности несостоятельность чисто теоретических построений. Отсюда возникла историческая школа. В настоящее время это убеждение сделалось господствующим. Отношение государства к обществу составляет один из самых живых вопросов современной политической литературы, и хотя наука далеко еще не дошла до удовлетворительных результатов, однако основная точка зрения установилась непоколебимо. В настоящее время при обсуждении задач и деятельности народного представительства менее, нежели когда-либо, возможно ограничиваться чисто политическими соображениями. Тот, кто довольствуется доводами в пользу необходимости контроля, ответственности министров и т.п., показывает только, что он не понимает духа и потребностей своего времени. Теперь прежде всего нужно исследовать общественные условия представительного порядка. Из этого только может оказаться, до какой степени он приложим к данной среде.

Эта сторона государственной жизни так еще мало разработана, что самое понятие об обществе не установилось в науке. Каждый писатель дает свое определение, далеко не сходное с другими. Не вдаваясь в подробности, можно однако все эти понятия свести к одному знаменателю. Под именем общества разумеется вообще совокупность частных сил и элементов, входящих в состав народа. Тот же самый народ, который, будучи устроен в единое, цельное тело, образует государство, с другой стороны, как состоящий из разнообразных элементов, является обществом. Отношение государства к обществу представляет, следовательно, отношение единства к множеству. Это две формы быта, которые существуют вместе и имеют непосредственное влияние друг на друга. Строение целого находится в прямой зависимости от тех частных сил, которые в нем движутся и действуют.

Эта связь проявляется особенно ярко в представительном порядке, когда свобода становится участницей государственной власти. Политическая деятельность граждан как членов целого определяется понятиями, привычками, нравами, которые они приобретают в частной жизни как члены общества. В народном представительстве государство и общество проникают друг в друга; общественные силы призываются к политической деятельности; многообразие вводится в единство. Поэтому здесь первый вопрос состоит в том, до какой степени эти две противоположные формы в состоянии идти согласно или в какой мере общество

способно удовлетворять требованиям государства? Это тот вопрос, около которого вращается вся конституционная жизнь. Мы встречали его на каждом шагу; здесь мы должны привести его к общему итогу.

Образуя единое целое, государство прежде всего нуждается в единстве власти и направления. Это аксиома всякой политической жизни. Но этому противоречит многообразие общественных сил, призываемых к политической деятельности. Оно вводит в государство разделение власти и различие направлений. Необходимо, следовательно, знать, существует ли возможность привести разнообразные общественные стихии к единству деятельности или согласить общественное многообразие с единством государственной цели. Разрешение этой задачи зависит от состава общества и от свойства его элементов.

Общество слагается из разных народностей, из различных состояний и классов, в нем борются противоположные партии. Каждая из этих групп имеет свой дух, свое направление, нередко враждебное другим. Интересы их сталкиваются непрерывно; одни стремятся к преобладанию, другие не хотят признавать превосходства. Все эти противоположности не всегда могут быть согласены и направлены к общему благу, а потому и представительное устройство не везде приложимо. Если бы в выборном собрании всегда могло образоваться большинство, действующее сообразно с истинною пользою государства, то представительное правление было бы единственным существующим на земле. История показывает, однако, что желанное согласие далеко не составляет общего явления, напротив, политическая свобода нередко ведет к смутам и раздорам, ибо различные интересы и направления, не сдержанные господствующею над ними властью, проявляются во всей своей исключительности. Потому так часто народ, усталый от борьбы, слагает все свои права в руки одного властителя. Потребность самодержавия основана именно на раздельности общественных стихий. Если необходимое для государства единство не может установиться согласием граждан, тогда остается прибегнуть к власти, сосредоточенной в одном лице. Можно постановить общим политическим правилом, что чем менее единства в обществе, тем сосредоточеннее должна быть власть. Отношение здесь обратно пропорциональное, одно восполняет другое. Наоборот, чем более крепнет общественное единство, тем легче власть может быть разделена. На этом законе основывается возможность или невозможность политической свободы¹.

Кроме единства направления, государственная жизнь имеет и другую сторону, которая ставит ее в ближайшее отношение к обществу. Цель государства есть общее благо, удовлетворение народных потребностей. Для этого необходима деятельность, которая может быть двоякого рода: правительственная и общественная. Нужды могут удовлетворяться либо частною предприимчивостью, собственною инициативою граждан, либо действием власти. И здесь опять отношение обратно пропорциональное: недостаток деятельности одного рода восполняется избытком другой. Чем менее инициативы у граждан, тем более приходится де-

¹ Эта мысль была высказана, если не ошибаюсь, в первый раз в записке, читанной г. Ипполитом Пасси в парижской Академии нравственных и политических наук; но сочинение, которое должно было развить это начало, к сожалению, доселе не издано. Давно разделяя эти убеждения, не могу не отдать здесь должной чести почтенному автору (прим. Б. Чичерина).

лать государству; ибо общественные потребности должны быть удовлетворены, если народ не хочет оставаться на низшей степени развития и силы. Наоборот, государственная власть может значительно ограничить свое ведомство там, где частная предприимчивость и энергия общества достаточны для покрытия нужд.

Это обратное отношение государственной деятельности и общественной имеет значительное влияние и на развитие политической свободы. Представительные учреждения призывают общество к самодеятельности, притом в высшей, политической области. Это предполагает в гражданах и личную энергию, и умение вести общественные дела. Самоуправление не может водвориться в высшей сфере, когда нет самодеятельности в низшей. Народ, не одаренный духом инициативы и привыкший во всяком общественном деле полагаться на правительство, не способен к политической свободе. Он естественно стремится к абсолютизму.

Однако из этой противоположности не следует выводить крайних последствий. Приверженцы свободы нередко стараются ввести деятельность государства в самые тесные пределы. Они возлагают на него только охранение права и порядка; остальное, по их мнению, должно быть предоставлено свободной предприимчивости граждан, особенно частным товариществам, которые совокупными силами восполняют недостаточные средства отдельных лиц. При этом указывают на пример Англии, где значительное количество благотворительных заведений и школ находится в ведомстве частных людей, и еще более на Северо-Американские Штаты, где почти все совершается частными усилиями. Этим объясняют прочность представительных учреждений в обеих странах, тогда как во Франции, привыкшей к правительственной опеке, свобода не может пустить корней.

Это воззрение в настоящее время в большом ходу и в обществе, и у писателей. Оно распространилось особенно во Франции, где оно коренится в неудовольствии на существующий порядок вещей; здесь слишком сильно чувствуется избыток правительственной опеки. Но это отрицательное направление, в свою очередь, является крайностью; оно представляет возвращение к таким понятиям о государстве, которые давно оставлены наукою и никогда не имели силы в практике. Государство не есть только внешнее учреждение для охранения права и полицейского порядка; так можно было смотреть на него в XVIII веке, когда личная свобода считалась краеугольным камнем всего общественного здания. Государство есть органический союз народа, соединение всех общих его интересов. В нем воплощаются сознание и воля народа как единого целого. Это вечное соединение людей для всех целей, которые могут быть достигнуты совокупными их силами. Отдать все общественные интересы в руки частных, случайных товариществ, устраняя общий, постоянный союз, который один всегда имеет в виду не частные, а общие выгоды, это такое ограничение деятельности государства, которое ничем не может быть оправдано. Свободные товарищества имеют, без сомнения, огромное значение в промышленном мире, где частный интерес является главною пружиною деятельности; но и здесь всякое предприятие, имеющее характер общественный, должно находиться под надзором государства, при-

званного к охранению общей пользы. Те же отрасли управления, которые носят на себе совершенно общественный характер, как например, благотворительность, народное просвещение, не могут быть изъяты из рук государства без существенного ущерба народным интересам. Частные лица не в состоянии сделать то, чего может достигнуть правительство. Свободные усилия граждан служат последнему только подмогою. Как скоро учреждение приобретает значительные размеры, так оказываются недостатки частной деятельности, перенесенной в не принадлежащую ей область. Главная движущая пружина всякого частного предприятия, личный интерес, исчезает; средства становятся скудными и непостоянными, начинают преобладать частные или односторонние цели. В Англии благотворительные заведения, содержимые товариществами, не мешают громадному развитию государственной благотворительности; отсутствие же школ, управляемых правительством, заменяется отчасти постоянными учебными корпорациями и, во всяком случае, не говорит в пользу хорошего устройства учебной части в этой стране. В Бельгии духовенство и, в противоположность ему, либеральный союз основали свои университеты; это сделано с целью проводить известное политическое или религиозное направление, воспитывая в нем юношество. Но учение, основанное на духе партии, отнюдь не может считаться образцовым. Здесь частные товарищества совершенно недостаточны. Общественные учреждения, по самому существу своему, должны находиться или в ведении или под надзором государства; это законное его поприще, которого нельзя у него отнять.

Поэтому невозможно согласиться с направлением тех либеральных писателей, которые утверждают, что граждане все должны делать сами, и в этом полагают главное обеспечение свободы. Общественный быт, где каждый все должен делать сам и за всем сам смотреть, отнюдь не представляется идеальным. Подобная свобода есть отречение от главных удобств общественной жизни и возвращение к первобытному состоянию, когда не было ни разделения труда, ни общих средств, ни специальных учреждений для удовлетворения общественных нужд. В частной жизни никто сам себе не строит дома, но призывает для этого плотника или каменщика, а сам только наблюдает за ними; никто сам не шьет себе обуви, а покупает ее у сапожника, требуя только, чтобы она была сделана по его вкусу. Вся человеческая деятельность основана на разделении труда, которое берегает время, улучшает работу и дает каждому возможность заниматься своим делом, пользуясь и другими благами жизни. Утверждают, что это начало свойственно только промышленной области, что оно не может быть перенесено на общественную деятельность, ибо государство не есть промышленное товарищество или компании на акциях. Эту мысль развивает в особенности Гнейст в известном своем сочинении об английских учреждениях. Он приходит даже к заключению, что разделение труда, возлагая всю общественную деятельность на специально приготовленное чиновничество, прямо ведет к абсолютизму. Впрочем, Гнейст противопоставляет этому промышленному взгляду на государство не частную предпримчивость, а личное участие граждан в местном управлении... Но здесь нельзя не заметить, что доказательств в пользу своего взгляда он не представил. Абсолютизм возникает из разделения труда только тогда, когда уничтожается всякий

общественный контроль над чиновничеством, когда граждане совершенно перестают принимать участие в общественных делах, ограничиваясь частной жизнью. Но там, где этот контроль существует, где есть представительные учреждения, через которые общество может предъявлять свои требования и действовать на правительство, свобода сохраняет надлежащие гарантии. Нет сомнения, что представительное устройство требует от граждан зоркого внимания к общественному делу, готовности стоять за свои права и жертвовать собою для общего блага, но оно вовсе не ведет к тому, чтобы они все делали сами. Напротив, главная его задача состоит в сочетании противоположных начал: разделения труда, которое составляет преимущество абсолютизма, с теми гарантиями, которые требуются свободой. Это – приближение к тому, что можно назвать идеальным устройством общества, где каждый исполняет свое назначение в согласии с другими. В государстве должен быть предоставлен надлежащий простор и правительственной деятельности в свободе граждан; оба элемента должны развиваться согласно, не усиливаясь один в ущерб другому. Разумное сочетание обоих начал составляет и удобство жизни, и плод цивилизации.

Однако эта идеальная гармония есть только цель, которую должно иметь в виду всякое общество. В действительности перевес того или другого начала определяется местными и народными особенностями. Один народ, одаренный духом инициативы, любит прибегать к частной предприимчивости, другой проявляет свои способности преимущественно в правительственной деятельности. У англосаксонского племени избыток личного начала и ревнивое отношение свободы к правительству повели к излишним ограничениям государственной власти, которая поэтому лишилась некоторых существенных своих принадлежностей. Каждое расширение правительственного ведомства кажется орудием притеснения граждан. Вследствие этого в Англии до сих пор не могут решиться на введение назначаемых правительством прокуроров для преследования преступлений, несмотря на то, что общественное мнение вполне сознает все недостатки настоящего способа преследования посредством частных лиц или простых полицейских чиновников, причем вдобавок, наперекор здравому смыслу, государство берет на себя все издержки. По той же причине влияние правительства на народное образование ограничивается в Англии раздачею ссуд частным школам. В подобных явлениях выражается особенно ревнивый дух английской аристократии, которая издавна смотрела на правительство как на соперника и старалась по возможности стеснить его, опасаясь ослабления своего влияния в областях. Но с тех пор, как средние классы приобрели перевес в государстве, в Англии водворяется порядок вещей, гораздо ближе подходящий к тому, который господствует на европейском материке. Очевидные недостатки, проистекающие от слабости правительственной власти, плохое состояние местного управления и в особенности бедственное положение низших классов постепенно повели к усилению государственной деятельности и правительственной опеки. Законодательство в течение более тридцати лет движется этим путем; общественный быт значительно от этого выиграл, а, между тем, свобода так же крепка, как прежде. Что касается до Америки, то особенно в последнее время ее нередко выставляют образцом для европейских

народов. Здесь республиканская форма с союзным устройством благоприятствует безмерному расширению свободы, а особенности американского быта делают этот избыток безвредным. Но надобно быть американцем, чтобы вжиться в такой порядок вещей, где каждый должен вечно стоять настороже, где риск и одоление опасностей считаются первым наслаждением жизни и где главная цель людей состоит в неудержимом стремлении к промышленной деятельности. Европейским народам едва ли этот быт покажется вождеденным. У обеих отраслей англосаксонского племени энергическое развитие личной предприимчивости вытекает из их характера и истории. Оно, без сомнения, содействовало раннему водворению политической свободы, но не составляет необходимого ее условия. Народы европейского материка имеют свои свойства и свое историческое развитие, которое привело к значительному, нередко даже одностороннему расширению правительственной деятельности. Отказываться от своего прошедшего и от добытых им результатов нет никакой нужды. Там, где государственный элемент получил слишком значительный перевес общественным, следует восполнить этот недостаток, вызвав к деятельности начало свободы; но это ограничение должно совершиться во имя желанной гармонии различных общественных сил, а не в пользу противоположной крайности.

Таковы существенные начала, определяющие отношения государства к обществу. Одно восполняет другое в достижении общей цели. Как в своем строении, так и в деятельности они находятся в обратно пропорциональном отношении. Поэтому между ними нередко возникает борьба, которой высшая цель есть, однако, идеальная гармония.

Отсюда можно вывести общее заключение относительно представительного устройства: все те условия, которые способствуют объединению общества и вызывают в нем самодеятельность, ведут к установлению представительного порядка; напротив, все, что разъединяет общество, задерживает развитие политической свободы...

Глава 3

Народность и ее отношение к представительным учреждениям

Из числа человеческих элементов, от которых зависит развитие учреждений, на первом месте стоит народность. Ею определяется состав государства, который имеет огромное влияние на его устройство и деятельность. В государство могут входить несколько народностей, или же оно состоит, если не исключительно, то в весьма значительной мере, из одной. И то, и другое имеет существенное значение для представительных учреждений.

В новейшее время появилось могучее стремление собрать каждую народность в отдельное политическое тело. Рассеянные части соединяются в одно целое, сложные государства распадаются. Многие стараются возвести это явление в общее начало, признавая за каждую народностью право составить особое государство. Пример Италии, которой возрождение возбудило общее сочувствие

Европы, придав особенную силу этим идеям. Они прилагаются к Германии, к Польше и развиваются в целую систему, имеющую в виду преобразование всей европейской карты. Корень этих стремлений лежит в начале свободы, из которого выводится право каждого общества устраивать свой быт сообразно с своими внутренними потребностями и естественными определениями.

Однако этих учений нельзя не признать односторонними. Если начало свободы не имеет безусловного значения в устройстве внутреннего государственного быта, а должно подчиняться высшим требованиям разума и порядка, то тем менее оно может иметь притязание на исключительное господство в области международного права. Состав государства определяется как историческим его развитием, так и отношениями живущих в нем рядом элементов. Во многих странах племенные группы так перепутаны между собою, что невозможно их разделить. Везде существующие народности возникли из смешения племен, которое дало им ширину и разносторонность развития. Наконец, не всякая физиологическая народность способна к государственной жизни. Для устройства державного тела нужны высшее сознание и воля, которые далеко не составляют достояния всякого общества. Государство призвано к осуществлению верховных начал человеческой жизни; оно, как самостоятельное лицо, играет всемирно-историческую роль, участвует в решении судеб человечества. Занять такое положение можно не во имя отвлеченных понятий о свободе, а только в силу высших способностей; а так как в международных отношениях нет власти, определяющей права, то народ должен свою способность доказать на деле. Она раскрывается из его истории, из его умения пользоваться предоставленною ему свободою, из энергии, постоянства и благоразумия, с которыми он преследует свои цели. Менее всего она доказывается революционными попытками, которые, имея чисто отрицательную силу, выражают способность к разрушению, а не к созиданию. Конечно, национальные стремления так же, как и требования свободы, принуждены иногда пролагать себе путь восстанием против установленного порядка, но не всякая революция может быть нравственно оправдана, а только та, которая служит крайним убежищем нужды. Если восстание греков против турецкого ига встретило сочувствие и поддержку в европейских державах, то невозможно одинаково оправдать отложение Юга в Соединенных Штатах, козни ирландских фениев¹ или последнее возмущение Польши², которое безумным образом разрушило все либеральные уступки правительства и действовало с помощью тайных убийств и неслыханного террора, распространенного подземными властями. Во всяком случае, о праве народностей на самостоятельное существование не может быть речи. Народность имеет только те права, которые принадлежат ей по законам государства и по международным трактатам. Противоположное воззрение ведет к отрицанию всего существующего порядка вещей. Народность есть сила, которой в политике нельзя не признать, которую государственный деятель не может упустить из виду, но правом она облачается только тогда, когда она организуется в независимое государственное тело и признается другими. Право принадлежит

¹ Фениев – борцы за независимость Ирландии.

² Автор имеет в виду Польское восстание 1863–1864 гг.

не народности, а государству. Первая есть неустроенная стихия, второе образует юридическое лицо, в состав которого могут входить не только одна, но и несколько народностей.

Сборное государство, будучи юридически безукоризненным, имеет, однако, значительные политические невыгоды. Ничто так не разъединяет общества, а потому так не мешает развитию свободных учреждений, как различие народностей, входящих в состав государства. Без единства народного духа невозможно и единство политического направления, которое прежде всего должно выражаться в общих национальных стремлениях, составляющих основу всей государственной жизни. Где нет общей любви к отечеству и единодушного желания поддержать его цельность и его интересы, там тщетны попытки представительного устройства. Поэтому необходимо, чтобы в государстве была, по крайней мере, одна народность, значительно преобладающая над остальными, от которой бы зависело общее направление представительного собрания.

Однако и это начало не следует доводить до крайности. Не всегда существование в государстве народных особенностей может считаться злом. Государство слагается исторически из различных составных частей, которых разнообразие придает общественной жизни большую широту, а иногда вносит в нее новые начала и высшее образование. Однородная масса слишком склонна к односторонности и исключительности. Без соседства других элементов она нередко погружается в апатию; будучи призвана к участию в политической жизни, она без поддержки легко дает ход всем своим недостаткам. Напротив, если она обставляется другими, чуждыми ей стихиями, односторонность ее смягчается, недостатки воздерживаются или восполняются чужими качествами, и из разнообразия направлений вырабатывается более широкий взгляд на вещи. Возьмем для примера народность, находящуюся под влиянием исключительного вероисповедания. Присутствие в ней других религиозных элементов одно в состоянии развить в обществе веротерпимость и освободить гражданскую область из под церковной опеки; а терпимость вообще составляет одно из главных качеств, требуемых свободой: люди должны научиться стоять за свое, уважая вместе с тем и чужое. Для успеха представительных учреждений важно в особенности то возбуждение сил, которое является последствием соприкосновения разнообразных стихий в общем устройстве. Если этим уменьшается одно из условий свободы, общественное единство, то возвышается другое – самодеятельность общества.

Однако для того, чтобы это разнообразие народностей приносило государству пользу, а не вред, необходимо, чтобы они жили в мире, чтобы подчиненные примыкали к главной, сохраняя свои особенности, но не стремясь к самостоятельности и не становясь во враждебные отношения к целому. С своей стороны, преобладающая народность тогда только может рассчитывать на дружное содействие других, когда она не насилует их, не старается всеми способами поглотить их в себе, а уважает их особенности, их права и даже их предрассудки. Нет ничего вреднее для конституционной жизни, как возбуждение взаимного раздражения народностей, входящих в состав государства. Жесткие нарекания, ядовитая полемика, мелочные подозрения в недоброжелательстве, требования подчинения и

отказа от своих особенностей – все это только отталкивает подвластные племена и готовит семена вражды, которые в представительном устройстве могут принести самые печальные плоды. Здесь начинается истинное зло, которому необходимо противодействовать: враждебное настроение части народного представительства может принести государству величайший вред. Но лекарство лежит не в деспотизме преобладающего большинства. Это способ действий, приличный только революционному собранию, и притом не всегда успешный, ибо при первом разладе внутри большинства побежденное меньшинство может воздать ему сторицею за свое поражение. Конституционный порядок основан прежде всего на общей свободе, на обеспечении всех прав, на взаимных уступках и соглашениях. Здесь подчиненную народность надобно не раздражать и не отталкивать от себя неумеренными требованиями, а привлекать к себе путем мира и справедливого удовлетворения ее желаний.

Общее представительство, в котором люди сходятся для совокупной деятельности, для обсуждения общих интересов, может скрепить и упрочить взаимную связь народностей; но оно не в силах ее создать. Представительство выражает только то, что есть уже в обществе; поэтому надобно, чтобы связь была подготовлена жизнью. Это мирное завоевание чужой народности зависит не столько от здоровой политики правительства, сколько от нравственной силы господствующего народа, от притягательной способности высших классов и от трудолюбия средних. Образованная аристократия с блистательным политическим положением легко притягивает к себе чуждые аристократические элементы, которые, стремясь занять в обществе высокое место, примыкают к однородным стихиям. Общение нравов и интересов служит здесь связующим началом...

Мирное действие одной народности на другую гораздо важнее, нежели правительственные меры, которые могут содействовать общественным силам, но никогда не заменяют их вполне. Однако для подобного результата не всегда существуют нужные условия. Иногда препятствие заключается в недостатках преобладающей народности, иногда в исторических причинах, определяющих стремления подчиненной. В таком случае, если враждебного настроения нельзя победить мирным путем, остается действовать правительственными средствами. Но здесь самодержавное правительство гораздо вернее достигает цели, нежели конституционное. Оно допускает менее свободы в подчиненных и более произвола в правителях; оно действует без огласки и не дает хода неудовольствию, а это именно то, что требуется для подавления враждебного отпора. Конституционный порядок уместен при нормальном положении дел, для водворения всеобщей свободы и законности, а не для победы над внутренним врагом. Последняя цель всегда лучше достигается сосредоточенною властью.

Менее всего можно допустить участия враждебной народности в общем представительстве. Стараться подавить чуждый элемент в известной части государства, а вместе с тем приобщить его к верховной власти – это вопиющее противоречие, которое идет наперекор всем требованиям здоровой политики. Когда государству предстоит подобная задача, лучше отложить введение конституционного устройства до тех пор, пока не явится возможность возвратиться к пра-

вильному порядку. Или же, если время не терпит, лучше не распространять конституционных прав на тот край, в котором господствует враждебная народность. Это имеет свои невыгоды, ибо вместо установленной ближайшей связи с целым областью ставится в еще более исключительное положение, как бы отрезываясь от остального. Но это меньшая невыгода, нежели введение в общее представительство враждебного элемента, которому участие в верховной власти придает только большую силу..

Эти затруднения исчезают там, где государство представляет более или менее однородное целое. Здесь существенное значение имеет одна преобладающая народность, а потому успех учреждений зависит единственно от ее характера и деятельности.

Качества, необходимые в народе для успеха представительных учреждений, суть те, которые требуются для разумного и умеренного употребления свободы. Прежде всего нужна личная энергия, самодеятельность граждан. Без этого основного качества политическая свобода остается мертвою буквою; это дух, ее оживляющий. Там, где господствуют лень, нерадение, привычка подчиняться чужой воле, представительные учреждения лишены почвы. Затем необходимо сознание своих прав и твердое намерение за них стоять. Без этого опять конституционное здание слишком шатко и свобода легко уступает место произволу. Разделение власти в особенности требует, чтобы каждая сторона знала свое право и крепко его держалась. Поэтому в конституционных государствах в высшей степени важно распространение в народе юридического смысла. Ко всему этому должно присоединяться умение действовать сообща. Только дружными силами возможно отстоять свободу и прийти к единству направления. Здесь нужны в гражданах многообразные качества: уступчивость, сговорчивость, терпимость, привычка к нравственной дисциплине, особенно же преобладание общих интересов над местными, ибо первые соединяют людей, а вторые влекут их врозь. Для общего дела нет ничего пагубнее господства личных эгоистических целей в общественных деятелях. Наконец, и этого мало; устройство конституционной монархии требует от народа еще высших свойств. Свобода не составляет здесь единственной основы жизни; она должна согласоваться с другими началами и учреждениями. Нужно признание высшей воли в лице монарха и уважение к законному порядку, распределяющему права и обязанности. Участвуя в верховной власти, народ не должен, однако, считать себя источником всякого права и закона и ставить весь общественный быт в зависимость от своей воли. Отсюда необходимость умеренности в целях и требованиях. Народное представительство должно держаться в известных границах, искать того, что приложимо. Основным качеством является здесь практический смысл, который руководится более указаниями опыта, нежели умозрительными началами. Исключительность и нетерпимость односторонних теорий всего вреднее там, где требуются взаимная уступчивость и уважение к чужому праву. Господство юридического формализма, который строго держится существующего, гораздо уместнее в конституционном порядке, нежели неопределенность нравственных требований и отвлеченных начал, открывающая простор бесконечному разнообразию целей и взглядов.

С умеренностью в теории должна соединяться и практическая умеренность, самообладание воли, воздерживающей движения страстей и полагающей сама себе пределы, при неуклонном преследовании цели. Одним словом, сочетание свободы и порядка, составляющее сущность конституционных учреждений, требует, чтобы общество носило закон в собственном сознании не как насильственно наложенное правило и не как умозрительное начало, а как известный порядок жизни, который следует уважать, изменяя его сообразно с развивающимися потребностями. Это касается не одной только политической области, но и всех других, ибо все находятся друг с другом в связи. Это должно быть общим свойством народного духа, которое приобретает привычками всей жизни и отражается на всех явлениях. Там, где общественный быт расшатался, сохранение конституционного порядка весьма затруднительно.

Таково редкое сочетание свойств, которое требуется от граждан для успешного хода представительных учреждений. Из европейских народов ими в наибольшей степени обладают англичане. Англосаксонское племя преимущественно перед другими одарено тою личною энергиею, тою способностью к самостоятельности и тем практическим смыслом, которые сделали его властителем промышленного мира и основателем представительного порядка в новое время. В Северо-Американских Штатах это личное начало, свергнув с себя все историческое наросты, является исключительно владычествующим, поэтому республиканское устройство здесь более всего отвечает свойствам народа. В Англии оно сдерживается уважением к существующим формам и условиям жизни, а потому здесь отечество конституционной монархии. Это уважение свободы к высшему порядку придает всему быту более возвышенный и просвещенный характер; но так как оно руководствуется не общими началами, а историческими и условными данными, то и жизнь, и воззрения, и характер народа приобретают через это оттенок узкости, ограниченности и формализма. Англичанину свойственно опытное знание, а вовсе не умозрение, то есть целая половина умственного мира остается для него тайною. Ему понятно то, что дает ему собственная практика и с положительной, и с отрицательной стороны; но все, что выходит за эти пределы, составляет для него грудку сведений, не озаренных мыслью, способною понимать чужеродные явления. Личная свобода юридически пользуется в Англии полным простором; но на деле она всюду стесняется раболепным поклонением принятым обычаям и формам. Лицо не является здесь в своем человеческом значении, а ценится по своему общественному положению, по своей обстановке. Это оборотная сторона тех высоких качеств, которые утвердили в Англии конституционный порядок ранее, нежели у других народов. Те самые черты характера, которые способствовали крепкому объединению элементов собственно английской жизни, сделали ее исключительно относительно всего остального. Англичане – народ своеобразный, со всеми преимуществами и недостатками этого свойства.

Совершенно иной характер французов. Личная самостоятельность далеко не имеет у них того развития, как у соседей. Напротив, слишком часто является у них склонность все возлагать на правительство, всего от него требовать и тесниться в его ряды. Они дорожат более равенством и политическою властью,

нежели свободой. У них нет и того преимущественно практического направления, которым отличаются англичане. Всякое явление они возводят к общим началам, созидавая теории, всегда ясные и определенные, но часто односторонние. Однако они не ограничиваются умозрением, но стремятся перевести сознанные ими начала в практическую жизнь, и здесь они действуют с неудержимой силой. Во имя идеи они готовы и разрушить старое, и разом воздвигнуть новое здание, и, хотя восторженные порывы влекут за собою реакцию, колебания, усталость, однако начало, раз укоренившееся в умах, постоянно возрождается с новой силой и движется вперед по избранному пути. Такова была судьба идей свободы и равенства, которые со времени первой революции сделались исходной точкой новой истории Франции и отсюда распространились по Европе. Это стремление французов руководиться идеями делает их главными двигателями европейской политики и дает внутренней их жизни меньшую устойчивость и последовательность развития, но большее разнообразие, больший блеск и большую глубину, нежели у англичан. Задачи здесь шире, цели возвышеннее, а потому и достижение их труднее. Однако нельзя не сказать, что эти свойства народного характера делают французов менее способными к правильному пользованию конституционными учреждениями, требующими практических сделок и уступок, нежели к пламенной оппозиции, к революционным движениям и, наконец, как сочетание этих противоположных свойств, к республике с сильной властью, опирающейся на большинство.

Еще большею склонностью к умозрению обладают немцы. В этом заключается их сила; в науке им бесспорно принадлежит первенство. Но практические их способности далеко не отвечают теоретическим. В частной жизни у них встречаются самые почтенные свойства: трудолюбие, честность, настойчивость, точность, доброта, но в них недостает именно того, что требуется для политической свободы. Способность вникать в мелочи соединяется с склонностью вживаться в них; построение теорий влечет за собою совершенно искусственные воззрения на практику; любовь к слову преобладает над стремлением к делу. У них люди не стараются сойтись во имя некоторых простых, ясных, определенных начал, а уходят в разнообразие сложных и запутанных соображений. Если к этому присовокупить медленность решений, добродушие характера и уважение к историческим началам жизни, то понятно, что в такой среде смелая власть может себе все позволить. Если конституционные учреждения имеют в Германии надежду на успех, то, независимо от общего хода истории, этому наиболее содействует обстоятельство, что и власть нередко имеет здесь тот же характер, как и народ, ту же непрактичность, ту же искусственность воззрений, то же добродушие, иногда то же уважение к праву и закону. Но до сих пор конституционная жизнь немцев не могла выработать определенных начал, ни даже приобрести некоторую прочность и силу. Она представляет скорее хитросплетенные отношения разнообразных элементов с значительной примесью случайности и произвола.

Разбирая характеры различных европейских народов, мы не можем не обратить внимания и на наш собственный. Вглядываясь в те черты, которыми определяется способность народа к политической свободе, мы должны прийти к за-

ключению, что они существуют у нас в меньшей степени, нежели у кого-либо из наших соседей. Иначе и быть не может; учреждения, под которыми народ растет и развивается в течение веков, всегда соответствуют его характеру, и наоборот, самый характер народа слагается под влиянием учреждений. Если в продолжение всей нашей истории в нас менее, нежели у других, проявлялось стремление к политической свободе, то, очевидно, что мы к ней менее всех способны. Это факт, о котором могут пожалеть приверженцы конституционных учреждений, но которого беспристрастный наблюдатель не может оспаривать. Не унижение себя перед другими, а разумное самосознание должно побуждать нас не скрывать от себя своих недостатков, а уяснять себе, где лежит наша слабость и где наша сила.

Едва ли кто сомневается в том, что личная энергия и инициатива не составляют отличительных свойств русских людей. Говоря о себе, мы вообще признаем, что распушенность, нерадение и лень принадлежат к существенным нашим недостаткам. Они проявляются особенно в общественной жизни, где мы охотно все возлагаем на власть, отступаясь от дела под предлогом, что правительство не все нам дает. Те великие достоинства русского народа, которые сделали Россию одною из первенствующих европейских держав, несокрушимое терпение, безропотное перенесение всевозможных лишений и тяжестей, готовность всем жертвовать для царя и отечества прямо противоположны духу личной свободы. Эти свойства сплотили Россию в одно великое целое, но для самоуправления они менее всего пригодны. Уважение к высшему порядку жизни служит уздой своеволия, но не пружиною самодеятельности. К тому же у нас исторически развилась та форма уважения, которая прилична более самодержавию, нежели представительному устройству, именно, покорность власти, тогда как конституционный порядок требует главным образом уважения к закону, неразрывно связанного с сознанием своего права и чужого. Что юридически смысл и чувство законности у нас почти не существуют, об этом излишне распространяться. При крепостном праве и при отсутствии суда эти свойства не могли развиваться. Впрочем, нельзя отрицать, что и в представительном устройстве уважение к власти уменьшает возможность раздоров между правительством и народом. В трудных обстоятельствах оно является якорем спасения для общества, которое толпится около власти, осенявшей его в течение веков. На этом основании утверждают иногда, что монархия, крепкая народною любовью, не должна опасаться представительных учреждений, ибо она всегда будет сильнее всякого собрания. Но бессилие собрания не служит доказательством его пользы, а уважение к общим историческим началам не ручается за дружную деятельность в политической области. Тут нужно согласие не относительно тех редких случаев, когда ставится вопрос о коренных основах народной жизни, а насчет ежедневных потребностей государства. Здесь происходят столкновения не столько с верховною властью, сколько с администрациею, причем самая неумеренная и беспутная оппозиция легко может сочетаться с платоническою любовью к монархическому началу. К сожалению, недостаток личной энергии не ведет у нас к согласию в управлении общими делами. Личное начало у европейских народов никогда не исчезает совершенно; это их отличие от азиатцев. Но оно приняло у нас ту форму, которая более всего

вредит общественной жизни. Не возбуждая самодеятельности, оно мешает единству общества. Славяне издавна известны были неумением жить в ладу между собою. Едва ли теперь мы сделали в этом отношении много успехов. Бесконечная рознь, личные вопросы, частные интересы обыкновенно становятся преградой всякому общему предприятию. Согласие устанавливается иногда отрицательное, когда нужно вести дружную атаку. Особенно в высших классах люди соединяются лишь в беспредельной критике, при полном отсутствии умения установить и поддержать разумный порядок. Общее дело идет ладно только там, где за него случайно возьмется лицо, которое примет его в свои руки, победив недоброжелательство. Против этого печального факта, о котором свидетельствует огромное большинство наших общественных дел, можно сослаться разве только на мирскую сходку, где всегда устанавливается соглашение. Но в ней именно отсутствует свобода, а существует только деспотизм массы, подчиненной еще сильнейшему деспотизму администрации. Чем выше сфера, чем более свободы, тем, напротив, сильнее проявляются и рознь, и личные интересы, и равнодушие большинства к общему делу. Наконец, ко всему этому присоединяется еще свойство, которое мешает у нас развитию правильной, законной свободы. Мы редко умеем держаться в известных пределах и умственно, и нравственно. Наша мысль не успела выработаться и силою труда войти в определенные границы, уяснить себе цели и средства. Она обыкновенно расплывается, довольствуясь отвлеченными понятиями, под которыми можно разуместь все, что угодно, или не зная меры одностороннему развитию известного начала. Поэтому как скоро с нас снимается внешнее ярмо и предоставляется нам доля свободы, мы тотчас предаемся полному ее разгулу. Об этом свидетельствует то общественное брожение, которое разыгрывалось на наших глазах, особенно же явление нигилизма, столь распространенного в нашем обществе, хотя для него нет ни малейшей практической почвы. Это не случайное, не заносное явление, как иногда утверждают. В нем выражается дурная сторона той широкой русской натуры, которая ничему не знает меры и границ, которая любит разгуляться на просторе. Конечно, этому значительно содействует низкая степень нашего политического образования; это черта характера, которая со временем может сгладиться, но пока она существует, она несомненно служит препятствием правильному развитию свободы. Не подвергаясь упреку в преувеличенном патриотизме, можно сказать, что дарования русского народа не подлежат спору; без них он не мог бы среди европейских держав играть всемирно-историческую роль. Но доселе его история и его свойства доказывали в нем способность создать крепкое государственное тело с единою властью во главе, а не умение пользоваться свободою. Государственная жизнь имеет разнообразные задачи, из которых каждая требует особенных качеств.

Однако из народного характера нельзя вывести безусловного заключения о возможности или невозможности представительного порядка в государстве. Мы сказали, что если в учреждениях отражаются народные свойства, то, наоборот, самые свойства испытывают на себе влияние учреждений. Новые потребности и обстоятельства вызывают наружу черты, которые прежде не могли развиваться. Народ вследствие постоянной смены поколений способен к возрастанию, к об-

новлению, и никто не может сказать, когда завершится у него этот процесс. Таким образом, начало личной самодеятельности, которое необходимо дремлет, пока общество покоится под управлением безграничной власти, должно выработаться, когда обстоятельства приводят к необходимости свободы и вызывают напряженные усилия граждан. Это начало не является совершенно новым свойством, ибо нет человеческого общества, в котором бы не существовала в некоторой степени личная самодеятельность; но оно приобретает большую силу и высшую способность. Только у народа, совершенно обделенного элементами развития, можно безусловно отрицать возможность политической свободы. Точно так же и сознание права, которое стоит на низкой степени у народа, привыкшего руководиться главным образом покорностью власти, вырабатывается при более высоком общественном быте, при более сложных отношениях, когда государственная и гражданская жизнь и, наконец, самое промышленное развитие требуют обеспечения прав. Исторические примеры доказывают, что самые, по-видимому, глубокие свойства народа, его вековые привязанности, изменяются радикально. Какое громадное расстояние между старою Франциею, фанатически преданною католицизму и монархии, и новою Франциею, революционною и вольнодумною! Какая бесконечная разница между средневековыми германцами, исполненными грубой силы, и тою педантическою беспомощностью, которая так часто проявляется у немцев, особенно в XVIII веке, и даже до настоящего времени! Развитие жизни преобразует не только общественный быт, не только воззрения, но в некоторой степени и самый характер народа.

Поэтому невозможно утверждать, как делает историческая школа, что у каждого народа в основании духовного его естества лежат известные начала, которые определяют всю его историю, развиваясь только путем роста, количественным прибавлением, но не изменяясь в своем существе. Такое понятие о народности противоречит фактам. Народная жизнь не растение, которое из одного и того же корня постоянно пускает ветви одинакового свойства и строения. Народу, способному к развитию, нельзя поставить таких границ, сказать ему: вот задача, тебе не свойственная, потому что ты прежде ее себе не задавал. Прошедшее служит основой и материалом для будущего, но не налагает на него неизменного клейма. То, что прежде играло второстепенную роль, выдвигается на первый план и затмевает остальное; новая эпоха порождает учреждения, часто противоположные и предыдущим, и последующим. Только неподвижные страны Востока покоятся вечно под одними формами быта, но это младенческое состояние человечества. У других народов постоянство учреждений служит признаком крепкого, но одностороннего развития. Вообще же, в истории господствует изменчивость политических форм, идущая рядом с изменениями жизни. Особенно в новое время, при разнообразии общественных стихий, при ширине задач, при бесконечности новых путей и средств человеческого развития, жизненные потребности и отношения изменяются постоянно, а это неизбежно отражается и на учреждениях. Мы видели, каким образом у западноевропейских народов за средневековую неурядицею, за борьбою общественных стихий водворилась эпоха самодержавия, которое скрепило основы государств и утвердило единство власти; затем, когда

общественные силы окрепли под влиянием монархического начала, наступил период либерализма, который после односторонних попыток поставил себе задачею сочетание власти и порядка с свободою. Все эти столь различные учреждения обозначают различные фазисы развития обществ; одна эпоха требует сосредоточенной власти, другая разделенной, и нельзя сказать, что одному народу свойственно одно, другому – другое.

Однако среди всех жизненных перемен всего устойчивее характер народа. Он перерабатывается только постепенно, вследствие долговременного жизненного процесса. Общество, которое в течение веков жило под безграничною властью, не в состоянии сделать внезапный скачок к представительному правлению и разом приобрести для этого все нужные качества. Если же оно неопытною рукою берется за кормило, оно рискует произвести всеобщее потрясение и надолго устранить возможность прочного порядка. Это доказала Франция во времена революции. Поэтому гораздо лучше, когда народ сначала испытывает свои силы в подчиненных сферах. Частная жизнь, промышленность, администрация, юридический быт открывают обширное поле для самодеятельности граждан. Здесь изощряется личная энергия и приобретает опытность в достижении общих целей совокупными силами; здесь развиваются те качества, которые необходимы для разумной свободы. Требование политических прав тогда только может быть оправдано, когда граждане доказали на деле, что они умеют устроить свои частные и общественные дела.

*Извлечения публикуются по изданию:
Чичерин Б.Н. О народном представительстве.
СПб., 1866. С. V–XI, 3–65, 385–393,
401–406, 408–417.*

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ГРАДОВСКИЙ

О СОВРЕМЕННОМ НАПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАУК¹

1873 г.

I

Мм. П.! Я не могу избрать лучшего начала для своей речи, как следующие слова Шеллинга², цитированные покойным Хомяковым³:

«Счастливы государства, где люди, зрелые и богатые положительными знаниями, постоянно возвращаются к философии, чтобы освежать и обновлять свой дух и пребывать в постоянной связи с теми всеобщими началами, которые действительно управляют миром и связуют как бы в неразрывных узах все явления природы и мысли человеческой. Только от частого обращения души к этим общим началам образуются мужи в полном смысле слова, способные всегда становиться пред проломом и не пугаться никакого явления, как бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружие пред мелочностью и невежеством»⁴.

Так говорил великий мыслитель, веривший в силу философии, науки, теории, видевший в них животворящее начало всякой практической деятельности. Но имел ли он право, научное право, произнести эти слова, заявить такое требование практическим деятелям? Не вправе ли были последние указать ему на так называемый разрыв между *теориею* и *практикою*, разрыв, в котором убеждены почти все?

Разрыв между теориею и практикою! Стало быть, разрыв между руководящим началом и практическим делом! Вот явление, которым меньше всего нужно бы хвалиться, особенно «практическому делу». Вот явление, которое всеми мерами должна бы устранить сама наука, имеющая своею целью стать *теориею дела*.

Эта задача науки, по-видимому, так естественна, что трудно себе представить, чтобы она когда-нибудь преследовала другие цели. Действительно, никогда не было того времени, чтобы *наука* умышленно проповедовала утопии, умышленно становилась вразрез с практикою. Но характер науки не всегда зависит от намерений ученых; он зависит от условий, в которые поставлены научные иссле-

¹ Речь, произнесенная на годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 года ординарным профессором А. Градовским.

² Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854) – немецкий философ.

³ Хомяков А.С. (1806–1864) – русский религиозный философ, поэт, публицист.

⁴ Хомяков А.С. О современных явлениях в области философии // Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1861. С. 287 (прим. изд. 2001 г.).

дования и самая наука.

Современное направление политических наук даже в Западной Европе есть некоторая новость; и здесь оно результат долгого исторического процесса, плод многих перемен в теории и в жизни.

Здесь полезно будет остановиться на главных моментах этого процесса. Исследование это будет полезно для определения тех условий, от которых зависит так называемый разрыв между теорией и практикой.

От чего зависел этот разрыв? Зависел ли он от внутренних свойств самой науки, от отвлеченности ее метода, от того, что она оставалась в области общих идей, не спускаясь до мира действительных фактов? Или, может быть, нам должно искать причину зла и в свойствах той аудитории, того общества, среди которого вырастали научные теории?

Мы знаем эпохи, когда, действительно, увлечение общими теориями, скажем больше, утопиями, овладевало целыми, весьма просвещенными обществами; когда лихорадочное искание того, *что должно быть*, отворачивало людей от терпеливого изучения того, *что есть*.

Но чем объясняется это господство общих и слишком отвлеченных идей, даже не идей, а красивых фраз, часто лишенных всякого содержания?

Не покажет ли нам опыт истории, что в эти времена наука не могла, в силу внешних условий, пойти дальше общих идей, т.е. из знания *чистого* превратиться в знание *прикладное*? Не увидим ли мы далее, что успех этих общих идей в обществе и их часто вредное действие зависели от того, что общество ничем не участвовало в практической жизни государств, т.е. что ему, знавшему многие теории, не доставало *политического воспитания*, которое дается только участием в разных отправлениях государственной жизни?

Разрешение этих вопросов особенно важно нам, едва начинающим свое политическое образование. Поэтому нам полезно обратиться к опыту других народов и исследовать способы их политического образования и воспитания.

II

Два знаменательных факта совершились на западе Европы почти одновременно: превращение прежних феодальных владений в новейшие монархии и появление новой науки о государстве. Первый из этих фактов неотразимо влиял на характер и смысл второго. Оба эти факта выражали одну и ту же идею, одни и те же стремления европейских обществ: идею нового государства в противоположность прежнему феодальному порядку. Но эти факты различно и не в одинаковой степени выразили новую идею.

Процесс образования новых монархий, т.е. нового государства, состоял в полном подчинении элементов феодального общества верховной королевской власти; новое государство было практически результатом *победы* королевской власти над феодальной аристократией и корпорациями, имевшими прежде политическую самостоятельность, свои державные права. В монархии они утратили эту самостоятельность не только в той мере, в какой это нужно было для

обеспечения прав новой верховной власти, но и свыше этой меры. Королевская власть устранила старую аристократию, городские муниципалитеты от всякого участия в государственных делах. Прежнюю их политическую деятельность она заменила деятельностью *своих* органов, *своих* судов, *своей* администрации; она создала *свой* правительственный организм, известный под именем бюрократии. Вместе с бюрократией она как бы обособилась от остального общества; область новых официальных лиц получила название «государства» по преимуществу, и Людовик XIV сказал свое знаменитое: «Государство – это я!».

Это возвышение королевской власти было, можно сказать, результатом всех общественных стремлений: *во-первых*, королевская власть была практическим центром соединения для народностей, вышедших из феодального раздробления, т.е. королевская власть воплощала в себе идею *национального единства*, *во-вторых*, сила центральной королевской власти была главным тогда условием *единства права*, т.е. общности юридического порядка, которым все желали заменить невыносимую пестроту феодальных обычаев. Особенно сильно заявляли это требование *нижние классы*, потому что подчинение королевскому закону избавляло их от подчинения произволу феодальных владельцев.

Таким образом, королевская власть видела в себе практическую основу нового государства: она имела для этого все исторические данные: церковное освящение, завоевательное право, династические предания и всеобщее уважение. Но королевская власть забывала, что, осуществляя идею нового порядка, она по форме своей была одним из элементов прежнего времени. Мало того. В самой общественной организации она осуществила новый порядок только приблизительно. Королевская власть, уничтожая *политическую* сторону феодальной организации, оставила неприкосновенною ее *общественную* сторону. Феодальные владельцы утратили свои политические права, но сохранили сословные привилегии; горожане перестали сходиться в народные собрания, но знали, что по закону «буржуа» стоит выше настоящего простолюдина. Пестрая цепь пэров, простого дворянства, гильдейских и цеховых учреждений, мастеров, подмастерий и учеников, сельчан и рабочих – все это уцелело в молодом государстве. Сама королевская власть, победившая феодализм, сознавала в общественном отношении свою солидарность с побежденными; с *общественной* точки зрения король был глава феодальной иерархии, первый между пэрами, которых он продолжал называть своими кузенами.

Таким образом, новая идея выразилась на первый раз в старых формах, покоилась на основах, сложившихся в прежнее время.

Философское движение, породившее политическую науку нашего времени, стало искать иных оснований для нового государства, но сначала с целью дать ему более прочную основу во всеобщем сознании.

Едва только во Франции сложилась новая монархия, сделавшаяся образцом для всего европейского материка; едва только научные и философские средства мыслителей увеличились богатым наследием древнего мира и возрождение науки и искусств вместе с реформациею дало новый толчок человеческой мысли: ве-

ликое произведение Бодена¹ о государстве возвело новое государственное устройство на степень идеала. Его теория государственного суверенитета в ясных и твердых формах выразила инстинктивные стремления монархии.

Но Боден еще опирался не столько на логические и всеобщие требования философии, сколько на исторические соображения; лихорадочное движение XVI в., в котором жил Боден, движение, выразившееся в религиозных войнах, оставляло мыслителям мало философского досуга и спокойствия для основания самостоятельной философии.

XVII век создал эту новую европейскую философию. Толчок, данный Декартом², привел к новому пересмотру всех человеческих знаний, верований и учреждений.

На первый раз приемы Декартовой философии должны были казаться опасными для установленного исторического порядка. Декарт свел философское знание на почву *субъективную*, т.е. отверг непосредственную достоверность знания, основанного на свидетельстве внешнего авторитета. Всякое понятие и начало становится *достоверным* только после проверки его внутренним авторитетом человека – разумом. Для разума нашего достоверно только то, противоположного чему он не может себе представить и мыслить. Следовательно, из всех возможных достоверностей и необходимостей он признает только достоверность и необходимость *логическую*. Таким образом, каждое учреждение, каждое мнение, даже верование должны были доказать свою законность с точки зрения логической необходимости. Усилия публицистов XVII в. были посвящены рациональной критике государства и доказательству его необходимости с точки зрения коренных требований разума и основных свойств природы человека. Идея государственная вышла торжествующею, освященною из этой критической работы, из эпохи всеобщего сомнения.

Вывод теории не был, следовательно, враждебен политической практике. Можно сказать даже, что теория оказала практике важную услугу, доказав *логическую* необходимость государства, основанного до тех пор на разных эмпирических фактах. Она выразила полнее и чище ту самую идею государственности, которой служили практические деятели.

Но последние не видели и не хотели видеть тех выводов, необходимо вытекавших из идеи, которой они служили бессознательно.

Они не видели, что политическая идея, выраженная наукой, идея, которой они служили сами, противоречила тогдашней *форме* государства, составленной из остатков прошедшего.

Если государство должно иметь свое основание во всеобщем сознании, т.е. соответствовать коренным стремлениям каждого члена общества, то очевидно, что выгоды общежития должны быть для всех одинаковы, что все должны пользоваться *равными правами*, что остатки феодального порядка, привилегии, монополии, удержанные новым государством, не имеют основания в его идее, что

¹ Боден Жан (1530–1596) – французский политический мыслитель, теоретик естественного права, юрист.

² Декарт Рене (Картезий) (1596–1650) – французский философ, математик и естествоиспытатель.

поэтому эта государственная идея могла быть осуществлена только рядом последовательных реформ при участии всего общества.

Но эмпирически сложившееся государство XVII и XVIII вв. остановилось на результатах, непосредственно данных ему историей его образования. Оно возвело в принцип временные меры и случайные факты. Так как победа нового государства над феодальным порядком была достигнута через образование особой правительственной силы – бюрократии, приведшей остальную массу общества в пассивное состояние, то практические люди полагали, что это обособление правительственной силы от народа и есть истинная форма нового государства. Так как, далее, новое государство нашло возможным сохранить общественные различия феодальных времен, поскольку они не стесняли верховных прав власти, то практические люди приняли эту временную уступку, компромисс новой идеи со старым порядком, за необходимое условие нового общества.

Что из этого вышло – понять нетрудно. Государство и наука, выражавшие, в сущности, одну и ту же идею, не узнали друг друга. Между ними произошел полный разрыв. Государство, остановившись на временных своих формах, отказалось от дальнейшего развития, продолжало застывать, чахнуть в этих формах, дожидаясь потрясений позднейшего времени.

Наука, оторванная от практической почвы, не имея возможности видеть применения своих общих начал к практической жизни и таким образом проверять их, начала собственными силами строить планы государственного преобразования, т.е. бросилась в область утопии.

Для того чтобы понять это движение философской мысли, нужно принять во внимание некоторые важные обстоятельства.

Во-первых, политическая наука, или философия, не имея возможности работать над практическими вопросами государственной жизни, государственного управления, отдала все свои силы вопросу о *государственной форме*, начала строить идеалы государственного устройства. Она провозгласила, что форма государства должна соответствовать всеобщему, идеальному его основанию, открытому наукой, т.е. что практическое выражение государственной идеи должно удовлетворять идеальным, абсолютным требованиям разума.

С этой минуты она становится во враждебное отношение к положительному государственному порядку; с этой минуты, с половины XVIII в., начинается борьба так называемого исторического права с требованиями разума – борьба непримиримая, не знающая сделок, потому что ни с той, ни с другой стороны не обращают внимания на требования жизни.

И вот почему. Политическая философия строит свои теории государства на отвлеченных началах разума, а эти начала, по выражению Мирабо¹, вечны, как Вселенная, и священны, как природа. Другими словами, они безусловно необходимы, они заключают в себе отрицание истории, т.е. постепенного развития, не знающего вечных, безусловных истин, а знающего только истину относительную, пригодную для данного времени. В этом смысле создаются теории государ-

¹ Мирабо Оноре Габриэль (1749–1791) – деятель Французской революции XVIII в.

ства Мабли¹, Морелли² и, наконец, Ж.-Ж. Руссо.

Каким страшным, беспощадным догматизмом отличается его *Contract social*³ Как, читая его, каждый чувствует, что эти «истины» не знают сделок с жизнью, не хотят знать и жизни! Эти теории, милостивые государи, не что иное, как попытка подчинить всю общественную жизнь требованиям логики, превратить наш нравственный мир в логическую систему, построенную с беспощадным догматизмом.

И эти теории имели удивительный успех: они должны были иметь его, если припомним, к какому обществу обращалась проповедь теоретиков.

Общество разделялось на два класса, не имевших между собою ничего общего. Прежде всего, мы видим в нем практиков, причастных к государственной жизни по своему официальному положению. Эти люди не обращали никакого внимания на теории, считая их безвредною, хотя и пустою, забавою. От времени до времени какой-нибудь «теоретик», переступавший за пределы дозволенного, попадал в Бастилию – тем дело и оканчивалось.

Остальная масса общества, не принимавшая участия в государственной жизни, разделялась на два разряда. Одна ничего не думала, ибо несла на себе всю тяжесть феодальных и государственных повинностей. Она оставалась в невежестве, воспитывалась в суеверии и легковерии. В ней подготавливалось превосходное орудие государственных переворотов, потому что нищая, невежественная и легковерная масса кинется за всяким, кто посулит ей лучшее будущее.

Зажиточная масса общества, умная, начитанная, но отрешенная от государственной жизни и ее практических условий, с жаром слушала проповедь теоретиков. В своем невольном «философском досуге» она привыкла жить отвлеченною мыслью. Она воспиталась в той же безграничной вере в начала разума, исповедовала, что представления нашего разума суть законы мира, что мир должен развиваться по нашей логике. Веруя в начала разума, она поверила, что и теории, основанные на этих началах, безусловно истинны, что осуществить счастье человека очень легко – стоит только найти безусловно годную форму государственного устройства и потом сразу осуществить ее, бросив в сторону исторические случайности. Золотые сны безусловно годной формы государства носились пред этой массой. И как могла бы она *проверить* годность такой теории, она, не знавшая, что такое государственная жизнь, скрытая от всех глаз в тайниках канцелярий?

Мало-помалу она уверовала, что золотой век, счастье народа и целого человеческого рода близки, стоит только ей захотеть привести в исполнение безусловные требования разума.

Против этих безусловных требований стояли такие же «безусловные» требования, такие же абсолютные права разных начал прежнего порядка, также не знавшие никаких сделок с требованиями новой жизни.

Французская революция 1789 г., открывшая собою эпоху европейских рево-

¹ Мабли Габриель Бонно де (1709–1785) – французский политический мыслитель, историк, представитель утопического уравнительного коммунизма.

² Морелли (XVIII в.) – представитель утопического уравнительного коммунизма во Франции.

³ Общественный договор (*франц.*).

людей, была именно борьбой безусловных принципов, не понимавших никаких сделок с противником. В этом именно и состоит отличительный признак революционных движений. Кровавые сцены, уничтожение всего существовавшего, проскрипции, террор красный и белый, эмиграция и т.д. – все это последствия одной общей причины – безусловности, беспощадности принципов. Когда я считаю известное начало абсолютным и единственным условием общего блага, я не могу помириться ни с кем, кто не разделяет моих убеждений. Эмигранты бежали из Франции, потому что чувствовали, что в новой Франции им нет места; уходя из своего отечества, они уносили свои принципы, такие же беспощадные, как начала революционеров: это доказала политика реставрации. Про Бурбонов говорили и говорят, что они ничего не забыли и ничему не учились; это значит, что они сохранили свои принципы в их безусловной чистоте. Революционеры, казня своих противников, избивали не людей, но принципы, как будто есть хоть один человек, могущий воплотить в себе принцип, т.е. перестать быть человеком и сделаться отвлеченностью!

Судьба такого исторического движения понятна. Политическая жизнь народа колеблется между революцией и реставрацией, т.е. между двумя формами, представляющими одинаково какой-нибудь безусловный принцип.

Могла ли в то время возникнуть мысль о действительной политической жизни, где всякий находит себе место, где каждый понимает, что выше его «принципов» стоит страна, земля, этот чудный хор разных голосов, мнений, стремлений, хор, созданный природой и историей?

Нет! История и практика этих времен одинаково оставили нашему времени только несколько поучительных уроков. Они состоят в следующем.

1. Государство, провозгласившее безусловную годность данных, следовательно, переходящих начал своего строя, рискует вызвать противоположные идеалы, столь же безусловные и неуступчивые. Отрицаясь от новых требований жизни, оно дает силу утопии; отказываясь от прогресса осуществимого, оно в конце концов сталкивается с идеалами неосуществимыми.

2. Наука, не имеющая доступа к практическим вопросам государственной жизни, кидается в область утопии; из полезной общественной силы она делается элементом разрушительным.

3. Общество, не участвующее в государственной жизни, в силах сдерживать утопических стремлений и делается их жертвою.

III

Под влиянием этих уроков и несомненных успехов знания изменились приемы научного исследования и самое мирозерцание науки.

Обозначим в коротких словах существенные черты этой перемены.

Во-первых, политическая теория основывается уже не на «вечных, прирожденных», а потому абсолютных началах разума, требующих абсолютной, всеовершенной формы государства. Новая философия, видоизмененная успехами исторических знаний, видит в каждом государстве известную степень общежи-

тия, т.е. известный момент в историческом развитии народа. Государство с ее точки зрения есть явление историческое, т.е. подчиненное условиям пространства и времени. От этих условий зависит *практическое* выражение государственной идеи, т.е. каждая данная форма государства. Ни одна из этих форм не может выражать собою безусловного принципа, не может быть воплощением абсолютной истины. Государство, как всякое историческое явление, подчинено условиям развития, законам *прогресса*, т.е. его формы переходят от одного относительного принципа, годного для одного времени, к другому, годному для времени последующего.

Итак, *отрицание абсолютного и признание прогресса* есть первое начало современной политической философии, во имя которого она отказывается от искания *безусловно годной формы государства*, но тем настойчивее требует, чтобы каждому данному состоянию общества соответствовала пригодная ему форма государства.

Во-вторых, вообще вопрос о государственном устройстве потерял в значительной степени свой интерес под влиянием условий общественной жизни XIX столетия. *Общество XIX столетия обращает внимание не столько на форму государства, сколько на задачи его деятельности и способы их осуществления.*

Юридический спор о равноправности, обеспечении свободы, участии общества в государственных делах, прерогативах власти и о всем, от чего зависит форма государства, в значительной степени разрешился в Западной Европе. Общество вошло в состав прежнего официального «государства» и внесло в него множество новых интересов. Эти интересы, сложные и трудные, возникли сами собою вследствие освобождения общества от прежних феодальных норм, стеснявших его промышленность, его умственную жизнь. Промадное развитие промышленности, раздоры между трудом и капиталом, рабочий вопрос, банковое дело, железные дороги, народное образование, общественная гигиена, народное продовольствие, помощь бедным, организация внешней торговли – вот интересы нашего времени, и в этом смысле XIX в. справедливо называют веком практическим. Каковы интересы, такова и наука; нельзя не согласиться с мыслью Штейна¹, что, если искание лучших форм правления было отличительной чертой XVIII столетия, искание лучших способов *управления* – отличительный признак XIX в. Учение о государственном устройстве исчерпывало почти все содержание государственных наук прежнего времени. Наука об управлении, *Verwaltungslehre*, есть произведение и потребность нашего.

Этот факт, мм. гг., обилен последствиями, весьма благотворными.

Если главное внимание нашего времени обращено на вопросы управления, то понятно само собою, что наука должна работать над практическими вопросами государственной жизни, потому что из них слагается все искусство и наука управления. Понятно далее, что каждый из этих вопросов может быть разрешен только в условиях данного места и времени; для осуществления сложных и разнообразных интересов общества нельзя подыскать абсолютно годных средств, применимых к условиям всякой страны и в каждый момент ее исторического раз-

¹ Штейн Лоренц фон (1815–1890) – немецкий государствовед, юрист, экономист.

вития. Следовательно, историческое и, так сказать, местное (хотя и сравнительное) изучение каждой задачи управления есть первое условие этой капитальной науки XIX в.

Далее, этот факт коренным образом изменяет отношение общества к правительству и науки к обществу.

В те времена, когда речь шла исключительно об определении юридических отношений между правительством и обществом, эти две силы были разделены враждебными друг другу принципами. Когда мы говорим о *правах* официального государства по отношению их к *правам* общества, мы как бы разделяем две сферы, не имеющие между собою ничего общего. Право государства есть с этой точки зрения нечто стесняющее общество: права общества, личности как бы должны ограничить права государства. Когда мы с этой же точки зрения говорим, что общество должно участвовать в государственных делах, это значит, что государство должно отказаться от некоторых своих прав в пользу общества, которое как бы завоевывает их от государства.

Но общество и государство противоположные, даже враждебные в отвлеченной сфере права, примиряются, сливаются даже в области управления, т.е. в области осуществления практических задач политического общества. Опыт современных государств показывает, что каждая великая цель общественной жизни для осуществления своего нуждается в содействии многих сил. Каждая из них предполагает известную долю правительственного действия, средств разных органов самоуправления и предприимчивости частных лиц. Кто может сказать, что всякая цель, например народное образование, может быть осуществлена одним правительством, одними органами самоуправления, одною предприимчивостью частных лиц?

Для того, чтобы нация существовала и процветала, говорил Сийес¹, нужны две вещи – частные труды и публичные учреждения. *Вот современное основание для участия общества в отправлениях государственной жизни.* Последняя уже и выработала три формы управления: управление через посредство чисто правительственных установлений, управление через выборные установления, облеченные известными административными правами, и через вольные союзы частных лиц, восполняющие средства тех и других. Государственная регламентация, самоуправление и частные союзы – вот три способа осуществления разных общественных задач, способы, не исключающие друг друга, но взаимно пополняющие недостаток средств каждого.

Следовательно, отношение государства к обществу не есть отношение победителя к побежденному; общество принимает участие в администрации не потому, чтобы оно *завоевало* себе какие-нибудь *права*, государство содействует осуществлению разных общественных интересов не во имя своих верховных прав, *отнятых* им некогда у общества. Все эти силы действуют во имя *солидарности* всех государственных и общественных целей и во имя *недостаточности* каждой из них в отдельности.

Участие общества в жизни государств, сознавших эти истины, обеспечило

¹ Сийес (Сиейес) Эмманюэль Жозеф (1748–1836) – деятель Французской революции XVIII в.

правильное и прочное *политическое воспитание* общества. У современных обществ (мы говорим об обществах, обладающих условиями самоуправления) нет уже того, невольного конечно, философского досуга, каким пользовалось общество XVIII в. и который давал отвлеченной теории возможность увлекать это общество в область утопии. В наш век сельского и провинциального самоуправления, разных обществ, компаний, съездов, конгрессов и т.д. общество само дает науке положительный материал, над которым она должна работать, чтобы иметь какое-нибудь значение. Судьба утопий в наше время очень печальна: в странах, где общество самодеятельно, на них не обращают внимания – они не имеют аудитории.

Ввиду такого направления науки, такого изменения в требованиях общественной жизни единение теории с практикою административною и политическою зависит теперь больше от последней, чем от первой. Практике теперь, больше чем когда-нибудь, предстоит пересмотреть свои воззрения на теорию и проверить свои требования от последней.

От политической науки, мм. гг., требуют практичности, т.е. умения указывать обществу действительные и возможные для него задачи.

Но во имя этого требования наука в свою очередь может если не потребовать (она ничего не требует), то пожелать кое-чего для себя.

Вдумаемся в смысл упреков, делаемых обыкновенно науке. Науку обыкновенно называют *теориею*, теориею отвлеченною и непригодною для практики. Но что хотят выразить этим словом «теория»? Когда практический деятель называет науку «теориею», он, очевидно, хочет сказать, что научные системы создаются без помощи тех орудий, которые одни могут сделать науку практичною, т.е. без *наблюдения* и *опыта*. Он возражает, стало быть, не против науки вообще, но против науки умозрительной в худшем смысле слова. Но он, сам того не замечая, осуждает тем самым практику, т.е. отношение, в которое практика часто становится к науке.

Никто не сомневается, что всякая политическая теория должна быть основана на наблюдении и принимать во внимание исторический опыт. Но как наука может воспользоваться этими средствами познания?

Пусть ответят на это науки, давно уже сделавшиеся наблюдательными и опытными – науки естественные. Почему они могли получить такое направление, как не потому, что жизнь природы для них *открыта*, что в природе нет тайн? Звезды не скрывают своего течения от астронома, растения и животные развиваются на наших глазах; пытливые исследователи проникают теперь в самую сокровенную из всех тайн природы, в процессы зарождения и развития зародыша; настойчивые изыскания раскрыли нам недра земли, сосчитали геологические пласты и восстановили историю Земли.

Можем ли мы похвалиться, что и для политических наук открыты эти средства *наблюдения*? Действительно ли ей обеспечены необходимые условия общезвестности фактов политической жизни и возможность их беспристрастного, свободного обсуждения? Что скажем мы об опыте? Политические науки сами не производят опытов, они должны пользоваться опытом историческим. Но доходит

ли до них этот исторический опыт в своем истинном, не искаженном виде? Имеем ли мы настоящую историю, объективную, излагающую только правду?

Политические науки, мм. гг., нуждаются в свете и в правде, потому что всякая наука должна быть светом и правдою.

Вот, мм. гг., что говорит опыт народов, которые старше нас и в политическом образовании, и в политическом воспитании.

Задача и условия политической науки в России определяются просто.

Высочайшая воля, Уставом университетов 1863 г. открыла нам средства политического образования, которое должно удовлетворять потребностям русской общественной жизни.

Новая у нас политическая наука, опираясь на опыт прошедших времен, руководясь примером настоящего времени, не может и не должна сделаться бесплодной, умозрительной теорией, утопией.

Для этого она должна желать, чтобы все начала, возвещенные современными преобразованиями, укреплялись, входили в жизнь. Смысл всех этих преобразований – пробудить самодеятельность общества и открыть средства для проявления этой самодеятельности. Общество, призванное к участию в отправлении государственной жизни, конечно, будет лучшей средой, в которой разовьется настоящая, связанная с жизнью политическая наука. Когда общество говорит, заявляет о своих нуждах, о своих насущных интересах, когда каждый член общества причастен к жизни государства, то в качестве присяжного, то в качестве избирателя, гласного земского и городского собрания, в обществе нет места отвлеченным и разрушительным теориям, потому что каждая разрушительная теория идет вразрез с жизнью, развивающейся постепенно.

Такое общество не дает цены планам внезапного обновления государственного строя посредством какого-нибудь абсолютного государственного устройства, потому что это общество верит только в прогресс, т.е. последовательное развитие. В нем, в этом практичном обществе, нет веры в абсолютные истины, потому что оно *знает на деле* только истины относительные. Под влиянием такого общества и наука станет на высоту своей задачи.

Она будет искать общей, высшей идеи цивилизации не только во всем историческом развитии, не только одного народа, но всего человечества, и постоянно говорить ему: идеал ваш впереди! Потому она не станет возводить отдельных фактов современной жизни на степень безусловных истин; ни одно учреждение, ни одно общественное и экономическое устройство, ни один народ не могут сказать: я истина, преклонитесь предо мною! *Memento mori*¹, скажет ему наука.

Но, отрицая абсолютную годность какого-нибудь факта, наука добросовестно укажет на его относительную необходимость для известного времени. Она укажет на необходимую последовательность и солидарность разных эпох общественного развития. Тот, кто в общественной жизни захотел бы руководствоваться разными отвлеченными соображениями, встретил бы сильного противника в такой науке. «Вы можете пойти вперед настолько, насколько подготовили вас условия предшествовавшего времени», – скажет она ему.

¹ Помни о смерти (лат.).

Но тем настойчивее, категоричнее укажет такая наука на задачи возможные, необходимые в данную минуту для общества. Она одна может сказать: если *этого* не будет сделано, общество остановится в своем развитии; оно или ничего не даст будущему поколению, или безмерно усложнит его задачу. То, что теперь может быть сделано без труда, впоследствии может вызвать сильные затруднения. Не будем усложнять работу наших потомков; не постыдимся пред лицом будущего историка. Правда, нам могут сказать, что *тогда* нас не будет, а мертвые, по выражению нашего народного героя, сраму не имут. Да, скажем мы, мертвые сраму не имут, но только те, которые легли в честном труде, а не те, которые вышли навстречу Божественному Жениху с пустыми светильниками, подобно неразумным евангельским девам!¹

*Публикуется по изданию:
Градовский А.Д. Сочинения.
СПб., 2001. С. 17–30.*

¹ См. Евангелие от Матфея. 25, 1–13.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

ВИЗАНТИЗМ И СЛАВЯНСТВО¹

1875 г.

Глава VII О государственной форме

Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного *смесительного* упрощения, свойствен точно так же, как и всему существующему, и жизни человеческих существ, государствам и целым культурным мирам.

Развитие государства сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей *общностью с окружающим*.

Прежде всего спрошу себя: «Что такое форма?»

Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании). Она есть отрицательный момент явления, материя – положительный. В каком это смысле? Материя, например, данная нам, есть стекло, форма явления – стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри; там, где кончается стекло, там, где его уже нет, начинается воздух вокруг или жидкость внутри сосуда; дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своего полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом.

Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет.

Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимает жидкость при некоторых условиях, есть форма, есть деспотизм внутренней идеи.

Кристаллизация есть деспотизм внутренней идеи. Одно вещество должно, при известных условиях, оставаясь само собою, кристаллизоваться призмами, другое октаэдрами и т.п.

Иначе они не смеют, иначе они гибнут, разлагаются.

Растительная и животная морфология есть также не что иное, как наука о том, как оливка *не смеет* стать дубом, как дуб *не смеет* стать пальмой и т.д.; им с зерна *предоставлено* иметь такие, а не другие листья, такие, а не другие цветы и плоды.

Человек, высекая из камня или выливая из бронзы (из материи) статую че-

¹ Впервые сочинение было опубликовано в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (№ 3, 1875 г.). В 1876 г. опубликовано в Москве отдельным изданием.

ловека, вытачивая из слоновой кости шар, склеивая и сшивая из лоскутков искусственный цветок, влагает извне в материю свою идею, подкарауленную им у природы.

Устраивая машину, он делает то же. Машина рабски повинуетя, отчасти идее, вложенной в нее извне человеческой мыслью, отчасти своему внутреннему закону, своему физико-химическому строю, своей физико-химической основной идее. Нельзя, например, изо льда сделать такую прочную машину, как из меди и железа.

С другой стороны, из камня нельзя сделать такой естественный цветок, как из бархата или кисеи.

Тот, кто хочет быть истинным реалистом именно там, где нужно, тот должен бы рассматривать и общества человеческие с подобной точки зрения. Но обыкновенно делается не так. *Свобода, равенство, благоденствие (особенно это благоденствие!)* принимаются какими-то догматами веры, и уверяют, что это очень рационально и научно!

Да кто же сказал, что это правда?

Социальная наука едва родилась, а люди, пренебрегая опытом веков и примерами ими же теперь *столь уважаемой природы*, не хотят видеть, что между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически родственного, даже более: *эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития.* При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма – сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т.п., есть *не что иное, как процесс разложения*, процесс того вторичного упрощения целого и смешения составных частей, о котором я говорил выше, процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны обществу.

Явления эгалитарно-либерального прогресса схожи с явлениями горения, гниения, таяния льда (менее воды *свободного*, ограниченного кристаллизацией); они сходны с явлениями, например, холерного процесса, который постепенно обращает весьма различных людей сперва в более однообразные трупы (равенство), потом в совершенно почти схожие (равенство) остовы и, наконец, в свободные (относительно, конечно): азот, водород, кислород и т.д.

(«On est débordé»¹, говорят многие, это дело другое. «On est débordé» и холерой. Но почему же холеру не назвать по имени? Зачем ее звать молодостью, возрождением, *развитием, организацией?*)

При всех этих процессах гниения, горения, таяния, холерного поступательного движения заметны одни и те же общие явления.

а) Утрата особенностей, отличавших дотолде деспотически сформированное целое дерево, животное, целую ткань, целый кристалл и т.д. от всего *подобного и соседнего.*

¹ Мы сыты по горло (франц.).

б) *Большее против прежнего сходство составных частей, большее внутреннее равенство, большее однообразие состава и т.п.*

в) Утрата прежних *строгих* морфологических *очертаний*: все сливается, все *свободнее и ровнее*.

Итак, какое дело частной, исторической реальной науке до неудобств, до потребностей, до деспотизма, до страданий? К чему эти ненаучные сентиментальности, столь выдохшиеся в наше время, столь прозаические вдобавок, столь бездарные? Что мне за дело в подобном вопросе до самих стонов человечества? Какое научное право я имею думать о конечных причинах, о целях, о благоденствии, например, прежде серьезного, долгого и бесстрастного исследования? Где эти не догматические, бесстрастные, скажу даже, в прогрессивном отношении, пожалуй, безнравственные, но научно-честные исследования? Где они? Они существуют, положим, хотя и весьма несовершенные еще, но только именно не для демократов, не для прогрессистов. Какое мне дело, в более или менее отвлеченном исследовании, не только до чужих, но и *до моих собственных неудобств, до моих собственных стонов и страданий?* Государство есть, с одной стороны, как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинувшись некоему таинственному не зависящему от нас деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, и сделанная людьми полусознательно, и содержащая людей, как части, как колеса, рычаги, винты, атомы, и наконец, машина, вырабатывающая, образующая людей.

Человек в государстве есть в одно и то же время и механик, и колеса или винт, и продукт общественного организма.

На которое бы из государств древних и новых мы ни взглянули, у всех найдем одно и то же общее: простоту и однообразие в начале, *больше равенства и больше свободы* (по крайней мере фактической, если не юридической свободы), *чем будет после*. Закрывши книгу на второй или третьей главе, мы находим, что все начала довольно схожи, хоть и не совсем. Взглянув на растение, выходящее из земли, мы еще не знаем хорошо, что из него будет. Различий слишком мало. Потом мы видим большее или меньшее *укрепление власти*, более глубокое или менее резкое (смотря по задаткам первоначального строения) *разделение сословий*, большее *разнообразие* быта и *разнохарактерность областей*.

Вместе с тем увеличивается, с одной стороны, богатство, с другой – бедность, с одной стороны, ресурсы наслаждения разнообразятся, с другой – разнообразие и тонкость (развитость) ощущений и потребностей порождают больше страданий, больше грусти, больше ошибок и больше великих дел, больше поэзии и больше комизма; подвиги образованных – Фемистокла¹, Ксенофонта², Александра³ – крупнее и симпатичнее простых и грубых подвигов Одиссеев⁴ и Ахиллов⁵.

¹ Фемистокл (524–459 до н.э.) – государственный и военный деятель в древних Афинах.

² Ксенофонт (430/425 – после 355 до н.э.) – историк и писатель.

³ Александр Великий (356–323 до н.э.) – царь Македонии (с 336 до н.э.).

⁴ Одиссей – герой греческих эпосов «Илиада» и «Одиссея», царь острова Итака, славившийся хитростью, умом и отвагой.

⁵ Ахилл, Ахиллес – герой греческого эпоса «Илиада», храбрейший из греческих героев, осаждавших Троию.

Являются Софоклы¹, являются и Аристофаны², являются вопли Корнелей³ и смех Мольеров⁴. У иных Софокл и Аристофан, Корнель и Мольер сливаются в одного Шекспира или Гете.

Вообще в эти сложные цветущие эпохи есть какая бы то ни было аристократия, политическая, с правами и положением, или только бытовая, т.е. только с положением без резких прав, или еще чаще стоящая на грани политической и бытовой. Эвпатриды Афин, феодальные сатрапы Персии, оптиматы Рима, маркизы Франции, лорды Англии, воины Египта, спартиаты Лаконии, знатные дворяне России, паны Польши, беи Турции.

В то же время, по внутренней потребности единства, есть склонность и к единоличной власти, которая по праву или только по факту, но всегда крепнет в эпоху цветущей сложности. Являются великие замечательные диктаторы, императоры, короли или, по крайней мере, гениальные демагоги и тираны (в древнеэллиническом смысле), Фемистоклы, Периклы⁵ и т.п.

Между Периклом, диктатором *фактическим*, и между законным самодержцем по наследству и религии – помещается целая лестница разнообразных единоличных властительств, в которых ощущается потребность везде в сложные и цветущие эпохи для объединения всех составных частей, всех общественно-реальных сил, полных жизни и брожения.

Провинции в это время так же всегда разнообразны по быту, правам и законам. Дерево выразило вполне свою внутреннюю морфологическую идею... А страдания? Страдания сопровождают одинаково и процесс роста и развития, и процесс разложения.

Все болит у древа жизни людской...

Болит начальное прозябание зерна. Болят первые всходы, болит рост стебля и ствола; развитие листьев, и распускание пышных цветов (аристократии и искусства) сопровождаются стонами и слезами. Болят одинаково эгалитарный быстрый процесс гниения и процесс медленного высыхания, застоя, нередко предшествующий эгалитарному процессу. (Например, в Испании, Венецианской республике – во всей Италии *высыхание* XVII и XVIII веков предшествовало *гниению* XIX). *Боль для социальной науки – это самый последний из признаков, самый неуловимый*; ибо он субъективен, и верная статистика страданий, точная статистика чувств невозможна будет до тех пор, пока для чувств радости, равнодушия и горя не изобретут какое-нибудь графическое изображение, какое-нибудь объективное мерило, подобно тому, как вовсе неожиданно открыли, что спектральный анализ может обнаружить химический состав небесных тел, отдаленных на бесконечные от меня пространства!

¹ Софокл (ок. 496–406 до н.э.) – древнегреческий поэт-трагик.

² Аристофан (ок. 445 – ок. 385 до н.э.) – древнегреческий поэт-комедиограф.

³ Корнель Пьер (1606–1684) – французский драматург.

⁴ Мольер (Поклен) Жан Батист (1622–1673) – французский комедиограф, актер, театральный деятель, реформатор сценического искусства.

⁵ Перикл (ок. 490–429 до н.э.) – государственный деятель, имел огромное влияние в древних Афинах. Неоднократно избирался стратегом. При нем было начато масштабное строительство на афинском Акрополе.

Раскройте медицинские книги, о, друзья реалисты! И вы в них найдете, до чего музыкальное, субъективное мерило боли считается маловажнее суммы всех других пластических, объективных признаков; картина организма, являющаяся перед очами врача-физиолога, вот что важно, а не чувство непонимающего и подкупленного больного! Ужасные невралгии, приводящие больных в отчаяние, не мешают им жить долго и совершать дела, а тихая, почти безболезненная гангрена сводит их в гроб в несколько дней.

Вместо того, чтобы или наивно, или нечестно становиться, ввиду какого-то конечного блага, на разные предвзятые точки зрения, коммунистическую, демократическую, либеральную и т.д., научнее было бы подвергать все одинаковой, бесстрастной, безжалостной оценке, и если бы итог вышел либо либеральный, либо охранительный, либо сословный, либо бессловный, то не мы, так сказать, были бы виноваты, а сама наука.

Статистики нет никакой для субъективного блаженства отдельных лиц; никто не знает, при каком правлении люди живут приятнее. Бунты и революции мало доказывают в этом случае. Многие веселятся бунтом. Современные нам критяне, например, жили положительно лучше хоть бы фракийских болгар и греков и несравненно веселее и приятнее небогатых жителей каких бы то ни было больших городов. Человек добросовестный, живой, не подкупленный политикой, не слепой, наконец, был поражен цветущим видом критян, их красотой, здоровьем, скромной чистотой их жилищ, их прелестной, честной, семейной жизнью, приятной самоуверенностью и достоинством их походки и приемов... И вот они, прежде других турецких подданных, восстали, воображая себя самыми несчастными, тогда как фракийские болгары и греки жили гораздо хуже и терпели тогда несравненно больше личных обид и притеснений и от дурной полиции, и от собственных лукавых старшин; однако они не восставали, а болгарские старшины, те даже подавали султану адреса и предлагали оружием поддерживать его против критян.

Никакой нет статистики для определения, что в республике жить лучше частным лицам, чем в монархии; в ограниченной монархии лучше, чем в неограниченной; в эгалитарном государстве лучше, чем в сословном; в богатом лучше, чем в бедном. Поэтому, отстраняя мерило благоденствия, как недоступное еще современной социальной науке (быть может, и навсегда, неверное и малоприменимое), гораздо безошибочнее будет обратиться к объективности, к картинам и спрашивать себя, нет ли каких-нибудь всеобщих и весьма простых законов для развития и разложения человеческих обществ?

И если мы не знаем, возможно ли *всеобщее царство блага*, то, по крайней мере, постараемся дружными усилиями постичь, по мере наших средств, что пригодно для блага того или другого частного государства. Чтобы узнать, что организму пригодно, надо прежде всего ясно понять самый организм. Для гигиены и лечения нужна прежде всего физиология.

Форма (сказал я выше) есть выражение внутренней идеи на поверхности содержания. Идея шара, например, есть равное расстояние всех точек поверхности от центра. Разве не выражается эта идея на поверхности шара, разве не она при-

дает кости, дереву, капле, расплавленному небесному телу и т.д., вообще содержанию, материи, эту форму?

Разумеется, в таком простом явлении, как шар, это ясно; а в таком сложном явлении, как человеческое общество, оно не так ясно.

Но тем не менее основа метафизическая одна и та же и для маленького шара, и для великого государства.

Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности, от начала до конца.

Вырабатывается она не вдруг и не сознательно сначала; не вдруг понятна; она выясняется лишь хорошо в ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшего единства, за которой постоянно следует, рано или поздно, частая порча этой формы и затем разложение и смерть.

Так, государственная форма древнего Египта была резко сословная монархия, вероятно, глубоко ограниченная жреческой аристократией и вообще религиозными законами.

Персия была, по-видимому, более феодального, рыцарского происхождения; но феодальность ее сдерживалась безграничным в принципе царизмом, земным выражением добра, Ормузда¹.

История Греции и Рима больше обработана, и потому на них все это еще яснее.

Афины именно в цветущий период выработали свойственную им государственную форму.

Это – демократическая республика, однако с *привилегиями, с эвпатридами, с денежным цензом, с рабами* и, наконец, с наклонностью к фактической, незаконной, непрочной диктатуре Периклов, Фемистоклов и т.д.

Форма эта, которой естественные залогов хранились, конечно, в самих нравах и обстоятельствах, выработалась именно в цветущий сложный период, от Солона до Пелопоннесской войны. Во время этой войны началась порча, начался эгалитарный *прогресс*.

Свободы было и без того много: захотелось больше равенства.

Спарта, от эпохи Ликурга² до унижения ее фиванцами, выработала также свою, чрезвычайно оригинальную, стеснительную и деспотическую форму аристократического республиканского коммунизма с чем-то вроде двух наследственных президентов.

Форма эта была несравненно стеснительнее, деспотичнее афинской, и поэтому жизни и творчества в Афинах было больше, а в Спарте меньше, но зато Спарта была сильнее и долговечнее.

Все остальные государства греческого мира колебались, вероятно, между дорической формой Спарты и ионийской формой Афин. Потребность формы, стес-

¹ Ормузд, Ахурамазда – в иранской мифологии верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов. Буквальное значение «господь премудрый».

² Ликург – легендарный законодатель Спарты. Якобы по велению дельфийского оракула или по образцу государственной системы Крита между IX в. и первой пол. VII в. до н.э. создал политические институты спартанского общества.

нения, деспотизма, дисциплины, исходящей из нужд самосохранения, была и в этом распушенном и раздробленном эллинском мире так велика, что во многих государствах демократического характера (т.е., вероятно, там, где выразился слабее деспотизм сословный) вырабатывалась тирания, т.е. дисциплина единоличной власти (Поликрат¹, Периандр², Дионисий Сиракузский³ и другие).

Феодализм сельский, помещичий или рыцарский был, по-видимому, всегда ничтожен в Элладе почти так же, как и в Риме; все аристократии Эллады и Рима имели городской характер; все они были, так сказать, муниципального происхождения.

История Македонии очень бедна, и сведений о первоначальной организации македонского царства у нас мало. Но некоторые историки полагают, что у македонян был феодализм выражен сильнее муниципальности (и действительно, о городах македонских почти нет и речи, а все слышно лишь о царях и *их дружине*, о «генералах» Александра).

Ослабевший эллинский муниципальный мир, соединившись потом с грубой, неясной (неразвитой, вероятно) феодалностью македонян, дошел до мгновенного государственного единства при Филиппе⁴ и Александре и только тогда стал в силах распространять свою цивилизацию до самой Индии и внутренней Африки. *Опять-таки, значит, для наибольшего величия и силы оказалась нужной большая сложность формы – сопряжение аристократии с монархией.*

Цветущий период Рима надо считать, я полагаю, со времен Пунических войн⁵ до Антонинов⁶ приблизительно.

Именно в это время выработалась та муниципальная, избирательная диктатура, императорство, которое так долго дисциплинировало Рим и послужило еще потом и Византии.

То же самое мы видим и в европейских государствах.

Италия, возросшая на развалинах Рима, около эпохи Возрождения, и раньше всех других европейских государств, выработала свою государственную форму *в виде двух самых крайних антитез – с одной стороны, высшую централизацию в виде государственного папства, объединявшего весь католический мир далеко вне пределов Италии, с другой же – для самой себя, для Италии собственно, форму крайне децентрализованную, муниципально-аристократических малых государств, которые постоянно колебались между олигархией (Венеция и Генуя) и монархией (Неаполь, Тоскана и т.д.).*

Государственная форма, прирожденная Испании, стала ясна несколько позднее. *Это была монархия самодержавная и аристократическая, но провинциально мало сосредоточенная, снабженная местными и отчасти сословными*

¹ Поликрат (ум. в 522 до н.э.) – в 538 г. до н.э. установил тиранию на острове Самосе.

² Периандр (ум. в 586 до н.э.) – тиран Коринфа (приблизительно с 627 г. до н.э.).

³ Дионисий Сиракузский (ок. 430–367 до н.э.) – тиран Сиракуз (с 405 г. до н.э.).

⁴ Филипп II (382–336 до н.э.) – с 359 г. до н.э. регент, с 355 г. до н.э. – царь Македонии.

⁵ Пунические войны – общее название трех войн Рима против карфагенян (пунийцев): (264–241, 218–201, 149–146 гг. до н.э.).

⁶ Антонины – династия римских императоров, основанная Антонином Пием (император с 138 г.), существовала до 192 г.

вольностями и привилегиями, нечто среднее между Италией и Францией. Эпоха Карла V¹ и Филиппа II² есть эпоха цвета.

Государственная форма, свойственная Франции, была в высшей степени централизованная, крайне сословная, но самодержавная монархия. Эта форма выяснялась постепенно при Людовике XI³, Франциске I⁴, Ришелье⁵ и Людовике XIV; исказилась она в [17]89-м году.

Государственная форма Англии была (и отчасти есть до сих пор) ограниченная, менее Франции вначале сословная, децентрализованная монархия, или, как другие говорят, аристократическая республика с наследственным президентом. Эта форма выразилась почти одновременно с французской при Генрихе VIII, Елизавете⁶ и Вильгельме Оранском⁷.

Государственная форма Германии была (до Наполеона I и до годов [18]48 и [18]71) следующая: союз государств небольших, отдельных, сословных, более или менее самодержавных, с избранным императором-сюзереном (не муниципального, а феодального происхождения).

Все эти, уже выработанные ясно формы начали постепенно меняться у одних с XVIII столетия, у других в XIX веке. Во всех открылся эгалитарный и либеральный процесс.

Можно верить, что польза есть от этого какая-нибудь, общая для Вселенной, но уже никак не для долгого сохранения самих этих отдельных государственных миров.

Реакция не потому не права, что она не видит истины, нет! Реакция везде *чувствует эмпирически истину*; но отдельные ячейки, волокна, ткани и члены организма стали сильнее в своих эгалитарных порывах, чем власть внутренней организующей деспотической идеи!

Атомы шара не хотят более составлять шар! Ячейки и волокна надрубленного и высыхающего дерева – *здесь горят, там сохнут*, там гниют, *везде смешиваются*, восхваляя *простоту грядущей*, новой организации и не замечая, что это *смещение* есть ужасный момент перехода к *неорганической простоте* свободной воды, безжизненного праха, не кристаллизованной, растаявшей или растолченной соли!

До времен Цезаря⁸, Августа⁹, св. Константина¹⁰, Франциска I, Людовика XIV,

¹ Карл V (1500–1558) – император Священной Римской империи (в 1519–1556 гг.), испанский король Карлос I (в 1516–1556 гг.).

² Филипп II (1527–1598) – испанский король (с 1556 г.).

³ Людовик XI (1423–1483) – французский король (с 1461 г.).

⁴ Франциск I (1494–1547) – французский король (с 1515 г.).

⁵ Ришелье, Арман-Жан дю Плесси (1585–1642) – герцог, кардинал (с 1622 г.), французский государственный деятель, первый министр при Людовике XIII (с 1624 г.).

⁶ Елизавета I (1533–1603) – английская королева (с 1558 г.).

⁷ Вильгельм III Оранский (1650–1702) – правитель Нидерландов, король Англии (с 1689 г.).

⁸ Цезарь Гай Юлий (100–44 до н.э.) – римский политический деятель и полководец, пожизненный диктатор (с 48 г. до н.э.); был удостоен титулов «император» и «отец отечества».

⁹ Август (63 до н.э. – 14 н.э.) – римский император (с 27 г. до н.э.).

¹⁰ Константин I Великий (ок. 285–337) – римский император (с 306 г.).

Вильгельма Оранского, Питта¹, Фридриха II², Перикла, до Кира³, или Дария Гистаспа⁴ и т.п. *все прогрессисты правы, все охранители не правы*. Прогрессисты тогда ведут нацию и государство к цветению и росту. Охранители тогда ошибочно не верят ни в рост, ни в цветение или не любят этого цветения и роста, не понимают их.

После цветущей и сложной эпохи, как только начинается процесс вторичного упрощения и *смещения* контуров, т.е. большое однообразие областей, смешение сословий, подвижность и шаткость властей, принижение религии, сходство воспитания и т.п., как только деспотизм формологического процесса слабеет, так *в смысле государственного блага все прогрессисты становятся не правы в теории, хотя и торжествуют на практике*. Они не правы в теории; ибо, думая исправлять, они разрушают; они торжествуют на практике, ибо идут легко по течению, стремятся по наклонной плоскости. Они торжествуют, они имеют громкий успех.

Все охранители и друзья реакции правы, напротив, в теории, когда начнется процесс вторичного упрощительного смещения; ибо они хотят лечить и укреплять организм. Не их вина, что они ненадолго торжествуют; не их вина, что нация не умеет уже выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой в недрах ее!

Они все-таки делают свой долг и, сколько могут, замедляют разложение, возвращая нацию, иногда и насильственно, к культуре создавшей ее государственности.

До дня цветения лучше быть парусом или паровым котлом; после этого невозвратного дня достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся вниз под крутую гору, стремящихся нередко наивно, добросовестно, при кликах торжества и с распущенными знаменами надежд, до тех пор, пока какой-нибудь Седан⁵, Херонея⁶, Арбеллы⁷, какой-нибудь Аларих⁸, Магомет II⁹ или зажженный петролеем и взорванный динамитом Париж не откроют им глаза на настоящее положение дел.

¹ Под этим именем в английской истории известны два политических деятеля: Питт Уильям Старший, граф Чатам (1708–1778) – премьер-министр в 1766–1768 гг. и его сын – Питт Уильям Младший (1759–1806), премьер-министр в 1783–1801, 1804–1806 гг.

² Фридрих II Великий (1712–1786) – прусский король (с 1740 г.).

³ Кир I, сын Камбиса (558–529 до н.э.) – первый царь из династии Ахеменидов (правил с 558 г. до н.э.), основатель персидской державы.

⁴ Дарий I, сын Гистаспа, Ахеменид (549–486 до н.э.) – персидский царь (с 522 г. до н.э.).

⁵ Город во Франции; здесь 1 сентября 1870 г. была разгромлена немцами французская армия; находившийся в городской крепости Наполеон III объявил себя военнопленным; 2 сентября была подписана капитуляция. Этим небывалым в военной истории поражением был положен конец Второй империи; 4 сентября в Париже была провозглашена республика (прим. изд. 1988 г.).

⁶ Город в древней Беотии; здесь в 338 г. до н.э. произошла битва, решившая судьбу Греции, чья союзная армия была разгромлена македонским войском (прим. изд. 1988 г.).

⁷ Город в Малой Азии; недалеко от него 13 октября 331 г. до н.э. Александр Македонский одержал знаменную победу над персидским войском Дария Кодомана. Эта победа решила судьбу персидской монархии, которая подпала под власть Александра (прим. изд. 1988 г.).

⁸ Аларих I (ок. 370–410) – король вестготов (с 395 г.), разграбивший Рим в 410 г.

⁹ Мехмет II (1432–1481) – турецкий султан (с 1451 г.).

Я предвижу еще одно возражение: я знаю, мне могут сказать, что пред концом культурной жизни и пред политическим падением государств заметнее *смешение*, чем *упрощение*. И в древности, и теперь. Но, во-первых, самое смешение есть уже своего рода упрощение картины, упрощение юридической ткани и бытовой узорности. Смешение всех цветов ведет к серому или белому. А главное основание вот где. Я спрашиваю: просты ли нынешние копты, потомки египтян или арабы Сирии? Просты ли были *pagani*¹, сельские идолопоклонники, которые держались еще после падения и исчезновения эллино-римской религиозности и культуры в высших слоях общества? Просты ли были христиане-греки под турецким игмом до восстания 20-х годов? Просты ли гебры, остатки огнепоклонников культурного персо-мидийского мира?

Конечно, все перечисленные люди, общины и народные остатки *несравненно проще, чем были люди, общины, нации в эпоху цвета* Египта, калифата, греко-римской цивилизации, чем персы во времена Дария Гистаспа или византийцы во времена Иоанна Златоуста². Люди проще лично, по мыслям, вкусам, по несложности сознания и потребностей; общины и целые национальные или религиозные остатки проще потому, что люди в их среде *все очень сходны и равны между собою*. Итак, *прежде смешение и некоторая степень вторичного принижения* (то есть *количественное упрощение*), потом *смерть своеобразной культуры в высших слоях или гибель государства и, наконец, переживающая свою государственность вторичная простота национальных и религиозных остатков*. Теперь (в XIX веке) эту *болезнь предсмертную* хотят считать идеалом *гигиены* будущего! Идеал Прудонов³ и Кабе – полнейшее *однообразие* людей по положению, по воспитанию, и т.д., – чего же *проще* по идеалу?

*Извлечение публикуется по изданию:
Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство.
Философская и политическая публицистика.
Духовная проза. (1872–1891).
М., 1998. С. 129–134.*

¹ Язычники (*лат.*).

² Иоанн Златоуст (344/354–407) – византийский церковный деятель, проповедник, епископ Константинопольский.

³ Прудон Пьер Жозеф (1809–1865) – французский публицист, экономист, один из родоначальников анархизма.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ КАВЕЛИН

МЫСЛИ О ВЫБОРНОМ НАЧАЛЕ

1876 г.

Вопрос о представительстве у нас один из самых старинных. Многим это покажется невероятным, но факты говорят в пользу такого мнения. Есть указание, что о представительстве думали Петр Великий и император Александр I; а обстоятельства, сопровождавшие вступление на престол Анны Ивановны, и ряд внутренних событий в русском государстве, начиная с царствования императрицы Екатерины II до нашего времени, доказывает, что оно давно уже занимает и русское общество. Интерес к этому вопросу постепенно усиливался. Теперь (1876) он у всех в уме и на устах, как после Крымской войны¹ и отмены крепостного права. Большинство образованного русского общества в столицах и провинции убеждено, что только в представительстве заключается верное средство против разных наших общественных недугов.

Единомыслие по этому предмету, как и по многим другим, есть, впрочем, только кажущееся. Оно тотчас же разлетится в прах, как только мы попробуем точнее определить, какое именно представительство и с каким характером оно, по мнению большинства публики, желательно. Оказывается, что русские государи и разные слои русского общества понимали его совсем иначе; что в разные эпохи взгляды на представительство существенно изменялись; что и теперь в разных кружках русского общества его понимают далеко не одинаково, несмотря на то, что интерес к вопросу значительно усилился и занимает гораздо больше умы, чем когда-либо прежде.

Взгляды на представительство у нас в настоящее время до того различны, противоречивы и сбивчивы, что оно больше служит поводом к разногласию, чем к сближению и соединению мнений. Причины, почему это так, должно искать в том, что вопрос этот не обсуждался гласно, в печати и, следовательно, не мог быть рассмотрен со всех сторон. Каждый решает его так или иначе, про себя, как умеет; а знаниями и практической опытностью в общественных делах мы, вообще говоря, не особенно богаты: от того у нас и не могло образоваться ясного, определенного взгляда на этот предмет. При таких условиях обязанность каждого с полной правдивостью высказать свои мысли об этом вопросе. Только тогда он созреет в нашем сознании, и устранятся ошибочные воззрения, которые его затемняют и запутывают.

¹ Крымская война (Восточная война) 1853–1856 гг. Началась как русско-турецкая. С февраля 1854 г. Турция действовала в союзе с Великобританией, Францией, Сардинским королевством (с 1855 г.).

I

Что такое представительство по своему существу, помимо ближайших применений и осложнений, с какими оно является в действительной жизни? – вот что необходимо установить прежде всего.

Слово «представительство» имеет несколько различных значений, которые обозначают различные оттенки одного и того же понятия. В ежедневном разговоре оно выражает образцовое совершенство в том или другом роде. Называя кого-нибудь представителем эпохи, школы, направления и т.п., мы этим выражаем, что он соединяет в себе или в своих произведениях все характеристические отличительные черты эпохи, школы и т.п.; что он или его произведения – лучший образец, совершеннейший экземпляр в своем роде. В этом понятии уже заключается, что такое-то лицо, автор, мастер и т.п., как совершеннейший образец, заменяет своими произведениями все прочее того же рода, *представляет* их собой.

То, что в ежедневной жизни есть взгляд, оценка, суждение, то в области юридических отношений становится правами и обязанностями. Представитель в юридическом смысле есть тот, кто имеет право от имени другого что-либо требовать или обязан за другого исполнить предъявленные законные требования. Так, уполномоченный, поверенный в качестве представителя истца или ответчика имеет право предъявлять его иск или отвечать за него в суде; так, управляющий домом или приказчик имения, получивший доверенность от домохозяина или землевладельца, вступает вместо него в договоры и сделки; к нему вместо хозяина предъявляются требования по имению или дому, он получает за хозяина платежи и т.п. Более подробное рассмотрение последствий такого рода отношений покажет, что значит представительство в делах частных, касающихся имущественных интересов.

Уполномоченный заступает перед посторонними лицами место известного лица, разумеется, только в той мере, как он к тому уполномочен. Из такого заступления возникают сложные юридические отношения, т.е. права и обязанности. Во-первых, действия представителя, когда он не выходит из границ полномочия, почитаются за действия того лица, место которого он заступает. Если этими действиями создаются или приобретаются права, то они принадлежат не представителю, а представляемому лицу. Точно так же, если действиями уполномоченного создаются или принимаются обязанности, то они падают на представляемое лицо, а не на его представителя, их несет первый, а не последний; во-вторых, если представитель преступил в своих действиях границы полномочия, то за такие действия он отвечает сам, т.е. юридические последствия, возникающие из таких действий, падают не на то лицо, чье место он заступает, а на него самого; наконец, в-третьих, если представитель, не преступая границ своего полномочия, действовал в ущерб и вред лица, место которого заступил, т.е. или упустил его выгоды и пользы, или создал для него обязанности, которых не должен был создавать или мог не принимать, то отвечает пред лицом, которое представлял, за весь ущерб или вред, ему нанесенный.

Таким образом, представительство, перенесенное на юридическую почву,

разлагается на ряд сложных юридических отношений, т.е. прав и обязанностей, в которых удерживается, хотя в измененном виде, то же понятие о представительстве, на которое указано выше, а именно: одно лицо заступает место другого, причем предполагается, что оно будет действовать в его интересах наилучшим образом.

Тот же характер и значение имеет представительство и в заведовании делами сословия, корпорации и обществ, юридических лиц с личным характером и реальных, частных и публичных учреждений, благотворительных, учебных, ученых и т.п., общества, сословия, корпорации и учреждения имеют надобность для ведения своих дел в представительстве. Собрание людей не может действовать само, непосредственно, во всех делах; учреждения – больницы, богадельни, учебные и ученые заведения, – как лица воображаемые, должны по необходимости быть представляемы живыми людьми.

Представители в том и другом случае имеют двойное назначение: они, во-первых, заправляют делами обществ и учреждений в пределах полномочия, которым облечены, и, во-вторых, представляют эти общества и учреждения перед всеми прочими лицами, действительными или фиктивными.

По мере того, как мы поднимаемся из частной жизни к жизни общественной и государственной, представительство, в изложенном смысле, появляется все чаще и чаще; наконец, непосредственно за себя действующие живые лица совершенно исчезают; остаются только представители отвлеченных начал и воображаемых, фиктивных лиц. Рядом с тем представительство получает обязательный характер и становится независимым от частного усмотрения и произвола. Это и естественно. В общественной и государственной сфере действуют уже не непосредственные лица, а принципы, начала, представляемые живыми людьми. В государственном управлении, областном и центральном, все совершается чрез представителей. Каждое должностное лицо не только представляет должность, сан, в которые облечен, но и ту власть, которой подчинен в порядке правительственной и служебной иерархии. Каждый чиновник действует в делах управления не своим лицом, а во имя должности, которую занимает; каждый есть в то же время орган власти и в этом смысле ее представитель.

II

Сказанное известно всем и каждому и составляет азбуку в учении о представительстве вообще. Мы только потому сочли необходимым освежить в памяти читателей эти элементарные понятия, что в наших разговорах под представительством почти всегда подразумевается только один из многих его видов, именно, представительство государственное, и притом только выборное. Рассуждая о нем, мы редко обращаем должное внимание на те видоизменения, которым представительство подвергается, становясь государственным учреждением, и, сами того не замечая, подводим последнее под начало первого. Постараемся в немногих словах пояснить, к каким ошибкам это ведет.

В частной жизни, в устройстве обществ, корпораций и общественных сою-

зов, образовавшихся по свободному почину частных людей, формы юридических отношений и порядок общежития определяются доброй волей и взаимным соглашением заинтересованных лиц. Целые государства основаны и устроены на таких началах, например, Северо-Американские Соединенные Штаты, зерном и прототипом которых были свободные союзы сектантов, выселившихся в Новый Свет. Вообще добровольные выселенцы в новые страны вдалеке от отечества все-го чаще устраивались по типу свободных ассоциаций, в которых на первом плане стоит личная инициатива и добровольное соглашение.

Рядом с этими элементами общественного и государственного быта существуют другие, определяющие формы общежития и государственное устройство помимо усмотрения частных лиц. Везде и всюду, даже в государствах, возникших из свободных ассоциаций, религия, национальность, территория, отношения к соседним народам и державам, наконец, разные обстоятельства и случайности и установившиеся под влиянием этих данных, вследствие продолжительной оседлости на одних местах, предания и нравы, образуют тот не зависящий от воли отдельных лиц элемент, которого они не могут не признавать, с которым волей-неволей должны считаться. Смотреть на этот элемент только как на исторический, преходящий, невозможно; он входит в жизнь государств как постоянное физиологическое условие, хотя и изменяется в своих формах. Такие его изменения всегда результат продолжительного и притом совокупного действия всех элементов народной и государственной жизни, а не одного желания и усилия лиц, входящих в состав государства. Этот не зависящий от личного произвола элемент лежит, как мы сказали, в самих условиях устроенного общежития и играет огромную роковую роль в определении формы и устройства не только государственного, но и частного быта. Под его влиянием как в публичное, так и в частное представительство вносятся новые условия, существенно изменяющие его значение.

Мы видели, что в частном быту, в устройстве добровольных обществ, союзов и корпораций представительство зависит от усмотрения и произвола частных людей; но в известных случаях при известных обстоятельствах оно устанавливается и тут помимо воли лиц, силою закона и распоряжением правительства, с подчинением действий представителя правительственному контролю. Так, над малолетними, слабоумными и умалишенными, в особенности когда они сироты, устанавливается опека, и опекуны суть обязательные представители лиц, состоящих под опекуном. Так, многие учреждения, имеющие характер юридических лиц, находятся в заведовании органов правительства, которые их представляют.

Особенно обширное применение имеет недобровольное, обязательное представительство в жизни государства и в правительственной организации. Как сказано выше, всякий сан, всякая должность, всякая власть, от главы государства до низшего чина, представляются живыми лицами, из которых наибольшая часть суть представители не по воле и усмотрению частных людей, а по закону или назначению высшей власти. Вместе взятые, они образуют правительственную организацию, которая представляет государство в делах внутренних и внешних. Представительство этого рода существенно отличается от частного. Государственное устройство, политические формы – произведение не одной воли

и деятельности лиц, но вместе, как мы видели, и множества других условий, не зависящих от личного произвола.

Уже по одному этому начала частного представительства неприменимы вполне к государственному быту. Но есть этому, кроме того, и другая, более глубокая причина. Как только мы из сферы частной жизни и частных интересов подыдемся в сферу организованной общественности, а тем более в высшую ее форму, в жизнь государства, мы имеем уже дело не с отдельными лицами, а с отвлеченными началами. Здесь лицо в непосредственном своем значении уже не существует и является лишь как выражение того или другого начала, той или другой государственной функции. Этим объясняется, почему все попытки перенести в государственную жизнь начала частного представительства оказывались неудачными; почему нигде и никогда они не могли быть выдержаны вполне в государственном устройстве. Так, выбор представителей решается большинством, приговору которого меньшинство должно подчиниться. Это начало пришлось принять даже в уставы акционерных компаний, несмотря на то, что оно противоречит коренному условию прав частных лиц. Теперь стараются придумать такую комбинацию, которая бы обеспечивала меньшинству свое представительство в государственном устройстве. Такие комбинации, если бы они и удались, приблизили бы несколько публичное представительство к частному, но далеко не сделали бы их тождественными. Далее: в старину инструкции (*cahiers*) избирателей своим уполномоченным были для последних обязательны и этим сближали частное представительство с публичным; но в самом начале первой французской революции обязательный характер инструкций объявлен не совместимым с государственным представительством. Эти факты доказывают, что представительство частное, перенесенное в государственную жизнь, не может удержать своего характера. Мы видим это даже на республиках, где представительство положено в основание государственного устройства; что же сказать о государствах, в которых частный почин не имеет никакого участия в установлении государственных форм и где весь правительственный механизм существует в силу закона и государственной власти? Относительно таких государств единственно возникают вопросы: может ли у них рядом с данным государственным представительством существовать основанное на выборе? Есть ли в последнем виде представительства существенная надобность? Наконец, если такое представительство возможно и нужно, то в каких отношениях должно оно находиться к данной правительственной организации? Эти вопросы необходимо рассмотреть.

III

Многие убеждены, что выборное государственное представительство, рядом с данным правительственным механизмом, который тоже представляет государство, или положительно вредно, или, по крайней мере, совершенно излишне. Раз правительство есть, оно по силе своей непременно старается выработаться, приспособиться к нуждам страны и по возможности удовлетворять им – словом, стать в уровень с своим положением и задачами. Частные изъятия из этого общего пра-

вила были, есть и, без сомнения, всегда будут; но они неизбежны и не ослабляют общего правила. Всюду замечается постоянное совершенствование правительственного механизма, а это несомненно доказывает, что с развитием культуры и распространением просвещения представительство по закону и по назначению государственной власти может вполне удовлетворять всем потребностям государства. Живой тому пример администрация Пруссии до революции 1848 года. К чему же может послужить выборное представительство? Ничего не улучшая, не отвечая практической потребности, оно только осложнит и без того сложный правительственный состав и, вдобавок, искусственно возбудит трудный вопрос об отношениях этой ненужной приставки к существующей правительственной организации. Опыт почти всех государств показывает, что введение выборного представительства сопровождалось важными затруднениями, нередко народными волнениями, и много времени проходило, пока, наконец, этот бесполезный придаток прилаживался к правильному отправлению правительственных дел и становился по возможности безвредным.

Так рассуждают многие знающие и просвещенные люди, и было бы несправедливо приписывать их взгляд одной лишь отсталости или предубеждениям, внушенным теми или другими задними мыслями. Рассмотрим же, в какой мере они правы.

Противники выборного административного представительства особенно налегают на неудобства, трудности и опасности, неминуемые, по их мнению, при его установлении. Не умаляя важности этих опасений, мы позволим себе однако спросить: разве они не относятся в одинаковой мере ко всяким вообще существенным государственным преобразованиям, бывшим и будущим? Большие неудобства, трудности и своего рода опасности представляли и отмена винной откупной системы, и установление земского самоуправления, и судебная реформа, и введение всеобщей воинской повинности. Всего более неудобств, трудностей и серьезных опасностей представляла отмена крепостного права. Однако от того преобразования не остановились и совершены, конечно, с необходимыми во всяком важном деле осмотрительностью и осторожностью. Нам скажут, что иное и в них не было предусмотрено и рассчитано наперед; что вместе с дурным отменено и кое-что хорошее, о чем стоит пожалеть. Все это очень может быть, но вопрос в том, были ли преобразования необходимы и своевременны или без них можно было обойтись?

Если, как думает вместе с нами огромное большинство, они были необходимы и своевременны, удовлетворили настоятельным потребностям государства и народа, то некоторые их неудобства не могут идти в расчет, хотя бы и было доказано, что они отчасти неустранимы и обуславливаются самым свойством новых учреждений. Какой бы совершенный, образцовый порядок вещей ни существовал в стране, он непременно будет иметь свои слабые стороны; законодательство вынуждено силою вещей выбирать относительно лучшее, и если оно это делает, то исполняет свое назначение.

Итак, вся сила в том, нужно и полезно ли выборное государственное представительство, когда существует правильная государственная организация по

закону и назначению власти?

В ответ на этот вопрос мы не станем ссылаться на общественное мнение, ибо одни думают об этом предмете так, другие иначе. Поэтому обратимся лучше к истории – этому совершенно достоверному свидетелю в практических вопросах и беспристрастному посреднику в спорах между разными взглядами. Что же она говорит? Она самым определенным образом доказывает, что у всех древних и новых народов, в жизни которых замечается какое-нибудь движение и стремление к улучшению общественных и политических форм, рано или поздно непременно вводится в том или другом виде выборное государственное представительство, заменяя и исключая у одних народов существующую государственную организацию, у других только дополняя ее новым элементом. Это показывает, что введение выборного государственного представительства не есть прихоть отдельных личностей, а вызывается потребностями государственной жизни. Не будь их, и оно не было бы таким распространенным, всеобщим явлением. Стало быть, нельзя считать его излишним и бесполезным, а того менее вредным и опасным. Когда вопрос о нем становится на очередь в мнении образованных слоев общества, когда он делается предметом обсуждения и большинство мыслящих людей указывает на него как на действительное средство положить конец разным неустройствам в ходе государственных и общественных дел, то это служит несомненным признаком, что в жизни государства потребность в нем уже народилась. Остается объяснить, что ее вызывает и в чем именно она заключается.

Потребность в выборном представительстве вытекает из общих условий развития органической жизни. Во всяком организме, пока он живет и развивается, происходит постепенное расчленение его органов и отправления и постепенная выработка, возможное усовершенствование тех и других. Закон расчленения или дифференциации есть один из основных, коренных законов органической жизни, и то, что мы называем прогрессом, есть лишь неточное его название. В естественных науках он подмечен и исследован не только в жизни отдельных организмов, но и в развитии всей организованной жизни, от первых ее зачатков до высших проявлений, и навел исследователей на неожиданные и блестящие наблюдения и открытия. В каждом организме слитное, безразличное, бесформенное сначала, потом мало-помалу выделяется, получает свое определенное существование, свою особливую характеристическую форму и деятельность. Стоит сравнить зерно с развившимся из него растением, развитое животное высшей породы с его зародышем, организацию низших животных с организацией человека, чтобы удостовериться, какую важную роль закон расчленения играет в жизни организованной природы.

Тот же закон и с таким же значением не трудно подметить и проследить и в развитии организованного человеческого общежития. Каждое устроенное общество и государство есть тоже организм, составленный из живых людей. По мере того как он живет, он получает все более и более сложные и вместе с тем более и более определенные и выработанные формы. Чем общественный или государственный организм развитей, тем явственнее выступают все его органы, тем деятельность каждого из них заметнее обособляется от деятельности других. Как в

живом, развитом теле каждый орган, каждая точка живут, кроме общей, еще и своей особой жизнью, так и в развитом государственном организме.

В законе расчленения – источник полноты жизни, тонкости и выработанности органов и совершенства их деятельности, но в нем же и причина разных ненормальных, болезненных явлений и ослабления организма. Расчленение выражает стремление каждого организма, каждой составной части организма к обособлению и самостоятельной жизни и деятельности. Но, вырабатываясь и обособляясь более и более, они грозят, наконец, потерять между собою связь и начать жить только своею независимостью друг от друга жизнью. С наступлением полной их разрозненности, организм разрушается, и выделенные из него части, утратив значение и характер, какой имели в совокупности, в общей связи, становятся тем, чем по своей особенной природе могут быть вне организма. Вот почему для целостности и сохранности последнего необходимо, чтобы расчленение его органов и составных частей не переходило известных границ, чтобы связь их между собою и взаимодействие не прекращалось, чтобы ни одна составная часть и ни один орган, живя своею собственной жизнью, не переставали в то же время жить и общей жизнью всего организма.

Последствия чрезмерного расчленения можно наблюдать и в жизни обществ и государств. Эгоизм, равнодушие к общественным делам, крестьянские разделы, распадение общинного землевладения и все подобные им характерные явления суть факты расчленения и индивидуализации. Противопоставление правительства народу и народа правительству, сословные привилегии, обособление суда, казны, администрации, различных ведомств до забвения их единства и солидарности между собою и с тою средою, в которой призваны действовать; борьба сословий, церкви с государством и т.п. – суть последствия дифференциации органов и составных элементов государства, доведенной до прискорбных крайностей. В небольших и несложных обществах, где общность интересов и выгоды единения близки и понятны каждому, обособление редко, только в исключительных случаях принимает размеры, вредные для единства и целостности политического тела. В больших государствах, напротив, все ему благоприятствует. Непосредственное единение людей затрудняется обширностью территории, разноплеменностью, разномыслием населения и различием исторических судеб провинций; правительственный механизм по необходимости сложен и имеет многочисленный личный состав; ведомства, соответственно потребностям обширного государства и его управления, принимают большие размеры, что и способствует их выделению, обособлению и стремлению жить самостоятельной жизнью, превратиться в особые организмы, разобщенные от жизни страны и государства. Благодаря всем этим обстоятельствам, склонность к дифференциации обнаруживается с большею или меньшею силою не только в составных частях государства, но и в правительственной сфере между учреждениями и ведомствами, служащими органами государственной власти, следовательно, именно в тех сторонах государственной жизни, которые всего необходимее предохранить от излишеств расчленения, так как здесь-то оно и приносит наиболее вреда правильному развитию государственного организма. Чтоб умерить этот процесс, сначала везде прибегают к

различным административным мерам: учреждают многие инстанции, производят более или менее частые ревизии, устанавливают подробный контроль высших установлений над низшими, облачают первые огромной властью над последними и над должностными лицами, вводят сильную централизацию дел и т.п. Но все эти меры оказываются бессильными и только замедляют и запутывают ход правительственных дел, усложняя его лишними установлениями и должностями: остановить чрезмерное расчленение правительственного механизма они не в состоянии. Для этого есть только одно верное и действительное средство – установить живую, непосредственную связь между ним и общей жизнью государства. Таким средством является выборное государственное представительство. Оно, как кровь в теле, объединяет все составные части государственного организма, устанавливает между ними непрерывное взаимодействие, периодически обновляет государственный механизм притоком свежих сил и тем разлагает все вредные застои.

Таким образом, потребность в выборном государственном представительстве зарождается, если можно так выразиться, в физиологических условиях государственной жизни. Рост и развитие каждого государства, в особенности обширного, необходимо вызывают на очередь вопрос о представительстве. Он не есть признак ослабления или упадка, а служит признаком мощи и здоровья государственного тела, ибо появляется при правильном ходе государственной жизни, когда правительственный механизм вполне сложился и окончательно выработался.

IV

Выборное государственное представительство, как мы видели, предназначено в жизни государства ослаблять и умирять выделение и обособление его органов, составных частей и их отправлений. Мы говорим: правительство и народ, не всегда отдавая себе ясный отчет в том, что этими названиями мы обозначаем лишь две стороны одного и того же государственного организма, две расчлененные его функции. Выборное представительство, изменяющееся периодически в своем составе, устанавливая между ними прямой обмен, отнимает всякий повод к ложному и опасному мнению, будто между этими, теснейшим образом связанными сторонами, не мыслимыми одна без другой, может существовать противоположность. Представительство вносит в правительственный механизм живое, непосредственное знание тех потребностей, общих и местных, которые назрели в государстве в данное время и вместе знакомит частные лица, попавшие в число выборных представителей, с ходом государственных дел, с потребностями и условиями государственного механизма, далеко не похожими на требования и условия местной, корпоративной, сословной и частной жизни. Этим оно дает правительству желанную возможность для воспользования для разрешения своих задач и достижения своих целей лучшими силами и способностями страны, выказавшими на практике свою пригодность для ведения государственных дел. Эти драгоценные свойства делают выборное государственное представительство желанным для правительства и для всех, кому близки к сердцу польза

и благо страны.

На наше горе, установление выборного государственного представительства в его теперешних формах, начиная с конца XVIII столетия, почти во всех государствах континентальной Европы сопровождалось политическими волнениями, переворотами и ослаблением королевской власти. Отсюда заключают, что стеснение и ограничение данной, исторически сложившейся государственной власти и введение выборного государственного представительства находятся между собою в тесной органической связи, что одно явление неизбежно идет рука об руку с другим, обуславливая одно другое. Это существенно осложняет вопрос и затрудняет его практическое решение. Многие из тех, которые признают благотворные результаты выборного представительства, отворачиваются от него только из боязни политических смут и ослабления государственной власти.

Спрашивается: основано ли такое заключение на действительной причинной связи означенных двух явлений в жизни государств, или оно выведено из случайного совпадения в истории фактов, не имеющих между собою никакого отношения и ничего общего? О важности этого вопроса распространяться нечего: она очевидна с первого же взгляда.

Прежде чем попробуем решать этот вопрос, заметим одно: еще недавно точно такие же суждения произносились очень умными и просвещенными людьми о разных учреждениях, каковы веротерпимость, гражданская свобода низших классов, местное самоуправление, суд присяжных. О них тоже говорилось, что теперь думается о выборном государственном представительстве, и по той же самой причине: они тоже родились в эпохи народных волнений и государственных переворотов; следовательно, стоит их ввести, чтобы вызвать те же последствия. Ошибочность такого заключения доказана на деле реформами нынешнего царствования. Она заставляет с недоверием, критически относиться к опасностям и относительно выборного государственного представительства.

В этом недоверии укрепляет нас и справка с историей. Она удостоверяет, что разные виды выборного государственного представительства, как-то: Генеральные штаты во Франции, государственные чины в Германии, веча и земские соборы у нас существовали издавна, задолго до эры смут и переворотов, начавшейся с конца XVIII века, рядом с неограниченною властью главы государства. Значит, оба эти органа государственного устройства могут существовать одновременно везде, не сталкиваясь между собою, не исключая друг друга. Из этого следует, что мнение, будто выборное государственное представительство неминуемо должно стеснить и ограничить исторически образовавшуюся государственную власть, сложилось не по научной теории, а исключительно под влиянием европейских событий за последнее столетие. Здравая логика должна бы, казалось, привести к другому выводу. Если одно и то же учреждение в одном случае дает одни результаты, в другом – другие, то это прямо показывает, что разные в том и другом случае результаты происходят не от учреждения, а от других причин и условий, которые надо открыть и исследовать. К сожалению, мы в большинстве случаев рассуждаем и делаем заключения не по логике, а по непосредственным впечатлениям, не

давая себе труда их проверить. Давно ли г. Фадеев¹, много лет спустя после отмены крепостного права, выдавал наш русский простой народ за буйную чернь, готовую каждую минуту взорвать на воздух русское государство, и строил на этом свою печальной памяти теорию преобразований?

Вопреки очень распространенному мнению мы решаемся утверждать, что совпадение установления выборного государственного представительства в теперешних формах с политическими переворотами и умалением прав короны есть явление случайное, а не результат органической связи между тем и другим. Теория государственного устройства, господствующая теперь в Европе, основанная на противоположении правительства народу, на ограничении прав короны народными представителями и на уравнивании властей, не есть выражение нормальных условий политического быта, а возведение в принцип и систему восстания народа против исторически сложившейся государственной власти и междоусобной войны. Такие драмы и трагедии, к несчастью народов, иногда разыгрываются. Они, конечно, имеют свои причины; но их нельзя возводить в теорию, как нельзя считать нормальными чрезвычайные суды, военное положение и другие экстренные меры, вызываемые чрезвычайными обстоятельствами и исчезающие вместе с ними. Самодержавие народа, в противоположность правительственной власти, разделение власти между народом и правительством, ограничение его народными представителями – все эти начала конституционных монархий непонятны без исторического комментария. Выборное государственное представительство, напротив, – учреждение, как мы видели, старинное, вытекающее из существа государственной жизни, объясняемое ее общими законами и совершенно понятное без помощи исторических воспоминаний о недавнем прошлом европейских народов.

V

Европейские теории государственного быта, построенные на соглашении и уравнивании борющихся между собою элементов, служат наглядным доказательством, к чему ведет расчленение органов и составных частей государственного организма, когда оно переступает известные границы. Введение выборного государственного представительства посреди политических переворотов указывает не на причинную связь последних с первым, а совсем напротив, только подтверждает, что представительство есть самое лучшее, самое верное средство против чрезмерного выделения и обособления органов и элементов государственного организма. Осложнение выборного представительства политическими правами, стесняющими государственную власть, произошло только оттого, что в тот момент, когда, наконец, к несчастью, слишком поздно, европейские народы прибегли к представительству, или, говоря точнее, восстановили его, политический кризис и междоусобная война были в полном разгаре.

Чтобы пояснить нашу мысль, напомним факты, известные всем.

¹ Фадеев Р.А. (1824–1883) – генерал, автор книги «Вооруженные силы России» (1868 г.). Выступал в печати на внутриполитические темы. В 1874 г. опубликовал в газете «Русский мир» и отдельным изданием сочинение «Русское общество в настоящем и будущем».

Западноевропейские континентальные государства от самого основания и до конца минувшего столетия представляли внутри себя неорганизованные политически тела или единицы, а нагромождение сословий, корпораций, общин, учреждений, из которых каждая жила самостоятельной жизнью и стремилась господствовать над другими. Феодалные аристократии, рыцарские ордена, церковь, духовные власти и города – медленно и слабо объединялись королевской властью, которая долго была не в состоянии сдерживать вкуче, хотя бы только внешним образом, ползущие врозь элементы государства.

При таком положении вещей об органическом государственном единстве не было и не могло быть речи. Оно возникло впоследствии и было плодом долговременных усилий передовых умов и хода событий, который неудержимо вел к постепенному объединению разрозненных и отлученных друг от друга элементов. Неспетость их и господство одних над другими и произвели коренные перевороты, переменившие вид Европы.

С ними впервые государства стали органическими телами; сословия, корпорации, сплотились в это время в целое и из самостоятельных единиц обратились в члены и органы высших политических организаций. Тогда-то и родилось всеобщее выборное государственное представительство, заменившее собою сословное и корпоративное. Выходит, что создание новых форм выборного представительства совпало в Европе с укреплением и усилением государства и государственной власти, шло с ним рука об руку. Такое совпадение не было случайным и только подтверждает мысль, что выборное представительство есть могучее средство объединения, сплочения и усиления государства и государственной власти; только скользя по поверхности явлений и выводя исторические взгляды из хронологических сближений, можно утверждать, что представительство было во Франции в конце прошлого столетия причиною народных волнений, кровавого переворота, падения Бурбонов и королевской власти. Взрыв произошел от того, что перед началом революции разрозненность и обособленность общественных и государственных элементов и господство одних сословий и классов над другими достигли крайних своих пределов; стоит только прочесть Тэна¹, чтобы в этом убедиться. Это, а не выборное представительство ослабило королевскую власть и создало господствующие теперь в Европе начала государственного устройства.

Уроки истории – великое дело. Они источник политической мудрости, собрание опытов, которыми нельзя безнаказанно пренебрегать; но надо уметь делать исторические справки и выучиться понимать их; мы же, по примеру плохих чиновников, не даем себе труда пересмотреть весь архив, а берем на справку последнюю бумагу и из нее делаем посылки и заключения, которые оттого нам ничего не объясняют, а только спутывают наши понятия.

Одно и то же явление при различной обстановке и различных условиях имеет различное значение и разные последствия; одна и та же мера, принятая вовремя, при известных обстоятельствах, устраняет опасность; но та же мера, введенная слишком поздно, в половину, без ясного понимания ее назначения и действия,

¹ Тэн Ипполит (1828–1893) – французский литературовед, философ и историк. Автор книги «Происхождение общественного строя современной Франции» (1876–1884 гг.).

может совпасть с событиями, не имеющими с нею ничего общего. Поверхностные умы, пустоголовые обозреватели политических событий зачастую выводят из них заключения, прямо противоположные тому, что действительно было. Такими выводами переполнены до сих пор политические науки, еще не успевшие стать на почву положительных фактов и точных исследований; а мы, не давая себе труда критической проверки, пробавляемся по преданию непосредственными, наивными впечатлениями наших предков и по ним судим о нуждах и потребностях отечества.

Где, как не у нас, нет исторически, веками сложившихся застоев, где государственное единство не заслоняется, не затрудняется чрезмерным, уродливым расчленением и обособлением элементов, где нет политического господства одних сословий и классов над другими и, следовательно, нет накопления горючих материалов, готовых ежеминутно вспыхнуть, там выборное государственное представительство может только послужить к большему сосредоточению государственной жизни и деятельности и к усилению государственной власти.

VI

Таков, как мы думаем, правильный взгляд на государственную меру, на которую у нас смотрят с весьма различных точек зрения. В каком виде, в каких формах, с какими атрибутами и кругом деятельности возможно и желательно у нас выборное государственное представительство – это другой вопрос, которого мы здесь обсуждать не станем. Мы хотели только устранить наиболее у нас распространенные ошибочные воззрения на этот предмет, воззрения, глубоко искажающие его действительный смысл и назначение в государственной жизни, и по возможности способствовать правильному обсуждению этого вопроса в правительственных сферах и в публике.

Если мы и ошибаемся, то наша ошибка уже тем принесет пользу, что заставит глубже, относительно, многостороннее его обдумать. Так или иначе, мы должны, ставя этот вопрос, тщательно, критически проверить ходячие о нем мнения и доводы «за» и «против», не мудрствуя лукаво и остерегаясь всяких непосредственных наведений и аналогий из жизни и опыта других стран, так как в применении к нашему отечеству они в большинстве случаев крайне обманчивы. Наша жизнь развилась иначе, наша внутренняя история была иная, при других условиях создано у нас государство и государственная власть, чем в Европе. Не принимая этого в расчет, мы осуждены часто и грубо ошибаться в заключениях.

Такие заключения и выводы, сделанные на лету, нас всего больше пугают, мешают идти вперед и правильно развиваться. Как сказано, выборное государственное представительство весьма желательно для нашего отечества, и мы убеждены, что оно принесет у нас самые благие плоды, придав большую правильность правительственному механизму. Но эта мера принесет всю ожидаемую от нее пользу только в таком случае, если представительство будет установлено государственной властью не в виде особого органа, а в виде элемента, пополняющего состав государственных установлений; если будет служить выражением

не для тех или других частных, сословных или корпоративных интересов, а для общих и местных потребностей и нужд государства; наконец, если знанию, уму, таланту и практической опытности в служении государству будет отведено самое широкое место.

Только при таких условиях оно внесет в нашу общественную и государственную жизнь новое, живительное и плодотворное начало и подымет нашу правительственную деятельность, приемы и нравы на высоту, достойную великого исторического народа.

*Публикуется по изданию:
Кавелин К.Д. Собрание сочинений в 4-х томах.
Т. 2. СПб., 1898. Стлб. 907–926.*

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ГРАДОВСКИЙ

ЗАДАЧА РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

1879 г.

Primum discere, deinde vivere, denique philosophare.

*Cartesius*²

Через несколько дней начнется новый учебный год. Тысячи молодых людей соберутся в разные учебные центры. Независимо от занятий науками, начнутся жаркие беседы, споры «от зари до зари», составление планов на будущее, решение разных задач человечества. Все это всегда было. Каждый год румяный август собирал не менее румяную молодежь в разные центры, где она пребывала до теплых июньских дней. Всякий из таких сборов был похож на другой: в общем течении нашей общественной жизни он не составлял события, ни даже происшествия.

Но в течение последних лет август приобрел особенное значение. Прежде с наступлением его учащий и учащийся мир чувствовал, что пора кончить летний отдых да браться за работу – и только. Теперь начало «учебного года» возбуждает иные, более тревожные чувства, ставит очень серьезный вопрос. Его можно выразить в двух словах: *благополучно ли пройдет новый учебный год?* Каждый понимает, что хотим мы сказать. Каждый знает, что сердца родителей и тех, кто призван наставлять молодежь, болезненно сжимаются при мысли, что новый год, подобно всем последним годам, принесет с собою разные происшествия, имеющие часто своим последствием гибель многих десятков молодых людей.

Понятно, отчего сжимаются сердца родителей и наставников. Родители страшатся гибели своей надежды, своей опоры, того, на что положена была вся их любовь, все лучшие их чувства. Педагогический мир сознает свою тяжелую ответственность пред обществом. Он понимает, что родители вверяют ему своих детей *счетом* и имеют право получить их *счетом же*, «да не погибнет ни один от малых сих». И родители, и наставники понимают, наконец, что в лице гибнущей молодежи отечество лишается части своих живых сил.

Но как предупредить эти прискорбные происшествия и еще более прискорбный исход их? Задача в высшей степени сложная и требующая самых разнообразных средств. Нам кажется, что одним из таких средств может быть усиленное разъяснение молодежи ее задач, ее призвания как будущему элементу русского образованного общества.

¹ Статья была впервые опубликована в газете «Голос» 1 августа 1879 г.

² Прежде всего учиться, затем жить, а уж затем философствовать. Картезий [Декарт] (*лат.*).

Для этого необходимо, прежде всего, выяснить ее действительное положение, указать в этом положении такие стороны, которых молодежь, вероятно, сама не видит и не может видеть. Положение это определяется одним фактом, бьющим в глаза всякому опытному наблюдателю, но мало заметным тому, кто находится под его действием в качестве наковальни.

Вот в чем заключается этот факт. В странах, где политическая и общественная жизнь более развита, где все элементы общества обладают большими условиями и способностью самостоятельности, там всякая *агитация*, политическая и неполитическая, обращается непосредственно к таким элементам, на которые она желает опереться. Социалисты обращаются к рабочим массам, либералы – к буржуазии, консерваторы – к землевладельцам и другим консервативным классам и т.д. Во всяком случае, агитация обращается к людям взрослым, самостоятельным в гражданском и общественном отношении. Но она оставляет в стороне школу, не делает из учащегося юношества судьи политических принципов и направлений, не обращает его в орудие для своих целей. Молодые люди доучиваются спокойно и примыкают к разным партиям только по достижении совершеннолетия, сознательно и согласно сложившимся уже убеждениям.

У нас, при иных условиях, агитация всею своею силой обрушивается именно на школу, находит себе в восприимчивой и увлекающейся молодежи почву, какой она не может найти в других элементах нашего общества. Она обращает семнадцатилетних юношей в политических деятелей, возводит мальчиков на степень Марксов¹, Бебелей², Барбесов³, Робеспьеров и Мирабо. Не легко бороться с нею на этой почве, потому что агитация имеет здесь великого пособника: легко возбуждающееся самолюбие молодежи. Кого не увлечет роль коренного преобразователя родины, могучего политического деятеля, роль, которую притом можно взять на себя без всякой подготовки, без всякого опыта, без сложившегося характера и даже без полной силы разума?

Вот факт, над которым можно скорбеть, по поводу которого можно и должно негодовать, но который следует признавать во всей его печальной определенности. Он указывает каждому, имеющему прямое или косвенное отношение к судьбе молодого поколения, его задачи и даже средство к их выполнению; он определяет тяжущиеся стороны в великой тяжбе за молодежь, самое существо этой тяжбы и способы ее ведения. Для того, кто может действовать только духовным оружием – словом, и притом в ограниченных пределах школы, существо вопроса определяется следующим образом. Агитация старается вкоренить в молодежи мнение, что задача ее заключается в созидании нового общественного строя, покоящегося исключительно на элементах народных (крестьянство и рабочие). Поэтому она должна разорвать всякие связи с «обществом», как со скопищем «эксплуататоров», обреченных на гибель в день великого народного суда. Для устранения этих

¹ Маркс Карл (1818–1883) – основоположник коммунистического мировоззрения, названного его именем.

² Бебель Август (1840–1913) – деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей немецкой социал-демократии.

³ Барбес Арман (1809–1870) – французский революционер, один из руководителей тайных революционных обществ в 1830 г., активный участник революции 1848 г.

связей она должна сбросить с себя нравственный и материальный облик человека из общества: прочь старую, буржуазную науку, заковывающую ум человека в узкие формы сгнившей логики! Прочь нравы, обычаи, привычки «цивилизованного» общества! Прочь самая одежда его! Будущий реформатор должен обратиться в человека народного, усвоить себе его умственный склад, его нравы, его образ жизни и одежду. Тогда народ увидит в нем настоящего своего руководителя и пойдет за ним на дело всеобщего разрушения.

Действительно ли в этом состоит задача *учащейся* русской молодежи? Если да, то ей прежде всего следует перестать быть *учащеюся*, т.е. немедленно оставить учебные заведения с их мундирною, буржуазною наукою и броситься в народный океан. Иные так и поступают. Но мы обращаемся к тем, которые видят в учении дело, если не «серьезное», то, во всяком случае, такое, которое следует кончить, пробыв в учебном заведении определенное число лет.

На что уйдут эти годы? Что будет делать молодой человек в учебном заведении? Здесь возможны два выхода. Если он проникнется идеями и программю агитации, то он станет относиться к науке совершенно *формально*, смотреть на нее, как на необходимое зло, усваивать себе кое-какие сведения для благополучного прохождения экзаменов в ожидании того блаженного времени, когда ему можно будет взяться за «настоящее» дело. В результате получится неуч, пробежавший, так сказать, чрез учебное заведение, не вынесший из него ни сведений, ни привычки к труду, а потому неспособный ни к какому делу, кроме жалких и нелепых «протестов». Напротив, если он отнесется к учению, как к серьезному делу, то... Впрочем, бесполезно говорить, что из этого выйдет; бесполезно повторять азбучные истины, которые, заметим, вовсе не исчерпывают дела.

Речь идет не о похвале учению, не о развитии темы: «ученье свет, а неученье тьма», а о чем-то более важном. В данную минуту, когда все «учение» взято в подозрение, когда его стараются низвести на степень пустой и даже вредной забавы, необходимо дать молодежи, так сказать, *дерзость науки*, необходимо показать, что человек, желающий учиться, имеет священное, неотъемлемое *право* на учение, что он имеет право требовать, чтоб никто и ни под каким предлогом – хотя бы то был предлог народного благополучия – не отвлекал его от науки.

Нельзя не признать, что в этом отношении аргументация в пользу учения немного хромает. Она имеет в виду подействовать на такие струны молодой души, которые оказываются наименее отзывчивыми. Молодому человеку говорят: учишься, и ты устроишь свою личную судьбу; диплом откроет тебе дорогу ко всем профессиям и карьерам. Ничто не может быть недостаточнее, даже фальшивее такого аргумента. Он бьет на своекорыстие юноши, положим законное, но все-таки своекорыстие. Агитация выбьет этот аргумент из идеальной души юноши одним щелчком. Можно ли думать о своей личной судьбе, скажет она, когда миллионы братьев находятся в горе и нищете? Можно ли думать о своем личном благополучии, когда, *при современных условиях*, благо одного достигается на счет несчастий десятков других лиц? Не значит ли это готовить себя к роли эксплуататора? Что можно сказать против такой реплики? Но это не все. Призыв к личному благополучию не возбудит в молодой душе духовной, неуправляемой

жажды учения. Напротив, он обратит учение в какое-то экономическое предприятие, которое будущий карьерист постарается осуществить по экономическому же правилу: достигнуть наибольших результатов с наименьшими усилиями, т.е., в переводе, получить диплом с наименьшей затратой сил на «экзамены». Такие типы существуют во всех учебных заведениях; смеем думать, что они очень неприглядны и неспособны нравственно действовать на массу учащихся.

Второй аргумент: учись, сиди спокойно и ты избежешь всяких увлечений, столь губительных в настоящее время. Нечего доказывать, что он столь же несостоятелен, как и первый, если не больше. Первый обращается к чувству своекорыстия, второй – к чувству *страха*, т.е. к чувству, наиболее противному для молодой души. Этот второй аргумент достигнет результатов, прямо противоположных предполагаемой цели. Неученье, презрение к учебным работам, легкое обращение с наукой и ее представителями сделаются признаком молодечества, благородного и отважного настроения молодежи, готовности ее воспринять «высшие идеалы», распространяемые контрабандною печатью.

Третий аргумент, по-видимому, неизмеримо выше двух предыдущих. Если первые два бьют на личные чувства каждого, то последний обращается к их общественному чувству. Он гласит: учись и ты принесешь пользу обществу на поприще избранной тобою деятельности – как судья, как администратор, как земский деятель, как врач и т.д. Нечего говорить, что аргумент этот, при нормальном состоянии общества, при правильно установившихся воззрениях на общество и государство, неотразим, как сам здравый смысл. Но, к сожалению, действие его у нас и в наше время парализуется известными условиями. Во-первых, при данных условиях он построен на некоторой *petitio principii*¹. Мы говорим – учись, чтоб принести пользу обществу, действуя в той или другой профессии; но для доказательности нашего аргумента необходимо, чтоб молодой человек был *убежден* в правильности того общественного строя, в котором со временем ему придется действовать. Иначе, как он будет желать приносить пользу обществу, строй которого он ненавидит? Между тем «сторонние влияния» поселяют в нем ненависть не только к данному порядку вещей, но и ко всякому «порядку» вообще. С этой точки зрения, что же значит быть *хорошим* судьей, *хорошим* администратором и т.д.? Это значит *поддерживать* несимпатичный порядок, служить ему, скрашивать его, т.е. идти прямо против революционного правила – «чем хуже, тем лучше».

Еще одно обстоятельство, не зависимое от «пропаганды». Не должно забывать, что, при сравнительно низком культурном уровне России, самый запрос на образованных деятелей по разным поприщам довольно слаб. При самой доброй воле иногда довольно трудно доказать, что если молодой человек приобретет отличные сведения по той или иной отрасли, то он непременно будет и деятелем соответствующей профессии, что практическая жизнь непременно призовет его в качестве давно желанного гостя. Здесь не место распространяться об этом вопросе (давно уже поставленном нашею печатью), тем более что он выходит за пределы чисто школьных соображений. Но о нем не мешает подумать каждому, кому дороги судьбы «учения» в России.

¹ Предвосхищение основания (*лат.*).

Итак, аргументация на пользу учения, при данных условиях, должна идти дальше. Мы должны обобщить вопрос, обратиться к его идеальной стороне, наиболее близкой душе молодежи. Мы должны отбросить всякие соображения о «непосредственных пользах», личных и общественных, потому что эти пользы чужды уму молодежи, еще не знающей жизни с ее неотразимыми требованиями. На учение необходимо взглянуть со стороны его от общего культурного и общественного значения, посмотреть на него, как на самостоятельную и общую силу, независимо от приложения ее к отдельным профессиям и занятиям.

С этой точки зрения мы говорим: *задача учащейся молодежи состоит в увеличении объема русской интеллигенции*. Молодежь не должна бросаться в «народный океан», но должна увеличивать мыслящую, разумную и нравственную часть русского общества, потому что только здесь может она принести пользу и народу.

Ясно, что, с нашей точки зрения, задача молодежи прямо противоположна той, которая рекомендуется так называемую агитацией. Агитация рекомендует отречение от «ложной» культуры и превращение в народ. Мы рекомендуем проникновение началами этой культуры, проникновение полное, до мозга костей.

Постараемся доказать правильность нашего взгляда. Прежде всего приведем аргумент отрицательный. Возможно ли обращение человека, уже вкушившего учение, «в народ»? Когда Бакунин изрек этот лозунг, он, вероятно, не подозревал, какая нелепость в нем заключается. Обратиться в народ! Но как? Если действительно, то это значит усвоить себе его верования, его нравы, его взгляды на семью и на государство, на Бога, на иконы и святых угодников, на церковь и священника, на мир, на старшину и старосту, на вселенную, на луну, солнце и звезды, на грозу, на лес и поле. Этого ли вы хотите? Но как же это сделать, если вы «идете в народ» с глубочайшим убеждением, что все его взгляды дики и преисполнены «предрассудков», если вы обыкновенно не умеете сказать с мужиком ни одного слова, не оскорбив какого-нибудь задушевного его убеждения? Нет, в лозунге «идите в народ» кое-что не досказано. В нем есть один плюс, пройденный молчанием. Нужно было сказать, идите в народ с тем, чтоб *его обратить в себя*, пересоздать его по вашему образу и подобию; для этого примите его внешность: наденьте его скромную сермягу, возьмите в руки заступ, плуг, молот, топор, делайтесь кузнецами, плотниками, пахарями, фабричными. И вы пошли. Что же из этого вышло? Вышло или горе от «неразвитости» народа, или скорбное удивление, что он слушает полупьяного отставного солдата больше, чем вас, или, наконец, необходимость уверять себя и других, что народ живет вашими идеалами – идеалами пугачевщины и разинщины. Ведь вы сами знаете, что это не так. Нет, можно одеваться, как народ, голодать, как он, пить, как он, ругаться, как он, работать, как он, и все-таки не попасть в его святая святых, в его душу, наивную, но крепкую, закаленную вековым трудом, воспитанную в действительном горе и в настоящей, хотя и скромной жизни.

Предположим, однако, что вам удалось бы «сблизиться» с народом, что он принял бы вас как своих. Что могли бы вы ему дать? К чему стали бы вы взывать? Планов будущего устройства общества у вас нет, и вы сами говорите, что их не

нужно, потому что ваша задача – разрушение. Для целей «разрушения» вы, обойдя все нравственные понятия крестьянина, как они ни грубы, все благородные его чувства, как ни мало они развиты, вы воззвали бы, да и зывали уже, – к его страстям, к его кровавым инстинктам, к его зависти, мести, злобе. Убив человека, вы выпустили бы на свет Божий чудовище, кое-как сдерживаемое религией, нравами и духовными понятиями крестьянства. Что наделало бы это чудовище, можно предположить из того, что оно делало уже при разных обстоятельствах. Вы произвели бы даже не «революцию», а просто русский бунт, «бессмысленный и беспощадный», как говорил Пушкин.

Оставаясь на почве «народничества», вы не можете быть ничем другим, как *переряженными* агитаторами, не могущими дать народу ничего, кроме «пропаганды», т.е. воззвания к грубейшим и кровавейшим инстинктам человеческой природы, которыми не может быть создано «народное благо». *Вы можете принести пользу народу, только оставаясь самими собою*, т.е. частью русской интеллигенции, постепенно увеличивая число образованных, разумных и нравственных русских людей. Для того, чтобы слова наши были понятны, необходимо объяснить, что понимаем мы под словом «интеллигенция». Мы называем интеллигенцией совокупность таких умов, в которых, как в фокусе, сосредоточивается разумение всех потребностей целой страны, от верхнего ее слоя до нижнего, всех ее стремлений и задач, которые умеют дать разумную формулу всякому движению, указать исход всякому замешательству и нравственному влиянию которых подчиняются все действующие силы страны.

Мы не смешиваем интеллигенции с так называемым «обществом». Общества везде достаточно, и оно может быть весьма неинтеллигентно. В России, специально, «общества» предостаточно, а интеллигенции почти нет. Между тем всякая страна шла вперед постольку, поскольку в ней выработалась эта неуловимая, но всемогущая сила. Она является как бы душою общества. В средние века такою душою было духовенство. Не думайте, чтоб его влияние было построено исключительно на религиозном фанатизме масс, – нет! Загляните в эту кажущуюся глушь, и вы увидите «докторов», жадно изучающих тайны природы, вопросы политические, нравственные и экономические наряду с вопросами богословскими; сочинения их являются как бы энциклопедиями современного им знания. Они давали ответ на все вопросы, волновавшие ум и душу средневекового человека. Горожане, дворянство и прелаты, государи и папы прислушивались к тому, что говорил Альберт Великий¹ или Фома Аквинский², или Оккам³; их слова и писания находили отзвук во всех слоях общества, на высоте и долу; они давали направление умам и даже стремлениям человека и общества.

Настала очередь другой интеллигенции, постепенно сломившей средневековый порядок и положившей основание новому европейскому обществу. Вы

¹ Альберт Великий (Альберт фон Больштедт) (ок. 1193–1280) – монах-доминиканец, философ и богослов, представитель схоластики.

² Фома Аквинский (1225/1226–1274) – монах-доминиканец, философ и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики.

³ Оккам Уильям (ок. 1285–1349) – английский философ, логик и церковно-политический писатель, представитель поздней схоластики.

думаете, что эта роль досталась ей даром, что она добилась своих целей путем нехитрого «отрицания» так называемых «предрассудков»? Разверните историю и вы увидите, что это не так. Вы увидите, как интеллигенция, положившая начало новому умственному движению, впитала в себя всю философию, политическую литературу, право и поэзию древнего мира; как усилия гуманистов закрепили за Европой великий умственный капитал Греции и Рима, как потом началось приращение процентов на приобретенный капитал трудами Бэконов¹, Декартов, Лейбницев², Ньютонов³, Локков, Лапласов⁴, Лавуазье⁵ – целым легионом великих умов, благородных сердец и стойких характеров; как эти труды перерабатывали человека в его миросозерцаниях, в его понятиях и чувствах и постепенно обращали средневекового рыцаря и бюргера в гражданина современного государства. И никто из этих двигателей человечества не старался обратиться в «Жака Бонома»⁶, во французского или в немецкого крестьянина. Они возвышали его до себя, в этом полагали свою честь и действительно облагородили человека.

Думаете ли вы, что теперь, на Западе Европы, сила так называемого *общественного мнения* покоится исключительно на преобладании физической силы «масс» над правительственными учреждениями? Но «масса» обладала физической силою везде и во все времена; между тем она не представляла «мнения» в эпохи невежества. Физическая сила не дает мнения и не образует его. Значение общественного мнения зависит именно от количества интеллигенции, умеющей синтетически, так сказать, выразить стремления и понятия целого общества в данную минуту его развития. Она является центром, к которому тяготеют все стремления и интересы, где они находят свою гармонию и примирение. Интеллигенция не отождествляет себя ни с каким классом общества; поэтому ее и нельзя определить ни графически, ни юридически. Нельзя сказать, что она дворянство, или духовенство, или буржуазия. Это еще можно было сказать в средние века, когда духовенство было главным представителем духовной и умственной жизни общества. Да и тогда интеллигентная часть духовенства представляла интересы целого. Теперь, когда просвещение сделалось общим уделом, интеллигенция состоит из разных элементов, и тем шире ее стремления, тем полнее ее влияние. Она понимает и умеет выразить интересы крестьянина и фабричного рабочего точно так же, как интересы других, высших классов общества, и притом выразить их в гармонии, в соответствующей каждому интересу мере, в степени, согласной с благом целого. Она является и пружиной, и регулятором общественного движения, ведет общество вперед и не дает интересам одного восторжествовать над законными интересами других, не допускает подчинения общего блага частным пользам. От этого все слои общества считают представителей ин-

¹ Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ и политический деятель.

² Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий математик, философ-идеалист.

³ Ньютон Исаак (1642–1727) – английский физик, астроном и математик, основоположник классической механики.

⁴ Лаплас Пьер Симон (1749–1827) – французский астроном, математик, физик.

⁵ Лавуазье Антуан Лоран (1743–1794) – французский химик. Казнен.

⁶ Жак Боном – во французской литературе XIX в. ироничное название рядового обывателя, «простого человека».

телигенции одинаково своими, верят им, идут за ними. Англия шла за своими Питтами, Каннингами¹, Пилями², Гладстонами³, Италия за Кавурами⁴, Пруссия за Штейнами именно потому, что их слова и дела раздавались одинаково симпатично и в хижине бедняка, и в палатах богача, что эти слова и дела были настоящими сигналами примирения «интересов» и «партий», символами великого, всенародного братства.

Оглянитесь на Россию. В ней, как уже сказано, «общества» довольно, интеллигенции же почти нет. От этого мы и рассыпаны как песок морской, разбиты на сословия и классы, на города и сельские общества, на дворянство и духовенство, без всякого центра единения, без действительного понимания общественных целей и без умения вести какое бы ни было общественное дело. Русская земля жаждет, как хлеба насущного, настоящих *русских людей*, которые умели и хотели бы говорить и действовать за всю землю, в которых частные типы нашего общества – купца и мещанина, крестьянина и дворянина, духовного и разночинца – слились бы в цельный, всеобъемлющий тип мыслящего, нравственного, трудолюбивого и стойкого русского человека. Выработайте этот желанный, этот трижды благословенный тип! Не оставляйте родной земли беспомощною, живущею без разума и без нравственности! Мы живем без разума. Мы громко кричим о мировых задачах, на деле же мы не умеем учить и воспитывать детей, едва справляемся с нехитрыми земскими задачами, живем в нестерпимых условиях, даем водить себя за нос первому проходимцу-строителю или подрядчику, не имеем ни дорог, ни сносно устроенных жилищ.

Мы живем и без нравственности. В грубом, малопросвещенном обществе, разбитом на «группы», не сознающие своей взаимности, господствуют грубейшие материальные интересы, а при господстве их все считается дозволенным и прекрасным. «На то щука в море, чтоб карась не дремал». Вас справедливо возмущает жалкая участь обездоленных и погибающих. Но чем думаете вы пособить горю? Возбуждением самых зверских, самых кровожадных инстинктов в тех массах, которые вы сами желаете призвать к новой, лучшей и человеческой жизни.

Прекрасное зрелище представит родная страна! С одной стороны, отвратительное чавканье зверей, насыщающихся всеми способами, а с другой – грозный рев зверей голодных, раздраженных, разъяренных также всякими способами; в перспективе – всеобщее растерзание, какое мир видел в миниатюре в римских амфитеатрах... Нет, не будить зверя, а выгнать его, чтоб дать место человеку: не продолжать деморализацию общества, разжигая и поощряя животные инстинкты, а морализовать его – такова задача, налагаемая на вас Россией и действи-

¹ Каннинг Джордж (1770–1827) – английский государственный деятель, занимал различные посты в министерствах Питта (в 1796–1801, 1804–1806 гг.), министр иностранных дел (в 1807–1809, 1822–1827 гг.), премьер-министр (в 1827 г.).

² Пиль Роберт (1788–1850) – английский государственный деятель. Министр внутренних дел (в 1821–1827, 1828–1830 гг.), премьер-министр (в 1834–1835, 1841–1846 гг.). Способствовал принятию билля об эмансипации католиков (1829 г.), отмене «хлебных законов».

³ Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) – английский государственный деятель, премьер-министр (в 1868–1874, 1880–1885 гг.).

⁴ Кавур Камилло Бенто (1810–1861) – граф, итальянский государственный деятель. В 1851–1861 гг. (с небольшим перерывом в 1859 г.) премьер-министр Пьемонта.

тельными ползками русского народа.

Но вы не можете выполнить ее, не дав нашему обществу людей разумения и правды, которые пришли бы на смену типу ветхих людей, из которых составлено наше «общество». Этими людьми должны быть вы сами, потому что для вас открываются двери учебных заведений, вам даются средства плодотворной научной работы. Если вы не выполните этой задачи, кто же другой может ее выполнить? Каждый из вас есть величина, которая может прибавиться к небольшой пока сумме мыслящего, разумеющего и нравственного в России. Но эта величина может и не попасть в число «слагаемых», а, напротив, сделаться минусом, и не невинным арифметическим минусом, а отрицательной величиной из крови и мяса, из страстей и похотей, вносящей раздоры, вражду, насилие, убийство и хищничество в общество. Неучащееся поколение есть минус в народной жизни: не учась, оно губит себя, а губя себя, оно убавляет количество тех здоровых, деятельных сил, на которые каждое общество не только вправе, но обязано рассчитывать для своего успешного движения вперед. Какая реформа, какое новое учреждение, какое серьезное национальное предприятие осуществимы, если народ не будет иметь возможности рассчитывать, что для этих предприятий и учреждений найдутся люди, способные вести и поддерживать их не только в данную минуту, но и впоследствии?

Много и много лет на Руси раздается горькая жалоба: «людей нет». Заметьте себе, именно *людей* нет. «Принципов» и разных «идей» у нас очень довольно; но людей, в которых эти принципы и идеи воплотились бы, в которых они сделались бы второю натурой, получили бы плоть и кровь, т.е. действительную *жизнь*, – нет! Вот что печально и страшно. От этого у нас можно видеть консерваторов разрушающих, либералов, гнетущих ближнего, благородных «деятели» расхищающих. Хуже того – мы слышим песни труду, «святому труду», труду «возвышающему и облагораживающему», словом, труду, воспеваемому так, как воспевается пасха в Светлое Воскресение. Но люди трудящиеся отсутствуют, и всякое дело возбуждает к себе отвращение – точно труд и дело не одно и то же.

Давно уже Русская Земля тревожно ждет этого трудящегося, этого обновляющего родную страну поколения. Ждет она его, как спящая царевна ждала избавителя с живою водой. Ждет не дождется. Годы проходят за годами, и бог знает, когда покажется этот светлый обновитель. Пристально высматривает старуха-Россия желанного сына, как мать тревожно вглядывается в ряды возвращающихся из похода солдат. Не он ли? Нет, все не он – все чужие да ненужные, все не такие, чтоб ее успокоили, да хату починили, да в хозяйстве порядок завели, да от соседей оборонили. Жить ей, верно, одной, коротая с грехом пополам свой век в обиде да в тесноте... А пора бы какому-нибудь поколению и начать настоящее дело. «История не ждет опоздавших», как сказал знаменитый наш историк. И нас не будут ждать другие народы.

*Публикуется по изданию:
Градовский А.Д. Сочинения.
СПб., 2001. С. 474–484.*

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

О ЛИБЕРАЛИЗМЕ ВООБЩЕ¹

1880 г.

Варшава, 9 января

...Сегодня мы будем говорить о... принципе так называемого *либерализма*.

Мы говорим *либерализм* – просто, не прибавляя эпитета *русский*. Это преднамеренно и понятно.

Все созидающее, все охраняющее то, что раз создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличительный, противопологающий одну нацию другим... Все либеральное – бесцветно, общеразрушительно, бессодержательно в том смысле, что оно одинаково возможно везде.

Английский прежний, аристократический конституционализм – консервативен, ибо он возможен только в Англии и обособлен; во всех других государствах этот самый созданный Англией вид консерватизма принимает разрушительный характер, *ибо он демократизируется* по условиям исторической почвы. Охранение в странах католических иное, чем в нациях православных; консерватизм турок не похож на охранение буддистов; *но либерализм везде одинаково враждебен тем историческим началам, в дисциплине которых вырос тот или другой народ. Либерализм есть отрицание всякой крайности, даже и самой высокой, всякого стеснения, всякого стиля.* Он везде один, везде одинаково отрицателен, везде одинаково *разлагает* нацию *медленно и легально, но верно...* И чем честнее либерализм, чем он искреннее, чем неподкупнее, – тем вреднее. С такими либералами, которые ищут лишь в «мутной воде рыбу ловить», сладить легко. Но что делать с людьми, искренно верующими в те «великие принципы [17]89 года», которые теперь распространились везде и признаются аксиомой социальной жизни?..

Свобода! Освобождение!.. Но отчего и во имя чего? Во имя каких это новых созидających, то есть *стеснительных*, принципов? Христианство, например, способствуя столь сильно расторжению стеснительных уз древнего гебраизма², римской государственности, эллинских преданий и обычаев, предлагало миру новую дисциплину, новые несравненно более суровые стеснения.

Где подобные организующие (т.е. ограничивающие) задатки в современном космополитическом, равно всюду приложимом либерализме? Их нет, этих задатков!

Свобода для свободы, *habeas corpus* и т.п., свобода делать все, *кроме зла...* Но

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Варшавский дневник».

² Леонтьев имеет в виду весь культурно-религиозный мир ветхозаветного иудаизма (*прим. изд. 1988 г.*).

что такое зло – разве это так уж ясно?..

Законность?.. Но гражданский закон сам за собою не признает незыблемого характера религиозного догмата... Он меняется... И еще вопрос – лучше ли стали люди, выше, *полнее ли* прежнего с тех пор, как осторожное и «постепенное» выветривание и подмывание демократического прогресса разрушает все больше и больше великолепные здания религиозных и сословных государств?

Или, может быть, люди, утратив некоторые старые доблести, стали при новых порядках гораздо счастливее прежнего?

Нет! Они не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее, бездарнее; учение в массе, эта правда, но зато и глупее.

Ибо глупо, например, так слепо верить, как верит нынче большинство людей, по-европейски воспитанных, в нечто невозможное, в конечное царство правды и блага на земле, в мещанский и рабочий, серый и безличный земной рай, освещенный электрическими солнцами и разговаривающий посредством телефонов от Камчатки до мыса Доброй Надежды... Глупо и стыдно, даже людям, уважающим *реализм*, верить в такую *нереализуемую* вещь, как счастье человечества, даже и приблизительное... Смешно служить такому идеалу, несообразному ни с опытом истории, ни даже со всеми законами и примерами естествознания. Органическая природа живет разнообразием, антагонизмом и борьбой; она в этом антагонизме обретает единство и гармонию, а *не в плоском унисоне*. Если история есть лишь самое высшее проявление органической жизни на земле, то и тогда разумный реалист не должен быть ни демократом, ни прогрессистом в нынешнем смысле. Нелепо, оставаясь реалистом в геологии, физике, ботанике, внезапно перерождаться *на пороге социологии* в утилитарного мечтателя. Смешно, отвергая всякую положительную, ограничивающую нас *мистическую ортодоксию*, считая всякую подобную веру уделом наивности или отсталости, поклоняться *ортодоксии прогресса*, кумиру поступательного движения...

Нет никаких верных, *научных* данных на то, что это быстрое поступательное движение человечества, этот полет стремглав, без тормозов и парашютов, не есть безвозвратное падение в страшную бездну отчаяния...

Можно, пожалуй (при некоторой ограниченности ума и при слабости общих познаний), верить сердцем в спасительность эмансипационного прогресса, охватившего человечество с конца прошлого века, и можно *не верить* в пользу этого либерального прогресса. Но мы спрашиваем: где научный, точный критерий, который давал бы нам вполне надежные основы для подобной утешительной веры?

Их нет для темного и страшного грядущего; их нет и в настоящем.

В настоящем – гражданская равноправность и всеобщая юридическая свобода хотя и чрезвычайно велики во всей Европе и в Америке, сравнительно с веками феодализма, религиозных стеснений и рабства, но действительного, ощутительного, *субъективного*, так сказать, благоденствия или счастья – «равенство и свобода» эти не дали никому.

Явилось новое зло, распространились новые страдания, непредвиденные, неожиданные, неизвестные, страшные. Все человечество тоскует; оно «сучает»,

как «сучала», по словам Ламартина¹, либеральная (и только либеральная), мирная Франция Людовика Филиппа и Гизо. Люди, по мере развития эмансипационного прогресса, становятся везде впечатлительнее, требовательнее; претензий в толпе больше, но удовлетворить всем этим претензиям еще не найдено средств и, вероятно, не найдется.

В газетах и книгах всех стран мы беспрестанно видим слова: «благоденствие», «благо народа», «le bien-être matériel et moral de l'humanité»².

Но если не считать венцом блаженства быстроту сообщений, теплые вагоны, разные удобства и право, данное почти везде депутатам, мешать своим правительствам делать дело, то этого *настоящего* «le bien-être»³, выражающегося не во внешних только удобствах и не в одних правах на политическую болтовню, а во внутреннем более или менее сознательном довольстве судьбой, мы не видим нигде.

Разрушив все старое, подкопавшись под все прежние верования, демократический либерализм не дал взамен ничего созидającego и прочного... Ибо хотя вечного на земле нет ничего, но существуют явления сравнительно очень прочные. *Прочно же у людей именно то, что по существу своему противоречит демократической свободе* и тому индивидуализму, который она обуславливает. Смесь страха и любви – вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят... Смесь любви и страха в сердцах... священный ужас перед известными идеальными *пределами*; любящий страх перед некоторыми *лицами*; чувство искреннее, а не притворное только *для политики*; благоговение при виде даже одном *иных вещественных предметов*, при виде иконы, храма, утвари церковной...

Вот что созидает нации, вот что их единит, ведет к победам, славе и могуществу, *вот что задерживает их падение надолго даже и тогда, когда падение это вследствие развития демократического индивидуализма становится неотвратимым* в более или менее далеком будущем...

Но страха этого, страха *вольного* и принципиального не хотят либералы; они его считают несовместным с *достоинством* современного мещанина, и всякий, самый плачевный в своей демократической ограниченности, свободный швейцарский гражданин им кажется выше, чем император Феодосий Великий⁴, который в Милане не смел взойти в церковь, пока ему не разрешил этого святой Амвросий⁵...

Хорошо *достоинство*, которое поставило идеалом человечеству *современного европейского труженика средней руки... и только!*..

Жалкий идеал!.. Жалкие люди... И чем искреннее, чем честнее, чем убежденнее, тем они хуже и вреднее в своей наивной умеренности, в своей тихо и кротко разрушительной «постепеновщине!». Их неловко карать, преследовать, казнить...

¹ Ламартин Альфонс (1790–1869) – французский поэт, историк и политический деятель, в 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава Временного правительства.

² Материальное и моральное благосостояние человечества (*франц.*).

³ Благосостояние (*франц.*).

⁴ Феодосий I Великий (347–395) – римский император (с 379 г.).

⁵ Амвросий (333/334 или 339/340 – 397) – христианский святой, епископ Миланский.

Но в «легальной безопасности» своей они для будущего опаснее отъявленных злодеев, против которых у всякого государства есть меч, есть каторга, изгнание...

Но что делать с невинными и честными разрушителями?.. Как их убедить?..

Варшава, 10 января

Выстрел повивальной бабки Засулич был действительно роковым «выстрелом», как выразились тогда некоторые из органов петербургской печати (кажется, «Голос»). Он был сигналом поворота для многих; но поворот этот оказался противоположным тому, которого ожидали восхищенные поклонники преступницы, присвоившей себе право казнить заслуженных государственных деятелей. Борьба с тех пор стала открытой и беспощадной. Правительство было вынуждено, наконец, карать сурово отъявленных врагов государственного порядка.

Испуганные либералы стали осторожнее, многие из них готовы даже считать себя консерваторами только потому, что они враги преступных крайностей. Но (увы!) идеал их все тот же – идеал «постепенного» прогресса, т.е. легального шествия к невозможному *царству блага и всеобщей правды на земле...* Зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания его телу. Но вера либералов и мирных прогрессистов слепа. Иные из них, например, думают, что все было бы хорошо, если *б у нас, как везде, были конституция*: как будто бы в других странах конституция сделала людей добрее, умнее, честнее, здоровее и сытее!..

Другие жалуются на биржевую игру, на взятки в новой современной форме, на ошибки администрации, на бездеятельность того или другого земства, на «непроизводительные» затраты... на грубое господство денег... На что только не жалуются у нас люди!.. Но скажите этим «мирным» друзьям свободы и равенства, что все эти явления, возмущающие их «легальные» и европейские сердца, суть не что иное, как плоды того «общечеловеческого эмансипационного» прогресса, который они чтут столь ребячески и слепо, – они засмеются над вами или вознегодуют на вас. Они скажут: «Движение назад невозможно»... и успокоятся опять на том же, допуская, пожалуй, казни и всякие карательные меры против явных анархистов и убийц и вместе с тем продолжая бессознательно готовить почву будущего для их преступных действий. Подобного рода люди (а их, к несчастью, великое множество везде в наше время) похожи на дурно обученных или недобросовестных врачей, которые прижигают, режут и вообще лечат одними наружными средствами, не заботясь о внутреннем худосочии, производящем ужасающие язвы...

Наставники юношества, профессора и педагоги продолжают, вероятно, по-прежнему, как ни в чем не бывало, и без *необходимых оговорок*, колеблющих доверие к *самим основам человеческой науки*, толковать ученикам об *этих вещественных атомах*, которых в сущности, *вовсе нет и быть не может*, и с ранних пор парализуют метафизический полет молодого ума этою проповедью ложной атомистической теории. Ибо стоит только юноше сказать себе: «*Я не знаю, что такое вещество, и никогда не узнаю здесь на земле*», чтобы шаг за шагом, от со-

мнения в твердости и точности всех научных основ он бы скоро дошел до веры в *дух*, от веры в дух до веры в личного Бога, от веры в личного Бога до искания *форм* сношения с Ним, до *положительной религии*; от положительной религии до живого патриотизма, до «страха Божия», до *любви* к предрержащим властям; ибо истинное христианство учит, что *какова бы ни была, по личным немощам своим, земная иерархия, она есть отражение небесной*. «И ангелы не равны между собою», – говорит Церковь... Но атомистическая теория вещества, предлагаемая *не в виде только необходимой для реальных наук метафизической уловки, а в виде чего-то ясного и незыблемого*, спускает надолго, если не навсегда, перед мысленными очами молодого человека точно какую-то завесу, какую-то грубую ткань из маленьких черных точек, за которой он уже ничего далее не видит!

Конечно, материализм общего мирозерцания вовсе не должен бы влечь за собою неизбежно либеральных и прогрессивных воззрений на социальную жизнь.

Прямой и ясной логической связи нет между верою в Бюхнера¹ и верою в исправимость и счастье человечества, между поклонением одной *материи* и желанием поставить всех людей в одинаковое положение умеренного и равноправного благополучия. Были материалисты, которые ненавидели демократический прогресс и презирали его прозаические надежды. Но это были почти всегда люди высокого, изящного ума и обширных познаний, люди, до которых очень далеко не только большинству учащихся, но и многим из ученых (но вовсе не особенно умных) наставников их...

Прямой и положительной, логической нити нет, сказали мы, между материализмом и верою в прогресс; но есть (именно вследствие слабости и несвязности мысли у большинства людей) между ними какое-то историческое совпадение. Излишнее поклонение реальной науке влечет за собою чрезмерные надежды на всемогущество человеческого разума; а если разум всемогущ, то отчего же бы ему не довести людей на земле до возможного совершенства и счастья? Надо только, если *не вдруг и не насильем, то постепенно*, устранить все препятствия. Не надо штурма! Штурм не расчетлив, он *пробуждает уснувшую реакцию*, а нужен тихий, медленный, но верный подкоп.

Эгалитарная монархия лучше сословной, конституционное государство лучше абсолютного (где «живая воля, живая душа», по прекрасной мысли Гюгеля, стоит выше деревянного закона)... К тому же большинство везде не мыслит, а движется лишь каким-то смутным *подобием* мысли. Всякая идея тогда только и господствует, тогда только именно и правит событиями, когда она перешла почти в инстинкт.

Умеренный либерализм оттого так и силен в XIX веке, что большинство либеральничает так же полусознательно, как мужик полусознательно крестится и держит посты.

Но ни сила, ни успех – вовсе еще не искомая истина и вовсе не благо. И холера – сила, и адвокаты революционного стиля имеют у нас блестящий успех!.. Но ни в азиатской холере, ни в европейских речах каких-нибудь Александровых мы

¹ Бюхнер Людвиг (1824–1899) – немецкий врач, естествоиспытатель и философ-материалист.

не обязаны видеть ни блага, ни искомой истины.

«Так думает большинство»... Но большинство есть не что иное, как «собирательная бездарность», сказал прекрасно Дж. Ст. Милль, почитаемый сам за прогрессиста.

Еще одно обычное изречение этих *умеренных* людей: «Мы против всяких крайностей, против всякого насилия, сверху ли оно или снизу»...

Если это ваш личный темперамент, ваша кротость, ваша доброта, – мы готовы чтить эти прекрасные личные свойства; но не возводите, ради Бога, потребностей вашего сердца в государственный и общественный принцип.

Государство обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и безжалостным, потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно...

Вы возразите: «Что ж!.. Мы не мешаем карать и казнить нарушителей закона и порядка. Дайте нам только в частном покое и мирном труде *постепенно готовить будущее царство разума и правды*»...

Готовьте! Готовьте, честные граждане, готовьте будущее! Учите детей ваших роптать на власти, учите их тому, что прежде всего надо быть каким-то «честным человеком», а религию, например, может иметь всякий свою... Учите их не любить *никаких* крайностей, учите набожность звать ханжеством, возмущаться *религиозным фанатизмом*, преданность службе царской и почтение к начальству считать низкопоклонством... Пренебрегайте «en principe»¹ чинами, орденами... В земских собраниях играйте в легкую, но все-таки оставляющую следы свои на делах оппозицию...

Готовьте, готовьте будущее! Рассылайте по народным школам анатомические атласы, чтобы крестьянские дети, эти *граждане прекрасного грядущего*, узнали бы скорей, что *души у человека нет нигде*, а все одни *нервы и нервы*... (а если все нервы – то зачем идти на исповедь и слушаться станового?)... Беспокойтесь прежде всего о том, чтобы простолудин не думал, что «земля на трех китах стоит»... Это ведь такое преступление, такое несчастье, что *мужик на вас еще не совсем похож!*.. Спешите, спешите скорее снять с него его яркую и живописную рубашку и наденьте на него траурную, мрачную блузу или серую жакетку европейского «уврие»...

В судах по-прежнему старайтесь вести эту *наглядную* и иллюстрированную «пропаганду свободы». Мировые судьи! Сажайте в тюрьмы хозяек, обруганных горничными, как вы сделали с г-жою Энкен... Защитники юношей в политических процессах! Продолжайте говорить, что русским молодым людям можно потому простить *нигилистические заговоры, демонстрации и бунты*, что *у них нет другой героической поэзии*... (как будто не было и нет героической поэзии в наших кавказских битвах, в 12-м году, и теперь, в Туркестане и Болгарии, под царскими знаменами?!)..

Литераторы! Пишите, пишите, пишите больше... и все в том же духе! Продолжайте, русские граждане, ваш труд «легального, постепенного и мирного разрушения»...

¹ В принципе (*франц.*).

И что вам за дело до будущего?.. На ваш век, быть может, хватит еще одного либерализма, чтоб не впасть в те резкие крайности прогресса и реакции, которых вы так боитесь...

*Après vous le déluge!*¹...

Повторяем еще: если вы наивны, то вы жалкие люди, глупые люди, презренные люди! Если же вы лукавы, то вы гораздо вреднее и преступнее тех, которых вы сами теперь с испуга соглашаетесь казнить...

Тонкий, медленный, неотразимый яд страшнее железа и огня!

*Публикуется по изданию:
Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство.
Философская и политическая публицистика.
Духовная проза. (1872–1891).
М., 1998. С. 218–222.*

¹ После вас потоп (*франц.*).

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ БАЗИЛИ

БЕСЕДА О КОНСТИТУЦИИ И О ПРИМЕНЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ¹

1881 г.

Проявление народных чувств в неожиданное путешествие царской семьи на берегах Волги успокоило и ободрило наше общество. Теперь можем мы хладнокровно обсудить пройденный период грустных и удручающих впечатлений. В кругу мыслящих наблюдателей поколебалась вера в обновление наше, в исцеление наших недругов путем представительных форм по западному образцу. Я говорю о честной русской интеллигенции, которая за несколько лет пред сим увлекалась несбыточными мечтами, но ужасается теперь крайних результатов либеральной пропаганды, сделавшейся орудием нигилизма.

Я исключаю из ее рядов тех слепствующих, которые, соболезнуя народному горю и гнушаясь преступления, легшего черным пятном на историю нашего отечества, пребывают, однако, равнодушными к знамени времени. Этому разряду рьяных либералов скажу только словами незабвенного нашего Хомякова:

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!²

Предоставим времени и жизненному опыту раскрыть им очи. Сосредоточим внимание наше на ту часть благонамеренной интеллигенции нашего общества, которая с опрометчивостью, свойственною передовым деятелям славянского племени, не дала себе труда разглядеть те две перспективы, которые были нам указаны: с одной стороны, практическим либерализмом правительства, с другой – призраком западного конституционализма. Первая перспектива обозначалась снятием с нашего отечества *клейма рабского ига и черной неправды в судах*, земским и городским самоуправлением, в пробуждение наше *от лени мертвой и позорной*. То, о чем вздыхал наш вдохновенный поэт, которого призыв к покаянию мы только что повторили, было совершено Царем-Преобразователем. На

¹Цензурное разрешение от 21 сентября 1881 г.

²Из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1854 г.).

знамени его была начертана свобода, равенство пред законом, правда, умственное и материальное развитие народа. Все, что могло быть осуществлено в нашем отечестве самодержавною властью, свершилось по ее почину в двадцатипятилетнее царствование одного государя, без тех внутренних потрясений и кровавых испытаний, чрез которые прошли несколько поколений западного общества.

В другой перспективе стройные идеальные здания заслоняют от зрителя туманную даль, где под маскою свободы, со знаменем прогресса в руках заседает современный нигилизм и усердно подкапывает основы гражданственности, проповедуя прелести дикого быта человечества и всеразрушения. Многие зрители были обмануты миражами этой перспективы и ложью ее эмблем. Не подозревая, куда ведет она, благонамеренные патриоты уверовали в возможность применения к общегосударственному управлению империи тех представительных форм, которые были даны покойным императором нашему местному хозяйственному самоуправлению. В печати и в обществе прямо или иносказательно и намеками проводилась мысль о пользе, чуть ли не о необходимости применения к нашему отечеству в нынешний период социального и политического его развития конституционных форм Западной Европы или же восстановления земской думы времен княжеских и царских. Одни по происхождению принадлежат к разряду наших западников, другие – к славянофилам.

О способе практического применения народного представительства, о тех формах, в которых заключается самая суть его, речи не было ни в том, ни в другом кругу патриотов. Проповедуя идею абстрактную, по предмету, всего более требующему формы конкретной, наши западники упустили из виду коренные начала и основы русского политического общества, существенно иные, чем на западе Европы. По всему Западу основой политического общества было насилие и завоевание. Наша история начинается приговором свободного народа о призыве князя для введения порядка в его страну. Ни одна из ее страниц не написана борьбою народа за свои права против княжеской, или царской, или императорской власти, даже в те эпохи, когда проявлялась власть эта в самом суровом виде. Или же самобичевание наше провозгласит русское племя неспособным даже пожелать гражданских прав и за них бороться? Знаем, что таково убеждение иных западников, но все-таки считают они своим призванием излечить этот народный недуг.

Патриоты славянофилы, вздыхающие по всероссийской земской думе, упускают из виду, что Россия XIX века, империя с восьмидесятимиллионным многоплеменным народонаселением, вовсе не та, что Московское государство с восьмимиллионным одноплеменным почти народом от Архангельска до Украины. Правда, были искони на Руси и мордва, и чукши, и черемисы. Их вековой сон длится и поныне. Империя окаймлена сорокаmillionным иноплеменным населением, и в том числе народами, проникнутыми чувством самобытности. Их большинство не враждебно нам, пока они видят в русском императоре, в белом царе, самодержавного властелина, равно пекущегося о благе своих подданных от Мурманского поморья до верховьев Евфрата, и от Вислы до Гималая и до Тихого океана.

Случалось мне слышать от иных идеологов того же лагеря, что не было бы

большим несчастьем для России отказаться хотя бы от всех своих окраин и сосредоточить всю государственную деятельность на внутреннем развитии коренного русского племени. Отказалась же Англия от своих американских колоний без ущерба для себя и ко благу отпавших штатов. Сознают по здравому смыслу сами идеологи, что применение к русской империи конституционализма или Государственной думы, облеченной законодательной властью (которая, впрочем, вовсе не была присвоена московской думе, как подразумевают они), – сознают [ли] они, что такая коренная реформа повела бы неминуемо к распадению империи, а народ русский – к тому политическому значению, из которого двухвековой труд Петра и его преемников и потоки русской крови подняли нас на высоту первостепенного европейского и азиатского государства.

Такова перспектива наших филантропов-идеологов. Прежде всего исповедуют они космополитизм, заодно с нигилистами, для которых патриотическое чувство русского человека – устарелый предрассудок. Преданы они высшему идеалу – всечеловеческому благу. Да благоденствует русское племя само по себе, а также – польское, малороссийское, эстонское, финское, татарское, грузинское, армянское, румынское и все азиатские племена, каждое в своей Аркадии. Проповедь эта основана на теории о том, что небольшие политические общества управляются лучше, чем государства огромных размеров, и, следовательно, в них вернее достигается благосостояние. Швейцария, Германия и Италия средневекового периода служили бы идеалом этой проповеди. Ее последователи упускают из виду, что великорусское сорокамиллионное племя, которого история от XVII века и до наших дней исписана геройскими завоевательными подвигами, не может отказаться от своих славных преданий! Мыслимо ли, не скажем государственное, но даже народное развитие в пределах края, населенного этим племенем? Не прихоть народная или царская направила земледельческое и миролюбивое русское племя на завоевания, когда пробил урочный час политического и социального его развития, но тот исторический закон, которому современная наука дала имя *борьбы за существование* в физическом мире. На основании этого закона, скрепленного историею всех веков и всех народов, нельзя усомниться в том, что если бы, в силу помянутых филантропических бредней, империя распалась бы на свои составные части, наше будущее явило бы нам мрачную картину возобновления трехвековых усилий, которыми сковано русское царство от времен Грозного до наших дней. В какой бы форме ни проявилась эта возобновленная государственная и народная работа центростремительного собирания императорской Руси, она потребует менее времени, чем предшествовавший период завоеваний, но столько же, быть может, колоссальных жертв на военное дело, в ущерб гражданственности. Того ли домогаются наши космополиты-филантропы?

Перекинем эту зловещую картину в область фантазий, где блуждают близорукие филантропы. Они соскучились величием и славою русского царства, созданного трехвековым кровавым трудом их предков.

В противоположном лагере заседают патриоты-оптимисты. По их теории, надежнейшим залогом государственного сплочения империи, ее крепости и преуспеяния послужит представительная система с земскою всероссийскою думою,

где каждая народность и каждая местность могли бы свободно заявлять свои нужды и желания и обсуждать политические и экономические интересы империи в ее целом составе и в каждой из ее частей отдельно, как это делают французы, например, в продолжение целого почти века то при республиканском, то при конституционно-королевском, то при императорском образе правления. Иные органы этого своеобразно-консервативного лагеря проповедовали даже, что представительная система послужила бы у нас вернейшим оплотом монархической власти против демократических поползновений нашего века, против проповеди нигилизма о разрушении всякой власти, в какой бы форме она ни проявлялась – в семье ли, в обществе или в государстве. Поборники этой теории указывают на пример Германии, где революционная буря 1848 г. была утишена конституционными формами правления; указывают на современную Италию, где среди демократического и анархического движения конституция служит для династии, еще так новой на Апенинском полуострове, не только громоотводом, но и вернейшим, едва ли не единственным оплотом противу крайних увлечений, в которых выражается теперь реакция народного чувства после векового гнета иноземного деспотизма и клерикального преобладания. Еще настойчивее указывают нам на Англию, где конституционализм доведен до совершенства, выражаемого пресловутою формулою: *король царит, но не управляет*; где монархическая власть, в силу конституции, пребывает на высотах, недоступных борьбе правительственных партий. Самым наглядным аргументом конституционно-литературного лагеря является Болгария. Здесь, под русским временным управлением народу соплеменному, но менее развитому, чем наше великорусское племя, даровано представительное правление. Хотя и подверглось оно кризису, но кризис благополучно миновал; видоизмененная конституция упрочится и здесь, судя по тому, что в полувековой освободительный период на Балканском полуострове успела она пустить надежные корни в Греции, в Сербии и в Румынии. Факты бесспорны и при поверхностном суждении оправдывают направление конституционной проповеди. Но спрашиваю, что общего между нашим политическим организмом, таким каким он создан тысячелетием народной жизни, и государствами Западной Европы, на которые нам указывают? Там политическому обществу положено завоевательное начало, на котором в длинный средневековой период упрочилась феодальная форма государственной и общественной жизни. Последовательное ее развитие выразилось сперва в борьбе центральной королевской власти с могучими вассалами и затем в естественном стремлении городских и сельских общин к своему освобождению от феодального потомства иноплеменных завоевателей. Эти многовековые усилия увенчались полным и законным успехом в исходе XVIII столетия, но навык борьбы за свои человеческие права засел инстинктом в народных массах и проявляется в современном социалистическом направлении западного мира.

У нас удельная система до татарского нашествия, под верховенством Орды, в период борьбы с Ордою и после окончательного освобождения от татар ни по происхождению своему, ни по существу и направлению, ни по своим последствиям не имеет ничего общего с феодализмом Запада. Наше дворянство славянского

племени единокровно с нашим народом. Создано оно самим правительством для военного дела. Даже Рюриковичи, каково бы ни было их происхождение по разноречивым толкам археологов, но верно то, что с самой эпохи своего появления переродились они в славян и во весь период народной жизни пребыли верными русской народности. Порабощение сельских общин, объясняемое, но не оправдываемое бедственными обстоятельствами в исходе XVI века, когда на Западе сельские общины освобождались от феодального рабства, порабощение свободных сельских общин по образцу соседней Польши, совершенно случайным царем татарской крови. Жизненные потребности государственного и общественного развития в двухвековой период внутренних переустройств и тяжких военных усилий – от самозванцев до Александра I – развили и упрочили на Руси крепостное право. Но с первых годов текущего столетия, по почину наших государей, повяло на Руси свободою. Законодательство приняло освободительное направление постепенным укрощением злоупотреблений помещичьей власти. В наши дни довершен великий подвиг освобождения народа нашего не в завершение борьбы, как на Западе, не в силу возгласов нашего либерализма, но по слову самодержавного государя, внимательного к нуждам своего народа и к знамениям времени.

Итак, ни в древней, ни в новой России не видим мы ни одного признака тех гражданских основ и того исторического развития, какие руководили западноевропейским обществом и создали в нем систему конституционного государства вследствие борьбы народов за свои права, – этот компромисс между тяжущимися. Ни в древней, ни в новой России такой борьбы не было. С первых дней своего политического существования наш народ требовал от своих властителей не прав, но порядка. Когда, после Смутного времени, народ по почину одного князя и одного мясника обратился к княжескому роду Романовых с предложением верховной власти, никто на Московском соборе не заговорил о каких бы то ни было правах, об ограничении присущей русскому царству самодержавной власти, хотя крамольников и честолюбцев было немало в то время на Руси. Сто с чем-то лет спустя жалкая попытка бояр к ограничению самодержавия имела в виду не права народные, но произвол олигархии в ущерб народных прав, а потому и рушилась попытка эта одним словом Анны Иоанновны. Единственный в русской истории случай народного восстания – Пугачевский бунт – не был вызван во имя ограничения государевой власти, но во имя сверженного с престола законного царя, чуждавшегося русской народности. В более близкое к нам время, когда идеалисты наши, проникнутые воспитанием и примером Западной Европы, возмечтали о возможности конституционного строя в русском государстве, сознали сами необходимость прибегнуть к обману и только именем старшего в царской семье Константина и его супруги, окрещенной ими в Конституцию, успели взбунтовать батальоны...

О нынешнем народном чувстве скажу только, что никогда за весь период народной жизни преданность народных масс и их доверие к царской власти не проявлялось в такой силе, как в царствование Венценосца-мученика, за которым история закрепит имя Освободителя, лучшее из имен, данных когда-либо признательными современниками великим личностям мира сего. Те же народные

чувства обеспечены его сыну воочию, и никакая крамола не совратит нашего народа с указанного Освободителем его пути гражданского развития в загадочные стези конституционализма, за которыми виднеются в тумане дебри социализма и нигилизма. Пусть отвергают наши благонамеренные либералы всякую связь, всякое родство их учения с тем, в чем усматриваем мы неизбежное его последствие в нашем общественном направлении. Племя нашему прирождено увлечение к крайностям. Едва правительство, желая дать простор и свободу выражению общественного мнения, освободило журналы наши от предварительной цензуры, уже требует известная котерия наших публицистов устранения всякого административного контроля, всякого взыскания за противозаконное направление журнальной проповеди. Всегда и во всем русский человек хватает через меру, – и в самоотвержении, и в удалстве, и во многих существенно благородных движениях его натуры. Но, к сожалению, то же и в самомнении, и в застое, и в фанатическом культе то здоровой мысли и возвышенному идеалу, то абсурду и нравственному уроду..

Не для сравнения двух правительственных начал – самодержавия и конституционализма – сопоставляю я... два государства, которые служат в наше время самыми видными представителями того и другого начала (Россия и Англия – *сост.*). Никто не станет сравнивать многовековой дуб, пустивший свои корни глубоко в почву, с старым рыцарским замком, построенным на прочном фундаменте и тщательно содержимым и исправляемым при каждом поколении его владельцев. По моему убеждению, и конституционализм и самодержавие одинаково могут направить общество к гражданственности, к развитию, к величию и к свободе, смотря по тому, в какой степени соответствует то или другое начало историческим судьбам, внутренней и внешней обстановке, а главное – совокупности элементов данного организма. Столько же логично пожелать Англии применения к правительственной ее системе начала самодержавия, как и России – конституционного правительства.

Если бы предстояло нам решить в абстрактном смысле и с умозрительной точки зрения данный вопрос о выгодах и невыгодах того и другого начала, можно прийти к тому заключению, что чистая демократия должна служить идеалом человеческого стремления к свободе и равенству. Но в практической жизни мы видим роковые последствия усилий к осуществлению того идеала, которым увлекается молодое поколение. Никакой тиран в древнем и новом мире не посягал на свободу своих подданных или рабов с таким остервенением, как делали это рьяные демократы всех веков и всех народов, когда в омуте народных волнений именем свободы успевали они захватить власть.

Знаю, что наши благонамеренные либералы так же далеки от республиканских и демократических увлечений, как и от нигилистической проповеди. Их прельщает перспектива народного представительства – публичные дебаты о важнейших политических и экономических интересах государства, призыв министров и правителей к ответу за всякое их преступление, честная борьба консерваторов и прогрессистов, патриотические возгласы ораторов правой и левой, наложение клейма народного негодования на преступные секты нигилистов и

бунтарей, на отверженцев русской народности и заветных ее преданий, сплочение в единый дух и в единое чувство всех народностей под скипетром конституционного монарха от Балтики до Тихого океана и пр., и пр. Эта идеальная картина действительно прельщает доверчивое воображение оптимистов, мечтающих о ее осуществлении.

Изучили ли они с должным вниманием те непреложные исторические законы, которыми управляются спокон века и поныне гражданские общества в своем прогрессивном развитии? Или же вера в русского Бога обнадеживает их в совершении над нами чуда, небывалого в сем мире, – преобразования самой природы, коренного изменения и нравственных, и материальных условий политического и социального быта восьмидесятимиллионного многоплеменного и многоязычного народонаселения, занимающего седьмую часть материка нашей планеты? Без такого чуда мыслимо ли всероссийское законодательное представительство? Вместо чаемого сплочения народностей не поведет ли оно к совершенно противоположному результату, о чем я уже говорил, – к разрушению его единства?

Каков бы ни был личный состав всероссийской Государственной думы или законодательной палаты, в ней должно преобладать коренное великорусское племя. Ему принадлежит не только численное превосходство, но еще более существенное превосходство уровня умственного развития и гражданственности. Будут ли его представители до того проникнуты сознанием общегосударственного интереса, что отрекутся и от наследственной вражды к поляку, и от обычного недовольства к остзейскому барону, и от свойственного всякому владетельному племени высокомерия к покоренным народностям?

Точно так, как на суде между личностями, идея равенства должна царить между народностями в народном представительстве. Какое внимание обратит палата на голос представителей Эривани и Ташкента и на каком языке заговорят эти представители? Кто обсудит беспристрастно и сознательно жалобы южного побережья на отягощение сельской его промышленности тарифами, чрез меру благоприятными на вид мануфактурной промышленности севера, как, например, высокая пошлина на железо и машины и ничтожная пошлина на шерсть? Какое значение могут иметь представители Бессарабии и Грузии в обсуждении нужд и платежных средств Поволжья?

Каждый из представителей служит выражением интересов своего избирательного округа. Но солидарность местных интересов, как между всеми частями империи, так и по отношению к государству, налагает на всех представителей избирательных округов в общегосударственной Думе непрременную обязанность здоровой и сознательной оценки нужд и желаний не одного своего избирательного округа, но всех тех округов, пред уполномоченными которых он должен отстаивать вверенные ему местные интересы. С другой стороны, мыслимо ли в среде представителей окраин самопожертвование ради общей государственной пользы? Давление центра на окраины не вызовет ли отпора в ущерб общегосударственного интереса?

Господство русского элемента и русской народности, основанное на беспорном историческом праве служить надежнейшим залогом не только политическо-

го величия государства, поставленного связующим звеном между двумя материками старого света, но и гражданственности, и умственного, и материального преуспеяния многоплеменного народонаселения империи.

Трезвая оценка главнейшего государственного и народного интереса рассеивает поэтическую мечту и самое даже желание о слиянии *славянских ручей во русское море*, по вызову нашего Пушкина к клеветникам России, или же, по смыслу возвания Тютчева к императору Николаю в 1854 г., – быть *всеславянским царем* после христианской молитвы в Софийской мечети. Даже в поэзии подобные пожелания мутят только умы перспективою иллюзий, несовместных с великим историческим призванием русского царства.

Сосредоточим патриотические усилия наши в практическом помысле о том, чтобы все наши окраины, которые силою оружия присоединены к России и без которых немисливо величие государства и даже его благосостояние, чтобы все эти дорогие приобретения слились в общегосударственный организм. Вспомним, что некоторые из них до сего времени записаны в пассиве государственной росписи. Сознаем в то же время, что обрусение всех составных частей империи десятками, а быть может, и сотнями лет не достигнет той степени, чтобы единым для всего государства законом управлялась центральная Россия и все ее окраины.

В составе империи заключаются народности, которых бытовое и историческое право должно быть уважено. Прогрессивное развитие дарованных Александром II муниципальных учреждений послужит залогом этого права, строго и беспристрастно очерченного требованиями жизненных интересов государственного единства. В этом направлении успех обусловлен продолжительною законодательною деятельностью той власти, которой принадлежит почин местного самоуправления. Она всего более заинтересована в мирном развитии того же воспитательного начала по всему пространству империи, без крутых мер, способных только усиливать племенную рознь во вред государственному единству.

Пятнадцать лет прошло с той поры, как правительство вверило местные экономические интересы земскому и городскому самоуправлению. Какими улучшениями ознаменовали мы этот период, каждый в своем районе, в местном хозяйстве, в употреблении наших платежных средств, в удовлетворении наших вопиющих нужд? Между тем земские налоги наши учетверились и удесятились, много земств и городов задолжали, не один раз земские собрания заявляли, что капиталы, накопившиеся в прежнее время, когда правительственные власти заведовали земскими финансами, истощились или истощаются под нашим хозяйственным самоуправлением. Если бы не законы, ограждающие до некоторой степени городских обывателей тем, что увеличению налогов положен предел, а городскому присутствию предоставлен некоторый надзор за приговорами наших дум, иным городам нашим не миновать опеки и банкротства, по отчуждении с публичных торгов всего их общественного имущества.

При всем этом видимом пессимизме мы не должны унывать.

Наше самоуправление и выборное начало – это наша школа. Шалим мы, но и учимся вместе с тем. Спотыкаемся, и порою побаливают бока, но не дан нам

простор; не провалимся с разбега в пропасть, куда увлекается молодое поколение миражами крайнего либерализма.

В старом поколении многие напуганы кличкой *отсталых и отпетых*. Заразились иные болячкой популярности, от высших общественных и административных слоев до волостного писаря включительно. Отмалчиваются, или поддакивают иные говорунам либерализма вопреки собственных своих убеждений, или же порою сами мутят воду, зная где водятся рыбы, где зимуют раки и на какой отмели можно устроить пьедестал и увековечить память о своих гражданских доблестях.

Я не обобщаю. Это неприглядная сторона, изнанка нашего местного самоуправления. Я далек от мысли повального нареkania общественным деятелям, между которыми есть много личностей, вполне заслуживших признательность общества своею деятельностью в вверенных им должностях, своим светлым умом и честною речью в заседаниях, – но обеспечены ли они большинством голосов в решении предстоящих вопросов; обеспечены ли они на избирательных съездах сочувствием коноводов? Если бы это было так, то не были бы обмануты те надежды, которыми общество было воодушевлено в первые годы деятельности наших земцев, и не отказались бы от земского дела многие из лучших людей.

Избрание самим обществом лиц, которым доверяет оно свои интересы, есть первая и самая существенная функция представительного начала и краеугольный камень самоуправления. Поистине, это священнодействие¹.

Предоставляю всякому патриоту, какие бы ни были политические его убеждения, если лично принимал он участие на наших выборах, сословных или городских и земских, подумать о том, какие могут оказаться результаты выбора местных наших представителей в собрании, где должны обсуждаться государственные интересы.

С неподдельным самобичеванием сознаю преступления земского и городского самоуправления, в обеих отраслях которого имею честь состоять с первых дней их введения в нашем крае. Но было бы вопиюще несправедливостью приписывать самому обществу, нашей неразвитости, лени и равнодушию или, как

¹ О значении избирательного закона и о производстве выборов вообще при представительном управлении государства считаю излишним распространяться. Каждому известно, какими потрясениями и вопиющими злоупотреблениями, подкупами и насилиями то со стороны власти, то со стороны ее противников сопровождается эта операция. Упомяну мимоходом о случае, близко мне знакомом по служебной дипломатической моей практике. На Парижском конгрессе в марте 1856 г. было решено исследовать нужды и желания (*les besoins et les vœux*) народонаселения Дунайских княжеств ввиду предстоявшего правительственного устройства этих вассальных в то время областей Оттоманской империи. Исследование было поручено конгрессом особой комиссии из представителей Великих держав. В ней состоял я полномочным комиссаром от нашего Двора. В августе соединилась она в Константинополе для совместного турецким правительством решения о способе выбора представителей народонаселения для выражения нужд и желаний княжеств. Семь месяцев длились дипломатические переговоры с Портою для редакции созывательного фирмана. В апреле 1857 г. в Бухаресте открылись переговоры комиссии с временными правительствами княжеств о способе производства выборов по смыслу фирмана. Комиссары были завалены жалобами и заявлениями с бесчисленными подписями, подлинными и фiktивными. Подкупы, подлоги и насилия, которыми сопровождалась выборы, вызвали протесты и исследования. Возникли недоразумения и в среде комиссии, и между державами. Произведенные в Молдавии выборы подверглись кассации по приговору держав. Едва в октябре представители народонаселения княжеств могли вступить в обсуждение его нужд и желаний. За все это время оба княжества были в тревожном настроении по поводу выборов и служили ареною всяческим агитаторам (*прим. К. Базили*).

говорят, халатности нашей все неудачи, все промахи в благотворном деле дарованного нам местного самоуправления. С первых дней вызова внутренних, самостоятельных сил страны к новой жизни, к честной гражданской деятельности по воле либерального самодержца правительственная бюрократия отнеслась слишком неблагоприятно, порою систематически придирчиво к органам земства. Как ни грустна эта борьба устарелой, но всемогущей бюрократии с неокрепшими еще элементами земской самодеятельности, она в глазах беспристрастного мыслителя не что иное, как естественное, неизбежное, но, во всяком случае, переходное и временное последствие беспримерного в истории социального переворота, которого поколение наше было свидетелем.

И в самом деле, бюрократия, созданная Петром Великим в России по австрийскому образцу, была необходимым правительственным орудием для укрощения местного произвола воевод, для регулирования деятельности их преемников в новом административном строе империи, для устроения европейского государства в хаосе полупатриархальных, полуазиатских общественных и правительственных элементов той эпохи. Сто пятьдесят с лишком лет это творение Петра, наша бюрократия, постоянно росла и развивалась, поглощая в себя все административные функции, усиливая со дня на день административную централизацию в ущерб местным жизненным силам общества. Усиление дворянского элемента при Екатерине II до некоторой степени, и то ненадолго, умерило это возрастающее преобладание бюрократического элемента в государственном организме. Но затем усилилось оно чрез меру, благодаря введенной в бюрократию дисциплине и изданию Свода законов и примерами строгости императора Николая к помещичьим и другого рода злоупотреблениям. Точно так задумала она в наше время воспользоваться упразднением помещичьей власти, чтобы проникнуть глубже и глубже во все слои народного быта. Напряженное давление бюрократии встретило надежный отпор в дополнительном акте Великой реформы – в земских учреждениях. Могла ли она, от самых высших сфер до станového пристава включительно, сочувствовать тем элементам, которых естественный рост и законное развитие должны неминуемо послужить к отстранению всяких искусственных преград между самостоятельными, живыми силами народной жизни и верховным их руководителем? Верно то, что в настоящее время вся сила нашей бюрократии заключается в свойственной ей инерции и в застое, тогда как земству указан путь законного развития...

*Извлечения публикуются по изданию:
Базили К.М. Беседа о конституции
и о применении представительных начал
в государственном управлении.
Одесса, 1881. С. 1–15, 33–45.*

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ДАНИЛЕВСКИЙ

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ВОЖДЕЛЕНИЙ
НАШЕЙ «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ»¹**

1881 г.

С некоторого времени все чаще и чаще стали появляться в наших либеральных журналах более или менее ясные и определенные намеки на то, что единственно действительным лекарством для уврачевания наших общественных зол и бед было бы введение у нас конституции по образцу просвещенных государств Запада. Намеки эти столь часто повторяются, что в части нашей печати, держащейся других воззрений, выражаемые этими намеками вождедения должны были быть разоблачаемы и опровергаемы. И я желал бы сказать по этому предмету несколько слов. Прежде всего, дабы избежать действительных недоразумений или умышленных уверток, надо точно определить, что разуметь под словом «конституция». В обширном смысле оно обозначает государственное устройство вообще, и в таком смысле конституцией обладает и Россия. Но, конечно, не об этом идет речь. Всякому известно, что слово «конституция» имеет еще и другой, несравненно более тесный, но, по этому самому, и более точный, определенный смысл.

Под конституцией разумеется такое политическое учреждение, которое доставляет гарантию, обеспечение известного политического и гражданского порядка не только от нарушения его подчиненными агентами власти, но и самим главою государства. Конституция есть, следовательно, ограничение верховной власти монарха или, точнее, раздел верховной власти между монархом и одним или несколькими собраниями, составленными на основании избрания, или родового наследственного права. В этом ограничении, в этом разделении власти вся сущность дела: есть оно – есть и конституция; нет его – нет и конституции, и никакая гласность, никакие совещательные учреждения, при посредстве которых желания, потребности, нужды народа могли бы доходить до сведения верховной власти, конституции в этом смысле еще не составляют.

Конечно, я никому не скажу чего-либо нового, утверждая, что все осуществленные на деле и даже все мыслимые формы правления несовершенны по самому существу своему, и что ежели каждая из этих форм, т.е. различные виды монархий, аристократий и демократий, обладают свойственными им достоинствами и преимуществами, то каждая из них имеет и свойственные ей недостатки;

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Московские ведомости» 20 мая 1881 г.

словом, что идеальной формы правления не существует, что поиски за таковою были бы поисками за философским камнем, вечным движением, квадратурой круга. Но этого мало. Если бы такая форма действительно существовала в теории, то на практике от нее было бы очень мало пользы, ибо вопрос заключается не в абстрактном существовании такого политического идеала, а в применимости его к данному случаю, то есть к данному народу и государству в данное время, и следовательно, вопрос о лучшей форме правления для известного государства решается не политической метафизикой, а историей. Я позволил себе написать эти немногие строки общих мест, трюизмов, лишь для того, чтобы показать, что всякие рассуждения о пользе, бесполезности или вреде конституции для России, по меньшей мере рассуждения праздные, – что им должен предшествовать другой, гораздо более радикальный вопрос: возможна ли конституция в России? И отвечаю на него: нет, конституция в России совершенно и абсолютно невозможна, то есть власти и могущества на земле, которые могли бы ей даровать ее.

Во всех современных политических учениях более или менее ясно и открыто провозглашается, как политический идеал, принцип державности или верховенства народа. Для осуществления его на практике требуют всеобщей подачи голосов, которая действительно введена уже во многих государствах, и должна в непродолжительном времени вестись и во многих других, например в Италии. Но и это, по справедливому, в сущности, мнению крайних демократов, не дает ни малейшего ручательства в том, что страна действительно управляется сообразно с желаниями большинства. Как очевидный пример противоречия образа действия правительства, избранного всеобщей подачей голосов, с желаниями этого большинства, может служить изгнание духовных орденов из Франции и атеизация французских школ, когда все деревенское население, да и значительная часть городского остаются приверженными к католицизму. Для осуществления на деле этого верховенства народа придумано новейшими радикалами учение о крайнем федерализме, не таком, какой, например, существует в Соединенных Штатах или в Швейцарии, где штат или кантон заключает в себе от сотни тысяч до нескольких миллионов граждан, а о федерации самых элементарных общественных единиц, т.е. общин. Немного нужно размышления, чтоб убедиться, что и при таком общественном устройстве верховенство народа останется такой же фикцией, как и при всеобщей подаче голосов в больших государствах. Конечно, свои мелкие общественные дела народ будет в состоянии решать вполне самостоятельно, ежели угодно, державно – ведь это все дела такого рода, которые и теперь, при любом государственном устройстве, сам народ может решать и решает при правильно устроенном самоуправлении. Но дела более общего характера, обнимающие собою интересы целых групп общин и, наконец, всего федеративного государства, через это не упразднятся, и, по отношению к ним, масса народа будет столь же некомпетентна, как и теперь в любом централизованном государстве. Чтобы выразить свою волю, надо прежде всего иметь ее, а дабы иметь, надо обладать сколько-нибудь отчетливым мнением о предмете, относительно которого должна выразиться эта воля. И напрасно думают, что этого можно достигнуть просвещением народа. Просвещение это во всяком случае может быть только самым

элементарным, а предметы политические, точно также как и научные, требуют образования обширного, требуют сосредоточения мысли, а это в свою очередь требует досуга, которого работающий на фабриках, пашущий земли и вообще материально трудящийся народ иметь не может. Словом, державность и верховенство народа, понимаемые в смысле управления внешними и внутренними делами государства на основании воли народа, есть фикция, абсурд, нелепость, по той, уже вышеупомянутой, весьма простой причине, что для управления на основании воли народа по меньшей мере необходимо, чтобы такая воля была, а ее-то и нет и быть не может.

Но верховность народа имеет и другой смысл. В этом смысле она не составляет ни права, ни какого-либо политического идеала, которого можно и нужно бы было стремиться достигнуть, а есть простой факт – всеобщий, неизбежный, неизменный, состоящий в том, что основное строение всякого государства есть выражение воли народа его образующего, есть осуществление его коренных политических воззрений, которых не лишен ни один народ, ибо иначе он и не составлял бы государства, да и вообще не жил бы ни в какой форме общежития, и ежели такое коренное народное политическое воззрение затемняется, утрачивается, то и государство им образуемое разлагается и исчезает: это не теорема, а аксиома, не требующая доказательств, истина сама по себе понятная.

Всякая идея, дабы осуществиться, перейти в действительность, в факт, должна иметь в подкладке своей силу для своей реализации, а где же искать эту силу для идеи политической как не в массе, не в совокупности народа, который по ней устраивается в государство и поддерживает его против всех внутренних и внешних врагов в течение своей исторической жизни? Все исключения, которые можно представить против всеобщности этого закона, только кажущиеся. Например, скажут, неужели болгары, греки и вообще вся христианская райя составляющие большинство населения Европейской Турции, своею волей поддерживала Турецкое государство? Конечно, нет, но эти народы никогда Турецкого государства собою и не составляли, они были вне его, чужды ему во всех отношениях и удерживались в нем внешнею силою, точно так, как например, неприятельская армия удерживает в своем повиновении занятую ею страну. Тут внешнее насилие постоянно действовало в течение нескольких столетий, а не только в тот исторический момент, когда произошло завоевание. Само собой разумеется, что мы говорим не о завоевании, а о правомерном, самого себя поддерживающем государственном строе. Но бывают случаи, которые сильнее говорят против нашего положения, чем пример турецкой райи. Несомненно существуют примеры, что в ином государстве распространено всеобщее недовольство не какими-либо частными отдельными правительственными мерами, а самым основным политическим строем его и, несмотря на это, он сохраняется и продолжает существовать многие и многие годы. Но не должно забывать – что однако же так часто забывается – что все так называемые политические, экономические и вообще общественные силы не самобытны, не непосредственны, как, например, силы физические, а могут действовать лишь через посредство индивидуального сознания, – а для того, чтобы достигнуть его, чтобы оно уяснилось и определилось, требуется очень и очень

много времени; а пока это не произойдет, старый порядок продолжает держаться по инерции, по привычке, и в этом случае все распадается при первом толчке, пришедшем извне или изнутри.

Можно представить и такое фактическое возражение. Если государственный строй есть выражение народной воли, то каким образом объяснить непрерывные перемены этого строя во Франции в последнее столетие, в течение которого различного вида и характера республики, империи и королевские монархии сменяли друг друга? Неужели народная воля могла столь быстро меняться, воля, которая имела даже возможность ясно и открыто себя заявлять и по-видимому заявляла себя? Иные думают даже, что некоторые из этих перемен, например, установление второй империи, было чистым подлогом, подтасовкой голосов. Мнение, очевидно, несправедливое; если и был в самом деле подлог, он мог простираться на сотню, другую тысяч голосов, с целью представить в большем блеске единодушные французской нации, а не на все миллионы действительно поданные в пользу Наполеона¹.

Дело очевидно в том, что как отдельный человек, так и целый народ может потерять твердость, ясность и определенность своих убеждений, и результатом этого будет в обоих случаях шаткость всех поступков. С народом, как существом коллективным, может произойти еще и иное: убеждения народа могут потерять свою цельность, свое единство, разделиться так, что ни одно из них не будет иметь бесспорно преобладающей силы. Тогда, очевидно, то или другое из них будет брать перевес, смотря по случайным обстоятельствам. Это без сомнения и имело и имеет до сих пор место во Франции. Конечно вандейцы, жители Бретани, имели в эпоху первой Французской революции весьма определенное и ясное политическое убеждение и выразили его в своем героическом восстании, но убеждение это было совершенно не то, которым было одушевлено население Парижа. После всех этих треволнений, в духе французского народа осталось твердым и незыблемым только одно политическое убеждение самого общего характера, то, что Франция должна быть независимой и сильной державой, – и это убеждение свое проявил он и в 1870 и 1871 годах, проявляется и теперь, не жалея никаких жертв на устройство своих вооруженных сил. Но затем, какая государственная форма должна быть усвоена этою, непременно сильной и независимой, Францией, это для большинства французов стало неясным и неопределенным, а для тех, для кого оно и определенно и ясно, для тех, кто имеет политические убеждения (верные или не верные, это все равно), они чрезвычайно различны.

Диаметральную противоположность с французским представляет в этом отношении русский народ. Его политические воззрения, его политическая воля до того ясны, определены и цельны, что даже их нельзя назвать воззрениями, убеждениями и даже волей, потому что понятие воли предполагает выбор, оцен-

¹ Луи-Наполеон Бонапарт (1808–1873) – племянник Наполеона I Бонапарта. В 1848–1851 гг. президент Французской республики. В 1851 г. распустил Законодательное собрание и вынес на плебисцит вопрос о праве президента на установление новой конституции. Получив поддержку в ходе плебисцита, 2 декабря 1852 г. Луи Бонапарт провозгласил Францию империей, а себя – ее императором Наполеоном III. Свергнут в 1870 г.

ку *pro* и *contra*¹. Политические воззрения и убеждения, государственная воля русского народа составляют непреложный политический инстинкт, настоящую политическую веру, в которой сам он не сомневается и относительно которой никто, сколько-нибудь знакомый с нашим народным духом, усомниться не может. Я позволю себе привести следующее место из моей книги «Россия и Европа», ясно выражающее мою мысль:

«Нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что русский народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубоко вкорененному народному пониманию, сосредоточенный в его государстве, который, вследствие этого, есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном самознательном существе. Вот смысл и значение русского самодержавия, которого нельзя поэтому считать формой правления в обыкновенном смысле, придаваемом слову форма, по которому она есть нечто внешнее, могущее быть измененным без изменения сущности предмета, могущее быть обделанным как шар, куб или пирамида, смотря по внешней надобности, соответственно внешней цели. Оно, конечно, также форма, но только форма органическая, т.е. такая, которая не разделима от сущности того, что ее на себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности. Такова форма всякого органического существа, от растения до человека; посему и изменена, или, в применении к настоящему случаю, ограничена такая форма быть не может. Это невозможно для самой самодержавной воли, которая по существу своему, т.е. по присущему народу политическому идеалу, никакому внешнему ограничению не подлежит, а если воля свободная, т.е. самоопределяющаяся».

Сомневаться, что таково именно понятие русского народа о власти русского государя, невозможно; спрашивать его об этом бесполезно и смешно. Такой вопрос был уже задан ему самою историей, и ответил он на него не списками голосов опускаемыми в урны, а своими деяниями, своим достоянием и кровью. Было время, когда государство в России перестало существовать, когда была *tabula rasa*, на которой народ мог писать, что ему было угодно. Он по слову Минина собрался и снарядил рать, освободил Москву и вновь создал государство по тому образцу, который ясными и определенными чертами был запечатлен в душе его. Изменился ли с того времени этот постоянно присущий ему образ, и если б, избави Боже, ему пришлось вновь проявить эту свою творческую, зиждительную деятельность, не так ли же точно он бы поступил, как и в приснопамятных 1612 и 1613 годах? Пусть всякий вдумается в этот вопрос и ответит на него пред своею совестью, не кривя душой!

Но, при таком понятии народа о верховной власти, делающем русского государя самым полноправным, самодержавным властителем, какой когда-либо был на земле, есть однако же область, на которую, по понятию нашего народа, власть эта совершенно не распространяется, – это область духа, область веры. Может

¹ За и против (*лат.*).

быть скажут, что тут нет никакой особенности русского народа, что вера всегда и везде составляет нечто не подлежащее никакой внешней власти, что всевозможные принуждения и гонения никогда не достигали своей цели. Но дело не в принуждениях и гонениях, а в том, что многие, в других отношениях высокоразвитые и свободолюбивые народы, не придавали такого первенствующего, наисущественнейшего значения внутреннему сокровищу духа, – так что предоставляли решение относящихся до него вопросов государственной власти, между тем как за малейшее право внешней, гражданской, или политической, свободы стояли с величайшею твердостью. Укажу лишь на примере свободолюбивой Англии, в которой, начиная с Генриха VIII, правительственные власти составляли догматы, литургию и обряды нового вероисповедания таким точно путем, как составляются всякие другие законодательные билли. Таким путем состряпанное вероисповедание и есть англиканское, которое из рук правительства было принято тогда же большинством английского народа, и теперь им удерживается. Рыцари наших прибалтийских губерний перешли из католичества в лютеранство – слышал ли кто-нибудь о сопротивлении этому переходу со стороны эстонского и латышского народа? Да и во время реформации все исходило от владетельных князей, баронов, городов, а про народ в различных договорных актах того времени говорилось, что он должен следовать за своим сюзереном и, действительно, он за ним послушно следовал. Надо ли указывать на то, что не так понимал и понимает дело веры русский народ?

Я уже сказал, что и политический строй русского государства составляет предмет настоящей политической веры русского народа, которой он держится и будет, несмотря ни на что, твердо и неизменно держаться именно как веры. Если, следовательно, когда-либо русский государь решится дать России конституцию, то есть ограничить внешним формальным образом свою власть, потому ли, что коренная политическая вера его народа была бы ему не известна, или потому, что он считал бы такое ограничение своей власти соответствующим народному благу, то и после этого народ, тем не менее, продолжал бы считать его государем полновластным, неограниченным, самодержавным, а следовательно, в сущности он таковым бы и остался. Конечно, государь, подобно всякому человеку, может и должен себя ограничивать; но он не может сделать, чтобы это самоограничение, т.е. истинная свобода, стало ограничением внешним, формальным, извне обязательным, т.е. принудительным. В самом деле, в чем бы это внешнее ограничение заключалось, на что опиралось бы оно, когда народ его бы не признал и не принял? А он его не признал бы и не принял бы, потому что мысли об этом не мог бы в себя вместить, не мог бы себе усвоить, как нечто совершенно ему чуждое. Конечно, он исполнял бы всю поведенную ему внешнюю обрядность, выбирал бы депутатов, как выбирает своих старшин и голов, но не придавал бы этим избранным иного смысла и значения как подчиненных слуг царским, исполнителей его воли, а не ограничителей ее. Что б ему ни говорили, он не поверит, сочтет за обман, за своего рода «золотые грамоты». Но если бы, наконец, его в этом убедили, он понял бы одно, что у него нет более царя, нет и русского царства, что наступило новое Московское разорение, что нужны новые Минины, новые народные подвиги, что-

бы восстановить царя и царство...

Итак, внешнее формальное ограничение царской власти – что и составляет единственный смысл, который можно соединить со словом конституция – немислимо и неосуществимо; оно осталось бы пустою формой, не дающею никаких других гарантий или обеспечений политических и гражданских прав, кроме тех, которые верховная власть хочет предоставить своему народу, насколько и когда этого хочет – как всегда от ее воли зависящий, и ни от чего иного не зависящий дар.

Для гарантий, для обеспечения прав, скажем прямо, для ограничения царской власти очевидно нужно иметь опору вне этой власти, а этой-то опоры нигде и не оказывается. Желаемая конституция, вожделенный парламент ведь никакой иной опоры, кроме той же царской воли, которую они должны ограничивать, не будут и не могут иметь. Каким же образом ограничат они эту самую волю, на которую единственно только и могут опираться? Ведь это nonsense, бессмыслица. Архимед говорил, что берется сдвинуть даже шар земной, но лишь под условием, что ему дадут точку опоры вне его. Только Мюнхаузен считал возможным решить подобную задачу иным образом, вытащив себя за собственную косу из болота, в котором завяз.

Как же назвать после этого желание некоторыми, конечно весьма немногими в сущности, русской конституции, русского парламента? Как назвать учреждение, которое заведомо никакого серьезного значения не может иметь, как назвать дело имеющее серьезную форму, серьезную наружность при полнейшей внутренней пустоте и бессодержательности? Такие вещи на общепринятом языке называют мистификациями, комедиями, фарсами, шутовством, и русский парламент, русская конституция ничем кроме мистификации, комедии, фарса или шутовства и быть не может. Хороши ли или дурны были бы эта конституция и этот парламент, полезны или вредны – вопрос второстепенный и совершенно праздный, ибо он подлежит другому, гораздо радикальнейшему решению: русская конституция, русский парламент невозможны как дело серьезное, и возможны только как мистификация, как комедия. Придать серьезное значение конституционному порядку вещей в России – это ни в чьей, решительно ни в чьей власти не находится.

В наш век, очень обильный курьезами, мы видели уже в одном государстве пример такой конституционной мистификации, такой парламентской комедии. Шутовское представление было дано в Константинополе в 1877 году, после того как русские войска перешли уже через Прут. Сам устроитель его Мидхат¹ дарователь – султан, участники – депутаты и зрители (публика эта впрочем была очень малочисленна, ибо едва ли кто из подданных султана удостоивал малейшего внимания отчеты, печатаемые в газетах, о дебатах стамбульского парламента), все, без исключения, знали, что устроена была мистификация и комедия. Впрочем, она имела еще некоторое оправдание. Мистификация была рассчитана не на турецкую, а на европейскую публику. Даже нельзя сказать, чтоб и ее надеялись об-

¹ Мидхат-Паша (ум. в 1883 г.) – турецкий генерал, младотурок. Ревностный сторонник Англии и враг России. Пытался ввести в Турции конституцию. Руководил свержением султана Абдул-Азиза. В 1881 г. отправлен в ссылку султаном Абдул-Гамидом.

мануть. Дело было предпринято с совета и согласия Англии, с мыслью, не удастся ли обмануть Россию, не отступит ли она пред упреками европейского общественного мнения в гонении свободных государственных форм, в гонении зарождающейся свободы. Но фарс был слишком груб. Россия пошла своим путем, и даже со стороны европейского общественного мнения упрека этого не последовало.

Но даже и этого жалкого оправдания не выпало бы на долю желаемой некоторыми петербургской комедии. При чтении некоторых наших газет мне представляется иногда этот вождеденный петербургский парламент: видится мне великолепное здание в старинном теремном русском вкусе, блистающее позолотой и яркими красками; видится великолепная зала вроде Грановитой Палаты, но конечно гораздо обширнее, и в ней амфитеатром расположенные скамьи; сидящие на них представители русского народа во фраках и белых галстуках, разделенные, как подобает, на правую, левую стороны, центр, подразделенный в свою очередь на правый, левый и настоящий центральный центр; а там вдали, на высоте, и наша молниеносная гора, – гора непременно: без чего другого, а без горы конечно уже невозможно себе представить русского парламента; затем скамьи министров, скамьи журналистов и стенографов, председатель с колокольчиком, и битком набитые элегантными мужчинами и дамами, в особенности дамами, трибуны, и наконец и сама ораторская кафедра, на которую устремлены все взоры и направлены все уши, а на ней оратор, защищающий права и вольности русских граждан. Я представляю себе его великолепным, торжествующим, мечущим грома из уст и молнии из взоров, с грозно поднятою рукой; слышу восторженные: слушайте, слушайте, браво, и иронические: о-го! Но между всеми фразами оратора, всеми возгласами депутатов, рукоплесканиями публики, мне слышатся, как все заглушающий аккомпанемент, только два слова, беспрестанно повторяемые, несущиеся ото всех краев Русской земли: шут гороховый, шут гороховый, шуты гороховые!

Неужели пало на голову России еще мало всякого рода стыда, позора и срама, от дней Берлинского конгресса¹ до гнусного злодеяния 1 марта, чтобы хотеть навалить на нее еще позор шутовства и святочного переряживания в западнические костюмы и личины!

*Публикуется по изданию:
Данилевский Н.Я. Горе победителям.
Политические статьи.
М., 1998. С. 276–287.*

¹ Берлинский конгресс 1878 г. – был созван для пересмотра условий Сен-Стефанского мира 1878 г. по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиции России на Балканах. Оказавшись в политической изоляции, правительство России пошло на уступки, зафиксированные в Берлинском трактате.

МИХАИЛ НИКИФОРОВИЧ КАТКОВ

ПУБЛИЦИСТИКА 1880-х гг.

НА РУСИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИНЫХ ПАРТИЙ, КРОМЕ ТОЙ, КОТОРАЯ ЗАОДНО С РУССКИМ НАРОДОМ¹

1881 г.

Москва, 12 марта

Беспрерывно, от раннего утра до позднего вечера, толпы народные в Петербурге идут и идут нескончаемой вереницей к месту, ознаменованному мученической смертью русского царя, павшего от изменнической руки, направленной заклятыми врагами его народа. На месте *крови* обыденно устроена часовня из зелени, беспрерывно наполняемая приносимыми цветами и венками; в часовне – икона Богородицы. Почти две недели прошло со дня события, а поток народный не прерывается, не слабеет. Тысячи идут и идут, люди всех сословий и возрастов, матери с грудными младенцами. В толпе перед часовней слышатся слова молитвы и рыдания. А в это самое время поодаль воины либерализма об одежде его мечут жребий...²

Очувствуются ли они, образумятся ли эти лжелибералы, окажется ли в них достаточно честности и гражданского мужества, чтобы возвыситься и над самолюбием, и над ходячим обманом и проклясть то, что они зовут либерализмом и что по-русски зовется звонким словом «измена» – измена своему народу, а затем, волей или неволей, и всему остальному...

В нашем образованном обществе первый признак человека политически незрелого и *mente capti*³ есть мысль о либерализме и консерватизме как двух партиях в России. Зато первым признаком ума, стряхнувшего с себя обман, будет отречение от этого фальшивого деления, навязавшегося нам со стороны и отуманившего нас. Оно внесло в наши умы первую смуту, из которой одно за другим, возрастая числом и размерами, выходят все наши губительные недоразумения.

Так как мы жить своим умом не привыкли и не привыкли отдавать себе само-

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Московские ведомости» № 72 за 1881 г.

² Ср.: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. И так сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет; – да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий [Пс. XXI, 19]. Так поступили воины» (Евангелие от Иоанна. XIX, 23–24).

³ От *лат. mente captus* – умалишенный.

стоятельный отчет в собственных делах своих, так как мы не можем обойтись без того, чтобы не смотреть по сторонам и не приравняться к чужим образцам, то не худо нашим так называемым либералам и консерваторам оглянуться на страну, где политические партии выходят начистоту и очерчиваются с особенной яркостью. В стране, во многом глубоко несходной с нами, но также великой и смотрящей в будущее, – в Северной Америке нет и помину о партиях либеральной и консервативной в политическом смысле. Зато там есть две партии, которые постоянно и открыто борются между собой. В первой – вся центростремительная сила государства, на которой зиждется его единство и держится его целостность, патриотический дух и национальное чувство; это партия государственная, которая в Америке зовется республиканской. Другая представляет собой движение центробежное, партия расторжения и разложения, которая от этапа к этапу влечет людей к измене и бунту; она зовется в Америке демократической партией. Всем известно, в которой из этих двух партий великой заатлантической страны присутствует дух жизни и свободы и которая, напротив, была оплотом рабства. Дух космополитизма, нечистый дух политической безнравственности, расторжения и разложения – вот что роднит наших либералов с антинациональной партией в Северной Америке и в чем не уступят им и так называемые наши консерваторы, которые забыли свой народ и ратуют лишь за отвлеченные принципы.

В России государственную партию составляет весь русский народ. Гнилой либерализм и гнилой консерватизм оказываются только в нашем гнилом космополитическом и поверхностном образовании. В годину опасности и великих событий, когда могущественно поднимается в сердцах народное чувство, гниль исчезает, умы оживляются и все противогосударственное, все противонародное, всякая политическая безнравственность и предательство с трепетом прячется в свои норы. Все поистине великое и плодотворное зачинается в эти минуты пробуждения народного духа. И вот ввиду опасности, грозящей нам страшными смутами, ввиду совершившегося беспримерного злодеяния, ввиду этого надругательства над нашим народом, этого предательства, вступившего в союз с анархией, – неужели в нас не пробудится во всем своем могуществе русский народный дух? Неужели не пора исчезнуть всяким партиям на Руси, кроме той, которая едина с русским народом?

КОНСТИТУЦИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО¹

1881 г.

Москва, 30 апреля

В последнее время общим лозунгом было: не нужно конституции, нужно только представительство. Это почти то же, что и недавний крик по другому, более скромному, учебному вопросу: сокрушить без ломки. Между конституцией

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Московские ведомости» № 119 за 1881 г.

и представительством не более разницы, чем между ломкой и крушением. Это шаг более или менее широкий на пути ослабления власти. Конституция и какое бы то ни было выборное государственное представительство в настоящую пору, при данных обстоятельствах, – это совершенно одно и то же. Это будет началом исполнения программы так называемого интернационального общества, поставившего своей главной задачей «уничтожить самодержавие в России, anéantir l'absolutisme de la Russie». Кто хочет вывести нас на этот путь именно в эту минуту, те знают, куда он ведет. Скажут: можно остановиться на пути, где будет уместно и благовременно. Напрасно. Если бы мы теперь, даже теперь, не оказались достаточно сильными, чтобы воздержаться, то каким образом будем мы сильнее после того, как уже двинемся на путь ослабления, и где тот пункт благополучия, на котором могли бы мы остановиться и сказать: доселе и не дальше? Какой вид на этом пункте представит Россия? Бог, мы верим, в конце концов спасет наше Отечество; но чего будет стоить это испытание, на которое его толкают одни – в откровенных видах конечного разрушения, другие – в неразумной податливости на всякое веяние, не отдавая себе отчета, чего хотят. Мы знаем русский народ, знаем его историю, знаем, чем он силен, мы знаем также, что нам теперь нужно. Нам нужно теперь именно то, чем во всех своих сословиях всегда был силен русский народ. Он всегда был силен своим патриотическим духом, своей единодушной преданностью престолу, чувством своего безусловного, «абсолютного» единства с царем. Это сила испытанная, сила великая, сила, создавшая Россию и возвысившая ее. Только этой силе обязаны мы нашим национальным могуществом. Ей мы обязаны нашим спасением во всех испытаниях, к ней, стало быть, и теперь должны мы обратиться и в ней искать опоры. На русскую патриотическую партию, если только это партия, – вот на что единственно может опереться наше правительство или вот какой партии должно быть наше правительство.

Какой же злой дух побуждает нас оставить эту испытанную силу и искусственно вызывать в нашем народе то, что нигде не есть сила, что везде есть слабость, и у нас более, чем где-нибудь? Что могло бы заставить нас, и притом именно в эту минуту, призывать к деятельности новый, небывалый в нашей истории элемент шатания и смуты, какой всегда и везде представляют мнения людские, ветром колеблемые, ветром носимые? Зачем между верховной властью и народом, который не отделяет себя от нее и видит в ней свое истинное и единственное представительство, втирать какое-то еще представительство, создавать партии и предавать их игре интересы государственной пользы и народного блага? Есть почтенные лица, которые предлагают представительство в малом и скромном виде, не решающее, а якобы только совещательное и т.д. Но если это дело нужное и полезное, то зачем давать его в малом и недостаточном приеме? Если же это дело бесполезное, то зачем начинать его? В деле государственном что не нужно, то вредно. Мы возбудим страсти, раздражим умы, направим их в фальшивую сторону и вместо благодарности за желание угодить им и потешить их навлечем на себя их ненависть и вместе презрение.

Недавно была сделана злосчастная попытка создать какую-то конституцию среди университетской молодежи. Всем известно, чем кончилась эта попытка.

Если судить по тону некоторых газет, принимающих замашки официальных органов, можно, пожалуй, подумать, что и в самом деле замышляется повторить попытку в громадных размерах не над несколькими сотнями молодых людей, но над целым народом, и бросить в эту игру не университеты, а целое общество.

Что такое представительство, которое нам с разных сторон рекомендуют? В каких бы размерах, силе и форме ни замышлять его, оно всегда окажется искусственным и поддельным произведением и всегда будет более закрывать собой, нежели открывать народ с его нуждами. Оно будет выражением не народа, а чуждых ему партий и неизбежно станет орудием их игры, которой так легко овладевает всякого рода интрига. Боже, избави нас от партий и очисти от их игры наши правительственные сферы! Правительство, свободное от духа партий и достойное самодержавной власти русского царя, покрывающей народ в его целостности, – вот что было бы теперь нашим первым и истинным прогрессом. А добрые люди, напротив, советуют нам внести растлевающий дух партий, интриги и обмана в самые недра народа. Правительству необходимо сближение с народом, но для этого требуется обратиться к нему непосредственно, а не через правительство какое бы то ни было, узнавать нужды страны прямо от тех, кто их испытывает и кто свидетельствует о них не по прокуратуре¹, а самолично. Устроить так, чтобы голос народных потребностей, не фиктивных, а действительных, достигал престола безо всякой посторонней примеси – вот задача, достойная правительства самодержавного монарха, вот верный шаг на пути истинного прогресса.

Каждый день имеет свою заботу. В чем забота нынешнего дня? Правительство борется с крамолой, которая выросла из ничтожества и стала злом, опасным для государства. Мы не можем правильно и спокойно вести наши дела, пока не справимся с этой язвой. Очистить от нее нашу страну – вот в настоящее время наша народная нужда. Помогут ли нам в этой нужде разные говорильни? Пустословием ли могут пособить нам народные силы? Если содействие их нужно (а оно несомненно нужно), то потребуем от них не слов, не мнений, не отвлеченностей, а дела... Они могут оказать правительству драгоценное, незаменимое содействие к успокоению страны, если оно успеет организовать их в каждой местности под ближайшим руководством и ведением властей, дабы охранить массы от обманов и пресечь все пути злоумышленному заговору.

СВОБОДА И ВЛАСТЬ²

1881 г.

Москва, 7 мая

Всякая вещь познается из ее происхождения. В чем состоит ход образования государства? Не в чем ином, как в собирании и сосредоточении власти. Покоряются независимые владения, отбирается власть у сильных, и все, что имеет

¹ По доверенности; от *лат.* *procuratio* – доверенность.

² Впервые статья была опубликована в газете «Московские ведомости» № 126 за 1881 г.

характер принудительный, подчиняется одному верховному над государством началу; дело не успокаивается, пока не водворяется в стране единовластие, покрывающее собой весь народ. Государство вооружено, но не против свободы, которая только в ограде его и возможна; оно вооружено против других государств как вне, так и внутри его. Власть по природе своей не может терпеть государств в государстве, и ее прямое назначение – пресекать и возбранять все, что имеет такой характер. Собирая и сосредоточивая власть, государство тем самым создает свободное общество. Власть над властями, верховная власть над всякой властью – вот начало свободы. Что прямо или косвенно нарушает свободу, то противно и государственному началу, что может принять характер насилия, то должно быть на зоркой примете, и правительство обязано предотвращать или пресекать всякое вынуждение, не на законном праве основанное. При сбивчивости понятий и неспособности правительств возникают роковые и гибельные ошибки: смешивается свобода с тем, что противно ей, – с вынуждением и насилием, и правительство, думая угодить свободе, организует и узаконивает то, что ее подавляет, а с тем вместе вносит смуту в государство.

Толкуют о свободе печати, но не все отдают себе ясный отчет в том, что разуметь под этой свободой. Люди на общественных дорогах свободно ходят и ездят, и чем свободнее, тем лучше, но никому нельзя предоставить свободу бесчинствовать на улице и нападать на встречных. Охраняя общественные пути от физического насилия, не обязано ли то же правительство охранять общество и от насилий нравственных? Систематический обман не есть ли нравственное насилие? Может ли быть терпимо тенденциозное обращение к дурным страстям, к невежеству, к людской глупости; все, что клонится к тому, чтобы сбить с толку темные массы и овладеть незрелыми умами? Книга, по содержанию и характеру своему назначаемая для круга людей, способных критически отнестись к ней, имеет иное значение, чем листок газеты, который обращается ко всем без различия, всюду вторгается и всеми читается. Может ли правительство оставлять уличное слово без контроля и отдавать малых, слабых и темных людей во власть всякому речистому шарлатану?

Правительство самодержавного государя во внутренних делах не может видеть в себе как бы одну из партий и действовать в растлевающем духе какого бы то ни было частного интереса. Умное и честное правительство, не выпустившее власти из своих рук, не будет потворствовать, под фальшивым видом либерализма, общественному обману, не будет терпеть тенденций, враждебных государству, ничего, что подкапывается под его основы, что злоумышляет против охраняемого им нравственного порядка. Но что сказать о таком правительстве, которое само стало бы участвовать в обмане и под предлогом либерализма стало бы дружить с врагами своего государя и своей страны, не только не мешая, но и помогая им деморализовать общество и вербовать себе партии? Что сказать о подобном правительстве, если бы таковое было возможно? Увы, в смуте дел человеческих и невозможное бывает возможным.

С точки зрения понимающей свое призвание власти ничто не может быть так желательно, как самоуправление общественных групп. Но всегда ли под этим

словом разумеется то, что им знаменуется? Пусть каждый уплативший свой *долг кесареви* управляется сам собой и без помехи распоряжается своими делами: это относится к сфере свободы, и чем шире эта сфера, тем лучше. Свобода и независимость – это одно и то же, но все, что имеет характер общественной власти, не должно считаться независимым. Отношения между людьми не могут оставаться вне государственного надзора, коль скоро принимают более или менее обязательный характер; но не может быть грубее ошибки, как под именем самоуправления и автономии подчинять одних произволу других. Если путь восхождения государства есть путь отбирания власти, то появление в нем независимых властей, возникновение государств в государстве есть путь его падения и расстройтва. Не странно ли под видом самоуправления узаконять корпорации и коллегии, самоуправно распоряжающиеся не своими, но чужими делами? Сообразно ли с чем-нибудь отдавать, например, высшее образование страны, а с тем вместе и судьбы ее отборного юношества на произвол замкнутых в себе и самопополняющихся коллегий? Говорят о независимости судебной власти. Но судебная власть должна быть независима лишь от произвола соподчиненных ей властей, что, однако, не значит быть в раздоре или несогласии с ними, так как все власти равно подчинены общему верховному началу, от которого ни одна не должна мнить себя независимой.

Подобные аномалии равно противны как государственному началу, так и делу свободы, и мы не выздоровеем, пока не исправим этих печальных ошибок, которых последствия уже также тяжко нами испытаны.

НАША КОНСТИТУЦИЯ¹

1882 г.

Москва, 11 мая

В какой-то газете по поводу какого-то нашего выражения, истолкованного в смысле порицания кого-то из правительственных лиц, было выражено удивление; как это нам спускают подобные дерзости, как это мы сами позволяем себе подобные дерзости, желая состоять на счету благонамеренных.

Нам уже не в первый раз приходится слышать подобные рассуждения, и не худо раз навсегда объясниться по этому предмету.

Наши воздушные партии, либералы и консерваторы, консерваторы и либералы, хлопочут о «правовом порядке», как они выражаются на своем жаргоне, и желают наделить нас, русских подданных, политическими правами. Не напрасна ли их забота? Мы, русские подданные, уже обладаем тем, что они обещают даровать нам; у нас есть даже нечто большее. Они хотят даровать нам политические права, но у нас есть политические обязанности, а это больше. В обязанностях уже заключаются права, обязанности неотлучно сопровождаются правами. Что нам в обязанность поставлено, на то нам, конечно, и право дано. Но если за обязан-

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Московские ведомости» № 130 за 1882 г.

ностью само собой следует право, то не всегда обязанность поспевает за правом, когда оно выдвигается вперед. Право, не прикрытое обязанностью, уносится налегке далеко вперед, оставляя позади себя багаж обязанностей. Напрасно нам сулят конституцию; мы уже имеем ее в нашей государственной присяге, которая обязывает всякого русского подданного радеть о пользах государя и государства. Мы обязаны свято заботиться об этих пользах в пределах возможности предотвращать всякий вред, который может угрожать им. Кто этого не делает, тот в силу нашего «правового порядка» будет изменник и преступник. А если каждый из нас обязан служить таким образом престолу и отечеству, то каждый, конечно, имеет и право исполнять эту обязанность.

Если караульный заснул, мы вправе разбудить его; если он сам ворует то, что обязан стеречь, мы вправе закричать и позвать кого следует. Мы вправе это сделать, потому что обязаны.

Мы обязаны чтить власть. Власть от Бога, учит нас церковь. Мы обязаны чтить власть не только за страх, но и за совесть. Нас, православных людей, обязывает к тому не только гражданская, но и религиозная совесть. Но чем священнее для нас это начало, тем должно быть чувствительнее всякое небрежение о нем, а еще более измена ему со стороны лиц, призванных охранять его, блюсти его честь и пользу, исполнять его службы. У нас есть общественное слово, есть печать, которой дозволено касаться предметов государственного интереса. Странно было бы, если бы эта сфера оставалась вне действия той конституции, которую мы, русские подданные, имеем в нашей государственной присяге. Люди, имеющие право общественного слова, обязаны не менее других радеть о пользах государя и государства и предупреждать всякий ущерб и вред им; только эта обязанность и дает смысл дарованному печати праву касаться политических предметов. Не считать же, в самом деле, печать «священным убежищем» для политических негодяев!

Но служить в печати государству – дело нелегкое. Как раз столкнешься с интересами, которые пользуются привилегиями власти, но не всегда правдиво и честно к ней относятся, не всегда служат ей должным образом, не всегда бывают способны понимать и исполнять ее требования и нередко вредят ее делу, вместо того чтобы служить ему. Если общественное слово видит это, то оно обязано сказать; оно изменит своему долгу, оно поступит нечестно, оно поступит подло, если не скажет.

Мы говорим вообще, ни на кого, ни на что не указывая; мы хотим только пояснить принцип, о котором зашла речь. Только при помощи ясного понятия можно правильно судить о том или другом случае, вызывающем нашу оценку. Мы хотим только пояснить, что гражданское и патриотическое чувство, полная преданность государю и государству, полная готовность сослужить правительству в его службе могут сталкиваться с действиями и направлениями лиц, которые приходят и уходят, сменяясь на чреде власти, и могут своими ошибками, своей неспособностью или недобросовестностью оставлять за собою пагубные последствия.

Разве мы могли бы дожить до ужасной катастрофы прошлого года, разве могли бы мы очутиться в нашем нынешнем положении, если бы не целый ряд прави-

тельственных ошибок, которых нельзя не видеть теперь, когда они совершились, но которых последствия можно было предвидеть? Общественное слово в свое время и предсказывало их, раскрывая ошибки и обличая обманы. Оно по возможности исполняло свой долг, но ему нелегко обходилось это. Говоря и действуя в интересах правительства, мы тут-то именно и сталкивались с лицами, которые по долгу беспристрастия старались соблюдать нейтралитет между правдой и ложью и по доброте сердца не только служили государю и государству, но и тщились снискать любовь в неприятельском лагере. Шаг за шагом русская политика переходила на тот путь, куда влекла ее таинственная крамола. Вместо того чтобы подавить ее в начале, устранив причины, которые дали ей ход и ей способствуют, принятая система действий, напротив, создавала условия, все более и более благоприятные для ее развития, и под предлогом умиротворения врагов сдавала им лучшие позиции и усиливала их, ожесточая. Из ничтожных элементов вырос призрак могущества, не имеющий никакой реальности и обязанный своим развитием только сближению с властями или сближением с ним властей. Мог ли этот призрак не приобрести обаятельную силу, когда его замыслы переходили в правительственную программу?

Скажем в виде предположения – предположения нелепого, но пригодного в настоящем случае, так как своей несообразностью оно резче выставит вопрос, о котором мы ведем речь. Вообразим себе, что в настоящую минуту, при теперешнем положении дел и настроении умов, кто-либо из влиятельных лиц возымел бы мысль под каким бы то ни было предлогом созвать то, что *эвфемически* называется «земским собором», якобы для поддержания власти в ее борьбе с крамолкой. Не была ли бы такая мысль, даже негласно в сферах власти сказанная, торжеством крамолы? Что могло бы сделать сборище людей деморализованных и смущенных, собранных вокруг правительства, которое будто бы само собой держаться не может, как лживо уверяют его противники и малодушно повторяют за ними их потворщики и пособники? Какую помощь мог бы оказать этот сброд людей правительству, пока оно не станет твердо на свои здоровые ноги, не рассеет призрак крамолы и не освободится от фальшивого мнения о своем бессилии?

Когда известного преступника Нечаева¹, по произнесении над ним приговора, выводили жандармы из залы судебного заседания, он кричал неистово: «Земский собор, земский собор!». Того же требовал и Желябов². Спрашивается, кто в своем смысле оказался бы вернее своему делу – Нечаевы и Желябовы или те фантастические, предполагаемые нами блюстители государственных интересов, которые тоже крикнули бы: «Земский собор»? Если наше правительство кому-либо кажется слабым, не способным действовать, нуждающимся в сборе людей, которые сами не знали бы, зачем они призваны, то не следует ли искать причины этой слабости не в действительных условиях правительственной власти, которые остаются невредимы и целы, а в неспособности ее случайных органов?

¹ Нечаев С.Г. (1847–1882) – организатор тайного общества «Народная расправа». В 1869 г. в Москве убил по подозрению в предательстве студента И.И. Иванова и скрылся за границу. В 1872 г. выдан швейцарскими властями. Был приговорен к 20 годам каторги; умер в Петропавловской крепости.

² Желябов А.Н. (1851–1881) – революционер-народник. Организатор ряда покушений на императора Александра II. Арестован накануне царевубийства 1 марта 1881 г. Казнен.

**НЕЗАВИСИМОСТЬ ПЕЧАТИ
(НАША КОНСТИТУЦИЯ И НАШИ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ)¹**

1886 г.

Москва, 9 декабря

За границей имеют неправильные понятия о положении и значении печати в России. К сожалению, мы сами на все смотрим чужими глазами, и потому чужим людям так легко сбивать нас с толку. Когда им бывает нужно погасить у нас свечи и обделать свое дело в темноте, они рассчитывают озадачить русское правительство указанием на его ответственность за суждения русской печати, так как-де в России, где не имеется «конституции» и «политической свободы», правительство всевластно, и потому за суждения русской печати всякое иностранное правительство может будто бы от русского правительства требовать отчета. При этом наши заграничные друзья с сожалением замечают, что не могут в этом отношении платить нашему правительству взаимностью, так как-де печать в конституционных странах не подлежит правительственному контролю и потому всякий-де там может высказываться по своему усмотрению, не вовлекая правительства своей страны в ответственность.

Наши друзья ошибаются. Мы скажем им новость, хотя эта новость, по существу своему, есть вещь очень старая. Россия обладает своего рода политической свободой; она есть страна не менее других конституционная, только не так, как другие, что зависит от ее натуры, которая, даже друзьям в угоду, измениться не может. Как и в других странах, в России есть законы; есть и закон, которым печать учреждается и которым определяется ее независимость. Мы скажем более, и скажем совершенную истину. Печать в России, и, быть может, только в России, находится в условиях, позволяющих ей достигать чистой независимости. Мы не знаем ни одного органа в иностранной печати, который мог бы в истинном смысле назваться независимым. В так называемых конституционных, в противоположность России, государствах есть партии, которые борются за власть и во власти участвуют. Политическая печать в этих странах служит для этих всевластных партий органом. Печать в этих странах не есть выражение совести, свободной от власти и не замешанной в интересы борющихся за нее партий. Каждый из этих органов имеет своим назначением способствовать успеху своей партии и заботится не о том, чтобы раскрыть и разъяснить дело, а чтобы запутать и затемнить его. В России же, где таких партий не имеется, именно и возможны совершенно независимые органы. От правительства печать в России, по существу своего учреждения, зависима лишь в том смысле, в каком все во всякой стране находится в зависимости от предрержащей власти, дающей законы, их исполняющей и бодрствующей над их исполнением. Это правда, что специально установленные правительственные власти обязаны наблюдать за направлени-

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Московские ведомости» № 341 за 1886 г.

ем печати в России, но точно так же, как правительственные же власти обязаны наблюдать за порядком и благочинием на публичных путях и ограждать общественную безопасность. Только в таком общем смысле печать в России зависима от правительства. Что не противно законам и учреждениям страны, что не оскорбляет общественной нравственности, что не служит орудием обмана и насилия, то имеет право высказываться и высказывается с совершенной независимостью. Правительство, говорят, в России всесильно; оно может-де по своему усмотрению наложить запрет на всякое мнение, хотя бы и законное, но ему неуютное. Но что такое «правительство» и что такое «может»? Лицам, находящимся во власти, не все всегда нравится и многое может казаться неудобным. Но следует ли отсюда, чтобы они считали себя вправе делать все, что каждому из них в данный момент нравится, и нарушать законный порядок по личному усмотрению? «Может!» Всякий может сделать многое, что запрещается и законом, и нравственностью, и честью, но не все такое в благоустроенном обществе делается, так что мы безопасно ходим по улицам, не подвергаясь разбойничьим нападениям. В государстве как Россия, сохранившем непоколебимую, бесспорную и священную власть, лица, облеченные ее полномочиями, менее чем где-либо вправе насилловать законную свободу и прибегать ко лжи и обману, которые служат обычным средством правительств в странах так называемых конституционных. Если что-либо подобное у нас бывает, то это не правило, на которое наши заграничные друзья могли бы ссылаться, а нарушение правила, роняющее достоинство власти.

Но мы сказали не все; наша речь еще впереди. Говорят, что Россия лишена политической свободы; говорят, что хотя русским подданным и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имеют прав политических. Русские подданные имеют нечто более, чем права политические, – они имеют политические обязанности. Каждый из русских подданных обязан стоять на страже прав верховной власти и заботиться о пользах государства. Каждый не то что имеет только право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользах, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот наша конституция. Она вся без параграфов содержится в краткой формуле нашей государственной присяги на верность. Вот наши политические гарантии. Какое же правительство, не потерявшее смысла, может отнимать у людей право исполнять то, что велит им долг присяги? Надобно только, чтобы мы поняли эту конституцию нашу во всей ее силе и умели бы ею пользоваться должным образом в устройстве и ведении наших дел. Когда не было на свете русской политической печати, не могло быть и речи о ее обязанностях. На свет же могла она явиться только как новый, особый, требуемый временем способ исполнения всеобщей обязанности радевать о пользах престола и отечества, ни в чем не разделяя их, дабы держаться на твердой почве и не теряться в бесплодных и опасных отвлеченностях. Другого смысла узаконенная в России политическая печать, обнимающая в своем кругозоре все вопросы государственной жизни, иметь не может. Всякий, кто за это дело в России серьезно берется, должен сугубо принять на свою совесть долг русского подданного. Для него исполнение этого долга по совести перестает быть случайностью и становится призванием. Он должен быть готов не только давать отпор злу, когда оно

само представится, но и выслеживать его, где бы оно ни гнездилось и какую бы личину ни принимало. Его долг доискиваться правды во всем и раскрывать ее, не смущаясь ни перед чем, не допуская никакого лицепрития, не вступая ни в какие торги с совестью, не давая сбить себя никакими прельщениями – с одной стороны, никакими вынуждениями – с другой. Вот каким должен быть серьезный политический орган в России. Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совести.

Никто не обеспечен от ошибок и увлечений, но зато ничьи мнения, в печати или не в печати высказанные, ни для кого не обязательны, тем менее толки частных лиц для власти, которая у нас одна и нераздельна и в своих решениях, безусловно, свободна. Ее верховным решениям русские люди покоряются безропотно, каких бы жертв от них ни требовалось. Но ввиду шага, опасного не для частных интересов, а для самой власти, для великого целого, которому мы должны служить самоотверженно, хорошо ли при полном убеждении оставаться без действия, не стараясь всеми способами к раскрытию дела и к предотвращению вредных последствий? Правительству полезно быть в непрерывном общении с жизнью и прислушиваться к суждениям с точки зрения своей страны. Было бы очень дурно, если бы лица во власти слышали только то, что говорят чужие люди, не желая знать, что думают и чувствуют свои. Привыкая к чужим воззрениям и руководясь чужими оценками, лица у дел, сами того не замечая, могут очутиться в лагере врагов своей страны и великодушно уступать интересы, им вверенные. Примеры такого невинного предательства, увы, очень нередки...

Заграничные друзья наши, требующие почтительного молчания русской печати по международным вопросам, должны знать, что она не вправе молчать и по делам домашним, тем менее извинительно ей хранить предательское равнодушие при игре, которую ведут с Россией иностранные правительства. Если бы иностранные правительства в самом деле позволили себе вмешаться в наши внутренние дела, то мы сказали бы им: если вы, как говорите, не имеете права контроля над самовластными партиями в конституционных странах ваших, то в России правительство еще менее может препятствовать людям в исполнении их государственного долга. К иностранным же правительствам частные лица никакого отношения иметь не должны и ничем пред ними не обязаны.

*Статьи публикуются по изданию:
Катков М.Н. Имперское слово.
М., 2002. С. 379–380, 387–391,
403–406, 474–477.*

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИХОМИРОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ¹

1891 г.

Предисловие²

...Должно сказать несколько слов о том противоречии, в котором иногда находятся высказываемые мною мысли с воззрениями юристов-государственников.

Я обрисовываю как *социальные миражи* то, что в курсах государственно-го права считается верхом современного государственного прогресса. То самое явление, которое большинству практических наблюдателей ясно представляется как *демократический парламентаризм*, как правление *представительной демократии*, рассматривается юристами как *конституционная монархия или конституционная республика*. Это не одна разница в названиях, а разница в понимании самого смысла и содержания современной политической эволюции. В классическом труде Блончли³ («Общее государственное право») выражается уверенность, что «теперь снова получает всеобщее признание античная государственная идея... Государство снова становится народным, но в более благородных формах, нежели в древности. Средневековое сословное устройство служит преддверием *нового представительного государства*, в котором весь народ представляет себя в лице лучших и благороднейших своих членов».

Достаточно этих последних слов, чтобы, при всем уважении к уму и учености столпа современного государственного права, видеть, что он рассуждает чисто кабинетным способом. Даже и политики ему кажутся «лучшими и благороднейшими членами» народа. Это для всякого практического наблюдателя звучит просто оскорбительной насмешкой над несчастными народами. Только чистой теоретичностью объяснимы также определения Блончли, будто бы «конституционная монархия включает в себе все другие государственные формы», то есть он соединяет лучшие стороны монархии, аристократии и демократии в гармоническом единении. Таковы, однако, господствующие ныне учения государственного

¹ Впервые статья была опубликована в июльской книге журнала «Русское обозрение» за 1891 г. Позднее вошла в состав книги «Демократия либеральная и социальная» (М., 1896).

² Предисловие к сборнику 1896 г., в котором была опубликована статья «Социальные миражи современности».

³ Блончли Иоганн Каспар (1808–1881) – швейцарский юрист, специалист по государственному и международному праву. Развивал идеи органической школы права. Профессор ряда европейских университетов: Цюрихского (1833–1848 гг.), Мюнхенского (1848–1861 гг.), Гейдельбергского (1861–1881 гг.). Автор книг «Современное международное право цивилизованных народов» (1868 г.) и «Общее государственное право».

права. Наш Чичерин точно так же повторяет, будто бы «ограниченная монархия представляет сочетание монархического начала с аристократическим и демократическим. В этой политической форме выражается полнота развития всех элементов государства и гармоническое их сочетание» («Основы государственной науки»). Идея государства здесь будто бы достигает высшего развития. Понятие о сложной верховной власти, о том, что субъектом верховной власти может быть целая система учреждений, путает взгляды умнейших современных государственныхников. К сожалению, такое воззрение на парламентаризм становится уже прямо школьным. В государстве *старого* порядка, учат нас ныне даже монархисты, типом которого выставляют французскую монархию XVIII века, вся полнота верховной власти сосредоточивалась в одном лице, и эта власть была потому личной и *надзаконной*. Современное же государство такой власти не знает и распределяет основные функции государственной власти между *несколькими* органами, из которых поэтому ни один не обладает неограниченной властью.

Этот эпитет – «современное» – *eo ipso*¹ делается для юристов синонимом «наиболее совершенного», «высшей ступенью развития» и т.п. Совершенно понятно далее, что достижение этой «высшей ступени» делается со стороны учеников предметом практических стремлений, которым академическая наука дает свою санкцию и поддержку.

Без сомнения, такие практические стремления были бы вполне основательны, если бы академическая наука была права в своем понимании современной политической эволюции. К сожалению, ее анализ, как и ее обобщения, а потому и цели, указываемые ею, несомненно, совершенно ошибочны. Я осмеливаюсь утверждать, что смысл современной политической эволюции состоит не в выработке смешанной формы верховной власти (задача, полагаю, и по существу абсурдная), а в замене монархического принципа демократическим, самодержавия единоличного – *самодержавием народа*. Осмеливаюсь думать, что представители государственной науки очень плохо оценивают гениальную проницательность Ж.-Ж. Руссо, которому все его парадоксы и софизмы не мешают быть истинным представителем политических стремлений XVIII и XIX веков. То, что представителям государственного права XIX века кажется стремлением к *сочетанию* монархического принципа с аристократическим и демократическим, есть в действительности постепенное уничтожение первых двух в пользу последнего. Только *книжность* изучения позволяет ученым не видеть, что столь восхваляемые ими «гармонические сочетания» суть не более как минутные компромиссы между постепенно слабеющими, но еще живыми «старыми» принципами и торжествующим «новым». Не думаю, чтобы хотя один *практический* политик нашего времени сомневался, что Европа идет именно к полному торжеству *демократии*. Кое-где эти «гармонические сочетания» уже кончились упразднением монархии и аристократии, кое-где (как в Англии) еще только клонятся к этому. Но общая тенденция эволюции совершенно ясна и ныне для всякого, кто наблюдает *факты*, а не сочиняет кабинетные теории.

Эти факты, к сожалению, гораздо менее утешительны, нежели кабинетные

¹ Тем самым, в силу этого (*лат.*).

теории «гармонических сочетаний». Далеко не возрождение античных государственных идей имеем мы в том, что наука указывает нам в «современных» идеалах. Действительность современной эволюции представляет *большую мечту*, стремление к *химере*, погоню за *социальными миражами*. Не к созданию «высших» форм государственности идет она, а к истощению государственной идеи, к постепенному разложению всякого разумно организованного государства, с окончанием его либо в анархии, либо в деспотическом социализме. Настоящая *идея* современной эволюции именно *в этом*.

Я обрисовываю ее кратко, без сомнения, даже слишком кратко... Но то, что я обрисовываю, во всяком случае, есть плод наблюдения самой эволюции, какова она есть, а не натягивание на факты каких-либо собственных желаний. Что касается этих последних, то есть желаний, они у меня, быть может, не далеки от тех, которые подсказывают «государственникам» их иллюзии. Правильное и гармоническое сочетание в государстве основных элементов власти, без сомнения, составляет залог полноты жизни государства. Но дело в том, что наше время именно менее всего думает о таком сочетании. Сверх того, позволю себе остаться при убеждении, что сочетание монархического, аристократического и демократического элементов никак не может быть производимо собственно в *верховой власти*, которая, по существу, может быть только едина и нераздельна. Это сочетание возможно лишь в организации *управления*, а потому наиболее достижимо, полагаю, именно при *неограниченной монархии* как такой форме верховной власти, которая допускает наиболее спокойное искание *общественного блага* при наибольшей свободе от эгоистических стремлений тех или иных классов народа.

I

В конце XVIII века передовые представители социальной мысли сознавали себя пред некоторой «новой эрой», которая хоронила все старые «предрассудки» и впервые ставила человечество на настоящую дорогу, «разумную» и вместе также «естественную». Эти два понятия сливались в чем-то несказанно сильном и великом. Горделивое чувство радости наполняло тогда сердца людей перед тем, что казалось великим, еще небывалым откровением разума. «Мой милый, милый батюшка, – пишет тогда Камилл Демулен¹ отцу, – вы не можете составить себе даже представления о той радости, которою наполняет меня наше возрождение... Как я благодарю небо, – восклицает он, – за то, что родился в конце этого века!»².

Таково было общее чувство. «Все говорит нам, – пишет Кондорсе³, – что мы вступаем в эпоху одной из величайших революций рода человеческого... Современное состояние просвещения гарантирует нам ее счастливый исход»⁴.

¹ Демулен Камилль (1760–1794) – журналист, видный деятель Великой французской революции. Один из инициаторов штурма Бастилии в 1789 г. Депутат Конвента. Казнен.

² «La France libre» («Свободная Франция») (прим. Л. Тихомирова).

³ Кондорсе Жан Антуан де (1743–1794) – маркиз, французский философ-вольнодумец, Покончил с собой в тюрьме. Автор книги «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794 г.).

⁴ Кондорсе Ж. Progrès de l'esprit humain (Прогресс человеческого разума). Вступление (прим. Л. Тихомирова).

Да и как было думать иначе! Люди уверились не только в том, что «совершенствование человека бесконечно (indefinie)», но что «движение этого совершенствования отныне не зависит уже ни от какой силы, которая вздумала бы его остановить, и не имеет другого конца, кроме конца существования земного шара».

«Природа, – говорит философ революции, – неразрывно соединила прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к *естественным правам* человека»; эти «единственно реальные блага», в прошлом разъединяемые «предрассудками», становятся неразрывно связанными с момента, как просвещение достигло известной степени развития. Блаженный момент наступил и кладет начало новой эре. «Это объединение уже совершилось в целом классе просвещенных людей», который ускорит совершенствование и счастье человечества¹.

Светлой картиной развевалось будущее перед мысленным взором реформаторов. С этой поры горделивых мечтаний прошло сто лет. Два века, не жалея ни крови, ни нервов, работали над осуществлением царства свободы и равенства. Либеральный демократизм, олицетворивший новые принципы, сделался господствующим на всем пространстве европейской культуры. Политическая и социальная жизнь народов переделана сверху донизу. Но тяжело было бы пробуждение кого-нибудь из пророков XVIII века, если б он мог, восстав из гроба, посмотреть на действительность осуществленных мечтаний его!

Не будем уже говорить о счастье, о довольстве. Оставим в стороне субъективные взгляды, но как не похоже осуществление на мечты даже с чисто объективной точки зрения! А ведь для XVIII века это были не *мечты*, это казалось тогда реальнейшей из всех реальностей! Не фантазия «предрассудков», а разум тогда пророчествовал. Что же должно думать, когда его пророчества ни на одном пункте не оказываются верными? Ни одно предвидение не осуществилось, и развитие жизни идет в противоречии с ними несмотря на то, что старается именно их осуществлять и даже думает, будто их осуществляет. Проницательный ум пророков и софистов XVIII века был бы поражен, может быть, более всего именно этим «неразумным» состоянием умов их же собственных учеников и последователей.

Объединение разума и просвещения со стремлением к реализации «естественных» прав, которое XVIII век объявил уже готовым фундаментом бесконечного прогресса, прежде всего оказывается мифом. Продолжатели дела XVIII века, современные демократы и революционеры, конечно, по старой памяти продолжают воображать себя интеллигенцией и воспевают себе гимны под видом

Armée de la pensée,
Armée toujours sacrée,
Qui fait par le progrès
Marcher l'humanité!²

Но в действительности настоящая «armée de la pensée» XIX века, представи-

¹ Кондорсе Ж. Указ. соч. (прим. Л. Тихомирова).

² Армия разума, армия всегда священная, которая заставляет ради прогресса маршировать человечество! (франц.).

тели его точных знаний и развивающейся мысли, люди науки все столетие только и делают, что подрывают основы, на которых строились политические и социальные идеалы XVIII века и либерального демократизма нашего времени. Эти идеалы и наука разъединились в полную противоположность XVIII веку. Требуя свободы, равенства и демократии, Руссо или Кондорсе, казалось им, основывались на точном анализе природы человека и природы общества. Они могли математически ясно показать, как, например, *естественная свобода личности*, проходя сквозь *общественный договор*, сказывается затем в известных формах *политических вольностей*, подобно тому как луч света, проходя сквозь призматическую среду стекла, проявляется на экране в виде того или иного спектра. Требование демократического строя являлось не произвольным делом личного вкуса, а простым указанием объективного закона социальной природы. Ничего подобного не существует ныне. *Выводы* о необходимости политических вольностей затвержены наизусть, но *посылки*, из которых они только и вытекают, совершенно разрушены наукой. Выводы стали предметом общего верования, но висят на воздухе со всеми признаками ненавистных XVIII веку «предрассудков». Говорят и нынче о естественных правах, но в качестве совершенно бессмысленного выражения, которое еще годится для оратора, но никак не для человека науки. Говорят о народном представительстве, о том, что правление без представительства есть узурпация, о том, каковы наилучшие формы выборов, о том даже, что и меньшинство не должно оставаться без представительства. Но почему вообще нужно представительство и даже что, собственно, оно «представляет» – ни один человек не сумеет объяснить. Говорят нынче о свободе, но откуда она взялась и что означает – никому не известно, и меньше всего специалистам-психологам, которые гораздо охотнее и толковее расскажут нам о роковых влияниях, принудительно определяющих действия человека. В этом отношении контраст двух веков разителен. Тогда разум и политическое действие, как формулировал Кондорсе, сливались неразрывно. Теперь между ними не улавливается никакой ясной связи.

Единение оказалось несколько менее продолжительным, нежели жизнь земного шара! Оно длилось один момент и сменилось все более резким расхождением. Пути движения материалистического разума и духовных «естественных прав» пересеклись на мгновение в одной точке, блеснув в ней иллюзией «объединения», и столь же быстро снова расходятся на все более расширяющееся расстояние. Одновременно с этим быстро расшатывается, истрепывается *либеральный демократизм*, который в XVIII веке представлялся чем-то вечным. Ему на смену выступает более «разумный» *социальный демократизм*, уже и ныне оспариваемый отрешившимся ото всякого «разума» *анархизмом*.

II

Никогда в жизни покойный И.С. Аксаков не находил более счастливого выражения, как назвав современное обществом «обществом христианским, но отрекшимся от Христа». В этом вся суть, вся оригинальность, все судьбы общества, вводимого в историю «новой эрой». По многому множеству обстоятельств разви-

тие мысли в странах европейской культуры пошло по линии материализма. Реальное существование духовного мира, мистического элемента мировой жизни, стало для людей сказкой и фантазией. XVIII век вполне усвоил это течение мысли. И, однако же, перестав верить в Бога христианского, люди все-таки оставались его созданием. Их душа со своим нравственным содержанием оставалась душой христианина, хотя бы искаженной. Отрешиться от того нравственного содержания, которое дала душе человеческой христианская выработка или, по крайней мере, воздействие, люди не могли и до сих пор не могут. Стремления, создаваемые этим содержанием, требуют себе места и удовлетворения. XVIII веку принадлежит первая попытка гармонически слить эти стремления с чисто материалистическим содержанием жизни. Отсюда кажущаяся оригинальность его. На самом деле основные понятия, на которых XVIII век начал строить новое общество, все составляют отголосок христианства. Понятие о достоинстве личности, ее свободе, общем равенстве, правах человека, предшествующих общественным правам, идея о природном совершенстве и усовершенствовании человека – все это осталось от христианства, с теми необходимыми искажениями, какие сами собой являлись при отрицании реальности духовного мира. В самых понятиях XVIII века об обществе явно материализованное воспоминание о Церкви. С церкви скопировано представление об обществе как о некоторой коллективности, определяемой исключительно духовной природой человека. Космополитизм нового общества, таинственная *народная воля*, будто бы насквозь его пропитывающая, всем непонятно управляющая и при всех частных ошибках остающаяся непогрешимой, – все это отголоски христианской церкви. Это на всех пунктах «Царство не от мира сего», втискиваемое в не вмещающие его рамки именно «сего мира»...

Современное общество, раздираемое этим основным противоречием, умом не сознает его и даже отрицает. Материалистическое понимание жизни укоренилось так прочно, что люди большею частью просто неспособны *серьезно* принять во внимание действие духовного элемента. Какое же тут, говорят, противоречие? Действительно, ценный элемент христианства составляют его *нравственные* понятия, высокая концепция *личности*. Новая эра именно и удержала их. Она отбросила лишь отживший, мистический элемент христианства. Не естественно ли это? Не так ли совершается в мире всякий прогресс, удерживая из пережитого все ценное и отбрасывая ненужную ветошь? На этом-то, однако, и ошибается нынешний век. Он не понимает, что из христианства нельзя выбросить его мистического начала, не уничтожая тем самым социального значения создаваемой им личности. Христианские нравственные понятия исторически в высшей степени благотельно отразились на земной, социальной жизни. Однако же это происходит лишь в том случае, когда христианин остается вполне христианином, то есть живет не для земной жизни, не в ней ищет осуществления своих идеалов, не в нее вкладывает свою душу. Совершенно иное получается, если христианин остается без руководства божественным авторитетом, без духовной жизни на земле и без окончательных загробных целей этой духовной деятельности своей. Он остается тогда с безмерными требованиями перед крайне ограниченным миром, неспособным их удовлетворить. Он остается без дисциплины, потому что ничего в

мире не знает выше своей личности, ни перед чем не преклонится, если нет для него Бога. Он не способен уважать общество как явление материальное, не преклонится и перед большинством таких же, как он, личностей, потому что из их суммы еще не получается личности более высокой, чем он. Участь и социальная роль такого человека самая несчастная и зловредная. Он или является вечным отрицателем действительной социальной жизни, или будет искать удовлетворения своих стремлений к безмерному в безмерных наслаждениях, безмерном честолюбии, в стремлении к грандиозному, которое так характеризует большие XVIII–XIX века. Христианин без Бога вполне напоминает сатану. Недаром образ неукротимой гордыни так прельщал поэтов XVIII века. Мы все – верующие или не верующие в Бога – настолько Им созданы, настолько неспособны вырвать из себя заложенного Им божественного огня, что нам невольно нравится эта духовная, безмерно высокая личность. Но посмотрим с холодным вниманием рассудка. Если нам нужно лишь хорошо устроить земную, социальную жизнь, если кроме нее ничего не существует – тогда с какой стати называть высокими, возвышенными те качества и стремления, которые с земной точки зрения только фантастичны, болезненны, не имеют ничего общего с материальной действительностью? Это качества человека ненормального. Он, скажут, полезен уже своим вечным беспокойством, стремлением к чему-то другому, не тому, что есть. Но это стремление было бы полезно лишь при реальных в основе идеалах. Беспокойство же христианина, лишенного Бога, выбивает мир из status quo лишь затем, чтобы тащить его каждый раз к материально невозможному.

Ошибаются те, которые видят в XVIII–XIX веках возрождение античных государственных идей. Язычник был практичен. Его идеи не усложнились христианскими стремлениями к абсолютному. Его общество могло развиваться спокойно. Участь же общества христианского по нравственному типу личности, но отрекшегося от Христа в приложении своих нравственных сил, по справедливому выражению И. С. Аксакова, сводится к вечной революции.

К этому привела и попытка XVIII века создать новое общество. Философия успела поставить такой идеал общества, пред которым личность, выработанная восемнадцатью веками христианского воздействия, согласилась преклониться. Но что же это за общество? Чистый мираж. Оно построено не на действительных законах и основах социальной жизни, а на фикциях, выведенных логически из духовной природы человека. Как только попробовали устроить такое общество, немедленно оказалось, что предприятие немислимо. Правда, успели разрушить старый исторический строй и создали новый. Но каким путем? Оказалось, что это новое общество живет и держится только потому, что не осуществляет своих иллюзорных основ, а действует вопреки им и в новой форме воспроизводит лишь основы старого общества.

III

Стоит действительно сравнить фактические основы либерально-демократического строя с теми, которые ему предписывает создавшая его поли-

тическая философия. Противоположность полнейшая!

Руссо, конечно, фантазировал, толкуя о народной воле, которая будто бы единая, всегда хочет только добра и никогда не заблуждается. Но не нужно забывать, что он говорил вовсе *не о той* народной воле, о какой толкуют наши депутаты, избиратели и журналисты. Руссо сам вырос в республике и в такие ловушки не попадался. Он заботливо оговаривается, что «часто есть разница между *волею всех* (*volonté de tous*) и *общей волей* (*volonté générale*)»¹.

Волю всех, на которой воздвигнут наш либеральный демократизм, Руссо искренне презирал. Устройство и правление, учил он, совершенны лишь тогда, когда определяются *общей волей*, а не эгоистической, устрашаемой и подкупаемой *волей всех*. Для создания нового, совершенного общества необходимо достигнуть обнаружения и действия именно *общей воли*.

Но как же достигнуть этого? Тут Руссо становится опять в коренное противоречие с практикой своих учеников. Он требует прежде всего уничтожения частных кружков и партий. «Для правильного выражения общей воли нужно, чтобы в государстве не было частных обществ и чтобы каждый гражданин выражал только свое личное мнение» (*n'opine que d'après lui*). Только в этом случае из множества частных отклонений получается известный осадок общей воли и обсуждение всегда окажется хорошо. С появлением партий все пугается, и гражданин выражает уже не свою волю, а волю данного кружка. Когда начинают чувствоваться такие частные интересы и «малые общества (кружки, партии) начинают влиять на большое (государство), общая воля уже не выражается волей всех». Руссо требует поэтому уничтожения партий или по крайней мере численного обессиления их. Как самое крайнее условие, уже безусловно необходимое, нужно, чтобы не существовало такой партии, которая была бы заметно сильнее остальных. Если не достигнуто даже этого, если «одна из этих ассоциаций (партий) настолько велика, что преобладает над всеми другими, – *общей воли более не существует и осуществляемое мнение есть мнение частное*»².

Другими словами – демократии, правления народной воли уже не существует.

Так же решительно, так же настойчиво Руссо доказывает, что народная воля не выражается никаким *представительством*. Представительство он, как искренний и логический демократ, просто ненавидит, не может его достаточно не заклеймить. Когда, говорит он, граждане развращаются, они учреждают постоянную армию, чтобы поработить отечество, и *назначают представителей, чтоб его продать*³.

Он и рассуждает о представительном правлении в отделе о смерти политического организма. Ни народное самодержавие, говорит он, ни народная воля не могут быть ни передаваемы, ни представляемы по самому существу вещей.

Нетрудно представить, что сказал бы Руссо о наших республиках и конституционных монархиях, о всем строе либерального демократизма, который держит-

¹ Руссо Ж.-Ж. *Du contrat social* (Об общественном договоре). Кн. 2, гл. 3 (прим. Л. Тихомирова).

² Указ. соч. (прим. Л. Тихомирова).

³ Там же (прим. Л. Тихомирова).

ся исключительно тем, что проклинал пророк его. Этот строй целиком основан на *представительстве*, он безусловно немислим без *партий*, и, наконец, правление страны основано непременно на *преобладании* одной какой-либо партии в парламенте. Когда такого преобладания нет – правление готово остановиться и приходится распускать парламент в надежде, не даст ли страна такого представительства, в котором, по терминологии Руссо, не существует общей воли, а только «частное мнение».

И эта политическая система, в довершение логики, освящается все выносящей фикцией народной воли!

Вырождение чистой демократической идеи Руссо в идею парламентарную произошло, однако, вовсе не по чьей-нибудь злонамеренности, не по преднамеренному желанию учеников исказить идею учителя. Если Руссо забыт в настоящее время, то в эпоху первой французской революции его сочинения играли роль настоящего политического катехизиса. В последовательности и энергии первых организаторов новой эры тоже никто не усомнится. Это были люди, способные восклицать: «Perisse la France, pourvu que le principe vive»¹. Но теория требовала таких невозможностей, что на практике от них нельзя было не отступить в первую же минуту действия. Статья 6 Декларации прав и обязанностей человека и гражданина уже объясняет: «Закон есть общая воля (La volonté générale), выражаемая большинством граждан или их представителей»².

Эта *общая воля*, выражаемая *большинством представителей*, привела бы в ужас автора «Contrat social», но как же было иначе формулировать? Где же было искать «настоящую» общую волю? В тот же самый момент появляются и партии. Именно прозелитам народной воли пришлось водворять свои идеи путем жесточайшей диктатуры партий. По Руссо выходило, что здесь «общей» воли более не существует и осуществляемое мнение (то есть весь демократический строй) есть мнение частное. Но как было иначе поступить? «Члены конвента, – как метко формулирует Лаверде, – будучи прозелитами *Contrat social*, в теории признавали верховную волю нации, потому что демократический принцип был тогда последним словом науки. Но на практике они не могли допустить этой воли нации, потому что обладали здравым смыслом. Когда дело коснулось того, чтобы предать ковчег революции на произвол океана народной бессознательности, они почувствовали, что он бы пошел ко дну, и не осмелились»³.

Этот строй, основанный на вопиющем противоречии теории и практики, так и развивается до конца. Конституционное право уже с Бенжамена Констана⁴ начинает даже отрекаться от той идеи, которая, однако, только и дает новому строю историческое право на существование. Государственная наука уже не скрывает от себя, что новый строй есть существенно *представительный* и что он составляет некоторую аристократию. «Принцип представительной демократии, – гово-

¹ Пусть падет Франция, чтобы жил принцип (*франц.*).

² Конституция 5 фруктидора III года. Manuel républicain. Paris, an. 7 (*прим. Л. Тихомирова*).

³ «Les assamblées parlantes» («Совещательные собрания», *франц.*) (*прим. Л. Тихомирова*).

⁴ Констан де Ребекк Бенжамен Анри (1767–1830) – французский политический деятель, литератор. Автор «Курса конституционной политики» (1816–1820 гг.).

рит Блончли, – таков: *лучшие* люди из народа должны управлять от его имени и по его поручению... *Власть* в государстве вручается большинству, а приложение ее – *меньшинству*». Народ, значит, ставится откровенно в положение *Souverain qui regne mais ne gouverne pas*¹. Но кто же дал право на такое истолкование стремлений новой эры? В нем проявляется лишь то общее обстоятельство, что научная мысль XIX века не имеет ничего общего с действительностью его практики, с идеалами, влекущими массы к их революционным стремлениям. В настоящее время этот разлад не озабочивает банальных демократов, потому что, строго говоря, они никакой теории не имеют. Тот же самый Рошфор², который постоянно кричит о народной воле, способен печатно заявить, угрожая противникам революцией: «Ведь мы знаем, как делать народную волю!». Можно ли допустить, чтобы он в глубине души уважал ее? Флоке³ во время самого разгара буланжистского движения произнес замечательную и произведшую впечатление речь, которую я, к сожалению, могу цитировать лишь на память. «Мы, – приблизительно сказал он, – покорные слуги демократии, мы готовы безусловно, *слепо* (подлинное его выражение: *aveuglement*) исполнять народную волю. Одного мы не можем сделать: допустить уничтожения *демократических учреждений*, потому что тогда народная воля не будет проявляться». Итак, они готовы слепо исполнять волю нации, но когда эта нация кричит о распущении палаты и пересмотре конституции, то демократы, правильно или ошибочно догадываясь, что пересмотр при помощи Учредительного собрания даст диктатуру генералу Буланже⁴, назначают Констана, а Констан переделывает народную волю, поставив своим префектам ультиматум: или голосование будет против буланжистов, или префект слетает с места! С одной стороны, это кажется настоящим цинизмом. С другой стороны, формула Флоке тоже совершенно верно схватывает *внешность* положения. Демократические учреждения действительно необходимы. Дело только в том, что они необходимы вовсе не для *проявления* народной воли, а как средство *внушения* народу некоторого подобия воли. Это обстоятельство в высшей степени существенное, которое более всего уясняет настоящую природу так называемой народной воли.

IV

XVIII век видел в народной воле такое же открытие для политики, какое закон тяготения создал для астрономии. Практика народной воли за целое столетие в различных странах представила в народном самодержавии картину такой бесплодности, что теперь иные уже спрашивают себя: не есть ли народная воля чистая фикция? Лаверде, который вовсе не реакционер и, напротив, очень передовой

¹ Суверен, который царствует, но не управляет (*франц.*).

² Рошфор Анри (1830–1913) – французский политический деятель и публицист. Выступал против Второй империи. В дальнейшем буланжист и критик Дрейфуса.

³ Флоке Шарль Томас (1828–1896) – французский политический деятель. В 1888–1889 гг. возглавлял кабинет министров, будучи министром внутренних дел.

⁴ Буланже Жорж Эрнест Жан Мария (1837–1891) – французский государственный и военный деятель, генерал. Участник экспедиции в Африке, войн в Италии, Индокитае и франко-прусской войны. В 1886 г. был недолгое время военным министром в кабинете Фрейсине. Кончил жизнь самоубийством.

человек (что-то вроде анархиста), утверждает, что существует лишь парламентаризм, а не представительное правление, и это по той простой причине, что никакой народной воли, которую бы можно было представлять, вовсе не существует. Кто прав в этих двух крайностях, столь противоположных?

Но для решения этого нужно прежде спросить себя: что такое, собственно, народная воля, пред которой преклоняются или которую отрицают? Замечательно, что при бесчисленных рассуждениях о народной воле люди менее всего задумывались над этим фундаментальным, казалось бы, вопросом.

Что такое самый народ? К понятию о нем можно подходить с двух весьма различных точек зрения.

Всякий народ, во-первых, представляет нечто историческое целое, длинный ряд последовательных поколений, сотни или тысячи лет живших наследственно передаваемой общей жизнью. В этом виде народ, нация, представляет некоторое социально органическое явление с более или менее ясно выраженными законами внутреннего развития. В этом виде народ, нация, составляет вместе с тем несомненный научный факт. Вся наша наука XIX века знает только этот народ, говорит нам только о нем. Но политики и демократическое направление рассматривают народ не в этом виде – исторического, социально органического явления, а просто в виде суммы *наличных обывателей страны*. Это есть вторая точка зрения, которая рассматривает нацию как простую ассоциацию людей, соединившихся в государство, потому что они этого захотели, живущих по тем законам, какие им нравятся, и произвольно изменяющих, когда им вздумается, законы своей совместной жизни.

Где же искать *волю народа*? В какой форме, в каком понимании слова «нация» эта нация имеет некоторую общую всем членам ее волю? Можно ли сказать, что такой общей всем воли совершенно не существует? Нет, в этом отношении Руссо был вполне прав. Чутье, замечательное вообще, не обмануло его и тут. Он чувствовал, что в нации есть какая-то *общая воля*, и совершенно правильно заключал, что наилучшее, наиболее всех удовлетворяющее и наиболее прочное государство будет то, которое функционирует сообразно с этой общей волей. Он совершенно правильно понимал, что такое общество будет *свободно*, то есть что принудительные меры в нем теряют тиранический, насильственный характер, ибо принимаются населением добровольно. Он был прав, провидя в этой общей воле нечто *единое, неподкупное, разумное*, то есть, стало быть, нечто весьма благодетельное в смысле основы управления. Непоправимая ошибка Руссо заключалась лишь в том, что он захотел искать *общей воли* именно там, где есть лишь презираемая им *воля всех*. Он не только под влиянием осиротелого христианского чувства идеализировал, безмерно одухотворил общую волю, но, сверх того, в противность всем фактам, упорно *хотел* видеть эту обожествленную общую волю именно в ассоциации данных наличных обывателей данной страны.

А между тем некоторая общая воля существует лишь как унаследованный вывод исторических традиционных привычек, как результат долгого коллективного опыта. Это то, что называется гораздо лучше *духом* народа. Но мог ли Руссо искать общей воли в этой области? Ведь это значило бы отказаться от идеи но-

вого общества, общества идеализированного, одухотворенного. В историческом обществе есть известное присутствие общей воли, разумности, неподкупности и т.п. Но в этом же обществе еще больше чисто материальной необходимости, инерции раз сложившегося типа, в котором очень много чисто животных элементов. Руссо не имел надобности долго размышлять, чтобы видеть все это в исторически разлагающейся Франции «старого строя». Мог ли он религиозно преклониться пред этим обществом и пред общею волей, в нем жившей? Понятно, нет. Это возможно для языческого нравственного типа, но никак не для христиански утонченного. Для христианина с начала и до конца веков царство мира сего есть факт простой материальной необходимости, уважаемой, как всякое условие, предписанное божеством для земной жизни нашей, но, как и все эти условия, непригодное для духовного преклонения. Высшее не склоняется пред низшим. В историческом, действительно существующем обществе христианская душа не способна создать себе кумира. А кумир ей необходим, когда она потеряла Бога. И кумира этого не из чего создать, кроме общественной жизни, которая одна во всей природе представляет некоторые следы чего-то духовного. Приходится внутренним психологическим криком сочинять себе новое общество, и даже такой гениальный человек, как Руссо, готов обмануть себя самыми ничтожными софизмами, утопить свой разум в тумане самых безнадежных фраз, лишь бы за этим туманом получились обманчивые контуры общества, способного послужить суррогатом идеи Божества.

V

Собственно для *народоправства* не годится и традиционная народная воля, которая дает только общий дух, общее направление, но никак не частные указания по тысяче вопросов ежедневного законодательства и управления. Эти вопросы, последовательное и сменяющееся решение которых составляет управление страной, ясны только при постоянном специальном их изучении, другими словами – они ясны только для лиц того слоя, который специализируется именно на делах управления, на делах политики. Только этот *правлящий* слой имеет в отношении их какую-нибудь волю. Поэтому такой класс и появляется неизбежно, несмотря на все наши теории. Собственно же народная воля с характером всеобщности, единства проявляется лишь в редких, исключительных случаях: «война насмерть», «мир во что бы то ни стало», «долой узурпатора» и т.п. Эти случаи не только редки, но, сверх того, в них народная воля настолько ясна, что не требует никаких голосований, и настолько могуча, что нет власти, которая бы ей не подчинилась. Такая народная воля существовала, существует и будет существовать во всех государствах мира. Не о ней шла речь, не на ней начали строить новое общество. Либеральный демократизм обратился к наличной сумме обывателей страны с требованием, чтоб этот народ высказывал свою волю по всем текущим вопросам управления: повышать пошлину или понижать? Занимать такую-то колонию или не занимать? В одной или в другой форме вести государственное хозяйство? Абсурд, невозможность! Не подлежит ни малейшему сомнению, что

у массы обитателей страны физически не может быть *общей* воли по всем этим вопросам, а существует или безразличие, или недоумение, когда вопрос прямо не затрагивает человека, или ряд частных, эгоистических и взаимно противоположных желаний. По каждому вопросу найдется несколько человек, действительно знакомых с ним, рассуждающих умно и бескорыстно, но, во-первых, и их мнение только частное, а во-вторых, такой ценный голос имеет ровно столько же веса на баллотировке, как голос человека глупого и ничего в вопросе не смыслящего. Во всяком случае, имеется не общая воля, а ряд частных мнений. Правда, над этим хаосом безразличия и единоличных, противоречивых желаний носится некоторый общий дух, наследие традиций, продукт прошлого. Но сделать самостоятельно выводы из этого духа масса может только в редких, особенно ярких случаях. По случаям обыкновенным, мелким, из которых, однако, слагается все правление, масса народа даже *не сумеет* сделать правильного вывода из своих смутных традиционных желаний и уж во всяком случае *не успеет*. Общее мнение складывается очень медленно, от человека к человеку, с отступлениями, с колебаниями. Кто имел дело с собраниями, тот знает, как трудно сложиться общему мнению даже каких-нибудь десятков человек по *новому* вопросу. А вопросы управления все новы, являясь каждый раз в новых комбинациях и в новой обстановке. Если бы народ серьезно, добросовестно вздумал отнестись к требованию высказать свою *волю* по вопросу, положим, о котиковом промысле на Командорских островах, ему бы на обсуждение потребовались десятки лет, и затем решение натурально оказалось бы никуда не годным, потому что, может быть, к тому времени уже на островах не осталось бы ни одного зверя. Не говорю уже о том, что решение в большинстве случаев было бы, конечно, менее основательно, чем решение двух-трех специалистов. Но, сверх того, вопросы правления требуют решения своевременного, то есть быстрого. При этом условии никакой *общей*, никакой даже воли большинства в отношении их никогда не существует. Ответы, даваемые этим большинством, включая в то число даже вполне образованных и умных людей, будут непродуманны, случайны и ничуть даже не выразят их действительной (*in potentia*) воли. Может быть, через полчаса после подачи голосов большая часть большинства будет готова голосовать за противоположное мнение, и совершенно искренне, потому что ни в том, ни в другом решении она ровно ничего не смыслит и судит по легковесным, случайным подсказываниям лиц знающих или заинтересованных. Решение осуществится, и завтра же миллионы голосов будут готовы закричать, что они вовсе не желали подобной глупости!

Общей воли в огромном большинстве случаев нет и не может быть во всякий данный момент. Если бы либеральный демократизм вздумал оставаться верным теории, то он на другой же день заморил бы страну голодом, потому что *общего* решения не получил бы по самым элементарным вопросам, и вся политическая машина сразу должна была бы остановиться. Это такое несообразное требование, которое никакими силами не осуществимо. Поэтому *общее* мнение, требуемое теорией, заменяется якобы мнением большинства. Что это значит? Значит ли, что большинство действительно имеет одинаковое мнение? Ничуть. Лица этого большинства точно также не имеют той воли, которую выражает количество

их бюллетеней. Они даже никакой воли не имеют относительно данного вопроса. Но введение принципа большинства выводит страну из нелепости чисто механически. Если заставить всех говорить «да» или «нет», то, понятно, какое-нибудь большинство получится на бумаге, а стало быть, становится возможным принять какую-нибудь меру. Частные лица, находясь в недоумении, иной раз загадывают: сойдутся пальцы – пойду направо, не сойдутся – налево. Либеральный демократизм совершенно такой же способ нашел в фикции «большинства голосов». Это большинство ровно ничего не доказывает. Может быть, решение, указанное им неосновательно, может быть, количество действительных волей не имеет никакого отношения к количеству бюллетеней. Во всяком случае, пальцы сошлись, можно принять меру, можно действовать. Правление становится возможным, а это, конечно, главное. Поэтому введение принципа большинства голосов вполне практично. Но как заставить народ голосовать?

Требование от народа выражения воли по множеству вопросов, в которых он ничего не понимает, приводит массу в такое состояние, в котором она просто не захотела бы оставаться. В самом деле, есть ли смысл терять время сегодня, завтра, послезавтра на голосование, когда подающий голос прекрасно чувствует, что ничего не понимает в вопросе и даже им нимало не интересуется? «Решайте себе как знаете, какое мне дело!» Настаивая на своем требовании, либеральный демократизм добился бы только того, что подавляющее большинство не стало бы заниматься «пустяками» и вовсе не давало бы голосов. При этом правление становится опять немислимым, так как если б и получалось все-таки большинство в несколько сотен заинтересованных голосов, то остальная масса на подобные решения не обращала бы ни малейшего внимания; стало быть, на исполнение решения не хватало бы силы. Ввиду этого является необходимость дальнейшего искажения демократической идеи. Демократические учреждения дополняются представительством и партиями. Представительство само по себе, конечно, есть фикция. Нельзя представлять того, чего нет. Но оно облегчает для народа «неудобоносимые бремена» теории и ограничивает выражение «народной воли», заставляя ее высказываться лишь в отношении *лиц и программ*. Это уже легче. Но и лицами, и программами способно интересоваться лишь меньшинство, по страсти, выгоде или убеждению более занимающееся политикой. Из этого-то маленького меньшинства возникают *партии*, одним концом коренящиеся в правительстве, а другим разжигают народ и собирающие голоса. Так является *правящее сословие*. Настоящая природа социальных явлений обращает в ничто все фантазии теорий и создает *класс* там, где вся задача теории состояла в уничтожении его. Появление партий приводит в изумление самих демократов. Что за причина, откуда взялись? Брайс¹, большой поклонник демократии, в своем любопытном исследовании американских учреждений очень хорошо обрисовывает значение этих «существующих *вне закона* групп, которые называются политическими партиями». «Организация партий, – говорит он, – служит для органов управления почти тем же, чем служит двигательная сила нервов для мускулов, жил и костей

¹ Брайс Джеймс (род. в 1838 г.) – английский политический деятель, историк и адвокат. Профессор гражданского права в Оксфорде в 1870–1893 гг. Входил в кабинеты Гладстона и Розбери в 1880–1890 гг.

человеческого тела. В их руках находится практическое применение конституции и системы управления»¹.

«Совершенно не предусмотренное конституцией, не регламентируемое ею, не имеющее никакой ответственности, ничем не ограничиваемое, возникает могущественное сословие в 200 000 человек, занимающихся исключительно политикой и добывающих этим способом средства к существованию»².

Это учреждение партий составляет непрременную принадлежность демократического строя. Фикция народной воли остается на бумаге. Для существования же страны нужна некоторая реальная правящая воля. Она и является в политиканствующем сословии. Его задача – заставить произносить народ различные «да» или «нет», для чего партии агитируют, стараются растревожить массу, убедить ее в важности и правильности предлагаемых мер или же устрашить, обмануть, наконец, просто купить так или иначе голоса. Так или иначе, народ подает голоса, которые можно подсчитывать и их числом импонировать самому народу. Получается возможность, во-первых, править, принимать меры, во-вторых, убедить самую массу, будто бы в ней действительно есть такое-то большинство, желающее такой-то меры. Эта иллюзия придает принимаемой мере известный авторитет. В общей сложности получается строй, способный существовать. Но какой ценой он получается? Что осталось в нем от принципа? Где в нем народная воля?

Вместо народоправства мы имеем тут *парламентаризм* и господство *партий*. С формальной стороны народом правят якобы его представители, якобы осуществляющие его волю, которой на самом деле нет и не было бы даже в том случае, если бы народ был предоставлен в решении вопросов свободному внутреннему самоуглублению. Однако и этого невозможно предоставить народу, так как государство не академия и ему приходится дело делать, а не размышлять по несколько лет о всякой мелочи. Выдвигаются поэтому партии, правдами и неправдами внушая народу волю. Тут народ теряет уже всякую возможность самоуглубления. Он в лучшем случае обсуждает лишь те аргументы, которые ему представляются партиями, и ставит решения, ими подсказанные. В частной жизни ни один человек не позволил бы с собой так обращаться и не признал бы для себя нравственно обязательными таким образом вырванные у него мнения. «Помилуйте, – скажет он, – вы меня затормошили, наговорили чего-то, я ничего не обдумал. Это значит просто ловить человека на слове». Но именно поэтому в политической агитации стараются не допустить и такого жалкого обсуждения. Если начинается обсуждение – являются сомнения, дело затягивается до безнадежности. Многие начинают желать получить понятие о предмете, вдуматься и в конце концов, может быть, решать совсем не так, как желательно партии. Поэтому политиканы стараются не убедить, а получить голоса. Самое же верное средство получить голоса – это ослепить народ, загипнотизировать его шумом, треском, внезапными ложными сообщениями, вообще сорвать решение. Это тактика так называемого *surprise*, одинаково царствующая по всем парламентским демократиям. Народ

¹ Брайс Дж. Американская республика (русский перевод). М., 1889. Ч. II. С. 267 (прим. Л. Тихомирова).

² Там же. С. 327 (прим. Л. Тихомирова).

ловится на слове. Внушение традиционного исторического опыта заглушается тут до последней степени, а обсуждения наличного тоже нет. И вот депутаты выбраны, бумажные программы утверждены. «Народная воля» сказала свое слово, и ее «представители» собрались в парламент. Организуется и правительство. Какое же отношение этого правительства к народу, его воле, его духу?

Тут уже ровно никакого. На выборах нужно было хоть считаться с народом, по крайней мере обещать, ослеплять, обманывать, увлекать. В правлении – народ совершенно исчезает. Правительство зависит не от него, а от той партии, которую представляет. Его обязанность под страхом немедленного низвержения служить партии, делать то, чего требует она, не делать того, чего она не желает. Пусть попробует министерство, посаженное монархистами, действовать в республиканском духе на том основании, что народ хочет республики. Оно будет не только низвергнуто, но заклеено названием бесчестных изменников и обманщиков. Долг, честь, нравственная связь правительства – все это понимается лишь в отношении партии, а не в отношении народа. Правительство от народа безусловно отрывается, оно не только не обязано, но и не смеет соотноситься с народными желаниями или потребностями. Оно обязано слепо, беспрекословно служить своей партии. Такова не только практика, но самый принцип. Только партия имеет отношение к народу, но не правительство. Нет ни одной формы правления, в которой воздействие народных желаний на текущие дела было бы так безнадежно пресечено, как в этом создании теории, пытавшейся все построить на народной воле.

VI

Эта эволюция демократической идеи с социологической точки зрения представляется чрезвычайно любопытной. В истории мы до сих пор знали только общества, состоящие из различных слоев, специализированных на различных отправлениях. Эти слои – классы, сословия, корпорации – не отрицались в принципе, а потому регламентировались, получали различные сообразные со своими отправлениями права и обязанности, помимо тех общих прав и обязанностей, которые принадлежат всем членам общества. Расслоение, естественно, сопровождалось ограничением свободы, созданием разнообразного неравенства. Авторитет и иерархия в разнообразных сочетаниях не только были, но и признавались необходимым условием общественной жизни. Присутствие *органического* элемента в обществе сознается и признается даже теми, кто считает себя обделенным привилегиями других. Сказка Менения Агриппы¹ действует на взбунтовавшихся плебеев, как неотразимый аргумент.

Но вот является идея *нового* общества, основанного на свободе и равенстве. Выраженная в резком виде, это идея всеобщей одинаковости. Общество представляется уже не в виде расслоенного организма, где все специализировано и расположено в иерархическом порядке, а в виде некоторой протоплазмы, где все

¹ Менений Агриппа (конец VI – начало V в. до н.э.) – римский патриций. Считается, что он однажды смог уговорить ушедших на Священную гору плебеев вернуться, сравнив государство с телом, в котором желудок (патриции) и руки (плебеи) не могут жить друг без друга (*прим. изд. 1997 г.*).

части одинаковы, все заняты всеми делами, все законодатели, все правители, все мыслители, все рабочие, все даже священники в своей свободной совести. Всеобщее освобождение от всякого рода уз признается орудием разложения старого органического общества и единственно мыслимым средством существования нового. Мы имеем три великие области жизни, в которых эта новая идея применяется с величайшими усилиями, и во всех трех – с одинаковыми результатами. В области умственной такая свобода создала подчинение авторитетам крайне посредственным. В области экономической свобода создает неслыханное господство капитализма и подчинение пролетария. В области политической вместо ожидаемого народоправления порождается лишь новое правящее сословие с учреждениями, необходимыми для его существования. Во всех трех областях вместо всеобщей одинаковости и слитности получается расслоение, быть может, более резкое, чем прежде.

Эта яркая историческая демонстрация настоящей природы социальных явлений, казалось, должна была бы произвести полное крушение социальных концепций XVIII века. Но нет. Новое общество уже составило известный *социальный тип*, который оно отрицает теоретически, оно уже охвачено законами своего *внутреннего развития* и фатально идет по их линии, не образуясь никакими внешними толчками. Они только слегка изменяют направление, но не сбивают с линии основного пути, намеченной внутренними условиями типа. Никакие неудачи либерального демократизма не уничтожают характеризованного выше психологического состояния современного человека. Либеральный демократизм для него скомпрометирован. Он поищет других путей, столь же иллюзорных, но иллюзорность которых еще не показана практикой, пойдет в ту сторону, где еще можно себя обмануть.

Но чем, собственно, скомпрометирован новый строй демократии? Его недостатки очень велики, и нет ни одного пункта его учреждений, который не был бы распатан критикой. Я не стану касаться большей части обвинений против него, так как они хотя и весьма существенны, но еще не обуславливают непереносимой гибели строя.

Дела идут скверно, решения и медленны, и необдуманно, меры сообразуются не с интересами страны, а с избирательными потребностями партий, страшные подкупы, хищения, деморализация народа, доступность власти только безличностям и т.д. и т.д. Все это очень худо, однако же злоупотребления, бестолковость и прочие принадлежности парламентаризма свойственны вообще человеческим делам. Народы все это могли бы претерпеть. Но в учреждениях, практике и в самом положении либерального демократизма есть три пункта, в высшей степени опасные, при которых долговременное существование этого строя совершенно невероятно.

Этот строй, во-первых, создает чрезвычайно плохое и, что еще важнее, не авторитетное правящее сословие. Патрициев, дворян, служилых массы иногда ненавидели, но уважали и боялись. Современных политиков – просто презирают повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился. Это презрение отчасти происходит от невысокого умственного и нравственного уровня политика-

нов. Действительно, политическая деятельность либерально-демократического строя не требует людей умных, честных, независимых; напротив, эти качества скорее подрывают карьеру политика. Для него нужна практическая ловкость дельца, беззастенчивость, безразборчивость в средствах, эластичность убеждений. Лучшая часть населения, люди, достаточно способные для других прибыльных занятий и в то же время дорожащие своими убеждениями, при таких условиях относятся к политической деятельности с некоторой гадливостью. Огромное большинство политиканствующего слоя ни в умственном, ни в нравственном отношении, выражаясь деликатно, никак не принадлежат к цвету нации. Потому в населении нет и тени уважения к правящему им слою. «Ce sont tous des canailles»¹ – обычная, чаще всего слышимая фраза в публике по адресу каждой новой *fourgnée* представителей народного самодержавия. Сверх того, люди различных партий в своей взаимной борьбе сами компрометируют перед народом свой и без того не блестящий персонал не только разоблачениями, но и прямо клеветами, выдумками.

В общей сложности новый правящий класс страдает полным отсутствием обаяния, нравственного авторитета, необходимого для правления, тем более что он не имеет способов стать экономически господствующим.

Второе обстоятельство. Этот класс, не пользуясь ни малейшим уважением, принужден, однако, управлять страной с таким произволом, которого обыкновенно не позволит себе даже самый популярный или грозный монарх. Произвол является оттого, что демократический парламентаризм стремится (по крайней мере на словах) представлять ту волю народа, которой у него нет.

Ту же волю народа, которая действительно существует, то есть волю традиционную, парламентаризм вовсе не имеет в виду представлять и не может. Традиционную волю народа всегда более или менее хорошо чувствуют те классы и учреждения, которые наследственно сжились с народом. При этом условии иногда, особенно в неограниченной монархии, ощущение этой воли народа доходит до необычайной тонкости. Но это возможно лишь тогда, когда нет борьбы за власть, когда положение управляющего прочно, позволяя человеку постоянно думать о народе, а не о себе.

Положение нового правящего слоя совершенно обратное, он живет не народной, а кружковой жизнью, его традиции – свои собственные, а не национальные, и он вечно занят борьбой за власть, постоянно принужден думать о том, как захватить народ, сорвать его голоса, правдами-неправдами притащить его к себе, а не самому прийти к нему и слиться с ним духовно. Нет класса, живущего более *вне народа*, чем нынешние политики. Собственно же *правительство*, ими создаваемое, по самому принципу отрезано от народа.

Потому-то в действиях его настоящая народная воля, то, что у народа есть прочного и общего, отражается менее всего. Народ чувствует постоянно какой-то произвол, чувствует, что делается совсем не то, чего хочется ему. Единственное обстоятельство, сдерживающее неудовольствие народа, – это кучи показываемых ему будто бы им самим поданных бюллетеней. Но, даже смиряясь перед баллоти-

¹ Это все от канальи (франц.).

ровочным фокусом, масса не может помешать себе ощущать вечное неудовлетворение, вечное сознание, что дело идет как-то не так.

Оба этих обстоятельства могли бы быть устранены одним путем. Если бы класс политиканов мог осесть в стране прочно, стать более или менее наследственным, то политика, перестав быть *un sale metier*¹, конечно, привлекла бы к себе более уважающие себя слои нации. Укрепив свое положение, новый класс мог бы вступить с народом в более тесное нравственное общение и приобрести способность выражать дух народа.

Такая эволюция демократического парламентаризма привела бы к некоторому виду аристократического строя. Худо это или хорошо, но прежде всего – на долгое время совершенно невозможно.

Тут именно выступает третье, и самое опасное, обстоятельство для либерального демократизма. Положение политиканствующего слоя так фатально, что он сам принужден растравлять раны существующего строя. В самом деле, существование этого слоя всецело держится на фикциях XVIII века. Народы только потому поддерживают демократический парламентаризм, что стремятся к общему, построенному на свободе, равенстве и правлении народной воли.

Если бы современный правящий класс ответил, что он берется дать стране сносное, умное, более или менее честное управление, но лишь путем отказа народа от невозможностей и путем откровенного возвращения к старому типу общества, расчлененного, сословного, иерархичного, что ответили бы массы? Оставим уже в стороне психологическое состояние людей, недопускающее отказа от социальных иллюзий. Но не прав ли бы был народ, ответив своим «представителям», что тогда смешно хлопотать над постоянным сооружением сложной политической машины, тратить время, нервы, труд, миллионы – и все из-за чего? Из-за получения того, что безо всяких хлопот и волнений дает раз навсегда установленная монархия! Такой ход мысли народной подписывал бы приговор карьере всей этой туче политиканов, и потому в новом правящем слое всегда найдется огромный контингент людей, готовых подогреть иллюзии народа.

Либеральный демократизм принужден постоянно сам поддерживать фикцию народной воли, которой совершенно основательно не может реализовать, он вечно обещает кисельные реки, вечно заставляет народ думать, что виновата не система, а люди; каждое правительство выставляется шайкой изменников и обманщиков, не желающих осчастливить народ; затем правительство летит в окно, у власти садится нынешний агитатор, а завтра и он попадает в обманщики и т.д. Этой сменой лишь держится система, своими собственными теориями преграждающая себе возможность доразвиться до какого-либо прочного строя.

Тем не менее эта толчея не может продолжаться бесконечно. Во сто лет все нарядные покрывала либерального демократизма окончательно истрепались. Современная демократия не отказалась от своих идеалов, но убедилась, что их нечего искать избитым путем либерального демократизма. Он уже не смещает иллюзий массы. Он живет и господствует, но душа народов уже вынута из него.

Первая стадия пройдена.

¹ Грязное дело (*франц.*).

VII

По мере дискредитирования либерально-демократической идеи на смену ей все более резко и успешно выступает идея социалистическая. Сами социалисты рассматривают себя как нечто противоположное либералам, и до известных пределов они правы. Лягушка очень отлична от головастика. Но тем не менее это все-таки дети одной матери, это различные фазы одной и той же эволюции. При появлении и торжестве либерального демократизма социализм, немного раньше или немного позже, должен был явиться на свет. С другой стороны, без предварительной фазы либеральной демократии социализм – каков он есть – был совершенно немислим и невозможен.

Дело в том, что социализм не есть учение и движение только *экономическое*. Как совершенно справедливо говорит известный эмигрант Лавров¹, для огромного большинства сторонников и противников социализм заслоняет своими экономическими стремлениями другие свои стороны, для него не менее существенные. Нужна известная нравственная подкладка, которая, по выражению Лаврова, *оправдывала бы* практические стремления социализма. Нужно, стало быть, некоторое общее мирозерцание, при котором была бы возможна данная форма нравственного настроения. В этом целостном виде социализм только и можно рассматривать, не впадая в грубые ошибки. Собственно экономический строй, подобный тому, которого желает социализм, не будет ничуть социалистическим, если будет основан на другом общем мирозерцании, на других нравственных требованиях. Коммунизм христианского монастыря и коммунизм Маркса или Бакунина производят учреждения, различные, как небо и земля.

Если первые социалисты, так называемого утопического периода, вспоминали христианские или еретические общины, это происходило лишь от незрелости социалистической мысли у самих ее сторонников и от непонимания ее со стороны противников атеистической демократии (какими, конечно, были люди вроде Ламенне²). В настоящее время, когда неясный зародыш социализма развился вполне, не может быть уже ни малейшего сомнения в том, от кого он родился и чье дело продолжает.

Либеральная демократия под влиянием сохранившегося в ней христианского самоощущения души не могла серьезно, на деле признать, чтобы человек был действительно лишь предметом материальной природы. Поэтому она упорно строила свое общество на чисто психологической основе, видела в государстве лишь известную комбинацию человеческой воли и свободы. Собственная практика либеральной демократии, однако, явно обнаружила всю призрачность такого понимания. Нельзя было не видеть в обществе присутствия *социального закона*, который существует и действует вовсе не потому, чтобы кто-либо желал его, а просто по самой природе вещей, вне всякой воли нашей.

¹ «Задачи социализма» (прим. Л. Тихомирова).

Лавров П.Л. (1823–1900) – один из идеологов народничества, философ, социолог и публицист.

² Ламенне Фелисите Робер де (1782–1854) – французский публицист и религиозный философ, проповедовавший христианский социализм. Автор книг «Опыт о безразличии в вопросах религии» (1817–1823 гг.), «Наброски философии» (1840–1846 гг.).

Эти указания опыта подействовали двояко. С одной стороны, личность приходит к убеждению, что ее ощущение внутренней самостоятельности есть ощущение ложное, что она, личность человеческая, должна подчиниться стихийному закону материальной природы, принизиться до роли всякого другого тела природы. Но, с другой стороны, для души, получившей уже христианскую выработку, такое подчинение невозможно, и перспектива его вызывает отчаянный, безумный бунт против очевиднейших законов природы. Оба этих течения и сказались в социализме, создав, с одной стороны, *социальный демократизм*, с другой – *анархизм*.

*Извлечения публикуются по изданию:
Тихомиров Л.А. Россия и демократия.
М., 2007. С. 109–132.*

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИХОМИРОВ

ПАНАМА И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ¹

1892–1893 гг.

ХІІІ

Собственно говоря, принцип народной воли требует *прямого народного правления*. Принцип и при этом условии не давал бы никаких хороших результатов. В Швейцарии есть право апелляции к народному голосованию (*referendum*) и предоставление утверждения основных законов *прямо* всенародному голосованию. Никаких полезных последствий от этого для разумности закона не происходит, да и практиковать такую роскошь демократизма возможно лишь при больших оказиях. В сущности, это принципиное «баловство», а не серьезный ресурс законодательного устройства.

Но самое главное – что это за «народная воля»? Где, в чем она *реально* существует? Народ твердо хочет одного: *чтобы дела страны шли хорошо*. Народ, исторически живший, составляющий нечто сплоченное, отличное от соседей, еще не разбившийся на непреодолимо враждебные группы, имеет еще другую волю: *чтобы дела страны шли в известном духе*, к которому он исторически привык и которому доверяет.

А засим в бесчисленных частных случаях, из решения которых слагается правление страны, народ не имеет никакой воли, разве по экстренным случаям – вроде мира или войны или вручения своего спасения такому-то популярному лицу. Немногими подобными случаями все и исчерпывается. Но собственно в текущих вопросах правления народной воли *нет*. Как иметь волю в отношении того, о чем я не имею и понятия? В каждом вопросе немногие смыслят хорошо, немногие кое-что, а $\frac{99}{100}$ – ровно ничего. Комбинации знающих и незнающих меняются. По одному вопросу понимает Иван, а Федор нет, по другому Федор смыслит, а Иван нет. Но в каждом случае имеется громаднейшее большинство, которое ничего не понимает и никакой другой воли не имеет, кроме того, чтобы все было хорошо.

От этого-то большинства требуют, чтобы оно высказало свое мнение и свою волю! Но ведь это просто комедия, и притом вредная. Понимающих данный вопрос, положим, сто человек, а не понимающих – несколько миллионов. Требовать решения большинства – значит лишь утопить сто знающих голосов в сотнях ты-

¹ Первоначально статья была опубликована в газете «Московские ведомости» (1892, №№ 351, 354, 359; 1893, № 9). Позднее вошла в состав книги «Демократия либеральная и социальная» (М., 1896).

сяч ничего не смыслящих!

Народ, говорят, может послушать знающих; ведь он хочет себе добра. Конечно. Но знающие люди – это люди, во-первых, занятые делом, почему именно и знакомы с вопросом; во-вторых, они упражняют свои способности вовсе не в красноречии, не в технике агитации. По части искусства одурачивать толпу, льстить ей, угрожать, увлекать ее – по части этого губительного, ядовитого искусства агитации люди дела *всегда* будут побиты теми, кто специально посвятил себя политиканству.

В политиканы подбираются люди специально, по природным способностям пригодные именно к этому ремеслу; свои способности они затем упражняют, наконец, они сбиты в *партию*, дружно действующую. Как же против них бороться человеку дела? Это невозможнейшая вещь, и в действительности народ, поставленный в такое положение, *всегда* идет не за знающими, а за искусными в политиканстве. Он играет преглупую роль и не может из нее выйти, хотя бы даже вполне сознал свое глупое положение.

Я, например, вполне понимаю роль политиканов и презираю ее, но если бы меня заставили подавать голос за меры, которые я лично не способен *сам* взвесить, – конечно, нимало не сомневаюсь, что был бы одурачен и люди *ловкие* заслонили бы от меня людей *знающих и честных*.

Такова *действительность* народной воли. Она есть игрушка ловких людей даже в том случае, если мы имеем *непосредственное* правление народа. Но *непосредственное* правление народа сверх того практически невозможно. Нельзя его собрать, нельзя и превратить весь народ в законодателей. Надо же кому-нибудь и хлеб сеять, и на фабриках работать. Наконец, у каждого есть своя личная жизнь, которая ему дороже политики. Вообще, приходится прибегнуть к *представительству*.

Теоретически это – бессмыслица. Передавать свое *право* гражданина можно. Но передавать *воли* своей нельзя. Ведь я передаю ее на будущее время, для будущих решений, по вопросам, которых еще нет. Стало быть, выбирая депутата, я ему даю право выражать ту мою волю, которой и сам еще не знаю. Выбор представителей имел бы осуществимый смысл только в том случае, если бы я передавал свое право гражданина, то есть просто бы говорил, что данной личности доверяю вести мои политические дела, и в чем он законно поступит – спорить и прекословить не буду до конца срока полномочий. Но такая передача самого права самодержавия народа есть идея *цезаризма*, а не *парламентаризма*. Парламентаризм требует от страны *представителей ее воли, мнения, желания*, то есть вещи невозможной, явного обмана. Посылая своих депутатов, страна от своей воли на срок их полномочий не отказывается. Если, например, наш депутат, хотя Ферри, по глубокому убеждению, считает нужной Тонкинскую экспедицию, а мы, избиратели, ее не желаем, то, по смыслу теории, Ферри должен отказаться от депутатства. Если президент республики полагает, что его палата не выражает воли страны, он ее распускает и требует от страны новых представителей. Требуется выражать именно *волю* страны!..

Итак, предлагается стране сделать выборы. Кого же она пошлет?

XIV

Прежде всего, еще вопрос: кто захочет пойти?

В экстренных случаях, когда требуется спасение отечества (в 1612 году в России, в 1789 году во Франции, в 1871 году там же), вообще в случаях экстренных, требующих временного и притом очень необходимого подвига, самопожертвования, конечно, захотят пойти лучшие люди, представители не той *воли*, какой требует демократическая теория, а *духа и способностей* страны, ее *гения*, – на помощь отечеству явится цвет нации. Он выразит *дух* нации, максимум ее способностей; поэтому толпа в подобных решениях признает не свою *волю*, а свой *идеал*, не то, чего она может хотеть собственным бедным рассуждением, а чего она хотела бы, если бы была умна. Этот ум она оценивает (ибо он в ее духе), признает решения, поддерживает их. Но это *торжественные* моменты истории.

Во время простого *правления*, ведения дел ничего подобного не происходит и не может происходить. Цвет нации – действительные представители ее гения, ее величия заняты *своим делом*: ученый, медик, техник, фабрикант, земледелец – все находятся при своем деле и его не бросят, потому что любят его, вкладывают в него всю душу. Они только потому и *лучшие люди*, что имеют это чувство. В обычное время представители гения нации не пойдут в депутаты, особенно парламентарные. *Парламентский* депутат обязан выражать *чужую* волю. Для человека со *своими идеями* это вовсе не соблазнительно, даже противно. Он пойдет в *Учредительное собрание*, но не в парламент. Он лучше останется при своем деле и при своих идеях. Сверх того, для представительства воли нации нужно *много* людей. Депутатов должна иметь каждая местность, и их набирается много сотен. Если их труды оплачивать по высшей мерке, какую зарабатывает *выдающийся* человек страны, это будет страшно дорого для нее, да и непопулярно, потому что массы любят дешевое правительство. Итак, приходится платить, как во Франции, очень среднюю сумму – депутату палаты 20 франков в день, сенатору – 25 франков. Итого – депутат заработает 7000 франков в год. Работа его для всякого способного человека, имеющего свои любимые идеи, крайне неприятна. Вознаграждение же, собственно, ничтожное. Какой же порядочный медик, художник, фабрикант не заработает на *любимом* деле 10 000 франков и более! Порядочный приказчик заработает те же 7000 франков, да еще не отрываясь от дела, которое растет и к старости подготавливает ему и его семье, может быть, даже богатство. Составить карьеру на депутатстве, конечно, можно, но или нечестными средствами, или, во всяком случае, немногим лицам. Министерские места за десять лет занимают какие-нибудь сотни две человек попеременно, остальным тысячам депутатов нечего и мечтать о министерстве. В общей сложности, для человека, способного пробить себе дорогу на чем-нибудь более полезном, *значение* депутата не соблазнительно. Притом оно требует таких *внешних* способностей, которых у большинства лучших людей не бывает. Нужна бойкость речи, пронырливость, способность к интриге, неглубокие убеждения. Такие люди и подбираются на ремесло представительства.

На выборах они легче всего пройдут, даже *в первый раз*, когда еще нет сплю-

ченных партий. Но партии эти уже давным-давно сложились – тоже по необходимости. Так как общей народной воли по текущим делам правления *нет*, то приходится ее сочинять для народа, убеждать его, а это легче и удобнее делать, разложив всю сложную национальную жизнь по отдельным элементам, принципам и затем из каждого, логическим выводом, построить *программу*. Сложное целое трудно понять избирателю, который, как средний человек, не очень обширного ума и знаний.

Когда же ему представляют упрощенную партийную программу – она его осеняет и заставляет думать, будто он все понял. Конкуренция же искателей депутатства заставляет выдумывать такие программы, для которых даже и оснований нет в действительной жизни. Иначе почему же я буду рекомендовать народу выбрать именно меня, а не моего конкурента? Нужно представить что-нибудь особенное, что бы меня отличало от других.

Партии, программы, таким образом, обязательно возникнут, сочинятся, хотя бы национальная жизнь еще была *цела*. Политиканы непременно расчленят ее сперва в программах, а потом – их же деятельностью – расчленение национальной целостности жизни будет по мере сил укореняться уже и в действительности.

В настоящее время во Франции эти партии уже имеют столетнюю историю. Они сплочены, действуют дружно. При этом условии *непартийному* человеку, человеку из народа, самому по себе даже немислимо баллотироваться. Этого просто нельзя вообразить. Если меня не выдвинет какой-либо избирательный комитет, о моей кандидатуре народ и не узнает. Как я ему это заявлю? Сверх того, если б, имея большие средства, я начал сам за себя агитировать, то все партии дружно меня задушат, даже не серьезно, а просто засмеют. Такие шутки, как внепартийная кандидатура, позволяют себе иногда анархисты, но, конечно, не серьезно, а так себе – от нечего делать, для забавы. А вообще, претендуя на депутатство, я должен примкнуть к какой-нибудь партии. Меня проводит не народ, а моя партия. Ей я всем обязан, от нее завишу, с нею должен сообразоваться. Народ – для избирающегося – последнее дело. Его нужно *побудить* подать голос, а вовсе не *узнать*, какой у него голос. Избирательная кампания – это *охота за голосами*, а ничуть не опрос народа. Зайца не спрашивают, желает ли он попасть ко мне на стол, а ловят; его собственными желаниями интересуются лишь для уяснения – какименно его можно наилучше поймать. Так точно интересуются и народом на выборах.

И вот кандидаты выдвинуты. Шум, треск, стены, оклеенные прокламациями и именами, разъезды, конференции, ложные слухи, взаимные клеветы, громкие слова, обещания корыстные, обещания сознательно ложные, подкупы и т.д. Народ шалает: и раньше он мало понимал, а теперь уже и вовсе ничего не соображает. Величайшее искусство этой охоты не в *предварительном* подготовке народа, а в каком-нибудь заключительном *surprise*, который срывает голоса в последнюю минуту, не давая уже времени передумать. Наконец торжественная минута настала, голоса отобраны, подсчитаны, «народная воля» «сказала свое слово», и *представители* нации собираются в *Palais Bourbon*¹.

¹ Бурбонский дворец (франц.).

XV

Что происходит дальше? Во время выборов с избирателями приходилось все-таки считаться. Но, получив голоса и собравшись в палате, представители народа могут совершенно позабыть о нем вплоть до приближения следующих выборов. За все это время они живут исключительно своей партийной жизнью, развивая все качества кружковщины. Действительные обязанности депутат, в теории представляющий волю избирателей, имеет только в отношении своей партии. Бывают случаи, что избиратели под влиянием каких-нибудь вакантных политиканов – претендентов на будущие места забывают. Тогда для влиятельного депутата оказывается нужным, как говорится, дать отчет избирателям. Это неприятная трата времени, которой подчиняются со всеми бесцеремонными приемами избирательной борьбы. Клемансо, выбранный Парижем, при мне раз давал такой отчет. Избиратели – не помню, кажется, Монмартра или вообще одного из подобных буйных округов – были настолько возбуждены против Клемансо, что скандальные сцены были неизбежны. Что же делает депутат? Он избирает для своего объяснения день годовщины Коммуны, когда весь революционный Париж во всем параде красных знамен, венков и зажигательных речей стекается на кладбище Пер-Лашез, к *mure des federes*, месту массового избияния коммунаров. Само собою разумеется, в зале объяснений Клемансо собрались только мирные элементы. Все обошлось чинно, благородно, и радикальный вождь с гордо поднятой головой явился на следующий день в палату!

Бедный Гамбетта, веривший в народ, в аналогичных обстоятельствах пытался – в том же, помнится, округе – *честно* объясниться и был встречен таким скандалом, что с трудом был выведен задним ходом, недоступным для неистовства толпы. «*Laches esclaves!*» («Подлые рабы!») – крикнул он в лицо «гражданам», которых «волю» представлял. А в сущности, право, «подлые рабы» ничуть не виноваты. Вольно же теории требовать невозможного и, отдавая толпу на жертву агитаторам, ожидать от нее проницательности и спокойствия мудреца!

Эти маленькие эпизоды «отчетов» не составляют ничего существенного в жизни парламентариста. Для опытного политикана, который вместе с Рошфором говорит: «Мы знаем, как делают народную волю», эти объяснения не представляют ничего опасного и ни на волос не отвлекут его от настоящей, действительной его политики – в зале заседаний, коридорах палаты, в своей редакции или клубе. Настоящая жизнь депутата – там. Там еще сердце, обязанности, надежды. Партия держится дружно. Покинуть ее по каким бы то ни было причинам – прямая подлость. Выйти из партийной дисциплины – измена весьма рискованная. Партия своих людей везде и во всем поддержит. У нее свои журналы, собрания, вожаки. Все, что вне ее, рассматривается как чуждое, враждебное. Этой своей внутренней жизнью она живет без сравнения более уединенно от каких бы то ни было народных влияний, нежели чиновник или всякий обыкновенный человек, не ищущий народных влияний и не обязанный представлять волю народа.

При таких условиях партийные вожаки получают значение каких-то своеобразных владетельных князьков или, точнее, олигархов. Главное, *официальное*,

правительство страны ничто в сравнении с этими негласными владыками, создающими и ниспровергающими правительства официальные.

Это обстоятельство особенно важное и особенно плохо понимаемое. Депутаты, по теории, представляют *народ*. Поэтому и правительство назначает уже не народ, а они. Таким образом, правительство никакого *прямого* отношения к нации не имеет и даже не смеет, не должно иметь. В Америке нация, по теории, сохраняет за собою по крайней мере право назначать главу правительства, президента республики. Конечно, фактически это право только на бумаге, но можно допустить, в каких-либо особых, чрезвычайных обстоятельствах, что президент республики, обязанный (в теории) представлять именно волю нации и ответственный пред нацией, найдет в себе силы и решимость положить предел узурпации партий. Во Франции страх пред цезаризмом заставил гораздо последовательнее провести идею парламентарную. Здесь уже *нация* не имеет даже и президента республики. Президент выбирается просто соединенным заседанием сената и палаты (для большей красоты слога это называется конгрессом). Президент республики есть доверенное лицо не нации, а соединенных сената и палаты, то есть наличного состава их, другими словами – тех же вожаков, тех же партий, которые назначают и министров. Таким образом, *нация* никакого прямого представительства в официальном правительстве страны не имеет и официальное правительство страны, в свою очередь, никакого прямого отношения к стране не имеет. Оно знает свой сенат, свою палату, их волю, с ними обязано сообразовываться и ни с кем больше даже не имеет права сообразовываться.

Сверх того, президент республики, созданной французским парламентаризмом, сохранен в качестве некоторого невинного орнамента, в виде уступки историческим привычкам нации, а также – для иностранных держав. Всякое действительное значение у него отнято, особенно способом избрания, благодаря которому президент республики, потеряв поддержку сената и палаты, остается вовсе без почвы под ногами, безо всяких корней в нации и может быть вполне уверен, что нация его не знает и никакой поддержки именно *ему* не даст, даже в такую минуту, когда захочет диктатора. Действительное правительство – это министр-президент с товарищами. Если президент республики сохранен как тень национальных привычек иметь своего главу, главу Франции, то министерство, наоборот, даже и в идее не представляет Франции, министерство представляет *только* палату, а косвенно считается с сенатом. Нации оно вовсе не касается.

Еще недавно (что и считалось логичной парламентарной идеей) министерство должно было быть правительством какой-либо господствующей партии. Это комиссары своей партии, обязанные исполнять только ее волю, а даже не волю целой палаты. Если бы министерство убедилось, что *страна* не хочет его политики, тогда как партия продолжает господствовать в палате и сенате, то оно все-таки *обязано* было бы оставаться на своем посту и бороться против воли страны. Впрочем, о воле страны оно даже не смеет и думать иначе как в частных совещаниях своей партии. Поступить иначе со стороны министерства было бы узурпацией и изменой.

Это чисто партийное, одноцветное правительство в современной Франции

стало все больше заменяться *смешанным* партийным правительством. Чрезвычайная раздробленность палаты не дает такого господства *одной* партии, при котором возможно это «идеальное» министерство. Каждая партия видит, что ее людям не дождаться исключительного господства, и потому соглашается хоть на небольшое участие во власти. Составляются министерства смешанные, с основой, например, оппортунистской, но со введением одного или двух радикалов, одного или двух замаскированных монархистов. Этот компромисс между партиями окончательно убивает официальное правительство. При одноцветном партийном правительстве деятельность его идет, по крайней мере, систематически, и, сверх того, *вожаки партии*, получившей господство, становятся главами *официального правительства*. Власть действительная и власть официальная сливаются. При смешанном партийном правительстве главы партий в члены его не вступают. Во-первых, их и не пускают противники, а во-вторых, им самим не выгодно принять ответственность за дела министерства смешанного, осужденного, стало быть, на непоследовательность, бесцветность, простое влачение дел. Таким образом, Ферри в министры уже не идет, а проводит какого-нибудь маленького члена своей партии побесцветнее, потому что видного члена жалко компрометировать и выгоднее приберечь для *своего* министерства. Точно так же Клемансо не пустят в министры и сам он по тем же соображениям не пойдет. Так министерство составляется из подручных людей, невлиятельных в своих партиях. Действительные же *главы*, *вожаки*, *собственники «голосов»* остаются вне правительства, но его господами. При таких условиях положение министров поистине прискорбно. Между собою они не солидарны и друг другу связывают руки. Ни один из них не самостоятелен и обязан волей-неволей слушаться настоящего господина своей партии. Задачей правительства становится простое *существование*, и эта задача так трудна, что в среднем век жизни каждого правительства не составит одиннадцати месяцев. Каждая из вступивших в компромисс партий не складывает оружия и ждет только удобного случая достичь новой комбинации министров, более выгодной. Министрам приходится не делами заниматься, а балансированием между президентом республики, своими товарищами по портфелю, своими партиями и их назойливыми, претенциозными *вожаками*. Чуть не каждый день запросы в палате, подвохи, обвинения. Идя в палату, ни один министр не уверен, что не возвратится домой простым депутатом. Какая же тут возможна система правления? Министр не успевает ознакомиться даже с делами, а уж тем более с персоналом своих служащих. Отсюда проистекает то, что действительное занятие *делами* предоставляется чиновникам, начальникам частей. Из них иной переживет десять, пятнадцать министров, и все они у него по необходимости в руках. Бюрократия становится огромной силой, а контроль ее деятельности сводится чуть не к нулю.

XVI

Таким образом, парламентаризм приводит официальное правительство страны к неслыханному доселе ничтожеству и бессилию. В области высшей по-

литики оно находится в порабощении у негласных олигархов, вожakov партий. В области администрации оно перестает быть начальством для своих чиновников, которые приобретают самую вредную независимость и бесконтрольность своих действий. Страна, нация остается без высшего органа правления, контроля, руководства.

И в какое время парламентаризм производит это обезглавливание нации? В то время, когда общее развитие жизни, умственной, промышленной, всех ее отраслей создает гигантские частные силы, способные подчинить своему влиянию, добруму или злему, сотни тысяч и миллионы людей – одновременно на всем пространстве страны. Одна промышленная компания способна иметь над десятками тысяч рабочих и сотнями тысяч населения власть, какой не имел и феодальный сеньор. Одна газета может приобретать влияние, какого в старые времена не имела целая ученая корпорация. Жизнь повсюду централизуется, все интересы связываются. И в такое-то время, когда общие интересы доходят до высшей степени сложности, требуют высшей степени ума, знания и энергии в центре правления страной, злополучная нация остается, строго говоря, вовсе без правительства.

И после этого хотят негодовать на злоупотребления, воображают очистить, обновить правительство. Но если это не лицемерие, то это колоссальнейшее недомыслие, такая степень человеческого безумия, которую воображение отказывается себе представить. Ведь тут злоупотреблениям *нельзя не быть*. Это такой строй, при котором человек, по уму и честности стоящий выше злоупотребления, во-первых, не попадет в правительство, а во-вторых, и попав, ничем не может помешать злоупотреблениям, никаких способов помочь отечеству не имеет, и ему остается только отрясти прах от ног и удалиться в частную жизнь или мечтать о том или ином перевороте.

Потому-то и кричат: «Долой парламентаризм!». Масса народа не умеет рассуждать теоретически, но когда факты однообразно долбят в голову десять, и двадцать, и сто лет, она не может *не чувствовать* смутно их смысла. Было время, когда у французов верили в «обновление», в «очищение», «новые выборы» и т.п. Это время – прошлое. Конечно, будут выборы, будут фразы, может быть, «новые люди» (хотя я и этому не верю и убежден, что большинство нынешних людей сумеет выплыть на новых выборах). Но *доверия* у французской массы уже давно нет, и если «республика вне опасности», что весьма возможно, то по той же приблизительно причине, по какой в сказке стоит избушка на курьих ножках: не знает еще, на какую ей сторону стать.

*Извлечение публикуется по изданию:
Тихомиров Л.А. Россия и демократия.
М., 2007. С. 163–171.*

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ¹

1896 г.

I

Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений.

Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастью, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее с каждым днем изобличается все явственнее перед целым миром.

В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие. Это идеальное представление. Прямое осуществление его невозможно: историческое развитие общества приводит к тому, что местные союзы умножаются и усложняются, отдельные племена сливаются в целый народ или группируются в разноразличные под одним государственным знаменем, наконец разрастается без конца государственная территория: непосредственное народоправление при таких условиях немыслимо. Итак, народ должен переносить свое право владения на некоторое число выборных людей и облекать их правительственной автономией. Эти выборные люди, в свою очередь, не могут править непосредственно, но принуждены выбирать еще меньшее число доверенных лиц – министров, коим предоставляется изготовление и применение законов, раскладка и сборище податей, назначение подчиненных должностных лиц, распоряжение военною силою.

Механизм – в идее своей стройный; но, для того чтобы он действовал, необходимы некоторые существенные условия. Машинное производство имеет в осно-

¹ В основу статьи положено сочинение еврейского писателя и общественного деятеля Макса Нордау (настоящее имя Макс-Шимон Зюдфельд) (1849–1923) «Условная ложь культурного человечества» (1883 г.). В 1884 г. К.П. Победоносцев напечатал в еженедельнике «Гражданин» авторизованный перевод фрагментов книги Нордау без указания авторства. Впоследствии данная публикация вошла в состав «Московского сборника» (1896 г.).

вании своем расчет на непрерывно действующие и совершенно ровные, следовательно, безличные силы. И этот механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица устранились вовсе от своей личности; когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы притом представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им и математически точно выраженную программу действий. Вот, при таких условиях действительно машина работала бы исправно и достигала бы цели. Закон действительно выражал бы волю народа; управление действительно исходило бы от парламента; опорная точка государственного здания лежала бы действительно в собраниях избирателей, и каждый гражданин явно и сознательно участвовал бы в правлении общественными делами.

Такова теория. Но посмотрим на практику. В самых классических странах парламентаризма он не удовлетворяет ни одному из вышепоказанных условий. Выборы никоим образом не выражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикою противной партии. Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти или устраняет от нее – могущественное личное влияние или влияние сильной партии. Они располагают всеми силами и достоинствами нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей на счет народа, – и притом не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте, а большинство поддерживают раздачей всякой благостыни с обильной трапезы, которую государство отдало им в распоряжение. В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия – ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный сравнительно с шумом торжественного производства.

Если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что парламент есть *учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*. Учреждение это служит не последним доказательством самообольщения ума человеческого. Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия. Что же вышло в ре-

зультате? Вышло то, что *mutato nomine*¹ все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей природы, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде, правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству.

На фронтоне этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему «я». По смыслу парламентской фикции, представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности избиратели – в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя. Перед выборами кандидат, в своей программе и в речах своих, ссылается постоянно на вышеупомянутую фикцию: он твердит все о благе общественном, он не что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И все это – слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. Избиратели являются для него стадом для сбора голосов, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе. Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти. Затем уже эта масса теряет всякое значение для выбранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на нее действовать: тогда пускаются в ход снова льстивые и лживые фразы – одним в угоду, в угрозу другим: длинная, нескончаемая цепь однородных маневров, образующая механику парламентаризма. И такая-то комедия выборов продолжает до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание... Жалкое человечество! Поистине можно сказать: *mundus vult decipi – decipiatur*².

Вот как практикуется выборное начало. Честолюбивый искатель сам выступает перед согражданами и старается всячески уверить их, что он, более чем всякий иной, достоин их доверия. Из каких побуждений выступает он на это искаительство? Трудно поверить, что из бескорыстного усердия к общественному благу. Вообще, в наше время редки люди, проникнутые чувством солидарности с народом, готовые на труд и самопожертвование для общего блага; это природы идеальные; а такие природы не склонны к соприкосновению с пошлостью житейского быта. Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса, не станет воспевать

¹ Изменено только имя (*лат.*).

² *Mundus vult decipi – [ergo] decipiatur*. Мир желает быть обманутым. Пусть же его обманывают (*лат.*). Выражение приписывается Караффе, впоследствии римскому папе Павлу IV.

хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Такой человек раскрывает себя и силы свои в рабочем углу своем или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдет искать популярности на шумном рынке. Такие люди, если идут в толпу людскую, то не затем, чтобы льстить ей и подлаживаться под пошлые ее влечения и инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев. Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура: от нее не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть личных своих целей. Такому человеку не стоит труда надеть на себя маску стремления к общественному благу, лишь бы приобрести популярность. Он не может и не должен быть скромнен, – ибо при скромности его не заметят, не станут говорить о нем. Своим положением и тою ролью, которую берет на себя, он *вынуждается* лицемерить и лгать: с людьми, которые противны ему, он поневоле должен сходиться, брататься, любезничать, чтобы приобрести их расположение, должен раздавать обещания, зная, что потом не выполнит их, должен подлаживаться под самые пошлые наклонности и предрассудки массы, для того чтоб иметь большинство за себя. Какая честная натура решится принять на себя такую роль? Изобразите ее в романе: читателю противно станет; но тот же читатель отдаст свой голос на выборах живому артисту в той же самой роли.

Выборы – дело искусства, имеющего, подобно военному искусству, свою стратегию и тактику. Кандидат не состоит в прямом отношении к своим избирателям. Между ним и избирателями посредствует *комитет*, самочинное учреждение, коего главной силой служит *нахальство*. Искатель представительства, если не имеет еще сам по себе известного имени, начинает с того, что подбирает себе кружок приятелей и споспешников; затем все вместе производят около себя ловлю, то есть приискивают в местной аристократии богатых и не крепких разумом обывателей, и успевают уверить их, что это их дело, их право и преимущество стать во главе – руководителями общественного мнения. Всегда находится достаточно глупых или наивных людей, поддающихся на эту удочку, – и вот, за подписью их, появляется в газетах и наклеивается на столбах объявление, привлекающее массу, всегда падкую на следование за именами, титулами и капиталами. Вот каким путем образуется комитет, руководящий и овладевающий выборами – это своего рода компания на акциях, вызванная к жизни учредителями. Состав комитета подбирается с обдуманном искусством: в нем одни служат действующею силой – люди энергические, преследующие во что бы ни стало материальную или тенденциозную цель; другие – наивные и легкомысленные статисты – составляют балласт. Организуются собрания, произносятся речи: здесь тот, кто обладает крепким голосом и умеет быстро и ловко нанизывать фразы, производит всегда впечатление на массу, получает известность, награждается кандидатом для будущих выборов, или, при благоприятных условиях, сам выступает кандидатом, сталкивая того, за кого пришел вначале работать языком своим. Фраза – и не что иное, как фраза – господствует в этих собраниях. Толпа слушает лишь того, кто громче кричит и искуснее подделывается пошлостью и лестью под ходячие в массе понятия и наклонности.

В день окончательного выбора лишь немногие подают голоса свои сознательно: это отдельные влиятельные избиратели, коих стоило уговаривать по одиночке. Большинство, т.е. масса избирателей, дает свой голос стадным обычаем, за одного из кандидатов, выставленных комитетом. На билетах пишется то имя, которое всего громче натвержено и звенело в ушах у всех в последнее время. Никто почти не знает человека, не дает себе отчета ни о характере его, ни о способностях, ни о направлении: выбирают потому, что много наслышаны об его имени. Напрасно было бы вступать в борьбу с этим стадным порывом. Положим, какой-нибудь добросовестный избиратель пожелал бы действовать сознательно в таком важном деле, не захотел бы подчиниться насильственному давлению комитета. Ему остается или уклониться вовсе в день выбора, или подать голос за своего кандидата по своему разумению. Как бы ни поступил он, все-таки выбран будет тот, кого провозгласила масса легкомысленных, равнодушных или уговоренных избирателей.

По теории, избранный должен быть излюбленным человеком большинства, а на самом деле избирается излюбленный меньшинства, иногда очень скудного, только это меньшинство представляет организованную силу, тогда как большинство, как песок, ничем не связано, и потому бессильно перед кружком или партией. Выбор должен бы падать на разумного и способного, а в действительности падает на того, кто нахальнее суется вперед. Казалось бы, для кандидата существенно требуются образование, опытность, добросовестность в работе: а в действительности все эти качества могут быть и не быть: они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего смелость, самоуверенность в соединении с ораторством, но и даже с некоторой пошлостью, нередко действующей на массу. Скромность, соединенная с тонкостью чувства и мысли, для этого никуда не годится.

Так нарождается народный представитель, так приобретает его полномочие. Как он употребляет его, как им пользуется? Если натура у него энергическая, он захочет действовать и принимается образовывать партию; если он заурядной натуры, то сам примыкает к той или другой партии. Для предводителя партии требуется прежде всего сильная воля. Это свойство органическое, подобно физической силе, и потому не предполагает непременно нравственные качества. При крайней ограниченности ума, при безграничном развитии эгоизма и самой злобы, при низости и бесчестности побуждений, человек с сильной волей может стать предводителем партии и становится тогда руководящим, господствующим, главою кружка или собрания, хотя бы к нему принадлежали люди, далеко превосходящие его умственными и нравственными качествами. Вот какова, по свойству своему, бывает руководящая сила в парламенте. К ней присоединяется еще другая решительная сила – красноречие. Это тоже натуральная способность, не предполагающая ни нравственного характера, ни высокого духовного развития. Можно быть глубоким мыслителем, поэтом, искусным полководцем, тонким юристом, опытным законодателем – и в то же время быть лишенным действительного слова; и наоборот: можно, при самых заурядных умственных способностях и знаниях, обладать особливим даром красноречия. Соединение этого дара с

полнотою духовных сил есть редкое и исключительное явление в парламентской жизни. Самые блестящие импровизации, прославившие ораторов и соединенные с важными решениями, кажутся бледными и жалкими в чтении, подобно описанию сцен, разыгранных в прежнее время знаменитыми актерами и певцами. Опыт свидетельствует непререкаемо, что в больших собраниях решительное действие принадлежит не разумному, но бойкому и блестящему слову, что всего действительнее на массу не ясные, стройные аргументы, глубоко коренящиеся в существе дела, но громкие слова и фразы, искусно подобранные, усиленно натверженные и рассчитанные на инстинкты гладкой пошлости, всегда таящиеся в массе. Масса легко увлекается пустым вдохновением декламации и, под влиянием порыва, часто бессознательного, способна приходить к внезапным решениям, о коих приходится сожалеть при хладнокровном обсуждении дела.

Итак, когда предводитель партии с сильною волей соединяет еще и дар красноречия, – он выступает в своей первой роли на открытую сцену перед целым светом. Если же у него нет этого дара, он стоит, подобно режиссеру, за кулисами и направляет оттуда весь ход парламентского представления, распределяя роли, выпуская ораторов, которые *говорят* за него, употребляя в дело по усмотрению более тонкие, но нерешительные умы своей партии: они за него *думают*.

Что такое парламентская партия? По теории, это союз людей одинаково мыслящих и соединяющих свои силы для совокупного осуществления своих воззрений в законодательстве и в направлении государственной жизни. Но так-овы бывают разве только мелкие кружки: большая, значительная в парламенте партия образуется лишь под влиянием личного честолюбия, группируясь около одного господствующего лица. Люди, по природе, делятся на две категории: одни не терпят над собою никакой власти, и потому необходимо стремятся господствовать сами; другие, по характеру своему, страшась нести на себе ответственность, соединенную со всяким решительным действием, уклоняются от всякого решительного акта воли: эти последние как бы рождены для подчинения и составляют из себя стадо, следующее за людьми воли и решения, составляющими меньшинство. Таким образом, люди самые талантливые подчиняются охотно, с радостью складывая в чужие руки направление своих действий и нравственную ответственность. Они как бы инстинктивно «ищут вождя» и становятся послушными его орудиями, сохраняя уверенность, что он ведет их к победе и нередко к добыче. Итак, все существенные действия парламентаризма отправляются вождями партий: они ставят решения, они ведут борьбу и празднуют победу. Публичные заседания суть не что иное, как представление для публики. Произносятся речи для того, чтобы поддержать фикцию парламентаризма: редкая речь вызывает, сама по себе, парламентское решение в важном деле. Речи служат к прославлению ораторов, к возвышению популярности, к составлению карьеры, но в редких случаях решают подбор голосов. Каково должно быть большинство, это решается обыкновенно вне заседания.

Таков сложный механизм парламентского лицедейства, таков образ великой политической лжи, господствующей в наше время. По теории парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практике господствуют пять-

шесть предводителей партии; они, сменяясь, овладевают властью. По теории, убеждение утверждается ясными доводами во время парламентских дебатов; на практике – оно не зависит нисколько от дебатов, но направляется волею предводителей и соображениями личного интереса. По теории, народные представители имеют в виду единственно народное благо; на практике они под предлогом народного блага и на счет его, имеют в виду преимущественно личное благо свое и друзей своих. По теории – они должны быть из лучших, излюбленных граждан; на практике – это наиболее честолюбивые и нахальные граждане. По теории – избиратель подает голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему; на практике – избиратель дает голос за человека, которого по большей части совсем не знает, но о котором натвержено ему речами и криками заинтересованной партии. По теории – делами в парламенте управляют и двигают опытный разум и бескорыстное чувство; на практике – главные движущие силы здесь – решительная воля, эгоизм и красноречие.

Вот каково, в сущности, это учреждение, выставляемое целью и венцом государственного устройства. Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессеры наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении, как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят, не давая себе труда взглянуть ближе, без предубеждения, в действие парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, ослабевает вера в нее; славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки несомненно дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться...

II

Много зла наделали человечеству философы школы Ж.-Ж. Руссо. Философия эта завладела умами, а между тем вся она построена на одном ложном представлении о совершенстве человеческой природы, и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала.

На том же ложном основании стоит и господствующее ныне учение о совершенствах демократии и демократического правления. Эти совершенства предполагают совершенную способность массы уразуметь тонкие черты политического учения, явственно и раздельно присущие сознанию его проповедников. Эта ясность сознания доступна лишь немногим умам, составляющим аристократию интеллигенции; а масса, как всегда и повсюду, состояла и состоит из толпы – «vulgus»¹, и ее представления по необходимости будут «вульгарные».

Демократическая форма правления самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина – почему эта форма

¹ Народ, толпа (лат.).

повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам. И неудивительно. Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия ее суть проявления единой воли, – без этого немисливо никакое правительство. Но в каком смысле множество людей или собрание народное может проявлять единую волю? Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками вроде таких, например: «воля народная», «общественное мнение», «верховное решение нации», «глас народа – глас Божий» и т.п. Все эти фразы, конечно, должны означать, что великое множество людей, по великому множеству вопросов, может прийти к одинаковому заключению и постановить сообразно с ним одинаковое решение. Пожалуй, это и бывает возможно, но лишь по самым простым вопросам. Но когда с вопросом соединено хотя малейшее усложнение, решение его в многочисленном собрании возможно лишь при посредстве людей, способных обсудить его во всей сложности, и затем убедить массу к принятию решения. К числу самых сложных принадлежат, например, политические вопросы, требующие крайнего напряжения умственных сил у самых способных и опытных мужей государственных: в таких вопросах, очевидно, нет ни малейшей возможности рассчитывать на объединение мысли и воли в многочисленном народном собрании: решения массы в таких вопросах могут быть только гибельные для государства. Энтузиасты демократии уверяют себя, что народ может проявлять свою волю в делах государственных: это пустая теория, на деле же мы видим, что народное собрание способно только принимать по увлечению мнение, выраженное одним человеком или некоторым числом людей; например, мнение известного предводителя партии, известного местного деятеля, или организованной ассоциации, или, наконец, безразличное мнение того или другого влиятельного органа печати, таким образом, процедура решения превращается в игру, совершающуюся на громадной арене множества голов и голосов; чем их более принимается в счет, тем более эта игра запутывается, тем более зависит от случайных и беспорядочных побуждений.

К избежанию и обходу всех этих затруднений изобретено средство править посредством *представительства*, средство, организованное прежде всего и оправдавшее себя успехом в Англии. Отсюда, по установившейся моде, перешло оно и в другие страны Европы, но привилось с успехом, по прямому преданию и праву, лишь в Американских Соединенных Штатах. Однако и на родине своей, в Англии, представительные учреждения вступают в критическую эпоху своей истории. Самая сущность идеи этого представительства подверглась уже здесь изменению, извращающему первоначальное его значение. Дело в том, что с самого начала собрание избирателей, тесно ограниченное, присылало от себя в парламент известное число лиц, долженствовавших представлять мнение страны в собрании, но не связанных никакой определенной инструкцией от массы своих избирателей. Предполагалось, что избраны люди, разумеющие истинные нужды страны своей и способные дать верное направление государственной политике. Задача разрешалась просто и ясно: требовалось уменьшить до возможного предела трудность народного правления, ограничив малым числом способных людей –

собрание, призванное к решению государственных вопросов. Люди эти являлись в качестве свободных представителей народа, а не того или другого мнения, той или другой партии, не связанные никакой инструкцией. Но, с течением времени, мало-помалу эта система изменилась, под влиянием того же рокового предубеждения о великом значении общественного мнения, просвещаемого, будто бы, периодической печатью и дающего массе народной способность иметь прямое участие в решении политических вопросов. Понятие о представительстве совершенно изменило свой вид, превратившись в понятие о *мандате*, или определенном поручении. В этом смысле каждый избранный в той или другой местности почитается уже представителем *мнения*, в той местности господствующего, или партии, под знаменем этого мнения одержавшей победу на выборах, – это уже не представитель от страны или народа, но *депутат*, связанный инструкцией от своей партии. Это изменение в самом существе идеи представительства послужило началом язвы, разъедающей всю систему представительного правления. Выборы, с раздроблением партий, приняли характер личной борьбы местных интересов и мнений, отрешенной от основной идеи о пользе государственной. При крайнем умножении числа членов собрания большинство их, помимо интереса борьбы и партии, заражается равнодушием к общественному делу и теряет привычку присутствовать во всех заседаниях и участвовать непосредственно в обсуждении всех дел. Таким образом, дело законодательства и общего направления политики, самое важное для государства, превращается в игру, состоящую из условных формальностей, сделок и фикций. Система представительства сама себя оболжбила на деле.

Эти плачевные результаты всего явственнее обнаруживаются там, где население государственной территории не имеет цельного состава, но заключает в себе разнородные национальности. Национализм в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживается лживость и непрактичность парламентского правления. Примечательно, что начало национальности выступило вперед и стало движущей и раздражающей силой в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии. Довольно трудно определить существо этой новой силы и тех целей, к которым она стремится; но несомненно, что в ней – источник великой и сложной борьбы, которая предстоит еще в истории человечества и неведомо к какому приведет исходу. Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желание иметь свое самостоятельное управление, со своею, нередко мнимую, культурой. И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своем, отдельную политическую жизнь и культуру, – но и с теми, которые никогда не жили особой политической жизнью. Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы и не одной только силой, но и уравнением прав и отношений под одной властью. Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей

местности высылает представителей – не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению. Какой нестройный вид получает в подобном составе народное представительство и парламентское правление – очевидным тому примером служит в наши дни австрийский парламент. Провидение сохранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийского парламента! Да не будет.

III

Указывают на Англию, но к этим указаниям можно бы, кажется, применить поговорку «Слышали звон, да не знают, где он». Социальная наука в последнее время принялась вскрывать исторические и экономические ключи, откуда истекают особливые учреждения англосаксонской и отчасти скандинавской расы, сравнительно с учреждениями остальных европейских народов. Англосаксонское племя, с тех пор как заявило себя в истории, и донныне отличается крепким развитием самостоятельной личности: и в сфере политической и в экономической этому свойству англосаксонское племя обязано и устойчивостью древних своих учреждений, и крепкой организацией семейного быта и местного самоуправления, и теми несравненными успехами, коих оно достигло своею энергетическою деятельностью и влиянием своим в обоих полушариях. Этой энергией личности успело оно в начале своей истории осилить чуждые норманские обычаи своих победителей и утвердить быт свой на своих началах, которые сохраняются и донныне. Существенное отличие этого быта состоит в отношении каждого гражданина к государству. Каждый привыкает с юности сам собою держаться, сам устраивать судьбу свою и добывать себе хлеб насущный. Родители не обременены заботой об устройстве судьбы детей своих и об оставлении им наследства. Землевладельцы держатся своих имений и сами стремятся вести на них хозяйство и промыслы. Местное управление держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле. Учреждения административные обходятся без полчища чиновников, состоящих на содержании у государства и чающих от него обеспечения и возвышения. Вот на каком корне сами собою исторически выросли представительные учреждения свободной Англии, и вот почему ее парламент состоит из действительных представителей местных интересов, тесно связанных с землею; вот почему и голос их может считаться, в достаточной мере, голосом земли и органом национальных интересов.

Прочие народы Европы образовались и выросли совсем на ином основании, на основании общинного быта. Свойство его состоит в том, что человек не столько сам собою держится, сколько своею солидарностью с тем или другим общественным союзом, к которому принадлежит. Отсюда, с ходом общественного и государственного развития слагается особливая зависимость человека от того или иного семейного или общественного союза, и в конце концов, от государства.

Эти союзы – быв в начале крепкими учреждениями – семейными, политическими, религиозными, общественными, крепко держали человека в его жизни и деятельности, и ими, в свою очередь, делалось все общественное и государственное устройство. Но эти союзы, с течением времени, или распались или утратили свое некоторое господственное значение, однако люди продолжают по-прежнему искать себе опоры и устройства судьбы своей и благосостояния – в семье своей, в своей корпорации, и наконец в государственной власти (все равно, монархической или республиканской), возлагая на нее же вину своих бедствий, когда этой опоры по желанию своему не находят. Словом сказать, человек стремится к одной из этих властей пристроить себя и судьбу свою. Отсюда, в таком состоянии общества, оскудение людей самостоятельных и независимых, людей, которые сами держатся на ногах своих и знают, куда идут, составляя в государстве силу, служащую ему опорой, и напротив того, крайнее умножение людей, которые ищут себе опоры в государстве, питаются его соками, и не столько дают ему силы, сколько от него требуют. – Отсюда крайнее развитие в таких обществах, с одной стороны, чиновничества, с другой – так называемых либеральных профессий. Отсюда, при ослаблении в нравах самостоятельности крайнее усложнение отправления государственной и законодательной власти, принимающей на себя заботу о многом, о чем каждый для себя должен бы заботиться. В таком состоянии общество мало-помалу подготавливает у себя благоприятную почву для развития социализма, и привычка возлагать на государство заботу о благосостоянии всех и каждого обращается, наконец, в безумную теорию социализма государственного. В таких-то условиях своего социального развития все континентальные государства с англосаксонского образца учредили у себя представительное правление, иные еще при всеобщей подаче голосов. Очевидно, что при описанном составе общества, и при легком отношении его к общественному делу, оно не может выделить из себя истинных, верных представителей земли и прямых ее интересов. Отсюда, печальная судьба таких представительных собраний и тяжкое, безысходное положение власти правительственной, которая неразрывно с ними связана, и народа, судьбы коего от них зависят.

Что же сказать о народах славянского племени, отличающихся особливим у себя развитием общинного быта, при крайней юности своей культуры, о Румынии и о несчастной Греции? Сюда, по истине, представительные учреждения внесли сразу разлагающее начало народной жизни, представляя из себя в иных случаях жалкую карикатуру Запада, напоминающую басню Крылова «Мартышка и очки».

IV

Величайшее зло конституционного порядка состоит в образовании министерства на парламентских или партийных началах. Каждая политическая партия одержима стремлением захватить в свои руки правительственную власть, и к ней пробирается. Глава государства уступает политической партии, составляющей большинство в парламенте; в таком случае министерство образуется из членов этой партии и, ради удержания власти, начинает борьбу с оппозици-

ей, которая усиливается низвергнуть его и вступить на его место. Но если глава государства склоняется не к большинству, а к меньшинству, и из него избирает свое министерство, в таком случае новое правительство распускает парламент и употребляет все усилия к тому, чтобы составить себе большинство при новых выборах и с помощью его вести борьбу с оппозицией. Странники министерской партии подают голос всегда за правительство; им приходится во всяком случае стоять за него – не ради поддержания власти, не из-за внутреннего согласия в мнениях, но потому, что это правительство само держит членов своей партии во власти и во всех сопряженных со властью преимуществах, выгодах и прибылях. Вообще существенный мотив каждой партии – стоять за своих во что бы то ни стало, или из-за взаимного интереса, или просто в силу того стадного инстинкта, который побуждает людей разделяться на дружины и лезть в бой стена на стену. Очевидно, что согласие в мнениях имеет в этом случае очень слабое значение, а забота об общественном благе служит прикрытием вовсе чуждых ему побуждений и инстинктов. И это называется идеалом парламентского правления. Люди обманывают себя, думая, что оно служит обеспечением свободы. Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с той разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством; но как скоро при большинстве, составляемом под влиянием игры в партию, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля целого парламента: тем еще менее можно признать ее волею народа, здоровая масса коего не принимает никакого участия в игре партий и даже уклоняется от нее. Напротив того, именно нездоровая часть населения мало-помалу вводится в эту игру и ею развращается; ибо главный мотив этой игры есть стремление к власти и к наживе. Политическая свобода становится фикцией, поддерживаемую на бумаге, параграфами и фразами конституции; начало монархической власти совсем пропадает; торжествует либеральная демократия, водворяя беспорядок и насилие в обществе, вместе с началами безверия и материализма, провозглашая свободу, равенство и братство – там, где нет уже места ни свободе, ни равенству. Такое состояние ведет неотразимо к анархии, от которой общество спасается одной лишь диктатурой, т.е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении.

Первый образец народного, представительного правления явила новейшей Европе Англия. С половины прошлого столетия французские философы стали прославлять английские учреждения и выставлять их примером для всеобщего подражания. Но в ту пору не столько политическая свобода привлекала французские умы, сколько привлекали начала религиозной терпимости, или лучше сказать, начала безверия, бывшие тогда в моде в Англии и пущенные в обращение английскими философами того времени. Вслед за Францией, которая давала тон и нравам и литературе во всей западной интеллигенции, мода на английские учреждения распространилась по всему Европейскому материка. Между тем произошли два великих события, из коих одно утверждало эту веру, а другое чуть было совсем не поколебало ее. Возникла республика Американских Соединенных

Штатов, и ее учреждения, скопированные с английских (кроме королевской власти и аристократии), принялись на новой почве прочно и плодотворно. Это произвело восторг в умах, и, прежде всего, во Франции. С другой стороны явилась Французская республика, и скоро явила миру все гнусности, беспорядки и насилия революционного правительства. Повсюду произошел взрыв негодования и отвращения против французских и, стало быть, вообще против демократических учреждений. Ненависть к революции отразилась даже на внутренней политике самого британского правительства. Чувство это начало ослабевать к 1815 году, под влиянием политических событий того времени – в умах проснулось желание, со свежей надеждой, соединить политическую свободу с гражданским порядком в формах, подходящих к английской конституции: вошла в моду опять политическая англоманья. Затем последовал ряд попыток осуществить британский, идеал, сначала во Франции, потом в Испании и Португалии, потом в Голландии и Бельгии, наконец, в последнее время, в Германии, в Италии и в Австрии. Слабый отголосок этого движения отразился и у нас в 1825 году, в безумной попытке аристократов-мечтателей, не знавших, ни своего народа, ни своей истории.

Любопытно проследить историю новых демократических учреждений: долговечны ли оказались они, каждое на своей почве, в сравнении с монархическими учреждениями, коих продолжение история считает рядом столетий.

Во Франции, со времени введения политической свободы, правительство, во всей силе государственной своей власти, было *три раза* ниспровергнуто парижской уличной толпой: в 1792 г., в 1830 и в 1848 году. *Три раза* было ниспровергнуто армией, или военной силой: в 1797 году 4 сентября (18 фруктидора), когда большинством членов директории, при содействии военной силы были уничтожены выборы, состоявшиеся в 48 департаментах, и отправлены в ссылку 56 членов законодательных собраний. В другой раз, в 1799 году 9 ноября (18 брюмера) правительство ниспровергнуто Бонапартом, и, наконец, в 1851 г., 2 декабря – другим Бонапартом, младшим. Три раза правительство было ниспровергнуто внешним нашествием неприятеля: в 1814, в 1815 и в 1870. В общем счете, с начала своих политических экспериментов по 1870 год, Франция имела 44 года свободы и 37 годов сурового диктаторства. При том еще стоит заметить странное явление: монархи старшей Бурбонской линии, оставляя много места действию политической свободы, никогда не опирались на чистом начале новейшей демократии; напротив того, оба Наполеона, провозгласив безусловно эти начала, управляли Францией деспотически. В Испании народное правление провозглашено было в эпоху окончательного падения Наполеона. Чрезвычайное собрание кортесов утвердило в Кадисе конституцию, провозгласив в первой статье оной, что верховенство власти принадлежит нации. Фердинанд VII¹, вступив в Испанию через Францию, отменил эту конституцию и стал править самовластно. Через 6 лет генерал Риго²

¹ Фердинанд VII (1784–1833) – испанский король (в 1808, 1814–1833 гг.).

² Риго-и-Нуньес Рафаэль (1785–1823) – подполковник испанской армии, 1 января 1820 г. выступил со своим батальоном в поддержку республиканской конституции 1812 г. После победы революции 1820 г. командующий национальной армией, с 1822 г. председатель Мадридских кортесов (высшего представительного органа Испании). Казнен в 1823 г. после подавления революции французскими интервентами.

во главе военного восстания принудил короля восстановить конституцию. В 1823 году французская армия под внушением Священного союза вступила в Испанию и восстановила Фердинанда в самовластии. Вдова его в качестве регентши для охранения прав дочери своей Изабеллы¹ против Дон-Карлоса² вновь приняла конституцию. Затем начинается для Испании последовательный ряд мятежей и восстаний, изредка прерываемых краткими промежутками относительного спокойствия. Достаточно указать, что с 1816 года до вступления на престол Альфонса³ было в Испании до 40 серьезных военных восстаний, с участием народной толпы. Говоря об Испании, нельзя не упомянуть о том чудовищном и поучительном зрелище, которое представляют многочисленные республики Южной Америки, республики испанского происхождения и испанских нравов. Вся их история представляет непрестанную смену ожесточенной резни между народной толпой и войсками, прерываемую правлением деспотов, напоминающих Коммода⁴ или Калигулу⁵. Довольно привести в пример хотя Боливию, где из числа 14 президентов республики тринадцать кончили свое правление насильственной смертью или ссылкой.

Начало народного или представительного правления в Германии и в Австрии не ранее 1848 года. Правда, начиная с 1815 года, поднимается глухой ропот молодой интеллигенции на германских владетельных князей за неисполнение обещаний, данных народу в эпоху великой войны за освобождение. За немногими, мелкими исключениями, в Германии не было представительных учреждений до 1847 года, когда прусский король учредил у себя особенную форму конституционного правления; однако оно не простояло и одного года. Но стоило только напору парижской уличной толпы сломить французскую хартию и низложить конституционного короля, как поднялось и в Германии уличное движение, с участием войск. В Берлине, в Вене, во Франкфурте устроились национальные собрания по французскому шаблону. Едва прошел год, как правительство разогнало их военной силой. Новейшие германские и австрийские конституции все исходят от монархической власти и еще ждут суда своего от истории.

*Публикуется по изданию:
Победоносцев К.П. Сочинения.
СПб., 1996. С. 277–298.*

¹ Изабелла II (1830–1904) – дочь испанского короля Фердинанда VII. Королева Испании (с 1843 г., до этого правили регенты). Свергнута в ходе революции 1868 г.

² Дон Карлос Старший – брат испанского короля Фердинанда VII. Лидер консервативно-монархического лагеря в Испании. В 1833 г., претендуя на испанский престол, выступил с частью вооруженных сил против регентши Изабеллы, вдовы Фердинанда VII Марии-Кристины, но потерпел поражение и покинул страну.

³ Альфонс XII Бурбон (1857–1885) – сын королевы Изабеллы II, король Испании (с 1874 г.)

⁴ Коммод (161–192) – римский император (с 180 г.).

⁵ Калигула Гай Юлий (12–41) – римский император (с 37 г.).

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КОРКУНОВ

ПРОПОРЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

1896 г.

Выборы большинством

Господствующая система выборов основана на начале *большинства*. Народные представители, сословные депутаты, земские гласные избираются обыкновенно по большинству голосов. Да на первый взгляд иной порядок выборов может показаться и немислимым.

В самом деле, избирателей всегда много. Они образуют поэтому коллегиям – а как же иначе возможно решать дела в коллегиях, как не по большинству голосов? Требование единогласия можно установить лишь для вопросов, допускающих отрицательное решение. Все предложения, не принятые единогласно, будут тогда считаться отвергнутыми. Но коллегиям приходится решать и вопросы, не допускающие безусловно отрицательного решения. Таковы именно дела выборные. Вопрос тут не в том, *выбирать ли*, а в том, *кого* выбрать. Кого-нибудь непременно надо выбрать. Поэтому нельзя удовольствоваться отрицательным решением, забаллотированием всех заявленных кандидатов. Необходимо положительное решение. Но единогласия ничем нельзя обеспечить. Волей-неволей приходится довольствоваться большинством, требовать подчинения меньшинства большинству.

Однако подчинение, хотя бы и необходимое, большинству сознается нами все-таки как зло. Решающее значение придается при этом не *качеству*, а *количеству*. Число голосов, а не их достоинство, не их вес определяет исход дела. Меньшинство, каково бы оно ни было по своему качественному значению, должно уступать всякому, может быть даже случайно сложившемуся большинству без действительного внутреннего единства. Поэтому в сколько-нибудь важных делах стараются так или иначе ослабить начало большинства. Так, в демократиях древности одного большинства народного собрания считалось недостаточно, а требовались еще благоприятные ауспиции¹. Так в конституционных монархиях значение большинства ограничивается требованием соглашения обеих палат и королевской санкции.

Но ни в чем несостоятельность начала большинства не сказывается так резко, как в применении к выборам. Именно о выборах по большинству голосов можно сказать словами Шиллера²:

¹ Предсказания (*лат.*). В древнем Риме наблюдения за полетом птиц в целях предсказания будущего.

² Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805) – немецкий поэт, драматург, теоретик искусства.

Was ist die Mehrheit? Mehrheit ist der Unsinn!¹

Прежде всего при выборах представителей по большинству голосов подчинение меньшинства большинству очень легко превращается на деле в подчинение большинства меньшинству.

Так как избранным по большинству голосов представителям и самим приходится решать дела опять-таки по большинству голосов, то решающее большинство обыкновенно выражает в действительности мнение не большинства, а меньшинства представляемых. Всякое большинство составляет правильную дробь целого: выборное большинство – дробь общей совокупности избирателей; решающее большинство – дробь общей совокупности членов представительного собрания. Избранные по большинству представители являются выразителями интересов не всех, а только части избирателей; решение большинства точно так же выражает мнение не всех, а только части этих представителей, солидарных лишь с частью избирателей. Чтобы узнать, интерес какой части избирателей выражает в действительности решение большинства, надо дробь, выражающую выборное большинство, помножить на дробь, выражающую решившее большинство. Если, например, 500 членов парламента избраны большинством 6 миллионов --избирателей из общего их числа 10 миллионов, а решение постановлено большинством 300 депутатов, получивших $\frac{3}{5}$ общего числа голосов, решение это выражает собою мнение не всех 6 миллионов граждан, избравших 500 представителей, а только $\frac{3}{5}$ избирателей, составивших на выборах большинство.

Но правильные дроби при перемножении неизбежно уменьшаются. Поэтому только при очень сильном большинстве на выборах и при решении большинство представительного собрания выразит мнение большинства избирателей. Например, если представители избраны большинством $\frac{2}{3}$, то только их решение, принятое большинством не менее $\frac{4}{5}$, будет выражать большинство ($\frac{8}{15}$) избирателей. Решение же, принятое даже большинством $\frac{2}{3}$, будет выражать мнение только меньшинства ($\frac{4}{9}$) избирателей.

Вообще если выразить большинство в десятых долях, то решение большинства представительного собрания будет иметь за собою большинство избирателей, только когда сумма дробей, означающих большинство на выборах и большинство решения, будет не меньше полутора единицы.

Между тем в действительности общая сумма голосов, получаемых представителями, обыкновенно не достигает даже половины общего числа избирателей. Так, во Франции в 1881 и 1885 годах число голосов, полученных депутатами, равнялось лишь 45% и 43% всего числа избирателей. Было вычислено, в частности, что почтенное большинство 324 депутатов, высказавшихся за тонкинскую экспедицию, имело за собой всего 2 685 516 голосов при общем числе 10 352 274 избирателей, т.е. не более одной четверти.

И независимо от этой тенденции большинства избранных по большинству представителей превращаться на деле в меньшинство, самое подчинение меньшинства большинству при избрании представителей получает совсем иное значение, нежели в коллегиях, решающих вопросы. При коллегиальных решениях

¹ Что такое большинство? Большинство это вздор! (нем.). Цитата из трагедии Ф. Шиллера «Димитрий».

меньшинство обязывается подчиняться только самому решению, принятому большинством, но не устраняется вовсе от участия в обсуждении дела, а потому может влиять и на окончательную формулировку мнения большинства. Решается дело большинством, но *обсуждается* оно и большинством, и меньшинством совместно.

При выборах по большинству голосов дело не ограничивается одним только подчинением меньшинства большинству в постановке самого решения. При выборах представителей по большинству голосов группы избирателей, остающиеся в меньшинстве и потому не получающие представителей, устраняются тем самым от участия и в самом обсуждении дел, подлежащих решению представительного собрания. Вследствие этого подчинение меньшинства большинству устанавливается здесь уже наперед, еще до обсуждения и тем самым преобладание количества над качеством еще усугубляется.

Правда, при самых выборах вожаки соперничающих партий излагают свои воззрения и подвергают разбору политические программы противников. Но большая разница – отстаивать свои мнения пред лицом всей страны, в представительном собрании, или в тесном круге избирателей отдельной местности. И, что особенно важно, в избирательных собраниях предметом прений служат обыкновенно именно только общие партийные программы, слагающиеся в значительной степени из общих и неопределенных положений и широкообещательных, но трудно осуществимых обещаний. В представительном собрании, напротив, приходится иметь дело с непосредственными практическими вопросами текущей государственной жизни. Поэтому взаимный обмен мнений и борьба воззрений представляется здесь несравненно плодотворнее, чем в избирательных собраниях. Меньшинству гораздо легче оказать влияние и доказать односторонность воззрений большинства на частных конкретных вопросах, нежели при обсуждении общих принципов, составляющих содержание партийных программ.

Между тем, избрание по большинству неизбежно приводит к лишению значительного числа граждан, по закону пользующихся избирательным правом, фактической возможности избрать себе представителей. В самом деле, раз избранным считается тот, кто получит большинство голосов, все избиратели, составляющие меньшинство, лишены возможности получить себе представителей. Число таких лишенных представительства избирателей может быть очень велико. Так как для составления большинства достаточно хотя бы одного голоса сверх половины всех голосов, то максимальная численность непредставленного меньшинства равняется половине голосов без одного: $\frac{c}{2} - 1$.

Число непредставленных зависит притом исключительно от самого способа избрания, от требования получить для избрания непременно хотя бы одним голосом больше половины. Число подлежащих избранию представителей, отношение их числа к общему числу избирателей, а также степень партийной раздробленности избирателей не имеет тут никакого значения. Некоторое влияние на предельный максимум непредставленных имеет только число избирательных округов, но и то совершенно незначительное. Если округов несколько, то в каждом из них для избрания потребуется хотя бы одним голосом больше половины, поэтому предельный максимум непредставленных будет половина общего числа

избирателей не без одного, а без стольких, сколько округов; не $\frac{e}{2} - 1$, а $\frac{e}{2} - n$, где e – число избирателей, а n – число избирательных округов. Так как число округов в самых больших государствах не превышает пяти-шести сот[ен], а избирателей насчитывается в них несколько миллионов, то разница тут получается совершенно пустая. Предположим, что избирателей 10 000 000, а округов 500, тогда при одном округе непредставленных могло бы оказаться 4 999 999 чел., при 500 округах – 4 999 500.

Итак, можно сказать, что при избрании по большинству число не представленных – величина почти постоянная: вовсе не зависящая от числа представителей и степени партийной раздробленности и очень мало зависящая от числа избирательных округов. Следовательно, как бы ни изменялась организация представительства, пока сохраняется избрание по большинству, число непредставленных не может быть заметно уменьшено.

Однако нам могут, пожалуй, возразить, что определенное нами число не представленных окажется лишь в том случае, если большинство будет ровно одним голосом больше половины общего числа голосов, что бывает сравнительно редко. Если большинство располагает большим числом голосов, то соответственно с этим и численность остающегося без представителей меньшинства оказывается менее значительной.

Конечно, большинство может быть гораздо больше половины, но этим несколько не уменьшается число избирателей, мнения и интересы которых не получают никакого влияния на состав представительства. Раз какая-либо партия имеет хотя бы одним голосом больше половины общего числа голосов, победа на выборах за ней обеспечена и всякий лишний голос сверх этого числа для нее совершенно бесполезен: он не увеличит числа ее представителей. Имеет ли данная партия только одним голосом больше половины или гораздо больше, хотя бы даже она обнимала собою всех избирателей, во всех этих случаях все представители будут избраны только ею одной. В этом смысле весь избыток избирателей сверх минимальной цифры абсолютного большинства (половины плюс один) остается всегда непредставленным: их взгляды и интересы никак не отражаются на составе представительства, все равно, составляет ли этот избыток враждебное большинству меньшинство или сам примыкает к большинству.

Мы предполагали до сих пор, что избранным считается только получивший абсолютное большинство (majorité). Так определяют условие избрания и избирательные законы. Но обеспечить действительное выполнение этого требования закона нет никаких средств. Голоса всегда могут так раздробиться, что ни один из кандидатов не получит абсолютного большинства.

Непременное требование абсолютного большинства применимо к коллегиальному решению спорных вопросов, потому что по большей части спорные вопросы допускают отрицательное решение. Предположение, не находящее себе поддержки большинства, в силу этого самого имеет большинство против себя. Следовательно, при нечетном составе решающего собрания и при категорической постановке вопроса, допускающей лишь прямые ответы: «да» или «нет», всегда получится и решение большинства, положительное или отрицательное. Если

даже вопрос такого рода, что не допускает отрицательного решения, а требуется непременно принятие какой-либо меры положительного действия, то все-таки можно всегда добиться образования большинства, комбинируя между собой различные предположения. Для этого общий вопрос расчленяется на те его элементы, по которым возникают разногласия, и каждый из них голосуется отдельно, опять-таки с допущением лишь безусловных ответов, «да» или «нет». Тогда по каждому элементу вопроса получится положительное или отрицательное большинство и в результате получится решение вопроса, во всех своих частях принятое большинством.

Но ни один из этих приемов обеспечения получения большинства неприменим к избранию представителей. Выборы не допускают отрицательного решения. Вопрос тут не в том, избирать ли, а в том только, кого выбрать. Неприменим к выборам и прием расчленения и комбинирования различных предположений с целью образования большинства компромисса. Из нескольких кандидатов нельзя составить одного. Таким образом, при выборах невозможно обеспечить наверняка образование большинства. Всегда может случиться, что ни один из кандидатов не соединит большинства голосов (*majorité*). В таких случаях приходится довольствоваться т. н. относительным большинством (*pluralité*), т. е. считать избранным того, кто получит хотя и менее половины всех голосов, но все-таки более других кандидатов. Однако такое относительное большинство есть в сущности меньшинство. Если голоса разделятся приблизительно поровну между тремя, четырьмя, десятью кандидатами, относительным большинством будет число, превышающее хотя бы несколькими голосами третью, четвертую, десятую часть всех голосов. Таким образом, при необходимости довольствоваться относительным большинством избрание по большинству сводится к избранию иногда очень незначительным меньшинством.

Пока преобладали системы представительства с довольно высоким избирательным цензом, это лишение представителей значительного числа избирателей не так бросалось в глаза. Избиратели и так составляли ничтожное меньшинство населения. Раз все представительство основано было на принципе ограничения избирательного права, несколько большее или меньшее сокращение числа граждан, действительно пользующихся представительством, представлялось незначительной, второстепенной подробностью.

С расширением избирательного права, и в особенности с установлением всеобщей подачи голосов, дело представляется в ином виде. Тут пользование избирательным правом, политическая правоспособность признается правилом, руководящим принципом; ограничение – исключением. Поэтому при общем избирательном праве такая организация выборов, которая приводит к фактическому лишению представительства значительного числа граждан, наделенных по закону избирательным правом, представляется бьющим в глаза самопротиворечием.

Но этого мало. Именно при общем избирательном праве с особенной резкостью проявляется подавление меньшинства большинством. Когда имеются ограничения избирательного права, они сами собой приводят к установлению известных преимуществ для меньшинства. Материальный достаток и известный

уровень образования одинаково являются уделом меньшинства. Поэтому при ограниченном избирательном праве меньшинство, более развитое, всегда получает известное обеспечение своего влияния на исход выборов. Но всеобщая подача голосов, всех уравнивая, решительно подчиняет *качество* количеству, достоинство – числу. Если при общем избирательном праве выборы производятся по большинству голосов, толпа своею численностью подавляет всякое качественное превосходство...

Чем заменить большинство?

Составляют ли все эти недостатки необходимую принадлежность всякого выборного представительства или же обусловлены особенностями установившейся системы выборов? Должны ли мы мириться с неудобствами избрания представителей по большинству голосов, с фактическим лишением представительства значительного числа избирателей, с искажением результата выборов в зависимости от случайных очертаний избирательных округов как с неизбежным злом, или же, изменив систему выборов, можем устранить все эти недостатки?

Внимательное рассмотрение условий, определяющих результаты выборов, убеждает, что недостатки эти, одни всецело, другие, по крайней мере, в значительной степени, зависят именно от особенностей установившейся системы избрания по большинству и с заменой ее другою могут быть устранены.

Так, прежде всего применение к выбору представителей начала большинства не составляет необходимости.

Решения постановляются по большинству только вследствие практической неосуществимости единогласных решений. Решения по общему соглашению, конечно, желательнее, чем решения по большинству. Но решение должно быть непременно одно, а добиться единогласия возможно лишь в исключительных случаях. Поэтому и приходится требовать подчинения меньшинства мнению большинства. Но решение по большинству вовсе не исключает, а напротив, даже предполагает предварительный обмен и взаимную оценку разных мнений. Только в решении должно по необходимости выразиться одно определенное мнение, но оно вырабатывается посредством взаимодействия противоположных мнений.

Представителей избирают не одного, а всегда многих, и притом разнородных взглядов и направлений. Представительное собрание может с успехом выполнить свои функции только при разнородном составе. Только при этом условии его суждения будут отличаться должной всесторонностью, обдуманностью, беспристрастием. Поэтому при многочисленности и разнородности состава представительства нет никакой надобности избирать представителей непременно по большинству голосов. Разные мнения, существующие среди избирателей относительно того, кому быть представителем, нет нужды сводить непременно к одному мнению большинства. Отдельные представители могут быть избираемы различными избирателями, группирующимися по сходству и различию их мнений и интересов. Конечно, самые решения представительного собрания, как и всякой коллегии, постановляются по большинству голосов, но отсюда от-

нюдь не следует, чтоб и члены собрания должны были избираться также по большинству. Напротив, для обеспечения необходимой разнородности состава надо, чтобы одни представители были избраны избирателями одного образа мыслей, другие – другого. Но если нельзя добиться соглашения относительно выбора представителей всей массы избирателей, разделенных различием мнений и интересов, то, напротив, вполне возможно такое соглашение между избирателями, имеющими одинаковые мнения и интересы. Поэтому множественность представителей делает возможным избирать их не по большинству голосов, а общим соглашением каждой одномыслящей группы избирателей.

Для этого надо только не заставлять избирателей, резко расходящихся между собой в направлении и интересах, сообща избирать себе представителей, что одинаково получается и при соединении всех избирателей в одну избирательную коллегия и при обязательной, законом установленной группировке избирателей, например, по округам; чтобы сделать возможным избрание представителей по общему соглашению, надо избирателям предоставить самим свободно группироваться по сходству и различию их интересов и воззрений, так, чтобы вместе избирали себе общего представителя только действительно солидарные между собой избиратели.

Но, конечно, и при таком избрании по общему соглашению каждой отдельной группы солидарных между собой избирателей должно быть определено, какое число голосов надо получить для избрания. Так как число представителей по необходимости ограничено, то представителей могут получить только такие группы избирателей, которые достигают определенной для того законом численности. Если один представитель приходится, например, на тысячу избирателей, то только группы, насчитывающие не менее тысячи, могут получить представителя. Если же какая-либо группа состоит из двух, трех, четырех тысяч, то соответственно с тем она избирает и двух, трех, четырех представителей. Такой порядок выборов, в отличие от выборов по большинству, называется пропорциональными выборами, так как при нем представителей получает не одна только группа избирателей, располагающая большинством голосов, а все группы, достигающие предельной численности, каждая соответственно ее действительной численности.

При таких пропорциональных выборах, конечно, устраняется возможность большинству получить представителей меньше, чем их будет у меньшинства, и при решении представительным собранием подлежащих его ведению вопросов по большинству голосов, решающее большинство будет представлять собою действительное большинство избирателей. В самом деле, если каждая группа солидарных между собою избирателей получит представителей в числе, пропорциональном ее численности, соотношение числа представителей отдельных групп будет то же самое, что и соотношение числа избирателей, составляющих каждую группу. Более многочисленная группа не может иметь при этом меньше представителей, чем группы, менее многочисленные. А так как при пропорциональных выборах представителей получит не одно большинство, а все избиратели, то и большинство представительного собрания не будет уже частью большинства, а будет представлять собою всех тех избирателей, которые выбрали большин-

ство представителей и которые при пропорциональных выборах непременно составляют большинство в общем составе избирателей. Таким образом, пропорциональные выборы свободны от двух существенных недостатков выборов по большинству. Но третий недостаток – фактическое лишение представительства некоторой части избирателей – не вовсе устраняется и при пропорциональных выборах, хотя и ослабляется в значительной степени. Впрочем, этот недостаток, в известной степени, неизбежен при всякой системе представительства.

В представительном собрании не могут отражаться все индивидуальные оттенки мнений и интересов: иначе пришлось бы включить в его состав все население страны и вместо представительного получилось бы непосредственное народное собрание. Это, конечно, одно из существеннейших недостатков представительного устройства. В непосредственном собрании может быть высказано и выслушано всякое индивидуальное мнение. Для этого [уже] не требуется принятие его раньше значительным числом граждан. Впервые высказанное в собрании, оно может в силу своего внутреннего достоинства повлиять на решение собрания. В представительном собрании, напротив, может найти себе выражение лишь мнение, уже предварительно значительно распространившееся и имеющее число сторонников, достаточное для обеспечения его представителям успеха на выборах. Совершенно индивидуальные, никем еще не разделяемые или разделяемые совершенно ничтожным числом адептов взгляды, вовсе не могут найти себе доступа в представительное собрание. Так как представительное собрание слагается не из всех граждан, оно не может отражать в себе и мнений и интересов, разделяемых лишь немногочисленными группами граждан. Чем меньше представителей, тем большее число интересов не найдет себе выражения в представительном собрании; чем представителей больше, тем полнее выразятся в представительстве все разнообразные интересы. Полнота представительства, при других одинаковых условиях, находится в прямом отношении к числу представителей. Если представители составляют одну тысячную всех избирателей, то и представителей могут иметь лишь интересы, общие, по крайней мере, тысяче избирателей; если число представителей составляет только одну десятитысячную всех, то представительство получают только интересы общие не менее, как двадцати тысячам. Это ограничение полноты представительства обусловлено не особенностями какого-либо способа выборов представителей, а самым существом представительства, предполагающего по самой идее замену всех немногими.

Еще Мирабо сравнивал представительство с географической картой¹. Подобно карте, представительство изображает различные группы, на какие распадутся избиратели в уменьшенном масштабе.

И самая точность, с какою группировка избирателей по сходству и различию их интересов и воззрений отражается в представительстве, зависит от тех же условий, как и точность плана.

Степень точности изображения какой-либо местности на плане определя-

¹ Les assemblées sont pour la nation ce qu'est une carte réduite pour son étendue phisique; soit en partie, soit en grand, la copie doit toujours avoir les mêmes proportions que l'original. Mirabaeu. Oeuvres, 1834. V. I. P. 7. Собрания должны представлять нацию в уменьшенном виде подобно карте, представляющей пространство; ее партии, ее большинство, копия всегда должна быть соразмерна оригиналу (*франц.*).

ется двумя условиями: масштабом и большею или меньшею извилистостью изображаемых очертаний. От масштаба зависит близость величины изображения к натуральной величине изображаемых очертаний, и зависимость тут прямая: чем больше масштаб, тем ближе величина изображения к величине изображаемого.

От большей или меньшей извилистости изображаемых очертаний зависит точность изображения, и зависимость здесь обратная. Чем больше извилистость, тем меньше точность. На одном и том же плане получится более точное изображение правильных дорожек сада, нежели извилистого течения ручья. При одном и том же масштабе изображение Африки будет точнее изображения Европы. Это происходит оттого, что очертания фигур выводятся на плане не математическими линиями, а полосками, имеющими некоторую ширину. Поэтому те извилины, которые при данном масштабе окажутся уже этих полосок, не могут быть вовсе воспроизведены на плане.

Точно так же и степень соответствия представительства составу избирателей находится в прямой зависимости от числа *представителей* и в обратной зависимости от степени *партийной раздробленности*. Число представителей – это как бы масштаб представительства. Партийная раздробленность – это извилистость очертаний партийной группировки избирателей, а число избирателей, на которое приходится по одному представителю, соответствует ширине тех линий, которыми выводится чертеж представительства.

В самом деле, если представителей приходится, положим, по одному на тысячу, то очевидно, только один из тысячи избирателей может быть избран представителем, и, следовательно, только такие группы солидарных между собою избирателей, которые состоят не менее как из тысячи, могут получить себе представителя. Дать представителей и меньшим группам значило бы увеличить число представителей, увеличить масштаб представительства. Поэтому, во-первых, не могут найти себе выражения те партии, численность которых меньше тысячи. Но затем, мы знаем, что для действительного выражения в представительстве разнородных мнений и интересов избирателей надо, чтобы отдельные партии получили себе представительство соразмерно их величине: большие партии должны иметь больше представителей, небольшие – меньше. Если партия, состоящая из тысячи человек, получила одного представителя, двухтысячная партия должна получить двух, трехтысячная – трех и т.д. Но, конечно, никогда не бывает, чтобы все партии имели адептов в числах, кратных тому числу, на которое полагается по одному представителю. Не бывает так, чтобы партии состояли всегда из равного числа тысяч. Если представитель полагается на каждую полную тысячу, то несколько лишних сотен, которыми располагает партия, не могут повлиять на увеличение числа ее представителей. Для партии они окажутся бесполезными, потому что при данном масштабе представительства они останутся без влияния на его состав. Таким образом, при всякой системе выборов некоторое число избирателей может остаться без представителей. Но число могущих остаться непредставленными зависит в известной степени от различия порядка выборов. При выборах большинством число это, как мы уже знаем, величина почти постоянная, не зависящая ни от масштаба представительства, ни от партийной раздво-

бленности. Постараемся же выяснить, чем определяется возможный максимум не представленных при пропорциональных выборах.

Раз для избрания при пропорциональных выборах требуется получение определенного числа голосов, не представленными останутся: во-первых, избиратели, составляющие партии, число приверженцев которых ниже того числа голосов, какое требуется для избрания, и, во-вторых, избиратели, составляющие в многочисленных партиях избыток, не достигающий того же числа. Сколько же может быть не представленных избирателей той и другой категории?

Максимальная численность каждой отдельной из таких не представленных групп избирателей (не представленных партий и не представленных избытков представленных партий) определяется масштабом представительства: она равна числу голосов требуемых для избрания (d) без единицы: $d - 1$. Не представленные партии и не представленные избытки партий могут быть меньше этого, но не могут быть больше, так как d голосов уже дают право на избрание представителя. Максимальное же число таких не представленных групп, конечно, равняется числу партий (f), на какое дробятся избиратели. Поэтому максимальное число не представленных избирателей равно $f(d - 1)$. Из этой формулы видно, что число не представленных при пропорциональных выборах зависит не от самого способа выборов, как при выборах большинством, а от изменчивых условий: числа голосов, требуемых для избрания, и числа партий. Уменьшая то и другое, или, что то же самое, сплачивая воедино раздробленные партии и увеличивая число представителей, мы тем самым уменьшим максимум не представленных. К тому же это только максимум. Не представленные остатки не могут быть больше этого, но могут и обыкновенно бывают на деле меньше. Если численность всех партий выразится в числах, кратных d , не представленных вовсе не окажется.

Для ближайшего сравнения формул, выражающих число не представленных при выборах большинством и при пропорциональных выборах, следует число голосов, требуемых при пропорциональных выборах для избрания (d), выразить в долях общего числа избирателей (e). Предположим для этого, что общее число избирателей (e) есть кратное числу голосов, требуемых для избрания (d) и числу представителей (r)¹. Тогда максимальную численность не представленных групп можно выразить как $\frac{e}{r} - 1$, т.е. общее число избирателей, деленное на число представителей без единицы.

Но при условии, что e число кратное $\frac{e}{r}$, все не представленные остатки не могут иметь этой максимальной численности. Если одна, другая, третья и т.д. партии имеют $\frac{e}{r} - 1$ голосов², эти недостающие до $\frac{e}{r}$ голоса должны куда-нибудь деваться, должны достаться какой-либо партии. Поэтому только $f - 1$ не представленных групп могут иметь максимальную численность $\frac{e}{r} - 1$; одна из f партий бу-

¹ Это необходимо, потому что по условиям нашей задачи как число представителей (r), так и число голосов, требуемых для их избрания, должны быть числа целые. Представительное собрание не может состоять из дробного числа членов, и избираемый не может получать дробное число голосов. На деле, однако, e обыкновенно не бывает кратным d . Остаток, получаемый при делении $e:d$, также будет не представлен. Но он не может быть велик. Если d определенное число – остаток не может быть больше $d - 1$. Если $d = \frac{e}{r}$ – он не превышает $r - 1$ (прим. Н. Коркунова).

² Или $\frac{e}{r} - 1$, что в данном случае безразлично (прим. Н. Коркунова).

дет тогда насчитывать только $f-1$ голосов.

Таким образом максимальная численность непредставленных в долях общего числа избирателей выразится так: $(f-1) \left(\frac{e}{f}-1\right) + f-1 = \frac{f-1}{f} \cdot e$, т.е. максимум непредставленных определяется отношением числа партий без единицы к числу представителей.

Сравнивая эту формулу с приведенной выше формулой, выражающей число непредставленных при выборах по большинству, мы замечаем между ними существенное различие. При выборах по большинству число непредставленных величина постоянная, не зависящая от числа представителей и степени партийной раздробленности избирателей, а при выборах пропорциональных число непредставленных, напротив, зависит от соотношения числа партий к числу представителей: число непредставленных тут тем больше, чем больше партий, и тем меньше, чем больше представителей.

Число непредставленных при пропорциональных выборах было бы равно числу непредставленных при выборах по большинству, т.е. приблизилось бы к половине только тогда, когда бы число партий без одной было лишь вдвое меньше числа представителей. В действительности такого соотношения этих чисел никогда не бывает. Партий насчитывают не более 10–15; представители же насчитываются сотнями: в Германии 300, во Франции свыше 500, в Англии около 700. При таком соотношении числа партий к числу представителей максимальный предел непредставленных при пропорциональных выборах не превышает одну двадцатую всех избирателей.

Этот расчет, правда, предполагает производство пропорциональных выборов всеми избирателями сообща, без разделения их по избирательным округам. Полное осуществление идеи пропорционального представительства и требует такого именно порядка выборов. Установление территориальных избирательных округов не согласимо с началом свободной группировки избирателей по сходству и различию их интересов и воззрений. Территориальная группировка необходимо имеет обязательный, принудительный характер. Вместе с тем, при пропорциональных выборах нет никакой надобности в множественности избирательных округов. При выборах большинством множественность округов даст некоторый противовес исключительному господству большинства. Кое в каких округах и меньшинство может располагать большинством голосов и благодаря тому получить представителей; но при пропорциональных выборах и так все партии получают соответственное их численности представительство.

Однако до сих пор в практическом своем осуществлении пропорциональные выборы соединяются с разделением государственной территории на избирательные округа, так что избиратели каждого округа избирают отдельно. А в округе при сравнительно ограниченном числе представителей число партий может быть так же велико, как и в целой стране. Не следует ли поэтому признать, что при выборах по округам выборы пропорциональные дают большее число непредставленных, нежели выборы большинством?

Нет, пропорциональным выборам и при этом условии должно быть отдано преимущество. Число непредставленных при выборах большинством бы-

вает не больше половины лишь в том случае, если одна из партий располагает абсолютным большинством, т.е. когда партийная раздробленность невелика. Если же приходится довольствоваться относительным большинством, численность непредставленных может быть гораздо значительнее. При трех партиях, приблизительно равных, оно может почти до $\frac{2}{3}$, при четырех – 1 до $\frac{3}{4}$ и т.д., и это при всяком числе представителей. При пропорциональных же выборах такие числа могут получиться, только когда число партий не меньше числа представителей.

Кроме того, подобно тому, как при выборах по большинству, при сильной партийной раздробленности довольствуются, по необходимости, вместо абсолютного только относительным большинством, так и при пропорциональных выборах можно довольствоваться для признания кандидата избранным получением им несколько меньшего, чем частное, от деления числа избирателей на число представителей, количества голосов. Всякое уменьшение числа голосов, признаваемого достаточным для избрания, само собой понижает и возможный максимум численности непредставленных групп...

Доводы за и против

Пропорциональные выборы по системе конкурирующих списков с распределением представителей по способу д'Ондта¹ или Гагенбах-Бишоффа² и особенно по системе Отто Бера могут быть осуществлены на деле без особых практических затруднений. Но идея пропорционального представительства вызывает немало и принципиальных возражений. Говорят, будто бы в основе этой идеи лежит совершенное непонимание существа современного народного представительства, его оснований и назначения.

Так, прежде всего усматривают в пропорциональном представительстве прямое противоречие началу *единства* народного представительства. Отличительная особенность современных парламентов сравнительно с средневековыми сословными сеймами заключается в том, что как весь парламент, так и каждая из палат и каждый отдельный член палаты представляют все вместе и каждый в отдельности весь народ как одно целое, а не отдельные группы избирателей. Где бы и кем бы ни был избран депутат, и каким бы числом голосов ни состоялось его избрание, он всегда одинаково признается *народным* представителем, а не местным или партийным. Именно потому, что каждый представитель есть представитель всего народа, а не своих только избирателей, избиратели не имеют над ним никакой власти: не дают ему наказов, не могут отозвать его до истечения срока полномочий, хотя бы его деятельность оказалась в резком разладе с их собственными взглядами. Все это оттого, что руководящим началом деятельности народного представителя должны служить общие народные интересы, а не интересы

¹ Д'Ондт Виктор (1841–1901) – бельгийский ученый и общественный деятель, профессор математики Гентского университета. Автор ряда работ по проблемам пропорциональной избирательной системы. В частности, *Système pratique et raisonnée de la representation proportionnelle*, 1882.

² Hagenbach-Bischoff. *Die Anwendung der Proportionalvertretung bei den schweizerischen Nationalrathswahlen*, 1892.

подавшей за него голоса группы избирателей.

Но если каждый представитель, как бы он ни был избран, представляет весь народ, нельзя говорить о неполноте или непропорциональности представительства. Такие требования можно было предъявлять и подобные упреки можно было делать средневековому сословному представительству, лишенному единства, представлявшему не народ, а составляющие его отдельные сословия. Теперь же все избиратели составляют единый народ и в этом качестве находят себе представителей одинаково в каждом из нескольких сотен избранных лиц.

Напротив, пропорциональные выборы предполагают прямое отрицание единства народного представительства. Избранные по системе пропорциональных выборов отдельными группами солидарных между собой избирателей, явятся не представителями народа, а только избравшей их партии. Таким образом, введение пропорционального представительства знаменовало бы собой своего рода возврат к раздробленному сословному представительству средневековья. Как тогда представительство получал не народ, а отдельные сословия, так пропорциональные выборы дадут представительство отдельным партиям. Только при избрании большинством можно получить действительно народных представителей.

Можно ли согласиться с такими соображениями? Члены современных парламентов, без сомнения, народные представители; но этим определяются только особенные условия их деятельности, а не порядок выборов. Будучи народными представителями, они должны руководствоваться в своей деятельности лишь требованиями общего народного блага, как оно выясняется из взаимного обмена их мыслей в представительном собрании, а не частными интересами своих избирателей. Поэтому народные представители в отличие от прежних, сословных, ставятся в полную независимость от избирателей. Но этим еще не определяется порядок выборов. Из понятия народных представителей нельзя вывести необходимости избирать их непременно всем избирателям сообща, без всякой качественной их группировки. И при выборах большинством избиратели иногда группируются не только по территориальным округам, но и по различию их общественного положения. Особенность пропорциональных выборов не в том, что ими устанавливается группировка избирателей, а в том, что эта группировка не обязательная, а свободная, группировка не по формальным внешним признакам, а по действительному внутреннему сходству интересов и воззрений. Но группировка избирателей, будет ли она свободная или обязательная, все равно не мешает избранным быть народными представителями. Только в процессе избрания различаются тут представители различных общественных групп; но раз избранные, все они действуют одинаково, как представители всего народа.

Иное понимание того принципа, что современные представители – представители всего народа, а не своих только избирателей, и применение этого принципа к определению самого порядка выборов привело бы к установлению совершенно однородного состава представительных собраний. Между тем, собрание, все сплошь состоящее из людей, вполне между собою солидарных и единомыслящих, было бы совершенно непригодно для выполнения лежащей на нем задачи

всестороннего обсуждения законопроектов и контроля за деятельностью правительства. Для успешной деятельности представительного собрания необходимо присутствие в нем и оппозиционных элементов, а это непременно предполагает разнородность состава. И на деле всякое представительное собрание распадается на несколько борющихся друг с другом партий. Все различие в этом отношении между выборами большинством и пропорциональными выборами лишь в том, что при выборах большинством ничем не обеспечено соответствие соотношения численности партий в парламенте с соотношением их численности в общем составе избирателей. Пропорциональные выборы обеспечивают такое соответствие, и может ли быть сомнение в том, что идея народного представительства осуществится полнее, правильнее именно тем собранием, где соотношение партий совпадает с соотношением их в самом народе? Чем точнее партийный состав собрания соответствует партийному составу населения, тем вернее деятельность собрания выразит настроение народа. Поэтому, если задача народного представительства в том, чтобы служить выражением народной воли, пропорциональные выборы должны быть предпочтены выборам по большинству.

К тому же никак нельзя согласиться с тем, будто бы пропорциональные выборы непременно усиливают партийный характер выборов. Составляемые отдельными партиями списки кандидатов служат основой голосования не только при выборах пропорциональных, но и при выборах по большинству, как например, в Бельгии, где избиратели могут подавать голос только за внесенных в предварительно заявленные списки кандидатов. И именно при выборах по большинству эти списки имеют по необходимости резко партийный характер. Так как для избрания требуется получить больше половины голосов, то только те списки могут рассчитывать на успех, которые выставлены сильной и сплоченной партией. При пропорциональных же выборах получают представительство мелкие группы солидарных между собою избирателей, не развившиеся еще в настоящие политические партии с определенной программой и со строгой партийной дисциплиной. Не пропорциональные выборы, а именно выборы по большинству предполагают непременное существование еще до выборов определенно сложившихся партий. При пропорциональных же выборах, напротив, достаточно и группировки в сравнительно мелкие солидарные группы избирателей, представители которых уже потом, в народном собрании, при совместном обсуждении политических вопросов соединятся в определенные партии. И такой порядок окончательного образования партии не при самых выборах, а в палатах, конечно, более соответствует идее народного представительства, так как при этом условии группировка партий определится различием в понимании именно общих народных интересов, а не влиянием частных, местных и классовых интересов, преобладающих в том или другом отдельном избирательном округе.

По всему этому и с точки зрения соответствия требованиям единства народного представительства надо отдать предпочтение пропорциональным выборам. Но затем против них выдвигают возражения и другого рода, еще более решительные. Говорят, будто бы идея пропорционального представительства основана на совершенно ошибочном понимании самых оснований политического

представительства.

Пропорциональные выборы имели бы смысл, если бы политическое представительство, подобно добровольному представительству в гражданском праве, служило лишь средством выражения и осуществления воли представляемого, если бы задачей народных представителей было служить выразителем уже готовой, сложившейся народной воли или воли отдельных групп граждан. Но в действительности назначение народного представительства, его основание совсем другое.

Народные представители не призваны выразить ничьей чужой воли: ни воли своих избирателей, ни воли народа в целом. Политическое представительство не добровольное представительство, а необходимое. Оно установлено не для передачи ради большего удобства осуществления действительно существующей воли представляемого субъекта представителям, а для искусственной организации на деле не существующей воли. Как опекун ребенка или душевнобольного, так и народные представители представляют народ не потому, чтобы они являлись пассивными выразителями его действительной воли, а потому, что своею высшею, лучшею, более сознательною и более разумною волей заменяют смутные, неопределенные, неразумные желания народа. Они избранные народа не в том смысле, чтобы народ избирал их для осуществления своей воли. Они избранная, лучшая часть народа и именно как лучшие представляют его. Избрание вовсе не означает возложения на избираемого осуществления воли избирателя. К выбору представителей прибегают потому, что нет другого лучшего средства выделить из общей массы народа его достойнейших представителей. Успех на выборах, число полученных голосов есть лучшее мерило степени влияния избираемого на окружающее его общество. А влияние непременно предполагает силу нравственную или материальную. Чем значительнее сила, тем шире влияние. Поэтому единственный целесообразный порядок выборов представителей – это выбор большинством. Такой выбор дает тем лучшие результаты, чем шире, многочисленнее и пестрее круг избирателей. В тесном кругу людей одного уровня развития, связанных друг с другом единством понятий, воззрений, вкусов и непосредственными личными связями, нетрудно быть избранным и жалкой посредственности. Личные связи восполняют здесь недостаток действительной силы. Напротив, получить большинство в обширном избирательном округе с многочисленным разнородным населением возможно только выдающемуся деятелю, достоинство которого стоит выше личной и партийной розни массы избирателей.

При таком понимании представительства пропорциональные выборы должны быть безусловно отвергнуты. Когда избиратели станут группироваться по сходству и различию их воззрений и интересов и сообща выбирать представителей будут сравнительно мелкие солидарные между собой группы, успех кандидатуры будет обусловлен не тем, чтобы быть лучшим, чтобы возвышаться над массой, а тем, напротив, чтобы быть в какой-нибудь из этих групп своим. Только свой, а не лучший, не избраннейший может быть выбран. Решающее значение получит тогда не объективное достоинство кандидатов, а исключительно партийные соображения. А так как в основу партийной группировки могут лечь са-

мые низменные стремления, то состав представительства при пропорциональных выборах должен неизбежно качественно понизиться.

Выборы большинством приводят к организации объединенной воли избранной части народа, призванной представлять народ, без такой организации являющий в своей жизни хаос разнообразных, противоречивых стремлений. Пропорциональные выборы возводят этот хаос в принцип. Вместо объединяющего представительства народа как целого избраннейшею его частью они дадут разрозненное представительство всех различных и даже самых низменных, самых мутных течений общественной жизни, не способных к разумному сознательному руководству делами государственного управления.

Мне думается, однако, что и при таком понимании народного представительства как избраннейшей части народа более правильным способом избрания следует признать не выборы большинством, а пропорциональные выборы.

Выборы большинством в своей практической постановке могут принимать две существенно различные формы: они устраиваются или как выборы индивидуальные (*scrutin individuel, single site system*), или как коллективные (*scrutin de liste*). При выборах индивидуальных устанавливается столько избирательных округов, сколько требуется избрать представителей. Следовательно, от каждого округа избирается только по одному представителю, и каждый избиратель может подать голос только за одного кандидата.

Нетрудно убедиться, что при таких индивидуальных выборах число голосов, необходимое для избрания, меньше, чем при пропорциональных выборах. При пропорциональных выборах оно равняется частному от деления числа избирателей на число представителей; при индивидуальных же выборах – половине этого частного, увеличенной единицей.

При коллективных выборах дело ставится несколько иначе. Число голосов, требуемое для избрания, тут больше, больше во столько раз, [насколько больше] представителей приходится на каждый отдельный избирательный округ. Следовательно, при таких выборах число это будет больше, чем при пропорциональных выборах, если только на каждый округ придется более чем по два представителя. Можно ли, однако, утверждать, что и при таких условиях коллективные выборы дадут более избранное представительство, нежели пропорциональные выборы?

Для выяснения этого вопроса надо обратить внимание на возможность двух типичных комбинаций соотношения враждебных партий.

Могут быть две крупные партии; может быть много мелких фракций, делающих возможным образование большинства только в силу коалиции. В первом случае партия, располагающая большинством голосов, одна изберет всех представителей, сколько бы их ни требовалось. Меньшинство, хотя бы и очень крупное, остается вовсе без представителей.

Можно ли при таких условиях утверждать, что все избранные большинством представители должны быть в самом деле избраннейшие? Едва ли. Сплоченное, сильное большинство, конечно, не станет ни за что подавать голоса за кандидатов враждебной ему партии; она всегда будет проводить каких бы то ни было, но непременно *своих* кандидатов. Партийная точка [зрения] тут безусловно возоб-

ладает над соображениями личного достоинства кандидата. Враждебный кандидат, чем он достойнее, тем он неприятнее и опаснее. Поэтому большинство всегда охотнее подает голоса за самого последнего из своих кандидатов, чем за самого выдающегося из чужих.

И в том случае, когда большинство представляет коалицию нескольких мелких фракций, выборы большинством не обеспечивают особенной избранности представителей. Коалиция предполагает сделку, соглашение, взаимные уступки. Отдельные фракции примыкают к коалиции только под неперенным условием внесения в список их собственного кандидата. У коалиционного большинства поэтому список кандидатов не будет цельный, поддерживаемый действительно всем большинством, а сборный, составленный из кандидатов только отдельных фракций. При таких условиях действительное число голосов, какое будет иметь за собой каждый представитель, окажется очень невелико, меньше чем при пропорциональных выборах.

Но всем этим еще не исчерпываются принципиальные возражения против идеи пропорционального представительства. Указывают на ее противоречие не только самым основаниям и единству народного представительства, но и той задаче, осуществлять которую призваны представительные собрания.

Пропорциональные выборы, говорят, были бы уместны и пригодны, если бы задача представительных собраний имела теоретический характер, если бы это были академии, призванные к научному обсуждению политических вопросов. Тогда бы главным и единственным условием надлежащего их состава являлось бы действительно присутствие в них представителей всех возможных мнений и взглядов.

Но в действительности задачи народного собрания не в том только, чтобы рассуждать, а в том, и, прежде всего в том, чтобы действовать. Народное представительство определяет направление всей государственной деятельности, им поддерживаются и низвергаются министерства. Дело народных представителей – практическое дело, а не отвлеченная теоретическая задача. Но для возможности действовать прежде всего и больше всего необходимо единство. Слишком пестрое по составу собрание не может проявить энергичной деятельности. Его силы будут всецело уходить на внутреннюю борьбу составляющих его мелких партий. Деятельным может быть только собрание, состоящее из немногих партий, всего лучше только из двух, из которых одна располагала бы сильным, подавляющим большинством. Только при таком составе собрания министерство может найти в нем прочную, надежную опору. А такой состав могут дать лишь выборы по большинству, именно потому, что при этом устраняются все партии, по численности своей не превышающие половины избирателей. Пропорциональные выборы приведут, напротив, к тому, что представители всех, даже самых мелких партий, попадут в собрание и в нем нельзя будет составить сколько-нибудь сплоченного и надежного большинства. Представительное собрание с таким составом по необходимости изнеможет в безысходной внутренней борьбе составляющих его бесчисленных фракций.

Это возражение основано всецело на ничем не доказанном предположении,

будто бы пропорциональные выборы сами по себе при всяких условиях дают непременно крайне пестрый, раздробленный партийный состав представительства. Наблюдение над действительными явлениями современной парламентской жизни приводит совершенно к иному заключению. Партийная раздробленность за последнее время усиливается повсеместно и там, где старый порядок выборов большинством сохраняется во всей своей неприкосновенности. Стоит припомнить хотя бы новейшую парламентскую историю Франции. В ней не введено ни пропорциональных выборов, ни даже ограниченного голосования, а партийная раздробленность палат, избираемых большинством, и обусловленная ею неустойчивость министерств достигли там по-видимому своих крайних пределов. Да и в самой Англии, также сохраняющей по-прежнему выборы большинством, парламентская жизнь уже не сводится более к борьбе и чередованию только двух крупных партий, вигов и тори.

Все это доказывает, что большая или меньшая партийная раздробленность представительства зависит не столько от порядка выборов, сколько от других причин.

Прежде всего от настроения общественного мнения. Если в стране существует сильная, сплоченная партия, она при пропорциональных выборах не может не дать крепкого большинства в палатах. Только при выборах большинством с распределением избирателей по многим округам, большинство может, как мы видели, получить меньшинство представителей. При пропорциональных выборах большинство всегда и непременно получит и большинство представителей. Если же в самом населении нет крупной партии, располагающей значительным большинством голосов, случайно образовавшееся в палатах большинство не может быть твердым и сильным.

Сила партии определяется не одним числом голосов в палатах, а также, и притом главным образом, той поддержкой, какую она находит себе в общественном мнении. При пропорциональных выборах парламентское большинство всегда и необходимо выражает собою действительное большинство избирателей. Поэтому между ним и общественным мнением не может быть разлада. Напротив, при выборах большинством, как было показано выше, парламентское большинство почти всегда выражает собою воззрения лишь меньшинства избирателей. Отсюда у членов такого большинства неизбежно является беспокойная заботливость предугадать наперед для всех загадочное настроение «большинства» их будущих избирателей. Отсюда и все эти безысходные колебания и вечные расшатывания партий. Отсюда невозможность для правительства найти сколько-нибудь надежную прочную опору в парламентском большинстве, являющемся неустойчивым результатом случайного соотношения партий в отдельных избирательных округах.

Партийная раздробленность во всех конституционных государствах все растет и при выборах большинством. Причина этого, надо думать, заключается просто в постепенном расширении участия всех слоев населения в политической жизни. Когда высокий имущественный ценз ограничивал избирательное право небольшой группой крупных собственников, и по числу их, и по одинаковости их

общественных стремлений, их едва хватало на образование двух-трех политических партий. Иное дело – общее избирательное право. Тут не только во много раз увеличивается число избирателей¹, но и самый состав их делается гораздо более разнородным. Общественные силы, прежде вовсе устраненные от политической жизни, получают в ней участие и, конечно, вносят в нее много новых запросов, стремлений, взглядов, не укладывающихся в узкие рамки прежней партийной группировки. Распадаются старые партии, образуются новые, и в результате получается неустойчивая партийная раздробленность.

Итак, все эти доводы против пропорциональных выборов нельзя признать убедительными. Но, кроме того, все они, во всяком случае, относятся только к общему политическому представительству. Между тем, выборы находят себе применение и во многих других случаях, где против пропорциональных выборов нельзя привести и таких возражений.

Всего бесспорнее превосходство пропорциональных выборов при избрании различных подготовительных комиссий, призванных дать возможно всестороннее освещение вопроса и наметить определенно все спорные пункты. Для выполнения такой задачи необходимо, чтобы комиссия состояла из представителей по возможности всех различных воззрений на обсуждаемый вопрос, а это вернее всего достигается именно пропорциональными выборами. Непригодность для избрания подобных комиссий выборов большинством всеми давно сознается. В практике Северо-Американского конгресса это неудобство обходится тем, что парламентские комиссии там не избираются палатой, а назначаются председателем палаты, включающим в состав комиссий и сторонников, и противников обсуждаемого проекта. Во Франции комиссии избираются, но не всей палатой в совокупности, а отдельными секциями или бюро, на которые палаты разделяются там по жребию. Сенат делится на 9 бюро, палата депутатов – на 11. Число членов комиссии определяется всегда кратное числу бюро, и каждое бюро отдельно избирает по равному числу. Так как при жеребьевом распределении депутатов по бюро соотношение различных партий в отдельных бюро не может быть одинаково, то такой порядок избрания комиссий обеспечивает им разнородный состав.

Но оба эти способа избрания не представляют вполне надежных гарантий надлежащего состава комиссий. При американском способе все зависит от личных качеств председателя, от его беспристрастности; при французском порядке – состав комиссии ставится в зависимость от совершенно случайного распределения партий по отдельным бюро, и при этом легко может случиться, что именно наиболее компетентные по данному вопросу лица окажутся в бюро, где их партия в меньшинстве и где поэтому они не могут быть избраны. При пропорциональных выборах все эти неудобства устранятся сами собой, и каждая партия получит возможность избирать в комиссии самых компетентных представителей.

Точно так же большие удобства представляют пропорциональные выборы в применении к избранию советов различных общественных союзов, ученых, ху-

¹ Во Франции в эпоху реставрации насчитывалось всего 160 000 избирателей; во время июльской монархии 225 000; теперь 10 000 000. В Англии до билля о реформе 1832 г. – 400 000, теперь – 3 500 000 (прим. Н. Коркунова).

дожественных, благотворительных и т.п. обществ, где важнее всего обеспечить возможно живой интерес всех членов к деятельности союза. Но это достижимо всего полнее именно при пропорциональных выборах, ни одной партии не устраняющих от представительства, дающих всем партиям соответственное их численности участие в деятельности союза.

Наконец, и применение пропорциональных выборов к устройству учреждений местного самоуправления не может также вызвать каких-либо принципиальных возражений. Как бы кто ни понимал основы и назначение народного представительства, не может быть сомнения, что местное представительство должно быть представительством особенных местных интересов, всегда разнообразных и в своем разнообразии всегда поддерживаемых государственной властью, не могущей допустить в местности подавление каким-нибудь одним случайно возобладавшим интересом всех других, для государства в целом имеющих нередко огромное значение. Поэтому организация местных собраний должна обеспечивать не столько единство, сколько полноту представительства, а лучшее средство для этого – пропорциональные выборы.

Точно так же в местном самоуправлении не может быть места чему-либо подобному парламентскому режиму с солидарным партийным министерством, опирающимся на сильное и твердое парламентское большинство. Основой механизма местного самоуправления не служит, как в парламентском режиме, последовательное чередование двух борющихся между собой политических партий, одинаково имеющих общее государственное значение. Механизм местного самоуправления строится на постоянном, непрерывающемся взаимодействии общих задач государственной жизни и местных особенностей, местных интересов. Местное представительство не является, подобно народному, политическому, самостоятельной опорой государственной власти, поддержкой ее авторитета. Органы местного самоуправления действуют сами по уполномочию государственной власти, служат ее задачам, опираются в своей деятельности на ее авторитеты.

Единство и сила власти в местном управлении исходят от правительства. Задача местного представительства в том, чтобы привести действие власти в соответствие с пестрым разнообразием интересов, порождаемых местными бытовыми особенностями. Местное представительство есть прежде всего представительство интересов, а потому против применимости в местном самоуправлении пропорциональных выборов не может быть никаких принципиальных возражений.

*Извлечения публикуются по изданию:
Коркунов Н.М. Пропорциональные выборы.
СПб., 1896. С. 1–11, 18–32, 77–95.*

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛАЗАРЕВСКИЙ

**НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ
ДРУГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ¹**

1905 г.

Господствующие даже среди образованных юристов воззрения на роль народного представительства в современном государстве и на то место, которое оно занимает среди других государственных установлений, нередко бывают в значительной степени затемнены самым термином «представительство» и некоторыми историческими воспоминаниями, совершенно неприложимыми к современному положению вещей, но во многом отражающимися на господствующем его понимании.

Термин «народное представительство» возбуждает мысль, что избранные депутаты чьи-то представители, по установившимся нашим понятиям – лица, действующие от имени и по поручению кого-то другого. Вместе с тем, парламенту как представителю народа всегда противопоставляют «правительство», тем самым как бы исключая парламент из состава правительственных органов государства.

Было время, когда понимание сущности представительных собраний, выражающееся в этих терминах, точно соответствовало действительности.

Средневековая западноевропейская монархия выработалась из прав вотчинного владения. Средневековое владетельное лицо было прежде всего, и главным образом, собственником земли, и живущее на ней некрепостное население не было его подданными, обязанными ему безусловным повиновением, как современные граждане государственной власти.

В случае предъявления к населению каких-либо требований во имя общего, государственного дела, средневековый вотчинный владелец должен был взывать к добровольному согласию населения на те или иные жертвы. Между прочим, средневековый король, или вообще владетельное лицо, не имел права устанавливать налоги, и потому всякого рода сборы (кроме некоторых, точно установленных обычаем и по размеру своему крайне незначительных) были возможны лишь в виде добровольного самообложения населения.

Когда им это было нужно, средневековые владетельные лица вступали в соглашения с народом в лице тех его элементов, которые представляли известную общественную силу, т.е. в лице особенно крупных землевладельцев и всякого рода

¹Цензурное разрешение публикации от 8 июня 1905 г.

союзов, территориальных (общин) или сословных.

Представители общин или сословий, собранные в какой-либо сейм, были действительно представителями, которые получали от пославших их определенное полномочие на то, чтобы вступить с королем в такое-то соглашение по такому-то вопросу. Король и сословия были двумя сторонами, заключавшими между собою тот или другой договор. Такому собранию король и его слуги – администрация – действительно противопоставлялись как противная сторона.

Учение о конституционном государстве вырабатывалось в значительной степени еще под влиянием идей, сохранившихся с того времени. Народное представительство противопоставлялось «правительству», депутаты рассматривались как представители избравшего их округа, им давались точные указания, как держать себя по тому или другому вопросу, так называемый *mandat impératif*¹.

В настоящее время признается, что подобные инструкции не только практически недопустимы, ибо делали бы работу собрания невозможной (например, в случае возникновения какого-либо вопроса, не предусмотренного хотя бы в некоторых инструкциях), но что они противоречат и существу отношений между депутатом и избравшим его округом. С этим округом юридически депутат ничем не связан: он не его представитель, инструкций получать от него он не имеет права, отчета в своих действиях давать не обязан. Все участие населения проявляется в однократном акте, состоящем только в подаче голоса за того или другого кандидата. Права населения этим вполне исчерпываются.

Следовательно, депутат не является чьим бы то ни было представителем в формальном юридическом смысле.

Народное представительство, таким образом, теперь не орган, выражающий взгляды населения отдельных избирательных округов или осуществляющий принадлежащие им полномочия, противопоставляемые полномочиям правительства; это не представители какого-то неправительственного начала, ограничивающие государственную власть. Народное представительство есть один из органов государственной власти над обывателями, действующий частью совместно с другими государственными органами, частью отдельно и осуществляющий определенные функции государственного управления.

Но выборность этого органа является фактом громадной практической важности, в значительной степени предопределяет и место народного представительства среди других государственных установлений, и его жизненное значение.

Выборность создает тесную нравственную связь парламента с народом и является источником политической силы народного представительства.

Избирательный характер народного представительства обуславливает связь его с общественным мнением и то, что это есть орган, могущий непосредственно чувствовать действительные нужды народа, от имени которого он имеет нравственное основание говорить с гораздо большим авторитетом, чем какой бы то ни было другой орган государства.

Затем, выборность народного представительства создает полную его независимость от бюрократического механизма.

¹ Повелительный мандат (*франц.*).

Наконец, выборность создает для органов народного представительства положение, независимое и по отношению к королю. В неограниченной монархии все власти исходят от короля, и потому все власти по отношению к нему безгласны. Благодаря своей выборности народное представительство от короля независимо: не от него, а от народа, от избирателей получают депутаты свои полномочия как члены парламента. Воле монарха и его пониманию потребностей народа народное представительство может противопоставить свою волю и свое понимание этих потребностей; говорить от имени народа и его нужд народное представительство может, во всяком случае, с не меньшим авторитетом и с не меньшим правом, как и король.

Но при всем громадном значении только что указанных факторов политического и психологического характера для того, чтобы совершенно не искажать роли народного представительства в современном конституционном государстве, надо твердо помнить, что это не есть нечто внешнее по отношению к государству, но что народное представительство есть один из органов правительственного механизма.

Для того, чтобы точно выяснить себе место, занимаемое народным представительством среди других государственных установлений, надо установить, какая роль современными конституциями предоставляется палатам в деле законодательства, администрации и суда, а также – в виду особой практической важности этой функции палат – в деле финансового управления.

II

Что касается значения народного представительства в деле законодательства, то для того, чтобы разобраться в постановлениях современных конституций по этому вопросу, необходимо иметь в виду, что эти постановления в значительной степени отразили на себе взгляды предшествовавшей эпохи.

Теория разделения властей в том ее виде, в каком она существовала в эпоху, когда учение конституционализма начинало разрабатываться, т.е. в самом конце XVIII и в первой половине XIX века, видела в народном представительстве орган лишь законодательной власти.

В настоящее же время уже нельзя говорить, что участие в делах законодательства является единственною функциею палат. Но основной характер представительных учреждений, как учреждений по преимуществу законодательных, продолжает сказываться и в настоящее время, и для того, чтобы разобраться в отдельных функциях народного представительства и в их взаимной связи между собою, необходимо выяснить их историческое происхождение.

Современное представление о законодательной власти, не ограниченной по своему объему и по кругу тех предметов, которых она может касаться, в большинстве местностей Западной Европы было чуждо средневековому государству. Область отношений гражданского права повсеместно – обложение народа налогами – во многих местах считались изъятыми из законодательной власти местного короля или фюрста: в нее входили вопросы полицейского или политического ха-

рактера. Представлялось, что в области отношений семейных и имущественных народ сам творит свое право, что только он сам имеет право обложения себя налогами. Даже за такими, в политическом смысле неограниченными монархами, каковы были французские короли XVII и XVIII веков, и за теми отрицалось право законодательствовать в области гражданского права.

Но надо сказать, что та область, которая по смутным народным воззрениям (до некоторой степени разделявшимися и самими королями) была изъята из правительственной власти, по содержанию своему была абсолютно неопределенна. Короли в нее постоянно вторгались, чем вызывали известные протесты не только потому, чтобы по содержанию своему их законы не нравились, но и потому, что самый факт издания этих законов казался нарушением какого-то права.

Доктрина народного суверенитета, в силу которого одному народу может принадлежать право облагать себя налогами и устанавливать обязательное для себя право, имела на Западе несомненные исторические корни, в значительной степени содействовавшие ее успеху.

Эта доктрина в связи с указанными историческими воспоминаниями дала первое, основное ядро для определения компетенции народного представительства как учреждения по существу своему законодательного; его ведению должны были подлежать вопросы гражданского права, связанные с ними вопросы судопроизводства, вопросы податного обложения народа.

Но само собою разумеется, что на деле не те или другие отвлеченные теории и не исторические воспоминания, в иных местах совершенно заглушенные, а в других почти и не имевшие под собою почвы, вызывали стремление перейти к конституционной системе и обеспечить народному представительству непосредственное участие в деле законодательства.

Практически решающее значение имело стремление поставить дело законодательства в зависимость не от одного только усмотрения чиновников и короля, но предоставить в этих делах существенное значение и представителям общественного мнения, представителям разных классов народа, разных местностей государства – словом, людям, непосредственно знающим народные нужды.

Другую потребностью, которую удовлетворило участие народного представительства в деле законодательства, было твердое и ясное обособление закона от актов верховного управления путем создания точного формального понятия закона. Благодаря этому формальному обособлению законов от актов административных конституционным государством была осуществлена одна из задач каждого благоустроенного государства – задача, над разрешением которой тщетно бились государственные люди эпохи абсолютной монархии. Администрация стала подчиненной закону.

Пока король, будучи главою администрации, в то же время был и неограниченным носителем законодательной власти, и каждое его волеизъявление носило безусловно обязательный характер, противопоставлять законы административным распоряжениям короля не было никакой практической возможности. Хотя повсеместно стремились установить особый законодательный порядок для дел большей важности, но этот законодательный порядок по условиям общего поли-

тического строя абсолютного государства мог отличаться от порядка административного лишь тем, что дела законодательные предписывалось, предварительно представления государю, обсуждать в том или ином совете, мнение которого, однако, в силу неограниченности власти государя, не могло его ни в чем стеснять, или же тем, что распоряжения законодательного характера приказывалось публиковать в таком-то сборнике, а распоряжения характера административного в другом. Но само собою разумеется, что коль скоро в неограниченном государстве имелось налицо несомненное выражение воли монарха, то было бы бессмысленно отказывать приводить ее в исполнение только потому, что она распубликована в таком-то официальном сборнике распоряжений, а не в ином, или потому, что при издании данного распоряжения государь не запросил заключения таких-то чиновников, мнением которых он все равно мог пренебречь. При том условии, что основанием обязательности каждого распоряжения признается воля государя, наряду с ней не может быть никакого такого формального признака закона, который имел бы какое бы то ни было значение в смысле обеспечения того или другого качества, внутреннего достоинства данного распоряжения.

К тому же, в случае исполнения воли государя, выраженной не в законодательном порядке, а в порядке административном, хотя бы этим и нарушался какой-либо закон, протест против этого ни от кого не мог исходить: в самодержавном государстве не может быть установления, которое могло бы возражать против исполнения той или другой воли государя. Возможность надзаконных актов управления, совершаемых главою администрации, наряду с возможностью для него утверждать какие бы то ни было акты органов подчиненного управления, придавала незаконный характер всей администрации доконституционной эпохи, сверху донизу.

Когда же к участию в деле законодательства было призвано народное представительство, то закон, в качестве акта, состоявшегося с утверждения государя и с согласия представителей народа, получил вполне осязаемый внешний формальный признак; и – что наиболее существенно – закон получил такой признак, которому нельзя не придавать решающего значения в том смысле, что им в значительной степени гарантируется соответствие данной меры потребностям народа, потому уже нельзя просто пренебрегать этим признаком, как пренебрегают тем, запросил ли государь мнение тех чиновников, заключение которых по закону для него отнюдь не является обязательным.

Помимо того, что участие народного представительства в законодательстве вносит определенность в самое понятие закона, уже один факт существования представительных учреждений, как учреждений самостоятельных по отношению к администрации и к королю, является существенным ограждением закона от возможности его нарушения: в случае нарушения закона или в случае издания в административном порядке хотя бы и самим королем, но без участия палат распоряжения, которое по тем или другим основаниям могло бы быть издано не иначе, как в порядке законодательном, – народное представительство является органом, имеющим не только право, но и фактическую возможность протестовать против этого. Тесная связь, существующая между населением и представи-

тельными учреждениями, почти всегда обеспечивает им поддержку общественного мнения всей страны.

Что касается объема компетенции представительных учреждений по делам законодательным, то прежде стремились дать исчерпывающий перечень дел, по существу своему законодательных и потому по самой природе своей подлежащих ведению народного представительства. Но ввиду того, что издание государственных актов главою государства с согласия представителей народа есть такой способ деятельности государственной машины, который обеспечивает наибольшее соответствие каждого распоряжения и запросам общественного мнения, и потребностям правительства, является вполне естественным стремление направлять в том же порядке и другие акты, кроме носящих чисто законодательный характер, если почему-либо данный акт может представить в государственной жизни существенное значение. Поэтому уже в самых первых конституциях в числе дел, подлежащих обсуждению палат, помимо дел чисто законодательных, всегда указывался также ряд дел, которые по существу своему могли бы быть признаны и делами административными, но которые представляются палатам для обеспечения большей правильности их разрешения.

Таким образом, в настоящее время издание тех или других государственных актов главою государства с согласия народного представительства не рассматривается как такая форма, которая по существу своему приличествует актам какого-либо одного содержания (например, устанавливающим права и обязанности гражданского характера), но рассматривается лишь как одна из многих возможных форм государственных актов, как такая форма, которая применима к актам любого содержания и обеспечивает им наибольшее соответствие со взглядами правительства, с одной стороны, и общественного мнения, с другой, а вместе с тем, как такая форма, которая обеспечивает данному акту наибольший авторитет в глазах всего народа.

В настоящее время дела, разрешаемые палатами, могут быть разбиты на следующие категории:

1. Дела, относящиеся к довольно неопределенной категории, по существу своему признаваемой законодательной: правила в области гражданского и уголовного права и судопроизводства, установление налогов, сборов с населения и всякого рода повинностей, вообще установление правил, возлагающих на обывателей какие-либо обязанности друг по отношению к другу или по отношению к государству.

2. Всякого рода меры, которые по существу своему могли бы быть признаны делами административными, но по прямому постановлению конституции или какого-либо закона должны быть представляемы на утверждение палат. Сюда относятся: изменение административных делений государства, распоряжение государственными имуществами, разрешение городским и сельским общинам заключать займы свыше известной суммы и т.д. Наконец, к этой же категории дел, в силу того общего принципа, что все расходы могут быть разрешены только законом, относятся все те административные меры, которые связаны с необходимостью каких-либо денежных ассигнований.

3. Дела, за которыми в данном государстве вообще отрицается характер дел по существу своему законодательных, но которые раз уже были разрешены в законодательном порядке¹. В силу того принципа, что установленное законом может быть отменено лишь законом же, эта третья рубрика представляет такого рода дверь, через которую входят все новые и новые дела в компетенцию палат с тем, чтобы никогда из этой компетенции уже не выходить.

Таким образом, в настоящее время в применении к законодательной власти начало разделения властей имеет не тот смысл, что народное представительство может ведать только одни дела, по самой природе, по самому содержанию своему законодательные. Это начало должно пониматься в том смысле, что вся администрация со своим главою, с монархом включительно, лишена законодательной власти, во всех своих действиях подчинена закону, т.е. актам, изданным при участии народного представительства, не имеет право в чем бы то ни было нарушать закон.

Свойство народного представительства как органа по преимуществу законодательного сказывается в следующих двух началах:

1. Только то, что издано главою государства с согласия народного представительства, имеет силу закона и называется законом.

2. Всякий акт, каково бы ни было его содержание, если он издан главою государства, с согласия народного представительства, имеет формальную силу закона, т.е. данный акт может быть отменен, изменен или приостановлен в своем действии только законом же, и все другие виды правительственных актов, от какого бы органа государства они ни исходили, могут быть признаны действительными только при условии непротиворечия актам, имеющим силу закона.

Самое участие народного представительства в законодательстве облекается в следующую форму:

Основным началом является то, что законом признается лишь тот текст, который одобрен палатами и утвержден королем. Поэтому каждый законопроект представляется палатам, сначала в одну из них, которую именно – обыкновенно безразлично. Палата, подвергнув проект обсуждению, устанавливает текст его и препровождает в другую палату. Та или соглашается с редакцией, выработанной первою палатою, или же предлагает со своей стороны внести в проект те или другие изменения. В этом последнем случае проект возвращается в палату, которая первою рассматривала проект, и она или соглашается с изменениями, сделанными другою палатою, или старается выработать какой-либо компромисс.

Когда обе палаты пришли к соглашению насчет редакции закона и установили его окончательный текст, то закон представляется на утверждение главе государства – королю, императору.

Королевское утверждение, так называемая санкция закона, есть главнейший момент в деле создания закона: до этого момента есть только предположение, с этого момента есть закон.

¹ Потому ли, что данное дело случайно получило свое разрешение одновременно с другим, рассматривавшимся в законодательном порядке, или потому, что министерство представило на усмотрение палат данную меру, могущую быть разрешенною административно, для того, чтобы, заручившись согласием палат, снять с себя всякую ответственность за эту меру (прим. Н. Лазаревского).

Король имеет право по своему усмотрению или утвердить закон, или не утверждать его. Обыкновенно выражаются, что король имеет право veto. Выражение это ведет к существенному недоразумению. Право veto, принадлежавшее некогда римским трибунам, состояло в праве останавливать, запрещать исполнение распоряжения какого-либо органа власти, которое без этого вмешательства трибуна было бы действительно и подлежало бы исполнению. Королевское veto осуществляется по отношению к такому акту, который без королевской санкции вообще никакой обязательной силы ни для кого не имеет, который и остановлен быть не может. Участие короля в создании закона носит не отрицательный характер, как можно было бы думать по слову veto (запрещаю), а носит характер созидательный: король своим утверждением создает закон из того, что до того законом вовсе не было; придает проекту ту общеобязательную силу, которой у него не было вовсе.

Различают право суспенсивного и абсолютного veto¹. Если главе государства принадлежит право абсолютного veto, то выраженное им несогласие на утверждение данного проекта имеет решительное и окончательное значение. При veto суспенсивном несогласие главы государства только отсрочивает получению законопроектом силы закона. Суспенсивное veto существует обыкновенно только в республиках, из монархий же – только в Норвегии, где проект, отвергнутый королем, получает тем не менее силу закона, если он принят палатами (стортингом) трижды, каждый раз после новых очередных выборов в стортинг, и с промежутком, по крайней мере, в две сессии между каждым голосованием.

Право вносить в палаты проекты новых законов, или так называемое право законодательной *инициативы*, в настоящее время признается за общими палатами в той же мере, как и за главою государства и за министрами.

Одно время в стремлении последовательного и безусловного проведения начала разделения властей (как например, в конституции Северо-Американских Соединенных Штатов, где президент и его министры могут обращать внимание конгресса на желательность издания закона по тому или другому вопросу, но ставить какой-либо проект на обсуждение конгресса не могут) или в стремлении ограничить королевскую власть и выразить ей свое недоверие, как например, во французских конституциях 1791 и 1793 гг., глава государства лишался права законодательной инициативы. Эта система на практике оказалась сопряженной с существенными неудобствами, так как нередко правительству легче, чем кому-либо, убедиться в необходимости данного закона, а вместе с тем никто не располагает такими средствами для выработки нового закона, как именно правительство.

С другой стороны, в особенности в Германии в середине XIX века, когда было особенно сильно стремление совместить народное представительство с неизбежностью провозглашенного на Венском конгрессе «монархического принципа», господствовало учение, что правом законодательной инициативы может об-

¹ *Лат. veto* – запрещаю – в современных государствах акт, приостанавливающий или не допускающий вступления в силу решения каких-либо органов. Особо важное значение имеет предоставляемое главе государства право налагать veto на законы, принятые парламентом. Различают абсолютное (или резолютивное) и отлагательное (суспенсивное) veto.

ладать только король (и от его имени это право может осуществлять министерство), но что в этом праве должно быть отказано народному представительству; эта же система была проведена и во французских императорских конституциях (1799 и 1852 гг.).

В настоящее время от нее повсеместно отказались.

В совершенно аналогичном положении находится и вопрос о праве народного представительства вносить поправки в законопроекты, предложенные на его обсуждение.

Право это вовсе отрицалось за палатами в императорских конституциях Франции (1799 и 1852 гг.), а в хартии 1814 г. палатам предоставлялось лишь просить короля о том, чтобы в обсуждаемый законопроект была им, королем, внесена та или другая поправка. В настоящее время подобных ограничений нигде не существует. Оно и понятно: только путем внесения в обсуждаемый законопроект тех или иных поправок палаты в состоянии проявить свое участие в законодательстве, и только таким путем общественное мнение и вообще небюрократические элементы могут влиять на самое содержание законов и приводить это содержание в согласие с действительными потребностями народа.

Кроме того, отрицание за палатами права на внесение поправок в законопроекты, предложенные министерством, находилось бы в непримиримом противоречии с правом палат на законодательную инициативу, а о лишении палат этого права в настоящее время, конечно, не может быть и речи.

Наконец, запрещение палатам вносить какие-либо изменения в проекты законов, предложенные министерством, практически сводилось бы к тому, что палаты были бы вынуждены или принять данный проект в его целом, или же в целом его отвергнуть. Но таким образом из-за какой-либо второстепенной подробности могла бы быть отвергнута существенная мера, и правительство без всякой практической нужды лишь умножало бы число своих противников, с которыми, быть может, легко можно было бы столкнуться на каком-либо компромиссе.

Прежде находили, что такое положение вещей, когда бы королю подносился на утверждение проект закона не в том виде, в каком он от имени короля внесен министерством палаты, а в виде, быть может, совершенно переработанном, несовместим с достоинством королевской власти. Но при этом упускается из виду принадлежащее королю право не утверждать этого законопроекта, если он считает внесенные изменения вредными.

В конституционное понятие закона входит безусловная обязательность его во всех случаях в том смысле, что только закон же, т.е. утвержденное главою государства постановление народного представительства может приостановить действие закона или изъять из его действия тот или иной частный случай.

Как у нас в России в настоящее время признается, что действие меры, состоявшейся в законодательном порядке, может быть в том или ином частном случае приостановлено Высочайше утвержденным положением Комитета министров или даже объявленным Высочайшим повелением, так прежде и на Западе признавалось, что короли имеют так называемое *право диспенсации*¹, освобождения

¹ От *лат. dispensatio* – управление, заведование.

от обязанности в отдельных случаях подчиняться общим требованиям законов.

Так, например, в Англии еще в XIV веке это право не отвергалось у короля, несмотря на то, что к тому времени ясно уже сознавалось, что статут, т.е. мера, изданная королем с согласия парламента, единоличною властью короля отменена или изменена быть не может.

В Германии еще в эпоху сословных учреждений первой половины XIX века, когда признавалось, что для издания нового закона или для отмены старого король нуждается или в согласии государственных чинов, или, смотря по конституции, в выслушании их совещательного мнения, – право королей и вообще местных фюрстов на диспенсацию в отдельных делах сомнению не подвергалось.

Но в Англии, начиная с билля о правах 1688 г., а в Германии со времени перехода от прежнего сословного представительства к конституционному, твердо держится то положение, что только та же самая власть, которая издала закон, имеет право и устранить применение его в каждом отдельном частном случае.

III

Основные начала организации исполнительной власти в конституционном государстве сводятся к следующему: главою исполнительной власти является монарх (или президент), действующий через министров; каждый акт монарха (или президента) для своей действительности нуждается в скрепе (контрассигнировании) министра; монарх юридически безответствен, что бы он ни сделал и что бы он ни приказал; в случае незаконности его распоряжения ответственность падает единственно на министра, скрепившего это распоряжение; приказ, полученный от короля, не является для министра оправданием в случае незаконности этого приказа; поэтому министр всегда вправе отказать государю в скрепе того распоряжения, которое кажется ему незаконным; монарх же имеет право уволить министра, отказывающегося скреплять его распоряжения.

Так как, следовательно, органами государства, осуществляющими исполнительную власть государя, являются министры, то вопрос об отношении народного представительства к исполнительной власти сводится к вопросу об отношении между народным представительством и министрами.

В эпоху господства классической теории разделения властей отношение палат к министерству сводилось к тому, что министрам отказывали в каком бы то ни было участии в законодательстве (даже и в праве законодательной инициативы или в праве давать объяснения по тому или другому законопроекту, или, наконец, в праве присутствовать в заседаниях палаты), а палатам – в каком бы то ни было влиянии на деятельность министров. На этом принципе построены были французские конституции 1791 года и III года республики, действующая конституция Северо-Американских Соединенных Штатов (1787 г.), отчасти конституция норвежская (1814 г.) и др.

На практике эта система полной раздельности законодательных палат и министерства приводила к существеннейшим неудобствам, вызывала страшное трение между отдельными частями государственного механизма и нередко при-

водила к серьезным конфликтам по такого рода вопросам, которые легко могли бы быть разъяснены минутным объяснением, данным в палате тем или другим министром.

В настоящее время система эта почти нигде не сохранилась, в конституциях позднейшего времени она более не встречается и представляет лишь исторический интерес; формально эта система сохранилась лишь в Соединенных Штатах Северной Америки, но и там лишь потому, что неудобства ее до некоторой степени устраняются установившимися обходами законного порядка.

Теперь все конституционные государства допускают известную совместность работы министерства и народного представительства: министрам предоставлено право законодательной инициативы; министры имеют право участвовать в заседаниях палат, хотя бы и не были их членами; они должны быть заслушаны палатою, когда того потребуют; они защищают перед палатами внесенные ими законопроекты и вообще те или другие меры правительства, обсуждаемые палатами; с другой стороны, палатам предоставляется право требовать от министров объяснений по поводу тех или других их действий, выразить им свои пожелания, иногда предъявлять им те или другие требования.

С точки зрения отношений, устанавливаемых между палатами и министерством, все современные государства могут быть отнесены или к типу государств дуалистических, или к типу парламентарных.

Основа этого различия сводится к тому, что в монархии (или республике) дуалистической (иначе иногда называемой конституционной) министерство зависит исключительно от главы государства, в том смысле, что он может назначить министром и лицо, не угодное палатам. В государстве парламентарном министры всегда принадлежат к партии, составляющей парламентское большинство.

За крайне ничтожными исключениями, на деле во всех государствах с представительною формою правления существует солидарное министерство, т.е. все министры принадлежат к одной политической партии, все они составляют «кабинет», коллегия, во всех сколько-нибудь существенных вопросах действующую совместно, и совместно своею подписью принимающую на себя солидарную ответственность. Фактически обыкновенно все министры указываются монарху первым министром, являющимся президентом кабинета.

Практическое различие между дуалистическою монархией и парламентарной сводится к тому, что в монархии дуалистической министра-президента король выбирает по своему усмотрению из кого ему угодно, а в парламентарной – из парламентского большинства; к нему же принадлежат остальные министры, рекомендуемые монарху министром-президентом. Связь министерства с парламентским большинством выражается в том, что если почему-либо группировка партий в палатах изменилась и министерство, принадлежавшее к прежнему большинству, оказывается в меньшинстве, то должно подать в отставку и уступить место министерству, назначаемому из вновь образовавшегося большинства.

Типом дуалистической монархии является Пруссия, типом парламентарной – Англия. Обыкновенно по тексту конституции и вообще по законодательству данного государства бывает невозможно судить, относится ли это государство

к дуалистическим или парламентарным. На деле приобретение государством в этом отношении того или иного характера совершается не в силу какого-либо определенного закона, а в силу причин более глубоких. Тут можно указать на исторические факторы двух категорий.

Во-первых, если в данном государстве монархическая власть пользуется высоким престижем, если народ привык смотреть на государя как на действительного представителя своих интересов и доверяет его пониманию общегосударственных нужд и если вместе с тем народное представительство не пустило еще достаточно глубоких корней в народе, то несомненно, что в случае конфликта министров, назначаемых королем, с палатами, общественное мнение окажется на стороне короля, и он может продолжать держать тех же своих советников и помощников. Если же в государстве народное представительство действительно является выразителем общественного мнения и пользуется поддержкою народа, то для государя продолжать держать советников, к которым палаты начали относиться враждебно, становится крайне неудобно.

Ввиду того, что благодаря все повышающемуся политическому развитию народа и благодаря все большему распространению газет и все увеличивающейся гласности нравственная связь народа с палатами все возрастает, факторы этой категории неизменно приводят к тому, что острые конфликты между палатами и министерством фактически становятся все менее и менее возможными, и министерство все чаще оказывается вынужденным уступать, удаляясь от власти, в случае столкновения с палатами.

Во-вторых, необходимость для главы государства при составлении министерства все более и более считаться с распределением партий в палатах обусловливается факторами еще и другого характера: большею и большею затруднительностью управления государством при посредстве министерства, которое не только не пользуется поддержкою палат, но еще и систематически встречает там противодействие. Как мы видели, объем компетенции палат не есть величина постоянная. Если по общему складу законодательства страны министерству можно действовать, лишь изредка обращаясь к палатам, например, лишь представляя им на утверждение проекты новых законов, неуспех которых по общему правилу сам по себе не создает безусловных помех для государственной жизни, то конфликт между палатами и министерством может продолжаться любое время. Если же по смыслу законодательства и по установившейся практике министерству по целому ряду текущих неотложных дел приходится спрашивать согласия палат, если постановка бюджетного законодательства такова, что без утвержденного на данный год бюджета министерство лишено юридической возможности производить необходимейшие для государства расходы, то сколько-нибудь продолжительный и серьезный разлад между палатами и министерством практически невозможен, и королю, если только большинство палат враждебно его министерству, остается только уволить это министерство и предложить руководителю парламентского большинства составить другое.

А так как компетенция палат всюду имеет наклонность к расширению, и притом также и в сторону дел административного характера, то естественно, что

факторы и этого второго рода постоянно и постепенно приводят к тому, что государства дуалистические все более и более приближаются к типу парламентарному: сначала король дает отставку министерству в случае резкого и неустрашимого конфликта с палатами, когда этот конфликт уже вызвал какие-либо существенные практические неудобства; потом начинают давать отставку и в предупреждение этих конфликтов; наконец, после нескольких отставок кабинета, вызванных утратой им большинства в палатах, возникает обычай, убеждение в юридической обязанности министерства подать в отставку, а короля принять ее, коль скоро министерство, высказавшись по какому-либо вопросу, останется по нему в меньшинстве, и тогда государство оказывается перешедшим к чистому типу парламентарного государства.

Впрочем, во всех государствах этого типа выход министерства в отставку не является единственно возможным результатом потери министерством большинства в палатах. Вместо увольнения министерства король может распустить палату и назначить новые выборы, тем как бы ставя на суд страны распрю между министерством и палатою. Если и новые выборы дают большинство, неблагоприятное для министерства, то оно выходит в отставку.

Удаление министерства, утратившего большинство в палатах, обыкновенно называют политической, или парламентской, ответственностью министров. В случае совершения преступления должности министры подлежат судебной ответственности либо на основаниях, общих для всех должностных лиц, либо на основаниях, в данном государстве специально установленных для министров. Но наряду с ответственностью за преступления на министрах может лежать ответственность за общее направление их политики, за целесообразность их действий. В монархии неограниченной, или в государстве конституционном дуалистического типа, эта ответственность может существовать только перед монархом: он один является судьей целесообразности действий министров, и эта политическая ответственность может заключаться или в выражении им своего недовольствия министру, или же в его увольнении.

Когда в государстве устанавливается то начало, что министры должны выходить в отставку, если в парламенте большинство против них, то парламент получает возможность, если он недоволен общим направлением политики министерства, добиться его отставки, оставив министерство в меньшинстве по какому-либо вопросу или вотировав ему «недоверие». Таким образом, судьей общей целесообразности действий министерства, судьей над общим направлением его политики является народное представительство. В этом смысле и говорят, что в государствах парламентарных (не дуалистических) министерство несет ответственность перед палатами, причем эта ответственность выражается в обязанности подать в отставку, когда это сочтут нужным палаты.

Формами выражения палатами своего несогласия с общею политикою министерства является, во-первых, оставление министерства в меньшинстве по какому-либо законопроекту, рассматриваемому палатою, если по этому законопроекту министерство уже выразило свое мнение; например, принятие палатою такого проекта, относительно которого министерство настаивает на необходи-

мости его отвергнуть, или, наоборот, непринятие такого законопроекта, который внесен министерством или им защищается.

Во-вторых, средством выражения своего отношения к министерству являются для палат так называемые мотивированные резолюции, чаще всего резолюции о переходе к очередным делам; например, палата, признавая действия министерства правильными (или доверяя твердости министерства), «переходит к очередным делам», или же наоборот: «палата, признавая действия министерства неправильными (или не доверяя министерству), переходит к очередным делам».

В-третьих, обычной формой выражения сочувствия или несочувствия общей политике министерства являются для палат так называемые «адресы» в ответ на «тронную речь». По парламентским обычаям, при открытии сессии министерством от имени короля читается тронная речь, в которой оно излагает свои общеполитические взгляды. В ответе на эту речь, в адресе палат королю, палаты выражают свое отношение к этим взглядам, высказанным в тронной речи, и эти адреса нередко приводят к падению министерства.

Помимо возможности выразить свое общее отношение к политике министерства, все современные законодательства предоставляют народному представительству известные способы непосредственно следить за ходом управления и оказывать на него то или другое влияние. Средствами этими являются запросы, интерpellации¹ и парламентские анкеты.

Запросы и интерpellации имеют целью добиться от министерства выражения его взглядов или намерений по тому или другому вопросу или же признания того или другого факта. Запрос сравнительно с интерpellацией есть нечто менее торжественное. Он может быть сделан и устно; почти повсеместно в обсуждении его могут принимать участие только тот член палаты, который его поставил, и министерство; по поводу запросов палата не постановляет никакой резолюции. Министр имеет право уклониться от ответа на запрос.

Интерpellация должна быть сделана письменно, в большинстве государств должна быть подписана несколькими членами палаты. Министр назначает день, когда ответит на интерpellацию. В дебатах могут участвовать все члены палаты. В заключение палатой может быть постановлена резолюция, обыкновенно о переходе к очередным делам; резолюция эта может быть простая или мотивированная, с выражением доверия или недоверия министерству.

Что касается парламентских анкет или обследований, то это есть средство, которым палаты через специально избранную комиссию производят расследование состояния какой-либо отрасли управления, какой-либо области государства. Парламентские анкеты имели иногда огромное значение для всего дальнейшего хода законодательства по тому или другому вопросу, таковы, например, анкеты, произведенные английским парламентом по рабочему вопросу.

Судебные функции народного представительства наиболее ограничены. Народное представительство – орган по преимуществу политический, и потому

¹ От *lat.* *interpellatio* – прерывание речи, жалоба перед судом, иск, требование – в ряде государств (главным образом, с парламентской формой правления) обращенное к правительству или отдельному министру требование группы депутатов дать объяснение по поводу проводимой им внутренней или внешней политики или по какому-либо конкретному вопросу.

для беспристрастного осуществления правосудия мало пригодный.

Из судебных функций палат имеет практическое значение лишь то, что в иных государствах палаты являются органом суда над министрами.

Тот порядок преследования должностных преступлений, который установлен для всех вообще должностных лиц, по отношению к министрам как ближайшим советникам короля, часто действующим от его имени, нередко оказывается мало пригодным. Поэтому наряду с общею уголовною и дисциплинарною ответственностью министров даже в таких государствах, как Англия, где ответственность должностных лиц вообще поставлена вполне правильно и весьма широко, оказалось необходимым установить особый, государственно-правовой порядок ответственности министров и органом этой ответственности сделать народное представительство. Порядок этой государственно-правовой ответственности министров почти повсеместно выработался под сильным влиянием английских порядков.

В Англии существуют, или, правильнее говоря, существовали, два порядка специального для министров уголовного преследования.

Во-первых, уголовное преследование может принять форму судебного дела, возбужденного нижнею палатою и разрешаемого, в качестве судебной инстанции, палатою лордов. В таком случае в палате лордов соблюдаются все судебные формы, вообще в ней употребляющиеся (палата лордов до 1873 г. нередко действовала в качестве высшего гражданского и уголовного суда), обвинение поддерживается комиссарами, избранными палатою общин, обвиняемый имеет защитника и т.д.

Во-вторых, обвинение министра иногда принимало в Англии форму специального закона, прошедшего через обе палаты и утвержденного королем. Этим законом, так называемым *bill of attainder*¹, устанавливался самый факт, что министр совершил такое-то деяние, устанавливалось наказание за это деяние (обыкновенно смертная казнь), и к этому наказанию министр приговаривался. Таким образом, это был закон специальный, с обратной силою, т.е., в сущности, прямое нарушение всех основ правосудия. В настоящее время, с XVII века, это средство против неугодных палатам министра уже вышло из употребления; очевидно, что это не есть прием правосудия, это прием политической борьбы.

Что касается первого способа, то и он представляет те же неудобства, хотя, быть может, и в меньшей степени: палата лордов, хотя она и признается высшим судебным местом Англии, но *in cogrore*² не способна проявлять свойства, необходимые для правильного отправления правосудия: все-таки и это есть учреждение по преимуществу политическое, не имеющее ни судебных навыков, ни соответствующих сведений. И относительно дел по обвинению министров, возбужденных палатою общин, установлено, что основанием для обвинения могут служить не только совершенные министром нарушения законов, но и то, что меры, при-

¹ Билль об опале (*англ.*) – в Англии обвинительный законодательный акт, имевший обратную силу; он подлежал внесению в палату лордов или общин, и после прохождения через обе палаты предоставлялся на утверждение короля. Такой порядок был впервые применен в 1459 г. против лидеров «партии» герцога Йоркского.

² В совокупности (*лат.*).

нимавшиеся министром, не были «справедливы и полезны», т.е. основанием ответственности являются не совершенные министром правонарушения, как то требуется существом всякого правосудия, а оценка деятельности министра с точки зрения ее целесообразности, т.е. точка зрения политики.

Другие конституционные государства переняли у Англии только эту последнюю процедуру: обвинение, возбуждаемое нижнею палатою и рассматриваемое в качестве судебного места верхнею. Но процедура эта немногими государствами (например, Францией) перенята без изменений. Большинство же государств внесло в нее существенные отступления. Так, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, где возбудить обвинение может нижняя палата, палата представителей, а судит верхняя палата – сенат, предметом суда может быть только политическая сторона деятельности обвиняемого, и то наказание, к которому он может быть приговорен, ограничивается отрешением от должности. Если же он обвиняется в каких-либо правонарушениях, то это должно составить предмет особого разбирательства перед общим судом на общем основании. В большинстве государств, для того чтобы придать суду над министрами более правовой характер, постановлено, что судит их не верхняя палата, а уголовный суд, или высшая инстанция общего суда (кассационный суд), или специально для этой цели образуемый верховный суд. В таких случаях право возбуждения преследования против министра предоставляется каждой из палат.

Вообще же, кроме этой специальной категории дел об ответственности министров, суды по общему правилу совершенно отделены от народного представительства, и какое бы то ни было воздействие его на ход отдельных судебных дел является юридически невозможным.

IV

Самую действительную формую контроля народного представительства над всем ходом государственного управления является принадлежащее ему право утверждения государственного бюджета и вообще разрешения всех расходов государственного казначейства и всех взимаемых им налогов.

Контроль народного представительства над управлением, вообще имеющий вид несколько случайный, а иногда и носящий характер косвенного воздействия, при осуществлении финансовых прав народного представительства приобретает характер чего-то юридически вполне оформленного и регулярного.

Финансовые права народного представительства могут быть сведены к следующим двум основным началам: 1) никакой сбор с населения в казну не может быть установлен иначе, как законом; никакой расход из казны не может быть произведен иначе, как на основании закона, и 2) смета государственных расходов и доходов, бюджет, утверждается в законодательном порядке, и притом на один год.

Первое из этих полномочий народного представительства имеет своею основою ту идею, что только народ в лице своих представителей может облагать

себя какими бы то ни было налогами и так или иначе распоряжаться собранными суммами.

Исторически право это для всей Западной Европы является очень древним; как мы уже упоминали, по воззрениям, господствовавшим в средние века, в состав правительственных прав королей, графов и прочих владетельных особ право податного обложения не входило. Лишь в качестве феодального суверена короли как на континенте, так и в Англии могли требовать от подданных денежных субсидий, но только в следующих трех случаях: 1) для выкупа короля из плена, 2) при посвящении старшего сына в рыцари и 3) при выдаче старшей дочери замуж. В средневековом государстве все немногочисленные расходы управления покрывались из личных доходов короля, главным образом с его земельных имуществ. И если владетельному лицу этих личных доходов оказывалось недостаточно, то единственным выходом для него являлось обращение к подданным с просьбой согласиться на установление того или иного временного или бессрочного налога. Таким образом, в средние века государственным чинам в разных областях Германии, во Франции, кортесам¹ в Испании, баронам и прелатам, созванным на совет короля, в Англии принадлежало право податного самообложения, причем, однако, собранные таким образом суммы поступали в полное и бесконтрольное распоряжение короля.

На континенте Европы и в Англии право это имело разную судьбу: всем сколько-нибудь крупным государствам континента пришлось пережить эпоху абсолютной королевской власти, когда не только народного, но и сословного представительства не существовало и когда корона имела ничем не ограниченное право податного обложения.

Ко времени введения конституционной формы правления в каждом из государств Западной Европы и самое воспоминание о той постановке, которую имело в старых сословных учреждениях право разрешения субсидии королю, да и самые эти сословные учреждения оставляли после себя мало для них лестные воспоминания. Поэтому финансовые права народного представительства оказывались не воспроизведением прежних прав сословных учреждений, а простым воспроизведением прав английского парламента, как эти права в то время себе представляли.

Ввиду этого, чтобы сознательно разобраться в финансовых полномочиях народного представительства в современных государствах континента Европы, необходимо, по крайней мере, в общих чертах представить себе историю и современную постановку этого вопроса в Англии.

В Англии парламентам пришлось выдержать упорную многовековую борьбу с королями, стремившимися присвоить себе право устанавливать налоги. То положение, что король не имеет права на установление каких-либо сборов, кроме указанных выше трех случаев, подтверждено уже в Великой хартии вольностей (1215 г.). Но принцип этот постоянно нарушался королями; парламента постоянно протестовали против этих нарушений; короли торжественно подтвержда-

¹ Кортесы (las cortes), от исп. corte – [королевский] двор. Сословно-представительные органы государств Пиренейского полуострова. Наименование впервые зафиксировано в Кастилии в 1137 г.

ли этот основной принцип английского права (из этих подтверждений самые известные так называемый *confirmatio chartarum* июня 1297 г.¹ и *statutum de tallagio non concedendo* 10 октября того же года²). И только к концу средних веков то начало, что король не имеет права устанавливать налогов, можно считать окончательно признанным на практике.

Вотируя королю те или другие субсидии, парламенты пользовались случаем, чтобы заявить ему о тех или других своих нуждах и чтобы представить ему проект той или другой законодательной меры. Нуждаясь в деньгах, короли соглашались на исполнение ходатайства парламента и издавали просимый закон. Таким образом исторически выработалось право парламентской законодательной инициативы, и вообще в этом корень всего участия парламентов в деле законодательства.

Но коль скоро субсидия была вотирована парламентом, она поступала в полное и бесконтрольное распоряжение короля, и все домогательства парламента установить какой-либо контроль над тем употреблением, которое король делает из этих денег, постоянно оканчивались неудачею. Английские парламенты для того, чтобы обеспечить свое влияние, и для того, чтобы заставить королей постоянно созывать их, разрешали произвести тот или иной сбор один раз или вотировали испрашивавшиеся королями субсидии лишь на один год.

Во второй половине XVIII столетия в системе английского государственного хозяйства произошла существенная перемена: те обычные доходы короля, его «ординарные» доходы, которые он собирал по собственному праву; его доходы, так сказать, личного характера, из которых, при некоторой лишь помощи вотированных парламентом субсидий «экстраординарных» доходов, прежде покрывались все расходы по государственному управлению, сильно уменьшились благодаря целому ряду условий, главным образом, благодаря отчуждению значительной части государственных имуществ и благодаря отмене прежних ленных повинностей. Вместе с тем расходы по государственному управлению, по платежу процентов по государственному долгу возросли в огромной степени. Все это не позволяло ставить государство в зависимость от ежегодного вотирования субсидий, и король Георг III³ формальным соглашением предоставил парламенту заведование всеми теми доходами, которыми до того лично распоряжался король, взамен определенной суммы, назначенной на покрытие личных потребностей короля (*liste civile*⁴).

Совокупность прежних ординарных доходов короны, а также налогов, фактически носивших постоянный характер, составила так называемый *консолидированный фонд*. Это те государственные доходы, которые взимаются не на основании ежегодного вотирования парламентом, а на основании постоянных законов. Все остальные доходы казны взимаются на основании актов парламента,

¹ Подтверждение Великой хартии вольностей, данное Эдуардом I в 1297 г.

² Буквально: статут о не наложении подати (*лат.*). Статут, запрещающий взимание податей или сборов без согласия парламента.

³ Георг III (1738–1820) – английский король (с 1760 г.)

⁴ Цивильный лист (*франц.*).

причем для того, чтобы обеспечить свое влияние на министерство, парламенты продолжали вотировать все эти доходы лишь на один год.

Несмотря на то, что со времени этой реформы государственного хозяйства в Англии установление тех или других налогов утратило характер ассигнования субсидии в распоряжение короля, старая точка зрения, будто король просит у парламента субсидии для покрытия своих расходов, продолжает сказываться в ряде формальностей.

Так, например, вместо той формулы утверждения законов, которая употребляется в Англии по отношению ко всем вообще законам, *le roy le veult*¹, по отношению к финансовым биллям употребляется формула: *le roy remercie les loyaux sujets, accepte leur benovolence et anssi le veult*².

Вместе с тем старая постановка вопроса, что король просит о назначении ему субсидии, а парламент на это соглашается, продолжает сказываться и по настоящее время в том, что парламент лишь соглашается или не соглашается на те расходы и на те налоги, которые от имени короля предлагаются министерством: сам от себя парламент не предлагает никаких новых расходов, никаких увеличений налогов или установления новых. Как говорят англичане, в сторону увеличения расходов парламент лишен инициативы.

Правило это представляет огромную практическую важность в том смысле, что в значительной степени содействует экономии в государственных расходах.

В ту эпоху, когда парламент назначал субсидии, в которых нуждался король в делах своего управления, парламент всегда имел возможность и право отказать королю в испрашиваемых им ассигнованиях. Этим правом парламенты нередко пользовались на деле, и оно было самым могущественным из тех средств, которыми парламенты обладали в своей борьбе с королевскими поползновениями на неограниченную власть. Но в современных условиях это средство оказывается уже не достигающим ровно никакой цели и обращенным прямо против самого же парламента: теперь он, по крайней мере в Англии, есть центр государственного управления, на нем лежит ответственность за ход государственной машины. Теперь, отказывая в денежных средствах, т.е. делая ход управления невозможным, парламент откажет не королю, которому придется выпутываться, как сумеет, а откажет самому себе. Поэтому со времени указанной выше реформы государственного хозяйства Англии случаев отказа в бюджете уже не было.

Но если в настоящее время полный отказ от утверждения бюджета в его целом как средство борьбы парламента с короною уже не может относиться к разумным средствам борьбы, то во всяком случае установление бюджета, установление отдельных налогов, отдельных ассигнований, открытие отдельных кредитов всегда может быть предметом обсуждения парламента; парламент может на тот или иной расход не согласиться, не согласиться на размер этого расхода, испрашиваемый министерством, может не согласиться на установление данного налога в том или другом размере или вообще на установление данного налога. Словом,

¹ Королю это угодно (*старофранц.*).

² Король благодарит своих верных подданных, принимает их благодеяние, которое ему угодно (*старофранц.*).

и притом, что отказ в утверждении бюджета в целом вышел из употребления, парламент все-таки остается хозяином и распорядителем всего, что поступает в государственное казначейство, и всего, что из него расходуется. Благодаря этому парламент действительно приобретает огромное влияние на весь ход управления, и министерству почти по всем вопросам приходится считаться с мнением народного представительства, ибо на деле почти каждая мера, которую желало бы предпринять министерство, оказывается связанною с необходимостью того или другого расхода.

Финансовые права парламента обеспечивают широкое влияние парламента на всю административную деятельность министерства даже и в Англии, несмотря на то, что ввиду существования консолидированного фонда ежегодному обсуждению подлежит только около четверти бюджета: дело в том, что обсуждению подлежит именно та часть, которая связана с каждою новою мерою, предположенною министерством.

В настоящее время самым существенным правом, с точки зрения обеспечения преимущественного влияния парламента в деле государственного хозяйства, является не право отказывать в утверждении бюджета в его целом, а право точно специализировать открываемые кредиты. Весь расходный бюджет делится на значительное число мелких рубрик, причем суммы, ассигнованные на одну из них, не могут быть употреблены министерством ни на какую другую.

Все эти финансовые права народного представительства, очевидно, могут иметь практическое значение лишь при том условии, что народному представительству принадлежит право не только распоряжения суммами, но и контроля за тем, как ими в действительности пользовались. Поэтому отчет по каждой исполненной государственной росписи представляется парламенту.

Все государства Европы при введении у себя народного представительства переняли все указанные выше основные начала английского бюджетного права, кроме одного, – выделения в особую массу «консолидированного фонда» как такой части бюджета, которая не подвергается ежегодному обсуждению.

Таким образом, во всех конституциях проведено то начало, что все налоги и все государственные расходы могут быть установлены и разрешены не иначе, как законом, что помимо этого бюджет каждого года должен быть утвержден особым законом, что бюджет вносится сначала в нижнюю палату, а лишь потом в верхнюю, которая не имеет права увеличивать ассигнований, разрешенных нижней палатою¹, что каждый открытый министерству кредит может быть использован только именно на тот предмет, на который он ассигнован, что народному представительству принадлежит верховный контроль над фактическим исполнением бюджета и что поэтому во всех произведенных расходах и во всех полученных доходах министерство должно отчитываться перед палатами.

Но хотя все конституции по вопросу о бюджете в основных чертах следуют английскому законодательству и английской практике, тем не менее, между постановлениями, действующими в разных государствах, можно усмотреть доволь-

¹ Правила этого придерживаются даже и в тех государствах, где, как, например, во Франции или в Бельгии, члены обеих палат избираются народом, и где, таким образом, обе палаты носят представительный характер (прим. Н. Лазаревского).

но существенные различия; касаются они главным образом вопроса о значении ежегодности вотиrowания в бюджете тех налогов, которые установлены общими законами. В этом отношении крайними типами конституций могут быть признаны, с одной стороны, бельгийская, с другой – прусская.

Согласно основному принципу бельгийского права (с которым в этом отношении не вполне согласно и французское), никакой налог не может быть взимал, если он специально для данного года не был разрешен при рассмотрении бюджета (ст. 111 конституции). Все налоги вотиrowются на год. И тот факт, что существует общий закон, которым данный налог вообще установлен, не освобождает от личной уголовной ответственности каждое должностное лицо, которое по чьему бы то ни было приказанию стало бы взимать налог, для данного года не упомянутый в бюджете, или начало бы взимать налог в размере, высшем, чем тот, какой указан в бюджете.

Вместе с тем на производство каждого данного расхода министерство может быть уполномочено только включением этого расхода в бюджет.

С той точки зрения, на которой стоит, таким образом, бельгийское право, все общие законы о государственных доходах и расходах возлагают те или другие обязанности на палаты, устанавливающие бюджет, но ни к чему непосредственно не уполномочивают и ни к чему непосредственно не обязывают органы исполнительной власти.

Прусская конституция исходит из другой точки зрения. В ней нет общих статей, что все налоги вотиrowются на год. Поэтому признается, что в Пруссии бюджет является необходимым законным основанием для взимания только тех налогов, которые не установлены каким-либо другим законом. Точно так же и в смысле уполномочия министерства на производство расходов бюджет признается необходимым лишь в том случае, если данный расход не основан на каком-либо законе или вообще если он не имеет какого-либо иного юридического основания.

Таким образом, в Пруссии бюджет является законным основанием для взимания только тех доходов и для производства только тех расходов, которым законом не присвоено постоянного характера. Но вместе с тем признается, что поскольку министерством произведен какой-либо расход по закону, хотя и являющийся обязательным, но бюджетом не предусмотренный, министерство должно отчитаться перед народным представительством, убедив его в юридической необходимости расхода, ибо решающий голос все-таки и в Пруссии признается за ландтагом.

Логически мыслимы обе системы – и прусская, и бельгийская, но при сопоставлении и при сравнительной оценке их нельзя упускать из вида того, что бюджетное право палат и, в частности, – пожалуй, главным образом – принцип годичности бюджета, являясь единственной законной формой проявления палатами своего постоянного влияния на все отрасли государственного управления, является в силу этого главной основой политического значения народного представительства. И, конечно, нельзя отрицать непосредственной связи между ограниченностью бюджетных прав прусского ландтага и тем, что из всех представительных учреждений Европы он обладает, пожалуй, наименьшим значением в общей системе государственного управления.

По сравнению со всеми прочими законами бюджет представляет существенную особенность, в то время как несогласие отдельных факторов законодательства (палат между собою или главы государства с палатами) приводит лишь к тому, что новый закон состояться не может и впредь до соглашения сохраняет силу прежний порядок. Здесь, если бюджет почему-либо не состоялся, все государственные расходы и доходы теряют свое законное основание, и весь ход государственного управления становится юридически невозможным, т.е. наступает такой результат, который практически допущен быть не может. Между тем, в случае неутверждения бюджета не только в государствах преобладающего типа, как например, в Бельгии, где все доходы и все расходы теряют юридическую основу, но в Пруссии, где часть налогов может продолжать взиматься, а часть расходов может производиться, эта часть настолько незначительна, что государственная машина без бюджета все равно должна была бы остановиться.

Случай, когда две палаты не могут столкнуться по поводу бюджета, практически мало вероятен: обыкновенно они находят ту или другую почву для соглашения. Но конфликты с министерством или с королем на почве бюджета вполне мыслимы и могут иметь двоякого рода основания: или несогласие собственно по финансовым вопросам, например, по вопросу о желательном размере того или иного налога или того или иного расхода; или же, во-вторых, отказ в утверждении предложенного министерством бюджета может иметь значение средства выразить свое общее неодобрение министерству и его политике, средства принудить его выйти в отставку.

Что палаты вообще имеют право отказать в утверждении бюджета, это ясно из того, что бюджет представляется им на утверждение, что не имело бы никакого смысла, если бы они обязаны были его принять. Но коль скоро бюджет к началу сметного года не состоялся, то законного выхода из положения нет: дальнейшее существование государства требует непрерывного производства расходов, а эти расходы и средства, необходимые для их покрытия – в целом или в значительной части – оказываются лишенными всякого законного основания.

Палаты, отказывая министерству в своем согласии на представленный им бюджет, или король, по совету министерства, отказывающий в утверждении бюджета в том виде, в каком он выработан палатами, тем самым создают открытую борьбу между народным представительством и министерством. Исход этой борьбы зависит от того, на чьей стороне окажется сила, кого поддержит общественное мнение.

Практически возможны два исхода: во-первых, министерство, сознавая, что в короле и в министерстве как его органе общественное мнение видит истинного представителя пользы и нужд государственных, может пренебречь тем, что палаты не утвердили бюджета, и продолжает взимать налоги и производить все законные расходы; во-вторых, в том случае, если представителем и защитником своих нужд народ считает не короля и его министров, а палаты, возможно, что в случае отсутствия бюджета народ откажется платить налоги, взимание которых таким образом перестанет быть законным, возможно, что палаты окажутся достаточно сильными для того, чтобы настоять на предании министерства суду за

производство недозволенных ему расходов.

В первом случае палаты оказываются вынужденными признать правильными или, по крайней мере, оправдываемыми необходимостью все расходы, произведенные министерством, помимо бюджета, а во втором случае министерство бывает вынуждено уступить и подать в отставку.

В истории европейских государств можно указать на бюджетные конфликты как с тем, так и с другим исходом. Так, например, в Пруссии, когда в 1862 г. ландтаг, недовольный воинственным направлением всей политики министерства и в особенности все возрастающими расходами на армию, отказался утвердить бюджет, фон Бисмарк, назначенный тогда же министром-президентом, опираясь на тот громадный нравственный авторитет, которым в Пруссии пользовался король, поддерживавший Бисмарка, продолжал производить расходы и взимать налоги. В течение следующих затем четырех лет конфликт продолжался: ландтаг упорно не соглашался на утверждение представлявшихся ему бюджетов, Бисмарк правил, не стесняясь отсутствием бюджета. Наконец, в 1866 г. Бисмарк вызвал войну Пруссии с Данией, потом с Австрией. Обе эти войны окончились для Пруссии самым блестящим образом, и благодаря им Пруссия заняла первенствующее место среди всех германских государств. Ландтаг уступил и вотировал закон (так называемый индемнитетный¹ закон), которым утверждал все расходы, произведенные министерством во время конфликта.

В виде примера бюджетного конфликта с обратным исходом можно привести французской конфликт 1877 г.: президент республики Мак-Магон² и его министерство явно действовали в руку монархическим партиям и во вред республике. Республиканское большинство палат требовало увольнения консервативного министерства; президент упорствовал. Это вызвало ряд столкновений между президентом и палатами; столкновения привели к тому, что палаты отказались вотировать бюджет. Править без бюджета, т.е. открыто вне законного порядка, Мак-Магон не чувствовал себя в силах и должен был сменить министерство, назначив новое, принадлежавшее к республиканскому большинству палат.

*Публикуется по изданию:
Конституционное государство. Сборник статей.
СПб., 1905. С. 179–222.*

¹ От *лат.* *indemnitas* – безущербность, *англ.* *indemnity* – возмещение, компенсация.

² Мак-Магон Мари Патрис Морис (1808–1893) – французский военный и политический деятель. Президент Французской республики в 1873–1879 гг.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВОДОВОЗОВ

ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И ПРИМЕНЕНИЕ ЕГО В РОССИИ

1905 г.

I. Общие замечания¹

Для громадного большинства нашего общества в настоящее время уже не может быть сомнения в том, что избирательное право, на основе которого должны избираться как будущее Учредительное собрание, так и будущие представительные учреждения, должно быть всеобщим. Вместе с тем уже вполне вошло в общественное сознание, что избирательное право только тогда является действительно всеобщим, когда оно вместе с тем равное и прямое и применяется при условии тайной подачи голосов. Избирательным правом должны пользоваться как мужчины, так и женщины, потому что было бы крайне несправедливо лишать права участия в государственной жизни целую половину народа. Возрастной ценз, который должен давать право как активного, так и пассивного участия в выборах, т.е. право выбирать и право быть выбираемым, не должен быть высоким; он должен совпадать с гражданским совершеннолетием, т.е. 21 годом. В России это имеет особенное значение, потому что повышение возрастного ценза до 25 лет значительно понизило бы процент грамотных избирателей; возрастная группа от 21–24 лет отличается большею грамотностью, чем возрастная группа от 25–29 лет, и тем более, чем группа от 30–39 лет².

Не должны пользоваться правом голоса:

- 1) лица, состоящие на действительной военной службе;
- 2) чины уездной и городской полиции;

¹ Настоящая статья представляет из себя переработанный доклад, прочитанный мною 13 апреля 1905 г. в заседании Крестьянской комиссии Петербургского Вольно-экономического общества. Доклад прочитан задолго, а окончательная переработка настоящей статьи произведена за несколько дней до обнародования закона о Государственной думе [6 августа 1905 г.]. Ввиду этого я не мог проводить параллели между моими desiderata [пожеланиями], которые и теперь остаются теми же, чем были, и тем, что дано законом. Только в примечаниях я смог сделать некоторые дополнительные указания (прим. В. Водовозова).

Сборник «Правовое государство и всенародное голосование» был издан позднее – редакционное предисловие датировано 14 января 1906 г.

² Конечно, грамотность сама по себе не должна служить условием для пользования правом голоса, как безграмотность для его лишения, так как это значило бы дать большие политические права группам, и без того находящимся до некоторой степени в привилегированном положении, но, тем не менее, уменьшать процент грамотных среди избирателей нет никаких оснований (прим. В. Водовозова).

3) лица, лишенные или ограниченные в правах по суду или находящиеся под судом или следствием по обвинению в преступлении, могущем влечь за собою ограничение прав.

Преступления политические и преступления печати основанием к лишению избирательных прав служить, конечно, не должны¹.

Великое княжество Финляндское не должно иметь своих представителей в русских представительных учреждениях, но должно иметь собственное самоуправление.

Для громадного большинства нашего общества, сказал я, но не для всех: встречаются люди, которые не верят в возможность или отрицают желательность осуществления избирательного права в России. Я говорю здесь, конечно, не о тех его противниках, произведения которых можно встретить на столбцах «Московских ведомостей», «Нового времени» или даже «Слова»² и других тому подобных газетах. С ними необходимо считаться как с силой и с ними необходимо вести борьбу, но вступать в спор с ними нет никакой надобности. Я имею в виду противников всеобщего голосования другого рода. Так, 5 марта 1905 г. в «Русских ведомостях» появилась статья за подписью г. Н.З., а через несколько дней (9 марта) письмо в редакцию г. С. Четверикова, которые высказались против всеобщего голосования. Профессор Кузьмин-Караваев³ в докладе 7 марта в С.-Петербургском Юридическом обществе, вызвавшем горячие прения, тоже высказался против всеобщего голосования, а один из его оппонентов, заслуженный земский деятель Ф.И. Родичев⁴, отстаивая принцип всеобщности, высказался только против непосредственности выборов⁵. К голосам этих людей нужно прислушиваться, их нельзя оставить без возражений, потому что они исходят от людей или появляются в органах печати, которых мы привыкли встречать не в арьергарде нашего общественного развития.

Все эти лица исходят из убеждения, что по тем или иным причинам Россия не созрела до всеобщего и прямого голосования, что оно в настоящее время еще неприменимо для нее, по крайней мере, в своем чистом виде. Все они поэтому делают попытку построить какие-либо избирательные комитеты, которым и поручают избрание народных депутатов. Только г. Родичев обходится без избирательных комитетов, но зато он считает нужной, по крайней мере, для деревень, двухстепенную подачу голосов, так как, по его мнению, «при огромной неграмотности населения прямое голосование равно не тайному, а тайное не может быть прямым». Поэтому г. Родичев признает, что избирательное право должно быть всеобщим, равным, тайным, но прямым оно не может быть до организации новых общественных сил. Все они – гг. Н.З., С. Четвериков и профессор Кузьмин-

¹ Мотивирование этих исключений, которые, впрочем, сами по себе понятны, см. в моей брошюре «Всеобщее избирательное право на Западе». Ростов н/Д., 1905 (прим. В. Водовозова).

² Газеты консервативного направления.

³ Кузьмин-Караваев В.Д. (1859–1927) – профессор Военно-юридической академии. Член I-II Государственных дум, кадет. С 1920 г. в эмиграции.

⁴ Родичев Ф.И. (1853–1932) – земский деятель, член I-IV Государственных дум, член ЦК партии кадетов.

⁵ Отчет см. в «Праве», 1905 г., №№ 10 и 11. Позднее (в августе 1905 г.) в «Русских ведомостях» появился ряд статей профессора Виноградова против всеобщего голосования (прим. В. Водовозова).

Караваев и даже г. Родичев – не верят в построения, основанные на опыте Западной Европы, и убеждены в том, что строят на реальной почве, воздвигая свое здание «из материала, имеющегося в наличности» (слова г. Н.З.). Поэтому-то предлагаемая ими форма, – говорит г. С. Четвериков, – является жизненной, а не закрепощенной. Нужно строить спешно, – говорят они, – откладывать невозможно. Между тем всеобщее избирательное право требует большого времени для своего проведения в жизнь. Такого времени у нас в запасе нет, жизнь не терпит и требует немедленного разрешения насущных вопросов. При условии свободной агитации и борьбы, – думает профессор Кузьмин-Караваев, – может быть, можно было бы создать и всеобщее избирательное право, но «на свободную предвыборную агитацию и борьбу нельзя рассчитывать, так как немыслимо в короткий промежуток времени перевоспитать земских начальников и губернаторов, весь смысл существования которых состоит во властной опеке над всеми общественными интересами и потребностями. К тому же и в обывателях слишком еще сильна привычка ходить на помочах у начальства. Но если даже допустить, что давления на выборы не будет никакого, то и тогда их результаты окажутся весьма плачевными, ибо голоса разобьются. Дело в том, что при 764-х уездах более одного представителя на уезд нельзя будет избирать, чтобы не сделать собрания выборных чересчур многочисленным. Число избирателей в уезде будет от 30-ти до 40 тысяч человек. Право свободного указания своего кандидата население поймет быстро, но не сумеет приобрести в короткие сроки навыка, чтобы воспользоваться своим правом. В выборах важна именно группировка голосов вокруг некоторых кандидатов, ибо иначе ни один не получит абсолютного большинства. Свобода выборов состоит поэтому в свободе предвыборной агитации, а не в полной свободе при опускании бюллетеня. Противоположное начало должно привести к тому, что огромное количество лиц получит лишь по одному-два голоса, чем избиратели, подававшие за них голоса, фактически лишь откажутся от участия в выборах. А так как уезды общеполитической жизнью не живут, то они и не могут выставить общеизвестных имен. Тридцать-сорок тысяч голосов неизбежно разменяются на единицы, десятки, самое большее – на сотни. На большинство голосов могут при таких условиях рассчитывать лишь исправник, предводитель дворянства или председатель земской управы, пожалуй, еще прежде кабатчики, кое-где священники и очень крупные землевладельцы».

Против этой безграмотности населения и против этого произвола администрации г. С. Четвериков выдвигает комитеты из губернских и уездных предводителей дворянства, из губернских и уездных председателей земских управ, городских голов данной губернии, выборных представителей духовенства, известного числа гласных от земств и дум данной губернии, представителей от крестьянских обществ по одному на пять волостей (редакция «Русских ведомостей» ставит при этом вопросительный знак), представителей от рабочих союзов и от биржевых обществ. Г-н Н.З. включает в состав подобных комитетов всех членов земских собраний и городских дум и пополняет их уполномоченными от различных групп населения. В губерниях неземских он искусственно создает учреждения, подобные земским, специально для целей выборов будущих народных представителей.

Сверх того он дает прямое право избрания определенного числа народных представителей существующим ученым, профессиональным и благотворительным обществам. Профессор Кузьмин-Караваев тоже предоставляет право избрания уездным земствам, пополненным гласными от крестьян по одному на волость, с добавлением определенного числа гласных от уездных жителей без имущественного ценза. Всеобщая же подача голосов при тех условиях, которые возможны в настоящее время в России, по мнению профессора Кузьмина-Караваева, может только «дискредитировать представительство, что при напряженности момента весьма рискованно».

Мы совершенно не понимаем, на чем основаны опасения названных писателей, и еще менее понимаем, каким образом они рассчитывают своей сложной, хитрой и непоследовательно проведенной системой чуждых народным массам комитетов предотвратить те печальные последствия, которых они опасаются от введения всеобщего голосования в его чистом виде. Мы не понимаем также, на каком основании Родичев считает нужным прямые выборы заменить выборами двухстепенными. Профессор Кузьмин-Караваев указывает на то, что губернаторы и земские начальники не могут переродиться по предписанию начальства, и, следовательно, свободная агитация не может иметь места. Г-н Родичев опасается безграмотности населения, гг. Н.З. и С. Четвериков не приводят даже таких аргументов, а просто утверждают, что строить можно только из «материала, имеющегося в наличности». Мы, с своей стороны, думаем, что русский народ или, говоря точнее, народы, населяющие Россию, представляют такой материал, который вполне созрел для того, чтобы пользоваться элементарными человеческими правами. Все названные писатели желают всеобщего голосования и надеются, что созванные по их проекту народные представители создадут такое, но каким образом, они не понимают, что, давая преимущественные права предводителям дворянства, нынешним председателям управ, гласным дум и т.д., т.е. лицам, являющимся, главным образом, выразителями интересов крупного и среднего землевладения в деревнях, домовладения в городах, они создадут такое представительство, которое будет вполне определенно отражать интересы своих избирателей, т.е. привилегированных групп населения, и ни в каком случае не дадут всеобщего голосования? Сколько вы ни пополняете ваши избирательные комитеты отдельными представителями крестьян по одному на 5 волостей, рабочих союзов (т.е. весьма незначительной части нашего рабочего класса) или другими лицами, избранными жителями уезда, не входящими в ранее перечисленные группы населения, все же они будут тонуть в комитетах, состоящих из земских и думских гласных. Очень мало шансов, что от подобных комитетов мы дождемся народного собрания, которое было бы способно создать что-нибудь действительно хорошее.

В особенности удивительны по своей непоследовательности построения профессора Кузьмина-Караваева. Профессор Кузьмин-Караваев исходит из убеждения, что свободной агитации у нас не будет и что народные представители, избранные всеобщим голосованием без предварительной разработки и обсуждения, могут только дискредитировать народное представительство. Допустим

это. Но почему же он думает, что члены комитетов, которым будет предоставлено избирать народных представителей, будут лучше при отсутствии свободной агитации? Где гарантии, что крестьяне, выбранные по одному на волость, и лица, избранные уездными жителями без имущественного ценза, без предварительной свободной агитации, окажутся лучшими членами комитетов, чем народные представители, избранные всенародным голосованием, т.е. голосованием тех же крестьян и тех же уездных жителей без имущественного ценза, но только иначе организованным для подачи голосов? Разве губернаторы и земские начальники перевоспитаются от одной мысли, что избрание представит не народных представителей, а только членов избирательного комитета? Разве от этого они откажутся от имеющейся в их руках власти?

Мы думаем как раз обратное. Хотя мы вместе с профессором Кузьминым-Караваевым уверены, что выборы на основе всеобщего голосования без свободной агитации могут дискредитировать народное представительство, но мы еще в большей степени уверены, что выборы членов избирательных комитетов без таковой же свободной агитации в еще большей степени дискредитируют народное представительство. Способы воздействия губернаторов и земских начальников на крестьян при производимых этими последними выборами слишком хорошо знакомы губернаторам и земским начальникам, тогда как всеобщее избирательное право явится такой новой силой, для которой придется изобретать и новые способы воздействия¹.

Нельзя ничего строить на убеждении, что сила, которая будет осуществлять наш проект, сделает все, что будет только возможно, чтобы его испортить. Мы желаем всеобщего избирательного права и желаем, чтобы оно было осуществлено при условии свободной агитации: это – настоятельное требование, предъявляемое ходом исторических событий. Если нам не будет дано всеобщего избирательного права или если оно будет дано, но будет осуществлено вне тех условий, которые только и делают его всеобщим голосованием, то это будет одно и то же: значит, нам не дано ничего, и мы остаемся в нынешнем положении. Требовать же какого бы то ни было избирательного права при уверенности, что оно будет осуществлено при отсутствии необходимейшего для его осуществления условия, – это значит требовать бессмыслицы.

Мы думаем, что и г. Родичев очень ошибается, считая безграмотность населения препятствием для прямой и закрытой подачи голосов. Ведь и для выбора выборщиков будет необходима тайна. Или г. Родичев проектирует публичность для этой первой стадии избирательного процесса? Если да, то он отказывается от тайны выборов, во имя которой он настаивает на двухстепенности; если нет, то мы не понимаем, чего же он достигает своею поправкой. А между тем, безграмотность половины или трех четвертей взрослого населения нисколько не препятствует ни непосредственности, ни тайне выборов. Ведь каждый голосующий, если только он понимает, что он делает, всегда может найти знакомого грамотея, который напишет для него бюллетень; таким грамотеем может быть его соб-

¹ Закон о Думе 6 августа создал систему выборов, имеющую некоторое сходство (по крайней мере, в основных принципах) с системами гг. Кузьмина-Караваева, Четверикова и Н.З., и вместе с тем не дает свободы агитации (прим. В. Водовозова).

ственный сын или дочь, посещающие школу. Ведь получают же и отправляют письма далеким родственникам даже безграмотные бабы. Написать избирательный бюллетень гораздо легче, чем письмо, тем более, что бюллетени могут быть и печатные, раздаваемые агентами политических партий.

Где только ни получалось всеобщее избирательное право, там народ несколько хуже или несколько лучше, но везде и всегда умел им пользоваться. Мы не видим основания думать хуже о русском народе, чем, например, о столь же безграмотном (в 1879 г.) болгарском народе, сумевшем тогда воспользоваться полученным им правом всеобщих, прямых и тайных выборов.

Но словами «всеобщее, прямое, равное и тайное голосование» мы решили только одну и притом сравнительно легкую часть задачи, для разрешения которой у нас имелся весь вековой опыт Западной Европы и Америки.

Гораздо большую трудность представляет практическое применение избирательного права в России. Опыт Западной Европы в этом отношении может помочь очень мало. Благодаря своим громадным расстояниям, благодаря разнообразному составу своего населения, благодаря его безграмотности Россия – не станем отрицать этого – представляет наименее удобные условия для проведения всеобщего избирательного права. Наименее удобные не значит, конечно, невозможные; это значит только, что техника его применения требует совершенно специальной разработки.

Как велики должны быть избирательные округа в России? Как должны быть организованы избирательные участки? Кто должен составлять избирательные списки? Кто должен заведовать производством выборов вообще? Кто должен назначать лиц, производящих выборы или, другими словами, входящих в состав избирательных бюро и т.д.?

Вот те вопросы, с первого взгляда кажущиеся очень простыми, пожалуй, мелкими и формальными, но без их предварительного разрешения нельзя приступить к великой задаче, а между тем они вовсе уже не так просты и не так легко разрешимы. Ранее, однако, чем их ставить, надлежит выяснить еще несколько более общих, хотя тоже скорее технических, чем принципиальных вопросов, которые, впрочем, не представляют особенных затруднений. Прежде всего вряд ли можно сомневаться в том, что в России выборы должны производиться по мажоритарной системе и вместе с тем по системе единоличного голосования (*scrutin individuel*). Система пропорциональная, противоположная мажоритарной, может быть введена только на почве уже хорошо подготовленной и то, только в государстве, территориально не очень большом и вместе с тем плотно населенном. И на Западе она еще слишком мало испытана, и результаты ее являются далеко не такими очевидными, чтобы в России можно было ввести эту систему с уверенностью в благотворности результатов. Во всяком случае, лучше примириться с некоторыми недостатками мажоритарной системы и в начале, по крайней мере, подобного прыжка в неизвестное не делать. С еще большей уверенностью можно это сказать о системе списков (*scrutin de liste*), когда-то господствовавшей во Франции и Италии, но и там уже осужденной и отмененной, хотя еще и имеющей своих защитников. Система эта, противоположная системе единоличного голосо-

вания, помимо своей принципиальной неправильности, представляет страшные технические трудности, в особенности в России. У нас и без того избирательный округ должен быть слишком большим как по числу населения, так, в особенности, по своей протяженности, а это представляет значительное неудобство; увеличивать округа для введения системы *scrutin de liste*, значит только еще более усиливать техническую затруднительность производства выборов¹.

Итак, система единоличного голосования и мажоритарная; другими словами, Россия должна быть разделена на избирательные округа, в каждом из которых должен выбираться один народный представитель, и притом большинством голосов.

А если не получилось абсолютного большинства голосов? Если голоса разбились между многими кандидатами, например, так:

Подано 10 050 бюллетеней.

Из них 50 недействительных².

Итого 10 000 бюллетеней действительных.

Абсолютное большинство составляют 5001 голосов;

между тем подано:

За А	3 600
За Б	3 500
За В	1 800
За Г	0 600
За Д	0 400
Раздробившихся голосов	0 100 ¹
Итого	10 000

Кто избран? Английское выборное право отвечает на вопрос признанием права относительного большинства; кандидат, получивший наибольшее число голосов, хотя бы это число не достигало половины (в данном случае кандидат А), признается избранным; германское, французское и др. избирательное право назначает в таких случаях перебаллотировку.

Английская система приурочена к английским политическим партиям. В Англии в течение нескольких сот лет борются между собою две большие политические партии; каждая третья, случайно возникающая, оказывается эфемерной и очень скоро сходит с политической арены. Но именно английская избиратель-

¹ О системе *scrutin de liste* я подробно говорил в статье об избирательном праве в «Новом пути», 1904 г., № 12. Пропорциональную избирательную систему я специально разобрал в брошюре «Пропорциональные выборы или представительство меньшинства». СПб., 1905 г. К этим статьям я отсылаю интересующегося читателя (*прим. В. Водовозова*).

² Т.е. таких, что на них нельзя разобрать имени или вовсе его нет (бюллетень подан белым, что иногда случается), или бюллетень не соответствует требованиям закона. Бюллетени недействительные для определения большинства не считаются (*прим. В. Водовозова*).

ная система является главной причиной этого явления. Всякая третья партия имеет способность наносить непоправимый вред партии наиболее ей близкой и, вместе с тем, выигрывает сама очень мало. В 1886 г., когда либеральная партия раздробилась на либералов-гомрулеров¹ и на либералов-унионистов, то в округах искони либеральных и оставшихся таковыми же и на выборах 1886 г., она съела сама себя, доставив блестящее торжество консерваторам, прошедшим относительным большинством голосов в тех округах, где на их стороне было лишь меньшинство.

Нет никакого сомнения, что результат выборов может считаться правильным только тогда, когда выбранное лицо имеет за себя действительно большинство поданных голосов. При раздроблении голосов между несколькими кандидатами – а оно, по всей вероятности, будет иметь место в России в очень широких размерах – необходимо произвести действительный и окончательный выбор, не предоставляя его случаю; а это возможно только тогда, когда население решает, кто из кандидатов, получивших значительное число голосов, не составляющее, однако, абсолютного большинства, следовательно, из двух кандидатов, не вполне ему близких, все-таки ближе другого.

Итак, следует назначать перебаллотировки. По отношению к перебаллотировкам существуют тоже различные взгляды. Германское выборное право признает именно перебаллотировки в точном смысле этого слова (*engere Wahl*), т.е. перебаллотировку между двумя первыми кандидатами, получившими наибольшее число голосов. Бюллетени, поданные за какого-нибудь третьего кандидата, считаются на перебаллотировке недействительными.

В приведенном примере оно ставит на перебаллотировку кандидатов А и Б. Предположим, что на перебаллотировке подается 9000 голосов.

Из них за

За А	4 400
За Б	4 000
За В	0 300
За Г	0 100
За Д	0 100
Раздробившихся голосов	0 100 ²
Итого	9 000

Недействительными на этот раз признаются не только последние, но и раз-

¹ От *англ.* Home Rule – самоуправление; гомрулисты – сторонники самоуправления Ирландии в рамках Британской империи; требовали внутренней автономии Ирландии с особым региональным парламентом. Закон о гомруле был принят в 1914 г., а его реализация отложена до окончания войны. Унионисты – часть либеральной партии, не согласная с программой гомруля.

² Раздробившимися признаются голоса, разбившиеся между многими кандидатами, из коих ни один не получил более определенной невысокой нормы, например 25 (*прим. В. Водовозова*).

дробившиеся (которые ранее все-таки принимались в соображение) и даже поданные за В и Г; их в общей сложности оказывается, следовательно, 600, на долю законных бюллетеней остается 8400, абсолютное большинство, следовательно, составляет 4201, избран А¹.

Напротив, французское избирательное право не знает перебаллотировок; взамен их оно назначает вторичные выборы (*élections au deuxième tour*), т.е. выборы, представляющие формально повторение первых выборов. Кандидатам и поддерживающим их партиям предоставляется самим войти с ними в соглашение, снять безнадежные кандидатуры и вести агитацию за того или иного из кандидатов, имеющих шансы пройти. Но если такое соглашение не состоится или если избиратели не согласятся с решением политических партий, ведущих агитацию в данном округе, и из избирательных урн будут вынуты бюллетени опять-таки за трех, четырех или более кандидатов, то все эти бюллетени считаются действительными, и в случае отсутствия абсолютного большинства вопрос на этот раз решается большинством относительным.

Нам кажется, что для России не может быть сомнения в предпочтительности системы германской. Всякий депутат должен быть избран непременно абсолютным большинством голосов. Следовательно, перебаллотировка между тремя, четырьмя и т.д. кандидатами не должна быть допускаема.

До сих пор мы говорили о принципах избирательного права, применимых одинаково как для выборов в Учредительное собрание, так и для выборов в постоянно действующее учреждение, будет ли оно называться палатой представителей Государственной думы, просто парламентом, или Государственной думой, или же как-нибудь иначе – это, конечно, безразлично².

Дальнейшие мои соображения будут относиться главным образом к выборам в парламент, т.е. в народное представительство, правильно действующее на почве, уже до некоторой степени политически обработанной; одновременно я буду указывать на те отличия, которые необходимо делать при создании избирательной системы специально для выборов в Учредительное собрание. Эти отличия касаются главным образом трех важных пунктов и нескольких второстепенных.

Прежде всего при определении нормы избирательного округа мы должны взять одну цифру для выборов в парламент и другую для выборов в Учредительное собрание. Самая многочисленная из ныне существующих палат депутатов³ – английская палата общин – насчитывает 670 членов, и это число доста-

¹ Раздробившиеся голоса ранее принимались в соображение. Это значит, что если подано 10 000 голосов, из них 100 раздробилось, за А подано ровно 5000, за всех других кандидатов вместе 4900, то А избранным не признается, так как абсолютное большинство = 5001, и А ставится на перебаллотировку со следующим по числу полученных голосов кандидатом. Если же раздробившиеся голоса признать недействительными, то действительных голосов подано 9900, абсолютное большинство составляет 4951, А, получивший 5000, избран. Приведенные выше цифры 300 голосов за В, 100 за Г и т.д., поданных на перебаллотировке, приведены для уяснения мысли, но совершенно фантастичны. Обыкновенно население очень хорошо понимает значение перебаллотировки между двумя кандидатами, и таких ошибочных бюллетеней бывает 5, 10 – не больше (*прим. В. Водовозова*).

² Вопросы о двухпалатности или однопалатности здесь я совсем не касаюсь. Все, что я говорю в настоящей статье, имеет применение к избранию депутатов или представителей, входящих в состав палаты депутатов, будет ли она одна, или будет иметься еще и другая палата (*прим. В. Водовозова*).

³ О Мекленбургском ландтаге, не являющемся палатой депутатов, я не говорю (*прим. В. Водовозова*).

точно велико. Постоянное участие в прениях принимают далеко не все, и силы многих оказываются для парламента недостаточно использованными. Таким образом, для правильно действующего парламента число 600–700 депутатов должно считаться безусловно максимальным. Следовательно, избирательный округ должен в России равняться приблизительно 200 000 жителей.

Совсем иначе обстоит дело с Учредительным собранием. Оно действует сравнительно недолго и при сильном подъеме общественного настроения. Вместе с тем, Учредительное собрание созывается там, где страна еще не привыкла к пользованию избирательным правом и где поэтому объединение значительных групп населения в чрезмерно большие избирательные округа представляется неудобным.

Именно при выборах в Учредительное собрание особенно важно, чтобы по возможности каждый местный интерес был представлен. Между тем, 200 000 жителей есть население слишком большой и слишком разнообразной по своему составу территориальной единицы, как по составу этнографическому, так и по составу социальному. По своему численному составу Учредительное собрание может быть значительно больше; занятое особенно важными вопросами, обсуждение которых может длиться гораздо дольше, чем обсуждение текущих вопросов в парламенте, оно не в такой степени страдает от своего многолюдства.

Первое Учредительное собрание, созданное Французской революцией, насчитывало в своей среде 1145 человек; второе Учредительное собрание в 1848 г. насчитывало 900 членов, и оба оставили в истории память как одни из самых плодотворных представительных собраний, когда-либо существовавших. Поэтому мы считали бы более правильным принять за норму для избирательного округа при выборах в Учредительное собрание цифру 100 000 жителей, причем, однако, мы предлагаем особенный способ исчисления округов, о котором скажем ниже и при котором число членов Учредительного собрания будет лишь немного превышать 900. Второе отличие избирательной системы в Учредительное собрание от таковой же в парламент еще важнее.

Выборы в парламент происходят, как мы сказали, на почве, уже политически обработанной. В стране господствует конституционный порядок, к которому население уже привыкло, в стране уже существуют органы власти, происходящие из всеобщего голосования и опирающиеся на него, и рядом с ними существуют таковые же органы местного самоуправления (земства и думы), распространенные по всей стране, а не по нескольким губерниям и тоже происходящие из всеобщего голосования, а не из голосования сословного или цензового. Эти органы власти или эти органы местного самоуправления руководят избирательной процедурой. Мы знаем, следовательно, из кого должны состоять или кем должны назначаться члены избирательного бюро.

Но из кого должны они состоять или кем должны они назначаться, когда выборы происходят в первый раз, когда органы власти представляют лишь колесики громадной бюрократической машины, ради уничтожения которой и происходят эти выборы? Кто же сомневается, что самую лучшую избирательную систему может испортить дурной состав избирательных бюро? В Болгарии во времена

Стамбулова¹ существовало в принципе всеобщее голосование; вся Болгария почти единодушно ненавидела Стамбулова, а между тем народное собрание состояло почти сплошь из сторонников его, и эти сторонники избирались в своих округах единогласно или почти единогласно, чего не бывает ни во Франции, ни в Германии, ни в Англии.

Это происходило вследствие того, что искусственно подобранные избирательные бюро фальсифицировали избирательные списки, включая в них лиц, не имеющих права голоса, но зато верных известному режиму или даже прямо лиц фантастических (умерших или никогда не живших), за которых вотировали подставные люди. Заведомые сторонники оппозиции не включались в избирательные списки; потом избирательные бюллетени нагло вскрывались перед тем, как их следовало опустить в урну, на глазах изумленного и негодующего избирателя и уничтожались, если на них значилось имя оппозиционного кандидата. Мало того: в избирательную урну прямо само избирательное бюро насыпало бюллетени в пользу правительственного кандидата. Наконец, само народное собрание, утвердив все прошедшие таким образом выборы, пользовалось своим правом кассации, чтобы кассировать избрание как-нибудь случайно проскочившего члена оппозиции.

Так грубо делалось это в Болгарии в эпоху стамбуловщины; менее грубо в позднейшие времена в Болгарии и во многих других странах, как например, в Испании и в Италии, но все же делается, почему палаты депутатов этих стран далеко не вполне точно отражают настроение избирателей.

Таким образом, фальсификация выборов в большей или меньшей степени производится даже на почве уже издавна конституционной, благодаря искусной подтасовке избирательных бюро. Нет никакого сомнения, что составление избирательных бюро в России в первый раз представит исключительные трудности. Я думаю, однако, что эти трудности не непреодолимы и предлагаю особенный способ их составления, который, как мне кажется, дает возможность рассчитывать на избирательные бюро в достаточной степени беспристрастные.

Третье важное различие состоит в способе проверки и кассации выборов (об этом ниже). Избирательная система для выборов в постоянный парламент (не Учредительное собрание) разработана довольно подробно в избирательном законе, приложенном к «Основному закону Российской империи», напечатанному за границей и получившему довольно широкую известность. В настоящее время и основной закон, и закон избирательный перепечатаны в «Праве» и в книге, изданной редакцией «Права», – «Конституционное государство» (СПб., 1905 г.). Считаю в общем избирательную систему, предложенную там, совершенно правильной и внося в нее только некоторые частные поправки, в дальнейшем я лишь разъясняю и обосновываю систему, принятую в этом проекте; кроме того, я везде указываю на те черты, которые должны отличить систему выборов в парламент от системы выборов в Учредительное собрание...

¹ Стамболов Стефан (1854–1895) – болгарский политический деятель. В 70-х гг. XIX в. принимал участие в борьбе за независимость Болгарии от Османской империи. В 1887–1894 гг. премьер-министр, опирался на созданную им национально-либеральную партию (стамболистов), выступал против русского влияния в Болгарии. Установил личную диктатуру. Убит в 1895 г. политическими противниками.

II. Ограничение применения избирательного права

При всем желании доставить возможно скоро блага всеобщего голосования всему населению России, при всей несомненности того, что лишение избирательного права какой-либо группы населения может задержать ее политическое и культурное развитие, и, лишив ее защитника в законодательном учреждении, помешать проведению в ее пользу каких-нибудь мероприятий и, следовательно, дурно отразиться на ее благосостоянии, при всем этом одно ограничение в принципе всеобщности избирательного права сделать, как мне кажется, совершенно необходимо уже по чисто техническим причинам. У нас существуют местности, населенные крайне некультурным населением и вместе с тем крайне редко. Некультурность известных групп населения существует везде и по большей части она не мешает всеобщности избирательного права, но только по большей части. Соединенные Штаты не дали до сих пор права голоса бродячим индейцам, населяющим Индейскую территорию, а также эскимосам и др. народам, живущим в Аляске. Высококультурная и демократическая Новая Зеландия, справедливо гордящаяся своими демократическими политическими учреждениями, распространила право голоса и на живущих в ней туземцев; но, во 1-х, туземцы Новой Зеландии, племя маори, достигло уже довольно высокой степени культуры, а во 2-х, и Новая Зеландия не решилась дать этим маори право голоса наравне и вместе с белыми поселенцами страны. Белые подают голоса отдельно и выбирают в округах, на которые разделена вся страна, 76 депутатов, а живущие вперемежку с ними маори голосуют отдельно в 4-х округах, тоже охватывающих всю Новую Зеландию, и выбирают в них своих 4-х депутатов. Точно так же и другая демократическая страна, Норвегия, недавно проводившая у себя всеобщее избирательное право с прямым голосованием, не решилась распространить его на бродячих лапландцев.

За сотни лет своего господства над самоедами, гиляками, юкагирами, камчадалами и т.п. народами, Россия не сумела приобщить их к своей культуре; многие из них умеют прекрасно самоуправляться, но они чувствуют себя совершенно чуждыми общерусской культуре и несомненно еще много лет будут чувствовать себя таковыми же. Если бы мы могли дать каждому из этих племен отдельного или отдельных представителей, то, может быть, они еще сумели бы их выбрать. Но дело в том, что в силу громадности русской территории дать самоедам, раскинутым по всей Архангельской губернии и отчасти Сибири, хотя бы одного представителя совершенно невозможно. Еще труднее дать его тунгусам, гилякам и т.п., число которых в отдельности для этого совершенно недостаточно. Избирательные округа в России непременно должны быть приурочены к определенным территориям; между тем Якутская область, в которой живет 269 000 человек и которая поэтому может посылать в парламент всего 1 представителя, а в Учредительное собрание по изложенной нами далее схеме не более двух, населена: 221 000 якутов, 30 000 русских и 11 000 тунгусов. Тунгусы и якуты говорят различными языками, обладают различными культурами и друг с другом столкнуться вряд ли могут. Еще менее, конечно, они могут столкнуться с русскими.

Почти наверное, они не поймут, чего от них хотят, и, может быть, увидят в избрании депутатов новую повинность, изобретенную для вымогательства. Весьма вероятно, что подавать голоса в Якутской области будут только русские или почти только русские, а якуты и тунгусы – лишь пригнанные к избирательным урнам полицией. Вероятность эта увеличивается еще более, если принять во внимание, что в Якутской области мы имеем: из якутов мужчин 98,9 процента неграмотных, из якуток 99,9 процента (!), из якутов обоих полов 99,4 процента, тогда как среди русских только (!) 62 процента среди мужчин и 84 процента среди женщин. Грамотность тунгусов еще ниже, спускаясь до 0,2 процента для мужчин и 0,1 процента для женщин; как ни невероятны эти цифры, но они верны, по крайней мере, по данным переписи 1897 г. Поголовная грамотность не необходима для пользования правом голоса – это совершенно бесспорно; но поголовная безграмотность или, в особенности, поголовная безграмотность определенных групп населения с обособленными интересами делает возможность правильного пользования правом голоса крайне проблематичной. При этом грамотность подрастающего поколения в общем очень немного выше, чем грамотность взрослого населения, и рассчитывать на помощь грамотных школьников в данном случае не приходится. Придется якутам и тунгусам обращаться к помощи русских. И вот, в результате, от Якутской области будет избран, может быть, исправник или священник.

Еще хуже в этом смысле распределение населения в Приморской области. Эта последняя имеет 223 000 жителей и тоже может рассчитывать лишь на 1 депутата в парламент и 2 депутатов в Учредительное собрание. Там мы имеем: 113 000 русских, 30 000 китайцев, 24 000 корейцев, 20 000 тунгусов, 10 000 чукчей, 8000 гиляков, 4000 камчадалов, 2000 японцев. Даже вычеркнув из этого числа тех жителей, которые не принадлежат к числу российских подданных, все-таки мы не можем себе представить, как это разрозненное, чуждое друг другу, непонимающее друг друга население будет производить общие выборы.

Против этого возражают: что значит пяток лишних представителей в парламенте или Учредительном собрании, состоящем из 600–900 представителей; они тонут в нем. Неужели из-за опасности иметь нескольких депутатов, избранных неправильно, избранных людьми, не понимающими, что они делают и даже избранных при повальном абсентеизме избирателей и при грубом, наглом давлении со стороны полиции ли, купечества ли, или кого бы то ни было, – неужели из-за этой опасности следует отказываться от принципа всеобщности или, по крайней мере, нарушать чистоту этого принципа? Да уверены ли вы, что во всей остальной России выборы будут происходить с соблюдением полной законности, вне всякого давления и при полном понимании со стороны всего населения?

Это возражение несомненно очень серьезно, хотя и опасность, которую оно парирует, не менее серьезна. Опасность не только в том, что несколько депутатов будут не соответствовать желаниям избирателей; она состоит еще в том, что какой-нибудь пришлец – будь то бывший или настоящий полицейский, священник, бывший уголовный ссыльный, торговец, эксплуататор, – избранный таким путем в Якутской или Приморской области, будет говорить от лица именно тех

якутов, камчадалов или гиляков, которых он так безжалостно, так систематически спаивает, эксплуатирует и в дополнение ко всему сифилизирует; он будет говорить, и, избранный формально ими, он будет заставлять парламент прислушиваться к своим речам как к голосу этой забитой и неизвестной парламенту окраины. И, может быть, его слова будут иметь результаты, которые поведут к дальнейшей эксплуатации этой местности.

Но этого мало. Против распространения на эти местности избирательного права говорит еще одно соображение, вряд ли опровержимое, – именно полная *техническая* невозможность произвести в них выборы. В самом деле, в Якутской области мы имеем 269 000 населения, разбросанного на территории в 3 469 000 кв. верст, т.е. почти равной всей Европейской России, во множестве поселков, насчитывающих по 3–50 жителей (с ничтожным числом селений более населенных). Поселения отстоят друг от друга на сотни верст, в лучшем случае на десятки верст.

Чтобы выборы были сколько-нибудь правильны, хотя бы внешним образом, нужно устроить особое избирательное бюро для подачи голосов, по крайней мере, в половине этих селений. Только тогда участки с одним бюро будут иметь не более, чем 50-верстные расстояния; только при таком условии можно рассчитывать на то, что избиратели в сколько-нибудь значительном числе явятся к избирательным урнам – и то, конечно, при условии, что они будут понимать и интересоваться этой процедурой; но это последнее условие мы теперь оставляем в стороне. Следовательно, на Якутскую область понадобится около 1000 избирательных бюро, на Приморскую, вероятно, еще больше. Каждое избирательное бюро должно состоять из 4 членов и, кроме того, каждое предполагает, по крайней мере, по одному агенту от каждой политической партии, борющейся здесь; считая, что будет выступать в этих местах не более, чем по 2 кандидата, мы имеем для каждой из этих областей по 6000 членов бюро и агентов партий. Где мы возьмем такое число не только грамотных, но и не лишенных некоторого образования людей? Нельзя забывать, что по общему правилу, из которого нельзя делать исключений, члены избирательного бюро не должны получать вознаграждения. Конечно, я говорю о вознаграждении из средств государственных или общественных учреждений: политическим партиям не может быть возбраняемо выдавать содержание посылаемым ими агентам, пожалуй, даже и членам избирательных бюро, поскольку они назначаются партиями.

Нет никакого сомнения, что на Приморскую и на Якутскую область не найдется достаточного числа местных людей, которые могли бы исполнять эти обязанности. Не местные люди без вознаграждения туда не пойдут, а платить им ни одна партия не найдет возможным, ибо издержки совершенно не будут вознаграждаться крайне слабой надеждой провести одного лишнего депутата. Но если даже и найдутся такие пришлые люди, то здесь они будут мало полезны. Как члены избирательного бюро, так и агенты должны быть непременно людьми, хорошо знающими местность и местных жителей. Иначе они совершенно не в состоянии исполнять своих обязанностей.

В таком же положении находится значительная часть Архангельской губер-

нии. Вот, например, на Новой Земле с ее 90 жителями и территорией в 80 000 кв. верст, т.е. превышающей территорию Баварии или Бельгии, не может быть создано не только ни одного избирательного округа, но даже ни одного сколько-нибудь порядочного участка, по крайней мере, участка, который стоил бы посланки туда четырех членов бюро и двух агентов партий.

Конечно, лишение кого бы то ни было права голоса есть явление в высшей степени печальное. С ним мирятся, как мы сказали, Соединенные Штаты и Норвегия, но, разумеется, это не является оправданием для подобной меры. Названные государства, однако, в этом руководствуются не технической невозможностью произведения выборов, а исключительно недостаточной культурностью населения. Несмотря на вышеприведенные соображения, я в конце концов не решился бы, вероятно, рекомендовать лишать права голоса хотя бы самоедов, гиляков или юкагиров только по этой причине, но техническая невозможность производства выборов принуждает к этому.

И так как я решаюсь на это только в силу технической невозможности, то я предлагаю лишение права голоса не определенных людей, не определенной народности, а только определенные местности. Если самоед из Печерского края прибывает в Архангельск во время составления избирательных списков и остается там до окончания его, то он по предлагаемой мною системе правом голоса пользуется. Тот же самоед, прибывший с оленями в Петербург и возящий на них детей, точно так же пользуется правом голоса. Лишаются права голоса не самоеды, а Новая Земля и Печерский край, следовательно, также и русские, ее населяющие.

На какие же местности не должно быть распространено избирательное право? Ответ на этот вопрос должен быть двоякий. Для выборов в парламент лишены права голоса должны быть лишь очень и очень немногие местности, а именно, по моему мнению, только Верхоянский, Вилюйский, Колымский, Олекминский округи (уезды) Якутской области, север Приморской области, север Енисейской, Тобольской, Томской губерний, а также Кольский, Мезенский и Печерский уезды Архангельской губернии и в среднеазиатских владениях Уральская область по левому берегу Урала.

Но производство выборов в Учредительное собрание представляет еще некоторые особенные трудности. Дело в том, что время не ждет, выборы должны быть произведены немедленно и с весьма значительной быстротой. Если нормальный избирательный период для выборов в парламент длится 4 месяца, и это не представляет большой беды, то созыв Учредительного собрания не может быть отлажен на такой долгий срок (считая с момента, когда он будет решен).

Между тем, в местностях с крайне редким населением избирательная процедура требует очень большого срока. Если мы имеем избирательные участки одного избирательного округа, отдаленные от центра округа на 600 верст при плохих путях сообщения, то сведения о результате выборов в участках могут быть доставлены в центр не менее, чем в неделю. Окружное бюро может известить участковые бюро лишь по прошествии еще одной недели.

Итого, следовательно, расстояние между главными выборами и перебалло-

тировками, полагая несколько дней на подготовку к перебаллотировке, как известно, требующей всегда специальной агитации, должно длиться не менее, чем 3 недели. Между тем, при выборах в Учредительное собрание мы обязательно в целях скорости должны сократить этот срок до 2 недель. То же самое имеет место и при составлении избирательных списков. Всякая жалоба на деятельность участковых избирательных бюро идет до окружного избирательного бюро не менее недели; для наведения всяких справок с целью проверки жалоб окружное бюро должно истратить еще 2 недели. Итак, составление избирательных списков и их проверка должны требовать не менее 3-х месяцев. При выборах в парламент это не представляет особенной беды: списки там постоянные, пополняемые раз в год независимо от выборов и только слегка приспособляемые для выборов. Но для предстоящих первых выборов мы обязательно должны сократить этот срок до 6 недель.

Ввиду этого для выборов в Учредительное собрание мне кажется необходимым лишить права на представительство еще всю Якутскую область, север Иркутской губернии, всю Приморскую область с Сахалином, всю Амурскую область, Калмыцкую степь и Киргизскую орду Астраханской губернии и территорию кочующих народов на Кавказе.

Весьма возможно, что Учредительное собрание, в котором даже и при этих изъянах будут представители различных окраин и почти всех народностей, населяющих Россию, избранные, надо надеяться, действительно населением и действительно свободно, весьма возможно, что это Учредительное собрание, чуждое каких бы то ни было централизаторских стремлений, решится распространить избирательное право на некоторые из указанных здесь местностей. Быть может, оно сумеет составить избирательный закон, на основании которого возможны будут выборы и в этих местах. Это, впрочем, не представит особенной трудности, потому что тогда уже можно будет не торопиться в такой степени, как мы торопимся теперь.

Тогда можно будет произвести дополнительные выборы и избранные на них депутаты пополнят Учредительное собрание. Возможно также, что Учредительное собрание решится сократить число местностей, в которых, по нашему мнению, не могут происходить выборы членов парламента, и, несомненно, конечно, что с течением времени число этих мест будет все уменьшаться и уменьшаться. Чем скорее они исчезнут, чем скорее блага всеобщего избирательного права распространятся на всю Россию, тем, конечно, лучше. Но из желания ускорить это распространение создавать избирательную комедию вместо выборов мне кажется совершенно неправильным.

III. Избирательный округ

Профессор Кузьмин-Караваев в своем цитированном выше докладе о введении представительных учреждений в России предлагает взять в основу избирательного округа существующую административную единицу, именно, уезд.

Другие указывают на губернию. Нет никакого сомнения, что существующее

административное деление должно быть так или иначе принято в основание при распределении России на избирательные округа, в особенности вначале, но, тем не менее, избирательный округ не должен совпадать ни с уездом, ни с губернией, представляя из себя самостоятельную единицу. Уезды у нас слишком разнообразны по своей величине, чтобы признание права избрания одного народного представителя за каждым уездом не было вопиющей несправедливостью. Мы имеем уезды в 29 000 (Пинежский Архангельской губернии), в 41 000 жителей (Малоярославецкий Калужской губернии), не говоря уже о еще меньших уездах на окраинах (на Кавказе и в Сибири), даже в тех местах, в которых, по нашему мнению, следует произвести выборы немедленно, – с одной стороны, и Глазовский (Вятской губернии) с 373 000 жителей, Житомирский с 434 000 жителей, Таганрогский – 412 000 жителей, Херсонский – 585 000, Елисаветградский – 613 000 и т.д., с другой стороны, не говоря уже о таких уездах, как Петербургский или Московский.

Избирательные округа должны быть по возможности равны – это ясно само собою, но как велики должны быть они?

В Германии и во Франции в основание для разделения страны на избирательные округа положена цифра 100 тысяч душ населения, причем, впрочем, эту цифрую пользуются там различным способом.

Во Франции каждый административный округ или уезд (*arrondissement*), имеющий менее 100 тысяч жителей, составляет один избирательный округ; уезд, превышающий 100 тысяч жителей, делится на два избирательных округа; превышающий 200 тысяч, делится на три и т.д.; таким образом, избирательный округ имеет от 50–100 тысяч жителей.

В Германии при ее разделении на округа в 1867–1871 гг. основою деления была принята тоже цифра 100 тысяч, но с тем, что половина сотни тысяч не дает права на добавочного представителя; таким образом, число жителей избирательного округа должно было колебаться между 75–150 тысячами жителей; менее 100 тысяч допускалось в теории только в тех государствах, входящих в состав Германской империи, которые сами не достигают этой нормы (Вальдек, Рейс и др.), но неизбежно должно было допускаться и тогда, когда государство (или даже провинция Пруссии) в 151 000 жителей делилась на 2 округа, в 251 000 на три и т.д.

Имея в виду, что Учредительное собрание по своему численному составу может быть многочисленнее, чем палата представителей, и что, следовательно, избирательный округ для него должен быть меньше, я предлагаю следующую систему.

За основу для деления России на округа для выборов в Учредительное собрание я принимаю тоже 100 000 жителей, но, конечно, не на французский манер и даже не на германский, потому что первый привел бы к созданию почти 2000 округов, а второй – значительно более тысячи.

Я думаю, что уезд, имеющий менее 100 000 жителей, должен быть соединен с другим или другими уездами, чтобы составить вместе не менее 100 000 жителей, и из них следует образовать один избирательный округ. Уезды, имеющие более 200 000 жителей, должны быть разделены на два округа; имеющие более 300 000

жителей – на три и т.д. Города, имеющие не менее 100 000 жителей, должны быть выделены из состава уездов и образовать отдельные избирательные округа по тому же принципу. При таком принципе получится несколько менее 1000 избирательных округов, и будущее народное собрание будет, следовательно, состоять из 954 представителей¹. Для избирательного округа в постоянный парламент следует взять более высокую норму, примерно 200 000 жителей. Административной основой для деления страны на избирательные округа вследствие увеличения нормы должен быть признан уже не уезд, а губерния или соответствующая ей область (в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии). Половина двухсот тысяч не дает права на второго представителя, так что губернии до 300 тысяч жителей должны состоять из одного избирательного округа, губерния свыше 300 тысяч и до 500 тысяч жителей должна делиться на два избирательных округа, 500–700 тысяч жителей на три, 700–900 тысяч жителей на четыре и т.д. Города свыше 125 тысяч каждый выделяются для целей выборов из состава губерний и составляют один или несколько отдельных городских избирательных округов, образуемых на указанных для губерний основаниях.

Конечно, при разделении губерний на округа нужно по возможности пользоваться уже существующим делением губерний на уезды: два или три уезда могут быть соединяемы в один округ; один уезд может быть делим на два или три округа; но разные части различных уездов не должны составлять одного округа. При этой системе палата народных представителей должна состоять из 628 членов и быть, таким образом, второю по своему численному составу из ныне существующих соответственных палат (после английской палаты общин).

При такой системе деления округов приходится допустить колебания в численности населения округов в довольно широких размерах: от 125 до 300 тысяч жителей, но они являются совершенно неизбежным результатом, во-первых, чрезвычайного численного разнообразия нынешних административных единиц – губерний, областей и уездов, и во вторых, безусловной необходимости считаться с ними. Конечно, в будущем возможно изменение границ губерний и уездов, и в связи с ним неизбежно изменение границ и числа избирательных округов. Но пока приходится строить на том, что существует в наличности.

В самом деле, ведь заведование выборами лежит на органах самоуправления, приуроченных к определенным территориальным единицам.

Вполне сознавая неудобство и даже принципиальную неправильность неравенства избирательных округов, совершенно устранить его нет практической возможности; во всяком случае, оно по настоящему проекту далеко не достигает

1

Европейская Россия	724	В том числе городских	39
Польша	69		9
Кавказ	71		2
Сибирь	35		–
Средняя Азия	55		1
Итого	954 округа	В том числе городских	51

(прим. В. Водовозова).

тех размеров, как например, в Германии.

Выделение больших городов, достигающих низшей нормы избирательного округа, является требованием практического удобства.

Существует мнение, что города, будучи более культурными центрами, должны пользоваться некоторой привилегией сравнительно с деревней; например, при деревенском округе в 125–300 тысяч жителей города должны являться отдельными округами уже при 50 или 75 тысяч, и городской округ не превышает 150 или 200 тысяч жителей. Этот взгляд положен, между прочим, в основу проекта избирательного закона, напечатанного в № 180 «Русских ведомостей». Конечно, города культурнее деревень, и мы можем ожидать от них выборов, более соответствующих истинным требованиям времени. Так думаем и мы, но кто дал нам право наделять кого-либо преимущественными правами в зависимости от наших личных взглядов? Нельзя же забывать, что избирательное право во всех его практических применениях явится результатом ожесточенной борьбы. Стоит нам нарушить требования равенства и элементарной справедливости в интересах более культурных городов, как будет выставлено противоположное требование – преимущественных прав землевладения, имущества, деревни и т.д. в интересах устойчивости государственного порядка, незыблемости основ и т.д. и возражать на это требование будет трудно.

Распределение и установление избирательных округов для парламентских выборов должно быть производимо и изменяемо в законодательном порядке, т.е. самим парламентом, а в первый раз – Учредительным собранием. Разделение на округа для Учредительного собрания должно быть произведено тою властью, которая созывает Учредительное собрание.

IV. Избирательные участки

Избирательный округ с точки зрения избирательной техники, конечно, не представляет неделимого целого. Не могут избиратели из целого уезда, а тем паче из нескольких уездов, собираться в одно место для производства выборов. Для них избирательный округ делится на небольшие территориально (чтобы не затруднять избирателей необходимостью идти издалека) и небольшие по числу жителей (чтобы все могли успеть подать голос без излишней толкотни) избирательные участки, в которых и производятся выборы. Максимальная норма избирательного участка в Германии – 3500 жителей, следовательно, 700 (приблизительно) избирателей¹; в действительности участок почти никогда, даже в городах, не достигает и этой нормы; Берлин, состоящий из 6-ти избирательных округов, делится более чем на 700 избирательных участков; в среднем, следовательно, на участок приходится немного более 2000 человек, а в деревнях и того меньше. Норма эта принята в Германии; для нас она, конечно, слишком мала, так как потребовала бы затраты слишком большого количества сил на образование состава участковых избирательных бюро. Для определения нормы избирательного участка мож-

¹ При возрастном цензе в 25 лет и при голосовании исключительно мужском на 100 жителей приходится 20–21 лиц, имеющих право голоса; при голосовании обоих полов и при возрастном цензе в 21 год их должно быть около 50 (прим. В. Водовозова).

но руководствоваться следующими соображениями. Избирательная процедура должна по общему правилу длиться не более одного дня, в течение которого все избиратели должны успеть подать голос; следовательно, на участок должно приходиться не более 1250 избирателей. При голосовании мужчин и женщин старше 21 года на каждые 100 жителей приходится приблизительно 50 избирателей, следовательно, участок не должен по общему правилу превышать 2500 жителей¹. В действительности в городах он может достигать этой нормы; но в деревнях или, в особенности, на редко населенных окраинах он должен быть еще меньше по числу жителей, так как нельзя требовать, чтобы избиратели шли в избирательное помещение более, чем за 15–20 верст. Известный проект Избирательного закона Российской империи, о котором я говорил выше, счел нужным назначить также и минимальную границу избирательного участка, именно, 25 избирателей. Составители проекта, очевидно, руководились соображениями, что при меньшем числе фактически не может быть сохранена тайна выборов. Действительно, на Западе Европы принято по большей части, что в избирательном участке производится не только подача голосов, но и подсчет их, а если из избирательной урны вынуто всего 5, 10, 15 избирательных бюллетеней, то нетрудно бывает сообразить, кто как голосовал, и тайна голосования обращается в фикцию. Но это может случиться и в участке с 30, 35 или 40 лицами, имеющими право голоса. Представим себе, что из 40 избирателей подали голос только 10 (а это вполне возможно в глухих местах²); в таком случае после вскрытия избирательных конвертов и прочтения избирательных бюллетеней не трудно будет догадаться, как голосовал тот или другой избиратель. Чтобы предупредить такое обращение тайны голосования в фикцию, нет надобности во что бы то ни стало увеличивать размеры участка, для чего территориальные условия могут иногда представлять непреодолимые препятствия; вполне достаточно, если в участках, где подано менее 25 голосов, сколько бы там ни числилось лиц, имеющих право голоса, участковые избирательные бюро ограничились подсчетом общего числа избирательных бюллетеней и сверкой его с общим числом избирателей, подавших свои голоса. Затем оно должно отсылать эти бюллетени в окружное (или, пожалуй, в соседнее участковое) бюро, где они смешиваются с такими же бюллетенями, полученными из таких же других участков, после чего конверты могут вскрываться без всякого опасения: тайна голосования будет сохранена без стеснения практики излишней регламентацией закона. Из этого, конечно, не следует, чтобы такие микро-

¹ Я в своем проекте несколько удлиню (сравнительно с германским) время, в течение которого происходят выборы, именно, вместо 9 часов (с 10 утра до 7 вечера), предлагаю 12. В 12 часов 1250 избирателей могут подать голос, в особенности если принять во внимание неизбежный абсентеизм некоторой их части (прим. В. Водовозова).

² В Германии в 1871 г. голосовало всего 51% избирателей; но это средняя цифра по всей Германии; в отдельных округах она спускалась значительно ниже, доходя иногда до 19 % (в двух округах, именно Münster 2 и Oldenburg 2); лишь потом, начиная с 1874 г., абсентеизм избирателей стал заметно уменьшаться, однако, в отдельных округах он и в позднейшие времена был очень велик; так во 2-м Ольденбургском округе участие избирателей в выборах определилось в 1878 г. в 17,9 % – минимальная цифра, до которой падало участие избирателей в Германии. В Австрии оно бывает еще меньше, но там это объясняется отсутствием всеобщего голосования. Но и при наличии всеобщего голосования, если в целом округе участие избирателей может выразиться цифрой 17,9 %, то в отдельном участке в некоторых случаях оно может падать еще ниже (прим. В. Водовозова).

скопические участки должны были встречаться часто; ведь устройство каждого участка требует затраты сил нескольких человек, и потому участки с менее, чем 300 избирателей должны признаваться ненормальными, но по исключению возможными и даже необходимыми.

V. Легальные кандидатуры и их отсутствие

В Англии баллотироваться на выборах в парламент могут только люди, кандидатура которых выставлена, по крайней мере, десятью избирателями. Эта кандидатура должна быть заявлена избирательному бюро и официально опубликована. Если какой-либо избиратель тем не менее подаст голос за кандидата, в округе не выставленного, то его голос признается недействительным и никакого влияния на исход выборов не имеет. Если в округе предложена только одна кандидатура, то выборы не производятся и кандидат признается избранным без них.

В Германии, напротив, таких (легальных) кандидатур не существует. Кандидаты на выборах, конечно, тоже выставляются политическими партиями, но закон и избирательные бюро этих кандидатур не признают. Каждый избиратель волен подавать голос за кого ему угодно – как за кандидата выставленного, так и за кандидата не выставленного, и все голоса считаются одинаково.

И та, и другая система имеет свои преимущества и свои недостатки. Система легальных кандидатур вносит более строгую систему в избирательную процедуру и уменьшает, почти уничтожает число так называемых раздробившихся голосов, т.е. голосов, поданных за лиц, не выступивших в данном округе. Кроме того, при ней возможно представить кандидатам или поддерживающим их партиям известные права по контролю за процедурой выборов.

Зато в некоторых случаях она может излишне стеснять свободу избирателей. Кандидатом официально не может быть выставлено лицо, например, сидящее в тюрьме за тяжелое (с точки зрения закона) преступление. Между тем иногда население бывает заинтересовано в том, чтобы посредством подачи за него голосов выразить протест против ареста и осуждения политического деятеля. Конечно, если такое лицо будет избрано, то выборы будут признаны несостоявшимися и будут назначены новые. Но, тем не менее, протест состоялся и иногда даже достиг своей ближайшей цели.

Дорожа и той, и другой стороной избирательной процедуры, т.е. контролем за ней кандидатов и полной свободой избирателей, следует остановиться на системе смешанной; другими словами, следует признать систему легальных кандидатур (заявленных официально), но вместе с тем предоставить избирателям право голосовать и за лицо невыставленное.

Что за беда, что некоторое количество голосов упадет на таковое лицо, по большей части не имеющее шансов быть избранным, и пропадет без пользы для исхода выборов; это случилось бы и при строгом соблюдении требований легальных кандидатов, но только в другом смысле: те же голоса все-таки будут поданы за кандидата невыставленного, и разница будет только в том, что в последнем случае соответственные бюллетени будут просто признаны недействительными.

ми, – различие чисто статистическое, которое не имеет значения. Но отказаться от системы легальных кандидатур, в особенности для выборов в Учредительное собрание, мы не можем в силу того, что мы желаем при помощи легальных кандидатур создать особенную систему контроля за процедурой выборов и особенный орган для составления избирательных бюро.

VI. Избирательное бюро

Выборами заведуют особые органы: избирательные бюро, окружные (в округах) и участковые (в участках).

В задачи окружного избирательного бюро входит прежде всего разделение избирательного округа на избирательные участки. Затем на нем лежит контроль за деятельностью участковых избирательных бюро, далее окончательный подсчет и суммирование голосов, поданных за разных кандидатов, и, наконец, провозглашение результата выборов.

Составление избирательных списков, нахождение и приспособление помещений для избирательной процедуры, самое ее производство и в большинстве случаев, подсчет голосов, поданных в участке, лежит на участковом избирательном бюро (за исключением указанного выше случая).

Из кого же должно состоять и кем должно назначаться или избираться избирательное бюро? На этот вопрос сравнительно нетрудно ответить, пока он ставится в применении к парламентским выборам. Члены каждого избирательного бюро – а их должно быть не менее четырех в каждом бюро, так как присутствие должно состоять, по крайней мере, из трех и так как необходимо считаться со случайным отсутствием одного, – должны назначаться органами местного самоуправления, земствами и думами по принадлежности, и притом либо непосредственно общими собраниями земства и думы, либо, скорее, их исполнительными органами, т.е. управами. Так как округ является единицей, по большей части объединяющей в себе несколько уездов, то члены окружных бюро должны назначаться губернскими земствами (или в чисто городских округах городскими думами), опять-таки скорее всего в лице управ. Так как участок всегда меньше уезда, то участковые избирательные бюро должны назначаться уездными и городскими управами по принадлежности.

Но такой состав бюро будет возможен только тогда, когда по всей России будут существовать земские и городские учреждения, т.е. когда местное самоуправление будет распространено на всю Россию, а гарантировать беспристрастие в ведении дела он будет только тогда, когда думы и земства будут органами не «земли», а народа, не землевладения или иной собственности, а людей, другими словами, когда они будут избираться всеобщим и равным голосованием. Следовательно, надо думать, при действии нового режима. В настоящее время доверить назначение избирательных бюро нынешним думами было бы несколько рискованно, а там, где их нет, и невозможно. Хотя думы, а тем более земства вовсе несходны с ненавистной всем бюрократической машиной, но все-таки они в настоящее время являются избранными лишь одной и притом небольшой части населе-

ния. Возложение на них этой важной функции неизбежно заставит значительную часть населения относиться к будущим избирательным бюро с известным недоверием, что само по себе подорвет их значение и может направить на неправильную дорогу.

Следовательно, для выборов в Учредительное собрание необходимо изобрести другую систему. Во всяком случае, мы должны создавать избирательное бюро из имеющегося в наличности или ожидаемого с уверенностью материала. Кому же должны мы доверить обязанность составлять его?

Волей-неволей мы должны поручить нынешним земствам (в городах думах) назначение председателей окружных бюро, потому что председатель окружного избирательного бюро открывает избирательный период в данном округе и, следовательно, должен существовать как определенное должностное лицо до их начала. В губерниях, где не существует земства, назначение председателей избирательного бюро нужно поручить непосредственно той власти, которая будет созывать Учредительное собрание. Но для того, чтобы гарантировать беспристрастие избирательного бюро, мы должны пополнить его состав членами, назначенными или выбранными как-нибудь иначе.

Вот тут-то нам и приходят на помощь установленные нами легальные кандидатуры. Председатель окружного избирательного бюро назначается за 2 месяца до выборов. Не более, чем за 7 недель до выборов ему должны быть сообщены имена всех кандидатов, выставляемых в данном избирательном округе. Каждая группа избирателей, которая выставляет кандидата (т.е. фактически каждая политическая партия, так как группы избирателей, рекомендуемые кандидатов, действуя не от имени партий, могут являться лишь в виде редкого исключения) назначает также и одного или двух членов окружного избирательного бюро и сообщает председателю бюро их имена. Председатель избирательного бюро приглашает их на общее совещание, и окружное избирательное бюро, таким образом, готово. Оно состоит, следовательно: 1) из председателя, назначенного либо земством или думой, либо властью, созывающей Учредительное собрание, и 2) из трех или более членов, являющихся представителями всех борющихся в данном округе партий. Избирательное бюро, следовательно, составлено с возможным беспристрастием.

Неудобств такого составления избирательного бюро отрицать нельзя. Прежде всего неудобно составлять немногочисленное собрание из людей, быть может, друг друга ненавидящих и во всяком случае друг другу политически враждебных. Далее, такое избрание допускает возможность злоупотреблений. Какая-нибудь партия, например, консервативная, выставит в каком-нибудь округе фиктивным образом 20 своих кандидатов. За 19 из них она не будет вести агитации, и потому эти кандидаты будут для нее безвредны в смысле отвлечения голосов от главного кандидата. Но зато она получит возможность заполнить избирательное бюро 20 своими сторонниками, которое, таким образом, будет органом всего одной партии. Конечно, враждебная ей партия может нейтрализовать эту махинацию совершенно таким же способом, но вряд ли подобные приемы могут содействовать возвышению достоинства политической борьбы.

С этим, однако, приходится мириться, потому что всякое иное бюро в настоящее время неизбежно будет возбуждать недоверие.

Участковые избирательные бюро должны составляться таким же способом: председатель должен назначаться окружным избирательным бюро, если же оно не сможет сойтись на одном лице, то его председателем, а члены – теми же партиями или группами, которые выставили своих кандидатов.

VII. Избирательные списки

Избирательные списки, на основании которых производятся выборы, являются в большинстве государств постоянными; они пересматриваются раз в год в определенные месяцы года; обязанность их ведения лежит на органах местного самоуправления. В других странах избирательные списки составляются заново перед каждым выборами, и обязанность их составления лежит на избирательном бюро. Нет никакого сомнения, что постоянные списки имеют большее преимущество перед списками, составленными *ad hoc*¹, конечно, при условии, чтобы они, кроме ежегодной проверки, еще раз проверялись, пополнялись и исправлялись перед самыми выборами. Перемены в составе народонаселения, происшедшие в течение года, сравнительно незначительны, и пересмотр списков при таких условиях сравнительно легок. Мы думаем, что и для России для парламентских выборов нужно остановиться на этой системе. Она тем удобнее, что пересмотр списков при ней лежит на обязанности постоянно функционирующего учреждения, имеющего связь с данной местностью и поневоле принужденного следить за всеми переменами, происходящими в ее жизни. К тому же, те же списки могут служить и для других целей: для местных выборов и для составления списков присяжных заседателей.

В настоящее время, однако, таких списков еще нет. Их следует, стало быть, не исправить, а составить в первый раз. Постоянно действующие органы, которые могли бы совершить эту работу, существуют в одной части России, следовательно, составление списков должно быть приурочено к моменту Учредительного собрания и поневоле возложено на тот орган, который будет заведовать вообще процедурой выборов...

VIII. Время выборов

Выборы должны происходить непременно в один и тот же день во всем государстве. Так это принято повсюду, где избирательная система построена на вполне демократических основах. Когда выборы назначаются в разные дни в различных частях государства, как это имеет место в Англии и в Австрии, то они происходят не в равных условиях. В местностях, где выборы начинаются, их результат в остальной части страны еще неизвестен; в других местностях, где они назначаются под конец, он уже известен, и выборы происходят поэтому под действием фактора, который не существовал в округах, стоящих на первой

¹ Специально (*лат.*).

очереди, но который в то же время может оказать сильное влияние на исход выборов. Право назначать выборы в разные сроки дает, таким образом, власти в руки некоторое орудие воздействия на них, пользуясь которым она может влиять на исход выборов.

Выборы должны происходить, по общему правилу, не более одного дня. Это обуславливается уже тем, что непрерывное заседание, с возможностью отлучаться лишь на самые короткие сроки и только по очереди, в течение 12 часов подряд в один день и еще раз 12 часов подряд в следующий день может оказаться непосильным для избирательного бюро. Если выборы делятся 12 часов с 8 часов утра до 8 часов вечера и если при этом они назначены на воскресный день, как это имеет место во Франции, в Швейцарии и многих других странах, и как оно должно быть в интересах правильности выборов, то срок этот достаточен, чтобы все или почти все, кто желает, подали свой голос.

Перебаллотировки в большей части стран назначаются через неделю после выборов. Громадность расстояний в России делает необходимым удлинение этого срока, по крайней мере, если выборы будут происходить повсеместно. Даже в Германии с ее густым населением и с ее хорошими путями сообщения результаты выборов в некоторых более глухих местностях делаются известными лишь на второй, на третий и иногда даже на четвертый день после выборов. В России получить сведения из всех участков можно будет лишь через несколько дней; через несколько дней, следовательно, можно рассчитывать установить общие результаты избрания в данном округе. Между тем, к перебаллотировке нужно готовиться точно так же, как и к главным выборам, и поэтому трехнедельный срок нам не кажется чрезмерным. Не забудем, что, например, в Амурской области более отдаленные деревни отстоят от Благовещенска более чем на 600 верст, при путях сообщения, в некоторые месяцы года совершенно непроездных.

Для выборов в Учредительное собрание на такие местности, как Амурская область, мы права голосования не распространяем. Поэтому мне кажется возможным сокращение этого срока до 2 недель.

IX. Порядок выборов

Для выборов приспособляется помещение, всего удобнее в школе, в камере судьи или вообще в каком-либо присутственном месте, наконец, и в частном доме. В избирательном помещении должен висеть на видном месте список кандидатов, выставленных в данном округе, с подписями рекомендовавших каждого из них лиц, и только; все предметы пропаганды, как то: прокламации и манифесты партий или их кандидатов, должны быть безусловно запрещены в нем, так же как произнесение речей, и какие бы то ни было приемы убеждения или уговаривания избирателей. Но все это вполне и безусловно допускается перед избирательным помещением, где могут стоять агенты партий, предлагая каждому входящему напечатанные бюллетени с именем их кандидата.

В избирательном помещении должен находиться баллотировочный ящик или урна с узким отверстием для вбрасывания в него избирательных бюллетеней.

ней в конвертах: ящик, напоминающий почтовые ящики. Хотя избирательные бюллетени должны вкладываться в конверты, но все-таки собирать эти конверты на открытой тарелке или в шапках значит оставлять место для подозрений по адресу бюро во всякого рода недобросовестных приемах (скрадывании одних, подбрасывании других бюллетеней).

Кроме того, в избирательном помещении должно находиться одно, два или три особых отгороженных ширмами помещения. Там не должно быть никого, и вход туда должен быть только один – из общей избирательной комнаты. Входя в общее помещение избирательного бюро, избиратель громко называет свою фамилию. Бюро справляется в избирательном списке, имеет ли он право голоса в данном участке и не является ли он сюда уже вторично, отмечает в избирательном списке об его явке и затем вручает ему особенный конверт с казенною печатью. Избиратель удаляется за ширмы, там вкладывает свой избирательный бюллетень в конверт и затем передает его председателю, который на глазах у всех опускает его в урну.

При таких предосторожностях, и только при них, голосование является действительно тайным. Если нет такого закрытого помещения, то я могу вручить избирателю, входящему в комнату, свой избирательный бюллетень и потребовать от него, чтобы он дошел до избирательного ящика, держа этот бюллетень в своей руке. Я всегда имею возможность следить, не подменил ли он его другим. Между тем, если избиратель обязательно должен зайти за ширмы, то у меня уже не будет ни малейшей уверенности в том, что он действительно положит в конверт тот бюллетень, который я ему вручил, а не другой, принесенный им из дома или написанный там же, за ширмами, вне надзора бдительного ока человека, желающего произвести давление на совесть избирателя.

В России на земских выборах установилась система баллотировки шарами. Всякий, кому приходилось иметь дело с этой системой, знает, что она, во 1-х, отличается крайней медленностью, во 2-х, в большинстве случаев дает возможность следить за тем, как баллотирует избиратель, и даже производить на него давление окриками: «суй направо», «суй налево», и в 3-х, наконец, что при ней иногда 2 или 3 человека одновременно получают большинство белых [шаров]. Из всех парламентских стран только Греция и Сербия до сих пор держатся баллотировки шарами, но и там она уже осуждается общественным мнением и, вероятно, доживает свои последние дни. Всюду принята система голосования избирательными записками (называемыми обыкновенно избирательными бюллетенями), и она же должна быть принята и у нас. В особенности она является необходимой, если признать право каждого избирателя голосовать и за человека, в данном округе кандидатом не выступающего.

Безграмотность населения нисколько, конечно, не мешает баллотировке записками. Ведь у всякого безграмотного мужика и у всякой безграмотной бабы есть сын-школьник или дочь-школьница, которые могут написать записку. У всякого, наконец, есть знакомые, на которых он может положиться. Наконец, в этом нет никакой надобности: избирательные записки, хотя по закону они могут быть писанными, в действительности почти никогда не пишутся: они печатают-

ся и раздаются избирателям агентами партий. Они раздаются массами во время предвыборной агитации и вновь раздаются в день выборов перед самым избирательным помещением. Избирателю нужно только запомнить, что в правый карман он сунул бюллетень кандидата А, а в левый карман бюллетень кандидата Б, и когда он пойдет за ширмы, положить в конверт именно тот бюллетень, который для него желателен.

Но закон неизбежно должен обставить внешнюю форму бюллетеня очень точными и чисто формальными требованиями и строго требовать их соблюдения. Бюллетени должны писаться или печататься непременно на белой бумаге; на них должно быть написано или напечатано имя кандидата, его звание, пожалуй, его адрес; но всякие другие надписи, замечания, пометки строго запрещаются; простой крестик, черта, которою подчеркнута имя кандидата, или даже клякса неизбежно делают бюллетень негодным.

Это объясняется тем, что всякие внешние знаки могут быть знаками условными, долженствующими показать кому-нибудь, как голосовал данный избиратель, и засвидетельствовать, что он исполнил свое обещание голосовать за то или другое лицо. Бюллетень с таким знаком неизбежно вызывает подозрение в том, что за ним стоит или подкуп, или какая-нибудь другая форма давления на избирателя, и потому, рискуя забраковать несколько бюллетеней, на которых эти знаки оказались случайно, законодатель должен строго запрещать их. Несмотря на всю строгость германского, швейцарского и других государств в этом отношении, число бюллетеней, признаваемых негодными, везде исчисляется всего только десятными долями одного процента, следовательно, население легко приспосабливается в этом отношении к требованиям закона при всем их кажущемся формализме. Но имя кандидата на записке может быть зачеркнуто и сверху написано имя другого; это приходится допустить, так как в силу разных обстоятельств избиратель может иметь в руках лишь один бюллетень, и ему должно быть предоставлено право заменить нежелательное ему имя именем желательным.

Все производство выборов, конечно, должно совершаться при открытых дверях под контролем общественного мнения. Каждый имеет право доступа в избирательное помещение, и по окончании выборов каждый имеет право требовать занесения в протокол его указания на ту или иную неправильность. По окончании выборов в том же участковом бюро, а в исключительных случаях в окружном бюро, производится подсчет голосов. Потом итог подсчета вместе со всеми материалами, как то: избирательными бюллетенями, протоколом, протестами и возражениями – препровождается в окружное избирательное бюро, которое суммирует полученные им данные и провозглашает результат выборов.

Если на имени какого-нибудь кандидата сосредоточилось абсолютное большинство всех поданных и признанных действительными голосов (т.е. за исключением записок, признанных недействительными, которые подсчитываются особо и в общий счет поданных голосов не вводятся), то результат выборов не возбуждает сомнения. Если голоса раздробились между тремя, четырьмя или более кандидатами, то назначается перебаллотировка между двумя первыми по числу поданных голосов кандидатами, которая производится в том же порядке; только

к недействительным бюллетеням на этот раз причисляются также все те, на которых стоит имя кандидата, на перебаллотировку не поставленного.

Весь избирательный период может, таким образом, длиться: для выборов в парламент около 4 месяцев, для выборов в Учредительное собрание около 10 недель.

Х. Издержки выборов

Издержки выборов естественно делятся на две группы: на издержки, производимые общественными учреждениями – правительством, земством и думами, избирательным бюро и т.д., с одной стороны, и издержки, производимые кандидатами и политическими партиями. В Англии до сих пор все издержки падают на кандидатов, в том числе, издержки по приспособлению избирательных помещений; эти последние и тому подобные издержки делятся между выступающими кандидатами поровну. Это является очень печальным остатком старины, крайне несправедливо стесняющим свободу выставления кандидатов и свободу избирательной борьбы. Само собою разумеется, что все издержки по найму, если таковой понадобится, и приспособлению помещений, по устройству избирательных урн, по печатанию списков кандидатов и конвертов, бланков для протоколов и избирательных списков должны падать на общественные учреждения, т.е. на правительство или на земства и городские думы, ни в каком случае не на кандидатов или не на партии.

Напротив того, возложить на правительство или на земство издержки самой избирательной агитации в настоящее время не представляется возможным. Быть может, в отдаленном будущем это и будет достигнуто. Но теперь для этого нет никаких прецедентов в жизни Западной Европы, которые могли бы указать способ определения таких расходов. Статистика избирательных издержек всего лучше ведется в Англии, где они падают на кандидатов, но где, вместе с тем, они контролируются и где законом 1883 г. указан определенный максимум этих издержек, колеблющийся в силу различных местных условий между 1000 и 2000 фунтов стерлингов. Но и там чисто личные расходы кандидата (по его разъездам и т.п.) не подлежат контролю, а они бывают очень значительны.

Таким образом, мы не знаем, во что могут обойтись будущие выборы борющимся партиями. Имеющиеся на этот счет сведения слишком отрывочны и случайны. Мы знаем, например, что выборы 1898 года обошлись в Германии социал-демократической партии в 750 000 марок, т.е. по $7\frac{1}{2}$ пфеннигов на каждого избирателя, записанного в избирательные списки, по 10 пфеннигов на каждого избирателя, подавшего голос, и приблизительно по 35 пфеннигов на каждого избирателя, подавшего голос за социал-демократа. Это, конечно, крайне мало и объясняется только громадным количеством дарового труда, который был истрачен социал-демократами на этих выборах. Но затем и в эту сумму не вошли расходы, произведенные, например, редакциями газет. Вероятно, вошли далеко не все расходы, произведенные местными социал-демократическими комитетами. Кроме того, в России, благодаря русским расстояниям, издержки, вероятно, будут

значительные. Но против принятия избирательных расходов на счет казны или земств, кроме этой невозможности определить не только размеры расходов, но и различные формы этих расходов, так сказать, статей выборного бюджета, говорит также то, что иногда могут являться под видом партий прямо группы людей, которые будут видеть в возмещении своих избирательных расходов не что иное, как оригинальный способ заработка. Провести грань между такими агитаторами и агитаторами действительными вряд ли возможно, по крайней мере, теперь.

Мы не сомневаемся, что деньги на выборы найдутся: все равно, будут ли они падать на общественные учреждения или на политические партии, они в конечном счете будут выплачены тем же народом, но в данном случае форма выплаты их в виде добровольных пожертвований в партийные кассы нам кажется более правильной. Во всяком случае результаты выборов окупят для народа с лихвой все эти издержки.

XI. Кассация выборов

Избирательная процедура, как мы видели, во всяком случае, отличается значительной сложностью; во время нее возможны и невольные ошибки, и сознательные злоупотребления. Необходимо, следовательно, чтобы какой-нибудь авторитетный орган контролировал всю эту выборную процедуру и кассировал выборы там, где они произведены неправильно, назначая взамен их новые выборы. В большинстве стран обязанность проверки выборов и право их кассации лежит на самих парламентах. Но английский парламент не так давно изъял эту функцию из своего ведения и возложил ее на суд, и для этого он имел свои, весьма серьезные основания. Проверка выборов требует всего доступного человеку и человеческому учреждению беспристрастия и беспартийности. Таковых от парламента мы ожидать не можем; не они составляют его достоинство. И действительно, парламент лишь в редких случаях оказывается на желательной высоте для этой функции. Где бы мы ни просматривали историю проверок и кассации выборов, мы везде наталкиваемся на крайнее пристрастие и узкую партийность. Стоит вспомнить кассацию избрания социал-демократа Генриха Брауна германским рейхстагом в 1904 г., чтобы убедиться, что даже парламент, избранный всеобщей подачей голосов и притом в стране, уже сравнительно давно живущей политической жизнью, может прибегать к самым смехотворным мотивам для кассации избрания человека, принадлежащего к несимпатичной большинству партии. С другой стороны, бог весть, кассирует ли тот же рейхстаг выборы, произведенные в июле 1905 г. в девятом Ганноверском округе, произведенные с самым грубым давлением со стороны председателя избирательного бюро на избирателей, но окончившиеся торжеством национал-либерала.

Конечно, все человеческие учреждения страдают недостатками и совершенных между ними нет. Но, во всяком случае, суд является учреждением более пригодным, где дело идет о восстановлении нарушенного права. Ввиду этого мы считаем совершенно правильным возложить обязанности по проверке выборов и право их кассации на суд, конечно, на высшую судебную инстанцию в государ-

стве, безразлично, называется ли она сенатом, кассационным судом или верховным судом.

Но если суд в стране, где он организуется и действует на тех же началах, как и парламент, и именно на началах демократических, может считаться более пригодным для этой функции, чем сам парламент, то это неприменимо там, где суд организован на каких-нибудь архаических устоях. Ныне существующий в России суд не возбудил доверие к своему беспристрастию ведением судебного следствия и приговорами в Гомельском, Кишиневском и других т.п. процессах. Если бы мы первые выборы членов будущего Учредительного собрания предложили на утверждение нынешних судов, то, конечно, мы этим открыли бы двери всевозможному произволу. Мы допускаем возможность возложения на суд этой функции только при условии суда истинно народного, следовательно, суда, построенного на тех началах, на которых должна быть построена будущая конституция. При всех недостатках системы проверки выборов тем самым органом, избрание которого подлежит проверке, при том неизбежном условии, что в нем заседают и участвуют в проверке выборов люди, избрание которых еще оспаривается, она все же лучше, чем проверка выборов, произведенная совершенно бюрократическим органом. Итак, проверка выборов в будущее Учредительное собрание может быть возложена только на него самого, как это имело место почти во всех Учредительных собраниях в истории.

*Публикуется по изданию:
Правовое государство и всенародное голосование.
[К реформе государственного строя России].
Вып. II. СПб., 1906. С. 91–142.*

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

1905 г.

I

Когда впервые возникла в мире представительная система, – а этот факт, как известно, не восходит далее середины XIII столетия в Англии, и нескольких поколений ранее в Испании, – никому и в голову не могло прийти, что право голоса будет признано когда бы то ни было и где бы то ни было за кем или чем-либо, кроме населения. Руководящие круги, как в оппозиции, так и среди правительства, давали себе отчет в том, что местные жители лучше других призваны судить о местных нуждах и о тех средствах, которые позволяют им с наименьшими жертвами содействовать правильному ходу государственной жизни. Призывные письма, посылаемые от имени короля губернаторам провинций, говорили поэтому об избрании всем свободным населением «лучших и наиболее проникнутых законностью людей из соседства».

О том, что эти лица должны быть собственниками и что право представительства признается не за людьми, а за известными конгломератами имуществ, не было и речи. Эта идея так же чужда была Франции, как и Англии. Городские выборы производились на городском сходе, при участии всего населения, точь-в-точь как сельские – на сходах свободного люда, собранного в центре административного округа. Когда впервые заходит речь об имущественном цензе, что в Англии воспоследовало не ранее XV столетия, эта мысль опять-таки вызвана была не желанием призвать одни имущественные классы к участию в делах страны, а тем расчетом, что неимущим труднее будет нести издержки перемещения и связанную с ним трату времени – последствия, необходимо вытекающие из невозможности отбирать голоса иначе, как в известных центрах. Дороги были плохи, сообщения – редки; сельские работы в страдную пору не допускали перерыва. Население жаловалось на трудность нести службу присяжных заседателей. В конце XIV века, снисходя к его ходатайствам, освободили лиц, не имевших земельной собственности с доходами в 30 шиллингов, что считалось в это время достаточным обеспечением от обязанности являться на судебные сессии для участия в следствии и разбирательстве в качестве обвинительного и судебного присяжного¹. В XV веке та же льгота была распространена и на службу в роли сельского

¹ В Англии присяжные, как известно, судят не только уголовные, но и гражданские дела. Мало этого, они подают голос и в пользу или против открытия судебного преследования против нарушителей мира, т.е. в случаях уголовной подсудности (прим. М. Ковалевского).

или городского избирателя. Не имеющие собственности в размере 40 шиллингов годового дохода освобождены были от необходимости являться на выборы. В таком факте нельзя, разумеется, искать зарождения мысли, что парламент должен быть представительством не лиц, а имуществ. Городская олигархия, завладевшая с XV, и в особенности, в XVI веке, самоуправлением города, сумела захватить в свои руки выбор городских депутатов, которые с этого времени сделались уполномоченными от муниципальных советов. Но и в этом опять-таки нет намека на то, что законодатель видит в представительной системе средство обеспечить охрану одних имущественных интересов той или другой категории.

Лица, причастные к этим интересам, могли делать все от них зависящее, чтобы свести представительство городских жителей к представительству одной цеховой олигархии, но такое извращение принципа представительства населения еще не дает права говорить о том, чтобы парламент сознательно стремился перейти к выражению интересов и требований, предъявляемых имущественными конгломератами, скажем, крупной земельной собственностью, торговым капиталом, фабриками и заводами, банками и т.д. О назначении уполномоченных от оптовых торговцев, от пивоваров или виноделов, от биржи и кредитных компаний также мало заходит речь в истории английского представительства, как в истории французского, немецкого или итальянского. Сословная монархия – самое большее – обеспечивает известный перевес в выборах землевладельцам, но вовсе не как таковым, а как членам служилого сословия, вознаграждаемым правительством наиболее распространенною в то время ценностью – землею, в форме бенефиция или поместья. Так было одинаково и на Западе, и у нас. Земские соборы заключают в себе немало представителей от служилых людей, владеющих не только вотчинами, но и поместьями, т.е. землями, данными им в пользование на срок службы. В этом смешении двух различных вещей – представительства служилых людей, обеспеченных землею, с представительством недвижимой собственности как таковой, по всей вероятности, и скрывается зародыш того странного извращения понятий, по которому в глазах наших революционных консерваторов внутренний мир и спокойствие в государстве при представительной системе могут быть обеспечены одним только признанием права представительства не за лицами, а за имуществами, не за населением, а за различными видами ценностей, ценностями недвижимыми и движимыми, землями и домами, торговыми, промышленными и кредитными предприятиями.

Другой источник тех же заблуждений лежит, несомненно, в том, что когда на Западе возникла мысль об установлении критерия для сознательного отношения избирателя к пользованию своим голосом, этот критерий стали искать не в получении образования, а в его внешнем условии, известной имущественной обеспеченности. Когда во Франции в эпоху Учредительного собрания, выборы в которое произведены были на начале всеобщего голосования, партия порядка, проникнутая англomanией, стала задаваться целью оградить будущие собрания от влияния невежественной черни, она остановилась на несчастном решении, что образование возможно только для лиц, владеющих собственностью и, соответственно, известным минимальным доходом, позволяющим государству взимать с них

прямой налог в размере трехдневной заработной платы. Имущественный ценз был сравнительно невысок, его установлением преследовалась не задача дать представительство одним экономическим интересам отдельных групп владельцев, а самое обеспечение голоса за людьми, сознательно относящимися к своим гражданским обязанностям, ввиду получения ими некоторого образования.

В сочинениях сторонников такой системы, например, в известном трактате Неккера, прямо проводится тот взгляд, что имущественный достаток служит указателем получения лицами, им владеющими, необходимого образования.

Та же мысль проводится и лучшим теоретиком начала конституционного права в эпоху реставрации – Бенжаменом Констаном. Даже поздние противники всеобщего голосования во времена Июльской монархии противопоставляли ему не циническое заявление, что одни собственники заинтересованы в правильном действии государственной машины, а то соображение, что право голоса должно быть признано за лицами, способными относиться к нему сознательно. Это положение лежит в основе той системы, какую во Франции обозначали терминами «*systeme des capacites*»¹ и которая еще недавно находила сторонников в Бельгии при пересмотре в 1893 г. некоторых параграфов ее конституции. Система эта доселе держится в Англии, несмотря на ряд избирательных реформ, проведенных в ней в течение XIX столетия. Критерий, введенный ею для определения имущественной состоятельности, позволяющей получить образование, постепенно понижился. Его связали сперва с недвижимой собственностью, обложенной известным налогом. Со временем к этому условию присоединили другие: владение домом, а еще позднее – снятие в аренду недвижимой собственности при известном размере арендной платы и съем квартиры при известном размере квартирной платы. Издавая все эти нормы, законодатель никогда не имел, таким образом, в виду создать тем самым систему представительства не лиц, а имуществ. Одно грубое извращение основных понятий конституционного права позволяет видеть задачу народного представительства в том, чтобы дать голос в делах страны крупной собственности и капиталу.

Идея представительства не лиц, а имуществ зародилась в другой сфере – в сфере местного самоуправления. Его задача в значительной степени сводится к равномерному распределению издержек по местному хозяйству между владельцами недвижимой собственности и капитала. При проведении дорог, каналов, постройке мостов, ирригации, ассенизации и т[ому] под[обного] принимается во внимание не только благодетельствование всего края, а следовательно, и всех живущих в нем, этим усовершенствованием внешних условий жизни, но и распределение затрат, вызываемых им, в форме наименее отяготительной, наименее тормозящей развитие местных производств и местного потребления. При таких условиях принцип, по которому никто не должен быть облагаем без открыто выраженного согласия его самого или его уполномоченных, потребовал представительства в местных земствах владельцев недвижимой и движимой собственности и, по возможности, кредитных, торговых и мануфактурных предприятий.

Провинциальные собрания, как они задуманы были Тюрго и проведены в не-

¹ Система правоспособностей (франц.).

сколько измененном виде Неккером, отвечали этому началу представительства имущественных групп, а не населения. Они явились, можно сказать, наиболее ранним выражением этой мысли, чуждой провинциальным штатам Франции старого порядка в такой же степени, как и местным ландтагам Германии и других стран континента. В одной только Англии местное представительство сразу приняло характер представительства имущественных классов, и прежде всего, класса земельных собственников. Объясняется это тем, что в ней лица, управляющие даром обязанности мировых судей и вербуемые из числа местных сквайров, землевладельцев, на своих четыре раза в год повторяющихся съездах, начиная уже с XIV века, стали заведовать вопросами местного хозяйства. Эта практика продолжалась до последнего времени, до момента созвания избирательных советов от графств в последней четверти XIX века.

Под влиянием согласного примера Англии и континентальной Европы и наши земские учреждения построены были на принципе представительства имущественных интересов. Закон 1864 года дает особое представительство частным собственникам и особое мирским владельцам в селах; в городах же отдельных избранных имеют домовладельцы и вообще те, в чьих руках сосредоточиваются городские участки.

Закон 1864 г. подвергся значительным искажениям в 1890 г., но о них не будет здесь речи, так как в сознание самих консерваторов проникло убеждение в необходимости вернуться к руководящим нормам земского устройства, как они были поняты императором Александром II и его ближайшими сотрудниками. В России, где особенно в первые десятилетия, следовавшие за освобождением крестьян, не сложилось еще сельского пролетариата, представительство мирских владельцев совпадает более или менее с представительством всего крестьянства, но в странах, в которых, как напр., в Швейцарии, мирские земли, или т[ак] наз[ываемые] альменды, сосредоточились уже в руках меньшинства старых поселенцев, явилась необходимость обособить, даже в сфере общинного управления, заведование мирскими имуществами от заведования всеми другими интересами общинной жизни. В первом принимают участие только нераздельные владельцы альменды; во второй – все жители общины, без различия старых и новых поселенцев¹. Соответственно этому и земское представительство не построено в Швейцарии на идее представительства одних имуществ, а не лиц. Политическое же представительство никогда не имело в виду быть чем-либо другим, как представительством населения. Из всех стран Европы одна Австрия особенно должна интересовать нас в данном вопросе, так как она одна – и, говоря это, я разумею лишь немецко-славянскую ее половину, а не Венгрию, сделала ошибку перенести принципы, положенные в основу местного или земского представительства и на систему представительства общего. В Цислейтании, в состав которой входят, с немецкими провинциями, и Богемия, и Галиция, нижняя палата – палата депутатов – составлена из представителей пяти избирательных классов: из депутатов крупных земельных собственников, городов и портов, торговых палат, сельских общин и,

¹ Отсюда противоположения двоякого вида общин, встречающихся в одних и тех же местах: так называемой политической общины (politische gemeinde), обнимающей всех жителей, и общины старых бюргеров, владельцев мирских земель (Bürgergemeinde) (прим. М. Ковалевского).

наконец, пятого класса, в который включено все прочее население, следовательно, лица, не обладающие значительным достатком и живущие заработком, за исключением одной домашней прислуги¹. Нельзя сказать, чтобы пример цислейтанского рейхсрата, в котором шумные сцены, ознаменованные ругательствами и побоями, часто повторяются, мог служить доказательством той мысли, дорогой нашим охранительным сферам, что представительство имущественных групп взамен представительства населения может считаться серьезной гарантией внутреннего мира и порядка, залогом тому, что парламент будет всегда проводником «уравновешенной свободы». За исключением Цислейтании я тщетно ищу в целом мире того извращения конституционных принципов, которое позволило бы народному представительству переродиться в представительство имущественных групп. История высказалась, таким образом, совершенно определенно по вопросу о природе и целях, преследуемых представительным устройством. Эта цель и в наши дни, как столетия назад, состоит в том, чтобы обеспечить законодательству, налоговому обложению страны и общему руководству ее внутренними и внешними делами участие и совет лучших людей, проникнутых сознанием необходимости закономерных действий, людей, посланных местным населением из своей среды, вполне заслуживающих его доверие и потому свободных в выборе тех средств, которыми, по их разумению, может быть всего лучше обеспечено общее благо. Стоит сойти с этой точки зрения и приурочить представительство к различиям интересов, национальных или имущественных, сословных или классовых, чтобы обратить собрание депутатов не в совет людей, ищущих согласного решения общих дел страны, а в «пандемониум»² животных страстей, порождаемых себялюбивыми частными интересами, стремящимися не к примирению, а к одностороннему владычеству. Создать такой «пандемониум», очевидно, не может входить в виды действительных охранителей. К нему можно прийти только под двумя условиями: или благодаря совершенному непониманию природы народного представительства, или при сознательном желании сделать невозможным его мирное функционирование.

В самом деле, не будут ли неизбежные распри между представителями имущественных интересов, заседающими в палате, а также глухая и явная ненависть к ним непредставленных классов, лучшим условием для того, чтобы воочию доказать, что не знающая контроля власть одна может сдерживать воедино расползающиеся во все стороны части того «Левиафана», того мифического гиганта, который, протянувшись на землю, обнял своими конечностями и Балтику, и Тихий океан, и Черное, и Азовское моря, вплоть до Тибетского плоскогорья и горных вершин Манчжурии. Я далек, впрочем, от мысли, что эти расчеты определяют собою отношение наших руководящих сфер к разбираемому здесь вопросу. Я более склонен думать, что и на этот раз незнание – источник их софизмов. Революционный консерватизм, о котором писал еще Юрий Самарин, всегда имел в невежестве свое объяснение, если не оправдание.

¹ См. конституционный закон, изменяющий закон 26 февраля 1861 г. об имперском представительстве (закон 21 декабря 1867 г.), § 7, с изменениями, внесенными в него законом 2 апреля 1873 г. (прим. М. Ковалевского).

² Столица Ада в поэме Мильтона «Потерянный Рай».

II

С установленных нами точек зрения рассмотрим узаконения 6 августа 1905 года, спросим себя, что такое вновь создаваемая Государственная дума и какова ее роль при Государственном совете? Очевидно, прежде всего, что Государственная дума не есть представительство населения, а представительство имущества. Она построена на том же начале, на каком опираются наши земские учреждения. Подумаешь, что в ней, как и в последних, речь может идти главным образом о распределении тягостей, повинностей и налогов между теми, у кого есть достаток. Как в земских учреждениях, так и в Государственной думе, должны быть, по мысли законодателя, представлены все виды имущества, коллективные наравне с индивидуальными, движимые наравне, но несравненно в меньшей степени, чем недвижимые. Законодатель обчелся, однако, и проглядел далеко не один вид имуществ, как движимых так и недвижимых, отметим, напр[имер], совершенное упущение им имуществ, приуроченных к потребностям университетов и других высших учебных заведений, научных и художественных академий. Тогда как духовенство ввиду владения им не на личном, разумеется, праве, а в силу должности, церковными землями, призвано участвовать в выборах, другие духовные руководители наши, принадлежащие к составу учреждений, владеющих имуществами, не получают права быть избирателями и выборщиками. Подумаешь, что Россия так богата научными силами, что в хоре голосов земли русской всегда будет звучать голос науки и художественного творчества и, помимо участия в составлении этого хора, высших представителей знания, которых, очевидно, всякая страна спешит собрать в своих академиях и в своих высших образовательных учреждениях.

Моммзен, Гельмгольц, Гнейст, Вирхов, не переставая быть профессорами, могли заседать в германском рейхстаге и прусском ландтаге, без ущерба для науки и не подвергая опасности искренность мнений, подаваемых народными представителями, но в русской Государственной думе нет места ни для академика Маркова, ни для профессора Меншуткина, так как они признаны средостением. Ведь получают же они жалованье за читаемые ими лекции?

Русский законодатель уплатил дань археологии права, обеспечив решительный перевес представительству недвижимой собственности над движимой. В феодальную эпоху, когда зарождались палаты делегатов от сословий, главной ценностью была земля. Воина и королевского советника отдавали поместьем и к поместью же обращались, как к избирательной единице. Но что хорошо было в XIII и XIV столетиях, то едва ли не является анахронизмом в наш индустриальный век; ведь есть фабрики, есть заводы, и наша промышленная политика в течение четверти столетия приучила нас думать, что их размножение так необходимо для нашего благополучия, что им можно принести в жертву все невыгоды, проистекающие от высоты таможенного тарифа и от международной борьбы пошлинами. Но фабрики и заводы, очевидно, действуют не потому только, что предприниматели и капиталисты, русские и иностранные, готовы поместить свои сбережения в выгодных предприятиях, – без приложения к ним труда рабочих

фабрики стояли бы запечатанными и их машины покрывались бы ржавчиной и становились бы негодными для дела. Наши протекционисты убеждены в этом не меньше нас. К чему бы, в противном случае, оглашать им собрания техников и инженеров громкими речами о выгодах, извлекаемых из нашего промышленного роста русским трудящимся людом? И вот почему нас поражает, что из их рядов еще не послышалось ни одного призыва к тому, чтобы дать живущим при фабриках рабочим тоже право голоса, каким пользуются те из их товарищей, которые проводят на них лишь часть года.

Технически подготовленных рабочих трудно иметь под условием – брать их прямо с сохи и отпускать на время выборов на насиженные ими ранее наделы. И вот по воле законодателя, а может быть, и помимо его воли, благодаря простому недостатку, получается, что Государственная дума может оказать русскому обществу ту сомнительную услугу, что уменьшит в нем число технически подготовленных рабочих, устроит временный отлив фабричного населения в села и вызовет приостановку труда на все время избирательной горячки. Согласитесь, что это не могло входить в задачи законодателя, озабоченного общим умиротворением. Дело в том, что с принципами представительного устройства, как созданными вековым опытом народов, нельзя распоряжаться так вольно, как с штатами канцелярии; нельзя подставить под понятие «народ» понятие имущества, а под последнее понятие – понятие недвижимой собственности без того, чтобы не обездолжить значительной части населения и, может быть, той, которая по своей умственной зрелости способна обеспечить будущей Думе контингент сведущих и потому полезных деятелей. Ведь нечего, кажется, доказывать, что технически подготовленные рабочие более грамотны и более образованны, чем взятые прямо от сохи и проводящие на фабрике одни зимние месяцы, – а по закону 6 августа 1905 года только последние имеют голос на выборах, тогда как первые, не будучи даже пролетариями, попадают в категорию лиц, которыми законодатель вовсе не интересуется как избирателями, так как они не сидят при своем имуществе. Я полагаю, что, не нарушая запрета ст. 34¹, заниматься пересмотром наших основных законов, ближайшее собрание Государственной думы не только вправе, но и обязано будет поднять вопрос о том, чтобы оба класса народных тружеников: фабричные рабочие и преподаватели высших учебных заведений и академий воспользовались тем правом голоса, какое имеют, вероятно, не более их обеспеченные надельные крестьяне и члены местных церковных причтов.

Высокой оценке той роли, какую промышленность и торговля призваны играть в нашей ближайшей эволюции, не отвечает также слабое представительство в будущей Государственной думе имуществ, сосредоточивающихся в пределах городов. Когда подумаешь, что число всех депутатов от них 28, что составляет четыре процента всего числа представителей, то невольно зарождается мысль, найдут ли наши промышленные, торговые и финансовые интересы необходимую для них защиту в будущем собрании русской земли. Мы, разумеется, страна крестьян, страна земледельческая, страна кустарной промышленности и отхожих

¹ «Предположения Государственной думы не должны касаться начал государственного устройства, установленных законами основными» (прим. М. Ковалевского).

промыслов, но мы в то же время, очевидно, заботимся стать страной промышленной, торговой, страной кредитных операций, банков и биржи. Мы поняли, что от одной продажи нашего сырья разбогатеть трудно и что американская конкуренция, не говоря о других, мешает нам быть единственной житницей Европы и всего света. Нам нет другого выхода, как развивать нашу промышленность и наш обмен под тем, однако, условием, чтобы их развитие не пошло в ущерб земледелию и не отнимало искусственно капиталов у последнего, благодаря чрезмерно высокому тарифу. Но вверить заботу об установлении разумного равновесия между интересами сельского хозяйства и интересами промышленными и торговыми собранию, в котором сельские производители необходимо будут в чудовищном большинстве, – соображение, которое едва ли пришло бы в голову истинно государственному уму, вполне взвесившему все невыгодные последствия, какие могут иметь подобные ошибки.

Представительная система только тогда может принести всю ожидаемую от нее пользу, когда депутаты составляют ту соль земли, о которой помышляли первые проводники в общество начала представительства. Недаром английские короли из династии Плантагенетов в своих обращениях к губернаторам отдельных графств говорят о выборе депутатов из лучших людей, людей, сведущих в законах и проникнутых чувством законности. Если цвет нации не будет собран в Государственную думу, непосильным окажется для нее труд нашего обновления.

Ей нужны *te meliores homines*, лучшие люди, *te homines legaliores*, люди, проникнутые чувством законности, о которых говорится в английских призывных письмах. Но мы вправе спросить себя, насколько осуществимо такое желание при требовании, чтобы выборщики назначали депутата только из своей среды. Такое соображение пришло в голову и одному из ученых экспертов, призванных к обсуждению проекта закона 6 августа. Но его соображения на этот счет оставлены были без внимания. Таким образом, создана опасность, что от случайного нередкого недочета голосов может зависеть в будущем вопрос недопущения в состав Думы, скажем для примера, таких людей, как Лев Толстой. Не попал он в выборщики от Тульской губернии, потому ли, что недополучил одного голоса или не явился в день выборов, – и не быть ему депутатом, хотя бы выборщики Тульской губернии в один голос считали его лучшим представителем всей русской земли.

Закон 6 августа вводит при назначении депутатов от крестьянских обществ сложную систему многократных выборов, приурочивая ее к нашим волостным и сельским учреждениям. Опыт других стран, и прежде всего Соединенных Штатов Америки, установил тот факт, что при прочной организации партий избрание выборщиков решает вопрос о том, какую политическую окраску будет иметь их будущий избранник. Но такое предсказание возможно лишь при системе двойных выборов, при порядке же проводимых законом 6 августа 1905 года тройных выборов единственно возможное предсказание будет разве то, что на выборе депутатов отразится влияние, какое земские начальники имеют на постановление волостного схода, так как из всех тех факторов, какие можно учесть вперед, выпукло выступает только этот. Но если в интересах искренности голоса думских людей удалены от урн все лица, получающие жалованье от правительства, то не

требует ли элементарнейшая логика того, чтобы земские начальники, как чиновники на жалованье, были устранены от возможности влиять на выборы. Мы вправе ждать поэтому ближайших мероприятий на этот счет в обещанном нам законе или указе о порядке производства самых выборов. Некоторые предводители дворянства уже высказались в том смысле, что их роль председателей на собраниях, на которых будет производиться подсчет голосов, мешает им ставить свою кандидатуру, так как в противном случае им трудно было бы не выйти из роли, близкой к той, какую занимает на суде его председатель.

Но если предводители дворянства боятся помешать искренности выборов, то есть полное основание думать, что земским начальникам поставят на вид необходимость держаться, в тех же интересах, на почтительном расстоянии от игры того сложного механизма, результатом деятельности которого будет поставка в Думу депутатов от крестьян.

Искренность выборов и вместе с тем их сознательность обеспечены лишь под одним условием, когда лица, намеренные выставить свою кандидатуру, располагают возможностью не только обменяться мыслями со своими избирателями, но и открыто защищать свою программу на не раз повторяющихся собраниях. Высказывание тех или других взглядов по текущим вопросам необходимо потребует полной свободы выражения своих мыслей как кандидатом, так и всеми и каждым из лиц, собравшихся выслушать и обсудить его программу.

Никакие ограничения в данном случае предметов обсуждения немислимы. Опыт показал, что попадающие на такие собрания чиновники полиции не дают себе ясного отчета в том, где начинается и где кончается сфера вопросов, имеющих ближайшее касательство к Основным законам.

Многие из них, пожалуй, не прочь будут считать таковым и закон 6 августа 1905 года, так что малейшая попытка подвергнуть критике его отдельные нормы и общий дух вызовут с их стороны не только протесты, но и закрытие собрания, на что уполномочивают их «Правила о порядке производства выборов в городские избирательные собрания»¹. Пока обнародованы одни только правила о предвыборных собраниях в городах. Но так как 85 процентов всех депутатов не принадлежат к числу городских ставленников, то, очевидно, правительству предстоит в ближайшем будущем обнародовать нормы, регулирующие порядок избирательной пропаганды на протяжении всей страны. Я отказываюсь верить газетным слухам, передающим, что кандидатам закрыта будет возможность обменяться в селах мыслями со своими избирателями. Это было бы равносильно отмене выборного начала, замене его жребием. Ведь не зная программы кандидата, избиратели могут только руководствоваться чувствами доброго соседства и народной молвой, часто сливающейся со сплетней. А в таких условиях удачность или неудачность выбора, как и при жребии, определяется лишь общими началами теории вероятности. То соображение, что в селах мало полиции, а потому нет и возможности допустить открытие предвыборных собраний, должно быть отмечено как единственное в летописях представительного устройства. Европейские

¹ § 2 этих правил гласит: «По требованию представителя полиции собрание должно быть немедленно закрыто» (прим. М. Ковалевского).

правительства подымали иногда речь об увеличении числа полицейских агентов ввиду размножения митингов. Но ни одно пока не останавливалось на мысли запретить митинги ввиду недостатка полицейских агентов. Пока дело идет лишь о газетных слухах; я отказываюсь верить, что они когда-либо сменятся действительностью: это было бы роковой ошибкой и отразилось бы на судьбах будущего Государственной думы, так как поколебало бы в народе уверенность, что ее члены сознательно выбраны в представители русской земли, а не случайные ставленники их добрых соседей.

Русское общество впервые приобретает возможность наглядно убедиться в той тесной связи, в какой искреннее заявление правительству о его нуждах и желаниях стоит с признанием за всеми жителями государства тех элементарных свобод, тех необходимых вольностей, какими является личная безопасность и свобода от административного произвола, свобода совести, свобода устного и печатного слова. Без этих индивидуальных гарантий нечего мечтать об искренности и сознательности выбора в члены Государственной думы; ко всем недостаткам выборной системы, созданной законом 6 августа, присоединится еще один, и главнейший: отсутствие понимания избираемого его избирателями. А недостатки этой выборной системы едва ли могут быть преувеличены. Возьмем хотя бы производимую ею разверстку голосов между сельской и городской Россией. Какое основание положено для производства такой разверстки? По-видимому, одна численность населения. Сельская Россия численнее городской, а потому и число посылаемых ею депутатов в 15 или 16 раз превосходит число городских избранных. Но как ни незначительно число городов в России, оно все же едва ли исчерпывается теми двумя десятками, о которых только и говорится в Положении о выборах в Государственную думу. Почему все они, за исключением 26, отнесены к сельским округам, законодатель не счел нужным сказать. Почему, например, Сумы с характеризующим их сильным развитием промышленной деятельности или Шуя и Иваново-Вознесенск не вправе считаться по характеру их экономического производства близкими по типу к Лодзи или Екатеринославу, хотя число жителей в них не достигает пока цифры населения в двух последних городах? Какая разница в городском, а не сельском характере производства между Сосновицами и тою же Лодзью? Когда возникала представительная система на Западе, уже было ясно, что в основу разверстки голосов между селами и городами нельзя положить исключительно одну численность населения. Принималась в расчет и зажиточность отдельных центров, их промышленное и торговое значение, их роль руководителей хозяйственной деятельностью целых районов, а иногда и их историческое прошлое наряду с политическим значением в настоящем. Русскому историку, вероятно, бросится в глаза отсутствие в списке призванных к представительству городов – и Новгорода, и Пскова – очагов северно-русских народовправств, Чернигова и Полтавы, которым следовало бы стоять рядом с Харьковом и Киевом, так как без них Малороссия далеко не может считаться вполне представленной. Если бы к разверстке голосов между селами и городами приложен был не один критерий численности населения, но и критерий экономической роли известных центров и их исторического значения в судьбах страны, мы и в

земледельческой России нашли бы достаточно оснований для того, чтобы не сводить представительство городов к скромной цифре 28 депутатов. И это на всем протяжении «от хладных Финских скал до пламенной Колхиды» и от Вислы до Сыр-Дарьи и Амура!

Основанием к пользованию избирательным правом в городах закон 6 августа 1905 года выставляет, между прочим, размер квартирной платы. Эта квартирная плата в важнейших центрах, как напр[имер] в Москве, должна достигать чрезмерно высокого уровня, благодаря чему даже зажиточные холостяки, снимающие квартиру в 2–3 комнаты, не попадут в число избирателей. Но этого мало: закон требует еще, чтобы не меньшая положенной цензом плата вносима была в течение не одного, а трех лет, предшествующих выборам. Так что зажиточный холостяк, успевший обзавестись женой и детьми за последние два года и потому перешедший на большую квартиру, все же не извлечет политических выгод из такого перехода в брачное состояние. Для многих лиц либеральных профессий, живущих даже высокими гонорарами, но не имеющих вне такой, создаваемой их трудом ренты, другого достатка, размер квартирной платы является единственным условием допущения к выборам. Закон не говорит нам, как быть в таком случае, если у одного лица имеется две квартиры: одна – занимаемая им для жизни, другая, в которой он, как медик или адвокат, принимает своих клиентов. Каждая может быть меньше той, по крайней мере, по своей оплате, которая дает право голоса, но в своей совокупности они могут даже превысить легальный *minimum*. Неужели необходимо сломать перегородку, отделяющую эти две квартиры, чтобы сделаться избирателем? И как быть в том случае, когда эти квартиры расположены в разных этажах, разных домах, разных улицах или разных квартирах? Неполнота составляет наименьший недостаток всякого нового закона, но только под условием его восполнения добавочными нормами. Только в надежде повлиять своевременной критикой на ближайшее издание таких норм я и останавливаюсь на вопросах, которые многим могут показаться деталями, хотя на самом деле они теснейшим образом связаны с верной передачей представительной системой картины всех не только материальных, но и духовных устоев страны. В моих попытках показать недостатки избирательной системы, на которой остановился русский законодатель, я отправлялся от признания им же выбранного принципа представительства не лиц, а имуществ. Но сказанное мною выше достаточно установило ту точку зрения, что представительство имуществ не есть народное представительство. Понятно поэтому, что с этой последней точки зрения закон 6 августа 1905 года не выдерживает критики. При общераспространенности в России землевладения, общинного и индивидуального и при перевесе в системе обложения косвенных налогов над прямыми у нас не может быть речи об ограничении права голоса имущественным цензом. Какое мерило взять для него? Одно ли частное владение или временное пользование наделом, от одного передела до другого? Количество ли платимой государству прямой подати или количество выпитой из казенных складов водки? Ввиду сказанного, трудно будет положить в основу народного представительства другую систему, кроме всеобщего избирательного права. Самое большее, чего можно и следует требовать от лиц,

желающих воспользоваться им, это – сознательного отношения к тому, какие обязанности связаны с правом выбирать и быть выбранным. А эта сознательность, очевидно, более распространена в среде грамотных – обстоятельство, благодаря которому некоторые законодательства, в числе их итальянское, настаивают на грамотности как на условии допущения к избирательным урнам.

В странах протестантских, в которых чтение Библии обязательно для верующих, и грамотность поэтому более или менее может считаться общераспространенной, выборы, производимые на начале всеобщего голосования, не представляют тех неожиданных сюрпризов, каким можно считать, например, в сравнительно малограмотной католической Бельгии, Бельгии в то же время промышленной и торговой, а потому и заключающей в рядах своего населения значительное число фабричных и заводских рабочих, непрерывное торжество на выборах клерикалов и даже совершенное исчезновение из палаты депутатов в течение нескольких лет либеральной партии, несмотря на начало всеобщего голосования, в значительной степени искаженного так называемым *vote plural*¹; ведь последний сознательно преследует в Бельгии задачу дать селам перевес над городами. Грамотность нельзя подводить под понятие ценза, и требование ее не исключает возможности всеобщего голосования, а только явится новым фактором для быстрого развития образования в нашем отечестве, при котором, быть может, не будет необходимости в издании закона о его общеобязательности.

Перехожу к рассмотрению функций будущей Думы. На первый взгляд они кажутся довольно широкими. Дума не только обсуждает проекты новых законов, вносимые в нее министрами и главноуправляющими, но и имеет право законодательного почина. Она участвует в рассмотрении бюджета и в критике действий министров со стороны их соответствия с законами. Она следит за ходом внутренней, если не внешней политики и имеет право требовать от министров объяснений. Но все ее акты имеют значение и силу только в том случае, когда они не противоречат решениям большинства Государственного совета, т.е. административного учреждения, составленного из заслуженных чиновников. Таким образом орган законодательной власти поставлен в тесную зависимость от органа власти административной. Где Дума, там и Совет. А где Совет расходится с Думой, там Думе придется пересмотреть свое решение и путем уступок достигнуть соглашения с Советом. Не последует этого соглашения – и Совет может обойтись и без Думы. Что это так, в этом убеждает нас прямой смысл статей 48 и следующих за нею. Первая гласит: «Законодательные предположения, рассмотренные Думой, вносятся с ее заключениями в Государственный совет. По обсуждении дела в Совете, положения его представляется на благовоззрение государя». Статья же 50 прибавляет: в тех случаях, когда «Государственный совет встретит затруднение принять заключение Думы, дело может быть, по постановлению общего собрания Совета, передано для согласования мнения Совета с заключением Думы в комиссию из равного числа членов от обоих установлений». «Если согласительного заключения не будет выработано, – гласит статья 51, – то дело возвращается в об-

¹ Множественным голосом (*франц.*). В начале XX в. в Бельгии отдельные граждане имели право на один или два дополнительных голоса.

щее собрание Государственного совета». Я прошу обратить внимание, во-первых, на то, что дело поступает при несогласии на новое рассмотрение Думы только по постановлению общего собрания Государственного совета. Если такого нет, или не имеется основания сделать новое обращение к Думе, ввиду невозможности согласовать желания обоих учреждений, то Государственный совет, очевидно, обходится без Думы и его одностороннее мнение поступает уже на Высочайшее усмотрение. То же по смыслу ст. 53 имеет место в том случае, если Дума к назначенному ей сроку не сообщит своего заключения по вопросу, поступившему на ее рассмотрение, а по смыслу ст. 52 и тогда, если по неприбытию положенного числа членов в течение двух заседаний и на расстоянии двух недель не состоится заседание Думы. В этом случае, гласит разбираемая статья, министр, если признает необходимым, может внести дело в Государственный совет для рассмотрения его без заключения Думы. Итак, Государственный совет по смыслу узаконения 6 августа 1905 г. продолжает по-прежнему изготовлять законы империи с участием или без участия Думы. С участием – когда Дума присоединится в конце концов к его решению, и без участия – в противном случае. Назвать после этого Думу законосовещательным учреждением в строгом смысле слова нельзя, так как члены ее, не в пример членам Государственного совета, связаны не только необходимостью согласовать свои решения с волею государя, но и согласовать их с волею членов высшего административного учреждения империи. Я считаю возможным прибавить, что они должны согласовать их и с мнением министра или главноуправляющего, который вздумает настаивать на проведении тех или других мероприятий, одинаково нежелательных и Думе, и Государственному совету. Я прихожу к такому заключению на основании статьи 49, гласящей буквально: «Законодательные предположения, отклоненные большинством двух третей членов в общих собраниях как Думы, так и Совета, возвращаются подлежащему министру или главноуправляющему для дополнительного соображения и внесения вновь на законодательное рассмотрение, если последует Высочайшее соизволение». Это значит, во-первых, что предложения министров не могут быть отклонены иначе, как в том случае, когда Дума сходитя в нежелании принять их с Государственным советом; это значит, во-вторых, что это нежелание должно быть разделяемо не простым большинством обоих собраний, а двумя третями членов того и другого; это значит, наконец, что оба учреждения бессильны помешать министру, действующему с Высочайшего соизволения, внести снова на их рассмотрение проект, ранее отвергнутый большинством двух третей голосов в каждом. Российская империя после, как и до узаконения 6 августа 1905 года, будет управляться на твердом основании не столько законов, сколько административных распоряжений – того, что французы называют *reglements d'administration publique*¹, т.е. постановлений большинства Государственного совета, получивших утверждение императора. При этом Государственный совет, смотря по обстоятельствам, будет справляться с мнением Думы или обойдется без этой справки. А из всего этого возможен лишь тот вывод, что Государственная дума не есть в сущности ни законодательное, ни даже законосовещательное учреждение о нуждах населения хотя бы в том пони-

¹ Постановления публичной власти (*франц.*).

мании этих нужд, до которого возвысятся владельцы различных видов имущества, чаще недвижимых, чем движимых, более сельских, чем городских.

Нужно вникнуть в смысл отдельных статей узаконения 6 августа 1905 г. для того, чтобы не впасть в ошибку передачи известных прав, признаваемых за Думой, установившейся терминологией представительных учреждений. Так, например, право запроса министрам, которым пользуются все палаты, вовсе не передает собою характера того права, о котором говорится в статье 35. В ней идет речь только о сообщении сведений и разъяснении министрами и главноуправляющими в тех случаях, когда Дума признает те или другие их акты несогласными с существующими законоположениями. Статья 58 говорит, что в этом случае члены Думы подают письменное заявление председателю Думы, в котором указывают, в чем именно усматривается нарушение министром или главноуправляющим закона и какое именно. Такое заявление поступает на обсуждение общего собрания Думы, если оно подписано тридцатью членами. Раз принятое большинством, оно сообщается подлежащему министру или главноуправляющему, который не далее месяца сообщает Думе надлежащие сведения и разъяснения, или – взамен – указывает ей на причины, по которым лишен возможности сообщать требуемые сведения и разъяснения. Если Дума не удовлетворится сообщением министра и такое недовольство будет высказано двумя третями ее членов, то дело через Государственный совет (гласит ст. 61) восходит на Высочайшее благовоззрение. Очевидно, во всем этом нет ничего похожего на те запросы, какие западные камеры ставят о текущих делах и недостаточный или несвоевременный ответ на которые ведет нередко к падению министерства и смене политики. Члены Думы вправе заинтересоваться правительственными действиями только тогда, когда усмотрят в них нарушение закона, и то лишь для того, чтобы получить разъяснение или указание причин, по которым разъяснения дать нельзя. Министр при этом может не спешить с ответом и дать его на расстоянии месяца от запроса, так что Думе, любопытствующей о том, почему правительственные власти не предупредили вооруженного столкновения, положим, татар с армянами в Эриванской губернии, и полагающей, что в этом факте можно усмотреть бездействие власти, министр может и через месяц разъяснить, что такого бездействия или не было, или что по той или другой причине, положим, из желания сохранить авторитет правительства, он не видит необходимости дать ответ. Так как палаты обыкновенно вопрошают с практической целью сделать невозможным в ближайшем будущем повторение тех же правительственных актов, в которых они усмотрели бездействие или, наоборот, превышение власти, то, очевидно, что один уже месячный срок, какой новый закон дает министру для ответа, не оставляет ни малейшего сомнения в чисто платоническом характере тех последствий, какие могут иметь просьбы Думы о новых сведениях и разъяснениях. Любознательность будет удовлетворена, но административная небрежность или, наоборот, излишек рвения будут проявляться по-прежнему, пока Государственный совет не доведет всего дела до Высочайшего благовоззрения. Так что в конце концов тормозом для административного произвола будет все же не Дума, а Совет. В странах с народным представительством для ответа на запросы палат министры поставлены в

необходимость присутствовать на их заседаниях. В России же законом предвидится возможность для них найти заместителей в лице всяких подчиненных им чиновников, вероятно – директоров департаментов.

Статья 24 говорит: «Министры и главноуправляющие отдельными частями не состоят членами Думы, но могут присутствовать в заседаниях и давать разъяснения по делам лично, или через начальников отдельных частей центрального управления, либо ближайших помощников сих начальников или же других уполномоченных министрами и главноуправляющими должностных лиц». А если так, то можно предвидеть, что в будущем нарушение законов чиновниками даст только повод к интересному обмену мыслями между членами Думы и теми же чиновниками по вопросу о том, какие причины мешают им дать какие-либо разъяснения. Термин «законодательный почин» опять-таки слишком западный, чтобы им можно было передать сущность того права, о котором говорит ст. 34. Последняя гласит: «Государственной думе предоставляется право возбуждать предположения об отмене или изменении действующих законов». Дело, по-видимому, и в этом случае вносится на рассмотрение Думы не ее членами, а министром или главноуправляющим. Ст. 46 гласит: «Дело, внесенное в Думу вследствие возбуждения его законодательного вопроса, не может быть взято обратно министром или главноуправляющим без согласия общего собрания Думы». Очевидно, эта статья предполагает возможность такого порядка: у членов Думы является, положим, соображение о необходимости поднять вопрос о крестьянском малоземелье и средствах к его устранению или о слабом развитии грамотности и средствах положить ему конец. Оба вопроса могут сделаться предметом обсуждения Думы только тогда, когда министры соответственных частей признают заодно с Думою, что эти вопросы назрели для решения и выразят свою мысль на этот счет путем внесения в Думу готового законопроекта. Раз последовало такое внесение, у них уже отнята возможность раздумать задуманное, но ничто не препятствует им во все не думать о вопросах, признанных депутатами неотложными, и соответственно не вносить никаких проектов. Из всего сказанного, кажется, с очевидностью вытекает то заключение, что при оценке юридической природы Государственной думы надо искать иных предметов для сравнения, чем законодательные палаты на Западе, рейхстаги, ландстаги или камеры депутатов. Государственная дума отвечает, самое большее, представлению о том собрании нотаблей, или сведущих людей, о котором заходит речь во Франции в царствовании Людовика XVI. Признавая себя не народными представителями, эти сведущие люди указали правительству на необходимость обратиться к последним за решением неотложных государственных вопросов. Тем самым они сослужили народу французскому великую службу и сделались исходным моментом всего дальнейшего конституционного развития Франции. Эту службу может оказать русскому обществу и будущая Государственная дума, если в состав ее попадут люди убежденные и сознательно относящиеся к великой миссии, к которой призывает их современный ход событий. Одной из важнейших статей узаконения 6 августа 1905 года я признаю право Думы иметь выборного председателя и право последнего иметь прямой доступ к императору.

Если в председатели попадет человек стойкий и смотрящий на себя, подобно английскому спикеру, как на «уши и уста» всего собрания, есть полное основание думать, что о желаниях и нуждах земли русской царь ежечасно будет осведомляем тем, кого сама Дума поставила во главе себя. При таких условиях идти в Думу, ставить свою кандидатуру на выборах – обязанность всех и каждого, кто с большим или меньшим основанием считает себя вправе дать полезный совет по многосложным вопросам о преобразовании русской империи. Этими людьми могут быть наравне с земскими и лица, специально посвятившие себя изучению экономических, финансовых и государственных вопросов, знатоки русской крестьянской жизни и судеб русского рабочего, знатоки западноевропейских порядков, экономических, общественных и политических, так как справка с тем, что было сделано опередившими нас народами, никогда не может быть лишней при решении собственных судеб. Наконец, все те, кому особенно дороги интересы русского образования, русской науки и русского искусства, кто стоял или стоит к нему в ближайшем отношении, так как одной из первых задач Думы будет реформа нашей низшей, средней и высшей школы.

Не преувеличивая значения Думы, не возводя ее на степень народного представительства или законодательной камеры, видя в ней то, что она есть, т.е. один из Советов, к которым император будет обращаться с целью ознакомления с запросами русского общества, мы все же думаем, что это преходящее учреждение призвано сыграть свою роль в истории.

*Публикуется по изданию:
Ковалевский М.М. Действительная природа
Государственной думы. Отдельный оттиск
из Трудов Юридического общества
при Императорском Харьковском университете.
Харьков, 1905. С. 3–29.*

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ КОТЛЯРЕВСКИЙ

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕМОКРАТИИ¹

1905 г.

Искусство социального прогноза не принадлежит к числу тех, которые пользуются в настоящее время особым доверием; но история XX века завещала западноевропейским народам несколько предположений об их будущей судьбе, которых не поколебали разочарования и уроки скептицизма. Эти предположения основаны уже на слишком очевидных показаниях нашего социального опыта: они уже стали уверенностями. Самым прочным из таких предположений является идея, что будущее развитие западноевропейских народов всецело совершится под знаком демократии: это слово является как бы достовернейшим лозунгом. Мысль представляется большинству наших современников настолько несомненной, что наряду с ней можно было бы поставить лишь уверенность в будущем безостановочном развитии положительного знания. Насколько обширен и прочен тот материал, на котором строятся эти заключения? Надо сознаться, он внушительен и по времени, и по пространству, которое он охватывает: политическая демократия уже завоевана или предполагается завоеванием завтрашнего дня.

Когда Токвиль в своем гениальном анализе американской демократии обращал внимание современников на неизбежность этого процесса, Гизо с парламентской трибуны еще не колебался характеризовать всеобщее право голоса как бессмысленную утопию, созданную с агитационными целями. «Никогда не наступит день для всеобщего права голоса, – говорил он. – Никогда не настанет день, когда все человеческие существа, каковы бы они ни были, могут быть призваны к осуществлению политических прав». Этот день не заставил себя долго ждать, он наступил на другой день после низвержения июльской монархии; всеобщее [избирательное] право, на этот раз не оправдавшее надежд его сторонников, не исчезло с политического горизонта Европы; оно сделалось принадлежностью политического устройства Франции и Германии. Аристократическая Англия открыла свободный доступ в парламент и в местное самоуправление рабочему классу; гегемония джентри², столь характерная для Англии начала XIX века, разрушена до основания. Всякое неравенство начинает рассматриваться как несправедливость; к бельгийскому «множественному праву» (vote plural), обеспечивающему добавочные голоса представителям достатка и образования, относятся как к ин-

¹ Впервые опубликовано в журнале «Вопросы философии». 1905. Кн. 77. № III–IV.

² Джентри (gentry, англ.) – сельское дворянство в Англии. Лица, принадлежащие к данной социальной группе, именовались «джентльменами», а наиболее влиятельные – «сквайрами».

ституту буржуазному, несовместимому с духом демократии. Еще смелее в организации политической демократии новые страны, подобные Австралии, которым нечего разрушать и можно созидать на девственной почве. Даже юная конституция Японии потерпела существенное изменение: там значительно понижен первоначальный ценз и введено всеобщее пассивное право голоса. С каждым годом широкие массы населения ложатся все большим и большим весом на чашку политических весов.

Эти соображения вполне подтверждаются, если мы от организации политической власти перейдем к ее деятельности, к ее законодательству. Социальная политика XIX века быстро и неизменно шла в направлении все большей демократизации. Рабочий вопрос и аграрный вопрос стоят на первом месте в программах всех партий, всех оттенков: консерваторы и либералы, клерикалы и свободомыслящие не отстают друг от друга в обещаниях направить социальную заботливость государства на интересы трудящихся масс. Программа либеральных экономистов, требовавших от государства лишь полного простора для естественной игры интересов и сил, не способна уже никого привлекать. Надо сознаться, что если существующее в разных странах Западной Европы социальное законодательство далеко не дает всего, что обещают обыкновенно перед выборами депутаты, то дает весьма многое: нормальный рабочий день, страхование от несчастий, пенсии престарелым, охрану рабочего труда, заботу о поддержании мелких землевладельцев-крестьян, защиту арендаторов от собственников, – все это и стало и признано нормальными обязанностями государственной власти, и если последняя запаздывает с ними, она быстро встречается с проявлениями опасного недовольства. Никакая партия, никакая группа не могут обеспечить себе жизнеспособности, если они не считаются в достаточной мере с интересами масс.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы эти социально закономерные процессы рассматривались наблюдателями современного общества с тем холодным академическим беспристрастием, с которым натуралист созерцает вечные процессы природы. Менее всего здесь возможно было в чистоте соблюсти завет Спинозы¹, убеждавшего не плакать и не радоваться, а понимать. Выступление на авансцену современной истории связывалось с целым рядом исторических ассоциаций и личных переживаний. Классическое воспитание сохранило столько образов, воплощавших неприглядные стороны демократии; вспоминаются Терсит² и Клеон³ и не освобождается даже Перикл от упреков в вульгарной демагогии. Не меньше образов дает римская древность, а переходя к более новым временам демократии, ее привлекают к ответственности за Жакерию и движение лигеров⁴, за якобинцев и Коммуну 1871 г. Создается представление о ее громадной разрушительной силе, которой нисколько не соответствует способность

¹ Спиноза Барух (Бенедикт) (1632–1677) – нидерландский философ-материалист, пантеист и атеист.

² Терсит – в греческой мифологии воин, участник Троянской войны. В «Илиаде» Гомера изображен хромоногим, безобразным, болтливым и ворчливым. Убит Ахиллом.

³ Клеон (ум. в 422 до н.э.) – афинский политический деятель, владелец кожевенной мастерской; в качестве стратега участвовал в Пелопоннесской войне, предводитель партии радикальных демократов.

⁴ Лигеры – члены т.н. Католической лиги, партии воинствующих католиков, которая во время религиозных войн во Франции 80-х гг. XVI в. выступала против протестантов.

к положительному творчеству.

Навстречу этим историческим воспоминаниям идет и социальная наука. Она предостерегает видеть в этих явлениях нечто временное и случайное; по многократно повторявшемуся взгляду ее многих представителей не последнего калибра, дело лежит в роковых свойствах человеческой толпы, попадая в которую индивидуум обречен на ослабление умственной жизни и одичание нравственного чувства. Толпа безрассудна и жестока; в ней сохраняются психологические переживания первобытного человека, которые давно искоренены в сознании культурного индивидуума; толпа, наконец, по существу, легко становится преступной. А что есть демократия, как не господство толпы? И вот социальная наука призывает к суровому ответу все учреждения человеческого общества, так или иначе отражающие демократическое начало; она склонна отказывать в смягчающих обстоятельствах и парламентаризму, и всеобщему праву голоса, и суду присяжных. С крайним скептицизмом смотрит она и на народную школу, от которой в ее глазах лишь дилетантский оптимизм или метафизический предрассудок могут ожидать просвещения этой массы. Эти чувства и мысли, рассеянные во многих образцах современной социологической литературы, получили наиболее яркое выражение у Ренана¹: грядущая демократия есть грядущее царство Калибана. Сказка великого поэта изображает его в рабском служении у мудрого Просперо: в действительности сам Просперо будет всецело зависеть от благосклонности Калибана². Демократия угрожает всем возвышенным историческим воспоминаниям, всякой умственной тонкости и оригинальности; но ее гегемония – несомненный факт, и человеческая культура должна суметь ужиться с ней, как она – худо ли, хорошо ли – уживалась, например, с католической церковью.

Много боящихся, много сомневающихся, но несравненно больше надеющихся. Обвинениям, которые высказывают против масс историки и социологи, они противопоставляют ту простую истину, что лишь массы являются субъектами исторического процесса. Свобода и благосостояние миллионов, а не отдельных привилегированных групп, это и есть общечеловеческая свобода и благосостояние. Раздавленный беспощадными внешними силами раб должен постепенно обратиться в человека – таков нравственный смысл истории, которого не должен затемнять блеск аристократических цивилизаций. Всякая декларация прав, устанавливая принципы человеческой свободы, должна устанавливать их для всех. С этой точки зрения всякая историческая привилегия осуждена на гибель – не только нивелирующим социальным процессом, но и растущим нравственным сознанием людей: демократия есть не только господствующий факт современной жизни, но и незыблемая норма. Когда падут социальные преграды между отдельными классами и останется лишь неравенство духовных дарований, тогда только проявятся массы пропадающих во мраке нужды талантов и гениальностей. Поэтому кто искренно дорожит человеческим прогрессом, тот должен приветствовать победы демократии: эти победы возвещают невиданный расцвет духовных

¹ Ренан Эрнст Жозеф (1823–1892) – французский историк, публицист, исследователь христианства и ислама.

² Персонажи пьесы В. Шекспира «Буря». Просперо – волшебник, Калибан – его слуга, дикий и уродливый раб.

сил в человечестве. Важен каждый шаг на этом пути, и первая необходимость для современного государства – это раскрыть широко дверь всем своим согражданам, дать им всеобщее право голоса. Власть должна принадлежать избранныкам масс – ибо как иначе она может обеспечивать их интересы?

Как ни различны идеи и чувства, которые лежат в основе каждого из этих воззрений, в одном отношении последние сходятся – именно, в признании бесповоротного, так сказать, характера за современным демократическим движением. И противникам, и защитникам демократии представляется одинаково невероятным, чтобы из существующей демократии выросла новая олигархия, чтобы всеобщее право голоса уступило место узкому цензовому порядку. Это едва ли более вероятно, чем возвращение крепостного права или цеховой системы. Между тем нет ничего более трудного для воображения, чем представить себе поток будущего текущим как бы в противоположную сторону сравнительно с настоящим. Обладаем ли мы достаточно долгим опытом действия и развития демократических учреждений, чтобы позволить себе с некоторой уверенностью прогноз? Не влияет ли и на нас трудность мыслить это противоположение существующего и грядущего?

Нельзя оспаривать законности этих вопросов и возможности этих сомнений. В своем «Опыте о народоправстве» Генри Мэн¹ прямо указывал, что уверенность в будущей прочности демократии есть совершенный предрассудок. Демократический строй весьма недавнего происхождения, а относительно прочности его достаточно вспомнить историю южноамериканских республик, если не брать избитого примера калейдоскопической смены конституций, которую пережила Франция с 1789 г. Таких доказательств внутренней непрочности не давали ни абсолютная монархия, ни феодальная аристократия. И далее Мэн в своем анализе указывает на ряд политических потребностей и необходимостей, с которыми крайне трудно ужиться демократии. Во всяком случае нельзя одной верой преодолеть эти сомнения. Исторический опыт с несомненностью показывает угрожающую близость демократии и деспотической диктатуры. Нивелировка общественных групп подготавливает среду, в которой власть цезарей не находит никаких преград. В политической истории Европы плебисцит связан с утверждением не народной свободы, а всемогущества Наполеона I и Наполеона III. Выбитое из рамок исторических традиций общество переживает глубокие нервные потрясения, и наступает момент, когда за покой и порядок оно готово передать и так трудно приобретенное право распоряжаться собственной судьбой. Если к этому присоединяется блеск военной славы, обаяние человека, побеждающего внешних врагов и в надеждах современников могущего победить внутреннее неустройство, то опасности для демократии бесконечно увеличиваются: она делается добычей того, кто захочет и сумеет ее взять. Инстинкт самосохранения – индивидуального и группового – глубже всех исторических традиций и наслоений, он лежит на дне человеческой природы и в известные минуты истории заглушает все. Вот почему не одна болезненная мнительность способна видеть над установившимися, казалось бы, фор-

¹ Мэн Генри Джеймс Самнер (1822–1888) – английский юрист, историк права, профессор Оксфорда и Кембриджа. Автор трудов по истории древнейшего права и сравнительной истории учреждений.

мами демократического порядка угрожающий призрак цесаризма. Вопрос о том, при каких условиях основателен подобный страх, – это вопрос о предпосылках прочности демократического строя.

<...>

Нет отрасли психологии, более требующей разработки и менее разработанной, чем психология общественных состояний, связанных с той или другой организацией власти. Различные политические сочетания существуют не только как типы, подлежащие изучению государственной наукой, но и как известные, переживаемые каждым сочленом общества события. Более глубокое проникновение в эту область, может быть, дало бы путеводную нить и к разрешению того таинственного и основного вопроса о происхождении и сущности человеческой власти, без которого невозможно истинно научное изучение политической жизни. Мы не будем здесь пытаться дать исчерпывающую характеристику психологии демократического общества. Нам представляется важным лишь выяснить, так сказать, то преломление, которое претерпевают в атмосфере демократического и демократизирующегося общества потребности и интересы, присущие современному культурному человеку. Определяя точки возможных столкновений с этими потребностями и интересами, мы подготовляем ответ на вопрос об условиях прочности демократии.

В основе демократической концепции государства лежит идея народного суверенитета. XVIII век проявил ее разрушительный аспект; в XIX веке она стала созидующим началом. Каковы бы ни были теоретические возражения против этой идеи юристов и социологов, несомненно, с ней связаны такие могущественные и глубокие настроения, что без них остается совершенно непонятной жизнь современного демократического государства. Всякий политический деятель должен апеллировать к этим настроениям, он не должен подавать повод к подозрению, будто он не признает права народа руководить собственной судьбой. Самый деспотизм старается получить санкцию от суверенной демократии, и в борьбе партий решается вопрос, кому принадлежит полное и неискаженное истолкование воли народа-суверена. Эти чувства – соответствуют ли они политической реальности или опираются на фикции – гораздо несомненнее и сильнее, чем соответствующая теория народовластия, и, бесспорно, для демократических учреждений их наличие является незаменимой гарантией – тем, что заставляет рассматривать государственную форму не как нечто, наложенное сверху, вызванное игрой исторической случайности. Но бесспорно и то, что в интересах самосохранения демократического государства это чувство нуждается в коррективах. Абсолютный суверенитет есть абсолютный произвол, прихоть момента; прошлое в нем бессильно связать будущее – и так как для каждой данной минуты настроения обладают несравненно большей способностью объединять человеческие массы, чем мысли, то пределом здесь является суверенитет общественных настроений. История афинской демократии, как и история Французской революции дают примеры этой лихорадочной изменчивости общественных

настроений, при которой как будто перестают действовать задерживающие центры. Демократическое правительство, более чем какое-либо другое, испытывает подобное психическое заражение, которое дает отдельным настроениям такую непреодолимую импульсивность; и притом эти настроения, как внушенные, могут вовсе не отражать истинного духовного облика народа. Демократия, подобно толпе у тела Цезаря, может облечь санкцией своего суверенитета и слова Брута¹, и слова Антония².

Корректив против опасности был найден среди этих самых демократических обществ: именно там развилась мысль противопоставить всемогуществу суверенного государства совокупность защищенных личных прав. Декларация прав состоит в несомненном противоречии с идеей народного суверенитета, но политическое самосохранение, не останавливаясь перед этой формальной непоследовательностью, должно стремиться к их соединению. Не случайно декларация получила свое первое выражение в американских государствах, которые на деле осуществили теорию демократического договора. В эпоху обсуждения национальным собранием прав «человека и гражданина» высказана была мысль, что не менее важна декларация обязанностей, чем декларация прав. Сознание обязанностей есть, бесспорно, один из необходимейших устоев демократии – но надо сказать, что права, перечисляемые в декларациях, и суть обязанности демократического государства – обязанности не переходить известных граней и обеспечить вообще неприкосновенность этих граней. В постоянной тяжбе между государством и индивидуумом силы слишком неравны: власть всегда сумеет вынудить у подвластного ей сочлена исполнения своих требований, и напоминание об обязанностях более необходимо для нее, чем для отдельного беззащитного гражданина.

Исследователи конституционного права неоднократно указывали на тот факт, что в новейших конституциях декларация прав часто опускается: она стала слишком общим местом. Если бы такому теоретическому признанию вполне соответствовало искреннее проникновение общественными началами, провозглашенными в декларациях, мы могли бы без всякого опасения смотреть на возрастающее могущество государственного механизма в демократии. К сожалению, не всегда так бывает на деле: история борьбы с конгрегациями во Франции за последние годы слишком настойчиво напоминает, как трудно для демократии в пылу политической борьбы не переступить сферы, защищенной декларацией прав «человека и гражданина». И тем не менее *im Großen und Ganzen*³ направление процесса несомненно: декларации эпохи Французской революции еще не знают такого насущного права, как права собраний и союзов: *esprit de corps*⁴ считается слишком опасным для беспрепятственной деятельности государственной вла-

¹ Брут Марк Юний (85–42 до н.э.) – древнеримский политический деятель, участник заговора против Цезаря, направленного на сохранение республиканской власти сената.

² Антоний Марк (83–30 до н.э.) – древнеримский полководец и политический деятель, участник триумвирата, правившего Римом после смерти Цезаря; затем боролся за власть с Октавианом и потерпел поражение.

³ В общем и целом (*нем.*).

⁴ Дух сословия, корпорации (*франц.*).

сти, а не считалось опасным оставить членов государственного союза беззащитными, не сплоченными перед лицом власти. Изменились формы и изменились идеи: возрождающееся учение о естественном праве дает философское обоснование декларациям, и принципиальное отрицание свободы совести и слова, союзов и собраний представляется каким-то нарушением политического приличия.

Декларация прав важна для каждого индивидуума; но особенно она важна для «меньшинства». Именно последнему существенна защита свободы его совести от возможных посягательств господствующего исповедания, свободы его слова – от подозрительной недоверчивости большинства, свобода собраний и союзов, которая одна дает возможность сплотиться и не быть раздавленным в политической борьбе. Либерализм всегда был более свойствен политическому меньшинству, чем большинству: сколько исповеданий, пока за ними стояло меньшинство, выставляло лозунг общей для всех свободы, чтобы, достигнув господствующего положения, заменить его лозунгом подавления всех иначе мыслящих! Между тем демократия вся построена на идее господства большинства: согласно известному положению Руссо, остающиеся в меньшинстве не только должны подчиниться воле большинства, но должны признать свое заблуждение: истинная их собственная воля не может противоречить общей воле! И вот одно из главных условий прочности демократии заключается в том, чтобы эта власть большинства не применялась со всей тиранической полнотой, чтобы у нее были пределы. Декларация прав есть спасительный корректив к сознанию собственного суверенитета, присущего всякой демократии.

Но, очевидно, права меньшинства не обеспечиваются одним, хотя бы и самым торжественным, провозглашением свободы и прав гражданина. Та атмосфера, правовая и моральная, которая создает в данном обществе автоматическое, так сказать, признание начал декларации, и является в конце концов высшей гарантией действительного ее соблюдения, но в создании этой атмосферы играют видную роль известные учреждения: внеюрídические и юридические гарантии подкрепляют друг друга.

Новейшие демократические партии обычно выставляют желательнейшей формой государственного устройства господство единой палаты, избранной всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием на возможно короткий срок. Не говоря о несомненных государственных опасностях однопалатной системы, доказанных всего лучше историческим опытом Франции, мы не можем не коснуться воззрения, лежащего, по-видимому, в основе этой программы, – воззрения, что прочность демократии связана с наибольшим напряжением, так сказать, демократического принципа, как он осуществляется в системе данных учреждений. Между тем представительство хотя бы единой палаты не есть еще самая демократическая форма, далее в этом направлении идут плебисцит, референдум и т.п. Несомненно, демократичнее в республике избирать президента всенародным голосованием, чем парламентом; и однако французская демократия видит в установлении первого порядка серьезнейшую опасность для собственного существования. Идея однопалатной системы предполагает, что всеобщее право голоса дает идеально чистое отражение интересов и потребностей наиболее крупных

общественных групп, т.е. именно тех интересов и потребностей, которые более заслуживают удовлетворения. И здесь практика далеко не оправдывает теории. Представительное собрание, созданное на основе всеобщего права голоса, вотирует меры узкоклассового характера. Германский рейхстаг вотирует премии в пользу кучки крупных аграриев, за которые в виде высоких цен на хлеб, созданных повышением пошлин, будет платить вся народная масса. Да и самое признание всеобщего права голоса как нравственной необходимости нисколько не требует фанатического признания его непогрешимости. Демократический принцип требует, чтобы вторая палата не образовывала привилегированной корпорации, чтобы она так или иначе восходила к народному избранию; но самое существование ее нисколько не противоречит сущности демократической идеи. Можно сказать обратное: отсутствие якобинских посягательств на свободу и самостоятельность общественных групп и союзов, отсутствие крайней централизации, почти неизбежной при однопалатной системе, привлечение к политической жизни разнообразных социальных сил – все это составляет условие жизнеспособности и прочности демократии. К ним же принадлежат известные формы, обеспечивающие данное государственное устройство от слишком частых пересмотров – тем более необходимые, чем ограниченнее власть законодательного органа; существование судебных гарантий, останавливающих исполнение законов, которые нарушают основы государственного устройства и т.п. В этом смысле нельзя достаточно высоко ценить деятельность американского Верховного суда. Вообще влияние и авторитет судебных учреждений представляются одним из необходимейших устоев демократического строя. Должно укорениться убеждение, что есть начала, перед которыми останавливается даже изменчивая воля законодателя, что существуют основные формы свободы и неприкосновенности человеческой личности, на которые не простирается народный суверенитет, – и эта мысль должна быть воплощена в судебной защите этих неотчуждаемых прав. Наконец, все вообще, что обеспечивает права меньшинства – пропорциональное представительство, местная децентрализация и т.п. – все это является ценным для жизнеспособности демократии, для того, чтобы она не выродилась в тиранию и этим путем не дошла до самоуничтожения.

Не одни формы государственного устройства должны здесь приниматься во внимание; содержанием для этих форм является социальная политика, преследуемая данным государственным союзом. Совершенно ясно, какие задачи должна преследовать в демократическом государстве эта политика. В нее должно входить все, что поднимает благосостояние трудящихся масс и охраняет труд; идеальной целью является падение тех стен, которые отделяют в современном обществе буржуазный и пролетарский элементы. Демократическая политика исходит из предпосылки, требующей обеспечить за каждым весь плод его труда; она борется поэтому против всяких эксплуатирующих общественных элементов; но выше этого права для нее должно стоять другое начало – обеспечение за каждым условий человеческого существования. Бесспорно, последнее может явиться для современной демократии лишь идеальной, регулятивной нормой – но первый шаг по этому пути сделан: достаточно указать на законодательство о престарелых и

нетрудоспособных в австралийских колониях.

Итак, для социальной политики основным мотивом является обеспечение интересов большинства; но и здесь, как и в области организации политической власти, демократии угрожает опасность совсем игнорировать интересы меньшинства. Конечно, в области материальной их никак нельзя признать столь же неизбежными и неотчуждаемыми, как в области духовной, и едва ли кто-нибудь решится в настоящее время утверждать, что право собственности столь же священное и неотчуждаемое право индивидуума, как свобода мысли, совести и т.п. Никакая социальная реформа в пользу масс не может совершиться без более или менее чувствительных пожертвований со стороны различных социальных групп, всегда составляющих меньшинство; тем не менее важно, чтобы, ограничивая исконные права этого меньшинства, власть всегда сознавала, что она ограничивает их во имя известных высших целей, и принимала меры к тому, чтобы общественная группа, затронутая мероприятиями, в возможно меньшей мере чувствовала свое право нарушенным. Нет сомнения, например, что демократическое государство не может оставаться равнодушным к распределению земельной собственности, не может смотреть на землю, как на простой предмет купли-продажи. Оно должно содействовать увеличению площади крестьянской собственности, регулировать арендные отношения в духе, благоприятном для экономически слабой стороны; оно не может остановиться перед неприкосновенностью частновладельческих латифундий, раз ощущается острая нужда в земле. Но правовой характер подобной экстраполяции требует всегда денежного ее эквивалента-выкупа: необходимо принять во внимание право землевладельца, вложенный им труд и капитал; иначе получается конфискация, а ничто не развивает такого количества ненависти и ожесточения против власти, как сознание себя жертвой ее произвола. Конечно, размеры выкупа не могут быть предоставлены усмотрению землевладельца: он должен определяться учреждениями, представляющими интересы всего населения. Выкуп и есть признание старого права, которое должно уступить хотя и более новому, но высшему, обеспечивающему главные интересы главной массы населения.

С другой стороны, социальная политика демократии должна носить, так сказать, общий характер, распределяя жертвы по возможности равномерно. Стоя на принципе покровительства народному труду, она не может создавать прогрессивного рабочего законодательства и в то же время ничего не делать для обеспечения земледельческого класса и обратно: капиталист и земледелец – оба должны нести необходимо материальные жертвы, связанные с социальными реформами. Вот почему теория Генри Джорджа¹, предлагающая государственной власти распорядиться имуществом землевладельца и оставить нетронутым фабриканта, вводит в социальную политику крайне опасное начало. Фактически, конечно, мы постоянно видим в конституционных государствах стоящим у руля государственного корабля то класс землевладельцев, то класс крупных промышленников, и их интересы являются могущественными определяющими моментами законо-

¹ Джордж Генри (1839–1897) – американский публицист, экономист; пропагандировал идею национализации земли государством как средство ликвидации социального неравенства.

дательств; но такое классовое направление должно быть чуждо демократическому государству, которое не может отступать от принципа всеобщего блага. Лишь таким образом его социальная политика будет опираться на достаточный нравственный авторитет, лишь в этом случае государственная власть может развить широту почину в социальном творчестве и смелость эксперимента в направлении постепенного обобществления хозяйственной жизни страны. В сознании имущих классов укореняется убеждение, что деятельность государства лишь следует естественному и неизбежному ходу вещей, вводя в спокойные и правильные формы решение спора, который иначе мог бы окончиться лишь столкновением наличных сил и насильственной борьбой, внося в этот спор вечные начала справедливости и достоинства человеческой личности.

<...>

Мы старались показать, какая система правовых понятий и идей должна соответствовать демократическому государству. Ими, однако, не исчерпываются психологические предпосылки его прочности.

Неоднократно указывалось на роковое противоречие между демократическим строением общества и его способностью усваивать высший научный дух и научное развитие. «Переберите в своей памяти, – говорит Мэн, – великие эпохи научных открытий и социальных переворотов в течение последних двух веков и посмотрите, что случилось бы, если бы всеобщее право голоса существовало в эти критические минуты. Всеобщее право голоса, которое теперь изгнало свободную торговлю из Америки, конечно, запретило бы механический ткацкий станок, механическую молотилку, григорианский календарь; оно вернуло бы в Англию Стюартов. Оно изгнало бы католиков голосами толпы, которая сожгла дом и библиотеку лорда Мансфелда в 1780 г.; оно изгнало бы диссидентов голосами толпы, которая сожгла дом и библиотеку Пристли¹ в 1791 г. В основе этого списка лежит мысль о недоступности для масс народа высших умственных операций и научных методов; высокая умственная культура представляется всегда аристократической. Отсюда, казалось бы, вывод должен вести вовсе не к отрицанию демократии, а к установлению власти «духовной аристократии». Гегемония науки в человеческом обществе не есть гегемония числа, но она не есть также гегемония рождения и состояния. Если измерять ценность каждого общественного строя количеством шансов, которые при нем выпадают на долю наиболее одаренных натур, то едва ли можно оспаривать, что демократия в этом смысле есть наилучше приспособленная форма».

Нельзя, однако, отрицать, что психологии демократического общества присущи известные предрассудки против утонченной умственной культуры, как и против экзотических течений в искусстве. Есть, очевидно, мысли и настроения, которые не по плечу среднему человеку, являющиеся для демократического общества своего рода «мерой всех вещей». Непонятное же всегда легко представляется

¹ Пристли Джозеф (1733–1804) – английский химик и философ-материалист. В 1794 г. преследуемый реакционными кругами, эмигрировал в США.

излишним, а излишнее – вредным. Подобный грубоватый утилитаризм может являться несомненной опасностью для демократии в том смысле, что он отчуждает от нее тонкие умственные организации и понижает ее духовный уровень, создавая противоречие между служением обществу и служением истине, создавая среди наиболее богато одаренных членов общества своего рода интеллектуальный аскетизм. Поэтому нигде не имеет такой общественной важности уважение к науке и к духовным благам, как именно в демократии. Для этого прежде всего необходимо гарантировать полную свободу научного исследования и творчества, искореняя вредный предрассудок, будто существуют какие-то ортодоксальные истины, обладающие монополией научности. Создание такой ортодоксии составляет тяжкий грех современной социал-демократии, который всегда будет глубоко ослаблять качественно ее духовные силы, если она от него не избавится.

Свобода исследования предполагает свободу преподавания. Известно, какие возражения, бурные по форме и серьезные по содержанию, вызывает этот принцип в католических странах. Клерикальная опасность толкает демократическое государство к тому, чтобы наложить свою тяжелую руку на школу и создать государственную монополию. Какие бы неудобства ни вытекали из принципа свободы преподавания, как бы он ни усиливал враждебные демократии организации, сам по себе принцип этот так драгоценен, что всякое его ограничение несомненно хуже этих неудобств. Менее всего приличествует демократии принимать на себя роль какой-то светской теократии и определять, какие научные истины подлежат поощрению и какие – осуждению. Она должна усвоить идею научной относительности, сообразно которой истина вчерашнего дня может сегодня оказываться заблуждением, а истина сегодняшняя может быть разрушена завтра. Вот почему она должна предоставить самые широкие возможности распространению разных духовных течений, не давая повода заподозривать собственный нейтралитет; это даже важнее, чем материальная помощь научному образованию. Может быть, поэтому демократическое государство должно стремиться не столько к развитию государственной школы с неизбежно присущим ей бюрократизмом, сколько всячески поощрять частную инициативу, однако не упуская из вида другой великой своей задачи – чтобы ни один сочлен общества не вступил в жизнь без образовательной подготовки. Требуется великий государственный такт, чтобы примирить свободу преподавания и обязательность обучения: для прочности демократического строя задача эта имеет первостепенную важность. Невежественная демократия есть лучшая почва для тирании и диктатуры.

<...>

Если всякая форма общественной организации, кроме оценки ее целесообразности, подлежит еще суду нравственному, то нельзя не сказать, что для современного нравственного сознания демократия имеет великие преимущества перед другими формами общежития, построенными на привилегиях известных групп населения. Наше чувство шокируется правовым неравенством; имущественный ценз, открывающий доступ к политическим правам, ощущается как

несправедливость, и недалеко то время, когда политическое неравенство будет признаваться за такую же аномалию, как неравенство перед гражданским и уголовным законом. Идея демократии имеет за себя великую нравственную санкцию, в рядах ее защитников находятся тонко организованные и чуткие натуры, которыми менее всего руководят личные выгоды и оппортунистические соображения, и этот момент имеет громадную важность для прочности демократии. Еще более чем нарушение права и пренебрежение образованием угрожает ей потеря нравственных устоев, ибо она в них нуждается больше, чем какая-либо другая форма человеческого общежития.

В самом деле, для демократии недостаточно одно механическое повиновение граждан государственному закону; от них требуется большее, чем соблюдение закона, большее, чем согласование с нормами права, требуется такая степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу, которая не может охватываться никакой правовой нормой.

Пусть будет признано за каждым право на весь целиком плод труда – демократия должна обеспечить нечто большее, обеспечить за каждым членом общественного союза условия, достойные человеческого существования. Нужно, чтобы каждый отказывался в пользу других от части своего права, чтобы строгий учет сделанного и полученного смягчался чувством коллективной связи, заставляющим переживать чужое лишение и страдание, как свое собственное. Лишь при условии этом возможен переход от демократии политической к демократии общественной. Формула Сен-Симона¹ «каждому по его способностям, каждой способности по ее заслугам», если бы она сделалась законом распределения материальных благ в обществе, построенном на начале социальной справедливости, весьма скоро привела бы к захвату этих благ более сильными и более одаренными и вновь создала бы общественные классы с их неравенством и с их взаимной борьбой. Природа не знает равенства, и установить его может лишь напряженная моральная деятельность. Если же вместе с теоретиками социал-демократии видеть в классовом интересе последний определяющий стимул исторического хода, то всякое будущее общественное устройство, организованное во имя классового интереса, хотя бы и самого широкого, явится исходным моментом для образования новых классов с их неравными силами, с противоположными интересами, и социальная Фемида снова повернет колесо общественной жизни из «царства свободы» в «царство непобедимости». В конце всей социальной борьбы с муками и страданиями – *restitutio in integrum*².

Как всемогущество народного суверенитета требует противовеса в создании неотчуждаемой области личных прав, так эти последние должны свободно ограничиваться чувством солидарности: область этого чувства всегда шире, чем область права, и при самом широком понимании социально-правовых задач государства нельзя ожидать и даже желать исчезновения этой разности; только незащищенные внешней властью моральные нормы могут служить коррективом к

¹ Сен-Симон Анри (1760–1825) – французский социалист-утопист.

² Возвращение в первоначальное состояние (лат.).

защищаемым этой властью нормам права, а без такового корректива само право рано или поздно под влиянием новых социальных конъюнктур осуждено на разрушение. Индивидуализм, отвергнувший всякое обязывающее начало к совместной жизни членов общества, расчищает путь к полному отрицанию прав индивидуума со стороны общества.

Демократия невозможна без выработки сочленами общественного союза привычки защищать свое право, но она непрочна без другой привычки – не использовать этого права до конца. Как нравственная основа демократического строя, глубже справедливости лежат чувства симпатии и сострадания. Мы не можем мыслить общество в стадии «царства свободы» иначе, как при великом, несоизмеримом с тем, что есть теперь, развитии этих чувств. Иначе даже обобщественное производство не избавит от появления новых форм социального угнетения. Утверждать это – не значит утверждать вопреки печальному историческому опыту чудодейственную силу за увещанием и нравственными проповедями; это значит лишь признавать, что величайшее экономическое противоречие современной культуры не может быть разрешено без коренного нравственного изменения человеческой личности. Об этом менее всего следует забывать тем, кто в «трезвом реализме» Бернштейна¹ видит лишь продукт мещанской психологии, угрожающий понизить тон и отнять подъем у великого социального движения наших дней.

Являются ли моральные предпосылки конечными, не опираются ли они сами на нечто иное? Здесь уже мы вступаем в область вопроса о санкциях нравственности. Несомненно одно: стимулы ограничения личного эгоизма – а это последнее и является главным жизненным условием для развивающейся демократии – могут быть даны не в одной нравственности. Более чем своим ближним человек на протяжении истории принес жертву своим богам или своему Богу. Бесконечно разнообразна психология этих жертв – начиная от чисто коммерческого расчета на принципе *do ut des*², проявляющегося в разных жертвенных и молитвенных тарифах, которые нам оставило и семитическое многобожие, и средневековое единобожие – и кончая теми тонкими, неуловимыми чувствами зависимости от высшей силы, высшего разума, высшей любви, которые влекли человека к культуре «дальнего» и к пожертвованию настоящим ради вечного.

Здесь мы не должны обманываться внешним единством организации, формы; как сложен, например, в современной католической церкви, которая извне представляется столь цельной и единой, круг тех мыслей и чувств, на которых она держится. В ней мы встречаемся со всеми оттенками религиозного понимания – начиная от почти первобытного фетишизма до самого одухотворенного индивидуализма, – но из всех этих разнообразных источников вырабатывается одно чувство глубокой солидарности – взгляд, что личные силы не принадлежат человеку, а некоторой высшей и пребывающей организации – церкви; дарования и темпераменты, как и материальные богатства не принадлежат всецело их об-

¹ Бернштейн Эдуард (1850–1932) – немецкий публицист, социал-демократ; один из лидеров II Интернационала.

² Даю, чтобы [ты] дал (*лат.*).

ладателю; они имеют одно назначение – расхотаться *ad maiorem gloriam Dei*¹ – сколь разнообразное содержание ни вкладывается членом католической церкви в слова *gloria Dei*². И надо сознаваться, католическая церковь дала высокие примеры того, как интенсивно может развиваться и чего может достигнуть человеческая солидарность. С этой стороны, с католицизмом, как организацией, в современной Западной Европе можно сопоставить лишь социализм, в котором Моммзен³, подводя итоги своего жизненного опыта, признал, несмотря на все свое с ним расхождение, крупнейшую моральную силу современной Германии. Социал-демократическое движение при всем своем теоретическом материализме сильно своим религиозным подъемом, своей верой в осуществление идеала, несомненно выходящего за пределы, доступные утверждению исторической эмпирии. Инстинкт духовного самосохранения партии сказался в той ожесточенной борьбе, которую вызвал Бернштейн, несмотря на логическую силу своей аргументации. Его взгляд угрожал отнять у социал-демократии те ее конечные надежды, без которых завоевания постепенных улучшений в жизни мало, слишком мало дают жаждущему освобождения.

Способна ли демократия жить одним будничным интересом, одним развитием действующих друг на друга сил? Бесспорно, демократические учреждения могут действовать и в той психологической атмосфере, которая окружает современное государство, но в таком случае эта формальная демократия едва ли будет соответствовать представлению о демократии подлинной, где из ее посылок выведены все следствия. Не раз указывалось, что всеобщее право голоса далеко не дает тех результатов в смысле демократического представительства, которых от него ожидали, что и при нем торжествует классовая гегемония и интересы немногих в ущерб массам. На самом деле, нетрудно видеть, насколько идея равенства, как постулат политической жизни, мало соответствует эмпирической действительности; и едва ли можно дать другое философское обоснование этой идее, кроме чувства зависимости всех людей от Высшей Силы. Божественное начало возвышается над человеческой жизнью на недостижимую высоту, и в отражении его стираются различия ценности бытия каждого человека. Точно так же и идея солидарности, другой великий принцип демократии, основывается на коллективной связи всех живущих, живших и имеющих жить, возвышающейся над сменой человеческих поколений, выводит нас за пределы области эмпирической. Для последней не существует ни единства человеческого рода, ни единства исторического процесса – идея, совершенно справедливо изгнанная из современной исторической науки; но эти идеи существуют в их религиозном аспекте, и в этом смысле им предстоит великое будущее.

И наконец, для демократии необходимо иметь в себе вечный источник социального вдохновения, радости общественного творчества. Она необходимо должна ослабить внешний стимул принуждения и соответственно усилить внутренние

¹ К вящей славе Господней (*лат.*).

² Слава Господня (*лат.*).

³ Моммзен Теодор (1817–1903) – немецкий историк античности. В 1902 г. был удостоен Нобелевской премии по литературе за сочинение «Римская история».

стимулы свободной работы на счастье и благо общее. Что может дать обоснование этим стимулам, кроме напряженного и яркого религиозного чувства?

Современная Америка представляет пример того, что может дать демократии свободное развитие религиозной жизни. Много жестокого и неприглядного представляет американская жизнь, но все-таки нигде так не сказывается мощь социальных потенций религии, как именно здесь. И характерно, здесь мы совсем не видим той религиозной демагогии, которая требует, как своих устоев, фанатизма, нетерпимости и суеверия. Религиозная история Америки представляет картину постоянно расширяющейся терпимости; признаны разнообразные формы и символы, под которыми предчувствуется единство содержания. Здесь глубокий контраст с религиозным фанатизмом, для которого догма и форма все; последний часто вступал в союз с демократией, часто принимал далее идею народного суверенитета. В самой психологии этого фанатизма есть несомненно много общих черт с представителями политического якобинства. Клерикальная демократия в смысле подавления личной свободы идет впереди даже демократии якобинской.

Если будущее представляет развитие и углубление демократического принципа, то и религия будущей демократии едва ли может быть религией определенной формы или установленной догмы. Ее связующая сила – в тех чувствах пиетета и благоговения, которые присущи человеку перед Непознаваемым, Божественным. И эти чувства достаточно яркие, достаточно богаты творческими силами, чтобы создать и бесконечное разнообразие символов, и форм. Одухотворение человеческой жизни – вот истинная предпосылка начала «царства свободы»; нельзя его себе представить без религии, создающей союз земного и небесного, о котором говорит апостол: «Мы ждем по Его обету новых небес и новой земли, в которых живет правда»¹.

*Публикуется по изданию:
Опыт русского либерализма.
М., 1997. С. 215–237.*

¹ «Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (Новый Завет. 2-е соборное послание апостола Петра. 3, 13).

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ КОТЛЯРЕВСКИЙ

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

1906 г.

Едва ли можно спорить, что именно эта проблема представляет в настоящее время для России величайшую жизненную важность. Вся русская история неразрывно связала у нас дело свободы с демократическими идеями и демократическими настроениями; последним бессознательно служил даже многолетний деспотизм власти, который не давал сословным и классовым организациям принимать более выпуклые и яркие политические очертания. История нашего дворянства за последнее время в гораздо большей степени выражается борьбой за более льготные условия займа в дворянском банке, чем борьбой за власть; привилегированное положение нашего промышленного класса долгое время заставляло его поддерживать бюрократический строй, который, казалось, дает этому классу более, чем сколько он мог бы приобрести в свободном соревновании с другими общественными силами. Дворянство, буржуазия – казались почти политическими фикциями при сопоставлении со всемогуществом бюрократии.

С другой стороны, все наши освободительные традиции носили неизменно демократический характер. Самый фанатический защитник всемогущества классовых интересов в истории не решится, вероятно, на них настаивать при объяснении «идеологии» декабристов. Вероятно и вид крепостного права воспитал эту неизменную ассоциацию свободы и равенства. Классический либерализм старых вигов и Бенжамена Констана остался чужд России; известные аристократические элементы в учении Б.Н. Чичерина отнимали у него возможность того руководства русским общественным мнением, которое, казалось, принадлежало ему по праву. Более того, как это особенно наглядно проявляется в истории нашего народничества, на стремление к свободе без равенства смотрели как на известного рода измену народным интересам, и привилегированной свободе решительно предпочитали равенство в несправии. Вот почему теперь, когда на очередь поставлено переустройство государства, для нас демократический принцип стоит вне спора. Он является нравственной нормой, но он же вытекает из строения у нас общественных сил; вот почему всеобщее право голоса не есть для нас подражание западной формуле, а выражение наших подлинных потребностей, и противоположные системы представительства сразу изобличают свой искусственный, доктринерский характер. Без всеобщего избирательного права русская политическая свобода останется висеть в воздухе, а так как эта свобода нужна не только в интересах осуществления естественных прав человека

и гражданина, но и в интересах государственных, то понятно и быстрое усвоение идеи всеобщего избирательного права различными общественными слоями, включение его в весьма различные партийные программы. Даже сама русская бюрократия, как это явствует из объяснительной записки к закону 11 декабря¹, едва ли рассчитывает на прочное сохранение созданных ею курий.

Итак, мы вступаем в новую жизнь под знаком демократии. Но что есть демократия? Над этим вопросом в настоящее время можно было бы, пожалуй, не задумываться, если бы он представлял лишь теоретический интерес. Но дело в том, что от того или другого ответа зависит целый ряд вполне конкретных последствий. И разве различным партиям и даже различным лицам в одной и той же партии не приходится выслушивать упреки, что их программы не стоят на почве последовательного демократизма? Разве, например, те, кто сомневается в пользе немедленной ликвидации всего частного культурного землевладения, не получают укоры за недостаток «демократических чувств», хотя их сомнение основывается вовсе не на мысли о выгодах аграриев, а на интересах народного производства. Слишком легко это слово «демократизм» обращается в полемическое оружие, направленное не столько к опровержению противников, сколько к их вящему уничтожению. Итак, переходя к вопросу о государственной реформе, мы естественно должны спросить себя: в чем должна заключаться истинная демократизация государства?

Нам хотелось бы вовсе не затрагивать здесь споров о демократической республике как о форме, очевидно, лежащей вне реальных возможностей. Но если и допустить на минуту подобное предположение, то ясно, что республика в России, противореча идеям и чувствам огромной массы русского народа, менее всего могла бы быть демократической в истинном смысле слова. Это была бы республика с характером диктатуры, и для сохранения государственного порядка ей, облеченной никаким наследственным, историческим авторитетом, пришлось бы править, постоянно затрачивая огромную сумму принуждения и насилия. Эта республика неизбежно подготовила бы путь новой монархии, силе и весу которой пошла бы на пользу вся непопулярность, приобретенная республиканским правительством. Произошел бы во всяком случае опаснейший эксперимент для всей политической свободы нации.

В линии демократизации мы должны стремиться не к фантастическому и опасному призраку республики, а к действительному господству народного представительства – к демократическому парламентаризму. Установление в России прусского режима полной безответственности исполнительной власти, неизбежного, быть может, как переходная стадия, далеко не даст народному представительству достаточного влияния на всю глубину национальной жизни. Наша бюрократия была долгое время слишком всемогуща, ее безответственность и самовластие, злоупотребление своей силой стали ее второй природой, и в то же время у нее совсем нет тех высоких достоинств, которые несомненно присущи прусскому правящему классу, и ввести конституционные принципы не только в

¹ Указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу» от 11 декабря 1905 г. Предоставил ограниченные избирательные права рабочим и расширил их для мелкой буржуазии.

законодательство, но и в управление является именно в России задачей величайшей важности. Ведь едва ли есть какое-нибудь более прочно укоренившееся чувство среди русских демократических масс, чем острая неприязнь к чиновничьему управлению. Вне установления действительной связи правительства и представительства, осуществляемой при парламентаризме, мы имели бы или постоянную, ожесточенную борьбу народных представителей с правительством или бессилие первых исправить существеннейшие недостатки в ходе русской государственной жизни. Когда Б.Н. Чичерин писал свою «Россию накануне XX столетия», ему казалось, что о парламентаризме в России не может быть и речи. Такой пессимистический прогноз нам кажется вовсе не доказанным. Конечно, было бы наивно ожидать «парламентаризма» от нашей Думы, собранной при существующих условиях и при существующем избирательном законе, но ведь мы говорим об условиях правильного, постоянного представительства. Важно только, чтобы с самого начала прогрессивным партиям было присуще сознание необходимости стремиться к парламентскому строю. Всего неудачнее здесь обычные ссылки на Австрию, примером которой вообще охотно пользовались, желая скомпрометировать идею политической свободы в России. В Австрии именно и не существует парламентаризма; он не мог установиться среди национального раздора, обеспечивающего безответственность власти. В Венгрии, где народное представительство более сильно, установился парламентаризм и, чтобы побороть это представительство, чего не могло сделать внепарламентское министерство Фейервари, потребовались гонимые...

Итак, оговоримся: говорить об установлении парламентаризма не значит требовать его немедленно, не значит и закреплять в конституционном тексте то, что может являться лишь результатом конституционной практики. Попытки этого рода – как, например, требование, введенное в конституцию, брать министров лишь из среды парламента – или созданы в условиях, слишком отличных от наших (как в конституции Австралийской федерации), или не имели особого практического значения (как в Болгарии). Несомненно, бывают случаи, когда весьма желательно ввести в ряды правительства лиц, не имевших успеха на выборах и вообще не входящих в парламента. Это особенно очевидно относительно таких специальных министерств, как военное, морское, даже министерство финансов. Парламентаризм должен служить директивой для руководителей политической жизни. Творцам русской конституции следует лишь заботиться о том, чтобы удалить препятствия с его пути. Но если парламентарный характер управления является одним из существеннейших моментов в общей программе государственной демократизации, то возможность его тесно связана именно с характером самой демократизации. Если, как многие мыслят, эта демократизация сведется к созданию всемогущей единой палаты с централизованной властью, то обращение правительства в комитет подобного представительного собрания способно вызвать самые серьезные сомнения. В своей интересной и характерной статье о демократизме и двух палатах П.Н. Милюков весьма строго судит сомневающихся. Предположения, из которых исходят последние, суть для П.Н. Милюкова «фантомы тирании народовластия, якобинской централизации», «книжные конструп-

ции, которые кажутся невыносимым доктринерством для всякого, имеющего чутье русской действительности». Я думаю, что сомневающиеся смело могли бы вернуть назад упрек и в доктринерстве, и в недостатке чутья русской действительности. Ужели П.Н. Милоков может отрицать, что якобинские настроения и стремления, напротив того, весьма характерны для русской действительности? Да и могло ли быть иначе при столь многолетнем воспитании в духе полного бесправия, гнета и деспотизма, при системе беспощадного и мертвящего централизма? И если в момент борьбы это якобинство иногда оправдывается тактическими соображениями, иногда является даже необходимостью, как необходимо на театре войны военное положение, то как длящееся настроение, как привитый навык оно заключает в себе величайшие опасности не только для свободы, но и для самой демократии. Без морального самоограничения, без уважения к праву демократия осуждена на банкротство, быть может временное, но несомненно глубоко пагубное, и все ее ошибки будут использованы деспотизмом ее разрушителей и ее преемников.

Обыкновенно полагают, что всякие противовесы, введенные в систему политической демократии в виде второй палаты, верховного суда и т.п., суть тормозы на пути удовлетворения социальных потребностей народа. Это несомненно так, если подобные учреждения основаны на антидемократических началах, например, когда рядом с нижней палатой, восходящей ко всеобщему избирательному праву, остается верхняя цензовая. Но не об этих, очевидных для всех истинах идет речь, а о том, чтобы в пределах самой демократии создать равновесие ее различных элементов. В теории мы еще не освободились от понимания народного суверенитета, которое существовало в XVIII веке и основывалось на механическом представлении о природе общества. Теперь нас от этого представления отделяет вся социальная наука XIX века, от предпосылок его не осталось камня на камне, и нам уже не приходится мыслить народную волю и народный суверенитет как какую-то единую и нераздельную субстанцию: мы видим в обществе не единообразный покой, а сумму постоянно действующих живых энергий. Если практическим выводом из такого понимания общества является эволюционный демократизм социальной политики, то мы должны искать и наиболее приспособленного для него государственного устройства. Для прочных социальных реформ именно якобинство, основанное не на подлинном представительстве совокупных народных интересов и стремлений, оказывается особенно мало подходящим. Декретами, хотя бы имеющими этикетку «воли народа», социальный быт не пересоздается. И, напротив, там, где государственный механизм рассчитан на обеспечение и выражение всех этих главных интересов, там может быть осуществляема гораздо более смелая социальная политика без опасности реакции. Нужно только, чтобы при создании данных законодательных норм или при установлении данной системы управления не оставались непредставленными никакие более крупные интересы, из которых слагается «народный суверенитет», – и говоря это, мы имеем в виду действительные общенародные интересы, а не классовые преимущества. И в интересах установления прочного парламентарно-демократического строя, в интересах предотвращения столь вероятной цезаристской реакции нам

следует с великой осторожностью относиться к слишком упрощенным формулам, к слишком прямолинейно-логической последовательности. Такая чрезмерная упрощенность обычно не выдерживает испытания ни «чистого», ни «практического» разума. Вспомним, как самое демократическое учреждение, имеющее несомненно великую будущность – референдум, в настоящем наносит иногда тяжкие удары интересам демократии, отвергает назревшие социальные и культурные реформы. Политическое воспитание, может быть, научит нас обходиться без противовесов, оно создаст, так сказать, автоматическое признание чужого права и чужой свободы, автоматическую государственную мораль, и сообразно с этим ослабеет значение гарантий; но можно ли об этом говорить в настоящее время, когда все мы еще запечатлены проклятием приказного строя, все мы носим в себе его отраву?

Исходя из подобного представления о задачах демократизации государственного строя, мы получаем очертания конкретной политической программы. В центре ее стоит, конечно, властное народное представительство, основанное на всеобщем и прямом избирательном праве. Первым противовесом его власти должна явиться декларация прав человека и гражданина, возведенная в основной закон. Величайшую важность именно для России имеет возможно полная гарантия ее соблюдения, отсюда необходимость сильной и авторитетной судебной защиты. Для России все преимущества лежали бы на стороне английской системы; едва ли при наших бюрократических традициях можно создать удовлетворяющие требованиям правосудия органы административной юстиции. Напротив того, в интересах демократии особенно [важно] поднять авторитет и обеспечить независимость судебных органов, ввести в политическую жизнь сильно выраженный мотив легальности.

Как завершение этой системы охраны основных прав не только от произвола администрации, но и от случайных, преходящих настроений законодателя, у нас было бы крайне ценным и политически мудрым создание верховного суда наподобие американского, могущего отказывать в применении неконституционным законам. Это, конечно, предполагает известное различие между порядком изменения основных и обычных законов, но едва ли можно серьезно рекомендовать для России конституцию столь же гибкую, как английская, венгерская, итальянская: это значило бы рисковать слишком важными политическими ценностями. Очевидно, придется установить известный усложненный порядок для пересмотра конституции, и весь вопрос может идти лишь о степени усложнения.

Второй естественный противовес – это самая широкая местная и областная децентрализация, широкая компетенция органов самоуправления, пересозданных на основе всеобщего избирательного права. Нужно ли распространяться, какими опасностями угрожают для России централистические навыки и к чему приводят в этой области приемы аракчеевско-якобинской политики? Нужно ли вспоминать о жизненных интересах национальностей? Поэтому нельзя достаточно подчеркивать политическую важность земской и городской реформы. Если центральное демократическое представительство не будет поддержано в своей работе самым деятельным сотрудничеством органов местных интересов,

оно окажется бессильным в разрешении самых жизненных вопросов, каковы аграрный и крестьянский; сама политическая свобода может пройти тогда, так сказать, над русской жизнью и не проникнуть в нее достаточно глубоко, чтобы сделаться национальным институтом, от которого возврата нет.

Отсюда вытекает и необходимость второй палаты, которая перед судом отвлеченно-демократических формул кажется для одних ненужным, для других прямо опасным придатком. Разногласие относительно одной или двух палат принадлежит к числу характернейших, так как, без сомнения, это разногласие касается не только техники осуществления одного и того же принципа, но и различного понимания самого принципа. Не станем повторять аргументов обеих сторон: они слишком хорошо известны – а данный спор будет возобновляться еще много раз по поводу различных сторон в программе обновления России. Для нас вторая палата, представляющая интересы демократической децентрализации, есть тоже символ будущего государственного пути, того более надежного и оправданного опытом Запада пути, идя по которому русская демократия не встретится с тяжкими разочарованиями и опасными потрясениями. Но рядом с доказательствами есть и обвинения, и они, пожалуй, играют большую роль в настроении русского общества. Обвиняют в недоверии ко всеобщему избирательному праву, в неискренности демократических чувств. Едва ли на такие обвинения возможно и даже следует отвечать. Вера во всеобщее избирательное право как самую жизненную и неотложную потребность России, вера, которая к счастью, по-видимому, объединила все прогрессивные группы русского общества, эта вера не есть идолопоклонство. Она не исключает предвидения неизбежных ошибок, но эти ошибки ее не поколебляют. Искренность же познается лишь на деле, и едва ли эти испытания на деле могут быть заменены самыми торжественными демократическими декларациями. И не в славословии и коленопреклонениях выражаются наши политические обязанности, а в том, чтобы всей нашей работой, постоянной борьбой с живучими и цепкими традициями бюрократической безответственности, со всякими сословными или классовыми вожделениями, содействовать одному, а именно тому, чтобы русское государство стало государством русского народа. В этом и состоит смысл программы демократического парламентаризма.

*Публикуется по изданию:
Полярная звезда. 1906.
№ 13 (12 марта). С. 91–99.*

СЕМЕН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК

ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ

1906 г.

На очереди дня стоит выработка конституционного акта, определяющего начала нового государственного устройства России. Все понимают, что первая полномочная Государственная дума, какой бы характер она ни носила официально, по существу необходимо должна выполнить задачу Учредительного собрания, т.е. установить основной закон и определить условия осуществления государственной власти. Вот почему общественное мнение, печать и политические партии должны немедленно же выработать и обсудить проекты основного закона, которые могут быть предложены на рассмотрение собранию народных представителей. В этом отношении многое уже сделано. Мы имеем проект основного закона, выработанный еще прошлой зимой группой «освобожденцев» и напечатанный сперва за границей, а потом в России (в журнале «Право» и в приложении к сборнику «Конституционное государство»). В несколько измененном виде тот же проект в редакции проф[ессора] Муромцева был напечатан в «Русских ведомостях». Конституционно-демократическая партия в своей программе довольно детально определила юридические принципы, на которых должно быть основано конституционное устройство российского государства. Таким образом, некоторый законодательный материал для выработки основного закона уже налично. Тем не менее один принципиальный вопрос существенного значения остался еще совсем не затронутым. Это – вопрос об общем формальном характере конституционного акта. Должен ли он свестись к простой совокупности положительных юридических норм, регулирующих государственное устройство, или, наряду с этим, в него должно быть внесено торжественное провозглашение общих принципов политического правосознания, лежащих в основе конституционного и демократического строя? Короче – нужна ли нам, наряду с конституционным законом, особая декларация прав?

Вопрос о необходимости декларации прав у нас до сих пор не поднимался; составители проектов основного закона молчаливо отвергли эту идею и ограничились включением в самый текст норм некоторых общих политических принципов. По-видимому, общественное мнение или не видит особой надобности в декларации прав, или же еще не обратило достаточно внимания на самый вопрос. И это нетрудно объяснить: идея декларации прав мало популярна как потому, что для нее нет близких исторических прецедентов (последняя декларация прав содержалась во французской конституции 1848 года), так и потому, что она до из-

вестной степени противоречит господствующим взглядам на право и государство и исторически тесно связана с теорией «естественного права», потерявшей популярность в наш «положительный» век.

Согласно господствующему мнению государственная власть, какова бы ни была ее форма, юридически всемогуща, т.е. не допускает никаких ограничений. Всякое право есть продукт государства, зависит от государственной власти и подчинено ей. Так называемое правовое государство отличается в этом отношении от государства полицейского или деспотического только тем, что оно само себя ограничивает рядом постоянных норм, которые оно в своих собственных интересах решает соблюдать. Тем не менее, и правовое государство остается неограниченным властелином в сфере права, так как оно во всякое время может отменить или изменить наложенные им на себя правовые ограничения. С этой точки зрения лишено всякого смысла провозглашение каких-либо вечных и неотъемлемых принципов и прав. Все, что не есть закон, юридическая норма – лишено вообще всякой силы, а закон по самому существу дела исходит от государственной власти и потому не может сам ограничивать ее суверенитет. Правда, большинство правовых государств знает различие между конституционным и обычным законом, между учредительной и законодательной функцией государственной власти. Но это различие – с точки зрения неограниченности суверенитета – в сущности говоря, лишено принципиального значения. Текущая законодательная деятельность должна протекать в рамках, установленных конституционным учредительным законом, отмена или изменение которого обставлены особыми условиями и могут осуществляться либо иными органами, либо в иных, более сложных формах, чем обычное движение законодательства. Но в конце концов, если воля суверена ясна и решительна, он может изменить и подчинить себе все право без всяких исключений¹. Суверен всемогущ; он не знает над собой ничего неприкосновенного, никаких принципов или норм, которые служили бы непреодолимой преградой для его державной воли. Естественно, что для такого мировоззрения декларация вечных и священных принципов права представляется, в лучшем случае, какой-то ненужной и бессмысленной рисовкой, детской затеей, основанною на архаических реминисценциях «естественного права» и не выдерживающей серьезной и логической юридической критики.

Это всемогущество суверена, перенесенное сперва с римского народа на римского императора, перешедшее затем, по учениям Бодэна и Гоббса, на королевскую власть и, наконец, теорией Руссо вновь возвращенное самодержавному народу – стало какой-то почти логической аксиомой юридической науки. Странным образом не замечается, что это учение широко раскрывает двери всякому произволу и деспотизму, от которого принципиально не может огородить никакая конституция, никакая, даже самая демократическая и либеральная форма государственного устройства. Сегодня суверен «признал за благо» дать неприкосновенность личности, обеспечить свободу мысли и совести – завтра он может признать эти права неудобными или опасными и отнять их, «*car tel est notre bon*

¹ Как известно, Англия, это правовое государство *par excellence*, не знает даже и этого различия между конституционным и простым законами (прим. С. Франка).

plaisir»¹. И это может в одинаковой мере сделать и абсолютный монарх, и «монарх в парламенте», и республиканское национальное собрание. В известном смысле можно сказать, что с точки зрения этой теории – единственной логически и юридически мыслимой формой государственного устройства является самодержавие, т.е. неограниченность государственной власти. Допускается только различие в субъекте власти, но никак не в самом ее характере. Самодержавная власть может быть перенесена с монарха на народное представительство или разделена между ними, но, кто бы ею ни владел, она остается самодержавной. Социал-демократическая партия в своей программе открыто говорит о замене «царского самодержавия» «самодержавием народа» – и нельзя не признать, что она поступает, по крайней мере, логично.

Но независимо от политических и моральных доводов, говорящих против этого учения, его несостоятельность может быть доказана и чисто теоретически. Право и закон – не одно и то же; нельзя согласиться с исходной точкой рассуждения абсолютистов, согласно которой все право есть продукт государственной власти, истекает из нее или, по крайней мере, заимствует свою юридическую силу из ее санкции. Наоборот, можно сказать, что лишь наименее прочная и относительно несущественная часть права закреплена в законе и определена государственной властью. Существо и основу права образуют нормы отношений между людьми, опирающиеся на общее правосознание и обязательные – независимо от того, внесены ли они в собрание узаконений или нет. Только узкие специалисты-юристы могут за юридическими нормами просмотреть право. Только они могут забывать, что фундамент правовой жизни образуют не те сложные и запутанные юридические формулы, с которыми они имеют дело и которые регулируют только спорную, не укрепившуюся в общем сознании и нередко ему даже недоступную часть права, а те немногие ясные и простые правовые принципы, которые известны всем и определяют непосредственный уклад отношений между людьми. Что рабство недопустимо, что нельзя убивать и грабить – эти нормы ужели определяются только статьями закона и могут быть ими отменены? Ясно, что они крепче всякого закона и всякого государственного строя: они коренятся в душах людей, образуют моральные, но юридически обязательные принципы, которые внушены людям всем их воспитанием, господствующим в обществе образом мысли и чувствования. Эти принципы никакой закон фактически не в состоянии отменить, и они составляют ту прочную правовую атмосферу, которая окружает всякую законодательную деятельность и ставит произволу устойчивую преграду.

Такие же принципы существуют и в политической жизни, хотя здесь они часто оказываются менее устойчивыми. Но из этого не следует, что ими можно пренебрегать в этой области; наоборот, из этого следует нечто совершенно иное – именно необходимость путем особых воспитательных средств укрепить их и прочно привить общественному правосознанию. Такова была задача всех деклараций прав, и в наши дни общей смуты и шатания с особенной настойчивостью ощущается необходимость подобной декларации, которая формулировала бы основные принципы политической жизни, имеющие морально-

¹ К нашему вящему удовольствию (*старофранц.*).

правовое значение и потому могущие претендовать на значение вечных и ненарушимых норм.

К чему же должна сводиться эта декларация? Мы полагаем, что было бы бесконечно трудно пытаться на манер прежних «деклараций» охватить в подобном акте целиком основные принципы господствующего правосознания. Вместе с тем это было бы в значительной мере бесплодно, так как по отношению к некоторым из этих принципов пришлось бы ограничиться простым провозглашением морально-политического верования, неспособным облечься в живую плоть правовой нормы. А в этом отношении мы действительно должны считаться с трезвым и суровым настроением времени, требующим не слов, хотя бы искренних и содержательных, а серьезного практического дела. В наши дни декларация прав не может быть одним возвещением политической веры, она должна, не теряя своего характера, как признание вечных, «метаюридических»¹ принципов, иметь все же значение положительного юридического акта и включать в себя только то, что может уложиться в эту реальную правовую форму. Декларация прав должна быть учредительным законом о вечных и неотъемлемых правах граждан. Реалистически настроенного юриста, быть может, смутит это словосочетание: «закон о вечных правах», оно покажется ему нелепым противоречием. Мы не имеем здесь возможности детально обосновать конструкцию этого понятия. Нам думается, однако, что действительного противоречия тут нет: смысл такого закона состоит, конечно, не в создании этих вечных прав – иначе они от него зависели бы и не были бы «вечными и неотъемлемыми» – а в их констатировании и санкционировании. Но если бы даже такое понятие действительно содержало юридические трудности и шероховатости – живое общественно-педагогическое значение подобного акта, укрепляющего принципы правосознания, настолько велико, что ради него можно смело рискнуть этими трудностями. Творчество права всегда богаче и сложнее его научных формулировок и по необходимости должно обгонять их.

Такая декларация прав, являющаяся одновременно и возвещением принципов и установлением положительных норм, может иметь лишь одну задачу: определение отношения между государственной властью и правами личности, обеспечение прав личности путем отграничения их от законных прав власти. Она должна установить тот минимум прав граждан, который современное правосознание признает абсолютно неприкосновенным для государственной власти. Таким образом, содержание подобной декларации должно совпадать с содержанием отдела «об основных правах граждан» в конституционных актах, с той только разницей, что конкретные юридические нормы «декларация» должна подкреплять и обосновывать торжественным возвещением общих принципов, на которых они покоятся².

Ниже следует текст предлагаемого нами проекта декларации прав. При

¹ Выражение Еллинека (прим. С. Франка).

² В силу всех приведенных выше соображений мы не сочли возможным включить в декларацию прав право на достойное человеческое существование, на которое обратил внимание П.И. Новгородцев в № 3 «Полярной звезды». Это не мешает нам безусловно признать необходимость и плодотворность укрепления этой основной социалистической идеи в общественном правосознании (прим. С. Франка).

его составлении мы пользовались проектом основного закона, выработанным «освобожденцами», отделом «о правах граждан» программы Конституционно-демократической партии и тем же отделом западноевропейских конституций (преимущественно бельгийской). В принципиальном отношении ново, по сравнению с этими материалами, в нашем проекте – помимо общего его характера как «декларации» – во-первых, провозглашение принципа неприкосновенности для государства человеческой жизни с вытекающими из него требованиями недопустимости смертной казни и строгого ограничения вооруженных репрессий и, во-вторых, признание на основании принципа свободы совести необязательности военной службы для лиц, уклоняющихся от нее по религиозным мотивам. Обоснованием этих, как и всех остальных пунктов нашего проекта, мы, быть может, займемся впоследствии, если идея «декларации прав» обратит на себя внимание печати и политических кругов и будет в принципе принята сочувственно. Само собою разумеется, что и для нас важнее всего не те или иные детали в содержании этого проекта, а его общая идея.

Учредительный закон о вечных и неотъемлемых правах российских граждан

1. Государственная власть действует в интересах общего блага и ограничена в своем верховенстве вечными и неотъемлемыми правами российских граждан. Эти права суть гражданское равенство и личная свобода.

2. Все русские граждане равны перед законом и властью. Сословные различия отменяются. Различие происхождения, национальности и вероисповедания не может иметь своим последствием неравенство гражданских или политических прав и обязанностей.

3. Личная свобода означает неприкосновенность жизни, личности и жилища, свободу совести и мысли, свободу устного и печатного слова, свободу преподавания, свободу собраний и союзов, свободу передвижения и право петиций.

4. Человеческая жизнь священна и неприкосновенна. Лишение жизни допустимо только в состоянии необходимой самообороны. Государственная власть в отношении посягательства на человеческую жизнь приравнивается частному лицу.

В силу этого:

а) Смертная казнь отменяется навсегда и не допускается ни по какому суду и ни за какие преступления.

б) Применение вооруженной силы против граждан допускается только в случаях насильственных действий или открытого вооруженного восстания и лишь в качестве крайнего средства обороны. Всякая власть, злоупотребившая вооруженной силой, карается на тех же основаниях, как и частное лицо.

5. Свобода и неприкосновенность прав каждого обеспечены законом.

В силу этого:

а) Никто не может быть подвергнут преследованию или наказанию иначе, как на точном основании закона, изданного и обнародованного до совершения

проступка. Никакие кары, взыскания или ограничения прав не могут быть налагаемы на частных лиц какою-либо властью, кроме судебной. Никакие чрезвычайные суды не допускаются.

б) Никто, за исключением случаев захвата на месте преступления, не может быть задержан или лишен свободы иначе, как по мотивированному постановлению судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточных оснований или продолженное сверх законного срока, дает право пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

6. Жилище каждого неприкосновенно. Вход в частное жилище без согласия хозяина допускается лишь в случаях, предусмотренных законом и – за исключением случаев необходимости немедленной помощи – не иначе, как по постановлению судебной власти. Равным образом обыск, выемка и вскрытие частной переписки допускаются только в случаях, указанных законом, и не иначе, как по постановлению судебной власти.

7. Совесть, мысль и вера составляют неотъемлемое свободное достояние личности и не подчинены государственной власти, которая распространяется только на действия граждан. Государственная власть не вправе объявлять вредными или опасными никакие верования, убеждения и политические или религиозные учения.

8. Не допускаются никакие преследования, наказания и умаления прав отдельных лиц или групп населения за их верования, убеждения и принадлежность к политическим или религиозным союзам и партиям, равно как за перемену и отказ от вероучения. Всякий волен свободно избирать церковь, в которой он желает участвовать, основывать новые вероисповедные союзы и общины или не принадлежать ни к какому вероисповедному обществу.

9. Отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами.

10. Никакая церковь не может находиться под опекой или контролем государственной власти.

11. Никакие вероисповедные акты не могут влиять на гражданское состояние; бракосочетания и рождения регистрируются гражданскими властями на основании гражданских законов и только из этой регистрации почерпают законную силу.

12. Лицам, уклоняющимся от несения военной службы по мотивам религиозным или нравственным, должна быть предоставлена возможность замены военной службы какою-либо иной государственной повинностью.

13. Человеческое слово свободно. Каждый волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она ни называлась, упраздняется и не может быть восстановлена. Равным образом не допускаются никакие иные предупредительные меры по отношению к печати. Никто не подлежит ответственности за самое содержание высказываемых им мнений, если только этим не совершается какого-либо общего преступления, предусмотренного законом.

тренного уголовным законом; за такое преступление виновные отвечают только перед судом.

14. Преподавание свободно; каждое лицо, общество и учреждение вольно обучать как детей, так и взрослых и основывать школы всякого типа. Никакие предупредительные меры и ограничения свободы преподавания не допускаются.

15. Все российские граждане имеют право устраивать публичные собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом для обсуждения всякого рода вопросов, не спрашивая на то разрешения.

16. Все российские граждане имеют право составлять союзы и общества для целей, не противных уголовным законам, не испрашивая на то разрешения; это право не подлежит никаким предупредительным мерам.

17. Каждое частное лицо пользуется свободой передвижения и выезда за границу. Паспортная система упраздняется и никакой вообще принудительный контроль государства за местожительством и передвижением граждан не допускается. Никакое частное лицо не может быть ограничено в свободе передвижения и выбора местожительства иначе, как по судебному приговору.

18. Право петиций принадлежит как каждому отдельному гражданину, так и всякого рода группам, союзам и собраниям.

19. Должностные лица за нарушения прав граждан, совершенные при отправлении должности, подлежат гражданской и уголовной ответственности на общем основании, причем для привлечения их к суду не требуется согласие их начальства.

20. Всеми означенными правами пользуются также иностранные подданные, проживающие на территории российского государства.

21. Все означенные права обеспечиваются судебной защитой. Суд не вправе руководиться законом, нарушающим или ограничивающим эти неотъемлемые права, и должен освобождать от следствия и наказания лиц, обвиняемых в неисполнении законов и административных распоряжений, противоречащих означенным правам граждан.

*Публикуется по изданию:
Полярная звезда. 1906.
№ 4 (5 января). С. 243–254.*

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

ВСЕОБЩЕЕ, ПРЯМОЕ, ТАЙНОЕ И РАВНОЕ¹

1906 г.

За последнее время мне неоднократно приходилось ездить из Киева в Петербург через Москву. – Это – тот самый исторический путь, который прошла Россия в процессе своего развития. И по пути мысль невольно обозревала весь этот процесс, который привел нас к настоящему нашему печальному положению.

Из окна вагона я не видел ничего, кроме *всеобщего, прямого и равного*. Это, если можно так выразиться, закон нашего равнинного существования. На расстоянии всего пути картина почти не менялась: я видел все ту же ровную, прямую поверхность и кое-где еле заметные бугры, которые почти не нарушали однообразия пейзажа. По привычке к четырехчленной формуле взор мой стал искать тайного; тут сгустился туман над полями; потом ночь скрыла все очертания равнины, *и я увидел тайное*. Когда я проснулся, предо мною красовалось кладбище, это классическое выражение всеобщности, равенства и тайны смерти, прямой жребий, предстоящий каждому из нас. А над кладбищем возвышалась церковь – тоже всеобщее, прямое, тайное и равное, но только в ином, лучшем значении этого слова.

Прислушаемся к этому немому языку символов; он поведаст нам, что четырехчленная формула как в положительном, так и в отрицательном своем значении не есть что-либо новое в русской истории: в затаенной глубине нашего народного духа всегда боролись две тенденции, два противоположных понимания всеобщего равенства, из них одно находит себе воплощение в христианстве, другое приводит к всеобщему кладбищу; одно выражается в признании образа Божия во всяком человеке как таком, всеобщего нравственного достоинства; другое, напротив, уравнивает всех в общем ничтожестве.

Равнинный, степной характер нашей страны наложил свою печать на нашу историю. В природе нашей равнины есть какая-то ненависть ко всему, что прорастает плоскость, ко всему, что слишком возвышается над окружающим. Эта ненависть составляет злой рок нашей жизни. Она периодически сравнивала с землей все то, что над нею вырастало.

Когда начала расти Киевская Русь, степь стала высылать против нее рать за ратью полчища диких кочевников; *они уравнивали*, т.е. жгли, истребляли, резали; в конце концов, татары *все уравнили*, т.е. все превратили в развалины. И ког-

¹ Впервые статья была опубликована в «Московском еженедельнике», № 2 (15 марта 1906 г.). В 1918 г. вошла в состав сборника публикаций Е.Н. Трубецкого «Два зверя: старое и новое».

да на южной равнине окончательно воцарилось всеобщее равенство смерти, над равнинами севера стала медленно подниматься из развалин Московская Русь.

И в ней сказалась та же равнинная тенденция. Чтобы бороться против угрожающих извне уравнительных стремлений татар, царская власть сама должна была стать единственной возвышенностью в стране и превратить в плоскость все то, что под нею; она покорила и поглотила отдельные княжества, превратила бояр в холопов; чтобы они не зазнавались, Иоанн Грозный рубил им головы. Деспотизм стремился всех уравнять в общем ничтожестве рабства. Но, создав общее для всех иго, он не упразднил неравенства состояний. Над равниной уцелело много возвышенностей.

И вот в XVII веке против них ополчился Стенька Разин¹. Он хотел упразднить различие между богатыми и бедными и перестроить управление государством на начале всеобщих выборов. По-своему он «всех уравнивал», т.е. жег, грабил, вешал всех вообще дворян и богатых. Когда же сам он стал слишком заметной возвышенностью, его в свою очередь «уравнивали» московские палачи. В XVIII столетии Пугачев теми же способами делал то же дело и в заключение подвергся той же участи.

Перенесемся в нашу эпоху, и мы увидим повторение того же самого. Опять наша равнина освещена ярким заревом пожара: огонь грозит поглотить всю ту скромную культуру, которая над нею выросла. В нашей народной душе еще жив дух Стеньки Разина – об этом свидетельствуют погромы, аграрные движения, междоусобная война, происходящая в разных местах России. И самые способы уравнивания теперь – те же, что и в дни Разина: поджог, грабеж, насилие над личностью. Наконец, теперь мы видим то же распределение ролей между «уравнивателями»; сначала стали уравнивать преемники Разина; теперь их самих уравнивают преемники московских палачей.

Если мы расширим круг наших наблюдений, мы увидим, что теперь разрушается не одно только народное богатство, но и самая духовная культура: гибнет университет, рушится средняя школа; стихийное массовое движение грозит смети с лица земли самое образование. И если до этого дойдет, то отрицательная всеобщность и равенство осуществляются у нас в виде совершенно прямой и ровной поверхности: то будет равенство всеобщей нищеты, невежества и дикости в связи с свободой умирать с голода.

Не такова цель совершающегося у нас освободительного движения; чтобы четырехчленная формула осуществилась у нас в ином, лучшем значении слова, нам нужен необычайный подъем всех наших духовных сил. Горит только то, что тленно. Противостоять всеобщему разрушению и пожару может только то, что стоит на вечной, незыблемой духовной основе.

Над кладбищем стоит церковь – олицетворение вечно воскресающей жизни. На нашей равнине это – та единственная возвышенность, которую смерть доселе не могла сровнять с землею. Среди переживаемых русскою жизнью периодических разрушений церковь одна выходила целою из пламени и вновь собирала воедино распавшееся на части народное тело. Деспотизм и ее подводил под ран-

¹ Разин С.Т. (ок. 1630–1671) – донской казак, предводитель восстания 1670–1671 гг.

жир всеобщего рабства; но он не мог нанести ей окончательного, смертельного удара. Духовная жизнь в ней помертвела, но не угасла. Теперь, когда рушится бюрократизм, державший Христа в оковах, и церковь готовится выйти на волю из тяжкого векового плена, она вновь должна стать средоточием нашей народной надежды.

Чтобы быть на высоте этой задачи, церковь сама должна освободиться от временных исторических наростов и явить миру во всей его первообразной чистоте христианский общественный идеал. Это прежде всего идеал *положительной всеобщности и равенства*, ибо во Христе нет различия между иудеем и эллином, между рабом и господином; в христианстве выражается и высшая *тайна* человеческого существования, и тот *прямой путь*, который ведет ко спасению.

Это – путь спасительный не только для отдельных лиц, но и для целых народов. То анархическое движение, которое на наших глазах разрастается, не может быть остановлено никакой внешней, материальной силой. Вещественное оружие бессильно, когда падает в прах весь государственный механизм. Только сила нравственная, духовная может положить предел всеобщему разложению, резне, грабежу, анархии общественной и анархии правительственной. Христианство – та единая и единственная нравственная сила, перед которой у нас склоняются народные массы; иной у нас нет. И если русская демократия не определится как демократия христианская, то Россия погибнет бесповоротно и окончательно.

Для русского освободительного движения характерно то, что оно дорожит равенством более, нежели самой свободой. Оно готово предпочесть рабство *частичному* освобождению: между *всеобщим* равенством рабства и *всеобщим* равенством свободы оно не допускает середины. Оно не может мыслить иначе как в *форме всеобщности*. Черта эта составляет одно из проявлений того *универсализма* русского гения, который столько раз отмечался великими русскими писателями, в особенности Достоевским¹. Этот универсализм тесно связан с особенностями русской физической природы; здесь нет тех *естественных* преград, которые бы обособляли человека от человека: где нет гор, там нет и замков, – вот одна из причин, почему в России не было и нет почвы для образования сильной аристократии.

Универсализм русского гения и его демократизм – два выражения одной и той же сущности. *Форма всеобщности* и по тому самому демократические *формы* жизни составляют для нас историческую необходимость. От нас зависит только вложить в эти формы то или другое *содержание*, сделать выбор между массовым деспотизмом и демократической свободой, между господством силы и господством права. Самый выбор всецело зависит от того, насколько сильны в нашем народном сознании привитые христианством нравственные начала.

Есть два типа демократизма, два противоположных понимания демократии. Из них одно утверждает народовластие на праве силы; с этой точки зрения народ не ограничен в своем властвовании никакими нравственными началами: беспредельная власть должна принадлежать народу не потому, что народ – сила. Такое понимание демократии несовместимо со свободой: с точки зрения права

¹ Достоевский Ф.М. (1821–1881) – русский писатель.

силы не может быть речи о каких бы то ни было неприкосновенных, незыблемых правах личности. Если сила народа является высшим источником всех действующих в общежитии норм, то это значит, что сам народ не связан никакими нормами: жизнь, свобода, имущество личности зависят всецело от усмотрения или, точнее говоря, от прихоти большинства. Таким образом понятая демократия вырождается в массовый деспотизм; о том, насколько он у нас силен, свидетельствует ряд фактов нашей общественной жизни, и в особенности то изумительное пренебрежение к свободе слова, которое составляет печальную особенность наших нравов.

Другое понимание демократии кладет в основу народовластия незыблемые нравственные начала, и прежде всего – признание человеческого достоинства, безусловной ценности человеческой личности как таковой. Только при таком понимании демократии дело свободы стоит на твердом основании, ибо оно одно исключает возможность низведения личности на степень средства и гарантирует ее свободу независимо от того, является ли она представительницей большинства или меньшинства в обществе. Весь пафос свободы не имеет ни малейшего смысла, если в человеке нет той *святыни*, пред которой мы должны преклоняться. Но признавать в человеке святыню можно только с точки зрения определенного философского и религиозного мирозерцания. Если человек есть только временное, преходящее сочетание атомов материи, то проповедь уважения к человеческой личности, к ее достоинству и свободе есть чистейшая бессмыслица: об уважении к человеку можно говорить только в том предположении, что человек есть сосуд безусловного, носитель вечного, непреходящего смысла жизни.

Христианство учит, что человек есть «образ и подобие Божий». В сознании наших народных масс самое понятие о достоинстве человеческой личности неразрывно связано с этим христианским учением, поэтому спасение России всецело зависит от того, насколько этот принцип прочно утвердился в народном сознании. Только такое одухотворенное понимание демократии может совлечь с нее образ звериный и сообщить святость ее делу.

*Публикуется по изданию:
Трубецкой Е.Н. Смысл жизни.
М., 1994. С. 299–303.*

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГЕРЬЕ

О КОНСТИТУЦИИ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ В РОССИИ

1906 г.

I

Известный сподвижник императора Александра I Михайловский-Данилевский¹ записал в своих воспоминаниях, что «до царствования этого государя в России не было общего мнения, прежде его опасались у нас произносить слова – «правительство» и «отечество», тем менее еще рассуждать об оных, равно и о своем монархе». И долго еще после этого не могло быть речи в России об общественном мнении в политическом смысле. Насколько оно появлялось – оно жило в *кружках*. В этих кружках рано можно отметить два течения: одно из них находилось под сильным влиянием того, что происходило в Западной Европе, и черпало оттуда свои политические идеалы. Это направление имело поэтому подражательный характер, его представители часто не давали себе достаточного отчета о том, насколько их идеалы пригодны для России, насколько западноевропейские учреждения применимы к ней. Политическим образцом для этого подражательного либерализма служил английский парламентаризм, преимущественно, впрочем, в его более знакомой русским людям французской переделке, символом которой был популярный девиз: «Государь царствует, но не управляет». Странно, конечно, и объяснимо только психологически, что в государстве самодержавном, в котором еще не было даже зачатков самоуправления и существовало крепостное право, политические мечтатели увлекались идеей упразднения монархической власти там, где все ею держалось. Но при всем своем увлечении это направление представляло то достоинство, что распространяло в обществе стремление к политическому прогрессу и исходило от определенных политических учреждений.

Рядом с ним и в противоположность ему развивалось другое направление, которое не желало отделяться от национальной почвы и потому принципиально отвергало всякое следование иноземным образцам. Находя, что Россия без того слишком долго и сильно поддавалась иноземным влияниям, приверженцы этого направления обращались всей душой к русской старине и там черпали свои идеалы. Они находили там два основных политических понятия, которым они поклонялись и которые они идеализировали, – *царскую власть и народ*. Они сопоставляли эти два понятия чисто внешним способом, а если желали установить между

¹ Михайловский-Данилевский А.И. (1790–1848) – генерал-лейтенант, военный историк, председатель Военно-цензурного комитета.

ними внутреннюю связь, то не выходили из области моральных представлений, отвергая всякие *юридические* определения. В этом преобладании этического элемента над юридическим приверженцы этого направления находили особенность и преимущество восточного, славянского мира над западноевропейским. В этих представлениях проявлялась иногда крайняя наивность. Еще в восьмидесятых годах [XIX в.] в Москве один из представителей указанного направления, почтенный по летам и литературной деятельности, следующим образом разрешал проблему об отношениях народа к царю: «Народ идет к царю; царь выходит к народу; народ кланяется царю; царь кланяется народу; царь спрашивает народ: с чем вы пришли? Народ говорит...». Рассказ на этом обрывался, потому что продолжения у него не могло быть. Такие неопределенно-этические мечтания о взаимных отношениях государя и народа можно встретить и теперь. Так, автор вышедшей в прошлом году книги об основах государственного права русского народа в прошлом и настоящем заключает свою попытку «органически слить царя с народом, соединить их волю до полного отождествления» следующим пожеланием: «*Да будет едино стадо и един пастырь*¹, но стадом, каким Христос разумел свою церковь, т.е. собранием разумных свободомыслящих людей, соединенных общею, основанной не на принуждении, а на свободе, верою в общий идеал». От этого направления веяло стариной и застоем; его демократический идеал был неуловим и фантастичен; но оно инстинктивно понимало, что политический прогресс должен иметь в России национальный характер и что русский народ должен осуществлять свой исторический завет в союзе с царской властью, а не упразднением ее.

Между тем, русское общество было призвано не только свободно высказываться о правительстве и о своих нуждах, но и влиять через выборных людей на ход правительственного дела... Чистый абсолютизм – редкое и исключительное явление. Весьма часто абсолютные монархи находятся, не давая себе отчета в этом, не только под влиянием, но и под гнетом своих советников – вспомним Филиппа II и Людовика XIV. В Европе эпоха абсолютизма миновала. И русское правительство, преобразив русское государство на европейский лад, само должно было преобразиться в этом направлении. Отсюда необходимость ввести в России конституционные учреждения. Конституция – единственное средство объединить дуализм, естественный дуализм между правительством и обществом, приспособить правительственную деятельность к культурным потребностям нашего времени и современного человека. Ему давно бы следовало брать своих советников не только из рядов высшей бюрократии и придворных сфер, но и из людей, облеченных доверием общества. Ему следовало это сделать не только ради интересов государства, но и из собственного интереса.

Но зато оно в один год перескочило ступень управления с помощью совещательного собрания и призвало выборных людей не только для совета, но и для участия в законодательной власти и в распоряжении государственным имуществом.

«В нашем современном правосознании, – говорит один из авторитетных

¹ «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Евангелие от Иоанна. 10, 16).

юристов Германии, – два права народного представительства признаются преимущественно симптомами и основами конституционной монархии – а именно, право на участие в законодательстве и право на участие при установлении государственного хозяйства, т.е. бюджета».

Оба эти права обеспечены за представителями русского народа *основными законами* империи: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственной думы», сказано в ст. 86; статьи 114 и 109 определяют роль Государственной думы при обсуждении государственной росписи.

Кроме того, посредством права запроса министрам и главноуправляющим по поводу действий, кои представляются незакономерными (ст. 108), Думе предоставлено право контроля над администрацией по всему пространству империи.

Важно, однако, не только то, что кому-либо предоставлено, но самое мнение данного лица или учреждения о новом своем достоянии и его применении к делу. В этом отношении русское общественное мнение никогда еще не играло такой важной роли, никогда на нем не лежало такой великой ответственности. Судьба русской конституции, плоды, которые она может дать, а в связи с этим и будущность страны – в зависимости от того, какое установится на первых порах общее мнение о современной конституции. В особенности важно это в настоящую минуту, когда приближаются выборы во вторую Думу¹; наступает момент, когда всякому избирателю придется задать себе вопрос: кого же уполномочить стать выразителем общественного мнения в Государственной думе. Посылать ли туда людей, которые понимают ее значение и сумеют извлечь из нее пользу для страны, или же таких, которые, как выражались в первой Думе, будут видеть в ней лишь «этап к революции», или, на добрый конец, собираются туда, чтобы пошуметь, себя показать и во всяком случае что-нибудь *урвать*. Но ведь это не погром, где всякий старается как можно больше растащить. *Урвать* для кого и на что? Тут не должно быть речи об интересах лиц или партий. *Это дело государственное*, и на него нужно смотреть с точки зрения государственного интереса. В особенности это лежит на обязанности того населения, которое связано с русским государством не только рождением, но и принадлежит к нации, с таким трудом и с такими жертвами создавшей это государство.

Поэтому нельзя не пожалеть – и вред, от этого происшедший, долго будет давать себя чувствовать, что выборы в первую Думу происходили под влиянием партии, поставившей себе целью добиться *Учредительного собрания*², т.е. вернуться к доисторическим временам, снова сыграть среди общей анархии роль *варягов* над русской землей, *княжить*³ над нею и установить в ней свой порядок. Для членов и приверженцев этой партии обнародованная в *основных законах* конституция есть только ни для кого не обязательный «листок бумаги», который можно заменить другим, ибо бумага все терпит. При таком взгляде на дело кон-

¹ Выборы во II Государственную думу проходили в январе–феврале 1907 г.

² В 1905 г. лозунг созыва Учредительного собрания отстаивала Конституционно-демократическая партия.

³ Автор иронически обыгрывает то обстоятельство, что среди лидеров партии кадетов было немало представителей аристократии; среди них – князя Павел Дм. и Петр Дм. Долгоруковы, Г.Е. Львов, Е.Н. Трубецкой, Д.И. Шаховской.

ституционный порядок не в состоянии упрочиться в стране [и] придется трепетать между диктатурой пролетариата и разбоя и направленной против них военной диктатурой. Но и со стороны защитников порядка и конституции приходится встречать неправильное к ней отношение, способное поддерживать смуту в умах и тормозить успешный ход дела в новой Государственной думе. Есть защитники конституции, советующие примириться с нею, довольствоваться ею, «хотя она и не *полного, не парламентского типа*».

В чем же неполнота русской конституции? Публицист, чьи слова мы привели, очевидно, полагает, что все конституционные государства однородны и принадлежат к одному *типу*, с тою только разницею, что в одних этот тип проявляется вполне – это государства парламентарные, в государствах же непарламентарных этот тип еще не «закончен», еще недоразвился.

Такое представление теоретически неверно, как мы сейчас поясним. Но теоретические ошибки часто бывают менее вредны, чем практические выводы, на которые они наводят. Так и в данном случае. Кому же охота оставаться при незаконченном, несовершенном государственном типе? Особенно, когда переход к «законченному» кажется таким легким? Тот же публицист указывает путь к этому: «парламент», говорит он, «есть не более, как ярмарка, где торгуются, где приобретают политическое право по возможно сходной цене». Нельзя одобрить применение к деятельности государственных органов гостиннодворского обычая ножевой линии в Москве – торговаться до зареза, чтобы дешевле приобрести. В государственных вопросах должен стоять на первом плане принцип государственной целесообразности, а не частный принцип купли-продажи. Проведение этого последнего принципа во *второй* Думе сделало бы ее в такой же степени *неработоспособною*, какою была *первая* Дума, по признанию многих ее собственных членов.

Но обратимся теперь к теоретической стороне дела. Конституционная монархия представляет собой, как и парламентарная монархия, вполне законченный самостоятельный образ правления. Несмотря на все внешнее сходство между ними – в каждом из этих государств есть король и есть народное представительство – различие между конституционной монархией и парламентаризмом весьма существенно: в первом случае верховная власть и правительство находятся в руках государя, во втором случае они принадлежат парламенту. Различие между ними так значительно, что, например, американские ученые в своей классификации государств подводят Северо-Американские Штаты и Прусскую монархию под один тип, так как в обоих случаях правительственная власть принадлежит – в противоположность парламентаризму – одному лицу, там президенту, здесь королю.

С другой стороны, парламентарная монархия, несмотря на монархическую этикетку, так близко подходит к республике, что один французский ученый не без основания называл конституционного монарха во Франции наследственным президентом республики, а президента республики в той же стране – временным монархом.

Если конституционная и парламентарная монархии отличаются тем, что у

них разные носители правительственной власти – король или парламент, то они различаются и по способу возникновения их конституций. Парламентарные монархии ведут свое начало от революций; в конституционных монархиях конституция исходит от законной традиционной власти, поэтому в конституционных монархиях власть монарха не подорвана, а ограничена учреждениями, введенными данной конституцией и предоставленными в ней этим учреждениям полномочиями. В конституционных монархиях конституция вытекает из королевской власти, в парламентарных – конституция иногда предшествует появлению монарха, и он из нее выводит свои полномочия.

Типический характер такой парламентарной монархии представляет собою Бельгия. Нынешнее Бельгийское королевство обязано своим происхождением революции 1830 г., оторвавшей ее от Голландии. Образовавшееся в ней временное правительство созвало конгресс, который и утвердил выработанную для нового государства конституцию. По своему духу эта конституция была республиканская. Но, окруженная монархиями и обязанная им своей независимостью, Бельгия также стала монархией; однако в основу конституции был положен заимствованный из французской конституции 1791 года революционный принцип народовластия, и избранный король обязан был своим престолом – *нации*. Своей власти он не имел и обладал лишь полномочиями (*pouvoirs d'attribution*¹).

Из этого видно, что конституционная и парламентарная монархии отличаются друг от друга не только формой правления, но и историческими и фактическими условиями своего существования, изменить которые не в воле отдельных лиц или партий. Можно предпочитать для себя лично или теоретически тот или другой образ правления, но не следует воображать, что возможно любое государство без вреда для него натягивать на излюбленный тип. Справедливо заметил немецкий юрист, чьи слова мы выше приводим, что если два человека для двух разных государств пожелают одного и того же, то один из них может оказаться мудрецом, а другой безумцем.

Конституционная монархия отличается от парламентской тем, что последняя есть владычество партий, первая же есть правительство, стоящее над партиями. Поэтому конституционная монархия, ограничивая и смягчая монархический принцип, сохраняет вместе с тем преимущества, присущие монархическому образу правления. Недаром монархия является везде первичной формой государственной жизни. То единство воли, которое представляет собой государство, не находит ни в каком ином образе правления такого наглядного осуществления и выражения. Недаром древнейший политический мыслитель свободолюбивой Греции, поэт Гомер² сказал: «Нехорошо многовластие, един пусть будет владыка»³. В государствах, которые борются за свое существование, монархия является лучшей гарантией их цельности и прочности. По мере того, как общество дифференцируется, то есть разлагается на различные классы и партии с различными

¹ Определенные полномочия (*франц.*).

² Гомер (предположительно VIII в. до н.э.) – древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи».

³ «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель» – слова Одиссея на собрании греков в лагере близ Трои («Илиада», II, 204) (*пер. Н. Гнедича*).

интересами, на монархию выпадает новая роль – блюсти среди них общий интерес, интерес государства. Будучи наследственной властью, монархия является лучшей блюстительницей исторического права, без которого не может обойтись правовое государство. Эти общие свойства монархии должны быть особенно понятны в России: никакое иное государство не имело такого явственного монархического начала. С появлением князя древняя Русь стала государством. То же повторялось много веков спустя, в эпоху смут освобождение страны от иноземного владычества обуславливалось восстановлением царской власти. А в наши дни резкий антагонизм между землевладельческими классами и своеволие партий должны были воочию всех убедить в необходимости власти, независимой от классов и партий.

Но вместе с тем конституционная монархия не есть чистая монархия; с конституцией в нее вошел принцип дуализма – раздвоение власти между наследственным представителем государственной воли и основанным на избрании народным представительством. Но это не антагонизм враждующих друг с другом сил, а одинаково необходимых государству и потому обязанных из-за высших интересов государства приходить к соглашению. Достижение этой цели зависит в известной степени от норм и от текста конституции; еще более зависит оно от политического и культурного развития тех, кто призван осуществлять конституции.

Обратимся теперь к рассмотрению ныне действующей в России конституции. Монархическая власть отказалась теперь от монополии законодательной власти. Государственной думе предоставлено право законодательного почина и право запрета (вето) по всем законопроектам других законодательных органов. В этих двух правах – альфа и омега законодательной власти. Особенно ценно право законодательного почина. Большой недостаток бюрократического правления заключается именно в слабости его законодательной инициативы. Одержимый рутинною и слишком занятый борьбой за самосохранение, бюрократизм был равнодушен к улучшениям и враждебен всякой чужой инициативе. И если какое-либо ведомство и задумывало реформу, она застревала в других ведомствах, которые должны были давать свой отзыв и нередко давали неблагоприятный отзыв по личным или случайным причинам. Совершающийся гласно и на глазах всей России законодательный почин Государственной думы достаточен для того, чтобы внести жизнь в законодательную деятельность и устанавливать равновесие между потребностями страны и правительственным механизмом.

Не следует, однако, воображать, что Государственная дума может или должна забрать в свои руки всю законодательную власть и что за верховной властью остается лишь, как выразился один из депутатов бывшей Думы, право сказать «да» или «нет» на законы, выработанные в Думе. Это подражание английскому парламентаризму, где право вето короля обратилось давно в мертвое право. В конституционной монархии правительство сохраняет за собою право законодательного почина и, располагая агентами, обладающими более специальным знакомством с делом и большею законодательною техникою, чем большинство народных представителей, обыкновенно лучше подготавливает закон.

В конституционных монархиях Германии народное представительство возбуждает вопрос, но вызванный им законодательный вопрос обрабатывается в правительственных органах. В Пруссии вождь одной из либеральных партий на вопрос, почему он не вносит законопроект по делу, которым интересовалась его партия, ответил: «Мы ждем, чтобы это сделало правительство», то есть оставляем за собою критику представляемых проектов.

Но почему, скажут, понадобилось еще второе ограничение законодательной власти Государственной думы – посредством Государственного совета. Почему восходят на утверждение государя только те законодательные предположения Государственной думы, которые одобрены Государственным советом? А потому, что народовластие или опирающееся на этот принцип народное представительство нуждается в таком же ограничении, как и всякое иное самовластие. Потому что везде, как в конституционных монархиях, так и в республиках, законодательная власть разделена между двумя палатами, везде палата представителей имеет над собою верховную палату или сенат.

Уже первый по времени теоретик конституционной монархии Монтескье¹ мотивировал нужду особой верхней палаты необходимостью предоставить меньшинству гарантии против деспотизма большинства избирателей; такие же гарантии необходимы партиям против деспотизма господствующей партии, которая часто сама держится только партийным деспотизмом над своими членами. Даже сама палата представителей при единодушии нуждается в гарантиях против собственной опрометчивости в случае слишком быстро проведенных, а иногда и случайных постановлений. Недаром вожди либеральной оппозиции при июльской монархии, Тьер² и Одильон Барро³, говорили: «Одна палата – деспотизм, две палаты – свобода». А Барро утверждал, что только существование противовеса и постоянная критика может спасти демократию «от самое себя».

Наконец, в конституционных монархиях верхняя палата нужна еще для того, чтобы предотвращать непосредственные столкновения между народным представительством и конституционным монархом, особенно в тех случаях, когда нижней палатой принята какая-нибудь вредная для государства, но популярная мера. Состав верхней палаты бывает весьма различен. В Англии палата лордов сохранила до сих пор чисто аристократический характер. Это объясняется тем, что она была первоначальным ядром парламента, к которому позднее присоединилась нижняя палата. Объясняется это и тем, что в правящем классе Англии и теперь преобладают еще аристократические элементы. В других государствах, где этих условий нет, верхняя палата пополняется избранием, но по какому-либо другому способу, чем нижняя палата. В России состав Государственного совета вполне соответствует историческому ходу вещей и характеру русской конституции. Он является вполне посредником между правительством и народным представительством, связующим звеном обоих. Его ядро составляет прежний Государ-

¹ Монтескье Шарль Луи де Секонда (1689–1755) – французский философ, социолог, экономист, правовед.

² Тьер Адольф (1797–1877) – французский историк и государственный деятель. Премьер-министр (в 1836, 1840 гг.), президент Французской республики в 1871–1873 гг.

³ Барро Одильон (1791–1873) – французский политический деятель, премьер-министр при Луи Бонапарте.

ственный совет, в течение ста лет игравший роль законодательного органа империи – и в него вошли в таком же количестве избранные члены, представляющие собой не числовые группы избирателей, а области или группы со специальными интересами.

II

Второе важное полномочие Государственной думы заключается в участии в обсуждении и утверждении вместе с Государственным советом *росписи доходов и расходов*. Полномочие это громадно, потому что дает возможность влиять на все направление государственного хозяйства и через это на внутреннюю и внешнюю политику государства. Из этого права обсуждения исключены назначения на платежи по государственным долгам и другим, принятым на себя государством обязательствам.

Кроме того, предусмотрено, чтобы в случае несвоевременного утверждения росписи в распоряжение министров открывались постепенно кредиты в размерах действительной потребности, «не превышающие, однако, в месяц одной двенадцатой части общего по росписи итога расходов». Это сделано с целью, чтобы предотвратить возможность посредством неутверждения росписи Думою понуждать правительство подчиняться воле Думы, как это бывало в других государствах, где утверждение бюджета было обращено в средство политической борьбы. Этот способ борьбы ведет свое начало из феодального государственного быта, когда между государем и его вассалами существовали частно-правовые отношения, и вассалы или их корпорация (привилегированные сословия) должны были каждый раз давать согласие на поборы с них, в которых нуждался глава государства. Не получив субсидии с них, он не мог начинать войны, которую замышлял; все прочее же оставалось по-старому, так как двор, суд и прочее содержались на доходы с частных имуществ (доменов) короля.

Совершенно в ином положении современное государство с его громадными обязательствами по отношению к кредиторам, пенсионерам, многочисленным служащим на срок (солдаты) или до выслуги лет. Оно подвергалось бы ежегодно риску банкротства и подвергало бы само тысячи людей риску нищеты, если бы неутверждение бюджета со стороны Думы влекло бы за собой прекращение обязанности граждан платить налоги и упразднение права правительства производить расходы. Нельзя себе представить ничего безумнее, как теоретически, так и практически, чем воззвание к неплатежу налогов, чтобы досадить правительству, провозглашенное в Выборге¹. Теоретически нелепо это потому, что гражданин платит налоги не правительству, а государству, представляющему собою нечто вечное, независимое от случайного состава руководящих им людей; практически бессмысленно это потому, что от такой меры пострадали бы не те, против кого она направлена, а ни в чем не повинные люди – если бы казна за непоступлением

¹ После роспуска первой Государственной думы часть ее депутатов собралась в Выборге. 10 июля 1906 г. ими было подписано т.н. «Выборгское воззвание», в котором, в частности, содержался призыв к населению не платить налоги в знак протеста против роспуска Думы. 167 депутатов, подписавших воззвание, были приговорены к трехмесячному заключению и лишены избирательных прав.

платежей должна была бы прекратить пособие голодающему населению. Даже на родине парламентаризма, в Англии, вовсе не существует полного утверждения бюджета.

Там государственные доходы и расходы, основанные на законе, не нуждаются в согласии парламента. Это согласие требуется лишь для повышения существующих и для возобновления назначенных на срок налогов, а также для уполномочения правительства производить расходы. Представление о том, что утверждение или неутверждение государственного бюджета – монополия парламента, вошло во многие конституции материка лишь по недоразумению. Французское законодательство исходило из теории Монтескье о разделении властей, а так как рассмотрение росписи было предоставлено палате, т.е., по французской терминологии, законодательной власти, то на этот акт стали смотреть как на закон, нуждающийся поэтому в постановлении палаты. Но не все конституционные монархии усвоили себе этот взгляд, и некоторые из них продолжают смотреть на установление бюджета как на административный акт, к участию в котором призван и парламента, которому, кроме того, приходится давать свое согласие на вводимые *вновь* росписью налоги и расходы. Прусская конституция составлялась под некоторым влиянием мартовской революции и потому усвоила в вопросе о росписи точку зрения бельгийской конституции – почти республиканской. За то Пруссия поплатилась тяжелым кризисом, который едва не подорвал ее международного положения и ее будущности. В прусской конституции сказано, что «государственная роспись ежегодно устанавливается особым законом». Этим и воспользовалась в 60-х годах [XIX в.] оппозиция, чтоб помешать королю произвести военную реформу, которая обуславливала собою победы Пруссии над Австрией и союзной с нею части Германии, а затем над Францией, и создание Германской империи. Несмотря, однако, на то, что роспись в течение многих лет оставалась неутвержденной, в Пруссии продолжалось взимание налогов и производство расходов.

Для предупреждения подобного конфликта современные немецкие юристы почти единогласно толкуют вышеупомянутую статью конституции в том смысле, что это не закон, а хозяйственный акт, указывая на то, что значительная часть государственной росписи обусловлена прежними законами, которые не могут быть ни отменены, ни утверждены ежегодным парламентским постановлением; ибо, чтоб сделаться законом, это постановление нуждалось бы, в свою очередь, в согласии правительства, которое в данном случае было бы немислимо. В этой аргументации есть натяжка, но к таким натяжкам ведет всякая конституция, не приуроченная к действительному положению вещей.

III

Кроме двух вышеназванных полномочий, участия в законодательстве и установлении бюджета, Государственной думе предоставлено в русской конституции еще одно важное право – обращаться к министрам с запросами по поводу «таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установле-

ний действий, кои представляются незакономерными» (ст. 108 Основных законов и 33 Учреждения Государственной думы). Одна эта статья может произвести переворот в стране, устранить не только произвол в администрации, но внушить и обывателю чувство законности, что не менее важно. Право запроса, осмысленно осуществляемое, может постепенно обратиться в постоянный и бдительный контроль над всей администрацией. Один немецкий историк сказал: «Лучшая заслуга немецких ландтагов и рейхстагов в том, чему они помешали, а не в том, что они совершили». Конечно, этот контроль должен производиться с пониманием дела и с достоинством.

Неответственные крикуны, говорившие в Государственной думе то, за что каждого гражданина привлекли бы к мировому судье, и у нас мало принесли пользы.

Как правом установления бюджета, так и правом запроса можно злоупотреблять ради политической борьбы. Первым – для того, чтобы привести правительство в полную зависимость от Думы или распоряжающихся в ней партий, вторым, – как это уже было во время первой Думы, для устранения министерства и захвата министерской власти. Последнее стремление прикрывается громким словом, но по смыслу весьма неопределенным – *ответственность* министров. Всякий человек должен быть ответственен за свои слова и действия, тем более лица, занимающие высокие и ответственные посты; поэтому всегда можно рассчитывать на популярность требования ответственности министров перед народными представителями.

Этот термин был и на самом деле весьма популярен на Западе в начале конституционного движения. Но с тех пор взгляд на значение ответственности министров очень изменился. Самое понятие заимствовано из Англии, где оно находилось в связи с так называемым *impeachment*, правом нижней палаты предавать министров суду верхней палаты. Но в Англии это оружие заржавело и давно не вынималось из ножен. В Англии, где король бессилен и правительственная власть находится по очереди у двух давно сложившихся парламентских партий, нет надобности прибегать к таким радикальным средствам. Господствующая партия щадит, конечно, министров, вышедших из ее рядов, а оппозиция, резко нападающая на министров у власти, сама добившись власти, оставляет их в покое. Во французской конституции 1791 года, основанной на принципе разделения властей и потому не допускавшей *кабинета* из депутатов, ответственность министров служила средством «законодательным собраниям» подчинить себе правление «неответственного» короля. Подобное значение имела ответственность министров и в других конституциях, усвоивших себе принцип народовластия. Но в монархических конституциях ответственность министров в этом смысле оказалась неуместной. Это особенно ясно из примера Пруссии. Конституция этого государства по вышеуказанной причине восприняла статью об ответственности министров с пояснением, что способы этой ответственности будут установлены особым законом. Но этот закон так и не был издан; таким образом, статья об ответственности министров осталась *lex imperfecta*¹ – как бы недоговоренным за-

¹ От *лат.* *imperfectus* – неполный; несовершенный закон (*лат.*).

коном. Кроме того, конституция имела в виду, что жалобы на министров должны быть приносимы палатою в Верховный апелляционный суд.

Но когда после возникновения империи была введена новая имперская судебная организация, упомянутый Прусский суд был упразднен, и в Пруссии некуда жаловаться на министров.

Эта *атрофия* ответственности министров в сильном государстве весьма понятна. По существу ответственность министров двойная: политическая и юридическая. Последняя может заключаться в поступках, подлежащих ведению гражданских или уголовных судов, или в проступках по должности, не заключающих в себе уголовного проступка. В первом случае дело может быть обращено в соответствующие суды, для случая второго рода должен существовать особый дисциплинарный суд, как и для других членов администрации.

Но все подобные случаи будут довольно редки. Гораздо более значения имеют для Государственной думы и для общества вообще такие действия министров, которые нужно отнести не к юридической, а к политической области, где речь не может идти о закономерности, а лишь о «целесообразности», но кто же тут будет судьей? Если палата, то она будет судьей в собственном деле, если какой-нибудь суд, то он будет призван решать политические вопросы, что не может входить в сферу суда.

Перед кем же должны быть ответственны министры?

В монархическом государстве, хотя бы и в конституционном, они должны быть ответственны только пред монархом. Конечно, монарх не станет держать министров, неспособность или даже негодность которых будет разоблачена пред ним и пред всею страню Государственною думою или Государственным советом. Но его нельзя обязать удалять своих министров в тех случаях, когда они во внутренней политике или в государственном хозяйстве не сойдутся с вожаками партий в Думе.

Если конституция предоставляет право монарху утверждать или не утверждать законопроекты Государственной думы, то тем более нужно ему предоставить свободный выбор министров из Думы или не из Думы. Нельзя лишать монарха того, на что имеет право последний гражданин: права действовать по своему убеждению и не действовать против своего убеждения. Наследственный монарх не может подать в отставку, подобно президенту республики. И какая же польза может быть стране от навязанных монарху министров?

А теперь последний вопрос: ради чего и ради кого должен русский монарх поступаться своею совестью и конституционною властью?

Говорят, во имя *парламентаризма!* Но парламентаризм есть передача государственной власти *партиям*. Нельзя не относиться с сочувственным уважением к английским парламентарным партиям с их крепкими традициями и неподражаемым политическим механизмом, которым держится величие Англии.

Конечно, и английский парламентаризм имеет свои недостатки: система подкупа и «гнилых местечек» миновала, но патронаж и кумовство (*соппехион*¹), ухаживание за избирателями и громадные траты на выборах присущи и теперь

¹ Буквально: связь (англ.).

парламентаризму. Важнее же всего то, что удивительный механизм этой системы держится аристократическим строем Англии и по мере разложения этого строя приходит постепенно в расстройство.

Но где на материке существует подобный парламентаризм? Напрасно вздыхают итальянские патриоты и указывают своим соотечественникам на двухпартийную систему Англии как на высокий образец; другие патриоты приходят в отчаяние от местного парламентаризма и видят в нем школу политического развращения.

Конечно, парламент, в котором «адвокаты без занятий» составляют целую треть членов, не может быть образцом. Лишь два европейских государства обзавелись наподобие Англии двумя партиями, борющимися за министерские посты, – Бельгия и Бавария, но это карикатуры на Англию, так как в этих странах парламентская борьба происходит между партией клерикалов и либералов, из которых первые добиваются подчинения государства ультрамонтанскому¹ идеалу и отождествляют консерватизм с застоєм, а вторые сводят прогресс на борьбу против духовенства и религии. Не две, а изобилие партий и групп порождает в других случаях конституционализм. Руссо, апостол народовластия и демократии, считал последнюю возможной лишь при полном отсутствии партий, ибо в каждой партии он видел проявление *частного интереса и отступление от общей воли*. В действительности партии неизбежны, ибо немислимо общество, даже небольшое, где воли и интересы всех были тождественны. Но с точки зрения идеализации демократии Руссо был прав, осуждая партии.

«Относиться к партиям с идеалистическим восторгом, – справедливо заметил один политический мыслитель, – способны лишь незрелые юноши».

В основе образования партий лежит большею частью какой-нибудь материальный интерес, часто какая-нибудь теория или доктрина (клерикализм, революционный фанатизм и т.п.), иногда то и другое вместе, т.е. теория и интерес. Еще хуже, когда подкладкою партии является *ненависть* к другим партиям, классам, к экономическому строю или к религии вообще или какой-нибудь особенной. Поэтому партии большею частью односторонни, ослеплены, несправедливы, упрямы, склонны ставить партийный интерес выше разума и общего блага. В некоторых случаях партии принимают уродливый характер, являются опасным наростом на общественном организме, когда в основании их лежит воспоминание о претерпенной обиде или упорное поклонение исчезнувшему идеалу или поверию.

При таких условиях политическая деятельность партий бывает весьма часто неблагоприятна для хода дела. Они обособляются в парламенте, даже самые незначительные из них; каждая из них имеет своих вожаков, свои отдельные собрания, на которых предрешаются вопросы, подлежащие обсуждению в общем собрании.

Члены партии или группа входят в это собрание с определенным решением; они и не слушают ораторов других партий, они глухи для самых разумных и

¹ Ультрамонтанство – течение в католицизме, отстаивающее приоритет Рима по отношению к национальной церкви.

красноречивых аргументов с другой стороны. Они не граждане, а *рабы партийной дисциплины*. Что значит этот бич партийности, этот абсурд парламентарной жизни, мы все знаем по недавнему примеру. Кому неизвестно, как состоялось выборгское воззвание? Как горячо говорили против него многие из подписавших его; какие аргументы были пущены в ход, чтобы заставить несогласных подчиниться партии; как успешно действовала партийная нагайка (whip¹).

При такой обособленности партий и групп парламентарная жизнь подвигается лишь путем сделок и компромиссов – взаимно между партиями или с правительством. Парламентаризм действительно обращается в ярмарку, как выразился вышеприведенный поклонник его; на немецком парламентарном языке выработался для этого особый технический термин, не особенно почтительный – Kuhhandel².

Особенным искусством отличается в этом отношении клерикальная партия в рейхстаге. Эти сделки весьма часто носят на себе печать происходившего из-за них торгашества – к выгоде сторговавшихся, но в ущерб стране. Другой недостаток партийной политики – это отсутствие чувства ответственности: отвечает не лицо, а партия, и весьма часто за какую-нибудь неудачную финансовую или экономическую меру отвечает правительство, которому приходится приводить ее в исполнение. Ибо кто помнит истинных виновников ее?

Вредное влияние партии не ограничивается стенами парламента, а простирается посредством партийной печати на общество. Кто принадлежит к партии, читает обыкновенно лишь партийную газету и становится неспособен понимать точку зрения других партий. Как случайны, как изменчивы и непрочны самые партии! Они зависят от хода выборов, они исчезают вместе с настроением, которое их породило!

Может ли народное представительство, состоящее из множества случайных партий и групп, проникнутых враждой друг к другу, не обладающее ни политическими традициями, ни опытом, никакой сдержкой, кроме партийного терроризма, может ли такое народное представительство управлять великой империей?

Но специализируем вопрос: какой же из современных русских партий следует на основании парламентаризма вручить правительственную власть? Социал-демократической ли партии, которая по именам своих членов скорее представляет собой партию освобождения Кавказа от России, чем освобождение России от капиталистов? Или группу трудовиков, весь труд которых сводится к тому, чтобы сделать невозможным какое бы то ни было правительство? Или кадетам, которые все еще не могут выйти из своей роли конспираторов и стремятся освободить Россию от единственного класса, способного нести на своих плечах самоуправление и конституционное правление? Или истинно русским людям (если они попадут в Государственную думу), которые по старинному рецепту *plus royalistes que le Roi*³ и приносят делу, которое они защищают, более вреда, чем пользы?

¹ Хлыст (англ.). В английском политическом лексиконе лидер парламентской фракции, обеспечивающий партийную дисциплину при голосовании.

² Продажа коровы (нем.).

³ Больше роялисты, чем король (франц.).

И какую же минуту выбрали для водворения в России владычества партий? Один из наиболее глубоких мыслителей нашего времени, историк Буркхард¹, говорит в своих посмертных наблюдениях над всемирной историей, что в революционные кризисы число обыкновенных преступлений уменьшается... Если б он дожил до русской революции, ему пришлось бы сознаться, что ход истории изменился... Когда в России совершалось более уголовных преступлений, грабежей банков, почт, частной собственности, погромов с бессмысленным истреблением жилищ, хлеба и скота, как не в дни *освобождения*, когда не отличишь, где кончается освобожденец и где начинается разбойник? Придется и России испытать на себе слова Вашингтона: «Народ, который не хочет видеть, должен будет почувствовать». Но неужели русскому народу недостаточно опыта с родственным и соседним ему польским народом?

Неужели русская демократия проделает над русским государством то, что сделало со своей отчизной польское шляхетство?

*Публикуется по изданию:
Герье В.И. О конституции
и парламентаризме в России.
М., 1906. С. 3–31.*

¹Буркхардт Якоб (1818–1897) – швейцарский историк.

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МУРОМЦЕВ

ЗНАЧЕНИЕ ПРОИСШЕДШИХ ВЫБОРОВ¹

1907 г.

Рассказывают, что когда Плеве², будучи назначен министром внутренних дел, встретился впервые с одним из известнейших земских деятелей, то первый вопрос, предложенный министром своему собеседнику, был таков: «Скажите мне, каким путем можно было бы сблизить края той пропасти, которая разделяет правительство и народ?». Министр, очевидно, знал наиболее болезненное место русского политического положения, хотя по-своему думал о средствах его исцеления. В России точно протекают еще те отдаленные средневековые времена, когда население страны разделялось на завоевателей и завоеванных с их взаимным недоверием, с высокомерным и несправедливым отношением с одной стороны и с глубокою ненавистью с другой. И для мыслящего человека, не потерявшего веры в государственность как необходимую форму культурного существования, не было зрелища более мучительного, как зрелище правительства, которое само, собственным образом действий подрывает в корне авторитет государственной власти и как бы нарочно поощряет в народе развитие противогосударственных чувств и настроений...

Прошло два года конституционных заявлений и якобы конституционных действий – и дело обстоит все по-прежнему. Выборы последних дней³ имеют глубокое симптоматическое значение. Никогда еще, может быть, русское правительство не желало так горячо победы консервативных начал, как правительство Столыпина⁴; никогда еще оно не верило так самонадеянно и слепо в целебную силу наиболее отчаянных мер строгости и репрессии; и тем не менее русский народ нашел в себе достаточно решимости показать, что он теперешнему правительству не верит, что он от этого правительства отрекается. Совместное существование второй Государственной думы и теперешнего кабинета невозможно – таково политическое положение, обнаружившееся с только что происшедшими выборами. А вместе с кабинетом должна сойти со сцены вся политика двоедущия и колебаний, больше всего грозящая самой власти. Когда совершился роспуск первой Го-

¹ Впервые статья была опубликована в немецкой газете «Frankfurter Zeitung», 1907 г., № 58. В переводе с немецкого напечатана в московской газете «Русские ведомости», 1907 г., № 38.

² Плеве В.К. (1846–1904) – государственный деятель; министр внутренних дел (с 1902 г.). Убит эсером Е.С. Сазоновым.

³ Автор имеет в виду выборы во вторую Государственную думу, проходившие в январе–феврале 1907 г.

⁴ Столыпин П.А. (1862–1911) – государственный деятель; с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров. Смертельно ранен Д.Г. Багровым.

сударственной думы¹, тогда опасались чуть не открытого восстания в ее защиту. Этого не случилось; но затаенная в глубине сердца обида сказалась через семь месяцев на выборах, когда для самого народа настала пора заговорить в качестве властителя.

Трудно передать все то неприличие, с которым в течение шести месяцев представители правительственной власти, вторя реакционным группам и партиям, позорили первую Государственную думу. И тем не менее авторитет Государственной думы не пал, а взамен того рассеялись иллюзии и надежды, которые когда-то наивная вера русского народа сосредоточила около представления о правительственной власти. Роспуск Государственной думы был ударом не народному представительству, а самой власти; последующие репрессии губили не освободительное движение, а опять-таки то правительство, от которого исходили. Не спрашивайте, какое политическое положение создано выборами; эти выборы только симптом того политического положения, которое создано самим правительством.

Достоинство государственной власти вопиет из того унижения, в которое повергли ее ее же носители; и не бюрократии, к каким бы новым сочинениям она не прибегла, исправлять зло, ее собственным неразумением созданное. Не бюрократии поднять вновь значение государственной власти, очистить понятие этой власти от элементов жестокости, своекорыстия и беззакония, примирить сознание русского человека с требованиями государственности, показанной ему в ее истинном виде.

Оппозиционные выборы не только симптом политического положения, но и залог действительного политического обновления русской жизни. Дело не в крайностях программ победивших левых партий, а в том, что эти партии объединяют в себе наиболее живые и искренние элементы русского народа. Ведь и в программах некоторых правых партий местами можно найти выражение благородных политических истин; но за этими программами стояли обыкновенно люди мертвенные, из которых многие, называющие себя конституционалистами, не взволновались бы даже и в том случае, если бы конституция была вовсе упразднена. Народ понимает это различие в темпераменте и настроении людей различных партий, и он отдает предпочтение тому настроению, которое наиболее решительно разрывает с постылым прошлым.

Ближайшее будущее в руках обеих сторон. Одной из них надо найти в себе достаточно решимости, чтобы, наконец, пожертвовать своим самолюбием и очистить занятые позиции; другой стороне надо суметь организованно и с соблюдением строгой дисциплины овладеть положением, которое судьба отнимает у старого режима. Никто не скажет, что произойдет на самом деле. Для историка настоящий момент – интереснейший для наблюдения, для политика – момент особого напряжения. Коварство или ошибки которой-либо из сторон могут отозваться в жизни народа новыми муками и новою кровью. Серьезность положения сознается с каждым часом все более и более, и вместе с тем растет душевное волнение и состояние сосредоточенного ожидания.

¹ 8 июля 1906 г.

Коллективная психология была до сих пор недоступна русскому правительству. Органический недостаток людей бюрократической складки, воспитанных на почве служебной интриги, почти полное непонимание общественных чувств, общественных настроений. Для них оппозиционные выборы не более как произведение дерзкой интриги нелегальных партий, плод недосмотра местных административных властей. Народ как живое целое, имеющее одну общую думу, для них не существует. Они лишены дара импонировать народному воображению, трогать народное сердце, возбуждать в нем благородные чувства.

И, невзирая на все это, они хотят сохранить свое властвующее положение! Политическое положение страны, таким образом, несколько не изменилось по сравнению с тем, что было перед началом освободительного периода. Это – все те же завоеватели пред лицом чуждой им страны. Но изменился характер момента...

*Публикуется по изданию:
Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. V.
М., 1910. С. 95–98.*

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РОЗАНОВ

ПУБЛИЦИСТИКА 1906–1907 гг.

ОБЩЕСТВО И ПРАВИТЕЛЬСТВО¹

Еще черный год минул: вместе с 1904 годом это такое лихолетье, подобного которому Россия не переживала с XIII века. Но тогда это была маленькая, слабая, покрытая удельными княжествами страна, которая не имела самых органов ощущения такой остроты, как теперь. Россия, при полной яркости даже научного сознания и при всех средствах быть осведомленною о каждом уголке своего отечества каждый день, пережила удары неслыханной силы и неслыханного несчастья, под которыми дрожал ее корабль, как стена осажденного города дрожит под ударами в нее тарана. Весь 1905 год прошел, собственно, в сплошном освободительном движении. Если бы это движение определено, сознательно, твердо и бесповоротно началось год назад, при первых же несчастьях нашей родины на Востоке, то, вне всякого сомнения, Россия не пережила бы тех внутренних ужасов, какие заставили ее в 1905 году содрогнуться в некоторые дни проигранных битв. Правительство, вовремя снявшись лагерем, шло бы в голове освободительного движения; народу и обществу не оставалось бы ничего, как следовать за ним. Но правительство все благодушествовало и ждало добрых вестей с Востока, пока близкий шум вокруг не показал ему, что возмущено самое гражданство, что это гражданство менее считает виновником русских поражений «дерзкого и коварного врага», нежели ленивых и беззаботных распорядителей судеб своих у себя дома, в столице и по губерниям. Тогда, видя, что никого за него и все против него, правительство поднялось и побежало. И все это движение приняло несчастнейшую форму бегства от трусости, вместо того, чтобы быть мужественным движением вперед: правительство то побежит, то остановится, то пытается обернуться и противостать напору негодования и презрения сзади, то опять, показав спину, бежит далее и далее. Всяческие «свободы», «дозволения», «разрешения» оно выкидывало не с сознанием, что это нужно, что это целительно для здоровья народного, что это точно спасительно для государственного корабля, где вместе, в одной каюте и с одною судьбою и будущим сидит правительство, общество и народ.

Все движение получило какой-то литературно-идейный или, точнее, литературно-словесный характер, а не государственный, строгий и убежденный вид. Все было страшно поспешно, нисколько не систематично и очень мало обдуманно. Все увидели правительство растерянным и нисколько не увидели правительство, дружно и разом поведшее русскую жизнь вперед к новым основаниям

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 3 января 1906 г.

жизни, строя, к новым исцеляющим понятиям. Мы впали внутри в полную дезорганизацию, где общество и правительство смешались в какую-то толчею слов, где эти слова произносились без убеждения и не в соответствии с нуждой и где собственно народ, и собственно государство во всей громаде его материального строя и страшных физических, экономических язв, был весьма и весьма на втором плане. Выкидывая «подачки свободы», правительство каждый раз запаздывало, иногда запаздывало, очевидно, на 2–3 месяца: так, в августе оно дало то, на что никак не решалось в марте–апреле, и дало в октябре и декабре то, чего не хотело дать в августе.

В этом движении бюрократия русская показала себя такую же бездарную, беспрограммную и неловкую, как и в технике обороны страны и внешней политики. При ослабевших и побежавших чиновных сферах стала всероссийски видною и всероссийски значительною Россия земская, гражданская, земельная, обывательская. Она и стала более сознательно, убежденно и систематично во главе освободительного движения, которое после всех колебаний туда и сюда дошло до Манифеста 17 октября, который можно было бы назвать благодетельным переломом в страдальческой болезни внутренней России, если бы, к величайшему несчастью, незрелые русские «крайние» партии – и белая, и красная, не поторопились в ожесточенной борьбе между собой толкнуть Россию в такую кровавую смуту, где слова Манифеста перестали читаться сколько-нибудь ясно и слышно, где померк рассудок и закричали дикие страсти. Вся задача, и притом всего здорового в России, заключается сейчас в том, чтобы вытащить из этой смуты Манифест 17 октября целым и невредимым и положить его в основу новой русской гражданской и государственной жизни. «Никуда одно правительство, правительство без общества и без народа» – вот один лозунг нашего времени; «Никуда общество поверх правительства и без правительства» – вот другой лозунг. Телега русская и конь русский точно разорвались в 1905 году, распряглись. Конь – без тяжести за собою государственной телеги; телега – без коня, без кровных сил народа и общества. Нужно их вновь соединить. Нужно восстановить упряжь.

ЧИНОВНИЧЕСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ¹

С существенным изменением политического строя нашего отечества возникает, среди других, и очень жгучий и практически важный вопрос о характере и положении нашего чиновничества. В России, в силу обширности страны и ее малокультурности, класс чиновничества чрезвычайно люден, и вместе он на $\frac{1}{3}$, на $\frac{1}{2}$ и, может быть, даже больше поглощает образованных людей. Три категории: 1) дворянство, 2) интеллигенция и 3) служилый класс – у нас расходятся только в оконечностях и совпадают в центре, в огромной своей массе. До сих пор никакого вопроса здесь не было: все чиновники предполагаемы были «на правительственной стороне», и если в действительности они не всегда были таковыми, то лишь про себя, втихомолку, без громких заявлений своей мысли, каковое «заявление» признавалось «неблагонадежным» и влекло за собою удаление со службы

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 6 января 1906 г.

по знаменитому «третьему пункту». Правительство, как определенная машина, как система определенных взглядов и убеждений, проводимых в жизнь, предполагало всех работающих вместе с ним, т.е. у него на службе, солидарными с этими взглядами и убеждениями. Но дело коренным образом изменяется, раз «взгляды и убеждения, проводимые в жизнь», перестают быть чем-то вековым, однажды и навсегда установленным, и раз чиновничество, оно же вместе с тем и огромная дробь образованного и имущественного класса, получает право дифференцироваться в партии, и в том числе в такие партии, которые прямо враждебны наличному кабинету, т.е. существу правительству, каково должно быть и каково может быть отношение к ним правительства? Как смотрят на свое положение сами чиновники? Как вообще устроится это дело, которое на Западе, в странах давнишней свободы и срочных перемен правительства, т.е. «кабинетов», решается далеко не одинаково.

Чиновничество, раз оно хочет жить активной политической жизнью и дифференцироваться в партии, частью враждебные наличному правительству, во всяком случае должно считаться с прецедентом Соединенных Штатов, где, как известно, с выбором нового президента и переменою правительственной программы меняется весь состав чиновничества. Новый президент приводит с собою новых людей, а все старые уходят. В Америке есть куда уйти: там частная промышленность и торговля так сильно развиты, что могут поглотить без обременения весь многотысячный состав «уволненных от должности» лиц. Но будет ли куда уйти в России? Не будет ли здесь означать такой «уход» ухода в голод, нищету, безработицу? Президент ясно говорит: «Я могу работать только с составом сотрудников солидарного образа мыслей». И трудно отказать ему в этом праве, если, в сущности, такого же образа мыслей и действий придерживается всякий журнал, газета, банк, всякое товарищество. В других странах на европейском материке такой универсальной «перемены чиновничества» нет, но и здесь, во всяком случае временные правительства, не допускают манифестаций против себя своих чиновников, предлагая в последнем случае им удалиться со службы. Таким образом, этот образ действий приближается к практиковавшемуся доселе в России. Во всяком случае и русским предстоит уяснить для себя этот вопрос, и, между прочим, этого требует даже чиновнический интерес, так как пока они живут в полном неведении о том, что им можно и чего нельзя в пределах развертывающейся на их глазах политической жизни. Им, естественно, хочется принять в ней участие; и никакой закон доселе не определяет, насколько они могут это сделать, не вредя своему положению.

Нам думается, что следует в правительственной службе отделить должности, так сказать, идейные от чисто технических. И от технических служб не требовать той солидарности с «правительственной программой», какой качественно требуют идейные должности. Техник на службе правительства должен быть связан только в своей технике, но не в образе мыслей: он должен быть совершенно пассивен в своей службе в исполняемой по высшему приказанию работе, неся двойную и тройную ответственность за отказ ее исполнить, за участие в стачке и вообще во всем, что касается купленной у него работы. Но он может при выборах в Госу-

дарственную думу подавать голос за какого угодно кандидата всех допущенных к существованию партий или присоединиться к какой угодно программе. Иное дело высший чиновник или чиновник идейного ведомства: он в точном смысле входит в «состав правительства», и оставаться в этом правительстве, в сущности изменяя ему, если ему и может позволить собственная совесть, то может не позволить уважающее себя правительство, простая порядочность службы.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УКАЗА О ДУМЕ¹

Приученное политической бездеятельностью к критике, и только к критике, и действительно уже много раз разочаровавшееся в обещаниях наших бюрократических правящих сфер, русское общество и теперь смотрит на опубликованные указы о Государственном совете и Государственной думе, выискивая только отрицательные стороны в этих указах, и совершенно слепое к тому, что оно могло бы взять там положительного, – взять, и укрепиться на нем, и развить его далее. Увы, одна критика никогда и ничего не создавала; да и имеет она смысл только около чего-нибудь положительного. Что мы имели до сих пор в смысле политической свободы, политической самодеятельности? Ничего, полный нуль. Что наше общество делало государственного? Тоже ничего! Каково было историческое его положение? Оно было без положения. Ничего не было, полная пустыня. Поэтому нельзя иначе как с впечатлением глубокого комизма видеть господ, которые, чуть ли не в лупу рассматривая появившиеся указы, вытаскивают из них отдельные пунктики и подвергают их подробнейшему разбирательству, не хуже, чем сутяги на суде, разбирая какую-нибудь мелочь. Поистине, это именно адвокатская мелочно-юридическая критика, в которой не содержится никакого народного национального воззрения. Мы далеки от того, чтобы отрицать недостатки, и даже крупные недостатки в новейшей регламентации Думы и Совета. Но на то ведь и история, на то и борьба, чтобы из посредственного вырастить хорошее и из хорошего совсем отличное. Мы смотрим с глубоким негодованием на потуги повторить ту старуху, жену рыбака, в сказке о Золотой Рыбке, которая не была довольна ни новым корытом, ни новою избою, ни богатством и боярством, а хочет непременно, чтобы ей служила сама Золотая Рыбка. Мы страшимся, что общество наше не сумеет остановиться на среднем прочном достатке, не сумеет разработать, и твердо разработать, элементы гражданского свободы и политической самодеятельности, впадая взамен этого в деланный пафос и состязательное красноречие. Не нужно, рассматривая деревья, – не видеть леса; не нужно забывать, что до фактического собрания в Петербурге членов Думы мы находились и посейчас находимся еще в полном и безответственном распоряжении бюрократии. В Думе и с Думою мы впервые получаем живой организм русского общества с политическим голосом, правом и долгом: и это такая неизмеримая пропасть с вчерашним и сегодняшним днем, когда мы только считали журавлей в небе, одновременно подставляя спину под дедовские розги, – что трудно эту перемену и измерить умом. Неужели не дико было ожидать, что первая же Дума в России

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 25 февраля 1906 г.

соберется не из обывателей русских, а из каких-то странствующих и иммигрировавших социалистов, которые могут перемеривать всю Россию французским метром с социалистическими дробями; перемеривать и бурят в Сибири, и киргиз на Урале, и Волынь с Польшею, и чухонца, и армянина, не говоря уже о терпеливой Великороссии, над которою каких-каких опытов ни производили, и она все, матушка, несла на спине своей. Отдельные люди могли подобным образом фантазировать и относительно первой же Думы: для них это было только широкое поле, куда они перенесли бы шум университетских аудиторий, коридоров и столовых. Такого Эльдorado не ждала ли вся Россия? Если, напротив, она смиренно ожидала, что дадут передохнуть ее утружденной груди, дадут удовлетворение ее усталому сердцу, позовут ее сказать простым голосом о простых своих нуждах; сказать да и «повелеть исполнить». Новое драгоценное право! И неужели мы его расточим в пустой болтовне?

Оставьте адвокатские придирки и посмотрите государственным глазом на государственное дело. Тогда вы вычитаете и в опубликованных указах совсем другое, что от страха видите теперь. *Sapienti sat*¹.

РУССКИЕ ВТЯГИВАЮТСЯ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ²

Несмотря на кичливые возгласы о «бойкоте» Государственной думы, как и на недоверчивые темные слухи о том, что она никогда не будет собрана, на самом деле вся Россия оживилась выборами, и заботою о них живут сейчас как крупные центры, так и самые захолустные местечки, о которых, бывало, в три года приходило по одному известию, и то такого рода, что лучше, если бы их вовсе не было. Писалось, обыкновенно, из какой-нибудь Чухломы или Козьмодемьянска по поводу сгоревшего парохода, затонувших барок и вообще в том роде, что «пропало», или «украли», или «побили». Но вот от вековых утех своих, карт и водки потянулись люди к избирательным урнам, и тут впервые пришлось задуматься, кто они и какова окружающая их жизнь. Невозможно достаточно оценить той струи сознательной мысли, какая бежит сейчас, как весенняя вода, по всем уголкам неизмеримой нашей России. Она не выразится печатно, но она везде есть, везде работает, плоды ее везде останутся. Теперь Чухлома и Козьмодемьянск живут государственною жизнью; не приволжскою, не костромскою, а жизнью общерусскою. Это такое «собрание Руси» и, в сущности, ее объединение, какому позавидовал бы Калита и вообще московские «стародумы»...

Кичливые возгласы о Думе раздаются: как же не заявить претензии, что «ожидали большего», что это «не то». Расплюеву вечно мяли бока, и он, при изменившихся обстоятельствах, при уважительном поклоне в его сторону, не может не почувствовать себя в роли Кречинского. Расплюев – это вчерашний наш «обыватель», а Кречинский – это «крайние левые» у нас «граждане», которые вчера ничего не имели и завтра думают обладать всем. Но середина России, но ядро России спокойнее и проче. Ведь и заглавное лицо комедии Сухова-Кобылина но-

¹ Для понимающего достаточно (*лат.*).

² Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 3 марта 1906 г.

сит не совсем русскую, а почти польскую фамилию. Самые кичливые выкрики о Думе именно – не русские, ибо русский во всю свою историю, до такой степени терпеливую, никогда не склонен был к «захвату» и «нахрапу». Скорее его со всех сторон «захватывали», на него «лезли» и с запада немцы, и с юга разные «брюнеты»; и теперь эти окрики на Думу более имеют привислинское и одесское происхождение, нежели ярославское или тамбовское. Ядро России, средняя Русь, несомненно, с жадностью глотает первый политический воздух, какой допустили до его заморенной груди. Везде собираются, везде говорят, и едва ли адвокатским тоном или им преобладающе; «гуторят» по деревням, по селам старыми великорусскими говорами о великой нужде России и что «ее, матушку, надо поднять». В самом деле, со всех сторон только и слышишь «интеллигентные» ожидания: что даст Дума крестьянам, что она даст фабричным, купцам? Между тем, может быть, сами купцы, крестьяне, даже фабричные подумывают и о том: а что мы дадим Думе – какой совет, помощь, указание. Пусть редко-редко, но кой-где шевелится и эта общегосударственная мысль, шевелится даже у мужика, у «православного крестьянина», который тоже ведь не одну землю пашет, а и думает, сознает, молится своим «угодникам», которые все «собирали Русь» и обдумывали русского человека. На Думу соберутся вовсе не одни желудки и рабочие руки, не одни открытые жилеты и шелковые галстуки. На Думу войдет и совесть, чувство ответственности, исторический разум. Поживем – увидим.

Во всяком случае Россия уже втягивается в политическую жизнь, и скоро эта жизнь получит своих «праведников», как их получил наш присяжный суд, который многое пробудил в совести русского народа и много получил от этой совести. Мы убеждены, что политическая жизнь не выльется у нас в западно-стереотипные формы, что скоро, очень скоро здесь появятся свои родные краски, не непременно консервативные, не непременно либеральные, но «свои» и «русские». Это – все, что нужно обещать, чего хочется ожидать. Впрочем, за это мы можем быть спокойны. Тургенев, западник, сказал: «Русского хоть в семи водах мой, – от него русской его сути не отмоешь». На этом-то основании он и советовал нам безбоязненно окунаться «в немецкое море», т.е. немецкую культуру; и на этом-то основании, что Дума наша останется непременно «русскою» Думою, – мы безбоязненно смотрим на первые движения конституционализма и парламентаризма в России.

И будем помнить скромный лозунг русских: «Не сразу в карету – надо сперва поездить и в тележке». Не сразу сковались и железные дороги, долго ездили «по проселочным»... Дума есть самое лучшее, самое вождеденное, о чем не только исстрадалось множество русских сердец, но за мечту о которой многие и «живот свой положили». Вот это надо помнить.

ГОСУДАРЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА¹

Поколение наше подошло ко дню, какого не переживала еще Россия, какого не дано было увидеть ни одному поколению. Оставим шаблоны и не будем говорить, что у нас «вводится конституция», «открывается парламент». В эту минуту

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 27 апреля 1906 г.

хочется почувствовать свое, родное; и мы думаем – это родное есть в неизмеримом преобразовании, которому подвергается страна. В день 27 апреля, когда в великолепные залы Зимнего дворца войдут, – наряду с высшим духовенством, с генералитетом, министрами, членами Государственного совета, с придворными чинами и дамами в парадных «русских платьях», – и серые уездные и губернские русские люди, войдут сельчане, в малой дроби даже неграмотные, войдет так называемая русская «интеллигенция», столько раз осмеянная и, однако, страдальческая, часто гонимая и всегда терпеливая, – в этот день все почувствуют, что совершилось что-то великое, великое и умиротворяющее. «Ждали и дождались», – кто этого не подумает? «Ждали» от 14 декабря 1825 года; «дождались» через 81 год. «Ждали» князя, дворяне, офицеры, писатели, поэты, журналисты; ждали узники в Сибири, о которых пелись тоже стихи. Ждали еще мрачнейшие жертвы, о которых ужасно и горестно вспомнить. Но мы вспомним и их, и вспомним все и всех с тем умиротворением, под действием которого когда-то произнесены были слова: «Ныне отпускаеши, Владыко, раба Твоего с миром»...

Нет, невозможно, чтобы движение, в которое вложено столько русской души, русского энтузиазма, русского терпения и работы было «заморским нововведением». Нет, Дума – наша, Дума – русская, Дума – плод русской истории. Пусть – явление, параллельное движениям других, двигавшихся к освобождению, народов; как ведь и земские соборы Московской Руси имели в себе параллели в средневековых представительных учреждениях; и, однако, были свои, родные, московские. Не менее этого Дума нисколько не есть подражательное, повторительное явление; никто из самых беззаветных западников не дерзнет сказать, что она есть «скопированное на Западе» учреждение; всякий скажет, с торжеством или злобою, что это есть плод огромных и натуральных напряжений русских исторических сил. Но не лучше ли сказать это одним, сливающимся, братским голосом, брося вчерашние разделения, – сказать просто и с умилением: «Дума – наша, и мы ее ниоткуда не взяли».

О, как не хочется на эти дни разделения! Не совершится ли чудо и не пойдут ли вчерашние «октябристы», «кадеты» и проч. и проч. к одной гигантской созидательной работе как просто «члены Думы», в этом одном и общем ранге? Не бывает чудес, но как хочется чуда! А кто знает, может быть, в Думе в самом деле умирится многое, сползнут острые края, улягутся противоречия – и просто при взгляде, и близком взгляде друг на друга людей, всегда до сих пор разделенных и более предполагавших, нежели видевших друг в друге враждебные или затаенные измерения...

Встретятся государь и народ. Впервые – лицом к лицу. Не оставим вспомнить нашего великодушного и доброго государя и сказать слово благодарности, надежды и ободрения, в каком-то если не как монарх, то как человек он может нуждаться. Скажем о всей этой уже пройденной смуте, что в ней и от нее никто так много не страдал, как государь. Всякий понимает, что бюрократии, у которой брань «на восточном входе виснет», вся эта смута причинила ущерб более платонический. И хотя она нисколько против государя не направлялась, однако нечто реальное унесено смуту именно отсюда, из дворцов. Все это совершилось само собою, вне всяких

намерений; все совершилось по роковому, мучительному и опасному сцеплению, в силу которого монархическая власть перестала отделяться даже от мелких чиновных распоряжений и слилась с последними колесами бюрократического механизма в один неразрывный клубок. Все трясли «столы» этих столоначальств, стены «канцелярий»; перед зеркалом и портретом государя сидели эти чиновники и не стеснялись перед ним творить свои мелкие, темные и глупые дела. Да, государь страдал. На нем много отразилось. «Мыши из подполья разбежались»; поели сыра и «были таковы». А государь, – он все остается, когда другие уходят и проходят: и на нем мучительнее, нежели на ком-либо поименно, отразилось все, происшедшее за 1904, 1905 и 1906 годы.

При характере менее великодушном и более жестоком, при направлении ума более эгоистическом сколько препятствий он мог бы поставить, сколько раз он мог бы последовать, без сомнения, раздававшимся около него советам мрачного, упорного, реакционного характера. Да таковые не только советы, но и почти требования были ему высказываемы прямо в лицо депутациями и посланиями из Петербурга, Москвы и из губерний. Но ум его озирает все положение вещей сверху, и он видел и знал то, чего не видели и не знали кружки, партии, отдельные люди. Вспомним слова нашего старца Толстого, сказанные в конце «Анны Карениной», о решении государя объявить войну, и сказанные устами крестьянина, т.е. простого народа: «государю виднее». Да, трон выше всего. И много видно с него, чего не видно с кресел, стульев, трибун и кафедр. Не забудем этого. Государь знает гораздо больше каждого из нас, знает уже в силу своего положения и таких особенных сведений, которые никогда не коснутся и края уха обыкновенного подданного или «гражданина».

Дай же, Боже, государю и впредь этой ясности и высоты суждения, этого спокойствия и простоты решений, какие Им выказаны были в эти «страдные» для трона два с четвертью года.

Одно мы вправе наблюдать как подданные, как граждане. В силу особых индивидуальных качеств, врожденных, ни который из доселе живших государей русских не был в такой же или даже приблизительной мере так способен ко «введению конституции» и «установлению парламента», как ныне царствующий государь император. Вспомним Гаагскую конференцию с ее программю, которая была личным порывом нашего государя. Итак, стремление к человеческому добру, готовность к состраданию – Его глубокая врожденная черта. Будущий историк России бесспорно скажет, что если одна половина русской «конституции» и «парламентаризма» объясняется ходом Японской войны, наступившею «смутю» и, наконец, вообще всем освободительным русским движением, начиная от 14 декабря, то всему этому, однако, недоставало целой другой половины и эта половина дана была личным характером императора Николая II.

Возблагодарим его. А если и не сумеет теперешнее поколение, в торопливости мятущихся дней, оценить величие и индивидуальность подвига государя, то тем выше, в поправление настоящего, поднимет его имя историк.

И еще последнее слово: государь – как ни один до него монарх русский – стоит, по всему о нем известному и по тем решениям и словам, какие опубликовывались,

чрезвычайно близко и родственно к общему облику «русского образованного человека». Вот почему он уловил звуки, стонущие звеневшие в русской душе много лет, уловил, и дал им ясность, и привел их в исполнение.

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ОБЩЕСТВО¹

Близятся дни, и вот-вот вторично сойдутся лицом к лицу русская государственность и русское общество. Мы разумеем открытие второй Государственной думы. Увы, первая Дума не пошла по государственному пути, не выразила в себе государственного духа. Как в чаду, она кинулась на русскую государственность, рвала и позорила ее, представляя собою не людей русской земли, а... читателей русских журналов! Не считая мужичков из подпевал, которые вторили «господам» в английских пиджаках, вся эта сюртучная и пиджачная часть первого русского парламента выражала не нужду русскую и не горе русское и хоть бы какое-нибудь русское достоинство, а просто это были читатели русских журналов. И в строгом соответствии с пропорциональным успехом нашей либеральной, радикальной и консервативной журналистики уже за много лет преобладали читатели «Русского богатства», «Русской мысли», бывшего «Дела» и «Отечественных записок», препиравшиеся с более солидными читателями «Вестника Европы». «Русский» же «Вестник» и «Гражданин» кн[язя] Мещерского не имели как читателей, так и представителей в Думе.

Коренного русского человека не оказалось в Думе... Как все это грустно!

Эти читатели внесли в Думу весь тот жар «внутренних обозрений» названных журналов, какой за цензурными условиями своего времени был урезан. Бесцензурная литература – вот и все богатство, весь блеск Думы. Все ее слова, речи – это в свое время брошенные в корзину или зачеркнутые красным карандашом цензора страницы журналов и столбцы газет, которые, взволновав редакцию, не взволновали читателей... Ни тени оригинальности против русской журналистики Дума не выразила; никакого своего слова, нового, от земли идущего. Русский народ промолчал в Думе и за время Думы. Мы не считаем подголосков, которые какофонили для счёту и где не было ни русского остроумия, ни русской глубины.

Это русское общество, и только общество накинулось на русскую государственность, получившую удар на Востоке. «Свои» обрадовались своему горю. Все было забыто. Кричали «внутренние обозрения» и «передовицы», вдруг получившие свободу трепать имена министров и выгонять вон из зала ближайших помощников министров. Забудем эти немногие темные грустные дни... Люди русские забыли, что государственность русская не одно и то же с Куропаткиным, Алексеевым, с Авеланом и еще с двумя-тремя десятками людей случая, минуты и фавора. Люди русские не вспомнили безруких и безногих солдат, которые после перевязки рвались вторично в бой, дорвались и умерли. Люди русские размазывали всеми красками сдачу «Бедового», деяния Небогатова и проч. и едва упоминали кратким словом офицеров-командиров, сходявших в каюту после спуска шлюпок с матросами, чтобы вместе с командующим судном выпить чашу смерти.

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 24 января 1907 г.

Да мало ли было героизма. Но читатели русских журналов помнили только соль и укус внутренних обозрений своих журналов и, придя в Думу, не обмолвились ни словом благодарности или воспоминания в сторону добрых частиц русской истории, русского государства, которые были и остаются, и с мелочностью каких-то столоначальников без мундира требовали утопить в Японском море Авелана и Алексеева за то, что у них так много орденов.

Недостойно. Мелочно. Неумно.

Точно каждый пришел со своей улицы, забыв, что в Думу он обязан принести частицу русского сознания, т.е. сознания почти огромнейшего в мире народа и почти длиннейшей в европейской истории государственности. Если принять во внимание, что теперешняя Франция не имеет ничего общего с Францией Капетингов, что Англия пережила несколько внешних завоеваний и несколько революций, проходивших истребительно по всему прошлому, что Гогенцоллерны и Пруссия совершенно недавни, что Габсбурги принадлежат новым векам и что революция съела почти все внутреннее в этом габсбургском содержании, то мы увидим, что Россия, единая в Москве и в Петербурге, с теми же задачами, рвениями, молитвами, осторожностью, является в европейской истории едва ли не самую почтенную величину, которую облили чернилами, но нимало не расшатали и не потрясли в сущности совершенно ничтожные события русско-японской войны. С 90-х годов прошлого века наше общество и печать восприняли в себя декадентскую струю, и удар вытянулся по спине декадента, который закричал на два полушария. Вот и все. Поколение вот этих полутора десятка лет какое-то болезненное, рыхлое, преувеличенно впечатлительное; вырос картофель, а не хлеб. Это картофельно-крахмальное поколение рассыпается в руках при всяком деле. Воображать, что оно очень много значит в судьбах России и что-то призвано решить, и бесповоротно решить, – значит воображать что-то не отвечающее слабой действительности.

В тех верхах, которым было сказано слишком много упреков, никогда не было характерной наполеоновской наглости, – обоих Наполеонов, первого и третьего. Русский престол почувствовал великую неловкость за все, что произошло в России в эти печальнейшие два года; и эту трогательнейшую и человечнейшую минутою застенчивости, горя и слабости воспользовались наглецы и проходимцы чисто бонапартовской складки, чтобы надавать пощечин направо и налево и закричать чуть не всей России: «Руки вверх»... Люди бронзовой совести начали давать тумачи всему, что старо и устало, гоня все вон, чтобы очистить место своему молодому бесстыдству. И подумать только, что эти архаровцы, получи они штатные назначения, дали бы что-нибудь лучшее Авеланов и Куропаткиных.

Во всяком случае это не испытано. А русская государственность, которую нужно чинить долго и радикально, дала, однако, ряды такой стойкости и дисциплины, самопожертвования и героизма, которые и основали организм самой большой политической величины в мире. Наш народ нищ, но не развращен; это не пролетариат Рима, кричащий «хлеба и зрелищ». Наш народ требует в горе не зрелищ, а молитвы: даже тот, кто скажет, что тут суеверность, не отвергнет, однако, что тут нет ни римского, ни парижского цинизма, а есть задатки и обеща-

ния чего-то лучшего. Наш народ только не учили и не кормили или, точнее, его преступно оставили темным и поставили в скверные условия экономическую его жизнь. Словом, за государственными людьми русскими, бесспорно, много вин, но это ни от народа, ни от общества, ни от литературных критиков не должно закрыть той истины, что все же в общем сонме своем государственные русские люди, работавшие около Престола, выковали почти первое в новой Европе могущество или соперничающее с первыми. И можно без иронии повторить слова старика Фамусова:

– Вы, нынешние, ну-тка!

Нынешние во всяком случае ничего еще не сделали и только накричали на весь свет. Да, и еще: Муромцев ехал в Выборг в особом вагоне первого класса, т.е. занимая своей особой целый вагон; это напоминает некоторых генералов в Маньчжурии. И еще Милюков ездил в Париж, ездил специально, чтобы подвергнуться расспросам интервьюера «Temps»... Так что не интервьюеры ищут интересных особ будущей свободы, равенства и братства в России, но интересные люди сей партии сами ищут интервьюеров и даже платят бешеные деньги за проезд до них...

ГРАНИЦЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ПАРТИЙ¹

Всякое время имеет свою задачу, и в настоящую минуту своей истории Россия и все русские, все наши партии и все слои и классы населения, должны сосредоточиться на одной громадной работе: создании твердого и спокойного, широкого и творческого конституционализма. Нужно, чтобы это выразилось в законах, необходимо, чтобы это укрепилось в нравах; важно, чтобы каждый русский развил в себе конституционную совесть, конституционную совестливость. Это – задача на ближайшее время. Перед этою задачею все другие вопросы и вопросы, с которыми жадно устремились к Государственной думе разные классы и профессии, состояния и сословия, разные партии и разные степени культурного образования, должны отойти на второй план. Все это – потом, всему этому – второй час, а первый час должен быть отдан конституционализму, конституционному утверждению. Развязанный получил свободу ходить: нужно, чтобы он выучился ходить. Только с этой точки мы критикуем все партии. Только с этой точки зрения мы критикуем кадетов, находя в их оппортунизме и мелком политиканстве нездоровый элемент и самый скверный залог будущего конституционализма. Не того ожидалось от открытой и честной русской души. Каковы бы ни были политические успехи этой партии, нравственная роль их кончилась, и, кажется, об этом одном нет спора между крайними левыми и правыми. Кадеты не «представили» собою, говоря парламентарным языком, нравственной стороны русского народа, а за вычетом ее всякое другое представительство будет более или менее мелким и недолговременным. Кадетская партия не живуча. Это – не народная партия, а литературно-салонная или литературно-гостиная.

И во время первой Думы мы отдавали нравственное преимущество левой ча-

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 13 февраля 1907 г.

сти ее. Но только – нравственное, так как эта группа была чужда двоедушия, политиканства и притворства кадетов. Несчастье левых заключается в том, что они варятся только в собственном соку и изготавливаются только на собственном масле. Вследствие этого они могут быть очень хорошими людьми, но это несчастье их изготовления делает их совершенно негодными к конституционной жизни и деятельности. Они не работают на машине, а ломают машину. Самая суть конституционализма заключается в способности к координации своих сил и своих даров, своих убеждений и требований с силами, способностями и убеждениями других и даже враждебных партий или людей. До известной степени конституционализм можно определить как доброе соседство. Методы конституционализма суть методы доброго соседства, согласного и разумного сожития, где никто не барин и никто не раб, где уступают друг другу, уважая один другого. Конституционализм умеряет жар и лихорадку общества. Представьте же себе конституционную машину, попавшую в руки господ, которые никакого соседства не признают, ничьи-ми не хотят быть соседями, а хотели бы все разорить и остаться на разоренном месте одни. Это – типичные монархисты в той фазе монархизма, какая царила в Золотой Орде у Батыея. До некоторой степени – наши и европейские «ордынцы». Их так и именуют на Западе «ордою вандалов», а Спенсер, в предвидении их господства, написал пророческую книгу «Грядущее рабство». Эти господа хотят своего господства и в равной степени хотят угнетения и рабства всех других. Такие умы, как Маколей и Карлейль, не расходились со Спенсером в оценке крайних левых. Несчастье их, как мы заметили, заключается в том, что они варятся только в собственном соку и не только не признают, но даже не видят никакой другой психологии, не говоря уже о признании других интересов.

Вот эти-то монархисты слева, эти наши левые ордынцы, и угрожают всего более утверждению конституционализма в России. Уже первую Думу они бойкотировали, т.е. не пошли в нее вовсе, и, следовательно, отвергли в принципе самый конституционализм. Во вторую Думу они не только пошли, но жадно хлынули. Предлагаем им оглянуться на то, почему они это сделали. Только потому, что увидели, что Монарх сдержал свое слово, что он не обманул народ свой, как они клеветали на него перед первою Думою, оповещая весь свет, что эта Дума только подделка под парламент, что по-прежнему у нас будут царить «становые, жандармы, исправники» и т.п. *bêtes noires*¹ всех левых. Вообще ордынцы представляют все себе в ордынских чертах. Они во вторую Думу хлынули потому, что из судьбы первой Думы увидели, что свобода – есть, что свобода – факт, что Дума неприкосновенна и что члены ее совершенно неприкосновенны, что бы ни говорили в Думе. Тогда эти малые политики и симпатичные человеки, эта смесь озорства и великодушия, хлынули на выборы. Но для чего? Весь Петербург слышал и слушал на предвыборных собраниях, как они совершенно открыто говорили, что Дума нужна им не сама по себе, но как кафедра для возвещения всему миру знаменитых их убеждений и еще как центр, около которого может начаться «организация народных сил» для целей, ничего общего с конституционализмом не имеющих и приблизительный очерк которых свет узрел в Кронштадте и Свеаборге. «Сарынь-

¹ Страшилица (франц.).

на-кичку», как уже формулировал Разин формулу «всероссийского пролетариата». В русском социалисте удивительным образом смешались святой, разбойник и фантазер. Все эти поползновения есть в партии. Что же делать с этим правильной государственности, конституционализму?

Быть осторожным, не играть с огнем и стоять, как на камне, на твердой и великой задаче для этих ближайших лет – утверждения конституционного строя в России. Конституционализм может сказать о себе то, что говорит все живое и все убежденное: «Кто не со мною, тот против меня». Ни один механизм, никакая партия, никакая организация никогда не допустит в себя с распорядительными функциями такую силу и такую власть, которая относится пренебрежительно или даже враждебно к существу этой организации и к задачам ее существования. Этого не бывает, и никто этого не допустит. Вправе не допустить этого и парламент, конституция. Пожаловали в Таврический дворец от имени конституции и по правам ее – ведите себя конституционно; вошли в парламент – ведите себя в нем парламентарно. Это закон, его же не преjdeши. Все неконституционное не должно быть терпимо в пределах конституции; все антипарламентарное должно быть исключено из парламента. Посему ни в какое орудие парламента не должен себя допускать обращаться. Это честь его и достоинство. Без этого он потеряет и честь и достоинство. Здесь находят свое ограничение и лозунги, раздавшиеся от левых в первой Думе: «Мы – уполномоченные от народа»; «Мы – избранники народные», «Народ нас послал, чтобы мы добыли ему» то-то и то-то, следуют пункты социалистической программы. Все это вздор. Народ выбрал и мог выбрать представителей в Думу только для законодательной работы, и больше ни для чего; и вне этого воля народа, даже если бы она была и заявлена и засвидетельствована документально, перестает быть волею политической и становится волею сказочной. Народ, в такой массе еще безграмотный, может, конечно, отправить депутатов достать ему Жар-птицу или невидимый град Китеж, с такою «волею народа» парламента нечего делать и вообще нечего делать русской государственности. Русская государственность может отвечать на желания народа только государственные же слова, в пределах государственности и государственным языком сказанные. Все прочее вне языка и вне дел государства. Молочных рек с кисельными берегами, на что так походит будущий социальный строй, парламента русский не может открывать «народу» и его депутатам. Вернитесь к земле, г[оспода] депутаты, к земным нуждам и делам. Иллюзии общего характера, которые едва ли и могли возникнуть у народа самостоятельно и, без сомнения, наваяны на него в предвыборную кампанию из марксистских книжек, должны быть оставлены, как и град Китеж.

ЧАСТНЫЙ И ОБЩИЙ ИНТЕРЕС В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ¹

Что было несносно и в первой, и во второй Думе – это их безгосударственность. Но что такое сама государственность? Это – завершение общественности. Государственность поглощает частный интерес, требует жертвы от частного ин-

¹ Впервые статья была опубликована в газете «Новое время» 26 октября 1907 г.

тереса. Государство требует служения, т.е. отречения, отречения от себя и своего частного интереса. В этом отношении две безгосударственные Думы были и антиобщественными. Это кажется дико сказать, но это так. Кричали, молились, теряли целые дни на разбирательство не столько «дела» о каком-нибудь тюремном злоупотреблении, сколько сплетен о каком-нибудь арестанте, против которого употреблена была сила после того, как он никакому слову не повиновался. Четыреста слишком законодателей изображали столько же слушателей какого-нибудь частного письма, об авторе которого не было известно ни того, не психопат ли он, ни того, не злодей ли он. Все это было бы хорошим упражнением в фельетоне провинциального листка и решительно было смешно, когда претендовало занять внимание целого мира.

Частный интерес, частные претензии и претенциозность, частные страсти заняли весь фон еще неопытной парламентской жизни. Разумеется, к числу частных интересов мы относим и партийные: ибо каждая партия уже тем одним, что она противопоставляет себя всем прочим партиям, т.е. всем с нею несогласным частям населения, выделяется из этого общего населения и становится чем-то обособленным и частным. А если мы прибавим, что каждая партия составляет, в сущности штат, служащих около какого-нибудь политического выскочки и честолюбца, очень нередко около политического проходимца, то совершенно частный характер партий делается в высшей степени ясен. Это суть частные, внегосударственные и вненациональные явления, хотя они и хлопочут с таким жаром о политике. Они хлопочут о политике, стараясь не помочь политике государства и нации, а подчинить ее своим партийным интересам и предубеждениям. Столько потратив жара на одного побитого арестанта, Дума ни одним словом не обмолвилась об убитых и убиваемых не арестантах. Она не занялась и вопросом вообще о тюрьмах и тюремном ведомстве, – об этих десятках тысяч порочных и преступных пансионеров, которых за какие-то добродетели должны кормить, одевать и отоплять ничем против них не провинившиеся труженики народа. Воры грабят чужое имущество, и за это ограбляемые обязываются кормить и поить их всю жизнь в особых пансионах, откуда они не могли бы убежать и кого-нибудь вновь ограбить. Слишком много расшаркивания перед пороком и злодейством, перед шулерством и ничегонеделанием.

После войны, обнаружившей бесчисленные язвы флота и армии, в обеих Думах ни разу и ни одного голоса не поднялось об армии и флоте. Как будто или армия и флот – не русские, или уж обе Думы были не русские. Но они были, конечно, русские, но только какие-то наивно-русские, книжно-русские. Они в том же духе и направлении выражали «русское» и служили «русскому», как бывшие «Отечественные записки» или газетка «Сын отечества» служили отечеству, патриотизму и народности. Название было одно, а занятие – совсем противоположное. У нас, русских, это уживается.

Конечно, в этом не приходится очень винить обе интеллигентные или, вернее, полуинтеллигентные Думы. Оторванная от почвы и от реальной занятости, никогда не допускавшаяся до политики и едва допущенная до губернского и уездного хозяйства интеллигенция, собравшись в Думе, и не могла дать другого, неже-

ли что дала. Собрались частные люди, которые и принесли сюда частный интерес. Собрались читатели своих журналов, которые и принесли сюда мнения этих журналов. Как и самая жизнь, Дума очень напоминает собою бойкие полемики 60-х годов и сокрушительные передовицы некоторых газет. Все это, уместное в печати и абсолютно неуместное в политике, было принесено в политику. Серьезным образом и надолго подчинить законодательство страны такому составу людей – значило все равно что начать оснащать корабль: снимать с него паруса, подпиливать мачты, ломать машину, приводы, портить руль и винт. На такое самоубийство русская государственность не могла решиться. История во второй Думе с социал-демократической фракцией до очевидности обнаружила, в чем дело, с именем и правомочием законодателей прошли в высшее государственное учреждение люди, и тайно, и почти явно боровшиеся против самого принципа закона и законности. «Закон – у того, кто не хочет закона». На это «не хочу» законодателей только и можно было ответить встречным «не хочу», но уже по адресу самих псевдозаконодателей. В этом-то «псевдо» и заключалось все дело. Собрался или, точнее, был выбран неопытным населением парламент. Может ли служить обедню не верующий в Бога священник? Может ли служить в армии офицер, передающий врагу планы крепостей? Может ли заседать, положим, в центральном комитете социал-демократической партии Крушеван или Пуришкевич с правом решающего голоса и «директив»? Последний пример может быть всего убедительнее. Как поступила бы социал-демократия с сочленом Крушеваном, – так точно, но только более мягко русская государственность поступила с обеими Думами. «Вы против государственности, и этим самым вы государственности не нужны». А новыми правилами 3 июня она прочла урок и населению, что оно имеет право выбирать каких угодно лиц, но чтобы оно смотрело на эти выборы не как на игру, а как на государственную обязанность, как на что-то государственное по источнику и по цели своей. Так как и на первых, и на вторых выборах население действовало негосударственно, то правительство исправило самые выборы, придав им государственную сообразованность, государственный дух. Вот и все.

Самое важное отличие третьей Думы от двух первых заключается в том, что она будет государственною Думою, а не общественною Думою. Она потеряет черты «вольного клуба» и приобретет черты национально-русского представительства. Критики поубавится, творчества прибавится. Но самое главное – прольется новый дух в творчество. Самые заядлые полемисты против третьей Думы не могут отвергнуть, что она прежде всего гораздо образованнее двух первых Дум в своем личном составе. Это чего-нибудь стоит, и против этого никакой архилиберал ничего не найдет возразить. Остается скрежет зубовой досады и неудачи, и никакого мотивированного довода. Затем, личный состав третьей Думы гораздо зрелее возрастом, т.е. он богаче опытом и имеет более расширенный горизонт суждения. Возрасты – как лестница. Мы по ней поднимаемся, и никто не скажет, чтобы мы по ней опускались. Было решительно смешным зрелище, что вся седая старая Русь, что люди серьезнейших должностей и профессий, призваны самим государством выслушивать как что-то поучительное разный вздор, какой, поднявшись на думскую кафедру, мелет какой-нибудь Рамишвили или Зурабянц с

Кавказа. Это было похоже на то, как если бы серьезный орган печати отдал в распоряжение каких-нибудь институток, – да и отдали еще с обязательной подпиской и почти с казенными объявлениями. На казенный счет и в казенном помещении Аладыны, Зурабянцы и Рамишвили мололи социально-гимназический вздор, который будто бы служит пропедевтикою к законодательству. Нельзя не вспомнить знаменитого стиха о том, что есть вещи, над которыми хочется смеяться, если бы от них не приходилось плакать.

Ссылаются и жалуются, что правилами 3 июня было выдвинуто всего несколько десятков тысяч населения, голос которых будет определять состав последующих Дум. Это, конечно, преувеличение, но примем его в редакции обвинителей и ответим: что же делать, если даже оказалось невозможным набрать 450 действительно серьезных людей в члены Думы? Значит, вообще страна некультурна и необразованна, и пришлось переделать одежду парламентаризма по небольшому росту того, кто ее носит. Зрелую функцию можно вручить только зрелым людям: и не было ли бы странно, если бы во время шторма к попорченному механизму корабля были призваны не механики, хотя бы и в небольшом числе, но все пассажиры парохода, «потому что их много». Не в числе спасение: эта нравственная аксиома есть вместе и политическое правило. Оно и стало программой в новом курсе, который до известной степени берет Россия.

*Статьи публикуются по изданию:
Розанов В.В. Собрание сочинений.
Русская государственность
и общество (Статьи 1906–1907 гг.).
М., 2003. С. 9–10, 12–14, 37–40,
63–65, 262–264, 285–287, 468–471.*

ПЕТР БЕРНГАРДОВИЧ СТРУВЕ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ¹

1907–1909 гг.

Россия пережила до новейшей революции, связанной с исходом русско-японской войны², два революционных кризиса, потрясших народные массы: смутное время, как эпилог которого мы рассматриваем возмущение Разина, и пугачевщину. То были крупные потрясения народной жизни, но мы напрасно стали бы искать в них какой-либо религиозной или политической идеи, приближающей их к великим переворотам на Западе. Нельзя же подставлять религиозную идею под участие раскольников в пугачевском бунте? Зато в этих революциях, неспособных противопоставить что-либо исторической государственности и о нее разбившихся, с разрушительной силой сказалась борьба социальных интересов.

Революция конца XVI и начала XVII вв. в высшей степени поучительна при сопоставлении с пережитыми нами событиями. Обычно после революции и ее победы торжествует реакция в той или иной форме. Смута начала XVII века представляет ту оригинальную черту, что в этой революции как таковой, как народном движении, непосредственно, минуя реакцию, одержали верх здоровые государственные элементы общества. И с этой чертой связана другая, не менее важная: «смута» была не только социальным движением, не только борьбой за политическую власть, но огромным движением национально-религиозной самозащиты. Без польского вмешательства великая смута 1598–1613 гг. была бы рядом придворных интриг и переворотов, чередующихся с бессильными и бессвязными бунтами анархических элементов тогдашнего общества. Польское вмешательство развернуло смуту в национально-освободительную борьбу, в которой во главе нации стали ее консервативные общественные силы, способные на государственное строительство. Если это была великая эпоха, то не потому, что взбунтовались низы. Их бунт не дал ничего.

Таким образом, в событиях смуты начала XVII века перед нами с поразительной силой и ясностью выступает неизмеримое значение государственного и на-

¹ Настоящие размышления представляют написанные два года тому назад наброски главы из той задуманной мною книги, в которой я хотел подвести итоги нашего культурного и политического развития и дать оценку пережитой нами революции (прим. П. Струве к публикации 1909 г.).

Статья была написана в 1907 г. Предполагалось, что в январской книжке журнала «Русская мысль» за 1907 г. она будет напечатана под названием «Из размышлений о русской революции». Публикация состоялась лишь в 1909 г. в сборнике «Вехи».

² Русско-японская война 1904–1905 гг., велась за господство в Северо-Восточном Китае и Корее. Начата Японией. В ходе войны российская армия и флот потерпели ряд крупных поражений. Завершилась Портсмутским миром 1905 г., ускорила начало революции 1905–1907 гг.

ционального начал. С этой точки зрения особенно важен момент расхождения и борьбы государственных, земских элементов с противогосударственными, казачьими. За иллюзию общего дела с «ворами» первый вождь земства Прокопий Ляпунов¹ поплатился собственной жизнью и полным крушением задуманного им национального предприятия. Те «последние люди московского государства», которые по зову патриарха Гермогена² встали на спасение государства и под руководством Минина и Пожарского довели до конца дело освобождения нации и восстановления государства, совершили это в борьбе с противогосударственным «воровством» анархических элементов. В указанном критическом моменте нашей допетровской «смуты», в его общем психологическом содержании чувствуется что-то современное, слишком современное...

Социальные результаты смуты для низов населения были не только ничтожные, они были отрицательные. Поднявшись в анархическом бунте, направленном против государства, оседлые низы только увеличили свое собственное закрепощение и социальную силу «господ». И вторая волна социальной смуты XVII в., движение, связанное с именем Стеньки Разина, стоившее множества жертв, бессмысленно-жестокое, совершенно «воровское» по своим приемам, так же бессильно, как и первая волна, разбилась о государственную мощь.

В этом отношении пугачевщина не представляет ничего нового, принципиально отличного от смуты 1598–1613 гг. и от разиновщины. Тем не менее социальный смысл и социальное содержание всех этих движений, и в особенности пугачевщины, громадны: они могут быть выражены в двух словах – освобождение крестьян. Пугачев манифестом 31 июля 1774 года противогосударственно предвосхитил манифест 19 февраля 1861 г.³ Неудача его «воровского» движения была неизбежна: если освобождение крестьян в XVIII и в начале XIX в. было для государства и верховной власти – по причинам экономическим и другим – страшно трудным делом, *то против* государства и власти осуществить его тогда было невозможно. Дело крестьянского освобождения было не только погублено, но и извращено в свою противоположность «воровскими» противогосударственными методами борьбы за него.

Носителем этого противогосударственного «воровства» было как в XVII, так и в XVIII в. «казачество». «Казачество» в то время было не тем, чем оно является теперь: не войсковым сословием, а социальным слоем, всего более далеким от государства и всего более ему враждебным. В этом слое были навыки и вкусы к военному делу, которое, впрочем, оставалось у него на уровне организованного коллективного разбоя.

Пугачевщина была последней попыткой казачества поднять и повести про-

¹ Ляпунов П.П. (погиб в 1611 г.) – военный и политический деятель, дворянин. Странник Лжедмитрия I. Участвовал в восстании Болотникова. Поддерживал кандидатуру польского королевича Владислава. В 1611 г. начал организацию первого ополчения, входил в земское правительство. Зарублен на казачьем круге.

² Гермоген (ок. 1530–1612) – патриарх Московский и всея Руси (с 1606 г.). Выступал против польской оккупации, был заключен в Чудов монастырь, где умер от голода. Канонизирован русской православной церковью.

³ См. наст. изд., прим. 2 на с. 703.

тив государства народные низы. С неудачей этой попытки казачество сходит со сцены как элемент, вносящий в народные массы анархическое и противогосударственное брожение. Оно само подвергается огосударствлению, и народные массы в своей борьбе остаются *одинокими*, пока место казачества не занимает другая сила. После того как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который – как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении – в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим преемником. Этот элемент – интеллигенция.

Слово «интеллигенция» может употребляться, конечно, в различных смыслах. История этого слова в русской обиходной и литературной речи могла бы составить предмет интересного специального этюда.

Нам приходит на память, в каком смысле говорил в тургеневской «Странной истории» помещик-откупник: «У нас смирно; губернатор меланхолик, губернский предводитель – холостяк, а впрочем, послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить: здесь не без красавиц. Ну, и всю нашу интеллигенцию вы увидите». Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые. Он произносил их с иронией, но и с уважением. Притом известно, что занятие откупами, вместе с солидностью, развивало в людях некоторое глубокомыслие».

Мы разумеем под интеллигенцией, конечно, не публику, бывающую на балах в дворянском собрании.

Мы разумеем под этим наименованием даже не «образованный класс». В этом смысле интеллигенция существует в России давно, ничего особенного не представляет и никакой казаческой миссии не осуществляет. В известной мере «образованный класс» составляла в России всегда некоторая часть духовенства, потом первое место в этом отношении заняло дворянство.

Роль образованного класса была и остается очень велика во всяком государстве; в государстве отсталом, лежавшем не так давно на крайней периферии европейской культуры, она вполне естественно является громадной.

Не об этом классе и не об его исторически понятной, прозрачной роли, обусловленной культурною функцией просвещения, идет речь в данном случае. Интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении.

С этой точки зрения интеллигенция как политическая категория объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя в революцию 1905–07 гг.

Идейно же она была подготовлена в замечательную эпоху 40-х гг.

В облике интеллигенции как идейно политической силы в русском историческом развитии, можно различать постоянный элемент, как бы твердую *форму*, и элемент более изменчивый, текучий – *содержание*. Идейной формой русской интеллигенции является ее *отщепенство*, ее отчуждение от государства и враждебность к нему.

Это отщепенство выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка как таковых (Бакунин и князь Кропоткин). Относительным это отщепенство является в разных видах русского революционного радикализма, к которому я отношу прежде всего разные формы русского социализма. *Исторически* это различие между абсолютным и относительным отщепенством несущественно (хотя анархисты на нем настаивают), ибо принципиальное отрицание государства анархизмом есть нечто в высокой степени отвлеченное, так же, как принципиальное признание необходимости общественной власти (т.е. в сущности государства) революционным радикализмом носит тоже весьма отвлеченный характер и ступшевывается пред враждебностью к государству во всех его конкретных определениях. Поэтому в известном смысле марксизм с его учением о классовой борьбе и государстве как организации классового господства был как бы обострением и завершением интеллигентского противогосударственного отщепенства. Но мы определили бы сущность интеллигенции неполно, если бы указали на ее отщепенство только в вышеочерченном смысле. Для интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность. Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального и эмпирического.

В этом заключается глубочайшее философское и психологическое противоречие, тяготеющее над интеллигенцией. Она отрицает мир во имя мира и тем самым не служит ни миру, ни Богу. Правда, в русской литературе с легкой руки, главным образом, Владимира Соловьева установилась своего рода легенда о религиозности русской интеллигенции. Это в сущности – применение к русской интеллигенции того же самого воззрения, – на мой взгляд поверхностного и не выдерживающего критики, – которое привело Соловьева к его известной реабилитации, с точки зрения христианской и религиозной, противорелигиозных мыслителей. Разница только в том, что западноевропейский позитивизм и рационализм XVIII в. не в такой полной мере чужд религиозной идеи, как тот русский позитивизм и рационализм XIX в., которым вспоена вся наша интеллигенция.

Весь недавно очерченный максимализм русской интеллигенции, формально роднящий ее с образом ибсеновского Бранда¹ («все или ничего!»), запечатлен указанным выше противоречием, и оно вовсе не носит отвлеченного характера: его жизненный смысл пронизывает всю деятельность интеллигенции, объясняет все ее политические перипетии.

Говорят, что анархизм и социализм русской интеллигенции есть своего рода религия. Именно в вышеуказанном максимализме было открыто присутствие религиозного начала. Далее говорят, что анархизм и социализм суть лишь особые формы индивидуализма и так же, как последний, стремятся к наибольшей полноте и красоте индивидуальной жизни, и в этом, говорят, их религиозное содержание. Во всех этих и подобных указаниях религия понимается совершенно фор-

¹ Бранд – герой одноименной драматической поэмы Г. Ибсена (1865 г.).

мально и безыдейно. После христианства, которое учит не только подчинению, но и любви к Богу, основным неотъемлемым элементом всякой религии должна быть, не может не быть вера в спасительную силу и решающее значение личного творчества, или, вернее, личного подвига, осуществляемого в согласии с волей Божией. Интересно, что те догматические представления новейшего христианства, которые, как кальвинизм и янсенизм¹, доводили до высшего теоретического напряжения идею детерминизма в учении о предопределении, рядом с ней психологически и практически ставили и проводили идею личного подвига. Не может быть религии без идеи Бога, и не может быть ее без идеи личного подвига.

Вполне возможно религиозное отщепенство от государства. Таково отщепенство Толстого. Но именно потому, что Толстой религиозен, он идейно враждебен и социализму, и безрелигиозному анархизму, и стоит вне русской интеллигенции.

Основная философия социализма, идейный стержень, на котором он держится как мировоззрение, есть положение о коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий. Недаром основателем социализма является последователь французских просветителей и Бентама Роберт Оуэн², выдвинувший учение об образовании человеческого характера, отрицающее идею личной ответственности. Религия так, как она приемлема для современного человека, учит, что добро в человеке всецело зависит от его свободного подчинения высшему началу. Основная философия всякой религии, утверждаемой не на страхе, а на любви и благоговении, – есть «Царство Божие внутри вас есть».

Для религиозного мирозерцания не может поэтому быть ничего более дорогого и важного, чем личное самоусовершенствование человека, на которое социализм принципиально не обращает внимания.

Социализм в его чисто-экономическом учении не противоречит никакой религии, но он как таковое не есть вовсе религия. Верить («верую, Господи, и исповедую») в социализм религиозный человек не может, так же, как он не может верить в железные дороги, беспроволочный телеграф, пропорциональные выборы.

Восприятие русскими передовыми умами западноевропейского атеистического социализма – вот духовное рождение русской интеллигенции в очерченном нами смысле. Таким первым русским интеллигентом был Бакунин, человек, центральная роль которого в развитии русской общественной мысли далеко еще не оценена. Без Бакунина не было бы «полевения» Белинского³, и Чернышевский не явился бы продолжателем известной *традиции* общественной мысли. Достаточно сопоставить Новикова⁴, Радищева⁵ и Чаадаева с Бакуниным и Чернышевским⁶

¹ Янсенизм – религиозно-общественное движение во Франции XVII–XVIII вв., возникшее на основе учения голландского богослова Корнелия Янсения (1585–1638), пропагандировавшее строго благочестивую жизнь.

² Оуэн Роберт (1771–1858) – английский социалист-утопист.

³ Белинский В.Г. (1811–1848) – литературный критик и публицист, философ-материалист, революционный демократ.

⁴ Новиков Н.И. (1744–1818) – просветитель, писатель, журналист, издатель.

⁵ Радищев А.Н. (1749–1802) – философ, писатель.

⁶ Чернышевский Н.Г. (1828–1889) – публицист. Идейный вдохновитель революционного движения 1860-х гг.

для того, чтобы понять, какая идейная пропасть отделяет светочей русского образованного класса от светочей русской интеллигенции. Новиков, Радищев, Чаадаев – это воистину Богом упоенные люди, тогда как атеизм в глубочайшем философском смысле есть подлинная духовная стихия, которою живут и Бакунин в его окончательной роли, и Чернышевский с начала и до конца его деятельности. Разница между Новиковым, Радищевым и Чаадаевым, с одной стороны, не есть просто «историческое» различие. Это не звенья одного и того же ряда, это два по существу непримиримые духовные течения, которые на всякой стадии развития должны вести борьбу.

В 60-х годах с их развитием журналистики и публицистики «интеллигенция» явственно отделяется и от образованного класса, как нечто духовно особое. Замечательно, что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика. Белинский велик зовем не как интеллигент, не как ученик Бакунина, а, главным образом, как истолкователь Пушкина и его национального значения. Даже Герцен, несмотря на свой социализм и атеизм, вечно борется в себе с интеллигентским ликом. Вернее, Герцен иногда носит как бы мундир русского интеллигента, и расхождение его с деятелями 60-х годов не есть опять-таки просто исторический и исторически обусловленный факт конфликта людей разных формаций культурного развития и общественной мысли, а нечто гораздо более крупное и существенное. Чернышевский по всему существу своему другой человек, чем Герцен. Не просто индивидуально другой, а именно другой духовный тип.

В дальнейшем развитии русской общественной мысли Михайловский¹, например, был типичный интеллигент, конечно, гораздо более тонкого индивидуального чекана, чем Чернышевский, но все-таки с головы до ног интеллигент. Совсем наоборот Владимир Соловьев вовсе не интеллигент. Очень мало индивидуально похожий на Герцена Салтыков² так же, как он, вовсе не интеллигент, но тоже носит на себе, и весьма покорно, мундир интеллигента. Достоевский и Толстой каждый по-разному срывают с себя и далеко отбрасывают этот мундир. Между тем весь русский либерализм – в этом его характерное отличие от славянофильства – считает своим долгом носить интеллигентский мундир, хотя острая отщепенская суть интеллигента ему совершенно чужда. Загадочный лик Глеба Успенского³ тем и загадочен, что его истинное лицо все прикрито какими-то интеллигентскими масками.

<...>

В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции – ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции.

¹ Михайловский Н.К. (1842–1904) – социолог, публицист, критик, ведущий представитель т.н. либерального народничества.

² Салтыков-Щедрин М.Е. (1826–1889) – писатель, публицист, издатель.

³ Успенский Г.И. (1843–1902) – прозаик, публицист.

После пугачевщины и до этой революции все русские политические движения были движениями образованной и привилегированной части России. Такой характер совершенно явственно присущ офицерской революции декабристов.

Бакунин в 1862 г. думал, что уже тогда началось движение социальное и политическое в самых народных массах. Когда началось движение, прорвавшееся в 1905 г. революцией, об этом можно, пожалуй, долго и бесконечно спорить, но когда Бакунин говорил в 1862 г.: «Многие рассуждают о том, будет ли в России революция или не будет, не замечая того, что в России уже теперь революция», и продолжал: «В 1863 году быть в России страшной беде, если царь не решится созвать всенародную земскую думу» то он, конечно, не думал, что революция затянется более чем на сорок лет.

Только в той революции, которую пережили мы, интеллигентская мысль соприкоснулась с народной – впервые в русской истории в таком смысле и в такой форме.

Революция бросилась в атаку на политический строй и социальный уклад самодержавно-дворянской России.

Дата 17 октября 1905 года знаменует собой принципиальное коренное преобразование сложившегося веками политического строя России¹. Преобразование это произошло чрезвычайно быстро в сравнении с тем долгим предшествующим периодом, когда вся политика власти была направлена к тому, чтобы отрезать нации все пути к подготовке и осуществлению этого преобразования. Перелом произошел в кратковременную эпоху доверия и был, конечно, обусловлен банкротством внешней политики старого порядка.

Быстрота, с которой разыгралось в особенности последнее действие преобразования, давшее под давлением стихийного порыва, вдохновлявшего всеобщую стачку, акт 17 октября, подействовала опьяняюще на интеллигенцию. Она вообразила себя хозяином исторической сцены, и это всецело определило ту «тактику», при помощи которой она приступила к осуществлению своих идей. Общую характеристику этих идей мы уже дали. В сочетании этой тактики с этими идеями, а вовсе не в одной тактике – ключ к пониманию того, что произошло.

Актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться. Невыносимое в национальном и государственном смысле положение вещей до 17 октября состояло в том, что жизнь народа и развитие государства были абсолютно замкнуты самодержавием в наперед установленные границы. Все, что не только юридически, но и фактически раздвигало или хотя бы угрожало в будущем раздвинуть эти границы, не терпелось и подвергалось гонению. Я охарактеризовал и заклеил эту политику в предисловии к заграничному изданию знаменитой записки Витте о самодержавии и земстве². Крушение этой политики было неизбежно, и в связи с усложнением общественной жизни и с вой-

¹ Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), законодательный акт. Провозглашал гражданские свободы, создание народного представительства в форме Государственной думы. Разработан при участии С.Ю. Витте, опубликован в момент высшего подъема всероссийской политической стачки.

² Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С.Ю. Витте (1899 г.). С предисл. и примеч. Р.Н.С. Печ. «Зарей». Stuttgart, Dietz, 1901.

ной оно совершилось, повторяем, очень быстро.

В момент государственного преобразования 1905 года отщепенские идеи и отщепенское настроение всецело владели широкими кругами русских образованных людей. Исторически, веками слагавшаяся власть должна была пойти насмарку тотчас после сделанной ею уступки, в принципе решавшей вопрос о русской конституции. Речь шла о том, чтобы, по подлинному выражению социал-демократической публицистики того времени, «последним пинком раздавить гадину». И такие заявления делались тогда, когда еще не было создано народное представительство, когда действительное настроение всего народа и, главное, степень его подготовки к политической жизни, его политическая выдержка никому еще не были известны. Никогда никто еще с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переменам, как наши революционные партии и их организации в дни свободы. Достаточно указать на то, что ни в одной великой революции идея низвержения монархии не являлась наперед выброшенным лозунгом. И в Англии XVII века, и во Франции XVIII века ниспровержение монархии получилось в силу рокового сцепления фактов, которых никто не предвидел, никто не призывал, никто не «делал».

Недолговечная английская республика родилась после веков существования парламента в великой религиозно-политической борьбе усилиями людей, вождем которых является, быть может, самым сильным и ярким воплощением английской государственной идеи и поднял на небывалую высоту английскую мощь. Французская монархия пала вследствие своей чисто политической неподготовленности к тому государственному перевороту, который она сама начала. А основанная на ее месте республика, выкованная в борьбе за национальное бытие, как будто явилась только для того, чтобы уступить место новой монархии, которая в конце концов пала в борьбе с внешними врагами. Наполеон I создал вокруг себя целую легенду, в которой его личность тесно сплелась с идеей мощи и величия государства, а восстановленная после его падения династия была призвана и посажена на престол чужеземцами и в силу этого уже с самого начала своей реставрации была государственно слаба. Но Бурбоны, в лице Орлеанов, конечно, вернулись бы на французский трон после 1848 года, если бы их не предупредил Наполеонид, сильный национально-государственным обаянием первой Империи. Падение же Наполеона III на этой подготовленной к государственным переворотам почве было обусловлено полным, беспримерным в истории военным разгромом государства. Так, в новейшей французской истории почти в течение целого столетия продолжался политический круговорот от республики к монархии и обратно, круговорот, полный великих государственных событий.

Чужой революционный опыт дает наилучший комментарий к нашему русскому. Интеллигенция нашла в народных массах лишь смутные инстинкты, которые говорили далекими голосами, сливавшимися в какой-то гул. Вместо того, чтобы этот гул претворить систематической воспитательной работой в сознательные членораздельные звуки национальной личности, интеллигенция прицепила к этому гулу свои короткие книжные формулы. Когда гул стих, формулы повисли в воздухе.

В ту борьбу с исторической русской государственностью и с «буржуазным» социальным строем, которая после 17 октября была поведена с еще большею страстностью и в гораздо более революционных формах, чем до 17 октября, интеллигенция внесла огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений и ни грана – религиозной идеи.

Религиозность или безрелигиозность интеллигенции, по-видимому, не имеет отношения к политике. Однако только по-видимому. Не случайно, что русская интеллигенция, будучи безрелигиозной в том неформальном смысле, который мы отстаиваем, в то же время была мечтательна, неделовита, легкомысленна в политике. Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения – словом, тут была и есть налицо вся форма религиозности без ее содержания. Это противоречие, конечно, свойственно по существу всякому окрашенному материализмом и позитивизмом радикализму. Но ни над одной живой исторической силой оно не тяготело и не тяготееет в такой мере, как над русской интеллигенцией. Радикализм или максимализм может находить себе оправдание только в религиозной идее, в поклонении и служении какому-нибудь высшему началу. Во-первых, религиозная идея способна смягчать углы такого радикализма, его жесткость и жестокость.

Но, кроме того, и это самое важное, религиозный радикализм апеллирует к внутреннему существу человека, ибо с религиозной точки зрения проблема внешнего устройства жизни есть нечто второстепенное. Поэтому как бы решительно ни ставил религиозный радикализм политическую и социальную проблему, он не может не видеть в ней проблемы воспитания человека. Пусть воспитание это совершается путем непосредственного общения человека с Богом, путем, так сказать, надчеловеческим, но все-таки это есть воспитание и совершенствование человека, обращающееся к нему самому, к его внутренним силам, к его чувству ответственности.

Наоборот, безрелигиозный максимализм, в какой бы то ни было форме, отметаает проблему воспитания в политике и в социальном строительстве, заменяя его внешним устройством жизни.

Говоря о том, что русская интеллигенция идейно отрицала или отрицает личный подвиг и личную ответственность, мы, по-видимому, приходим в противоречие со всей фактической историей служения интеллигенции народу, с фактами героизма, подвижничества и самоотвержения, которыми отмечено это служение. Но нужно понять, что фактическое упражнение самоотверженности не означает вовсе признания идеи личной ответственности, как начала, управляющего личной и общественной жизнью. Когда интеллигент размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу, т.е. ко всякому лицу, независимо от его происхождения и социального положения. Аскетизм и подвижничество интеллигенции, полагавшей свои силы на служение народу, несмотря на всю свою привлекательность, были, таким образом, лишены принципиального морального значения и воспитательной силы.

Это обнаружилось с полной ясностью в революции. Интеллигентская доктрина служения народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему самому никаких воспитательных задач. А так как народ состоит из людей, движущихся интересами и инстинктами, то, просочившись в народную среду, интеллигентская идеология должна была дать вовсе не идеалистический плод. Народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию.

Вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм или охлократия. Предъявляя самые радикальные требования, во имя их призывая народ к действиям, наша радикальная интеллигенция совершенно отрицала воспитание в политике и ставила на его место возбуждение. Но возбуждение быстро сыграло свою роль и не могло больше ничего дать. Когда оно спало, момент был пропущен, и воцарилась реакция. Дело, однако, вовсе не в том только, что пропущен был момент.

В настоящее время отвратительное торжество реакции побуждает многих забывать или замалчивать ошибки пережитой нами революции. Не может быть ничего более опасного, чем такое забвение, ничего более легкомысленного, чем такое замалчивание. Такому отношению, которое нельзя назвать иначе, как политическим импрессионизмом, необходимо противопоставить поднимающийся над впечатлениями текущего момента анализ морального существа того политического кризиса, через который прошла страна со своей интеллигенцией во главе.

Чем вложились народные массы в этот кризис? Тем же, чем они влагались в революционное движение XVII и XVIII веков, своими социальными страданиями и стихийно вырвавшимися из них социальными требованиями, своими инстинктами, аппетитами и ненавистями. Религиозных идей не было никаких. Это была почва чрезвычайно благодарная для интеллигентского безрелигиозного радикализма, и он начал оперировать на этой почве с уверенностью, достойною лучшего применения.

Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой. В том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс, заключалась не просто политическая ошибка, не просто грех тактики. Тут была ошибка моральная. В основе тут лежало представление, что «прогресс» общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, которую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению.

Политическое легкомыслие и неделовитость присоединились к этой основной моральной ошибке. Если интеллигенция обладала формой религиозности без ее содержания, то ее «позитивизм», наоборот, был чем-то совершенно бесформенным. То были «положительные», «научные» идеи без всякой истинной положительности, без знания жизни и людей, «эмпиризм» без опыта, «рационализм» без мудрости и даже без здравого смысла.

Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрыва-

ется, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация. Это обстоятельство, однако, только ярко иллюстрирует поразительную неделовитость революционеров, их практическую беспомощность, но не в нем суть дела. Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали*. Делали революцию в то время, когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании. Война раскрыла глаза народу, пробудила национальную совесть, и это пробуждение открывало для работы политического воспитания такие широкие возможности, которые обещали самые обильные плоды. И вместо этого что же мы видели? Две всеобщие стачки с революционным взвинчиванием рабочих масс (совет рабочих депутатов!), ряд военных бунтов, бессмысленных и жалких, московское восстание, которое было гораздо хуже, чем оно представилось в первый момент, бойкот выборов в первую Думу и подготовка (при участии провокации!) дальнейших вооруженных восстаний, разразившихся уже после роспуска Государственной думы. Все это должно было терроризировать и в конце концов смести власть. Власть была действительно терроризирована. Явились военно-полевые суды и бесконечные смертные казни. И затем государственный испуг превратился в нормальное политическое состояние, в котором до сих пор пребывает власть, в котором она осуществила изменение избирательного закона, – теперь потребуются годы, чтобы сдвинуть страну с этой мертвой точки.

Итак, безрелигиозное отщепенство от государства, характерное для политического мировоззрения русской интеллигенции, обусловило и ее моральное легкомыслие, и ее неделовитость в политике.

Что же следует из такого диагноза болезни? Прежде всего – и это я уже подчеркнул выше – вытекает то, что недуг заложен глубоко, что смешно, рассуждая о нем, говорить о политической тактике. Интеллигенции необходимо пересмотреть все свое мирозерцание и в том числе подвергнуть коренному пересмотру его главный устой – то социалистическое отрицание личной ответственности, о котором мы говорили выше. С вынутием этого камня – а он должен быть вынут – рухнет все здание этого мирозерцания.

При этом самое положение «политики» в идейном кругозоре интеллигенции должно измениться. С одной стороны, она перестанет быть той изолированной и независимой от всей прочей духовной жизни областью, которою она была до сих пор. Ибо в основу и политики ляжет идея не внешнего устройства общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека. А с другой стороны, господство над всей прочей духовной жизнью независимой от нее политики должно кончиться.

К политике в умах русской интеллигенции установилось в конце концов извращенное и в корне противоречивое отношение. Сводя политику к внешнему устройству жизни – чем она с технической точки зрения на самом деле и является, – интеллигенция в то же время видела в политике альфу и омегу всего бытия своего и народного (я беру тут политику именно в широком смысле внешнего общественного устройства жизни). Таким образом, ограниченное средство превращалось во всеобъемлющую цель – явное, хотя и постоянно в человеческом обихо-

де встречающееся извращение соотношения между средством и целью.

Подчинение политики идее воспитания вырывает ее из той изолированности, на которую политику необходимо обрекает «внешнее» ее понимание.

Нельзя политику, так понимаемую, свести просто к состязанию общественных сил, например, к борьбе классов, решаемой в конце концов физическим превосходством. С другой стороны, при таком понимании невозможно политике во внешнем смысле подчинять всю духовную жизнь.

Воспитание, конечно, может быть понимаемо тоже во внешнем смысле. Его так и понимает тот социальный оптимизм, который полагает, что человек всегда готов, всегда достаточно созрел для лучшей жизни, и что только неразумное общественное устройство мешает ему проявить уже имеющиеся налицо свойства и возможности. С этой точки зрения «общество» есть воспитатель, хороший или дурной, отдельной личности. Мы понимаем воспитание совсем не в том смысле «устроения» общественной среды и ее педагогического воздействия на личность. Это есть «социалистическая» идея воспитания, не имеющая ничего общего с идеей воспитания в религиозном смысле. Воспитание в этом смысле совершенно чуждо социалистического оптимизма. Оно верит не в устроение, а только в творчество, в положительную работу человека над самим собой, в борьбу его внутри себя во имя творческих задач...

<...>

Русская интеллигенция, отрешившись от безрелигиозного государственного отщепенства, перестанет существовать как некая особая культурная категория. Сможет ли она совершить огромный подвиг такого преодоления своей нездоровой сущности? От решения этого вопроса зависят в значительной мере судьбы России и ее культуры. Можно ли дать на него какой-нибудь определенный ответ в настоящий момент? Это очень трудно, но некоторые данные для ответа все-таки имеются.

Есть основание думать, что изменение произойдет из двух источников и будет носить соответственно этому двоякий характер. Во-первых, в процессе экономического развития интеллигенция «обуржуазится», т.е. в силу процесса социального приспособления примирится с государством и органически стихийно втянется в существующий общественный уклад, распределившись по разным классам общества. Это, собственно, не будет духовным переворотом, а именно лишь приспособлением духовной физиономии к данному социальному укладу. Быстрота этого процесса будет зависеть от быстроты экономического развития России и от быстроты переработки всего ее государственного строя в конституционном духе.

Но может наступить в интеллигенции настоящий духовный переворот, который явится результатом борьбы идей. Только этот переворот и представляет для нас интерес в данном случае. Какой гороскоп можно поставить ему?

В интеллигенции началось уже глубокое брожение, зародились новые идеи, а старые идейные основы поколеблены и скомпрометированы. Процесс этот только

что еще начался, и какие успехи он сделает, на чем он остановится, в настоящий момент еще нельзя сказать. Но и теперь уже можно сказать, что поскольку русская идейная жизнь связана с духовным развитием других, дальше нас ушедших стран, процессы, в них происходящие, не могут не отражаться на состоянии умов в России. Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс» и разные в нем направления.

Для духовного развития Запада нет в настоящую эпоху процесса более знаменательного и чреватого последствиями, чем кризис и разложение социализма. Социализм, разлагаясь, поглощается социальной политикой. Бентам победил Сен-Симона и Маркса. Последнее усилие спасти социализм – синдикализм – есть, с одной стороны, попытка романтического возрождения социализма, откровенного возведения его к стихийным иррациональным началам, а с другой стороны, он означает столь же откровенный призыв к варварству. Совершенно ясно, что это усилие бессильно и бесплодно. При таких условиях социализм вряд ли может оставаться для тех элементов русского общества, которые составляют интеллигенцию, живой водой их духовно общественного бытия.

Самый кризис социализма на Западе потому не выступает так ярко, что там нет интеллигенции. Нет на Западе такого чувствительного, которое представляет интеллигенция. Поэтому по России кризис социализма в идейном смысле должен ударить с большей силой, чем по другим странам. В этом кризисе встают те же самые проблемы, которые лежат в основе русской революции и ее перипетий. Но если наша «интеллигенция» может быть более чувствительна к кризису социализма, чем «западные» люди, то с другой стороны, самый кризис у нас прикрыт нашей злосчастной «политикой», возрождением недобитого абсолютизма и разгулу реакции. На Западе принципиальное значение проблем и органический характер кризиса гораздо яснее.

Такой идейный кризис нельзя лечить ни ромашкой тактических директив, ни успокоительным режимом безыдейной культурной работы. Нам нужна, конечно, упорная работа над культурой. Но именно для того, чтобы в ней не потеряться, а устоять, нужны идеи, творческая борьба идей.

*Публикуется по изданию:
Вехи. Интеллигенция в России.
М., 1991. С. 136–152.*

ПЕТР БЕРНГАРДОВИЧ СТРУВЕ

ОТРЫВКИ О ГОСУДАРСТВЕ¹

1908 г.

I

Обычный консерватизм и обычный радикализм в понимании государства одинаково страдают близорукостью. Их ошибка состоит в том, что они стремятся все перемены в государственной жизни объяснить разумом или, наоборот, неразумием, причем мерилom разумности служат те начала нравственности и целесообразности, которые кладутся в основу при оценке поведения отдельного человека, или индивида. Давно уже признано, что ни общество, ни государство не есть простая сумма индивидов. Но эта истина не познана и не продумана еще во всем ее объективном значении для понимания государства, для политики. Лучше понимают ее историки. Историки давно заметили, что разум, интерес, цели отдельных индивидов и рост государства и его могущества могут находиться в непримиримом противоречии.

Отдельный человек в своем стремлении к самосохранению живет для себя, и это значит, что его взора хватает на весьма определенный и очень ограниченный промежуток времени. Государство во много долговечнее индивида, и с точки зрения индивида и его разума – оно сверхразумно и вне разумно.

Это можно выразить так:

Государство есть существо мистическое.

Констатирование этого факта, однако, не только не мистично, а в высшей степени позитивно. Мы не желаем сейчас спорить о том, хорошо или худо государство. Но оно таково, и этот факт. Идея вечного мира потому утопична, что она противоречит мистической природе государства. Война есть самое видное, самое яркое, самое бесспорное обнаружение мистической природы государства. Когда войны исчезнут, государство сблизится с «людьми», очутится на земле. Будет ли это когда-нибудь?

Стессель², сдавая Порт-Артур японцам, Небогатов³, делая то же со своей

¹ Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль». 1908. Кн. V.

² Стессель А.М. (1848–1915) – генерал-лейтенант; во время русско-японской войны начальник Квантунского укрепленного района. Сдал Порт-Артур противнику, был приговорен судом к смертной казни, помилован Николаем II.

³ Небогатов Н.И. (1849–1922) – контр-адмирал; во время русско-японской войны командующий 3-й Тихоокеанской эскадрой. Сдался без боя японскому флоту. По возвращении из плена был приговорен судом к смертной казни, помилован Николаем II.

эскадрой после цусимского боя, поступали весьма «разумно», весьма «человечно», но не государственно и не патриотично. Наоборот, когда японцы подготавливали и вели войну с Россией, когда они покрывали склоны порт-артурских гор десятками тысяч трупов, они – ради государства – истребляли людей и поступали – с человеческой точки зрения – весьма неразумно и даже отвратительно. В высшей степени сомнительно даже, станет ли «лучше жить» даже будущим поколениям японцев от того, что современное поколение ценою множества человеческих жертв завоевало Порт-Артур и подчинило совершенно Корею. Но могущество японского государства от этого в огромной степени возросло. И это факт. Люди погибли, но флаг взвился.

Мистичность государства обнаруживается в том, что индивид иногда только с покорностью, иногда же с радостью и даже с восторгом приносит себя в жертву могуществу этого отвлеченного существа. Ницше¹ говорил о холоде государства. Наоборот, следует удивляться тому, как это далекое существо способно испускать из себя такое множество горячих, притягивающих лучей и так ими согревать и наполнять человеческую жизнь.

В этом именно и состоит мистичность государства, что, далекое индивиду, оно заставляет жить в себе и собою. Говоря это, я имею в виду не те технические приспособления государства как упорядоченного общежития, которые служат индивиду, а сверхиндивидуальную и сверхразумную сущность государства, которой индивид служит, ради и во имя которой он умирает. Мистичность заключается именно в этой полнейшей реальности сверхразумного.

Разве не ясна мистичность государства в словах Петра Великого, которым он призывал Сенат думать о России и не заботиться о нем, о Петре? Петр, погубивший столько человеческих жизней, говоря о России, думал не о «людях», не о своих подданных и не о «человеке», не о себе. Умственный взор его был прикован к государству.

Выражаясь по-человечески, антропоморфически, государство желает быть могущественным. Эта черта государства есть все то же обнаружение его сверхразумной природы. Ибо могущество государства не есть вовсе ни сила, ни счастье составляющих его лиц.

Между силой отдельной личности и отдельных личностей и мощью государства существует известное необходимое соотношение, но это соотношение покоится не на рациональных, а на религиозных началах.

Личность, особность государства проявляется в отношениях его к другим государствам. Поэтому могущество государства есть его мощь вовне. Обычное рационалистическое воззрение, господствующее в публике и в публицистике наших дней, ставит внешнее могущество государства в зависимость от его внутреннего устройства и от развития внутренних отношений. Но мистичность государства и заключается в том, что власть государства над «людьми» обнаруживается в их подчинении далекой, чуждой, отвлеченной для огромного большинства идее внешней государственной мощи. Говоря о подчинении, я имею в виду не внешнее

¹ Ницше Фридрих (1844–1900) – немецкий философ, филолог, писатель.

и насильственное, а внутреннее и моральное подчинение, признание государственного могущества как общественной ценности.

Обычное воззрение характеризует «разумное» или «свободное» признание государства как «внутреннее», «моральное» и противопоставляет его «неразумному», «внешнему» и «насильственному». Но всякое признание государства как такового, как мистического объединения, иррационально, и именно самое свободное, самое внутреннее, идущее из глубины души, а потому самое нравственное подчинение государству и растворение в нем – в высокой степени «неразумно».

Жизнь государства состоит между прочим во властвовании одних над другими. Давно замечено, что власть и властвование устанавливают между людьми такую связь, которая нерациональна и сверхразумна, что власть есть своего рода очарование или гипноз. Наблюдение это совершенно верно, поскольку власть не есть просто необходимое орудие упорядочения общежития, средство рационального распорядка общественной жизни.

Поэтому прежде всего и полнее всего оно применимо к власти как орудию государственной мощи.

Вот почему мистичность власти обнаруживается так ясно, так непрерываемо на войне, когда раскрывается мистическая природа самого государства, за которое, отстаивая его мощь, люди умирают по приказу власти.

Мы сказали, что власть есть орудие внешней мощи государства и что в качестве такового она держит в подчинении себе людей. Переставая исполнять это самое важное, наиболее тесно связанное с мистической сущностью государства назначение, власть начинает колебаться и затем падает.

Обычно в публицистике это называют зависимостью внешней политики от внутренней, но, конечно, в действительности тут соотношение как раз обратное тому, которое принимается вульгарным воззрением и которое должно было бы существовать, если государство сверх своих рациональных элементов не было бы мистично.

То, что в новейшее время называют империализмом, есть более или менее ясное постижение того, что государство желает быть и – поскольку государство ценно для личности – должно быть могущественно.

Всякое живое государство всегда было и будет проникнуто империализмом в этом смысле.

Англичане всегда были и, я думаю, останутся империалистами. Если под империализмом разуметь заботу о внешней мощи государства, а под либерализмом – заботу о справедливости в его внутренних отношениях, то XIX в. и начало XX в. характеризуется тем, что торжествуют везде те государства, в политике которых наиболее полно слились и воплотились обе эти идеи.

А внутри отдельных государств над традиционным рациональным либерализмом торжествует весь проникнутый идеей мощи государства империализм. Беззащитный перед судом «разума» и основанной на нем нравственности, он торжествует потому, что за ним стоит властвующая над людьми мистическая природа государства. Таково историческое значение Бисмарка и философский смысл его деятельности.

II

Национальное начало тесно связано с государственным и разделяет с ним его сверхразумный или мистический характер. Так же как никакой человеческой рациональностью или целесообразностью нельзя объяснить, почему ради государства Ивану Сидорову надлежало умирать под Плевной, а какому-нибудь Ота Нитобе сложить свою голову под Порт-Артуром, точно так же нельзя рациональными мотивами объяснить, почему французу надлежит всегда оставаться французом, немцу – немцем, поляку – поляком. В этом не сомневаются и об этом не разговаривают. Это тот «чернозем мысли», о котором говорил Потебня¹, «нечто, о чем больше не рассуждают»².

Язык и его произведения – самое живое и гибкое, самое тонкое и величественное воплощение национальности, таинственно связанное с ее таинственным существом. Это так хорошо понимал великий и стыдливый реалист-мистик Тургенев, величие русского народа чувствовавший в нашем языке. Ту же мысль в объективно-научной форме высказал знаменитый языковед Вильгельм Гумбольдт³ в предисловии к своему переводу Эсхилова⁴ «Агамемнона»: «Мне всегда казалось, что тот способ, каким в языке буквы соединяются в слоги и слоги в слова и каким эти слова в речи сопрягаются между собою, сообразно своей длине и своему тону, что этот способ определяет или указывает умственные и в значительной мере моральные и политические судьбы нации»⁵.

Вот почему, когда на стволе государственности развился язык, как орган и выражение национальности и ее культуры, смерть государственности не убивает национальности. Она стремится создать государственность, в некоторых случаях хочет создать ее в новой, более мощной форме (Италия), и удастся ей это или нет, она во всяком случае продолжает жить и выносить самые неблагоприятные условия (польская национальность). Идеи – в связи с некоторыми благоприятствующими внешними условиями и психологическими комбинациями – могут создать государственность даже помимо национального начала и вопреки ему. Так идея свободы, перенесенная пуританами в леса Северной Америки, создала там новую государственность. Ее высшая связь в настоящее время заключается в ее истории, т.е. коренится в началах личной свободы и общественного самоопределения.

С другой стороны – соотношение между государством и нацией может быть исторически совершенно иное. Итальянская и германская национальность создались гораздо раньше германского и итальянского государства. Нация есть прежде всего культурная индивидуальность, а самое государство является важным деятелем в образовании нации, поскольку оно есть культурная сила.

¹ Потебня А.А. (1835–1891) – филолог-славист, теоретик литературы, фольклорист, этнограф, языковед; профессор Харьковского университета.

² Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 196 (прим. П. Струве).

³ Гумбольдт Вильгельм (1767–1835) – немецкий государственный деятель и ученый-языковед, один из основоположников сравнительно-исторического метода изучения языков.

⁴ Эсхил (525–456 до н.э.) – древнегреческий поэт-трагик.

⁵ Цитирую по Наум. «Wilhelm von Humboldt». Berlin, 1856. S. 210 (прим. П. Струве).

В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния. Это было ясно еще в классической древности, где эллинизм было широкой национальной идеей, не ущемившейся в государственные рамки. С успехами в «мышлении и красноречии» Исократ¹ связывал самую идею эллинской культуры (παίδευσίς): «Эллинами называются скорее те, кто участвуют в нашей культуре, чем те, кто имеют общее с нами происхождение». Некоторые современные шарлатаны развязно выбросили за борт эту старую истину.

Ценность и сила нации есть ценность и сила ее культуры, измеряемая тем, что можно назвать культурным творчеством.

Всякая крупная нация стремится создать себе государственное тело. Но идея и жизнь нации всегда шире, богаче и свободнее идеи и жизни государства. Гете несомненное Бисмарка, сказал бы Тургенев, как он сказал, что Венера Милосская несомненное принципов 1789 г. В нации, которая есть лишь особое, единственное выражение культуры, нет того жесткого начала принуждения, которое неотъемлемо от государства. Ибо культура и по своей идее, и в своих высших реальных воплощениях означает всегда духовные силы человечества в их свободном росте и объединении. Национальное начало мистично так же, как государственное, но с другим оттенком, более мягким и внутренним, в силу которого оно без всякого принуждения владеет человеком.

Можно ненавидеть свое государство, но нельзя ненавидеть свою нацию. Ненавидя ее, человек тем самым от нее отдалается. Североамериканские поселенцы, восстав против метрополии, перестали быть англичанами в смысле *british subjects*², но не перестали быть англичанами в смысле англосаксов. Французы привыкли употреблять слово «нация» в политическом смысле, и это объясняется национальной цельностью населения французского государства – мог же Наполеон гордо сказать: «*Les Français n'ont point de nationalité*»³, т.е. принадлежать к французскому государству значит быть французом. И прошлое, и современная нам эпоха свидетельствуют о том, что нация как культурное понятие не укладывается в границы понятия «государство». Государство есть продукт гораздо более условный, менее органический и потому менее устойчивый и могущественный, чем нация и национальность. Есть Вюртембергское государство, но нет вюртембергской нации. С большой натяжкой можно говорить о бельгийской нации, настолько общность части бельгийцев и французов в области языка и литературы определяет культурное их единство с французами. Австрийское государство есть великая держава, могущество которой, как мне кажется, будет возрастать, но австрийской нации и австрийской культуры нет.

Своей высшей мистичности государственное начало достигает именно тогда, когда сплетается и срастается с национальным. Спаянные в нечто единое, эти начала со страстной силой захватывают человека в порывах патриотизма.

¹ Исократ (436–338 до н.э.) – афинский оратор, учитель риторики.

² Британских подданных (*англ.*).

³ Французы не имеют национальности (*франц.*).

III

Я сказал, что указание на мистическую природу государства ничуть не мистично. Наоборот, оно позитивно. Мне могут возразить, что в процессе человеческого развития мистический или, что то же, религиозный характер государственности ослабляется или вовсе отбрасывается. Это верно, но не безусловно. С успехами культуры несомненно делает успехи рационализация человеческой жизни вообще, общественной в частности. Но есть границы этой рационализации, и нет никаких оснований думать, что она поглотит собой мистику государства и национальности.

К государству и национальности прикрепляется неискоренимая *религиозная* потребность человека. В религии человек выходит из сферы ограниченного, личного существования и приобщается к более широкому, сверхиндивидуальному бытию. Но разве индивидуализм не может создать своей религии личности, и разве эта религия не может преодолеть мистицизма государственности и национальности?

Вопрос может показаться праздным в наше время, когда индивидуализм получил такое широкое распространение и в то же время дал прежнему позитивному отрицанию государственности и национальности религиозный отпечаток (религиозный анархизм). Положительный ответ на этот вопрос, по-видимому, сам собой подразумевается.

И тем не менее дело обстоит вовсе не так просто.

Индивидуализм, который в центре всего ставит личность, ее потребности, ее интересы, ее идеал, ее содержание, есть, как религия, самая трудная, самая малодоступная, самая аристократическая, самая исключительная религия. Трудно человеку глубоко религиозному поклоняться просто человеческой личности или человечеству. Индивидуализм как религия учит признавать бесконечно достоинство или ценность человеческой личности. Но для того, чтобы эту личность провозгласить мерилем всего, или высшей ценностью, для этого необходимо ей поставить высочайшую задачу. Она должна вобрать в себя возможно больше ценного содержания, возможно больше мудрости и красоты. И не только вобрать. Личность не есть складочное место. Личность как религиозная идея означает воплощение ценного содержания, отмеченное своеобразием, или единственностью, энергией, или напряженностью. Только индивидуализм, ставящий себе такую высочайшую задачу, может быть религиозен. Но что означает и что совершает такой религиозный индивидуализм? От религии государства и национальности такой индивидуализм уводит человека, но он вовсе не приближает его к эмпирическим условиям человеческого существования, к пользе и выгоде отдельного человека или целого общества, а удаляет от них в область, еще более далекую и высокую.

Это означает, что такой индивидуализм преодолевает мистицизм государственности и национальности не простым его отрицанием. В конце концов высшая форма отношения к миру есть сочетание в одном художественно-религиозном, всегда личном и единственном и всегда объективном и обязательном содержании

величайшей способности переживать, воспроизводить в себе мир сходной свободой отношения ко всему в этом мире: «к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории», – как говорит по другому поводу Тургенев в одном из своих бесподобных писем. Религиозный индивидуализм есть художественное отношение к миру, в котором величайший субъективизм единственных чувствований соединяется с полнейшим объективизмом общеобязательного восприятия, мистицизм – с реализмом, личное – с всеобщим.

Об индивидуалисте такого типа можно сказать опять-таки словами Тургенева об объективном писателе, что он «берет на себя большую ношу. Нужно, чтобы его мышцы были крепки».

Вот почему религиозный индивидуализм не может быть ни предписываем, ни тем менее пропагандируем. Пропаганда и прозелитизм или, что то же, популяризация убивает его. Вот почему в истинных своих представителях он ничего не исключает, кроме пошлости, и никому себя не навязывает. При всей своей свободе религиозный индивидуалист сдержан и соблюдает меру. При всем своем мистицизме он не только не болтает цветистым и искусственным языком о тайнах своей души, наоборот, живя и питаясь ими, он стыдлив в сообщении их другим. Зато он жадной душой вбирает в себя мир и, если способен творить, то расточительной рукой раздает собранное всем и каждому. Своей религии он не выставляет напоказ; если он художник, он может в образах, красках и звуках дать ее почувствовать созвучным душам; если он мыслитель, он может ее философски оправдать; если он деятель, он вложит в практическое дело всю свою убежденность и всю свою терпимость. Но он не будет носиться со своей религией.

Итак, индивидуализм как религия есть самое трудное, наименее доступное для большинства людей, самое интимное понимание мира и жизни. В своей потребности объективного отношения ко всем сторонам жизни он становится над государственностью и национальностью и в то же время способен видеть и их правду и потому не может начисто их отрицать.

Никто не способен лучше, чем религиозный индивидуалист, уразуметь, что чести и величю государства можно пожертвовать жизнью своей и других людей; никто не может ярче почувствовать неотразимую силу национальной идеи и понять, что, хотя полякам в Познани «разумнее» и практичнее становиться немцами, они, любя свою национальность, должны за нее бороться.

Он не боится признавать «предрассудок», потому что он знает не только силу, но и слабость рассудка.

*Публикуется по изданию:
Струве П.Б. Избранные сочинения.
М., 1999. С. 202–210.*

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
НАРОДНО-ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

1908 г.

Глава I

Общая постановка вопроса

...Общая идея типологического изучения, которая была положена в основу... исторических обзоров, применяется к рассмотрению новейшего типа государственного устройства, носящего название конституционного с отнесением к нему одинаково как монархий, в которых рядом с властью наследственного государя существует и народное представительство, так и республик, не знающих никакой наследственной власти, но одинаково с конституционными монархиями пользующихся народным представительством.

Для краткого обозначения основных особенностей этого политического типа мы могли бы на основании только что сказанного назвать современное конституционное государство и государством представительным. Представительная система отличает этот тип в одинаковой мере и от монархий, и от республик прежнего времени, если только исключить из них сословно-представительные монархии и республики, в которых тоже было представительство, но не всей нации, а только отдельных сословий. Говоря об отличии современных конституционных монархий и конституционных республик от прежних монархий и республик, я имею в виду, главным образом, с одной стороны, абсолютные монархии, ни в какой форме не допускавшие народ к участию в государственных делах, а с другой – республики, в которых, как это было в античном мире, весь народ, в политическом значении слова, принимал участие во власти. Признак представительства, таким образом, отличая современное конституционное государство как от абсолютной монархии, так и от непосредственной республики, в то же время роднит его с сословно-представительной монархией (и таковой же республикой), которая исторически повсеместно предшествовала абсолютизму.

Мы можем, далее, назвать современное государство не просто представительным, но именно народно-представительным, в отличие от государства сословно-представительного, какое выработалось к концу средних веков и в новое время сменилось абсолютной монархией. В сословной монархии нацию составляли отдельные, резко между собою разобщенные сословия, представители которых составляли в государственных сеймах особые сословные палаты, тогда

как в конституционном государстве новейшего времени господствует антисловная тенденция, отчасти уже осуществленная, отчасти осуществляемая, и нацию составляют не отграниченные одно от другого сословия, а бессловное гражданство. Истинным идеалом современного конституционного государства, так сказать, предметом его развития из начал, положенных в его основу, является всеобщее политическое равенство, никогда еще и нигде раньше не осуществлявшееся, но даже в тех случаях, когда в конституционном государстве не все граждане пользуются правом избрания представителей, в области гражданских отношений все-таки господствует принцип равенства перед законом, которого не было в средневековой сословной монархии и в сменившей ее монархии абсолютной. Это отсутствие в общественном строе сословных перегородок – хотя бы к представительству и были допущены только некоторые общественные классы – и составляет вторую основную черту современного конституционного государства. Линия его эволюции может быть обозначена словом «демократизация», беря термин и в смысле падения сословности, заключающейся в неравенстве перед законом отдельных категорий населения, и в смысле распространения активного и пассивного избирательного права на всех совершеннолетних граждан без какого бы то ни было имущественного ценза, являющегося, в сущности, в современном конституционном государстве лишь пережитком прежнего сословного строя.

Третья существенная особенность современного конституционного государства, особенность, отличающая его от всех государственных устройств прежнего времени, – это то, что оно признает за своими подданными известные личные права, которые должны всегда оставаться священными и неприкосновенными для всякой власти. Эта черта конституционного государства так важна, что даже сама представительная система может рассматриваться лишь как один из способов обеспечения личной свободы и вообще прав личности. Дело в том, что кому бы ни принадлежала верховная власть государства: одному ли лицу, сословию ли какому-нибудь, всей ли совокупности граждан – государство одинаково может не признавать за отдельной личностью никаких прав по отношению к самому себе, государству, и по отношению к представляющим его властям. За подданными и гражданами со стороны государства признавались личные права лишь по отношению к другим частным лицам, но не по отношению к государству, власть которого над личностью и фактически была безусловною, неограниченною и признавалась таковою в теории. В особенности это безграничное всемогущество государства во всех проявлениях его власти над отдельными индивидуумами развивалось в абсолютных монархиях как древнего, так и нового мира, но и там, где государство принимало другие формы, и народ так или иначе принимал участие в делах правления, равным образом в силе был принцип неограниченности прав государства и ничтожности прав отдельной личности: участие народа во власти отнюдь само не гарантирует того, что права личности не будут нарушены. Еще Монтескье указывал на необходимость не смешивать свободу народа с властью народа, а критики Руссо, проповедовавшего абсолютизм народной воли, характеризовали его учение как перенесение на весь народ той неограниченной власти, которою пользовались абсолютные монархи и которая во имя общего блага счи-

тала себя в полном праве делать все, что только находила нужным.

Только что отмеченная черта новейшего конституционного государства настолько еще бросается в глаза, что в истории и в политической науке возникло и долго потом держалось представление о полной противоположности как в понимании, так и в осуществлении свободы в древнем и в новом мире. По этому взгляду древний мир понимал свободу исключительно в смысле самого широкого и именно непосредственного участия во власти, хотя бы при этом права граждан были донельзя стеснены, тогда как для нового мира свобода заключается главным образом в беспрепятственном следовании личным склонностям и в беспрепятственном пользовании личными способностями, хотя бы и при самом ограниченном, сведенном до прозрачности участия в государственных делах. Конечно, для образования такого взгляда были свои основания, но далеко не все в области взаимных отношений личности и государства может быть подведено под эту формулу, и история учит нас, что и в древнем мире, и в новом, на известных ступенях культурного развития, при господстве известных форм политического устройства указанные отношения складывались то менее благоприятно, то, наоборот, более благоприятно для личности. В эпоху наибольшего развития афинской демократии гражданин пользовался такой широкою свободой, какая не всегда встречается в иных современных государствах, называющихся конституционными, да и вообще, чем менее государство отделяется от общества, т.е. чем более оно отдалается от абсолютной монархии, где такое отделение достигает наивысшей точки своего развития, тем скорее можно ожидать, что государство не будет претендовать на отнятие у граждан всякой независимости и самостоятельности.

Таковы три основных черты современного конституционного государства: народное представительство, гражданское равноправие и индивидуальная свобода. В каких бы фактических отношениях ни находились между собою эти три черты, в принципиальном смысле первенство между ними, несомненно, принадлежит той, которая названа последнею. Современное государство признает за личностью известные, ей как таковой присущие, прирожденные, а потому и неотъемлемые права, откуда теоретически выводится, с одной стороны, равенство всех перед государством, а с другой, и право всех на участие в государственных делах. Выше конституционное государство было названо народно-представительным, но оно может быть названо и просто народным. Оно народно в том смысле, что не является делом исключительно государя и приставленных им к управлению чиновников, а составляет дело и самого народа. Оно народно и в том смысле, что в нем есть народ как некоторое национальное целое, а не отдельные сословия, имеющие неодинаковые права, то наделенные ими сверх всякой меры, то, наоборот, лишенные даже наиболее элементарных прав. Оно, современное государство, народно, наконец, и в том еще смысле, что постепенно осуществляет принцип демократического равенства в таком широком понимании, какое и не снилось античным народоправствам.

Это – сторона дела, которой тоже следует здесь коснуться несколько подробнее. Только что было отмечено различное, по часто высказывавшемуся мнению, понимание свободы в древнем и новом мире. Гораздо более оснований существует

для такого же противоположения между античным и новым пониманием гражданского равенства, или демократии, взятой в смысле именно равенства. Известно, что демократические государства-города древнего мира, даже в периоды наибольшего развития в них демократии, никогда не осуществляли принципа гражданского равноправия по отношению ко всему населению своих территорий: рядом с полноправными гражданами в таких республиках существовали еще свободные, но политически бесправные обыватели (в афинском государстве метеки) и уже совершенно бесправные рабы. Каждая античная демократия на нашу современную мерку была своего рода аристократией, ибо членами государства признавался лишь один класс людей, носивший имя граждан и властвовавший над остальным населением государственной территории. Современное понимание принципа демократии требует распространения равноправия на все население государства и уже никоим образом не допускает в стране существования таких форм юридической зависимости одних людей от других, какими были рабство и крепостничество.

Правда, новейшая история знает пример долговременного существования большой демократической республики, терпевшей на своей государственной территории настоящий институт невольничества¹, но, во-первых, это – исключительный случай, а во-вторых, в конце концов эта республика отделалась от столь противоречивого установления, каким по отношению к ее внутренним порядкам было рабство. Как общее правило, наоборот, можно выставить положение, что введение в государстве конституционного строя всегда сопровождалось падением остатков крепостничества. Средневековая сословная монархия была представительством лишь духовенства, дворянства и верхнего слоя городского населения, крестьянская же масса в громадном большинстве случаев была исключена из права посылать своих сословных представителей на собрания государственных чинов, совсем не участвовала в выборах. Мало того, сословно-представительные учреждения не только мирились с существованием крепостничества там, где оно еще не исчезло, но нередко и сами прикладывали руку к тому, чтобы удерживать сельское население в состоянии бесправия и неволи. Другое дело – современное конституционное государство: те общественные движения, которые приводили к этому строю одну за другою отдельные страны, не отделяли одного требования от другого, т.е. требования свободных государственных форм от требования распространить и на крестьянскую массу блага личной свободы и гражданского равноправия...

Задача наша заключается именно в том, чтобы выяснить происхождение и развитие народного представительства в связи с вопросом о его составе и компетенции и с теориями, которые на этот счет высказывались в политической литературе, изобразить вместе с тем переход от прежнего сословного строя общества к бессословному гражданству новейшего времени и дать общую картину постепенных завоеваний, сделанных принципом индивидуальной свободы, лежащей, в свою очередь, в основе всех так называемых общественных свобод... В истории политических движений, какие только имели место в прошлом разных

¹ Соединенные Штаты Америки.

стран, перешедших к конституционному режиму, весьма большую роль играл момент политических заимствований. Какое бы значение ни имели внутренние для каждой отдельной страны причины ее перехода к конституционному строю, несомненно, что страны, совершившие этот переход раньше, оказывали очень сильное влияние на те, которые лишь впоследствии могли приступить к внутреннему своему переустройству на новых началах. В этом отношении существует большая разница между средневековыми сословно-представительными и современными народно-представительными учреждениями: первые возникли, так сказать, параллельно в разных странах из внутренних особенностей сословного строя, заключавшихся в основных чертах феодального и коммунального быта, тогда как в истории новейших конституций наблюдается элемент подражания или заимствования, позволяющего говорить о «рецепции» политических форм извне. История этой рецепции конституционных форм началась для материка Западной Европы с 1789 г., когда Франция сделала первую попытку перейти от абсолютизма к народному представительству, какое уже существовало в Англии, и тем подала первый пример, которому потом одна за другою стали следовать и остальные страны. Эта историческая преемственность в весьма значительной степени облегчает именно типологическое изучение современного конституционного строя, так как здесь наблюдается некоторое единство основной идеи, лежащей в основе этого строя, раз в разных странах он создавался по некоторым общим образцам. В связи с этою важною особенностью политического типа, рассматриваемого в настоящей книге, находится и другая, тоже весьма важная и даже прямо имеющая право считаться наиболее существенною.

О средневековых сословно-представительных учреждениях можно сказать, что они создавались под натиском чисто практических потребностей государства и общества, постепенно, одна часть за другою, на какой-либо ранее существовавшей основе, не в силу какой бы то ни было отвлеченной теории, не по какому-нибудь общему плану, не на совершенно, так сказать, незастроенном месте. Процесс, создавший средневековые государственные сеймы, если можно в данном случае так выразиться, был органически-эволюционный. Эта черта особенно наблюдается в истории английского парламента, строившегося из ранее существовавших материалов часть за частью, без всякого заранее придуманного плана, под непосредственным давлением жизненных потребностей, а не каких-либо теоретических соображений и лишь постепенно, целым рядом переходных ступеней превратившегося из сословно-представительного в народно-представительное собрание. Англия, как известно, никогда не имела и до сих пор не имеет писаной конституции, тогда как все другие конституционные государства имеют свои основные государственные акты, определяющие все существенно важные внутренние отношения политического характера в каждой отдельной стране. Дело в том, что Англия – одна из очень немногих западноевропейских стран, где представительство средневекового происхождения не погибло, как это случилось в других странах. Почти повсеместно на материке Европы восторжествовала абсолютная монархия, истребившая почти всякую общественную самодеятельность и тем самым уничтожившая какую бы то ни было возможность чисто органического раз-

вития представительных учреждений. Когда абсолютизм пережил самого себя и нации стали требовать своей доли участия в государственных делах, это участие пришлось создавать вновь и сразу, на пустом, так сказать, месте, пришлось воздвигать совершенно новое государственное здание по имевшимся уже образцам на основании известных теоретических соображений, сколько бы обстоятельства места и времени и данное для каждой страны соотношение реальных сил ни вносили отступлений от принятого образца и отступлений от усвоенной теории. Как-никак все современные конституции имеют свой прототип в государственном устройстве Англии и являются лишь отдельными случаями практического применения, в сущности, одной и той же конституционной теории, в основу которой была положена своего рода идеология опять-таки английской же конституции. Вот почему историю развития современного конституционного строя нам и приходится начинать с изображения английской конституции, какой она была накануне начала рецепции представительного образа правления континентальными странами и как ее теоретически понимали в это время. С другой стороны, кроме английского образца, на конституционные движения в разных странах Европы, начиная с Франции 1789 г., оказали немаловажное значение и вообще политические и общественные теории, в которых еще в XVIII в., в эпоху полного господства абсолютной монархии, сословных привилегий и порядков, отрицавших за человеческою личностью всякую самостоятельность, нашел свое наиболее яркое выражение протест против произвола, несправедливости и рабства во имя естественного права и отдельных личностей, и целых народов на свободу и на равенство.

Все только что сказанное, конечно, должно утвердить читателя в той мысли, что, рассматривая... конституционное государство как особый политический тип, автор не мог не стать на ту точку зрения, в силу которой сходство в учреждениях отдельных стран в данном случае рассматривается как результат не того, что одинаковые условия создают и одинаковые формы быта, а того, что разные страны, перестраивая свой внутренний быт, подчинялись влиянию одних и тех же образцов и идей; здесь в этом случае мы имеем дело не столько с органически-эволюционной стороною исторического процесса, сколько со стороною преднамеренно творческою, что дает нам еще большее право на конструирование данного политического типа, чем мы имеем в том случае, когда сходство учреждений совершенно не может быть объяснено существованием какого-либо прототипа, какой-либо идейной традиции. Когда мы говорим о типе государства-города, обобщая сходные черты Афин, Спарты, Рима и т.п., или когда мы говорим о типе сословной монархии, тоже обобщая сходные черты, представляемые английским парламентом, французскими Генеральными штатами, немецкими ландтагами, мы имеем дело с историческими явлениями, сходства которых между собою объясняются общим положением о возникновении аналогичных результатов из аналогичных условий, но ни в первом случае государства-города, ни во втором – сословной монархии – и речи быть не может о том, чтобы отдельные города и страны устраивали свою жизнь по какому-либо образцу-прототипу и на основании какого-либо теоретического плана, сколько бы частных заимствований, может

быть, там или здесь ни делалось, сколько бы частных изменений и ни было произведено на основании отвлеченных соображений.

Вопрос о значении заимствований извне вообще и в государственном быту в частности есть вопрос очень интересный, как и вопрос о влиянии идей на самую жизнь, но, конечно, не здесь его решать. Ограничусь только указанием, что, например, история абсолютной монархии как в древности, так и в новое время дает массу материала для решения этого вопроса в положительную сторону, какими бы оговорками положительный ответ ни сопровождался. Главною оговоркою по поводу влияния иностранных образцов и отвлеченных теорий всегда будет указание на то, что всякое такое влияние, раз оно действительно обнаруживается, предполагает известное предрасположение к его восприятию, в свою очередь являющееся результатом движения чисто внутренних и чисто практических причин в определенном направлении. Эту оговорку и мы обязаны здесь принять всецело. Если мы видим, что одна за другою разные страны стали переходить к конституционному строю, как бы он в отдельных странах ни разнообразился, то первая мысль, которая нам по этому поводу приходит в голову, должна заключаться в том, что, значит, на это в каждой стране, в отдельности взятой, были свои внутренние причины, приблизительно одинаковые с внутренними причинами, действовавшими и в других странах. Фактическая история подтверждает это предположение. Абсолютизм повсеместно, где он ни действовал, приводил приблизительно к одинаковым результатам собственного разложения, губительно отражавшегося на всем государстве, и возбуждения оппозиционных стремлений в обществе, перераставшем эту политическую форму, которая только тормозила его правильное развитие. Вот почему и переход к конституционному режиму почти повсеместно совершался приблизительно одинаковым образом.

Если мы возьмем историю Западной Европы со времени образования в провинциях западной половины Римской империи варварских королевств, то во всех бывших в ней переменах, какие только происходили в государственном строе, мы найдем как некоторое общее правило известную и притом медленную постепенность. Распадение варварских королевств на феодальные сеньории, или «поместья-государства», совершалось мало-помалу, едва заметными переходами от одних порядков к другим, и столь же медленно и постепенно происходил обратный процесс реинтеграции государства из сеньорий в феодальную монархию, в которой опять-таки не сразу и не очень скоро выросли представительные государственные сеймы, составляющие отличительный признак монархии сословной, а затем и водворение абсолютизма в большинстве случаев не было результатом какого-либо внезапного государственного переворота. Другими словами, варварские королевства феодализировались, феодальные сеньории слагались в монархии, в которых возникали сословно-представительные учреждения, уступавшие место абсолютизму, во всех этих своих изменениях путем эволюции, вернее – путем более или менее медленного накопления и постепенного закрепления мелких изменений. Наоборот, замена абсолютной монархии конституционным государством совершалась главным образом путем революций, путем полного ниспровержения старого строя для воздвижения на его развалинах совершенно

нового здания. Нет нужды, что в отдельных случаях не было насильственного переворота и что цели, которые ставились себе отдельными революциями, не всегда и не вполне достигались, революционное происхождение современного конституционного строя не подлежит сомнению, ибо это общий исторический факт. Не говоря о нидерландской революции второй половины XVI в., о двух английских революциях XVII в. и об американской революции второй половины XVIII в., имевших свое значение в общей истории конституционализма, мы главным образом имеем в виду Французскую революцию 1789 г., недаром получившую название великой, и все революционные потрясения первой половины XIX в., которые содействовали распространению представительного образа правления по всему Западу. Русские события 1905 г. – лишний пример того же общего положения...

Каждая политическая форма не только имеет фактическое существование в известных реальных отношениях общества, но, кроме того, так или иначе отражается еще и в общественном сознании, где получает известную идейную формулировку и принципиальное вместе с тем обоснование. Во всех своих типологических обзорах, весьма естественно, я считал нужным дополнить то, что можно назвать политической морфологией, соответственными данными из истории политической идеологии, шла ли речь о государстве-городе и монархии древности или о сословной и абсолютной монархии новой Европы. Каждый развитой государственный строй имеет свою идеологию, а конституционный – более, чем какой бы то ни было другой, ибо... в истории конституционного строя очень часто (для многих стран, по крайней мере) идея задолго предшествовала факту и само государственное устройство создавалось на основании теории. Возникнув в эпоху абсолютизма, идея государства, осуществляющего требования естественного права, стала играть в общественном сознании роль руководящего принципа в деле политического творчества, сама претерпевая, конечно, изменения в этом процессе воплощения в политических формах отвлеченных начал свободы и равенства. Мы называем нередко конституционное государство государством правовым, так как в основу понимания его сущности кладется идея права, перед которым должна склоняться всякая власть, хотя бы даже и власть самого народа. Главным признаком гражданина свободного государства является в настоящее время не участие во власти, как во времена Аристотеля, а возможно наибольшей независимости от какой бы то ни было власти, обеспечиваемой, в свою очередь, подчинением и самой власти праву. Конечно, это господство права как таковое есть только идеал, к которому должно стремиться государство, – а идеал всегда идет впереди действительности, – но весьма важно, что идеология современного конституционного государства строится на идее права, имеющего свой источник в нравственном достоинстве человеческой личности. Конституционное государство... есть государство народное, но мы можем сказать еще, что оно есть и государство правовое. Оно мыслится как существующее для народа и через народ, причем народ понимается в смысле бессословного гражданства, – и мыслится как подчиненное праву, которое в свою очередь понимается в смысле высшего регулятора жизни, ограждающего человеческую личность от покушений на нее хотя бы и со стороны самого государства. В связи с этим современное народно-правовое

государство – в понимании передовых представителей политической мысли – совершенно отказывается от фикции «государства для государства», какой одинаково жили и античные демократии, и абсолютные монархии всех времен... государство всегда служит чьим-либо интересам, и кто распоряжается государством, тот из существования данной политической формы и извлекает для себя выгоду. В понимании передовых представителей политической мысли нашего времени выгодами государственности должны пользоваться все, чем на государство возлагается задача социального законодательства, имеющего целью коренное преобразование всей общественной жизни, начиная с ее экономической основы и кончая ее юридическими нормами. Такой задачи не могли себе поставить государственные формы былых времен; об аристократических республиках древнего и нового мира, о феодальной и сословной монархии, равно как и о бюрократическом государстве, и говорить нечего, но то же самое относится одинаково и к античной демократии с ее замкнутостью, исключительностью и властолюбием, и к просвещенному абсолютизму, оправдывавшему свое существование служением общему благу. Только народно-правовое государство, складывающееся в наше время, в своем дальнейшем развитии призвано участвовать в разрешении великой социальной проблемы, поставленной XIX веком.

*Извлечения публикуются по изданию:
Кареев Н.И. Происхождение современного
народно-правового государства: Исторический очерк
конституционных учреждений
и учений до середины XIX века.
СПб., 1908. С. 2–15.*

БОГДАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КИСТЯКОВСКИЙ

В ЗАЩИТУ ПРАВА (ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРАВОСОЗНАНИЕ)¹

1909 г.

Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значение его более относительно, его содержание создается: отчасти изменчивыми экономическими и социальными условиями. Относительность значения права дает повод некоторым теоретикам определять очень низко его ценность. Одни видят в праве только этический минимум, другие считают неотъемлемым элементом его принуждение, т.е. насилие. Если это так, то нет основания упрекать нашу интеллигенцию в игнорировании права. Она стремилась к более высоким и безотносительным идеалам и могла пренебречь на своем пути этой второстепенной ценностью.

Но духовная культура состоит не из одних ценных содержаний. Значительную часть ее составляют ценные формальные свойства интеллектуальной и волевой деятельности. А из всех формальных ценностей право, как наиболее совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играет самую важную роль. Право в гораздо большей степени дисциплинирует человека, чем логика и методология или чем систематические упражнения воли. Главное же, в противоположность индивидуальному характеру этих последних дисциплинирующих систем право – по преимуществу социальная система и притом единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом; дисциплинировано общество и общество с развитым правовым порядком – тождественные поднятия.

С этой точки зрения и содержание права выступает в другом освещении. Главное и самое существенное содержание права составляет свобода. Правда, это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой. Но внутренняя, более безотносительная, духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой.

Если иметь в виду это всестороннее дисциплинирующее значение права и отдать себе отчет в том, какую роль оно сыграло в духовном развитии русской интеллигенции, то получатся результаты крайне неутешительные. Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция ни-

¹ Впервые опубликовано в сборнике «Вехи» (1909 г.).

когда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития.

I

Правосознание нашей интеллигенции могло бы развиваться в связи с разработкой правовых идей в литературе. Такая разработка была бы вместе с тем показателем нашей правовой сознательности. Напряженная деятельность сознания, неустанная работа мысли в каком-нибудь направлении всегда получают свое выражение в литературе. В ней прежде всего мы должны искать свидетельство о том, каково наше правосознание. Но здесь мы наталкиваемся на поразительный факт: в нашей «богатой» литературе в прошлом нет ни одного трактата, ни одного этюда о праве, которые имели бы *общественное* значение. Ученые юридические исследования у нас, конечно, были, но они всегда составляли достояние только специалистов. Не они нас интересуют, а литература, приобретшая *общественное* значение; в ней же не было ничего такого, что способно было бы пробудить правосознание нашей интеллигенции. Можно сказать, что в идейном развитии нашей интеллигенции, поскольку оно отразилось в литературе, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупности идей, из которой складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли. Литература является именно свидетельницей этого пробела в нашем общественном сознании.

Как не похоже в этом отношении наше развитие на развитие других цивилизованных народов! У англичан в соответствующую эпоху мы видим, с одной стороны, трактаты Гоббса¹ «О гражданине», о государстве – «Левиафан»² и Фильмера³ о «Патриархе», с другой – сочинения Мильгона⁴ в защиту свободы слова и печати, памфлеты Лильборна⁵ и правовые идеи уравниателей – левеллеров⁶. Самая бурная эпоха в истории Англии породила и наиболее крайние противоположности в правовых идеях. Но эти идеи не уничтожили взаимно друг друга и в свое время был создан сравнительно сносный компромисс, получивший свое литературное выражение в этюдах Локка «О правительстве».

¹ Гоббс Томас (1586–1679) – английский философ, социолог.

² «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» – сочинение Т. Гоббса (1651 г.). Левиафан – в Библии огромное морское чудовище. В переносном смысле – нечто огромное и чудовищное.

³ Фильмер Роберт (1604–1688) – английский политический деятель, писатель, автор книги «Патриарх, или Естественная власть Монархов» (1680 г.).

⁴ Мильгон Джон (1608–1674) – английский поэт, публицист, государственный деятель.

⁵ Лильберн Джон (ок. 1614–1657) – английский политический деятель, публицист, руководитель движения левеллеров в период Английской революции XVII в.

⁶ От *англ.* the levelers – уравниатели. Представители демократического течения во время Английской революции XVII в. Выступали против реставрации монархии, требовали учреждения республики, реформ в интересах широких слоев населения.

У французов идейное содержание образованных людей в XVIII столетии определялось далеко не одними естественнонаучными открытиями и натурфилософскими системами. Напротив, большая часть всей совокупности идей, господствовавших в умах французов этого века просвещения, несомненно, была заимствована из «Духа законов» Монтескье и «Общественного договора» Руссо. Это были чисто правовые идеи; даже идея общественного договора, которую в середине XIX столетия неправильно истолковали в социологическом смысле определения генезиса общественной организации, была по преимуществу правовой идеей, устанавливавшей высшую норму для регулирования общественных отношений.

В немецком духовном развитии правовые идеи сыграли не меньшую роль. Здесь к концу XVIII столетия создалась уже прочная вековая традиция благодаря Альтузию¹, Пуффендорфу², Томазию³ и Хр. Вольфу⁴. Наконец, в предконституционную эпоху, которая была вместе с тем и эпохой наибольшего расцвета немецкой духовной культуры, право уже признавалось неотъемлемой составной частью этой культуры. Вспомним хотя бы, что три представителя немецкой классической философии – Кант, Фихте и Гегель⁵ – уделили философии права очень видное место в своих системах.

В системе Гегеля философия права занимала совершенно исключительное положение, и потому он поспешил ее изложить немедленно после Логике или онтологии, между тем как философия истории, философия искусства и даже философия религии так и остались ненаписанными и были изданы только после его смерти по запискам его слушателей. Философию права культивировали и большинство других немецких философов, как Герbart⁶, Краузе⁷, Фриз⁸ и другие. В первой половине XIX столетия «Философия права» была, несомненно, наиболее часто встречающейся философской книгой в Германии. Но, помимо этого, уже во втором десятилетии того же столетия возник знаменитый спор между двумя юристами – Тибо и Савиньи⁹,

«О призвании нашего времени к законодательству и правоведению». Чисто юридический спор этот имел глубокое культурное значение; он заинтересовал все образованное общество Германии и способствовал более интенсивному пробуждению его правосознания. Если этот спор ознаменовал окончательный упадок идей естественного права, то в то же время он привел и торжеству новой школы права – исторической. Из этой школы вышла такая замечательная книга, как

¹ Альтузий Иоганн (1557–1638) – немецкий юрист, автор книги «Политика» (1603 г.), в которой развиваются принципы неделимости и неотчуждаемости суверенитета.

² Пуффендорф Самуил (1632–1694) – немецкий юрист, теоретик естественного права.

³ Томазий Томас Христиан (1655–1728) – немецкий юрист, философ.

⁴ Вольф Христиан (1679–1754) – немецкий философ, метафизик.

⁵ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма.

⁶ Герbart Иоганн Фридрих (1776–1841) – немецкий философ, юрист, писатель.

⁷ Краузе Карл Христиан Фридрих (1781–1832) – немецкий философ, юрист, писатель.

⁸ Де Фриз Пуго (1848–1935) – немецкий философ, юрист, писатель.

⁹ Савиньи Фридрих Карл (1779–1861) – немецкий юрист, глава исторической школы права.

«Обычное право» Пухты¹. С нею самым тесным образом связано развитие новой юридической школы – германистов, разрабатывающих и отстаивающих германские институты права в противоположность римскому праву. Один из последователей этой школы, Безелер², в своей замечательной книге «Народное право и право юристов» оттенил значение народного правосознания еще больше, чем это сделал Пухта в своем «Обычном праве».

Ничего аналогичного в развитии нашей интеллигенции нельзя указать. У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полутораста юридических кафедр.

Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя указать ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую, по существу, не глубокую, но все-таки верную правовую идею, как иеринговская «Борьба за право»³.

Ни Чичерин, ни Соловьев не создали чего-либо значительного в области правовых идей. Да и то хорошее, что они дали, оказалось почти бесплодным: их влияние на нашу интеллигенцию было ничтожно; менее всего нашли в ней отзвук именно их правовые идеи.

В последнее время у нас выдвинуты идеи возрождения естественного права и идея интуитивного права. Говорить о значении их для нашего общественного развития пока преждевременно.

Однако ничто до сих пор не дает основания предположить, что они будут иметь широкое общественное значение. В самом деле, где у этих идей тот внешний облик, та определенная формула, которые обыкновенно придают идеям эластичность и помогают их распространению? Где та книга, которая была бы способна пробудить при посредстве этих идей правосознание нашей интеллигенции? Где наш «Дух законов», наш «Общественный договор»?

Нам могут сказать, что русский народ вступил чересчур поздно на исторический путь, что нам незачем самостоятельно вырабатывать идеи свободы и прав личности, правового порядка, конституционного государства, что все эти идеи давно высказаны, развиты в деталях, воплощены, и потому нам остается только их заимствовать. Если бы это было даже так, то и тогда мы должны были бы все-таки пережить эти идеи; недостаточно заимствовать их, надо было бы в известный момент жизни быть всецело охваченными ими; как бы ни была сама по себе стара та или другая идея, она для переживающего ее впервые всегда нова; она совершает творческую работу в его сознании, ассимилируясь и претворяясь с другими элементами его; между тем правосознание русской интеллигенции никогда не было охвачено всецело идеями прав личности и правового государства,

¹ Пухта Георг Фридрих (1798–1846) – немецкий юрист, представитель исторической школы права.

² Безелер Г. (1809–1888) – немецкий юрист, автор книги «Народное право и право юристов».

³ «Борьба за право» – книга немецкого юриста Рудольфа фон Иеринга (1818–1892).

и они не пережиты вполне нашей интеллигенцией. Но это и по существу не так. Нет единых и одних тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок.

II

Притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом нашего застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа.

По поводу этого Герцен еще в начале пятидесятых годов прошлого века писал: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им, как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство». Дав такую безотрадную характеристику нашей правовой неорганизованности, сам Герцен, однако, как настоящий русский интеллигент прибавляет: «Это тяжело и печально сейчас, но для будущего это – огромное преимущество. Ибо это показывает, что в России, позади видимого государства не стоит «его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей».

Итак, Герцен предполагает, что в этом коренном недостатке русской общественной жизни заключается известное преимущество. Мысль эта принадлежала не лично ему, а всему кружку людей сороковых годов и, главным образом, славянофильской группе их. В слабости внешних правовых форм и даже в полном отсутствии внешнего правопорядка в русской общественной жизни они усматривали положительную, а не отрицательную сторону. Так, Константин Аксаков¹ утверждал, что в то время, как «западное человечество» двинулось «путем внешней правды, путем государства», русский народ пошел путем «внутренней правды». Поэтому отношения между народом и государем в России, особенно допетровской, основывались на взаимном доверии и на обоюдном искреннем желании пользы. «Однако, – предполагал он, – нам скажут: или народ или власть могут изменить друг другу. Гарантия нужна!» – И на это он отвечал: «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла». Это отрицание необходимости правовых гарантий и даже признание их злом побудило поэта-юмориста Б.Н. Алмазова² вложить в уста К.С. Аксакова стихотворение, которое начинается следующими стихами:

¹ Аксаков К.С. (1817–1860) – поэт и публицист, славянофил.

² Алмазов Б.Н. (1827–1876) – поэт.

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал и т.д.

В этом стихотворении в несколько утрированной форме, но по существу верно излагались взгляды К.С. Аксакова и славянофилов.

Было бы ошибочно думать, что игнорирование значения правовых принципов для общественной жизни было особенностью славянофилов. У славянофилов оно выражалось только в более резкой форме и эпигонами их было доводимое до крайности; напр., К.Н. Леонтьев чуть не прославлял русского человека за то, что ему чужда «вексельная честность» западноевропейского буржуа. Но мы знаем, что и Герцен видел некоторое наше преимущество в том, что у нас нет прочного правопорядка. И надо признать общим свойством всей нашей интеллигенции непонимание значения правовых норм для общественной жизни.

III

Основу прочного правопорядка составляет свобода личности и ее неприкосновенность. Казалось бы, у русской интеллигенции было достаточно мотивов проявлять интерес именно к личным правам. Искони у нас было признано, что все общественное развитие зависит от того, какое положение занимает личность. Поэтому даже смена общественных направлений у нас характеризуется заменой одной формулы, касающейся личности, другой. Одна за другой у нас выдвигались формулы: критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной личности. Были и противоположные течения, стремившиеся потопить личность в общественных интересах, объявлявшие личность *quantité négligeable*¹ и отставившие соборную личность. Наконец, в последнее время нищезанятость, штирнерианство и анархизм выдвинули новые лозунги самодовлеющей личности, эгоистической личности и сверхличности. Трудно найти более разностороннюю и богатую разработку идеала личности, и можно было бы думать, что по крайней мере она является исчерпывающей. Но именно тут мы констатируем величайший пробел, так как наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала *правовой* личности. Обе стороны этого идеала – личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, были чужды сознанию нашей интеллигенции.

Целый ряд фактов не оставляет относительно этого никакого сомнения. Духовные вожди русской интеллигенции неоднократно или совершенно игнориро-

¹ Незначительной величиной (*франц.*).

вали *правовые* интересы личности, или выказывали к ним даже прямую враждебность. Так, один из самых выдающихся наших юристов-мыслителей, К.Д. Кавелин, уделял очень много внимания вопросу о личности вообще: в своей статье «Взгляд на юридический быт Древней Руси», появившейся в «Современнике» еще в 1847 году, он первый отметил, что в истории русских правовых институтов личность заслонялась семьей, общиной, государством и не получила своего правового выражения; затем, с конца шестидесятых годов, он занялся вопросами психологии и этики именно потому, что надеялся найти в теоретическом выяснении соотношения между личностью и обществом средство к правильному решению всех наболевших у нас общественных вопросов. Но это не помешало ему в решительный момент в начале шестидесятых годов, когда впервые был поднят вопрос о завершении реформ Александра II, проявить невероятное равнодушие к гарантиям *личных прав*. В 1862 году в своей брошюре, изданной анонимно в Берлине, и особенно в переписке, которую он вел тогда с Герценом, он беспощадно критиковал конституционные проекты, которые выдвигались в то время дворянскими собраниями; он считал, что народное представительство будет состоять у нас из дворян и, следовательно, приведет к господству дворянства. Отвергая во имя своих демократических стремлений конституционное государство, он игнорировал однако, его правовое значение. Для К.Д. Кавелина, поскольку он высказался в этой переписке, как бы не существует бесспорная с нашей точки зрения истина, что свобода и неприкосновенность личности осуществимы только в конституционном государстве, так как вообще идея борьбы за *права* личности была ему тогда совершенно чужда.

В семидесятые годы это равнодушие к правам личности, переходящее иногда во враждебность, не только усилилось, но и приобрело известное теоретическое определение. Лучшим выразителем этой эпохи был, несомненно, Н.К. Михайловский, который за себя и за свое поколение дал классический по своей определенности и точности ответ на интересующий нас вопрос. Он прямо заявляет, что «свобода великая и соблазнительная вещь, но мы не хотим свободы, если она, как это было в Европе, только увеличит наш вековой долг народу», и прибавляет: «Я твердо знаю, что выразил одну из интимнейших и задушевнейших идей нашего времени; ту именно, которая придает семидесятым годам оригинальную физиономию и ради которой они, эти семидесятые годы, принесли страшные, неисчислимые жертвы» (т. IV, с. 949). В этих словах отрицание правового строя возведено в систему, вполне определенно обоснованную и развитую. Вот как оправдывает Михайловский эту систему: «Скептически настроенные по отношению к принципу свободы, мы готовы были не домогаться никаких прав для себя; не привилегий только, об этом и говорить нечего, а самых даже элементарных параграфов того, что в старину называлось естественным правом. Мы были совершенно согласны довольствоваться в юридическом смысле акридами и диким медом и лично претерпевать всякие невзгоды. Конечно, это отречение было, так сказать, платоническое, потому что нам, кроме акрид и дикого меда, никто ничего и не предлагал, но я говорю о настроении, а оно именно таково было и доходило до пределов, даже мало вероятных, о чем в свое время скажет история. «Пусть секут, мужика секут

же» – вот как примерно можно выразить это настроение в его крайнем проявлении. И все это ради одной возможности, в которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства. Мы верили, что Россия может проложить себе новый исторический путь, особый от европейского, причем опять-таки для нас важно не то было, чтобы это был какой-то национальный путь, а чтобы он был путь хороший, а хорошим мы признавали путь сознательной, практической пригонки национальной физиономии к интересам народа» (ibid, с. 952).

Здесь высказаны основные положения народнического мировоззрения, поскольку оно касалось правовых вопросов. Михайловский и его поколение отказывались от политической свободы и конституционного государства ввиду возможности непосредственного перехода России к социалистическому строю. Но все это социологическое построение было основано на полном непонимании природы конституционного государства. Как Кавелин возражал против конституционных проектов потому, что в его время народное представительство в России оказалось бы дворянским, так Михайловский отвергал конституционное государство как буржуазное. Вследствие присущей нашей интеллигенции слабости правового сознания тот и другой обращали внимание только на социальную природу конституционного государства и не замечали его правового характера, хотя сущность его именно в том, что оно прежде всего правовое государство...

*Извлечение публикуется по изданию:
Вехи. Интеллигенция в России.
М., 1991. С. 109–118.*

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

**ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ
(ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ ПРОГРЕССА)**

1910 г.

*Если бы люди понимали, что
они живут не одной своей жизнью, а
жизнью всех, то они знали бы, что, делая
добро другим, они делают его себе.*

Лев Толстой. О жизни и смерти

I

Мы все еще живем традициями. Утверждение тех историков, которые полагают, что человеческое развитие представляет собой непрерывную цепь, не отвечая в строгом смысле слова фактам, отражает на себе наше сознание. Прислушайтесь к тому, что говорится с публичной трибуны и что на все лады повторяют журналы и газеты, брошюры и толстые книги. Свобода и равноправие и, в противовес им, опека и неравенство в обязанностях, а соответственно и в правах, владычество закона или правовой порядок, с одной стороны, спасение народа – высший закон, с другой, – да разве все это не понятие и нередко формулы, одинаково хорошо известные и древней Греции и древнему Риму? Ведь справедливость для Платона¹ была немислима без равенства и не только формального, но и материального; его «дикая»² отвечает многим из тех требований, которые ставят современные общественные реформаторы. О том, что афинская гражданственность стремилась к изополитии³, известно любому школьнику, а что то же тяготение существовало в Риме и нашло позднее удовлетворение себе в реформе Каракаллы⁴, уничтожившего всякие средостения между людьми свободными, признается всяким, кто сколько-нибудь занимался историей. Когда с трибуны Государственной думы

¹ Платон (427–347 до н.э.) – древнегреческий философ.

² *Dikaios* (греч.) – справедливость.

³ *Исополития* (греч.) – равенство гражданских прав.

⁴ Каракалла (186–217) – римский император (с 211 г.). В 212 г. издал эдикт о даровании римского гражданства всему свободному населению Римской империи.

г. Столыпин говорит, что законы должны молчать, раз того требует интерес государства, он сознательно или бессознательно, подобно Робеспьеру, повторяет сложившуюся еще в древнем Риме поговорку.

Не все дошедшее до нас от древности по тому самому должно считаться кладезем народной мудрости; наряду с истинами уцелели и предрассудки или, точнее, предубеждения. К числу таких необходимо отнести представление о том, что свобода и равенство находятся между собой в необходимом, органическом противоречии. Я не берусь сказать, как возникло впервые такое представление. Мне легче ответить на вопрос, какими данными оно поддерживалось и поддерживается до наших дней. Деспотии Востока могли первые породить мысль о том, что равенство возможно в несправии, а следовательно, и при отсутствии свобод. Несомненно, однако, что и на Востоке были и продолжают держаться не только сословные, но и кастовые средостения. Не более спорен и тот факт, что покоренные племена обращались здесь в рабство и что те из них, которым дозволено было сохранить некоторую автономию, все же не уравниваемы были в правах с членами господствующей национальности. Но все это, по-видимому, забывают те, чье внимание приковано к одному несправии подданного перед властителем. Восточный деспот располагал жизнью и смертью всех ему подвластных; неограниченность его произвола, говорящая только об отсутствии свободы, истолковываемая была в смысле равенства в несправии; таким образом возникло ложное представление о том, что свобода в деспотиях уживается с отсутствием каких бы то ни было наследственных привилегий и преимуществ. В действительности же мы встречаем в деспотиях очень резкие сословные и даже кастовые неравенства при полном отсутствии свободы.

Более убедительным могло показаться противоположение друг другу государств эллинского мира, из которых одни, с аристократическим устройством, сохранили республиканские порядки, а другие, с демократическим, – подпали под владычество тиранов и олигархов. Особенно резко разошлись в этом отношении судьбы Спарты и Афин. Афинская демократия, как известно, продержалась недолго, каких-нибудь сто лет, если считать начальным ее периодом реформу Клисфена¹, а концом – установление правительства тридцати тиранов. Наоборот, аристократическая Спарта, с ее смешанным образом правления, оказалась жизнеспособной в течение ряда столетий. Немудрено, если и до Ксенофонта, и после него считали возможным ставить спартанские порядки в образец всем тем, кто желал придать республике устойчивый характер; немудрено, если этим сознанием не раз проникались политические реформаторы и если оно лежит в основе учения древних о смешанных формах политического устройства, как наилучших, учения, одинаково присущего Аристотелю, Цицерону и Полибию². Последние два писателя подкрепляли его примером не одной Спарты, но и республиканского Рима, в котором, при неравенстве в правах патрициев и плебеев, граждан и союзников, свободных и рабов, в течение столетий сохранялась смешанная форма

¹ Клисфен (VI–V вв. до н.э.) – афинский политический деятель. После свержения тирана Гиппия (510 г. до н.э.) провел в Афинах реформы, ослабившие влияние родовой аристократии.

² Полибий (ок. 200 – ок. 120 до н.э.) – древнегреческий историк.

политики. Современник ее падения, благодаря росту власти императора, Тацит, признавая эти исчезающие порядки наилучшими из всех существующих, в то же время сомневался в их прочности и продолжительности. Наступали времена единовластия, при котором прирожденные неравенства не спасали народа от произвола, а следовательно, и отсутствия свободы. Наступали времена, когда дальнейшее развитие всеобщности, при неограниченности императорской власти, стало поддерживать, в свою очередь, фальшивое представление о том, что равенство непримиримо со свободой. На самом деле факты, на которых опирались эти чересчур поспешные обобщения, нисколько не оправдывали того предположения, что с ростом равенства гибнет свобода, и наоборот. Римляне, разумеется, были не менее свободны к концу Пунических войн, чем в эпоху отхода плебеев на Священную гору¹; а между тем какая бездна отделяет эти две эпохи, если иметь в виду политическое бесправие плебеев в эпоху, предшествовавшую Гракхам². Не все средостения пали и с империей; когда провинциалы впервые при Каракалле уравнились в правах с квиритами, не этот факт вызвал упразднение свободы, так как она была потеряна значительно ранее.

Средневековая политическая мысль питалась мудростью древних. Плутарх³, Цицерон и Полибий в первый период схоластики были такими же авторитетами, какими с XIII века стала вновь открытая «Политика» Аристотеля, а с эпохи Возрождения – трактаты Платона «о республике» и «законах». Немудрено поэтому, если и учение о том, что основанная на неравенстве в правах смешанная форма политического устройства всего более благоприятна сохранению свободы, одинаково встречается у тех писателей, для которых высшим учителем политической мудрости был Цицерон и Полибий, и у тех, которые, подобно Фоме Аквинскому⁴, заменяли обоих Аристотелем и пытались распространить его учение о преимуществах смешанного устройства на сословные представительные монархии, в частности на Священную Римскую империю. У Фортескью⁵ и Коммина⁶ в XV веке, как и у Макиавелли⁷ и Бодэна⁸ в следующее за тем столетие, мы равно находим отголосок тех взглядов, какие в древности высказывались по поводу Спарты и Рима как типов смешанного политического устройства. Английские

¹ Согласно древним авторам (Тит Ливий, Цицерон, Плутарх), в 494 г. до н.э. во время социального конфликта, вызванного нежеланием сената облегчить положение бедных граждан (плебеев), последние покинули Рим и собрались на горе в окрестностях города (впоследствии Священная гора). Направленный сенатом для переговоров Менений Агриппа уговорил плебеев вернуться, сравнив государство с телом, в котором желудок (патриции) и руки (плебеи) не могут жить друг без друга.

² Гракхи – древнеримские политические деятели, братья. Тибериус Семпроний Гракх (162–133 до н.э.), народный трибун в 133 г. до н.э., инициатор демократической земельной реформы, убит патрициями. Гай Семпроний Гракх (153–121 до н.э.) – младший брат Тибериуса Гракха, народный трибун в 123 до н.э., продолжил дело брата и так же, как он, погиб в борьбе с аристократией.

³ Плутарх (46 – после 119) – древнегреческий писатель и историк.

⁴ Фома Аквинский (1225–1274) – итальянский богослов, один из основателей схоластической философии.

⁵ Фортескью (ок. 1394 – ок. 1476) – английский юрист, писатель, автор книги «Похвала английским законам» (сер. XV в.).

⁶ Коммин Филипп де (1447–1511) – французский хронист и политический деятель.

⁷ Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469–1527) – итальянский политический деятель, историк.

⁸ Боден Жан (1530–1596) – французский политический деятель, писатель, юрист.

и французские писатели одинаково опирались при защите, один – парламента, другой – Генеральных и провинциальных штатов, на уподобление отстаиваемого ими строя сословной представительной монархии с аристократическими республиками древности, несравненно более жизнеспособными, утверждали они, чем едва продержавшееся одно столетие «владычество черни» или охлократия в Афинах. Стремление к равенству казалось поэтому исключаящим возможность свободы.

И когда к прежним фактам присоединился новый – падение Флорентийской республики благодаря тирании Медичей¹ и, наоборот, упрочение свободных порядков в аристократической Венеции, или республике Св. Марка, доктрина, приписывавшая уравнительным стремлениям разлагающий характер по отношению к свободному государству, приобрела для себя новую пищу. Политические реформаторы Флоренции, как показывает пример Джанотти, стали проникаться желанием содействовать возрождению свободы копированием венецианских порядков. Одновременно сами венецианцы, начиная с Кантарини² и Парутта³ и оканчивая Сарпи⁴, на все лады распространяли тот взгляд, что республика Св. Марка со своим смешанным устройством, напоминающим одинаково Спарту и республиканский Рим, может служить новым доказательством тому, что свобода легче уживается с неравенством, чем наоборот.

Столетие спустя, когда, по свидетельству Гоббса, впервые зародилась в среде английских политиков ненавистная ему мысль о разделении властей и политических противовесах, как условиях, благоприятных свободе, к числу фактов, долженствовавших содействовать упрочению доктрины об антагонизме последней с равенством, присоединен был еще один – исчезновение сословных представительных учреждений на континенте Европы и в частности во Франции, благодаря уравнительной политике континентальных самодержцев, и сохранение свободных учреждений в Англии бок о бок с господством аристократии и сословного неравенства. Один из родоначальников этого нового учения, Альджернон Сидней⁵, прямо говорит об Англии как с порядками римской республики, а Джон Локк, ранее Монтескье построивший доктрину разделения властей с оговоркой, что законодательная имеет перевес над исполнительной, ранее же Монтескье пишет рассуждение о судьбах Рима и ставит их в связи сперва с наличностью, а затем с потерей свойственной ему системы распределения государственных функций между сановниками, сенатом и народными комициями⁶. Зародившееся еще в Англии учение о связи свободы с сохранением сословных средостений и политических привилегий дворянства получает мировое признание благодаря включению его Монтескье в число тех законов или «необходимых отношений, вытекающих,

¹ Медичи – род, правивший во Флоренции в XV–XVI вв.

² Кантарини Гаспаро (1483–1542) – кардинал, венецианский политический деятель, писатель. Автор книги «О республике и магистратах Венеции».

³ Парутта Паоло (1540–1598) – итальянский ученый, историк.

⁴ Сарпи Паоло (1552–1623) – венецианский политический деятель, богослов, историк.

⁵ Алджернон Сидни (1622–1683) – английский политический деятель, писатель.

⁶ Комиций – от *лат. co(m)ire* – собираться, народное собрание в Римской республике.

из самой природы вещей», раскрытию которых должна была служить его книга. Автор «Духа законов», поставившего впервые в образец всем народам, ищущим свободы, политические порядки Англии, в то же время издает трактат «О величии и падении Рима», в котором красной нитью проходит его любимая мысль о связи свободы с разделением властей и смешанным порядком политического устройства. Эти смешанные порядки, по его мнению, общи были одно время всем тем народам, которые призваны были к жизни германскими нашествиями. Свобода зародилась в лесах Германии, говорит он, и на расстоянии более ста лет ту же мысль повторяет за ним английский историк Фриман¹, связывающий существование этой свободы с наличием у германцев в первые периоды их жизни смешанной формы политического устройства – короля, совета и народного собрания. Они кажутся ему зародышами трех составных частей английского парламента – короля, лордов и общин. Признавая за сто с лишним лет до Фримана готическую «монархию» порождением первобытной свободы германцев, Монтескье полагал, что всюду на континенте она упала под ударами уравнилительной политики абсолютных правителей. Сохранилась же она и процвела только в Англии, да еще в немногих странах, им прямо, не названных, но в которых легко признать Швецию, Венгрию и Польшу с их уцелевшими сеймами, составленными из сословных представительных палат. Для Монтескье Англия – одновременно и смешанная монархия, постигшая ту истину, что дворянство, как представляющее меньшинство народа, необходимо бы исчезло под ударами уравнилительной политики, если бы ему не обеспечена была привилегия служить тормозом по отношению к мерам, принимаемым народными представителями. Отсюда необходимость разделить законодательные функции между палатой общин и палатой лордов; иначе нивелирующая политика монархов, образец которой представили короли Франции, упразднившие штаты и грозящие дальнейшему существованию политических прав высших судебных палат, сотрет с лица земли существование в Англии и сословного неравенства, и тесно связанной с ним политической свободы.

Французская революция воспринимает далеко не в чистом виде доктрину Монтескье. Она отбрасывает все сказанное им о связи разделения властей с политическими привилегиями сословий и строит здание нового государства на почве народного суверенитета. Демократическая монархия, созданная конституцией 1791 года, вскоре оказывается неустойчивой. Она уступает место уравнилительной республике, которая, при главенстве «Комитета общественного спасения», в свою очередь руководимого якобинским клубом, постепенно вырождается в тиранию. Таким образом, людям, пережившим тот ряд событий, который открылся переворотом 10 августа [1791 г.], положившим конец монархии, и далеко не закончившимся 9-м термидора² и наступившим затем белым террором, вполне обоснованным могло показаться утверждение, что оба начала – свободы и равенства – противоречат друг другу.

Одним из первых истолкователей такого учения надо считать Бежамена Кон-

¹ Фримен Эдуард Август (1823–1892) – английский историк.

² 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.) – государственный переворот во Франции, положивший конец диктатуре Робеспьера.

стана, а наиболее полным выразителем его в применении к судьбам Французской революции явился не кто иной, как Редерер¹, одно время выдающийся ее деятель, а впоследствии сотрудник Наполеона Бонапарта при создании им консульства и империи.

Вот приблизительно тот путь, каким шло развитие доктрины, слабый отголосок которой можно найти и у авторов «Вех». Они не задаются мыслью о ее обосновании, считая излишним всякую аргументацию, когда дело идет о таком трюизме. Но трюизм ли это? Мы старались показать, что нет. Из всего нами сказанного с очевидностью вытекает то положение, что отсутствие свободы совпадало с неравенством и что исчезновение последнего не только не унимало ее, а, наоборот, пошло с нею рядом. Восточные деспотии построены были на неравенстве, как на неравенстве держалось владычество эвпатридов и патрициев. Нивелирующая политика, императоров ли древности или средневековых королей, имела в виду упразднение сословий. Неравенство исчезло одновременно с упрочением свободы: в 1789 году – благодаря декретам Учредительного собрания, предшествующим освободительными указами Людовика XVI, в числе других эдиктом о веротерпимости, в наполеоновскую эру – под влиянием насильственного распространения в большей половине Западной Европы, под именем наполеоновских идей, начал гражданского кодекса, подготовленного деятелями революции и «Декларации прав человека и гражданина», восходящей к той же эпохе. Революции 1830 и 1848 годов, с отражением и на островах Великобритании, содействовали упрочению в одинаковой степени начал свободы и равенства. Так называемые французами необходимые вольности, т.е. публичные права граждан, не подверглись, следовательно, ограничению по мере умаления избирательного ценза и увеличения как функций представительных палат, так и их независимости по отношению к власти.

Я сказал, что тот же процесс параллельного развития свободы и равенства известен и Англии. В подтверждение этой мысли мне остается сослаться на то, что акт эмансипации католиков в 1829 году только тремя годами предшествовал избирательной реформе 1832 года и демократизации местного управления законом 1835 года. Весь последующий ход развития избирательного права, я разумею реформы 1867 и 1884 годов, и местного управления в графствах и городах, в смысле все большего и большего расширения круга лиц, призываемых к участию как в общем управлении государства, так и в местном, нимало не сопровождался в Англии ограничением свободы личного самоопределения, а, наоборот, совпал с отменой последних законодательных ограничений, связывавших эту свободу.

Если во второй половине прошлого столетия изредка еще слышался перезвон старинного напева об антагонизме равенства со свободой, то, по-видимому, главным образом в связи с тем фактом, что всеобщее голосование помешало упрочению во Франции Второй империи, неблагоприятно относившейся к автономии личности, свободе ее физических, а тем более нравственных, проявлений. Но всеобщее голосование, восстановленное Наполеоном III, само же подготовило сперва

¹ Редерер Пьер Луи (1754–1835) – деятель Французской революции XVIII в. При Наполеоне I граф Империи.

реформу империи на либеральных началах, а со времени франко-прусской войны и замену ее республикой. Таким образом, уравнительное движение на некотором расстоянии оказалось естественным союзником свободы.

Новейшая русская действительность не идет наперекор этой истине: стоит только напомнить, что сокращение размера недавно дарованных нам вольностей следует за контрреформой нашего представительства на началах указа 3 июня 1907 года.

Итак, ни в древней, ни в новой истории нельзя найти оснований для утверждения, что развитие свободы шло в ущерб равенству, а равенства – в ущерб свободе. Этому предубеждению пора положить конец. Вот почему меня немало поразили в «Вехах» фразы вроде следующей: «Тирания общественности искалечила личность». Не менее приведен я был в смущение высказанной авторами «Вех» надеждой, что «тирания гражданственности сломлена ныне, после неуспеха освободительного движения, надолго» и что «в русском человеке мораль альтруизма и общественности растает». Целый ряд других столь же туманных фраз прикрывают собой в «Вехах» какое-то смутное представление о том, что за служением обществу теряется из виду неценное благо, каким несомненно является свобода личного самоопределения.

II

В противность еще, по-видимому, модному у нас учению о противоречии равенства и свободы западноевропейская мысль, идет ли она по руслу развития индивидуализма или примыкает ко все более и более развивающемуся потоку социалистического движения, признает почти аксиомой, что прогресс личности немислим без прогресса общественности и что, в частности, эмансипация индивида связана с развитием опирающейся на равенство солидарности. Эта солидарность, как показали одновременно: в Германии – Зиммель¹, а во Франции – Дюркгейм², подчеркивая более резко мысли, давно проникшие в сознание социологов положительной школы, сводится к тому, что в обществах первобытных, не знающих разделения труда, группы людей составлены из единиц, однородных и связанных между собой весьма тесно, тогда как самые группы чужды и враждебны друг другу. Прогресс общественности сказывается в том, что тесный круг переходит в более широкий, включающий в себя несколько прежде обособленных общественных единиц. Этот процесс происходит параллельно и в зависимости от другого. Первоначальная однохарактерная по своему составу группа все более и более дифференцируется благодаря разделению труда. Общественная солидарность начинает опираться на новом начале – распределения функций, создающем большую зависимость между лицами, отправляющими каждый только одну из этих функций. Эти мысли, еще крайне отвлеченно изложенные Зиммелем в его небольшой монографии «Soziale Differenzierung»³, не-

¹ Зиммель Георг (1858–1918) – немецкий историк, социолог.

² Дюркгейм Эмиль (1858–1917) – французский социолог.

³ Социальная дифференциация (нем.).

сравненно выпуклее выступают в сочинении Дюркгейма «О разделении труда». Отправляясь от той мысли, что солидарность – феномен нравственного порядка, не допускающий поэтому ни прямого наблюдения, ни тем более арифметического подсчета, Дюркгейм полагает, что при решении вопроса о том, в какой степени отдельные человеческие общества проводят это начало, необходимо поставить вместо внутреннего факта солидарности, ускользающего от нашего наблюдения, внешний его символ – право. В эпоху разобщенных и обыкновенно враждебных между собой мелких групп, связанных представлением о действительном или мнимом родстве их членов, сила общественного сознания, говорит Дюркгейм, сказывается одинаково и в умственном единении, и в имущественном, а также в строго репрессивном характере тех карательных норм, которые рассчитаны на удержание от действий, противных солидарности. По мере того как общественное сознание становится менее интенсивным, исчезают указанные особенности архаических обществ. Что же в этом случае служит им заменой? Что продолжает связывать между собой членов все растущей в своем объеме общественной среды, которой ранее был род, теперь племя и союз племен, – народ государства? Дюркгейм отвечает: разделение труда. Так как, пишет он, механическая солидарность слабеет со временем, то произойдет одно из двух: или последует упадок общественной жизни, или новая солидарность займет место прежней. Этот последний исход в действительности и имеет место благодаря тому, что разделение труда становится той связью, которая объединяет собой членов социального агрегата высшего типа. Историческим законом надо считать, по мнению Дюркгейма, тот, в силу которого механическая солидарность первоначальных, разобщенных групп заменяется органической.

С переменой в характере солидарности изменяется и сама общественная структура. Двум различным типам солидарности отвечают и два различных социальных уклада. При отсутствии или слабом развитии разделения труда численно небольшая группа представляет собой однородную массу. Дюркгейм выбирает для нее название орды. Группа, которую он имеет в виду, отвечает, однако, несравненно более, понятию «стада», чем тому историческому явлению, каким были татарские орды. В доказательство существования таких недифференцированных сообществ Дюркгейм ссылается на быт американских краснокожих и негритосов Новой Голландии. Помимо различий, порождаемых возрастом и полом, индивиды, входящие в состав названных народностей, не знают между собой никаких иных. Руководительство их группами принадлежит старейшинам или советам старейшин, причем решающим обстоятельством при выборе тех и других лиц является один возраст. Ни переход от материнства к отечеству, ни обособление правительственных функций не изменяют характера связывающей членов группы солидарности: она остается по-прежнему механической; она остается ею даже тогда, когда власть начальников становится неограниченной. Ее отличительный признак тот, что отношения как власти к подданным, так и подданных между собой, не основаны на принципе взаимности, предполагающем существование договора или соглашения.

Не в личных, а в общественных условиях лежит, по мнению Дюркгейма, ключ

к пониманию причин, по которым разделение труда прогрессирует с течением времени. Этот прогресс идет рука об руку с упадком общественных структур, построенных на начале механической солидарности, ведет к разделению труда, потому что между членами, составляющими их, происходит более интимное сближение. Разделение труда, пишет Дюркгейм, прогрессирует по мере того, как растет численный состав самой группы. Решающим обстоятельством является в данном случае сгущение населения, сделавшее возможным активный обмен услуг между членами группы, и происходящее отсюда сближение их. Свою мысль автор доказывает ссылкой на общеизвестный факт, что первобытные общества живут рассеянно, тогда как в культурных происходит концентрация жителей. Та же концентрация, как последствие большего разделения труда, выступает при уравнивании города с селом. Но если общество, сгущаясь, тем самым вызывает разделение труда, то, в свою очередь, это разделение увеличивает сплочение общества. Причина, по которой разделение труда в более численных обществах развивается быстрее, лежит в том, что борьба за существование в них более интенсивна. Но если индивиды, живущие бок о бок, принадлежат к различным родам и видам, они менее стесняют друг друга, так как находят различный источник для поддержания своей жизни. Этот закон установлен был Дарвином¹ по отношению к животному царству; люди, говорит Дюркгейм, одинаково подчиняются его действию. В одном и том же городе разные профессии могут существовать рядом, не причиняя вреда друг другу, но чем ближе сходятся функции двух профессий, чем больше между ними общего, тем вероятнее становится их столкновение и соперничество. Понятно, что при таких условиях рост населения, сопровождающийся большей его густотой, необходимо вызывает дальнейшее разделение труда. Но не одной густотой населения обуславливается все большая и большая специализация общественных функций. Дюркгейм указывает и на другие причины. С упадком общественного сознания, поддерживавшего единство в обществе, построенном на механической солидарности, разделение труда становится источником новой. Можно поэтому видеть в упадке общественного сознания причину, благоприятную разделению труда.

В тесной связи с только что намеченной, разумеется, в самых общих чертах доктриной стоит недавняя попытка Дюги² показать, что нет коллективного интереса, противоположного индивидуальному. Социализация, рассуждает он, возрастает в прямом отношении к разделению труда. Разделение же труда развивается в полном соответствии с его индивидуализацией. Отсюда следует, по мнению Дюги, что социализация и индивидуализация не исключают друг друга. Противоположение индивидуального коллективному не отвечает действительности, пишет он на странице 81 своей книги «Государство, объективное право и положительный закон». Человек не может сохранить своего существования вне солидарности с себе подобными: только при ней он способен уменьшить сумму своих страданий. Всякий акт индивидуальной воли, клонящийся к реализации

¹ Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора.

² Дюги Леон (1859–1928) – французский социолог, теоретик права.

общественной солидарности, должен необходимо вызвать к себе уважение, т.е. признание. Первое правило поведения – это уважать всякий акт индивидуальной воли, преследующий реализацию общественной солидарности. Смутно это правило уже проводится на низших ступенях общественности. Но из этого первого правила вытекает и второе, оно гласит, что никто не должен совершать действий, преследующих цели, не отвечающие общественной солидарности или противные ей. Остановилось ли на этом развитие человеческого сознания, спрашивает себя Дюги, или в это сознание проникло и третье правило – обязательности для каждого таких действий, которые бы отвечали общественной солидарности? Дюги дает утвердительный ответ. Рано или поздно, пишет он, люди приходят к убеждению, что обязаны содействовать реализации общественной солидарности. К этому и сводится требование права. Такой запрос обращен ко всем людям. Но так как их способности различны, то это третье правило поведения предъявляет требование разумных действий, направленных к упрочению солидарности, сообразно способностям каждого. Содействовать разделению труда, как необходимому элементу общественной солидарности, равнозначительно на деле затрате личных дарований так, чтобы сделался возможным обмен услугами. Ведь от такого обмена и происходит солидарность. Каждый служит обществу, кооперируя с другими по мере своих личных возможностей. Правило поведения, вытекающее из сознания солидарности и которое для Дюги составляет норму права, одинаково обязательно и для властвующих, и для подвластных; им подчиняются как правительство, так и подданные. Отсюда следует, что правительство может пользоваться силой, поставленной в его распоряжение, только в интересах общественной солидарности. Нормы поведения, обязательные в равной мере для властных и подвластных, не отличаются косностью: они и постоянны, и изменчивы, постоянны в том смысле, что их содержанием всегда является требование кооперировать с другими в интересах общественной солидарности; изменчивы же потому, что сама эта солидарность проявляется в разных формах. В прошлом она вылилась сперва в форму орды, позднее – рода, еще позднее – города-государства, а в наши дни она выступает в форме народа-государства. Будущее может поставить нас лицом к лицу с новыми типами общежития. Но всем им одинаково было и будет присуще требование солидарности и отвечающего ей поведения, а следовательно, и права, как обнимающего собой нормы этого поведения. Дюги относится отрицательно к учению естественного права, будто нормы поведения установлены с самого начала и навсегда. Правила поведения, обусловленные интересами общественной солидарности, должны считаться нормами нравственности, все же остальные – нормами права. Мораль имеет в виду оценку действий со стороны их внутреннего достоинства, но когда мы говорим о правилах поведения, вызываемых требованиями общественной солидарности, мы имеем в виду ту или другую их оценку с точки зрения общей пользы. А из этого следует, что мы имеем в данном случае дело с нормами права, а не с нормами нравственности. Всякий индивидуальный акт воли, преследующий цели, согласный с нормами права, может считаться актом юридическим. Если акт индивидуальной воли не вызывается общественной солидарностью, он лишен юридического значения. Организованная и сознатель-

ная воля общества не становится в его распоряжение: наоборот, она должна обнаружить свое вмешательство или с целью воспротивиться вытекающим из него последствиям, или с тем, чтобы подавить его и сделать невозможным повторение в будущем.

Такова в общих чертах новейшая доктрина о тесном отношении между правом и требованиями общественной солидарности. Ее конечный вывод не расходится с тем, к какому приводит нас сравнительное изучение права на различных ступенях общественности. Он гласит, что гораздо ранее возникновения государства, в эпоху существования сперва материнских, а затем патриархальных родов, уже имелись нормы права. Все они имели в виду упрочение и укрепление того, что мы обнимаем понятием общественной солидарности, в частности, сохранение и развитие существующих групп. Отсюда заботливость этих норм о том, чтобы изъять эти группы от действия того обычая кровной мести, которой являлся проявлением в международных отношениях начала борьбы за существование. Только этим можно объяснить, почему убийство человека, не принадлежащего к одному роду с убийцей, считалось похвальным, тогда как убийство родовича недозволенным и сильно осуждаемым действием, почему та же мера применялась к охранению чужого имущества, смотря по тому, принадлежит ли оно постороннему роду или члену одного сообщества с похитителем. Если враждебный акт, совершенный чужеродцем, требует отмщения, то однохарактерный поступок, раз он исходит от родовича, отнюдь не вызывает собой кровной мести; он сопровождается одним лишь удалением виновного из той замиренной среды, какую образует род.

Таким образом задолго до возникновения государства в интересах устойчивости общежительных союзов, т.е. из-за заботы о сохранении солидарности, возникают уже общеобязательные нормы, которыми индивидуальные поступки признаются дозволенными или недозволенными действиями,сообразно тому, отвечают ли они требованиям общественной солидарности или не отвечают. Те действия, которые не согласны с устойчивостью родового союза, его дальнейшим существованием, осуждаются, другие же наоборот. Поэтому присвоение чужого, будет ли им женщина или имущество, признается похвальным; раз дело идет о лицах, стоящих вне родового общения, и считается, наоборот, предосудительным, когда сторонами являются родовичи. Причина, очевидно, та, что в первом случае нет опасности для целостности союза, а в последнем такая опасность существует. Из всего этого следует, что уже на низших ступенях общественности право совпадает с понятием нормы, приводящей свободу индивидуальных лиц в соответствие с требованиями общественной солидарности.

Итак, сравнительно исторический метод в применении к занимающему нас вопросу вполне подтверждает то основное положение, по которому первоначально не было и не могло быть противоположения коллективного индивидуальному. Ведь индивид заинтересован в существовании той общественной группы, которой он является членом; без нее он оставлен был бы на произвол судьбы в борьбе с более сильными, чем он, врагами. Чтобы обезопасить себя от окружающих их опасностей, людям необходимо войти в состав той замиренной среды, какой является материнский или отеческий род. На этой стадии развития закон сохранения

энергии требует от каждого члена родового сообщества того сокращения сферы проявления своей мощи, при котором возможно поддержание мира в родственной среде. Отсюда запрет частного присвоения и жен, и имущества, отсюда первобытный родовой коммунизм и возникновение одного из распространеннейших в мире правил поведения – обычая экзогамии, при котором постоянное брачное сожитие возможно только с чужеродкой. Все эти нормы, с которыми тесно связана и организация начальствования в границах родовых сообществ, положение старейшины, как первого между равными, и отсутствие всяких различий между лицами, ему подчиненными, вызваны также к жизни частным проявлением общего закона сохранения энергии. В условиях охотничьего и рыболовного хозяйства кровные и родовые сообщества, очевидно, могут иметь лишь весьма ограниченный личный состав. Для защиты от врагов членам их надо тесно сплотиться между собой, стать едиными телом и духом. Но это предполагает между ними отсутствие всяких средостений, всяких различий во влиянии и власти, помимо тех, каких требует подчинение общему руководству. Отсюда равенство в правах и обязанностях, отсюда тесное общение живых поколений с усопшими, построенное на начале взаимного обмена услуг. Совершение поминок и отмщение обид, нанесенных чужеродцами, входит в состав вынуждаемых обычаями норм в такой же степени, как и правила, руководящие выбором невесты или размером имущественного пользования отдельных семей. Равенство прав и обязанностей существует бок о бок с равенством в хозяйственной деятельности. Все входящие в род семьи одинаково участвуют в охоте и улове, нередко производимом большими партиями, причем добыча поступает в большей или меньшей степени в общее пользование. Если разделение труда и сказывается, то только в распределении занятий между полами. Военные походы и охота на дикого зверя – более обычное занятие мужчин.

При увеличении числа членов путем естественного роста, добровольного или насильственного сближения отдельных родов и образования тем самым племенных союзов первобытные промыслы оказываются неспособными поддержать существование возросшего в своей плотности населения. Удачные опыты приручения некоторых животных ведут к развитию скотоводства. Для ухода за стадами оказывается возможным приставить к ним ранее истребляемых пленных. Обладание движимым имуществом и рабами вносит начало неравенства и ведет к дальнейшему росту разделения труда. Когда к другим видам наживы присоединяется утилизация почвы под посев злаков, садоводство и огородничество, рабы приобретают особую ценность, и насильственное применение их труда дает возможность отдельным семьям расширить пределы своего земельного пользования и не приспособлять его к удовлетворению одних неотложных потребностей. Таким образом, возникает обособление профессий; оно присоединяется к начальному разделению труда между полами.

Рост духовного и светского руководства, обособляющегося в особые касты и сословия, только усиливает и ускоряет процесс дифференциации занятий. С переходом от родовых порядков к государственным, хотя бы в тех скромных

размерах, какие представляли греческая πόλις¹ и латинская civitas², индифференцированные группы людей сменяются такими, в которых общественная солидарность построена на обмене услуг между лицами разных профессий, разного экономического положения. В них закон сохранения энергии требует связанного с разделением труда неравенства, но только в тех размерах, при которых оно не препятствует общественному единству или солидарности всех граждан. Отсюда запрет обращать в рабство единокровцев и присваивать себе превышающую семейную нужду долю в общих полях. Еще в XVII веке, строя трудовую теорию возникновения собственности, английский мыслитель Локк указывал, что апроприация, производимая этим путем, находит свой предел в требовании, чтобы «для присвоения другими членами гражданского сообщества или государства оставалось достаточное число равнокачественных предметов». Говоря это, Локк высказывает отвлеченное начало, но сравнительная этнография и сравнительная история права вполне подтвердили его теорию. Захватное пользование в пределах неразделенных земель – этот древнейший тип мирского владения – оканчивается там, где новое присвоение сделало бы невозможным утилизацию общей собственности всеми прочими членами civitas, т.е. городской или сельской общины, в границах их действительной нужды. Поддержание в этом отношении требований общественной солидарности ведет к замене захватного пользования уравнительными переделами. Убедиться в этом можно на примере, представляемом историей землевладения в южной России среди казаков донских, черноморских, кубанских и уральских и в равной мере в северо-западных провинциях Индии и Пенджабе. Новейшая эволюция сибирского землевладения, так обстоятельно изученная А. Кауфманом, служит новым подтверждением сказанного.

Только что описанный процесс находит необходимое отражение себе и в праве. Общий обычай регулирует порядок подчинения женщин мужчинам, рабов – хозяевам, съемщиков скота – его владельцам, съемщиков земли – ее собственникам. Но проводимое правом неравенство еще относительное. Оно не исключает возможности равной защиты общих всем названным группам интересов – интересов сохранения жизни их членов. Отсюда сравнительно поздно возникающее различие в выкупах за убийства и ранения, смотря по месту, занимаемому обиженным на общественной лестнице. Так, например, по «Русской Правде»³, повышенное «головничество» взимается только в случае, когда обиженным является огнищанин, т.е. человек, принадлежащий ко двору князя; все же остальные свободные пользуются равной защитой по отношению к нарушителям мира. Сказанному не противоречит и то, что выкуп за раба всегда ниже, чем за свободного. Ведь раб по своему происхождению чужеродец. На него, следовательно, не распространяются нормы защиты, которыми пользуются граждане civitas. Первоначальное отношение обычая к убийству раба – как к пропаже имущества, воз-

¹ Полис (греч.), гражданская община в древней Греции.

² Гражданская община в древнем Риме.

³ Русская правда – свод древнерусского права. Включала отдельные нормы «Закона русского», Правду Ярослава Мудрого, Правду Ярославичей, Устав Владимира Мономаха и др. Посвящена защите жизни и имущества княжеских дружинников, слуг, свободных сельских общинников и горожан; регламентировала положение свободных людей. Сохранилась в редакциях XIII–XVIII вв.

мещаемого хозяину равноценным предметом.

Мы не продолжим этого по необходимости краткого очерка развития общественной солидарности и его отражения в праве по мере дальнейшей дифференциации и интеграции общественных функций. Оно совершается неизменно и далее в направлении, указанном законом сохранения энергии. Удовольствуемся также простым замечанием, что проводимая здесь точка зрения применима одинаково к организации и входящих в состав государства союзов: общины и поместья, а равно и общежительных братств, торговых гильдий, ремесленных цехов, каст, сословий и классов. Но когда речь заходит о только что перечисленных группах, задача исследователя осложняется от того, что в них нелегко выделить сторону самостоятельного развития, и то, что привносится в него извне параллельной эволюцией государства из городского и феодального в национальное. Я полагаю, однако, что и без дальнейшего настаивания на связи, какую разделение труда при кастовом, сословном и классовом строе сохраняет с необходимостью правовой защиты требований общественной солидарности, каждому будет ясно, что с сравнительно-этнографической и сравнительно-исторической точки зрения переход от самодовлеющих хозяйственных групп, какими являются расширенная семья и род, к группам, нуждающимся в обмене, каковы касты, сословия и классы народа-государства, предполагает в интересах сохранения столько же хозяйственного, сколько политического союза, сочетание автономии личности с общественной солидарностью.

III

Защищаемая нами точка зрения еще недавно принуждена была считаться с тем возражением, будто самое понимание свободы, как относительной автономии личности, совершенно недоступно было ни древности, ни средним векам. Ходячим было утверждение, что античное государство поглощало собой личность. Чтобы доказать это, не считали нужным ссылаться на одни деспотии Востока, но также, например, греческий *πόλις* и латинский *civitas*. Бенжамен Констан и Эдуард Лабуле¹, на расстоянии немногих десятилетий, сумели одинаково заинтересовать широкие круги читателей рассуждениями о причинах, по которым древнее государство в отличие от современного обеспечивало личной самостоятельности меньший простор. Один настаивал на той мысли, что самое понятие о свободе у древних народов было иное, чем у новых. Они разумели под ней участие в политической власти, а не автономию личности. Другой полагал, что источник различия лежит прежде всего в религии. Христианство провозгласило независимость внутреннего человека; оно впервые ввело в мир понятие о свободе совести, свободе религиозной. По образцу же последней сложилось представление и о всех других видах индивидуальной свободы. Недавно одним немецким профессором сделана была даже попытка приурочить к одной реформации почин этой перемены в отношениях личности и государства. Еллинек² старался доказать, что

¹ Лабуле Эдуард Рене (1811–1883) – французский писатель, один из лидеров оппозиции в 1852–1870 гг.

² Еллинек (1851–1911) – немецкий юрист.

учение о единственных правах человека восходит самое большое к эпохе разрыва народов Западной Европы с римской или католической церковью. Говоря это, он понимает время появления Лютеровой¹ ереси и зарождения кальвинизма², у английских представителей которого – пресвитериан³, впервые возникла мысль о составлении и своего рода декларации прав, если не человека вообще, то свободнорожденного англичанина в частности. В противность всем этим учениям я полагаю заодно с большинством социологов и политиков нашего времени, что причина, мешавшая широкому развитию индивидуализма в древних обществах, лежит не во всемогуществе государства, а в той тесной зависимости, в какую личность была поставлена от семьи, рода и племени, или той «филе» и «трибы», о которой заходит речь в греческих или римских источниках. Сказанное применимо в равной мере и к средним векам, к быту кельтов, германцев и славян, как до, так и после обращения их в христианство. Нет, следовательно, основания противопоставлять в этом отношении античную и языческую культуру культуре новых народов, культуре христианской. Упадок того влияния, какое кровные союзы оказывали на руководство индивидом не только в детстве и отрочестве, но и в период его возмужалости, достаточно объясняет нам причину, по которой сфера самостоятельности личности несравненно шире в государствах нового времени, нежели в первые столетия Спарты, Афин и Рима, а также в раннем средневековье. Но одного сказанного недостаточно, чтобы понять причину расширения сферы личной самостоятельности в наше время. Нужно принять еще во внимание следующее. Не одно древнее общество, но и средневековое, приближалось по своему типу к военному лагерю. Интересы завоевания и защиты имели в нем решительный перевес над интересами мирной культуры, торгового, умственного и художественного обмена. Но военный строй общества необходимо предполагает строгую дисциплину, подчинение индивида чужому руководству снизу доверху, на всех ступенях общественной лестницы, вплоть до верховного сюзерена-государя, вождя народа и войска. Таким повелителем мог быть одинаково и царь гомерической Греции, и афинский архонт-базилевс, и римские консулы, и средневековый король, и герцог в любом феодальном обществе.

С упадком милитаризма и постепенной заменой его индустриализмом сфера самостоятельности человека расширяется обратно пропорционально правительственной опеке. Те политические тела, в которых военные интересы остаются преобладающими и в новое время, представляют доселе наибольшее подавление личности государством. Это можно было сказать, например, о Пруссии еще в эпоху прямых предшественников Фридриха Великого, когда, по словам посетившего эту страну Монтескье, никто не был уверен, что его насильно не забреют в солдаты, и жизнь каждого протекала под бдительным и докучливым надзором явных и тайных агентов правительства.

Так было не только в Московском царстве, но и в Российской империи, где

¹ Лютер Мартин (1483–1546) – основатель протестантской церкви в Германии.

² Кальвинизм – течение в протестантизме. Основано Жаном Кальвином (1509–1564).

³ Пресвитериане – течение в английском протестантизме (пуританизме). Требовали отделения церкви от государства, отрицали королевское верховенство в церкви.

вплоть до Петра III каждый дворянин прикреплен был к службе, как крестьянин – к земле и тяглу.

Военный строй общества необходимо вызывает к жизни группировку людей не по одному характеру занятий и роли их в производстве, но и соответственно тому, какое участие кто принимает в наступательной и оборонительной деятельности государства по отношению к соседям. Отсюда расходящаяся во многом с классовой сословная организация. Первая отличается относительной подвижностью, вторая – несравненно большей косностью. Чем совершеннее сословный строй, тем он более приближается по своей инертности и постоянству к кастовому. Замкнутость служилого сословия, разумеется, менее значительна, чем военной касты в Индии или Египте; но она все же существует, и ею объясняется относительная непроницаемость и русского дворянства – этого наследника служилых людей Московской Руси. Упадок замкнутости сказывается по мере того, как все новые и новые элементы вводятся в состав сословия. Укажем для примера хотя бы на следующее. Французское дворянство в то время, когда о нем писал Мирабо Старший, уже перестало быть тем чистокровным рыцарством, каким оно было в эпоху крестовых походов. Включение в него так называемых «облагороженных» и лиц, приобретших его за деньги или покупкой судебной должности, сделало его столь же открытым, как и современное «благородное сословие в России», доступ к которому дает государственная служба в связи с государственным экзаменом или награждением определенными знаками отличия.

Поддерживаемая милитаризмом сословная организация необходимо ограничивает свободу личности. Ведь каждое сословие наделено по отношению к входящим в его состав лицам известными правами, стесняющими их самостоятельность. Чтобы не ходить далеко за примерами, укажу на те уродливые проявления, какие еще в наши дни принимает опека сословия в отношениях дворянских губернских обществ к лицам, неполитичное поведение которых, вопреки истине, подводится ими под понятие бесчестного поступка. Сопровождающее такое признание постановление «исключить из своей среды» провинившегося сочлена влечет за собой сокращение его прав гражданина, как-то: права выбирать и быть выбранным, права исполнять обязанности опекуна и присяжного поверенного; другими словами, оно сокращает сферу его самостоятельности. Если в наши дни при включении в основные законы основного принципа всякого правового государства – равенства всех перед законом – еще держатся такие порядки, то можно судить, каким бременем падала на подданных сословная организация в древности и в средние века, в то время, когда военные интересы имели решительный перевес над гражданскими. Вся жизнь человека регулировалась кастовыми запретами и представлениями о сословной чести. Индивид такой же, если не в большей, степени был связан нравами и предрассудками, сколько законодательством. И в семейном быту, и при выборе профессии над ним тяготело понятие о сословном долге. Еще в 1789 году, когда депутаты, посланные в Париж, снабжались наказами со стороны избирателей, среднее сословие напоминало дворянству о необходимости жить благородно – *vivre noblement* – и выводило отсюда то правило, что дворяне не должны сами хозяйничать в своих имениях, а сдавать

их в аренду членам буржуазии и крестьянства. Французская поговорка «noblesse oblige»¹ была не пустой фразой в то время, когда вступление в неравный брак – так называемая *mésalliance* – приравнивалось маркизом Мирабо к желанию «удобрить свои поля» – *fumer ses terres* – и с точки зрения дворянской чести считалось действием крайне предосудительным.

Говоря о причинах, какие в прошлом стесняли свободу индивидуальной жизни, мы не сказали пока ни слова о религии. Тесная связь ее с государством открывала последнему возможность карать людей, отступивших от ее догматов и культа, как повинных в государственном преступлении. Сократ² в такой же мере пал жертвой этого представления, как и христианские мученики, не желавшие участвовать в культе императоров. Пока христианство оставалось государственной религией и там, где оно еще остается таковой, оно отнюдь не устраняло и не устраняет возможности такого же стеснения государством свободы личного самоопределения. И чтобы доказать это, нет необходимости восходить ко временам герцога Альбы³ или еще выше, к эпохе альбигойских войн, а тем более к эпохе искоренения последователей Ариева⁴ учения. Не нужно также останавливаться на драгонадах, с помощью которых Людовик XIV пробовал вернуть в лоно вселенской католической церкви не успевших бежать из Франции гугенотов. Достаточно вспомнить казнь де-Ла-Бара⁵ за мальчишеский акт кощунства и красноречивое разоблачение этого законного убийства Вольтером. Достаточно вспомнить несчастную участь попа Аввакума⁶ и ряд преследований, которым еще недавно подвергались наряду с старообрядцами и наиболее передовые секты протестантизма, известные в России под именем штундистов, молокан и духоборцев.

Причины, по которым самодеятельность личности была более или менее парализована внешними вмешательствами, не могут быть сведены поэтому к одному ошибочному представлению о том, что в Греции и Риме понимали под свободой одно участие в государственной власти.

Вечевой строй древней гражданственности держался на более или менее полном устранении от всякой политической жизни трудового населения, рабов, вольноотпущенников и покоренных туземцев, все равно, были ли ими сельские обыватели – илоты, или городские мещане, ремесленники и торговцы – перизки. Прибавьте к этому сведение до минимальных размеров политических прав жите-

¹ Положение (благородство) обязывает (*франц.*).

² Сократ (470–399 до н.э.) – древнегреческий философ, был приговорен к смерти по обвинению в преступлениях против религии.

³ Альба Альварес де Толедо Фернандо (1507–1582) – герцог, испанский полководец, правитель Нидерландов в (1567–1573 гг.), был облечен диктаторскими полномочиями для подавления протестантского движения в Нидерландах.

⁴ Ариане – сторонники и приверженцы учения александрийского пресвитера Ария (ум. в 335 г.), утверждавшего, что Сын Божий Христос не истинный Бог, а лишь «превосходнейшее творение» Бога-Отца. В 325 г. на соборе в Никее арианство было признано ересью, а Арий отлучен от церкви. Несмотря на это, арианство долгое время было распространено в Римской империи и некоторых государствах Западной Европы.

⁵ Барт де Ла, Лефевр Ж.Б. – шевалье, молодой человек, казненный в сер. XVIII в. по обвинению в святотатстве; в частности, у него было найдено атеистическое сочинение – «Философский словарь».

⁶ Аввакум Петров (1620 или 1621–1682) – протопоп, глава старообрядчества и идеолог раскола, писатель.

лей покоренных городов.

В Римской империи до времен императора Каракаллы они самое большое признаваемы были только союзниками, а не гражданами – «cives». Все это, вместе взятое, позволяло в Афинах двум десяткам тысяч граждан и небольшому их числу в римской республике владычествовать, одним – над Аттикой и Архипелагом, другим – не только над Италией, но и над доброй частью цивилизованного мира (*orbis romanus*).

Тем самым до минимума сведена была свобода самоопределения тех, кто слыл под названием провинциалов.

Но что такие порядки известны были не одной классической древности, но и тому продолжению античной городской культуры, каким является средневековая итальянская гражданственность, доказательство этому может дать нам одинаково и флорентийская республика с массой завоеванных ею городов и селений, и республика венецианская, известная под наименованием «республика Св. Марка».

Вплоть до 1797 года – эпохи подписания Наполеоном I договора в Кампо-Формио, которым Венеция и ее владения на далматинском побережье уступлены были Австрии, – несколько сотен дворянских семей, из которых большинство было уроженцами Венеции, одни призываемы были к заведованию интересами многомиллионного населения, занимавшего и значительную часть современной Ломбардии, и Адриатическое побережье, и Морею, т.е. древний Пелопоннес, и острова Архипелага, наконец, отдаленные колонии, расположенные на Черном море, в том числе теперешний Азов – средневековую Тану.

Заявление нашего начального летописца – «на чем старшие (города) положат, на том пригороды станут» – в применении ко всем городским республикам верно не только в смысле первенства главных городов, но и поглощения нередко их гражданством политических прав жителей подчиненных им общин и местечек.

Государство, развившееся благодаря соединению воедино кровных союзов и перенесшее на своих наследственных или избираемых вождей те смешанные функции светского и духовного руководства, которые дотоле принадлежали племенным и родовым старейшинам и членам зарождающегося жречества, а таким государством, как мы знаем, были одинаково в начальный период их истории и афинское, и римское, – очевидно, должно было смотреть на индивида несколько иными глазами, чем те, какими смотрит на него современное государство, вполне секуляризованное и ставящее себе поэтому чисто мирские задачи, задачи стража независимости и правосудия, а также проводника культуры. Притом союз круговой поруки, который связывает между собой членов рода и образующего государство соединения родов, пожертвование индивидом в интересах целого не способно было встретить того отпора, какой бы выпал ему в удел в наши дни. Агамемнон¹, приносящий в жертву свою дочь Ифигению в интересах всего вверенного ему народа, действует под влиянием того же представления, какое в позднейшие годы и на расстоянии столетий побуждало афинский демос изгонять из

¹ Агамемнон – в древнегреческой мифологии царь Микен. Похищение троянцем Парисом Елены, сестры жены Агамемнона стало причиной Троянской войны. Чтобы греческий флот смог отплыть, ему пришлось принести в жертву свою дочь Ифигению.

своей среды даже честнейшего из своих граждан, Аристид¹, ради общего мира и спокойствия, а следовательно, и общего спасения. Римское «sacer esto»² – да будет предан богам, т.е. казнен, нарушитель государственного правопорядка, в корне своем имеет ни более, ни менее, как обычай насильственного удаления из родственной среды нарушителя мира, этого древненемецкого «vagus»³, которого народный эпос сравнивал с блуждающим, нигде не находящим себе приюта волком и которому в этом отношении вполне отвечает кавказский абрек. В обществе, еще живущем идеалами родственной солидарности, сливающейся с той, которая связывает членов одного войска, понятно зарождение учения о государственной необходимости, перед которой на задний план отступают всякие соображения об уважении к личности, к праву и справедливости, так как забота о спасении всего народа, – «salus populi»⁴ – первенствует над всеми прочими задачами. Немудрено, если то, что мы называем «raison d'état»⁵, – понятие, завещанное политикам XVI и XVII веков классической древностью. Высказывающие его писатели Возрождения – Макиавелли, а за ним Ботеро⁶ одинаково орудуют примерами Рима. Классический образец рисуется еще воображению французских якобинцев в 1793 г. в момент устройства ими «комитета общественного спасения» и революционных трибуналов. Но чистым анахронизмом, смешной и в то же время возмущающей душу карикатурой надо было бы считать ссылку на ту же государственную необходимость и заботу об общественном спасении в устах министра любой конституционной державы нашего времени, для которой всякая репрессия находит себе предел в законе и в стране ответственности перед судом за его нарушение.

Из всего сказанного нами до сих пор надо прийти к тому заключению, что противоречие, в каком современный государственный порядок стоит с прошлым, не может быть сведено к одной какой-либо частной причине, а вызывается той глубокой бездной, которая отделяет индустриальную и по тому самому сильно индивидуализированную гражданственность наших дней от не порвавшего еще своей связи с кровными союзами военно-сословного государства.

Представленный нами очерк, как мы полагаем, лишний раз доказывает, что ограничение свободы, столько же личной или гражданской, сколько и политической, стояло в прошлом в тесной связи с неравенством, порождаемым разнообразнейшими видами опеки, какие тяготели над личностью, – опеки религиозной, сословной и родовой. Происходившее отсюда неравенство подданных, сказывавшееся, между прочим, в устранении от политической жизни главного класса производителей, пребывавшего в узах рабства или крепостной неволи, сводило

¹ Аристид, по прозвищу Справедливый (ок. 540–467 до н.э.) – афинский политик и полководец; в традиционном представлении – образец государственного деятеля. В 489–488 гг. до н.э. стал первым архонтом, был изгнан из Афин на 10 лет по приговору гражданской общины (остракизм). Вернувшись из изгнания, принимал участие в сражениях с персидской армией и флотом.

² Да будет посвящен божеству (*лат.*). При посвящении подземным богам эта сакральная формула имела значение проклятия.

³ Бродяга (*лат.*).

⁴ Благо народа (*лат.*).

⁵ Благо государства, государственный интерес (*франц.*).

⁶ Ботеро Джованни (1540–1617) – итальянский монах, писатель.

к скромным рамкам ту изополитию, какой кичились наиболее демократические республики древности и о которой снова заходит речь у учителей естественного права XVII и XVIII вв. с Альгузием, Спинозой и Жан-Жаком Руссо во главе. Таким образом, подходя к вопросу с другой стороны, чем та, какая имелась нами в начале этой статьи, спрашивая себя о том, по какой причине древнее и средневековое государства слабо обеспечивали свободу личности, мы снова приходим к тому же заключению о тесной связи ее с равенством и о возможности утверждать, что там, где отсутствует последнее, нет благоприятных условий для развития личной автономии. Не мудрено поэтому, если и англичане середины XVII века, и французы 1789-го и следующих годов одинаково толковали об уравнительной свободе, сливая оба понятия – равенства и автономии личности – в одно. В таком смысле высказывались предшественники современного радикализма в Англии, так называемые «левеллеры», или уравнители, и то же на все лады повторяли одинаково и Камилл Демулен, и Кондорсе, другими словами, столько же якобинцы, сколько и жирондисты. Уравнительная свобода потому не является химерой, а положительным требованием современной гражданственности, что ею автономия личности признается не препятствием, а условием развития общественной солидарности. Все будущее человечества зависит от согласования этих двух, как мы показали, далеко не противоречащих друг другу, начал. Как бы широко ни понимали своей задачи общественные и политические реформаторы, ни один из них не может рассчитывать на проведение в жизнь своей схемы, если в ней требование общественной солидарности – справедливость не будет признано в равной степени с требованием автономии личности – свободой ее физических и нравственных проявлений. Вот почему демократический цезаризм может быть только временной и преходящей формой, вот почему и так называемая диктатура пролетариата не заключает в себе постоянного решения, и прочным порядком политического устройства могут быть только те образы правления, при которых народ обладает свободой самоопределения в такой же степени, как и входящие в состав его члены, т.е. под условием соблюдения норм права, в свою очередь являющихся вынуждаемыми властью требованиями общественной солидарности.

*Публикуется по изданию:
Вехи. Интеллигенция в России.
М., 1991. С. 269–293*

МОИСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ОСТРОГОРСКИЙ

ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ¹

1912 г.

Книга шестая Заключение

I

...Автономный индивидуум окончательно провозглашен самодержцем в государстве, и, гордый своей новой властью, он стремится непосредственно свести к себе как к источнику все взаимоотношения публичного порядка, конституционные и внеконституционные. Но, странное явление, чем больше он продвигается вперед, тем больше он приближается к своей исходной точке. Действительно, можно констатировать, что роль индивидуума в государстве сведена к минимуму: он пользуется лишь видимостью самодержавной власти, которая ему преподносится столь же торжественно, сколь и лицемерно; в действительности же он не пользуется никакой властью в деле выбора людей, которые управляют от его имени и его авторитетом; правительство является монополией; оно находится в руках класса, который, не составляя отдельной касты, является особой группой в обществе; часто даже оно олицетворяется в одном человеке, который опирается на этот класс и пользуется властью автократа, несмотря на республиканские формы государства.

Большая масса общества терпит это иго с безразличием или пассивностью, как в прежнее время, когда обществу было запрещено заниматься общественными вопросами под страхом быть объявленным мятежником. Правительство служит частным интересам в их предприятиях, направленных против общего интереса; законодательство и администрация продаются и покупаются; даже государственные должности неофициально продаются с публичного торга. Бесспорно, было бы трудно найти в истории человеческого общества более потрясающую драму крушения стольких великодушных стремлений, благородных усилий, стольких обещаний и стольких надежд. Но трагическое величие этого

¹ Книга М.Я. Острогорского была написана на французском языке («La démocratie et l'organisation des parties politiques») и впервые опубликована в Париже в 1898 г. Настоящее заключение было написано для французского издания 1912 г., где автор анализировал новые политические реалии, проявившиеся во внутриполитическом развитии европейских государств и США в 1905–1911 гг., используя новую литературу. На русском языке работа была опубликована Секцией права и государства Коммунистической академии (тт. 1–2. М., 1927–1930).

зрелища, вызывающее возгласы скорби или радости, не может остановить исследования научного наблюдателя. Виденное им внушает ему лишь ту простую мысль, что если общество, идущее к осуществлению нового идеала, находится у своей исходной точки, очевидно, что оно шло по ложному направлению. Что же касается самой цели, то она ни осуждена, ни оправдана опытом: к ней повернулись спиной.

Чтобы прийти к практическому решению, нужно прежде всего исследовать пути, на которых заблудилось общество в преследовании нового идеала, и затем наметить тот путь, который, по-видимому, должен более верно привести к цели. Наше обстоятельное исследование дало лишь возможность собрать отдельные элементы, которые помогут нам в настоящем общем обзоре различать как те, так и другие пути.

Сначала мы видим общество, стремящееся к «наибольшему счастью наибольшего количества людей», вставшее на путь избирательного режима, на который его толкала старая традиция борьбы против абсолютной власти. Представительство для подданных являлось средством обеспечения безопасности их благосостояния и их личности, и каждый шаг, сделанный в этом направлении, знаменовал собой новую победу в области народной свободы, до тех пор пока, окончательно укоренившись, избирательный режим не сделался наконец синонимом режима свободы. Благодаря этой политической эволюции создалось убеждение, приписывающее как бы мистические свойства самому избирательному принципу как таковому и превращающее в аксиому то положение, что чем шире применяется избирательный способ в государственной организации, тем больше свободы. Общество, стремясь довершить свободу, распространило всеобщее голосование, в частности в Соединенных Штатах, на возможно большее количество государственных должностей и даже на область неофициальных политических влияний. Но тогда избирательная техника сделалась до такой степени сложной, что политическое общество должно было обратиться к услугам избирательных посредников. Посредничество между народом и его многочисленными уполномоченными третьего сословия, выбор которых он лишь утверждал, свело до минимума ответственность избранных перед их, так сказать, доверителями и отдало действительную власть в руки избирательных агентов и их руководителей, которые, под предлогом приведения в порядок общественного мнения, сделались таким образом хозяевами положения.

Из этого следует сделать заключение, что действительность избирательного принципа в управлении, в противоположность общепринятому убеждению, является ограниченной: что, если однажды его границы перейдены, он уподобляется слишком натянутой пружине, неспособной дать нужного импульса, и разрушает механизм. Слишком развитая избирательная система является лишь чисто формальным атрибутом демократии, она приводит к тому, что народ вместо усиления своей власти расплывает ее: непосредственная ответственность перед народом, которую он стремится установить по всей линии, рассеивается, и, в то время как она должна царить всюду, ее в действительности нет нигде. Чтобы непосредственная ответственность по отношению к народу была реальной, необходимо,

чтобы она была сконцентрирована, чтобы она распространялась только на определенные, твердо установленные обязанности государственной власти, на законодательные функции и, во вторую очередь, на местное самоуправление. Всякое распространение избирательного режима за эти границы, на административные посты или судебные должности, может быть допущено лишь как меньшее из двух зол, например, в странах, которые еще находятся на низшей или промежуточной ступени политического прогресса, как, например, Россия или даже Германия. Там выборная администрация и правосудие могут помочь установить права и свободу, до сих пор неизвестные бюрократии, выросшей среди произвола и коррупции; они могут послужить обществу средством гражданского просвещения; они могут пробудить и поощрить интерес к слабо развитой общественной жизни; или же, наконец, служить примером для честной и способной, но заносчивой и своевластной бюрократии, представители которой легко воображают, что они сделаны из особой глины.

Мы снова приходим к тому, что прогресс политического общества не столько зависит от развития избирательного права, сколько от того, в какой мере оно может себе позволить его ограничить и без опасения доверить администрацию и правосудие постоянным чиновникам. Когда политическое общество достигло настоящей свободы, когда общественное мнение, сделавшись самодержавным, удерживает в своих руках законодательную власть, источник всякой власти располагает свободой печати, свободой ассоциаций и свободой собраний, избирательный способ, примененный к администрации и правосудию, перестает служить ему так, как он служил ему в годы роста и борьбы, и, оставшись без полезного применения, даже обращается против политического общества: он заставляет его растрчивать свои силы в избирательных маневрах, которые уже стали излишними и не имеют больше другой цели, как только растрчивать и утомлять его внимание, притуплять его моральную энергию и в конечном счете отвлекать общественное мнение от его настоящей задачи, заключающейся в том, чтобы наблюдать и контролировать органы управления.

II

К ошибочному убеждению, приписывающему избирательной системе безусловную силу, присоединилась еще другая, не менее важная, ошибка, состоящая в предположении, что применение этой системы может осуществляться само собой. Эта точка зрения непосредственно воспринята от XVIII столетия, когда охотно верили, так сказать, в автоматическое и универсальное действие моральных идей. Никому не приходило в голову, что народные выборы требуют установления предварительного согласия очень большого количества людей, согласия ума и воли. Разве всеобщее избирательное право не укоренилось в демократии с тем свойством, которое оно еще сохраняет и до сих пор и которое составляет один из самых крупных, если не самый крупный из его недостатков, а именно с присутствием ему синтеза без предварительного анализа. Ошибка была тем менее заметна, что представительная демократия была совершенно новым явлением, опыт

которого надо было еще пережить. Воспоминания о древних республиках, овладевшие умами мыслителей, так же как и государственных деятелей, не давали указаний по этому поводу. Сами основатели американской республики, которые так подробно исследовали все опасности и трудности демократического правления, казалось, никогда не задумывались над вопросом о том, как народные избиратели приступят к своим обязанностям и как они достигнут соглашения для того, чтобы выполнить окончательный акт, облакающий полномочиями их избранных. Вероятно, узкий горизонт маленьких республик, где жили авторы американской конституции, так же как и социальная иерархия, господствовавшая еще в общественной жизни, затемняли эту проблему в их сознании. Но по мере того, как ограниченное избирательное право расширялось и потребность в создании особой организации для выборов делалась все более необходимой, на сцену выступили свободные организации, создавшиеся на партийной основе. В Соединенных Штатах, а позднее и в Англии, они захватили всю предварительную и заключительную процедуру выборов с гибельным результатом для общественной жизни.

Будучи в течение долгого времени равнодушным зрителем, государство Соединенных Штатов было в конце встревожено растущими злоупотреблениями и сделало попытку урегулировать деятельность той внезаконной организации, которая была введена в политический механизм. Оно поставило первичные собрания и конвенты под наблюдение публичной власти и наконец привлекло ее непосредственно к их операциям, заставив официально руководить политическими партиями.

Партии, большие партии, были таким образом соединены с государством с сомнительной пользой для общественного блага и в ущерб элементарным принципам, регулирующим взаимоотношения между государством и гражданами. Партия по своей природе является свободным объединением граждан, которое, как и всякое другое объединение, не поддается внешнему воздействию, поскольку оно не противоречит общему закону. Государство, уважающее основные права граждан, игнорирует партии как таковые. Оно не имеет права спрашивать у членов какой-либо группировки, каковы их политические идеи и каково их политическое прошлое. Государство не имеет права ни штемпелевать политических убеждений, ни устанавливать условий, при которых этот штемпель может быть наложен. Ни в одной свободной стране не было попыток к подобному вмешательству. Только в России недавно решили установить «легальные политические партии». Прижатое к стене русское самодержавие было вынуждено в 1905 г. согласиться на видимость конституционного правительства. Но когда свобода, которая была у него вырвана в момент его слабости, вызвала к жизни политические партии, правительство решило их отсортировать путем признания безвредных для него партий и запрещения враждебных. Было создано полицейское бюро, у которого каждая партия должна была добиваться «легализации». Но русское правительство было по крайней мере последовательным: преследуя, «нелегальные» партии, оно предоставляло утвержденные партии самим себе.

Американское государство не подавляет ни одной партии, но все их регла-

ментирует. В другом месте¹ я пытался доказать, что это вмешательство государства не могло быть оправдано с точки зрения американского конституционного права и что оно было мало осуществимо. Но если даже отвлечься от этих соображений, то это вмешательство было глубоко ошибочным потому, что оно стремилось подвести под организацию всеобщего голосования такую базу, которой не могли использовать не только государство, ограниченное в своих правах, но даже свободные усилия граждан, а именно источенную червями базу традиционных партий с строгими и определенными рамками, сложившимися до появления демократии.

III

Этот старый метод, который навязывался новому обществу, одновременно противоречил как логике фактов, так и логике разума. Он был основан на теологических и еkkлезиастических концепциях. Принципы или программа партии являлись верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правочности и иноверия. Присоединение к партии должно было быть полным, нельзя расходиться с партией ни в одном из пунктов ее символа веры, так же как нельзя принимать по выбору отдельные догматы религии. Подобно тому, как церковь берет на себя заботу о всех духовных нуждах человека, партия целиком захватывает всего гражданина. «Соответствие» (conformity) с кредо партии являлось единственным правилом политического поведения; подобно религиозной вере, оно распространяло должную милость на всех настоящих и будущих ее членов. Ни одно действие партии, ни одно преступление, совершенное ею, не могло ни разрушить или подорвать ее действительной благости, ни предать ее противоположной партии: она управлялась теологическим принципом наследственного достоинства или недостойнства.

Основываясь на этих взглядах, столь противоположных современным понятиям, система партий с момента появления демократии не имела уже рационального оправдания в фактах. Непримиимые противоречия, разделявшие общество на два враждебных лагеря, стерлись после окончательного завоевания основных свобод. Новые проблемы не могли разделять умы целых поколений и создавать на стороне каждой из борющихся партий такие же постоянные связи, как раньше. В то же время проблемы сделались бесконечно более многочисленными и разнообразными: эмансипация индивидуума и дифференциация социальных условий более сложной цивилизации вызвали всюду, в идеях, интересах и стремлениях, разнообразие в единстве и своего рода непрерывное движение по сравнению с застоєм былых времен. Более многочисленные проблемы, естественно, вызвали большее число разделений, которые не могли сводиться, как раньше, к двум группировкам, но которые смешивались и взаимно скрещивались в умах тем легче, что связи, созданные прежними делениями, были ослаблены.

Это противоречие не могло быть разрешено теорией естественного дуализма

¹ Democracy and the party system in the United States. New York (Macmillan), 1910, pp. 428–430 (прим. М. Острогорского).

человеческого разума, которую выдвигали защитники этой системы, теорией, согласно которой человеческий род естественно разделяется в соответствии с двумя тенденциями – тенденцией сохранять вещи такими, как они есть, и тенденцией их изменять, откуда следует, что всегда будут существовать две постоянные партии. Без сомнения, всякая проблема может рассматриваться с двух противоположных точек зрения: одной, высказывающейся «за», и другой – «против». Но разве естественно, что одни и те же лица во всех случаях держатся всегда отрицательного взгляда, а другие – положительного? Разве благоразумно допустить, что человек, желающий сохранить установленную церковь, фатально должен сохранить грязь на улицах и на площадях, как это считал Чемберлен¹ в то время, когда он принадлежал к радикальной партии?

Приемы, которыми была введена система постоянных партий, настолько же искусственная, как и иррациональная и устаревшая в своем принципе, неизбежно должны были носить такой же характер. Так как проблемы, занимавшие общественное мнение, были многочисленны и разнообразны, было необходимо приспособлять проблемы к определенным группировкам людей, вместо того чтобы группировать людей в соответствии с проблемами. Для этой цели противоречивые вопросы были подняты на уровень системы, собраны в универсальные программы и наложены друг на друга; их тасовали, как карты, вынимая то те, то другие, и, в случае надобности, выкидывали те из них, которые вызывали непреодолимые расхождения во взглядах. И после того, как «страна высказалась», точно не знали, что же она сказала; это часто давало право оспаривать смысл голосования, так как, какое бы важное значение ни имел определенный вопрос для общественных дел, – к его решению, данному в «народном вердикте», всегда примешивались посторонние соображения. Ввиду того, что нельзя было легко установить единства в понимании сущности проблем, стремились объединить избирателей вокруг наименования партии, вокруг ее знамени и ее старой репутации. Дабы легче овладеть их симпатиями, стремились преимущественно воздействовать на их чувства, чтобы не сказать – на их страсти. Дабы заставить функционировать режим, который, казалось, должен был бы быть режимом разума, – менее всего действовали на разум.

Проникновение в партийную систему современных форм народного голосования и свободной ассоциации далеко не ослабило недостатков метода, а лишь их усилило. Прежде всего они замаскировали реакционные тенденции этой системы. Партийная система, облеченная в формы народного голосования и ассоциации, появилась в ослепительном блеске демократических принципов. Во-вторых, распространение выборов и ассоциаций на внезаконные политические отношения потребовало от граждан новых усилий: кроме многочисленных выборов, предписанных законом, которых было совершенно достаточно, чтобы сбить с толку граждан, появились выборы для назначения уполномоченных партии; кроме наблюдения за действиями конституционных представителей народа избиратели должны были еще обсуждать действия большого числа партийных представителей. Граждане не могли справиться с этой задачей, и слишком натянутая пружи-

¹ Чемберлен Джозеф (1836–1914) – английский политический деятель.

на выборного управления еще больше ослабла, вновь и еще более убедительно доказывая, что значение выборного принципа ограничено.

Принцип свободной ассоциации ни в коей мере не мог искоренить этого недостатка, так как он, в свою очередь, встретил границы, которые не мог безопасно перейти. Ассоциация, положенная в систему партий, не имела также определенных границ, она являлась как бы «интегральной» ассоциацией, похожей на ту, при посредстве которой некоторые социальные реформаторы пытались и теперь еще пытаются организовать экономическую жизнь с целью уничтожения нищеты. Я не буду здесь спорить о том, возможна ли универсальная ассоциация, в которую человек войдет со всей своей экономической индивидуальностью для того, чтобы осуществить цели своего материального существования: но в политической жизни, основанной на свободе, аналогичная ассоциация не может функционировать с пользой. Ассоциация с целью политических действий, которые являются комбинацией усилий, преследующих материальную цель, предполагает всегда наличие добровольного и сознательного сотрудничества ее членов. Как бы незначительно ни было персональное участие члена ассоциации в ее деятельности, как бы это участие ни приближалось к простой связи, – нужно, чтобы эта связь была непрекращающейся и постоянно возобновлялась в его сознании, а отнюдь не капиталом, вложенным в ассоциацию в виде, так сказать, мертвого вклада. Также необходимо, чтобы, принимая установленное общее направление, каждый член ассоциации был бы всегда в состоянии понимать ее цель и различать пределы тех обязательств, которые эта цель на него налагает.

Между тем интеллектуальный кругозор и внимание среднего человека очень ограничены, он не имеет возможности проявить их в широком масштабе или на перспективе, пересекаемой различными точками зрения; он может лишь охватить действия, либо ограниченные узкой сферой, как, например, городом, либо действия, хотя и ограниченные более широкой сферой, но зато имеющие всегда лишь один-единственный и видимый всем объект. Если он переходит эти границы, его взор затуманивается, его внимание рассеивается и утомляется, и если он будет продолжать следовать в указанном направлении, то он это будет делать совершенно пассивно. Не являются ли также члены политической группировки, преследующей различные цели, всего лишь противопоставленными друг другу единицами? Сведенные к пассивному сотрудничеству, они черпают свои силы не в разумной ассоциации, которая возвышает души и, объединяя, сливает их, но в корпорации, в этой низкой форме солидарности, объединяющей путем исключения, в которой скрепляющим цементом в меньшей степени служит взаимная привязанность, чем презрение или ненависть к другим, или, по крайней мере, фарисейское удовлетворение быть непохожим на них; такое объединение не столько развивает коллективное сознание, сколько гордость и коллективное самолюбие, руководящее всеми поступками и преобладающее над всеми другими соображениями, не исключая забот о правде и справедливости. На всем протяжении нашего исследования партийная система постоянно являлась непрерывной демонстрацией конкретных результатов универсальной ассоциации в области политической деятельности.

IV

Демократизированная лишь с виду, партийная система свела политические отношения к чисто внешнему единообразию. Этот формализм дал возможность усилиться слабостям, присущим демократическому управлению, и уменьшил его силу.

Первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Однако большая масса, естественно, пассивна. Положение Монтескье, который приписывает демократии в качестве «принципа» или «пружины» добродетель, совершенно ни на чем не основано в действительности. Во всех демократиях, малых или больших, добродетель является лишь идеалом, понятие о котором усвоено более или менее ясно, но который нигде не господствует на практике; и совсем незаметно, чтобы его осуществление было близко или даже возможно. Построенное довольно убедительно на основе механической ассоциации идей – республика, античность, Плутарх, добродетель, – положение Монтескье не стало более правильным в той исправленной формулировке, которую он дал, сводя добродетель авторов «моральной добродетели и христианской добродетели» к «политической добродетели» или, как мы скажем на современном языке, к общественному сознанию. «Политическая добродетель» должна заключаться, по последнему определению Монтескье, в любви к родине, т.е. в любви к равенству. Но если она достигает высокой степени интенсивности, то одно чувство «любви к родине» не может «привести в движение республиканское управление». Самый подлый гражданин может позволить себе роскошь питать любовь к родине. Доктору Джонсону¹ не нужно было жить в наше время, когда «патриотизм» сделался, по выражению Нордау, «условной ложью цивилизации», для того чтобы определить его как последнее убежище негодяя (the last refuge of scoundrel). Не в большей мере способна также и «любовь к равенству» дать народному сознанию пищу, которой могла бы жить демократия. Демократия не может быть спасена одной только верой, подобно тому, как спасаются верующие некоторых религий; первенствующее значение имеют дела. Общественное сознание должно быть деятельным, т.е. воинствующим: гражданин должен быть всегда на страже, со взглядом, устремленным на общественное дело, и готовым отдать ему без всякой заинтересованности свое время и свои усилия. Но этого общественного сознания не хватает всем демократиям, которые мы знаем, и, вероятно, даже они глубоко неспособны постоянно проявлять его, поскольку, по крайней мере, это касается демократических обществ англосаксонской или латинской расы. Общественное сознание пробуждается в них лишь порывисто и спазматически; это – приступы внезапной и часто бурной гражданской добродетели, подобные тем вулканическим извержениям, которые извергают огонь и пламя, но оставляют после себя лишь лаву и остывшую грязь.

Можно было бы даже сказать, что из всех недеспотических режимов демократический режим менее всего способен к пробуждению народного сознания в условиях современной цивилизации. Последняя, все более и более усложняя

¹ Джонсон Сэмюэль (1709–1784) – английский писатель.

жизнь, сделала частные интересы, заботы и развлечения как материального, так и нематериального порядка более многочисленными и напряженными. Точно так же и гражданин, который является прежде всего человеком, естественно побуждается своим эгоистическим инстинктом приносить в жертву поглощающим его заботам о своем собственном существовании и другим личным потребностям интересы государства, которые представляются ему более отдаленными и менее необходимыми, если только вообще эти заботы не являются для него совершенно безразличными. Чем большее количество людей привлекается в современном обществе к государственным делам, тем меньше интерес к общему благу, и платонический интерес выигрывает только в смысле своего распространения. Гражданин едва хочет и может отдавать государственным делам свое свободное время. Наоборот, режим просвещенного абсолютизма, опирающийся на образованную и честную бюрократию или на такую парламентскую аристократию, как та, которая так долго управляла Англией, находится в более благоприятных условиях для развития гражданского сознания. Закон разделения труда, который препятствует развитию гражданского сознания в демократии, способствует этому развитию при недемократическом режиме. Здесь он дает возможность тем, кто на том или другом основании осуществляет власть, свободно отдаться государственным делам и слить свои интересы, свое самолюбие и свои моральные стремления с желанием возможно лучше выполнить свой общественный долг. Им даже не нужно вдохновляться чистым сознанием долга: занимаются ли они общественными делами потому, что считают это призванием высшего социального класса и видят в этом дело своей чести, делают ли они это из дилетантства или же, наконец, из бескорыстной любви к спортивным переживаниям, более или менее широко понятый общественный интерес не остается в пренебрежении.

К экономическим и социальным условиям, отвлекающим внимание гражданина от общественных дел и усыпляющим его бдительность, в демократиях присоединяется еще крайняя доверчивость, внушенная обладанием неограниченной власти. Будучи членом самодержавного народа, каждый гражданин, сознательно или бессознательно, относит к самому себе несокрушимую силу народа, которая делает излишними все заботы об общественном благе. Он воображает, что сможет всегда своевременно вмешаться, чтобы внести порядок в дела, если это понадобится. Он себя убеждает в том, что ему достаточно, как римскому императору, стукнуть ногой об землю, чтобы оттуда вышли легионы, или же он повторяет более современную фразу оратора трибуны, которую мы уже знаем: «Когда американский народ поднимется в своем могуществе и в своем величии». У рассудительного или благочестивого властелина или господствующего класса увлечение властью может быть умерено боязнью того, что в один прекрасный день народ, обиженный в своих интересах или в своих правах, начнет сопротивляться. Но при демократии властелины и народ составляют одно целое. Как бы ни была тягостна мысль об отсутствии в демократии деятельного общественного сознания, – нужно откровенно признать этот факт и учесть его в политической организации с тем, чтобы его по возможности исправить, благоприятствуя всему тому, что помогает развитию общественного сознания, и избегая всего того, что

ему мешает. Таким образом, первой проблемой, которая встает в демократической практике, является: как организовать политическую деятельность таким образом, чтобы развить непосредственную и регулярную деятельность у граждан, чтобы возбудить индивидуальную энергию и не дать ей заглохнуть? Партийная система дала разрешение этой проблемы: граждане должны выбрать партию, отдать ей навсегда, предоставить ей все полномочия, и она позаботится о том, чтобы им дать желаемый импульс! Будучи предложено гражданам со всей видимостью политического благочестия, это решение имело у них успех, и они смогли со спокойной совестью погрузиться в свою обычную апатию. Их эгоизм, усиленно питаемый промышленной цивилизацией нашего времени, нашел себе, так сказать, оправдание в их собственных глазах и мог прикрыться маской общего интереса. Отдавшись более или менее сознательно этому чувству, они распространили в окружающей атмосфере политическое лицемерие, при котором искренняя преданность общественному делу блекнет и погибает. В особенности это произошло с тем классом общества, который является рассадником всякого лицемерия: с буржуазией или *better element*¹, как говорят в Соединенных Штатах. Она возвела политическое безразличие в добродетель, и эта пассивность, наряду с невежеством народных масс, повела к уничтожению сознания общественного долга.

V

В то время как условное понятие партии усыпляло гражданское сознание, которое должно заботиться о государстве, оно овладело силой социального запугивания, которое является высшей силой демократии. Эта сила, заключающаяся в том, чтобы принуждать всех к выполнению своих обязанностей силой закона, так же как и силой общественного мнения, является регулирующей силой всего управления. Проявлять власть – это нечто иное, как только запугивать, применять моральное принуждение для того, чтобы заставить себе повиноваться. Деспот применяет ее так же хорошо, как и республиканский министр: его материального могущества было бы недостаточно, так как оно свелось бы к его мускульной силе. Сила запугивания, управляющая политическим обществом, является полной только тогда, когда она господствует над всеми его членами, над управляющими так же, как и над управляемыми. Она действует самой идеей силы, которой она обладает, силы материальной или моральной, без того, чтобы было необходимо ее реальное выявление. Ее эффективность зависит в первую очередь от значительности той силы, которой она располагает или которую она собой представляет. Но она не может быть чисто материальной, даже когда дело идет о грубой силе: число рук, на которые опираются, является существенным, но не решающим, так как сами эти руки подчиняются сознанию и рассудку, и надо, чтобы этот рассудок и это сознание поддались запугиванию. Из всех режимов демократическое управление является тем, которое в наибольшей степени соединяет в себе эти условия, по крайней мере, поскольку это касается политических форм. Так как все граждане призваны к управлению государством и так как власть непосред-

¹ Лучшая часть (англ.).

ственно исходит от всей нации, то она имеет в своем распоряжении максимум грубой и моральной силы.

Демократический режим и режим, при котором наилучшим образом может укорениться власть социального запугивания, являются, таким образом, эквивалентными понятиями. То, что условились рассматривать в качестве демократических принципов, в действительности является лишь применением в организации общественного порядка принципа социального запугивания. Участие всех граждан в управлении не имеет другой реальной базы, кроме необходимости предоставления каждому члену общества защиты его личности. Если имеется категория граждан, лишенных права участия в управлении, как могут они заставить уважать себя тех, которые пользуются правом управления государством и которые могут повернуть это право против них? Этого рассуждения достаточно, чтобы признать в принципе политическое избирательное право за каждым гражданином. Бесполезно искать оправдание этому в естественном праве или в каком-либо другом мистическом праве народа. Пользуясь словами Лапласа, я скажу: «Я не нуждаюсь в этой гипотезе»¹. Когда речь идет о переходе к применению всеобщего голосования в данной социальной среде, я спрашиваю только, способны ли личности, о которых идет речь, запугать управителей? Если это дети или взрослые, которые еще находятся в состоянии политического младенчества, ответ ясен: сколько бы им ни предоставить избирательных прав, можно будет играть ими с абсолютной безнаказанностью.

Если говорят, что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей. Действительным вопросом в данном случае является вопрос о том, способны ли они запугивать и в какой мере они на это способны. Что массы в большинстве современных демократий способны серьезно запугивать управителей, это вне всякого сомнения. И именно благодаря этому мог быть осуществлен серьезный прогресс в обществе; плохо ли, хорошо ли, но управители вынуждены считаться с народными нуждами и стремлениями. Большим затруднением теперешнего политического положения является то, что еще малообразованные и недостаточно сознательные массы недостаточно запугивают политиков. Таким образом, широко распространенное массовое образование и способность масс к высказыванию своего мнения имеют в политической жизни в меньшей степени непосредствен-

¹ Высказывание французского астронома Пьера Лапласа о Боге.

ное значение, – исключая, разумеется, их значение для более сознательного выбора своих уполномоченных, – и в большей степени необходимы для лучшего запугивания тех, кто управляет от имени народа и спекулирует на недостатке его проникательности. Эти управители будут вести себя иначе, если им придется иметь дело с более образованными избирателями; они их будут больше запугивать. Вот почему вдвойне важно в демократии поднимать интеллектуальный и моральный уровень масс: вместе с ним автоматически поднимается моральный уровень тех, которые призваны стоять выше масс.

То, что было сказано в отношении всеобщего голосования, не менее правильно также и в отношении других принципов современного государственного строя. Все политические свободы: свобода печати, право собраний, право ассоциаций и гарантии индивидуальной свободы, на которые опирается всеобщее голосование и которые рассматриваются как гарантии свободы, являются лишь формами или орудиями власти социального запугивания, защитой членов государства против злоупотребления силой. Так же обстоит дело с основными принципами организации государственной власти: выборной системой назначения на руководящие должности в государстве, разделением властей, публичностью действий государственной власти, начиная с парламента и до низших судебных органов и т.д.

Однако эта власть социального запугивания была подорвана со всех сторон политическим формализмом, введенным партийной системой, и этот формализм мешает ей укорениться со всей своей силой. Вообще можно сказать, что партийная условность вырвала у граждан оружие морального принуждения и повернула его против них самих. Они покорно голосуют за «желтую собаку» потому, что она носит цвета партии; они пассивно терпят беспорядки общественной жизни потому, что эти беспорядки покрыты флагом их партии. Пиратам, которые их причиняют и которые ими пользуются, приходится лишь размахивать перед правоверными членами партии пугалом политического иноверия. Вместо того чтобы запугивать, члены самодержавного народа сами запуганы. Без сомнения, в любой момент народ может проснуться от своего гипнотического сна и, вернув себе путем простого применения демократических установлений свою власть, заставить почувствовать ее непреодолимую силу. Но не является ли первым условием реального проявления власти ее постоянство? И если она проявляется лишь периодически, то очевидно, что она этим очень ослабляется. Самый характер действия этой власти является очень изменчивым: она проявляется только после какого-либо толчка, а это значит, что она, скорее, карает, чем запугивает. Мы могли это констатировать, в частности, в Соединенных Штатах, при рассмотрении условий, при которых действует общественное мнение. Точно так же я должен был установить разницу между репрессивной и предупредительной властью общественного мнения и показать, как эта последняя, способная осуществлять идеал демократии, – именно потому, что она использует высшую степень социального запугивания, очень часто оказывается поставленной в такое положение, когда она не может проявить себя.

И тогда власть социального запугивания сводится только к репрессии, к народному гневу, которого надо бояться, власть социального запугивания оказыва-

ется ослабленной не только, так сказать, количественно, но также и качественно, и с ней вместе уменьшается также могущество демократического режима. И действительно, различные политические режимы отличаются друг от друга по характеру того страха, который внушает эта власть. В противоположность теории Монтескье, который определяет страх как «пружину» или «принцип» деспотического управления, он является регулирующим принципом всякого управления, так как всякое управление основано на принуждении. При деспотическом управлении, в котором царит произвол, страх, внушаемый властью, формально является грубым страхом перед наказанием и материальными лишениями, в то время как при управлениях, в которых царит закон, страх этот способен постепенно облагородиться до такой степени, что превращается у избранных в страх перед моральным падением в случае неудовлетворительного выполнения своего долга в отношении общественного блага. Такая эволюция чувства страха в отношениях между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, заменяет собой общий прогресс политического общества и цивилизации. Демократический способ управления предоставляет наиболее благоприятные условия для такой эволюции. Но она задерживается, когда отношениями между народом и его уполномоченными управляет грубый страх, и в таком случае сила общественного мнения в условиях полной демократии имеет тенденцию оставаться преимущественно в состоянии грубой силы.

Перевод с французского А.М. Демьяновой

*Извлечение публикуется по изданию:
Острогорский М.Я. Демократия и политические партии.
М., 1997. С. 540–553.*

МИХАИЛ ОСИПОВИЧ МЕНЬШИКОВ

КОГО ВЫБИРАТЬ В ПАРЛАМЕНТ¹

1912 г.

I

2 августа

Одни с радостью, другие с печалью сообщают о глубоком равнодушии избирателей к предстоящим выборам. Мне кажется, это явление очень грустное, но вполне естественное. Очень грустно, что мы были и остаемся неполитическим народом, ибо это вещь прежде всего опасная. В наше время нельзя быть великой державой без морального в этом участия нации. Нельзя безнаказанно страдать политической анестезией, потерей государственной чувствительности и соответствующих ей рефлексов. Пониженное состояние нашего политического инстинкта уже навлекло на Россию роковые беды. Триста лет назад это пониженное состояние позволило допустить гибель династии, нашествие иноплемеников, захват столицы, и Россия, конечно, погибла бы, если бы подъем государственного сознания в северных городах не заставил народ наконец восстать против нашествия. Двести лет назад нашествие Карла XII² было отражено, но зато наши предки потерпели своего рода внутреннее нашествие, когда Петр I открыл двери инородчине и беспощадно ломал наши древние учреждения, отменяя земский собор, патриаршество, боярство и пр., и пр. В стране с повышенным политическим чутьем подобный реформаторский погром был бы едва ли возможен. Сто лет назад мы опять пережили чудовищное внешнее нашествие с истреблением столицы. Его можно бы избежать или дать отпор неприятелю у рубежа, если бы в стране бодрствовало политическое сознание. Наконец, в наши годы разве японская война со всеми ее ужасами не могла быть предотвращена, если бы Россия видела, куда она идет? Даже в неизбежном столкновении не одерживает ли верха из сторон, которая замечает катастрофу несколько раньше противника и успевает подготовиться к ней?

Мы всегда были слепы и до сих пор не вышли из опасного состояния нации с завязанными глазами. К добру это не приводило и не приведет. Вот почему злорадство некоторых будто бы правых изданий по поводу предвыборного равнодушия я считаю неумным и недостойным. Чему ж тут радоваться, господа? Радоваться

¹ Впервые опубликовано в петербургской газете «Новое время».

² Карл XII (1682–1718) – шведский король (с 1697 г.).

тому, что у нас опять недостает гражданского чувства долга и что мы всей необъятной массой собираемся не выполнить наших государственных обязанностей или выполнить их крайне плохо? Но ведь невыполнение обязанностей есть преступление, и чем более стихийные размеры оно принимает, тем хуже. Вы скажете: выбирать своих представителей в законодательные палаты не обязанность, а право, ибо за отказ от него не полагается никаких взысканий. Но это совершенно неверно. Есть священные обязанности, за неисполнение которых вы тоже не несете наказаний – например, обязанность воспитывать детей в духе благочестия и гражданского долга. И есть права, которые непременно должны быть осуществлены, чтобы быть правами. Что выбор представителей в парламент не частное только право, а и государственное, что не только мы в этом заинтересованы, а и государство – это легко понять из следующего. Представьте себе, что все избиратели отказываются от выборов, что все они «бойкотируют» парламент. Такая стачка повела бы к параличу законодательных палат, то есть самого законодательства. Разве это не было бы равносильным государственной катастрофе? Избирая новую династию 300 лет назад, наши предки осуществляли не только свое право, но и обязанность. Что было бы с Россией, если бы они посмотрели на это избрание лишь как на право, от которого можно отказаться?

...Дума – единственная острастка против испытанного веками бюрократического бедствия и произвола. Исчезни Дума – и страна снова впадет в летаргический сон, когда в организме народном действуют лишь элементарные функции – питания, кровообращения и т.д. Но ведь факты вчерашнего дня, глубокие раны отечества, еще не зажившие, доказали, что в наш век нельзя пребывать в политической летаргии. *Нас раздавят*, нас разорвут на куски, как живую добычу, не способную к сопротивлению, если мы не встряхнемся вовремя. И правые, и левые (я говорю о крайних), проклиная Государственную думу, охотно идут в нее и даже не отказываются получать с нищего народа генеральское содержание в качестве депутатов. Они отрицают Государственную думу, указывая бесчисленные ее несовершенства. Но разве можно, господа, отрицать все то, что несовершенно? Если у вас плохие глаза – не отрицаете же вы вовсе свои плохие глаза. Вы стараетесь их вылечить, поставить в условия, благоприятные для наилучшего зрения. Или если поле у земледельца плохо – не отрицает же он вовсе своего поля, а начинает, не теряя минуты, удобрять его и хорошенько распахивать. Скажите по совести, пробовали ли мы поработать над плохой Государственной думой, чтобы сделать ее удовлетворительной, а затем и хорошей? В течение последних пяти лет, сколько мне известно, не было к тому никаких ощутительных попыток, а, напротив, были серьезные попытки ее испортить – и справа, и слева, и снизу, и сверху. Обе крайние партии оскандалили Государственную думу своими неприличными выходками, низведя законодательную палату на степень низкосортного публичного заведения, избегаемого порядочной публикой. При всей падкости на скандал даже высших столичных классов, я думаю, ни одна достойная мать не поведет свою дочь-подростка в общество, где мужчины переругиваются площадными, а иногда даже непечатными словами.

Опорочивая самую первичную, так сказать, порядочность законодательного

собрания, разве г[оспо]да крайние обоих крыльев совершенствуют Государственную думу, а не роняют ее и без того с невысоких подмостков? Снизу та же несчастная Государственная дума подтачивается бездельем и равнодушием всегда отсутствующих депутатов. Сверху та же Дума ослабляется соблазнами окладов, должностей и отличий. В общем, мы, кажется, все делаем для того, чтобы зачаточное и несовершенно учреждение вышло как можно хуже, и затем начинаем на него жаловаться, приглашать к бойкоту его.

Теперь предстоит избрать новую по составу Государственную думу, и мне кажется, все благомыслящие граждане должны равнодушие свое счесть государственным предательством, пассивным, но гибельным для Родины. Все честные люди (с нечестными говорить бесполезно) обязаны отнестись к выборам как к вопросу прежде всего личной чести и не обойти их невниманием потому только, что это общее дело. Я говорю о личной чести, так как вы ведь сочли бы долгом чести защищать права своей жены, сестры, дочери, матери. Но тут речь идет о более высоком существе – Родине, права которой должны быть для вас еще более священными. Родина устами Основного Закона призывает вас один лишь раз в течение пяти лет к исполнению великого долга, к избранию законодателей, – и вы малодушно уклоняетесь, отговариваетесь своею ленью и невежеством: да какое мне дело, да я никого не знаю, да мне никаких представителей не нужно и пр. Ну что ж, если совесть ваша вам позволяет, то отказывайтесь от гражданской обязанности, но помните, что в нравственном отношении это государственная измена. На вас, как и на каждого из миллионов граждан, отечество рассчитывало, что вы явитесь в этот трудный час истинным сыном своей Родины, истинным гражданином, а вы поступаете как захвативший в страну иностранец, которому все равно, пропадет наше государство или не пропадет. Ну что ж, прячьтесь за спины соседей, сваливайте свою обязанность на их плечи. Этим вы только докажете, что напрасно великая мать-Россия с незапамятных времен вынашивала весь род ваш, оберегала и заботилась о вашей безопасности: в трудную минуту вы ей изменили.

Я считаю минуту выборов в Государственную думу очень трудной и необыкновенно важной. Ведь все зависит оттого, как смотреть на вещи. Если смотреть на них не сознанием гражданина, близким к религиозному, а обывательски-легкомысленно, то ничего не стоит записать в список первых попавшихся кумовей и сватов. А то и писать не надо: кумовья и сваты за вас составят партийный список и всунут вам в руки. Нечего и читать – опускай бумажку в избирательный ящик, вот и все. Раз не меня выбирают, то не все ли мне равно – что ни поп, то батька и т.п. Нет, господа, *не все равно*, далеко не все равно! Когда вы собираете грибы, то далеко не все равно, все ли их класть в корзину или избегать червивых и ядовитых. И по закону, и по совести, и по разуму вы обязаны делать строгий отбор и посылать в Государственную думу только лучших людей из лучших – наилучших. Именно в этот торжественный час страна решает, есть ли у нее аристократия и какова она. Под словом «аристократия» я, как всегда, разумею не ту, которая числится таковой на бумаге, а действительную аристократию, то есть людей выдающейся совести, выдающегося ума и таланта, выдающейся энергии, выдаю-

щегося знания дела. Для обдумывания государственных дел нужны не кое-какие полупочтенные господа, а действительно почтенные, действительно способные подумать о всяком серьезном предмете с углублением в него и со всеми соображениями, какие дают здравый смысл, жизненный опыт и специальное изучение дела. Именно в этот ответственный и трудный час решается, пройдет ли в законодательную палату совесть народа и его талант или бессовестность и бездарность, кто будет предписывать законы великой нации: истинная аристократия или фальшивая.

Кого же выбирать в парламент? Как человек, немало потрудившийся в течение этих пяти лет над созданием национальной партии, я, казалось бы, был обязан убеждать своих соотечественников избирать одних националистов. Но я всем сердцем советую этого не делать. Между националистами есть безукоризненные люди, умные, талантливые, энергичные (не говоря об их патриотизме), и если вы знаете таких, то выбирайте прежде всего их. Но между националистами могут встретиться, как и во всякой партии, люди не выдающегося ума, недоказанного таланта, не проявленной ничем энергии, не вполне испытанной независимости – и таких вы не выбирайте. Одна принадлежность к какой угодно партии равно ничего не решает. Партийная программа есть приблизительно намеченная цель, но следует удостовериться, способны ли люди достигать каких-нибудь целей и ясно ли они сознают их. В христианском государстве все преступники – христиане, но от этого государству не легче; может быть, ему легче было бы, если бы они были добродетельными язычниками. Выборы в парламент должны быть прежде всего индивидуальными, а затем уже партийными. Я лично, если мне будет предоставлено право выборов, решил поискать в том городе, где живу, вполне безупречных националистов и им отдать свой голос. Если таковых найдется меньше, чем нужно, я поищу вполне безупречных «правых», затем вполне безупречных октябристов и, наконец, при всем отвращении к кадетской партии, если бы я встретил вполне безупречных кадетов русской крови, то при недостатке более мне единомышленных людей я подал бы голос даже за таковых кадетов. Партийному разномыслию с ними я придаю серьезное значение, но я настолько верю в природу совести и таланта, что наличие последних служило бы для меня достаточным обеспечением: совершенно невозможно, чтобы русские по крови люди, да еще честные и талантливые, могли бы при каких-либо условиях изменить России. А стало быть, в крайнем случае я мог бы вручить им представительство русских интересов, несмотря на принципиальное разномыслие. Во всяком случае, честный и даровитый консерватор, как и честный и даровитый радикал, мне кажется, менее опасны в Государственной думе, нежели сомнительный в своих отношениях националист, и я первых предпочел бы второму. Я не хочу, конечно, сказать этим, что отрекаюсь в чем-либо от основных принципов своей партии, но хочу только напомнить, что под всеми *политическими* партиями должна разыскиваться более глубокая, более общая партия – *нравственная*, партия людей чести и таланта, которые в силу этих свойств не могут не быть истинными патриотами. Единственно, за кого я не подал бы своего голоса, – это за преступные партии, а также за враждебных России инородцев. Такими я считаю только тех

инородцев, которые заводят в Государственной думе свои особые национальные гнезда – еврейское, польское, литовское, татарское и пр. Есть инородцы нейтральные и даже дружественные России – тех надо и учитывать как таковых.

После избрания царя на царство, избрание своих законодателей, хотя бы временных, есть величайшее из таинств политической религии, и к нему нужно приступать с «верой, благоговением и страхом Божиим», то есть с глубоким сознанием важности совершаемого поступка. Выбирая *лучших* из своей среды, каждый гражданин приносит Отечеству драгоценнейшее, что у него есть. Но тут нужно руководствоваться больше нравственным критерием, нежели партийным, – нужно выбирать не политиков, а аристократов (в моем смысле), и только тогда политика у нас будет высокая, а не низменная. Вспомните, как в самой природе слагалась древняя аристократия. Основатели благородных родов не имели ни гербов, ни грамот, но они обнаруживали наличие подлинного благородства, подлинного таланта, подлинного героизма. Они потому были признаны стоящими выше толпы, что действительно были выше ее. Ищите же и теперь этих действительно высоких, и они от вашего имени не совершат ничего низкого. Как и перед предыдущими выборами, я утверждаю, что великое существо – нация имеет право на то, чтобы представители ее представляли ее величие, то есть являлись в Государственную думу с государственным достоинством и независимостью. Если это так, то нельзя выбирать в члены Государственной думы людей с мелкими характерами, людей вздорных, нестойких, способных подслуживаться, идти на соблазн. Россия переживает очень тяжелую эпоху своей истории. Никогда еще, с времен незапамятных, она не была так унижена и обеславлена, никогда ее оборона не была столь плачевно ослаблена, и никогда еще народ не переживал такой шаткости духа, как теперь. Если что может поднять Россию, то это появление во главе всякой власти (законодательной, судебной и административной) людей исключительного таланта и патриотизма. Что было бы с Японией, если бы она 40 лет назад не нашла таких людей! Об этом можно догадываться. Но что стало с Японией, *нашедшей* таких людей, – это для всех видно. Хотя из народа же подбираются суд и правительство, но участие народа в этом подборе стеснено. Тем необходимее дорожить возможностью избирать своих законодателей. Именно через парламент народ может освежить свою государственность наплывом не наемников, которым «все равно», а истинных стоятелей за правду. Таких и выбирайте!

II

4 августа

Из людей нравственно безупречных и умственно достаточно сильных выберите прежде всего националистов...

Народное представительство должно... вовремя отстоять Россию от внутреннего завоевания. Пользуясь нашим численным преобладанием, мы должны послать в Государственную думу не только русских людей, но таких русских, у ко-

торых государственное и национальное сознание уже проснулось и ясно видит грозные тучи, нависшие над нашим племенем. Инородческому напору должен быть дан отпор, и это почти такая же критическая необходимость, как война с иноземцами, если они наседают на нас. Такова главная, как я понимаю ее, задача Всероссийского национального союза, впервые выступающего на выборы в Государственную думу уже организованной партией...

III

7 августа

Первое требование к депутату – личный аристократизм, то духовное благородство, которое, в конце концов, является единственной гарантией добросовестности со стороны безответственных законодателей. Второе требование – русский национализм, хорошо понятый, то есть доведенная до инстинкта верность своему народу. Третьим требованием к депутату я поставил бы *государственность* его. Решительно необходимо, чтобы в Государственную думу выбирались люди с политическим развитием, а не просто полупочтенные обыватели, которым ни до какого государства на свете нет ни малейшего дела. Тип подобных милостивых государей у нас крайне распространен, и, может быть, потому именно времена Рюрика все еще тянутся: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». В каждом уездном городе, в каждом захолустье, где люди наперечет, подавляющая масса *граждан* у нас только *горожане*: инстинкты древней высокой жизни, инстинкты гражданственности, как она понимается в исторической науке, у нас давно выродились. В течение долгих веков они отмирали вследствие неупотребления. Тяжким гнетом полицейско-бюрократической системы эти инстинкты вытравились, преследовались как нечто враждебное власти (да и в самом деле они были враждебны той бюрократической власти, которая была отрешена от народа). Но, к счастью для России, до полного гражданского обезличивания дело все-таки не дошло. Когда почувствовалась глубокая фальшь бюрократического порядка, бессильного при всей его жестокости, и образованное общество, и народ постепенно отодвинулись от него, отошли от него сердцем и сознанием. Когда же при столкновении с внешними врагами нация почувствовала уже трагическую опасность чиновничьего бессилия, она захотела более здоровой, более твердой власти – и явилось на свет так называемое *народное представительство*.

На Государственную думу нельзя смотреть иначе как на новый фундамент, подведенный под одряхлевшее здание государственности. Представители народа вызываются не для борьбы с властью, а для ее поддержки, но для поддержки, однако, не слабых сторон чиновничества, не его бездействия и злоупотреблений, а в качестве опоры верховной власти во всех ее державных заботах. Как армия вызывается из того же народа для защиты престола и отечества, так представители народа вызываются для обсуждения законов и надзора над чиновничеством. Обе законодательные палаты называются *государственными* потому, что они неотделимы от интересов государя и государства и только государственности одной

и служат.

Если известная часть нашей бюрократии, помня свои «прекрасные дни Аранжуэца», из всех сил пытается приспособить Государственную думу к служебной в отношении себя роли, то это следует осудить как противогосударственное покушение. Существует Основной Закон, утвержденный верховной властью, где Государственная дума и Государственный совет поставлены *совершенно независимо* от администрации как особая, подчиненная только монарху законодательная *власть*.

Об этой независимости необходимо твердо помнить и осуществлять ее во всем объеме Основных Законов. Сколько бы иным чиновникам, привыкшим к самовластию, ни хотелось вернуться к узурпации ими государственных прав, все их хотения этого рода и попытки должны считаться преступными, ведущими к новой смуте.

Пока Основные Законы не отменены, они суть священнейшие из законов, в которых положены заветы нации и начала, оберегающие одинаково трон монарха и соху последнего из подданных. Колебать подобные устои, мне кажется, всегда есть акт революционный, откуда бы он ни направлялся. Ни *отменить* Государственную думу, ни *подменить* ее негосударственным составом нельзя без огромного риска променять какой ни на есть теперешний порядок на анархию, примеры которой еще свежи в памяти.

Вот почему я придаю мало веры слухам, будто одно ведомство перед другим старается «повлиять» на выборы в IV Государственную думу в том направлении, чтобы эта Дума вышла как можно менее государственной. В.К. Саблеру¹, например, приписывают «адский» план провести в IV Государственную думу две сотни священников и два десятка епископов. Мне совестно даже навести справку у Владимира Карловича, правда это или нет. Почтенный обер-прокурор Синода при всех нареканиях на него, часто грубо несправедливых, всегда считался человеком тонкого ума и большого государственного опыта.

Можно ли ему хоть на минуту приписать план, совершенно нелепый по существу? Ведь с таким подавляющим преобладанием одного лишь, притом самого маленького у нас, сословия законодательная палата окажется уже явно самозванной, не государственной и не народной; она явится не только посмешищем всего света, но главное – посмешищем всей России.

Есть звания почтенные – например, доктора медицины, но нельзя же половину парламента делать из докторов. Все согласятся, что от такого парламента будет пахнуть больше госпиталем, нежели политическим учреждением. Звание священника, *достойно носимое*, я глубоко чту.

Может быть, нет призваний более благородных в обществе, но нельзя же призвание священников профанировать совсем неподходящей ролью. Как я уже имел честь не раз доказывать, *священникам совсем не место в парламенте* – им место в храме и около погибающей человеческой души. Вселенскими соборами решительно запрещено духовенству принимать какое-либо участие «в народных

¹ Саблер (Десятковский) В.К. (1845–1929) – товарищ обер-прокурора (в 1892–1905 гг.) и обер-прокурор (в 1911–1915 гг.) Святейшего синода.

правлениях»¹, в делах светской власти, и виновные в нарушении этого правила подвергаются самым тяжким церковным карам. Царство иерея, изображающего в храме самого Христа, «не от мира сего». Вне храма священник – апостол, ибо вместе с рукоположением, передаваемым от апостолов, несет и их безмерную власть «вязать и решить». Апостолам же заповедано проповедание Евангелия, а не политические споры на самые разнообразные житейские темы, часто нечестивые по существу. Апостолам заповедано служить не двум господам, а лишь одному – Христу. Неужели христианство наше такая пустая вещь, что пастыри вправе побросать свои духовные стада и епископы – свои епархии, чтобы давать свои советы в политических вопросах, в которых они чаще всего совершенно не сведущи?

Допущение священников и епископов в члены наших законодательных палат есть одна из серьезнейших ошибок действующего положения. Эту ошибку не следует усугублять массовым привлечением духовенства, а, наоборот, следует, насколько возможно, ослаблять. Нельзя же, в самом деле, духовенству выходить из повиновения отцам Церкви и вселенским соборам, нельзя подавать своей пастве пример измены православию из-за суетного звания «член Государственной думы» или из-за генеральского оклада, присвоенного этому званию. Мне кажется, если население того или другого округа добровольно выберет батюшку своим представителем в парламент и батюшка согласится на это, то он, конечно, должен быть допущен в парламент, но лишь с необходимой поправкой: он должен снять с себя сан священника. Святейший Синод, как блюститель веры, обязан применить к таким священникам правила святых отцов, совершенно бесспорные. То же, конечно, относится и к епископам, которым сверх указанного правила канонически запрещено покидать свои епархии на срок свыше нескольких недель. Если бы в русском парламенте после этих поправок оказалось двести или двести пятьдесят расстриг, то едва ли народ назвал бы такое представительство народным. Из такой кучи расстриг, может быть, несколько человек оказалось бы с государственным талантом: такие не проиграли бы, снявши сан, а самая идея народного представительства была бы спасена от подделки.

Опыт III Государственной думы показывает, что в подавляющем большинстве священники в парламенте совершенно бесполезны. Они не только не сведущи в делах мирского законодательства, но всей жизненной подготовкой не приспособлены к этой роли. И в думских комиссиях, и в общем собрании это люди без лица, без определенных взглядов, без политического характера, без той политической заинтересованности, которая так необходима депутату и которая так нейдет священнику. Только радикальные батюшки выступали иногда с политическими те-

¹ Автор ссылается на 81-е Апостольское правило, где запрет относится к епископам и пресвитерам: «Не подобает епископу, или пресвитеру вдаваться в народные управления... Или да будет убежден сего не творить, или да будет извержен...». В начале XX в. в России пресвитер – почетное звание белого духовенства, присваивавшееся в соответствии с определенными правилами. В России православные священники традиционно принимали участие в деятельности выборных властных структур: земств, городских дум и, впоследствии – Государственной думы. Послание Святейшего синода от 12 декабря 1906 г. в связи с началом кампании по выборам в Государственную думу, предписывало «призвать православное духовенство к деятельному участию и пастырскому руководительству своих пасомых в деле выбора достойнейших народных представителей в Думу». В первую Думу было избрано 16 священников, во вторую – 18, в третью – 48.

мами, но на всякое *русское* ухо с не замолкшей еще музыкой православия такие выступления всегда звучали скандально. А priori¹ можно было предположить, что священники при обсуждении гражданских законов дадут по крайней мере достаточно сильную *нравственную* их критику, но и этого не случилось. В духовенстве не обнаружилось талантливых ораторов, да и Евангелие Царства Божия есть вещь поистине страшная, если применить его к критике мирского царства... На это решаются только безумные революционеры и социалисты, священник же русский, сколько-нибудь искренний, никогда на это не решится. Ведь пришлось бы прежде всего сказать В.Н. Коковцову², как евангельскому юноше: «Если хочешь быть совершен – раздай золотую наличность, причем правая рука не должна знать, что делает левая». На это министр финансов никогда не согласится, а если так, то *священнической* критике в парламенте, пожалуй, нет и места. Само собой, найдутся батюшки для банальных поучений, лицемерных и бездушных, но кто же стал бы их слушать? Апостолов бы послушали, но апостолов Христос недаром назвал «сынами грома», а Себя недаром назвал пришедшим принести не мир, а меч... Подобно пророческому сословию, апостольское слишком грозно и с миром несоизмеримо, если взять *действительных* апостолов, а не наемников. Наемники же именно в этом звании ровно ничего не стоят. Цена им грош.

Есть еще одно веское соображение, которое отвергает мысль о «поповской» Государственной думе. Ведь для того, чтобы быть выбранным в Государственную думу, священнику нужно быть выбранным главным образом крестьянами и мещанами (более состоятельные сословия имеют свою интеллигенцию и священников в Думу не пошлют). Но еще большой вопрос, согласятся ли современные крестьяне послать в Государственную думу своих духовных отцов. Я не говорю об огромном проценте духовных детей в деревне, совсем отбившихся от церкви. Я не говорю о множестве религиозных крестьян, которые в силу тех или иных причин отказывают духовенству в уважении... Что бы ни фантазировали сентиментальные бюрократы, полагающие, что деревенский батюшка – аркадский пастушок с покорными у ног его овечками, всякий живший в деревне, согласится, что «поп» – фигура малоавторитетная и чаще всего непопулярная. Есть, к глубокому сожалению, священники, прямо ненавидимые приходом, и такой батюшка, конечно, в Государственную думу не попадет. Есть (гораздо реже) любимые священники, люди святой жизни, духовные утешители и врачи. Таких народ тоже ни за что не выпустит от себя, да такие и сами не пойдут в Государственную думу. Что касается батюшек среднего типа, не любимых и не ненавидимых, то, может быть, они охотно пошли бы в представители народные, да едва ли крестьяне-то их пропустят: ведь с народным представительством связано генеральское содержание – 4200 рублей в год! И это за какие-нибудь полгода пребывания в Петербурге, если считать летние, рождественские и пасхальные каникулы (а до крестьян дошла весть, что некоторые недобросовестные депутаты и вообще почти не бывают в Государственной думе). Мне кажется, среди крестьян и мещан решающим вопро-

¹ Заранее (*лат.*).

² Коковцов В.Н. (1853–1943) – граф, государственный деятель, финансист. Министр финансов (в 1906–1914 гг.), председатель Совета министров (в 1911–1914 гг.). С 1918 г. в эмиграции.

сом при выборах в Государственную Думу будет этот материальный интерес, связанный, к сожалению, с депутатским званием. И крестьяне, и мещане, и мелкие купцы, и просто обыватели захотят использовать почет и выгоду для собственных сословий, тем более что и среди мещан, и в самом крестьянстве уже имеются достаточно начитанные люди, способные постоять за свои сословные интересы не хуже, конечно, священников.

В политических расчетах следует учитывать не одну светлую сторону человеческой психологии, а и темную. Выборы в III Государственную думу, шедшие на другой день после революции и разгона двух революционных парламентов, происходили с более идейным и менее корыстным подъемом. И правые, и левые партии посылали действительных, как им казалось, стоятелей за правду. Теперь в этом отношении тон следует ожидать пониженный. За пять лет парламента даже крестьяне успели к нему присмотреться, успели охладить чересчур пылкие надежды. Действительность показала, что и народное представительство не всемогуще, что и оно или не может, или не хочет, или не успевает вводить те законы, которые могли бы чудотворно преобразовать жизнь. Невольно сложилось некоторое недоверие не только к законодателям, но и к самим законам. Точно ли в них спасение? Вернее, точно ли только в писанных законах, каковы бы они ни были, наше счастье? За последние годы, как утверждают многие наблюдатели, народ заметно разочаровался как в революции, так и в конституции. Если иной крестьянин не понимает этих иностранных слов, то явления, покрываемые ими, ему хорошо известны. И никаких чудес от этих явлений народ не дождался. Многие – более деятельные и сметливые – в крестьянстве поняли, что надежда «и на это начальство» плохая: Дума Думой, а вернее будет самим мужичкам побольше работать да поменьше пьянствовать. В стихийном движении народа на отрубa и хутора, в переселении за Урал, в поисках работы где угодно – хотя бы в Австралии и в Америке – вы чувствуете, что наш народ, подобно западным, уже перерел для каких-либо конституционных иллюзий. Все народное самодержавие заключается в труде. Народ нуждается, в сущности, только в том, чтобы ему в этом не мешали.

Государство стоит на страже народного труда, оберегая его свободу от внешних и внутренних насилий. Но для этого государство должно быть государством, как часовой непременно должен быть часовым, стоя на посту. Отсюда огромная роль государства вообще и государственного законодательства в частности. Пренебрежение к государству столь же глупо, как и отрицание его. Пренебрежение к Государственной думе, высказываемое одинаково как красными, так и «черными» революционерами, иначе нельзя объяснить, как плохим устройством мозгов у почтенных бунтарей. Очень уж заел их политический цинизм, воспитанный главным образом торжествующим невежеством. Упрек этот относится по преимуществу к «красной» революции, на губах которой не обсохло молоко политики. Что касается «черных» бунтарей, засевших в мрачные норы, откуда слышится, точно из ночлежки, нескончаемое ругательство во все стороны, то здесь движущим мотивом, мне кажется, служит не столько слабоумие, сколько своекорыстие. Чем неистовее вопли, тем очевиднее, что тут играют роль открытые академиком Со-

болевым «темные деньги», иногда поделенные, как на дуване, иногда кем-нибудь ловко захваченные. Трудовому населению страны, отвечающему за Родину перед предками и перед потомством, нужно иметь в виду присутствие у нас этих двух революций – точнее, двух бунтовских стихий. Одна стремится разрушить настоящее во имя будущего, другая – разрушить настоящее во имя прошлого.

Мне кажется, нам, людям труда и закона, не нужен ни тот, ни другой бунт. И будущее, и прошлое обеспечены для нас свыше: одно было, другое будет. Центром внимания нашего должно быть настоящее, которое есть живая жизнь, и единственно живая. Именно как с жизнью, с настоящим нужно обращаться осторожно и в каждое насилие влагать ту нежность, какую влагает садовник, ухаживающий за фруктовым деревом. Необходимо совершенствовать жизнь, облегчать ее, помогать ей, но не ломать, как дети или дикари. Государственная дума нуждается в заботливом воспитании ее, те же фанатики, что мечтают задушить ее, – государственные убийцы в душе.

Выбирайте в парламент людей безупречных, людей национального склада и людей государственных, но не слишком *крайних*. Жизнь держится равновесием, крайности же всегда маниакальны. Если уж выбирать крайних правых или крайних левых, то направляйте их лучше не на Шпалерную улицу, а на станцию Удельную, по Финляндской дороге. Там для них найдется более подходящий парламент.

*Извлечения публикуются по изданию:
Меньшиков М.О. Письма к русской нации.
М., 1999. С. 330–338, 342–348.*

ПЕТР БЕРНГАРДОВИЧ СТРУВЕ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ¹**

1918 г.

Божим попусциением за бесчисленные наши
всенародного множества грехи над Московским
Государством на всей Великой Российской
земли учинилась неудобьсказаема напасть.

Из грамоты патриарха Гермогена

Того всего възыщет Бог на вас, что вы
своим развратъем с нами не в соединеньи,
да и окрестные все Государства назовут вас
предатели своей вере и отечеству; но и паче
всего, каков вам дати ответ на втором
пришествии перед праведным Судиею?

Из грамоты ярославцев вологжанам (1612 г.)

I

Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий.

Разыскание причин той поразительной катастрофы, которая именуется русской революцией и которая, в отличие от внутренних кризисов, пережитых другими народами, означает величайшее во всех отношениях падение нашего народа, имеет первостепенное значение для всего его будущего. Конечно, судьбы народов движутся и решаются не рассуждениями. Они определяются стремлениями, в основе которых лежат чувства и страсти.

Но всякие такие стремления выливаются в идеи, в них формулируются. Явиться могучей движущей и творческой силой исторического процесса страсть может, только заострившись до идеи, а идея должна в свою очередь воплотить-

¹ Статья была написана в 1918 г. для сборника «Из глубины».

ся в страсть¹. Для того чтобы создать такую *идею-страсть*, которая призвана покорить себе наши чувства и волю, заразить нас до восторга и самозабвения, мы должны сперва измерить всю глубину того падения, в котором мы оказались, мы должны прочувствовать и продумать наше унижение сполна и до конца. Это – важная очистительная работа самопознания. Отрицательного самопознания, смешанного из раздумья, покаяния и негодования, недостаточно, однако, для возрождения нации. Необходимы ясные положительные идеи и превращение этих идей в могучие творческие страсти.

Я хочу наметить, как я понимаю те реальные психологические условия, которые привели нас к национальному банкротству к мировому позору, и затем развить, какие идеи-страсти могут и должны своим огнем очистить нас и спасти Россию.

II

Обычное ходячее объяснение той катастрофы, которая именуется и впредь будет, вероятно, именоваться русской *революцией* (хотя, в известном смысле, право ее на этот все-таки *морально* значительный титул довольно сомнительно), прежде всего заключается в ссылке на невежество и некультурность народа. Однако это объяснение не может нисколько удовлетворить ни политика, который как действенный и ответственный участник событий обсуждает их реальный смысл, ни историка, который объективно анализирует их и сопоставляет с прошлым своего и чужих народов. Русский народ был гораздо более невежественным и некультурным в эпоху Стеньки Разина и Емельки Пугачева, чем теперь; он был тогда во всем своем составе, так сказать *сплошь* менее культурен, чем в наше время. С другой стороны, вряд ли современный русский народ в массе своей менее культурен, чем были народы французский и английский в эпоху их подлинных и подлинно великих революций. У нас как-то очень легко забывают, что «культурность» народных масс там, где она налицо, и поскольку она действительно наблюдается, есть приобретение почти исключительно XIX в. и что для XVII и XVIII в. о культурности этих масс даже у самых передовых народов Запада речи быть не может. Таким образом, ссылку на некультурность народных масс мы должны решительно отклонить как поверхностную и, сказать откровенно, просто глупую.

Родственна ей ссылка на «режим» («старый порядок» и т.п.).

Между тем один из замечательнейших и по практически-политической, и по теоретически-социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере «режим» низвергнутой монархии, с одной стороны, был *технически* удовлетворителен, с другой – в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях, не в «бюрократии», «полиции», «самодержавии», как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа, или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями.

¹ Для борцов за освобождение крестьян мысль о нем не была просто «мыслью», а, как свидетельствовал Николай Тургенев в объяснительной (оправдательной) записке о своем участии в движении декабристов, «страстью» (прим. П. Струве).

Революция, низвергшая «режим», оголила и разнуздаła Гоголевскую Русь, обрядив ее в красный колпак, и советская власть есть, по существу, николаевский городничий, возведенный в верховную власть великого государства. В революционную эпоху Хлестаков, как бытового символ, из коллежского регистратора получил производство в особу первого класса, и «Ревизор» из комедии провинциальных нравов превратился в трагедию государственности. Гоголевско-Щедринское обличие великой русской революции есть непререкаемый исторический факт.

В настоящий момент, когда мы живем под властью советской бюрократии и под пятой красной гвардии, мы начинаем понимать, чем были и какую культурную роль выполняли бюрократия и полиция низвергнутой монархии. То, что у Гоголя и Щедрина было шаржем, воплотилось в ужасающую действительность русской революционной демократии.

III

Явление русской революции объясняется совпадением того извращенного идейного воспитания русской интеллигенции, которое она получала в течение почти всего XIX века, с воздействием великой мировой войны на народные массы: война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей. Извращенное же идейное воспитание интеллигенции восходит к тому, что близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчудило от государства широкий круг образованных людей, ослепило его ненавистью к исторической власти, в то же время сделав эту интеллигенцию бесчувственной и слепой по отношению к противокультурным и зверским силам, дремавшим в народных массах. Старый режим самодержавия опирался в течение веков на социальную власть и политическую покорность того класса, который творил русскую культуру и без творческой работы которого не существовало бы и самой нации, класса земельного дворянства. Систематически отказывая сперва этому классу, а потом развившейся на его стволе интеллигенции во властном участии в деле устройства и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства. Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многоставное государство.

IV

Генезис и генеалогия этого отщепенства были в свое время в общих чертах указаны мною в «Вехах»¹. С этой точки зрения может и должна быть когда-нибудь написана связанная и цельная история России в XIX и XX вв. Здесь я не могу даже

¹ Статья «Интеллигенция и революция», перепечатанная потом в сборнике «Patriotica» (прим. П. Струве). См. наст. изд., с. 618–630.

представить вытяжки из такой обобщающей исторической работы, но хотел бы все-таки осветить некоторые решающие моменты этого процесса отчуждения и отщепления от государства русских культурных классов, приведшего к революционной катастрофе 1917 г. и последующих годов.

Владимир Ильич Ленин-Ульянов мог окончательно разрушить великую державу Российскую и возвести на месте ее развалин кроваво-призрачную Совдепию потому, что в 1730 г. отпрыск династии Романовых, племянница Петра Великого, герцогиня курляндская Анна Иоанновна победила князя Дмитрия Михайловича Голицына¹ с его товарищами-верховниками и добивавшееся вольностей, но боявшееся «сильных персон» шляхетство, и тем самым окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов пред независимой от них верховной властью. Своим основным содержанием и характером события 1730 г. имели для политических судеб России роковой предопределяющий характер².

Монархическая власть, самодержавие победило тогда конституционные стремления и боярской аристократии, сильных персон, и среднего дворянства, шляхетства. И как самодержавие победило эти общественные силы? Опираясь на физическую воинскую силу дворян-гвардейцев, позднейших лейб-кампанцев, т.е. опираясь на солдатчину (солдатеску), непосредственно заинтересованную в торжестве монарха над сильными персонами и шляхетством³.

При этом была использована, как известно, рознь между двумя только что названными элементами. С другой стороны, весьма важно и то, как были смягчены и преодолены конституционные стремления шляхетства. Достигнуто это было удовлетворением некоторых его весьма жизненных интересов. переворот 1730 г. не дал политических результатов, был государственным фиаско шляхетства, но его отражение в императорском законодательстве ближайшей эпохи несомненно и весьма существенно шло навстречу шляхетским интересам⁴. Таким образом, самодержавие, отказав культурному классу во властном участии в государстве, вновь привязало к себе этот класс цепями материальных интересов, тем самым отучая его от политических стремлений и средств и приучая к защите своих интересов помимо постановления и решения *политического* вопроса.

Дальнейший ход политического развития России определен событиями

¹ Голицын Д.М. (1665–1737) – князь, в 1727–1730 гг. член Верховного Тайного совета, инициатор приглашения на российский престол Анны Иоанновны. Составитель «Кондиций» – проекта олигархического ограничения власти самодержицы (1730 г.).

² Кроме общих сочинений по русской истории, из которых особенно ценны соответствующий том (XIX) «История России» Соловьева и монография Костомарова об Анне Иоанновне, наилучший свод и обзор материалов о событии 1730 г. дают книга Д.А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны». Казань, 1880 г., статья П.Н. Милокова «Верховники и шляхетство» в сборнике «Из истории русской интеллигенции», СПб., 1902 г., и брошюра М.М. Богословского «Конституционное движение 1730 г.». Москва, 1906 г. (прим. П. Струве)

³ «За самодержавие ясно и положительно стояли гвардейцы: они были обласканы императрицей и могли надеяться на еще большее к себе внимание, после того как послужат ей теперь в трудных обстоятельствах» (Костомаров). Гренадерская рота Преображенского полка, произведшая переворот 25 ноября 1740 г. и возведшая на престол Елизавету Петровну, получила наименование *лейб-кампаши*. Отсюда выражение «лейб-кампацы» (прим. П. Струве).

⁴ Ср. Корсаков, с. 297 и сл. Милоков, с. 49–51 (прим. П. Струве).

1730 г. Верховная власть в течение XVIII и XIX вв. окончательно осознала себя как силу, независимую от «общественных», сословных в то время, элементов, и отложилась в такую силу. А общественные элементы за это время одной своей частью привыкли государственную власть мыслить только в этой независимой от «общественных» элементов форме и всю свою психологию *приспособили и принизили* до такой государственности. Другой же своей частью они все больше и больше отчуждались от реального государства, ведя с ним постоянно скрытую, подпольную, а временами открытую революционную борьбу. Это отщепенство от государства получило с половины XIX в. идейное оформление, благодаря восприятию русской интеллигенцией идей западно-европейского радикализма и социализма.

V

Конкретными этапами политической истории России, развертывавшейся в указанном направлении, были восстание декабристов и освобождение крестьян.

Восстание декабристов было по существу попыткой перевести шляхетские замыслы XVIII в. на язык передовой европейской политической мысли XIX века и осложнить и дополнить постановку политических задач проблемами социальными (освобождением крестьян). Освобождение крестьян было уже в XVIII веке поставлено как проблема личного освобождения крестьян-рабов, создания мелкой крестьянской собственности и землеустройства как условия рационального землепользования¹. Личное освобождение крестьян назрело уже во второй половине XVIII в., когда было отменено прикрепление дворянства к государству в форме обязательной дворянской службы, и потому оно *запоздало на целое столетие, а это запоздание отсрочило и затянуло до нашего времени постановку и решение двух других сторон крестьянского вопроса* – утверждение земельной собственности и упорядочение землепользования².

¹ Напомним, что и для Радищева крестьянский вопрос сводился в *первую очередь* к личному освобождению, а затем к утверждению крестьянской собственности на землю, за которую они уплачивали подушную подать. Таким образом, ему предносилось постепенное осуществление реформы (прим. П. Струве).

² Запоздалый и, так сказать, слитный характер крестьянской реформы 1861 г. воспроизводит в ослабленной, «государственной» форме пугачевское решение 1774 г. В силу этого в реформе 1861 г. центральное место получило наделение крестьян землей. Другие два момента – личные права и утверждение земельной собственности на основе землеустройства не получили надлежащего признания и выпуклости ни у власти, ни в общественном мнении. В эпоху подготовки реформы это особенно ярко сказалось в известной формулировке ее задач Юрием Самариным. Пугачевский манифест 31.VII.1774 г., провозглашавший освобождение крестьян, ставил разом две задачи: уничтожение личной несвободы и земельное устройство (не в смысле землеустройства, а в смысле наделения землей) крестьян, первое в патриархальной «самодержавно-государственной», второе в социалистической «народнической» обрисовке. Манифест этот гласил: «Жалуем сим именным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободой вечно казаками, не требуя рекрутских поборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами без покупки и без оброка, и свободою всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений и желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прочих и иных злодеев дворян странствие и немалые бедства» [цитирую по В.И. Семевскому «Крестьянский вопрос», т. I (СПб., 1888 г.); самый манифест впервые напечатан в сборнике Прота «Материалы для истории пугачевского бунта». СПб., 1875 г.] (прим. П. Струве).

Запоздание личного освобождения крестьян на столетие и, во всяком случае на полустолетие, было лишь выражением и следствием в области социальной той победы самодержавия над конституционализмом, которую русская монархия одержала в 1730 г. *Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы*. А запоздание личного крестьянского освобождения отсрочило и прочное установление мелкой земельной собственности и землеустройство¹. Теперь для нас должно быть совершенно ясно, что русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства. Из политического бесправия дворянства и других культурных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. А это государственное отщепенство выработало те духовные яды, которые, проникнув в крестьянство, до 1861 г. жившее без права и прав, не развившее в себе ни сознания, ни инстинкта собственности, подвинули крестьянскую массу, одетую в серые шинели, на ниспровержение государства и экономической культуры.

До недавнего времени в русском обществе был распространен, даже господствовал взгляд, по которому в России освобождение крестьян, к счастью, не было предварено дворянской или господской конституцией. Этот народнический взгляд, как в его радикальной, так и в его консервативной (монархической) версии, совершенно превратен. Историческое несчастье России, к которому восходит трагическая катастрофа 1917 г., обусловлено, наоборот, тем, что политическая реформа страшно запоздала в России. В интересах здорового национально-культурного развития России она должна была бы произойти не позже начала XIX века. Тогда задержанное освобождение крестьян (личное) быстро за ней последовало бы, и все развитие политических и социальных отношений протекало бы нормальнее. Народническое же воззрение, гоняясь за утопией спасения России от «язвы пролетариата», считало и считает счастьем России ту форму, в которой у нас совершилось освобождение крестьян. Между тем теперь уже совершенно очевидно, что крушение государственности и глубокое повреждение культуры, принесенные революцией, произошли не от того, что у нас было слишком много промышленного и вообще городского пролетариата в точном смысле, а оттого, что наш крестьянин не стал собственником-буржуа, каким должен быть всякий культурный мелкий земледелец, сидящий на своей земле и ведущий свое хозяйство. У нас боялись развести сельский пролетариат и из-за этого страха не сумели создать сельской буржуазии. Лишь в эпоху уже после падения самодержавия государственная власть в лице Столыпина стала на этот единственно правильный путь. Но упорствуя в своем реакционном недоверии к культурным классам, ревниво ограждая от них свои прерогативы, она систематически отталкивала эти классы в оппозицию. А оппозиция эта все больше и больше проника-

¹ Критическая история крестьянского вопроса еще должна быть написана с расчленением трех его основных проблем: личного освобождения, утверждения земельной собственности крестьян и землеустройства. В русской крестьянской реформе эти три основные проблемы были частью подменены, частью поглощены проблемой «наделения крестьян землей». Извращение всей крестьянской реформы идеей «надела» привело к аграрной революции 1917 г., изживать которую стране придется с огромными трудностями и жертвами (*прим. П. Струве*).

лась отщепенским антигосударственным духом, так готовилась и творилась революция с двух концов, – исторической монархией с ее ревнивым недопущением культурных и образованных элементов к властному участию в устройении государства, и интеллигенцией страны с ее близорукой борьбой против государства. В этой борьбе интеллигенция, несмотря на грозное предостережение 1905–1907 гг., точно руководясь девизом: *Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*¹, натравливала низы на государство и историческую монархию, несмотря на все ее ошибки, пороки и преступления все-таки выражавшую и поддерживавшую единство и крепость государство.

Только немногие люди, живо ощущавшие роковую круговую поруку между пороками русской государственности и русской общественности², тщетно боролись и с безумием интеллигенции и с ослеплением власти...

*Извлечение публикуется по изданию:
Из глубины. Сборник статей
о русской революции.
М., 1990. С. 235–242.*

¹Если небесных богов не склоню – Ахеронт я подвигну (*лат.*). Вергилий. Энеида, VI, 312 (пер. С. Ошерова). Слова Юоны, сулящей Энею бедствия (*прим. изд. 1990 г.*).

²«Patriotica», предисловие: «Между пороками русской государственности и пороками русской государственности есть роковая внутренняя связь, своего рода историческая круговая порука» (*прим. изд. 1990 г.*).

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ

**ФИЛОСОФИЯ НЕРАВЕНСТВА
(ПИСЬМА К НЕДРУГАМ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ)¹**

1918 г.

Письмо восьмое

О демократии

Токвиль так передает свое впечатление от поступательного роста демократии в начале своей блестящей книги «О демократии в Америке»: «Вся последующая книга была написана под впечатлением некоторого рода религиозного ужаса, произведенного в душе автора видом этой неудержимой революции, идущей в течение стольких веков через все препятствия и которая и теперь, видимо, подвигается вперед среди производимого ею разрушения». Мне хорошо знакомо это чувство ужаса. Я испытал его давно, очень давно, впервые еще почти в детстве, потом юношей, оно было довольно остро осознано в первую русскую революцию 1905 года и достигло мучительной напряженности весной 1917 года, когда начался разлив второй «великой» русской революции. Демократия – не новое начало, и не впервые входит она в мир. Это – старое, вековечное начало, хорошо знакомое еще миру античному. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это – особый дух. Никогда еще не торжествовала в мире в чистом виде идея демократии, да и вряд ли возможно это торжество. Но дух демократии уже отпраздновал немало побед. Демократия как самодовлеющая отвлеченная идея, ничему высшему не подчиненная, есть человекообожествление и отрицание божественного источника власти. Народ довлеет самому себе. Верховным началом его жизни является его собственная воля, независимо от того, на что она направлена, чего она хочет, каково ее содержание. Народная воля обожествляется потому, что она утверждается формально, без связи с ее содержанием. Содержание народной воли предполагает уже какие-то сверхчеловеческие ценности. Как только вы обратите внимание на содержание народной воли, вы не сможете ее уже обоготворять. Ибо воля

¹ К работе над книгой Н.А. Бердяев приступил в начале 1918 г., «в первую годовщину революции». Книга вышла в свет после отъезда автора из России, – в 1923 г., в берлинском издательстве «Обелиск».

народная может быть направлена на зло, и тогда она надлежит осуждению, или она направлена на высшее добро, на божественное содержание жизни, и тогда не воля народная, а само это добро и это божественное содержание должно быть признано верховным началом. Вот о чем вы недостаточно думали. Признание народной воли верховным началом общественной жизни может быть лишь поклонением формальному, бессодержательному началу, лишь обоготворением человеческого произвола. Не то важно, чего хочет человек, а то, чтобы было то, чего он хочет. Хочу, чтобы было то, чего захочу. Вот предельная формула демократии, народовластия. Плубже она идти не может. Само содержание и состояние народной воли не интересует демократический принцип. Народная воля может захотеть самого страшного зла, и демократический принцип ничего не может возразить против этого. В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к духовному их уровню. Эта идея хотела бы отвлечь человеческое внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления. Народный суверенитет носит совершенно формальный характер. Остается неизвестным, чего захочет суверенный народ, когда все будет предоставлено его воле, какой строй жизни пожелает создать он.

Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину. Если бы вы верили в объективное бытие правды и истины, то должны были бы правду и истину поставить выше воли народа и им подчинить волю народа. Но для вас правда и истина то, чего захочет народ и что он скажет. Вы хотите отдать правду и истину на решение большинства голосов и провести их через всеобщее избирательное право. Это и есть неверие, это и есть безбожие, положенное в основу всей демократической идеологии. Вы хотите добыть правду и истину об общественном устройении из большинства, из количества. Но может ли иметь какое-либо отношение к критериям большинства и количества правда и истина? Правда и истина имеют иной, божественный источник, не зависимый от человеческого произволения. Правда и истина может быть в меньшинстве, а не в большинстве, и даже всегда она бывает в меньшинстве. И почти чудовищно, как люди могли прийти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины! Оправданием принципов демократии, принципов большинства и количества, может быть только скептицизм. Сомневающиеся, опустошенные, оторвавшиеся от онтологических основ жизни должны прибегать к решениям большинства, к критериям количества. Если нет правды и истины, то будем считать за правду и истину то, что признает большинство. Если и есть правда и истина, но я ее не знаю и не знаю реальных путей к ней и вечно сомневаюсь в ней, то остается положиться на большинство и в человеческом количестве искать замены недостающих во мне самом качеств! Демократическая революция в мире потому и вызывает религиозный ужас, что она свидетельствует о духовном упадке человечества, о росте безбожия, о страшном скептицизме, о потере всех качественных критериев правды и истины. Демократическая революция в мире потому и вызывает религиозный ужас, что она свидетельствует о духовном упадке человечества, о росте безбожия, о страшном скептицизме, о потере всех качественных критериев правды и истины. Демократическая революция в мире потому и вызывает религиозный ужас, что она свидетельствует о духовном упадке человечества, о росте безбожия, о страшном скептицизме, о потере всех качественных критериев правды и истины.

кратия есть скептическая общественная гносеология. Эта гносеология признается теми, которые утратили истоки духовной жизни. Вот почему рост демократии в мире имеет роковой смысл. Он идет параллельно выветриванию души, потере Бога в душе. *Демократическое равенство есть потеря способности различать качества духовной жизни.* Это есть смешение, допускаемое теми, которые перестали дорожить качествами. Демократическая идеология количеств не может не вести к царству худших, а не лучших.

В основу демократии не были положены воля к повышению жизни, к качеству и ценности. Никаких новых ценностей сама демократия из себя не создает и не может создать. Она строится вне всякой мысли о ценности в содержании жизни. И всеуравнивающая демократическая эпоха человеческой истории есть понижение качественного, ценностного содержания жизни, понижения типа человека. Демократия не имела интереса к воспитанию высокого человеческого типа, и потому она бессильна создать лучшую жизнь. Апостол демократии Ж.-Ж. Руссо верил в естественную доброту и благодетельность человеческой природы и думал, что она обнаружится во всей своей красоте, когда будет установлена форма народовластия. Эта коренная ложь опровергнута и самой жизнью, опытом истории, и более сложной и глубокой мыслью. Для сознания Руссо не стояла задача победы над грехом и злом, задача перевоспитания человека и народа и создание более высокого человеческого типа. Нужно только снять оковы с народа, дать ему возможность выразить свою волю и по своей воле построить общество, и наступит совершенное естественное состояние. В XIX веке извернулись в естественное состояние человека и естественное состояние общества, на этой философской основе демократии основать не могли и вместе с тем ничем ее не могли заменить. Осталось непонятным, почему ничем не ограниченное и не сдержанное обнаружение человеческой природы в ее непреобразованном состоянии через демократию, народовластие, ведет к благу, порождает общественную правду. Позитивизм XIX века ни в какое благодетельное естественное состояние уже не верит. Но он легко санкционирует и обосновывает демократию, требует формального преклонения перед данным, природным человеком и его греховной волей. Правда, демократическая метафизика утверждает, что каждый отдельный человек ошибается, он находится в неправде и лжи, но безошибочна и правильна воля всех, воля народа, воля коллектива. Тут возникает очень сложная философская проблема, над которой не задумывается вы, демократы-позитивисты. Какова природа того коллектива, который именуется народом и который вы признаете суверенным? Представляет ли народ, за которым вы признаете верховную власть, некоторое реальное единство, имеет ли он онтологическое ядро? Вы ведь номиналисты, а не реалисты, и народ, как человеческий коллектив, для вас не может быть онтологической реальностью, он есть лишь механическая сумма. В вашей народной воле происходит лишь арифметическое сложение. Вы верите в большинство голосов. Из суммирования воли всех не получается всеобщей воли. Марксизм, который был крайним выражением мирового духа уравнивания, разложил демократические иллюзии, убил демократическую метафизику. И это должно быть признано его заслугой. Социал-демократия отрицает существование на-

рода как реального единства, она разлагает его на классы и группы с противоположными психиками и интересами, и для нее не существует воли народной, нет суверенного начала. Выше воли народа стоит воля пролетариата, на который переносятся все те божественные атрибуты, которые демократическая метафизика приписывала народу. Пролетариат выше народа, он есть реальное единство. Это – новая фикция, новый фетиш, но она разлагает старую фикцию, старый фетиш – «народ». Народа в том смысле, в каком утверждает его демократическая метафизика, не существует. Этот «народ» не может иметь никакой воли. Он есть лишь сложное взаимодействие социальных групп с разным душевным складом и интересами или механическое сложение отдельных человеческих единиц.

Народ есть также мистический организм, соборная личность. В этом смысле народ есть нация, он объемлет все классы и группы, всех живых и умерших. Но народа в этом смысле демократия не хочет знать и не знает, он совершенно не находится в поле зрения демократии. Народ и демократию не только не следует смешивать и отождествлять, но необходимо тщательно различать и противопоставлять. Слова «демократия» и «демократический» употребляют в слишком расплывчатом и неопределенном смысле. Под демократией понимают и трудящиеся классы общества: крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию, и широкую демократическую настроенность и народовластие, т.е. политическую форму, и народ как суверенного хозяина страны. Происходит некритическое смешение демократии как народного человеческого состава и демократии как известного политического направления и политической настроенности. Говорят: «он демократ», т.е. человек из простонародной или близкой к простонародью среды, происходит из низших слоев общества, и говорят: «он демократ», т.е. человек демократического настроения и демократических убеждений, хотя бы он был и аристократического происхождения. И в том и в другом случае слово «демократический» и слово «народный» имеют мало между собою общего. *Народ* не означает «демократических» классов, и «народ» может не иметь «демократических» убеждений. Народ может держаться совсем не демократического образа мыслей, может быть совсем не демократически настроен. Так и бывало в истории при органическом состоянии народа. Демократия есть уже выхождение из органического состояния, распадение единства народа, раздор в нем. Демократия по существу механична, она говорит о том, что народа как целостного организма уже нет. Демократия есть нездоровое состояние народа. В «органические» эпохи истории никаких демократий не бывает и не возникает. Демократия – порождение «критических» эпох. Демократия не может быть выражением духа народа, ибо дух народа выразим лишь в организме, демократия же есть механизм. Демократия берет человека как арифметическую единицу, математически равную другой. Для нее народ, как органическое целое, распадается на атомы и потом собирается, как механический коллектив. Народ не состоит из арифметических единиц и атомов. Народ есть иерархический организм, и в нем каждый человек есть разностное существо, неповторимое в своей качественности. Потому-то и воля народа невыразима в сумме человеческой, во мнении большинства. Всеобщее голосование – негодный способ выражения качеств в жизни народной. Меньшинство может лучше и совершеннее выражать

волю народа, как органического целого, обладающего соборным духом. Один может лучше выразить волю и этот дух, чем все, чем все человеческое количество. На этом основано значение великих людей в исторической жизни народов, вождей, царей. Народ не есть человеческое количество, человеческая масса. Вот что забыли вы в демократический век. В ваших демократиях господствует человеческое количество, и вы думаете, что за ним стоит народ. Но это есть великая ваша ложь, которая должна быть изобличена. Человеческое количество есть пыль, носимая волей ветра. И воля этого человеческого количества не может быть волей народа. Воля эта не может быть случайной суммой, колеблющейся от всякого дуновения. Уже одно то, что ваше царство демократии раздирается борьбой партий и что партиям отданы в нем судьбы государств, свидетельствует против вас и не позволяет верить, что народ находит в нем свое выражение. Демократическое правление есть в конце концов фикция. Я говорил уже, что в действительности возможны лишь аристократия или охлократия. Тирания партий редко бывает аристократией. Там не происходит подбора лучших и способнейших. В народном суверенитете погибает народ, он тонет в механическом количестве и не находит выражения для своего органического духа, целостного и неделимого. Он находит себе выражение лишь иррационально. В народном суверенитете погибает и человек. Ибо самодержавие народа не ограничивает себя неотъемлемыми правами человека и не гарантирует неприкосновенность этих прав. Самодержавной демократии должны быть противопоставлены и дух народа и права человека, ибо уготовляет она самую страшную из тираний.

<...>

Самые передовые народы Запада давно уже чувствуют неудовлетворенность демократией и пытаются найти выход к новым формам. Кризис демократической идеологии давно уже происходит. И вы, чистые демократы, верующие в верховенство демократической идеи, – люди устаревшего образа мышления и устаревшего образа чувств. В европейском мире был демократический разлив, в котором все более и более тонула Европа. Этот разлив продолжается и не достиг еще полноводья. Но началось уже и обратное движение. В сфере мысли давно уже начался отлив. Пределы демократии познаны, и более прозорливыми умами увидена демократическая опасность и безвыходность. Количество не может создать качества. Общество, распавшееся на атомы, на математические точки, не может быть собрано, воссоединено и не может получить гармонического образа путем механики, путем подсчета голосов и вручения власти большинству. Воля народа есть качество, которое не может быть добыто ни из каких количественных комбинаций. И именно тогда, когда демократия провозгласила верховенство воли народа, воли народа не оказалось, она умерла. *Демократия и есть безнадежное исцание умершей воли народа.* Все системы демократического представительства народной воли представляют безнадежные попытки собрать распавшуюся волю. В демократическом представительстве воля народа остается распавшейся и часть восстает на часть. Демократический парламент есть арена борьбы за инте-

ресы и за власть. В нем трудно услышать голос единого народа. Он слышен лишь в исключительные минуты и через исключительных людей. Подсчет голосов, зависящий от миллиона случайностей, ничего не говорит о качестве народной воли. Всеобщее избирательное право, которое и донныне является для многих из нас непререкаемым догматом, вызывает величайшие сомнения. Всеобщее избирательное право есть совершенно механический, количественный и отвлеченный принцип. Всеобщее избирательное право не знает конкретных людей, с их разнокачественностью, с их различным весом, оно исключительно имеет дело с отвлеченными людьми, с атомами и математическими точками. Оно не знает и органических социальных групп.

Всеобщее избирательное право есть отвлечение от качественного содержания жизни, оно не хочет знать никакого качественного подбора. Откуда же взялась уверенность, что таким путем можно получить общество высокого качества? Это – гипноз идеи равенства. Поверили, что равенство, не пропорциональное, а механическое равенство, есть столь великая правда и великое благо и что хорошо все, что приложится к нему. Но это обоготворение равенства и есть первородный грех; оно ведет к подмене конкретной, качественной, индивидуальной природы человека природой отвлеченной, количественной и безличной. Основанное на ложном равенстве всеобщее избирательное право есть отрицание человека. В результатах всеобщего избирательного права поистине есть что-то нечеловеческое и противочеловеческое.

Всякий человек, если он взят не как отвлеченная математическая точка, имеет свой ценз, свои качественные достижения. Принцип ценза – истинный принцип, более человеческий принцип, чем полное его отрицание. Принцип ценза – качественный, а не количественный, и в этом его правда. Принцип ценза может исказиться и вырождаться, может пониматься исключительно материалистически, как ценз материальный. Но это нисколько не говорит против его основной правды, ибо вырождаться может все на свете и всем на свете можно злоупотреблять. Но одно несомненно и для религиозного сознания и для философской мысли: человека нужно брать в его качественности, т.е. делать подбор лучших и способнейших. Нет никаких внешних общественных способов брать человека во всем его неповторимом индивидуальном своеобразии. Но есть групповые качества людей, признаки которых могут быть уловлены и установлены. Таковы качества образования, качества общественного опыта, качества исторической преемственности, качества более высокого культурного опыта.

Ценз по существу своему должен быть духовным. Но духовный ценз имеет и материальные признаки своего выражения. Более высокий культурный уровень связан и с материальной структурой общества, со сложившимися исторически образованиями.

Для того чтобы представительство не было исключительно механическим и количественным, необходимо считаться в нем с исторически сложившимися и качественно подобранными силами. Общественный опыт и общественная преемственность обладают ценностью, которой нельзя пренебречь и которую нельзя разрушать во имя отвлеченных доктрин и идей. Так, например, в России земство

представляло такое качественное историческое образование, в нем накопился общественный опыт, знание дела, традиция. Разрушение земства и нежелание дать ему преимущества в представительстве есть разрушение общественных качеств и погружение во тьму количества.

Я думаю, что и в бюрократии, при всей опасности ее ничем не ограниченного господства, есть качества опыта, знания и преемственности, с которыми необходимо считаться. Странно доказывать преимущества более высокого культурного слоя, который должен иметь иной вес в общественной жизни, чем слои, стоящие качественно ниже. Человек не есть отвлеченное существо, его нужно брать в исторической среде и преемственности. Огромное значение имеет и происхождение человека, и воспитание его, инстинкты и традиции, его воспоминания и связи. Вот почему и исторические сословия имели гораздо большее значение, чем это выходит по вашей отвлеченной социологии и отвлеченной демократической идеологии.

Под этими внешними формами скрыто что-то существенное для жизни. Проблема демократии не может ставиться отвлеченно и изолированно, она должна быть связана с проблемой культуры. И тогда падает идеал отвлеченной демократии. Демократия не могла низвергнуть иерархического строя общества, который коренится в иерархическом строе космоса. Возрождение во Франции средневековой идеи корпоративного представительства говорит о глубокой неудовлетворенности отвлеченной, механической, количественной демократией. Начинают сознавать, что человека нельзя брать как изолированный атом и из этих атомов создавать общество и государство.

Существует иерархия органических образований, к которым принадлежит человек. Эти органические образования должны иметь свое представительство. Беда в том, что все органические образования почти разрушены демократическим веком, изолирован и уединен человек и новые корпорации связываются исключительно экономическими интересами. Французский синдикализм наносит сильные удары демократической идее, и в нем последовательно действует дух огромной корпорации – рабочего синдиката. Но корпорация эта имеет исключительно экономическую основу, и дух ее движется исключительно интересами классовой борьбы. Она возникла в эпоху распада народной воли. Из господства такого рода корпораций не может возникнуть органического строения общества. Оно ведет лишь к перманентной революции. Но синдикализм, как и возрождение идеи корпоративного представительства, обозначает серьезный кризис демократии. Начинают догадываться, что народ не есть толпа, количественная масса, когда он имеет сложное строение и качественные дифференциации. И необходима более сложная система представительства, не механическая и уравнивающая, как система всеобщего избирательного права. В самом принципе советского представительства есть доля истины, которая останется. Но никогда не найдете вы совершенной системы представительства, ибо само представительство есть одно из подчиненных, относительных и преходящих начал общественной жизни. Духовной культуре принадлежит примат над всякой политической формой, и корпорации должны иметь прежде всего духовную основу.

<...>

Демократическая идеология есть крайний рационализм. Он покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить ее одними человеческими силами. Последовательная демократия должна отрицать существование иррациональных начал в общественной жизни и не может их терпеть. Общество, основанное на механике количеств, на всеобщем избирательном праве, принимающем человека за математическую точку, и есть совершенно рационализированное общество, не терпящее вторжения каких-либо иррациональных сил. Демократическая республика с парламентским управлением и есть рационализированное общество. Это есть попытка отождествить государство, всегда имеющее иррациональную, мистическую основу, с вполне рационализированным обществом. Демократия хочет целиком, без остатка растворить государство в обществе. Идеология демократии не может признать государства как специфической и самобытной реальности, она целиком сводит государство на общество, т.е. видит в государстве лишь функции общества. Общество же сводит на отношения людей. Так исчезают всякие онтологические основы государства и общества. Остаются лишь интересы, лишь воля и разум человека как единственное оправдание государства и общества. Никакие иные, более высокие и таинственные силы не действуют в государстве и обществе. Такое уравнение государства и общества, такая рационализация общества и устройство его одними человеческими силами представляет большую опасность и для личности человеческой. Ибо личность человеческая во всем своем своеобразии и самобытности своей охраняется иррациональными началами общественности. Иррационально обоснованное государство более уважает личность человеческую и менее притязает на нее, чем вполне рациональное общество. Но иррациональный элемент человеческого общества неистребим, и он опрокидывает все притязания вашей рациональной демократии. Вам не совладать с этим иррациональным элементом. Полная же рационализация человеческого общества была бы победой количества над качеством. И нужно благословлять то «темное» начало в жизни человеческих обществ, которое делает невозможным их окончательную рационализацию, столь убийственную для личности человеческой. Разнокачественные состояния народа невыразимы ни в какой демократии. Слишком много в жизни народной действует сил индивидуальных. И это опрокидывает все ваши демократические строения.

Чистая, отвлеченная, самодержавная демократия есть самая страшная тирания, она убивает человека. Неограниченная власть всех страшнее тиранической власти одного. На короткие лишь мгновения возможно торжество такой демократии, но мгновения эти всегда бывали самым страшным посягательством на свободу человека. В эти мгновения подымалась снизу тьма и охватывала общество. Но коротка жизнь такого демократического самодержавия, оно стоит на острие и соскальзывает. Оно опрокидывается силами, не предусмотренными демократической идеологией. И это счастье для человечества. Если бы возможна была окончательная демократия, то человечество погибло бы, утонуло бы во

тьме. В самой идее народовластия, ничем не ограниченного и ничему высшему не подчиненного, нет никакой правды, нет и правды о человеке, о человеческом образе, о его бесконечной духовной природе, на которую недопустимы никакие посягательства. Священные права человека не заключены в демократии и не вытекают из нее. Суверенный народ может отнять у человека все, что захочет, что найдет нужным для своего блага. Самодержавие народа – самое страшное самодержавие, ибо в нем зависит человек от непросветленного количества, от темных инстинктов масс. Воля одного и воля немногих не может так далеко простираť свои притязания, как воля всех. От воли самодержца можно еще охранить часть своего существования, но несоизмеримо труднее его охранить от воли самодержавного народа. Демократия в крайнем своем выражении не хочет допустить прав частной жизни, она имеет тенденцию превратить всю человеческую жизнь в публичную. Трудно, очень трудно укрыться от всепроникающей и безграничной в своих притязаниях демократии. Она вторгается в наши жилища, проникает в наши мысли и чувства. Она хочет сделать человека существом исключительно общественным. Стиль жизни демократических обществ все и вся приводит к единообразию. Стиль этот не терпит уединения и уединенных, он не оставляет места и времени для созерцания, он враждебен избыточному творчеству немногих. Вы много декламировали о деспотии и тирании старых обществ и обещали создать общество свободных. Все это иллюзии, самообман и обман. При самых страшных деспотиях прошлого бывал яркий расцвет личностей, бывали гении и святые, была возможна жизнь интимная и созерцательная, бывали великие творческие подъемы. Все итальянское Возрождение прошло под тираниями. Прав был К. Леонтьев, когда говорил: «Мученики за веру были при турках; при бельгийской конституции едва ли будут преподобные!» Демократия неблагоприятна появлению сильных, ярких, творческих личностей, она создает нивелирующую общественную среду, которая стремится целиком поглотить личность и подчинить ее себе. Ваше демократическое общественное мнение есть самая страшная из тираний, оно угнетает дух человеческий, подрезает крылья. Старая тирания с кострами инквизиций больше оставляла простора для человеческой индивидуальности, более считалась с ней. Самая страшная нетерпимость может быть все-таки выражением уважения к человеческой индивидуальности, к духовной жизни человека. Когда церковь отлучает и анафемствует еретика, она признает бесконечную ценность души человеческой и внимательна к ее неповторимой индивидуальной судьбе. Невнимание же и презрение демократии к душе человеческой, к ее индивидуальной жизни и судьбе поистине страшны и человекоубийственны. Царство вашей бездушной, материалистической демократии есть царство самого страшного из Левиафанов, чудовища из миллионов голов. Страшно человеку проваливаться в эту бездну количества, в эту всепоглощающую безликую общественность. Не так страшно, когда личность притесняют, ограничивают, даже мучают, но в принципе признают личностью, чем когда в самом принципе ее отрицают и заменяют безличными началами. Старое русское самодержавное царство немало притесняло и даже истязало личность человеческую, но, поскольку оно было христианским, православным царством, оно признавало личность человеческую,

ценность души человеческой. И духовно не так страшна была деспотия. Старые деспотии имели религиозную основу и потому признавали духовную жизнь человека, не рассматривали человека как общественный атом. Ваша новая, демократическая деспотия не хочет уже иметь религиозной основы, она совершенно игнорирует духовную жизнь человека и оценивает человека лишь с точки зрения общественной полезности. Для этой деспотии не освящена уже ни тайна рождения человека, ни тайна его жизни, ни тайна его смерти. Человек становится рабом общественной пользы, большинства голосов, общественного мнения, рабом собственных интересов. Ваша демократия глубоко враждебна духу свободы, и вам следовало бы прекратить декламацию об освобождении от тираний и деспотий, которое будто бы приносят ваши демократические движения. Свобода аристократична, а не демократична, она обращена к личности, а не к массе. Ваша же общественная свобода может быть самой страшной тиранией, она может превратиться в порабощение всех. Глубоко враждебна ваша демократия и духу творчества. Она не только не раскрывает путей для творчества, но суживает все пути, сдавливает все творческие порывы. Самые творческие эпохи в жизни человечества – аристократичны, а не демократичны. Ваша демократия глубоко враждебна высшей культуре. Она хотела бы понизить уровень культуры, уменьшить в культуре качественный элемент для усиления количественного. Демократическими движениями движет зависть к высшей культуре, злопамятная нелюбовь к чужим качествам. И это налагает печать неблагородства на стиль демократической культуры. Ваш демократический век начал отрицать великих людей, гениев и святых. Он борется против прерогатив творческих личностей. Эгалитарная страсть мутит ваше сознание, искажает качество вашей воли, вашей мысли и ваших чувств, она мешает подниматься ввысь. Эгалитарная страсть всегда ведет к понижению уровня личности и культуры в демократическом веке. Проникнутые пафосом демократии могут ставить себе лишь вульгарные и вульгаризирующие задачи в духовной культуре. Идеалы демократии – мещанские идеалы. Предания демократии – мещанские предания. Воля демократии направлена к понижению человеческой расы. Эта воля хотела бы не только уничтожить сословия, но и истребить все качественные различия в обществе, все качественные результаты расового подбора. Это недостижимо. Качества народа не могут быть окончательно стерты и истреблены. Но воля к этому движет демократию. Демократическое общество хотело бы быть обществом совершенно упрощенным и смешанным. Это и было бы самой горшей из тираний.

Нет более горькой и унижительной зависимости, чем зависимость от воли человеческой, от произвола равных себе. Можно подчинить себя воле высшей, высшей правде, высшим началам, можно ограничить себя и отречься от себя во имя этих начал. Но достоинство богоподобной природы человека, но благородная гордость человека восстает против того, чтобы жизнь свою целиком подчинить человекам равным и низшим. Подчинение Церкви, государству, национальности, высшим реальностям и ценностям – сладостно и благородно. Но почему должен я подчиняться интересам, инстинктам и вождениям человеческой массы? Духовно к этому меня нельзя принудить. Тут возможно лишь физическое

принуждение. Демократия же хочет меня заставить подчиниться исключительно человеку и человеческому. Подчинение иерархическому чину может быть почитанием в нем высшего, сверхчеловеческого начала. В нем есть священная символика. В жреце и царе почитается не человек, не равный и не низший, а иерархический строй общественного космоса. Демократия же уничтожает всякую священную символику. Для достоинства человека и для свободы человека необходимо ограничить демократию, соединить ее с другими началами и подчинить ее другим началам. Народовластие есть человековластие. Человековластие же не знает своих границ и посягает на свободу и права человека. Свободу и права человека гарантируют лишь начала, имеющие сверхчеловеческую природу, возвышающиеся над человеческим произволом. Максимум свободы достигается сочетанием нескольких принципов. Ибо всякое самодержавие, кроме самодержавия Бога, опасно для человека. Для истинной свободы человека, для охранения его достоинства и для гарантии прав его важно, чтобы воля народа была направлена к добру, чтобы истина и правда владели ею. Освобождение человека и народа есть освобождение воли человека и народа от зла, подчинение ее Божьей правде. Если воля народа подчинена злым стихиям, то она – порабощенная и порабощающая воля. И как могли вы дойти до того, чтобы признать волю народа саму по себе верховным благом и в ней искать источника освобождения? Вы впали в грех человекообожествления и пошли путем человекообожествления. Чтобы освободить себя и других, человек должен признать волю высшую, чем он сам, и ее искать, ее осуществлять в жизни общества. Формальный принцип народовластия сам по себе уже безбожен. Можно признавать демократию как одно из подчиненных начал общественной жизни, но религиозно недопустимо признавать ее верховным началом. Христианство не имеет ничего общего с демократией и не может давать обоснования демократии. Эта попытка сблизить христианство и демократию есть великая ложь нашего времени, отвратительная подмена. Христианство – иерархично. Христианское откровение о бесконечной ценности души человеческой, о равноценности перед Богом всех душ человеческих не есть демократическое откровение, не есть демократическое равенство. Христианское братство не есть демократическое равенство. Все качественно в христианстве, все неповторимо индивидуально, все единственно, все связано с личностью и потому иерархично. Вот чего вы никогда не могли понять: связи личности с иерархизмом. Вы думаете, что личности благоприятно уравненное, упрощенное и смешанное состояние общества, что иерархическое начало враждебно личности. Но это и есть основная ваша ложь, ваше духовное невежество. Само существование личности предполагает иерархический строй космоса, качественное различие и расстояние, общественную и мировую среду, которая не представляла бы бесформенной бездны, всеуравнивающей и всесмешивающей.

<...>

Народы должны были пройти через опыт демократии, должны были испытать демократическую самодеятельность. Не для того, чтобы на веки веков демо-

кратически устроиться, а для того, чтобы познать тщету и пустоту притязаний демократии. Демократия – переходное состояние. В самом зарождении демократии допускается ложь. Демократии зарождаются через демагогию, через низкую лесть интересам и инстинктам масс. Из этого нечистого источника не может родиться никакая общественная правда. Самодеятельность и самоутверждение человеческого количества легли в основу демократии и не могли пойти на благо тех общественных образований, которые создавались в такой психической атмосфере. Демократия сделалась орудием человеческих интересов и человеческих страстей, ареной борьбы за власть и за господство. Демократия усилила греховную похоть жизни. Демократия понимает власть как право, а не как обязанность. И всякая высшая идея в демократических обществах умирает. Господство демократии означает господство интересов разных общественных групп и их борьбу за власть. И это и есть источник вырождения демократии. Какой-то червь внутренне подтачивает демократические общества. В основе их лежит духовная ложь. Опыт демократии выясняет, что человек не может устроиться собственными силами, не может окончательно рационализировать общественную жизнь по своему малому разуму. Измена своему назначению со стороны иерархически водительствовавших слоев общественного организма толкала народы на путь демократического опыта. И оказывалась невозможной и бессильной реставрация старого органического строя. Старый органический быт разрушался в демократических революциях, и жажда возврата к нему была лишь романтической мечтой. Народы нельзя внешне принудить к старому монархически-аристократическому строю. Народы проходят через раздвоение и расщепление, через смерть старой органичности. Но они не создают новой правды и новой красоты, они впадают в неправду и в уродство. Много испытать должны они, много изжить, много пережить, прежде чем придут к новой органичности, прежде чем соберут себя во имя высшей идеи. И остается мучительный вопрос: могут ли народы прийти на этой земле к праведному и прекрасному обществу? В это трудно верить, и этому не учит нас христианство. Начала космические продолжают существовать в человеческом обществе, они имеют неистребимую онтологическую основу, заложенную в самой божественной действительности. Но очень сложно отношение этих онтологических основ к феноменологии общественности. За видимой, внешней общественностью действует общественность невидимая, внутренняя. Она-то и спасает мир от распада, не допускает возвращения его к хаосу. В человеческих обществах действуют таинственные силы, которые не учитываются всеми рационалистическими теориями общества.

Из глубокого кризиса демократии не может быть выходов исключительно политических и социальных. В европейском мире чувствуется безнадежная и роковая исчерпанность всех политических форм. По-новому повторяют и комбинируют уже знакомые старые начала.

Политическое творчество иссякает. Трудно придумать что-либо новое. И давно уже пора всем вам, так веровавшим в политику и во внешнюю общественность, обратиться к большей глубине, пора одуматься, приостановить рассеяние энергии вовне и направить ее внутрь. Кризис демократии не есть кризис

политический, это прежде всего кризис духовный. В кризисе этом обнаруживается ложь религиозных основ демократии. Попытки дать теократическое обоснование и оправдание демократии представляют еще большую ложь и соблазн, чем теократическое обоснование и оправдание цезаризма. Я не приверженец идеи византийско-теократического самодержавия и не верю в возможность возврата к нему. Но в этой древней идее есть большая глубина, большая красота и благородство, чем в идее теократической демократии. Помазание Божье не может покоиться на человеческом количестве, на человеческой массе. Помазание есть избрание. Теократическая демократия есть отрицание избрания. Человечество изверилось в единоспасающих началах общественной жизни, претендующих на исключительное господство. Кумир народовластия так же низвергнут, как и кумир единовластия. Задачи общественности бесконечно усложнились. В демократизме останется только одна нравственная правда простоты, противоположная барскому отношению к народу. Братское отношение человека к человеку должно быть духовной основой всякого достойного общества. Христианство внутренне давно уже ограничило притязания всех начал общественности на главенство и верховенство. Теократическая мечта христианского мира не находит себе адекватного выражения в каком-либо едином начале общественности. И христианское сознание должно в конце концов прийти к тому, что в видимой земной общественности нет единого суверенного начала, на котором можно было бы построить царство Божьей правды. Высшее начало нужно искать в глубине духа. Демократия должна быть, прежде всего, ограничена духовной жизнью и подчинена духовной жизни. Это ставит задачу внутреннего воспитания демократии. Она остро сознается лучшими политическими мыслителями и деятелями. Но как беспомощны они в ее разрешении!

Торжествующая демократия не поддается воспитанию, она остается на поверхности жизни и не хочет идти вглубь. Лишь ужас жизни, лишь гибель всех надежд может принудить самодовольную демократию, как и самодовольную монархию и аристократию, к углублению, к исканию выхода в духовной жизни. Так упираются все политические кризисы в кризис религиозный. Демократия слишком пленилась благами земной жизни. Она перестала верить в то, что человеческое общество имеет и сверхземную цель. Мировое демократическое движение, вызывающее в чутких и глубоких людях религиозную тревогу, приводит к горькому пессимизму. Но в пессимизме этом есть здоровое начало. Он обращает человека к сверхземной жизни. Опыт человека в демократии должен обратить его к Богу. В этом – значение демократии.

*Извлечение публикуется по изданию:
Русское зарубежье.
Л., 1991. С. 135–151.*

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ НОВГОРОДЦЕВ

ДЕМОКРАТИЯ НА РАСПУТЬЕ¹

1923 г.

Со времен Токвиля в политической литературе неоднократно высказывалась мысль, что развитие государственных форм с неизменной и неотвратимой закономерностью приводит к демократии. Признанные и влиятельные политические писатели, как Прево-Парадоль² и Э. Шерер³, подобно Токвилю, содействовали утверждению этой мысли в общем сознании. И их мнения представлялись тем более значительными, что они отнюдь не вытекали из пламенного преклонения пред демократической идеей. Демократия представлялась им естественным и неизбежным фактом, который непременно наступит, все равно, «боятся ли его или желают его» (как выражался Шерер). С чисто английской осторожностью в деле установления общих выводов Генри Арэн⁴ пытался поколебать эту точку зрения как одно из тех огульных политических обобщений, которые «почти все происходят из Франции». Тем не менее это французское мнение проникло и в Англию, и в наши дни на основании более широкого круга наблюдений его повторяют новейшие английские исследователи Гирншоу⁵ и Брайс⁶.

Но когда сейчас мы ищем некоторого общего положения, которое передавало бы самые важные и яркие впечатления, связанные с демократической формой, то таким положением никак нельзя будет признать старое предсказание Токвиля. С тех пор как в целом ряде стран демократия стала практической действительностью, она сделалась и в то же время предметом ожесточенной критики. И если прежде самым характерным обобщением политической науки была мысль о грядущем торжестве демократии, теперь таким обобщением надо признать утверждение о неясности ее будущего. Пока демократии ждали, о ней говорили, что она непременно наступит, когда же она наступила, о ней говорят, что она мо-

¹ Впервые работа была опубликована в сборнике «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии», изданной в 1923 г. в Берлине (издательство «Обелиск») под редакцией Н.А. Бердяева.

² Prevost-Paradol. La France Nouvelle, 1868 (прим. П. Новгородцева).
Прево-Парадоль Люсьен-Анатоль (1829–1870) – французский публицист.

³ E. Schérer. La Démocratie et la France, 1885 (прим. П. Новгородцева).
Шерер Эдмон (1815–1889) – французский публицист и критик.

⁴ Sir H.S. Araine. Popular Government, 1886 (прим. П. Новгородцева).

⁵ Hearnshaw. Democracy at the Crossways, 1919 (прим. П. Новгородцева).

⁶ Вруссе. Modern Democracies, I–II v., 1921 (прим. П. Новгородцева).

Брайс Джон – английский юрист и социолог, первый президент Лондонского социологического общества, основанного в 1903 г. (прим. изд. 1991 г.).

жет и исчезнуть. Прежде ее нередко считали высшей и конечной формой, обеспечивающей прочное и благополучное существование; теперь ясно ощущают, что, отнюдь не создавая твердого равновесия жизни, она более чем какая-либо другая форма возбуждает дух исканий. В странах, испытавших эту форму на практике, она давно уже перестала быть предметом страха; но она перестала здесь быть и предметом поклонения. Те, кто ее опровергает, видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают, что, как всякое земное установление, она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было безмерно превозносить.

В сущности, только теперь новая политическая мысль достигает настоящего понимания существа демократии. Но, достигая его, она видит, что демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью, что вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей. Более спокойные наблюдатели полагают, что прямой путь все же не утерян; более пылкие говорят, что выхода нет, что наступил трагический час.

Таковы мысли и впечатления современного политического сознания, которые я хочу здесь разъяснить. Но прежде всего мне надо установить, что мы будем понимать под демократией и о какой демократии мы будем говорить. Сделать это тем более необходимо, что это понятие принадлежит к числу наиболее многочисленных и неясных понятий современной политической теории. Это одно из самых распространенных обыкновений нашего времени, в иных случаях являющееся простительной слабостью, – в вопросах политики непременно становится под знамя демократии. Как справедливо замечает один из самых талантливых государствоведов наших дней Кельзен¹, в XIX и XX столетиях слово демократия является почти повсюду господствующим лозунгом, и неудивительно, если оно, как всякий такой лозунг, утратило определенное и твердое содержание. Следуя требованию моды, его считали нужным употреблять по весьма возможным поводам и для всех возможных целей, так что оно стало покрывать собою самые различные и часто совершенно противоречащие друг другу понятия². Любой представитель социализма, отделяющий себя от коммунистической партии, скажет сейчас, что диктатура пролетариата, осуществленная в России, есть полное отрицание демократических начал. Между тем сами представители русского коммунизма с такой же уверенностью заявляют, что они-то как раз и осуществляют в жизни настоящую реальную демократию, тогда как их противники стоят на точке зрения формальной и призрачной демократии. Такого же рода взаимные упреки слышатся и нередко в других случаях, причем в этих спорах в понятие демократии большей частью вкладывается совершенно различное содержание.

Итак, что же такое демократия? Когда древние писатели, и притом самые великие из них – Платон и Аристотель, отвечали на этот вопрос, они имели в виду прежде всего демократию как форму правления. Они различали формы правления в зависимости от того, правит ли один, немногие или весь народ и устанавливали три основных формы – монархию, аристократию и демократию. Но и

¹ Кельзен Ханс (1881–1973) – австрийский юрист, один из основателей нормативизма в праве.

² Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie, Tübingen, 1920. S. 3 (прим. П. Новгородцева).

Платон, и Аристотель каждую форму правления связывали с известной *формой общественной жизни*, с некоторыми более глубокими условиями общественного развития. Оба они имели пред собой богатый опыт развития и смены политических форм, и оба видели, что если есть в государстве какая-то внутренняя сила, которою оно держится, несмотря на всяческие бедствия, то формы его меняются. Каждая из этих форм может быть хуже или лучше в зависимости от того, следуют ли они по пути закона или отступают от него, имеют ли они в виду общее благо или собственные интересы правителей¹. Но все эти формы подвижны, изменчивы; ни одна не является прочной: в частности, демократия подлежит тому же закону изменений. В страстном и суровом изображении Платона эта изменчивость демократии превращается в болезненное лихорадочное горение: с виду это лучшее из правлений, все становятся здесь свободными, всякий получает возможность жить, как хочет, и устраивать свою жизнь, как ему нравится; но именно вследствие того, что в жизни людей тут нет ничего твердого, никакого плана и порядка, никакой необходимости, все здесь приходит в расстройство. Изменчивость и подвижность демократии отмечает и Аристотель. В согласии с Руссо наиболее прочным он считает демократический строй у народов, живущих жизнью простой и близкой к природе. Другие виды демократии кажутся ему более подверженными изменениям, причем самым худшим видом он считает тот, в котором под видом господства народа правит кучка демагогов, в котором нет твердых законов, а есть постоянно меняющиеся предписания, в котором судебные места превращаются в издевательство над правосудием.

Новая политическая мысль внесла значительные осложнения в простоту греческих определений. Древний мир знал только непосредственную демократию, в которой народ сам правит государством чрез общее народное собрание. Понятие демократии совпало здесь с понятием демократической *формы правления*, с понятием непосредственного народоправства. Из новых писателей это греческое словоупотребление воспроизводит Руссо: и для него демократия есть форма правления, в которой народ непосредственно не только законодательствует, но и управляет. Но, с другой стороны, именно Руссо дал основание теоретическое для того, более широкого понимания демократии, которое утвердилось в XIX и XX столетиях. Поскольку он допускал, что с верховенством народа совместимы различные формы правительственной власти – и демократическая, и аристократическая, и монархическая, – он открыл теоретическую возможность для нового понимания демократии как *формы государства*, в котором верховная власть принадлежит народу, а формы правления могут быть разные. Сам Руссо считал демократию возможной только в виде непосредственного народоуправства, соединяющего законодательство с исполнением. Те формы государства, в которых народ оставляет за собой только верховную законодательную власть, а исполнение передает монарху или коллегии немногих, он признавал законными с точки зрения народного суверенитета, но не называл их демократическими. При этом он вообще и ни в каких правовых формах не допускал представительства. В от-

¹ Это признает и Платон при более спокойном рассмотрении предмета в диалоге «Политик» (прим. П. Новгородцева).

личие от Руссо, позднейшая теория распространила понятие демократии на все формы государства, в котором народу принадлежит верховенство в установлении власти и контроль над нею. При этом допускается, что свою верховную власть, свою «общую волю», чтобы употребить термин Руссо, народ может проявлять как непосредственно, так и через представителей. В соответствии с этим демократия определяется прежде всего как форма государства, в которой верховенство принадлежит общей воле народа. Это есть самоуправление народа или, следуя недавнему определению Брайса, правление не одного какого-либо класса, а всех классов вместе, всей массы народа в совокупности. Демократической идее одинаково противоречит всякое классовое господство, всякое поставление одних классов над другими, все равно, какие бы это классы ни были, высшие или низшие. Классовая демократическая теория, какую ее пытались сделать социалисты, есть *contradictio in adjecto*¹.

На основании этих определений монархическая Англия считается современной теорией не менее, а в некоторых отношениях и более демократией, чем республиканская Франция. Равным образом и ряд других монархических стран, как Италия, Норвегия, Швеция, Дания, Бельгия, Голландия, причисляются к демократиям, в то время как республики центральной Америки не считаются демократиями².

В этом смысле новая теория пришла к гораздо более сложному представлению о демократии, чем то, которое встречается в древности. Но в другом отношении она не только подтвердила, но и закрепила греческое понимание существа демократии. Выдвинув в качестве общего идеала государственного развития идеал правового государства, новая теория рассматривает и демократию как одну из форм правового государства. А так как с идеей правового государства, как она развивается в новое время, неразрывно соединяется представление не только об основах власти, но и о правах граждан, о правах свободы, то издревле идущее определение демократии как формы свободной жизни связывается здесь органически с самым существом демократии как формы правового государства.

С этой точки зрения демократия означает возможно полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем. Если Платон существо демократии усматривал в том, что всякий получает здесь возможность жить, как хочет, и устраивать свою жизнь, как ему нравится, то это древнее определение как нельзя лучше подходит и к современному пониманию демократии. И в современном смысле слова идее демократии соответствует возможно полное и свободное проявление жизненных сил, живая игра этих сил, простор для различных возможностей; открытость и широта для всяких направлений и проявлений творчества. И хотя практически демократия представляет собой управление большинства, но, по меткому определению Рузвельта³, лучшим свидетельством любви к свободе является то положение, в которое ставятся группы, находящиеся

¹ Противоречие в определении, внутреннее противоречие (*лат.*).

² Вгусе. *Modern Democracies*. V. I. P. 26 (*прим. П. Новгородцева*).

³ Рузвельт Теодор (1858–1919) – американский государственный деятель. Президент США в 1901–1909 гг.

в меньшинстве. Ибо каждый человек, как говорит он, «должен иметь одинаковую с другими возможность проявить свою сущность»¹.

Упомянутый уже мною немецкий ученый Кельзен нашел для этой системы отношений удачное новое обозначение, назвав ее системой *политического релятивизма*. Это значит вот что: если система политического абсолютизма представляет неограниченное господство какого-либо одного политического порядка, а иногда и какой-либо одной совокупности верований и воззрений, с принципиальным отрицанием и запрещением всех прочих, то система политического релятивизма не знает в общественной жизни никакого абсолютного порядка и никаких абсолютных верований и воззрений. Все политические мнения и направления для нее относительны, каждое имеет право на внимание и уважение. Релятивизм есть то мировоззрение, которое предполагается демократической идеей. Поэтому она и открывает для каждого убеждения возможность проявлять себя и в свободном состязании с другими убеждениями утверждать свое значение². Демократическая идея требует свободы для всех и без всяких исключений и с теми лишь ограничениями, которые вытекают из условий общения.

Современные теоретики демократии называют ее также свободным правлением, *free government*. Это показывает, в какой мере понятие свободы неразрывно сочетается с представлением о демократической форме государства и как бы исчерпывает это понятие. Однако мы упустили бы один из самых существенных признаков демократической идеи, если бы не упомянули о свойственном демократии стремлении к равенству. Еще Токвиль отмечал, что демократия более стремится к неравенству, чем к свободе. «Я думаю, – пишет он в своей знаменитой книге «О демократии в Америке», – что демократические народы имеют естественный вкус к свободе; предоставленные самим себе, они ищут ее, они любят ее и с горечью видят, как их от нее удаляют. Но к равенству они имеют страсть горячую, ненасытную, вечную, непобедную, они хотят равенства в свободе, и, если не могут ее получить, они хотят его также и в рабстве. Они перенесут бедность, порабощение, варварство, но они не перенесут аристократии»³. Эти слова были написаны свыше восьмидесяти лет тому назад, и сейчас Брайс подтверждает, что с тех пор не случилось ничего такого, что могло бы опровергнуть мнение Токвиля: и теперь приходится признать, что любовь к равенству в демократических странах сильнее любви к свободе⁴.

С точки зрения моральной и политической между равенством и свободой существует наибольшее соотношение. Мы требуем для человека свободы во имя безусловного значения человеческой личности, и, так как в *каждом* человеке мы должны признать нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства. Демократия ставит своей целью осуществить не только свободу, но и равенство; и в этом стремлении ко всеобщему уравниванию не менее проявляется сущность демократической идеи, чем в стремлении ко всеобщему освобож-

¹ П. И. Новгородцев цитирует слова из речи Т. Рузвельта в Сорбонне (прим. изд. 1991 г.).

² Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie, Tübingen, 1920 (прим. П. Новгородцева).

³ Токвиль А. де. Демократия в Америке, т. II, часть 2, гл. 1.

⁴ Вгусе. Modern Democracies. V. I. P. 77 (прим. П. Новгородцева).

дению. Идея общей воли народа как основы государства в демократической теории неразрывно связывается с этими началами равенства и свободы и не может быть от них отделена. Участие всего народа, во всей совокупности его элементов, в образовании всеобщей воли вытекает столько же из идеи равенства, сколько из идеи свободы.

Я исчерпал основные определения демократии, поскольку они необходимы мне для дальнейшего изложения. Я хочу пояснить теперь эти определения со стороны отрицательной, показав, чем не может быть демократия, сколько бы она на это ни притязала.

Первые провозвестники демократической идеи соединяли со своей проповедью чисто религиозное воодушевление. Для них демократия была своего рода религией. Следы этого политического фетишизма встречаются иногда и в воззрениях наших дней: за неимением другой веры возлагают все надежды на демократию, как на всемогущую и всеисцеляющую силу, и на нее переносят весь жар сердца, весь пламень энтузиазма. В связи с этим стоит и упомянутое уже в начале убеждение, будто бы демократия есть некоторая высшая и конечная форма, в которой политическое развитие достигает своей предельной точки.

Современная политическая теория откидывает эти взгляды как наивные и поверхностные и противопоставляет им целый ряд наблюдений и выводов, снимающих с демократии ореол чудесного, сверхъестественного и вводящих ее в ряд естественных политических явлений, в ряд других политических форм. И прежде всего, эта теория указывает на чрезвычайную трудность осуществления демократической идеи и на величайшую легкость ее искажений. Припомним, что еще такой великий и прославленный носитель демократической идеи, как Руссо, именно потому, что он горячо любил демократию истинную, находил, что она может быть осуществлена лишь при особо счастливых и исключительных условиях. «Если брать понятие демократии во всей строгости его значения, – говорил Руссо, – то истинной демократии никогда не было и не будет. Демократия, собственно говоря, приходится богам, а не людям»¹. И замечательно, что Брайс, новейший исследователь демократических форм, обладающий громадными познаниями из области их практического применения, на основании всего, что он знает, повторяет слова Руссо: «Если брать понятие демократии во всей строгости его значения, то истинной демократии никогда не было и не будет»².

Эти авторитетные суждения величайшего апостола демократии, каким был Руссо, и величайшего ее знатока, каким является Брайс, вполне подтверждают и ярко отчеркивают те выводы о демократии, к которым приводит и исторический опыт, и политическая наука. Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, демократия, осуществится сама собой. Нередко думают, что провозглашение всяческих свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Кн. III, гл. IV.

² Брайс. *Modern Democracies*. V. II. P. 600 (прим. П. Новгородцева).

случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма.

Мысль о том, что с разрушением старых устоев тотчас же водворяется истинная свобода, принадлежит анархической, а не демократической теории. Отсюда она проникла в различного рода народнические учения. В противоположность этому анархическому взгляду современные исследователи демократии единодушно признают, что как более поздняя и сложная форма политического развития она требует и большей зрелости народа. По существу своему, как мы сказали, демократия есть самоуправление народа; но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретается долгим и суровым опытом жизни. И чем сложнее и выше задачи, которые ставятся пред государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжения всех нравственных сил.

Но эти же условия осуществления демократии вытекают и из другого ее определения как системы свободы, как политического релятивизма. Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни.

Наконец, те же требования известной высоты нравственного сознания народа вытекают и из свойственного демократии стремления к равенству. Подобно страсти к свободе, и страсть к равенству, если она приобретает характер слепого стихийного движения, превращается в «фурию разрушения». Только подчиняя себя высшим началам, и равенство, и свобода становятся созидательными и плодотворными основами общего развития.

Вот почему сторонники демократии на всех языках и в самых разнообразных вариантах повторяют одну и ту же мысль: демократия невозможна без воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня¹. И не следует ли признать знаменательным, что именно у английских писателей, которые в прошлом своей страны имеют пример особенно закономерного и последовательного развития демократического строя, повторяется сейчас старая мысль Лавеле о значении для демократии глубокого религиозного чувства². Не удивительно, если у тех же

¹ См., напр., из новых писателей: Gustav Steffen. *Das Problem der Demokratie*, Jena, 1912. S. 97, 110, 113. Gradnauer. *Sicherung und Ausbau der Demokratie* в сборнике: «*Das Programm der Sozialdemokratie*», Berlin, 1920. S. 75. Guy-Grand. *La Démocratie et l'après guerre*, Paris, 1922. P. 265. Hearnshaw. *Democracy at the Crossways*, London, 1919, § 69. Bryce. *Modern Democracies*, London, 1921. V. 1. Ch. VIII (прим. П. Новгородцева).

² Hearnshaw, p. 397–398. Ср.: Bryce, V. I. Ch. IX (прим. П. Новгородцева).

сторонников демократии мы находим решительно выраженное утверждение, что «истинной демократии еще нет», что демократия все еще остается задачей, подлежащей осуществлению, «проблемой будущего», что современные демократии нуждаются в глубочайшей реформе для того, чтобы выйти на «прямой путь».

Степень отдаленности современных демократий от демократического идеала познается в особенности в одном очень существенном пункте, а именно в вопросе о фактическом осуществлении народовластия. Руссо, конечно, был прав, когда с понятием истинной демократии он соединял живое и непосредственное участие всего народа не только в законодательстве, но и в управлении, когда он утверждал, что система представительства есть отступление от народовластия в строгом смысле этого слова. Но в то же время он прекрасно понимал, насколько трудно провести в жизнь подлинную демократическую идею; ибо, как говорил он, «противно естественному порядку, чтобы большинство управляло, а меньшинство было управляемо». И действительно, в демократиях с естественной необходимостью над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь. Это давно замеченное и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих. Новейшее исследование Брайса дало убедительнейшие подтверждения этому старому наблюдению.

Некоторые из современных теоретиков демократии, преклоняясь перед неизбежностью этого наблюдения и соглашаясь с тем, что в демократиях, как и во всех других политических формах, определяющее значение принадлежит не массам, а вождям, отстаивают превосходство демократической системы с той точки зрения, что тут лучше всего совершается качественный отбор вождей¹. Иногда этой мысли придают и такой более решительный оборот, что «без присущего массам высокого почитания «аристократических» типов людей и высших культурных ценностей демократия немислима», что «глубоко коренящийся аристократизм является солью жизнеспособного демократизма»². Пусть будет так, пусть действительно демократия обладает этим свойством лучшего отбора вождей – хотя, конечно, этому утверждению нельзя придавать безусловного значения, – пусть демократизм практически допускает сочетание с аристократизмом, но все это находится, несомненно, в противоречии с чистотой демократической идеи, которая состоит не в отборе лучших вождей, а в освобождении от всяких вождей, в уменьении всех и каждого руководить самим собою³. Но если существо демократической идеи действительно таково, то признать неизбежность факта олигархического руководства массами и необходимость аристократической соли для жизнеспособности демократий – это значит повторить старое утверждение Руссо, что истинная демократия более пригодна для богов, чем для людей.

Так или иначе, но это факт, что лучшими формами демократии и сейчас, согласно Аристотелю и Руссо, приходится признавать простейшие по своему соци-

¹ Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie. S. 29 (прим. П. Новгородцева).

² Steffen. Das Problem der Demokratie. S. 101 (прим. П. Новгородцева).

³ Это должен признать Kelsen, *ibid.* S. 29. Ср.: Sozial-Idealismus, Berlin, 1920. S. 252 (прим. П. Новгородцева).

альному составу страны, какими являются Швейцария и Оранжевая Республика до 1895 года, до Южно-Африканской войны¹. Здесь между массами и вождем было всего больше близости. На второе место следует поставить демократии, где вожди сохраняют живую связь с народом и находятся под более или менее действительным его контролем. Таковы прежде всего англосаксонские демократии. Однако в отношении к Соединенным Штатам и Канаде приходится сделать оговорку о могущественном значении здесь денег, о силе плутократии². Еще громче и тревожнее звучат эти жалобы во Франции, где, по словам Пюи-Грана, «власть денег портит все», где «нет организованной духовной силы, способной нанести этой власти удар»³. Брайс подтверждает, что и вообще говоря, «демократия не имеет более настойчивого и более коварного врага, чем власть денег»⁴. И неудивительно, если скорее остроумный, чем основательный критик демократии Шпенглер⁵ делает вывод, что «при посредстве денег демократия уничтожает самое себя»⁶.

Мы не будем здесь говорить о тех демократиях, которые, присваивая себе иногда это наименование, по существу являются самыми настоящими олигархиями. Таковы латинские республики Центральной Америки, политическая история которых сводится к постоянному круговороту революционных изменений, где одна олигархия силой сменяет другую.

Конечно, утверждение, что чистый принцип демократии никогда не может быть осуществлен, должно быть ослаблено замечанием, что и другие государственные формы никогда не осуществляются в чистом виде. Когда сейчас сторонники демократии разбирают ее недостатки, они указывают, что эти же или какие-нибудь другие недостатки свойственны и другим формам. Человеческая природа остается одинаковой во всех формах, и те же недостатки ума и характера людей, та же слабость их воли обнаруживаются равным образом во всех видах человеческого общения. Так рассуждает, например, Гирншоу⁷. Это рассуждение совершенно справедливо, но оно именно и вводит демократию в ряд других форм, снимая с нее ту печать совершенства и законченности, которую ей хотели придать ее первые провозвестники. Демократия имеет некоторые бесспорные преимущества⁸, но она имеет и свои неистребимые недостатки, – вот что говорит современная политическая мысль, сменившая религиозное отношение к демократии научным.

Но этого мало. Современная наука должна признать и еще одно очень существенное положение, на котором мы должны теперь остановиться. И там, где демократии существуют уже многие десятки лет, где они проявили способность

¹ Вгусе. *Modern Democracies*. V. II. P. 541 (прим. П. Новгородцева).

Оранжевое свободное государство, созданное в 1854 г. из Капской колонии буров; Англо-бурская война началась не в 1895, но в 1899 г. (прим. изд. 1991 г.).

² Вгусе, *ibid.* (прим. П. Новгородцева).

³ Guu-Grand, *op. cit.* P. 273–274 (прим. П. Новгородцева).

⁴ Вгусе, *op. cit.* V. II. P. 533 (прим. П. Новгородцева).

⁵ Шпенглер Освальд (1880–1936) – немецкий философ, историк.

⁶ Spengler. *Der Untergang das Abendlandes*, München, 1922, bd. II. S. 582 (прим. П. Новгородцева).

⁷ Hearnshaw; *op. cit.* P. 71. Ср.: Вгусе, V. II. P. 685 (прим. П. Новгородцева).

⁸ В особенности в книгах Гирншоу и Брайса читатель найдет спокойное научное разъяснение этих преимуществ, на которых здесь нет необходимости останавливаться (прим. П. Новгородцева).

противостоять величайшим опасностям и обнаружили удивительную доблесть граждан, как это было во времена недавней мировой войны, они переживают сейчас какое-то внутреннее недомогание, испытывают какой-то серьезный кризис. Весьма знаменательно, что автор одного из самых значительных новейших трудов о демократии Гиришоу озаглавил свою книгу характерным обозначением: «Демократия на распутье», а другой, еще более компетентный исследователь, Брайс в конце своего труда приходит к выводу, что демократия находится теперь в положении «путника, который, стоя на опушке большого леса, видит перед собою несколько тропинок, расходящихся при их удалении, и не знает, какая из них выведет его»¹.

Эти заключения чрезвычайно знаменательны. В противоположность политическому оптимизму недавнего прошлого, когда казалось, что демократия есть нечто высшее и окончательное, что стоит только достигнуть ее, и все остальное приложится, теперь приходится признать, что демократия, вообще говоря, есть не путь, а только распутье, не достигнутая цель, а проходной пункт. От правых и левых, от крайних и умеренных, как это имеет место особенно во Франции, мы нередко слышим: нет, это не то, не то. Более спокойные англичане, согласно темпераменту своей расы, не отказываются так легко от старых симпатий, они скорее присматриваются и вдумываются, чем исходят в страстной критике и ожесточенных нападках. Но, взвешивая условия, к которым привела демократия, и они говорят: это распутье, это опушка леса с неизвестно куда расходящимися тропинками. Они надеются, что прямой путь еще не утерян; но в то же время они видят, что уводящие в сторону перекрестные пути таят в себе великие соблазны.

Я думаю, что в этом ощущении и сознании положения, к которому привела современная демократия, как распутья, заключается весьма глубокая интуиция, весьма тонкое восприятие самого существа демократии. Поскольку демократия есть система свободы, есть система политического релятивизма, для которого нет ничего абсолютного, который все готов допустить, – всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы, – она и есть всегда распутье; ни один путь тут не заказан, ни одно направление тут не запрещено. Над всей жизнью, над всей мыслью господствует принцип относительности, терпимости, широчайших допущений и признаний. «Современные общества, – говорит Пюи-Гран, – представляют собою открытые дома, все влияния в них могут вступить между собою в борьбу, все возможности осуществиться»². Или, как выражает ту же мысль Гасбах, «демократия есть как бы пустое пространство, в котором могут развиваться самые разнообразные политические стремления, в предположении, что их носители находятся в большинстве»³. Все это лишь различные формы одной и той же мысли.

Да, демократия всегда есть распутье, есть система релятивизма, система открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог. И если в наши дни это чувствуется с такой яркостью и осязательностью, то именно потому, что среди

¹ Брайс, *op. cit.* V. II. P. 657 (*прим. П. Новгородцева*).

² Guy-Grand, *op. cit.* P. 274 (*прим. П. Новгородцева*).

³ Hasbach. *Die moderne Demokratie*, 2 auflage, Jena, 1921. S. 121 (*прим. П. Новгородцева*).

народов, живущих под властью демократии, стали обнаруживаться стремления оставить распутье и выйти на какой-либо твердый путь. Говоря иными словами, система свободы и свободной игры жизненных интересов и сил, система открытых дверей и неопределенных возможностей как бы утомила людей и не удовлетворяет их более. Этого нельзя, конечно, сказать о всех; но что весьма значительные группы в современных демократиях выражают недовольство и жаждут перемен, это – общеизвестный факт.

Своими широчайшими перспективами и возможностями демократия как будто бы вызвала ожидания, которых она не в силах удовлетворить. А своим духом терпимости и принятия всех мнений, всех путей она открыла простор и для таких направлений, которые стремятся ее ниспровергнуть. Она не могла быть иною, ибо в этом ее природа, ее преимущество. Но этой своей природой и этим своим преимуществом она могла удовлетворить лишь некоторых, а не всех. У людей всегда остается потребность продолжать любую действительность до бесконечности абсолютного идеала, и никаким устройством государства их нельзя удовлетворять.

Демократия обещала быть выражением общей воли, осуществлением равенства и свободы. Но принцип общей воли оказался загадочным и проблематическим¹, а начала равенства и свободы сложными и противоречивыми². Поэтому осуществление демократической идеи всегда остается лишь очень приблизительным и не точным.

Брайс, конечно, прав, когда он говорит, что демократия опровергла предсказания не только своих друзей, но и своих врагов. Несомненно, что в области практической, как он на это указывает, демократия достигла весьма значительных успехов. Но ее апостолы, сделавшие из нее свою религию, ожидали от нее необычайных успехов в области моральной, и здесь она оказалась бессильной. Она не сблизила в чувствах братства и дружбы народы, ни людей в пределах отдельных народов. Она не создала общего довольства среди людей и не устранила страх революций. Напротив, именно в последнее время классовая вражда стала серьезной угрозой миру в государствах³.

И когда Брайс ставит вопрос, может ли демократия смениться другими формами, ответ для него ясен: «Это случалось ранее и, сколько бы раз ни случалось, может случиться и вновь». Ведь было же так в истории, что народы, которые знали и ценили политическую свободу, отказались от нее, не очень о ней жалели и забыли о ней⁴. И если разобрать, какое из благ демократического государства сейчас подвергается сомнению и находится в опасности, то придется сказать, что это и есть именно политическая свобода. Подвергается сомнению и находится в опасности вся эта система широких перспектив и неопределенных возможностей, которая создана демократией. В этом отношении угрозы демократии слы-

¹ Kelsen, op. cit. S. 28; Bryce, op. cit. V. II. P. 599–602. В своей книге «Кризис современного правосознания», вышедшей 14 лет назад, я старался это подробно разъяснить (прим. П. Новгородцева).

² См. в той же моей книге развитие этого положения (прим. П. Новгородцева).

³ Bryce, op. cit. V. II. P. 616–617, 583–585 (прим. П. Новгородцева).

⁴ Bryce, ibid. P. 659 (прим. П. Новгородцева).

шатся одинаково справа и слева.

В свое время Маркс подал пример решительного отрицания идеи свободного государства и осмелся верование «вульгарной демократии», которая видит в демократической республике тысячелетнее царствие и не имеет никакого предчувствия о том, что именно в этой последней государственной форме классовая борьба будет окончательно разыграна. Он отвергал демократию во имя нового порядка, освобожденного от колебаний свободы и поставленного на почву норм твердых и непререкаемых, связей безусловных и всеобщих. Тут очевидно движение от демократического распутия, от духа критики и терпимости, от широты и неопределенности релятивизма к твердому пути социализма, к суровой догме, к абсолютизму рациональной экономической организации. Исходя из иных мотивов, но с точки зрения формальной в том же направлении движется и консервативная мысль, которая также требует большей определенности и авторитетности, большей твердости и святости государственного порядка. В наше время это совпадение критики справа и критики слева особенно замечательно: оно выражается в совершенно одинаковых указаниях, что демократия представляет собою форму исключительно критическую и разрушительную, форму социального атомизма, неспособного к организации¹.

Надо ли прибавлять, что и анархизм, хотя он и критикует демократию с точки зрения ее же собственного принципа свободы, но доведенного до конца, до последнего предела и связанного с идеей беспощадной социальной революции, также ищет большей определенности, большей последовательности. Для него демократия плоха тем, что это все еще государство, что движение свободы останавливается здесь на половине пути, между тем как ему нужна свобода полная и безграничная.

Давно уже Прудон чрезвычайно удачно обозначил конечную цель и социалистических, и анархических стремлений, противопоставленных демократическому и вообще государственному строю, в следующих кратких формулах: «На место политических властей мы ставим экономические силы..., на место политической централизации мы ставим экономическую централизацию». Как правильно указывают современные последователи Прудона, *l'esprit proudhonien*² отвергает в корне и до конца *la démocratie rousseauiste*³. Вот о каком столкновении принципов идет в наше время речь. Совершенно в том же духе, хотя, по-видимому, не зная этих французских противопоставлений, Брайс утверждает, что главный спор о судьбе демократии сейчас сосредоточивается вокруг вопроса о том, должно ли общество остаться «прежде всего моральным и интеллектуальным единством для осуществления того, что древние философы называли доброй жизнью», или же оно должно стать «по преимуществу экономическим единством, существующим

¹ Ср.: Guy-Grand, op. cit. P. 260. Самым замечательным образцом совпадения правых и левых настроений является книга: Ed. Berth. *Les méfaits des intellectuels*, Paris, 1914. Сейчас Берг увлечен «советской идеей» и снова являет пример своеобразного сочетания правых и левых мотивов. См. его книгу: «*Les derniers aspects du socialisme*», Paris, 1923. Чрезвычайно интересное изложение критики справа см. в книге Thibaudet. *Les idées de Ch. Maurras*, Paris, 1920. P. 216–234: *La Démocratie* (прим. П. Новгородцева).

² Дух прудонизма (франц.) (прим. изд. 1991 г.).

³ Руссоистская демократия (франц.) (прим. изд. 1991 г.).

для целей производства и распределения»¹. Надо признать, что для демократии это спор не на жизнь, а на смерть.

Правда, некоторые из демократических писателей, путая идеи демократии и социализма, полагают, что спор легко разрешить, что демократия политическая, как начало, как «первая ступень, должна естественно перейти в демократию социальную. С этой точки зрения современная демократия есть «нечто не готовое, а только начинающееся и становящееся»². Но если дать себе отчет в основных принципах демократии и социализма, то необходимо прийти к заключению, что речь идет тут о двух совершенно различных системах мысли и жизни, сближающихся лишь в некоторых внешних признаках и резко расходящихся в их внутреннем существе. Демократия, которая последовательно вступила бы на путь социализма и решила бы заменить политическую централизацию экономической, должна была бы отказаться от некоторых самых существенных своих начал и учреждений. И прежде всего она перестала бы быть системой свободы и, вместе с новой сущностью, должна была бы усвоить и новое наименование. Кельзен был безусловно прав, когда он утверждал, что социализм формально стоит ближе к идеологии теократии, чем к идеологии демократии³. Устанавливаемое им различие систем политического абсолютизма и политического релятивизма дает здесь чрезвычайно удачный отправной пункт для сравнений.

Взвешивая все признаки и предвестья наших дней, мы должны сказать, что английские и французские писатели правы, когда они полагают, что для демократии наступил час тревоги и смятенья. Соблазны, встающие перед нею, тем более велики, что они опираются на ее же собственные широкие обещания и на стихийные движения масс, которые она сама оформила и окрылила. Она вызвала духов, с которыми не может совладать. Что противопоставит она им? Религию человека? Но стихийные стремления масс, преображаясь в учение социализма и анархизма, так же и еще более того опираются на религию человека. [...]»⁴ призрачной и бессильной и повторить горькие сетования неудачного заклинателя духов:

Ach! ich merk'es, wehe, wehe!
Hab'ich doch das Wort vergessen!⁵

Более опытные и мудрые, конечно, настоящее слово помнят. Они знают, что демократия, как и всякая другая форма государства, сильна только тогда, когда над ней стоит справедливость, когда народ не забыл, что в мире есть Высшая

¹ Вгусе, *op. cit.* V. II. P. 654 (*прим. П. Новгородцева*).

² Gradnauer. Sicherung und Ausbau der Demokratie, в сборнике: «Steffen. Das Problem der Demokratie». Здесь проводится та же мысль (*прим. П. Новгородцева*).

³ Kelsen. Socialismus und Staat, Leipzig, 1920. S. 125 (*прим. П. Новгородцева*).

⁴ Пропуск в оригинале (*прим. изд. 1991 г.*).

⁵ Цитата из стихотворения Гете «Ученик чародея»:
Как унять готовность эту?
Я забыл слова запрета.

(пер. Б. Пастернака) (*прим. изд. 1991 г.*).

Воля, пред которой народная воля должна преклониться. Они знают, что будущее демократии, как и всякой другой формы, зависит от будущности религии¹.

Но для многих ли демократий понятны эти мысли и слова? Я беру недавнюю, можно сказать, самую последнюю французскую книгу о демократии: Guy-Grand, *La Démocratie et l'après guerre*. Книга начинается с обычных рассуждений о видах демократии на будущее, об эволюции демократии, а кончается подлинным криком сердца: «Несмотря на официальные провозглашения..., демократия не осуществлена», – или: «Мы живем в трагический час, когда открытия человеческого гения борются между собою и друг друга уничтожают»². Пои-Гран знает, что нужна какая-то высшая духовная сила, которая могла бы спасти демократию от переживаемого ею кризиса, и вместе с тем такой силы не находит. «Великому усилию XIX века не удалось создать чисто научную политику, и абсолютный рационализм имеет столь же мало шансов стать новой религией, как и позитивизм. Мы живем в относительном, в критике и в сомнении. Напрасно было бы отрицать эту атмосферу или желать ее совершенно устранить»³. Вспоминая слова Паскаля о человеке: «мыслящий тростник»⁴, Пои-Гран высказывает предположение, что, может быть, это качество человека заключает в себе и постоянную возможность кризисов, тем большую, чем более человек размышляет»⁵.

В таком случае оставалось бы только смириться и ожидать впереди все больших осложнений. Но тогда зачем же тоска и жалобы на трагический час? Невольно вспоминаются тут слова русского поэта:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует;
Он к свету рвется из ночной тени,
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое томительно выносит...
И сознает свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит»⁶.

*Публикуется по изданию:
Новгородцев П.И. Об общественном идеале.
М., 1991. С. 540–558.*

¹ Hearnshaw, op. cit. P. 397–398; Вгусе, op. cit. V. II. P. 666–667 (прим. П. Новгородцева).

² Guy-Grand, op. cit. P. 274–275 (прим. П. Новгородцева).

³ Ibid. P. 242.

⁴ О человеке как о «мыслящем тростнике» говорится в «Мыслях» Блеза Паскаля (§ 347): «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной; достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышенней, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает» // Ларошфуко де. Максимы; Паскаль Б. Мысли; Лабрюйер Ж. де. Характеры. М., 1974. С. 169 (прим. изд. 1991 г.).

⁵ Ibid. P. 259.

⁶ Цитата (не вполне точная) из стихотворения Ф.И. Тютчева «Наш век» // Тютчев Ф.И. Сочинения. Т. 1 М., 1990. С. 129 (прим. изд. 1991 г.).

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ТИМАШЕВ

МЫСЛИ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ РОССИИ¹

1924 г.

I

Будущая Россия, та Россия, которая сложится после падения нынешнего политического режима, будет демократией. Это утверждение не означает, что демократия придет немедленно после падения советской власти; между этим падением и установлением [демократии] мыслимы переходные этапы, притом, быть может, не образующие своей совокупностью прямой линии, идущей от деспотии к демократии. Но, в отличие от этих переходных этапов, из которых каждый может быть, но может и не быть, и каждый, если и будет, то лишь на краткое время, демократия будет несомненно и будет надолго.

Приход демократии может быть предсказан с достоверностью не потому, что эта политическая форма отвечает симпатиям того или иного лица или группы, а потому, что будущий демократический строй с необходимостью заложен в русском прошлом.

Действительно, движение по направлению к демократии характеризует всю русскую историю за последние десятилетия. В области экономической имел место совершенно явный процесс распада феодально-крепостного строя и установления капиталистического хозяйства, т.е. той хозяйственной формы, с развитием которой, как показывает опыт истории, рано или поздно сочетается в политической сфере восхождение демократии.

В культурной сфере протекал не менее явный процесс разлития знаний по широким народным массам; соответственно расширялся и базис общественного мнения. Наша культура от чисто дворянской, какой она была во времена Пушкина, постепенно превращалась в общенародную, чем закладывалась для демократии духовная основа; в области социальной соответственно поднималось значение тех классов, которые ранее выступали исключительно в качестве подножья для возвеличения привилегированных групп. Возникал, таким образом, и социальный базис для демократии. Медленнее всего трансформировалась сама власть. Но и она не избежала общей тенденции: уже земская и судебная реформы 60-х годов отщепили крупницы прежде нераздельной самодержавной власти в руки общества, а реформа 1905–06 гг. при всей своей недостаточности знаменовала новый шаг на том же пути.

¹ Впервые опубликовано в журнале «Свободная Россия». 1924. № 4.

Итак, дореволюционная Россия всеми сторонами своей жизни стремилась к переустройству в демократию.

Но, может быть, стремление это потеряло всякое значение, так как пришла революция и катастрофически разорвала все намечавшиеся пути. Такая точка зрения представляется в корне неправильной. История учит, что от революционного творчества только то оказывается твердо усвоенным жизнью, что представляется соответствующим основным тенденциям развития дореволюционной эпохи: современную Францию историк без труда связывает с Францией предреволюционной, а послепетровская Россия (Петровская эпоха социологически есть революция) реализует то, что неуверенно и нечетко намечалось за последнее столетие Московской Руси.

Не будет, конечно, исключением и переживаемая нами эпоха: когда минуют все этапы революции и выхода из революции, Россия предстанет в основных очертаниях той самой Россией, которая под покровом традиционных форм скрытно вырабатывалась за последние десятилетия дореволюционного периода, т.е. Россией демократической.

II

Итак, будущее России принадлежит демократии. Тот высший лозунг, который в предреволюционную эпоху объединял русскую общественность, за исключением бывшего всегда немногочисленного охранительного ее фланга, остается правильным и для настоящего времени. Борьба за него есть борьба, которая в конце концов увенчается успехом, тогда как борьба за иные лозунги, поскольку они несовместимы с лозунгом демократическим, заранее обречена на неудачу.

Этому объективному пониманию вещей не отвечает состояние той коллективно-психологической среды, которую представляют собою известные слои русской зарубежной общественности. В настоящее время нет, может быть, идеи, которая подвергалась бы стольким нападкам, как идея демократии. Фигура «кающегося интеллигента» и кающегося именно в демократических увлечениях – является одним из типичнейших проявлений нашего времени.

А на тех, которые остались верными своему прежнему знамени, гордые своим перекрашиванием противники склонны смотреть, как на непригодных к жизни людей, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Переоценке подверглась, между прочим, и та ценность, которая недавно еще всеми признавалась – верность убеждению.

Конечно, только гений, который все узнал и все предвидел, или ограниченный человек, который ничего не увидел и ничего не узнал, мог бы сказать, что он во всех деталях продолжает разделять ту политическую платформу, на которой он стоял десять лет тому назад. Все остальные могут и должны сказать, что программа их изменилась. Эта необходимость изменения вытекает из самого существа политической программы. За истекшее десятилетие среда изменилась в такой степени, что прежние конкретные предположения о воздействии на нее представляются ныне по большей части беспредметными. За тот же период вре-

мени фактически были испытаны многие конкретные способы воздействия и на испытании оказались непригодными.

Но цели воздействия, цели, которым соответствуют принципы политики? Подверглись ли испытанию и оказались ли слишком легкими и те из них, которые составляли общее святая святых русской предреволюционной общественности? На этот вопрос слишком легкомысленно дается утвердительный ответ теми, которые с не меньшим легкомыслием забывают, что испытанию и отвержению жестоким опытом подвергся как раз противоположный политический принцип, принцип охранительный, политика противодействия развитию в сторону к демократии и удержания с неизменностью всего, с демократией несовместимого.

Посмотрим же, с какими аргументами выступают современные русские противники демократии, и что этим аргументам можно противопоставить.

III

Термин «демократия» употребляется в весьма разнообразных смыслах. В собственном смысле слова, демократия есть одна из политических форм; демократия есть такое политическое устройство общества, в котором верховная политическая власть принадлежит народу, т.е. совокупности членов данной общественной группы. Демократия есть, таким образом, одно из возможных властных устройств общества; и так [как] во всякой властной организации есть власть и подвластные, причем власть осуществляется немногими, то в этом смысле и демократия есть правление немногих¹. Демократия есть народовластие, но не народоправство.

Что же означает принадлежность народу верховной власти? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно установить, что властвование есть известное взаимодействие между индивидуумами, взаимодействие такого типа, что директивы, исходящие от одного или нескольких лиц, образующих активный центр властвования, становятся мотивами поведения для остальных членов, для пассивной периферии.

Но во взаимодействии активных центров с периферией может быть подчинено различие первостепенного значения. Возможно властвование, [когда] активный центр властвует исключительно в силу традиции, и в силу того, что когда-то и как-то удалось возвыситься. Для такого центра всякое течение в периферии, могущее привести к приходу на смену существующему другому властного центра, представляется неприемлемым, и такие течения он подавляет в зародыше. Назовем такие властвования самодавяющими, автократическими или абсолютными.

Им противостоит властвование другого типа, когда активный центр находится в тесной связи с периферией и протекающими в ней коллективно-психологическими процессами. Такой властный центр сохраняет свое положение только постольку, поскольку он отвечает преобладающим на этой периферии

¹ Совершенно напрасно думает по этому Н. Бердяев, что установив это положение, он сколько-нибудь развенчает демократию (прим. Н. Тимашева).

стремлениям, причем, конечно, допускаются воздействия центра на периферию в целях развития и поддержания благоприятных ему течений. Но изменяются течения и центр уступает место другому, более отвечающему изменившейся обстановке. Самая мысль о замене данного властного центра иным не только не почитается преступной, но является само собою разумеющейся. Верховная власть народа во властвовании такого типа означает принадлежность народу права определения лиц или групп, которые будут на ближайший период осуществлять власть.

Из изложенного ясно, насколько лишено основания приравнение демократии какому-то механическому построению общества. Между тем, преимущественно на основании такого уподобления приходит к своему решительному отрицанию демократии наиболее страстный из современных противников ее – Н. Бердяев. «Для нее народ, как органическое целое, распадается на атомы и затем собирается, как механический коллектив»¹.

Рассыпанные по всей книге утверждения, будто в демократии количество заменяет качество, будто демократия отрицает всякую иерархию, легко сводимы к этому основному тезису. В действительности, власть в демократии органически связана с периферией, и в этом отличие ее от автократии. И эта периферия вовсе не непременно берется в виде какой-то арифметической суммы составляющих ее индивидов. Можно сказать больше: если такое понимание «народа» в демократии и встречалось у ранних теоретиков ее, то опытом установлена ее полная ложность.

Коллективно-психологические процессы протекают не в однородной, расплавленной и бесцветной массе индивидов, в массе структурной, тысячами нитей связанной и тысячами граней разделенной на бесконечные и притом сложные группировки со своими интересами и побуждениями, со своими авторитетами и вождями, со своими частными центрами и перифериями. Именно в связи с коллективно-психологическими процессами, протекающими в отдельных группировках, разбиваются политические устремления, т.е. стремления определенным образом воздействовать на среду в ее целом или частях. От равнодействующей таких стремлений, именуемой общественным мнением, и зависит демократическая власть, которая может или вести это мнение за собой невластными способами, или подчиняться ему, или уступить свое место власти, из иных лиц составленной. Общественное же мнение – это необходимо подчеркнуть – не есть арифметическая совокупность индивидуальных мнений: это есть сложная совокупность их, в которой принят во внимание удельный вес и значение каждого мнения.

И пусть не возражают противники ссылкой на всеобщее, равное и прямое избирательное право. [Оно] вовсе не устраняет фактически существующих в обществе различий и неравенства; оно только отказывается от предустановленного фиксирования их значения и предоставляет выяснение их соотношений свободной игре сил.

Из сказанного видно, почему так изменчив облик демократии. С одной сторо-

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо восьмое. О демократии. См. наст. изд., с. 709.

ны, демократия может принимать весьма разнообразные внешние формы. С другой стороны, состав и направление деятельности активных центров оказываются в разные времена и в разных общественных группах совершенно различными в зависимости от разнообразия протекающих в них коллективно-психологических процессов.

На этой относительности демократии останавливается и на ней обосновывает отрицательный о ней приговор наиболее вдумчивый из перешедших в антидемократический лагерь мыслителей недавно скончавшийся П.И. Новгородцев. Всякая демократия, – говорит он вслед за Г. Кельзенем, – есть система политического релятивизма (относительности). В то время, как политический абсолютизм представляет неограниченное господство какого-либо одного политического порядка и иногда и какого-либо одного верования, с принципиальным отрицанием и запрещением всех прочих, демократия есть как бы пустое пространство, в котором могут развиваться разнообразные политические стремления¹. Демократия не сблизила ни народы, ни людей в пределах отдельных народов, а сущность ее – система свободной игры сил, как бы утомила людей и не удовлетворяет их больше.

Утверждение об относительности демократии неправильно. Да, демократия не есть какой-то принцип, из которого можно логическим путем вывести непреложные суждения о правильном устройении всех сторон общественной жизни. Да, демократия совместима с самыми разнообразными верованиями и политическими и социальными концепциями и сама может принимать самые разнообразные формы.

Но в этой гибкости демократии заключается не недостаток ее, приведший к утомлению ее, а ее основное преимущество перед всякими абсолютными режимами. Ибо демократия есть форма, по идее своей предназначенная к открытию всех возможностей, к раскрытию во всех направлениях, к реализации всех потенциальных ценностей. Демократия не допускает неразрешимых конфликтов между властью и обществом.

И потому что изменчиво, и притом бесконечно, общество, по необходимости изменчива и демократия. Утомиться этой изменчивостью может только человек, которого утомляет многообразие жизни, или человек, который вопреки существованию вещей, в политических формах видит конечные цели. Но не изверятся в ней те, которые мнят, что демократия есть единственное мыслимое устройство общества, в котором политическому его бытию отводится отвечающее его природе значение – значение формы, средства к достижению целей в экономической и культурной сфере.

В противоположность демократии, абсолютные режимы или остаются самоцелями, которые, вступая в конфликт с другими целями общественного развития, слишком часто приводят общество к неразрешимым или разрешимым лишь в форме революций конфликтам.

Что же касается «утомления» демократией, о котором говорит П.И. Новгородцев, то там где демократия существует десятилетия, нет, конечно, больше пафоса в демократическом чувстве; но нет его не потому, что демократия обманула ожидания и утомила, а потому, что по свойствам человеческой психики достигнутое и

¹ Неточная цитата из работы П.И. Новгородцева «Демократия на распутье». См. наст. изд., с. 723.

притом прочно не может быть объектом хотения, и именно это отсутствие пафоса доказывает, что в сознании современных культурных народов демократия есть приобретение неотъемлемое, неоспоримое, достигнутое раз навсегда.

IV

От принципиальных возражений против демократии, как от центра, расходится целая сеть доводов второстепенного характера. Прямо или косвенно к ним могут быть сведены и те доводы, которые приобрели право гражданства в особенности в определенных кругах эмигрантской массы. Доводы эти трудно поддаются систематизации. Думается, что важнейшее будет схвачено, если остановиться на трех аргументах, приводимых в доказательство бессмысленности стремиться к демократии в будущей России, а именно:

1) от демократии уже отказывается Запад; 2) Россия уже проделала опыт демократии, и этот опыт оказался крайне неудачным; 3) сама Россия демократии определенно не хочет.

1. Первый довод стоит в тесной связи с тем представлением об утомлении демократией, о котором говорит Новгородцев и вслед за ним Бердяев. Но сторонники довода в его практической формулировке ссылаются не на идейные сомнения, а на факты. Многочисленно указывают они на фашизм в Италии, на диктатуру земледельческого союза в Болгарии¹, на диктатуру в Испании², как на явные симптомы поворота от демократии к какой-то новой политической форме. Готовившаяся, казалось, победа националистических партий в Германии и некоторые явления, намекавшие на возможность приобретения Пуанкаре³ диктаторской власти, наполняли их трепетным ожиданием близкого свержения демократии.

Ожидания эти не сбылись. В Германии кульминационный пункт успехов сторонников абсолютного режима по-видимому превзойден, а результаты выборов 11-го мая с.г. во Франции выяснили насколько непоколебим в ней демократический принцип. Из «реальных достижений» диктатура Стамболийского уже пала; директория в Испании не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий, а фашистский режим в Италии переживает глубокий кризис. «Диктатура сильных» в наш век демократии, оказывается, по-видимому, лишь случайным эпизодом, вызванным утомлениями военного и послевоенного времени.

2. Второй довод практических противников демократии кажется очень сильным: в феврале-марте 1917 г. Россия сделала попытку перестроиться в демократию и в результате – распадение великой державы, созданной многовековыми усилиями народа, и на той территории, которая осталась подчиненной московскому центру, политический режим, который от демократии отстоит дальше, не-

¹ Болгарский земледельческий народный союз – болгарская крестьянская политическая организация; создана в 1899 г., провозглашала общность интересов «всего крестьянского сословия» в борьбе против «всех горожан».

² В 1923 г. в Испании была установлена военно-монархическая диктатура, существовавшая до 1930 г.

³ Пуанкаре Раймон (1860–1934) – французский и государственный деятель, премьер-министр (в 1912–1913 гг.), президент Франции (в 1913–1920 гг.).

жели предреволюционный строй.

В действительности, этот довод не имеет никакого значения, ибо настоящего демократического опыта Россия еще не проделала. Россия за период Временного правительства представляет собою не исключительный в истории революций пример общества, лишенного центральной политической власти, тогда как демократия есть одна из форм властной организации общества. Здесь не место рассматривать вопрос о том, почему не установилась в России 1917 г. демократия. Достаточно отметить, что установление демократии всегда и везде протекает со значительными трудностями, и что эти трудности для России усугубились, благодаря совпадению революции с войной и мн. др. Эта неповторимая комбинация неблагоприятных условий ничего не говорит о том, смогла ли демократия прижиться в условиях несколько более нормальных.

3. Последний из доводов противников демократии гласит: Россия на смену большевикам ждет не демократии, а восстановления, может быть, с некоторой перелицовкой, старого режима. Обоснованием является ссылка на «исторический закон», в силу которого за отклонением политического маятника до конца вправо, наступает отклонение до конца влево и т.д. Такой довод представляется, однако, основанным на весьма упрощенной исторической концепции. Некоторый элемент контрастности в историческом развитии несомненно существует; те стремления, которые в данную эпоху оказались подавленными, имеют значительные шансы проступить с повышенной яркостью в последующую и наоборот. Так, за эпохой подавления принципа порядка следует эпоха утрированного порядка и подавления свободы. Явление это покоится на элементарных свойствах индивидуальных психик, взаимодействие коих образует коллективно-психологический процесс.

Нельзя, однако, основываясь на этом, полагать, что в России мечтают о восстановлении режима, подобного павшему в феврале 1917 г. Ибо то, что сейчас подавлено, это не элемент порядка («порядок», конечно, недоброкачественный по своему содержанию, есть и сейчас), а элемент свободы; реакция против так называемого «пароксизма свободы» за 8 месяцев 1917 г. длится уже 7 лет. Основываясь на «законе контрастности», следует поэтому полагать, что-то, чего сознательно или несознательно ждут в России, это не режим «сильной власти» в одной из его разновидностей, а такой режим, который снял бы с личности невыносимую опеку государственных органов и дал бы каждому полную уверенность в невозможности произвольного вторжения в его личную жизнь. А таким режимом – знают или не знают об этом в современной России – может быть только режим демократический. Ибо демократия в современных своих очертаниях представляется неразрывно связанной с понятием о самоценности личности, той личности, постоянным взаимодействием которой с другими рождается, возвышается и низвергается демократическая власть. Что касается автократического режима, то хотя с ним совместимо в известной степени признание прав личности (примером может служить дореволюционная Германия), то такое соединение является случайным, не вытекающим из сущности режима, а потому трудно на его почве возникающим и легко разрушающимся.

Итак, вопреки убеждению противников, демократия в России будет. Демократия не только будет, но и будет ко благу народа и благу составляющих его личностей. Будущая демократия не есть, конечно, цель, на которой замрет развитие. Но только достигнув демократической формы, сможет русский народ приступить к осуществлению великих заданий в экономической и культурной сфере и, таким образом, раскрыть заложенные в нем потенциальные ценности. Не с религиозным ужасом, по примеру Бердяева, должны мы смотреть на это демократическое будущее России, а с мыслью об ответственности каждого за то, чтобы из возможностей, открывающихся при демократии, народом были избраны наиболее его достойные.

*Публикуется по изданию:
Российский военный сборник.
Вып. VI: Русское зарубежье.
Государственно-патриотическая и военная мысль.
М., 1994. С. 106–115.*

ФЕДОР АВГУСТОВИЧ СТЕПУН

МЫСЛИ О РОССИИ¹

Очерк V

1924 г.

...Вслушиваясь во все, что бывшими демократами и даже социалистами говорится сейчас не только против революционной *практики* русской демократии в эпоху Временного правительства, но и против идеи демократизма вообще, и всматриваясь в психологическую природу широкою волною разливающихся сейчас в экс-республиканских сердцах монархических симпатий и настроений, всякому зрячему нельзя не видеть, что вся эта вакханалия пусть бескорыстной смены вех происходит прежде всего потому, что демократия и монархия *обменялись формами своего существования*. Что демократия через революцию, так или иначе, все же вошла в действительность, а монархия теми же путями отошла в небытие, превратилась в воспоминание, в мечту и тем самым снова в возможность.

На путях своего чудодейственно быстрого превращения из возможности в действительность демократия, естественно, не могла удержаться на высоте своих идеалов, как и монархия, с другой стороны, на путях своего превращения из действительности в прошлое и снова в возможность не могла остаться в нашей памяти обремененною всею полнотою своего реального зла.

В том, что *воплощение идеи* ее всегда *снижает*, разочаровывает нас в ней, а *воспоминание о действительности* неизбежно *возвращает к ее* исконно *идеальному бытию*, сказывается глубочайший закон человеческого духа. Неподчинение этому закону психологически почти невозможно, но неспособность к учету его искажающего наши оценки действия, того, что Фридрих Ницше назвал бы его «*оптикой*», для политической мысли совершенно недопустима.

Думаю, что я выше с объективностью, которую всякому чистокровному демократу будет не совсем легко мне простить, обрисовал основной порок демократического мироощущения.

Все действительно основательные нападки на демократию, на ее духовную субстанцию, на ограниченность ее мирозерцания, на ее роль в революции, я сам изнутри, глубоко лично знаю и как демократ их принимаю.

Но когда на демократию ее столь обильные сейчас хулители начинают неч-

¹ Пятая статья из публицистического цикла «Мысли о России», созданного Ф.А. Степуном в 1923–1927 гг. Впервые опубликована в парижском журнале «Современные записки». 1924. Т. XXI.

ленораздельно стучать зубами, обвиняя ее, *и только ее*, во всех ужасах современного состояния России, то я никак не могу не спросить их: а где они были, когда демократия совершала свои исторические ошибки? И неужели же они, положив руку на сердце, действительно думают, что их пребывание «в нетях» было меньшим грехом, чем все грехи демократии в историческом бытии?

Согласен, что на совести демократии величайшие грехи, но разве их меньше на совести монархии, породившей между прочим и все недостатки демократии, но несмотря на это снова восхваляемой на все лады: от богословского до обывательского.

На все эти вопросы у идеологов антидемократизма никаких серьезных ответов нет и быть не может. Что бы они ни говорили, зоркому глазу ясно, что господствующая ныне ненависть к демократии является очень сложным результатом многообразных душевных сдвигов в сердцах русских людей. Что демократизм как нравственная идея и как государственное устройство – зло, опыт последних лет никак, конечно, не доказал, но он сделал нечто худшее: он тысячами психологических ассоциаций и эмоций связал в каждой русской душе демократию с несчастьем и злом России. Если бы даже демократия пришла к власти самым безболезненным путем и при наивозможно благоприятных условиях, она все равно очень многих разочаровала бы в себе, так как реализация идеи в «мире, лежащем во зле», всегда и неизбежно ущемляет идею и превращает ее хотя бы в частичное зло.

Но русская демократия связала свое рождение в мир со злом не только в качестве попытавшегося воплотиться идеала, но и в качестве идеала, попытавшегося это сделать в момент полного торжества над миром разрушения и ига. Бросившись в неравную борьбу с этими силами и не одержав над ними победы, она, естественно, усилила эффект их торжества и навсегда психологически связала с ним печальную историю своего кратковременного существования и своей бесславной гибели. Да, и демократия не спасла Россию, или, точнее, да, даже и демократией Россия не спасла себя, – это верно. Но что демократия погубила Россию, это хотя и понятная психологическая аберрация, но совершенно неубедительная историко-философская концепция. Отрицая ее, я защищаю не только демократию, но в первую голову, конечно, Россию.

Если с точки зрения охарактеризованного раньше демократически-революционного панполитизма и были понятны раздававшиеся в свое время утверждения, что Россию губит монархия, то с национально-религиозной, упорно борющейся против утверждения политики в качестве верховной категории мирозерцания, аналогичное утверждение о роли демократии совершенно бессмысленно.

Если идеологи антидемократизма и не видят этой бессмыслицы, то только потому, что не прощупывают эмоционального корня своей ненависти к демократии.

Доказывать современным демократоненавистникам, что дело обстоит именно так, – трудно и тщетно. Трудно потому, что у нас пока еще нет достаточно объективных критериев для установления действительной роли демократии в ре-

волюции и возможности четкого отделения того, чему она действительно была *причиной*, от того, с чем она в нашей памяти лишь ассоциативно связалась в качестве наиболее характерного симптома.

Но, на наше счастье, у ненависти к демократии есть свой позитив – *тоска по прошлому*, по отошедшей России, тоска по монархии. И вот на этом позитиве эмоционально-лирическая природа современной ненависти к «февралю» устнавливается без малейшего труда. Не подлежит никакому сомнению, что чем монархия была до февральской революции, тем она осталась и после нее. Никаких *объективных* причин, которые принуждали бы к пересмотру того отрицательно-го отношения к ней, в котором к моменту ее падения была объединена *вся Россия*, история за последние годы не выдвинула. Скорее даже наоборот: быть может, только в большевизме, в его бездонном презрении к человеческому лицу и человеческой жизни, в его по-звериному ощеренном отрицании всех норм культурной и правовой государственности, во всем его лютом разбойничьем посвисте, в его фантастически самодурном «*быть по сему*», во всех его безумных путях, во всем его безудержном беспутстве и смрадном распутинстве, узнали мы действительно и *до конца*, чем в вулканических своих недрах была и чем всему миру грозила старая, царская, монархическая Россия.

И несмотря на все это, эту Россию не только сознательно утверждают те ненавистники демократии, о которых идет речь, но к ней же бессознательно тянутся очень широкие круги обывательской интеллигенции и, что самое главное, – очень глубокие бессознательные *слои* совсем не обывательских, и даже определенно демократических сознаний.

В чем же собственно дело? В очень многом.

Прежде всего, конечно, в той вышеотмеченной мною «оптике» человеческого духа, согласно которой всякое воплощение, снижая идею, разочаровывает нас в ней, а всякое воспоминание возводит свой предмет к его исконно идеальному прообразу.

В воспоминании, как на полотнах художников, самые страшные факты действительности становятся только характерными образами, вся грязь, весь тлен и смрад жизни – только темным, зловецким колоритом и кровь, хотя бы и невинно пролитая, – незапекающимся пурпуром.

Всем, тревожащим сейчас память прошлых дней, надлежало бы неустанно помнить об этой «оптике» воспоминанья, дабы неизбежно свершающаяся в памяти *идеализация отошедшей монархии* не превращалась бы в ее утверждение как *идеальной формы будущей России*.

Но монархия не только умерла, как умирает все – в свое время, своею смертию. Она была убита; ее прах был – пусть большевицкой, а все же и нашей революцией – с проклятиями развеян по ветру. Свои неисчислимые грехи перед Россией монархия искупила нечеловеческими страданиями. Эти страдания не могут не жечь нас раскаянием, и это раскаяние не может не приближать к нам страданиями просветленного образа покойной монархии. Не понимать этих нравственно углубленных путей, на которых не худшие люди попадают ныне во власть монархического соблазна, могут только варвары профессионального

революционизма.

Но, с другой стороны, и полное понимание нравственной правды тех покаянных настроений, что в случае очень личного и острого их переживания ведут к своеобразному эмоциональному монархизму, не смеет не видеть, что превращение этого покаянного монархизма в политическое реставраторство решительно недопустимо, потому что никакие преступления, совершенные революцией против монархической России, ни в какой мере и степени не ослабляют тех политических доводов против монархической формы правления.

Всем, тревожащим сейчас память прошлых дней, надлежало бы, кроме «оптики» воспоминаний, неустанно помнить и об «оптике» покаянных чувств, дабы *праведное раскаяние* в преступлениях против низвергнутой не превращалось в подготовку *нового преступления* перед будущей Россией...

Самая важная стоящая перед Россией задача – сращение национально-религиозных и демократических сил.

Заклученный было в годы войны под влиянием союзнической идеологии и романовской монархии и ныне до конца расторгнутый, союз между этими силами должен быть восстановлен. И для настоящего времени все еще верное утверждение Владимира Соловьева, что русскою политическою мыслью руководят образы человеконенавистнического богомола и братолюбивой обезьяны, должно наконец лишиться *всякого основания*¹.

Все провозглашения, что демократия *по существу* безнародна и безбожна, решительно ни на чем не основаны. Существо демократической веры – *в утверждении человеческого лица*. Все остальное – только выводы из этого утверждения и его политические проекции. Утверждение человеческого лица вне Бога и вне нации – невозможно. *Только в нации лицо человека конкретно и только в Боге оно священно*. Всякий демократизм *по существу* и национален, и религиозен.

Поскольку западная демократия – безрелигиозна, она безрелигиозна не как демократия, а как демократия безрелигиозного Запада.

Философия, наука и искусство на Западе немногим религиознее западного демократизма, но *рабочие и на Западе много* религиознее промышленников и банкиров. Поскольку демократия на Западе антинациональна, она антинациональна не как демократия, а как демократия интернационалистического Запада. При всем своем космополитизме, она все же единственная сила, которая борется против черного интернационала капитала и против красного интернационала коммунизма, единственная, защищающая мир внутри нации, т.е. нацию как единство.

Сошедшая со сцены романовская монархия всю свою жизнь как могла и умела боролась против идеи демократии, т.е. против права каждого русского человека на свое индивидуальное, в Боге священное и в любви к своему народу конкретное

¹ Возможно, речь идет о следующих весьма популярных в начале века иронических словах В.С. Соловьева, не раз всплывавших в текстах неорелигиозных мыслителей: «Люди, требовавшие нравственного перерождения и самоотверженных подвигов на благо народное, связывали эти требования с такими учениями, которыми упраздняется самое понятие о нравственности: «Ничего не существует, кроме вещества и силы, человек есть только разновидность обезьяны, а потому мы должны думать о благе народа и полагать душу свою за меньших братьев» (Соловьев В.С. Византизм и Россия. Часть VIII // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. 7. СПб., б. г. С. 302) (*прим. изд. 2000 г.*)

лицо. В этой борьбе была та ее безрелигиозность и антинациональность, которую до конца вскрыл большевизм. Весь химеризм большевицкого оборотничества; весь кошмар коммунистического хаоса не что иное, как инобытие той безликости, которую насаждал в России режим монархизма.

Элементарно и неверно утверждение, что пафос демократии – *уравнительство*. Демократия вовсе не жаждет полного уравнивания человеческих душ и судеб, наоборот – политическое равноправие всех граждан ей только затем и нужно, чтобы облегчить людям выявление всего разнообразия своих размеров и дарований, всего своего *подлинного и существенного* неравенства.

Элементарно и неверно утверждение, что пафос демократии – *формализм*. Не форму народовластия как таковую защищает демократия, а народовластие как ту единственную форму, в которой каждому заинтересованному в жизни своего народа человеку открывается прямой путь к существенному участию в его жизни. Ведь не только формальное право голоса предоставляет демократия каждому человеку, но и право существенной речи, т.е. очень существенное право свободной защиты своих конкретных идеалов – личных, национальных и религиозных.

Элементарно и неверно утверждение, что пафос демократии в *защите количества* и отрицании качества. Ведь предоставлением каждому гражданину права голоса демократия ни в одном человеке не убивает и не отнимает ни одного из его качеств. Вопрос использования своего голоса остается и в демократии вопросом человеческого качества. Конечно, демократия считает голоса, но разве «большинство голосов» ничего не говорит о *качестве* того, за кого они поданы, и о *качестве* тех, которые голосовали? Как бы мало демократический подсчет голосов ни интересовался качествами граждан, он во всяком случае интересуется ими больше, чем всякий антидемократический строй, не желающий считаться со своими подданными в качестве качественно вполне определенных политических воль.

Элементарно и неверно утверждение, что пафос демократии в *рационализме*¹, что демократический принцип враждебен иррациональным силам истории. Все наиболее иррациональные содержания человеческого духа, поскольку они творчески проявлялись, проявлялись всегда в очень строгих, часто насквозь рационализированных формах. В философии величайшие мистики – Николай Кузанский² и Гегель – были одновременно и величайшими рационалистами. Кант формулировал смысл своей рационалистической гносеологии как отстранение знания с путей веры. Наиболее иррациональное из всех искусств – музыка – наиболее глубоко проникнута началом наиболее рациональной из всех наук – математикой. Но если так, то почему бы и в формах демократического рационализма не властвовать над человеческой жизнью иррациональным, историческим силам?

¹ Автор полемизирует с утверждением Н.А. Бердяева: «Демократическая идеология есть крайний рационализм. Он покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить ее одними человеческими силами. Последовательная демократия должна отрицать существование иррациональных начал в общественной жизни и не может их терпеть» (Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо восьмое: О демократии). См. наст. изд., с. 713.

² Николай Кузанский (Николай Кребс) (1401–1464) – философ, теолог, ученый, церковно-политический деятель.

Я знаю, что мои возражения против элементарного понимания демократии сами элементарны. Но ведь я и не выдвигаю их в качестве научно-теоретического обоснования демократии, а только в качестве некоего «эмоционального броска» навстречу тому демократическому мирозерцанию, которое одно только и может стать крепким фундаментом будущей России.

Однако почему в основу будущей России класть обязательно демократическое мирозерцание? И действительно ли демократично намеченное мною мирозерцание? И не проще ли, чем парадоксально защищать демократию открытою для нее возможностью отстаивать неравенство против равенства, содержание против формы, качество против количества и иррациональное против рационального, отказаться от нее в пользу каких-нибудь других, антидемократических форм – абсолютной монархии, фашистской иерархии или коммунистической диктатуры?

Ответ на все эти вопросы с занятой мною позиции нетруден.

Изживаемая нами эра так называемой «новой истории», безусловно, восходит в своих истоках, как на то в последнее время неоднократно указывал Н.А. Бердяев, к двуединому явлению Возрождения и Реформации. Нет сомнения, что культура европейского человечества стоит сейчас под знаком гуманизма. Но сущность гуманизма, вопреки Н.А. Бердяеву¹, конечно, не в безбожном самоутверждении человека, что было бы непонятным отступничеством Бога от сыновей Своих, а в *Божьем утверждении свободного человека как религиозной основы истории*. Демократия – не что иное, как политическая проекция этой верховной гуманистической веры четырех последних веков. Вместе со всей культурой гуманизма она утверждает *лицо* человека как верховную ценность жизни и форму автономии как форму богопослушного делания. Всякое отрицание демократии есть потому в последнем счете не что иное, как отрицание исторических основ изживаемой нами эпохи. Свершается ли это отрицание в формах романтической мечты о прошлом или бунтарского требования новых форм жизни, это хотя и не одинаково опасно, но одинаково неразумно и грешно, ибо сказано: «Довлеет дневи злоба его».

Согласен, что очерченный мною идеал демократии мало соответствует конкретной исторической действительности, но решительно не вижу в этом исконном несоответствии всякого идеала действительности никаких причин к отказу от демократии, а лишь стимул к ее усовершенствованию.

Если Россия не Запад, если она религиозно действительно глубже Запада и если творческие силы ее моложе и значительнее западных, то все это неизбежно скажется и в формах демократической государственности. В идее демократии как таковой нет ничего претящего русскому духу. Быть может, даже наоборот. Быть может, как раз в России заложена возможность подлинно духовно углубленного демократизма.

За это как будто говорит целый ряд очень существенных явлений русской жизни, и прежде всего строй православной церкви.

В отличие от католичества, имитирующего своею возглавляемую непогре-

¹ Имеется в виду следующее утверждение Бердяева: «Гуманизм направляется против человека и против Бога» (Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 120) (прим. изд. 2000 г.).

шимым папой церковною организацией, восходящей к единому Богу, монархический строй вселенной, православие, в своем мистически более глубоком чувстве правды всего относительного – земли, особи, всякого конкретного лица, строит земную церковную жизнь на определенно демократическом основании. В православной церкви епископы равны друг другу, патриарх есть лишь «первый среди равных» и высшею инстанцией является Собор.

За ту же возможность духовно углубленного демократизма в России говорит и идеализм русского освободительного движения, принадлежащего, безусловно, к наиболее героическим страницам последних десятилетий. Сейчас, когда реакционно-националистическая аберрация все дело демократии и социализма стремится представить исключительно делом зависти и ненависти, особенно необходимо помнить, что благодаря целому ряду причин царский режим пал в России не столько под давлением злобы освобожденных масс, сколько *совести русской интеллигенции*. Быть может, такое обстояние вещей губительно отразилось на судьбах России, быть может, если бы освободительное движение не торопило прихода революции, карта демократии не была бы так легко бита. Но все это не дает никому никакого права позорить подвиг людей, отдавших свою жизнь тому, что для них было благом России.

В идеологии русского народничества и потом в идеологии народнического крыла русского социализма, оставшейся в стороне от влияния вульгарной метафизики исторического материализма, этот нравственный идеализм русского освободительного движения создал свою если и не слишком укрепленную, то все же боеспособную цитадель.

Сейчас Запад переживает очень глубокий кризис материалистических основ своего демократического социализма. Демократия и социализм в целом ряде новейших явлений (религиозный социализм, группа Tillich'a, католический социализм Steinbüchel'a, этический, протестантский Radbruch'a и т.д.) явно стремятся к идеалистической ориентации. В этом повороте демократически-социалистической мысли Запада исконный идеализм русского народничества не может не видеть оправдания своей веры.

Но для традиции народнического демократизма и социализма характерен не только звук нравственного идеализма, но и национальный тембр этого звука. В народничестве есть очень глубокая психологическая связь со славянофильством. В известном смысле народничество может быть названо «левым славянофильством». Все это делает взращенную в традициях народничества русскую демократию как бы особо призванной защищать демократическое дело России не как дело безрелигиозного космополитизма, а как *религиозное дело всего русского народа*.

Наконец, за демократический строй в России говорит и весь пластический образ ее. Из всех стран Европы Россия стилистически самая демократическая. Ни одно из сословий никогда не было проникнуто в ней тем дурным иерархизмом сословного чванства, которое одинаково свойственно как западной аристократии, так и западному мещанству. Движение сквозь сословия было в России всегда много легче, чем в Европе. Стилистическое благородство русского дворянства

всегда заключалось в его простоте. В крестьянстве встречаются люди исключительно аристократического обличья и характерно барской повадки. И дворяне, и интеллигенция, и мужики – все одинаково называют себя по имени и отчеству. Демократизм в России еще не успел связать своей судьбы с мещанством; и в этом его отличие от демократизма западного, залог его способности к одухотворению.

Я очень хорошо знаю, что защищать в настоящее время, да еще в эмиграции, идею демократии как *религиозную идею национальной России*, дело совершенно безнадежное. Но, может быть, только то и стоит защищать, что большинству кажется делом пропащим. Конечно, это положение, на первый взгляд, очень малодемократично. Но ведь на второй – демократия совсем и не есть защита общих мест, а их уничтожение в пользу истины. Приведение всех к мнению единиц.

Против моего построения будут, с одной стороны, все старозакальные позитивистические демократы, которые хоть и много пережили, но ничему не научились, от которых пахнет типографской краской и затхлой лирикой вчерашней принципиальщины, а с другой – все закинувшиеся сейчас против демократической России идеологи иерархизма и демонологи социализма, которые не в состоянии разглядеть того скучного черта обывательщины, который внушает им ненависть к трагедии наших дней.

Но как те, так и другие – люди *только* настоящего, т.е. люди прошлого, которым, естественно, не может не казаться, что вера в предстоящую победу нигде, видимо, не существующей религиозно-национальной демократии есть совершенно безнадежное дело. Когда мы стреляли по невидимой цели, бесхитростные, но озлобленные галичане тоже думали, что мы зря *тратим* снаряды.

Но времена очень меняются. И каждому человеку это яснее всего видно на пустяках своей собственной жизни. На них видно и мне, что что-то смещается и что-то перестраивается в психологии социализма и демократии.

Если бы все было по-старому, редакция «Современных записок», вероятно, предложила бы мне печатать мои «Мысли» за их полную бессмысленностью, за их еретический бред в каком-нибудь нынешнем «Новом времени»¹.

*Извлечение публикуется по изданию:
Степун Ф.А. Сочинения.
М., 2000. С. 266–274.*

¹ «Новое время» – петербургская газета (1865–1917 гг.), с 1905 г. на реакционно-консервативных позициях.

НИКОЛАЙ ОНУФРИЕВИЧ ЛОССКИЙ

ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ДЕМОКРАТИЯ

1925 г.

Демократия стала в наше время предметом отрицательной критики. Лица, всегда питавшие отвращение к ней, начинают самоуверенно бранить ее, полагая, что после пережитых нами испытаний вряд ли кому, кроме завзятых революционеров, придет в голову защищать демократический государственный строй.

Серьезных доводов у противников демократии два. Во-первых, они утверждают, что демократия имеет *неорганический*, механический характер: избрание народных представителей и принятие решений по большинству голосов есть продукт борьбы множества социальных атомов и арифметического перевеса одной суммы единиц над другими, но не выражение единой разумной воли. Отсюда, во-вторых, следует, что демократия в своем поведении и развитии не опирается на единую систему истин и принципов, признаваемых абсолютными; проводя в жизнь изменчивые мнения изменчивого большинства, демократия должна понимать истину как нечто относительное; практически она стоит на стороне гносеологического и этического *релятивизма*.

Этому многоголовому беспринципному множеству, раздираемому центробежными силами, противопоставляют открыто или в тайниках души абсолютную монархию, в которой граждане спаены воедино разумною волею монарха. Предполагается при этом, что воля монарха опирается на незыблемую скалу абсолютной истины, данной религиею; под религией разумеется, конечно, высшая достигнутая человечеством форма ее – христианство¹.

Рассматривать вопрос, насколько основательны нападки на демократию, я буду не как политик, а как метафизик, исходя из учения об *онтологической* природе общества, в частности государства. Такая точка зрения кажется отвлеченною, далекою от жизни; между тем в действительности она в значительной мере руководит нашими политическими симпатиями и антипатиями, оставаясь, однако, скрытою в неопознанной сфере сознания.

Монархисты в общем тяготеют к *органическому* мировоззрению и нередко обладают им в разработанном виде, именно в форме христианского миропонимания: мысля о мире и всяком целом, они идут от целого к элементам его и понимают элементы как нечто способное к бытию, осмысленное и ценное не иначе как

¹ Противопоставляя демократию монархии, я буду в дальнейшем иметь в виду везде *абсолютную* монархию. Что же касается ограниченной монархии, она может быть одним из видов демократии; мало того, при известной степени и форме ограничения власти монарха она может почти не отличаться от республиканской демократии (прим. Н. Лосского).

в составе целого. Подчеркивая значение целого иногда даже в ущерб элементам, они подвергаются опасности впасть в односторонний *универсализм* и не впадают в него лишь в том случае, если, например, ими подлинно усвоен христианский принцип абсолютной ценности всякой человеческой души.

Демократы, наоборот, увлекаясь борьбой за свободу и интересы индивидуума, склонны в большинстве к *неорганическому*, атомистически-механистическому миропониманию: для них целое есть только продукт суммирования элементов. Общество для них есть лишенное самостоятельной ценности средство для обеспечения нужд индивидуума. Они склонны к тому или иному виду одностороннего *индивидуализма*.

Односторонние онтологические и аксиологические учения всегда оказываются результатом каких-либо ложных предпосылок, мешающих выработать сложное мировоззрение, сочетающее без противоречий разнородные виды бытия и ценности. Искание такого синтеза есть плодотворная задача. Для нас в связи с поднятым нами вопросом эта задача состоит в том, чтобы найти синтез универсализма и индивидуализма, т.е. выработать мировоззрение, в котором было бы показано, как возможна относительная онтологическая самостоятельность целого и вместе с тем относительная самостоятельность элементов, точно так же абсолютная ценность целого и вместе с тем абсолютная ценность элементов; в частности, такое понимание нам нужно установить в применении к государству и входящим в его состав человеческим личностям.

Эта задача может быть решена, мы полагаем, не иначе как на основе *органического* миропонимания, и именно той его разновидности, которую можно назвать *иерархическим персонализмом*.

В краткой статье, написанной по частному поводу, я не могу обосновывать это мировоззрение и буду опираться на него как на данное, изложив вкратце основные положения его, развитые в моих книгах «Мир, как органическое целое» и «Свобода воли».

Мир состоит из существ, называемых мною *субстанциальными деятелями*. Каждый деятель сам по себе есть *идеальное*, т.е. вечное, сверхвременное и сверхпространственное начало, но действия его образуют сферу реального бытия, область пространственно-временных, психо-материальных (или психоидно-материальных) процессов. Примером субстанциального деятеля может служить человеческое «я» как источник чувств, желаний и телесных, т.е. пространственных проявлений их; в низшей сфере бытия электрон как источник действий притяжения, отталкивания, движения есть также субстанциальный деятель.

Лейбниц называл *монадой* то, что мы называем термином «субстанциальный деятель». Однако тотчас же следует указать коренное отличие развиваемого нами учения о мире, от лейбницаизма. Все реальные процессы: чувства, желания, притяжения, отталкивания и т.п. – имеют оформленный характер: они осуществляются сообразно *идеальным* принципам, сообразно принципам строения пространства, времени, числа и т.п. Следовательно, субстанциальный деятель, осуществляющий свои действия, подчиняя их перечисленным формам, есть *носитель* этих *идеальных форм*. Но идеальные формы, например число, *тожде-*

ственны для всех деятелей; отсюда вытекает, что субстанциальные деятели не обособлены друг от друга, но *частично единосушны*: как носители творческих деятельных сил, они самостоятельны в отношении друг к другу, а как носители тождественных форм, они сливаются в одно существо. Конечно, это есть лишь *отвлеченное единосушие*. Однако оно дает строение мира, коренным образом отличное от того, какое представлял себе Лейбниц. Его монады «без окон и дверей» были вполне замкнуты каждая в себе; между ними было бы возможно только подбосушие, но не единосушие. Многие философы полагают, что субстанции, будучи каждая самостоятельным центром действия, необходимо должны быть так разобщены друг с другом. Между тем это неверно. Сочетая лейбнизианское учение о монадах, как субстанциях, с учением об идеальных началах в духе платонизма, можно понять мир как систему деятелей, с одной стороны, субстанциально самостоятельных, а с другой стороны, сливающихся в одно существо, вследствие чего между ними возможно такое тесное общение, как, например, *интуиция*, т.е. непосредственное созерцание одними бытия и действий других. Такая система мира, состоящая из множества свободных *самостоятельных* и вместе с тем исконно *единых* начал, не может сама быть источником своего бытия: она может быть мыслима только как творение Бога. В этой системе всякий субстанциальный деятель есть *индивидуум*, т.е. единственный своеобразный, незаменимый элемент мира, имеющий свое особое место и значение для всего мира; своеобразии индивидуума выражено в *идее* Бога о нем и составляет его *идеальное назначение*.

Отвлеченное единосушие есть условие для совместной деятельности индивидуумов, не предрешающее содержания этой деятельности, не предопределяющее, будет ли отношение между ними враждебным или любовным. Поскольку отношения между деятелями враждебны, имеют характер противоборства и взаимного стеснения, постольку единосушие их остается лишь отвлеченным. Поскольку же они вступают в отношение любовного единения, взаимно усваивают конкретные содержания целей друг друга для единогодушного осуществления их, постольку единосушие их становится *конкретным*.

Всякий субстанциальный деятель есть (подобно монаде Лейбница) действительная или потенциальная личность.

Поэтому такое мировоззрение можно назвать *персонализмом*. Сравнительно более высоко развитые деятели стоят во главе более или менее многочисленной группы менее развитых деятелей, органически объединяя их и создавая из них единое целое для совместной деятельности. Так, примерно, человеческое «я» есть организующий центр для клеток тела; в свою очередь, в каждой клетке есть деятель, объединяющий молекулы ее, и т.д. вплоть до последнего элемента, положим, до электрона.

Как вниз от человеческого «я», так и вверх мы найдем ряд ступеней организованности: человеческие «я» образуют органическое единство народа (нации, государства), – народы суть элементы человечества и т.д. вплоть до единства вселенной. Так как на каждой ступени здесь есть субстанциальный деятель более высокого порядка (по степени развития), чем на предыдущей, то это – *иерархический*

персонализм¹.

Согласно такому миропониманию, государственное целое есть *личность* высшего порядка, чем человек. Чтобы проверить, возможно ли такое учение, возьмем определение понятия личности, положенное В. Штерном² в основу его персонализма. Личность, – определяет Штерн, – «есть такое бытие, которое, несмотря на множество частей, образует реальное своеобразное по роду и ценности единство и, как таковое, несмотря на множество частичных функций, осуществляет единую, целестремительную самодеятельность»³.

Наличность единой целестремительной деятельности, своеобразной по роду и ценности, с совершенною очевидностью обнаруживается в жизни государства. Поэтому, если в силу общих философских оснований (исходя из учения об отношении вообще, в частности, о причинности и т.п.) мы пришли к убеждению, что источником таких деятельностей может быть лишь единое онтологическое начало, единый субстанциальный деятель, естественно попытаться рассматривать и государственное целое в духе этих учений. В таком случае граждане государства суть личности менее высокой ступени развития, усваивающие отчасти сознательно, но еще в большей мере безотчетно целестремительные тенденции целого и способные стать органами выполнения того или иного момента их, вроде того, как клетки тела человека, например мускульные волокна, способны быть органами осуществления целей человеческого «я».

Такое объединение многих деятелей есть одна из ступеней конкретизации единосущия, творящая новый вид реального бытия. В самом деле, война, международные договоры, судебный процесс и т.п. государственные акты образуют особую сферу бытия – не психического и не физиологического, а именно *социального*. Как всякая высшая форма бытия, оно опирается на низшие процессы, в данном случае на психические и физиологические процессы человеческой особи, включая их в себя как свои подчиненные моменты, но не исчерпываясь ими.

Такое учение о социальном бытии можно назвать органическим с оговоркою, что под этим словом здесь разумеется не *биологическое* понятие организма, а весьма общее *философское* понятие органического целого, т.е. целого, определяющего свои элементы и производного из суммы их. В особенности не следует отождествлять такое органическое понимание с учением Спенсера и других социологов, сближающих общество с организмом животного, но понимающих организм в духе механического мировоззрения. Такая «органическая» теория общества есть в своих принципиальных основах скорее учение, противоположное защищаемому нами.

Органическое учение можно развить в духе имперсонализма или трансперсонализма, отрицая личный характер социального целого, как это делает, например, Г. Гурвич в книге «Fichte's System der Konkreten Ethik» или, по крайней

¹ Иерархический персонализм довольно широко распространен в философии и встречается в весьма различных видоизменениях. Так, например, различные виды его представлены в системах Лейбница, Фехнера, Вундта, Эд. Гартманна, В. Штерна (в его превосходной книге «Person und Sache») и др. (прим. Н. Лосского).

² Штерн Вильям (1871–1938) – немецкий философ.

³ Stem W. Person und Sache, 1, 1906. S. 16 (прим. Н. Лосского).

мере, не касаясь этого вопроса, как это делает, например, Шпан в своей «Gesellschaftslehre».

Думается, однако, что последовательная система онтологии может быть развита лишь в том случае, когда всякое органическое целое, способное к целестремительной деятельности, рассматривается как действительная или потенциальная личность.

Цель и смысл мирового процесса заключается в достижении совершенной полноты бытия, именно совершенной творческой деятельности, пронизанной добром, красотой и обретением абсолютной истины. Этот идеал осуществляется не в состоянии распада и взаимной борьбы субстанциальных деятелей, а на основе совершенной любви их к Богу и друг другу, создающей конкретное единосущие их, Царство Божие. Такая цель, возрастание в добре, имеет смысл и находит условия для своего осуществления лишь в том случае, если субстанциальные деятели наделены творческой самостоятельной силою так, что способны *свободно* избирать либо путь добра, т.е. возрастающего единения и любви, либо путь зла, т.е. вражды и разъединения.

Правильный путь поведения есть путь к Царству Божию. Эта идеальная цель одинаково предстоит перед всеми деятелями; каждый из них есть носитель абсолютной ценности и потому не может быть низведен на степень лишь средства. Имея в виду эту ценность личности и идеал ее развития, можно установить правильное отношение между человеческою личностью и обществом, в частности государством. Возрастание в добре может быть только свободным; поэтому государство должно предоставить человеку *формальную свободу*, т.е. свободу избрания не только пути добра, но и зла, в тех пределах, поскольку эта свобода не вторгается в область деятельности других лиц и не разрушает общественного целого. Кроме этой отрицательной задачи, перед государством стоит положительная задача – обеспечивать человеческой личности духовные и материальные средства для поднятия ее *материальной свободы*, т.е. для возрастания ее творческой активности, осуществляющей добро, красоту и обретение истины; эту обязанность общественное целое должно выполнять, конечно, в различной степени в зависимости от размера его собственных творческих сил, сообразно данной ступени культуры в среде, ослабленной наличием враждебных отношений, далекой от конкретного единосущия. Исходя из того же идеала, можно определить и обязанности повиновения, в определенных пределах, гражданина государству как объемлющей его личности высшего типа. Однако эти разнообразные и сложные вопросы мы оставим в стороне и сосредоточимся лишь на своей теме, на рассмотрении монархического и демократического строя, исходя из установленных положений.

Иерархический персонализм есть учение о монархическом строении вселенной. Однако этот онтологический монархизм совсем не похож на политический монархический строй человеческого общества. Во всяком органическом целом высшее начало, подчиняющее и объединяющее свои элементы, стоит всегда онтологически на высшей ступени бытия, чем его элементы: так, человеческое «я» не есть одна из клеток человеческого организма, дух народа не есть один из граждан государства. Бог не есть один из элементов мирового бытия и т.п.

Этот монархический строй стоит незыблемо и без наших усилий: пока государство сохраняет жизненность и настолько, насколько оно жизненно, во главе его находится начало, которое можно назвать Душою народа (объективный дух Гегеля). Но уж во всяком случае очевидно, что ни один человек, даже и монарх, не может быть в точном онтологическом смысле Душою народа. Человек может быть монархом в этом смысле только в отношении к клеткам своего организма. Лишь в редких, исключительных случаях государь (Петр Великий) или какой-либо другой гениальный государственный деятель (Бисмарк) до некоторой степени приближается к тому, чтобы воплощать в себе, да и то лишь некоторые отдельные устремления своего государства. Фактически даже наиболее самовластный монарх принимает большинство решений в согласии с правительственным целым, т.е. так, что они вырабатываются *сверхчеловеческим единством*. Однако это сверхчеловеческое единство подорвано в своей органичности, если один из членов правительства имеет неограниченную власть. Понятно поэтому, что по мере усложнения жизни и возрастания дифференциации общества, по мере усовершенствования техники государственного управления и законодательства верховная власть все более и более отчетливо принимает характер сверхчеловеческого единства, что и выражается или в ограничении власти монарха, или в установлении республиканской формы правления.

Таким образом, именно чистота следования монархическому принципу строения вселенной требует в государственной жизни *соборного строя* власти. Монарх, решающийся провозгласить: «Государство – это я!», дерзко пытается присвоить себе сверхчеловеческое достоинство и подрывает подлинное монархическое начало государственного единства. Недаром Бог сказал Самуилу¹, когда евреи просили у него царя: «Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними» (1 кн. Царств. 8, 7). В еще более тяжелой форме совершили такое нарушение подлинно монархического принципа служители католической церкви, лишив ее соборного строя и поставив во главе ее папу как наместника Христа, с абсолютной властью.

Строй демократической республики или демократически ограниченной монархии есть один из способов созидания соборного, сверхчеловеческого единства власти, в котором по возможности погашаются эгоистические, т.е. не гармонирующие с целым, стремления отдельных лиц. Такое единство мы находим не только в организации верховной власти, но уже и в избирательной борьбе, когда избиратель достигает своей цели избрания представителя лишь в том случае, если он выступает носителем той или иной общественной идеи, и голосует впустую, если вздумает руководиться только своими исключительными интересами.

Никому, вероятно, в наше время не придет в голову утверждать, что современная демократия с ее избирательной борьбой есть идеально совершенный способ организации государства. Мы отстаиваем демократию не как абсолютный идеал, а только как такую форму, которая в сложном дифференцированном обществе с высокоразвитою человеческою личностью более совершенна, чем

¹ Самуил – в ветхозаветных преданиях великий пророк, последний из «судей израилевых».

абсолютная монархия¹.

По словам И.А. Ильина, демократия хороша лишь постольку и тогда, когда она осуществляет аристократию, т.е. отбор в ряды верховной власти лиц, наиболее духовно одаренных для государственной деятельности. Творческая изобретательность человека и общества может найти много новых путей для усовершенствования техники этого отбора, например путем организации корпоративных, профессиональных и т.п. форм представительства. Возможно, что этот отбор будет где-либо производиться не в формах демократической избирательной борьбы, а на основании объективных, точно установленных признаков, например на основании услуг, оказанных обществу и свидетельствующих о нравственной и умственной способности к государственной деятельности. Во всяком случае, однако, очевидно, что такая аристократия духа не будет возвратом к абсолютной монархии, а будет движением вперед в какое-то новое, неизвестное еще будущее.

Отрица механичность демократии, я не менее решительно отрицаю, будто она ведет к беспринципному релятивизму. Согласно гносеологической теории, отстаиваемой мною (интуитивизм), истина абсолютна. Но кому придет в голову утверждать, что в земных условиях мы обладаем всею полнотою абсолютной истины! Даже христианская религия в своих незыблемых основах, в своих догматах дает лишь отрывки абсолютной истины, и то преимущественно в отношении к горнему, сверхземному миру, оставляя совершенно нерешенными вопросы об экономическом строе, политических формах и т.п. Усмотрев, что усилия человеческого ума дают всегда какой-либо аспект истины, но не всю полноту ее, причем и открытый аспект истины обыкновенно опутан ложными учениями, хотя бы вследствие одностороннего преувеличения его и вытекающих отсюда ложных следствий, мы не удивляемся обилию враждебных друг другу мнений по поводу всякой сложной и глубокой проблемы. При столкновении политических, экономических и т.п. теорий и планов реформ положение оказывается таким же, как и в борьбе философских систем, о которых Гегель сказал, что новые системы «не уничтожают принципов старых, а только показывают, что эти принципы не были последним, не были абсолютным определением». Высказать такое положение не значит быть релятивистом: в нем выражено лишь признание чрезвычайной сложности, богатства форм и многогранности бытия и убеждение в том, что теоретическая истина, а также практический идеал обретаются не в темных, тесных и уединенных закоулках, а в сверкающем всеми цветами спектра гармоническом синтезе всех положительных содержаний. Поскольку демократия открывает поприще для свободной борьбы за истину, она облегчает выработку такого гармонического синтеза.

Вспышка разочарования в демократии, характерная для нашего времени, объясняется не столько давно известными недостатками, присущими этому строю, сколько новизною и трудностью задач, вставших перед современным культурным обществом и опасных одинаково для всякого старого государствен-

¹ Такое сравнение абсолютной монархии и демократии с органической точки зрения мною произведено в статье «О народовласти» (в журнале «Новый путь», 1904 г., декабрь), направленной против «Московского сборника» Победоносцева (прим. Н. Лосского).

ного порядка, как демократического, так и не демократического. Этим задач – две: внутренняя и внешняя.

Высокое развитие хозяйства и наличность сильного рабочего класса, сознающего свое человеческое достоинство, понимающего свое значение в общественной жизни и требующего себе соответственного положения, выдвигает задачу выработать новый социально-экономический порядок, в котором был бы осуществлен синтез ценных сторон индивидуалистического (капиталистического) хозяйства с ценными сторонами идеала коллективистического хозяйства, идеала, вырабатываемого социализмом. Рядом с этою внутреннею задачею стоит задача внешняя. По мере развития духовной и материальной культуры, взаимопределиение и взаимозависимость различных государств возрастают в такой степени, что требуют себе организованного выражения в форме сверхгосударственного объединения человечества. Эти задачи не обособлены друг от друга: первая из них вряд ли может быть решена без второй.

Для решения стоящих на очереди проблем необходимо небывалое напряжение социального творчества, а также исключительное самоотвержение всех классов общества и всех народов, чтобы найти приемлемые для всех, наиболее безболезненные способы примирения и совмещения разнородных ценностей (ценность национального самоопределения и ценность сверхгосударственного единства, ценность свободной хозяйственной инициативы и ценность служения хозяйству общественному целому и т.п.). Понятно, что, стоя перед грандиозным сдвигом на новые пути, современное общество делает на каждом шагу опасные ошибки; всякий класс и всякая нация, сознавая безусловный характер носимой ими ценности, искажает, однако, эту ценность путем нарушения перспективы, путем придания ей исключительного характера, несовместимого с другими ценностями. Таким образом всякий класс, всякая нация и отстаиваемые ими великие идеи дискредитируются и все более нарастает социальный, политический и нравственный кризис, болезненно переживаемый нами. Отсюда, между прочим, возник и кризис современной государственной жизни, «кризис правосознания», в частности, кризис демократии.

Упуская из виду первоисточники этого кризиса, многие склонны думать, что стоит вернуться к сильной, религиозно обоснованной монархической власти, взять распатавшееся общество «в ежовые рукавицы», и кризис будет преодолен, все будет вновь поставлено на свое место. Они не понимают того, что перед ними не кризис демократии, а кризис всякой старой власти и всего старого порядка вообще. Фашистская диктатура может только на короткое время замедлить процесс распада старой жизни, но не прекратить его. Выход из положения может быть найден не путем консервирующего замораживания, а посредством ускоренного социального творчества.

Современное общество с каждым днем все резче разделяется на два враждебные лагеря – людей, увлеченных революционным социализмом и воображающих, будто они ничего не могут потерять среди революционного крушения старой жизни, но много могут выиграть, и людей, боящихся утратить свое выгодное теперешнее положение. Такое разделение общества ни к чему, кроме гражданской

войны и гибели всей современной культуры, привести не может. Для мирного разрешения кризиса есть только один путь: не бояться социального творчества, преобразующего жизнь планомерно сверху, а не хаотически революционно снизу. Каждый гражданин с чуткой совестью и прозрением в будущее обязан во внутренней экономической жизни общества творчески разрабатывать или, по крайней мере, поддерживать проекты и мероприятия, сочетающие в себе сохранение хозяйственной инициативы с устранением эксплуатации человека человеком, а во внешней жизни общества приветствовать всякий шаг в направлении к тому времени, когда деньги, ассигнуемые теперь на сооружение дредноута, изнашивающегося через десять лет, можно будет употребить хотя бы на постройку десяти тысяч дешевых квартир, где пятьдесят тысяч скромных тружеников получают светлое, сухое и теплое жилище вместо гнилых, сырых подвалов, в которых хиреют и мрут теперь их дети от туберкулеза, рахита и других болезней.

Кого не тревожат эти проблемы, пусть идут к тем пророки и властно зовут их к покаянию. Всякий день промедления опасен. Если преобразование жизни не будет произведено сверху, придет «внутренний варвар» и опрокинет все государства, как демократические, так и не демократические, и это разрушение будет не творческим обновлением жизни, а бичом Божиим в наказание за косность и своекорыстие.

*Публикуется по изданию:
Лосский Н.О. Органическое строение общества
и демократия // Современные записки.
1925. Т. XXV. С. 343–355.*

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

О ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ И ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ¹

1927 г.

Вопрос о форме правления до сих пор является в глазах многих русских людей центральным политическим вопросом. Партии делятся на монархические и республиканские. И это не только в эмиграции, но и в тех кругах СССР, которые духовно не подчинились коммунистической власти, не стали равнодушными к политическим вопросам. Многие сознают, что решение вопроса «монархия или республика» сейчас несвоевременно, а главное, что это решение почему-то даже теоретически стало теперь особенно трудным. Осознав это, стараются пока об этом вопросе не думать, отложить его в сторону. Но все-таки даже и для таких людей вопрос этот не утрачивает своей центральности.

Между тем такое отношение к вопросу о форме правления совершенно неправильно. Оно лишь отчасти оправдывается тем, что с идеей монархии и с идеей республики ассоциируются у каждого разные комплексы эмоций, личностно-биографические воспоминания о разных переживаниях, не только религиозных, эстетических или бытовых, но даже почти физиологических: так, для многих – особенно военных – с монархией связаны воспоминания о параде в высочайшем присутствии, в этих воспоминаниях патриотический подъем и чисто эстетическое оценивание красоты зрелища перемешаны с ощущением физиологического напряженного волнения, сердцебиения, захвата дыхания и т.д. Эти-то субъективные комплексы воспоминаний и ассоциаций и придают идеям монархии и республики их особую эмоциональную окраску, превращают эти идеи в эмоциональные центры или узлы, порой настолько мощные, что у иных импульсивных, мало размышляющих, но сильно чувствующих людей именно эти эмоциональные центры и управляют всем политическим сознанием. Конечно, всякий политик должен учитывать роль и значение эмоциональных факторов – и потому каждая власть, каждый режим стремится путем всевозможных торжеств, парадов и проч. создавать в сознании граждан ярко эмоциональные комплексы воспоминаний, ассоциированных с данным режимом. Но все же значение этого фактора не следует переоценивать, и при выработке системы политических воззрений ко всем вопросам, в том числе и к вопросу о форме правления, следует подходить трезво, т.е. по возможности выключив всякий привходящий

¹ Впервые статья была опубликована в периодическом издании «Евразийская хроника». Париж, 1927. Вып. 8. С. 3–9.

эмоциональный элемент.

Если подойти к вопросу о монархии и о республике именно трезво, без эмоциональности, то сразу становится ясным, что вопрос этот отнюдь не является центральным. В самом деле, так как существовала некогда (в Польше до раздела, например) выборная монархия, а с другой стороны, существуют и такие республики, в которых президент может переизбираться неограниченное число раз (например, Чехословакия), то разница между монархией и республикой практически сводится, строго говоря, лишь к тому, что в монархии функции главы государства бессрочные, тогда как в республике эти функции присущи данному лицу только в течение определенного срока, по истечении которого они могут (но не непременно должны) перейти и к другому лицу. Совершенно ясно, что это различие не настолько существенно, чтобы можно было положить его в основу деления политических систем. И теоретически и практически важно не то, срочны ли или бессрочны обязанности и функции главы государства, а то, каковы именно эти обязанности и функции. Да и этот вопрос, в конце концов, не самый существенный.

Война и революция (сначала русская, потом и другие) поставили перед миром целый ряд новых проблем. Жизнь взвихрена и перевернута до основания. И по сравнению с глубиной и радикальностью тех проблем, которые стоят на очереди, вопрос о монархии и республике оказывается малосущественным. А главное – вопрос этот лишен самостоятельного значения. Решение его зависит от решения других вопросов. Это надо твердо сознать: форма правления есть производное других факторов, и решению подлежит не вопрос о форме правления, а целый ряд других, гораздо более основных вопросов.

II

Взгляд на государственно организованное человеческое общество как на живое органическое единство предполагает существование в этом обществе особого правящего слоя, т.е. совокупности людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого. А в среде этого правящего слоя в свою очередь можно всегда ясно выделить некоторый *государственный (правительственный) актив*. Как правящий слой вообще, так и государственный актив отбираются из общей массы данной общественно-государственной среды по какому-нибудь определенному признаку, но признак этот не во всех государствах один и тот же; в одних этот признак – имущественный, в других – генеалогический и т.д. Вот этот-то признак, по которому в данном государстве отбирается правящий слой и правительственный актив, и является наиболее существенным и основным для характеристики данного государства. Ибо этот признак определяет собой не только политическую, экономическую и социальную, но и культурную физиономию данного государства.

Так, строй *геронтократический* (геронтократия – правление стариков), т.е. такой, при котором правящий слой и правительственный актив отбирают ис-

ключительно по возрастному признаку, предполагает совершенно определенный тип политической, экономической и культурной физиономии общественно-государственного целого: при другом типе культуры, политики и экономики геронтократический строй был бы немислим. Точно так же обстоит дело и с другими типами отбора правящего слоя: каждому из этих типов соответствует определенный тип политического, экономического, социального и культурного уклада, и с переменной принципа отбора правящего слоя соответственно меняется и вся политическая, экономическая, социальная и культурная физиономия государства¹.

Именно типы отбора правящего слоя, а вовсе не типы формы правления существенно важны для характеристики государства. Аристократическая республика более похожа на аристократическую монархию, чем на республику демократическую; точно так же и демократическая монархия ближе к демократической республике, чем к монархии аристократической. Существенно важно во всех этих случаях не различие между монархией и республикой, а различие между аристократическим и демократическим строем, т.е. между двумя типами правящего слоя.

Однако, несмотря на то что с одним и тем же типом отбора правящего слоя могут сочетаться разные формы правления, тем не менее между типом отбора, с одной стороны, и формой правления – с другой, существует известная функциональная связь. Каждый тип отбора правящего слоя предполагает особую форму правления, которая для него является наиболее нормальной и естественной: это не исключает возможности сочетания и с другими формами правления, но все же предполагает постоянное тяготение к одной определенной форме правления. Эта нормальная форма правления, к которой данное государство тяготеет или которую оно уже осуществило, является, таким образом, зависимой, производной от данного типа отбора правящего слоя.

III

Практически в пределах мира европейской цивилизации приходится иметь дело с двумя основными типами отбора правящего слоя – аристократическим (военно-аристократическим и бюрократическо-аристократическим) и демократическим (плутократическо-демократическим). При аристократическом строе правящий слой отбирается по признаку генеалогическому, по знатности происхождения. Строю этому соответствуют определенные типичные формы социального уклада (например, хозяйственная автономность и политическая бесправность всех сословий, кроме аристократического, и т.д.), особый тип культуры, но, конечно, и определенный тип политического устройства. Можно сказать, что нормальной и естественной формой правления при аристократическом строе яв-

¹ Со строго научной точки зрения можно только констатировать наличие такой функциональной связи между определенным типом отбора правящего слоя и определенным типом культуры, хозяйства, политического устройства и т.д. Обусловлен ли данный тип отбора данным типом культуры или, наоборот, данный тип культуры обусловлен данным типом отбора – это вопрос, который со строго научной точки зрения разрешен быть не может (прим. Н. Трубецкого).

ляется монархия. Естественностью и нормальностью сочетания аристократического строя с монархией объясняется и то, что оба эти фактора друг друга взаимно поддерживают и дополняют.

Только при этом сочетании оказываются в наиболее полной форме осуществимыми все характерные для аристократического строя культурные особенности. Ибо существенно важным признаком аристократическо-монархического государства является, с одной стороны, изящество и внешний блеск культуры, с другой – то, что эта культура нормируется и распространяется сверху и из центра: естественным центральным очагом культуры является двор монарха: туда сходятся, туда тянутся творцы культуры, и там, получив признание, культурные ценности через придворную среду, через столичную и провинциальную аристократию расходятся по всей стране.

Демократический строй представляет совсем иной тип отбора правящего слоя. Формально отбор этот производится по признаку отражения общественно-го мнения и получения общественного доверия: т.е. к правящему слою принадлежит всякий, кому известно (сравнительно значительное) число лиц данной местности при помощи голосования доверяет отражать мнения этой группы лиц. Но фактически дело обстоит, конечно, иначе. Правящий слой при демократическом строе состоит из людей, профессия которых состоит не столько в улавливании и отражении фактического общественного мнения разных групп граждан, сколько в том, чтобы внушать этим группам граждан разные мысли и желания под видом мнения самих этих граждан. Сюда, следовательно, входят активные члены партий, руководители разных профессиональных организаций, журналисты, профессиональные ораторы и, наконец, столь же профессиональные депутаты. Весь этот слой представляет собой нечто довольно однородное (несмотря на обязательную, вызванную самой техникой политической жизни многопартийность), так что всякий новый человек, вступивший в эту среду, либо ею ассимилируется, либо извергается вон.

Демократический строй, обычно соединяющийся с плутократическим, предполагает не только особый экономический строй и целый ряд специфических политических институтов, но также и известные особенности культуры. Характерным для этого строя является государственный минимализм, т.е. невмешательство государства в большинство отраслей культуры и быта, откуда – кажущаяся независимость и автономность всех этих отраслей (например, свобода науки, свобода искусства, свобода производства и т.д. и т.д.)¹. Не подлежит сомнению, что наиболее естественной и нормальной формой правления при демократическом строе является республика, при которой демократический строй оказывается наиболее последовательно выраженным в сфере политической и культурно-политической.

¹ Независимость и автономность здесь, конечно, только призрачные, ибо все стороны жизни национального целого неразрывно связаны друг с другом и взаимно друг друга обуславливают. Кроме того, культура сама требует того, чтобы ее организовали в систему. Там, где государство не выполняет этого требования, роль организатора системы культуры берет на себя какой-нибудь иной фактор: в демократическом строе (обычно соединяющемся с плутократическим) такими факторами являются частный капитал и пресса (прим. Н. Трубецкого).

IV

В современных странах европейской (романо-германской) цивилизации безраздельно господствует демократический (большей частью плутократическо-демократический) строй. И потому естественной формой правления для всех этих стран является республика. В тех странах, в которых еще имеется монархия, она держится как простой пережиток прошлого, по существу бессмысленный и ненужный, но в то же время безобидный, никому не мешающий, а потому до поры до времени неупраздняемый. Можно сказать, что в современных европейских монархиях монархи только *терпят*. Но фактически ни в одной из этих стран не имеют ни настоящей власти, ни настоящего престижа. Последнее особенно характерно и особенно бросается в глаза. Именно благодаря отсутствию настоящего престижа монарх и его двор утратили способность влиять хотя бы только на внешние формы быта и культуры и вынуждены плестись в хвосте у цивилизации во всех отношениях. Прежде все старались причесываться и одеваться так, как это было принято при дворе, или даже так, как это делают члены царствующего дома. Теперь как раз наоборот, члены царствующего дома стараются в отношении моды «не отставать» от «всех», равняются «по большинству»: королевы и принцессы носят стриженные волосы, потому что теперь «все так носят». Короли и принцы одеваются так, как предписано модным журналом. В быте, в обращении с людьми, в своих вкусах, убеждениях и интересах монархи и их родичи стараются ничем не отличаться от массы: они боятся показаться слишком старомодными, а за фактической невозможностью (следствие отсутствия престижа) создавать новую моду и задавать тон они вынуждены подчиняться чужой моде. Все это, конечно, совершенно естественно при демократическом строе, но в то же время глубоко противоестественно для монархии, как таковой: двор утрачивает не только политическое, но и культурное значение и, следовательно, становится просто ненужным. Таким образом, в современном мире европейской (романо-германской) цивилизации монархия пережила себя. И конечно, причиной этого является то, что аристократический строй сменился демократическим или плутократическо-демократическим, для которого естественной формой правления является не монархия, а республика. Однако отнюдь не следует думать, будто республика в современном «цивилизованном мире» была, в противоположность монархии, вполне жизненной и современной формой правления. Дело в том, что демократический строй, явившийся на смену аристократическому, сам уже проявляет, хотя еще и не повсюду, признаки обветшания и разложения. «Кризис парламентаризма» и «кризис демократии» – факты, не подлежащие сомнению, как бы ни закрывали на них глаза ветераны либерализма. Для действительно современного человека вся демократическая фразеология является таким же пережитком старины, как и традиции аристократическо-бюрократического государства. В народных массах престиж демократического строя все более подрывается, а местами узко подорван не меньше, чем престиж монархии. Таким образом, ни аристократический строй, ни строй демократический с его разновидностью, плутократическо-демократическим строем, не являются вполне живыми: аристократический

строй умер, сохраняется только в виде пережитка, а демократический если не вполне умер, то близок к смерти. Мы живем в эпоху создания нового типа отбора правящего слоя, а, следовательно, и в эпоху создания нового типа государства с совершенно новым политическим, экономическим, социальным, культурным и бытовым укладом.

V

Тот новый тип отбора правящего слоя, который ныне выковывается жизнью и призван прийти на смену как аристократии, так и демократии, может быть обозначен как идеократия, идеократический строй. При этом строе правящий слой состоит из людей, объединенных миросозерцанием¹.

Строй этот в странах европейской цивилизации до самого последнего времени не был известен. Но тем не менее можно с уверенностью сказать, что это строй ближайшего будущего. Жизнь сама подсказывает его, идет к нему. Самая крупная революция послевоенного времени – революция русская – и гораздо менее крупная, но все же наиболее значительная из всех собственно европейских послевоенных революций – революция итальянская, обе привели к созданию идеократического строя, хотя и очень несовершенного. При этом ошибочно было бы считать это результатом случайности или отражением определенной стадии революции. Правда, захват власти группой фактических приверженцев какой-нибудь идеи является почти необходимым моментом всякой крупной революции. Но в революциях русской и итальянской характерен не этот захват власти, а тот факт, что все государственное строительство стихийно направляется в сторону создания особых политических форм, соответствующих принципу идеократии и долженствующих укрепить идеократический строй (независимо от содержания самой «идеи-правительницы»): «единая и единственная партия» становится государственным учреждением, официально или неофициально введенным в конституцию, и без этого учреждения государственный механизм уже не может действовать.

Характерным для настоящего момента – момента преддверия подлинной идеократии – является то обстоятельство, что силы, созидающие формы для грядущего идеократического строя, поступают в этом отношении почти бессознательно и, во всяком случае, не отдают тебе ясного отчета в существе происходящего. В Италии сущность идеократии заслонена культом личности Муссолини² и голым организационизмом; благодаря этому фашизм не создает стройной миросозерцательной системы, даже как будто боится создавать ее, оправдываясь тем, что исходит не из теории, и из фактов, и в результате основная идея фашизма

¹ Следует оговориться, что при идеократическом строе общность миросозерцания является основным и первичным признаком, по которому производится отбор правящего слоя. При других типах отбора общность миросозерцания тоже наличествует (например, при аристократическом строе члены правящего слоя всегда имеют общее миросозерцание, и даже при демократическом строе члены правящего слоя, несмотря на свою существенную разнопартийность, в каких-то элементах миросозерцания друг с другом сходятся), но является не основным, а вторичным и производным признаком (*прим. Н. Трубецкого*).

² Муссолини Бенито (1883–1945) – фашистский диктатор Италии в 1922–1945 гг.

становится малосодержательной, сводится почти исключительно к обожествлению итальянской нации, к голому самоутверждению этой нации как биологической особи; таким образом, здесь трудно говорить об общности мирозерцания, объединяющей членов государственного актива, а скорее приходится говорить об общности эмоций. В СССР общность мирозерцания у государственного актива (коммунистов) имеется, но тем не менее положение оказывается прямо-таки парадоксальным: партия, фактически выполняющая функции идеократического отбора, теоретически отрицает автономность идейного начала, а следовательно, и самую возможность идеократии и потому вынуждена лгать и притворяться, будто правящим слоем является вовсе не она, а пролетариат; фактически будучи единственной, эта партия продолжает клокотать пафосом борьбы, столь характерным для многопартийного демократического строя, и для оправдания этого пафоса вынуждена сама создавать себе объекты борьбы и т.д. Словом, ни в Италии, ни в СССР проблема идеократического строя не осознана, а потому и сам идеократический строй в этих странах осуществлен не полно и не только не совершенно, но в некоторых отношениях прямо даже превратно. И фашизм, и коммунизм – лжеидеократии. Настоящая идеократия еще не появилась, но не замедлит появиться. Пока же сама жизнь в лжеидеократических странах создает для этой настоящей идеократии политические, экономические и бытовые формы и условия.

VI

Всесторонняя разработка теории идеократического государства является неотложной задачей современности. При этом надо помнить, что в тех двух странах, в которых ныне как будто нечто похожее на идеократию уже существует и создаются соответствующие формы жизни – именно в Италии и в СССР, – все-таки о настоящей идеократии говорить еще нельзя. Поэтому при разработке теории идеократического государства не следует привязываться к фактам и к опыту названных двух стран: надо исходить из анализа самих понятий, лежащих в основе идеократии, а полученные таким путем выводы помогут разобраться в том, насколько то или иное явление русского коммунизма или итальянского фашизма должно быть признано осуществлением или, наоборот, извращением идеократического строя.

Можно уже сейчас, правда, лишь в очень общей форме, определить основные черты политической, экономической и культурной физиономии грядущего идеократического государства. Так, можно с уверенностью сказать, что идеократическому строю соответствует известный *государственный максимализм*, активное руководящее участие государства в хозяйственной жизни и развитии культуры, – в чем идеократический строй принципиально отличается от демократического, связанного с государственным минимализмом и невмешательством в хозяйство и культуру. Вследствие именно этого своего государственного максимализма идеократический строй требует, чтобы власть, с одной стороны, была чрезвычайно сильной, но с другой – чрезвычайно близко стояла к населению; в

идеократическом государстве широко должно применяться выборное начало и участие общественных организаций в государственном строительстве, но в то же время должно происходить усиленное *огосударствление общественных организаций*. Самая техника выборов и функционирования выборных учреждений при идеократическом строе не менее (может быть, даже более) развита, чем при строе демократическом, но основана на совершенно иных принципах – ибо демократический строй предполагает многопартийность, а идеократический строй ее исключает¹. Сообразно с этим изменяется и самое понятие партии, которая становится сочетанием государственно-идеологической организации с корпорацией правящего слоя...

В пределах настоящей статьи невозможно обрисовать, хотя бы в общих чертах, те особенности идеократического строя, которые уже сейчас выясняются при внимательном теоретическом анализе. Сказанного выше достаточно, чтобы дать представление о том, что идеократический строй есть строй совершенно особый, в корне отличный как от демократического, так и от аристократического. Своеобразие этого строя будет тем больше, чем полнее и совершеннее этот строй будет воплощаться в жизни: современные ущербленные и искаженные воплощения идеократического строя в Италии и в СССР, не представляют еще идеократии в ее чистом виде, а потому и несвободны от чуждых идеократическому строю неизжитых элементов и обломков иного строя (особенно строя демократического). Грядущий, подлинно идеократический строй, очищенный от всяких чуждых ему элементов, явит совершенно новые, небывалые формы политической, экономической и социальной жизни, быта и культуры...

VII

Перед проблемами, встающими в связи с созданием идеократического строя, проблема формы правления бледнеет и теряет всякую остроту. В самом деле, разве не малосущественно для фашистской Италии, что она есть монархия. Ведь фактическим главой государства – притом с атрибутами чуть ли не восточного деспота – является Муссолини. По конституции Муссолини – премьер-министр, Ленин, по советской конституции, был тоже вроде премьер-министра, председателем Совнаркома; но это не важно, ибо, хотя в настоящее время председателем Совнаркома является Рыков², роль фактического высшего распорядителя судь-

¹ Следует особенно подчеркнуть, что отвержение многопартийности вовсе не означает простого насильственного подавления всех инакомыслящих. Отвержение многопартийности предполагает создание таких политических условий и такой техники выборов и работы выборных учреждений, при которых существование нескольких, взаимно друг с другом борющихся партийных организаций стало бы просто *ненужным*, нецелесообразным. Проблема эта – чисто техническая и вполне разрешимая. Одним из путей к ее разрешению является профессиональное представительство, упор выборной техники не на отдельного избирателя, а на организованные по деловому принципу группы населения – путь, используемый как в Италии, так и в СССР. Другой путь состоит в выделении некоторых сфер законодательства в ведение специальных выборных учреждений, состоящих из делегатов только непосредственно заинтересованных групп населения и т.д. (*прим. Н. Трубецкого*).

² Рыков А.И. (1881–1938) – государственный деятель, в 1924–1930 гг. председатель Совнаркома СССР, одновременно в 1924–1929 гг. председатель Совнаркома РСФСР. Репрессирован.

бами государства играет не он, а Сталин¹. В этом сказывается особенность идеократического строя. Строй этот тяготеет к наделению высшей властью лидера «единой и единственной партии», причем сама эта власть и лидерство основаны не на выборах и не на наследстве, а на фактическом престиже данного лидера в партийных кругах и на тех отношениях, которые у него складываются с другими лидерами той же единственной партии. Можно сказать, что в идеократическом государстве государственный правительственный актив состоит из сплоченных в сильную и внутренне дисциплинированную организацию членов единой и единственной партии; поскольку эта партия возглавляется советом вождей (политбюро, ЦК и т.д. и т.д.), этот совет и является фактическим возглавителем государства; если же один из вождей – членов упомянутого совета – пользуется большим по сравнению с другими престижем и влиянием, то он оказывается фактическим главой государства. Существует ли наряду с этим фактическим возглавлением и другое, конституционное, и является ли оно наследственным или выборным – все это при идеократическом строе совсем второстепенно и несущественно.

Возникает вопрос, насколько идеократический строй можно считать прочным, стабильным и не является ли этот строй переходным. Отвечать на такие вопросы, конечно, невозможно, ибо это уже относится к области гаданий и предсказаний. В конце концов, всякий строй можно рассматривать как переходный. По всей вероятности, и идеократический строй со временем сменится каким-то другим. Но этот другой строй, который придет на смену идеократическому, конечно, не будет тождествен ни с прежним демократическим, ни с прежним аристократическим, а будет совсем новым; каким именно – этого мы не знаем и знать не можем. Но, во всяком случае, реки вспять не текут, и история назад не идет. Что же касается формы правления, то из того фактического положения, которое мы выше охарактеризовали как типичное для идеократического строя, со временем может развиваться либо особого рода монархия, либо особого рода республика. Как на историческую аналогию можно сослаться на халифат, который при первых халифах очень близко подходил к типу идеократического государства (хотя, конечно, отнюдь не совпадал с этим типом), а со временем обратился в наследственную монархию.

Но все эти проблемы в настоящее время не актуальны. Надо сначала создавать настоящую идеократию, очищенную от посторонних примесей. Перед нами, русскими, стоит великая задача заменить теперешнюю лжеидеократию коммунизма идеократией истинной. Задача эта требует громадной и напряженной работы – организационной, практической и теоретической. К этой-то работе евразийство и призывает.

*Публикуется по изданию:
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана.
М., 1999. С. 480–492.*

¹ Сталин (Джугашвили) И.В. (1878–1953) – государственный деятель; с 1898 г. участник социал-демократического движения. В 1922–1953 гг. генеральный секретарь ЦК коммунистической партии.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

ЕВРАЗИЙЦЫ И ГОСУДАРСТВО¹

1927 г.

Живой и глубоко жизненный характер евразийского учения проявляется прежде всего в том постепенном процессе самоуяснения, который стихийно влечет нас к познанию нашего собственного существа, как некоторой особой идеологической группы. В первых стадиях этого процесса ставился ряд проблем, но не было еще их системы; в последующих стадиях проблемы начинают выступать в некотором систематическом порядке. Так стихийно и в то же время систематически разрабатываются нами в настоящее время проблемы политические и социально-экономические. Можно сказать, что в этой области многое уже у нас установлено, однако далеко не все. Из числа еще не вполне выразуменных вопросов нужно прежде всего назвать вопрос *о нашем собственном существе, как организованной группы, и о нашем месте в государстве*. По этому вопросу уже брошены общие мысли, однако они не имеют характера окончательных, установившихся формул. Представляем ли мы собою партию или нет? Должны ли мы стремиться к образованию единой партии? Если нет, то кто же мы? И каково наше место в государстве, которое мы считаем своим, нормальным, евразийским государством, так же, как и в государстве современном, в условиях текущей политики?

В последующем будет сделан опыт решения названных вопросов, – опыт, который мог бы иметь значение «дискуссионное», а мог бы и послужить материалом для окончательных решений. Тема – многопланна, отдельные планы следует различить, – и в зависимости от разных плоскостей, вынести различные формулировки. Тогда, может быть, окажутся одинаково правыми и те, кто говорит, что мы – партия, и те, кто отрицает за нами характер партии.

I

Политической партией в современном смысле этого слова называется возникшая свободно (а не в результате учреждения государством) группа лиц, которая объединена общими целями и общностью в понимании средств, ведущих к осуществлению названных целей (единством средств). Существенным для партии может являться иногда единство целей, а иногда единство средств. Все различие

¹ Впервые статья была опубликована в периодическом издании «Евразийская хроника», Париж, 1927. Вып. 9. С. 31–39.

между большевиками и меньшевиками, например, сводится к разногласию по поводу тактики, а не окончательных целей; но различие целей отличает партии социалистические от буржуазных. Ближайшей задачей всякой политической партии является завладение аппаратом государственной власти с тем, чтобы провести в жизнь свои основные цели (будем называть это «политическим действием»). Однако многие современные политические партии отнюдь не стремятся к немедленному осуществлению этой последней цели. Тактические соображения часто побуждают партию всячески удерживаться не только от захвата власти, но и от прямого участия в правительстве. Современный европейский политический режим особо благоприятствует подобной тактике воздержания, в силу которой очень мощные современные политические партии, например, социалисты, представляют вечную оппозицию в парламенте всем другим политическим партиям и любому правительству. Подобное положение – очень удобно, ибо «воздерживающиеся» вечно критикуют и не берут на себя никакой ответственности, создавая убеждение, что всякое правительство плохо, за исключением социалистического, которому еще не пришли сроки.

Так как современные европейские политические партии суть свободные объединения, то партийный режим в той или иной степени предполагает *многopартийность* как выражение личного права участия в политике, как результат свободы политических мнений. Различные эти мнения не могут не находиться в процессе конкуренции и борьбы, потому на борьбе построены и отношения между партиями. Нормальным способом партийной борьбы считается приобретение большинства, которое бы обеспечивало партийное господство. Приобретение большинства предполагает, что другие партии должны ему подчиниться и, впредь до изменения политических настроений, отказаться от преобладания. Иной, не считающийся нормальным путь, является путем диктатуры, при которой одна из партий, не обладая большинством, захватывает власть и проводит свою программу насильственно, вопреки воле большинства. Диктатура может быть или «мягкой», когда захватившая власть партия не уничтожает другие, допуская в известных пределах их деятельность; или же «жесткой», когда захватившая власть партия просто уничтожает остальное и становится единственно господствующей группой в государстве (например, фашизм в первой и в последней стадиях своего развития).

Исторически-демократический режим западных государств выработал два вида партийных образований, границы которых иногда сливаются, хотя в типичных формах могут быть выражены вполне определенно. Первый из них характеризуется тем, что основанием партийного объединения служит не какая-нибудь социально-политическая доктрина (не «идеология»), не догма или сумма догматов, но какой-либо практический вопрос очередной политики или сумма таких вопросов (например, вопросы таможенной политики, вопрос об избирательных правах, аграрный вопрос в его текущей постановке и т.п.). Это – партии «на платформе» или лиги. Огромную роль они сыграли в жизни англо-американских государств. В сущности, основные политические партии Англии суть подобные партии «на платформе», а не идеологические объединения «на программе». Другим

типом современных партийных образований являются объединения чисто идеологические, а их наиболее ярким современным примером являются социалисты. Основой современных социалистических партий является известная общественная доктрина, известная концепция социально-политической жизни, даже некоторая философия. Таков, например, марксизм. Если для партий «на платформе» политика является как бы целью в себе, то для партий «на программе» она есть только одно из средств для достижения основных идеологических целей. Было время, когда социалисты не признавали политической борьбы и не участвовали в ней (особенно в борьбе парламентской), но Лассаль и Маркс вывели их на дорогу политики. Особенностью этого рода партий «на программе» нужно считать то, что, хотя основные задания их и не сводятся к «политике», однако в конечном счете современная партия всегда является продуктом известной социально-политической идеологии. Современные партии в конечном счете стремятся к преобразованию общественной жизни, имеют основой своей некоторую *общественную* доктрину и, если связаны целым мирозерцанием, то последнее является в конечном счете философией социальной. Партии эти являются продуктом той «религии общественности», которой живут многие современные люди западной цивилизации, веря, что преобразование общества есть основная проблема жизни, что вместе с этим преобразованием будут достигнуты наивысшие жизненные задачи, стоящие перед человеком.

Современные политические партии только отчасти совпадают с исторически возникшими общественными группами и общественными слоями социального целого. Так, например, рабочая партия английского типа совпадает в общем с тем общественным слоем Великобритании, который носит имя рабочего класса. Многие национальные партии в различных государствах базируются на историко-антропологической и расовой основе. Но большинство современных партий не только не совпадает с реальными общественными группами, но даже более, – в обычном порядке каждой определенной общественной группе соответствует несколько различных политических партий. Так различные социалистические партии считают себя представителями «пролетариата». Небезызвестная русская социалистическая партия, состоящая в основе своей из деклассированной городской интеллигенции, считала себя почему-то призванной представительницей крестьянства, тогда как крестьян в ней не было и 10 процентов. Впрочем, при помощи широковещательных лозунгов ей удалось во время революции привлечь значительное количество крестьянских голосов. Таким образом, политическая партия в современном смысле есть объединение, которое служит не представительству чисто реальных интересов общественных слоев и групп, но стремится *играть* на известных реальных интересах в известных политических целях. Эта особенность отличает политические партии от профессиональных союзов, синдикатов, трэд-юнионов и тому подобных реальных объединений.

От политических партий в описанном смысле нужно отличить те современные, также идеологические объединения, которые, хотя и стремятся к достижению известных политических целей, однако отнюдь не считают их своей последней задачей, а иногда и просто не выставляют их открыто, как свою цель.

Нельзя недооценивать роли таких объединений в жизни современных западных государств. К ним принадлежат, например, католические ордена, в особенности здесь нужно назвать иезуитов, политическая роль которых была огромна, хотя они никогда не были политической партией вроде социалистов или коммунистов. Если иезуиты и ставили перед собою, а иногда и прямо проводили в жизнь цели, подобные целям современных коммунистов (учреждение коммунистического государства в Южной Америке), то для них все же это не было последним и высшим заданием, а только рядом средств для осуществления некоторых высших, религиозных планов. Равным образом католики и их ордена участвовали и участвуют в современной политической жизни, но на этот предмет они образовывали везде особую политическую партию, какой является, например, партия центра в Германии. К такому же роду идеологических объединений относится масонство, не являющееся политической партией, но и идеями своими, и своей организацией, и своими действиями способствующее проведению некоторых политических целей. Основные задачи масонства отнюдь не покрываются решением общественных проблем. Масоны имеют и религиозные и нравственные задания, почерпнутые ими из довольно старых исторических традиций, и политика является только одним из частных планов их общей деятельности. Поставим теперь вопрос, к какому же из названных типов объединений ближе всего подходят евразийцы? Само собою разумеется, что евразийцы не есть партия «на платформе» или лига. Мы являемся объединением идеологическим и всегда себя опознаем, как таковое объединение. У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, совокупность догм, целое мирозерцание, целая философия. В этом смысле *формально* мы ближе стоим к социалистам и коммунистам, особенно к таким, как марксисты. Но от социализма нас решительно отделяет все наше миропонимание. Помимо того, что мы строим совсем другую социальную систему, чем социализм, помимо этого мы выдвигаем совсем иные моральные, социальные, философские и религиозные учения. Мы не исповедуем западной религии общности, мы не считаем, что решение социального вопроса есть последняя человеческая проблема, мы отвергаем теорию земного рая. Политическое действие для нас, как и для социалистов, не есть самоцель, мы также стремимся к политическому действию в особых, верховных целях, но этими целями не является для нас достижение окончательного социального благополучия на этой планете. Оттого задачи наши не покрываются ни политикой, ни планами социальных преобразований, как у социалистов. В этом смысле объединение наше, если характеризовать его по моменту целевому, ближе стоит к таким объединениям, как религиозный орден. Нам нужно с особой силой опознать, что формально (а не по существу) мы стоим ближе не к политическим партиям, а к таким объединениям, каковыми являются католические ордена или масоны. Но и те и другие суть продукты западной культуры, западного христианства, мы же – восточники и, конечно, нас не могут вдохновить ни идеалы иезуитов, ни идеалы их западных антиподов – «свободных мыслителей», реформаторов и протестантов, учеников Якова Бема¹, Вейгеля² и

¹ Беме Яков (1575–1624) – немецкий философ. Занимался сапожным ремеслом.

² Вейгель Валентин (1533–1588) – немецкий мистик, протестантский богослов.

Каббалы¹, объединивших в себе антидогматическую оппозицию против ортодоксального католицизма и ортодоксального иудаизма. По духу своему, мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Были ли у нас предшественники? – этот вопрос еще темен. Мне лично кажется, что за нами нащупывается старейшая традиция. В числе прообразов особенно важно указать ту «партию», – я ставлю это слово в кавычки, – которая действовала в старой Москве под именем «заволжских старцев»². Старчество, в силу особых условий, сошло с политической сцены, превратилось в жизнеучение без особой интенции к политическому действию³. Сейчас наступил момент снова вызвать это политическое действие в жизнь. Мы призваны начать строить Россию-Евразию по заветам старцев, наполняя эти заветы новым историческим содержанием.

Таким образом название «партия» для нас узко, мы по целям своим идейно больше любой политической партии, включая социалистов и коммунистов. Мы – организованное евразийство, род особого восточного ордена. Название «партия» не охватывает нашего внутреннего существа, не совпадает с ним. Поэтому только с некоторыми оговорками, чисто условно, мы можем называть себя «партией». Нужно понять, что при наших целях, во многих ситуациях нам более подобает выступать как орден, как духовное объединение, а не как партия. Мы в этом смысле должны дать себе отчет во всех преимуществах католической или масонской тактики и ими воспользоваться. Может создаться такая констелляция, когда евразийцам гораздо удобнее будет действовать через другие партии, даже создать себе известный фактотум, принявший то или иное легальное оформление, в то время как евразийское ядро будет хранить непартийный характер. Это не противоречит возможности при других условиях образовать самостоятельную евразийскую партию, выступающую наряду с другими политическими партиями. В конце концов, все это проблемы тактические, которые не подлежат решению без соображения с конкретными жизненными условиями. Центр же вопроса резюмируется в следующем положении: *существо наше не совпадает с природой политической партии* (в обычном смысле этого слова), и *партийность есть только одна из возможных форм нашей деятельности*.

II

Для определения тех условий, при которых организованное евразийство должно принять внешние оформления политической партии, нужно различать два вопроса: 1) вопрос о нашем положении и нашей роли в государстве, которое не построено по нашему образцу и которое мы, следовательно, не считаем вполне

¹ Предание (*древнееврейск.*); мистическое течение в иудаизме, стремящееся постигнуть скрытый истинный смысл Торы (Пятикнижие в Ветхом Завете) и других священных книг.

² Заволжские старцы – сподвижники Нила Сорского, образовавшего в конце XVI в. в Заволжье близ Кириллово-Белозерского монастыря Сорскую пустынь (неофициальный монастырь), объединившие противников политики, проводимой Иосифом Волоцким, в частности, огосударствления церкви, против церковной (монастырской собственности). Отсюда их характеристика как «нестяжателей». Движение нестяжателей было осуждено официальной церковью как еретическое (*прим. изд. 1993 г.*).

³ Если не считать попытки Достоевского обнаружить политическую программу старчества в беседах Зосимы (*прим. Н. Алексеева*).

отвечающим нашим идеалам, и 2) вопрос о нашем месте в государстве, которое мы сами построили по нашему собственному плану. Вопросы эти не вполне различаются, и из неразличения их вытекает неясность нашего отношения к партийному началу и возможность разногласий в нашей среде. Вопросы эти мы и разберем по очереди.

Что касается до первого вопроса, то практически он сводится для нас к выяснению нашего положения в условиях жизни современной России-Евразии. Нашей отправной точкой мы считаем советский государственный строй. В его современных условиях мы не принадлежим к числу легально действующих политических группировок. Мы можем стать таковой только при изменении современной политической конъюнктуры. Попытаемся в дальнейшем определить, каково может быть отношение евразийства к вопросу о партии в случае более или менее решительного изменения существующего политического режима в Советской России.

Можно предполагать следующие возможности такого изменения:

А). Путем постепенной эволюции, как этого желают и как это предполагают демократы, однопартийный коммунистический режим заменится многопартийным в западном или полузападном смысле этого слова. Отколется оппозиция, будет легализован этот раскол, будут легализованы затем меньшевики и эсеры, эвентуально эрдеки. Советское государство превратится в нечто вроде того, что временами можно было наблюдать в Европе «второго сорта», – в Болгарии или Сербии. Спрашивается, каково должно быть наше отношение к принципу партийности в случае некоторой более или менее длительной стабилизации такого режима? Ясно, что в возможной эволюции, проделанной Советским государством в означенном направлении мы, евразийцы, не принимали никакого сознательного участия, оно – не дело наших рук, новый режим возник помимо наших намерений, как организованной группы. Для нас, стало быть, он является чистым фактом, которого мы в аксиологическом порядке не одобряем, но к которому принуждены как-то приспособляться. Думается, что в умении приспособляться к нему мы должны многому научиться и у католиков и у социалистов. И те, и другие, не являются поклонниками буржуазной демократии, которую, однако, весьма умело используют в своих целях. Иными словами, с водворением названного режима для нас настанет момент, когда мы принуждены будем вступить в политическую борьбу как определенная политическая группировка среди других политических группировок. Тогда серьезно станет вопрос о превращении евразийства в политическую партию. Нам не следует забывать, что разбираемая нами возможность не принадлежит к числу тех, к которым мы стремимся. Возможность эта основана на предположении постепенного угашения того запаса энергии, который создала революция. Вступление Советского государства на означенный путь означало бы, что творчество новых политических форм кончилось, революция угасла, наступает царство задворков Европы, чего, в сущности, и желают все наши, с позволения сказать, «прогрессисты». Однако нам не следует и пугаться наступления названной возможности. Мы планируем наше бытие не на ближайшие десять лет и мы знаем, что такая революция, как русская, в конечном счете не может не при-

вести к установлению некоторых новых форм жизни, если бы даже эта революция, видимо, и окончилась временной реакцией. Возможный период развития России, как Европы «второго сорта», будет более или менее кратковременным. В течение его мы принуждены будем выступить как политическая партия наряду с другими политическими партиями. Причем мы выступаем как партия, которая стремится к построению нового государства и к уничтожению партийного режима. В полувосточной демократии мы сидим не на правой стороне, а на крайней левой. И мы уверены, что победим. Если это будет демократия в стиле Керенского¹, то мы будем первой силой, которая ее свергнет; если эта демократия будет склоняться к новым формам в стиле фашизма, режима Пилсудского² и т.п., то мы и будем тем главным хребтом, около которого будут складываться и кристаллизоваться новые демократические силы и который ростом своим будет преодолевать ограниченность, присущую названным европейским явлениям.

Б). Можно предположить, что изменение современного советского режима произойдет в результате насильственного переворота, который будет сделан одной из современных реальных сил, играющих роль в Советском государстве. Причем сила эта будет посторонней евразийству. Евразийцы не будут принимать ни идейного, ни фактического участия в перевороте. В России воцарится, скажем, единоличный или коллективный Бонапарт, который в значительной степени примет наследие революции, сохранит ее фразеологию, впитает в себя многое из ее правовых установлений и организационных сил, отвергнув, однако, коммунизм прежде всего как социально-экономическую систему, а затем, может быть, и как идеологию. Подобные перевороты известны истории. Делаются они обычно людьми, вышедшими из революции, энергичными и волевыми практиками, лишенными в то же время каких-либо принципов. Не было собственной доктрины и идеологии у Наполеона, нет ее и у Муссолини, что сознают сами фашисты. При таком обороте дела наше положение будет довольно благоприятным, но только при условии, если мы не будем афишировать себя, как особую, единую политическую партию. Захватчики власти, стабилизировав положение во имя каких-либо самых бедных титулов, не потерпят вторжения в сферу их деятельности посторонней партии; но они будут глубоко нуждаться в идеях, в политических принципах, в истинных титулах, обосновывающих их власть. Евразийцы должны при этом приложить все усилия, чтобы сделаться постепенно мозгами этого нового режима, чтобы наполнить новым содержанием унаследованные им от революции обветшалые формы, осмыслить их и оживить. Евразийцы должны всеми силами просачиться в этот новый режим и, руками новой власти, построить свое новое государство.

¹ Керенский А.Ф. (1881–1970) – государственный деятель, адвокат; лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе. С марта 1917 г. во Временном правительстве: министр юстиции (март–май), военный и морской министр (май–сентябрь), с 8 июля 1917 г. министр-председатель. С 30 августа – верховный главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции.

² Пилсудский Юзеф (1867–1935) – польский государственный деятель. Один из лидеров Польской социалистической партии. Во время 1-й мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии против России. В 1919–1922 гг. глава Польского государства. После осуществления им в мае 1926 г. государственного переворота установил в стране авторитарный режим.

В). Наконец, можно предположить, что переворот будет совершен или группой, близкой к евразийству, или самими евразийцами. Это ставит нас перед необходимостью немедленного построения по нашему собственному плану. В каком отношении мы будем стоять тогда к партийному началу? Будем ли «партией» в процессе построения своего государства и сохраним ли форму партии, когда государство это будет построено?

III

Противники наши упрекают нас в том, что мы в своем государстве намерены упразднить свободный режим партий и, подобно коммунистам, объявить власть одной партии, евразийской, которая станет на место коммунистической. Упрек этот делается не только «левыми», но, что особенно курьезно, даже и «правыми». Между тем то, что нам приписывается, составляет подлинный замысел всех русских эмигрантских «партий». Допустим, что у власти станет П.Н. Милюков. Можно ли предположить, что он легализует в своей республике партию Маркова¹? Сомневаемся, чтобы он легализовал и «николаевцев». И, разумеется, «николаевцы» сделают то же с р.-д. Подозреваем даже, что А.Ф. Керенский не будет очень щедр по части «партийной свободы», – памятуя уроки прошлого. Иными словами, каждый идилично мечтает о восстановлении тех порядков, которые были при царизме, когда одни партии были легализованы, другие – запрещены; различие только в том, какой группе партий собираются предоставить «свободу» и какую хотят загнать в подполье. Мы, евразийцы, полагаем, что нет такого политического течения, которое столь мало было бы реставрационным, как наше. Мы отлично знаем, что политика запрещения есть наименее целесообразная и наименее мудрая из всех политик. Только наихудший политический режим стремится обстричь под одну скобку идейные разногласия людей. Свобода в обнаружении мнений во всех областях жизни, стало быть и в политике, является непременным условием бытия всякого нормального государства. То же самое нужно сказать и о самоорганизации народа, о так называемой «свободе союзов». Наша политика не преследует цели отрицательного «запрещения» и «пресечения»; она исходит из того, глубоко продуманного нами нового понятия о государстве, которое составляет альфу и омегу нашей государственной системы и решительно отличает ее как от системы демократической, так и системы коммунистической.

А). Евразийское государство является политическим образованием, как мы говорим, *демотической* природы. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует «народной воле». Если бы понятие народного суверенитета не было столь затасканным и не утратило бы всякий внутренний смысл и всякое внешнее обаяние, то мы готовы были бы сказать, что мы строим наше государство на суверенитете народа, – но не на том дезорганизованном, анархическом суверенитете, на котором строятся западные демократии (где «народный суверенитет» = механическому агрегату мнений от-

¹ Марков Н.Е. (Марков 2-й) (1866–1945) – политический деятель, один из лидеров «Союза русского народа», глава фракции крайне правых в III и IV Государственных думах. С 1920 г. в эмиграции, с 1921 г. председатель Высшего монархического совета.

дельных достигших политической зрелости граждан), а на суверенитете организованном и органическом. Мы считаем «народом» или «нацией» не какой-нибудь случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры. Мы отдаем себе отчет в том, что «нация» в таком понимании неспособна к какому-либо политическому действию, что она недееспособна, что она должна действовать через каких-то заместителей, что воля ее должна получить выражение через определенного реального носителя. Однако мы не можем допустить тот порядок, при котором выразительницей такой воли считается кучеобразная масса всех живущих ныне людей, достигших, скажем 18 или 20 лет. Честные демократы знают, что такая «куча», во-первых, также недееспособна, а во-вторых, нет никакой гарантии, что ее устами говорит истинная нация.

Современной западной демократии свойственен особый, не имеющий никакого оправдания эгоцентризм голосующего корпуса взрослых граждан, который, будучи неорганизованным, сам по себе не способен провести ни одного голосования. Современная демократия есть олигархия живущего ныне взрослого поколения над нацией как целым – олигархия, которая в то же время сама не может управлять и ищет себе заместителя, реального политического деятеля. Таким деятелем и является политическая партия, организующая голосующий корпус и подменяющая своей волей мнимую волю голосующего корпуса. Мы, евразийцы, не признаем такой порядок нормальным. Мы заявляем: олигархии дезорганизованной массы пришел конец; связанный с нею явочный порядок в вопросах народного представительства должен быть решительно отменен. Государство не может считать выразителями народной воли всех взрослых вообще, взрослых «как таковых», отвлеченно взрослого гражданина, без отношения к тому, кто он, где живет и что делает. Государство должно пробудиться от немой пассивности; оно должно определить тот объективный и реальный принцип, на основе которого может быть построено истинное национальное «представительство», т.е. найдены реальные носители организационных государственных функций, действительные выразители национальной воли. Мы хотим, иными словами, заменить искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей. Поэтому нам не нужна политическая партия, как она нужна демократии западного стиля.

Вопрос о замене механической системы народного «представительства» органическим давно уже возник перед западной демократией. Сейчас он является очередным вопросом внутренней политики западных государств, хотя свойственный демократии консерватизм, своеобразная демократическая косность и ретроградность всячески препятствует реальному продвижению этого вопроса в жизнь. Мы находимся в более благоприятном положении, так как менее скованы предубеждениями, более свободны и более подвижны. К тому же идея, лежащая в основании советской системы (а не советская практика), разрешила довольно успешно проблему органического «представительства». В советской системе от-

правным пунктом является не отдельный человек и не искусственное соединение людей, но органический территориальный член целого – совет, округ, область, город и т.п. – или же профессиональные объединения людей в пределах этих территориальных единиц, наконец, национальные части государства. Начала эти и подлежат дальнейшему укреплению, развитию и усовершенствованию в евразийском государстве.

Б). Европейская демократия гордится тем, что она основывает свою власть на «свободном» общественном мнении, выражающем волю большинства «нации». Общественное мнение, по внешней видимости, играет немалую роль в жизни европейских демократий, оно свергает правительства, изменяет состав парламентов, определяет основные направления политики. Но что же называет демократический режим таким «общественным мнением»? «Общественным мнением» на Западе называется не стабилизированное, прочное, глубоко укоренившееся в народе убеждение, а, скорее, известные, очень изменчивые народные настроения, возникшие к тому же не самостоятельно, а искусственно привитые политическими партиями. Политические партии в демократическом государстве инспирируют такое «общественное мнение» по любому вопросу политики. Партии вызывают и пробуждают политические настроения, разжигают страсти и их культивируют. Такое «общественное мнение», по большей части, создано искусственно, вздуто и не отвечает ни интересам отдельных народных слоев, ни интересам государственного целого. Существуют особые приемы такого возбуждения «общественного мнения» – это политическая агитация, вооруженная ныне всеми приемами новейшей рекламной техники. Оттого «общественное мнение» в демократической Европе меняется так же, как погода. Сегодня оно склоняется на сторону консерваторов, завтра – на сторону социалистов. Мы отлично понимаем, что «общественное мнение» не может быть чем-то совершенно неподвижным. Меняется общественная жизнь, должно меняться и «общественное мнение». Однако истинная динамика народных убеждений не может выражаться в той нервной скачке политических настроений, которой характеризуется политическая жизнь современных демократий. Демократическая «динамика» общественного мнения есть вид общественной неврастности, являющееся безошибочным показателем растрепанности современного человека и всей его жизни. Можно сказать, что, если бы система дезорганизованного и не стабилизированного «общественного мнения» без всякого ограничения господствовала бы в государственной жизни, любое государство распалось бы и перестало существовать. Если западные демократии не подвергаются распаду, это значит, что в них существует некоторый корректив безбрежной динамики неорганизованного общественного мнения. О коррективе этом не говорится в учебниках конституционного права, но он действительно существует, и его существованием объясняется, почему, например, несмотря на постоянную смену правительств, Великобритания вела одну и ту же внешнюю политику: или почему, несмотря на скачку министерств во Франции, устои Французской республики оставались весьма консервативными, т.е. правила одна и та же бюрократия, существовало одно и то же административное устройство и т.д.

Мы хотим сказать, что во всяком, даже самом демократическом государстве имеется некоторая политическая константа, хотя ее наличность и заслонена ныне пышными декорациями демократического режима и фразеологией парламентаризма. Наше евразийское государство исходит из требования, что константа эта должна быть опознана и ясно формулирована. Мы стремимся сознательно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство *идеократией* или, иначе, государством стабилизированного общественного мнения. Мы считаем, что в понятии народа, как совокупности исторических поколений, и воплощена истинная народная воля, единственным органом которой отнюдь нельзя признать случайное голосование наличного большинства взрослых граждан. Оттого мы народному голосованию и не придаем последнего, решающего значения, хотя и считаем его органом, очень важным для определения динамики общественной жизни. Государственная константа является принципом, который требует конкретизации. Народное голосование и призвано дать стабилизированной народной воле конкретные приложения к частным случаям государственной жизни.

Мы считаем, что опять-таки в идее, а не в практике советская система дает возможность удачно сочетать наличность стабилизированного общественного мнения с его динамикой. Советская система слагается из диктатуры единой партии и из ряда «представительных» учреждений. Первая воплощает начало постоянное, вторые – начало подвижное. Правильное сочетание этих двух начал и составляет основную задачу евразийской политики.

В). Наши противники упрекают нас в том, что мы копируем режим коммунистической диктатуры и, если стремимся к его преобразованию, то только путем превращения правящей партии в новое дворянство, которое будет, подобно старому, стоять наверху государства и управлять им. В подобном упреке обнаруживается бедность и косность демократической мысли, которая привыкла к установившимся трафаретам и вне их вообще ничего не представляет. Наше новое понятие государства принимает во внимание опыты прошлого и настоящего, но не делает из них каких-либо безусловных норм. Для истории России особо характерна наличность правящего слоя, который ранее олицетворялся в дворянстве, ныне олицетворяется в коммунистической партии. Но ни учреждение дворянства, ни фактическое бытие коммунистической партии не решают проблемы организации правящей группы в государстве нормального типа. Дворянство было основано на наследственных привилегиях, дарованных тем, кто особо отличился в государственной службе. Дворянство не было, следовательно, организацией идеологической, потому дворянство и обречено было на духовное изживание, на идеологическую смерть. Избавиться от этой судьбы наше дворянство могло бы только в том случае, если бы оно само организовалось на основе какой-либо почвенной, национальной идеи. Дворянство же наше такой идеи не нашло, напротив, оно офранцузилось, омасонилось, явилось наиболее активным фактором нашей европеизации. Дворяне были первыми нашими проповедниками евро-

пейской революции, которая, раз свершившись, истребила своих отцов до последнего корня. Новый, революцией рожденный правящий слой имеет то преимущество, что является объединением идеологическим, однако ему свойственны и громадные недостатки. По существу своему его идеология является ложной и, кроме того, нам чужеродной, заимствованной с Запада. И, что самое главное, по положению своему в государстве новый правящий слой имеет характер западной партии, т.е. частного объединения, преследующего некоторые политические цели. В смысле юридического положения коммунистическая партия никак себя не закрепила: в советском государстве она существует фактически, официально в советской конституции о ней ничего не говорится. Поэтому вся постройка Советского государства как бы двоится между официальными учреждениями советов и неофициальными учреждениями коммунистической партии. Получается два правительства, – явное и тайное: съезды Советов и их органы, съезды партии и ее органы. Такое положение нельзя признать нормальным. Оно необходимо толкает или к превращению советского режима в многопартийный или к конституционной легализации «партии» как официального органа республики. Теперешние вожди республики должны понять, что перед нами – только эти два пути, причем вступление на первый означает превращение России в подобие Европы второго сорта, вступление же на второй является попыткой построения государства нового типа.

Новый же тип государства требует, чтобы тот общественный слой, который является носителем стабилизированного общественного мнения из политической партии в европейском смысле этого слова превратился бы в органическую часть государства. Мы видели уже, что такими частями являются территориальные элементы республики, ее профессиональные и национальные клетки. Правящая партия должна быть поставлена наряду с ними как носительница органической государственной идеи. Тогда вышеназванная проблема сочетания государственной константы с государственной динамикой решается путем организации правильного соотношения в советах делегатов от территориальных и национальных частей и от профессиональных организаций с делегатами от правящего слоя.

2) Таким образом, в нашем государстве мы партии заменяем реальными общественными слоями, и это создает условия, при которых нам партии и технически становятся ненужными. Наши противники говорят, что мы хотим запретить другие партии и властвовать при помощи диктатуры. Но, если брать нормальное государство в нашем понимании, то дело идет не о механическом запрещении партий, а о сложной политике, направленной на уничтожение партийного режима. Мы не будем запрещать партии, но безусловно будем бороться при выборах с тем навязыванием партийных программ, с той безобразной партийной рекламой, с теми бессовестными приемами посулов и обещаний, к которым прибегают современные политические партии. Да и при выборах в советы все эти приемы не будут нужны, а кроме того, ни одна из современных русских, ничтожных партий ими не сумеет воспользоваться. Приемы эти пригодны, когда избиратель представляет аморфную массу, идущую к урнам и голосующую те списки незнакомых ей лиц, которых выдвинули партийные комитеты. А когда выборы происходят в

каждом селе, то выбирают по деловому признаку, по местной деловой программе, а не по посулам. Тем более деловой принцип господствует в последующих стадиях, когда происходит отбор делегатами наиболее способных и опытных лиц. Современные представители русских политических партий потому и против советской системы, что они отлично понимают ее несовместимость с партийным режимом. «При советской системе партиям делать нечего, а потому долой советскую систему»... Однако выборы при советской системе, если они делают ненужными партии, то они отнюдь не упраздняют свободу обнаружения мнений и борьбу различных течений среди избирателей. При выборах в советы мы вполне допускаем возможность деловых расхождений и деловых группировок. Но мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия, – мы стремимся к тому, чтобы избиратель сам уяснил эти интересы и отобрал людей, которые окажутся истинно способными выразить волю нации, как некоторого органического целого.

*Публикуется по изданию:
Россия между Европой и Азией:
Евразийский соблазн. Антология.
М., 1993. С. 161–173.*

СЕМЕН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК

**ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА.
ВВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ФИЛОСОФИЮ**

1929 г.

**Часть вторая
Основные принципы общественной жизни
(Об общественном идеале)**

**Глава V
Иерархизм и равенство**

1. Начало иерархизма

Общественная мысль, основанная на индивидуализме и на начале прав и притязаний человека, необходимо приходит к утверждению начала *равенства* как незыблемого и верховного принципа общественных отношений. Все люди равны, потому что они имеют равные права или притязания; а права и притязания всех равны потому, что они *безмерны*. Каждый человек есть по своему существу *самодержец*, неограниченный властелин над своей жизнью; самодержцы же естественно равны между собой. Идея равенства вытекает здесь, таким образом, из идеи абсолютной ценности самодовлеющей человеческой личности, из обоготворения каждого отдельного человека, как такового. Равенство есть здесь абстрактное равенство, одинаковость всех людей, взятых каждый поодиночке, одинаковость ряда величин, каждая из которых имеет значение величины бесконечной.

Ниже мы увидим, что равенство в совсем ином, функциональном и производном смысле есть действительно необходимое, онтологически обоснованное нормативное начало общественной жизни. Но сначала надлежит выяснить, что общественная жизнь, поскольку она по своему существу есть единство, основанное на верховном начале *служения*, предполагает прежде всего обратное начало *неравенства*, начало *иерархизма*.

Прежде всего, чисто эмпирически совершенно очевидно, что равенство, в абсолютном смысле слова, есть начало в общественной жизни совершенно неосуществимое и никогда еще в истории не осуществленное. Как люди всегда неравны по своим физическим и душевным свойствам, так они неравны по своему социальному положению, по своим правам и обязанностям. Везде и всегда, при

всяком общественном строе, на каких бы началах он ни был основан, существует неизбежное неравенство между властвующими и подчиненными, между людьми, стоящими на разных ступенях общественной лестницы. Неравенство между каким-нибудь якобинским или большевистским диктатором и рядовым обывателем или низшим служащим не меньше, чем неравенство между монархом и последним бедным крестьянином; или, во всяком случае, это отношение, как и множество других, ему подобных, есть столь же бесспорное социальное неравенство, как неравенство в сословном или кастовом общественном строе. Всякая революция в своем стремлении установить равенство обычно только переменяет состав лиц, стоящих вверху и внизу общественной лестницы или – поскольку действительно меняется самый принцип общественного строя – заменяет неравенство одного порядка неравенством другого порядка или содержания. Но установить социальное равенство в буквальном смысле так же невозможно, как установить физическое равенство между людьми.

Если мы спросим себя, откуда это неизбежное и повсеместно распространенное в обществе неравенство, то мы должны будем ответить, что оно вытекает из начала *иерархии*, онтологически необходимо присущего обществу. Начало иерархии есть ближайшим образом природное, естественное свойство общества, в котором оно сходно с организмом, со всякой жизнью. Общество, как все живое, есть однородная группа или куча отдельных частей, оно есть сложное целое, части которого суть его члены или органы, исполняющие определенную функцию в целом. Но такая живая функциональная система не может действовать и существовать иначе как через посредство иерархического начала властвования и подчинения. Она должна иметь центральный орган, управляющий целым и разделяющийся на ряд подчиненных тоже центральных органов, заведующих отдельными функциями, – как бы отдельных ведомств, каждое из которых в свою очередь управляет множеством подчиненных местных инстанций. Чем богаче и полнее общество, тем оно сложнее, т.е. тем длиннее цепь звеньев, связующих высшую инстанцию с низшими. Упрощение этой иерархии равносильно упадку общества, ее уничтожение равносильно разложению общества, превращению его в неорганическую массу.

Иначе говоря, ближайшим образом иерархическая структура общества вытекает из его *единства*. Для того чтобы множество могло быть живым целым, для того чтобы присущее ему единство могло действительно функционировать, структура общества должна носить характер подчиненности множества единству, т.е. единство должно выступать как иерархически высшая, властвующая инстанция; а в сложном целом власть единства над множеством выражается во власти его через ряд промежуточных, посредствующих единств, которые по той же причине необходимы для действительного объединения частных и местных многообразий при исполнении ими определенной функции. Поэтому общество, как живое единство, приобретает характер иерархический, становится лестницей ступеней или, точнее, пирамидой с широким основанием и узкой вершиной.

Отсюда следует, что, вопреки отвлеченной доктрине демократизма, требующей господства всех или большинства, во всяком обществе, независимо от прин-

ципов, которые оно официально исповедует, роковым образом *меньшинство властвует над большинством*¹. Начиная от государства и вплоть до самых мелких и свободных союзов, во всяком объединении есть одно лицо или небольшая группа лиц, которые управляют общественным целым, ведут его, исполняют функцию, вождей. Уже техника сговора, принятие общего решения требует, чтобы решение это было задумано и подготовлено небольшой группой лиц, «правлением», и чтобы «общее собрание» (при демократическом порядке) лишь – более или менее пассивно – выразило свое одобрение этому решению, т.е. согласилось идти за «вождями». В абсолютной монархии или диктатуре народом правит монарх или диктатор с помощью подбираемой им группы сотрудников, возглавляющих бюрократию; в парламентарной же демократии народом правит парламент, парламентом – господствующие в нем партии, а партиями – партийная верхушка, политические вожди. Всякое, даже «всеобщее», голосование есть для масс лишь способ оказывать давление на правящее меньшинство или выражать ему свое одобрение, причем обычно инициатива и первоисточник даже этого «мнения» большинства лежит опять в воле руководящих общественных групп. Сам выбор вождей даже при наиболее демократической и свободной избирательной системе не есть для каждого отдельного избирателя – как это остроумно отмечает Визер – «выбор» в том буквальном, многозначительном и активном смысле, в каком мы говорим о выборе друга или невесты; избиратель фактически лишен возможности «выбрать» себе представится или вождя по своему *индивидуальному вкусу* – он должен ограничиться выбором между немногими кандидатами, которые фактически выбираются правлением партий.

Всякое общество есть, таким образом, *аристократия* – власть меньшинства, вождей, «лучших людей» над массой; против этого рокового социологического соотношения бессильны все программные лозунги равенства, все повороты, совершаемые во имя принципа равенства. Верхушки парламентских партий в демократии или одной партии при партийной диктатуре (как в советской России «политбюро» коммунистической партии) суть такая же *олигархия*, как власть высшей аристократии в сословном государстве. Или – чтобы не употреблять термина «олигархия», получившего исторический смысл корыстного, плохого властвования меньшинства, – скажем, что всякое общество по своей природе есть *олигократия, власть меньшинства*. Общественные порядки могут различаться лишь по форме и способам подбора и пополнения этого правящего меньшинства – по степени его замкнутости, наследственного начала в нем или открытости доступа в него отдельных лиц из низших слоев, по относительной свободе общественного мнения большинства в его оценке правящего меньшинства. Но все эти различия имеют место лишь в пределах неустраняемого, повсеместно действующего общего начала *олигократии*. Лишь в краткие моменты мятежа и анархии бывают положения, при которых толпа, масса, как таковая, действует не под управлением вождей (хотя в большинстве случаев и в типических явлениях и здесь есть более или менее явное или скрытое водительство меньшинства); но именно эти момен-

¹ Немецкий социолог Фридрих Визер называет это соотношение «законом малого числа» (F. Wieser. Das Gesetz der Macht, 1926) (прим. С. Франка).

ты суть состояния временного *разложения* общества, распада общественного единства и превращения общества в текучую хаотическую массу; такие состояния разложения либо вообще бессильны, либо, в крайнем случае, могут опрокинуть старый порядок; всякое же создание нового порядка, всякое общественное строительство требует организации, и тем самым – власти меньшинства.

По тем же основаниям, в силу которых во всяком обществе действует принцип олигократии, в нем действует и принцип единовластия (*монархии*, чтобы и здесь избежать уже использованного в определенном узком историческом смысле термина «монархия»). Где и поскольку в обществе – в особенности в моменты критические – имеется потребность не просто в водительствующей мысли, а в быстро и единодушно действующей организующей воле – там и постольку в ней неизбежен принцип *единовластия*. Таково, как известно, историческое происхождение всех монархий; монарх есть вождь, по большей части военный, необходимый организатор, спаситель и охранитель общества. И, с другой стороны, все народные восстания и движения, порождая анархию и внутреннюю борьбу, с необходимостью ведут к появлению такого же единовластного вождя, который, мнимым образом будучи «представителем» и «уполномоченным» народа, на самом деле есть его повелитель. Всякая революция, всякое восстание против «деспотизма власти» по общему правилу ведет к тому, что народ попадает в подчинение новому вождю и помимо своей воли утверждает гораздо более деспотическое и неограниченное единовластие, чем то, которое он свергнул. Единовластие в том или ином виде есть в такой же мере адекватная форма выражения внутреннего единства общества в области организующей, напряженно-творческой воли, как власть меньшинства есть адекватная форма постоянного, длительного направления общественной жизни.

Но вернемся к общему принципу иерархизма. Если ближайшим образом он вытекает как бы с чисто природной необходимостью из требований общественного единства, то свое последнее онтологическое обоснование и свое оправдание как начала нормативного он черпает из *начала служения*. С первой точки зрения иерархизм можно было бы рассматривать как принцип, всецело относящийся к внешней, механической стороне общественности, как чисто служебное средство, имеющее лишь утилитарное, а не самодовлеющее духовное значение. Так обычно на это начало смотрит индивидуалистически-демократическое мировоззрение, для которого иерархизм есть как бы лишь дань, платимая верховными началами «воли большинства» и индивидуальной свободы – естественной необходимости, нечто вроде неизбежного трения в ходе общественной машины. Идеалом при этом остается возможный минимум иерархичности. В действительности, однако, иерархизм имеет свой последний корень, как указано, в принципе служения, как верховном определяющем начале духовной жизни. Так как общественная жизнь есть по самому своему существу не простое удовлетворение субъективных нужд людей, а строительство и воплощение абсолютной, божественной *правды*, истинно должного в человеческой жизни, то отношения между его участниками определены, как мы видели, началом *авторитета*; строение общества должно отражать на себе различие в авторитетности, качественной годности, онтологи-

ческой *значительности* отдельных его членов и соучастников: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе»¹. Общество в этом смысле по самому своему существу есть *аристократия* в буквальном смысле этого слова, *господство лучших*, и потому и сознательно должно стремиться быть таковым. Творчество и строительство в коллективной жизни людей есть необходимо *водительство* одних и *послушание* других, их следование примеру и призыву лучших. Нравственно определяющие и формирующие идеи идут, как все идеи, *сверху вниз*, от духовных вершин к духовным низам. Всегда должны быть мастера и знатоки дела и ученики, им подчиненные; это подчинение не есть чисто пассивная, бессильная, вынужденная покорность силе; оно, как мы знаем, в основе своей добровольно и есть лишь косвенное отражение в человеческих отношениях добровольного послушания объективной правде, подлинному добру. Мы уже знаем: демократическая идея, что последней высшей инстанцией государственной жизни служит ничем не мотивированная воля, своеволие массы, избирательного стада – так же, как в абсолютной монархии ею служило «*le bon plaisir*»² монарха, правило «*sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*»³, – есть зловерное, онтологически несостоятельное заблуждение. Человек призван делать не то, что он хочет, а что по существу хорошо, что должно быть; но именно поэтому лучшие, более сведущие и умелые, должны руководить худшими. В сущности, и демократия не может обойтись без принципа авторитета и потому иерархизма – именно потому, что он есть незыблемый божественный закон, определяющий самое существо человека и общества. Но она склонна исказить и извращать его; под влиянием веры в ложный принцип «самодержавия народа» авторитетом легко может стать не действительный мастер, лицо более высокого духовного и умственного уровня, а демагог, сумевший польстить массам и заслужить их доверие в качестве приказчика, исполнителя их воли. Истинное же, подлинное основание авторитета и потому иерархически высшего состояния человека есть «харизма»⁴, сознание не произвольно-человеческой, а объективно-божественной избранности человека, его предназначенности для общественного водительства. Основание всякой привилегии, всяких особых прав, всякого высшего положения человека или общественной группы и класса лежит только в одном: в их надобности для выполнения объективно необходимой общественной функции в деле общего служения правде. Ибо не только неподчинение, но и власть и главенствование есть *служение* и потому оправданно в качестве такового.

Этим определен нормативный критерий строения общества. Прежде всего, общий принцип иерархизма и, следовательно, неравенства есть, как уже указано, не неизбежное зло, а добро, ибо члены общества должны быть распределены по разным ступеням общественной лестницы в соответствии с их духовно-онтологической значительностью, со степенью и областью их годности и умело-

¹ Новый Завет. Первое послание апостола Петра к Коринфянам. 15, 41.

² Доброе удовольствие (*франц.*).

³ Так я хочу, так я велю, пусть будет моя воля (*лат.*).

⁴ Греч. *charisma* – милость, божественный дар; исключительная одаренность. Харизматический лидер – человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным исключительно на качествах его личности – мудрости, героизме, святости.

сти в богочеловеческом деле общественного строительства, и идеалом здесь является не минимум, а максимум дифференциации и иерархизма. С другой стороны, мерилом правильного устройства общественной иерархии может быть не то, в какой мере оно совместимо с удовлетворением человеческих вожделений, корыстного и завистливого стремления человека быть не ниже другого, а лишь то, в какой мере общественный порядок обеспечивает *правильный иерархизм*, т.е. действительно ставит *каждого соучастника общества на надлежащее*, соответствующее его достоинствам и способностям *место*. При этом надо иметь в виду, что всякая длительно существующая и ставшая традиционной форма иерархизма склонна вырождаться и испытывать искажение своего истинного существа. Власть и привилегированное положение, *какой бы источник они ни имели*, суть соблазны, легко используемые не в интересах общества и объективной правды, а в личных интересах отдельного человека и группы. Здесь не место обсуждать конкретные условия, при которых иерархизм сохраняет свою подлинную онтологическую функцию, т.е. дает максимальные шансы тому, чтобы каждый соучастник общества стоял на действительно надлежащем ему месте; как и все остальные, конкретно прикладные проблемы политики, эта задача неразрешима для всех эпох и общественных состояний в одинаковой форме. В качестве общего правила можно лишь указать, что замкнутость классов и общественных групп, отсутствие свободного эндосмоса и экзосмоса¹ между низшими и высшими слоями, при прочих равных условиях, легче всего ведет к вырождению онтологически обоснованного иерархизма в иерархизм, онтологически не оправданный. Но должны ли иерархически высшие слои пополняться путем избрания снизу, или кооптации сверху, или через сочетание обоих приемов, и в каких именно конкретных формах, – это есть вопросы конкретной политической психологии и педагогики, решаемые только от случая к случаю. Ибо момент «избрания» не есть сам по себе священное начало; он имеет чисто функциональное значение: в нем народ или низшие слои не диктуют свою безапелляционную волю в качестве высшей державной инстанции общества, а лишь выражают свое посильное суждение о подлинно объективной годности и авторитетности избираемого.

2. Начало равенства

Но если иерархизм и связанное с ним неравенство суть необходимые начала общественной жизни, то остается ли в ней какое-либо место для противоположного начала равенства? Это зависит от того, в каком смысле мы употребляем это понятие и к чему его прилагаем. Поскольку под равенством – как это обычно имеет место на основе антропократически-натуралистического мирозерцания, на котором покоится идущий из XVIII века демократический идеал, – разуметь равенство прав и притязаний человека, его требование, чтобы общество давало

¹ Процессы, входящие в понятие осмоса, физико-химического процесса прохождения и взаимного обмена жидкостей и растворов твердых веществ через пористые перепонки; например, при разделении перепонкой раствора поваренной соли от дистиллированной воды происходит сильное течение соли через перепонку в воду (эндосмос, от греч. *endon* – внутри; внутренний) и обратно слабое течение воды в раствор солей (экзосмос, от греч. *exo* – вне, снаружи; внешний).

каждому не меньше благ, власти, почета, чем другому, равенство остается началом и неосуществимым, и ложным. Ибо не существует «прирожденных», первичных прав и притязаний человека; права человека вытекают из его обязанностей, суть производные следствия из его единственного права – *права на служение*; а так как функции сужения разнородны и размещаются в иерархическую лестницу, то и соответствующие права могут быть только разнородными, т.е. неравными. Демократическое требование равенства вступает, таким образом, в конфликт с началом иерархизма и аристократизма; оно не имеет за себя никакого объективного основания и есть лишь беспредметное выражение субъективной зависти, оглядки на другого, желания, чтобы *другой* был не выше меня и я – не ниже его. И так как большинство стоит всегда на низшем духовном уровне, чем избранное меньшинство, то фактически всякая попытка уравнивания ведет к понижению уровня общественного бытия, к срезыванию его верхушки.

Но возможно и совсем иное понимание принципа равенства, в котором он не только совместим с началом иерархизма, но – как бы это ни казалось парадоксальным с точки зрения ходячих идей – непосредственно из него вытекает. Прежде всего, всякое равенство есть не абсолютное равенство между одним и другим, так, чтобы достаточно было сравнения двух объектов, чтобы установить между ними равенство. Равенство устанавливается в определенном *отношении* и *всегда в виду* и на основе *какого-то соотносительного ему неравенства*; равенство *уровня* между двумя реальностями всегда предполагает общность их отличия от иных, высших и низших уровней. Есть только одно отношение, в котором все люди действительно, т.е. онтологически, равны и в котором поэтому они должны блюсти равенство: это есть их *отношение к Богу*. Все люди равны перед Богом, и притом в *двояком* отношении: поскольку Бог есть начало трансцендентное, абсолютное, совершенное, в противоположность несовершенству, бессилию, ничтожеству всего эмпирического тварного мира, постольку перед лицом Бога все люди суть тварные создания, существа, исполненные бессилия и греховности, сознающие свое общее ничтожество, свою противоположность Богу и удаленность от него. Из этого отношения вытекает не равенство прав и притязаний, а равенство нищеты, недостойности и смирения; никто не вправе считать себя выше других людей в этом онтологическом отношении, не видеть в другом человеке равного себе соучастника общей нужды и общей задачи совершенствования. Принцип равенства выражается здесь не в эгоистической обиде за себя и желании, оглядываясь на другого, получить столько же, как и он, а, напротив, в сознании, что всякий другой – не хуже и не менее меня, заслуживает не меньше меня; принцип равенства есть здесь, иначе говоря, иной аспект начала солидарности, любви к ближнему, поскольку это начало рождается из смиренного сознания своего собственного недостойности, своей удаленности от Бога. *С другой стороны*, поскольку Бог есть вместе с тем начало, имманентное человеку, постольку каждый человек есть «образ и подобие» Божье и потенциально «сын Божий» – человек, по сравнению со всем остальным тварным миром, есть существо высшее, аристократическое по своему онтологическому происхождению и назначению. И в этом смысле все люди принципиально опять-таки равны между

собой. Из этого отношения также вытекает не равенство прав и притязаний, а равенство *достоинства* и обязанностей, определенных достоинством, по принципу «noblesse oblige»¹. Это истинное и онтологически оправданное равенство есть по самому существу своему *аристократическое* чувство – чувство солидарности в особой избранности и в необходимости оправдать ее, оказаться достойным ее. Такое законное, возвышающее и облагораживающее сознание равенства мы имеем во всякой аристократической корпорации – в дворянстве, где оно объединяет знатнейшего и богатейшего вельможу с самым захудалым и бедным дворянином, в офицерском обществе, где главнокомандующий и последний прапорщик объединены чувством взаимного уважения к достоинству друг друга, как участников общего дела управления армией.

Именно это аристократическое сознание равенства как солидарности в избранности наиболее полное и адекватное религиозное сознание – христианство – распространяет на *всех людей* без исключения. Равенство между людьми есть следствие *всеобщего священства*; каждый человек в своей основе есть избранный Богом свободный слуга Божий, *свободный соучастник* Божьего дела. Человечество, в этой своей богоизбранности, в этой особой своей близости к «Царю царей» и ответственности перед Ним, есть *аристократия* в космическом бытии, и именно поэтому человек должен в лице каждого себе подобного уважать равного себе сослуживца и избранного представителя Божьего дела.

Другими словами, равенство в истинном, онтологически обоснованном своем смысле есть не что иное, как *всеобщность служения*. В истинной человеческой жизни, а потому и в истинной, онтологически адекватной общественной жизни все люди одинаково (хотя каждый на своем месте и со своим особым содержанием) призваны к свободному сужению, никто не исключен из него, никто не является только объектом, а не субъектом общественного служения. И так как служение по самому существу своему обосновывает, как мы видели, иерархизм, то равенство не противоречит здесь неравенству, не перекрещивается с ним, а, напротив, с ним согласуется и его пронизывает – так же, как равенство офицерского звания не противоречит иерархическому строению командного состава. Каждый человек имеет равное достоинство – именно тогда, когда он стоит на *надлежащем* ему месте иерархической лестницы и потому выполняет единственное *основание* равенства – определенное ему служение.

В этом заключается истинный онтологический смысл (как и истинный генетический источник) *демократии*. Демократия есть *не власть всех, а служение всех*. Не хищническое, корыстное или властолюбивое желание всех людей или «народа» быть хозяином и распорядителем своей судьбы, державным властителем жизни, есть ее основание, а чувство обязанности активного соучастия всех в общем служении правде. Варьируя формулировку, приведенную выше при определении начала служения, мы можем сказать: единственное первичное право каждого человека есть его *право на соучастие в общем служении*. Здесь открывается вместе с тем связь правильно понятого начала равенства, как всеобщности служения, с началом *свободы*; здесь лежит объяснение того, почему начала

¹ Положение (благородство) обязывает (*франц.*).

свободы и равенства – при другом, ложном их истолковании, как это известно из исторических примеров, часто противоречащие друг другу и сталкивающиеся между собой – все же вырастают в человеческой душе и потому в человеческом общении совместно. Ибо они суть в своем последнем существе лишь два выражения одного и того же начала. Равенство есть всеобщая призванность к служению, служение же, в качестве нравственной активности, зиждется на свободе человека. Всеобщность и свобода служения суть соотносительные стороны богочеловеческой природы человека. Общество, как совместная богочеловеческая жизнь, есть *свободное всеединство*. Служение правде не есть чья-либо привилегия или исключительная обязанность какой-либо отдельной группы людей, опекающей и насильственно направляющей общественную жизнь, оно есть дело всех людей без исключения. Идея правды, благодатная сила, подвигающая на служение, должна всепронизывающим током проходить через сердца и волю всех членов общества. Последний источник общественной действенности, живого творческого и связующего начала общественности, лежит в религиозно-нравственном сознании человеческого сердца, в свободной человеческой воле, которой чужая воля может помогать, которую она может направлять и организовывать, но которую она не может заменить. Где парализовано или предано забвению начало всеобщего свободного служения, где есть общественные слои, которые суть только пассивные объекты, а не активные субъекты служения, там, с одной стороны, в известной мере парализована и ослаблена сама общественная жизнь и, с другой стороны, подпольно взращиваются в человеческой душе анархические страсти, подготавливается бунт, растет идеал самочинного устройства. Все бунтарское в новой европейской истории – восстание в ней человека против Бога, рост и действие в ней мечты о самочинном построении вавилонской башни, вплоть до последнего достижения этой тенденции – духовного самоубийства в коммунистическом бесчинии и рабстве, – есть расплата человечества за забвение и умаление им в прошлую эпоху начала всеобщности свободного служения.

Глава VI

Консерватизм и творчество в общественной жизни

1. Двуединство традиции и творчества

В отделе «Соборность и общественность» мы усмотрели одну из существенных черт соборности, как внутреннего живого ядра общественности, в ее *сверхвременности*. В соборном единстве – так же, как в памяти и жизни отдельного человека, – прошлое не исчезает, а продолжает жить и действовать в настоящем, и лишь эта непрерывность, обоснованная в сверхвременности, обеспечивает устойчивость и жизненность общественного целого. Эта сверхвременность не есть, конечно, абстрактная, неподвижная *вневременность* или вечность, она есть лишь единство, которое, как некое лоно, объемлет в себе и пронизывает своими силами живую изменчивость, временное течение общественной жизни, – так же, как в индивидуальной жизни человека сверхвременное тождество личности живет и

действует во всем временном ряде сменяющихся актов и состояний человека. Сущность всякой жизни как таковой, – начиная с жизни простейшего организма и кончая самой глубокой духовной жизнью человека – состоит в этом живом нераздельном единстве в ней сверхвременности и временного течения, и потому это же единство определяет и существо общественной жизни.

В последних глубинах духовной жизни – индивидуальной и коллективной – эти два момента живут и действуют в гармоническом, нераздельном и неслиянном единстве. В глубине соборной исторической жизни человечества, как и в глубине индивидуального духа, неустанно и неустранимо совместно соучаствуют и традиции, сохраняющие силы прошлого в настоящем и передающие их будущему, и творческая энергия духовной активности, устремленная к будущему и рождающая новое. Но в эмпирическом, наружном слое общественности и эти два момента выступают обособленно и часто вступают в противоборство между собой. Если изнутри, в глубинном слое духовного бытия, они, как указано, одинаково объемлют и пронизывают и коллективную, и индивидуальную человеческую жизнь, то вовне, в эмпирической оболочке общественной жизни, они как бы отлагаются по двум ее основным измерениям и сосредоточиваются каждое в одном из последних. Носителем традиции, начала устойчивости и непрерывности общественного бытия является общественное единство, общество, как целое, тогда как носителем временной изменчивости, творческой активности становится отдельная личность в лице ее индивидуальной свободы. Силы прошлого, как они выражаются в сложившемся бытии, привычных нравах, нравственных воззрениях, в устойчивости правовых форм, политических и социальных отношений, как бы хранятся и вращиваются в лоне коллективного бытия, в единстве совместной жизни; отдельная личность вырастает в них с самого своего рождения, впитывает их в себя «с молоком матери», вдыхает их в атмосфере семьи и общественности. Напротив, фермент новизны, творческая устремленность к будущему заложены в глубине индивидуального духа, все новое, привступление которого и определяет собою общественную изменчивость, временное развитие общества, как бы зачинается из ничего в том таинственном глубочайшем центре личности, который мы зовем свободой. Лишь зачавшись и постепенно оформляясь в глубине индивидуального духа, в творческой личной инициативе, новое потом воспримется общественной средой, проникает в нее и в ней утверждается. Так основная... двойственность между коллективным и индивидуальным началами общества выступает здесь с новой стороны как двойственность между восприимлющим, охраняющим, обеспечивающим общественную непрерывность началом, которое есть как бы женское начало, материнское лоно общественности, и творческим, зачинающим, созидающим будущее началом, которое есть как бы ее героическое мужское начало¹.

Эти два начала всегда сотрудничают и совместно действуют в общественной жизни, так как проистекают, как укачано, из первичного нераздельного единства

¹ Термины заимствованы из статьи П.Б. Струве «Материнское лоно и героическая воля» в «Русской мысли», 1922. Сама идея различия между «женским» («материнским») и «мужским» началом духовной и общественной жизни намечена и подтверждена на материале античной культуры в классических работах И. Бахофена (прим. С. Франка).

сверхвременности и временного развития в духовной жизни; но в эмпирии исторической жизни они, выступая раздельно, сотрудничают между собой именно в форме неустанной взаимной борьбы. В силу этого общественная жизнь всегда стоит перед задачей установления гармонического равновесия между ними, и учение о нормативных принципах общественного устройства имеет здесь одну из самых существенных проблем, подлежащих его разрешению.

Из онтологического единства этих двух в эмпирическом слое общественности противоборствующих начал следует прежде всего общее нормативное требование необходимости их постоянного примирения, приведения их во внутреннюю живую связь между собой. Мы имеем здесь в лице этих начал консерватизма и творческой инициативы – так же, как в рассмотренном выше двуединстве «мы» и «я» – таких противников, которые, несмотря на свой неустанный антагонизм, как бы прикованы друг к другу, питаются и живут каждый на счет другого и потому призваны к мирному сотрудничеству и согласованию. Где принцип охранения старого, блюдения установившихся традиций настолько всеобъемлющ и интенсивен, что начинает поглощать и подавлять свободу личной инициативы и творческого созидания, там начинает замирать сама первооснова общественности, ее реальный онтологический субстрат – духовная жизнь: ибо жизнь по самому своему существу есть неустанный поток становления, творческий порыв, прилив в эмпирию бытия новых сил и содержаний, беспрерывно рождаемых в темных недрах свободного духа. Когда этот прилив задержан и ослабевает или прекращается, само охранение теряет свой смысл, ибо не остается для него реального материала; великое начало охранения, непрерывность живого бытия превращается тогда в окостенение пустых форм, лишенных живого внутреннего содержания. Но все окостеневшее, парализованное, лишенное притока живой духовной крови неизбежно разваливается, распадается на части; и, с другой стороны, задержанный поток духовного творчества, не находя для себя непосредственного воплощения, становится разрушительным водоворотом бунтарства, силой, внутренне отравленной этим болезненным ее искажением, превращающим его из начала творческого в начало разрушительное. Так само охранение становится разрушением. С другой стороны, где принцип творческой инициативы не созревает спокойно в лоне давних традиций, не напоен их силами, там он остается внутренне бессильным, лишается начала подлинного творчества, которое всегда предполагает рождение из глубоких исконных недр бытия: всякий решительный и радикальный отрыв от предания есть отрыв зачинающегося ростка от питающей его почвы. Здесь может оставаться видимость новизны, но чем больше эта жажда нового принимает характер не творческого положительного созидания, а чисто отрицания старого, тем более она духовно обращена в самом этом отрицании на старое и прикована к нему. Вместо здорового подлинного рождения, которое есть не отрицание или истребление старого, а его преодоление через внутреннее его претворение и преображение, здесь возникают бессильные судороги, разрушающие то лоно, в котором они совершаются, но ничего не созидующие. Консерватизм, ставший реакцией, стремлением сохранить не жизнь, а безжизненные окостеневшие формы, по самому своему существу разрушителен; радикализм,

ставший бунтарством, революцией, по самому существу своему реакционен, ибо, разрушая, не ведет жизнь вперед, а через ее ослабление отталкивает ее назад, на низший уровень.

Из этой общей взаимосвязанности и приуроченности друг к другу этих двух начал следует, что охранение и свобода творческой инициативы суть, собственно, не две разные задачи общественной политики, а лишь две стороны одной органической целостной задачи. Охранение должно быть направлено не на *старее*, как таковое, не на готовые, уже воплощенные формы и отношения, а на непрерывность и устойчивость самого творческого развития, самой жизненной активности; охранение самих форм общественных отношений, быта, нравов имеет всегда лишь относительное значение, поскольку оно оправданно, как охранение адекватного, удобного своей привычностью и именно потому нестеснительного традиционного русла духовного потока. С другой стороны, начало героической активности, созидания нового должно быть пропитано заботой о сохранении жизненности и прочности самой духовной *непрерывности* общественного бытия, должно быть раскрытием, развитием, усовершенствованием, старого. Истинная, онтологически обоснованная политика по самому существу своему всегда есть политика *духовно свободного*, не скованного предубеждениями и омертвевшими привычками, *консерватизма* или – что то же самое – политика новаторства, черпающего свои творческие силы из благоговейного уважения к живому содержанию прошлой, уже воплощенной духовной жизни. То, что в политическом словаре последнего столетия называется «левым» и «правым» – политика бунтарского восстания, разрывания оков прошлого, утверждения безудержного своеволия рвущихся на простор сил свободной инициативы и политика насильственного, принудительного обуздания этой анархической стихии и охранения старых общественных форм, направленных именно на такое внешнее стеснение своеволия личности и народа, – есть одинаково выражение болезненного кризиса, расстройства органической целостности и потому подлинной жизненности общественного бытия. Политический опыт последнего столетия таков, что наступает уже время, когда комплексы идей, традиционно выражаемые обоими этими терминами, начинают терять живое и осмысленное реальное содержание; «правый» и «левый» путь исхожены, по-видимому, до конца, и обнаружена трагическая социальная диалектика, в силу которой последние их этапы сходятся в одном месте: боязливая опека над общественной жизнью – попытка раз и навсегда наложить на свободную инициативу оковы обуздывающих ее традиционных форм – оказалась равносильной внутреннему разложению жизни, а безграничный простор необузданного разрушительного самочиния привел к неслыханно деспотическому подавлению всякой личной свободы.

Обе тенденции обнаружили свое сродство, свое внутреннее тождество, как соотносительные, постоянно готовые поменяться своими местами и заимствующие друг у друга оружие проявления *цинизма*, потери уважения и чутья к онтологической первооснове общественного бытия – *духовной жизни*, с присущим ей неразделенным двуединством сверхвременной целостности и временного развития, смирения и свободы, охранения и творчества.

2. Начала наследственности и личных заслуг

Начала сверхвременного единства и временного развития в общественной жизни, или – что то же – начала пребывания в материнском лоне социального бытия и творческой воли к созиданию нового, находят свое конкретное выражение в действии двух принципов общественной жизни – принципа наследственности и принципа личных заслуг. Эти принципы, с одной стороны, имеют значение общих функциональных начал и, с другой стороны, получают и правовое выражение. Эти принципы распространяются на все области общественной жизни и имеют в них свое выражение; они действуют как в сфере организации общественного единства – организации власти и служения, того, что носит название политического устройства, так и в сфере так называемого гражданского оборота, т.е. свободного взаимодействия частных, единичных общественных элементов.

На ранних стадиях общественной жизни, где личность еще почти всецело погружена в сверхвременное, общественное единство, принцип наследственности, как известно, преобладает над принципом личных заслуг. Поскольку весь общественный строй держится на «обычном правее», на порядке, освященном традицией, права и обязанности отдельных лиц и групп, как и вся система социальных функций, переходят, по общему правилу, по наследству от одного поколения к другому. Носителем и гражданских, и политических прав и обязанностей является вообще не отдельная личность и не данное поколение, а *род*, именно как сверхвременное единство, преемственно, по наследству, представляемое отдельными лицами и поколениями. Существует родовая собственность, родовые наследственные профессии и сословия, родовая – наследственная – власть.

Наоборот, в новую эпоху, с развитием индивидуализма и потерей чутья к сверхвременному единству общественной жизни, принцип наследственности начинает испытываться как социальная неправда и как начало, тормозящее и искажающее нормальное функционирование общественной системы, и на его место выдвигается обратный принцип личной заслуги и годности; общественное сознание нового времени может быть прямо определено как попытка построить всю общественную жизнь на начале личных заслуг, на предоставлении каждому представителю поколения, живущего и действующего в данное время, каждому лицу, независимо от его происхождения, т.е. от его связи с общественным прошлым, возможности на равных условиях по своему свободному выбору исполнять те или иные общественные функции и достигать, в меру своих личных заслуг и дарований, соответствующего общественного положения.

Из намеченных выше общих соображений о необходимом двуединстве сверхвременности и временного развития, традиционности и свободной творческой инициативы в общественной жизни непосредственно вытекает, что попытка основать общественный порядок на одном из двух, обусловленных этими моментами, начал, за полным исключением другого, неизбежно обречена на неудачу по своей неадекватности онтологической природе общественного бытия. Если исключительно наследственно-родовое, кастовое устройство общества подавляет личную инициативу, оставляет неиспользованными творческие духовные силы лично-

сти и ведет к господству отжившего и мертвого над живым, то, с другой стороны, исключительное действие начала личной заслуги, с совершенным устранением начала наследственности, угрожает непрерывной преемственности духовных и правовых основ общественной жизни, оставляет неиспользованными навыки и умения, передаваемые через воспитание и среду от поколения к поколению, и придает общественной жизни характер эфемерности, поскольку она определяется условиями жизни, интересами, страстями одного лишь текущего поколения.

Фактически – как это применимо ко всем онтологически определенным и потому необходимым началам общественной жизни – оба эти принципа, в сущности, неустраняемы и в той или иной форме и степени всегда существуют во всяком общественном порядке и строительстве. Вопрос может идти только о наиболее адекватном, целесообразном и планомерно-сознательном использовании каждого из них. Мы рассмотрим, в общих чертах, их применение, с одной стороны, к области государственной жизни и, с другой, к области жизни гражданско-хозяйственной.

В области политического устройства самое характерное выражение начала наследственности есть наследственная монархия, а самое характерное выражение начала личных заслуг и свободы индивидуальной общественной карьеры есть демократическая республика. Наследственная монархия есть наследие в современном обществе родового воззрения и родового строя (хотя она сама – о чем подробнее ниже – рождается из начала личной заслуги и обычно, в согласии со своим возникновением и своей функцией, находится в борьбе против наследственно-родовой аристократии); она покоится на мысли, что определенному роду, династии – независимо от степени годности отдельного ее представителя – принадлежит переходящая по наследству от отца к сыну харисма верховной власти, призвание высшего государственно-общественного водительства. Убеждение в такой наследственности призвания к верховной власти вообще не может быть обосновано рационально-утилитарно, из соображений общественной полезности; оно носит характер непосредственной религиозной веры в богоизбранность данного рода. Оно принципиально изымлет из сферы общественного самоопределения и общественной критики вопрос о носителе верховной власти, считая этого носителя непосредственным избранником Бога, т.е. мысля верховную власть исходящей не от человека, а от Бога, причем отдельное лицо является таким избранником Бога не как таковое, а именно как законный, получающий власть в порядке наследственного преемства, представитель династии, рода. Монархия есть, таким образом, наследственная верховная власть, теократически обоснованная. Поскольку исчезает непосредственная вера в такую теократическую избранность определенного рода к верховной власти – она обречена исчезнуть. С развитием заложенного в христианском мировоззрении и определившего отсюда все новое, даже атеистическое сознание, начала самоценности и неповторимо-своеобразного призвания каждой отдельной личности – монархия лишается своей единственной непосредственной и подлинно прочной основы и не может более существовать. Большинство современных так называемых «монархистов» скорее уговаривают косвенно утилитарными и потому здесь, по суще-

ству, непригодными соображениями себя и других быть монархистами, чем непосредственно по своей вере подлинно суть таковые. С распространением сознания незаменимо-своеобразной ценности и призванности каждой личности монархия может поэтому существовать в современном обществе лишь в силу исторической инерции, в силу сознания полезности традиционно установившейся формы правления; образование новых династий вряд ли сейчас возможно.

Но совершенно независимо от этого традиционно-религиозного основания легитимной, династической монархии принцип наследственной преемственности верховной власти (который *шире* исторически укоренившегося принципа династической монархии) имеет общую, обычно упускаемую из виду социальную функцию, как конкретное выражение сверхвременного единства государственной власти. Современное республиканско-демократическое сознание держится, как указано, воззрения, что всякая наследственная преемственность власти есть зло и неправда, так как ограничивает общественное самоопределение, право общества и народа самому созидать свою власть, т.е. избирать ее носителя. При этом под «обществом» или «народом» молчаливо и как нечто само собой очевидное подразумевается живущее и действующее в данный момент поколение; сверхвременное измерение общественного бытия, его времяобъемлющее единство отвергается или не идет в расчет, оно представляется чем-то фиктивным, реально не существующим. Политические интересы, страсти и предубеждения сегодняшнего дня оказываются при этом единственной силой, определяющей государственную власть. В противоположность этому, из уясненной выше сверхвременности общества вытекает необходимость и оправданность организационных форм, выражающих эту сверхвременность. Не только в законах, учреждениях, нравах необходимо сохраняется и должна сохраняться непрерывность, обеспечивающая единство социальной жизни ряда поколений, но такая же непрерывность должна иметь свое выражение и в выборе личного носителя власти. *Общественная функция наследственной власти состоит именно в том, что в ней дана инстанция, возвышающаяся над политической волей одного лишь данного поколения, людей сегодняшнего дня, и выражающая и блюдушая интересы и волю общества, как сверхвременного единства.* Такая наследственная власть совсем не должна быть необходимо династической, т.е. право на верховную власть не должно быть необходимо обусловлено принадлежностью к определенному роду и тем более не должно необходимо быть наследованием по закону, например переходом власти от отца к сыну, хотя исторически это и есть наиболее распространенная и известная форма наследственной власти, имеющая – там, где она укоренена в соответствующем религиозном сознании, – преимущество наибольшей прочности. Правда, противоположная форма *чисто избирательной монархии*, сама по себе взятая в чистом виде, есть некое *contradictio in adjecto*¹, ибо определение носителя сверхвременного единства суверенитета ставится в ней в зависимость от текущих временных политических сил. Но мыслима и форма наследования вроде той, которая практиковалась в Римской империи, в которой монарх свободно избирает своего преемника из неограниченного круга лиц (в любопытном

¹ Противоречие в определении (лат.).

проекте польской конституции 1929 г. глава государства намечает кандидата в свои преемники, избираемого всенародным голосованием). Но и в республике избрание главы государства может быть обставлено условиями, в наибольшей степени обеспечивающими выражение начала преемственности, традиционности, сверхвременного единства власти. Уже всенародное избрание дает в этом смысле большую гарантию, чем избрание парламентом или национальным собранием, ибо в народных массах традиционно-исторические начала укреплены, по общему правилу, прочнее, чем в сознании и воле руководителей политических партий. Мыслимы и другие формы, в которых при избрании главы государства обеспечивается влияние тех политических сил и социальных слоев (например, представителей церкви, науки, заслуженных государственных деятелей и т.п.), которые сами в максимальной мере являются носителями начала традиционности, сверхвременного единства общества.

С общей социально-философской точки зрения существен только принцип – противоположный демократическому принципу безграничного политического самоопределения отдельного поколения, действующего в данный момент в общественной жизни, и исторически доселе выраженный в форме наследственной монархии – принцип, по которому носитель верховной власти выражает и воплощает не волю и веру сегодняшнего дня, а высшее, соборное сознание общества, как сверхвременного единства. Эта сверхвременность верховной власти тем самым совпадает с ее мистичностью, религиозной освященностью. Если общество вообще призвано творить не свою собственную, человеческую волю, а волю Божью, осуществлять неудовлетворение субъективных человеческих потребностей, а объективную абсолютную *правду*, то и верховная власть есть не приказчик человеческого коллектива, а по самому существу своему – слуга Божий, блюститель правды. Конкретно это выражается именно в том, что она охраняет не интересы сегодняшних членов общества, а интересы общества, как сверхвременного единства, как соборного лица, имеющего свое целостное религиозное призвание, свою всемирно-историческую миссию. В монархической идее царя как «помазанника Божьего» содержится поэтому глубокая и верная идея, отнюдь не связанная непременно формой династической монархии и не зависящая от того, указанного выше, теократически-родового сознания, на которое опирается последняя. Верховная власть, как организационное выражение онтологического единства общества, имеет не чисто человеческое, а сверхчеловеческое значение; всякая власть на земле, как мы уже знаем, по своему последнему смыслу есть власть, идущая от Бога, – выражение не человеческого самовластия, а человеческого выполнения воли Божьей; *всякая власть* – даже там, где она покоится на избрании, – по существу *идет сверху*, а не снизу, ибо само избрание есть не своевольно-человеческий выбор приказчика и исполнителя человеческих желаний, а отыскание достойнейшего слугителя абсолютной правды.

Но государственная власть, служа организационным выражением единства общества, должна выражать и отражать не только его сверхвременность в ее абстрактной *противоположности* его временному развитию, но именно конкретное единство обоих начал, сверхвременности и временного развития. Поэтому

адекватная природе общества власть должна быть построена на единстве этих двух начал: она должна сочетать начала мистического сверхвременного единства общества с действием интересов и требований текущего времени, со свободным общественным самоопределением.

Исторически наиболее совершенным осуществлением этого конкретного двуединства является доселе дуалистическая система *конституционной монархии*, в которой воля монарха, как представителя традиционного национального единства, сотрудничает с общественным мнением, с волей общества в лице его свободно избранных представителей. Романтически-славянофильское возражение, что эта форма правления основана не на органическом единстве власти и народа, а на механическом их взаимодействии, на недоверии и непрерывной борьбе и взаимном противодействии между ними, ничтожно потому, что в сфере права и внешней общественности... всякое сотрудничество необходимо принимает форму внешнего взаимодействия и взаимоограничения.

Само собою разумеется, что конституционная монархия, как и всякая другая форма правления, не является ни абсолютно совершенной, ни единственной правильной формой власти – тем более что, как указано, там, где исчезает религиозно-теократическая основа наследственной монархии, последняя вообще лишается своего фундамента. Мыслимы и формы республики, приближающиеся по своему строению и основной идее к этой дуалистической системе (как, например, в известной мере это имеет место в американской конституции с той полнотой власти, которую обладает в ней президент в отношении парламента). Существенным и здесь является лишь общий принцип, по которому власть, адекватная природе общества, должна в максимальной мере сочетать блюдение непрерывности общественного бытия со свободой общественного самоопределения и осуществляться в формах, гарантирующих наиболее мирное и гармоническое сотрудничество обоих начал.

В этой связи надлежит отметить – за недостатком места мы можем здесь лишь мимоходом коснуться этой темы, – что и столь единодушно и решительно отвергнутое новым временем начало *сословности*, т.е. наследственности служения и социального положения, при всех социальных опасностях, которые с ним могут быть связаны, и при всей легкости его социального вырождения, в принципе содержит в себе правильную, онтологически адекватную социальную идею. Поскольку сословия остаются не абсолютно замкнутыми, не превращаются в касты, а остаются открытыми для доступа в них со стороны и поскольку социальные и правовые привилегии в них строго определены специфической функцией *служения*, исполняемой каждым из них, – в чем и заключается идея и источник происхождения сословий – начало наследственной преемственности служения, всех моральных и интеллектуальных навыков и бытовых форм жизни, с ним связанных и им обусловленных, имеет высокую общественную ценность. Сословность делает проводником общественного служения семью, этот первичный очаг общественно-духовного воспитания; личность здесь созревает с детства в атмосфере определенного типа общественного служения, «с молоком матери» впитывая в себя его навыки и традиции. Когда сын наследует профессию и обществен-

ное положение отца, накопленный в обществе духовный капитал умений, традиций и навыков более всего сохраняется, менее всего терпит ущерб при смене поколений и эпох.

Аристократическая идея *чести*, т.е. слияния личного достоинства с блюдением, через исправность служения и жизни, достоинства коллективного сверхвременного органа, к которому принадлежит личность, придает особую интенсивность началу общественного служения в человеческой жизни. В сущности, начало сословности, поскольку оно имеет онтологическое основание, никогда и не перестает действовать в общественной жизни: отмененное законом, оно сохраняет силу в быту, в нравах и общественной практике. С одной стороны, дети естественно склонны продолжать традиции родителей, наследовать отцу в его профессии и общественном положении, и, с другой стороны, при отборе кандидатов на общественные должности неизбежно на практике учитываются не только личные достоинства и заслуги индивида, но и воспринятые им из семьи и социальной среды культурные навыки и влияния. Конечно, начало наследственной преемственности и здесь должно сочетаться с началом личной свободы в выборе служения, т.е. с началом равенства перед законом в смысле *общей возможности* для всякого человека осуществить свое призвание. «Кухаркин сын» может в отдельных случаях быть по природным дарованиям, т.е. от Бога, более призванным стать ученым, художником, воином, государственным деятелем» епископом, чем лицо, отец и деды которого отправляли соответствующую общественную функцию. Принципиальная открытость доступа ко всем служениям и общественным положениям всем членам общества вытекает из установленного выше принципа «всеобщности служения»... и исключительная наследственность социальных функций противоречила бы идее неповторимого своеобразия и индивидуальной призванности каждой личности.

В какой мере и в каких пределах начало наследственной преемственности служения и социального положения может находить свое выражение в законе – есть вопрос конкретной политики, выходящей за пределы установления общих социально-философских принципов; в конкретной целостной системе общественно-правовых отношений, охватывающих не только писаное право, но и обычное право, и административную практику, и бытовые нравы, во всяком случае должны находить себе отражение оба начала – начало наследственной преемственности и начало личных заслуг и личного призвания; и задача политики заключается в том, чтобы и здесь создать разумное и наиболее гармоническое сочетание обоих этих начал...

Глава VII

Планомерность и спонтанность в общественной жизни (государство и гражданское общество)

Общественная жизнь есть, как мы знаем, выражение, воплощение вовне духовной жизни. В этом смысле основу ее образует *живая идея*, или *идейно оформленная жизнь*, осуществление жизненными силами идеи, которая благодаря

этому сама становится реальностью, действующей энтелехией¹... В этом лежит начало особой двойственности в составе общественной жизни. С социально-психологической стороны мы имеем здесь рассмотренную выше... двойственность между *идеальными и эмпирическими* силами общественной жизни. В самой структуре общественного единства отсюда же возникает двойственность между моментами *рациональности и иррациональности* или – точнее – *планомерности и спонтанности* в общественной жизни.

Форма и структура общественного единства и общественных отношений, будучи воплощением некоего идеального содержания, с *одной стороны*, предполагает сознательно-умышленное, *планомерное осуществление идеи* и, с другой стороны, должна быть неким спонтанным, непосредственно органически вырастающим *выражением* реального процесса жизни. Общество, с одной стороны, создается умышленно-планомерно и, с другой стороны, складывается и вырастает «само собой». Это соответствует тем двум сторонам эмпирического слоя общественной жизни, которые уже были кратко отмечены в отделе «Соборность и общественность»: он есть, с одной стороны, принудительная организация и, с другой стороны, стихийное, произвольное взаимодействие отдельных индивидов и частей общества.

Двуединство планомерности и спонтанности стоит в близкой связи с рассмотренным только что... двуединством консерватизма и творчества, но не совпадает, а перекрещивается с ним; если планомерное действие, где бы оно ни направлялось, по самому существу своему носит характер строительства, созидания и, в этом смысле, творчества, то спонтанность в общественной жизни может быть и охранением старого, и творением нового.

Вместе с тем это двуединство стоит в теснейшей связи с... общими нормативными принципами солидарности и свободы: планомерность общественного единства есть не что иное, как выражение общественной солидарности в сфере *умышленной общественной воли*, тогда как спонтанность общественного единства есть его осуществление в стихии свободы. Эти два необходимых и соотносительных начала общественного бытия получают конкретное выражение в двух формах общественной жизни: в *государстве* и в *гражданском обществе*. Здесь они должны быть рассмотрены нами в их значении, как нормативных принципов общественной жизни.

1. Смысл государства

Государство есть *единство планомерно-устраивающей общественной воли*. Поскольку органическое первичное многоединство, образующее существо общества, *осознает само себя*, складывается в целостное общественное сознание, оно должно осуществлять себя и в форме сознательной, умышленной воли, планомерно строить и укреплять себя. Но так как многоединство, как таковое, в своем непосредственном существе не есть единый субъект., то оно способно к осуществ-

¹ Греч. entelécheia – завершение, осуществленность. Понятие философии Аристотеля, означающее осуществление какой-либо возможности бытия, движущий фактор этого осуществления и выражающее единство четырех основных принципов бытия: формы и материи, действующей причины, цели.

влению планомерно-волевых действий лишь путем создания особого представляющего органа. Этот орган есть государственная *власть*, образующая средоточие и основу того действительного общественного единства, которое мы зовем государством. Проведение начала планомерности в общественном многоединстве требует той специфической связи, которая дана в отношении *власти* и *подчинения*. Только через это отношение может осуществиться в обществе единство направляющей воли.

Государство поэтому генетически позднее общества, как такового. Требуется особый творческий процесс, чтобы стихийное органическое многоединство общества оформилось в государственное единство, выделило из себя орган, который мог бы осуществлять планомерное общественное строительство. Известно, что на первых ступенях своего бытия общество живет под действием «обычного права». Формы общественных отношений нормируются правилами (как мы знаем, «образцовыми идеями»), которые никем сознательно не введены, а рождаются произвольно и имеют непосредственную религиозную санкцию; общественное право мыслится вечным, не зависимым от человеческой воли, самоочевидным выражением «должного» в человеческих отношениях. Такое общество не знает истории, ничего не творит, не созидает; оно просто длится, пребывает в лоне сверхвременного единства или растет и развивается произвольно, независимо от чьего-либо намерения и творческой воли. Из этого растительного своего состояния общество выходит обычно под влиянием внешней опасности: когда обществу грозит гибель от врага (а иногда и от внутренних раздоров), инстинкт самосохранения ведет к возникновению некоего органа защиты, требует сознательной организации и дисциплины. Таково обычно первое происхождение государства, которое первоначально имеет лишь ограниченное военно-административное значение и лишь позднее становится учреждением постоянным и объемлющим все стороны общественной жизни; как известно, право, в качестве законодательства, т.е. выражения сознательной государственной воли, есть лишь позднейшая функция государства.

Это первое рождение государственной власти, и тем самым государства, всюду одно и то же: из политически неоформленной и косной среды, живущей родовым бытом, с его неподвижностью и пассивной подчиненностью обычному праву, выделяется – обыкновенно под влиянием внешней опасности – группа смельчаков, молодежи, одушевленной героической волей и объединяющейся вокруг своего естественного, самими своими природными дарованиями как бы предуказанного вождя. Этот вождь и окружающая его избранная группа – «князь», «герцог» и его «дружина», – спасая общество от внешних врагов (или от внутренней анархии), создавая ему прочную действительную организацию или объединяя в новое целое несколько разъединенных племен, тем самым *возглавляет* общество и становится носителем государственной власти (на наших глазах, после мировой войны, этот исконный процесс с необыкновенной типичностью повторился в возникновении из послевоенной анархии фашистской государственности с ее вождем в Италии).

Рассматривая этот генетический процесс как показатель *систематическо-*

го содержания природы государства, мы находим в лице государства выражение мужского, творческого начала общественной жизни... в сфере планомерного общественного единства. Государство и его власть рождается из начала *личной инициативы*, и первый источник власти есть всегда личная заслуга, успех в планомерном объединении и устройении общества. Этнография и сравнительная история права показала, что у всех народов земного шара господствует один обычай выделения мужской молодежи из остальной среды, как бы насильственного отрыва ее от материнского лона и превращения, через особый мистический обряд посвящения, в некий замкнутый орден, в особую социальную силу, противостоящую исконному стихийно сложившемуся обществу¹. Эта сила становится во главе общества. Первый носитель верховной власти, первое воплощение государственности есть всегда победоносный вождь, вместе с примыкающей к нему и следующей за ним молодежью – «дружиной» – олицетворяющей действительное, планомерно-творчески создаваемое общественное единство.

Властное водительство, как проводник планомерного общественного строительства, есть, таким образом, сама основа государственного объединения. В этом смысле можно было бы сказать, что тип цезаристской военной диктатуры, основанной на личном авторитете смелого, сильного волей и практически организационно умелого вождя, будучи генетически первоисточником государственной власти и, следовательно, государства, тем самым есть форма власти, адекватная самому существу и смыслу государства. Не нужно, однако, забывать при этом, что государственная, как и всякая вообще внешняя общественная, организация необходимо опирается на внутренние духовные условия своего существования... Прежде всего, всякая власть, основанная, как мы знаем, на авторитете, есть власть над душами; в ее основе лежит свободный акт веры в годность и призванность властвующего, в правомерность его полномочий. В этом смысле властвование, как всякий социальный институт, есть отношение *двустороннее*: не один властвующий, но *властвующий и подчиненный совместно* входят в отношение властвования и активно его строят. Чисто механическая власть и абсолютно слепое повиновение (только «за страх», а не «за совесть») есть, собственно, *contradictio in adjecto*, ибо уничтожает само духовное существо власти; мы имеем тогда не государственную власть, а голое насилие. Приближающаяся к этому типу военная диктатура, с характерной для нее (максимально возможной) односторонностью властвования, есть поэтому не нормальная форма государственной жизни, а лишь некое зачаточное или переходное его состояние, необходимое в момент зарождения власти или в критические моменты общественных опасностей; она не может быть ни длительной, ни всеобъемлющей, не подрывая тем самого существа государства. Ее подлинное назначение состоит в том, чтобы, утвердив государственный порядок, сделать ненужной самое себя. С другой стороны, из соотносительного двуединства начал иерархизма и равенства, как всеобщности служения..., следует, что отношение властвования не только двусторонне в том смысле, что и подчиненный принимает в нем активное участие, но вместе с тем

¹ Ср. классическое исследование: Heinrich Schurts. Altersklassen und Mannerbunde (Генрих Шуртц. Древние классы и человеческие союзы, 1902) (прим. С. Франка).

должно быть принципиально универсальным; властвование осуществляется на всех ступенях иерархической лестницы, и каждый член государства на своем месте; и в качестве активного соучастника служения, тем самым принимает участие в властвовании, несет определенные его полномочия. Лишь такая органическая структура государства, в которой каждый подчиненный есть вместе с тем в пределах исполняемой им функции и властвующий, наиболее полно и адекватно выражает природу государства как планомерного организационного единства общества.

Какова цель того планомерного общественного строительства, в котором состоит существо государства? Начиная с XVIII века в ответе на этот вопрос мы встречаем борьбу двух воззрений, которые мы можем назвать *отрицательной* и *положительной* теорией государства. Отрицательная теория представлена в либерализме и «манчестерстве», крайним выражением которого является анархизм. Начало планомерного регулирования общественной жизни здесь вообще считается злом, которое должно быть либо, в качестве неизбежного зла, сокращено до минимума, либо же – как в анархизме – даже совсем уничтожено. Оставляя в стороне последний вариант, несостоятельность которого непосредственно очевидна из всего вышесказанного, остановимся лишь на первом, либерально-манчестерском взгляде на государство, согласно которому задача планомерного устройства общества ограничена целью охранения спокойствия и безопасности, внешней упорядоченности общественной жизни. Этот взгляд на государство как на «ночного сторожа» (выражение Лассаля) вытекает из индивидуалистического воззрения, согласно которому *свобода*, в отрицательном смысле *нестесненности личного своеволия и самоопределения*, есть идеал общественной жизни, всякое же объединение есть чисто внешний, механический акт, имеющий задачей устранить или ослабить трения и опасности разрушения, возможные при свободном взаимодействии личностей. Государство есть здесь как бы лишь внешний покров, не имеющий внутреннего органического отношения к обществу, мыслимому исключительно по типу гражданского общества как свободного взаимодействия личностей.

Ложность этого взгляда вытекает уже из ложности того индивидуалистического (или «сингуляристического») воззрения, которое лежит в его основе... Существо общества есть не внешнее взаимодействие обособленных индивидов, не столкновение атомистически мыслимых его элементов, а первично соборное многоединство. Это соборное многоединство имеет вовне, в эмпирическом слое общества, два соотносительных выражения: свободное взаимодействие элементов множества и организационное единство целого. Механичность, внешняя принудительность государственного объединения есть лишь внешнее выражение свободного внутреннего, соборного единства общества... Государственное единство по своей основе, по своему внутреннему корню, столь же органично произрастает изнутри, а не накладывается извне, как и гражданское общество. Поэтому оно имеет не только отрицательную, но и положительную задачу: оно по своему существу есть не только *ограждение*, но и *строительство*; формирующая живая идея, образующая онтологическое существо общества, осуществляется не только

в спонтанно складывающейся его структуре, но и в планомерно-умышленном, т.е. государственном, его оформлении.

Выражаясь в традиционных терминах административного права, можно сказать, что задача государства не исчерпывается охранением безопасности, но и утверждением общественного благосостояния. Государство, как все вообще моменты общества, служит не какой-либо чисто внешней и утилитарной цели, а утверждению целостной *правды*, внутреннему, онтологическому, духовному развитию общества. Цель государства столь же универсальна, всеедина, как цель общества вообще. В этом смысле правда не на стороне отрицательной, а на стороне положительной теории государства.

Но в «либерализме» или «манчестерстве» есть практически и существенная доля правды, лишь философски обычно неправильно обосновываемая. Эту долю правды легче всего обнаружить через обнаружение ложности противоположной теории государства, которая в последнем усматривает как бы самое существо общества и потому приписывает ему некое беспредельное могущество. Традиционный политический *консерватизм* и – что весьма замечательно – еще в большей мере его политический антипод в других отношениях – *социализм* – исходят из утверждения, что общественная жизнь должна в максимальной мере быть опекаема, руководима и регулируема органом планомерной общественной воли – государственной властью. Компетенция государственной власти, высшей общественной инстанции, планомерно строящей и направляющей общественную жизнь, мыслится здесь в принципе безграничной; индивидуальная свобода и, следовательно, спонтанность общественных связей представляется как некий как бы иррациональный остаток, только терпимый и разрешаемый государственной властью – либо потому, что она находит, в известных ограниченных пределах, такую спонтанность полезной или, по крайней мере, безвредной, либо же потому, что она фактически не в силах справиться с задачей всеобъемлющего регулирования общественной жизни. Другими словами, это воззрение, в противоположность первому, мыслит *гражданское общество*, основанное на свободном взаимодействии индивидов, на спонтанном осуществлении общественного единства, в сущности неизбежным злом, которое по возможности должно быть ограничено, сведено к минимуму.

После опыта общественного и, в частности, хозяйственного развития XVIII–XIX веков и в особенности после пережитого нами эксперимента русского социализма несостоятельность этого воззрения опытно изобличена с предельной очевидностью. Систематическая его критика будет дана ниже, в анализе функций гражданского общества. Здесь достаточно указать, что из его ложности явственно вытекает сознание ограниченности функции государственной власти; в общей форме это можно выразить в утверждении, что государственная власть необходимо ограничена *наличием самого гражданского общества и его неустрашимостью*; деятельность ее никогда не должна переходить пределы, в которых она совместима с самим гражданским обществом и нарушение которых угрожает самому бытию последнего.

Как совместить это утверждение необходимых пределов государственной

власти с признанием универсальности и творческого характера самой ее задачи? Но ограниченность касается не задачи и последней *цели* государства, а именно его функции, *путей и средств* его деятельности.

Планомерно-организационная деятельность предполагает *вне себя* спонтанный, органически возникающий и складывающийся общественный субстрат, к которому она прилагается и из которого сама рождается. Все субстанционально-духовное рождается, как мы знаем..., из свободы; творчество по самому существу своему спонтанно, оно рождается, а не планомерно делается. Отсюда прежде всего следует неприменимость государственных мер к той таинственной лаборатории общественного духа, в которой творится *вера*, идейно-духовный фундамент общественного бытия.

Немыслима государственная организация веры, мысли, мировоззрения; где ее пытаются осуществить, там возникает кощунственная и субстанциально-бессильная попытка органическое заменить механическим, что практически равносильно разрушению самих субстанциальных основ общества. Городовой на своем месте, т.е. исполняя надлежащую свою функцию, не только необходим, но в известном смысле исполняет священное дело – ибо священно все, что входит в состав общественного служения; но городовой на страже мирозерцания – городовой, который не загоняет вора или пьяницу в участок, а загоняет людей в церковь (все равно – церковь Божью или церковь атеизма), – есть *мерзость запустения*. И так как вера, воплощаясь вовне, требует своего осуществления в спонтанно складывающихся отношениях между людьми, другими словами, так как нравственно-определенное, соборное единство прежде всего и ближайшим образом слагается в связь гражданского общества как эмпирического носителя общественной культуры, то этот эмпирический субстрат так же мало сам может твориться государством, быть планомерно организуем, как и сама духовная жизнь. Задача государства здесь состоит только в ограждении самой свободы внутренней растущей жизни, а не в созидании в реторте коллективного гомункула.

Пределы государства состоят не в том, что планомерно-организационная деятельность не может ставить себе положительных задач содействия духовному росту общества, а в том, что – в силу всеединства духовно-общественного бытия – всякая организация есть именно *организация свободы*, планомерное формирование свободного, спонтанного сотрудничества. Государственность так же немыслима без своей естественной основы – гражданского общества с его самопроизвольно свивающейся тканью, – как последнее немыслимо без оформляющего его планомерного единства государственности. Эта связь уяснится нам ниже во всей ее глубине и интимности.

2. Гражданское общество и смысл собственности

В отличие от государственного единства, то, что мы называем «гражданским обществом», есть общественное единство, спонтанно слагающееся из вольного сотрудничества, из свободного соглашения воли отдельных членов общества. Его юридическая форма есть *договор*, соглашение, и известная «договорная» теория

общества пыталась все общество, как целостное единство, и в частности его государственное единство, истолковать по образцу именно «гражданского общества». При всей ложности этой теории в применении к государству не подлежит сомнению, что общество немислимо без той спонтанно слагающейся его ткани, которая создается из взаимодействия и соглашением отдельных его элементов. Гражданское общество есть как бы молекулярная общественная связь, изнутри сцепляющая отдельные элементы в свободное и пластически-гибкое целое.

Подлинный смысл и общественная функция этого неустраимого и фундаментального начала общественной жизни обыкновенно искажаются и его сторонниками, и его противниками. Индивидуалистическая, или «атомистическая», теория общества, считая теоретически общество (мыслимое именно по типу «гражданского общества») простым внешним комплексом онтологически обособленных друг от друга индивидов, практически и оценочно рассматривает такое сотрудничество и взаимную связь как средство к удовлетворению интересов и потребностей отдельных индивидов. Противоположная, социалистическая доктрина, требующая абсолютного «обобществления», коллективизации жизни, т.е. в принципе совершенного устранения гражданского общества, исходит при этом... из того же самого индивидуалистически-атомистического представления о природе гражданского общества: она требует его устранения именно потому, что не усматривает в нем подлинного общественного единства, а видит лишь искажающий подлинную цель общества механический агрегат единичных, своекорыстных, взаимно антагонистических сил.

В действительности... именно наличие молекулярной, спонтанно слагающейся связи между отдельными элементами общества есть свидетельство их органического исконного внутреннего *единства*. Индивиды суть не атомы, случайно сталкивающиеся между собой и имеющие свое подлинное бытие только в замкнутой сфере самих себя, а подлинные *члены* органического целого, как бы искони, по самой своей онтологической природе, предназначенные к единству в форме свободного взаимодействия и взаимосближения. Из этого онтологического существа вытекает и функционально-телеологический смысл гражданского общества. Оно есть не внешнее средство для удовлетворения интересов отдельных людей, а именно необходимая форма общественного сотрудничества, форма служения, осуществления объективной правды через вольное взаимодействие отдельных членов общественного целого. Индивидуалистический момент в структуре общества, согласно которому общество должно являться расчлененным на ряд отдельных, не зависимых друг от друга, частных центров активных сил, есть не *цель* общественной жизни, а именно только функция – но функция необходимая – сверхиндивидуальной цели общества как единства. Свобода личности есть, как уже было указано, не ее прирожденное и первичное право, а ее общественная *обязанность*... она имеет не самодовлеющую, а *функциональную* ценность; как и всякое субъективное право вообще, она есть рефлекс обязанности, форма бытия, обусловленная и оправданная началом *служения*. Не интерес и право личности, а интересы служения правде требуют, в силу неустраимого функционального значения личной свободы, расчленения общества на отдель-

ные, защищенные правом центры свободной активности и обеспечения каждому из них надлежащей сферы свободы. *Независимость* членов общества, самостоятельность каждого из них, есть не их *самоутвержденность*, онтологически обоснована не на их собственной природе, а есть необходимая форма их взаимной связи, их общественного *единства*. Из природы общества как органического многоединства, из необходимого сочетания в духовной жизни, лежащей в основе общества, начал солидарности и свободы следует необходимость расчленения общества на отдельных *субъектов прав*, связанных между собой через свободное соглашение воле.

Отсюда же вытекает оправдание и подлинное обоснование института *личной*, или, как обыкновенно говорится, *частной, собственности*. Собственность, как всякое иное право, не есть абсолютное право личности и по самому содержанию своему не имеет значения *абсолютной власти* над определенной сферой благ, права по личному произволу «пользоваться вещами и злоупотреблять ими» (*jus utendi et abutendi*). Как всякое субъективное право, право собственности имеет лишь *функциональное, служебное* значение, есть форма, в которой осуществляется сотрудничество в служении. Собственник есть не абсолютный самодержец «божьей милостью» над своим имуществом, он есть как бы лишь уполномоченный – правда, несменяемый и достаточно прочно обеспеченный в своем положении – управитель вверенного ему достояния, которое онтологически, в последней своей основе, есть «Божье» достояние и верховный контроль над которым принадлежит общественному целому. В интересах осуществления необходимой в служении свободы и нестесненности личностей или вообще молекулярной ячейки, из сотрудничества которых слагается общественное единство, необходимо обеспечение за каждой из них сферы приуроченных к ней материальных благ или природной среды, в связи с которой может наиболее производительно развиваться *их деятельность*. Поэтому *частная собственность, будучи по своему внутреннему качественному* содержанию неограниченным, полным, свободным властвованием человека над определенной сферой материальных благ, по своему размеру, так сказать, в количественном отношении отнюдь не абсолютно и не безгранично. Оно ограничено интересами общественного целого, задачами наиболее плодотворного сотрудничества; государство имеет право и обязанность его регулировать объективное право нормирует его и может ставить ему известные пределы и налагать на собственника определенные обязанности. Словом, право личной собственности, как одна из функций общественного сотрудничества, входит в состав системы общественного единства и в принципе подчинено последнему. Границы этого подчинения определены не какой-либо абсолютной и ненарушимой ценностью субъективных притязаний личности, а лишь непрерываемым функциональным значением начала личной свободы и нестесненности личной инициативы, как необходимого принципа общественного сотрудничества.

Но именно в этом смысле, не как прирожденное абсолютное право личности, но как реальное условие осуществления начала свободы, как конкретный фундамент необходимого строения общества в форме гражданского общества, прочно утвержденное право личной собственности есть абсолютно необходимая

и неустранимая основа общественной жизни, вне которой последняя вообще немислима. Все романтические осуждения частной собственности как санкционирования личной корысти и эгоизма несостоятельны по той простой причине, что человек есть не чисто духовное, а духовно-телесное существо и что поэтому его телесность есть не только преграда, но, в основе своей, прежде всего *орудие* его духовности, так что само одухотворение и облагорожение личности идет не через голое отрицание ее телесности, а через постепенное подчинение ее духовному началу. Личность, в своем интуитивном существе стоящая в первичном соборном единстве с другими личностями, эмпирически существует, как было указано, лишь в форме телесного «я», по необходимости обособленного от других «я»; поэтому соборность эмпирически осуществляется в форме «внешней общественности» как взаимодействия отдельных, телесно обособленных индивидов. Именно необходимость такого телесного выражения начала личности, как бы ее *воплощения*, вне которого она реально не существует, делает невозможной в земной жизни чистое осуществление соборности в ее духовной первооснове, а требует ее выражения в форме внешней общественности, в двуединстве внешней организации и внешнего взаимодействия индивидов. Но отсюда же вытекает необходимость начала частной собственности. Частная собственность по своему имманентному внутреннему существу есть *необходимое расширение тела*, как органа духовной активности, *на внешнюю, ближайшую к человеку, природную среду*. Всякий понимает, что человек, лишенный возможности управлять членами своего тела, – человек парализованный, связанный или лишенный рук, ног или глаз, – фактически лишен возможности осуществлять свою волю, действительно обнаруживать свою свободу. Но необходимые орудия труда, или почва, как точка приложения труда, или одежда и жилище, как неизбежная как бы дополнительная телесная оболочка человека, и, далее, все вообще, в чем органически нуждается человек, есть не что иное, как продолжение вовне его тела. Человек осуществляет себя не только через посредство своего тела, но и через посредство ближайшего окружающего его отрезка предметного мира, той среды, в которой он живет и над которой властвует.

Эта непосредственная власть человеческой воли над окружающей средой, эта интимная связь человеческого «я» с определенной сферой внешнего мира и есть подлинное существо собственности. Человек в своей внешней действительности не может поэтому быть подлинно свободным, он не может реально быть субъектом права, поскольку ему не обеспечена такая интимная связь его воли с известной долей внешнего материального мира. Частная собственность есть реальное условие бытия человека как духовно-телесного существа; тем самым она есть реальное условие его свободы как члена общественного целого и, следовательно, условие бытия самого гражданского общества. А так как общественное строение в форме гражданского общества, как сотрудничества и взаимодействия свободно-индивидуальных центров активности, есть неустранимый момент интегральной природы общества, то институт частной собственности, утвержденный на этом его функциональном значении, как условие общественного служения, есть неустранимая основа общественной жизни.

3. Общественная функция права

Система имущественных отношений, как и все вообще строение гражданского общества, находит свое оформление в *системе права*, в совокупности норм так называемого гражданского права, которые обеспечивают каждому участнику гражданского общества его субъективные права, т.е. защищенную сферу его интересов и деятельности, и налагают на него обязанности, соотносительные правам других членов общества. Но право, как совокупность норм, издаваемых или, по крайней мере, защищаемых государственной властью, есть как бы рефлекс государственного начала в сфере самого гражданского общества. Гражданское общество, как система свободного взаимодействия и соглашения частных волей, опирается, таким образом, само на планомерную организацию целого и мыслимо лишь на ее основе. Элемент гражданского общества – субъект права – с приуроченной ему сферой притязаний и полномочий не есть абсолютное, на себе самом утвержденное начало, а через посредство права конституируется планомерной организацией, т.е. государственным началом общества. С другой стороны, однако, право, нормирующее структуру гражданского общества, не может всецело произвольно декретироваться государством, быть плодом планомерного устройства сверху всей совокупности общественных отношений. Право есть само рефлекс реальных, не зависимых от государства, отношений; государство может регулировать, исправлять и направлять их лишь в известных ограниченных пределах, а не сочинять или создавать по своему усмотрению; в основном своем содержании нормы права только фиксируют те отношения взаимных притязаний и повинностей, которые слагаются спонтанно из самих жизненных отношений и произвольно санкционируются интуитивным правосознанием, чувством «должного» или «уместного» их участников.

В лице права, рассматриваемого как форума гражданского общества, мы имеем, таким образом, некое промежуточное звено, в котором органически нераздельно слиты начала планомерности и спонтанности, государства и гражданского общества. Все планомерно устанавливаемое в нем непосредственно примыкает к спонтанно сложившемуся и сливается с последним в нераздельное единство, как и обратно, вся спонтанно слагающаяся ткань частных отношений кристаллизуется в планомерно нормами права утверждаемую и регулируемую систему.

Если выше мы утверждали соотносительную взаимозависимость государства и гражданского общества, каждое из которых предполагает вне себя другое, то теперь мы видим, что связь между ними еще более тесна: гражданское общество не только *вне себя* предполагает государство, но в лице права и само внутренне пронизано государственным началом. Но то же можно, с другой стороны, сказать и о самом государстве. Государство в его конкретности есть не только властно планомерно организующее единство общественной воли; оно не довлеет себе, по своему существу не самодержавно; оно есть вместе с тем плод и отражение сил и отношений, спонтанно вырастающих и складывающихся в обществе; единство государственной воли есть в конкретной реальности обще-

ственной жизни итог взаимодействия между отдельными силами и потенциями общественной жизни, между классами, национальностями, партиями, религиозными союзами, всякого рода частными объединениями. Эта внутренняя спонтанная основа государственного единства находит также свое выражение и оформление в *системе права*, как совокупности *публичных субъективных прав*. Субъективное публичное право, будучи по существу своему ограждением *свободы личности*, т.е. условия ее творческого служения..., тем самым есть и право на соучастие в государственной власти или – шире – в государственном строительстве. Система публичных прав дает отдельным членам общества – будь то индивиды или коллективные органы – обеспеченную правом возможность свободного духовного творчества и, следовательно, возможность соучастия в государственной жизни, в планомерном строительстве общества. В силу этой системы права само государство есть не только верховное *единство воли*, но и *система отношений*, т.е. аналогичный гражданскому обществу комплекс спонтанно взаимодействующих отдельных центров активности. Таким образом, право вносит в сферу государственности начало, аналогичное началу гражданского общества. То, что было выше сказано о последнем, должно быть повторено и в отношении самого государства: государство также не только имеет *вне себя*, в качестве своей естественной основы или соотносительного противочлена, гражданское общество, но и изнутри *пронизано* моментом свободного сотрудничества элементов общества...

*Извлечения публикуются по изданию:
Русское зарубежье. Л., 1991.
С. 392–415, 418–433.*

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЛОРЕНСКИЙ

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО В БУДУЩЕМ¹

1933 г.

1. Общие положения

Устройство разумного государственного строя зависит прежде всего от ясно-го понимания основных положений, к которым и должна приспособляться машина *управления*. При этом техника указанного управления вырабатывается соответственными специалистами [...] ² применительно к данному моменту и данному [месту]. Ввиду этой ее гибкости заранее изобретать [...] не только трудно, но и вредно. Напротив, основная [...] устремленность государственного строя должна быть продумана заранее.

Государство есть целое, охватывающее своей организацией [...] всю совокупность людей. Оно было бы пустой [...], если бы не учитывало конкретных данных *конкретных* людей и подменяло их данными отвлеченными и фантастичными. Но, с другой стороны, целое не было бы и не стало бы реальностью, если бы оно всецело пассивно определялось данностями людей и не имело бы никакой направляющей обществу силы. Бюрократический абсолютизм и демократический анархизм равно, хотя и с разных сторон, уничтожают государство. Построить разумное государство – это значит сочетать свободу проявления данных сил отдельных людей и групп с необходимостью направлять целое к задачам, *неактуальным* индивидуальному интересу, стоящим выше и делающим историю. Различные виды представительного правления пытались решить эту основную задачу в построении государства путем компромиссов, уступок, урезок; таким образом возникают ослабленные формы государственности при неполнокровных, урезанных проявлениях личности и отдельных групп. Такие компромиссы ведут к разложению как личности, так и государства. Правильное решение, напротив, может быть получено не при смещении двух равно необходимых моментов, но при последовательной и [...] реализации каждого из них. А это возможно [только при] разделении сфер. Все то, что непосредственно *относится* к государству как целому, как форме [...] должно быть для отдельного лица *или отдельной* группы неприкосновенно и должно без[условно ими] приниматься как условие индивидуального существования, как собственно политика. Напротив,

¹ Работа была создана в тюремном заключении; завершена 26 марта 1933 г.

² Здесь и далее текст, не восстановленный публикаторами изд. 1991 г.

все то, что составляет содержание жизни отдельной личности и дает интерес и побуждение [...], это должно не просто попускаться государством как нечто незапрещенное, но, напротив, должно уважаться и оберегаться. Государство должно быть столь же монолитным целым [в своем] основном строении, как и многообразно, богато полнотою различных интересов, различных темпераментов, различных подходов к жизни со стороны различных отдельных лиц и групп. Только этим богатством индивидуальных, групповых, массовых проявлений живо государство. Мудрость государственного управления – не в истреблении тех или других данностей и даже не в подавлении их, а в умелом направлении, так чтобы своеобразие и противоречия давали в целом государственной жизни [нужный] эффект. Конечно, часто нелегко найти рациональный выход тем или другим наличным силам; однако правители, не сумевшие найти таковой, должны винить прежде всего себя самих. Как вообще виноват всякий организатор, не извлекающий никакого полезного эффекта из естественных богатств своей организации. Капитализм – явление, ведущее в конечном счете к смерти, но талантливые капиталисты – естественное богатство страны, которое могло бы быть использовано в нужную сторону, если бы их энергией привести в действие силы, для которых у большинства других людей нет соответственных способностей.

Из неоправданного смешения задач государства как формы и задач государства как содержания вытекает [...] и представительство. Задача государства состоит не в том, чтобы возвестить формальное равенство всех его граждан, а в том, чтобы поставить каждого гражданина в подходящие условия, при которых он сумеет показать, на что способен. А т.к. деятельность, в которой реализуются лучшие потенции человека, и есть единственный способ получить удовлетворенность и [вкус к] жизни, то, давая отдельной личности реализовать себя с наивыгоднейшей для государства стороны, государство вместе с тем ведет эту деятельность к тому удовлетворению, которое возможно в данный исторический момент и в данных исторических условиях. Поэтому нет никакой надобности тянуть всех к одинаковой деятельности в чем бы то ни было и, в частности, к политике, в которой на самом деле почти никто не знает и не понимает. Политическая свобода масс в государствах с представительным правлением есть обман и самообман масс, но самообман опасный, отвлекающий в сторону от полезной деятельности и вовлекающий в политиканство. Должно быть твердо сказано, что политика есть специальность, столь же недоступная массам, как медицина или математика, и потому столь же опасная в руках невежд, как яд или взрывчатое вещество. Отсюда следует и соответственный вывод о представительстве: как демократический принцип оно вредно и, не давая удовлетворения никому в частности, вместе с тем расслабляет целое. Ни одно правительство, если оно не желает краха, фактически не опирается на решение большинства в вопросах важнейших и вносит свои коррективы; а это значит, что, по существу, оно не признает представительства, но пользуется им как средством для прикрития своих действий. Но, отрицая демо[кратическое] представительство, правительство дол[жно быть] чутко к голосу тех лиц или групп, которые действительно могут сказать нечто полезное правительству, специалистов тех или других [отраслей], той или другой научной

дисциплины, того или другого района, того или другого психологического склада. Уметь выслушивать всех, достойных быть [выслушанными], но поступать ответственно по собственному решению и нести на себе образ государственной ответственности за это решение – такова задача правителя государством. Он должен иметь обильный материал от наиболее осведомленных и заслуживающих [доверия] граждан, он совещается столько, сколько это необходимо для уяснения дела до степени ясности, доступной в наличных исторических условиях, но решает он сам и за свое решение ответственным он должен считать лишь себя самого. Это он виноват, если материал, ему данный, оказался недостаточно полным или недоброкачественным: его дело выбирать себе советчиков.

2. Исторические предпосылки

Чтобы не повиснуть в воздухе, будущий строй государства должен опираться на баланс наличных исторических сил и учитывать как то, что на самом деле есть, так и то, чего на самом деле нет, хотя бы первое и было не совсем по вкусу отдельным лицам, а второе, напротив, составляло предмет мечтаний. Точнее <говоря>, государственный деятель должен перестроить себя на положительную оценку реальных сил и на отрицательную оценку сил, переставших быть исторически реальными. В противном случае ему следует заняться беллетристикой в историческом роде, а не деятельностью организатора. Баланс же сил исторических может быть подведен в настоящий момент примерно *следующим образом*.

[...] отрезке времени, начавшийся примерно в [...] (для нас это период Московско-Петербургской России) [...] концу. Силы, которые более или менее согласовывали человечество за этот период, либо иссякли, либо перестали быть согласованными, а противодействуют друг другу. Начиная от тончайших построений физико-математических наук, кончая достаточно элементарными средствами существования – все стороны жизни наполнены ядовитыми продуктами жизнедеятельности и заняты разрушением самих себя. Наука учит не бодрой уверенности знания, а доказательству бессилия и необходимости скепсиса; автомобилизм – к задержке уличного движения; избыток пищевых средств – к голоданию; представительное правление – к господству случайных групп и всеобщей продажности; пресса – к лжи; судопроизводство – к инсценировке правосудия и т.д., и т.д. Вся жизнь цивилизованного общества стала внутренним противоречием, и это не потому, что кто-либо в частности особенно плох, а потому что разложились и выдохлись те представления, те устои, на которых строилась эта жизнь. Очевидности этого общего положения вещей не могут уничтожить многочисленные и нередко блестящие успехи современной цивилизации. Напротив, внимательный анализ всегда показывает, что [они в особен]ности разрушительно-активны в отношении тех устоев, на которых они исторически держатся. Такова же судьба различных видов политического устройства государства. От демократичной республики до абсолютной монархии чрез разнообразные промежуточные ступени все существующие виды правового строя [...] не несут своей функции. Нельзя обманываться: не война и не революции привели их к тяжелому *положению*, но

внутренние процессы; война же и [революция] лишь ускорили обнаружение внутренних язв.

Может быть, какими-либо искусственными [мерами] и можно было бы гальванизировать на какое-то время труп монархии: но он двигался бы не *самостоятельно* и вскоре окончательно развалился бы (нельзя же, например, современную Италию считать монархией). Республики кажутся в несколько лучшем положении, но это так только потому, что при менее определенной структуре они легче подчиняются посторонним силам, сохраняя, однако, свою [видимость]. Иными строятся расчеты на ту или другую церковь. Большая наивность, при которой религия как вечное содержание человека смешивается с историческими организационными формами, [выросшими] в определенной культурно-исторической эпохе и разрушающимися вместе с нею.

В настоящий исторический момент, *если* брать массу, цельные личности, отсутствуют не потому, что стали хуже, а потому, что воля парализована внутренними противоречиями культурной среды. Не личность слаба, но нет сильных, не задерживающих друг друга мотивов деятельности.

Никакие парламенты, учредительные собрания, совещания и прочая многоголосица не смогут вывезти человечество из тупиков и болот, потому что тут речь идет не о выяснении того, что уже есть, а о прозрении в то, чего еще нет. Требуется лицо, обладающее интуицией будущей культуры, лицо пророческого [склада]. Это лицо, на основании своей интуиции, *пусть* и смутной, должно ковать общество. Ему нет *необходимости* быть ни гениально умным, ни нравственно *возвышаться* над всеми, но *необходимой* [...] гениальная воля, – воля, которая стихийно, *может* быть даже не понимая всего, что она делает, стремится к цели, еще не обозначившейся в истории.

Как суррогат такого лица, как переходная ступень истории появляются деятели вроде Муссолини, Гитлера и др. Исторически *появление* их целесообразно, поскольку отучает массы от *демократического* образа мышления, от партийных, парламентских и *подобных* предрассудков, поскольку дает намек, как много может сделать воля.

Но подлинного творчества в этих лицах все же нет, и надо думать, они лишь первые попытки человечества породить героя. Будущий строй нашей страны ждет того, кто, обладая интуицией и волей, не побоялся бы открыто порвать с путами представительства, партийности, избирательных прав и прочего и отдался бы влекущей его цели. Все права на власть [...], избирательные (по назначению), – старая ветошь, которой место в крематории. На созидание нового строя, долженствующего открыть новый период истории и соответствующую ему новую культуру, есть одно право – сила гения, сила творить этот строй. Право это – одно только не человеческого происхождения и потому заслуживает название божественного.

И как бы ни назывался подобный творец культуры: диктатором, правителем, императором или как-нибудь иначе, – мы будем считать его истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а в силу трепетного сознания, что пред нами чудо и живое явление творческой мощи человечества.

3. Государственный строй

В основу государственного строя должно быть положено самое решительное отделение государственной политики как определенной формы государства в целом от конкретного [проявления] отдельных сторон и областей [жизни], составляющих содержание всего *общества*. Предельная централизация первой группы вопросов ведет к верховному единоначалию во всем том, что, по сути дела, должно быть [единым]. Напротив, все то, что может и должно быть многообразным, что своим многообразием обогащает государство и делает отдельные его части нужными и интересными друг для друга, должно быть децентрализуемо, но опять на начале систематически проведенного частного единоначалия, а не в духе демократическом.

Прежде всего сюда относится вопрос о народах, входящих в состав СССР. Индивидуализация языка, экономики, быта, просвещения, искусства, религии [каких-либо] меньшинств рассматривается не как печальная необходимость или временная тактическая мера, но как положительная ценность в государственной жизни. Подобно тому, как разнообразие культур в сельском хозяйстве дает возможности интенсивного хозяйства, так и многообразие народных культур дает возможность государству иметь такое богатство характеров, интересов жизни [...] экономических преимуществ, которого не *может быть* при монотонном однообразном населении. *Очень скучно*, когда и в Керчи, среди греческих развалин, и в Мариуполе, овеянном воспоминаниями о Пушкине, и по Черноморскому побережью, и в Тифлисе, и даже на нагорьях Чиатур – *везде видишь*: «нигде кроме, как в Моссельпроме». Но это не только скучно, но и симптоматично: всякий район должен творить свои ценности, нужные всему государству. И нивелировать эти возможности значит лишать великое государство смысла его существования, тогда нет великого: оно становится лишь большим. Плодотворная идея Союза отдельных республик должна быть в дальнейшем изменена по двум направлениям сразу: в сторону большей индивидуализации отдельных республик во всем, что непосредственно не затрагивает целостности государства, и в то же время в сторону полной унификации основных политических устремлений, а это и будет возможно, когда данная республика будет сознавать себя не случайным придатком, а необходимым звеном целого. В этом отношении будущий строй должен отличаться от настоящего, при котором автономные республики *стремятся* подражать Москве в быте, просвещении [...] и вместе с тем не чужды сепаратистических стремлений и неясной мечты о самостоятельности от той же Москвы.

Число республик в общем должно оставаться современное, но возможно увеличение его. Эти автономные республики следует представлять себе как хозяйственные и культурные единицы. Направляющее усилие центральной власти должно быть устремлено главным образом к наиболее рациональному использованию [характера] местных особенностей – климата, *характера* почвы, богатства недр, этнических *особенностей* данного населения и т.д., т.е. к такому положению, которое наиболее соответствовало бы данностям *указываемой* республики и ее граждан и [давая] им наибольшее удовлетворение, было бы *выгодно* для госу-

дарства в целом. Так, например, было нерационально со стороны царского правительства *насадить* по черноморскому побережью растения средней России, тогда как черноморское побережье способно почти *избавить* страну от импорта субтропических и тропических [культур].

Точно так же нерациональна со стороны царского правительства попытка перевести кочевые народы на оседлое земледелие, что противоречит тысячеклетным навыкам этих народов и не представляло бы особого интереса для государства, если бы удалось, между тем, как более целесообразен был бы перевод к полукочевому образу жизни и культурам животноводческим. Найти каждому из народов свою функцию в великом сотрудничестве [народов], составляющих союз, может быть, и не всегда легко, но на что же существуют правители, как не для решения трудных вопросов.

Старые народы уже [сейчас] естественно доставят правительству больше хлопот, чем молодые, но зато и получить от них для государства можно будет больше. Однако в этом важнейшем деле, а именно в подыскании каждой народности собственно ей принадлежащего места в государстве не следует торопиться [со случайными] решениями, как это сделано у нас в отношении еврейских колоний: от евреев [можно] получить нечто большее, чем колхозы. Разумеется, *при этом* функция народности не должна мыслиться [...], т.е. как нечто принудительное в отношении [отдельных] личностей: этою функцией определяется [характер]нейшее состояние представителей данной [народности], и только.

Национальные культуры и хозяйство автономных республик мыслятся не просто лежащими рядом друг [с другом], но заложенными в общегосударственной идее, носителем которой служит и общегосударственный язык – русский литературный язык, язык, рассматриваемый лингвистами как особое наречие.

Следует думать, что в этом единстве государственного языка нет ничего обидного для отдельных народностей по следующим мотивам: 1) литературный язык [не чисто] разговорный язык великорусских масс, 2) существует множество великорусских диалектов, 3) великороссы, проживающие в автономных республиках, обязаны учиться в школах местному языку, 4) специфическим русским шрифтом может считаться не гражданский, а церковнославянский, причем для [этого] следует в РСФСР названия железнодорожных станций писать не только по-русски, но и по-церковнославянски, 5) владеть русским языком важно – это дает ряд бесспорных преимуществ, отлично сознаваемое национальными массами.

Военное дело, органы политического надзора, финансы, [ЧК], разные виды связи, пути сообщения, руководящие начала добывающей и обрабатывающей промышленности, отрасли народного хозяйства общегосударственного значения и, само собою разумеется, сношения с другими государствами должны быть строго централизованы и ведению автономных республик не подлежать.

Наподобие автономных республик организуются и области, населенные более однородно, например, РСФСР.

Тут дается наибольший простор самостоятельности, инициативе, творчеству; поощряется индивидуализация, дается возможность раскрытия способностей, дремлющих в людях и в территории народа, но вместе с тем политика резко

отделяется от *националистических* проявлений.

4. Аппарат управления

Весь аппарат управления, как общегосударственного, так и частного, *формируется* сверху вниз, а не снизу вверх. Таким образом, это есть назначение должностных лиц, а отнюдь не их выборы; однако при назначении предполагается самое *широкое* использование совещательного материала, *данного* специалистами и теми, кто может быть в данном вопросе признан полезным. Назначения идут в нисходящем порядке единоначалия, т.е. так, что единоначальник каждой ступени назначает своих непосредственных подчиненных. Но эти назначения [контроли]руются соответствующими инспекторами, проверяющими совещательный материал, бывший в руках единоначальника, как со стороны его полноты и доброкачественности, так и со стороны правильного использования. Инспектор вправе требовать от единоначальника доказательств рациональности данного назначения и, в случае неудовлетворительности таковых, переносить дело на обсуждение более высокой ступени единоначалия. Таким образом, инициатива единоначальника тормозится механикой выборной системы, а произвол при назначении предотвращается необходимостью быть готовым к мотивированному *отчету* в своих назначениях. Кроме того, несоответствие назначений будет в значительной мере предотвращаться малой связью между зарплатой и должностью: повышение зарплаты должно быть обусловлено стажем и специальными заслугами, которые будут расцениваться как ускорение [...]. Поэтому зарплата будет неразрывно [связана] с лицом, а не с должностью, и должность сама по себе не будет заманчива для того, кто не *обладает* особыми для нее возможностями и склонностями.

Современный советский аппарат засорен *людьми*, которые не могут быть названы плохими, но которые просто не хороши, т.е. находятся на [данном] месте случайно, и потому фактически коэффициент полезного действия весьма малый. Об этом-то повышении коэффициента полезного действия и надлежит позаботиться в будущем.

Масса случайных людей ведет к необходимости чрезмерного увеличения их по числу – мера, которая не только обременяет и осложняет государственный аппарат, но и понижает чувство ответственности в его исполнителях...

12. Кадры

Из всех естественных богатств страны наиболее ценное богатство – ее кадры. Но кадрами, по преимуществу, должен считаться творческий актив страны, носители ее роста. Забота об их нахождении и сохранении и о полноценном развитии их творческих возможностей должна составлять одну из важнейших задач государства. Тут *главное* дело руководиться двумя основными директивами – использованием данностей и борьбой за качество.

Творческая личность не делается, никакие старания искусственно создать

ее – воспитанием и образованием – не приводят к успеху, и мечтать о массовых выводах творцов культуры значит впадать в утопию. Задача трезвого государственного деятеля – бережно сохранять немногое, что есть на самом деле, не рассчитывая на волшебные замки в будущем. Творческая личность – явление редкое, своего рода радий человечества, и выискивать ее надо по крупинкам. Государственная власть должна выработать аппарат для вылавливания таких крупинок из общей массы населения.

Идея выдвиженства, по виду, близкая к высказываемой, на самом деле весьма далека от нее, ибо выдвигают выдвиженца не высшие, то есть не те, которые действительно имеют [способность] судить о творческой ценности личности, а масса, руководимая нетворческими признаками. В частности, необходимо иметь в виду, что творческая личность чаще всего замкнута в себе, угловата, мало приспособлена к тому, что называется общественной деятельностью, а иногда даже асоциальна; подобная характеристика считается почти правилом. Между тем выдвиженство идет по признаку легкости общения с массами, и в этом смысле чаще всего выбирает людей склада совсем иного, чем требуется для обсуждаемой цели.

Прежде всего должно быть отмечено, что творческая личность, будучи продуктом счастливого и неожиданного *объединения* наследственных элементов, из которых каждый сам по себе, может быть, и не представляет ничего чрезвычайного, составляет крупный выигрыш в лотерее, другие билеты которой пустые или соответствуют выигрышу ничтожному. Этот счастливый выигрыш, [свидетельствуя] о личности подлинно творческой, может пасть на любую общественную среду, любую народность, любую ступень социального развития. Поэтому искать подобную личность надо всюду, под покровом всякой деятельности. Только весьма проникательные, опытные и крупные люди могут распознать подлинно творческие потенции, и для этого распознавания должен быть организован особый государственный аппарат, работа которого с лихвою окупится результатами. Государство будущего будет показывать не сейфы с золотым запасом, а списки имен своих работников.

Необходимо также иметь в виду, что творческая личность, как некоторое новое явление в мире, никогда не может быть загодя установлена с гарантией. Она есть раскрытие того, чего еще не было, и [поэтому] до реализации его и общественно-исторической проверки заранее нельзя утверждать с полной [ответственностью] степень ценности этого нового. Кажущееся ценным может и не оказаться таковым пред лицом истории, а еще чаще кажущееся нелепым в данный момент недоросшему обществу отбирается потомством как культурная ценность. Государству, разыскивающему творческую личность, необходимо, с одной стороны, быть чрезвычайно осторожным в суждениях отрицательных, а с другой – заранее учитывать поправку на известную долю промахов [в суждениях] положительных.

До сих пор имелись в виду преимущественно творческая личность науки с техникой и искусством. Особо надо учитывать волевою личность, для общества необходимую не менее первых. Правда, в природе волевой личности лежит до

известной степени и умение пробить себе дорогу и выдвинуться из массы. Но это выдвижение весьма нередко бывает в неудачную и даже противоположную сторону, вредную для общества. – Если *искать* выдающуюся волевою личность легче, чем другие [выдающиеся] личности, то направить ее по желательному для государства направлению – несравненно труднее. Значительная работа по подбору и направлению личностей волевого типа проведена партией большевиков, и со стороны будущего государства было бы крайне нецелесообразно начинать это дело заново, не продолжая строить на том же фундаменте.

Кроме творческой личности, государство нуждается также и в работниках, посредствующих между [его] массами. Для этих работников тоже необходимы особые задачи; но специальная подготовка к деятельности чрезвычайно важна. Необходимо иметь в виду, что наиболее рациональный путь подготовки деятельных и [способных] работников – это вручить их опытному и [проверенному] работнику подобно тому, как поручали масте[рам подмастерий]. Индивидуализация рода и способа [воздействия и] составляет суть этой школы культурности. Индивидуальность самого «мастера», индивидуальность подхода его к своим «подмастерьям» и «ученикам», личные [привязанности во] всей школе друг к другу – таковы предпосылки *обучения*, глубоко чуждые нашей современности, идущие [наперекор] современным воззрениям. Однако попытки ускоренной штамповки работников культуры не поведут к успеху, и будет признано, что действительная культурность передается не путем только *одного* внешнего научения, а лишь непосредственным воздействием личности...

16. Внутренняя политика (политическое управление)

В основе внутренней политики государства лежит принципиальный запрет каких бы то ни было партий и организаций политического характера. Оппозиционные партии тормозят [деятельность] государства, партии же, изъявляющие особо нарочитую преданность, не только излишни, но и разлагают государственный строй, подменяя [собою] целое государство, суживая его размах, и в конечном счете становятся янычарами, играющими [верховой] государственной властью. Разумной государственной власти не требуется преторианцев, [в виде] преданности желающих давать директивы [власти]. Достаточно государственного, законного, народного и т.д., чтобы не растить «истинно-государственного», «истинно-законного», «истинно-народного» и т.д. Мудрый правитель различает «законное» [от незаконного] и опасается чрезмерного усердия, желающего быть законнее законного, – не делом, а декларацией. – Организации не политические, а бытовые, религиозные, научные, культурно-просветительные разрешаются и в известной степени даже поощряются. Кроме того, верховное правительство по своему усмотрению созывает время от времени те или другие собрания с совещательным голосом, причем состав членов этих собраний устанавливается каждый раз особым актом и в значительной части определяется персонально. На этих собраниях могут быть ставимы также и политические вопросы, как внутренние, так и внешние.

Задача как школьного, так и общественного воспитания в политическом отношении состоит во внедрении привычки проводить резкую пограничную линию между политикой и неполитикой, привычка, которая должна стать почти автоматической. В отношении политических вопросов население страны должно ясно сознавать свою некомпетентность и опасность затрагивать основы социальной жизни, механизм которых им неведом. Поэтому тут не требуется ни одобрений, ни порицаний, подобно тому как не требуется такого рода порицаний производству взрывчатых веществ. Но, с другой стороны, верховная власть зорко следит, чтобы политическое управление и его филиалы тоже не переходили за демаркационную линию, раздел политики и общей культуры, и не делали политикой то, что лишь могло бы [при особых] условиях, отвлеченно говоря, таковой [сделаться], в данных же конкретных условиях представляющее явление просто культурное. Устойчивость государства существенно зависит от уравновешенности обоих начал – внутренней политики и общей культуры, и основная задача верховной гос. власти, объединяющей в себе оба начала, – держать это равновесие ненарушенным.

В государствах со свободной игрой политических страстей верховное правительство может нарушить его как в одну, так и в другую сторону. В обрисованном же строе, где политика заранее исключена и где партии могли бы приобрести вредное значение лишь при весьма большом разрастании и укреплении, верховному правительству грозит преимущественно опасность чрезмерного нажима со стороны органов политического надзора. Именно об этой опасности должно думать будущее правительство, [так как] другая опасность предотвращена самым строем государства. Ввиду указанного положения вещей необходимо особенно заботиться о качественном составе [кадров] органов политического надзора – об отборе [самых] лучших представителей населения, наиболее культурных и наиболее умудренных. Задача правительства – сделать политическое управление и его органы [организацией] особою, особо почетною во всем обществе, вроде того, как в Англии, например, была должность судьи. Уголовные и гражданские дела, в отличие от дел политических, должны рассматриваться как местные и разбираться местными органами, на общем фоне местных условий и особенностей...

18. Переход к обсуждаемому строю

Обсуждаемый строй ни в коей мере не мыслится как реставрация строя до-революционного. Белые, зеленые и прочих цветов генералы, стремясь выполнить эту неразрешимую и крайне вредную задачу, обнаруживали тем непонимание хода мировой истории вообще и русской – в частности. Нет никакого сомнения, что если бы тот или другой из генералов, при оплошности или слабости большевиков, дошел бы до Москвы и если бы даже большевики вообще при этом исчезли, то все равно по прошествии самого короткого времени в стране вспыхнула бы новая революция и анархия. В таком же положении оказался бы и любой из интервентов, пожалуй, с тою только разницею, что власть его удержалась бы несколько дольше (вместо нескольких недель, может быть, несколько месяцев). Очевидно,

всякой будущей власти надо прочно усвоить ряд посылок и держаться их на практике, не только по соображениям тактическим, но прежде всего ввиду внутренней рациональности соответственных мероприятий.

Посылки эти таковы:

1. Союз Советов установил свой известный престиж во внешней политике и по меньшей мере упрочил сознание необходимости серьезно считаться с ним в военном отношении. Этот престиж никак не следует терять и будущему государству, т.к. в противном случае пришлось бы над тем же работать заново.

2. Советская власть в области экономической сделала громадное дело, степень громадности пока не учитывается и даже не может быть учтена достаточно, поскольку крупнейшие из советских мероприятий еще не приносят плодов, и запах последних следует ждать лишь в дальнейшем. Большая часть крупных мероприятий в настоящее время находится, так сказать, в стадии появления бутонов и цветов, но еще не плодов. Дело тут не в так называемой диспропорции планирования, а в том, что строительство всей промышленности в целом требует сроков, которые хотя и могут быть усилием страны сокращаемы, но все-таки не беспредельно. Плодами Днепростроя и других энергостроев должна считаться не электроэнергия сама по себе, а та химическая и другие отрасли промышленности, которые используют электроэнергию. Ничто из советских строителей не должно быть утеряно для будущего, но, напротив, должно быть завершено. Дальнейшее же промышленно-заводское строительство... желательно повести менее централизованно и в менее крупных размерах (кроме единой высоковольтной цепи).

4. Красная армия организована со стороны человеческого материала весьма совершенно и весьма высоко в отношении механической техники. Возможно, что в некоторых отношениях иностранные армии и обладают какими-либо техническими преимуществами, но таковые могут быть приобретены несравненно легче, чем людской состав. Таким образом, Красная армия представляет ценность, утратить которую значило бы утратить и все прочие ценности страны.

5. Имеется еще ценность страны – подбор волевых и, в общем, более или менее дисциплинированных работников – партия. Несомненно, что с качественной стороны эта группа далеко не однородна и что в ней имеются элементы также и недоброкачественные, тем не менее, в целом, было бы со стороны власти преступным легкомыслием и расхищением народного достояния потерять тот подбор работников, многие из которых могли бы найти целесообразное применение своим силам в будущем строе на местах ответственных.

6. Всякая революция подает повод развитию анархии. Слабостью Временного правительства и правления Керенского анархия у нас была допущена, и лишь длительными усилиями советской власти к настоящему времени подавлена (да и то не сполна). Изменение политической ситуации легко может повести, с одной стороны, к анархии, а с другой – к самосудам и сведению всех счетов, что опять должно разразиться анархическими эксцессами, бандитизмом или даже междоусобной войной. Порядок, достигнутый советской властью, должен быть углубляем и укрепляем, но никак не растворен при переходе к новому строю.

7. Наша эмиграция, застывшая в своем дореволюционном прошлом и оторвавшаяся от жизни нашей страны, [своим вмешательством] в нее способна вызвать сумятицу и спутать все карты. Поэтому во имя интересов страны эмиграции должен быть запрещен въезд в страну до [полного] укрепления новой власти и проведения всех необходимых мероприятий, [не менее] как на пять лет.

Намеченные предпосылки заставляют полагать, что никак не может быть допущено такого перехода к новому строю, который сопровождался бы ломкой наличного. Этот переход должен быть плавным и неуловимым как для широких масс внутри страны, так и для всех внешних держав. Будучи изменением по существу, переход должен быть лишь одним из частных мероприятий советской власти, поворот к нему может стать достоянием гласности лишь [тогда], когда позиции новой власти будут достаточно закреплены. Техника такого перехода должна состоять, соответственно, в замещении одних направляющих сил государства другими, но при сохранении их организационных форм, с течением времени эти формы будут преобразовываться, но в порядке или как бы в порядке всех прочих гос. мероприятий. Нет надобности, чтобы смена направляющих сил государства на первых же порах затронула весьма большое число работников: партийная дисциплина одних и привычка к безропотному повиновению других создают благоприятные условия к изменению курса, если он будет идти от сфер руководящих. Таким образом, обсуждаемое изменение строя предполагает не революцию и не контрреволюцию, а некоторый сдвиг в руководящих кругах, который мог бы оказаться даже более простым, чем дворцовые перевороты.

Однако должна быть проведена и подготовительная орг. работа в аппарате управления, которая обеспечила бы положение будущего правительства и создала бы кадры сочувствующих ему, даже при неполном представлении, что собственно произошло в центре. [Эта] работа состоит во внедрении [новых] идей в организующие центры отдельных групп – Красной армии, заводов, колхозов, крупных промышленных объединений.

Указанная часть работы, разумеется, не могла бы быть проведена без участия партии – не в целом, но и не просто единичных лиц. Эта необходимость в партии зависит не только от формально-правового положения членов партии и имеющих у них полномочий, но и еще в большей степени связана с их личными качествами – активностью в политике и в борьбе, умением со вкусом вести политорганизационную работу, наконец, возможною заинтересованностью занять в будущем строе положение, отвечающее их складу и темпераменту. Интеллигенция, в общем, лишена этих черт и не способна к занятию административных постов. Прямой интерес как всего дела, так и отдельных личностей – размежеваться в будущем государстве и поделить области работы: волевому типу будет предоставлена политика и военное дело, интеллигентному и эмоциональному – культура, наука, техника, искусство, просвещение, религия; экономика же будет областью общей. Таким образом, идейные члены партии не могут считать себя обиженными, поскольку они все равно займут примерно то же положение, к какому приспособлены по своей натуре, хотя никто не помешает им заниматься деятельностью в области культуры, если они почувствуют к ней призвание. Мало

того, они будут иметь преимущество – избавиться от моральной и исторической ответственности за ряд членов недостойных, разбавляющих и тормозящих партию. Что же касается до концентрации власти в едином лице, то члены партии не могут не понимать, что эта концентрация все равно необходима и в самой партии, с соответственным, очевидно, [уменьшением] полномочий отдельных ее представителей. Условия, подсказавшие обсуждаемое изменение строя, постепенно понимаются как в стране, так и за границей.

За границей – это переход власти к единоначальникам волевого типа, не обладающим теми или иными традиционными правами на власть. Очевидно, усилия современной государственной жизни достаточно обнаруживают необходимость единоначалия, если даже страны с демократическими привычками вынуждены от таковых отказываться. Другая группа явлений, происходящих за границей и толкающих нас на единоначалие – это все более выясняющееся намерение подчинить нашу страну, в том или ином виде, себе и заставить служить своим интересам. Активная враждебность и готовность к признанию стоят одна другой, потому что смысл обеих один и тот же. Отсюда следует, что нашей стране, уже вследствие внимания к ней со стороны держав иных, необходимо особенно напрягаться для сплочения воедино всех своих функций и к готовности реагировать на внешнее воздействие единой, нераздробленной и нерассеянной волей.

Внутренние условия, со своей стороны, подсказывающие тот же выход к единоначалию, таковы.

Общая усталость всей страны, напряженно и трудно жившей 19 лет. Большинству населения, если не всем, эти годы надо было затрачивать энергию жизни, в гораздо большей степени, чем это бывает вообще. В результате физического, и главное, нервного истощения [народу] требуется отдых. Участие в политике, когда-то столь [желанное] многим, перестало быть заманчивым. За временем траты накопленных сил должно последовать время накопления, степенного и тихого созидания на фундаменте уже построенном, отдых. Этот отдых может быть получен только в том случае, если выдающаяся личность возьмет на себя бремя и ответственность власти и поведет страну так, чтобы обеспечить каждому необходимую политическую, культурную и экономическую работу над порученным ему участком.

Огромность задач, поставленных притом чрезмерно централизованно, повела к социального рода осложнениям личной жизни (вопросы снабжения, квартиры, бюрократической волокиты по пустяковым делам, неустойчивость личного положения и проч.) и жизни государственной (всевозможные трудности вести работу, несогласованность учреждений и т.д.), которые, в особенности в связи с общей усталостью, ведут к недовольству. Это недовольство разлито всюду, среди всех социальных кругов населения, всех профессий, всех убеждений, недовольство неопределенное, можно сказать, почти беспредметное и выливающееся по случайности и мелким поводам.

Жизнь идет зараз и слишком стесненно, и слишком недисциплинированно. Расхлябанность в отношении главного – в отношении дела служебного, товарищеского, семейного, даже в отношении себя самого, и вместе с тем стесненность

по мелочам, канцелярщина. Такая жизнь становится невыносимой лично и вместе с тем нетерпимой государственно. У большинства нет радости исполнения долга, удовлетворения работою как таковою, непосредственного вкуса к жизни и к деятельности. Не надо быть пророком, что ближайшей следующей ступенью будет эпидемия самоубийств.

С другой стороны, учреждения, несмотря на [стремление] поднять их жизнедеятельность, впадают в возрастающую вялость и понижают коэффициент полезного действия. Сознание малой производительности труда есть тормоз, делающий его еще менее производительным. Тут уже уныние возникает не на личной почве. Партийные круги, хотя и стараются [из] сдержанности не проявлять своих настроений подавленности и недовольства, однако не могут скрыть их и тем еще наводят эти чувства вокруг себя в еще большей степени. Это – именно чувства, потому что недовольство, уныние, усталость, безразличие не относятся к какому-нибудь определенному лицу, предмету или положению, а беспредметно отравляют общество, как воздух измененного состава.

Возникновение различных уклонов и группировок в партии опять-таки указывает на необходимость какого-то действия. Особенно характерно при этом появление различных группировок правого уклона, т.е. идущих на сближение с теми стремлениями внепартийных кругов, которые мыслят более или менее реально и не впадают в нелепые фантазии.

Наконец, к вышеперечисленному надлежит добавить еще различные перегибы органов советской власти; общая причина этих перегибов лежит отчасти в схематичном проведении мероприятий и в слишком крупном их масштабе.

Совокупность перечисленных условий заставляет думать о своевременности перехода к единоначалию и единоответственности, при которых может быть разграничена область государственной *координации* и область личного усмотрения. Этим разграничением м.б. повышена, с одной стороны, дисциплина и чувство ответственности, а с другой – повышен вкус жизни...

*Извлечения публикуются по изданию:
Литературная учеба. 1991.
Книга третья. Май–июнь.
С. 96–100, 108–111.*

ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ КАРСАВИН

ГОСУДАРСТВО И КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ¹

1934 г.

I

Территория, власть и население – таковы три основных элемента государства, которые давно уже установлены учеными. Чтобы уберечься с самого начала от материалистических предположений, будем называть их не элементами, а *моментами*. Действительно, они не составляют государства таким же образом, как элементы составляют физическое тело, но по сути являются феноменами единого государства. Не может быть государства без территории, как утверждают правоведы – теоретики государства. И это правда; но, однако, не вся. Конкретная территория – это не только некоторая площадь земли, абстрактная поверхность, но и определенные свойства этой земли, конкретный и живой край со своей растительностью и животным миром; то есть, по существу, географический индивид. Немцы даже придумали особый термин – *Landschaft*, чтобы как-то выразить специфичность этого географического индивида. Ландшафт не просто сумма климата, геологического рельефа, рек, особенностей почвы, животного и растительного мира, жителей, – он есть многоединство всех этих моментов, настоящий индивид. Для географов даже человеческая история не обособлена от ландшафта, и, таким образом, он сам становится *исторической* единицей, историческим индивидом, объектом геополитики и исторической географии.

Особенности края согласуются с образом жизни населяющих его людей. Нельзя понять народного характера англичан, не обращая внимания на то, что они с давних времен живут на острове. Море оберегает их от неожиданных нападений, море и относительно небольшие размеры их острова заставляют население торговать, заниматься мореплаванием. Все гимназические учебники согласно указывают на то, какое важное значение для истории древних греков имели горы, побережья их полуострова, острова Эгейского моря и т.п. Многие из историков считают своим долгом выяснять географические причины исторических событий, подчеркивают влияние географических условий на характер народа и его историю. Другие же выдвигают на первый план характер занятий, то, как народ преобразует свой край. Так, утверждается, что именно географические обстоятельства заставили жителей Месопотамии объединиться в деспотическое

¹ Впервые опубликовано в литовском журнале *Zidinys* («Очаг»), 1934. № 5, 6.

государство. С другой стороны, голландцы, твердя свою старую поговорку: «Бог создал море, голландец – его берега», кажется, говорят правду. Да и греки были хорошими моряками не потому, что жили в Греции, а, возможно, потому, что они от природы были хорошими моряками: путешествовали по земле, пока не нашли для себя подходящий полуостров и не остались жить в Греции.

Ибо, по моему мнению, в сфере истории и социологии поиски причин не являются собственно научным предприятием: тем более что без экспериментов, точного измерения и математики невозможно достоверно установить причины, а материал упомянутых выше наук и вовсе не из области математики, и только одни большевики пытаются экспериментировать в социологии. Для истории и социологии понятие причины имеет лишь второстепенное, вспомогательное значение. Поэтому говорят о *конвергенции* этих моментов. Это означает, что определенному краю соответствует определенный характер народа, определенный социально-политический строй; конечно, возможно и наоборот.

И край (территорию), и жителей этого края (народ), и их социально-политический строй (власть) я считаю моментами, или явлениями, одного индивида, одной сущности, но только в том смысле, что наряду с ними или отдельно от них этот индивид не существует: только в них он способен проявляться и только ими он актуализируется. Можно говорить также о теле народа. И действительно, чем является мое, то есть некоторого индивида, тело, мой биологический организм? Безусловно, он – рождающаяся во времени и пространстве, растущая и умирающая единица. Она постоянно растет, вбирая в себя частицы подобных ему организмов, общий нам всем (жителям данного края) воздух, плоды земли – словом, всякое Божье творение перерабатывает их и превращает в себя. И она же постоянно умирает, отдавая свои собственные частицы земле, воздуху, животным и людям.

Мы дышим не только воздухом, но и частицами других организмов. В некотором смысле мы все являемся людоедами и каннибалами. Мой биологический организм – это конкретный процесс, конкретное мое общение с другими организмами и с природой. Он не только «я», которое сейчас пишет, но также и я – ребенок, которым уже не являюсь, и я – старик, которым, слава Богу, еще не являюсь. Он обладает многими моментами и выступает как множественное их единство. Он существует не только в данный момент времени, но также присутствует во всех своих моментах, и все они находятся в нем. Таким же организмом (только сверхиндивидуальным) является и живущий в этом крае народ. Он обладает своим телом, а значит, всеми телами соотечественников, которые некоторым образом биологически общаются друг с другом. Это тело народа нельзя отделить от общего для нас всех воздуха, общей для нас всех земли, в которую превратились наши уже умершие тела и которой мы сами скоро станем.

Естественно, народ возникает из общего корня, общей крови. Только не надо по-гитлеровски этого преувеличивать, как бы это ни соблазняло в горячке националистов *Rassentheorie*¹. Но упомянутые общие обстоятельства жизни народа имеют еще большее значение. Поселившиеся в Америке эмигранты – англича-

¹ Расовой теории (нем.).

не, скандинавы, немцы, выходцы из других стран – соединились друг с другом и даже с природой Америки и стали совершенно новым народом совершенно нового этнологического типа. Не все это замечают, так как мы привыкли примитивно думать и считать нациями-народами только те народы, происхождение которых стало нам уже неизвестно. В действительности же все народы рождались, росли, как американский, и потому уже не существует ни чистых рас (то есть одного происхождения), ни чистых народов. Народ является творением и фактом истории. Он опирается на общность происхождения, общность населяемого им края, общность языка и – в первую очередь – на свою творимую культуру и историю. Власть, родившаяся из народа или ставшая народной, способна управлять им, организует его. Такая власть столь же соответствует народу и краю, как и край соответствует народу. Без власти не может проявляться ни воля народа, ни его самосознание. И не случайно многие теории государстве (за исключением так называемой органической) заняты только объяснением происхождения власти.

Уже древние философы стали сравнивать государство с биологическим организмом. Платон начертал органическую теорию государства; его ученик, а отчасти и противник, Аристотель своим известным определением человека придал ей некоторые черты индивидуалистичности: человек – *dzoon politicon*, политическое (с другими людьми общающееся и создающее государство), государственным образом живущее существо¹. В XV веке англичанин Фортескью, а в XIX – Шефле², Спенсер, Рене Вормс³ и другие возродили органическую теорию государства. Она опирается на факты, выше уже изложенные нами, и до сих пор остается гораздо более популярной, нежели порой кажется. Действительно, какой-нибудь известный публицист мог не слышать о ней ни слова и тем не менее употреблять понятия-метафоры органической теории: писать *о болезнях* государства, его *возрождении и смерти*, об органических законах и органическом росте государства, государственным клетками называть индивидов и социальные группы и т.д. При этом, однако, многие считают подобные изречения (фактически неизбежные) лишь красивыми метафорами, а указанные теоретики государства понимали развиваемую ими органическую теорию слишком формально, схоластически – в самом плохом значении этого слова. И неудивительно поэтому, что они наговорили много всяких благоглупостей. Например, одни совершенно серьезно называли государственные учреждения его нервами, а другие с еще более серьезным видом доказывали, что нервами государства являются его железнодорожные пути. Блюнчли говорил, что государство – это организм мужского пола, а церковь женского. Совершенно естественно, что критики еще более невежественные, чем эти теоретики, стали разрушать подобными же аргументами саму органическую теорию. – Как же может быть государство биологическим организмом, если такие организмы, как, например, люди, женятся и выходят замуж, а на свадьбе государств никто еще и рюмки не опрокинул? Кому, говорят, известны дети об-

¹ Общественное животное – определение, данное Аристотелем (Политика, 1253а, 9 сл).

² Шефле Альберт Эберхардт Фридрих (1831–1903) – немецкий историк, философ, социолог.

³ Вормс Рене (1869–1926) – французский философ. В работе «Организм и общество» (1895 г.) проводил многочисленные аналогии между структурой и функциями человеческого общества и биологического организма (прим. изд. 1991 г.).

ручившихся государств? Нос человека только в рассказе Гоголя отдельно от тела путешествует, а богатый литовец может и без всего этого свободно повеселиться в Париже.

Представители органической теории точно и красиво выразили ту мысль, что государство является некоторым многоединством, актуализирующей единицей, осуществляемой во множественности индивидов; она обладает и биологической стороной, существует как непосредственно сросшаяся с краем и этим краем не менее, чем людьми, обнаруживается. Однако биологическая жизнь – лишь один необходимый, но далеко не самый важный способ проявления государства. Сам человек живет не только телесными, но и духовными деяниями, и самосознание для него важнее, нежели иные физические органы. Кроме того, хотя аналогии помогают понять изучаемую проблему, будят ум, но сами по себе ничего не доказывают. Теоретики, используя ребяческие аналогии, забыли, что их необходимо пояснить и доказать. Не хочется их, и так уже слишком критикуемых, чересчур за это обвинять: индивидуалистическое мировоззрение XVII–XX веков было неблагоприятной почвой для органической, универсалистской теории. Выясняя причины ее неудачи, мы сталкиваемся с самой сутью кризиса европейской культуры – европейским *индивидуализмом*.

До сих пор, однако, господствующее философское мировоззрение единственно подлинной, несомненной дальностью считает сознание индивида, индивидуальное «я» человека. Можно, мол, сомневаться, существует ли объективный мир (Бог, природа, другие люди, даже мое тело): такое уж скандальное бытие у философа, он не может доказать даже существования собственного тела. Но нельзя сомневаться в том, что я действительно мыслю, чувствую, существую; *cogito, ergo sum*¹. Конечно, не для каждого мыслителя важен этот гносеологический вопрос. Часто и среди мыслителей есть здравомыслящие люди; они на практике не сомневаются в существовании мира и других людей. Тем не менее индивидуалистическая гносеология по сути соответствует воззрениям и многих современных философов, социологов, историков и т.п. А эти воззрения, в свою очередь, соответствуют современному образу жизни и деятельности с их эгоизмом, с тем, что каждому в первую очередь важны свои собственные дела, с тем, что возникли партии, которые отказываются даже от собственной родины, с тем, что люди ради эгоистических целей своей партии, класса, социальной группы волей-неволей разрушают государство; наконец, соответствуют тому, что в упадок приходит само государство и даже семья.

Индивидуалист может еще отчасти верить, что существуют другие люди; но государство, социальная группа и даже семья для него не что иное, как сумма, агрегат, скопление похожих друг на друга индивидов. Он не признает никакого сверхиндивидуального самосознания и воли (самосознания и воли семьи, социальной группы, народа), так как, по его мнению, государство-народ, социальная группа, семья являются только суммой составляющих их индивидов. Очевидно, что общество, представляемое таким образом, похоже на физический мир в представлениях атомистического материализма. Новоевропейский индивидуализм

¹ Мыслю, следовательно существую (*лат.*). Высказывание Декарта.

почти полностью соответствует новоевропейскому же материализму.

Но откуда тогда появилась государственная власть? То есть почему общество (агрегат или сумма индивидов) разделилось на две группы: управляющих и управляемых? Почему одни приказывают, другие слушаются? Индивидуалист отвечает на подобный вопрос двумя теориями: силы и договора. Первая утверждает, что, мол, правящая группа либо сама захватила территории, обжитые народом, либо унаследовала их от тех землевладельцев, которые стали господами еще в древности, то есть в любом случае эти люди насильно завладели землями и капиталом и стали поэтому богачами. Таков первый ответ – со стороны теорий силы (патримониальная, патриархальная теория Маркса). Все они пытались выяснить, каким образом возник руководящий государственный слой и какова его история, но мало обращали внимания на то, что власть является сущностным моментом упорядоченного (неанархического) общества или государства и что без нее не было и не может быть государства. Теории силы не выяснили и того, почему все (не только правящие, но и те, кем правят) признают сам *принцип* власти, мало того – власть уважают, почитают и даже обожествляют, считают ее сверхиндивидуальной вещью. Все это не выдумки правителей или священников, но факт социальной психики (его неплохо описал, правда объясняя с индивидуалистических позиций, юрист Петражицкий – некоторая инстинктивная идеология власти, которая живет в каждом человеке, хотя и не всегда ясно сознается. Идея власти не исчезает даже во время революции, хотя ее форма извращается анархией, своеобразной борьбой всех за власть, которую более точно можно назвать панархией. Апостол Павел прекрасно определил значение абсолютной, надэмпирической идеи власти: «Нет власти, как только от Бога, которые же есть, Богом установлены»¹. Такое понимание было выдвинуто представителями так называемой *теократической* теории. Поставил ли Бог первых властителей, устанавливает ли таинственно новых – это совершенно не важно. Несомненен объективный факт, что все нормальные люди инстинктивно признают значение сверхиндивидуальной и надэмпирической абсолютной (а значит, и религиозной) власти; факт, объяснить который не может теория силы, но который теократическая теория объясняет, хотя и односторонне, догматически. Ибо общество упорядочивается только со становлением государственности, а государства без власти быть не может. Это имманентный закон социального индивида: не существует устроенного общества без власти, человека – без такого общества, а без человека не существует и самого мира. И если действительно Бог сотворил мир, то человеческий инстинкт государственности – идея власти – соответствует воле самого Бога.

Однако этот инстинкт и все упомянутые теории не во всем согласуются с индивидуалистическим мировоззрением. Индивидуалист считает всех людей равными, совершенно похожими друг на друга, как один атом материи похож на другой. Индивидуалист не желает быть порабощенным, стараясь хотя бы в теории защитить свою индивидуальную свободу. Не в состоянии поработить других

¹ Послание апостола Павла к Римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (13, 1).

и не желая превосходства их над собой, он предпочитает равенство. Индивидуалистическая философия XVIII века провозгласила идеал свободы и равенства – *liberté et égalité*; и люди, вынужденные отказаться от самой свободы, не пожелали отказаться от идеи свободы и от равенства. Наполеон, законный сын Великой революции, считал, что свобода была возможна только в годы революции, в то время, когда все желали только равенства: *la liberté est un pretexte. L'égalité voila votre marotte*¹; а у известных историков революции Токвиля и Тэна эта мысль лежала в основе объяснения революции. Идеал равенства заставил наиболее последовательных сторонников идеала индивидуалистической демократии превратить его в социалистический (политическое равенство дополнить экономическим) и наконец совершенно отказаться от свободы – коммунизм. Я не склонен к пренебрежению идеалами равенства и свободы; наоборот, сейчас, во время господства фашистских настроений, их-то как раз и нужно защищать. Только надо понимать их без сентиментальной идиллии (не говорить о неосуществимом на земле братстве – *fraternité*) и без индивидуализма, так как нельзя понять природу свободы и равенства до тех пор, пока считаешь индивида единственной реальностью.

Философы-социологи, являясь горячими сторонниками свободы и равенства, создали теорию договора еще более индивидуалистическую, чем все вышеупомянутые. Они искренно верили, что общество есть не что иное, как агрегат всех индивидов, и тем не менее полагали, что общества без власти быть не может и что все (или почти все) с этим согласны, признают это и уважают власть. Такой момент *согласия* (договора) и был положен в основание теории. Представьте себе, говорили ее приверженцы, общество без власти. Такое общество просто не смогло бы существовать, так как сразу началась бы война всех против всех, то есть анархия, и общество разрушилось бы. Но как смогли бы индивиды преодолеть анархию? – Несомненно, они начали бы переговоры и наконец договорились, установив, что может делать индивид, а что нет. Все вместе обуздали бы каждого, уменьшив его возможности, но зато защитили бы установленные его права. Таким образом, все индивиды были бы равны, а их договор (общая воля – *volonté générale*) защищал бы всех и каждого из них от анархии. Все индивиды (= народ), собравшись и договорившись, конечно, смогли бы все свои права передать одному человеку, государю (так оправдывал абсолютную монархию Гоббс). Народ также мог бы, организуя власть, оставить себе (каждому гражданину) некоторые права, даже объявить их неприкосновенными (так размышлял Локк, излагая теорию конституционной монархии, а после него – создатели «Декларации прав» в Америке и во Франции), или народ мог бы через всеобщее собрание править собою сам и назначать на государственную деятельность уполномоченных, полностью зависимых от этого собрания (демократическая теория Руссо).

Самые известные сторонники теории договора даже не пытались объяснить, как в действительности появилась власть и образовалось государство; они не интересовались вопросами истории. Исторические образы были для них только метафорами, только средствами для более простого и краткого изложения социологической теории. Потому-то и нет смысла побивать, как это делается и по сю

¹ Свобода лишь предлог. Ваш конек равенство (*франц.*).

пору, их теории историческими аргументами, ибо такие аргументы не затрагивают сути этих теорий и только мешают понять и оценить их. Как подчеркивает теория договора, власть опирается не только на силу, но и на авторитет; не только на волю представителей, но и на волю подчиненных (на их одобрение и согласие), то есть власть является *конститутивным* моментом государства и должна осуществлять, и некоторым образом осуществляет, идеалы и волю всех. По Канту, договор является не историческим фактом, а *регулятивной* идеей. Только опираясь на эту идею, следует создавать, преобразовывать и оценивать государство. Также и Руссо своей теорией пытался показать, каким именно образом согласуются государство и право. Потом историческую метафору договора никто больше не употреблял, но главные его идеи все еще лежат в основании идеологии демократического государства.

Теория договора справедливо указала на субъективную сторону идеи власти, ту, которая предполагает признание власти ее подданными, но принизила объективную. В сущности, эта теория является индивидуалистической и стремится объяснить возникновение власти из самого индивида. Но воля всех индивидов-атомов не может и не должна быть больше воли каждого из них, так как все они равны и имеют одну и ту же цель (собственное благополучие). Сколько ни умножай единицу на единицу – единицу и получишь. Согласно индивидуалистической теории договора «общая воля» должна быть равна воле каждого индивида. Но это уже не согласуется с объективными фактами, заставляет считать государственную власть послушной рабой всех, «ночным сторожем»; таким образом, власть не только ослабляется, но даже разрушается. Как же тогда, опираясь на теорию договора, можно организовать государство? И как будет выглядеть такое демократическое государство?

Необходимо при этом различать идеальное, воображаемое демократическое государство и конкретное, или так называемую реальную демократию; такое государство не является полностью демократическим, а только стремится к идеалу демократии, но считает себя при этом истинно демократическим. Тем не менее реальные демократические государства, не совпадая с идеалами демократии, раскрывают и хорошие и плохие их стороны. Имеются в виду государства, а именно Америка и Франция, которые идеологи демократии строили и перестраивали в большей мере, нежели другие страны. Для нашего рассмотрения важнее Франция, которая и до сих пор возглавляет европейскую культуру. Ее мы и будем иметь в виду при рассмотрении строя демократического государства, даже если будем рассматривать не конкретную форму правления, а только сами демократические принципы.

Воля народа (демоса), общества, всех индивидов является источником конститутивного момента государственной власти. Значит, собрание народа (всех индивидов) есть высший орган демократического государства. Но ясно, что все 40–70–150 миллионов граждан, собравшись, не могут решать важные государственные дела. Очевидно, что в таком случае необходимо уменьшить права всего «народа» и каждого индивида. Кроме неприкосновенных прав, которые всеми признаны, индивиду и всему «народу» осталось одно право – выбирать предста-

вителей, которые от имени всего народа будут править государством. Конечно, даже и такое малое право – предмет большого желания, но где же тут кроется знаменитая воля демоса? Это единственное право «народа» часто превращается в иллюзию. Демократы требуют, чтобы «народ» (все его индивиды) выбирал своих представителей прямым голосованием. Понятно, что, выбирая даже своего хорошего знакомого, я не могу знать, выберет ли он при непрямом голосовании нужного представителя, тем более выберет ли в свою очередь последний такого представителя. Вообще избиратели мало знают, кого они выбирают и как избранный будет руководить страной. Действительно, хотя и не весь «народ» собирается выбирать представителей, избирательные округа должны быть относительно большими. А из 100 тысяч людей, само собой разумеется, не все могут знать, какого человека они выбирают и насколько можно верить его прекрасным обещаниям. Выборы были бы невозможны, если бы «народу» не помогали выбрать представителей партии со своими программами и известными руководителями. Таким вождям и программам партий избиратели доверяют. Однако на деле, вместо того чтобы выбрать человека, они выбирают фамилию среди других фамилий, значащуюся в списке кандидатов, то есть мертвую бумажку. Кроме того, партии стараются обогнать друг друга по части всяких обещаний и предлагают всегда больше, чем могут да и хотят выполнить, так как их опытные руководители хорошо знают, что сопротивление других партий освободит их от обязанности выполнять свои обещания. Избиратель может узнать то, к чему партия стремится, но никогда не знает, чего она в итоге достигнет. Не может он знать и самого важного: как люди, рекомендованные популярными руководителями для избрания, да и сами эти руководители, – как они будут решать вопросы, не предусмотренные и не предусматриваемые партийными программами, но имеющие решающее значение для всего народа, например – воевать или нет.

Иначе говоря, и в демократическом государстве весь народ страной не правит: он только выбирает из предлагаемых ему кандидатур и подчиняет себя в итоге неизвестным людям, подчиняет до новых выборов, значит, на несколько лет. Несомненно, что новые выборы являются некоторым образом средством контроля над действительными руководителями государства: это, конечно, большое преимущество демократии, настолько большое, что ради него, несмотря на все недостатки демократии, французские патриоты не желают с ней расстаться, заменив ее фашистским или коммунистическим режимами, которые не признают такого контроля и попирают всякую свободу индивида. Однако надо избавиться еще от многих и многих ошибок в деятельности парламента и других недостатков в государственном устройстве, чтобы избиратели могли бы по-настоящему оценить своих избираемых и переизбираемых кандидатов. Поэтому в так называемом демократическом государстве правит не «народ» (= сумма избирателей) – не его воля, это иллюзия, – а собрание представителей (парламент), а также партии, которые организуют выборы, и сам парламент, то есть некоторый правящий слой. К последнему принадлежат и бюрократия, и так называемые политические деятели – адвокаты, газетчики, которые прикидываются голосом народа, – и профессора.

Но правит ли парламент, это собрание нескольких сотен людей, демократическим государством? На первый взгляд кажется, что да, правит, ведь он и законы принимает, и правительства (а во Франции даже президента) выбирает и отстраняет, и даже свергает президента, правда редко и в нарушение собственных законов. Лучше всех по этому поводу сказал римский император Калигула: *senatores optimi viri, senatus mala bestia*¹. Действительно, что может решить пускай даже стоголовый дракон, не имея ни одной нормальной головы? Русские говорят: сколько голов, столько умов, – и ошибаются, голов намного больше. Несомненно, что, становясь членом большого собрания, человек перестает самостоятельно мыслить: чем многочисленнее собрание, тем больше его участники зависимы. Большое собрание способно шуметь и голосовать, но оно не в состоянии управлять страной. Реально ею управляет, если управляет, кабинет министров, который и предлагает парламенту проекты законов, а потом сам же их исполняет. Тем не менее и члены парламента были бы не в состоянии исполнять даже малейшие обязанности, если бы не обладали некоторой организацией. Парламент организуют те же самые партии, которые организуют и выборы. Партии же заранее свои действия друг с другом не согласовывают: всем управляет стихийный процесс – борьба партий, расстановка сил. Однако партии не только организуют парламент, но своей борьбой в парламенте и его перевыборами «именем народа»... дезорганизуют этот парламент и ослабляют.

Наконец, управляет ли государством кабинет министров? Сомневаюсь. Во-первых, кабинет министров выбирается и отстраняется парламентом, поэтому полностью зависит от борьбы партий и их взаимоотношений. С другой стороны, он зависит от бюрократии исполнительного аппарата, ибо многие в нем мало компетентны в своих министерских делах. Они предлагают парламенту законы для голосования, которые пишутся и потом приводятся в исполнение (и «исправляются») постоянными, но перед парламентом не ответственными помощниками министров. Бюрократия, это действительное ядро демократического государства, сама не является демократичной.

Одним словом, демократическое государство анархично. Совершенно не управляет страной «народ» (демос); почти не управляет парламент, немного управляет кабинет министров, а более всего – бюрократия, единственный постоянный элемент власти. Возникает вопрос: да как оно еще может существовать, такое государство? Почему же оно до сих пор не только не разрушилось, но и от «рогатых немцев» защитилось? Видимо, не такое уж оно демократическое, и демократические формы его не соответствуют его действительному политическому устройству. Оно живо как раз тем, что в нем не демократично, – прежде всего своей бюрократией и, конечно, армией. Как и все теории государства, теория демократического договора не отражает действительности, а если и отражает, то односторонне, указывая только на один, хотя и весьма важный, момент государственной жизни – значение индивида, его прав, свободы и инициативы. Кризис демократического государства заключается в том, что последовательно осуществляемая демократия неизбежно превращается в анархию, этот спелый плод ин-

¹ Сенаторы – добрые мужи, сенат же – дурной зверь (лат.).

дивидуализма.

Слово «демократия» означает власть народа. Ясно, что демократическое государство неправомерно присвоило себе это имя, так как оно сделало все, чтобы именно народ власти не имел, мало того – оно даже не поняло, что есть этот народ. Я считаю, что каждое государство постольку живо и здорово, поскольку демократично и в сути своей есть демократия. Идеалом государства является демократический строй, но так называемое демократическое государство – лишь одна из форм государства, воплотившая этот идеал не в большей степени.

II

Нельзя понять, что есть государство, не выяснив, что такое народ и индивид.

Прежде всего – мое индивидуальное «я» является не абстрактным, а конкретным единством множества собственных моментов. Я мыслю, мое мышление есть я сам, я это свое мышление замечаю и я же чувствую в то самое время и многое другое, что также совпадает с моим «я». Я – это каждый момент в отдельности (мышление, наблюдение, чувства...) и все они вместе, хотя каждый момент как таковой и отличен от других. Если бы не было моментов, не было бы и самого моего «я», потому что только своими моментами оно живет, обнаруживается и актуализируется. Самые большие ошибки метафизиков определялись именно тем, что они представляли себе абстрактное, отличное от своих моментов «я». Они не видели или не хотели видеть, что такое «я» невозможно где-либо наблюдать, ведь наше «я» есть конкретное единство своих моментов, многоединство.

Я познаю временные вещи и само время только потому, что есть сущее прошлого, настоящего и будущего, некое всевременное сущее. Именно в себе, в своем настоящем я обладаю той самой маленькой минуткой – последним моментом прошлого и первым моментом будущего; мое прошлое уже не совсем реально и мною «забываемо», а мое будущее известно мне еще меньше. Но все это означает только одно: что я не являюсь совершенным сущим, что я сам существую не полностью. Для выяснения данного вопроса недостаточно просто описать наше сознание: необходимо углубиться и в философские проблемы. Но сейчас здесь я не могу и не хочу делать этого, так как уже не раз обсуждал эти проблемы (см. мою книгу «О личности», Каунас, 1929; а те, кто не желает довериться моим выводам, могут обратиться к совсем маленькой книжечке О. Spann «Kategorienlehre»¹). Здесь же, догматически, без доказательств, утверждаю: человеческое «я» (сознание) есть, по сути, всевременное единство всего, однако, существуя на земле, оно является несовершенным и потенциальным; кроме того, это «я» есть еще и пространственное единство всего, на земле также несовершенное. Нет абстрактного духа, нет духа без тела, а тело моего «я», как уже было отчасти сказано, не совпадает ни с одним конкретным моментом его жизни, в том числе и с биологическим телом человека, которое есть только его центр.

¹ Шпанн Отмар (1878–1956) – австрийский экономист и философ. Ввел в социологию так называемый универсалистский метод, согласно которому действие отдельных индивидов приобретает смысл лишь будучи включенным в некую социально-смысловую тотальность (прим. изд. 1991 г.).

Отражая и познавая объективный предмет, я познаю сам предмет, а не субъективный мой образ. Иначе должен был бы согласиться со скандальными выводами кантианцев о том, что будто бы нельзя говорить, соответствуют ли образы объективным предметам и существуют ли вообще эти предметы, объективный мир на самом деле, или он только плод моего богатого воображения. Философствуя, я хочу избежать скандалов. Несомненно, что познаю *саму* вещь, которая не совпадает со мной; но в таком случае нельзя сомневаться и в том, что та вещь, которую я познаю, является и моим сознанием, его моментом (в этом Кант был прав). Настоящие листья дерева, которое я вижу, их шелест, форма дерева и т.д. есть мои чувства, моменты моего «я» и само мое «я»; но в то же самое время все это является и свойствами мною видимого дерева, есть само это дерево.

Таков основной факт знания: я и мною познаваемая вещь связываются, сливаются, соединяются, становятся общими, моими и предмета, «качественностями». Подобный факт может объясняться только одной гипотезой: я и познаваемый предмет – в равной мере два явления, или момента, одного многоединства. С одной стороны, это единство проявляет себя объективным, неживым и бессознательным предметом, с другой стороны – мною, субъектом, познающим предмет, оживляющим наше общее единство. Если это так, то мое «я» менее индивидуально, нежели я его представлял. В таком случае оно является моим единством с познаваемым объектом, и такое единство обязательно должно быть «я», хотя и большее, чем мое индивидуальное, но которое проявляется, кроме меня, еще и как бессознательный предмет («не-я»).

Я, познавая другого человека, вступаю, соединяюсь с ним в некоторое единство, тем самым оживляя первичное, потенциальное наше единство. Большее «я» во мне проявляется только моим индивидуальным «я»; проявляется так, что то, что я познаю, имеет в себе некоторую опору, никоим образом от меня не зависящую, со мной не совпадающую, но являющуюся моим другим «я». Именно то, что сверхиндивидуально, я индивидуализую. И мы оба – я и другой человек – являемся двумя индивидуациями (друг от друга отличающимися и только отчасти связанными) большей личности, большего «я». Мы образуем, актуализируем одну социальную личность, проявляющуюся двумя способами. Только потому, что я составляю с другими людьми многоединство, большее, чем индивидуальная личность, единство, выступающее как социальная личность, я могу познавать их мысли так же, как свои собственные мысли, а их чувства – как свои чувства.

Мое «я» постоянно то увеличивается, то уменьшается. Оно есть индивидуация то многоединства двух, трех или многих людей – моей семьи, моего народа, всего человечества (например, во время размышлений); то моего маленького индивидуального «я». Действительная реальность не существует в форме индивидуального сознания, индивидуальной личности, как думают индивидуалисты, но есть личность социальная. Индивидуальная личность есть не что иное, как момент явления, индивидуация социальной личности, что, однако, не заставляет нас считать ее менее самостоятельной, свободной и, наконец, менее индивидуальной. Не происходит этого потому, что социальная личность обнаруживается, существует и актуализируется только своими моментами, то есть индивидами.

Отдельно от индивидов, вне их, социальная личность не существует, а если и существует, то лишь как чистая потенция. Поэтому личность извне на индивидов не влияет, их воли не подчиняет и не связывает: ее воля – их воля и только как их воля актуализируется.

Существует много типов социальных личностей. Любая беседа двух людей свидетельствует о существовании социальной личности. Точнее говоря, только во время их общения она и рождается, при расставании же – умирает. Каждая взаимодействующая группа людей есть социальная личность, как, например, товарищество, учреждение, сейм. Существуют социальные личности только на одно мгновение, периодически проявляющиеся (сейм), относительно постоянные (семья, народ, государство, человечество). Все люди мыслят по одинаковым законам логики, которые обладают непреходящим, абсолютным значением, – потому что в каждом человеке, индивидуализируясь, мыслит само человечество. Каждый человек признает моральные принципы – потому что в каждом из нас индивидуализируется воля и идеалы всего человечества. Апостол Павел говорит: «Не я, но сам Христос говорит моими устами»¹, – то есть воплотившийся, ставший человеком Бог. Люди, сплотившись в Церковь, уподобились Богу, настолько соединились с ним (хотя, конечно, не совпали), что через их мышление и волю стали проявляться самого Бога ум (Логос) и воля. Поэтому законы мышления (логики-Логоса) и нравственности обладают большим, абсолютным значением, нежели если бы они были актом всего человечества.

Мать, желая спасти ребенка, жертвует своей жизнью. Неужели это акт ее индивидуального «я»? Как происходит то, что она жертвует именно своим индивидуальным «я» ради жизни другого «я» (ее ребенка)? Когда враги топчут мою землю, я, не жалея себя, бросаюсь на ее защиту. Но чья же в действительности эта реакция: моего индивидуального «я» (для которого, мысля логически, никакой народ не нужен) или самого народа, во мне индивидуализировавшегося? Думаю, что, признавая волю народа и его самосознание, никого своей философией не обманываю. Конечно, каждый фантазер вправе считать свою волю волей народа. И как раз сейчас так много глупостей говорится и делается от имени народа! Лжепророков куда больше, чем вестников правды.

Так или иначе – реально существует самосознание и воля народа (социальной личности), но они проявляются только в мыслях индивидов, в их словах, письменности и действиях. Таким образом, моя кратко изложенная теория объединяет индивидуализм с универсализмом. Волю народа и его самосознание нельзя определить голосованием, нельзя потому уже, что важны не общие слова, а конкретные действия и мысли. Чтобы узнать дух народа, надо обратиться к великим народным писателям, поэтам, философам, гениям. Здесь не помогут ни анкеты, ни статистические методы. Для выражения своего мировоззрения народ рождает гения, которым осознаются не сформулированные до той поры представления и желания этого народа. Вспоминая своих великих сынов, народ познает сам себя, но каждый индивид познает свое народное «я» индивидуально, своеобразно;

¹ Контаминация цитат из Посланий апостола Павла. См. ряд сходных мест: «Ибо я от Самого Господа принял, что и вам передал...» (I Послание к Коринфянам. 11, 23), «Итак мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает чрез нас...» (II Послание к Коринфянам. 5, 20) (прим. изд. 1991 г.).

один только Бог в состоянии согласовать все аспекты индивидуальных и народных мировоззрений, познать всеединство. Мы, исследуя прошлое своего народа, его древние обычаи, его язык, соединяемся с ним, вбираем в себя другие его индивидуации и выявляем их каждый раз заново и по-новому. Так, в нас и нами, живет народ.

Именно история, язык, институты и обычаи связывают прошлое народа с его настоящим и будущим, актуализируют многоединство народа. Общность слов и выражений, общие обычаи и формы взаимоотношений между людьми реально связывают человека с его предками, и в этих взаимоотношениях живут снова и снова (в этом и состоит смысл институтов). Пусть человек ошибается, выражает какие-то свои, субъективные мнения, подражает иностранцам. Исторический процесс просеет его слова и деяния, оставит только то, что народно и для народа необходимо.

Народ должен не только познать самого себя, свои цели и задачи, но и воплотить их. Для воплощения воли народа необходимо согласие индивидов как многоединства; значит, необходимо, чтобы возникла власть и народ был организован, стал обществом – государством. Без власти не может быть ни воли народа, ни истории, ни ясного самосознания народа. И власть есть форма самосознания и воли народа. Интересно, что сам Руссо это понимал. Он различал общую волю (*volonté générale*) и волю всех (*volonté de tous*). Воля всех – это сумма всех индивидуальных волей (желаний). В этом случае люди не могут друг с другом договориться, так как каждый стремится к своим эгоистическим целям. Но если при обсуждении некоторого вопроса каждый индивид будет обсуждать и решать его от имени всех, то они договорятся и решат вопрос единогласно. Это и есть общая воля. Конечно, в этом Руссо противоречил собственным индивидуалистическим взглядам.

Не только Руссо, но и самые ярые материалисты и индивидуалисты ощутили значение социальной группы как общественной клетки. Маркс и его последователи из индивидуалистической теории сделали все логически необходимые выводы: демократический идеал последовательно заменили социалистическим. Но клеткой общества (совершенно непоследовательно) был признан не индивид, а социальная группа, класс. Мало того: наиболее важным конститутивным моментом класса материалисты объявили классовое самосознание и классовое мировоззрение. Правда, при этом они исказили значение социальной группы, взяв за норму группу наиболее искусственную и наименее живую – класс фабричных рабочих. Тем не менее им удалось преодолеть индивидуализм и тем самым привлечь к себе всех, кто ощущал значимость общественных, универсальных, сверхиндивидуальных моментов, хотя ввиду господства индивидуализма не мог достаточно ясно сформулировать собственные чувства. До последнего времени социалисты и марксисты защищали универсализм и боролись с мировоззрением демократического индивидуализма. Это и было одним из наиболее веских исторических оправданий их деятельности и движения.

После войны универсализм был представлен коммунистами и фашистами; однако и ими природа социальной группы была понята не лучше, чем марксисты.

стами. Как коммунисты, так и фашисты отказались от индивида во имя социальной группы как большей единицы, одни в пользу класса, другие – народа. Это относительно безобидная вещь по сравнению с крайним, эгоистическим, отрицающим общество индивидуализмом и даже с индивидуализмом демократических теорий. К несчастью, упомянутые идеологи отбросили все положительные моменты индивидуализма и недооценивают саму индивидуальность человека (практически – элементарную свободу индивида). По их мнению, индивид должен быть слепым и послушным орудием в руках вождей и идеологов, должен быть только экземпляром группы, совершенно похожим на другие точно такие же экземпляры, которых тем не менее продолжают называть индивидами. В этом отношении социалисты и фашисты более последовательные индивидуалисты, чем самые последовательные из демократов: они стремятся к абсолютному равенству индивидов, но культ общества заменяют культом вождя. Так крайности неожиданно сходятся – индивидуалисты признают только индивида, а социалисты и фашисты признают только общество, но индивидуалистически его объясняя. Такой универсализм нездоров, так как слишком абстрактен, он не замечает, что общество нельзя сводить ни к множественности индивидов, ни к их единству – оно есть многоединство.

Конкретная социальная группа состоит из многих индивидов, отличающихся друг от друга; они *должны отличаться* своими особенными чертами, своею личностью. Воля такой группы проявляется в совместной деятельности индивидов, в согласованности их индивидуальных действий; только так социальная группа актуализируется, действительно живет и может быть признана актуальной социальной личностью. Действовать должна вся группа. С появлением необходимости таких действий обязательно найдется и их инициатор. Он первый скажет, что нужно делать и как нужно делать. Тогда все осознают свое желание действовать, как и то, что инициатор правильно, хотя бы и приблизительно, формулирует их стремления. Возможно, некоторые дополнят и поправят его предложение своими советами: несомненно, что каждый поймет это предложение по-своему и также по-своему начнет его исполнять. Возможно, кое-кто с удовольствием отказался бы от этой деятельности, но мнение и настроение других принуждает к ней, заражает общим энтузиазмом. После того как инициатор разбудил смутное желание всех, сформулировал не всем ясную цель, социальная группа начинает *социальную деятельность*, то есть каждый делает свою, не похожую на других работу, своеобразно понимая цель и способы ее осуществления. При этом действия всех оказываются согласованы.

Каждая группа имеет одного или нескольких инициаторов, руководителя или совет руководителей. Если группа существует более длительный срок, то такие руководители становятся постоянно действующим руководящим слоем. Они приобретают авторитет, все остальные им доверяют и следуют, чаще всего не задумываясь, их советам и приказам. Доверяют же не только потому, что считают их более опытными людьми, но и потому, что каждый инстинктивно чувствует, что такие вожди изъясляют и осуществляют волю всех, а не только свою личную. Все соглашается с волей вождя и руководящего слоя, хотя такое согласие

выражается различными способами. Один делает то, что ему приказано, с удовольствием и не сомневаясь, другой исполняет приказ неохотно, но боится в этом признаться, так как понимает его необходимость, третий же исполняет потому, что страшится наказания – укора вождя, осуждения других и т.д. Вот конкретный пример. Гражданин недавно провозглашенного государства участвовал вместе с другими в его создании, голосовал за его законы и даже отличался патриотизмом, агитировал всех по призыву правительства вступать в вооруженные силы и воевать. И вот когда на страну нападает враг и его самого призывают на защиту родины, выясняется, что упомянутый гражданин – трус. Была бы его воля, он убежал бы и спрятался, хотя и признает, что *обязан* исполнить свой долг. Он также стыдится своих друзей, боится военного трибунала – словом, на войну идет плача. И тем не менее, хотя и под принуждением, исполняет не только волю народа и государства, но и свою волю. Правительство принудило его выполнить собственную волю и собственный долг.

Каждая социальная группа имеет вождя или, если она для этого достаточно велика, руководящий слой. Поскольку этот слой – тоже группа, то он в свою очередь имеет одного или нескольких вождей. Слой, руководящий народом, не совпадает с его правительством (во Франции он рассеян в самых разных структурах – и в правительстве, и в парламенте, и в бюрократии, и в партиях, и в некоторых общественных слоях). Обычно он неупорядочен, но когда новое государство создается (или перестраивается во время революций), такой слой сознательно упорядочивается своими собственными вождями. Так было во Франции XVIII–XIX веков, после войны в России, Италии, а сейчас в Германии. Так или иначе, из народа естественно вырастает руководящий слой, а из последнего формируется правительство, которое сотрудничает с этим слоем и опирается на него. Такой слой существует долго. Являясь социальной, пусть и не всегда упорядоченной группой, он по-своему формулирует и осуществляет волю других групп, всего народа, конкретизирует ее и индивидуализирует. Конечно, другие группы эту волю индивидуализировали бы иначе, поэтому не всегда и не везде они охотно подчиняются руководству и правительству. Но тем не менее такому слою доверяют, ибо он давно руководит государством, лучше знаком с делами всей страны и более в них опытен. В процессе управления страной руководящий слой сталкивается с народной волей, уже выраженной в некоторых социальных институтах, политическом строе, в правовых системах, сталкивается с народной или государственной идеологией. Все это ограничивает и упорядочивает само руководство. Естественно, слой создает и материальную силу – войско, послушный правительству аппарат. Он может всех заставить себя слушать, но только до некоторых пределов, так как народ, обычно сопротивляясь пассивно, за подобными пределами начинает сопротивляться уже активно. Самая деспотическая власть должна учитывать настроения и желания общества. Она опирается в первую очередь на авторитет и – уже выясненный нами социально-психологический факт – на природу и структуру самого народа как социальной личности.

Подобное государственное устройство народа вполне естественно и необходимо: не надо только чрезмерно идеализировать его. Всякий руководящий

слой – его вожди, власть не только по-своему формулируют волю народа, но также преследуют и достигают собственные эгоистические цели. Маркс и его ученики выдвинули на первое место именно этот эгоизм и так преувеличили его роль, что стали отрицать не только надклассовые, «надслоевые», народные мотивы деятельности каждого руководящего слоя, но и саму реальность народа. Трудно понять, почему, согласно им пролетариат может иметь общее социальное мировоззрение, а народ нет. Тем не менее марксисты, сами того не ведая, признали-таки и народ, который не перестал существовать оттого, что они назвали его пролетариатом – пролетариатом, перестроившим общество. И без идиллии марксисты также не смогли обойтись: народ, перестроенный пролетариатом, должен и будет жить идиллически. Пока руководящий слой отвечает потребностям руководства, все терпят и смиряются с некоторым его эгоизмом. Каждый понимает, что эгоизм – неизбежное свойство человека. Если необходимо руководство, а значит, и государственная жизнь, необходимо принять и подобные особенности людей, как говорят немцы, *ins kauf nehmen*¹, лишь бы они не разрушали этим устои государства. Но там, где руководство преследует исключительно эгоистические цели и отказывается от собственной родины, там оно уже выродилось. И если народ сколько-нибудь еще здоров, то неизбежно начнется революция. Руководящий слой правит народом, но народ оказывает ему сопротивление, пытается пополнить его новыми людьми и тем воздействовать на него. Когда руководящий слой становится полностью негодным, народ заменяет его другим (в чем и состоит суть революции). Поэтому важно искать такие формы государства, которые снимали бы остроту борьбы народа с руководящим слоем, сделали бы такую борьбу постоянной и тем предупредили бы большие революции, то есть установили бы нормальное состояние. Деспотическое государство сменить руководящий слой и тем продлить свою жизнь может только с помощью революции; изменением политического строя, устранением государя, *le despotisme modéré par l'assassinat*². Демократия же пытается борьбу народа с руководством заменить борьбой партий, чем дезорганизует сам руководящий слой, так как партии представляют не народ, но прежде всего этот слой.

Какими же путями возникает руководящий слой? Самыми разнообразными: то естественно вырастает из общества; то завоеватели долго и жестоко эксплуатируют народ, пока наконец, постоянно «сотрудничая» с поработанным народом, не перенимают его взгляды, обычаи, образ жизни и не становятся подлинно народными вождями. Так болгары-турки стали болгарями-славянами, германцы-завоеватели – французами, офранцузившиеся норманны – англичанами, а норманны скандинавские – русскими и т.д. Иногда, когда старый руководящий слой становится дряхлым и немощным, новые люди, молодежь захватывают революционным путем власть и, поэксплуатировав народ и набравшись некоторого опыта в идеологических штатаниях, наконец успокаиваются и становятся новым народным руководящим слоем. Так было во Франции во время Великой революции, так происходит и сейчас в России, Италии, Германии.

¹ С этим смириться (*нем.*).

² Деспотизм укрощается убийством (*франц.*).

Во Франции революционеры пытались так перестроить государство (подобно всем революционерам), чтобы народ сам правил страной; и в результате они перестроили свое государство рационально-демократическим образом. Но самым важным результатом Великой революции явилась не новая демократическая конституция, которая была наконец создана, а то, что из народа вырос и сам собой упорядочился новый руководящий слой. Так что демократическую конституцию Франции можно назвать в некотором смысле такой же привилегией руководящего слоя, какие когда-то охраняли права бояр.

Если руководящий слой здоров, то государство всегда народно и в истинном смысле слова демократично через этот слой; поскольку он вырос из народа, внимателен и участлив к нуждам его, сотрудничает с ним – посредством этого слоя народ сам правит собой. Так называемая демократия есть не что иное, как одна из исторических форм государства и демократической остается до тех пор, пока не вырождается руководящий слой. Но не будем поддаваться иллюзиям. Совершенного государства, совершенной организации на земле не существует и быть не может. Необходимо выбирать лучшее из несовершенного. Наилучшей организацией государства является та, которая, как уже было сказано, 1) помогает руководящему слою естественно вырасти из народа, 2) помогает руководящему слою постоянно сотрудничать с народом, а народу постоянно пополнять его новыми людьми, которая 3) как раз этим своим постоянным содействием не только препятствует вырождению руководящего слоя, но 4) сообщает ему действенность, силу, организованность и которая 5) согласовывает влияние руководящего слоя, а через него и самого народа, с силой и инициативами реальной власти.

Чтобы народ мог сотрудничать со своим руководящим слоем, мог воздействовать на него и пополнять его, народ сам должен быть организован, причем не механически, как это делается в демократических государствах. Мы уже видели, что всеобщее голосование скорее дезорганизует, нежели упорядочивает народ, а партии пытаются воспользоваться его доверием ради своих корыстных целей. Не может организовать народ и одна-единственная партия (якобинцы, большевики, фашисты), так как такая партия, уничтожив все другие, обязательно становится деспотической и пытается объединить народ, навязывая ему силой собственную идеологию, которую она требует признать за несомненную истину. Однако еще не было на земле безошибочных идеологий. И заставляя народ верить в ложные истины, насильно прививая их молодежи, эта единственная партия отравляет и разрушает себя и народ. Исчезла идеология якобинцев и «святых» Кромвеля, и, безусловно, исчезнет и коммунистическая. Как когда-то якобинцы, так сейчас коммунисты и фашисты хотят преобразовать государство по некоторому рациональному плану и разрушают для этой цели в первую очередь старый народный строй, дезорганизуют народ. Но ведь народ живет сам и растет не по рационалистическому плану. Нельзя его рационально или рационалистически перестроить и упорядочить, можно только помочь ему самому себя устроить. Он – живая социальная личность, а с живой личностью необходимо обращаться осторожно и не доверять рациональным теориям, не только потому, что, возможно, иррациональна сама народная жизнь, но и потому, что разум человека, особенно отдель-

ного индивида, довольно слаб.

Большевики и фашисты (последние, правда, меньше) повторили ошибку французских якобинцев – стали создавать рациональное государство, заменив народную волю волей партии. Однако желая творить и совершенствовать государственное устройство, необходимо в первую очередь помочь народу самому упорядочиться. А вот для этого необходимо понимать, что такое народ, опираться на естественный процесс его самоорганизации, на живые социальные группы, – не на дезорганизованное, время от времени созываемое стадо избирателей, а на практическое самоуправление, на профессиональные и аграрные ассоциации. Например, в Европе, кроме французской бюрократической демократии, существует английское королевство, которое выросло из самоуправления и до сих пор на него опирается. Правда, это королевство тоже называется демократическим, притом что континентальная идеология демократов (французская) не только изменила его, но отчасти и исказила. И однако более здоровое и сильное государство трудно найти. Англичане все еще умеют отказываться от своих эгоистических стремлений ради интересов отечества. После мировой войны английские обладатели толстых кошельков пыхтели, но безропотно платили огромные налоги, в результате чего англичане успешно преодолели последний экономический кризис. Но с другой стороны, трудно где-либо еще найти человека, который так отчаянно, как в Англии, защищал бы и ценил свою свободу и права. Понятно теперь, что здоровое государство основывается на живых социальных группах и личностях, а социальная личность в свою очередь проявляется только волею свободных индивидов и без них существовать не может. Каждая социальная группа представляет народ, хотя и по-своему.

Разумеется, такие группы общаются между собой. Это легко осуществимо, так как каждую группу может замещать ее руководитель как человек, хорошо известный всем ее членам, поскольку он был выбран не в силу случайности, но одобрен всей группой. Съезд таких заместителей групп или округов (органических единиц) способен заменить практически неосуществимое общее собрание всех этих групп. Собравшиеся уполномоченные могут решать общие вопросы от имени своих групп точно так же, как если бы они решались в самих группах, то есть не изменяя их воле. В свою очередь, уполномоченные сами могут назначать своих заместителей в высшие советы. Такое назначение предпочтительнее, чем прямые выборы, поскольку это будет именно замещением, а не представительством, как в демократическом государстве. Иерархически упорядочив таким образом социальные группы, можно упорядочить и сам народ, из которого в свое время естественным путем вырастает руководящий слой. Интересно, что подобными идеями руководствовались и создатели советской конституции. Разумеется, эта конституция не выполняется и превращена диктатурой партии в ничто. Тем не менее стоит присмотреться, как эта конституция, как система Советов и комитетов сочетают сильную власть центра с активным участием народа в политике и обеспечивают общение руководящего слоя с народом. Здесь можно найти много интересного, хотя коммунистическая идеология и диктатура партии не только исказили, но и скомпрометировали здоровую мысль и усилия тех,

кто ее защищает.

Я не стремлюсь предлагать или навязывать какие-то конкретные государственные реформы. Народ-государство растет сам по себе; в этом ему вряд ли в состоянии помочь и теоретики, и политические деятели. А вот повредить могут. Большевикам было нетрудно написать новую конституцию, но они не смогли, уничтожив большинство старых социальных групп, создать новые, способные к творчеству жизни группы. Тогда чего стоит такая конституция? Ведь и Муссолини пытается создать новые группы – трудно сказать, на что он рассчитывает. Ясно пока одно: знание того, что такое народ-государство, не дает еще права самим создавать это государство, но без этого знания нельзя помочь народу творить его и преобразовывать.

Перевод с литовского Г. Мажейкиса и И. Савкина

*Публикуется по изданию:
Новый мир. 1991. № 1. С. 183–193.*

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ФЕДОТОВ

ПУБЛИЦИСТИКА 1930-х гг.

НАША ДЕМОКРАТИЯ¹

1934 г.

Не нужно быть пророком, чтобы видеть, что парламентарная демократия в Европе доживает последние дни. Страна за страной отрываются от демократического берега и бросаются в темные волны диктатуры в поисках совершенно неведомого нового строя. В центре Европы Швейцария и Чехословакия, на севере Скандинавские страны с Голландией остаются пока единственными устойчивыми островками демократии. Теперь и Францию нельзя к ним причислить. Но ясно, что если произойдет обвал Франции, то никому не устоять. Уцелеет, пожалуй, Англия, с ее системой тысячелетней давности – единственная страна, где парламентаризм туземное, а не привозное растение. Может быть, здесь он сумеет приспособиться к новым требованиям жизни, – хотя и в Англии недовольство режимом крепнет, и, даже помимо слегка комических здесь фашистов, растет число приверженцев корпоративной или иной, нового типа, демократии.

Ближайшая, самая поверхностная причина, объясняющая столь легкое и повсеместное крушение демократических режимов, – это их слабость. Демократия нигде не умела защищать себя: она погибает почти без сопротивления. В сущности, эта причина могла бы быть достаточной. Режим гнилой и ненавистный народу может существовать десятилетия, держась на штыках. Зато самый идеальный правопорядок не просуществует и нескольких лет, даже месяцев, будучи беззащитным. Любой бандит имеет больше шансов основать государство, нежели философ. Новейшая история лишней раз подтвердила эту истину. В политике слабость не только несчастье, но и порок. Не умея защитить себя, власть тем более не в силах осуществлять ответственных решений, вести народ к творчеству новой жизни. Слабость демократии сказалась всего сильнее в послевоенную эпоху, которая воспитала целое поколение на крови, приучив видеть в насилии добродетель. В этом элементарном смысле демократия гибнет в Европе жертвой войны. Это готовы признать все ее защитники, которые пытаются этим фактом смягчить горечь ее утраты: демократия-де слишком хороша для нашего жестокого времени. Она воскреснет, когда мир преодолет кровавый кошмар войны.

Однако, не одна война убивает демократию. Для нее оказывается смертельным и социальный вопрос, перед которым поставлен современный мир. Я думаю,

¹ Впервые опубликовано в журнале «Новый град». 1934. № 9.

не будет преувеличением сказать, что мы живем уже в эпоху социальной революции, – величайшей, какие знало когда-либо человечество. Современному государству поставлены гигантские социальные задачи, не разрешив которых, оно гибнет. Огромная ответственность, воля, работоспособность требуются от вождей народа. И в эти дни демократия разоблачает не только свою беззащитность, но и свое безволие в Германии, где Гитлер¹ пришел через демократию, она умерла уже раньше естественной смертью. Демократический режим сделался невозможным из-за отсутствия парламентского большинства. Парламентское большинство, которое казалось чем-то естественно-данным, само собою разумеющимся в XIX веке, теперь достигается все с большим трудом. Вне специфически англосаксонской системы двух партий, большинство почти всегда создается лишь коалицией партий, т.е. ценой компромисса. Но самая обостренность политической борьбы, самая грозность поставленных историей социальных проблем, делает партийное соглашение почти невозможным. Так парламент отказывается служить, когда власть всего нужнее – как насущный хлеб. Не удивительно, что народ ищет и создает ее вне стен парламента.

Исчезновение большинства является результатом партийной системы в обстановке обострившейся политической борьбы. Эта система, не предусмотренная ни в одной из конституций, во Франции прямо враждебная духу якобинской республики, сделалась жизненно необходимой для парламентаризма. Без нее политическая машина просто не может быть пущена в ход – мы увидим далее, почему. Но в итоге партийный чиновник или партийный агитатор стал типом парламентария и поставщиком министров. А ргіогі ясно, что для партийной борьбы требуются иные качества, чем для управления государством. Красноречие, интриги, верность доктрине создают карьеру партийных вождей. Для государства нужны знание, опыт и свобода от предвзятых мнений. Для большинства партий выборы и выборная борьба исчерпывают круг внепарламентской работы. Но в условиях современности, с ее средствами грубой рекламы и массового «действия», выборы разворачиваются в грандиозную эпопею лжи и гипнотического одурения масс. Политическая мысль доводится до крайнего примитивизма. Лозунги сталкиваются с лозунгами, подкрепляемые, в лучшем случае, остроумием, в худшем и обычном – клеветой и игрой на низких страстях: классовой, национальной, религиозной злобы. Демагога часто сравнивали с царедворцом. Но царедворцы бывают плохими министрами. Демагог, изучивший искусство льстить народу и вести его к урнам, не может требовать у него жертв и вести на подвиг.

Было время и столь еще близкое, что наше поколение его помнит – когда политик, и именно парламентский политик, был подлинным вождем народа. Отдавая дань демагогии (как министр самодержавного монарха придворному этикету), он умел сохранить верность идее, и служение ей очищало его от грязи партийной борьбы. За идеи (свободы, социализма) шли в тюрьмы, умирали, жертвовали всем. Такие политики могли водить за собой, а не только маневрировать. Но, с одной стороны, вырождение идей, с другой, коррупция, вносимая в политику фи-

¹ Гитлер Адольф (1889–1945) – руководитель фашистской Национал-социалистической партии (с 1921 г.). В 1933 г. стал рейхсканцлером, в 1934 г. объединил этот пост и пост президента.

нансовым капиталом, убили политический идеализм. Тип политика измельчал. Люди культуры, просто порядочные люди все более уходят из политической жизни, предоставляя ее ловким ораторам и сомнительным дельцам. Политика стала делом презренным, парламентарии предметом глумления. Среди них, конечно, есть немало честных людей. Но в честность их не хотят верить, как не верят в честность министров выродившейся монархии. Народ не узнает себя в своих представителях. Нельзя и вообразить, что он станет защищать их своей грудью, когда его избранные подвергнутся насилию. Но без этой готовности парламентский режим невозможен. Он покоится на доверии и на воле народа и не может держаться на полиции, как монархия – хотя бы в десять раз более упадочная.

Так протекает закат демократии. Народ ушел от нее – даже в тех странах, где она еще существует. Вне ее он ищет своих вождей и избранных. Потому что политика не умерла. Наша эпоха бесконечно далека от политического индифферентизма, и, если чем страдает, то никак не малокровием, а скорее полнокровием политики. К великой социальной проблеме наших дней – один путь: через политическую волю, через концентрацию всех сил народа в ответственном и уверенном в себе водительстве. И вожди находятся, вожди ведут – куда?

Фашистские диктатуры, в такой же мере, как и коммунистическая, суть органы для социальной революции. Но отвлечемся сейчас от их социальной роли и взглянем исключительно в их политическую структуру. Могильщики демократии, утверждающие совершенно новый тип государственного властвования, какую политическую форму они несут с собой?

Прежде всего ясно, что, не взирая на абсолютизм их теорий, фашистская форма государства является – по самой природе своей – временной и переходной. Она покоится на неограниченном личном обаянии вождя, который в дисциплинированной партии концентрирует и направляет революционную энергию масс. Но все эти три момента преходящи. Вожди стареют и умирают, партии перерождаются, народы изживают революционную лихорадку и возвращаются к мирному труду. Кто будет нести государство, кто будет выражать «народную волю» в пореволюционную эпоху? Теоретически здесь возможны три случая. Или фашизм есть мост к цезаризму, к наследственной империи, где вчерашняя партия перерождается в бюрократический аппарат. Тогда впереди слишком знакомая полоса абсолютизма с его возможностями технической цивилизации, но с непременным отмиранием политики и, постепенно, всякого динамического напряжения в духовной культуре. – Новая империя Диоклетиана¹-Константина², как ее провидит Шпенглер. Второй возможный исход – это партия, «отбор» который увековечивает себя в качестве новой аристократии организаторов труда. Он становится новым классом или даже кастой – быть может, наследственной. В перспективе сначала духовная, а потом, может быть, и физическая деградация масс, порабощенных новым «сверхчеловечеством». – Это одна из утопий Уэллса³.

¹ Диоклетиан (243 – между 313 и 316) – римский император в 284–305 гг. Создатель домината – неограниченной монархии. Добровольно отрекся от власти.

² Константин I Великий (ок. 285–337) – римский император (с 306 г.).

³ Уэллс Герберт Джордж (1866–1946) – английский писатель.

И, наконец, остается третья возможность – демократической эволюции фашизма. Эта возможность заложена в создаваемой им корпоративной (или советской) системе. Если она окажется достаточно жизненной, то именно она может пережить и заменить сошедшего со сцены вождя и выродившийся партийный отбор. Но корпорация строится снизу, это форма организации и самоуправления трудящихся масс. Сама из себя она способна создавать и квалифицированный отбор и вождей – необходимые, по Аристотелю, аристократический и монархический моменты всякого, и демократического государства. Тогда фашизм будет лишь переходной ступенью к новой, корпоративной или социальной демократии. И это единственный, по нашему убеждению, исход, который спасает европейское человечество – или, по крайней мере, создает социальные условия для спасения – от гражданской смерти.

Мы исходили из предположения об имманентной эволюции фашизма. Если в этот процесс вмешается революционный фактор, он может воздействовать в пользу демократического исхода. И наконец, у демократии есть еще немалые площади на политической карте Европы и Америки, где она вольна распорядиться своей судьбой: вольна избавить свои народы от горькой чаши тирании и сама выполнить ту задачу, которую – выполнит или нет фашизм, неизвестно, – но которую он провозглашает своим делом. Эта задача двоякая: экономическое преобразование общества и создание новых политических форм социальной демократии. И мы видим, что Америка всерьез и вплотную подошла, по крайней мере, к первой из этих задач. Итак, вопреки очевидности сегодняшнего дня, мы убеждены, что для демократии не все потеряно. Что ей принадлежит будущее. Когда рассеется пыль, окутывающая место стройки, когда уберут леса, новое здание европейского общества – столь же отличное по своему стилю от XIX века, как архитектура Ле Корбюзье¹ от классической *Chambre des députés*² – будет все же новой формой демократического, а не иного государства. Демократия умерла, да здравствует демократия!

Для большинства как друзей, так и врагов демократии в наши дни она неразрывно связана с формулами XIX века. Ее защитники и противники берут ее en bloc³ – так, как она сложилась в буржуазно-парламентарных странах уходящей эпохи. Оттого имя ее стало теперь ненавистным для новых поколений. Партия, которая рискнула бы теперь написать на своем знамени демократию, даже неodemократию, теряет много шансов на популярность. «Новый град» не партия, «Новый град» непопулярен, нам нечего терять, и потому мы защищаем демократию.

Но, защищая, прежде всего необходимо определить ее. Что мы считаем постоянным и существенно ценным содержанием этой идеи в изменчивости ее исторических форм? Историк всегда говорит о демократии в ином, более широком смысле, чем политик. Для последнего она явление конца XIX века, для первого она дана в республиках древней Греции и Рима, в средневековых коммунах, в Великом Новгороде – в таких формах, которые имеют мало общего с современ-

¹ Ле Корбюзье (1887–1965) – французский архитектор и теоретик архитектуры.

² Палата депутатов (*франц.*).

³ Целиком (*франц.*).

ным парламентаризмом. Что же такое демократия?

Я отвлекаюсь от чисто социального понимания ее, как строя, действующего в интересах народных масс, низов народа. В этом смысле фашизм и коммунизм, конечно, демократичны, – как, может быть, демократичны по своим тенденциям древне-московское царство и диктатура цезарей. В политической демократии народ является чем-то большим, чем объектом попечения власти. Демократия сама есть *власть народа*. Источником власти в ней является *народная воля*. Из этих понятий, смысл которых теперь почти утрачен, надо исходить. Попробуем анализировать понятие власти или воли народа, чтобы найти его политическую сердцевину. Мне думается, что оно содержит все равно необходимые идеи. Первая относится к символу, вторая к социальной действительности. Символ в политике не последняя вещь. Для иных форм, например, для монархии, – это все. Монархия живет исключительно силой иррационального символа. Но и демократия живет ею, и когда мистика символа умерла, вырождается и политическая форма. Этот символ, эта мистика в демократии есть имя народа. В демократии все вершится именем народа, как в Англии именем короля (почему Англия и не может быть чистой демократией). Народ мыслится живой личностью, более глубокой и мудрой, чем все составляющие его личности – «сыны народа». Его волю, нередко глубоко скрытую, нужно найти и исполнить. Если эта воля может погрешать, то она же несет в себе и возможность искупления. Эта мистика народа, существовавшая в язычестве и в христианстве, у нас всего ярче выражена была славянофилами, которые не зря связывали ее с идеей соборности. Позитивизм к ней слеп и глух. Он пытается «очистить» демократию от ее мистического привкуса, и этим подрубает самые ее корни.

Этой мистики демократии, однако же, недостаточно. Мы знаем, что славянофилы не были демократами, ибо передавали царю всю силу власти. Необходима политическая реализация «народной воли». Как делить ее? Всеобщим голосованием? Плебисцитом? Но плебисцит, устанавливающий империю Наполеона, кладет конец демократии. Римская империя всегда хранила память о своем происхождении из народной воли. Декреты сената и военные пронунциаменто¹, передававшие неограниченную полноту власти новому цезарю, свидетельствуют о демократическом происхождении принципата². Но принципат не демократия. Верно то, что голосования, независимо от их способа и формы, составляют неотъемлемую черту демократической техники власти. Но суть не в них, а в чем-то, что лежит за ними. Это «что-то» мы могли бы определить, как *самоуправляющийся народ*. В демократии народ не слагает с себя заботы об «общем деле» – *res publica*, – но весь, в полном составе своих граждан, несет государственное служение и государственную ответственность. Конечно, это служение ложится не на всех в оди-

¹ Пронунциаменто (*исп.*) – в Испании, государствах Южной Америки вооруженное восстание, государственный переворот.

² *Lat. principatus*, от «*princeps*» – «первый») – условный термин в исторической литературе для обозначения сложившейся в древнем Риме в период ранней империи (27 до н.э. – 193 н.э.) специфической формы монархии, при которой формально сохранялись некоторые республиканские учреждения, а император именовался принцепсом. Система принципата стала оформляться при Августе, власть которого основывалась на соединении различных магистратур. Август и его преемники, будучи принцепсами сената, одновременно сосредоточивали в своих руках высшую гражданскую и военную власть.

наковой мере: не одинакова и та политическая ответственность, которая падает на каждого. Еще важнее подчеркнуть, что самоуправление народа, проведенное последовательно, принимает формы не только государственного народовластия, но и местного, муниципального и профессионально-хозяйственного самоуправления. И последние, частные формы, быть может, для народных масс являются более существенными, чем высокая политика, участие в которой всегда грозит сделаться номинальным для непосвященных. Во всяком случае, лишь на основе частных самоуправлений может строиться политическая власть народа. Без этой основы демократия ничем не защищена от перерождения в цезаризм. Для демократии существенно, чтобы каждый гражданин в той или иной форме, свободно и активно участвовал в организации и творчестве «народной воли». Номинальное равенство в этом участии (достигаемое счетом голосов) является лишь одной из разновидностей демократического принципа, характеризующей демократию нового времени, но никак не все исторические формы ее.

Среди основоположных ценностей демократии в наше время часто указывают на неотъемлемость личных прав и свобод. В порядке ценностей свобода личности для христианского политика стоит бесспорно на первом месте: она превышает всех политических форм. Но сама она не является политической формой, тем менее связанной непременно с демократией. В нашу эпоху демократия восприняла свободу личности в наследие от буржуазного либерализма, который совсем еще недавно противопоставлял себя демократии (Токвиль). Но тема свободы – от государства – совершенно иная, чем тема власти – в государстве. Поэтому в дальнейшем мы совершенно отвлекаемся от момента свободы и говорим о демократии лишь в смысле самоуправляющегося народа, именем народа, осуществляющего государственную власть.

Современная демократия, дважды рожденная – пуританской революцией в Англии и якобинской во Франции – несет в себе печать неизгладимой двойственности, – хочется сказать, двуличия. Первично-христианское благородство ее глубоко искажено прививкой атеистического материализма XVIII века. В этом отношении она вполне разделяет судьбу свободы. Свобода, рожденная под знаком христианской свободы совести, скрестилась с буржуазной свободой торговли (третья линия родословной ведет к феодальной свободе лица). Экономическая свобода, сделавшаяся невозможной в наше время, психологически скомпрометировала и христианскую свободу совести. Наш долг – христианских свободолюбцев – очистить нашу свободу от сомнительных примесей, размежеваться с буржуазной свободой собственности. Но та же задача стоит перед нами и в отношении демократии. В предыдущем номере «Нового Града» мы пытались установить вечные христианские основы демократии¹: идею народа Божия, соборно ищущего и осуществляющего Его волю. Не останавливаясь сегодня на том идеальном лике демократии, посмотрим, в чем буржуазный рационализм искажил его и как должна его выпрямить чаемая нами новая демократия.

Эти искажения, все вытекающие из атомистического представления об обществе и из борьбы интересов как содержания политики, могут быть сведены к

¹ Статья Г.П. Федотова «Основы христианской демократии».

трем основным заблуждениям.

1. Участие во власти есть право и интерес каждой личности. Человеческие особи-индивидуумы, равные в своих правах и функциях, строят государство путем борьбы и соглашений, для защиты своих интересов. Политический индивидуум-гражданин вырывается из всех органических социальных ячеек и групп, в которых протекает его жизнь, и одиноко противостоит государству в выражении своей политической воли. Воля народа есть сумма или арифметическая функция всех частных волей. Отсюда стремление современной демократии к скрупулезному выравниванию шансов (голосов) отдельных волей – что, действительно, достигается всего совершеннее в системе всеобщего, равного и прямого голосования. Но так как очевидно, что все выражения личных волей, по своей дробности и необозримому множеству, не могут быть сведены к единству, то граждане объединяются в территориальные округа не по общности местных интересов (средневековый принцип), а просто по смежности. Но и ограниченные локально округа все же слишком обширны, чтобы граждане сами могли договориться о кандидатах. Отсюда посредничество партий, которые берут на себя выражение коллективных волей. Без партий современная демократия существовать не может, но партии явно и жестоко искажают выражение индивидуальных волей. Действительно, за исключением немногочисленных членов партийных организаций, остальные граждане лишь в некоторых пунктах разделяют взгляды той партии, за которую они голосуют. Большинство, быть может, раскалывается почти равным отворачиванием к конкурирующим программам и в конце концов голосуют не за свой политический идеал, а за наименьшее зло. В результате та парадоксальная ситуация, которую мы видим в наши дни. Парламент, вышедший из всеобщего голосования, может вовсе не пользоваться доверием страны – быть одинаково противным большинству граждан, которые, обманутые посредничеством партии, не видят в нем собрания своих избранных. Попытки исправления территориальной системы представительства введением пропорционального принципа лишь закрепляют господство партийного режима.

2. Представительство народа, его законодательный корпус, должно быть возможно точным отражением интересов и настроений в стране. Политическая карта парламента есть повторение, в уменьшенном масштабе, политической карты страны. Пропорциональная система является идеалом этого соответствия. Но из этого принципа прямо вытекает невозможность построения общей воли – воли народа. Партийное большинство, как мы знаем, есть явление редкое, скорее исключение, чем правило, при развитой партийной дифференциации. Депутаты, связанные своей программой – часто императивным мандатом партии, – не имеют ни воли, ни даже права на соглашение, которое представляется изменой партии и избирателям. Так национальное единство разбивается в куски в угоду борющимся за власть кликам, из которых ни одна не может обеспечить себе победы.

Власть, т.е. исполнительная власть, есть приказчик народа. Она должна держаться в строгих рамках данных ей инструкций. Организованное недоверие к власти и самый придирчивый контроль ее считается добродетелью демократии. В некоторых странах (французского типа) постоянная смена правительства

является результатом этого контроля. В итоге у правительства нет ни времени, ни свободы действий ни для одной широкой и ответственной реформы. Текущие дела и борьба за самосохранение исчерпывают энергию политиков, стоящих у власти, как борьба за власть – вождей оппозиции. Оттого-то парламентские режимы оказываются неспособными к проведению социальной реформы, ни даже к самозащите от революции.

Всем этим демократическим ересям мы противопоставляем следующие положения, вытекающие из нашего понимания органической демократии.

1. Участие во власти не есть право личности, а долг. Власть не пирог, который делится между сотрапезниками, не акционерная компания для общей прибыли. Власть общее дело, требующее общих жертв. Власть народа строится, исходя из целого, а не из его частей. Народ осуществляет свою волю через посредство своих естественных или создаваемых им органов – групп, из которых слагается социальное тело. Через эти группы личности связаны с государством. Их прямое действие (подобно плебисциту) является исключением. Косвенность выборов (выражение, имеющее смысл лишь с индивидуалистической точки зрения) есть иное выражение того же самого факта, что группы, а не личности являются политическими органами государства. Равенство избирательных голосов не может быть учтено в органической системе, и оно не является даже идеалом, ввиду неравенства сил для служения общему делу. Всеобщность голосования остается постулатом социального воспитания, как школа общей жертвенности, общей работы и общей ответственности. Законные интересы личности обеспечиваются при этом ее правами, а не ее властью. Независимо от доли своего политического влияния, она имеет неприкосновенную для государства и общества сферу свободы, – свое святая святых, – у порога которого, как в средневековом иммунитете, останавливается всякий агент государства.

2. Представительство народа есть отбор лучших – мудрых и справедливых – для отыскания и творчества (а не выражения) народной воли. Народная воля не дана непосредственно. В наличности имеется лишь хаос противоречивых мнений и интересов. Построить политический порядок из этого хаоса есть творческая задача, выходящая далеко за пределы компромисса. Всякая политическая проблема (дипломатическая, хозяйственная, административная) есть прежде всего проблема совершенно подобная научной, художественной или технической задаче. Никакой подсчет мнений или их балансирование не приблизит нас к решению задачи, которая дается только творческим усилием. Момент соборования, т.е. сосредоточения общих волей, направленных к единой цели, может быть могущественным фактором, и в нем сила и правда демократии. Но для него должны быть даны неперемные условия. Прежде всего, искомое решение до самого конца должно оставаться неизвестным. Ни граждане, посылающие депутатов, ни депутаты, собравшиеся вместе, еще не знают – не должны знать (могут лишь догадываться) об идеальном решении, которое они примут. Ибо это решение должно сложиться в итоге общей работы. Способность переубеждаться, готовность к отказу от всех своих привычных идей и предрассудков должна быть первой добродетелью народного избранника. Теперь он боится изменить партии и преда-

ет народ. В органической демократии единственным, связывающим мандатом, будет его совесть и его понимание общего блага. Легко видеть, что этому идеалу современный парламент удовлетворяет в меньшей степени, чем даже совет средневекового или абсолютного монарха – Боярская Дума древней Руси или Витенгемот англосаксонских королей.

Из сказанного следует, что выборы должны быть построены не на оценке программ, а личных качеств кандидатов. Лишь общая направленность его идей может быть учтена при выборах. Но выборы на основе личной годности осуществимы лишь в узких группах, связанных общностью жизни и работы, т.е. всего естественнее в группах профессиональных. Партии могут существовать как лиги для пропаганды известных идей. Во всяком случае избранный не может принадлежать ни к какой партии и обязан выйти из партии в момент избрания.

3. Власть есть водительство народа, а не служба приказчика, выполняющего хозяйские указания. Власть получает от народа лишь общие задания, лишь цели для политического действия. В отыскании нужных средств, зависящих от изменчивой политической обстановки, в энергии и такте применения этих средств заключается политическое искусство властвования. Ибо власть есть искусство, и талантливый вождь подобен художнику. Всякое дело может быть испорчено неловким выбором средств. Бестактность вождей или стоящих за ними групп может вызвать, например, войну, которой не хотят ни они, ни народ. Раз выбранная из многих возможностей линия поведения должна проводиться последовательно, не считаясь с критикой, которая исходит из совершенно иных предпосылок и не обладает нужной компетентностью. Это значит, что власть должна быть сильной, независимой от совета законодателей и отдавать отчет в своих действиях лишь по истечении достаточного срока своих полномочий. Создается ли она избранием законодателей или плебисцитом всего народа, это вопрос второстепенный, хотя, при исключении партий из избирательной борьбы, плебисцит возможен лишь при высокой политической сознательности масс. Современный американский президент или римский консул всего более удовлетворяют идеалу сильной демократической власти. Впрочем и политическое развитие Англии движется в том же направлении.

Таковы общие принципы, которые ложатся в основу «неодемократии». От них до конкретного проекта государства дистанция огромного размера. Она может быть заполнена не теоретическим прожектёрством, а политическим опытом. Но этот опыт в самых разнообразных (в том числе и демократических) режимах согласно указывает на то, что формой новой демократии призвана стать демократия корпоративная или синдикальная. Сама по себе база органической демократии может быть различна: родовая, семейно-племенная на заре истории, цеховая в средние века, территориально-областная в эпоху, когда квартал, деревня, город, область были живыми коллективами. Современный человек из всех социальных связей сохранил и развивает преимущественно связи профессионально-корпоративные. Профессиональная структура является единственным наследником, которому умирающая партийная демократия может передать свое наследство.

Корпоративная демократия еще не родилась, но уже подвергается острой критике. Указывают, что представительство профессий узаконяет борьбу интересов и разлагает государственное единство. В идее, корпорация является представительством не интересов, но призваний, различных форм социального служения. Однако было бы фантастическим идеалом закрывать глаза на возможность между-профессиональной борьбы. В известных границах социальная борьба несет в себе условия движения, прогресса. Гармоническое общество невозможно: да оно являло бы картину застоя. Необходимо лишь, чтобы идея целого господствовала над всеми частными идеями. В государстве корпораций идея целого представлена центральной властью, и сильная, независимая власть, особенно в первый период нового режима, является необходимостью.

Известный противовес опасностям корпоративного строя может быть найден в дуализме представительства. Вторая палата может быть построена на территориальном начале. Территории не до конца утратили свой органический смысл, и их представительство, как органов народного самоуправления, избранных на основе всеобщего и равного избирательного права, может дополнить представительство профессий. Если демократическим странам суждено избежать фашистской революции, то их социальная перестройка естественно должна начаться с присоединения к парламенту новой «экономической», корпоративной палаты. Совместное их существование, с неизбежным расширением функций младшей сестры, на опыте покажет силу и слабость новой системы. В Советской России исходным моментом для развития новой демократии является советский строй, который представляет сочетание профессионального и территориального представительства. В этой области все принадлежит эксперименту. Доктринерство корпоративизма может быть так же опасно, как доктринерство парламентаризма.

При этом никак нельзя забывать, что весь смысл корпоративного государства – в осуществлении трудового социального строя. Повторяем сказанное выше: в наше время политика есть функция экономики. Самое остроумное решение политической проблемы бесполезно, если оно не приведет к радикальному пересозданию общественной, прежде всего экономической, жизни. Сила и значение корпораций в политике всецело зависят от той роли, которую они будут играть в хозяйственной жизни народа.

И, наконец, последнее – и самое важное замечание. Недостаточно и социальной революции, чтобы созданный ею социально-политический строй явился органическим в большей мере, чем строй буржуазный. Органичность не прокламируется декретами, не создается революциями. Напротив, революции по существу своему враждебны органике и скорее разрушают все остатки органического быта. Явный порок коммуно-фашизма – в том, что он подменяет внутреннюю органичность новым механизмом, заменяя страшным механическим давлением государства отсутствие внутренних скреп. Нельзя надеяться, что под длительным действием пресса атомы личностей образуют новые органические ткани. Скорее всего, они засохнут и умрут, ставши элементами нового робота – государства, – если новая *духовная революция* не остановит и не повернет назад этого механизмирующего потока. Дух должен проснуться в человеке. Из единого духовно-

го центра должна строиться вся его жизнь. Все социальные отношения должны вновь сделаться, как некогда, органами религиозного всеединства, чтобы правда об органическом обществе не превратилась в новую ложь. Фашизм смутно предчувствует эту правду, но – сам последнее порождение механического века – несет в себе новые опасности духу, еще не до конца задохнувшемуся в буржуазном тлении. Только христианство может дать крылья рождающейся социальной демократии и спасти ее, а вместе с ней и всю культуру старой Европы от титанически-шпенглеровского заката.

*Публикуется по изданию:
Федотов Г.П. Полное собрание сочинений в шести томах.
Т. III: Тяжба о России (Статьи 1933–1936).
[Paris, 1982]. С. 147–165.*

О ДЕМОКРАТИИ ФОРМАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ¹

1936 г.

...Сегодня поговорим о демократии... Нет слова более многосмысленного в наши дни и которым более злоупотребляли бы в политической борьбе. Под демократией понимают не одну, а, по крайней мере, пять разных вещей, слитных в политическом строе Европы. Можно, вероятно, насчитать и больше элементов в этом политическом сплаве, но с нас достаточно и следующих:

1. Под демократией понимают иногда, и довольно часто, *свободу*, «формальную свободу», хранимую ею, как драгоценное наследие либерализма, ныне без остатка растворившегося в демократии...

2. Под демократией часто понимают самый принцип «*правового государства*» или «*благозакония*» (по-гречески), в противоположность деспотии или тирании. Действительно, демократия в Европе – единственная форма правового государства, удержавшегося в XX веке. Подлинная монархия и аристократия рождения или ценза приказали долго жить. Демократическому государству противостоит сейчас принцип насилия и захвата, как основы государства: власти парламента – власть банд, праву голоса – право дубинки и револьвера, скрашенное идеологией.

3. Под демократией понимают – и это есть ее существенное определение – *власть народа*, или власть масс, или власть большинства, в каких бы юридических формах она ни выражалась. Мы не имеем права отказывать в имени демократии ни древнегреческому полису, ни коммуне средних веков, ни даже разным формам цезаризма. Новый, широкий термин «*демотии*», предложенный евразийцами, может казаться пригодным для всего многообразия демократических форм. Но его двусмысленность и даже опасность в том, что он подчеркивает не

¹ Впервые опубликовано в журнале «Новая Россия». № 7 от 1 июня 1936 г.

власть, а только причастность народа власти, позволяя говорить о демократичности одинаково и московского царства, и современного фашизма.

4. Под демократией понимают, наконец, современные формы организации демократических государств, которые мы должны в свою очередь разделить: на *парламентаризм*, т.е. систему абсолютной зависимости исполнительной власти от народного представительства, что, по существу, является наследием либерального, не демократического государства, и

5. Выборы представительства на основе *всеобщего, равного, прямого и тайного* голосования.

Скажем прямо: мы считаем вечными и неотменяемыми (т.е. вечно должныствующими быть) первые два начала, без которых всякое государство, не только демократия, являются либо деспотизмом, либо тиранией. И мы защищаем третье начало – народовластия – не как вечное, но как самое совершенное в его исторической обусловленности: для нашей эпохи не подлежащее отмене, но лишь развитию и воспитанию. Последние две исторические формы демократии суть переходящие оболочки ее, подлежащие критике и преодолению.

Обратимся к началу народовластия как таковому. Мы все понимаем, конечно, теперь, – через полтора столетия после Руссо – все трудности понятия «народной воли». В эту сторону направлены все стрелы реакционной критики демократии. Однако это столь неуловимое, столь мало «позитивное» понятие народной воли становится вполне конкретным, жизненным и бесспорным в своей ценности в крайних точках своей судьбы. Во-первых, отрицательно, когда демократия нарушается грубо, насильственно; когда власть захватывается тираном или бандой; когда народ управляется властью, лишенной его доверия. В гибели своей демократия всего убедительнее показывает свою ценность и свой смысл: власть, ведущая народ, должна от него исходить и к нему обращаться. Положительным образом ценность народовластия и красота его проявляется иногда в большие исторические дни, когда народная воля обретает свое единство – в одной великой цели: будь ли то оборона страны или борьба за справедливость, за новые общественные формы. В будничные дни раскол народной воли, которая является заданием, искомым, а не данным, мешает видеть глубокую правду этой идеи. Между принципом, на котором покоится государство, и реальной властью народа могут образоваться «ножницы», разрыв. Демократия «формальная» может не совпадать с реальной.

В отличие от «формальной» свободы, я допускаю действительную опасность формализации демократии, т.е. разрыв между правом и социальной действительностью. Формальная демократия может быть издевательством над демократией. Незачем только искать ее прежде всего в парламентаризме. Наиболее яркие и отталкивающие примеры формальной демократии: советская Россия (в ее конституции), гитлеровская Германия, все типы демократического цезаризма (плебисцит). Все или почти все тираны правят именем народа. Но формализация наступает и в демократии правовой, благозаконной. Более того, я убежден, что если бы не болезнь формализации в правовой демократии, то она не могла бы с такой легкостью срываться в свое вполне формальное, фашистское вырождение. Недо-

могание демократии начинается тогда, когда массы перестают ощущать ее как свое государство, свою власть. Холодок по отношению к демократии существует повсюду в демократической Европе, может быть, за исключением Англии: начиная с политического индифферентизма, через презрение к партийному режиму с его вождями, переходя в прямую ненависть к «буржуазной» демократии как основанной на обмане власти врагов народа. Каковы причины этого тяжелого недуга современной демократии?

Настоящий кризис демократии в Европе имел свой пролог. В 1848 году на протяжении нескольких месяцев развернулась историческая драма, которую мы переживаем вторично в послевоенные десятилетия: торжество и гибель демократии. Герцен, Токвиль и Маркс, свидетели-очевидцы, объяснили нам со всею ясностью смысл происходившего. Народ, ставший политическим господином страны, не может не смотреть на свою власть как на средство радикально изменить свою жизнь, т.е., прежде всего, свое экономическое положение. Властитель Франции – в грязной трущобе, в изнурительном труде, с перспективой умереть на улице в дни безработицы – это противоречие не укладывается в сознании рабочего. Оно, действительно, представляет верх нелепости. Искушение оказывается непосильным. Обманутый в своих ожиданиях народ начинает ненавидеть тот строй, который представляется ему вопиющей ложью, и идет за насильниками и шарлатанами, которые обещают ему хлеб. Могло казаться, что это разочарование в демократии было грехом юности, свидетельством незрелости масс. Последние десятилетия XIX века воспитали народ в демократическом благоразумии. Но не надо забывать, что это было время грандиозного экономического расцвета и длительного улучшения быта рабочих классов. После войны, с быстрым разложением капитализма, положение народа резко ухудшается. Он с прежним, и законным, нетерпением предъявляет свой счет демократии.

И тут демократия, в своем аппарате и действии, обнаруживает удивительную медлительность и косность. Оказывается, что вся машина парламентаризма построена в расчете на ограничение власти, на недоверии к власти (королевской) и хорошо работает лишь в нормальное время, когда функции государства сведены к минимуму. Может быть, минимализация государства вообще является идеалом. Общество в сложном расчленении своих органов может взять на себя большинство государственных функций. Но бывают эпохи – войн, революций, – когда государство пробуждается к жизни. Необходимость сильной власти, единой воли, ясного водительства чувствуется всеми. Парламентаризм отказывается служить в эпохи кризисов. Но и самый состав народного представительства оказывается непригодным для подлинного представительства народной воли. Давно прошло то время, когда во дворце народа сидели лучшие его сыны, которыми страна гордилась. Это является результатом вырождения партийной системы, которая не *de jure*, а *de facto* лежит в основе парламентаризма.

Но вырождение народного представительства и опыты построения его на новых, более органических началах – особая и слишком сложная тема. Повидимому, для того, чтобы демократия могла стать политической формой трудового общества, и даже для того, чтобы планировать трудный и опасный пере-

ход к новым социальным формам, она должна радикально перестроиться. Она должна вернуть себе доверие масс, прикоснуться к земле, т.е. к органической, хозяйственно-духовной почве народной жизни, и почерпнуть новые силы в этом прикосновении. Здесь не важны даже отвлеченные преимущества и недостатки избирательных систем. Любая система, вчера полная жизни и содержания, сегодня изнашивается. По разным каналам может направляться таинственный поток народной воли. Для сегодняшнего дня бесспорно: народ не доверяет кандидату партии, который выступает перед ним с демагогическими обещаниями и с плохо прикрытыми лично-карьерными интересами. Во дни борьбы он больше верит своему «делегату», избранному своей мастерской, своим цехом, в котором он видит «своего» по быту и духу, еще не оторвавшегося от станка, еще не деморализованного политической кухней. Отсюда сила «советов» или подобных организаций во все революционные времена. Не игнорировать новую силу, но на ней построить, целиком или отчасти, организацию власти – в этом спасение демократии.

*Публикуется по изданию:
Федотов Г.П. Полное собрание сочинений
в шести томах. Т. IV: Защита России.
Статьи 1936–1940 из «Новой России».
[Paris], 1988. С. 31–36.*

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА¹

1937 г.

1. Введение

Основы государственного устройства будущей России, излагаемые в дальнейшем, даны нам в трагическом опыте нашего времени. За ними – долгие годы русского и общечеловеческого государственного кризиса и размышлений над ним. К сожалению, этого совершенно недостаточно для начертания хотя бы примерной конституции, ибо отсутствуют конкретные данные – пространства, времени, размера государства, состояния народного правосознания, политических, социальных, экономических и международных условий. Конституция явилась бы выводом из двух посылок: первая – принципиальные основы, вторая – конкретные данные; вывод – конституция. При отсутствии второй посылки вывод невозможен. И потому я ограничиваюсь тезированием первой посылки, т.е. принципиальных основ.

Однако, в отличие от дореволюционной русской политической мысли, считавшейся с одними отвлеченными идеалами, наше поколение должно мыслить реалистически и исторически, для того чтобы не впасть в мечтательно-отвлеченные, нежизненные конструкции наподобие идеалов К[онституционно-]д[емократической] партии (сравн. брош. Ф.Ф. Кокошкина. Республика, 1917 г.). Мыслить реалистически – значит исходить от учета русской исторической, национальной, державной и психологической данности в том виде, как она унаследована и поскольку она может быть ныне в общих чертах нами учтена. Посему излагаемые ниже «основы» имеют в виду не только общие принципы права и государства, но основы русского права и русского государства в частности.

Мы должны исходить из того, что все государственные конструкции, идеи и лозунги за последние 20 лет омертвели, выветрились или исказились. Все подлежит пересмотру, новому рассмотрению, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии и т.д. понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от национальной души и национальной проблематики. Считалось, а в Европе часто и ныне считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы, что народоправство есть аксиома для всякого порядочного человека, что избрание всегда выше назначения, что

¹ Доклад, прочитанный в Женеве в начале декабря 1937 г.

монархия всегда хуже республики и т.д. Исходить из этого мы не можем, как не можем исходить из бесспорности обратных положений. Мы обязаны быть эмпириками, эмпириками духовно-правового опыта и эмпириками исторически-политической данности. Мы должны пересмотреть государственные идеалы предреволюционной интеллигенции и отбросить все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов – мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, отвлеченно-сверхнациональный, массово-утилитарный и искательско-демагогический.

Перед нами не идеал мечты или доктрины, а конкретная задача воссоздания России; не формальное, а живое, органически-историческое, русско-наследственное понимание государства. Нам нельзя гоняться за чужими сверхнационально отвлеченными формами жизни. Мы не имеем права строить государство на схеме классового интереса и классовой борьбы. Мы не можем исходить от избирательно-демагогических посулов.

Мы должны выговорить ныне основы русского национально-государственного бытия, не предвосхищая тех путей, на которых они будут проводиться в жизнь. Мы должны высказать то, без чего, по нашему мнению, Россию нельзя построить и России – не быть. Политика будет это по-своему осуществлять, а история будет нас судить за наши воззрения. И мы должны им это предоставить.

Нет и не может быть единой государственной формы, столь совершенной, что она оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически-жиздительное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху – может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа, не знающая Россию, не имеет ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы: ни «демократические», ни «фашистские». Россия не спасется никакими новыми видами западничества. Все политические формы и средства человечества должны быть нам известны и доступны. Но творческая комбинация из них и из других, еще не известных, должна быть избрана и создана самой Россией, должна быть подсказана ее собственной проблематикой, помимо всяких доктрин и предрассудков. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не интерес русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации. Придется или не придется России считаться с таким давлением – это вопрос будущей истории. Но искать и хотеть мы должны своего, русского, независимо от этих эвентуальных давлений, преулавливать которые нам отнюдь не подобает.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

1. С исторически данной Россией, ее целями и интересами.
2. С верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, взращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живой и верной функцией русской истории и этих христианских бесспорных аксиом, воплощая эти аксиомы не в меру утопического максимализма, но в меру исторической вместимости их ныне в живую ткань русской народной жизни.

Я не могу дать здесь систематический обзор будущего русского государственного устройства. Могу наметить лишь некоторые общие идеи для тех, кто возьмется за этот великий труд. По целому ряду вопросов я не вношу никаких предложений (напр., о Сенате, о Государственном совете, о второй палате, о делении и составе министерств) уже в силу одного того, что я говорю не о конституции, а ее основных предпосылках, внося конкретные предложения только ограниченного и примерного характера.

2. Исходный пункт

Первое, что мы должны совершить, – это извлечь идею государства и политики из той предреволюционной пошлости и из той революционной грязи, в которой эти идеи незаметно совлеклись в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

1. Политика не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана, расчетливой интриги и массовой «наводки», честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса. Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник становится разбойником или вымогателем, а авантюрист или разбойник становится чиновником, то государство идет к гибели. Политика имеет совсем иные задания, совсем иной жизненный стержень, а именно: властно внушаемая солидаризация народа, авторитетное воспитание автономного правосознания, созидание национального будущего через эксплуатацию национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Только на этом стержне и только в меру реальной необходимости допустимы и не гибельны все хитрости, все меры прямого насилия и все нравственные компромиссы обывденной политики. Эту меру необходимости народ чувствует чутьем и прощает мудрому политику многое во имя основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать, от них нельзя и зарекаться. Но именно поэтому политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.

Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, но человека с религиозно и нравственно сильным характером. Она требует высокой – волевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле слова аристократическая природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия мыслится не по рождению и не по сословию, а по качеству лица и воспитания. Нельзя считать желательным и допустимым выдвигание политического прохвоста только по тому, что он сумел стать угодным массе.

2. Демократия не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе ни целостности государства, ни прочности правопорядка, ни социальной справедливости, ни национального духовного расцвета. Демократия есть формальный ме-

ханизм вовлечения масс в отправление власти. Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности. Демократия на западе спасается именно своими противодемократическими упорами и коррективами (в душевном укладе, напр., – английский традиционализм и консерватизм в государственной машине, напр., – французский бюрократизм и правление префектов). Всякая демократия есть или средство для отбора и обновления качественного слоя политиков, или же, если она этой задачи не разрешает, она есть начало распыления, беспочвенного карьеризма и беспредметного честолюбия, начало распада и гибели. На самом деле всегда правит не большинство, а меньшинство. Вся задача в том, чтобы это меньшинство выделялось верно и обеспеченно. Демократия же всегда останется стабилизацией государственного распада.

Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией. Мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную. При таком положении дел строить государственную форму на изволении массы – значит готовить правление черни, цезаризм и бесконечные гражданские войны с финансированием их из-за границы. Россия или создаст волевым, государственно-предметный отбор людей или же пойдет по стопам Китая.

3. Россия жила и созидалась доселе своим могучим и здоровым государственным инстинктом. Революция свидетельствует о том, что инстинкт этот ослаб, замутился и поколебался. Революция же и восстанавливает его, пробуждая и укрепляя его своим отрицательным опытом.

Наша задача в том, чтобы преобразить этот восстанавливающийся инстинкт религиозным углублением и воспитанием на его основе крепкого, эффективно-укорененного, волевого правосознания.

При этом мы должны жизненно исходить, во-первых, от столь обострившейся во время революции потребности в порядке. Порядок же есть строгое блюение субъективного правового статуса (своего и чужого), взаимность этого блюения, равновесие личных правовых ячеек, социальный мир и справедливость. Итак, в основе всего: христиански утвержденная и чтимая личность и ее права.

Во-вторых, мы должны исходить от всенародной потребности в сильной власти и в подчинении ей.

В-третьих, от биологической индивидуализации, обострившейся вследствие революции. Эта индивидуализация ограбленной, измученной, протестующей и домогающейся правового и имущественного восстановления особи – должна быть постепенно оформлена чувством собственного достоинства, волевой дисциплиной, потребностью во взаимном уважении и доверии. Все это можно описать как волевою культуру христианского правосознания.

4. Государство тем прочнее, чем более оно приближается по духу к братской корпорации, а по форме – к отеческому учреждению.

Корпорация – означает самоуправление, участие обслуживаемого гражданина в обслуживающей власти.

Учреждение – означает опеку; обслуживаемый гражданин не участвует своим изволением во властном ведении дела.

Участие и соучастие гражданина в строительстве государства драгоценно, жизненно необходимо. Но это участие не должно колебать и разлагать единство, авторитет и силу власти. Государство всегда останется учреждением и никогда не превратится в корпорацию, но оно должно насытить формы учреждения духом корпорации. Гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, но не посредством формального голосования и не под условием его. Общественный договор должен стать живой, всепокрывающей, молчаливой и непоколебимой презумпцией правосознания, а не внешней задачей всенародного сговора при помощи арифметического подсчета голосов.

Задание России и ее нового государственного устройства состоит в том, чтобы найти именно такую форму, при которой дух братской корпорации насытил бы форму отеческого учреждения при обеспеченном и непрерывном отборе качественно лучших к власти. Это учреждение должно быть весомо тем корпоративным духом, который оно само насаждает, оставаясь, однако, учреждением.

Мы не можем мыслить государство по трафарету западных демократий, как общение интереса и равновесие конкурирующих классов. Мы мыслим его как общение братского служения, как единение веры, чести и жертвенности. Такова древняя традиция русской государственности еще от эпохи татарского ига, традиция, внушенная нам православием и закрепленная пространством и суровым климатом. Россия выходила из всех своих исторических бед именно силой этой традиции и сокрушалась внутренне и внешне, как только теряла ее и выходила из нее. Итальянский фашизм, выдвигая идеи «солдато» и «сакрифицио» как основные гражданственные идеи, выговорил по-своему, по-римски, то, чем искони стояла и строилась Русь: идею Мономаха и Сергия Радонежского, идею русского миссионерства и русской колонизации, идею Минина и Пожарского, идею укрепления сословий, идею Петра Великого и Суворова, идею русской армии и белого движения. Государство не есть механизм состязающихся корыстей, но организм братского служения, единение веры, чести и жертвенности. Такова историко-политическая основа России. Россия стала отходить от нее и сокрушилась. Россия вернется к ней опять. Фашизм не дает нам новой идеи, но лишь новые попытки по-своему осуществить эту христианскую, русскую, национальную идею применительно к своим условиям.

Именно этой идеей определяется наше отношение к идее справедливости.

Идею социальной справедливости мы как христиане ценим очень высоко. Но утверждаем, что она требует не равенства, а предметного индивидуализированного неравенства неравных людей. Чем больше в общественной жизни социальной справедливости и чем глубже в душах людей уверенности, что все или по крайней мере все властвующие искренно хотят и ищут ее, – тем совершеннее строй, тем прочнее государство. Но если оказывается, что бытие народа и отечества требует или потребует известной меры несправедливости, то эта несправедливость должна быть принята, понесена и покрыта духом жертвенности.

Таков исходный пункт наших соображений о будущем государственном устройстве России.

3. Правосознание как основа государства

Итак, будущее русское государство представляется нам как форма порядка и жизни, не просто авторитетно предписанная, но принятая живым правосознанием возможно большего числа русских граждан. В этом мы, в противоположность формальной культуре права, свойственной западу, верны завету христианства, связующего все с внутренней жизнью духа и выращивающего все из этой внутренней жизни.

Государственная форма – и устройство, и управление, и законодательство – авторитетна и гетерономна. Но этот авторитет жизненен и силен только тогда и именно тогда, когда он принят гражданами, народом – в порядке внутренне-добровольного признания, уважения, доверия, самовменения. Это начало свободной лояльности, преданности за совесть, добровольного содействия, добросовестного соблюдения законов есть крепчайший цемент государства, источник великой силы государства и власти. На протяжении всей своей истории Россия гибла и распадалась, как только обнаруживался недостаток этого. Она распадалась от «кривизны» и «воровства» и спасалась именно свободной и жертвенной аккумуляцией прямых душ. Так будет и впредь. Посему то, что подрывает эту свободную лояльность, должно устраняться из государственной формы или обезвреживаться в государственной жизни; все то, что усиливает ее, должно утверждаться, укрепляться, культивироваться.

Русский человек отзывает свою свободную аккумуляцию от государственного авторитета и органов власти, если он считает властвующего иноземцем, иноверцем, безответственным, произволяющим самодуром, некомпетентным, своекорыстным, продажным, безвольным или трусом. Возможно, что после революции к этому временно присоединится еще всякая партийность и даже интеллигентность. Революцию русский народ пережил как засилие чужого (инородцев и иноверцев), как прямое торжество безответственности, некомпетентности, произвола, своекорыстия, продажности, предательской трусости и партийности. Свободная лояльность установится тем легче, чем вернее народ почувствует обратное течение и обратную стихию. Это не значит, что инородцы и иноверцы должны быть лишены публичных прав, но это означает, что при назначении и при выборах с этим условием массового доверия придется считаться. Таким гражданам придется ограничиться до поры до времени пределами местно-национального и иноверчески-вероисповедного самоуправления.

Согласно этому будущее устройство России должно удовлетворять следующим требованиям:

1. Диктатором, вождем или монархом не должно быть лицо непопулярное или с недоброй репутацией, или иноземное, или иноверное, или бесчестное, или безвольное.

2. Формы государства не должны сильно напоминать ни дореволюционный строй, ни строй революции; во всяком случае они должны своей исторической национальностью и новизною своею, хотя бы новизною наименования, будить надежды и доверие.

3. Все органы должны быть признаны ответственными. Если это будет монарх, то ответственность должна быть организована в пределах династической корпорации перед лицом династического совета.

4. Ответственность неверховных органов должна быть актуальной, убедительной, всеобще наглядной.

5. Автономия национальных областей в смысле культурном должна быть утверждена принципиально и проведена на деле.

6. Принципу самоуправления должно быть уделено место всюду, где это осуществимо без особого вреда, в особенности же в сфере бытовой, культурной, религиозной и благотворительной.

7. Принцип законности должен проводиться неукоснительно и наглядно.

8. Неправый произвол должен караться демонстративно.

9. Равенство перед законом должно нарушаться только в сторону явной справедливости.

10. Всякое подрывание авторитета или доброй репутации органов власти должно караться в уголовном порядке, быстрым процессом. Всякая нелояльная агитация также.

4. Проблема сильной власти

Есть государственная аксиома, согласно которой власть есть волевая сила. Слабая власть – не власть, а самообман и обман. Власть не импонирующая – не власть. Власть социально бессильная – источник крушения.

Все это тем вернее и тем важнее, чем больше объем и размер государства (территория и население), чем сложнее состав государства (нации, исповедания, социальные классы), чем грандиознее его задачи.

Поэтому организующий в России слабую власть подрывает бытие русского государства и полагает начало распадению страны. Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе.

Однако сильная власть не есть тем самым ни бюрократическая, ни централизованная, ни военная, ни полицейски brutальная. Бесспорно, легче всего создать сильную власть как произвольную, бюрократическую, централизованную, воинскую, полицейски brutальную. Но именно эти соблазны, эти легчайшие пути – могут и должны быть избегнуты.

России нужна власть сильная, но дифференцированная. Сильная, но выдержанно-правовая. Сильная, но не просто и не только бюрократическая. Сильная, но децентрализованная. Воински закрепленная, но лишь в виде последнего аргумента. Полицейски огражденная, но не преувеличивающая компетенцию полиции.

Первая основа этой силы духовно-психическая: властвующему необходим волевой заряд, сознание своей силы, сознание своей правоты и призванности, отсутствие страха перед массой, наличность творческого, национально-идейного замысла.

Вторая основа – политико-дипломатическая независимость власти от меж-

дународного или оккупационного давления, независимость власти от каких бы то ни было временщиков, закулисных группировок, тайных пленений, внутренних линий и т.п.

Третья основа – верность волеуправления. Оно должно ликвидировать уродства и бессмысленности коммунизма, снять все преграды, созданные коммунистической революцией, развязать творческую инициативу народа. Отсюда – всенародное признание, всевозрастающее с течением времени.

Четвертая основа – это искусство импонировать, политический такт, описанный на стр. 20–21 «Спутника христианина националиста».

Пятая основа – это наличие достаточного, верного и предметно действующего принудительного (полицейского, воинского и судебного) аппарата.

Наконец, шестой основой силы является формально-государственное строение власти.

Сильная власть должна быть свободна от внутренних противопоставлений: верховная власть не должна противостоять никаким неверховным органам – ни действительным (вроде «ответственного министерства», «парламента», «федерального совета», «государственного совета»), ни фиктивным (вроде «народного суверенитета»). Всякие такие противопоставления вредны, ибо подрывают силу власти.

Не может и не должно быть вообще двух или трех первоисточников власти. Власть принадлежит главе государства, возглавляющему (лично или через своего представителя) всякую коллегия – законодательную, исполнительную, судебную, воинскую. Главе государства должны принадлежать все права английской короны в их юридически установленном, хотя политически почти не осуществляемом объеме. Но в России эти права должны принадлежать главе государства реально и эффективно.

Согласно этому верховную власть следует мыслить себе в будущей России не как подчиненную народу или законодательной палате, а как самостоятельную правовую творческую реальность, пребывающую во главе государства, возглавляющую весь строй государства.

Законодательная власть осуществляется им и теми органами, которые согласно конституции привлекаются им к этому делу. Так же обстоит и с другими властями – исполнительной и судебной.

Формально это явится «самодержавием», юридически присущим английской короне, независимо от того, будет это самодержавие принадлежать вождю, диктатору, цезарю или наследственному легитимному монарху. Спасти Россию от внутреннего распада и внешнего расхищения сможет только такая власть, а потому она возникнет и создастся независимо от того, хотим мы этого или нет.

Но дух и жизненный строй, которые имеют насытить и наполнить собою эту диктаториальную форму, должны совместить в себе и осуществить все те черты, которые обычно восхваляются, как якобы присущие демократии, и которые в действительности сводятся к творческой самодеятельности лучших народных сил, несущих лояльное и жертвенное служение государству. России нужна не подавляющая диктатура, а пробуждающая, воспитывающая и вовлекающая. Не

просвещенный абсолютизм, а полновластие лица, оформляющего подлинно аристократический всенародный отбор людей: диктаториальная аристо-демократия или всенародно-несомое единовластие.

Это означает, что русское государство не следует представлять себе как «дуалистический» строй. Нужно не две силы: власть палаты или народа и власть правящего главы, а одна сила: власть правящего главы, ведущего народ, страну и все учреждения. Не должно быть никаких установлений, тягающихся о власти, если они возникнут, то это будет началом распада.

Нужно единство: глава, ведущий палату, глава, ведущий правительство, глава, ведущий армию, глава, ведущий суд, глава, ведущий самоуправление (местное и национальное). Нужно дифференцированное единство, а не кое-как склеиваемое и балансирующее множество.

Для жизненного усиления главы государства, как в смысле авторитета, так и в смысле верности воленаправления, необходимо создать при нем особый, вне учреждений стоящий Совет Неприкосновенных или Совет Старейшин в составе 30 человек, который должен существовать и при диктатуре, и при монархии. Он должен пополняться посредством особого сочетания из назначения (от главы) и избрания (от палаты) так, чтобы каждый старейшина был и назначен и избран. Полномочия старейшины пожизненны, сместить его нельзя. Он может или сам сложить свое звание, или подвергнуться единогласному исключению из Совета (в случае особой важности – душевное заболевание или совершение позорящего поступка). Совместительствовать старейшина не может. Каждый старейшина и весь Совет имеют право независимого суждения обо всем происходящем в государстве, право обращения к главе государства с советами, докладами, указаниями, ходатайствами и законопроектами (эти обращения печатаются в журнале Совета). В особенности же Совет имеет право ревизии всех учреждений и публичных дел во всем государстве. Это право осуществляется отдельными старейшинами или целыми комиссиями Совета по особому поручению последнего, о всяком таком поручении доводится до сведения главы государства.

Воплощая ту идею, которая лежала в основе ведомства патриарха Филарета по искоренению неправды на Руси, такой Совет явится в то же время защитником обиженных, живым оком главы государства, источником законодательных идей и починов, всероссийским авторитетом правды и справедливости, школой администрации и, наконец, персональным кадром кандидатов на посты министров и наместников. Помимо этого он явится живой отдушиной для предметно-политического общественного мнения. Тем самым он не ослабит, а усилит власть, обеспечивая и укрепляя доверие народа к ней.

Далее, сильная власть экономит во времени, в пространстве, в энергии, в составе лиц и в структуре учреждений. Власть полномочная и ответственная должна присутствовать на местах. Но система центральных учреждений не должна воспроизводиться на местах (как при федеративном и сов[етском] строе). План учреждений должен быть ясен, прост, обременен дроблением полномочий, полномочие должно восприниматься как обязанность и должно быть неразрывно связанным с ответственностью.

Россия должна быть разделена на ряд наместничеств (приблизительно в размере губернии или небольших «областей»). Наместник представляет главу государства в пределах своего наместничества, но работает с более простой системой учреждений. Он создает при себе Совет наместничества совещательного характера посредством назначения, выборов и кооптации. В начале, после революции, выборы происходят от органически уцелевших сколько-нибудь здоровых единиц или таких, которые могут быть объединены без труда ад хок [ad hoc], разумеется, с отпадением всех имевших когда-нибудь членский билет компартии. Уцелевшими единицами будут: приходы, школьные и университетские советы, рабочие союзы, остатки кооперативов; быстро объединятся – советы домовладельцев в городах, советы врачей, судебные коллегии, представители размежевывающихся колхозов, союзы лиц с высшим образованием. Выборные съезжаются по местам, образуют коллегию, выбирают нескольких лиц в совет наместника (трех); наместник может пополнить этот список назначением или, совместно с избранными кооптацией, он может привлечь и других со стороны. Слагается совет наместничества, между членами его разделяются функции управления. Совет действует как единство, ведомое наместником; орган един, ответственность едина. Аналогично создаются и низшие (окружные, т.е. уездные) органы управления.

Об органах самоуправления (городских и земских) будет сказано ниже, в главе об отборе правящего меньшинства. Таким образом, может и должна быть обеспечена в общих чертах сила государственной власти в будущей России. Эта сила будет столь же внешней, сколько и внутренней, имея гарантии и в государственной форме, и в народной психологии, и в волеуправлении власти.

5. О способах выделения правящего меньшинства

Судьба русского государства зависит от того, удастся русскому народу или не удастся найти способ выделения к власти лучшего меньшинства.

Вопреки всем демократическим предрассудкам всегда и всюду правит меньшинство. И если демократический строй может сулить какие-нибудь преимущества, то только два: выделение правительства в процессе народной самостоятельности и привлечение к правящему меньшинству сочувствия и поддержки со стороны выделившего его большинства. Этому противостоят существенные недостатки демократического режима, а именно: отвлечение масс от творческого строительства и вовлечение их в самодовлеющее политиканство, связанная с этим растрата сил, общее голосование за пределами силы суждения, подмена публичных проблем частно-правовыми вопросами и интересами, переоценка голосования как средства решения политических вопросов, подмена народа совокупностью данных избирателей и т.д.

Это означает, что надо найти новые способы выделения к власти лучшего меньшинства, в которых народная самостоятельность была бы использована в ее благороднейших возможностях и при которых свободная лояльность и волевая аккумуляция на выделенное меньшинство слагалась бы легко, свободно и прочно.

Для этого необходимо прежде всего переместить в народном сознании центр

тяжести с политики на жизнь духа, на строительство жизни, хозяйства, культуры, в качество жизни, труда и продукта. Римляне знали поговорку: «эдимус ут вивамус, нон вивимус ут эдамус» – еда служит жизни, а не жизнь служит еде. Люди живут, трудятся и зарабатывают хлеб совсем не для того, чтобы заниматься политикой и тешить свое честолюбие. Политика, по самому существу своему, требует от человека повышенной квалификации, совершенно вредно и бессмысленно вовлекать в нее всех. Она требует знаний, воли, организационных способностей, такта, опыта. Так обстоит везде и всегда и даже в тех государствах, которые строятся по принципу личного и классового интереса, исходя из двух несостоятельных предположений: 1. Будто государственный интерес есть сумма или равнодействующая всех личных или классовых интересов и 2. Будто каждый человек лучше всего знает и понимает свой интерес вообще и политически-государственный интерес в особенности.

В политике нужны люди, доказавшие свою способность мыслить от целого, организовывать и править. Чтобы находить и воспитывать таких людей, политика должна быть уведена с улицы, от газетной, кулуарной, рыночной и митинговой черни. Политика должна быть облагорожена, ее уровень должен быть поднят. Здесь придется выдержать серьезную и острую борьбу и с домогательствами европейских демократов, и с претензиями своей послереволюционной черни, руководимой партийными демагогами, и с попытками русского черносотенства влить в новый, недемократический строй свое лично-карьерное, тупое, злое, классовое содержание и скомпрометировать этим весь новый поиск государственности. В этой борьбе государственно-мыслящие и спасающие силы России должны победить, иначе Россию не спасти.

В политике нужны люди, доказавшие свою способность организовывать и править, мысля от целого. Это умение должно добываться и проявляться за пределами политики и государственного дела, в предварительных жизненных упражнениях, протекающих в иных сферах. Эти предварительные упражнения должны быть перенесены в сферу негосударственной культуры: в кооперацию, в образовательные клубы, в спорт, в торговые компании, в мелкую земскую единицу, и особенно в церковную жизнь и в профессиональные союзы. Туда же должна быть отведена и борьба честолюбий, с которыми церковь, может быть, будет бороться особенно успешно. Вокруг государственного дела должна быть создана особая атмосфера, которую можно было бы описать так: никаких преград, кроме требования качества, всем открыто, всем доступно, кто способен, но самое дело столь трудно и реальная ответственность, связанная с ним, так велика, что за это бремя небезопасно браться и его надо скорее страшиться, чем добиваться. Итак: строгость качественного отбора и повышение реальной ответственности – вот два оздоровляющих требования для политики. С политикой должна быть связана идея стажа. Размеры этого стажа будут немедленно после революции, вероятно, довольно элементарны, однако с течением времени они должны быть крепко повышены и удержаны на высоком уровне. С политикой должна быть связана идея ранга. Большевицкая революция сделала все, чтобы скомпрометировать отбор худших, реально осуществляя его в течение 20 лет. Она сде-

лала все, чтобы вызвать в массе чувство верного ранга, чтобы заставить массу хотеть его, чуют его и искать надлежащих людей. Правление авантюриста, честолюбца, жадника, взяточника, доносчика, хама, садиста и рецидивиста – изведаны русским народом жизненно и до конца. Россия захочет верного ранга. Верный же ранг определяется не сословием, не богатством и даже не образованием, но способностью души – верно и жертвенно служить, вести волею, чуют жизненную справедливость, творчески организовывать. России нужны на всех поприщах предметные политики. И надо надеяться, что пробуждение и укрепление христианского чувства поможет этому сортированию и выделению людей по предметности их сердца и воли. Брение, возложенное русскому народу на глаза, исторически беспримерно; он промоет свои глаза и прозрит.

Государственная форма должна помочь ему осуществить свое видение и выделить лучших. Обычная, формальная избирательная процедура этому требованию не удовлетворит и проблему не разрешит, ибо она отыскивает по принципу личной заинтересованности людей, выгодных и угодных массе, а не людей, ценных и необходимых государству и народу в целом. Она представляет гражданину голосовать из его собственного, в нем самом заключенного жадника и подлеца. К этому жаднику и подлецу обращаются демагоги с подходящими аргументами, карьерист апеллирует к деморализованному избирателю и конец венчает дело самым малодостойным образом.

Я думаю, что в России придется обратиться к новой системе выборов, в которой самый способ избрания будет обращаться к благородно-гражданственным сторонам участвующих в избрании людей.

Ввиду этого активное избирательное право не может быть всеобщим. Оно должно быть связано с известным стажем и рангом, критерии коего должны быть с одной стороны отрицательными (непорочность уголовная, политическая, по суду чести), с другой стороны, положительными – возрастная стаж (не моложе 30 лет), образовательный минимум, известный срок общественного (неполитического) стажа, наличность известной хозяйственной или общественной премириванности, орденовое отличие или же простая корпоративная рекомендация, проведенная с повышенным кворумом (предоставление всем зарегистрированным корпорациям права выдвигать лучших людей в государственные избиратели, без права отвода сверху).

Имущественный ценз не должен иметь решающего значения по соображениям предметности и социальной справедливости. Вопрос мужского и женского пола тоже должен быть снят. Вопрос вероисповедный и национальный должны быть учтены на местах в смысле процентной квоты, дабы ни одно вероисповедание и ни одна национальность не имели оснований жаловаться на засилие других. В этих пределах активное избирательное право должно быть равным (один человек – один голос) по соображениям предметности и социальной справедливости.

Выборы должны быть двустепенными, во-первых, для того, чтобы сосредоточить и усилить предметный отбор в избирательной коллегии первой ступени, которая должна иметь возможность изыскивать людей с повышенной и реальной

квалификацией, во-вторых, для того, чтобы сократить демагогию, в-третьих, для того, чтобы придать особый вес заключительной процедуре, о коей ниже.

Голосование есть не только право, но и обязанность. Можно не принять права голоса, но, имея его, голосовать необходимо, под страхом санкции. Абсентеизм не предоставлен произволу избирателей.

Выборы в обеих инстанциях должны быть не тайными, а открытыми, за подписью. Всякое давление на избирателей, сверху или снизу, в порядке подкупа или угрозы – уголовно наказуемо. Избирательный бюллетень должен быть непременно письменным и обоснованным, с указанием на достоинства избираемого лица. Бюллетени протоколируются, переплетаются и подлежат по окончании выборов напечатанию во всеобщее сведение. Голосующий необоснованно, продажно, криво или лукаво должен быть уверен с самого начала, что его поступок будет вынесен на суд общей гласности.

При выборах в избирательных коллегиях пассивное право должно быть связано с повышенным стажем (во всех отношениях).

Заключительная избирательная стадия должна протекать так. В каждом наместничестве наместник назначает полный состав членов государственной палаты по своему усмотрению, как из лиц, входящих в избирательную коллегия, так и из других. Из этих лиц избирательная коллегия избирает от себя половину, утверждая и скрепляя назначение избранием. Избирательная же коллегия выбирает, помимо того, из себя тоже полный состав членов палаты, не непременно из среды самих избирателей. Наместник обязан половину из них утвердить, отводя другую половину и подтверждая акты избрания своим утверждением.

Отсюда возникает соревнование между правительством и избирательной коллегией: обе стороны соревнуют в создании наилучшего опорочиваемого другой инстанцией списка кандидатов. Это побуждает избирателей и наместника выбирать предметно, людей дела и служения, все уйдет в поиски объективно достойных, объективно убедительных кандидатов. Каждый кандидат проходит две инстанции, каждый получает две санкции. И таким образом разрыв государства на две стороны – власть и народ – разрыв, углубляемый теорией и практикой народоправства, залечивается, срачивается, исчезает. Избирание перестает быть чисто арифметической игрой, прикрывающей лукавую, непредметную борьбу людей, тайна голосования отпадает и не укрывает ни интереса, ни обмана, ни продажности. Государственная форма ищет единства и солидарности: она побуждает и власть, и народ создавать единое общее дело и жить в атмосфере предметной политики, а не беспредметного политиканства.

Все это должно сопровождаться культивированием во всей стране, во всех отраслях жизни предметно-качественного ранга, выделяющего и венчающего достойных. Народу должно систематически внушать, что во всем есть лучше и хуже, объективно лучше и объективно хуже и что объективно лучшее премируется во всех отношениях – доходностью, отличием, уважаемостью и расширением публичных полномочий. Особенное значение надо придать обновлению идеи политической партии и соответствующему регулированию партийной жизни.

Партия не может и не должна быть сговором частных лиц на предмет захвата

государственной машины и эксплуатации ее в свою пользу.

1) Партии допускаются и регистрируются. Но не все партии. Регистрации подлежат только те, которые представляют программу, исходящую из идеи целого и направленного ко благу целого. Ни одна классовая или профессиональная партия не подлежит регистрации: ни крестьянская, ни рабочая, ни торгово-промышленная. Должен быть представлен план общенародной политики и общенародного хозяйства, план, компетентно продуманный и серьезно обоснованный, рассчитывающий на сочувствие всех граждан, ибо партия от партии отличается пониманием общенародного блага, а не предпочтением одного социального класса другому.

2) Никакая партия как таковая не может и не должна рассчитывать на захват власти по большинству голосов. Напротив, партийная принадлежность должна скорее затруднять политическую карьеру, чем облегчать ее, ибо назначению на ответственный пост должен предшествовать обязательный выход из партии – не в смысле изменения воззрений, а в смысле полного освобождения от партийной дисциплины и партийного образа действий. Выдвигать лучших людей в качестве публичной рекомендации правительству могут все зарегистрированные корпорации, а не только партии. Народное представительство мыслится нам как творчески-инициативное и совещательное установление. И, наконец, самая система выборов такова, что партийные люди всегда будут рисковать отводом сверху или снизу. И потому мажоризирование избирательных коллегий или палаты утрачивает свой интерес: оно не ведет к власти, и это должно быть отчетливо оговорено в конституции. Вверх должно вести качество лица и его дел, предметность его воли, сила его духа, верность его совести, и не партиям дано распознавать эти свойства людей.

России нужен не партийный политик, а предметный. И только он сумеет собрать вокруг себя социальную силу, на которую он мог бы опереться.

По-видимому, эта новая социальная опора русской государственности будет постепенно отбираться из следующих кругов:

1) духовенство и верующие члены общин, прошедшие борьбу за веру и религию при большевиках;

2) союзы раненых и комбатантов;

3) домовладельцы, получившие свои дома или отстоявшие их;

4) торговцы, немедленно получившие право торговать;

5) учителя и профессора некоммунистического толка;

6) орденски организуемая интеллигенция;

7) рабочие, перестрадавшие последствия классовой политики;

8) оседающие на местах крестьянство и казачество и

9) медленно слагающаяся буржуазия.

Публикуется по изданию:

Ильин И.А. Основы государственного устройства.

Проект Основного закона России.

М., 1996. С. 42–59.

ФЕДОР АВГУСТОВИЧ СТЕПУН

О СВОБОДЕ¹

1938 г.

III. Старая вина и новая задача демократии

...Громадная вина старой демократии заключается в факте предательства свободы с большой буквы на путях защиты политических свобод. Причину этого предательства надо прежде всего искать в том неустанно увеличивавшемся за последние столетия разрыве связи между свободой и истиной, который бесспорно составляет как основную тему победоносного наступления демократии в Европе, так и главную причину быстрой сдачи либерал-демократических позиций большевизму и фашизму. Рассмотрим в самых общих чертах этот весьма сложный процесс.

Идейное, как и природное царство исполнено райских воспоминаний. Какую бы идею мы ни взяли, нам будет нетрудно установить, что на заре своих дней она мирно сосуществовала с идеями, впоследствии глубоко враждебными ей. Формула Великой французской революции: свобода, равенство и братство представляет собою типичный пример райской примиренности враждебных друг другу идей. Трудность ее реализации в грешном историческом мире была, впрочем, сразу доказана самой же революцией, которая на путях осуществления свободы, верховной идеи либерального XVIII века, начисто отменила христиански-средневековую идею братства. Дальнейшее развитие истории привело, как всем нам хорошо известно, к столь же радикальной отмене свободы во имя равенства².

¹ О свободе (Демократия, диктатура и «Новый град»). Впервые опубликовано в парижском журнале «Новый град». 1938. № 13.

² В статье «Чаемая Россия», опубликованной в 1936 г., Ф.А. Степун следующим образом охарактеризовал основные тенденции политического развития западноевропейской цивилизации, приведшие ее в начале XX в. к конфликту свободы и равенства: «Европа последних ста пятидесяти лет политически определялась борьбой трех принципов. Силовое отношение этих принципов было в разных странах и в разные эпохи весьма различно. Самый старый принцип новой Европы, ослабленный, но не отмененный французской революцией, – средневековый принцип авторитарного иерархизма. Второй принцип, выдвинутый просвещением и либерализмом, – принцип равновесия всех духовных и социальных сил, вера в то, что истина есть не что иное, как функция свободной борьбы мнений, а общество – лейбницевская предустановленная гармония между личными интересами всех его членов. Этою верою в то, что истина есть всего только сбалансированная система интересов, мнений и воли, и объясняются все принципы и институты политического либерализма: разделение властей на законодательную и исполнительную, разделение палат на верхнюю и нижнюю, раздробление политической воли народа на голосующие партии, а экономической жизни на хозяйственные группы. Одновременно с этим вторым принципом через ту же триумфальную арку Великой французской революции вошел в европейскую жизнь и третий принцип – принцип равенства. Вопрос внутреннего взаимоотношения принципов равенства и равновесия – один из самых существенных и сложных

О братстве русское освободительное движение никогда не пеклось. Тема братства, скорее сектантская, чем революционная, была ему не только чужда, но и враждебна. От трехчленной формулы французской революции в сознании русского освободительного движения осталось лишь двуединство: свобода, равенство. Зато двуединство это единодушно защищала вся оппозиционная Россия, как либеральная, так и социалистическая. За единственным исключением ленинских большевиков, вся русская интеллигенция исповедовала *либерал-демократию*. С этой точки зрения, самым злым делом Октябрьской революции является отрыв свободы от равенства, либерализма от демократии. Вина Ленина и всей большевистской партии перед Россией и миром огромна, но корни этой вины лежат гораздо глубже, чем это обыкновенно думают. При объективном взгляде на историю нельзя не видеть, что большевистски-коммунистический отрыв свободы от равенства был в сущности предопределен добольшевистским отрывом свободы от братства, или, в другой терминологии, отрывом свободы от религиозной истины. Как мною уже было показано, подлинная свобода возможна только как свобода, находящаяся на послушании у истины, как свобода вечно нового в каждой личности, творческого раскрытия истины.

О таком христиански-гуманитарном понимании свободы в позднем, раскрепощенном либерализме не может быть и речи. Секуляризированный либерализм XIX века понимает истину не как исконную духовную реальность, к которой поразному и с разных сторон устремлены отдельные мнения, а как производную борьбу этих мнений. Не истина, таким образом, рождает мнения, говоря с каждым человеком на его собственном языке и являясь каждому в ином образе, а наоборот – мнения рождают истину, которая есть не что иное, как их гармонизация, как их гармонический аккорд. Такое изменение в понимании истины меняет, в свою очередь, и понимание свободы. О свободе как о долге послушания истине речи уже быть не может. Из долга послушания истине она перерождается в право провозглашения ее. Только этим коренным сдвигом отношений между истиной и свободой объясняется весь мир политических институтов и законодательных постановлений либерализма, прежде всего идеальный парламент, где под давлением общественного мнения сырье индивидуальных убеждений дискуссионно перерабатывается в общеобязательную, точно выбалансированную политиче-

вопросов политической жизни 19-го века. К нему сводятся все труднейшие вопросы как внутренней свободы человека, так и всех проистекающих из нее политических свобод. Односторонне связывать, как это становится все более модным, либерализм со свободой, а демократию со свободоненавистническим уравнительством – значит насильственно стилизовать политическую историю последних десятилетий. Но не видеть, что конец девятнадцатого века все сильнее определялся трагической борьбой якобински-русоистской уравнилительной демократии со свободой и либерализмом – тоже нельзя. Борьба многих либеральных и особенно консервативно-либеральных кругов против всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права была не только борьбой имущих классов за свои хозяйственно-политические привилегии, но и борьбой за свободы в смысле качественного принципа, против свободы, в смысле принципа чисто количественного. Душа либерализма, не в смысле абстрактного принципа великой формулы «свобода, равенство и братство», а в смысле конкретного исторического явления – одна из наиболее раздвоенных душ новейшей истории. Защитой индивидуальной, то есть качественно конкретной свободы каждого человека либерализм связан с принципом иерархизма, которого он, однако, не в силах оправдать никаким высшим авторитетом. Распространением же политического принципа равенства на все области культуры и жизни он связан с бескачественно уравнилительной, массовой демократией, за плечами которой неизбежно возникновение кровавых призраков деспотии и нового неравенства» (Степун Ф.А. Чаемая Россия // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 516–517).

скую истину.

Вера в этот почти механический процесс производства истины связана, как то само собою разумеется, с последними миросозерцательными основами позднего позитивистического либерализма, уже не имеющего ничего общего не только с христианским гуманизмом, но даже и с учением о естественном праве как о сверхисторическом масштабе разумности и справедливости исторической жизни. Основную идею этого либерализма, одновременно и скептического по отношению к возможности познания истины, и оптимистического в смысле надежды практического примирения мнений, очень хорошо вскрыл Зиммель. По его мнению, истина только потому и не относительна, что она не метафизическая субстанция, а живая система отношений, совершенно так же повисающая в воздухе (это повисание и есть устойчивость), как весь звездно-планетный мир. Эта теория реляционизма, т.е. теория, считающая, что всякая истина есть уравновешенность, равновесие фактов и мнений, охватывает, как на то было уже много раз указано в соответствующей литературе, решительно все области общественной, политической и культурной жизни. Начиная с конца XVI века, как то, кажется, впервые подчеркнул В. Вильсон в своих речах о свободе, Европа мыслит почти исключительно в категории равновесия. Космография учит о равновесии притяжения и отталкивания, психология (Мальбранш¹, Шефтсбери²) – о равновесии страстей, политика – о европейском равновесии, политическая экономия – о торговом балансе. Парламентская система, противопологающая, согласно «Духу законов» Монтескье, законодательную власть парламента исполнительной власти правительства, не удовлетворяется уравновешиванием этих сил и потому вносит в законодательную власть начало плюрализма и дискуссии. Таков смысл противопоставления верхней палаты нижней, местных или областных парламентов центральному, государственному. В основе этого пафоса борьбы лежит оптимистическая вера в силу самодовлеющего, посюстороннего разума; вера в то, что можно договориться до истины, что дискуссия – это реальная сила, которой можно если не вполне заменить, то по крайней мере максимально ограничить применение грубой силы.

К концу XIX века эта просвещенчески-либеральная вера уже сильно подорвана. В произведениях Ницше, Маркса, Сореля³ и Парето⁴ можно без труда найти все те слова, мысли и чувства, из которых вырос как коммунистический, так и антикоммунистический антилиберализм наших дней. Воля к власти и власть экономики, бессилие разума и сила инстинкта, творческая роль меньшинств, история как борьба элит, бессознательность, биологизм, раса, миф – все эти современные слова были произнесены задолго до того, как с легкой руки Ленина началась в XX веке грозная ликвидация оптимистической веры либерализма. Марксизм лег не случайно в ее основу. Иной основы нельзя было найти потому, что разумность,

¹ Мальбранш Никола (1638–1715) – французский философ.

² Шефтсбери Антони Эшли Купер (1801–1885) – английский политический деятель, член парламента, проявлял интерес к проблемам улучшения социальных условий трудящихся.

³ Сорель Жорж (1847–1922) – французский философ.

⁴ Парето Вильфредо (1848–1923) – итальянский экономист, социолог, представитель политической математической школы в политэкономии.

честность и целесообразность парламентской дискуссии были прежде всего подорваны безмерно возросшей властью капитала и продажностью политической власти. Процесс разложения парламентаризма как системы коллективного взращения истины был изображен несметное количество раз. Особенно убедительно и остроумно, хотя и несколько привередливо по форме и чужаковато по терминологии, – в социологии Парето.

Я не могу вдаваться в изложение замечательного труда этого ученого, как и вообще не могу в этой статье вдаваться в науку, но, быть может, этого и не надо: в конце концов, у каждого из нас найдутся все необходимые, личным опытом добытые данные для того, чтобы своею головой прийти к тем же выводам, к которым приводит нас знаменитый социолог.

За единственным, может быть, хотя тоже, конечно, лишь частичным исключением нашей Государственной думы, ни один парламент Европы не работал в последние десятилетия в сознании того, что общая парламентская дискуссия есть метод порождения истины. Эпоха «монопольного капитализма» оказалась, как то с замечательной точностью было предсказано Марксом, эпохой радикального кризиса либеральных идей и подготовкою перехода государственной власти от парламентарных форм к диктаториальным. После войны повсеместно начинается расплата либерал-капитализма за свои грехи: за фиктивность своей веры в духовно-творческую силу дискуссии, за свое материалистическое ожирение, за одномысленно «экономические базисы» почти всех парламентских политических партий, за беспринципные комиссионные сговоры и компромиссы при закрытых дверях, за фейерверк при закрытых дверях, за фейерверк и бенгальские огни по существу безработных общих сессий, одним словом, за полный отказ от всякой серьезной попытки реальной выработки общенародной воли, той знаменитой «*volonté générale*»¹ Руссо, подданным которой должен чувствовать себя каждый гражданин и прежде всего каждый депутат, которому конституция 3 сентября 1791 г. запрещает представлять местные интересы своих выборщиков.

Я отнюдь не собираюсь защищать тезис, что гениальное, но во многих отношениях путаное учение Руссо представляет собою подлинную сущность демократии. Мне лично вообще кажется, что сущность демократии надо искать не в учении, а в процессе захвата государственной власти народными массами. Этот заканчивающийся процесс нового времени, которого так боялся аристократ Токвиль, которым надеялся овладеть Гизо и который приветствовал Мишле², вливший в «добрую душу» народа, пользовался в своих целях самыми различными учениями. Власть консервативно-феодалных слоев демократия распатала при помощи либеральных учений. Вооруженная социалистическими теориями, она пошла на штурм либеральных позиций. Когда же социалисты, войдя в парламент, оковали себя цепями обездушенного либерал-парламентаризма (классический пример – немецкая социал-демократия) с его подменой идеи общенародной воли прежде всего, конечно, корыстными интересами пролетарского большинства, она, естественно, вспоминала подготовленное как романтически-

¹ Общая воля (*франц.*).

² Мишле Жюль (1798–1874) – французский историк.

консервативным, так и радикально-социалистическим сознанием учение о том, что вопрос о разделении власти между меньшинством и большинством является совершенно второстепенным при реализации общенародной воли как единственной основы реального народовластия. У того же Руссо, бесспорно, являющегося общим отцом как коммунистического, так и фашистского демократизма, мы находим весьма определенный подсказ как той мысли, что общенародная воля есть воля большинства, так и обратной, что она может быть и волей меньшинства. С одной стороны, Руссо учит, что всякое забаллотированное меньшинство должно задним числом добровольно присоединиться к большинству, а с другой – что инициативное меньшинство имеет полное право в определенных условиях проводить ясную ему общенародную волю вопреки воле большинства. Несмотря на кажущуюся противоречивость обоих положений, их защита представляется мне в системе Руссо правильной и убедительной. Защищая власть большинства, Руссо исходит из положения, что на всеобщее голосование в демократическом государстве каждому гражданину ставится отнюдь не вопрос, чего он сам себе и обществу желает, а совершенно иной: каково, по его мнению, содержание общенародной воли. При такой постановке вопроса отклоняющееся от мнения большинства меньшинственное мнение должно, очевидно, рассматриваться как явно ошибочный ответ на поставленный вопрос. Всякая ошибка подлежит осознанию и исправлению. Отсюда вывод Руссо о необходимости для меньшинства добровольного присоединения к большинству. Никакого отказа от своей свободы, никакой измены себе в этом нет, ибо свобода возможна для всякой отдельной личности только через подчинение себя общенародной воле. С этой точки зрения, большевистские покаяния могли бы быть – говорю это совершенно принципиально, как бы в идеологической пустоте – не только проявлениями трусости и самопредательства, но и единственно правильным, с демократической (в смысле Руссо) точки зрения, поведением. Увидев истину, искреннему человеку нельзя к ней не устремиться и с нею не слиться.

Эта апология большинства права, однако, согласно Руссо и всем защитникам непосредственной демократии в фашистском лагере, только при условии наличия «внешней и внутренней свободы всех выборщиков». В случае их несвободы, т.е. в случае экономической зависимости большинства от меньшинства, недостаточной политической зрелости большинства или его общекультурной неразвитости, все сразу меняется. Мнение большинства сразу же обращается в очевидную ошибку психологически закабаленных людей; меньшинственное же мнение превращается в зерно общенародной воли, которому, бесспорно, суждены пышные всходы в головах и сердцах граждан тотчас же после их внутреннего освобождения. В этих демократических размышлениях ясно слышатся знакомые ноты в защиту педагогических диктатур. Инициативное пролетарски-марксистское меньшинство, учил Ленин, обязано сделать все, чтобы раскрепостить рабочую массу, освободить ее от буржуазных влияний и тем самым вызвать в ней ее подлинную классовую волю, в последнем счете тождественную с волею народа и всего человечества. Совершенно такие же размышления встречаем мы и у теоретиков антикоммунистического фашизма, охотно называющих фашистские государства

подлинными демократиями. В этой терминологии есть своя правильность, как есть – об этом речь еще впереди – и своя правда в устремлении оторвавшейся от либерализма фашизированной демократии к некоему целостному содержанию своего народоправства. Как ни различны между собою советский коммунизм, итальянский фашизм и немецкий нацизм, все три государства отказываются от либерального принципа равновесия и дискуссии и, устремляясь к какой-то монолитно-целостной истине, стирают границы между государством и партией, партией и народом, правительством и управляемыми, политикой и культурой, наукой и пропагандой, агитационною ложью и безусловною правдою. Все сливается в неустанно вертящийся круг сплошных отождествлений.

Всеми силами души и разума протестуя против лжемистики этого злого универсализма, мы все же не можем не отметить, что и она своими корнями уходит в теорию непосредственной демократии.

За либеральным фасадом знаменитого «Contrat social»¹, строящего государство на основе вольного договора, и глухому уху нельзя не услышать грозного шума «народного моря». Грозность эта слышна в убеждении, что народоправство осуществимо только при условии абсолютного народного единоверия и единочувствия, при отсутствии партий, частно-хозяйственных интересов и противоположных религиозных убеждений, т.е. при наличии целостной, неделимой и самоотжественной народной воли. Критерий ее наличия в том, что в подлинной демократии все решается «sans discussion»². Я ни на минуту не забываю громадной разницы между теорией Руссо и практикой современных диктаторов. Руссо все строил на чувстве. Современные диктаторы в основу всего кладут волю. Его «sans discussion» – подобие мистически-сентиментального романса «но я и без слов понимаю», который поют друг другу граждане его совершенного государства. «Sans discussion», царствующее в современных диктатурах, означает совсем иное. Его смысл: «помолчи, тогда поймешь». Как ни велика эта разница, она все же не принципиальна. Если бы Руссо стал диктатором, и французы слышали бы: «помолчи, тогда поймешь». Угрозы смертной казнью весьма щедро разбросаны по его писаниям. Что же касается Ленина, Муссолини и Гитлера, то вряд ли возможно сомнение в их искренней вере, что если бы массы до конца поняли самих себя, они согласились бы подчинить свою волю вождям. Оспаривать наличие в современных диктатурах мистики «volonté générale» несправедливо. Без нее необъяснимо все то, что происходит на наших глазах. В истории ничто не творилось без насилия, но одними запретами и казнями в ней также никогда ничего не создавалось.

Из анализа распада либерал-демократического сознания вырастают, как мне кажется, для всех антикоммунистов и антифашистов две вполне конкретные задачи. Одна из них... сводится к попытке связать порвавшую с либерализмом и устремленную к миросозерцательной тоталитарности демократию с христиански-гуманитарным сознанием европейской культуры. Другая стоящая перед нами задача сводится – говорю это с риском навлечь на свою голову гнев многих единомышленников – к фашизации тех либерал-демократических режи-

¹ «Общественный договор» (франц.).

² Без дискуссии (франц.).

мов, на плечах которых покоится ныне борьба со всеми левыми и правыми фашистскими идеократиями. На самом деле, что же нам делать? Ощущения той триединой реальности истины, свободы и личности, которую я описывал как верховную часть и норму всякой общественной жизни, в политическом сознании Европы сейчас не существует. Защищать свободу как послушание истине и личность как носительницу свободы можно с церковного амвона, с университетской кафедры, но не с партийной или парламентской трибуны. Когда-то рискованную, почти титаническую мысль гетевского Фауста, что в начале было дело, а не слово, ныне повторяют не только мальчишки на улицах, но и воробьи на крышах. Давно потерявшее всякую связь с божественным глаголом и накрепко связавшее себя с экономической конъюнктурой либерально-парламентарное слово надолго скомпрометировало себя тем, что в ряде государств пропустило к власти людей, не допускающих с собою никаких разговоров. Эти новые люди создали целую школу политических деятелей, которые не совсем безуспешно орудуют не только в диктатурах, но и в либерал-демократических странах. Уговаривать этих людей бессмысленно. Против них всякой ответственной демократической власти пора начинать действовать, не дожидаясь образования компактного парламентского большинства...

*Извлечение публикуется по изданию:
Степун Ф.А. Сочинения.
М., 2000. С. 540–545.*

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

НАШИ ЗАДАЧИ¹

1949–1951 гг.

№№ 40–41

Что есть государство – корпорация или учреждение?

I

Когда мы находим в левых органах русской зарубежной прессы категорические заявления о том, что «теперь-де демократия признана всеми и окончательно», то мы изумляемся политической близорукости и партийной наивности этих писателей. На самом деле «демократия» переживает сейчас *«великий и затяжной кризис»*, который может иметь только два исхода: или торжество диктатур и тираний тоталитарного направления (чего не дай Бог!), или же полное обновление демократического принципа в сторону отбора лучших и политического воспитания. Идея «формальной демократии», выдвинутая за последние полтора десятилетия в качестве всемирной политической панацеи (всеисцеляющего средства), уже привела целый ряд государств, а за ними и все остальное человечество к величайшим затруднениям и бедствиям и уперлась в выросший из ее последовательного осуществления тоталитарный строй. Не видеть этого могут одни только доктринеры.

То, что в действительности произошло в мире за последние тридцать лет, *есть духовное обличение и отвержение тоталитарного строя*, все равно – левого или правого; но *совсем не политическое оправдание формальной демократии*. Напротив, именно «формальная демократия» с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами, и привела к левому и правому тоталитаризму: эти два политических режима *связаны друг с другом*, как уродливая реакция на болезненное преувеличение, или как тирания, возникающая из распада; или как рабство, возвращающееся на того, кто не сумел найти и соблюсти духовно-верную меру свободы. Ныне мы переживаем период, когда человечество *еще не разочаровалось ни в формальной демократии, ни в право-левом тоталитаризме*; когда одни наивно собираются лечить провалившийся тоталитаризм – формальной демократи-

¹ В 1948–1954 гг. И.А. Ильин опубликовал серию статей в еженедельном бюллетене «Наши задачи», издаваемом эмигрантской организацией Российский обще-воинский союз (РОВС). По политическим соображениям в бюллетенях РОВС эти статьи печатались анонимно. Позднее все 215 выпусков были напечатаны отдельным изданием: Ильин И.А. Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. Т. 1–2. Париж, 1956.

ей, а другие организуются для того, чтобы заменить формальную демократию – правым или левым тоталитаризмом.

Мы же настаиваем для России на *третьем* исходе и считаем его *единственно-верным*. Для того, чтобы уразуметь его, надо поставить весь вопрос со всей возможной политико-юридической ясностью.

Государство, как многоголовый (или совокупный) субъект права, может быть или «корпорацией», или «учреждением». Что же оно есть на самом деле?

Спросим себя прежде всего: что есть «корпорация» и что есть «учреждение»?

Корпорация (например, кооператив) состоит из *активных полномочных и равноправных* деятелей. Они объединяются в единую организацию по *своей свободной воле*: хотят – входят в нее, не хотят – выходят из нее. Они имеют *общий интерес* и вольны признать его и отвергнуть. Если они признают его и входят в эту корпорацию, то они тем самым имеют и *полномочие* действовать для его удовлетворения. Они уполномочены формулировать свою общую цель, ограничивать ее, выбирать голосованием все необходимые органы, утверждать их и дезавуировать их, «отзывать» свою волю, погашать свои решения, обуславливать свое участие «постольку поскольку». Кооперация начинается с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его «свободы» и интереса. Она строится *снизу вверх*; она основывается *все на голосовании*; она организуется на свободно-признанной (и соответственно свободно-ограничиваемой, свободно-отвергаемой) солидарности заинтересованных деятелей. «Все через народ» – идеал формальной демократии.

Напротив, жизнь *учреждения* (например, больницы, гимназии) строится не снизу, а *сверху* (даже и тогда, когда само учреждение – учреждено всенародным голосованием). Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, *получают* от него благо и пользу, но *не формулируют* сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Они не имеют и полномочия действовать от лица учреждения. Они «проходят» через него, но не составляют его и не строят его. Они пассивно принимают от учреждения – заботы, услуги, благодеяния и распоряжения. Не *их* слушаются в учреждении, а *они* слушаются в учреждении. Учреждение само решает, «принимает» оно их или нет; и, если «принимает», на каких условиях и доколе. Они *не выбирают* его органов, не имеют права «дезавуировать» или «сменять» их; и даже не всегда могут самовольно отвергнуть его услуги и «уйти». Следовательно, учреждение строится по *принципу опеки над* заинтересованными людьми. Оно имеет свои права и обязанности, свой устав, свою организацию; но все это оно получает *не от опекаемых*; оно не отчитывается перед ними, и органы его не выбираются, а *назначаются*. Больные в больнице не выбирают врачей; гимназисты в гимназии не могут сменить директора и инспектора, и кадеты не могут самовольно выйти из кадетского корпуса; студенты принимаются в университет, но не определяют его целей и задач, и профессора не слушаются их распоряжений. И поскольку государство есть учреждение, постольку народ в нем не управляет собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинуется.

И вот, *сторонники формальной демократии* считают, что государство тем лучше организовано, чем последовательнее оно превращено в *корпорацию*. А *сторонники тоталитарного строя* убеждены, что государство тем лучше ор-

ганизовано, чем последовательнее всякое самоуправление исключено и подавлено, чем больше государство превращено в учреждение. Принцип корпорации, проведенный последовательно до конца, погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведет его к *анархии*. Принцип учреждения, проведенный последовательно до конца, погасит всякую человеческую самодеятельность, убьет свободу личности и духа и приведет к *каторге*. Анархия не лечится каторгой; это варварство. Каторга не оздоравливается анархией: это безумие. Спасителен только *третий* путь. Какой же? И как найти его?

<10 января 1949 г.>

II

Прежде всего надо понять и до конца продумать, что корпоративный строй требует от граждан *зрелого правосознания*. Желая участвовать в управлении государством должен уметь управлять самим собой, понимать сущность государства, его задачи и цели, органичность народной жизни, значение и смысл свободы, технику социальной организации, законы политики и хозяйства. Нет этого – и общий интерес останется неосознанным, подмененным частной корыстью и личными вожделениями, принцип солидарности останется пустым словом, общая цель утратится, полномочие будет подменено «кулачным правом»; – начнется фальсификация государственности и развал. Государство погибнет или сложится вновь по типу диктаториального учреждения.

И вот, по отношению ко всем гражданам с незрелым правосознанием (дети, несовершеннолетние, душевнобольные, дикари, политически-бессмысленные, уголовно-преступные, аномальные, жадные плуты и т.п. – *государство всегда останется опекающим учреждением*. Тех, кто неспособен осознать и жизненно оформить свой общественный интерес и кому нелепо давать право голоса, – государство всегда будет опекать и вести.

Но и этим дело не ограничивается. Люди вообще живут на свете не для того, чтобы убивать свое время и силы на политическую организацию, а чтобы *творить культуру*. Политика не должна поглощать их досуга и отрывать их от работы, а обеспечивать им порядок, свободу, законность, справедливость и технически-хозяйственные удобства жизни. Кипение в политических разногласиях, страстях и интригах, в тщеславии, честолюбии и властолюбии – есть *не культура, а растрата сил и жизненных возможностей*. Поэтому политика не должна поглощать времени и воли больше, чем это необходимо. Корпоративный строй склонен растрачивать народные силы; строй учреждения, если он на высоте, экономит их.

В довершение всего – политическое дело требует особых знаний, изучения, подготовки, опыта и таланта, которыми «все» никогда не обладали и обладать не будут; политическое строительство всегда было и всегда будет делом *компетентного меньшинства*.

Поэтому государство *никогда не перестанет* строиться по *типу учреждения*, особенно в тех отношениях, где необходимы *единая власть и дисциплина*:

а именно – в делах общественного воспитания, порядка, суда, управления, обороны, дипломатии и некоторых других. Это совсем не означает, что принцип самоуправления исключается из государственной жизни и строительства, что он осуждается и отвергается; но это означает, что сфера его применения по самому существу дела ограничена: 1) принудительным характером государственного союза вообще (подданство – гражданство, лояльность без всякого «постольку поскольку», налоги, воинская повинность, судебный приговор и наказание); 2) самой техникой государственного и в особенности военного строительства (вопросы, требующие тайны и личной ответственности, вопросы стратегии и тактики – не голосуются); 3) наличным уровнем правосознания в стране; 4) необходимой экономией сил (люди живут на свете решительно не для того, чтобы политиканствовать).

Все это означает, что современные крайности (формальной демократии и тоталитарного режима) являются нездоровыми заблуждениями. Государство в своем здоровом осуществлении всегда *совмещает* в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится – *и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления*. Есть государственные дела, в которых уместно и полезно корпоративное самоуправление; и есть такие дела, в которых оно решительно неуместно и недопустимо. Голосования в русской армии в 1917 году были проявлением политического кретинизма и революционной интриги (одновременно). Подобно этому есть государственные дела, которые могут вестись только по принципу властного предписания, назначения и взыскания; и есть такие дела, в которых необходимо самоуправление, ибо тоталитарный централизм убивает в них жизнь (сравни советский строй). Нелепо строить все государство по схеме больницы или школы: ибо *государственно зрелые граждане* – не больные и не школьники; их осознанная солидарность *драгоценна*, их политическая активность *необходима*, их публично-правовая уполномоченность *зиждательна*; все это есть могучий политический цемент.

Это означает также, что политик, организующий государство, должен считаться, прежде всего, *с наличным в данной стране и в данную эпоху уровнем народного правосознания, определяя по нему то жизненное сочетание из учреждения и корпорации, которое будет наилучшим «при данных условиях жизни»*.

Таковыми условиями жизни являются:

1. *Территория и ее размеры* (чем больше эти размеры, тем необходимее сильная власть и тем труднее проводить корпоративный строй).

2. *Плотность населения* (чем больше она, тем легче организация страны; чем меньше она, тем необходимее начало учреждения).

3. *Державные задачи государства* (чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны и доступны, тем выше должен быть уровень правосознания, тем труднее корпоративный строй).

4. *Хозяйственные задачи страны* (с примитивным хозяйством маленькой страны может легко управиться и корпоративное государство).

5. *Национальный состав страны* (чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться).

6. *Религиозная принадлежность народа* (однородная религиозность масс облегчает управление, разнородная – затрудняет; обилие противогосударственных сект может стать прямой государственной опасностью и т.д.).

7. *Социальный состав страны* (чем он первобытнее и проще, тем легче дастся народу солидарность, тем проще управление).

8. *Культурный уровень народа* (чем он ниже, тем необходимее начало учреждения).

9. *Уклад народного характера* (чем устойчивее и духовно-индивидуализированнее личный характер у данного народа, тем легче осуществить корпоративный строй; народ, индивидуализированный не духовно, а только биологически, и притом бесхарактерный – может управляться только властной опекой).

Все это указывается здесь только для примера; при всем этом подразумевается оговорка «при прочих равных условиях».

Итак: *единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может*. И тот, кто вечно твердит «все через народ» – обнаруживает свое верхоглядство и свою политическую неспособность.

Идея «государства-учреждения» представлена в истории началом *монархическим* (и диктаториальным); несмотря на это, монархическая форма государства способна ужиться с самым широким корпоративным самоуправлением (например, Англия; Россия до 1917 г.).

Идея «государства-корпорации» представлена в истории началом *республиканским* (и демократическим); несмотря на это, республиканская форма государства способна вырождаться в сущий тоталитаризм, приближаясь к диктатуре (Германия после 1933 года; Россия после 1917 года).

Крайние лозунги – «все сверху» и «все снизу», – столь соблазнительные для людей примитивного мышления и страстного темперамента, *одинаково несостоятельны и опасны*. Тот, кто попытается делать все «сверху» – убьет творческую самостоятельность своего народа, отвратит его от себя, ожесточит его, изолирует себя, захлебнется в сетях формальной и продажной бюрократии и подорвет жизненную силу своего государства, независимо от того, будет ли он левым или правым тоталитаристом. Тот, кто попытается строить все «снизу», – разложит государство на систему маленьких и бессильных общинок, сделает невозможным единение и правопорядок, даст преобладание дурному количеству над творческим качеством, захлебнется в волнах демагогии и смуты и очнется под пятой у тирана.

Государство по самому существу своему есть организация не частно-правовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а *публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная*. И этим одним уже предопределено, что оно *никогда не перестает быть учреждением и никогда не превратится в кооперацию чистой воды*. Дух учреждения может временно отступать на задний план, но горе той республике или демократии, в которой он выветрится совсем! В час смуты, революции, войны, стихийного бедствия, общей опасности, голода, заразы – самая демократическая, архи-федеративная республика вспомнит о ведущей, повелевающей и принудительной опеке учреждения и не будет решать

«все через народ», как этого требовали наши русские сверх-демократические головотяпы в 1917 г.

Грядущей России предстоит найти для себя – свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из «учреждения» и «корпорации», которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным, начиная от *наличного в России по-революционного правосознания и кончая национальной территорией*.

Перед лицом такой творческой задачи призывы зарубежных партий к формальной демократии остаются наивными, легкомысленными и безответственными.

<17 января 1949 г.>

№ 56

Править должны лучшие

Первое, что мы должны сделать при обсуждении устройства русского государства, это *стряхнуть с себя гипноз политических формул и лозунгов*. Предоставим «верующим» демократам – веровать в необходимость и спасительность этого режима и освободим себя для беспристрастного наблюдения и опытного исследования. И еще: предоставим людям, ищущим успеха у толпы, поносить «аристократов» или совсем обходить молчанием идею *аристократии*, как якобы «реакционную», «контрреволюционную», «старорежимную» и т.д. Когда мы думаем о грядущей России, то мы должны быть *свободны*, совершенно свободны от боязни кому-то не угодить и от кого-то получить «осуждение», будь то западно-европейцы или свои, доморощенные, – лево-радикалы или право-радикалы. Мы *повинны Богу и России – правдой*, а если она кому-нибудь не нравится, то тем хуже для него.

Обычно «демократию», как правление людей «излюбленных» и выбранных народом, и «аристократию», как правление людей «наследственно привилегированных» – противопоставляют друг другу. Это есть ошибка, которую надо понять и отвергнуть. Она есть порождение политических страстей, демагогии и ожесточения. Править государством должны *лучшие люди страны*, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов. Править государством должны именно *лучшие*, а они нередко выходят из государственно-воспитанных и через поколения образованных слоев народа. *Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (т.е. выделяет кверху лучших людей); а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно-лучшие силы народа.*

Убедимся в этом.

«Аристос» значит по-гречески «лучший». Не «самый богатый», не «самый родо-витый», не «самый влиятельный», не «самый ловкий и пронырливый», не привиле-

гированный, не старейший возрастом. Но именно – *лучший: искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно-даровитый, дальновзоркий и образованный*. Можно было бы добавить к этому и другие качества, например, храбрый, сердечный; но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к «лучшим» человека жадного, продажного, интернационалиста, бесчестного, лишённого государственного разума и опыта, безвольного глупца, организационного растеряху или наивного невежду. Именно *лучшие должны править во всех государствах и при всех режимах. Всякий режим плох, если при нем правят худшие*. Нелепо и противоестественно говорить: «Мы требуем демократии, хотя бы в ней выбирались, выдвигались и правили безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс». Наоборот, необходимо и верно ответить: *«демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть»*. Безумно вводить в стране демократию, чтобы погубить государство и народ, как сделали в России в 1917 году. А к чему ведет правление подлинно-худших людей, это русские люди испытывают на себе уже тридцать второй год... Суровая школа!

Можно было бы назвать наше требование *политической аксиомой* (т.е. истиной самоочевидной): *править должны лучшие*. В жизненном распознавании этих людей можно ошибаться, можно соглашаться и не соглашаться в оценке их, но задача их выделения *бесспорна и основоположна*. Можно было бы выразить это в виде лозунга: *дорогу честным и умным патриотам!* Дорогу им – независимо от того, принадлежат они к какому-нибудь *сословию, классу, к какой-нибудь партии* или нет! Важно *качество человека*: его политическая ценность и его политическое воление; и не важно его происхождение, его профессия, его классовая и партийная принадлежность. Важна его *нравственная и умственная мощь*, а не его предки; важна его верность родине, существенно направление его воли, а не его партийный билет. Партийность (всякая партийность!) не удостоверяет качества человека, а только подменяет или заслоняет его. А качество человека – первое всего и драгоценнее всего.

Поэтому всякие выборы должны иметь в виду единую, главную и необходимую цель: *выделение качественно-лучших сынов народа и поручение им* политического дела. Глупо и слепо прельщаться демагогами, которые, прикрывшись партийным ярлыком, яростно отстаивают интерес какого-нибудь класса, сословия, национального меньшинства, территориального округа или же попросту – свой собственный!

Во-первых, потому, что государственное дело ищет единого, *общего, всенародного* интереса, а не частных вождедений; и демагог, разжигающий страсти именно в сторону частных вождедений, открыто свидетельствует о своей *политической негодности*: он является фальсификатором в политике; он подобен цыгану, выхваляющему подменно-поддельную лошадь; по отношению к наивному и доверчивому народу он выступает в качестве развратителя детей, строящего свое благополучие на подтасовке и лжи.

Во-вторых, потому, что самая его демагогия свидетельствует о его *качествен-*

ной несостоятельности: он разжигает страсти, чтобы выдвинуться и погубить государственное дело, превращая его в лучшем случае в дело частного вождения, а в худшем случае – в дело своей личной корысти.

Россия может спастись только выделением *лучших* людей, отстаивающих не партийный и не классовый, а всенародный интерес. На этом все должны согласиться и сосредоточиться. Это надо разъяснить самому русскому народу прежде всего. Для этого должны быть приняты все меры, как-то: освобождение народа от всех и всяких партий; введение голосования по округам с выставлением персональных, лично всем известных кандидатур; и, главное, выработка особого вида конкурирующего сотрудничества в нахождении и выдвижении лучших людей – сотрудничества государственного центра с избирателями. Это предложение будет обосновано и изложено в дальнейших выпусках «Наших Задач».

Демократические выборы являются лишь *условно-целесообразным средством для безусловно-верной цели* (отбор лучших). Если такая цель и такое средство сталкиваются, то *условное* средство должно уступить *безусловной* цели. Требование, чтобы правили лучшие, относится к самому естеству, к самой идее государства; строй, при котором у власти водворяются худшие, будет жизненно обречен и рухнет рано или поздно, с большим или меньшим позором. *Всякое* государство призвано быть *аристократией в нашем смысле слова*: и монархическое, и диктаториальное, и демократическое; и можно было бы сказать с уверенностью, что если бы исторически-законные государства были на политической высоте, то они извлекали бы этих подлинно лучших *изо всех слоев населения*; и тогда профессиональным революционером нечего было бы делать на свете.

Поэтому вопрос «всенародных выборов» (по четырехчленной формуле – всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право) есть вопрос *средства, а не высшей непререкаемой цели или догмы*. Это средство может в одном государстве и в одну эпоху оказаться целесообразным, а в другой стране и в другую эпоху нецелесообразным. Ребячливо верить в это средство как в политическую «панацею». Совсем не всякий народ и не всегда способен выделить к власти лучших при помощи таких выборов. Вопрос надо поставить иначе: *какой народ и когда*, при каком размере государства, при каком уровне религиозности, нравственности, правосознания, образования и имущественного благосостояния, при какой системе выборов, в спокойные или бурные периоды жизни – действительно разрешит эту задачу успешно? Спросим поэтому: какие основания имеют современные эмигрантские демократические партии для того, чтобы считать, что русский народ, после всеразлагающей, духо-опустошительной и развращающей всякое правосознание, эпохи коммунизма, после водворения в стране повальной нищеты (разбогатевшие сов-карьеристы не в счет!), после тридцатидвухлетнего рабства, после отвычки от самостоятельного мышления, после полной и застарелой неосведомленности в вопросах политики, хозяйства и дипломатии, после укоренившейся привычки бояться, воровать, промышлять доносами и спасать свою жизнь пресмыкательством, сумеет осуществить такие выборы? Если у них имеются серьезные основания, то не следует их замалчивать; а если их нет, а есть обратные основания, то к чему безответственное программное пустословие?

Россия нуждается в такой системе выборов, которая дала бы ей верный способ найти и выделить своих подлинно лучших людей к власти. В этих выборах *лучших людей* не могут и не должны участвовать члены интернациональной партии, заведомые губители и палачи русского народа, «нырнувшие» коммунисты, перекрасившиеся предатели и т.д. А это означает, что эти выборы не могут быть *ни всеобщими, ни прямыми*. *Лучших* людей могут найти только те, которые не утратили чести и совести, те, которые *страдали*, а не те, которые *пытали страдалецев*. Иначе Россия будет опять отдана во власть *политической черни*, которая из *красной черни* перекрасится в *черную чернь*, чтобы создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение. Избави нас Бог от этого!

<3 июня 1949 г.>

№ 59

Основы демократии

Всякий политический строй имеет свои жизненные основы – в душевном укладе народа, в его правосознании и в его социальном строении. Исчезают эти основы – и политический строй вырождается: сначала в свою зловещую карикатуру, а потом в свою прямую противоположность. Отсутствие этих основ в жизни народа означает, что этот *народ неспособен к такому политическому строю*; что этого государственного устройства *совсем не следует у него вводить*, под опасением гибельных последствий. Так нелепо предлагать монархический или аристократический строй для Швейцарии или для Соединенных Штатов; введение республики в Германии только и могло кончиться демагогической тиранией; свергнуть монархию в Греции, в Югославии или в Испании – значило бы поставить эти страны на край гибели и т.д. История учит нас всему этому на каждом шагу; но доктринеры не учатся у истории, они сами думают поучать историю, подчиняя ее своим теоретическим выдумкам.

Так и демократия имеет свои жизненные основы – в духе народа, в его правосознании, в его социальном укладе. Нет этих основ, и демократия выродится – или в охлократию (засилие черни), или в тиранию. Каковы же эти основы?

Демократия (по-русски – «народоправство») предполагает *в народе способность не только вести государственную жизнь, но именно править государством*. Для этого народу необходимо прежде всего уверенное и живое *чувство государственной ответственности*: «от того, что я делаю, как я держу себя и за что голосую, – зависит судьба моего народа, моего государства, моя собственная, моих детей и внуков: за все это я отвечаю; все это я должен делать по чести и совести. Это есть сразу чувство творческой связи между собой и государством, и чувство *предстояния* (Богу, родине и совести, чести и грядущим поколениям). Народ, лишенный чувства ответственности, неспособен к народоправству: он поведет себя безответственно и погубит все дело. И пока это чувство в нем не воспитано – взваливать на него бремя народоправства можно только сослепу, от док-

тринерства и от своей собственной безответственности.

Во-вторых, народоправство неосуществимо без *свободной лояльности* и без *элементарной честности*. Народ, не научившийся чтить закон и добровольно соблюдать его за совесть, не будет уважать ни своего государственного устройства, ни им самим изданных законов; всяческое *правонарушение* окажется *основной формой его жизни* и во всех делах его водворится «черный рынок». Мало этого, – этот народ окажется неспособным ни к контролю, ни к суду, ни к принудительным мерам, ни к мобилизации своей армии; ибо в основе всего этого лежит *добровольное законоблюдение, чувство долга и неподкупность*. Но где законы не уважаются, там особенно и непрестанно попираются *законы имущественные*: грани между «твоим и моим», между «моим и общественным», между «моим и казенным» утрачиваются; в жизнь внедряется всяческое *воровство и мошенничество, продажность и взяточничество*; люди не стыдятся уголовщины – и народоправство становится своей собственной карикатурой. Первая же война провалит его с позором.

В-третьих, народоправство требует от народа *государственно-политического кругозора, соответствующего размерам страны и державным задачам этого народа*. Малому, ниоткуда неугрожаемому народу достаточно уездного политического горизонта: датчанину можно обойтись без того кругозора, который необходим англичанину; гражданин княжества Монако может не видеть далее своей колокольни; но американский «изоляционист» есть близорукая «деревенщина»; и русский калужанин, отвергающий борьбу за морские берега на том основании, что «нам калужским моря ня надо», неспособен к народоправству. Народ, не понимающий своих исторических и державных задач, создаст жалкую карикатуру на демократию и погубит себя и свою культуру.

В-четвертых, народоправство требует от народной толщи – *известных знаний и самостоятельного мышления о знаемом*. Есть степень народного невежества, при которой вводить демократию можно *только для того, чтобы надругаться над ней*. Народ, не знающий ни истории, ни географии своей страны, – *не увидит сам себя*; и все его голосования будут бессмысленны. Народ, не понимающий своего хозяйства, будет обманут первой же шайкой демагогов. Народ, не способный самостоятельно мыслить о своей судьбе и о своем государстве, будет цепляться за подсказываемые ему фальшивые лозунги и побежит за лстивыми предателями. Мировая конъюнктура есть обстояние сложное – и дипломатически, и стратегически, и экономически, и национально, и религиозно. К какому народоправству способен народ, не знающий ничего верного о других народах, о их жизни, интересах, претензиях, планах и намерениях? Ни к какому! Он политически слеп и дипломатически глух; в финансовых вопросах он подобен ребенку; в делах культуры и науки он не компетентен; в делах стратегии и войны он беспомощен. Что же весит его голосование? У темного человека «право голоса» будет всегда украдено политическим жуликом...

В-пятых, народоправство осуществимо только там, где народу присуща *сила личного характера*. Что сделает со своим «голосом» человек, лишенный чувства собственного достоинства? Он продаст его повыгоднее первому же ловкому поку-

пателю голосов. Во что превратится избирательная кампания у народа, лишённого моральной дисциплины? В погромы, в резню, в гражданскую войну. Массы людей, отучившиеся от взаимного уважения и доверия, неспособны ни к честной организации, ни к сговору, ни к координации сил. Народ без характера – быстро разложит «народоправство» в анархию, в войну всех против всех.

Однако, помимо этих *духовных* основ и условий демократии, есть ещё социальные основы.

Во-первых, народ, потерявший *оседлость жилища, крепость семьи и уважение к труду*, становится беспочвенным и политически несостоятельным; он приближается к римскому плебсу эпохи цезаризма. Люди перестают быть политическими индивидуумами и становятся пылью, трагическим сором, несущимся по ветру. Вспомните воину Алой и Белой розы; перечитайте исторические драмы Шекспира; и не делайте себе иллюзий! Кто не имеет оседлого жилища, тот легко становится «ландскнехтом», ищущим себя «кондотъери». Кто не дорожит традициями своего честного рода и своим семейным очагом, тот превращается незаметно в авантюриста. У кого отнят смысл труда, тот перестает быть гражданином. Народ, находящийся в таком состоянии, неспособен к государственному самоуправлению, к корпоративному строю, к демократии.

Во-вторых, участник народоправства должен иметь *волевою независимость и гражданское мужество*. Это дается не легко. Легче всего это дается человеку, *имущественно стоящему на своих ногах*: крестьянину-собственнику, людям «среднего класса», квалифицированному кадру пролетариата, богатым гражданам. Именно в этих слоях демократия и имеет свою главную опору. Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро выродит и погубит всякое народоправство. Наконец, некая исторически-национальная и государственная *ткань солидарности*. Люди должны быть вращены в нее *трудом, семейственностью, правосознанием, религиозным чувством и патриотизмом*. Ею держится всякое государство, особенно же демократическое. Нет ее, нет этой незримой творческой спайки в национальное всеединство – и *корпоративное устройство государства становится неосуществимым*. Тогда надо искать спасения в *государстве-учреждении*, которое должно будет медленно, но упорно *крепить эту ткань солидарности и растить корпоративные навыки, т.е. демократические способности* в народной массе... Такова основа демократии.

№ 60

Что же предстоит в России?

Взвесив все высказанное нами об основах народоправства, всякий трезвомыслящий и ответственный демократ должен со скорбью признать, что русский народ после тридцатилетнего разгрома, насилия, обнищания и всяческого разврата – окажется неспособным к осуществлению демократического строя, до тех пор, пока он не восстановит в себе честь, совесть и, национально-государственный смысл. Ныне в его душе все элементарные и необходимые основы народоправ-

ства подорваны, поруганы, извращены или прямо упразднены тоталитарными коммунистами. Русский народ существует, но существование его подобно мученическому унижению его собственных беспризорных детей. Состояние его, – религиозное, духовное, интеллектуальное, волевое, политическое, хозяйственное, трудовое, семейственное и бытовое, – таково, что введение народоправства обещает ему не правопорядок, а хаос, не возрождение, а распад, не целение, а «войну всех против всех»; это было бы последним и горшим бедствием. За кошмарной эпохой революционного «якобинства» началась бы эпоха затяжной «жирондистской» анархии – со свирепой крайне-правой тиранией в заключение. Ребячливо и безответственно – закрывать себе на это глаза.

Поэтому первое, что обязан выговорить идейный и ответственный демократ, есть *пессимистический* диагноз и прогноз: *коммунистическая революция не приблизила Россию к народоправству, напротив – она подорвала все его живые основы, имевшиеся налицо в императорской России.*

Революция длится уже 32 года; и она еще не окончена. За это время коммунисты сделали все, чтобы убить в не-коммунистической массе русского народа чувство государственной ответственности и духовного предстояния; – чтобы сделать государственное начало ненавистным для русской души; синонимом бессмысленной каторги; – чтобы отучить русского человека от свободного и верного политического изволения; – чтобы погасить в его душе гражданина и приучить его к рабству; – чтобы внушить ему презрение к унижениям избирательной комедии. Какое же «народоправство» может быть построено на этом?

За эти долгие, мучительные годы советская власть делала все, чтобы отучить русских людей от свободной лояльности, чтобы смешать ее в душах с пресмыканием, с грубой лезтью и подлым доношением. В советской России право стало равнозначным произволу и насилию; в душах угасало всякое уважение к закону; правонарушение стало основной и необходимой формой жизни. Еще в 1919 году из Совнаркома была сформулирована директива: «Сущность революции состоит в открытом попирании всякого права, включая и собственные декреты революции». И вот, по этой директиве – чиновник становился разбойником и взяточником, а социальный отброс возводился в чиновники. Загнанный же русский обыватель, – в порядке жизненной самообороны от революционного разбоя, – превратил «блат» в естественный и неизбежный способ борьбы за существование. Сверху сделано было все, чтобы смешать «мое» и «твое», «мое и казенное» – в одну неразличимую кучу, чтобы вытравить из душ всякую имущественную законность и честность. Какую же демократию можно построить на таком «воровстве»?

Коммунисты и поныне продолжают делать все, чтобы лишить народ русского национально-государственного кругозора и подменить его всемирно-революционным угаром, заносчивостью, самоуверенностью международного авантюризма. То чувство *державной правоты и державной меры*, которое столетиями воспитывалось в русской душе и на котором строилась вся Русь от Киева до Петербурга, попрано и распалось. Четвертый десяток лет коммунисты истощают без всякого национального смысла *жертвенность, чувство долга и силу служения*, присущие русскому народу, как редкое какому другому; проматывается

русский патриотизм; разочаровывается русское самоотвержение; русский гражданин проходит величайшую принудительную школу политического разврата. Нужно совсем не знать историю и ничего не понимать в политике, чтобы пытаться строить демократию на этом разврате.

Русский человек никогда не жил чужою мыслью. Он всегда предпочитал думать «глупо», но *самостоятельно*; идти вразброд и тонуть в разногласии, но не подчиняться слепо чужому авторитету. И вот четвертый десяток лет из него выколачивают революционной «учебой», голодом, страхом, навязчивой пропагандой и партийной монополией печати, – способность к самостоятельной мысли. В его образовании – все опошлено, искажено и пролгано; в его принудительном «миросозерцании» – все мертво, трафаретно, безбожно и аморально. Он в течение целых поколений оторван от верного знания – и о самом себе, и о других народах. Он слеп в политике; и часто не знает о своей слепоте; и все чаще принимает свою слепоту за высшую умственную «зречность». Предлагать ему народоправство можно только в надежде: заменить тоталитарный трафарет коммунистов *новым, тоже тоталитарным партийным трафаретом*. Что же может быть противнее истинному демократу, чем такая фальсификация «народоправства»? Или они попытаются создать новый «демократический фашизм», чтобы, воспевая свободу, попирали ее от лица новой, неслышанной в истории псевдо-демократии?

После большевиков Россию может спасти – или величайшая государственная дисциплинированность русского народа; или же *национально-государственно-воспитывающая диктатура*. Какая же психологическая наивность нужна для того, чтобы «верить», будто русский народ, всегда страдавший недостатком характера, силы воли, дисциплины, взаимного уважения и доверия, найдет в себе *именно после этих долгих лет рабства и растления* эту сверх-выдержку, эту сверх-умеренность, сверх-волю и сверх-солидарность для осуществления демократического строя?

Подорваны все духовные и все социальные основы демократии – вплоть до оседлости, вплоть до веры в труд, вплоть до уважения к честно нажитому, имуществу. В клочки разодрана ткань национальной солидарности. Повсюду скопилась невиданная жажда мести. Массы мечтают о том, чтобы стряхнуть с себя гипноз подлого страха и ответить на затяжной организованный террор – бурным дезорганизованным террором. И в этот момент им предложат: 1. «Демократическую свободу», 2. «Право всяческого самоопределения» и 3. «Доктрину народного суверенитета». Кто же будет отвечать за неизбежные последствия этого?..

<11 июля 1949 г.>

№ 61

Демократия – немедленно и во что бы то ни стало

Мы должны предвидеть, что трезвые политические соображения, изложенные в двух последних статьях «Наших задач» (№№ 59 и 60), не убедят «доктрине-

ров от демократии». Они внушили себе раз навсегда, что демократическая форма государственной жизни есть высшая и самостоятельная ценность, воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысл творчества... Так они и ставили этот вопрос перед началом революции, когда по их директивам из всех углов страны, бывало, шли резолюции: пока нет истинно демократического Учредительного собрания – невозможно ни учить, ни учиться, ни лечить, ни лечиться, ни заседать, ни обсуждать, ни решать, ни торговать, ни печатать, ни вообще вести какую бы то ни было жизнь. Словом, демократия или гибель! – Казалось бы опыт истории мог научить их чему-нибудь: в 1917 году демократия развернулась в России на полной свободе и принесла с собой *сущую гибель*. Но разве доктринеры учатся у Истории? Прошло более тридцати лет, наполненных бедствиями. И вот, мы опять перед тем же вопросом и слышим опять то же решение и тот же ответ: *демократия немедленно и во что бы то ни стало, ни с чем не считаясь, любой ценою, ибо она есть воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысл творчества и т.д.*

Наша патриотическая тревога о России ничего не говорит им. Мы спрашиваем: что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как *разнуздание*? Ведь мы прожили 1917 год с открытыми глазами и с сердцем, обливающимся кровью! Мы наблюдали и учились. Мы учились и научились. Мы спрашиваем: чем же заполнит такой человек свои политические права теперь, после тридцати- или сорокалетнего революционного рабства? Что даст своей стране такой человек, злоупотребляя всеми свободами, выбирая криводушно, голосуя продажно, решая все вопросы государства на основах воровства, мести и жадности? Что же можно будет сделать, если окажется, что он сам становится *опаснейшим врагом чужой и общей свободы*?

Мы должны предвидеть, что эти вопросы ничего не скажут доктринерам. Они ответят нам на это приблизительно так:

«Чтобы приучить людей к истинной свободе, надо непременно дать им полную свободу. Чтобы пробудить правосознание в народе, надо предоставить *все* на его усмотрение. Чтобы проснулась честность, лучше всего дать людям возможность воровать и не воровать, – тогда только они поймут на собственном опыте, что вором быть постыдно. Чтобы приучить людей к осмысленному голосованию, необходимо дать им право располагать своим голосом свободно: лет десять, двадцать, тридцать, а может быть и больше, они будут торговать своими голосами (продавая их за иностранную валюту), голосовать за демагогов, за интернациональных агентов, за политических проходимцев и просто за своих домашних жуликов, а впоследствии, пройдя через все это, они научатся голосовать умнее и лучше. Все народы шли этим путем и так учились демократии; русский народ не лучше прочих. Когда ребенок учится ходить, то он первое время падает; что же из этого? Стрелок не сразу попадает в цель, а сначала много и долго промахивается. Только самоуправляясь люди приучаются к самоуправлению. Кто боится воды, тот никогда не научится плавать: – *Россия должна сделаться демократическим государством как можно скорее и во что бы то ни стало, любой ценою. Это главное; это самое важное. Если она при этом еще и еще пострадает, то это не суще-*

ственно. Пусть осуществится демократия, хотя бы ценою всероссийского распада и нового значительного уменьшения народонаселения в России! За науку свободы никакая цена не высока. Надо выбирать. Одно из двух: или тоталитарное рабство – или последовательная демократия. Третьего исхода нет!»

– Так скажут нам политические доктринеры...

Мы ответим им.

Нет, есть еще третий исход, и именно он должен быть найден и осуществлен в жизни: *это – твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно-лучшие силы и воспитывающая народ к трезвости, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве.* Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн.

Чтобы приучить людей к свободе, надо давать им столько свободы, сколько они в состоянии принять и жизненно наполнить, *не погубляя себя и своего государства;* безмерная и непосильная свобода всегда была и всегда будет сущим политическим ядом.

Чтобы пробудить правосознание в народе, надо воззвать к его чести, ограждать его от погромных эксцессов властными запретами и предоставить на усмотрение народа не более того, чем сколько он сумеет поднять и понести, *не погубляя себя и своего государства.* Безмерные полномочия никогда не приводили к добру, а только вызывали политическое опьянение и разнуздание страстей. И ныне ни одна государственная конституция не предоставляет ни одному народу таких полномочий.

Чтобы проснулась и окрепла честность, отнюдь не надо выпускать из тюрем всех уголовных (как это было сделано в России в марте 1917 года) и отнюдь не надо обеспечивать им безнаказанность. Честность есть разновидность свободной лояльности, а она *воспитывается поколениями.* Сентиментальное и фальшивое непротивленчество только поощряет злое начало в людях.

Чтобы приучить людей к государственно-верному изволению, надо начинать с *ограниченного права голоса:* давать его только оседлым, только семейным, только работающим, только никогда не служившим компартии, только возрастно зрелым, только приемлемым и для избирателей и для национальной власти. Иными словами: *надо начинать с системы неимущественных цензов, обеспечивающих необходимый минимум почвенности, честности и государственного смысла,* с тем, чтобы в дальнейшем, по мере оздоровления народа и страны, расширять круг голосующих. Все остальное было бы доктринерским безумием и погублением России.

Зачем говорить заведомую неправду, будто все народы шли этим путем?

На самом деле ни один народ не имел такого пространства, такого климата, таких границ, такого исторического бремени, такого многонационального состава, таких трудностей и соблазнов, такой героической жертвенности, такого государства и такой культуры! Ни один народ не проходил через такое мученическое насилие и рабство, какое принесла с собою коммунистическая революция.

Глупо ссылаться на падающего ребенка, ибо ныне дело идет не о детском си-

няке, а о бытии России. Еще глупее ссылаться на промахивающегося стрелка, ибо промах не беда, а вторичное доктринерское надругательство над свободой и над участием народа в государственном самоуправлении (ибо первое надругательство состоялось в 1917 году и длилось с февраля до декабря!) неизбежно закончится новым потоком национальных бедствий.

Самое важное – это *бытие России*. Она должна прежде всего восстать из порабощения и возобновить свою хозяйственную и духовную жизнь. А потом только, в меру своих наличных способностей к корпоративно-государственной форме, – она может думать о своем демократическом облачении. Россия должна продолжать свое великое, вековое, религиозно-национальное Дело, свое общечеловеческое культурное служение. Это главное, это самое существенное. Она не может и не должна платить «любую цену» за это псевдо-демократическое разнуздание, которое доктринеры называют «свободой»; от этого разнуздания они сами погибнут первые, если не успеют опять спастись за кордон. Но наша скорбь не о них, а о России. Лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» один раз привел уже в России к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже *анти-коммунистической*.

Мы понимаем, что доктринерам – их доктрина дороже России: на то они доктринеры. *Но нам Россия дороже всего*, и мы не желаем ни всероссийского распада, ни нового вымирания русского народа в подготовляемых расчленителями гражданских войнах.

Да спасет нас от этого Господь!..

<18 июля 1949 г.>

№ 83

Партийное строение государства

Казалось бы, что может быть естественнее и драгоценнее в свободном государстве, как не *свободное образование партий*? Свободные граждане ищут себе единомышленников, находят их, организуются и выставляют на выборах своих кандидатов! Ведь это входит в *самую сущность демократии!*.. Нет этого, и демократия гибнет... Не так ли?

Однако, история последних десятилетий показала, что *демократия разваливается именно вследствие ее партийного строения*. Если образование партии свободно, то кто же может помешать людям организовать партию, требующую для себя *монополии*? Не предотвратили этого в России; не помешали тому в Италии; не сумели противостать этому в Германии, в Австрии, в Польше, в Латвии, в Эстонии, в Испании и Португалии. А ныне в Югославии, в Венгрии, в Чехии, в Румынии, в Болгарии и в Китае... А разве Англия при социалистическом правительстве запретила у себя англо-фашизм? А куда тяготеет ход дела в государствах Южной Америки, где партии вот уже полтора столетия заняты гражданской войной и ныне только и думают о том, чтобы удачно воспроизвести европейские «уроки»?

Не в самой ли партийной демократии заложены те начала, которые губят ее, открывая двери то правому, то левому тоталитаризму?!

Мы понимаем, что сторонники партийной свободы охотно замалчивают это *вырождение демократии через партийность, эту анти-демократическую эпидемию, захватившую современные демократические государства*: им все кажется, что это целый ряд «несчастливых случаев» или «возмутительных злоупотреблений», о которых «в порядочном обществе» лучше совсем не упоминать, наподобие того, как в доме повешенного не говорят о веревке. Они боятся выговорить, что современные демократии гибнут и разлагаются именно от партийного строения и от доктринерского либерализма. Боятся и не умеют бороться. А мы попытаемся извлечь из уроков истории ответственные выводы.

Партия есть союз граждан, организовавшихся для того, чтобы *захватить государственную власть в свои руки*. К этому стремятся все партии – и демократические и анти-демократические. Различие между ними в том, что демократы считают нужным *соблюдать* правила конституции, а анти-демократы склонны *пренебрегать* ими. Среди этих правил есть *писанные и неписанные (традиционные, «само собою подразумевающиеся»)*, соблюдать *все* – значит «вести честную игру» (по-английски: «fair play»). Такая игра является, конечно, редким исключением. Так, демагогические обещания, партийное кумовство, непрозрачное или просто темное финансирование, инсинуации против честных людей чужой партии при покрывании собственных безобразий, лишение противников свободного слова в собраниях и все махинации мировой закулисы – никак не составляют «честной» игры, но практикуются более или менее везде в демократических государствах. И вот, демократические партии рвутся к захвату власти *разрешенными и полупозволенными путями*, а анти-демократические – *разрешенными и неразрешенными средствами*. Первые – с тем, чтобы спустя некоторое время возобновить «игру», т.е. борьбу, а вторые – с тем, чтобы уничтожить другие партии и оставить власть за собою «навсегда» (что им, конечно, не удастся).

Само собой разумеется, что тоталитарные партии не заслуживают *ни малейшего* сочувствия: мы вдоволь нагляделись, как и из кого они слагаются и куда они ведут. Однако, теперь нам надо «взять под лупу» не только тоталитарные партии, но *идею партии* как таковую – *принцип партийности вообще*.

Политическая партия есть всегда *часть* целого, *малая часть* всех граждан, и только; и она сама знает это, потому и называет себя «партией» (от латинского слова «парс» = часть). Но посягает она на *гораздо большее*, на целое, на власть в государстве, на захват ее. Она стремится навязать государству свою частную (партийную) программу всю *целиком*, вопреки сочувствию и желанию всех остальных граждан, которые или совсем не высказались (25 процентов абсентеизма на выборах!), или же высказались *не* в ее пользу. В силу одного этого каждая партия представляет из себя *меньшинство, навязывающее свою волю большинству*. И в силу одного этого всякий демократический строй должен был бы допускать *только одни коалиционные правительства*, которые и должны были бы находить *спасительный компромисс между партиями* («частями»), для того, чтобы представлять Целое. Но история показывает, что при современном, страстном и

распаленном духе партийности – такой сговор достигается лишь с большим трудом: партии не желают друг друга. Таким образом, *партийный строй разжигает честолюбие и партийное соревнование и «части» оттесняют друг друга от власти*. В лучшем случае из этого возникают вредоносные для государства «качели»: правее, левее, правее, левее – *независимо от подлинного государственного дела*. Коренник топчется на месте, пристяжные по очереди срывают экипаж в свою ближайшую канаву, кучера нет или он растерянно бездействует, а едущие пассажиры с тревогой следят за своевольными пристяжными и ждут своей судьбы...

При этом считается, будто победившая партия получила «большинство» голосов на выборах. Какое же это «большинство»? В лучшем случае – *большинство поданных голосов*, и притом совсем не всегда – *абсолютное* большинство оных (больше половины), а иногда и относительное большинство (т.е. больше, чем у других партий). Но редко бывает, чтобы в выборах участвовало больше 75 процентов избирателей; а бывает, что число голосовавших падает и до 60 и до 55 процентов всех, имеющих право голоса. Тогда власть может захватить партия, получившая от 38 процентов до 28 процентов всех избирателей, а может быть и менее того. И это формально-фиктивное «большинство», т.е. *заведомое меньшинство* претендует на государственную власть; а в некоторых государствах (Румыния) ему «в виде премии» приписывается на бумаге еще 10–20 процентов голосов («мертвых душ»).

Но если бы даже какая-нибудь партия получила 51–60 процентов голосов всех избирателей, то это «большинство» слагается обычно, даже в самых старых и почтенных демократиях, совсем не из сознательных и убежденных сторонников ее. Статистика выборов давно уже отметила, что *дело решается непартийной, колеблющейся, «плавучей» массой*, которая не связана с партийной программой, а голосует «по настроению». Так, в Англии – победу всегда дает «полая вода» общественного настроения: то она хлынет направо, и завертятся колеса консервативной мельницы; то – налево, и запрыгают жернова все-перемальвающего социализма. Не поучительно ли, что, например, в Швейцарии из 100 процентов избирателей – только 14 процентов имеют партийную принадлежность, а 86 процентов голосуют «по настроению». И партийные комитеты во всех странах знают это и потому заводят «рыболовную сеть» как можно дальше и шире, чтобы *партийно злоупотребить непартийными голосами*.

Так «большинство» голосов добывают напором («агитацией») и *случаем, властолюбием и демагогией*; и как часто оно складывается в силу самых нелепых и нелояльных оснований. Одни поверили демагогическим, почти всегда неисполнимым и невыполняемым обещаниям; другие были подкуплены – перед избирательным помещением прямо выдавались чеки (см. исследование Брайса); третьи голосовали сослепу, по недоразумению или от бестолковости; четвертые потому, что предпочитали «меньшее из зол»; пятые были застрашены; шестые поддались массовому психозу и т.д.

«Это, – скажут нам, – безразлично: он подал бюллетень за нашу партию, а остальное нас не касается... Мы не можем разбирать, *почему* он голосовал так, а не иначе: от страха, из-за личной выгоды, по убеждению, вследствие невеже-

ства или от глупости. И какое нам дело до его правосознания? Важен бюллетень в урне, а не правосознание голосующего»...

И вот – эти-то брешы в живом правосознании и были подмечены и употреблены во зло тоталитарными партиями: *если правосознание голосующего безразлично* – то почему же не построить выборы на сплошной глупости, лжи, трусости, продажности и порочной демагогии?..

Но если даже условно «забыть» это все и, сделав глупо-почтительное лицо, согласиться, что такая-то партия «действительно» получила на выборах «большинство», то останется еще решить самый глубокий и ответственный вопрос: разве большинство (самое арифметически точное! самое лояльное!) – есть, действительно, критерий государственной доброкачественности? Разве правота, достоинство, полезность, государственность программы – решается количеством? Разве история не знает таких примеров, когда народ голосовал за тиранов, за авантюристов, за тоталитарные партии, за изгнание лучших людей (Аристид), за смертную казнь для праведника (за смертный приговор Сократу было подано 360 голосов из 500)? Конечно, кто-нибудь может стать на ту точку зрения, что «большинство голосов есть мера добра и зла», «пользы и вреда», «здоровья и болезни», «спасения и гибели»; но вряд ли можно будет признать это воззрение самым умным, вдумчивым и глубоким. Мы спросим себя, как русские: не меньшинство ли в стране дало России реформу Петра Великого, освобождение крестьян, земское самоуправление и земельную реформу Столыпина? И не большинством ли голосов было избрано в 1917 году погибельной памяти «Учредительное собрание»?

С нас пока довольно! Партийный принцип переживает в современных государствах великий и глубокий кризис. Он сводит политику к количеству и к условным формальностям. Он пренебрегает живым правосознанием, расщепляет государство и растит в народе дух гражданской войны. Мало того: он подготавливает крушение для взлелеявшей его формальной демократии. Мы не сомневаемся в том, что человечество, рано или поздно, вынуждено будет искать новых путей и решений; – и чем скорее начнется это искание, тем лучше.

Но к этому вопросу нам надо будет еще вернуться.

<15 января 1950 г.>

№ 115

О формальной демократии

Есть два различных понимания государства и политики: *механическое* и *органическое*. Механическое отстаивает человеческую инстинктивную особь и ее частные интересы; оно измеряет жизнь количественно и формально. Органическое исходит от человеческого духа и восходит к национальному единству и его общим интересам; оно качественно и ищет духовных корней и решений. Которое же из этих пониманий желательно и спасительно для грядущей России?

Рассмотрим сначала *механическое* воззрение.

Оно видит в человеке прежде всего *инстинктивную особь*, имеющую свои «желания» и «потребности»: каждый желает меньше работать, больше наслаждаться и развлекаться; плодиться и наживать; иметь свои безответственные мнения и беспрепятственно высказывать их; подыскивать себе где угодно единомышленников и объединяться с ними; ни от кого не зависеть и иметь как можно больше влияния и власти. Ведь люди рождаются «*равными*», и потому каждому из них должны быть предоставлены *одинаковые права* для отстаивания своих «желаний» и «потребностей»: это «неприкосновенные права свободы», которые «не терпят ограничений». Поэтому каждая человеческая особь должна иметь в государственных делах равное право голоса. Сколько людей, столько равных голосов. Что кому нравится, то пусть каждый беспрепятственно и отстаивает. Единомышленники всех стран пусть свободно объединяются; поданные голоса пусть подсчитываются; большинство голосов будет все решать. «Тогда пойдет все гладко и станет все на место»...

Что же касается *качества* всех этих «желаний», *планов и затей* у всех этих «единомышленников», а особенно *мотивов и намерений* всех этих «голосователей», – то до них никому не может быть дела: все это ограждается неприкосновенною «свободою», ненарушимым «равенством» и «тайною» голосования. Каждый «гражданин», как таковой, заранее считается разумным, просвещенным, благонамеренным и лояльным, неподкупным и «почтенным»; каждому дается возможность обнаружить все свои «доблести» и прикрыть словами о «публичном благе» все свои замыслы и затеи. Пока не пойман – он не вор; пока не взят с поличным – он требует к себе всеобщего уважения. Кто еще не попался на месте преступления (например, предательства, иностранного шпионажа, вражеской агентуры, подготовки заговора, взятки, растраты, подлога, шулерства, торговли девушками, выделки фальшивых документов или монет) – тот считается политическим «джентльменом» независимо от своей профессии и полноправным гражданином («про его художества все знают, да не докажешь»). Главное: «свобода», «равенство» и «счет голосов». Государство есть механическое равновесие частных (личных и партийных) вождлений; государство строится как компромисс центральных сил, как лицедейство политических актеров. И политика должна двигаться «по равнодействующей» (по параллелограмму сил!) взаимного недоверия и состязующихся интриг..

К сожалению, это воззрение (насколько я знаю) нигде не высказано в такой откровенно отчетливой форме. Оно и не является доктриной; это лишь молчаливый политический «догмат», укоренившийся в мире и выдаваемый за само собою разумеющуюся «сущность демократии»: все *формально свободны*, все *формально равны* и все *борются друг с другом за власть, ради собственных интересов, прикрываемых общию пользою*.

Такое *формальное* и *количественное* понимание государства ставит его судьбу в зависимость от того, как и чем заполняется та *содержательная пустота* и то безразлично-беспризорное *качество*, которые предоставляются людям формальною «свободою». Государство и правительство суть лишь «зеркало» или

«арифметическая сумма» того, что делается в душе и в правосознании человеческой массы. Там вечно что-то само собою варится, в этом *непроглядном* и в то же время *неприкосновенном* котле: всякое вмешательство запрещается как «давление»; всякое ограничение или воздействие – клеймится как «стеснение свободы». Каждому гражданину обеспечивается право на кривые и лукавые политические пути, на нелояльные или предательские замыслы, на продажу своего голоса, на гнусные мотивы голосования, на подпольные заговоры, на незаметную измену, на тайное «двойное подданство» – на все те низости, которые бывают людям столь выгодны и столь часто их соблазняют. Гражданину дается неограниченное право тайного самособлазна и совращения других, а также незаметной самопродажи; ему обеспечивается свобода неискреннего, лживого, коварного, инсинуирующего слова и двусмысленного, расчетливого замалчивания правды; ему дается свобода «верить» лжецам и негодьям или же притворяться поверившим (корыстно симулировать такое-то или противоположное политическое настроение). И для свободного выражения всех этих духовных соблазнов ему дается «избирательный бюллетень». «Мотивы голосования» должны быть *свободны*, образование партий не терпит стеснений; ограничивать политическую пропаганду – значит «проявлять насилие»; судить и осуждать за «политические воззрения» нельзя: это значило бы покушаться на «сердцеведение» и «преследовать за образ мыслей» (по-немецки «Гезиннунгс-юстиц»). Свобода мнений должна быть *полною*; государственные чиновники не смеют покушаться на нее и урезывать ее. И самое глупое, самое вредное, губительное и гнусное «мнение» – «неприкосновенно» уже в силу одного того, что нашелся вредный глупец или предатель, который его провозгласил, укрываясь за его «неприкосновенность». А возможно ли заставить его мнить свое мнение *пассивно*? Как помешать ему проводить его мнение в жизнь – шепотом, тихой сапою, тайным сговором, подпольной организацией, незаметным накоплением складов оружия?.. *Свобода слова, союзов и оружия* только выражает и осуществляет *свободу мнений*...

Понятно, что все это сразу обезоруживает государство перед лицом его врагов и разлагателей; и в то же время *обеспечивает этим врагам и разлагателям полную свободу и безнаказанность*. Государство и правительство обязаны обеспечивать *народу свободу соблазнения*, а разлагателям и предателям – *свободе соблазнения*; естественно, что очередное голосование подводит итоги – *успеху обеспеченного соблазна*. И такой порядок будет продолжаться до тех пор, пока соблазн не подорвет самую *идею голосования* и самую готовность *подчиняться большинству* (ибо согласно недавно высказанной революционной формуле бельгийца Шпаака¹: «меньшинство не обязано подчиняться большинству»); тогда голосование будет заменено восстанием и организовавшееся тоталитарное меньшинство захватит власть.

Это означает, что формально-количественное понимание государства открывает двери настежь всем политическим авантюрам, переворотам и революциям, что мы и наблюдаем из года в год, например, в Южной Америке. И поистине негодяи всего мира были бы совершенными глупцами, если бы они не заме-

¹ Шпаак Поль Анри (1899–1972) – бельгийский политический деятель.

тили и не использовали эту великолепную возможность захвата власти. Правда, американские «гангстеры» не додумывались до этого и «озорничали» вне политики; и сицилийские «мафиаторы» тоже довольствуются частным прибытком. Но додуматься было не так уж трудно. Природа не терпит пустоты; и по мере того, как благородные побуждения (религиозные, нравственные, патриотические, духовные) слабели и выветривались в человеческих душах, – в образовавшиеся *пустоты формальной свободы* неизбежно должны были хлынуть нелепые, злые, порочные и жадные замыслы, подсказывавшиеся демагогами-тоталитаристами слева и справа.

Итак, *формальная свобода включает в себя свободу тайного предательства и явного погубления*. Механическое и арифметическое состязание частных вожделиний с самого начала готовило в душах возможность слепого ожесточения и гражданской войны. Пока центробежные силы соглашались умерить свои требования и найти компромисс – государство могло балансировать над пропастью; но восстали «пророки» классовой борьбы и приблизили момент гражданской войны. Что может им противопоставить формально-механическое понимание государства?

Уговоры «главноуговаривающих»? Рыдания о гибнущей свободе? Или идеи сентиментальной «гуманности», забытой совести, отвергнутой чести? Но это значило бы – «вмешаться» и тем самым *отречься от формальной свободы и от механического понимания политики!* Это значило бы утратить веру в политическую арифметику и впасть в сущую «демократическую ересь»!.. Ибо *формальная демократия* не позволяет сомневаться в благонамеренности «свободного гражданина... Еще Жан-Жак Руссо учил, что человек от природы разумен и добр; и что единственно, чего ему не хватает, это свободы. Надо только не мешать ему свободно извлекать из своего доброприродного сердца – руководительную «общую волю», мудрую, не ошибающуюся, спасительную... Только не мешайте... – а уж он *из-вле-чет!*..

Люди уверовали в это два века тому назад. Уверовали французские энциклопедисты и революционеры, а за ними – анархисты, либералы и сторонники «формальной демократии» во всем мире. Уверовали до такой степени, что даже забыли о своей вере и о ее опасностях: решили, что это и есть «сама» «несомненная» «истина» и что она требует в политике – *благоговения перед свободой, почтительного формализма и честного подсчета голосов*. И вот, два века этой практики поставили современных политиков перед величайшим политическим землетрясением мировой истории...

Что же им делать? Урезывать формальную свободу? Отказаться от механики частных вожделиний? Отменить голосовую арифметику? Но это значило бы усомниться в «священных» догматах современной демократии! Кто же дерзнет на это? Кто сам себя дезавуирует? И что же тогда противопоставить тоталитаристам слева и справа? Но если здесь – тупик, то что же тогда? Неужели соглашаться на уродства и зверства тоталитарного режима?! Невозможно!..

<30 октября 1950 г.>

№ 116

Об органическом понимании государства и демократии

Тот, кто хочет верно понять сущность государства, политики и демократии, – должен с самого начала отказаться от *искусственных выдумок и ложных доктрин*. Так, например, это есть вздорная выдумка, будто все люди «разумны», «доброприродны» и «лояльны»; жизнь свидетельствует об обратном, и надо быть совсем слепым, чтобы этого не видеть, или совсем пролганым, чтобы лицемерно отрицать это. Точно так же это есть ложная доктрина, будто право голоса можно предоставлять людям независимо от их внутренних свойств и качеств; скажем совсем точно – *независимо от их правосознания*. Это есть величайшее заблуждение, будто государственный интерес состоит из суммы частных интересов и будто на состязании и на компромиссе центробежных сил можно построить здоровое государство. Это есть слепой предрассудок, будто миллион ложных мнений можно «спрессовать» в одну «истину»; или будто «честно» сосчитанные «свободные» голоса способны указать истинное благо народа и государства: ибо надо не только «честно» считать, но считать-то надо именно *честные и разумные* голоса, а не партийные бюллетени.

Итак, жизнь государства слагается не арифметически, а органически. Самые люди, участвующие в этой жизни, суть не отвлеченные «граждане» с пустыми «бюллетенями» в руках, но живые личности телесно-душевно-духовные организмы; они не просто нуждаются в свободе и требуют ее, но *они должны быть достойны ее*. Избирательный бюллетень может подать *всякий*; но ответственно справляться с *бременем государственного суждения и действия* – *может далеко не всякий*. Человек участвует в жизни своего государства – как *живой организм, который сам становится живым органом государственного организма*, он участвует в жизни своего государства всем – телесным трудом, ношением оружия, воинскими лишениями, напряжениями и страданиями; своею лояльною волею, верностью сердца, чувством долга, исполнением законов, всем своим (частным и публичным) правосознанием. Он строит государство инстинктивной и духовной преданностью, семейной жизнью, уплатою налогов, службою и торговлею, культурным творчеством и даже славою своего личного имени.

И совсем не в том смысле, что государство, как некий тоталитарный «Левиафан» есть «все во всем», все поглощает и всех поработщает; но в том смысле, что «ткань государственного бытия» *слагается из органической жизни всех его граждан*. Каждое индивидуальное злодейство совершается «в ткани» государства, вредит ему и разрушает его живое естество; и каждое доброе, благородное и культурное деяние гражданина совершается в ткани государства, строит и укрепляет его жизнь. Государство не есть какая-то отвлеченность, носящаяся *над* гражданами; или какой-то «я-вас-всех-давишь», вроде сказочного медведя, который садится на жителей домика и передавливает всех. Государство находится не «там где-то», вне нас (правительство, полиция, армия, налоговое ведомство, чиновничий аппарат); нет, оно живет в *нас*, в виде нас самих, ибо мы, живые человеческие личности, мы

есмы его «части», или «члены», или «органы». Это участие не сводимо к внешним делам и к внешнему «порядку»; оно включает и нашу *внутреннюю жизнь*. Но это «включение» состоит не в том, что «мы *ничего* не смеем», а «государство все смеет»; что мы – рабы, а государство рабовладелец; что гражданин должен жить по принципу «чего изволите?» Совсем нет. Тоталитарное извращение есть явление сразу большое, нелепое и преступное. В государство включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или, наоборот, разрушают его) – все *свободные, частно-инициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан*. Продумаем это на живых примерах.

Так, инициативная жертвенность граждан может поддержать армию, выиграть войну и спасти государство (северно-русские города и нижегородцы в смутное время). Паника населения во время войны, наводнения, землетрясения, эпидемии – может принести государству непоправимый вред. Политическая клевета, подрывающая доверие к законному государю, отрывает от него *сердца* граждан, изолирует его и разрушает государство (по правилу: «поражу пастыря, и рассеются овцы»). В стране, где граждане переживают воинскую повинность, как *честь*, как *право*, как *доблестное служение* – мобилизация протекает совсем иначе, чем там, где люди «пальцы режут, зубы рвут, в службу царскую нейдут». Чиновник, честно блюдуший «казенную копейку», *строит* свое государство; чиновник, бормочущий себе под нос «казна – шатущая корова, только ленивый ее не доит», – есть враг своей страны и своего государства.

Тот день, в который патриотическая верность угаснет в сердцах, будет роковым для государства (февраль–октябрь 1917 г.). Политический организм имеет прежде всего душевно-духовную природу: народ, потерявший чувство духовного достоинства, лишенный ответственности и государственного смысла, отрекшийся от чести и честности – неизбежно предаст и погубит свое государство. Недаром сказано мудрое слово: «мир управляется из детской»¹: ибо воспитание гражданина начинается именно с детской, чтобы продолжиться в школе и завершиться в академии. Гражданин неотрывен от своего духа и своего правосознания; духовно-разложившийся человек подает на выборах позорный и погубительный бюллетень; человек с деморализованным правосознанием будет вредить своему государству на каждом шагу – неисполнением своих обязанностей, произвольным преувеличением своих полномочий, мелкими правонарушениями и дерзкими преступлениями, взяткой и растратой, избирательной коррупцией и шпионажем. Это не гражданин, а предатель, продажный раб, ходячее криводушие, недопойманный вор. К какому голосованию он способен? Кого он может «избрать» и куда его самого можно выбрать? Что понимает он в делах государства? Недаром сказано мудрое слово: «город держится десятью праведниками»...

Государственное дело совсем не есть «сумма» всех частных претензий, или компромисс личных вожделений, или равновесие «классовых» интересов. Все эти вожделения и интересы – *близоруки*: они не смотрят ни в государственную ширь, ни в историческую даль. Каждый стяжатель промышляет о «*своем*» и не понимает, что настоящий *гражданин* мыслит *об общем*. Государственное же дело начина-

¹ Слова немецкого богослова Августа Толука (1799–1877).

ется именно там, где живет *общее*, т.е. такое, что *всем важно и всех объединяет*; что *или сразу у всех будет*, или *чего сразу у всех не будет*; и если – не будет, то все развалится и упразднится, и все рассыплется, как песок.

Такова совместная и общая *безопасность жизни*; такова *национальная армия*; такова *честная полиция*; таков *правый суд*; таково *верное и мудрое правительство*; такова *государственная дипломатия*; таковы *школы, дороги, флот, академии, музеи, больницы, санитарная служба, правопорядок*, всяческое внешнее благоустройство и ограждение личных прав. Если это есть «частное вожделение» – то чье же? Если это классовый интерес, то какого же класса? Никакого. Кому же это нужно и полезно? *Всем*, ибо это *общее*; в нем *все суть едино*». И пока каждый промышляет о себе и вожделет для себя, он не подумает об этом и не создаст этого. И постольку он не гражданин, а стяжатель и хапуга; и голосование его по делам государственным будет сплошь траги-комическим недоразумением (Учредительное собрание 1917 года!).

Государство *состоит* из народа и *ведется* правительством; и правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это, и отдавать свои силы *общему делу*. Верное участие народа в жизни государства дает этому последнему его силу. В этом выражается *демократическая* сила истинной государственности. Слово «демос» означает *народ*; слово «кратос» выражает *силу, власть*. Настоящее государство «демократично» в том смысле, что оно черпает из народа свои лучшие силы и привлекает его к верному участию в своем строительстве. Это означает, что должен происходить *постоянный отбор* этих лучших сил и что народ *должен уметь верно строить свое государство*.

Не следует думать, будто *самый способ* этого отбора лучших сил раз навсегда найден и будто этот способ применим во всех странах и у всех народов. На самом деле каждый народ в каждую эпоху своей жизни может и должен находить тот способ, который наиболее подходящ и целесообразен именно для него. Всякое механическое заимствование и подражание может дать здесь только сомнительные или прямо губительные итоги.

Если же этот качественный отбор не происходит или не удается, то правят не способные или просто порочные элементы и начинается развал государства. А если народ не способен верно строить свое государство, – в силу политического бессмыслия, или в силу частного стяжательства, или в силу безволия, или же в силу морального разложения, – то государство или погибнет, или же начинает строиться по типу «учреждения» и «опеки» (См. «Наши задачи, 40–41»).

Отсюда необходимо сделать вывод: то механическое, количественное и формальное понимание государства, которое осуществляется в западных демократиях, *не* есть ни единственно-возможное, ни верное. Напротив: оно таит в себе величайшие опасности; оно не блюдет органическую природу государства; оно отрывает публичное право человека от его качества и способности; оно не единит граждан в Общем, а утрясает в компромисс их своекорыстные голоса. Поэтому такая форма «государственности» и «демократии» не обещает России ничего доброго и не подлежит ни заимствованию, ни воспроизведению.

России нужно иное, новое, качественное и зиждительное.

<30 октября 1950 г.>

Статьи 1951 г.

№ 138

О политической порочности и слепоте

Когда наблюдаешь из года в год политическую жизнь в формальных демократиях Запада, то изумляешься тому, до какой степени здесь начало *количества* подавило и вытеснило требования *качественности*. Откуда эта уверенность, что государственное дело настолько элементарно, просто, общедоступно и легкопостижимо, что для него не требуется никаких квалификаций, ни умственных, ни нравственных, ни политических? Сапожник долго учится сапожному делу, а в политике политическая подготовка якобы не нужна. Горшечник без умения ничего не стоит; а в государственных делах якобы понимает первый встречный, достигший двадцати лет и явно не буйствующий в сумасшествии, хотя бы его политическая компетентность равнялась нулю. Посмотрите, какую аналитическую силу суждения развивает рабочий из электрической мастерской, когда ему надо установить, почему у вас «перегорела пробка»; он созерцает всю вашу квартиру; прослеживает путь проводов; мысленно, а потом и технически изолирует каждый выключатель и каждую лампу... И добивается своего. Он этому *учился*. Он *владеет* своим предметом. Он понимает, знает, *судит и ответственно служит*. А государственное дело бесконечно сложнее; политика бесконечно ответственнее; и горизонт здесь необходим совсем не квартирного масштаба...

И вдруг оказывается, что *государство есть дело улицы*. Подобно тому, как по улице всякий может ходить, всем позволено, все для этого хороши; так и в политике – *качества ненужно*. Тут никакой «компетентности» не надо: ни анализа, ни синтеза, ни сведений, ни понимания, ни ответственности; «ходи» – и все тут. Впрочем, и это иллюзия, ибо цивилизация на каждом ходу напоминает нам, что ходить по улице – есть целое искусство, а то как раз окажешься в больнице или в морге. Но *судить в политике* – выбирать, избираться, примыкать к партиям, требовать, сговариваться, в выгодную *минуту* промолчать, в другую минуту солгать, нырнуть, угодить и пролезть – это все доступно всякому, это дано всем «от природы», для этого *ни качества, ни квалификации* не требуется.

И вот, *политика безразличная к качеству людей качественно снижается*; и начинается *государственное разложение*.

Подумать только: согласно догмату формальной демократии *право голоса* должно неотъемлемо принадлежать всем, кто прожил на свете необходимое число лет, кто не попал в сумасшедший дом и кто не осужден за тяжкое уголовное преступление с лишением прав. *Все компетентны, в делах справедливости, свободы, хозяйства, техники, семьи, школы, академии, церкви, суда, армии и на-*

ционального спасения...

Неужели все? Конечно *все!* Сомневаться в этом могут только «враги демократии», «реакционеры», «фашисты», «тоталитаристы» и прочие «подозрительные» или «отверженные» люди.

Допустим, что это так, и сделаем выводы. Причислим к *честным и компетентным гражданам* и остальных. Вот они: все непойманные воры, пройдохи-спекулянты, заведомые интернационалисты, дезертиры, продажные изменники родины, внезапно исчезающие дипломаты, детопокупатели, растлители, пьяницы, курители опиума, рабы кокаина, содержатели и содержательницы публичных домов, профессиональные контрабандисты, гангстеры, апаши, сутенеры, шулера, сводники и сводни, конокрады, ростовщики, политические и неполитические заговорщики всех сортов и калибров, взяточники, аморальные проныры...

Словом, все то нравственное гнилье, все те общественные подонки, которые все вместе образуют *политическую чернь*. Эта та самая городская чернь, которую Карлейль¹ потрясающе изобразил в своей «Истории французской революции»; та самая чернь, которая, растерзав тело мадам Ламбаль², целый день носила по городу на шесте ее половые органы; та самая чернь, которую в Англии художественно обрисовал Шекспир (в «Исторических хрониках»), а в русской революции закрепили с таким мастерством Шмелев и Коровин (в книге о Шаялине). В подвалах Чеки я часами слушал взволнованные излияния этой черни, всех этих «анархистов-комбинаторов», жутких полуматросов, выпущенных Керенским из тюрем свирепых убийц, спившихся полунинтеллигентов, садистов, пройдох, примкнувших к коммунистам и уже у них проворовавшихся... Излияния, в коих правда и ложь, гнусное хвастовство и неправдоподобный цинизм смешивались в отвратительное единство. Я запомнил на всю жизнь программный гимн первых лет: «Бога нет, царя не надо, мы урядника уьем, податей платить не будем и в солдаты не пойдем»... Таковы были все эти «зеленые», «махновцы» и вся прочая разбойная «атаманщина», показавшая себя в 1917–1921 годах в России.

А в будущей России, на основаниях «всеобщего и равного» голосования, к ним присоединятся – чекисты-энкведисты-смершники, профессиональные доносчики, изолгавшиеся советские карьеристы, активные безбожники, коменданты концлагерей, разрыватели могил (в погоне за золотыми зубами), ограбители трупов, продавцы котлет из человеческого мяса (1921–1932–1933), «бывшие» урки, пронырливые «иеро-чекисты», наемные шпионы иностранных держав и все прочие погубители России.

Формальная демократия никогда не посмеет лишить их права голоса. Все они будут признаны «полноправными» гражданами, «высококомпетентными» в деле спасения России, воспитателями русского народа. Тем более будут признаны избирательные права за тем, кого следует отнести не к черни, а к массе *политических слепцов!* Люди, не понимающие смысла *свободы, долга, служения и ответственности*; люди, решительно не понимающие государства, его жизни и его интересов; люди, не знающие русского прошлого и не могущие разуть

¹ Карлейль Томас (1795–1881) – английский публицист, историк, философ.

² Ламбаль Мари Тереза Луиза (1749–1792) – приближенная королевы Марии Антуанетты.

исторические задачи России; люди с горизонтом деревушки, шалаша, советской землянки, сакли, чума, юрты... Куда поведут они, слепые, нашу страну, если не в разложение и не в яму? Правда, со слепого не взыщешь, но не безумно ли доверять ему водительство?

Все это отнюдь не означает, что людей политически порочных и политически слепых надо «лишать всех прав». Но это означает, что предоставляемые им *публичные права должны быть соразмерны их государственному горизонту и их политической силе суждения.*

Публичные права суть права, дарующие человеку участие в решениях государства и в созидании и осуществлении его власти. Нелепо давать «права власти» – людям порочным и слепым; нелепо и губительно. Нелепо провозглашать такую свободу, которая *развязывает в государстве порочные и слепые силы*; нелепо и губительно. То, что здесь необходимо и спасительно – это не «лишение всех прав», не превращение человека в «раба» или в «вещь», а *ограничение его публичной дееспособности*, такое ограничение, которое *соответствует его духовной дефективности* и в то же время урезает силу его порочного или слепого духа.

Что это означает и как это осуществимо?

№ 139

Что есть право голоса?

Право голоса есть признанная за человеком *сила суждений и сила решения* в государственных делах.

Как возможно «признавать» эту силу суждения за человеком, у которого ее на самом деле нет? «Ее нет, а мы сделаем вид, будто она имеется»... «Этот человек не понимает, что такое государство, право, свобода, справедливость, честь, совесть, родина, вера, дух и культура; но мы притворимся, будто он все это разумеет и будто его суждение что-то весит и означает»... Такое притворство невозможно нигде – ни в технике, ни в ремесле, ни в медицине, ни в сельском хозяйстве; ибо повсюду такой образ действия повлечет за собою наказание: у неумелого неуча аэроплан загорится, поезд сойдет с рельс, автомобиль опрокинется, сшитый сапог развалится, больные будут умирать, семена не взойдут, коровы перестанут доиться, лошади будут перепорчены. Но в политике это притворство было принято и стало осуществляться. Это «ничего», что человека спрашивают о *благех государства*, а он отвечает о *пользе своего кармана* и о *выгодах своего класса*. Ему предоставили судить о *праве*, а он стал организовывать такие *силовые центры*, которые хороши только для нажима на весь остальной народ (профессиональные союзы, закулисные заговоры, тоталитарные партии, «Викжель»¹ и т.д.). Ему доверили блюсти *творческую свободу*, а он предпочел продать ее диктаторам (все равно каким – левым или правым) за «хлеб» и за «зрелища»... Его спросили о *справедливости*, а он провозгласил *равенство*, т.е. величайшую несправедливость и

¹ Викжель – Всероссийский исполком союза железнодорожников (август 1917 г. – январь 1918 г.), центральный профессиональный орган работников железнодорожного транспорта.

величайшее насилие. Ему доверили вопрос о чести, совести и вере, а он провозгласил *право на бесчестье, свободу от совести и гонение на верующих*.

Осмелится ли кто-нибудь сказать, что мы «преувеличиваем»? Никто, конечно; ибо если бы нашелся такой, то он выдал бы себя с головою, *какого лагеря он агент и пропагандист*.

Давно пора сказать и утвердить: *тоталитарный строй не случайное явление; он родился из качественного снижения и духовного вырождения демократии. Вера в количество снизила качество*. Лицемерное притворство в вопросе о силе суждения и решения отдало власть в руки *политической черни*, а политическая чернь пошла, как всегда, за демагогами и тиранами, продала им свободу и право и привела к кризису наших дней.

Когда я говорю о *черни*, то я связываю это понятие отнюдь не с черным трудом, не с бедностью или «неродовитостью», а с *низостью души*. Эту низость души можно найти во *всех* социальных слоях, особенно в наше время, когда появилась *образованная и полубразованная чернь*, а благородство души живет и проявляется нередко в бедняках, изнемогающих от черного труда. К черни принадлежат *люди злой и порочной воли; люди без чести и совести; люди с мертвым нравственным и социальным чувством; люди беспринципные в своей хищности; люди порочных профессий*.

«Нельзя так рассуждать, – скажут нам. – Лишать права голоса можно только на основании *достоверных, формальных признаков*, а не на основании сердцеведения: а мы не нашли *юридических оснований* для того, чтобы отличить чернь от не-черни!». – Отвечаю оппонентам: «Вы уподобляетесь человеку, который сказал бы: так как я не умею отличать чумную крысу от нечумной, то предлагаю предоставить свободу циркулирования всем крысам, как таковым; или еще: я не знаю достоверных, формальных признаков дифтеритной бактерии; поэтому отвергаю всякую дезинфекцию; и моего сына, заболевшего дифтеритом – не лечу: боюсь огорчить не только дифтеритную палочку, но и какую-нибудь невинную бактерию... Провозгласим же свободу и равенство всех бактерий!!!».

Итак, пусть процветают *люди порочной воли!*..

И еще скажут нам: «Вы говорите о государственной и политической слепоте; но как же распознать ее? Вы признаете слепыми других людей, а эти другие признают слепыми вас и меня... Где достоверный и формальный признак?» – Отвечаю оппонентам: «Так как мы не умеем еще распознать, кто слеп и кто зряч в политике, то и исследовать этот вопрос не надо: *признать всех зрячими и предаться на волю судьбы!* Как-нибудь все утрясется... Ведь это все равно, как если бы вы предложили: лучше не углубляться в вопрос о физическом зрении, все равно ничего не узнаем, давайте лучше насажаем слепых на паровозы, аэропланы, автомобили, поручим им дело живописи и дело артиллерии»...

Итак, пусть политические слепцы ведут государство!..

Пришел исторический час, когда люди или откажутся от подобных рассуждений, или вступят окончательно на путь гибели цивилизации и культуры. Право голоса *дает участие в государственной власти*; а государственная власть ныне *утратила свои границы, забыла свои пределы и выработала такие приемы вла-*

ствования, порабощения и подавления личности, которых не знала даже католическая инквизиция. Государственная власть овладела такими *техническими, химическими и психологическими* (психиатрическими) умениями, которые делают ее *духовно-опасною и бесконечно-ответственною* силою. Тоталитарное государство, вооруженное *радиоволною, воздухоплаванием, атомною бомбою, газовыми камерами, подкожным впрыскиванием ядов и гипнотическим внушением* – сделало *страшною и гибельною сверхсилою*. Нельзя отдавать эти страшные средства в руки безответственных авантюристов, в руки политических властолюбцев, в руки ожесточившихся партий, в руки империалистически-буйных народов.

В наши дни все думают и говорят о «третьей, атомной войне». Но такая война может и не состояться, и притом именно потому, что все ее предвидят и все ее опасаются. Но дальнейшее политическое развитие может пойти *совсем иначе*, по путям *еще более страшным*.

Установим три основные тенденции в современной политике.

1. Развитие в сторону *заговоров и переворотов*. Южная Америка является практическим рассадником этого способа приходиться к власти уже на протяжении 150 лет. Тридцать четыре года тому назад коммунисты взяли эту практику в свои руки; они выработали с тех пор целую практическую доктрину, изложили ее в резолюциях Исполкома Коминтерна и с тех пор применяют ее во всем мире.

Техника заговора и переворота разработана теперь как никогда, причем ставка делается всегда на *худшие* элементы страны, на авантюристов, неудачников, честолюбцев, властолюбцев, завистников, продажных, предателей, извращенных и садистов. Давно уже работают подпольные школы, в которых систематически преподаются этим мрачным людям приемы этого темного дела...

2. *Профессиональные союзы*, с самого начала своего помышлявшие не о государстве, а о классовом интересе и ведущие политику *количества, давления и силы*, – постепенно научились прибегать к *политической забастовке*. Железнодорожники поняли, что они могут остановить весь транспорт страны; заговор электро-рабочих может остановить ток и движение и погрузить страну в темноту; заговор углекопов – прервать все углеснабжение и отопление; забастовка банковских служащих остановит нормальное движение торговли и финансов и т.д.

Психология заговора овладела синдикатами рабочих и служащих. Она перекинулась и в военные круги, если не прямо в армию. Вспомним германский «Стальной шлем»¹; вспомним, что итальянский фашизм возник из «ячеек соратников» (фашио ди комбатименто); вспомним о союзе «ветеранов» в Соединенных Штатах. В Южной Америке заговоры то и дело вспыхивают именно в армиях.

Принципу демократического «большинства» противостоял новый принцип: *заговор инициативного меньшинства*. Эти меньшинства постепенно научаются у коммунистов технике заговора и переворота; и начинают понимать, что *воля к власти, энергия напора, козыряние забастовкой* и иные угрозы могут весить больше, чем подсчитанное большинство пассивных голосов.

3. Этому противостоит на стороне демократических правительств слепая

¹ Монархическая военизированный союз бывших фронтовиков в Германии. Создан в ноябре 1918 г.; позднее уступил влияние Национал-социалистической партии.

вера в мнимую лояльность граждан, в количество и подсчет, а также вера в почти неограниченную свободу слова, печати, организации, агитации, партийной и профессиональной пропаганды. Иными словами: культ «а-кратии», т.е. *полувласти и безвластия*.

Современное государство обладает *потенциально* страшной силой. Но *осуществляет актуально слабовластие*. В это политически слабое или пустое место может вломиться *клин чудовищного заговора*: профессиональный союз атомных и атомобомбных предприятий соединится с профессиональным союзом авиаторов (кто и чем может помешать этому?) и установит тиранию атомного страха и безудержной порочности. Ибо, та страшная сила, которую коммунисты фактически уже развернули в захваченных ими государствах, – *не охраняется в слабовластных странах*; и примеры множества «атомных» предательств, бегств или «исчезновений» обнаружили это недвусмысленно. И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что коммунисты давно учли это слабо-пустое место и работают в этом направлении.

Этому мы противопоставляем для России тезис: власть должна находиться в руках *качественных и сильных*. Необходим *качественный отбор*. Право голоса должно принадлежать *верным гражданам*, а не предателям, не черни и не слепцам. Участие народа в государственном строительстве должно выражаться в *отборе лучших*. Необходимо не количественное, а качественное «народоправство».

№140

Необходимо ограничить публичную дееспособность

Будущее скрыто от человеческого взора. Мы не знаем, как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчленяющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели; и тогда все предполагаемое нами будет *отсрочено*. Но придет час, когда русская национальная власть вступит ради спасения России на указываемые нами пути. Мы не знаем, когда это будет; но мы твердо знаем, *чего следует желать* для спасения России.

Образование государственной власти должно быть *изъято* из рук толпы, улицы, черни и *передано в руки лучших, государственно и национально мыслящих граждан*. Эти граждане как *государственно дееспособные* должны быть *выделены* в качестве *политически-зрелого и активно-строящего ядра*. Всякие дальнейшие выборы и голосования будут осуществляться уже ими и только ими. Они составят тот трезвый слой, тот государственно-мыслящий кадр, который сможет повести народ и страну к возрождению. Все остальные – отнюдь не станут «рабами» и отнюдь не перестанут быть гражданами; но политической активности, права слагать государственную волю, участия в строительстве государственной власти – у них *не будет*.

Это и обозначается словами: их политическая дееспособность будет

ограничена.

Юриспруденция отличает *правоспособность* человека от его *дееспособности*. В имущественных отношениях есть множество лиц, не располагающих дееспособностью, т.е. *не имеющих права самостоятельно совершать юридические акты*. Уже римские юристы знали и понимали, что малолетних, слабоумных и сумасшедших нельзя включать в нормальный и свободный имущественный оборот.

С одной стороны, они *несведущи, беспомощны и беззащитны* и всякий плут может их соблазнить, надуть, вовлечь в невыгодные сделки и обобрать; необходимо *защитить их самих от недобросовестных сограждан и злонамеренных иноземцев*. С другой стороны, они не в состоянии *отвечать за свои волеизъявления, обещания и обязательства (безответственность!)*, и *вменить* им их поведение невозможно (*невменяемость!*), их дееспособность была бы вредна или даже гибельна и для них самих и для их сограждан. Поэтому и современное право ставит таких лиц (малолетних, несовершеннолетних, слабоумных, слепых, глухонемых, пьяниц и расточителей) под *опеку или попечительство*. Они остаются *правоспособными* и имеют *признанные и охраняемые права, но юридических актов совершать не могут*.

Так обстоит дело *на протяжении тысячелетий*, и притом в вопросах *личной имущественной пользы*; и никто и не думает оспаривать или осуждать обоснованность и справедливость такого порядка. И вдруг в вопросах *общественного блага, всенародной пользы и государственного спасения* – мы видим полное забвение всякой осторожности, всякого трезвения и всякого жизненного реализма. Страна, кишая *политически-малолетними и несовершеннолетними, государственно-слабоумными, патриотически-сумасшедшими (интернационалисты!), морально-слепыми, социально-глухонемыми, партийно-пьяными и национальными расточителями (расчленители!)* – пытается строить свое государство при обязательном участии всех этих заведомо-безответственных и невменяемых лиц. *Законодательство* умалчивает об их *политической недееспособности*, а сам народ удивляется, – что это ему ничего не удастся? И идет на гибель, не понимая того, что с ним происходит.

И вот, подобно тому, как в *имущественных делах* людей признают *недееспособными* – в интересах всего общества и самих лишенцев, и никто не вопит об их мнимом бесправии; совершенно так же необходимо признать целый ряд людей *политически-недееспособными* – в интересах всего народа, государства и самих лишенцев. *Гражданин и активный гражданин* – не одно и то же. Недееспособный гражданин сохраняет *все свои законные права*: право на государственную защиту, право на территориальное пребывание, общие права инициативы и неприкосновенной личности, право на труд, все социальные права, все имущественные права, все семейные и наследственные права; он сохраняет и все свои публично-правовые обязанности, которыми он преимущественно и строит государство, свое государство (повинности: налоговая, воинская, натуральная и др.). Он нисколько не становится «рабом». Он только *не имеет права голоса в государственных делах*.

Прошло то время, когда люди – то ли по либеральной наивности, то ли по оптимизму, то ли по глупости – верили «в свободную игру добрых и злых сил» (как в личном человеке, так и в государстве) и полагали, что «от злых сил в жизни бывает большая польза».

За долгие годы всемирной революции мы могли окончательно убедиться в том, что «свободная игра» добрых и злых сил ведет к победе именно злых сил и что предоставление свободы злу есть или сентиментальная глупость, граничащая с предательством, или лукаво-умышленное злодеяние. Подобно тому, как в *хозяйстве* либералы постепенно научились тому, что творческое равновесие не дается множеству самочинно хозяйствующих людей, безвольно барахтающихся в собственной жадности; – что нерегулированное хозяйство ведет к противосоциальным явлениям, к перевоплощению капиталов, к перепроизводству, к биржевым крахам, к затяжным кризисам и депрессиям; – что частно-инициативное хозяйство надо не подавлять и не искоренять, а *организовывать и приобщать к целесообразному регулированию*, отнюдь не впадая в социализм; – подобно этому наступает эпоха, когда такое *творческое регулирование* будет признано необходимым и в *политике*. Свободу человека, его верований, его убеждений и политических мнений – не надо подавлять, но ее надо *воспитывать*, оформлять и *духовно направлять*.

Обыкновенный человек, идя на выборы, несет в себе – и нравственную личность, и обывателя; и патриота, и шкурника; и гражданина, и карьериста; и государственно-мыслящего избирателя, и ненасытного классового требователя. «Сверху» ему не говорится ничего, из уважения к его «свободе»; но со стороны и снизу ему открыто и настойчиво внушают – утвердить в себе классового требователя, обывателя, шкурника и карьериста и забыть все иное. В странах формальной демократии вокруг избирателя жужжат, как мухи, всевозможные *искусители*, политические торгаши из разных партий и даже стран, суля, зазывая, волнуя, пугая, колебля, забрасывая пропагандными листочками или предлагая прямую подачку (то «хлебом», то «зрелищами», то просто чеком). Они сулят шкурнику, запугивают обывателя, зазывают карьериста и натравливают классового требователя. В трудном, сложном и чрезвычайно ответственном деле голосования – делается все, чтобы сбить человека и захватить его голос, чтобы *снизить политический уровень голосующего*; и все это – во имя «свободы».

И вот, допускать этот порядок, в коем есть элементы базара, биржи, азарта и спорта, в послереволюционной России – было бы безумно и губительно. Ибо за годы революционного унижения и революционной грязи – шкурничество, карьеризм, классовый образ мысли, гражданская трусость и продажность получили такое распространение и укоренение, такую силу и до такой степени исказили душу, отодвинули патриота, заглушили гражданина и погасили государственное мышление, что пробудить это потребует особых длительных, воспитывающих усилий со стороны национально-государственной власти. Рано или поздно это удастся. Но спасения можно ждать только от выделения *истинно-дееспособного кадра, от лучших людей*.

Как же возможно осуществить это?

№№ 141–143

Какие же выборы нужны России?**I**

Как бы ни сложился дальнейший ход событий в России, никакие общегосударственные выборы не будут возможны в первые годы после падения большевиков: в хаосе не выбирают; в состоянии общего брожения, возвращения, переселения, без оседлости и приписки – выборы *неосуществимы*. Всякая попытка произвести выборы и провозгласить «Учредительное собрание» – будет заведомой фальсификацией, партийной подтасовкой, *политическим мошенничеством*. Заранее ясно, что такая «демократия», начинающая с обмана и фальши – будет обречена.

Пока национальный диктатор не подберет себе честный и идейный правительственный аппарат, способный честно составить законные избирательные списки, до тех пор говорить о выборах невозможно. Представлять же себе дело так, что какое-то, кое-как сбитое, из закулисных щелей понасаженное «полусобрание» провозгласит себя «учредилкой» и объявит в виде избирательного закона «всеобщее, равное и прямое» голосование, значит, прямо предвидеть фальсификацию выборов, как неизбежную, или даже готовить ее, как «желательную». Вряд ли кто-нибудь дерзнет на такое историческое позорище...

До всякого составления избирательных списков должен быть проведен генеральный, *всенародный перебор граждан*. Должен быть прежде всего издан закон, в силу которого право голоса не может принадлежать, – помимо несовершеннолетних (мужчин до 25 лет, женщин до 30 лет), слабоумных, сумасшедших, глухонемых, заведомых пьяниц и кокаинистов, – еще следующим категориям лиц: интернационалистам – навсегда; рядовым коммунистам – на 20 лет; членам Совнаркома, Политбюро, Чеки, ГПУ, НКВД, МВД – навсегда; палачам и полномочным начальникам концлагерей – навсегда; изблеченным политическим доносчикам – на 20 лет; уркам – на 10 лет; всем, служившим в иностранной разведке – на 20 лет; лицам порочных профессий (кои будут перечислены в законе) – на все время их промысла и еще на 30 лет по прекращении такового (к таким профессиям принадлежат: разбойники, дважды присужденные воры, скупщики и укрыватели краденого, конокрады, контрабандисты, содержатели и содержательницы публичных домов, сводни и сводницы, члены террористических партий и организаций, шулера, чернорыночные спекулянты, незаконные ростовщики и т.п.). Этот закон должен быть предан самой широкой гласности по крайней мере за год до составления списков.

В предлагаемом *всенародном переборе граждан* участвует, во-первых, весь народ на местах – по селам, поселкам, заводам, фабрикам и городским участкам; во-вторых – представители центральной власти.

За год до составления списков глава государства собирает на особые съезды *губернских* начальников и *городских* начальников, чтобы разъяснить им основ-

ную задачу нового *перебора и отбора*. Здесь вырабатывается единая, общая инструкция, которая передается на места и публикуется во всеобщее сведение. Губернские и городские начальники разъясняют ее своим *подчиненным* (уездным, участковым и заводским представителям власти), а те разъясняют ее сельским и участковым *собраниям*.

Внимая этой инструкции, народ должен убедиться и поверить, что *коммунистическая революция кончена*, что *партийный кошмар изжит*, что начинается *новое*, разумное строительство, основанное на *любви к России, на добросовестности, чести и честности*, на частной инициативе, на верности лояльному правительству и на *отборе лучших людей*. Народ должен понять, что от него ждут не партийного притворства, не лжи, не доносов, не взаимного предательства и угодничества перед властью, а составления избирательных *списков с устранением всех утративших право на голос*.

Это устранение происходит *закрытым голосованием*, на основании *общего*, еще не избирательного списка жителей, составленного участковым начальником. Голосованию подлежит *всякий*, против которого подано *пять* отводящих записок, *без подписи*, но с указанием *законного* основания для отвода. Например: Семен Семенович Гайдук отводится, как доносчик; или как палач; или как скупщик краденого; или как интернационалист. Записки прочитываются вслух, обсуждению не подлежат, протоколируются и тотчас же уничтожаются; отведенный имеет право возразить публично; возражение его *не обсуждается*; вопрос решается простым большинством при закрытом голосовании.

Во всех случаях, где участковый начальник видит, что негодные элементы *не* отведены, а ценные элементы отведены, он обязан обжаловать производство перед губернским и городским начальником и добиться повторения процедуры. Там, где будет обнаружено сплоченное коммунистическое большинство и его успешные интриги, участок может быть оставлен совсем без избирательного списка.

Такова первая стадия: *всенародный перебор*. После него составляются избирательные списки в обычном порядке и со всеми гарантиями законности, справедливости и беспартийности. Эти списки определяют состав политически дееспособных граждан на 10 лет. Именно таковые и только они являются активными гражданами. По миновании сроков и утверждения списков самые выборы производятся в следующем порядке.

Выборы не должны быть «тоталитарными». Всякий, занесенный в списки, имеет право воспользоваться своим правом голоса и не воспользоваться им. Но выборы и не должны быть партийными: никаких партийных программ, плакатов, никакой агитации быть не должно. Выделение лучших – должно быть произведено *самим народом, совершенно свободно* и без всяких партийных «обещаний», нажимов, подсказываний и иных фокусов. России необходимы не партийные заговорщики, не партийные шукари и перевертни, а люди *реальной жизни и чести*. Свобода голосования должна быть гарантирована его тайною.

Выборы должны происходить не на основании партийных предложений и рекомендаций, а по принципу *личной известности и уважаемости*. Для этого не-

обходимо избирание по участкам или малым округам. При таком порядке будет избрано минимум столько лиц, сколько будет всего избирательных участков (по одному на участок), или же вдвое, втрое и вчетверо больше. Это означает, что в первой стадии будут избираться не члены Государственной думы, а *выборщики*, и притом *выборщики* *выборщиков*.

Это означает, что желательны отнюдь не прямые выборы, а *многостепенные*, где на каждой «ступени» возможен *спокойный, трезвый, деловой* отбор людей, со все более серьезным и глубоким осознанием цели и смысла избирания и где партии все более и более утрачивают свое вредное влияние. Примерно говоря: села выбирают волостных *выборщиков*, волостные выбирают уездных, уездные губернских, губернские членов Государственной думы; в городах – малые избирательные участки посылают своих *выборщиков* в городской округ, окружные в главное городское собрание, которое и выбирает членов Государственной думы. Народ должен воспринять «задание на лучших» и, почувствовав себя *свободным*, должен действительно *вложиться* в это дело и *объединиться* на нем.

Это были бы выборы *общие* (с повышенным качественным и возрастным уровнем), *равные* (ибо никто не имел бы более одного голоса), *тайные* (по способу голосования) и *многостепенные*.

II

Итак, я считаю совершенно необходимым осуществление *всенародного перебора*, *повышение возрастного* уровня и строгий, но справедливый и всенародный *отвод порочных элементов*. Далее, я считаю столь же необходимым освобождение народа *от тоталитарного нажима* сверху и *от партийной агитации* снизу: цель и задача выборов – отбор лучших – должна быть властно подсказана народу национальной диктатурой, но в осуществлении этой цели народ *должен сохранить свою свободу*. Диктатура должна не навязывать, а лишь предлагать народу своих кандидатов. И тем не менее я не считаю ни целесообразным, ни зиждательным предоставление выборного производства на волю *случая*, *пустого количества* и *закулисной интриги*.

Потрясение, пережитое русским народом, было слишком глубоко и длительно. Большевики недаром хвалились своей «твердокаменностью», «рукастостью» и «костоломностью». За все время своего господства они стремились произвести свою костоломную операцию над *каждым* русским человеком: поставить его культурно, хозяйственно и морально *на колени* и *сломать ему духовный хребет*. Пусть он попробует после этого самостоятельно встать на ноги... В результате революция нанесла правосознанию русского народа такие язвы, с которыми он, предоставленный самому себе, *не скоро справится*. Но именно поэтому освобождение от ярма не должно повести его к соблазну, идущему от политических партий. Верная задача выборов – *отбор лучших* – должна быть не просто указана из национального центра (провозглашена); но самое разрешение ее должно встретить помощь и содействие. После тридцати – или – сорокалетнего политического разврата и террора русский народ, свободно выделяя *своих лучших граждан* кверху, будет

нуждаться в помощи и контроле государственно-мыслящего центра. Но эта помощь и этот контроль получают особую силу и значение именно тогда, *если такая же помощь и такой же контроль будет оказан диктатуре со стороны самого народа*. Вкладываясь в этот отбор, народ должен иметь возможность исправлять на ходу возможные ошибки помогающей ему власти. Помощь и контроль должны быть *одновременными и взаимными*; а отбор должен быть *совместным и общим*.

Чтобы это осуществилось, надо отказаться *от слепой веры в количество собранных голосов* и в его политическое значение. Надо искать *качества* и требовать его от избираемых. Ибо, в самом деле, от роста числа голосов заблуждение не превращается в истину, авантюрист не становится государственно-мудрым человеком, предатель вроде Лавала не заслуживает доверия. И если бы *все*, буквально *все*, потребовали бы в ослеплении политически губительных мер, то эти меры не стали бы от этого политически-спасительными.

Далее, для этого надо отказаться *от веры в партийную рекомендацию* и искать достоверного и непосредственного знания рекомендуемого кандидата. На самом деле партия выдвигает совсем не *лучших* людей, а *согласных* с нею и *послушных* ей. Европейский политический опыт изобилует примерами, где *лучшие* люди совсем не выдвигались потому, что они не мыслили партийно, а имели свои личные воззрения; мало того, известна тенденция в европейских демократиях не выдвигать лучших именно *потому, что они лучшие*, выдающиеся, сильные, энергичные, независимые и потому для демократии якобы «опасные» люди. Достаточно вспомнить политическую карьеру Черчилля¹, которого долгое время «задвигали» (т.е. не давали ему ходу) за его явное превосходство. Партии не только не непогрешимы, но обычно тенденциозны, односторонни и думают не о государстве в целом, а о себе.

Далее, надо отказаться от *механического и арифметического* понимания политики, от *заглазных и отвлеченных кандидатур*, никому не известных, кроме партийного центра; надо вернуться к естественному, органическому общению в политике, при котором *личное знание, личное уважение и личное доверие* имеют решающее значение. Выборы должны быть не подсовыванием партийных карьеристов партийными карьеристами, а действительным отбором действительно лучших людей. Глупо искать всенародного спасения в безличном механизме, в партийном интриганстве, в нравственно- и религиозно-безразличном совании записок в урны и подсчете голосов.

Надо отказаться далее от *больших избирательных округов* с партийными списками и от так называемых «*прямых*» (в сущности «*кривых*» и мертвых) выборов и обратиться к малым округам, где все друг друга хорошо знают, где почти невозможно протереться вперед случайному авантюристу или профессиональному политическому «*ныряле*». Надо обратиться к выборам *вдумчивым, проверяющим и перепроверяющим*, к выборам многостепенным, творящим *осторожный отбор* и дающим *ответственное предпочтение*.

И в довершение всего надо искать на выборах государственного *единения*, а

¹ Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – английский государственный деятель, историк. Премьер-министр в 1940–1945, 1951–1955 гг.

не *бесконечного дробления* в направлении честолюбия и властолюбия. Казалось бы, что могло бы быть справедливее пропорциональной системы? «Сколько голосов собрано, столько и депутатов»... Сама арифметическая «справедливость»! На самом же деле пропорциональная система прямо вызывает к жизни беспочвенный партийный авантюризм. Надо только «приобрести» голоса, захватить в свои ловко расставленные сети побольше наивных и доверчивых глупцов, и «ему», придумавшему соблазнительную программу, место в парламенте будет обеспечено. Само собою разумеется, что возникают не партии, а обрывки, осколки, ошметки партий: ни одна из них не способна взять власть, повести государство и оградить страну. Но разве это важно мелким честолюбцам и карьеристам? Им важно «выйти в люди», «фигурировать», словчиться на министерский или полуминистерский пост; а для этого существуют «компромиссы» с другими полупартиями и подфракциями. И вот государственное дело превращается в *мелкий базар политических спекулянтов*, в неустойчивое равновесие множества групп и группочек, в компромисс политических «нырял» и «протирал». Скажем прямо: *в политический разврат*.

А между тем на самом деле люди, творящие политику, призваны искать *единства*, государственного спасения, некоей единой программы, которая *необходима государству*: они призваны искать *общего, единого*, того, что у всех сразу или будет, или не будет – *права, порядка, сильной армии, неподкупного суда, честной администрации, воспитывающей школы, прочных финансов, хозяйственного и культурного расцвета народа*. Политика, по самому существу своему, означает *единение*, а не *разброд*, *общее*, а не *частное* (будь то личное или классовое), силу народа, а не *изнеможение*.

Это единение есть *основа государства*: единение *граждан между собою* и *единение граждан с властью*.

Именно поэтому не правы все те теории и доктрины, которые пытаются уверить нас, будто в основе политики лежит вечная и неизбывная борьба граждан с государственной властью: ибо-де власть означает «нажим» и «гнет», а гражданство означает «свободу» и «независимость». Все эти теории *революционного происхождения* и анархической природы. Напротив: государство зиждется и держится *добровольным признанием власти со стороны граждан*, с одной стороны, и *уважением и доверием государственной власти к гражданам*, с другой стороны. На вражде государства не построить. Из вечной и ненавистной оппозиции граждан может вырасти только революция, разложение и гибель народа.

Вот почему грядущая Россия нуждается в такой избирательной системе, которая покоится на *взаимном сотрудничестве народа и власти*, на их сознательном объединении вокруг единой государственной цели.

III

Предлагаемая мною здесь избирательная система покоится на ясно формулированной предпосылке, согласно которой государство есть не *корпорация* («все снизу») и не *учреждение* («все сверху»), но *сочетание того и другого*. Государ-

ство есть *учреждение*, которое ищет в *корпоративном* духе и в корпоративной форме – народного доверия и прочности, и потому чтит свободу своих граждан и добивается их сочувствия и содействия; и в то же время государство есть *корпорация*, которая ищет в *учреждении* силы и прочности, и потому чтит авторитет своей власти и не посягает на ее свержение и поругание.

Это *органически-духовное единение правительства с народом и народа с правительством* должно проникать всю избирательную систему с самого низа и создавать следующий порядок.

Выборы должны быть разделены на *небольшие участки*, где все друг друга знают и где социально-негодные элементы столь же хорошо известны всем, сколь и социально-ценные и почтенные люди. Далее, выборы должны быть построены на форме постепенно восходящей «лестницы» (трех- и четырех степенные выборы). Принципиально в отборе лучших должны участвовать две стороны – народ и правительство. Обе участвующие стороны имеют право *предлагать своих кандидатов и одобрять* (или *не одобрять*) чужих кандидатов, конкурируя друг с другом в обретении лучших и проверяя друг друга в выделении *подлинно достойных людей*.

Поясним это на примере. В каждом селе избираются волостные избиратели, которые потом соберутся в волости. Допустим, что в данном селе надо выбрать *четыре* избирателей. И вот сельский сход избирает от себя тайным голосованием *четыре*, а начальник уезда назначает от себя тоже *четыре*. Это первая стадия отбора. В тот же день непосредственно после первой стадии начальнику уезда представляется список *четыре избранных* кандидатов, из коих он уполномочен и обязан *двоих* утвердить, а *двоих* отвести; а сельскому сходу представляется список *четыре назначенных* кандидатов, из коих сход тайной баллотировкой *подтверждает* большинством голосов *двоих*. Если обе стороны сколько-нибудь верны своей задаче, то есть ищут не льстецов, не проныр, не партийных демагогов и не «фашистов», а подлинно лучших людей, то двойная проверка даст необходимые результаты: четверо лучших будут «утверждены» и «подтверждены».

Волостные выборы, проведенные по той же системе, дадут такие же результаты для уезда. Это вторая ступень отбора. Уездные выборы (третья ступень) дадут губернских выборщиков. Наконец в губернии соберутся люди многожды и всесторонне отобранные и отсеянные в смысле морального и политического качества, и они произведут уже в обыкновенном порядке, без вмешательства администрации, свободно и тайно, выборы положенного числа членов Государственной думы.

Подобная же процедура выделения лучших будет проведена и в *городах*, но не в четыре ступени, а в три: выборы по *участкам*, выборы по городским *округам* и выборы *общегородские*.

Такая система выборов вводит в правосознание участников некий новый внутренний мотив: мотив *соперничества из-за качества*. Каждая сторона получает поощрение выдвинуть *бесспорного* кандидата; такого, которого нельзя отвести, не оскандалившись; такого, качества которого говорят сами за себя; и притом выдвинуть его надо из *данной* среды, не «орателя», забежавшего со сто-

роны, не неведомого политического пролазу, а местного, оседлого, известного, заявившего о себе в жизни – и словом, и делом. Да и стоит ли предлагать заведомого проходимца, если ему предстоит заведомое отвержение со стороны другого «партнера»? Нелестно ли самолюбию и честолюбию – предложить таких кандидатов, достоинство которых будет признано единогласно? Правосознание и чувство собственного достоинства каждой из сторон получает особое побуждение и поощрение выдвинуть *действительно лучших людей*, против которых другая сторона решительно ничего возразить не могла бы: *возникает волевое состязание о достоинстве, поиск объективно-лучших людей, борьба за безукоризненных кандидатов*. Политический «семафор» передвигает «стрелку» с количества на качество, ибо каждая сторона знает, что «негодное» будет отведено. Важным оказывается не партийность кандидата, а его *годность, полезность, справедливость, честность, ум, опыт...*

В одном случае такое сотрудничество правительства и народа получит значение взаимного совета и подсказа («вот кого надо!»); в другом – смысл исправления («нет, это ошибка!»); в третьем – смысл прямого отвержения («куда нам эдаких?!»); в четвертом – прямой солидаризации («вот и мы таких ищем!»); во всех случаях – смысл взаимной проверки и взаимного содействия в держании единого и общего государственного хребта. Надо предвидеть, что такой порядок может иметь успех только при двух основных условиях: во-первых, при наличии в стране *национально-мыслящей и непартийной диктатуры*, не впадающей ни в правый, ни в левый тоталитаризм, но дорожающей свободным отбором лучших людей в стране; во-вторых, при *государственном отрезвлении народа*. Тоталитаризм погубит корпоративное начало государственности и – или подавит, или исказит, народное мнение; государственно не отрезвившийся народ будет бессмысленно ломиться в распадение и анархию и пойдет за теми демагогами, которые погубили Россию в 1917 году. Тогда наша система выборов может дать самые отвратительные и гибельные последствия: тоталитарная диктатура будет назначать и утверждать одних крайних правых, а народ будет выбирать и подтверждать одних крайних левых. Качество будет забыто. Крайние партии восторжествуют и выборы превратятся в гнусное зрелище партийных драк и всеобщего развала.

То, что необходимо России после революции – это государственно-трезвая и мудрая диктатура и государственно отрезвевший народ, нашедший свою старую историческую установку: «дело государственное вести честно и грозно»; оставить «криводушие» и «малодушие», «воровской обычай» и «смуту» и понять, что тот, кто «Русь несет розно», – губит сам себя.

Есть такой уровень правосознания, при котором не поможет никакая система выборов: деморализованная чернь вообще неспособна к выборам (т.е. к выделению лучших), она неизбежно выделит худших, и притом за частный прибыток (тот или иной вид коррупции). И подобно этому: если диктатура окажется в руках авантюристов-демагогов, то они «отберут» себе свиту и партию столь же низменную по уровню правосознания, сколь низки они сами. *Нет и не может быть* такой системы выборов, которая спасла бы государство от негодяев, если негодяйский политический уровень преобладает в стране.

Зато возможны и реальны такие избирательные системы, которые дали бы ход и успех *худшим* элементам страны, несмотря на то, что общий уровень правосознания гораздо выше этой политической черни. Демагогия и коррупция могут погубить страну при помощи демагогической и коррумптной системы выборов. И главная послереволюционная опасность России состоит в том, что ей извне (или, Боже избави, изнутри!) будет навязана именно такая гибельная система, при которой худшим элементам развязаны руки, а лучшие люди лишены возможности сказать свое свободное слово и не могут быть выдвинуты вперед и наверх.

Дело здесь совсем не в том, чтобы выделить «грамотных»: грамота сама по себе ничего не обеспечивает. Среди русских простых людей, особенно среди крестьян, всегда бывало немало государственно-здоровых и даже мудрых людей, не умеющих ни читать, ни писать: а «грамотей» нередко сразу выходят в плуты и прохвосты. Здесь дело в выделении государственно-настроенных, а не партийных и не продажных людей. Чернь совсем не есть «чернь» труда и мозолистых рук или чернь малого образования, *но чернь воли, сердца и порока.*

Невозможно и гибельно переносить к нам из Западной Европы идею противогосударственного «спорта в политике», идею частно-заинтересованной толкотни вокруг государственного дела, идею классовой борьбы, всегда чреватой гражданской войною. Невозможно превращать Россию в смертную драку бесчисленных пауков в огромной банке, как этого хотят господа закулисные расчленители! Гибельно предоставлять партиям право на заговоры и на подготовку переворотов; или распродавать с молотка русскую государственную власть ценою обманных обещаний («кто больше?!») – как было на выборах в Учредительное собрание 1917 г.). Все это было бы делом политической слепоты и государственного предательства... Нет, России нужно совсем иное: *организованная ставка на качество.* Политическая чернь, политическая слепота и противогосударственная партийность погубят нашу Родину. Нам нужно подлинное выделение государственно-здоровых элементов страны, к какому бы племени, к какой бы народности они ни принадлежали.

*Статьи публикуются по изданию:
Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти томах.
Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 98–105, 155–159,
168–178, 255–259, 374–383.
Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 7–28.*

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ТЕКСТОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ХРЕСТОМАТИИ

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – публицист, историк, общественный деятель, предприниматель. Родился в с. Надеждине (Куроедове) Белебеевского уезда Оренбургской губернии, сын писателя С.Т. Аксакова. В 1842 г. окончил Петербургское училище правоведения и поступил на службу во Второе отделение шестого департамента Правительствующего сената в Москве. Выполнял служебные поручения в Астрахани, Калуге, Бессарабии и других городах. В марте 1849 г. был арестован, давал показания о своих политических взглядах. Вскоре освобожден. В 1852 г. ушел в отставку, занимался общественной, литературной и издательской деятельностью. Один из идеологов славянофильства. Редактор и издатель газет «Молва», «День» (1861–1865 гг.), «Москва» и «Москвич» (1867–1868 гг.), «Русь» (1880–1886 гг.), редактор журнала «Русская беседа» (1859 г.). Один из основателей и с 1875 г. председатель Московского славянского комитета. Накануне и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. организатор кампании за освобождение славян от турецкого ига. Один из создателей Московского купеческого общества взаимного кредита (1869 г.); с 1874 г. председатель Совета правления. Умер в Москве.

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – публицист, литератор, филолог, историк. Один из основоположников славянофильства. Старший сын писателя С.Т. Аксакова. Родился в селе Аксакове Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, в котором провел первые десять лет своей жизни. В 1832 г. в возрасте пятнадцати лет поступил на словесный факультет Московского университета. В конце 30-х гг. вошел в кружок славянофилов – Хомякова, Киреевских, Самарина. В 1841 г. защитил магистерскую диссертацию о Ломоносове. Эта диссертация и другие сочинения Константина Аксакова подвергались цензурным преследованиям. Второй «Московский сборник» со статьей Константина Аксакова о «Богатырях князя Владимира» был уничтожен, а ее автору, как и другим участникам «Сборника» – Хомякову, Киреевским, кн. Черкасскому, – повелено было печатать не иначе, как пройдя Главное управление цензуры в Петербурге. Снята была со сцены и драма Аксакова «Освобожденная Москва». В 1857 г. редактор газеты «Молва». Литературная деятельность Константина Аксакова обширна и разнообразна – его историко-филологические исследования и критические статьи издавались отдельными книгами и печатались во многих газетах, журналах и сборниках. Кроме того, он писал драмы и стихотворения, как оригинальные, так и переводные (драмы «Освобожденная Москва», «Князь Луповицкий», «Олег под Константинополем»). Умер от легочной чахотки на острове Занте в Греции.

Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – философ, историк и теоретик права. Родился в Москве в семье юриста. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. В 1902 г. был отчислен за участие в студенческих беспорядках, приговорен к шестимесячному тюрем-

ному заключению, которое отбывал в Митаве. Впоследствии обучался в Политехникуме в Дрездене. В 1903 г. продолжил учебу в Московском университете. В 1906 г. окончил курс юридического факультета Московского университета. С 1908 г. приват-доцент Московского университета. В 1911 г. защитил в Московском университете диссертацию «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов» на соискание ученой степени магистра государственного права. В 1916 г. уполномоченный от Всероссийского земского союза на турецком фронте. С 1917 г. экстраординарный профессор права Московского университета. В 1918–1920 гг. в добровольческой армии. С 1922 г. профессор русского юридического факультета (института) в Праге. С 1924 г. профессор Русского научного института в Берлине. Работы Н.Н. Алексева внесли существенный вклад в развитие государственно-правовой составляющей евразийства. С 1931 г. преподавал в Берлине; с 1933 г. профессор юридических курсов в Сорбонне. В 1940–1942 гг. профессор Белградского университета. В 1946 г. принял советское гражданство. С 1950 г. жил в Швейцарии. Умер в Женеве. Плавные сочинения: «Основы философии права» (1924 г.), «Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства» (1928 г.), «Религия, право и нравственность» (1930 г.), «Теория государства. Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал» (1931 г.), «Идея государства. Очерки истории политической мысли» (1955 г.).

Базили Константин Михайлович (1809–1881) – дипломат, писатель. По происхождению албанский грек; родился в Константинополе в семье известного греческого патриота, который в начале 1821 г. был приговорен турками к смертной казни, но благодаря содействию русского посланника при турецком дворе барона Строганова спасся за несколько часов до исполнения приговора и выехал сначала в Триест, а оттуда в Одессу. Его семья, состоявшая из жены и пятерых детей, оставалось некоторое время в Константинополе, откуда ей удалось бежать только благодаря счастливому совпадению обстоятельств. В 1822 г. Базили был принят в Гимназию высших наук Безбородко, в 1827 г. перешел в Ришельевскую лицей. В 1830 г. отправился в Турцию и Грецию, где поступил на службу секретарем по дипломатической части при адмирале Рикорде, начальнике русской эскадры в греческих водах. В 1833 г. переехал в Петербург и поступил на службу в министерство иностранных дел, в 1837 г. был командирован на Кавказ секретарем комиссии для составления положения об управлении Закавказским краем. В 1838 г. вернулся в Петербург и через год назначен консулом в Сирию и Палестину, в 1844–1853 гг. генеральный консул. С началом русско-турецкой войны в 1853 г. возвратился в Петербург, служил в Азиатском департаменте министерства иностранных дел. Состоял при русском посланнике на конференции в Вене 1855 г. и на Парижском конгрессе 1856 г. при представителе России, кн. А.О. Орлове. По возвращении в Петербург был назначен русским комиссаром в международную комиссию, организованную в Константинополе для составления новых положений политического и гражданского устройства Молдавии и Валахии. С 1860 г. жил в Одессе; в течение трех лет состоял председателем съезда мировых судей Одесского уезда.

Белинский Виссарион Григорьевич (1810–1848) – литературный критик, журналист. Родился в Свеаборге в семье лекаря, служившего на Балтийском флоте. Учился в Чембарском уездном училище, Пензенской губернской гимназии, но не окончил курса. В августе 1829 г. был зачислен студентом по словесному факультету Московского университета. В 1832 г. исключен из университета. В сентябре 1834 г. выступил с первой своей серьезной критической статьей, с которой началась его настоящая литературная деятельность. С 1838 г. фактический редактор «Московского наблюдателя». В 1839 г. переезжает в Петербург, где заведует отделом критики «Отечественных записок». В 1840–1846 гг. помимо ежегодных обзоров текущей литературы, в которых наиболее полно и последовательно выражал свои взгляды, многочисленных статей о театре, библиографических и политических заметок поместил в этом журнале ряд статей, о Державине, Лермонтове, Майкове, Полежаеве, Марлинском, о русской народной поэзии и ряд больших статей о Пушкине (1844 г.), составивших целый том и представляющих, в сущности, полную историю русской литературы от Ломоносова до смерти Пушкина. Осенью 1845 г. перенес сильную болезнь. В 1846 г. прекратил сотрудничество с «Отечественными записками» и стал постоянным сотрудником нового журнала «Современник», издававшегося Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – религиозный философ, публицист. Родился в Киеве в дворянской семье. В 1894 г. поступил на естественный факультет университета Святого Владимира в Киеве, через год перешел на юридический факультет. Будучи студентом входит в киевский социал-демократический комитет, читает лекции по марксизму. В 1898 г. за участие в студенческих беспорядках был арестован, исключен из университета и в 1900 г. выслан в Вологду (позднее в Житомир) на три года. После отбытия ссылки жил в Киеве, Петербурге, затем в Москве. В этот период происходит эволюция взглядов Бердяева – от марксизма к идеализму. В 1905 г. вместе с С.Н. Булгаковым издавал журнал «Вопросы жизни», в Москве входил в состав религиозно-философского общества. В 1918–1919 гг. создал в Москве Вольную академию духовной культуры. В 1920 г. был избран профессором Московского университета. В 1922 г. в составе большой группы интеллигенции выслан из России. В 1923 г. опубликовал ряд книг, написанных в предыдущие годы: «Смысл истории», «Миросозерцание Достоевского», «Философия неравенства». В 1924 г. в Берлине вышла его первая книга, созданная за границей – «Новое средневековье», переведенная на четырнадцать языков еще при жизни философа и принесящая ему европейскую и мировую известность. В 1924 г. Бердяев переехал из Берлина в Париж, где с 1925 по 1940 г. издавал религиозно-философский журнал «Путь», возглавлял работу Религиозно-философской академии, созданной первоначально в Берлине. В доме Бердяева в Клараме (пригород Парижа) проходили собеседования с участием известных французских философов и писателей. В 1947 г. Бердяев был удостоен почетной степени доктора теологии Кембриджского университета. Умер в Клараме, работая над новой книгой «Царство Духа и Царство Кесаря». Главные сочинения: «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии»

(1901 г.), «Философия свободы» (1911 г.), «Смысл творчества» (1916), «Судьба России» (1918 г.), «Смысл истории» (1923 г.), «Миросозерцание Достоевского» (1923 г.), «Новое средневековье» (1924 г.), «Константин Леонтьев» (1926 г.), «Философия свободного духа» (ч. 1–2, 1927–1928 гг.), «О назначении человека» (1931 г.), «Я и мир объектов» (1934 г.), «О рабстве и свободе человека» (1939 г.), «Русская идея» (1946 г.).

Водовозов Василий Васильевич (1864–1933) – экономист, публицист. Учился на историко-филологическом и юридическом факультетах Петербургского университета. Участвовал в освободительном движении петербургского студенчества (1883–1887 гг.). В 1887 г. выслан на пять лет в Архангельскую губернию. Впоследствии неоднократно подвергался преследованиям за либеральные политические взгляды. С 1886 г. сотрудничал в демократических периодических изданиях. С 1904 г. член редакции петербургской газеты «Наша жизнь». В 1905–1911 гг. опубликовал ряд статей по вопросам избирательного права. В 1926 г. эмигрировал в Прагу, где покончил с собой.

Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк, публицист, общественный деятель. Российский подданный с 1862 г. Окончил словесный факультет Московского университета. В 1862 г. защитил диссертацию на степень магистра всеобщей истории «Борьба за польский престол в 1733 г.». С 1865 г. читал лекции в Московском университете. В 1868 г. защитил докторскую диссертацию «Лейбниц и его век». В 1872 г. основал в Москве Высшие женские курсы («Курсы Герье»). Гласный Московской городской думы и Московского губернского земского собрания. С 1907 по 1917 г. член Государственного совета. Член ЦК Союза 17 октября. Умер в Москве. Главные сочинения: «Очерк развития исторической науки» (1866 г.), «Идея народовластия и Французская революция 1789 года» (1904 г.), «Французская революция 1789–1795 гг. в освещении И. Тэна» (1911 г.).

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – русский писатель.

Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – правовед, публицист, историк. Родился в семье помещика Валуйского уезда Воронежской губернии. В 1862 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1866 г. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры». В 1867 г. был избран доцентом кафедры государственного права Петербургского университета. В 1868 г. защитил докторскую диссертацию «История местного управления в России». С 1869 г. ординарный профессор Петербургского университета. С 1869 по 1884 г. сотрудничал в либеральной петербургской газете «Голос». Умер в Петербурге. Главные сочинения: «История местного управления в России» (1868 г.), сборники «Политика, история и администрация» (1871 г.), «Национальный вопрос в истории и литературе» (1873 г.), «Начала русского государственного права» (ч. 1–3, 1875–1883 гг.), «Государственное право важнейших европейских держав» (1885–1886 гг.).

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – философ, публицист, естествоиспытатель. Родился в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии в семье генерала. Воспитывался в Александровском (Царскосельском) лицее. Учился на факультете естественных наук Петербургского университета. Получил степень кандидата, защитил в Петербургском университете степень магистра ботаники. Посещал пятничные собрания у М.В. Буташевич-Петрашевского, на которых обсуждались вопросы текущей политики, труды французских социалистов. Летом 1849 г. был арестован в числе других «петрашевцев». Провел 100 дней в Петропавловской крепости. В ходе следствия доказал свою политическую невиновность, был освобожден от суда, но выслан из Петербурга для службы в канцелярии Вологодского (позднее Самарского) губернатора. В 1853 г. был командирован в экспедицию К.Э. Бэра для исследования рыболовства по Волге и Каспийскому морю. В 1857 г. осуществлял научные исследования рыболовства на Белом море и в Арктике. Разработал российское законодательство о рыболовстве в водах Европейской России. С 1879 г. директор Никитского ботанического сада. Известность приобрел после публикации в 1869 г. книги «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», в которой выдвинул теорию особых «культурно-исторических типов» (цивилизаций), развивающихся подобно биологическим организмам. Умер в Крыму. Главные сочинения: «Россия и Европа» (1871 г.), «Дарвинизм. Критическое исследование» (т. 1–2, 1885–1889 гг.).

Долгоруков Петр Владимирович (1816–1868) – историк, публицист. Князь. Учился в Пажеском корпусе. Служил в министерстве народного просвещения. В 1839 г. приступил к работе над генеалогическим исследованием. В 1840–1841 гг. опубликовал «Российский родословник», в 1842 г. – «Сведения о роде князей Долгоруких». В 1854–1857 гг. издал «Родословную книгу» в четырех частях. В 1859 г. эмигрировал. Находясь за границей, вел энергичную издательскую и публицистическую деятельность, направленную на дискредитацию российских властей и представителей титулованного дворянства. Изложил свои взгляды в книге «Правда о России» (1860 г.). В 1861 г. был заочно приговорен к лишению титула, всех прав состояния и к «вечному изгнанию из пределов отечества». Издавал газету «Будущность» (1861 г.), журналы «Правдивый», «Приговор», «Листок» и др. (1862–1864 гг.). Умер в Берне.

Ильин Иван Александрович (1882–1954) – религиозный философ, правовед, публицист. Родился в Москве в семье присяжного поверенного. В 1906 г. закончил юридический факультет Московского университета. С 1909 г. приват-доцент по кафедре энциклопедии права и истории философии права Московского университета. Также читал основной курс истории философии права на Высших женских юридических курсах. Вел семинар по общей методологии юридических наук на Высших женских юридических курсах, на юридическом факультете Московского университета. В 1918 г. защитил магистерскую диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и был удостоен степеней

магистра и доктора государственных наук. В 1918 г. трижды арестовывался ВЧК, обвинялся в принадлежности к добровольческой армии. В 1922 г. был выслан из СССР. С 1923 по 1934 г. читал лекции в Русском научном институте в Берлине, вел курсы по истории этических учений, системе этики, логике, философии религии. Выступал с лекциями в Латвии, Швейцарии, Бельгии, Австрии, Чехословакии. В 1927–1930 гг. издавал в Берлине журнал «Русский колокол», (подзаголовок – «Журнал волевой идеи»). Вскоре после прихода в Германии к власти нацистов был вынужден оставить Русский научный институт; в 1938 г. ввиду угрозы ареста переехал в Швейцарию, где читал лекции на русском и немецком языках. Умер в Цолликоне (пригород Цюриха). Главные сочинения: «Понятие права и силы» (1910 г.), «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (т. 1–2, 1918 г.), «Проблема современного правосознания» (1923 г.), «Религиозный смысл философии» (1925 г.), «О сопротивлении злу силою» (1925 г.), «Путь духовного обновления» (1935 г.), «Аксиомы религиозного опыта» (т. 1–2, 1953 г.), «О сущности правосознания» (1956 г.), «Путь к очевидности» (1957 г.), «Поющее сердце» (1958 г.), «О тьме и просветлении» (1959 г.).

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) – историк, правовед, публицист, психолог, этнограф, общественный деятель. В 1839 г. окончил юридический факультет Московского университета с золотой медалью. В 40-е гг. XIX в. участник кружка Т.Н. Грановского, разделял идеи западничества. В 1844 г. получил степень магистра государственного права, защитив диссертацию «Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях», был назначен исполняющим должность адъюнкта по кафедре истории русского законодательства в Московском университете. В 1848 г. был вынужден покинуть университет. Служил редактором городского отделения хозяйственного департамента министерства внутренних дел. С 1850 г. начальник учебного отделения в Штабе военно-учебных заведений, с 1853 г. начальник отделения в канцелярии Кабинета министров. В 1857–1861 гг. занимал кафедру гражданского права Петербургского университета. Затем служил в министерстве финансов. В 1878 г. получил кафедру гражданского права в Военно-юридической академии. С 1883 г. г. президент Вольно-экономического общества. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Один из идеологов либерализма в России. Наряду с Б.Н. Чичериным является основателем государственной школы в русской историографии. Умер в Петербурге. Главные сочинения: «Взгляд на юридический быт Древней России» (1847 г.), «Краткий взгляд на русскую историю», «Задачи психологии» (1872 г.), «Задачи этики» (1885 г.).

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — историк, писатель. Родился в Симбирской губернии в семье помещика. В 1780 г. был отдан в московский пансион профессора Шадена, также посещал Московский университет. В 1789–1790 гг. посетил Германию, Швейцарию, Францию и Англию. Вернувшись в Москву, стал издавать «Московский журнал», где были опубликованы «Письма русского путешественника». В 1802–1803 гг. издавал журнал «Вестник Европы».

В 1803 г. получил титул историографа и жалование для создания полной истории России. С 1804 г., прекратив издание «Вестника Европы», Карамзин занялся исключительно работой над историей. В 1816 г. он издал первые восемь томов «Истории Государства Российского», в 1821 г. — IX том, в 1824 г. — X и XI. XII том остался незавершенным и был издан по бумагам, оставшимся после покойного. В течение всех этих 22-х лет составление истории было исключительным занятием Карамзина.

Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, социолог, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1910 г.), почетный член АН СССР (1929 г.). Родился в Москве в семье отставного майора. Первые научные работы по истории и филологии опубликовал будучи учеником 1-й Московской губернской гимназии. В 1873 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1879 г. защитил магистерскую диссертацию «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.». В 1879–1885 гг. экстраординарный профессор на кафедре всеобщей истории Варшавского университета. В 1884 г. защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Основные вопросы философии истории (Критика историко-философских идей и опыт научной теории исторического процесса)». В 1885–1899 гг. преподавал историю в Петербургском университете (ординарный профессор с 1890 г.). Был уволен из университета за поддержку студенческих выступлений. В 1902–1917 гг. профессор Петербургского политехнического института. В 1906–1918 и в 1920–1923 гг. профессор Петербургского (Петроградского) университета. Работы Кареева по крестьянскому вопросу получили высокую оценку К. Маркса. В 1889–1917 гг. глава Исторического общества при Петербургском университете. В 1905–1906 гг. член Конституционно-демократической партии, председатель ее Петербургского комитета. Член I Государственной думы. Умер в Ленинграде. Главные сочинения: «Введение в изучение социологии» (1897 г.), «Основные вопросы философии истории» (т. 1–2, 1883 г.), «История Западной Европы в новое время» (т. 1–7, 1892–1917 гг.), «Теория исторического знания» (1913 г.), «Историология – теория исторического процесса» (1915 г.), «Общие основы социологии» (1919 г.).

Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – религиозный философ, историк. Родился в Петербурге, в семье актера Мариинского театра, брат балерины Т. Карсавиной. В 1906 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета с золотой медалью. В 1913 г. защитил магистерскую диссертацию-монографию «Очерки религиозной жизни Италии в XII–XIII веках». С 1909 г. преподавал на Высших женских курсах, профессор Петербургского историко-филологического института; с 1912 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1916 г. защитил докторскую диссертацию «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии». В 1918–1922 гг. участник петроградского «Братства Святой Софии», один из учредителей и профессоров Богословского института. В 1922 г. был арестован и выслан из России без права

возвращения. Жил в Берлине, Париже. В 1925–1929 гг. активно участвовал в евразийском движении. С 1928 по 1944 г. профессор на кафедре всеобщей истории Литовского университета в Каунасе (с 1930 г. Университет Витаутаса Великого), с его переводом в Вильнюс (1940 г.) в Вильнюсском университете. В 1944 г. был отстранен от преподавания в университете, уволен из Виленского художественного музея. В 1949 г. был уволен из Художественного института, арестован. Одним из поводов ареста стал демонстративный отказ философа от участия в «фарсе выборов». Был обвинен советскими властями в принадлежности к «контрреволюционной белоэмигрантской организации и антисоветской агитации». В 1950 г. был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер от туберкулеза в заключении в поселке Абезь Коми ССР. Главные сочинения: «Очерки религиозной жизни Италии в XII–XIII веках» (1912 г.), «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии» (1915 г.), «Философия истории» (1923 г.), «О началах» (1925 г.), «О личности» (1929 г.).

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, философ, издатель. Родился в Москве в семье чиновника. В 30-х гг. примыкал к кружку Н.В. Станкевича. В 1839 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата словесности. С 1839 г. один из ведущих журналистов «Отечественных записок». В 1845 г. защитил магистерскую диссертацию «Об элементарных формах славяно-русского языка», адъюнкт-профессор на кафедре философии в Московском университете. Читал лекции по логике и психологии, истории философии. Защитил докторскую диссертацию «Очерки древнейшего периода греческой философии». В 1851 г. занял должность редактора газеты «Московские ведомости», издаваемой Московским университетом (до 1855 г.). С 1856 г. издатель журнала «Русский вестник». В 50-е гг. умеренный либерал, с началом Польского восстания 1863–1864 гг. перешел на консервативные позиции, один из вдохновителей политики контрреформ. В 1850–1855, 1863–1887 гг. редактор-издатель газеты «Московские ведомости» – ведущего печатного органа консервативно-монархического лагеря. Умер в с. Знаменское Подольского уезда Московской губернии.

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – философ, публицист, литературный критик. Родился в Москве, принадлежал к одному из древних дворянских родов белевского уезда Тульской губернии. Получил домашнее образование. В 1824 г. сдал т.н. «комитетский экзамен» в Московском университете, поступил в Московский главный архив иностранной коллегии. В 1830 г. посетил Германию, слушал лекции в Берлине и Мюнхене. Издавал журналы «Европеец» (1832 г.), «Москвитянин» (1845 г.). С 1839 г. почетный смотритель Белевского уездного училища. Один из основоположников славянофильства. В работах «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852 г.), «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856 г.) и других считал, что отход от религиозных начал и утрата духовной цельности являются источником кризиса европейского просвещения и господства отвлеченного

мышления в немецкой идеалистической философии. Задачей самобытной русской философии считал переработку европейской образованности в духе учений восточной патристики. Умер в Петербурге.

Кистяковский Богдан (Федор) Александрович (1868–1920) – юрист, социолог, общественный деятель. Учился в Киевском, Харьковском, Юрьевском университетах, дальнейшее образование продолжил в Берлине, Страсбурге, Гейдельберге. С 1906 г. преподаватель государственного и административного права в Московском коммерческом институте. С 1909 г. приват-доцент Московского университета. С 1911 г. преподавал в Ярославском Демидовском лицее. С 1917 г. профессор Киевского университета. Редактор журналов «Критическое обозрение», «Юридический вестник», «Юридические записки». Автор работ по методологии социальных наук, общей теории права, государственному праву. Главные сочинения: «Общество и индивид. Методологическое исследование» (1889 г.), «Сущность государственной власти» (1913 г.), «Социальные науки и право» (1916 г.).

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист, социолог, этнограф, академик Петербургской Академии наук (1914 г.). Родился в Харькове в семье полковника, ветерана Отечественной войны 1812 г. В 1872 г. окончил юридический факультет Харьковского университета, дальнейшее образование продолжил в Берлине, Париже, Лондоне. В 1877 г. вернулся в Россию. В 1878 г. защитил магистерскую диссертацию «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». После защиты диссертации доцент по кафедре сравнительного правоведения в Московском университете; читал курс государственного права и ряд специальных курсов по истории права. В 1880 г., защитив докторскую диссертацию, стал ординарным профессором Московского университета. В 1887 г. был уволен из университета за «отрицательное» отношение к русскому государственному строю и выехал за границу, где вел активную научную и общественную деятельность. Один из основателей и директор русской Высшей школы общественных наук в Париже (1901 г.). В 1905 г. вернулся в Россию, принял активное участие в политической жизни страны, основал Партию демократических реформ, был избран в I Думу. В 1907 г. был избран в состав Государственного совета от академической курии; в 1909 г. переизбран. Издавал газету «Страна». С 1909 г. владелец и редактор журнала «Вестник Европы». Будучи профессором Петербургского университета (1906–1916 гг.), одновременно читал ряд курсов в других учебных заведениях. В 1910–1914 гг. президент Вольного экономического общества. В 1914 г. в начале войны, находясь в Карлсбадене, попал в плен к австрийцам, освобожден в начале 1915 г. Умер в Санкт-Петербурге. Оставил обширное научное наследие. Среди главных сочинений: «Общественный строй Англии в конце средних веков» (1880 г.), «Происхождение современной демократии» (т. 1–4, 1895–1897 гг.), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (т. 1–3, 1898–1903 гг.), «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (т. 1–3, 1906 г.).

Коркунов Николай Михайлович (1853–1904) – государствовед. В 1874 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1876 г. преподавал энциклопедию права в Петербургском университете и Александровском лицее. Читал лекции по государственному праву иностранных держав, истории и философии права, административному, международному, русскому государственному праву. Получил степень магистра за «Курс русского государственного права», степень доктора за диссертацию «Указ и закон». Ученик и преемник А.Д. Градовского в должности доцента по кафедре государственного права Петербургского университета. Видный представитель позитивизма в русской школе философии права, идеолог «правового самодержавия». Главные сочинения: «Лекции по общей теории права» (1886 г.), «Общественное значение права» (1892 г.), «Русское государственное право» (т. 1–2, 1892–1893 гг.), «Указ и закон» (1894 г.).

Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – историк, правовед, публицист, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1901 г. защитил магистерскую диссертацию «Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв.», а в 1904 г. степень доктора за сочинение «Ламенне и новейший католицизм». Приват-доцент по кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета. Участник либеральных организаций «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов». Участвовал в создании «Союза освобождения». С 1905 г. член ЦК Конституционно-демократической партии. В 1902–1905 гг. гласный Балашовского уездного и Саратовского губернского земства. Член I Государственной думы от Саратовской губернии. Сотрудничал в журналах «Полярная звезда» (1905–1906 гг.), «Русская мысль» (1907–1918 гг.). В 1907 г. защитил на юридическом факультете Московского университета магистерскую диссертацию «Конституционное право. Опыт политико-морфологического обзора», а в 1909 г. там же, докторскую диссертацию «Правовое государство и внешняя политика». Профессор государственного права в Московском университете. В годы первой мировой войны сотрудник органов Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза. В 1917 г. член созданной Временным правительством Комиссии по выработке законодательства об Учредительном собрании. В 1918 г. участвует в антибольшевистском движении. В феврале 1920 г. был арестован по делу «Тактического центра»; был приговорен к пяти годам условного тюремного заключения. После завершения следствия заявил о своем положительном отношении к советской власти. Работал юрист-консультком комиссариата юстиции, в Институте советского права, журнале «Советское право». Автор многочисленных работ по советскому финансовому праву, местному хозяйству, международным отношениям. 14 апреля 1939 г. был приговорен к расстрелу; посмертно реабилитирован. Главные сочинения: «Юридические предпосылки русских основных законов» (1912 г.), «Власть и право: Проблема правового государства» (1915 г.), «Война и демократия» (1917 г.).

Лазаревский Николай Иванович (1869–1921) – государствовед. Окончил курс Петербургского университета, приват-доцент, профессор Петербургского

университета, профессор государственного права на Высших женских курсах. В 1917 г. председатель Юридического совещания при Временном правительстве. В 1921 г. проректор Петроградского университета и профессор Института народного хозяйства и Института экономических исследований. В 1921 г. был расстрелян в Петрограде по «делу В.Н. Таганцева». Главные сочинения: «Лекции по русскому государственному праву».

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) – дипломат, религиозный мыслитель, писатель, публицист. Родился в селе Кудинове Мещовского уезда Калужской губернии в семье помещика. В 1849 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1854 г., не пройдя полного курса, подал прошение о поступлении на военно-медицинскую службу и получил степень лекаря. Принимал участие в Крымской кампании 1854–1856 гг. в составе Белевского егерского полка, затем служил врачом в Нижегородской губернии. В 1863–1873 гг. на российской дипломатической службе в Турции (секретарь консульства на о. Крит, управляющий консульством в Адрианополе, консул в Тульче (на Дунае), Янине (Эпир), в Салониках (Македония). В 1871 г. более года провел на Афоне. Выйдя в отставку, вернулся в калужское поместье. В 1880 г. помощник редактора газеты «Варшавский дневник». В 1880–1887 гг. цензор Московского цензурного комитета. В 1887 г. вышел в отставку, поселился в Оптиной Пустыни. В 1891 г. принял тайный постриг в монашество с именем Климента, в августе того же года переехал в Сергиев посад, где вскоре умер. Считал главной опасностью для России западный либерализм, доказывал необходимость сохранения принципов церковности, монархизма, сословной иерархии. Охранительное средство от революционных потрясений видел в союзе России со странами Востока. Главные сочинения: «Византизм и славянство» (1875 г.), «Из жизни христиан в Турции» (1876 г.), сборник статей «Восток, Россия и Славянство» (т. 1–2, 1885–1886 гг.).

Лосский Николай Онуприевич (1870–1965) – философ, психолог. Родился в дер. Креславка Витебской губернии в многодетной семье лесничего. Был исключен из Витебской классической гимназии за пропаганду социализма. В 1888–1889 гг. студент философского факультета университета в Берне. Служил во французских колониальных войсках в Алжире. В 1891 г. поступил на естественнонаучное отделение физико-математического факультета, затем обучался на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Учился в Швейцарии и Германии. В 1903 г. получил степень магистра философии, в 1907 г. степень доктора философии за диссертацию «Обоснование интуитивизма». Преподавал философию на Высших женских курсах. В 1916 г. профессор Петербургского университета. В 1922 г. был выслан из России. В 1922–1942 гг. профессор Русского университета в Праге. В 1942–1945 гг. профессор Братиславского университета. В 1945 г. переехал во Францию, в 1946 г. – в США, где преподавал в Стэнфордском университете. В 1947–1950 гг. профессор философии в русской Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке. Умер во Франции. Главные сочинения: «Обоснования интуитивизма» (1906 г.), «Мир как органическое

целое» (1917 г.), «Введение в философию» (ч. 1, 1911 г.), «Логика» (ч. 1–2, 1922 г.), «Свобода воли» (1927 г.), «Условия абсолютного добра. Основы этики» (1949 г.).

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1919) – политический деятель, публицист. Окончил курс в морском техническом училище. Литературную деятельность начал в 1879 г. В середине 1880-х гг. приобрел известность благодаря серии литературно-публицистических статей в газете «Неделя», в которых рассматривал вопросы нравственности. Затем сотрудник петербургской газеты «Новое время». Расстрелян в 1919 г. Сборники статей: «Думы о счастье» (1898), «О любви» (1899 г.), «Критические очерки» (1900 г.), «Народные заступники» (1900 г.) и др.

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, публицист, общественный деятель. Родился в дворянской семье. Окончил Московский и Геттингенский университеты. В 1876 г. защитил магистерскую диссертацию «О консерватизме римской юриспруденции», в 1877 г. докторскую диссертацию «Очерки общей теории гражданского права». В 1877–1884 гг. профессор Московского университета, с 1880 г. помощник ректора университета. В 1884 г. был вынужден оставить университет «за вредный образ мыслей». Служил присяжным поверенным. В 1879–1892 гг. редактор журнала «Юридический вестник». Избирался гласным Московской городской думы, Московского и Тульского губернских земских собраний. Участник земских съездов 1904–1905 гг. В 1905 г. один из создателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Член I Государственной думы, был единогласно избран ее председателем. Умер в Москве. Главные сочинения: «Гражданское право древнего Рима» (1883 г.), «Рецепция римского права на Западе» (1885 г.), «Определение и основное разделение права».

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – юрист, философ, общественный деятель. Родился в г. Бахмут (ныне г. Артемовск Луганской обл., Украина) в семье купца 2-й гильдии. В 1888 г. окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата. Был оставлен на кафедре истории для подготовки к профессорскому званию. С 1896 г. приват-доцент. В 1897 г. защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии». В 1902 г. в Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». С 1903 г. экстраординарный, с 1904 г. – ординарный профессор Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. Участвовал в либерально-демократическом движении начала XX в. С 1904 г. член Совета «Союза освобождения», с 1905 г. член Конституционно-демократической партии. Член I Государственной думы. В 1906 г. подал в отставку со службы в Московском университете, в 1907–1911 гг. читал в нем лекции в качестве приват-доцента. В 1906–1918 гг. директор Московского коммерческого института. В 1914–1917 гг. работал во Всероссийском Союзе городов, был московским уполномоченным Особого совещания по топливу. В 1917 г. избран в ЦК кадетской

партии. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в деятельности антибольшевистского подполья в Москве. В 1918–1920 гг. в добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции. В 1922 г. основал Русский юридический институт (факультет) в Пражском университете. Умер в Праге. Главные сочинения: «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1901 г.), «Значение философии» (1903 г.), «Кризис современного правосознания» (1909 г.), «Политические идеалы древнего и нового мира» (вып. 1–2, 1913–1914 гг.), «Об общественном идеале» (1917 г.).

Острогорский Моисей Яковлевич (1854–1919) – юрист, политолог, историк. Окончил юридический факультет Петербургского университета и Свободную школу политических наук в Париже, где написал диссертацию на тему «О происхождении всеобщего равенства» (1885 г.). Служил по законодательному отделению департамента министерства юстиции. Член I Государственной думы от Гродненской губернии. Главные сочинения: «Сравнительные хронологические таблицы всеобщей и русской истории» (1878 г.), «Хронология всеобщей и русской истории. Систематический курс» (1873 г.), «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека» (1916 г.).

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, ученый-правовед. Родился в Москве в семье профессора российской словесности Московского университета. В 1846 г. окончил Петербургское Училище правоведения. Вернувшись в Москву, служил в Сенате, читал лекции в Московском университете. В 1859 г. защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства». В 1861 г. был приглашен преподавать юридические науки наследнику престола Николаю Александровичу, а затем и другим членам императорской фамилии, в том числе, будущим императорам Александру III и Николаю II. С 1869 г. сенатор, с 1872 г. член Государственного совета. Принимал участие в разработке судебной реформы. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Священного синода. Один из инициаторов политики контрреформ конца XIX в. Отстаивал консервативные, государственно-охранительные взгляды применительно к особенностям развития России. Особую важность придавал православию, неразрывно связанному с идеей монархии. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др. Умер в Санкт-Петербурге.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – русский поэт, родоначальник новой русской литературы, создатель современного русского литературного языка.

Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – писатель, публицист. Родился в Ветлуге Костромской губернии, в бедной семье. С восьми лет остался сиротой, жил на иждивении старшего брата. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1882 по 1893 г. преподавал историю и географию в гимназиях Брянска, Ельца, Белого, затем переехал в Петербург, где с 1893 по 1899 г. служил в Центральном управлении Государственного контроля. В 90-е

гг. XIX в. печатался в журналах «Русский вестник», «Русское обозрение», газете «Новое время». Религиозная философия Розанова – своеобразный русский вариант «философии жизни», с культом земных радостей, пола, семьи и «бытового» человека, с критикой аскетических тенденций христианской морали. Умер в Сергиевом Посаде. Оставил обширное литературное и публицистическое наследство. Среди главных сочинений: «Религия и культура» (1899 г.), «В мире нерешенного и неясного» (1904 г.), «Темный лик» (1911 г.), «Люди лунного света» (1911 г.), трилогия «Уединенное» (1912 г.), «Опавшие листья» (1913–1915 гг.), «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918 гг.).

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — писатель, общественный деятель. Родился в богатой и родовитой дворянской семье. Окончил курс философского факультета Московского университета. Под влиянием Хомякова примкнул к славянофильскому направлению и стал одним из талантливейших его представителей. В 1844 г. защищал в Московском университете диссертацию о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче. В том же году поступил на службу, был секретарем 1-го департамента Сената, потом перешел в министерство внутренних дел и в 1847 г. отправился в Ригу делопроизводителем комиссии, которой поручено было обревизовать тамошнее городское правление. В конце 1849 г. назначен правителем канцелярии киевского генерал-губернатора. В 1853 г. вышел в отставку, подолгу жил в деревне, изучая быт и хозяйственное положение крестьян. В 1859 г. был приглашен к участию в трудах редакционных комиссий, где работал в административном и хозяйственном отделениях, представляя вместе с кн. В. А. Черкасским и некоторыми другими славянофильское воззрение на народный быт. Принимал деятельное участие в реформах, проведенных Н.А. Милютиным в Царстве Польском (1864 г.). Принимал активное участие в общественной жизни пореформенной России.

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – государственный деятель. Родился в семье священника. По окончании курса Главной семинарии при Александро-Невском монастыре в Петербурге был определен учителем математики, физики и красноречия, а затем и философии. Служил домашним секретарем князя А.Б. Куракина. По вступлении на престол императора Павла князь Куракин был сделан генерал-прокурором; в 1797 г. Сперанский поступил на службу в его канцелярию и продолжал служить там и при трех его преемниках. В начале правления Александра I получил звание статс-секретаря и в 1802 г. перешел на службу в министерство внутренних дел, где скоро обратил на себя внимание царя, который в следующем году поручил ему составить план устройства судебных и правительственных мест в империи. Личное знакомство Александра I со Сперанским состоялось в 1806 г. В 1808 г. он находился в свите государя во время его эрфуртского свидания с Наполеоном. Осенью того же года император Александр передал Сперанскому составленные ранее проекты государственных преобразований и предложил обобщить их и выработать предложения. Косени 1809 г. было создано «Введение к уложению государственных законов». Планы

Сперанского вызвали активное противодействие, среди их критиков выделялся Н.М. Карамзин, написавший в этой связи «Записку о древней и новой России». В 1812 г. Сперанский стал жертвой интриги, он был сослан в Нижний Новгород, а затем в Пермь. В 1816 г. частично реабилитирован, назначен пензенским губернатором, а в 1819 г. – сибирским генерал-губернатором. В 1821 г. возвратился в Петербург, назначен членом Государственного совета. После 1826 г. работал над составлением «Полного собрания законов» и «Свода законов», обнародованных в 1833 г.

Степун Федор Августович (1884–1965) – философ, историк, публицист, культуролог. Родился в семье помещика, выходца из Пруссии. Окончил Гейдельбергский университет со степенью кандидата. В 1910 г. вернулся в Россию. Принимал активное участие в издании журнала «Логос». Участвовал в Первой мировой войне, был ранен. В 1919–1920 гг. художественный руководитель Государственного художественного показательного театра в Москве. В 1922 г. был выслан из России. В 1926–1937 гг. заведовал кафедрой социологии в Дрезденском университете. Один из основателей и редактор журнала «Новый град». С 1946 г. преподавал историю русской философской мысли в Мюнхенском университете. Умер в Мюнхене. Главные сочинения: «Трагедия творчества» (1910 г.), «Трагедия мистического сознания» (1911 г.), «Жизнь и творчество» (1923 г.), «Основные проблемы театра» (1923 г.), «Бывшее и несбывшееся» (1956 г.).

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, философ, социолог, публицист. В 1895 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1890-х гг. теоретик «легального марксизма», вел полемику с народниками, автор Манифеста РСДРП (1898 г.). Сотрудник и редактор журналов «Новое слово» (1897 г.), «Начало» (1899 г.), «Жизнь» (1900 г.). С начала 1900-х гг. лидер российского либерализма, редактор журнала «Освобождение» (1902–1905 гг.), один из теоретиков и организаторов Союза освобождения (1904–1905 гг.). С 1905 по 1915 г. член ЦК партии кадетов. Член II Государственной думы. Участник сборника «Вехи» (1909 г.), инициатор сборника «Из глубины» (1918 г.). После Октябрьской революции 1917 г. вел борьбу с большевиками, один из идеологов белогвардейского движения. Член Особого совещания при А.И. Деникине, министр в правительстве П.Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции. Редактор журналов «Русская мысль» (Прага), «Возрождение» (Париж) и др. Преподавал в Пражском и Белградском университетах. Главные сочинения: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.), «На разные темы» (1902 г.), «Марксовская теория социального развития» (1905 г.), «Размышления о русской революции» (1921 г.), «Статьи о Л. Толстом» (1921 г.).

Тимашев Николай Степанович (1886–1970) – правовед, социолог, общественный деятель. В 1914 г. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Условное осуждение». С 1916 по 1920 г. читал лекции по уголовному праву и «общей теории права на социологической основе» на Экономическом факультете.

ческом отделении Петроградского политехнического института, приват-доцент Петроградского университета. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Германии, Чехословакии, Франции. Сотрудничал в газете «Руль», с 1923 г. профессор Пражского университета, института русской экономики в Праге. С 1928 г. профессор Славянского института при Сорбонне и Франко-Русского института, сотрудничал в парижской газете «Возрождение». С 1936 г. профессор Гарвардского университета, с 1940 г. профессор созданного им факультета социологии и Школы аспирантуры в Фордэмском университете (Нью-Йорк). Главные сочинения: «Введение в социологию права» (1939 г.), «Теория социологии. Ее природа и развитие» (1955 г.).

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) – политический деятель, публицист, религиозный философ. Родился в Геленджике, в дворянской семье. В 1872 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. Через год был арестован за революционную пропаганду среди рабочих, судим по «процессу 193-х». Более четырех лет провел в Петропавловской крепости. С 1879 г. член исполнительного комитета революционной организации «Земля и воля». В 1882 г. эмигрировал. В 1888 г. отрекся от революционных убеждений, обратился к Александру III с просьбой о помиловании. Вернувшись в Россию, стал одним из видных монархистов. Сотрудничал в консервативных периодических изданиях – газете «Московские ведомости» и журнале «Русское обозрение». В 1917 г. отошел от политической деятельности. Умер в Загорске (Сергиевом Посаде). Главные сочинения: «Монархическая государственность» (ч. 1–4, 1905).

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – религиозный философ, правовед. Князь. Окончил юридический факультет Московского университета, приват-доцент, профессор Ярославского демидовского лицея. Защитил магистерскую диссертацию «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Миросозерцание Блаженного Августина» (1892 г.) и докторскую – «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Идея Божеского царства у Григория VII и публицистов – его современников» (1897 г.). Доктор государственного права. Ординарный профессор Киевского и Московского университетов. С 1906 г. профессор энциклопедии и истории философии права в Московском университете. Последователь и друг философа В.С. Соловьева. В 1905–1906 гг. член ЦК Конституционно-демократической партии, в 1912–1914 гг. член ЦК прогрессистов. В 1907–1908, 1915–1917 гг. член Государственного совета. В 1917 г. товарищ председателя Всероссийского поместного церковного собора от мирян, член патриаршего совета. В 1918 г. член Совета государственного объединения России, находился в Добровольческой армии. Умер от сыпного тифа в Новороссийске. Главные труды: «Лекции по истории философии» (1907 г.), «Миросозерцание Вл. Соловьева» (1913 г.), «Лекции по энциклопедии права» (1915 г.), «Метафизические предпосылки познания» (1917 г.), «Смысл жизни» (1918 г.).

Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – лингвист, филолог, историк, философ, политолог, общественный деятель. Князь, родился в Москве, сын

С.Н. Трубецкого, первого выборного ректора Московского университета; племянник философа Е.Н. Трубецкого. В 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1912 г. окончил первый выпуск отделения сравнительного языковедения, был оставлен на университетской кафедре, командирован в Лейпциг, где изучал лингвистику и филологию. В 1918 г. уехал в Кисловодск; преподавал в Ростовском университете. С 1920 г. в эмиграции. С 1923 по 1938 г. возглавлял кафедру славяноведения Венского университета. Один из основоположников и теоретиков евразийства. В 1938 г. скоропостижно скончался в Вене от инфаркта миокарда. Главные труды: «Европа и человечество» (1920 г.).

Тургенев Николай Иванович (1789–1871) – декабрист, писатель. Родился в Москве, сын директора Московского университета И.П. Тургенева. Окончил Московский университетский пансион, продолжал обучение в Геттингенском университете. В 1811 г. поступил на государственную службу. В 1813–1816 гг. комиссар Центрального департамента союзных правительств. С 1816 г. помощник статс-секретаря Государственного совета, служил в министерстве финансов. Основоположник финансовой науки в России. Участник декабристского движения. Один из основоположников Союза благоденствия и Северного общества, сторонник ликвидации крепостного права. В начале 1824 г. уехал для лечения за границу. Во время восстания декабристов находился в Англии. Отказался предстать перед следственной комиссией, был заочно приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. В 1856 г. был амнистирован в числе других декабристов; в 1857 г. на короткое время посетил Россию. Главные труды: «Опыт теории налогов» (1816 г.), «Россия и русские» (т. 1–3, 1847 г.).

Уваров, Сергей Семенович (1786–1855) – министр народного просвещения, президент Академии наук. Граф. Службу начал в 1801 г. в коллегии иностранных дел, в 1806 г. был отправлен к русскому посольству в Вену, а в 1809 г. назначен секретарем посольства в Париже. Живя за границей познакомился со многими представителями литературы и науки, среди которых были братья Гумбольдты, Гете, Герман, Сталь и др. В 1810 г. оставил дипломатическую службу и в 1811 г. был назначен попечителем С.-Петербургского учебного округа и оставался в этой должности до 1822 г., когда стал директором департамента мануфактур и внутренней торговли. В 1818 г. назначен президентом Академии наук и оставался им до своей смерти. В 1832 г. назначен помощником министра народного просвещения, а в 1833 г. – министром. Как президент Академии наук содействовал расширению ее деятельности. При нем была основана Пулковская обсерватория, принят целый ряд научных экскурсий, преобразована старая академия, увеличено количество академиков, средства академии и т.д. Управление министерством народного просвещения графом Уваровым (1833–1849) занимает видное место в истории народного просвещения в России: при нем был основан университет в Киеве, возобновлен обычай посылать молодых ученых за границу, основан целый ряд учебных заведений, положено начало реальному образованию, видоизмене-

ны уставы гимназий и университетов. 9 октября 1849 г. оставил пост министра народного просвещения, не вполне разделяя репрессивные меры по отношению к народному просвещению, которые стали применяться в России под влиянием европейских событий 1848 г.

Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – философ, историк, публицист. Родился в Саратове в семье чиновника, управляющего канцелярией губернатора. В 1904 г. поступил в Петербургский технологический институт. За участие в социал-демократическом движении был исключен из института и выслан за границу. Учился в Берлинском и Йенском университетах. В 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1914–1918 гг. приват-доцент Петербургского университета, до 1920 г. работал в отделе искусства Публичной библиотеки. В 1920–1922 г. занимал кафедру истории средних веков Саратовского университета. В 1923–1925 гг. жил в Петрограде, сотрудничал в негосударственных издательствах. В 1925 г. эмигрировал. В 1926–1940 гг. профессор Православного богословского института в Париже. Основал журнал «Новый град», сотрудничал в других периодических изданиях. В 1941 г. эмигрировал в США. С 1943 по 1951 г. преподавал в Православной духовной семинарии в Нью-Йорке. Умер в гор. Бэкон, штат Нью-Джерси. Главные сочинения: «Святые древней Руси» (1931 г.), «Русское религиозное сознание» (т. 1–2, 1946–1966 гг.), «Лицо России» (1966 г.).

Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – ученый, религиозный философ, богослов. В сочинении «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи» (1914 г.) рассматривал учение о Софии (Премудрости Божией) как основе осмысленности и целостности мироздания. В работах 20-х годов стремился к построению «конкретной метафизики» (исследования в области лингвистики и семиотики, искусствознания, философии культа и иконы, математики и экспериментальной и теоретической физики и др.). с 1928 г. в ссылке и заключении. Расстрелян.

Франк Семен Людвигович (1877–1950) – религиозный философ. Родился в Москве. В гимназические годы увлекался марксизмом и вступил в марксистский кружок. Поступил на юридический факультет Московского университета. В 1899 г. был арестован и лишен права проживать в университетских городах; вскоре уехал в Германию, где завершил образование в Гейдельберге и Мюнхене. В 1900 г. опубликовал работу «Теория ценности Маркса», в которой критически рассмотрел составные элементы экономического учения марксизма. В 1905–1906 гг. совместно с П.Б. Струве редактировал журналы «Полярная Звезда», «Свобода культуры», участвовал в сборниках «Проблемы идеализма» (1902 г.), «Вехи» (1909 г.). С 1912 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1915 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1917 по 1921 г. заведовал кафедрой философии, декан историко-филологического факультета Саратовского университета. В 1921 г. заведовал кафедрой философии в Московском университете. В 1922 г. был выслан из России вместе с группой философов, писателей и общественных

деятелей. В Берлине входил в состав Религиозно-философской академии, организованной Н.А. Бердяевым, участвовал в издании журнала «Путь», в 1930–1937 гг. читал лекции в Берлинском университете. В 1937–1945 гг. жил во Франции, затем переехал в Лондон. Умер в Лондоне. Главные сочинения: сборник статей «Философия и жизнь» (1910 г.), «Предмет знания» (1915 г.), «Душа человека» (1917 г.), «Очерк методологии общественных наук» (1922 г.), «Крушение кумиров» (1924), «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1930 г.), «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» (1939 г.), «Свет во тьме. Опыт христианской этики и социологии» (1949 г.), «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» (1956 г.).

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, публицист. Родился в Москве, в дворянской семье. сдал экзамены на кандидата математических наук в Московском университете. С 1822 г. на военной службе. В 1825 г. вышел в отставку. В составе Белорусского гусарского полка принимал участие в военных действиях русско-турецкой войны 1829 г. Награжден орденом св. Анны с бантом. Вышел в отставку в чине штаб-ротмистра. Один из основоположников славянофильства. Считая самодержавие единственно приемлемой для России формой государственного устройства, выступал за созыв земского собора, связывая с ним надежду на разрешение противоречия между «властью» и «землей», возникшее в России в результате реформ Петра I. Выступал за отмену крепостного права, смертной казни, за введение свободы слова, печати и др. С 1842 г. сотрудничал в журнале «Москвитянин». Автор ряда публицистических произведений, работы «Записки о всемирной истории» (не завершена). С 1856 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук. Скоропостижно скончался в с. Ивановском Донковского уезда Рязанской губернии во время эпидемии холеры.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – философ. Внук известного деятеля екатерининских времен князя М.М. Щербатова. В 1808 г. поступил на словесное отделение Московского университета. В 1812 г. вступил в гвардию и принял участие в сражениях с наполеоновской армией. В 1816 г. корнет лейб-гвардии гусарского полка. В 1821 г. был принят в Северное общество декабристов. В 1821 г. подал в отставку, шесть лет жил за границей. Умер в Москве. Философско-исторические взгляды Чаадаева сложились под влиянием идей католического провиденциализма и социального христианства. В восьми «Философических письмах» (1829–1831 гг.) высказал мысли об отлученности России от всемирной истории, о духовном застое и национальном самодовольстве, препятствующих осознанию и исполнению ею предначертанной свыше исторической миссии.

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – историк, юрист, философ. Родился в Тамбове, в дворянской семье. В 1840–1850-х гг. член московского кружка западников. В 1849 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1853 г. представил в университет магистерскую диссертацию по государствен-

ному праву «Областные учреждения России в XVII веке». Диссертация не была принята факультетом по политическим соображениям. Так же безрезультатно завершилась попытка защитить диссертацию в Петербургском университете. Ученая степень магистра была присуждена Чичерину в 1857 г. В 1861–1868 гг. профессор по кафедре государственного права Московского университета. В 1866 г. защитил в качестве докторской диссертации книгу «О народном представительстве» (с 1865 г. доктор *honoris causa*). Основоположник государственной школы в российской историографии. Представитель либерального течения российской философско-юридической мысли. Странник конституционной монархии. В 1868 г. с группой профессоров вышел в отставку в знак протеста против нарушения университетского устава. В конце 1881 г. избран (утвержден 26 января 1882 г.) Московским городским головой. 11 августа 1883 г. Чичерин был «отставлен от должности». Умер в Москве. Главные сочинения: «Опыты по истории русского права» (1858 г.), «О народном представительстве» (1866 г.), «История политических учений» (ч. 1–5, 1869–1902 гг.), «Собственность и государство» (ч. 1–2, 1882–1883 гг.), «Основания логики и метафизики» (1894 г.), «Курс государственных наук» (ч. 1–3, 1894–1898 гг.), «Философия права» (1900 г.), «Вопросы философии» (1904 г.).

Шевырев Степан Петрович (1806–1864) – историк русской словесности, критик и поэт. Из дворян Саратовской губернии. В 1822 г. окончил первым Московский университетский пансион, хотел перейти в университет и держать здесь кандидатский экзамен, но по формальным условиям не мог сделать этого. В конце 1823 г. поступил на службу в Московский архив министерства иностранных дел. Главным предметом занятий Шевырева в первые годы по окончании курса были немецкая литература и философия Шеллинга. В 1829 г. принял предложение княгини Зинаиды Волконской заняться воспитанием ее сына и уехал в Италию, где жил до середины 1832 г. Вернувшись из-за границы занял место адъюнкта по кафедре истории русской словесности. Так как он не имел ученой степени, факультет, приняв во внимание его исследование об октаве, обязал его представить соответствующую диссертацию. В 1833 г. Шевырев написал с этой целью исследование «Данте и его век». Первые университетские курсы посвятил истории поэзии и теории поэзии. Выступал представителем теории официальной народности, писал для «Московского наблюдателя» и «Москвитянина». С 1837 г. – экстраординарный профессор; в 1847 г. занял кафедру по истории русской словесности и был назначен деканом. Прошел все академические степени. В 1857 г. на заседании совета Московского художественного общества затеял жестокую ссору с графом Бобринским, окончившеюся рукопашной. Протест последнего против некоторых русских порядков он принял за попытку опозорить и унижить Россию и счел нужным вступить за родину. По Высочайшему повелению Шевырев был уволен. Первоначально ему было предписано выехать в Ярославль, но ввиду болезни он остался в Москве для лечения. В 1860 г. выехал за границу. В 1861 г. прочел во Флоренции курс по истории русской литературы, в 1863 году читал лекции в Париже. Умер в Париже. Главное сочинение: «Чтения по истории русской словесности» (ч. 1–4, 1845–1860).

СОДЕРЖАНИЕ

Историографическое введение (Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев).....	3
Вступительная статья (Л.В. Поляков).....	12
Сперанский М.М.	
Введение к уложению государственных законов (план государственного преобразования).....	27
Карамзин Н.М.	
Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях.....	39
Чаадаев П.Я.	
Философические письма. Письмо первое.....	93
Пушкин А.С.	
Письмо П.Я. Чаадаеву.....	108
Уваров С.С.	
О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении министерством народного просвещения.....	110
От редакции Журнала министерства народного просвещения.....	114
Хомяков А.С.	
О старом и новом.....	116
Киреевский И.В.	
В ответ А.С. Хомякову.....	128
Шевырев С.П.	
Взгляд русского на образование Европы.....	137
Белинский В.Г.	
Письмо Н.В. Гоголю.....	146
Гоголь Н.В.	
Письма В.Г. Белинскому.....	154

Тургенев Н.И. Россия и русские.....	162
Самарин Ю.Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России.....	179
Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни.....	187
Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России.....	213
Опыт синонимов. Публика – народ.....	232
Долгоруков П.В. О перемене образа правления в России.....	234
Самарин Ю.Ф. По поводу толков о конституции.....	255
Аксаков И.С. Публицистика 1860-х гг. О взаимном отношении народа, государства и общества.....	259
Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующею у нас политической формою правления.....	267
Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами.....	270
Чичерин Б.Н. О народном представительстве.....	276
Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук.....	340
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство.....	352
Кавелин К.Д. Мысли о выборном начале.....	362
Градовский А.Д. Задача русской молодежи.....	376

Леонтьев К.Н. О либерализме вообще.....	385
Базили К.М. Беседа о конституции и о применении представительных начал в государственном управлении.....	392
Данилевский Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы».....	402
Катков М.Н. Публицистика 1880-х гг. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом.....	410
Конституция и представительство.....	411
Свобода и власть.....	413
Наша конституция.....	415
Независимость печати. (Наша конституция и наши политические обязанности).....	418
Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности.....	421
Панама и парламентаризм.....	442
Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени.....	450
Коркунов Н.М. Пропорциональные выборы.....	464
Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений.....	484
Водовозов В.В. Всеобщее избирательное право и применение его в России.....	507

Ковалевский М.М.	
Действительная природа Государственной думы.....	537
Котляревский С.А.	
Предпосылки демократии.....	553
Котляревский С.А.	
Проблема демократизации государства.....	568
Франк С.Л.	
Проект декларации прав.....	574
Трубецкой Е.Н.	
Всеобщее, прямое, тайное и равное.....	581
Герье В.И.	
О конституции и парламентаризме в России.....	585
Муромцев С.А.	
Значение происшедших выборов.....	599
Розанов В.В.	
Публицистика 1906–1907 гг.	
Общество и правительство.....	602
Чиновничество и политические партии.....	603
Национальное и юридическое значение указа о Думе.....	605
Русские втягиваются в политическую жизнь.....	606
Государь и Государственная дума.....	607
Русская государственность и общество.....	610
Границы парламентаризма и партий.....	612
Частный и общий интерес в Государственной думе.....	614
Струве П.Б.	
Интеллигенция и революция.....	618
Отрывки о государстве.....	631

Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства.....	638
Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание).....	647
Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности.....	655
Острогорский М.Я. Демократия и политические партии.....	675
Меньшиков М.О. Кого выбрать в парламент.....	688
Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи.....	699
Бердяев Н.А. Философия неравенства.....	706
Новгородцев П.И. Демократия на распутье.....	719
Тимашев Н.С. Мысли о демократическом будущем России.....	733
Степун Ф.А. Мысли о России.....	741
Лосский Н.О. Органическое строение общества и демократия.....	749
Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления.....	758
Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство.....	767
Франк С.Л. Духовные основы общества.....	780
Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем.....	809

Карсавин Л.П.

Государство и кризис демократии.....823

Федотов Г.П.

Публицистика 1930-х гг.

Наша демократия.....842

О демократии формальной и реальной.....852

Ильин И.А.

Основы государственного устройства.....856

Степун Ф.А.

О свободе.....870

Ильин И.А.

Наши задачи.....877

Краткие сведения об авторах текстов, помещенных в хрестоматию.....918

**Политические институты, избирательное право и процесс в трудах
российских мыслителей XIX–XX веков**

Авторы концепции проекта и составители:
И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко

Верстка
А.Л. Зеленцов

Подписано в печать Формат 70x100 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 59. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46